

ЮЛИЙ

ПИСЬМА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ. СТИХИ

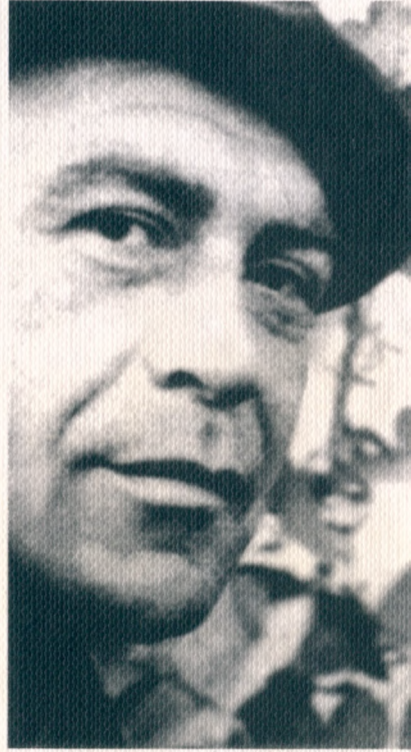
Даниэль

«Я все сбиваюсь на литературу...»

Юлий Даниэль

ПИСЬМА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ. СТИХИ

Общество «Мемориал»

Издательство «Звенья»

Москва, 2000

ОЗЕРНЫЙ 1968

Новосибирск, В-20
Ленинский проспект,
д. 85, кв. 3,
Жамзую А. Ю.

г. Владимир - обл.
Упр. 08-1 / СТ 2
Факт-16 Ю. М.

Юлий Даниэль

Юлий Даниэль

«я все сбиваюсь на литературу...»

п и с ь м а и з з а к л ю ч е н и я . с т и х и

Общество «Мемориал»
Издательство «Звенья»
Москва, 2000

**ББК 84(2)
Д 18**

Издательская программа Общества «Мемориал»

Редакционная коллегия:

А.Ю.Даниэль, Л.С.Еремина, Е.Б.Жемкова,
Т.И.Касаткина, М.М.Кораллов, Н.Г.Охотин,
Я.З.Рачинский, А.Б.Рогинский (председатель)

Составитель, автор вступительной статьи и комментария

А.Ю.Даниэль

Издание осуществлено при поддержке
Ассоциации «Дорога свободы»

ISBN 5-7870-0046-3

© Л.И.Богораз, А.Ю.Даниэль, письма, 2000
© И.П.Уварова, А.Ю.Даниэль, стихи, 2000
© Б.В.Трофимов, оформление, 2000
© НИПЦ «Мемориал», 2000

У судьбы моряцкой выпрошенный,
Открывается конверт из стекла:
Ждет моряк, на скалы выброшенный,
Два столетья, чтобы помощь подошла.

Николай Аржак. «Бутылка в море»

**«Вспоминайте меня—
я вам всем по строке подарю...»**

Публикация частной переписки всегда требует обоснований. Они вдвойне необходимы, если издание готовится сыном автора писем.

Основания очевидны, когда речь идет о знаменитом писателе, крупном общественном деятеле, выдающемся мыслителе.

Творчество Юлия Даниэля сегодня полузабыто, а имя его вспоминается чаще всего в связи с «делом Синявского и Даниэля» — самым громким политическим процессом 1960-х.

Спору нет, этот судебный процесс действительно был событием историческим: он стал прологом к бурному и полному драматизма противостоянию общества и власти, позднее названному «диссидентским движением». Сам Юлий Маркович, пожалуй, согласился бы с тем, что суд над ним и его другом был толчком ко многим фундаментальным изменениям в советском общественном сознании. Но он никогда не рассматривал эти изменения как личную заслугу и к диссидентам себя не причислял, хотя отчетливо осознавал, что общественный резонанс, вызванный судебным процессом, не в последнюю очередь был обусловлен стойкостью, проявленной им и Синявским на суде. (Кстати, в последние годы жизни к его размышлениям на эту тему определенно примешивался и оттенок горечи: он понимал неизбежность наступивших перемен, но страдал от мысли, что отсчет событий, сломавших множество судеб и погубивших множество талантов, начался от суда, связанного с его именем.)

Существует и еще один аргумент в пользу публикации — более общего свойства. Шестидесятые ушли в историю, и введение в научный оборот документов личного происхождения (дневников, писем etc.), относящихся к этой эпохе, — естественное занятие для историка. К письмам Юлия Даниэля из заключения этот аргумент относится в полной мере: мы имеем дело не просто с письмами, а с письмами, «обратный адрес» которых — Мордовские политические лагеря и Владимирская тюрьма. И хотя в последние годы опубликовано немало свидетельств о советских концлагерях и тюрьмах, наши знания

о ГУЛаге второй половины 1960-х все еще крайне скудны. Письма Ю.М.Даниэля отчасти восполняют эти лакуны.

Однако надлежит быть честным до конца: исторические соображения — лишь часть мотивов, которые позволяют составителю, Обществу «Мемориал» и издательству «Звенья» без колебаний предложить читателю эту книгу. Личность и некоторые специфические особенности литературного таланта автора сделали его письма уникальным документом, воспроизводящим дух эпохи в ее утраченной ныне целостности.

Об особенностях литературного таланта — несколько позже. Сначала — о личности автора писем.

Юлий Даниэль родился в Москве 15 ноября 1925 г.

Эта стандартная анкетная формула несет в себе больше содержания, чем кажется на первый взгляд.

Москва была для моего отца не только местом рождения и городом, где он прожил почти всю свою жизнь, исключая военные и лагерные годы. Москва стала его судьбой, его миром, его мифом. Он отождествлял этот город с собой, а себя — с ним. Ни одна строчка его прозы, его стихов, его писем не могла бы быть написана не-москвичом. Самое известное литературное произведение Юлия Даниэля называется «Говорит Москва»: он чувствовал за собой право так озаглавить свою повесть.

Его отец, известный еврейский прозаик и драматург М.М.Меирович, выбрал себе в качестве литературного псевдонима имя «Марк Даниэль». Псевдоним отца стал фамилией сына. Как и когда это произошло — не знаю; вряд ли это было осознанным выбором, скорее — решением родителей. Во всяком случае, школьные друзья Юлия Даниэля знают его уже под этой фамилией.

Марк Менделевич Меирович был, что называется, интеллигентом в первом поколении: молодой еврей, сын портного из литовского местечка в ранней юности (он родился в 1900 г.) активно участвовал в событиях Гражданской войны на стороне большевиков. После перехода Виленского края под власть Польши уехал в Советскую Россию. В отличие от многих еврейских юношей его поколения, он выбрал не политическую, а литературную карьеру. При этом не порвал со своим еврейством и писал на идиш¹. Его пьесы, ныне забытые, входили в постоянный репертуар советских еврейских театров, перево-

¹ Возможно, это было вынужденное решение: отец рассказывал, что Марк Менделевич, говоривший на великолепном литературном русском языке, невольно воспроизводил чудовищный местечковый акцент, как только пытался по-русски писать.

дились на русский и украинский языки; романы и повести — типичные произведения еврейской советской литературы, проникнутые духом революционного романтизма, — также печатались и переводились, насколько мне известно, без каких-либо проблем.

Особой известности Марк Даниэль не достиг, разве что песня, сочиненная им для одной из пьес, была переведена на русский язык и приобрела всесоюзную популярность под названием «Орленок». Впрочем, имя автора исходного текста моментально забылось и ни при публикациях этой песни, ни при ее исполнении не упоминалось. Но он, видимо, от этого нисколько не страдал. Вообще, судя по рассказам, он был не только талантливым, но и легким человеком. И удачливым: ему посчастливилось умереть от туберкулеза в 1940 г., избежав и Бабьего Яра (последние свои годы М.Даниэль жил в Киеве), и той мясорубки, в которой в 1952 г. погибли его друзья Бергельсон, Квитко, Маркиш, Фефер и другие еврейские литераторы.

Одна из его повестей называется «Юлис». Главный герой этой повести, Юлис Шимелевич, руководитель подпольной комсомольской организации в Вильно во время Гражданской войны, был другом юности Марка Даниэля. В честь его и был назван мой отец, который всю жизнь гордился необычным, слегка «французским» звучанием своих имени и фамилии, по-моему, слегка кокетничал ими. Псевдоним «Николай Аржак», выбранный им для подпольного литературства и замаскированный из популярной блатной песенки (конечно же, в подражание другу, Андрею Синявскому, ставшему Абрамом Терцем), не стал его «вторым я», не превратился в элемент жизненной игры, как «Терц» для Синявского. Это была всего лишь производственная необходимость, не более. Равным образом не стал частью его биографии и литературный псевдоним («Ю.Петров»), навязанный ему госбезопасностью в 1970–1980-е в качестве условия публикации переводческих работ. Несмотря на то, что на протяжении всей жизни судьба подбрасывала ему странные игры вокруг псевдонимов, он был и оставался Юлием Даниэлем.

И, наконец, год рождения. Все мы знаем, как обошелся XX век с поколением, которому выпало родиться в 1925 г. в нашей стране. Даниэлю в целом повезло: тридцать седьмой не превратил его в сироту, война, выкосившая большинство ровесников, оставила его в живых, послевоенные сталинские репрессии обошли стороной. Это — удачи; все остальное — судьба.

Обычное детство интеллигентного московского мальчика. Кажется, правда, странным, что, по рассказам школьных друзей, да и по его собственным, в этом мальчике начисто отсутствует пионерский энтузиазм, столь характерный для его сверстников в те годы. Впрочем, отсутствие интереса к общественной активности связано, скорее всего, со свойственным Юлию Даниэлю легкомыслием, а не с какими-либо идеологическими антипатиями. Зато у него рано возникает интерес к литературе: он очень много читает, посещает литературные кружки и студии, старается подружиться с творческой молодежью старше себя по возрасту (например, с Всеволодом Багрицким) и даже пытается переводить Гейне.

Затем — война. Нищий быт московской семьи, эвакуированной в саратовскую деревню (строка «Бывало, я крал зерно» из стихотворения «Недоуменный блюз» относится именно к этому периоду жизни). В начале 1943-го его призвали в армию и было послано учиться на командира, но вскоре отчислили и отправили на фронт. «Я думаю, что за всю свою службу я все-таки совершил поступки, достойные похвалы: заставил выгнать себя из Саратовского училища и отказался учиться в Могилевском. У меня хватило ума и совести понять, что я не имею права командовать взводом, что это было бы подлостью — распоряжаться жизнью и смертью 40 человек, не умея читать карту, собрать пулемет, решить примитивную тактическую задачу... Там, на фронте, моим бойцам мало помогло бы, что я мог пробежать километр в противогазе или четко выполнить команду «Ряды вздвой!» Я стал солдатом и, как сотни тысяч других, старался опровергать дешевый афоризм кадровых вояк «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом»», — пишет он в неоконченной книге «Свободная охота»².

О фронте отец почти никогда не рассказывал, а когда приходилось касаться этой темы, говорил мало и неохотно. Из этих редких воспоминаний, а больше — из военных реминисценций в его прозе можно понять, что был он на войне сначала связистом, потом автоматчиком, воевал на Украине, в Бессарабии и Румынии, в Литве и Восточной Пруссии. В августе 1944-го он был ранен: автоматная очередь пробилла обе руки (правая так и осталась искалеченной). Месяцы госпиталя, демобилизация и возвращение в Москву.

Мысль о литературной работе не оставляла Юлия Даниэля и в годы войны. В 1946 г. он поступает на филологический факультет Харь-

² Даниэль Ю.М. Говорит Москва : Проза. Поэзия. Переводы. М.: Московский рабочий, 1991. С. 25.

ковского университета³. Там он проучился всего один курс (после чего, уже в статусе студента, перевелся в Московский областной пединститут), но харьковский год был одним из важнейших в его жизни: здесь родились дружбы, которые он пронес через всю жизнь. Читатели этой книги, несомненно, обратят внимание, какое место в письмах Юлия Даниэля занимают Харьков и харьковчане. А в 1950 г. он женился на своей харьковской подруге и однокурснице Ларисе Богораз.

В то время молодым учителям русского языка и литературы, обремененным «пятым пунктом», не так-то легко было найти работу в Москве. Помыкавшись по району, Даниэль с семьей (в 1951 г. родился автор этих строк) уезжает из столицы. Около четырех лет они с женой преподавали в школах Калужской области, и лишь в 1955 г. им удается найти работу в Москве. Даниэль к этому моменту уже делит время между школой и литературным творчеством. Он переводит стихи с языков народов СССР, берется за любые заказы: время выбирать переводимых авторов придет гораздо позже. Он начинает писать историческую повесть «Бегство» — ту самую, которая была выпущена «Детгизом» буквально накануне его ареста и весь тираж которой пошел под нож (эта повесть не раз упоминается в письмах). В 1956 г. он уходит из школы и становится профессиональным литератором.

Именно тогда ближайший друг Даниэля, молодой критик и литературовед Синявский, открыл ему свою тайну.

Что конкретно сказал Андрей Синявский Юлию Даниэлю, в самом ли деле прямо и недвусмысленно предложил последовать его примеру (как утверждают некоторые из посвященных, Синявский произнес что-то вроде: «Нам с тобой надо спасать русскую литературу»), в точности неизвестно. Достоверно одно: никогда, даже в самые тяжелые годы после выхода на свободу, Даниэль не жалел о том, что пошел по стопам друга, которого любил и уважал безмерно. В 1957–1961 гг. он сочиняет свои первые произведения, подписанные псевдонимом «Николай Аржак», — рассказ «Руки» и повесть «Говорит Москва», — и пересылает их за рубеж. В 1963 г. в США вышел его первый сборник.

Собственно говоря, написал Николай Аржак совсем немного. За семь лет, с 1956-го по 1963-й, — две маленькие повести и два рас-

³ Школу Даниэль не закончил: в эвакуации надо было кормить беспомощную горожанку-мать, а после армии — не захотел, да и не до того было двадцатилетнему парню, вернувшемуся с войны. Он вышел из положения просто — подделал справку об окончании школы. Но тут в московских вузах стали требовать вместо справок аттестаты зрелости, введенные как раз в 1946 г. Аттестат подделать он не решился и уехал на Украину, куда столичные новшества еще не докатились.

сказа; пожалуй, к «аржаковской» части его литературного наследия примыкает и рассказ «В районном центре», не передававшийся за границу и прочитанный довольно узким кругом друзей (следует, впрочем, понимать, что означает во второй половине пятидесятых, да еще в литературно-богемной среде, да еще для Юлия Даниэля, человека бесконечно контактного и общительного даже на фоне этой среды, понятие «узкий круг»). Это все. И если сравнить объем написанного с тем, что сделал за эти же годы Абрам Терц (я говорю сейчас только об объеме), то следует признать: призыв «спасать русскую литературу», может быть, и вызвал у Даниэля творческий подъем, но на трудовые подвиги его, точно, не вдохновил.

Возможно, он просто не отнесся к этой идее достаточно серьезно, приняв авантюрно-романтическую сторону дела ближе к сердцу, чем литературно-общественную; да ведь он никогда и не считал себя значительным прозаиком. Конечно, ему было интересно попробовать себя в беллетристике, но результаты своих прозаических опытов он склонен был скорее недооценивать, чем переоценивать. А, может быть, дело еще и в том, что у Аржака не было, в отличие от Терца, подробной и четкой эстетической программы. Терц увлеченно реализовывал литературный проект под названием «фантастический реализм», разработанный литературоведом Андреем Синявским, и его удивительное творчество развивалось строго в рамках этого проекта. Даниэль же писал вполне стихийно и непосредственно, а потому медленно и мало.

Впрочем, Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР было наплевать на подобные тонкости. Много или мало сочинили Синявский с Даниэлем, были их писания продиктованы высокими чувствами, тщеславием или озорством, — отправив их для публикации за рубеж, да еще под псевдонимами, они преступили негласную грань, стали *преступниками*. И это не важно, что в Уголовном кодексе отсутствовал запрет печататься за границей или использовать при этом псевдоним. Всякий советский человек прекрасно понимал, какой именно закон нарушили два литератора.

Художнику при советской власти было дозволено многое, гораздо больше, чем принято теперь считать. Но одно запрещалось категорически: игнорировать право государства на контроль над творчеством. Государство, — по-видимому, не без оснований, — ползгало, что нарушение этого права подрывает основы советской власти. Так что, когда писатели, утаившие свои произведения от госконтроля, были наконец изловлены и посажены на скамью подсудимых, высокий суд с полным основанием счел их «особо опасными государственными преступниками».

Каким образом КГБ удалось напасть на след Терца и Аржака? Жена Синявского Марья Васильевна Розанова уверяла меня, что ей доподлинно известно о сделке нашего КГБ с ихним ЦРУ. Я примерно представляю себе первоначальный источник этой версии. В начале 1970-х Е.А.Евтушенко рассказывал Ю.М.Даниэлю, что один весьма осведомленный вашингтонский политик уверял его в следующем: тайна Терца и Аржака была «обменена» на... чертежи новой советской подводной лодки, за которыми охотилась американская разведка. Отец был в полном восторге («Пожелание Маяковского, чтоб к штыку приравняли перо, перевыполнено с лихвой»), хотя, конечно, не поверил ни одному слову. Правда, в 1987 г. Евтушенко, назвав свой источник (Роберт Кеннеди), опубликовал куда более скучный вариант легенды: будто бы американские секретные службы спровоцировали скандал с Синявским и Даниэлем, чтобы отвлечь внимание собственной либеральной интеллигенции от вьетнамской войны...

Как ни странно, в этих байках есть рациональное зерно: достоверно известно, что «провал» произошел именно за рубежом. На фотокопии машинописного экземпляра повести «Искушение», которым оперировало следствие, Юлий Даниэль опознал правку, внесенную им в один-единственный экземпляр — тот, который был передан им за границу: следовательно, утечка имела место там.

Так или иначе, конец веревочки стал отчетливо просматриваться уже с начала 1965 г. Несколько месяцев подряд наша собака Кэри лаяла на «случайных прохожих», околавивавшихся под окнами (мы жили на первом этаже). К соседу по коммуналке, милейшему старичку Павлу Ильичу Егорову, приезжали непонятно откуда взявшиеся родственники, которые зачем-то целыми днями сверлили стены; перед смертью сосед признался моей матери, что это были вовсе не родственники.

Семья наша к этому времени фактически распалась. В 1964 г. моя мать переехала в Новосибирск, забрав с собой и меня; к отцу я ездил на школьные каникулы. В один из таких приездов он поделился со мной тайной своего подпольного писательства. Теперь я понимаю, что решение довериться четырнадцатилетнему мальчишке было принято не случайно: он ждал ареста и хотел, чтобы это событие не стало шоком для сына.

Стихотворение Даниэля «1965-й год», написанное уже в Лефортовской тюрьме, — воспоминание о «бесконечном ожиданье», предшествовавшем аресту, — кончается словами: «Пускай войдут и заберут».

Так и сделали.

8 сентября 1965 г. отец приехал в Новосибирск, чтобы попытаться восстановить семью, и имел основания полагать, что ему это удалось. Но уже 9 сентября «муза дольных странствий взревела под окном» (из поэмы «А в это время...»): он был приглашен в областное управление КГБ, куда прибыла бригада московских следователей. После трех дней интенсивных допросов Даниэлю было предписано вернуться в Москву. Родители приняли решение лететь вместе. Во Внуковском аэропорту отца арестовали.

Началась пятилетняя одиссея Юлия Марковича Даниэля, московского литератора.

Нет смысла подробно описывать здесь «дело Синявского и Даниэля»⁴. В течение пяти месяцев следствия оба писателя содержались сначала во Внутренней (Лубянской) тюрьме (между прочим, им выпала честь стать последними заключенными этого самого знаменитого узилища страны — осенью тюрьма была навсегда закрыта), а затем в Лефортовском следственном изоляторе КГБ. После того как Верховный суд РСФСР вынес свой приговор, Синявский и Даниэль были отправлены в Мордовские лагеря для политзаключенных — ныне знаменитый, а тогда еще малоизвестный Дубравлаг. 2 марта 1966 г. Даниэль впервые за полгода берет в руки авто ручку не для того, чтобы подписать протокол допроса, а для того, чтобы написать письмо домой, первое письмо из семидесяти пяти. А последняя точка в последнем письме будет поставлена почти через четыре с половиной года — 11 августа 1970-го, за месяц до освобождения.

...В сентябре 1970 г. Юлий Даниэль вышел из Владимирской тюрьмы на свободу. Прописка в Москве «особо опасных государственных преступников» с неснятой судимостью была запрещена, и первые два-три года он жил в Калуге. Ему была предоставлена комната в малогабаритной коммунальной квартире и работа в патентном бюро на непонятной должности, именуемой «инженер-переводчик». (Ничего он там, конечно, не делал — просто отбывал часы.) Вскоре кураторы из

⁴ Уже летом 1966 г. на Западе вышел документальный сборник, посвященный этому процессу, — «On Trial». Осенью того же года московский журналист Александр Гинзбург составил аналогичный, но существенно более подробный сборник «Дело Синявского и Даниэля». Этот сборник разошелся в самиздате и был издан за рубежом под названием «Белая книга». Наконец, в 1989 г. в Москве вышла книга «Цена метафоры», документальные разделы которой базировались в первую очередь на книге Гинзбурга, но были дополнены рядом новых материалов. Именно к этому изданию мы даем большинство отсылок, комментируя упоминания о процессе и общественной кампании вокруг него, встречающиеся в письмах Юлия Даниэля.

КГБ сообщили, что не имеют возражений против публикации его переводов — не патентов, разумеется, а стихов. Единственным условием было выставлено, что публиковать свои работы он должен под псевдонимом «Ю.Петров». Круг замкнулся.

Года через два-три, пренебрегая правилами паспортного режима, он стал все чаще и на все более долгий срок приезжать в Москву, а когда истек срок снятия судимости, вернулся туда окончательно. Препятствий ему не чинили.

Он много и плодотворно работал. Закончил переводы из Готье, начатые в тюрьме. Затем — Байрон, Вальтер Скотт, Валье Инклан, Гюго, шотландские народные баллады, средневековый Восток и, конечно же, как всегда, кавказцы: Галактион Табидзе, Даниэл Варужан, множество других, менее известных. Время от времени, когда КГБ считал, что Даниэль ведет себя не так, как должно, двери издательств перед ним закрывались. В этих случаях на помощь приходили друзья: Булат Окуджава и Давид Самойлов, с которыми он был знаком еще до лагеря, но близко подружился уже после освобождения, одалживали ему для переводов свои имена.

К прозе он практически не вернулся. Задуманная еще в неволе мемуарно-эссеистическая книга «Свободная охота» шла туго, медленно, и мы не знаем, считал ли он работу над нею завершенной (в сборнике «Говорит Москва», опубликованном после его смерти, фрагменты рукописи — или вся она? — напечатаны вразброс, под сквозной рубрикой «Из неоконченной книги»).

Стихи, как уже было сказано, он писал только в заключении. Вскоре после освобождения его поэтический сборник вышел в Амстердаме; как мне сообщили несколько лет назад, это произошло с его ведома и благословения.

Семью восстановить ему не удалось. Впрочем, вскоре он женился во второй раз — на своей старой знакомой и одной из самых постоянных его корреспонденток, Ирине Уваровой. В новой жизни он нашел то, в чем больше всего нуждался после лагеря, — покой и домашний уют.

В первые годы после освобождения некоторые ожидали от Юлия Даниэля, что он, герой самого известного политического процесса в новейшей советской истории, станет теперь активным общественным деятелем, включится в напряженное противостояние диссидентов и властей. Он вежливо, но твердо отклонял всякого рода посягательства на свою независимость. К общественной активности других проявлял сдержанный интерес, не позволяя себе ни осуждать, ни одобрять ее. Кажется, он испытывал к этой активности смешанные чувства симпатии и настороженности. Впрочем, он познакомился и

подружился со многими из тех, чьи имена стали известны именно благодаря их диссидентской активности. Сам же Даниэль диссидентом так и не стал, и я хорошо помню, как одна дама из числа его друзей, отчаявшись втолковать ему, как изменились общественные оценки и общественное поведение за пять лет, которые он провел в заключении, махнув рукой, сказала: «Ну что с тобой толковать — ты же человек эпохи до Синявского и Даниэля!»

Перестройка принесла публичное переосмысление «дела Синявского и Даниэля», открыла дорогу в журналы его лагерным стихам. Но и к «политической реабилитации» (юридическая последовала лишь в октябре 1991 г.), и к публикациям Юлий Даниэль относился спокойно, я бы даже сказал, довольно равнодушно. Впрочем, он уже несколько лет как был тяжело болен, и его всегдашний интерес к жизни постепенно угасал, уступая место бесконечной усталости. В ноябре 1988 г. «Юность» напечатала одну из «криминальных» повестей Николая Аржака — «Искупление», а «Дружба народов» — сделанный в Мордовии перевод поэмы его солагерника, латышского поэта Кнута Скуениекса «Не оглядывайся». Но я даже не могу сказать с уверенностью, узнал ли отец об этом: последний тяжелый инсульт лишил его речи и движения. 30 декабря 1988 г. он скончался.

Основное содержание этой книги составляют письма Даниэля из Дубравлага и Владимирской тюрьмы.

Согласно правилам, заключенный в лагере строгого режима имел право посылать не более двух писем в месяц, и только ближайшим родственникам. А вот в лагерь, равно как и в тюрьму, мог писать кто и сколько угодно. Это означало, что, получая великое множество писем с воли, Даниэль имел возможность отвечать своим корреспондентам лишь в общем письме, адресованном жене, а после ее ареста в 1968 г. — сыну. Понятно, что сложившаяся ситуация придала эпистолярному тексту свойство некоторой публичности и уменьшила присущую этому жанру приватность: автор обращается то к одному, то к другому, то ко всем сразу, — но знает, что каждая строчка его письма будет прочитана многими⁵.

Бытование писем тоже быстро приобрело определенные черты публичности: поскольку не было ни сил, ни возможности показывать письмо каждому, к кому обращался автор, то приходилось собирать всех вместе и устраивать чтение вслух. Часто при этом присутствова-

⁵ Если у Даниэля возникала потребность «поговорить наедине» с кем-либо из своих корреспондентов, он вкладывал в письмо листок с надписью «только такому-то» или «только такой-то».

ли и «новые лица в доме», то есть те, кто познакомился с моей матерью уже после процесса и в связи с ним. Некоторые из них по прошествии времени также вступали в переписку с Юлием Марковичем, становясь его заочными знакомыми. В 1966–1970 гг. «письма Даниэля из лагеря» оказались для достаточно обширного круга людей одной из деталей интеллектуального пейзажа эпохи: самиздат не самиздат, но нечто приближающееся к этому понятию по степени публичности.

О чем пишет своим друзьям «особо опасный государственный преступник» Ю.М.Даниэль?

Да, собственно говоря, ни о чем особенном.

Об украинском изобразительном искусстве.

О малых жанрах в польской поэзии.

О показанном вчера в клубе фильме и о том, на какие мысли оный фильм его навел.

О товарищах по заключению, о том, как они трогательно о нем заботятся и какие они вообще замечательные.

О том, что неплохо было бы получить бандероль с парой тюбиков зубной пасты, а то старые запасы кончаются.

О вечере памяти Яна Райниса, устроенном накануне в лагере латышским землячеством.

О Сент-Экзюпери.

О том, что на ближайшее положенное свидание рассчитывать не стоит — все равно найдут, за что лишить.

О содержании последнего номера «Нового мира» или «Иностранной литературы».

О том, что рука побаливает умеренно: терпеть можно.

О погоде.

Естественно, очень много места занимают ответы многочисленным корреспондентам. Еще бы: едва ли не каждый день он получает письма из Москвы, Харькова, Киева, Питера, Новосибирска. У него — десятка полтора более или менее постоянных корреспондентов, и еще примерно столько же пишут ему эпизодически. Поэтому в каждом своем письме Юлий Даниэль вынужден ответить на несколько писем, им полученных.

Вынужден? Он делает это с нескрываемым удовольствием! Соответствующие фрагменты писем обычно построены по следующей схеме: «Такой-то (такая-то) пишет то-то и то-то; вот что я по этому поводу имею сказать...» — и начинается игра. Даниэль поворачивает мысль своего корреспондента то так, то эдак, смакует ее, соглашается, оспаривает... Он преодолевает принципиальную монологичность эпистолярного жанра, превращая письмо в диалог,

точнее — в бесконечный общий разговор в большой компании. Он явно моделирует акт непосредственного общения — того счастья, которого он лишен.

Его письма больше всего, пожалуй, напоминают посиделки тогдашней интеллигенции на какой-нибудь «московской кухне»: гул голосов, разговоры о литературе, о политике, о судьбах России, о рационализме и вере; одинаково страстное обсуждение сиюминутных проблем и «вечных» вопросов; сплетни об общих знакомых; раз и навсегда определенные симпатии и антипатии; чуткий и настороженный интерес к «внешнему миру», находящемуся за пределами сложившейся компании.

Черты «шестидесятничества» ныне где только не ищут. В идеологии — коммунистической, по мнению одних, антикоммунистической — с точки зрения других. В оппозиции к власти или в соглашательстве с властью. В стиле жизни и в стиле одежды. В литературных жанрах и в образе мыслей.

На мой взгляд, квинтэссенцию духа 1960-х представляет собой книга, которую читатель держит в руках. Юлий Даниэль был шестидесятником *par excellence*, и его письма из заключения на редкость адекватны своему времени. С годами они все меньше воспринимаются как письма из лагеря и все больше становятся «посланием из шестидесятых».

Все сказанное выше не означает, что переписка была для Даниэля чем-то вроде наркотика, позволяющего временно сбежать от окружающей убогой действительности. Юлий Маркович был человеком по-настоящему мужественным и в подобного рода самоутешении не нуждался.

Да, тяготы и лишения лагерного и тюремного быта в письмах Даниэля практически отсутствуют. Это понятно: во-первых, не хочется огорчать близких. Во-вторых, не поощряется местной цензурой, которая может ведь и не пропустить письмо. А в-третьих, не так уж и интересно: ну, лагерь, ну, «не санаторий», как любит выражаться начальство, — и что? Давайте я вам лучше чего-нибудь про Кобо Абэ напишу.

Равным образом он не уделяет особого внимания притеснениям со стороны лагерной администрации. Это тоже понятно: любого рода начальство, от надзирателей до полковников КГБ, Юлий Маркович воспринимал как образцы фауны, не заслуживающие ни внимания, ни интереса нормальных людей. Именно поэтому любые попытки унижить его или поставить под сомнение его гражданскую полноценность были заведомо обречены на провал.

И все-таки мы, читая письма Даниэля, должны помнить, что это — письма из лагеря, из «зоны», с обитаемого острова, отгороженного вышками с автоматчиками и несколькими рядами колючей проволоки от остального мира, от нормальной человеческой жизни. И автор их не сидит со своими собеседниками за накрытым столом. Он пишет эти письма в лагерном бараке, примостившись на верхних нарах, после целого дня утомительной и однообразной работы, на которую его гоняют насильно, а если он не выполняет норму — наказывают карцером или лишением права воспользоваться «ларьком», скудной пятирублевой прибавкой к полуголодной пайке. Или тем, что хуже любых других лишений, — лишением очередного свидания с родными.

Из писем Юлия Даниэля видно, чем по-настоящему интересен для него лагерь. Это — люди, товарищи по заключению. Позднее, в «Свободной охоте», откликаясь на воспоминания Анатолия Марченко о Дубравлаге, он прямо напишет: «Главная правда нынешнего политического лагеря — это удивительное разнообразие собранных там людей»⁶.

В политическом лагере второй половины 1960-х Даниэль, с его острым интересом к людям, априорной доброжелательностью, абсолютной идеологической толерантностью, включенностью в самые разные национальные культуры, пришелся ко двору. У него установились добрые отношения со всеми землячествами и почти со всеми политическими и социальными группами лагерного социума. По свидетельству мемуаристов, его появление в Дубравлаге серьезно способствовало объединению этого Ноева ковчега (определение самого Даниэля) в единое сообщество политических заключенных. Разумеется, данное обстоятельство не доставило Юлию Марковичу симпатий лагерной администрации и во многом обусловило те испытания, через которые ему пришлось пройти: многочисленные взыскания, лишения свиданий, карцерные сроки, перевод на камерный режим, Владимирская тюрьма.

Появление Синявского и Даниэля в Мордовских лагерях дало начало еще одному важному общественному процессу. Дело в том, что они оказались первыми политзаключенными, о которых стало широко известно (исключение — кратковременная ссылка Бродского на Север, но к проблеме лагеря этот сюжет не относится). До этого момента тема политических заключенных, политических лагерей ас-

⁶ Даниэль Ю.М. Говорит Москва : Проза. Поэзия. Переводы. М.: Московский рабочий, 1991. С.265.

социировалась исключительно со сталинскими репрессиями и воспринималась общественным сознанием не как актуальная, а скорее как историческая проблема. Конечно, мало кто верил громогласным заявлениям Хрущева, что у нас больше нет политических заключенных; кое-кто и до процесса Синявского и Даниэля слышал о людях, осужденных по политическим статьям. Но что это за люди, что с ними происходит после суда, куда их отправляют отбывать наказание (на Колыму? на урановые рудники? в тюрьму?), как с ними там обращаются, — никто, по крайней мере в нашем кругу, толком не знал⁷. Слово сочетание «Мордовские лагеря» мы с матерью впервые услышали в конце февраля 1966 г. — от иностранного журналиста, более осведомленного, чем мы.

Когда же в Дубравлаге очутились герои громкого судебного процесса, всколыхнувшего страну, у тех, кто не остался безразличен к их судьбе, — а круг таких людей был много шире, чем круг друзей (тоже не маленький), — пробудился интерес к «потустороннему миру», существующему, оказывается, в восьми часах езды от столицы, и к судьбам его обитателей. Да, ранее через «открытие Мордовии» прошли сотни семей осужденных; но теперь это перестало быть только фактом их биографий.

Именно в эти годы и именно вокруг процесса Синявского и Даниэля зарождалось и формировалось то небольшое, но энергичное общество, которое позднее назвали «диссидентским». В это сообщество вошли многие корреспонденты Юлия Даниэля, в том числе и некоторые из его ближайших друзей. Еще больше будущих диссидентов можно обнаружить на периферии дружеских и профессиональных связей Даниэля и Синявского.

Однако дело не в том, кто стал диссидентом, а кто — нет. Просто пришло время заявить о себе новому для СССР типу людей, мироощущение и поведение которых коренным образом отличалось от предписанных свыше норм. Вряд ли можно назвать этих людей «антисоветчиками», хотя мало кто из них испытывал симпатии к «советской действительности». Их поведение определялось не логикой политического или идеологического противостояния, а простыми ценностями — личной порядочностью, человеческим достоинством, верностью друзьям, солидарностью с гонимыми. В сущности, за несколько десятилетий нашей истории это были первые свободные люди — и не единицы, даже не десятки, а сотни людей.

⁷ Кстати, этот вопрос всплывал и на суде. «Прокурор: В повести “Суд идет” Синявский клеветает, что в нашей стране и после XX съезда остались лагеря, в которых сидят политзаключенные. Синявский: А куда, собственно, вы собираетесь отправить нас с Даниэлем?»

Практически все корреспонденты и адресаты Юлия Даниэля принадлежали к той среде, которая разделяла и во многом формировала новое мироощущение. И их реакцией на внезапно открывшееся знание о политических лагерях было естественное чувство сострадания и солидарности.

Письма Юлия Даниэля из заключения читались, как уже говорилось, многими. И теперь не только судьба их автора, но и судьбы его сокамерников становились предметом сопереживания и сочувствия. Тема политических репрессий начала осознаваться в этом кругу как проблема — пока что как проблема нравственная.

Решающую роль в осознании социально-политического значения темы «политлагеря и политзаключенные» сыграла мемуарная книга «Мои показания», принадлежащая перу Анатолия Марченко (солагерника Даниэля, ставшего известным москвичам по письмам Юлия Марковича). Марченко вышел на свободу осенью 1966 г., а через год закончил свою книгу, которая сразу стала бестселлером самиздата. Но еще до появления «Моих показаний», в 1966 г., в московских издательствах, НИИ, в редакциях журналов собирались деньги для политических заключенных и их семей. Потом из этих денег оплачивались бандероли, посылки, передачи, поездки на свидания; часть сумм передавалась нуждающимся семьям политзаключенных, часть — нелегально переправлялась в лагеря. С зэками, которые годами не получали ни от кого писем (родных нет или они есть, но отказались от «государственного преступника»), стали вступать в переписку совершенно незнакомые им люди. Москва пристально всматривалась в открывшуюся ей новую реальность, осознавая и осваивая ее.

В письмах Юлия Даниэля хорошо просматривается механика этого «освоения». В свое время они стали катализатором общественного интереса к проблеме политзаключенных. Теперь по ним можно проследить, как возникал и развивался сам процесс.

Осталось сказать совсем немного, но для автора этих строк — самое важное.

В повести «Искупление», последней, наиболее трагической вещи Николая Аржака, возникает образ бутылки с письмом, которую бросает в море матрос, оказавшийся на необитаемой скале. Этот образ — ключ не только к повести, но и к личности автора.

Да, конечно, в определенном смысле любая литература — это «бутылка в море», любой писатель — Робинзон, пытающийся покинуть свой необитаемый остров (или, если угодно, заключенный, мечтающий о выходе на свободу, в мир, к людям). Но в творчестве и судьбе Даниэля эта метафора реализовалась почти буквально.

В статье «Искупление Юлия Даниэля»⁸, единственной известной мне серьезной работе на русском языке, посвященной Даниэлю-литератору, Борис Шрагин пишет, что в повестях Аржака впервые в советской литературе возникает мотив гражданской ответственности (Шрагин употребляет термин «права человека», но это, в сущности, то же самое). Он, конечно, прав. Но гражданская ответственность, по Даниэлю, вовсе не является самостоятельной ценностью, и значение ее не сводится к общественной пользе. Это глубоко личный и потенциально трагический выход (даже, пожалуй, побег) из экзистенциального одиночества, к которому каждый из нас приговорен от рождения. Главный герой повести «Говорит Москва» литератор Анатолий Карцев, как и художник Виктор Вольский из «Искупления», принимает ответственность на себя, потому что не существует иного способа пробиться к другим людям, докричаться до них, прорваться сквозь собственную немоту и чужую глухоту. И если первому действительно удается в финале, довольно декларативном, впрочем, в ответ на формулу «Ты не должен позволять запугать себя. Ты должен сам за себя отвечать, и этим — ты в ответе за других» услышать «негромкий гул неосознанного согласия» московских бульваров, то второй попросту гибнет под грузом взятой на себя исторической вины.

Бог наделил Юлия Марковича Даниэля невероятным талантом общения, дружбы, любви. У него было множество преданных и верных друзей, он был любимцем женщин и, по большому счету, баловнем судьбы. Казалось бы, не ему бояться одиночества, непонимания, немоты. И тем не менее вся его серьезная проза и изрядная часть поэзии при внимательном прочтении раскрывают оборотную сторону этой коммуникабельности — гнетущее чувство бесконечного одиночества, чувство, которое невозможно заглушить даже любовью. Это автор, а вовсе не его герои, пытается преодолеть отчуждение между собой и людьми, отчуждение, не понятное даже самыми близкими друзьями.

Зная Юлия Даниэля, пластичность и гибкость его характера, его образ жизни, сводившийся, казалось, исключительно к непрерывному общению, так что непонятно было, когда он, собственно говоря, работает, кто мог бы поверить, что главное содержание его жизни — это преодоление одиночества? Для этого надо было прочесть его прозу, причем прочесть внимательно, отрешившись

⁸ Отечественную публикацию этой статьи см. в кн.: Даниэль Ю.М. Говорит Москва : Проза. Поэзия. Переводы. М.: Московский рабочий, 1991. С.302–315.

от необычных внелитературных обстоятельств, принесших ей известность.

А в жизни Юлий Даниэль сражался с одиночеством, буквально растворяясь в друзьях — близких и далеких. Коммуникабельность была не просто исключительным свойством его характера, но средством спасения. И не только собственного: всю жизнь его преследовала память о «глухонемой поре» (метафора из поэмы «А в это время...»), эпохе всеобщего недоверия и разобщенности. Отчуждение между людьми он преодолевал — и в жизни, и в литературе — во имя «чуда пониманья» (из этой же поэмы), ради победы над временами глухоты и немоты. «Мы опрокинемся, если не услышим друг друга!» — этот отчаянный крик из кошмарного сна Виктора Вольского («Искупление») звучал в его ушах, похоже, всю жизнь.

Когда же он был насильственно вырван из привычной среды и отделен от нее колючей проволокой, — инструментом преодоления стали письма.

Конечно, были еще стихи. Они проникнуты тем же пафосом преодоления разлуки («Вспоминайте меня...»). И то обстоятельство, что, не считая двух или трех поэтических опытов, относящихся к годам молодости, он писал стихи только в заключении, совсем не случайно. Занятия поэзией существовали для него ситуативно (стихи легче сохранять, чем прозу, — их можно запомнить): к своему поэтическому дару Юлий Даниэль относился еще более скептически, чем к своим возможностям беллетриста.

Однако поэзия — это монолог. Для полноценного преодоления неволи требовалось иное.

Письма — последнее звено в цепочке, началом которой были повести Николая Аржака. Сам того не осознавая, Юлий Даниэль нашел то, чего искал: собственный жанр, в котором слово возвращается к своей первоначальной функции непосредственной коммуникации.

Разговорная интонация, свободный слог, нескованность сюжетом и композицией, необязательность, а иногда и приватность содержания — все то, что обычно выводит текст за пределы литературы, — неожиданно заработали здесь в противоположном направлении. Естественность и свобода, — качества, которые в высочайшей степени были свойственны Юлию Даниэлю-человеку и к которым всю жизнь стремился Юлий Даниэль-литератор, — торжествуют в его письмах как счастливый результат навязанного ему эпистолярного жанра. Ведь письма дают возможность литературно одаренному человеку наиболее адекватно выразить себя для других.

Чтобы жить естественной и свободной жизнью, Юлию Марковичу не нужно было прилагать никаких усилий, — он таким родился. Чтобы достичь подобной свободы в прозе, ему достаточно было вовсе перестать быть «писателем» и превратиться в «отправителя», человека, полностьюверяющего бумаге не литературный замысел, а себя самого.

Письма Ю.М.Даниэля стали продолжением его литературной биографии. Не комментарием к ней, как это сплошь и рядом бывает с эпистолярным наследием писателя, а именно продолжением. И, быть может, вершиной.

Александр Даниэль

Ну вот, мои милые, началась моя фольклорно-этнографическая экспедиция. Сегодня утром я уже был на месте*, вчерне познакомился с условиями и должен вам сказать, что мои представления о подобных местах безнадежно устарели. Я, разумеется, очень этому рад. Все совсем не так плохо, как это, может быть, представляется вам.

Я уже зачислен в бригаду; не знаю, насколько успешно будет развиваться моя трудовая деятельность; постараюсь во всяком случае, чтобы нареканий в этом смысле не было.

Я буду писать вам по два письма в месяц; но меня ждал здесь приятный сюрприз: ко мне можно писать сколько и кому угодно. Вам угодно? Другим угодно? Если угодно — валяйте. Письма — это возможность продолжать (в какой-то степени) жить в Москве. От всех вас зависит, увеличивать или уменьшать эту степень. И фото!

Когда мы спишемся и выяснятся ваши обстоятельства, я сообщу что-нибудь о возможности свидания*. Личное свидание бывает один раз в год — трое суток; общее — один раз в четыре месяца — четыре часа. Я не думаю, чтобы этой последней возможностью стоило пользоваться: сюда все-таки семь с лишним часов езды.

Здесь, хотя тоже припахивает весной, но все же холоднее, чем в Москве, и я, надевая свое обмундирование, с благодарностью вспоминаю вас всех, а особенно Маришку [Домшлак]: она дала мне возможность даже здесь лазить в женские кофточки — когда напяливаю рукавицы.

Меня очень расстроил разговор на последнем свидании*. Еще раз: я признал себя (нас) виновным(и) только в том, что не предусмотрел(и) возможности использования этих произведений во вред России (если этот вред вообще был). Кроме того, подумайте о том, почему я говорил и от имени Андрея [Синявского]: я ведь знаком был с его поведением и показаниями во время следствия; если бы ему не пришлось говорить экспромтом, он сам бы сказал именно так*.

Я ничего толком о нем не знаю и очень беспокоюсь за него. Эта «странная» известность, которую мы приобрели, сопутствовала и предшествовала мне. Ситуация сложная и несколько двусмысленная, надо, чтобы он нашел разумную позицию.

Теперь о самом главном, о том, что волнует меня больше всего. Санюшка [Даниэль]! Это не просьба, не пожелание, а приказ: ты не

должен вступать ни с кем ни в какие разговоры о всей этой истории; у тебя должен быть только один ответ: «Я на эту тему не разговариваю». Повернуться спиной и уйти — это крайняя мера, которую я тебе разрешаю. Понятно, милый?

Напишите мне, как дела с физматшколой. Надеюсь, что КГБ вправило мозги кому надо?*

Малышище мое, поздравляю тебя с пятидесятилетием. Не говорю тебе: «Расти большой», пожалуй, уже можно замедлить темп; но «умный» расти обязательно.

Ларик, скажи всем, что я их очень люблю и очень им благодарен. Они и есть те «положительные герои», в отсутствии которых нас обвиняли. И если бы я мог написать о них рассказ или повесть, я нашел бы в моих закромах нежнейшие эпитеты. Я даже не называю имен, не пишу «а еще кланяюсь...», потому что это относится ко всем.

Это письмо — куцее, бестолковое и какое-то клочковатое. Но это только для начала. Я просто очень тороплюсь написать его сегодня с утра: пока оно еще пройдет проверку, пока его отправят.

Народ здесь очень разный, пестрый, всякий*. «Боже, как велик твой зверинец!» — как выразился небезызвестный Генрих Гейне. Но — люди же! Ничего, все образуется. Покамест я благодарю судьбу за ту способность, о которой все говорили: находить контакт с людьми. Если подтвердится и вторая особенность — носить элегантно любую одежду — я буду совершенно удовлетворен.

Ларонька, посылки пока посылать мне нельзя. Но бандероли можно. Мне нужна авторучка, Пастернак, Цветаева, электробритва — полный джентльменский набор.

Милые, не сердитесь — кончаю письмо. Я дальше буду писать последовательно, обстоятельно и много (чего и вам желаю).

Поцелуйте родителей [Богоразов–Зиминых].

Обнимаю вас.

Ю.

| 3/III/66

Напиши о своей работе: что ты, собственно, там делаешь?*

Напишите мне наш почтовый индекс — быстрее будете получать мои письма.

Ю.

Необычность ситуации все время провоцирует меня на всякие хохмы и цитатки, вроде «Привет из дальних лагерей»*. С трудом вспоминаешь, что цитата обрела вполне и даже чересчур реальную почву под собой.

Ну что же о моем житье-бытье? Я понемногу опоминаюсь от всего, что предшествовало моему появлению здесь: тюрьмы, следствия, суда, дороги и пр. Я попал в странный мир смещенных представлений, своеобразных и зачастую весьма жестких этических принципов, которых придерживаются люди не только противоположные, но и прямо враждебные друг другу. Разный, разный здесь народ.

Но ведь мне всегда везло в жизни — повезло и здесь. Ко мне очень неплохо относятся мои новые товарищи, здорово помогают мне; а без этой помощи мне пришлось бы туго во всех отношениях: и в работе (я работаю грузчиком!), и в быту, в общении. Вчера я ухмылялся до ушей: представил себе, как вы там (если не вы, так знакомые) рисуете себе всякие мрачные картины барачного быта, уголовного окружения; а я в это время пил в гостях кофе, беседовал о Сартре и Кафке, и не я был самым эрудированным собеседником. Ну, разумеется, далеко не все интересуются изящной словесностью; но чем плохо, скажите на милость, побеседовать перед отбоем о специфике национального восприятия хореографии?* Кстати, о «национальном вопросе»: вчера же мы работали вшестером, и ни одна национальность не повторялась дважды.

Здесь, наконец, я прочел всякую разную прессу, посвященную мне и Андрюшке*. Разнообразием эти статьи не грешат. Ну и ладно, бог с ними.

Ларка, это письмо я буду писать до тех пор, пока не получу ответа на первое. Потихоньку я буду вспоминать, что мне здесь нужно. Покамест вот какие вещи: мыльный крем и крем после бритья, «Графа Монте-Кристо», 2–3 носовых платка, толстую фаянсовую кружку, полотенце, еще одну нижнюю рубашку, записную книжку в клеточку. Все это можно запихнуть в бандероль.

Заканчиваю пока: сказали, что пора собираться на работу. Мы здесь на особом положении — у нас нет точных часов работы*. Преимущества такого режима весят много больше, чем его недостатки. Кстати, не пугайтесь слова «грузчик»: я работаю в меру своих сил. А если будет невтерпех, найдется и другая работа. Пока эта меня ус-

траивает. Глядишь, вернусь — и запросто буду класть Тошку [Якобсона] на обе лопатки. Не говоря уж о Саньке.

Ужасно обидно, что трудно делиться деталями быта. Боюсь, что со временем я утрачу способность наслаждаться пикантностью таких, например, ситуаций: стоят посреди дороги двое в соответствующей одежде и, размахивая ложками (дело происходит около столовой), спорят о том, только ли декоративен Матисс или у него есть и другие достоинства. Ах, Боже мой! Мне следовало бы сначала посидеть в заключении и лишь потом браться за сочинительство.

| 10/III/66

А еще мне нужны хлорвиниловые мешочки, а то все мое продовольственное хозяйство в полном беспорядке.

От начальства знаю, что Андрюшка неподалеку*. Как и что он? Получает ли Машка [Розанова] от него письма?

Марку [Азбелю] скажите, что ему не пришлось бы хихикать столь злобно, если бы он меня сейчас увидал*: я бреюсь через день, а когда получу электробритву, буду бриться ежедневно — да здравствует неуступчивость!

Милые мои, я ни о чем не жалею, кроме разлуки с вами. И кроме нескольких неосторожных слов на суде, давших основание предполагать, что я склонен к капитуляции. Этого нет и не будет.

Если бы вы знали, с каким нетерпением (даже не нетерпением, а исступлением) я жду писем и фотографий. Теперь, когда я почти полностью знаю масштабы и характер происшедших событий, мне в особенности важны слова ваши и друзей. Право, нашим доброжелателям стоило бы писать не в газеты, не в ЦК, не в ССП, а нам — Андрею и мне. Ведь очень дороги любые известия и суждения, несмотря на всю эту «неизбежность странного мира»*.

Прочел я во втором номере «Вопросов литературы» переводы из Ивана Драча — и расстроился. Ведь не Ивана стихи получились! Право слово, мои переводы лучше!* Не говоря уж о точности. Ну да ладно, когда-нибудь все-таки мы с Иваном их опубликуем.

| 11/III/66

День рождения Саньки, а подарок получил я: пришло твое, Ларонька, письмо. Очень обидно, что оно такое коротенькое; но если бы ты знала, как я рад ему! Прошу тебя, датировать письма, чтобы я знал, в какой день ты держала карандаш.

Относительно приезда: воздержись пока. Я сам соображу, когда и как это лучше сделать.

Отвечаю на вопросы. Добрался я без особых приключений; правда, в дороге у меня были довольно смешные объяснения с разными уголовниками*, но все кончилось вполне мирно. А здесь такой публики почти нет. Мешок был не так уж тяжел и неудобен — ведь я надел все доспехи еще в Москве. «Торжественная встреча»? Да, пожалуй. Во всяком случае, очень благожелательная.

О быте. Кормят сносно, пока есть еще московские (твои) запасы, скоро смогу покупать в здешнем ларьке. Кстати, в бандероли нельзя класть продукты и всякие папиросы-табаки — учти это. В помещении, в котором я нахожусь, тепло, сухо и светло. Хорошие кровати, постельное белье. Библиотека. И много журналов и книг, так сказать, личных. Успел посмотреть киношку — фильмик, правда, был дохленький. Здесь, в этой бригаде есть человек пять, с которыми я в контакте — в рабочем и бытовом — очень славный народ. Ну и в других бригадах есть люди, знающие и любящие поэзию, живопись и пр. Разумеется, здесь не райские кущи, а место заключения; трагический отпечаток несвободы лежит на всех и всем. Но ведь я и не ждал ничего другого. Мне легче, чем прочим, — у меня всего полгода позади и всего 4 1/2 — впереди.

Я рад несказанно, что Андрюшка бодр, работает и не вешает нос. Напиши ему, поцелуй за меня.

Милая моя, что с тобою было в декабре? И правда ли, что ты сейчас хорошо себя чувствуешь?

Что значит, что осенью тебе было одиноко и «внешне»?

Пиши мне так, как тебе хочется и можется.

Только подлинней, поподробней. Обо всем и обо всех.

У меня здесь, очевидно, будет все-таки свободное время. Я вот думаю, не заняться ли мне, наконец, давно задуманными проектами: изучать какой-нибудь язык (разговорная практика — любая) и отращивать усы и бороду? Здесь модно и то, и другое. А то мне уже наскучили «ритмо-мелодические единицы»*.

Марлешке [Рахлиной] — поцелуй и благодарность за ее записочку; Фиме [Захарову] и всем харьковчанам — привет. Сообщи всем, что писать можно непосредственно мне, и дай адрес. И скажи еще, что я не смогу (по крайней мере, в ближайшее время) отвечать — 2 письма в месяц! Пусть не обижаются и пишут «безответно».

Получила ли ты деньги за «Бегство»?»

Санюшка, помни о том, что я написал тебе в первом письме! Я думаю, что вы его уже получили.

Мне очень совестно, что я даю столько поручений, но у меня есть еще две просьбы: 1) Генка Грицай* как-то показывал мне серию ли-

тографий «Грузинские игры и танцы». Узнай у него, как бы заполучить сюда эту серию*. 2) Примерно лет десять назад в «Новом мире» была посмертно опубликована «Кавказская повесть» Павленко*. Хорошо бы, если бы ты прислала. Может, она вошла в какой-нибудь его сборник? И зубную пасту, хорошо бы «Мятную»!

Всем — привет и любовь.

Милые мои, целую вас, обнимаю «пятнадцатилетнего капитана», приветствую всех зверей, включая несовершеннолетних котят.

Жду писем, частых и больших.

Как диссертация?*

Ю.

п и с ь м о т р е т ь е

14/III/66

Процесс вrastания в здешний быт подвигается вполне успешно. Я уже почти ничем не отличаюсь от всех окружающих: так же, как все, хожу на работу, в столовую, так же гадаю, какой фильм покажут: опять розовые сопли или что-нибудь порядочное? Потихоньку начинает утихать интерес к моей персоне, и все меньше графоманов обращается с просьбой послушать стихи. Это, впрочем, происходит еще и потому, что я ссылаюсь на усталость от работы и переношу литературные беседы на неопределенное время. Здесь, впрочем, не только графоманы: есть и такие, что пишут неплохо, но неумело; или, наоборот, умело, но без божьей искры (вроде меня).

Погода сырая, небо серенькое, люди одеты одинаково,домишки однотипные — внешне впечатление самое безотрадное. Но, мать честна, сколько за всем этим антуражем интереснейших ситуаций! Сколько судеб, зачастую прямо-таки фантастических! Что ни кусок биографии — то готовая новелла. А что за люди — наивные чудачки, преступники военного времени, зеленые юнцы, глубокие старики, люди, сознательно выступавшие против закона, люди, не подозревавшие о его существовании, — «сволочь Петра Амьенского»* по сравнению со здешней публикой была однородной, как детский сад. «И шуку бросили в реку» — это Крылов обо мне сказал. Я буду писать обо всем этом если не на бумаге, то мысленно; а когда написанное («запомненное») будет опубликовано, то уж никто не посмеет сказать, что я пишу о том, чего нет или не было, никто не назовет изображенное «чудовищным вымыслом».

Мы грузим (чаще разгружаем) картон, фанеру, доски, лес, уголь. Работа «сурьезная», и мне, «20 лет спустя», нелегко с нею справлять-

ся. Однако я намерен держаться так долго, как смогу. Во-первых, в этой работе есть свои преимущества; во-вторых, народ уж больно симпатичный; в-третьих, я надеюсь довести мускулатуру до уровня самолюбия. Но, повторяю, ради всего этого (преимуществ, окружения и мускулатуры) я не собираюсь надрывать себе кишки.

До сих пор не получил свои бумаги, которые у меня взяли для прочтения; а там у меня были стихи для тебя и для друзей и черновики писем тебе — что-то вроде дневника*. С нетерпением жду эти тетрадки: ведь мне, как и тебе, очень хочется поделиться этими шестью месяцами. Сейчас меня захлестывают впечатления новой жизни; но было бы очень обидно позабыть детали быта, ощущений и даже настроений сентября–февраля. Хотя настроения мои большей частью имели лишь косвенное отношение к тюрьме, к лишению свободы, к ожиданию суда.

| 15/III/66

Молодость возвращается казарменным благочинием, одинаковостью одежды, непринужденным матом и, наконец, обращением «Юра, Юрка, Юрок»*; некоторые уважительно зовут меня «Юрием Михайловичем» и очень немногие «Юлием» или «Юлием Марковичем».

Наша компания (в бригаде) интернациональна, но вообще здесь землячества. Особенно радушны и симпатизируют мне кавказцы. Вчера, например, был долгий разговор о кавказской поэзии и спор об афоризмах и сентенциях как самостоятельном жанре. Но не подумайте, что принимавшие меня и угощавшие кофе (кофе — здесь величайшая ценность) грузины, армяне, чеченцы, ингуши, татары — филологи или вообще рафинированная интеллигенция. Ничего подобного — просто подтверждаются еще раз мои впечатления о людях Кавказа как о народе особенно восприимчивом к поэзии.

Несколько сложнее в украинском окружении, хотя обычный предмет разговора знаком мне несравненно больше — литература. Кстати, можете смеяться сколько хотите, но мне было сказано, что я вполне прилично говорю по-украински: с обычным для меня в таких случаях нахальством я перешел на «мову». Жаль только, что приятных вестей с Украины я не услышал...* Один из этих новых знакомых с Украины собирается писать мой портрет*. Так что вторым художником, увековечившим мой светлый образ, будет, увы, не Ира Глинка; закончила ли она портрет Дезика [Д.Самойлова]? Привет скульптору, ее семейству и ее модели. «О как я поздно понял... что нельзя бечерья»* — эти строчки вот уже полгода не расстаются со мною.

Баста на сегодня! Иду ужинать.

Снова похолодало, и я снова натянул ватные брюки, бушлат, влез в свитер.

В нашей обители тихо — самые горластые ушли на работу, наша очередь будет где-нибудь во второй половине дня. Оставшиеся спят, рисуют, читают. Трое литовцев балакают по-своему. Помнишь, в «Одном дне»* герой ни разу не встретил среди литовцев плохого человека? Похоже, что автор прав. В них есть какая-то сдержанная приветливость, ровная, без деклараций, благожелательность. И ни разу ни один из моих новых приятелей не рассказал (а рассказы я здесь слушаю в астрономическом количестве) о каком-нибудь непорядочном поступке литовца. А кодекс чести здесь строжайший — строже уголовного кодекса.

Вчера я поделился с одним хорошим и умным парнем своими ощущениями. Я сказал, что реальнее тех реальностей, с которыми мы тут сталкиваемся, казалось бы, и придумать невозможно: все лишено какого-либо добавочного, второго значения, каких бы то ни было «надстроек» — хлеб есть хлеб, работа есть работа, одежда есть одежда. И отношения между людьми, как правило, упрощены. И все-таки меня не покидает чувство фантастичности происходящего, нереальности, полного смещения предметов, образов и эмоций. «Образ входит в образ, и предмет сечет предмет»*. Мой собеседник ответил, что он уже седьмой год как испытывает то же самое. Так что на звание первооткрывателя я претендовать не могу. Вообще и я сам, и окружающие с удовольствием убеждаемся в моей неоригинальности: я до смешного быстро акклиматизировался. Другой мой приятель сказал обо мне с преувеличенным грузинским акцентом: «Смотри, какой молодец: захотел петь — и поет!»

Коллекционирую татуировки. Бог мой, каких только наколок здесь нет! Когда приходишь в баню, возникает даже некоторая неловкость: как будто решил вымыться в картинной галерее.

Сегодня, если не очень устану, попробую перевести восемь строчек И.Франко — наивное, старомодное восьмистишие, близкое сентиментальной стороне моего существа. Не надо пугаться — ирония не иссякла, и запасов ее хватит на все четыре с половиной года. Просто — почему бы мне не быть патетичным, если хочется?

А я отпустил нахальные светлые усики, и обозреватель из «Известий», написавший, что у меня ужимки уголовника*, мог бы теперь прибавить, что и внешность моя такого же свойства. Впрочем, я и есть уголовник — политических преступников у нас, как известно, нет, и судили-то нас по УК.

| 17/III/66

Знаешь, детка, пожалуй, тебе стоило бы выкроить денек-другой и приехать на общее свидание. Я думаю, что это нужно в первую очередь для тебя и москвичей. Вы, наверное, воображаете бог знает какие ужасы; а здесь вполне терпимо: миленькая, уютненькая исправительно-трудовая колонийка, дружно перевоспитывающиеся уголовнички, и, как говорил М.Горький, «воспитательчики, педагогчики». Ей же богу, все это совсем не похоже на 1937–53 гг., о которых мы так наслышаны. Я говорю о быте, о взаимоотношениях с начальством, об общем настроении. Разумеется, я еще не могу обо всем судить, я здесь слишком недолго, но общий характер этого заведения я, как мне кажется, уже уловил. Вот я и думаю, что неплохо было бы нам повидаться, чтобы ты увидела мою посвежевшую сравнительно с московским периодом физиономию и убедилась, что мне уготовано лишь то, что обусловлено приговором, — «лишение свободы» — и не более того.

Письмо это ты получишь где-нибудь в начале апреля, стало быть, в середине апреля мы могли бы повидаться. Конечно, если у тебя нет других соображений на этот счет.

Этот верзила, наш с тобою отпрыск, как его — Санька, что ли? — мог бы написать мне и самостоятельно?! Вообще я вижу, что особенно рассчитывать на обильную корреспонденцию мне не приходится — по себе знаю, как трудно писать письма (не сейчас — сейчас мне писать приятно и нужно). И оттого так тронула меня Марленкина записочка. Тем более, что в обратной (почти обратной) ситуации я вел себя, как свинья. Это одно из самых стыдных воспоминаний*.

| 21/III/66

Несмотря на то, что радость случилась позавчера, я пишу только нынче. Я получил сразу три письма — от тебя, от Саньки, от Иры Глинки. Но минувшие дни были очень плотные — в смысле встреч, разговоров и, увы, работы.

Ну что ж, дружок, вести очень приятные. И про Саньку, и про всеобщее участие. Вот только как бы тебе отдохнуть? Или, по крайней мере, не так переутомляться?

Меня очень радует упоминание знакомых имен; и в первом, и во втором твоих письмах приятно было «видеть интонацию», с какой ты пишешь о разнообразных доброжелателях — в кавычках и без. Слу-

чайно или нет ты ни разу не упомянула о Марке и Тане? Я, если помнишь, очень беспокоился*.

Сынок, упаси меня Всевышний настраивать тебя в духе недоверия к друзьям. Когда я писал о нежелательности разговоров, я имел в виду разговоры с людьми малознакомыми. А что касается твоих друзей, то тебе, конечно, виднее самому. Не забывай, впрочем, что в числе моих друзей были Эссель, Гарбузенко, Хазанов.

Я процитировал некоторые твои соображения моим товарищам, и они хором говорят, что ты умница и молодец. Я тоже так думаю. Моя позиция (и, полагаю, Андрея) совпадает с твоими соображениями. Если бы ты читал те произведения, из-за которых я здесь*, ты бы нашел эти самые мысли, сформулированные почти так, как это сделал ты.

Жизнь идет, братцы мои. Здесь и трудно, и легко, и смешно, и грустно. Вот сидишь так, болтаешь на разнообразные темы и убеждаешься, что и оптимизм, и вера в то, что человеческие категории важнее всех прочих, — что все это было не зря. И развежишься, и даже не очень огорчаешься, когда приходит бригадир и произносит фразу, которую можно было бы так перевести на литературный язык: «Вернемся к нашим баланам». «Баланы» — это бревна — профессиональный жаргон. А то еще бытует жаргон иной; знакомясь с ним, я с удовольствием узнал, что «кирюха» по-здешнему — «друг, приятель, напарник», «корешок». Скажите об этом собаке, она должна быть довольна*.

Ты знаешь, Лар, есть целый ряд соображений, по которым тебе стоило бы приехать сразу на трехдневное свидание. «Это делается очень просто*»: ты приезжаешь и подаешь заявление; может, тебе придется подождать денек; поэтому надо отвести на всю поездку дней пять-шесть. Если ты сможешь и надумаешь — телеграфируй.

Вот сейчас напротив меня сидит некто Толя Футман. Он тебе кланяется и обещает приехать в гости. Он очень горластый, но это не страшно — он не громче, чем его тезка*.

| 22/III/66

Погода — сволочь: снег пополам с дождем, сыро, грязно, слякотно. Конец месяца, конец квартала — и, конечно, «гонют план». Поэтому и работы больше, чем обычно. Сегодня я впервые познакомился с камнем, и камень, соответственно, знакомился со мною. Какой-то он очень твердый, этот камень! И тяжелый. Кто бы мог подумать!

Несмотря на все это, я продолжаю наслаждаться своим «лишением свободы». Подумать только: я могу не только сам открывать и закрывать дверь, но и входить в помещение и выходить из оногo; я могу

разговаривать не с одним человеком, как это было 5 месяцев подряд, а с любым из сотни раскланивающихся со мною людей; я могу писать чернилами, слушать радио и читать почти любые газеты и журналы.

В первый же день меня обстригли наголо, и без волос я утратил всякое сходство с собакой, а стал похож на большую грустную обезьяну. Или, как говорит Елена Михайловна [Закс], стал «на всех зверей похож»?

Письмо Иры милое и теплое, и я очень благодарен ей за него. Она предвосхитила мои вопросы о ее работе и о малыше (кстати, о малышах: как поживают Егор [Синявский] и Димка [Азбель]?); в очередном письме она собирается писать о Коктебеле. Я буду рад прочесть и о Коктебеле, и о чем угодно. А отсутствие композиционной стройности пусть ее не смущает: всегда приятно видеть некую разбросанность у внешне организованного человека. Ах, сколько здесь материала для Ириного «гостевого» жанра — силуэтных фигурок*...

Сегодня один из моих новых знакомых с грустью сказал мне: «Вы знаете, Ю.М., лагерь уже наложил на вас отпечаток грубости и беспардонной иронии...» Я стал объяснять ему, что, наоборот, это тюрьма и следствие сообщили мне несвойственные мне черты интеллектуализма и меланхолии и что теперь я возвращаюсь в обычное, «первобытное» состояние. Он мне не поверил.

| 24/III/66

Здесь, в лагере, обнажается человеческая первооснова. И никакие ухищрения, никакие позы не могут скрыть сути. По истечении какого-то срока здесь почти каждому выносят приговор — и ни кассации, ни обжалованию он не подлежит. Для многих людей великое счастье, что их товарищи по заключению навсегда уходят из их жизни, иначе на них кандалами висели бы недоверие, презрение, брезгливость.

Что-то вроде нескончаемого спектакля происходит; страсти шекспировские; быт в стиле «физиологических очерков»; число действующих лиц практически бесконечно («Психи, кто украл телефонную книгу?!»). Мы — и зрители, и актеры, и даже режиссеры. А внешне все так просто, что схватить идею за шиворот смог бы, пожалуй, только Санька Якобсон, если он еще не бросил малопочтенное ремесло стихотворца.

Только что получил бандероль и письмо. Все здорово: и вещи, и вести. Вот только обои у Саньки — зачем они (теперь можно так выразиться) такого литературно-критического колера?»

Вот я пишу уже своей новой ручкой; почерк у нее отличный — это меня ко многому обязывает.

Вчера со мною беседовали — впервые здесь, если не считать вступительной, информационной беседы. Результат (единственный, кроме, разумеется, факта знакомства) тот, что мне, очевидно, скоро вернут мои бумаги.

Вести из Москвы доходят смутные, противоречивые, радостно-печальные; но я не совсем представляю себе события в области, противоположенной Саньке*.

В тюрьме я много пел — за шахматами, разгуливая по камере и просто лежа на койке; пел Булата, Аллу, Лешку и даже Высоцкого*. Сейчас почти не поется: и обстановка не та, и простужен я уже недели две. А между тем «нам песня строить и жить помогает». Опять (это уже было раз, я тебе говорил об этом, Лар) обретают «первозданный смысл», казалось бы, банальные и немудреные слова.

| 26/III/66

Санька, милое мое и кроткое дитя! Не кажется ли тебе, прелесть моя, что тон твоих писем стал нахальным до чрезвычайности? Выпороть тебя я не могу по двум причинам: во-первых, не существует передачи порки на расстоянии; во-вторых, даже если бы мы встретились, то я еще не нарастил соответствующей мускулатуры, чтобы воздать тебе должное. Шутки в сторону, призываю тебя к благородной сдержанности, к академизму, приличествующему будущему ученому: «Не дразни гусей!»

В одном отношении ты, конечно, прав: участь моя могла быть более плачевной. Подумать только, что меня могли приговорить к решению «биквадратных тригонометрических уравнений с двумя неизвестными»! Вот тогда бы я непременно подал просьбу о помиловании. Или такой вариант мог быть. Это четверостишие можно назвать «Ночной кошмар заключенного»:

Мне приснилось, что суд осудил
Нас двоих за писательский зуд
Ежедневно читать «Крокодил»...
Страшен сон мой, да милостив суд!

Ларик, ты так и не пишешь мне, получила ли ты 40% за «Бегство» и достала ли ты хоть один экземпляр книги. Напиши, сделай милость. И получила ли 50% из «Нового мира»? Кстати, на журналы и газеты меня подписывать не надо. Здесь есть все, что меня интересует. Даже

журнал «Радуга» (украинский на русском языке), где я с удовольствием прочел стихи Бориса [Чичибабина] о Достоевском и Пастернаке.

А мне очень пригодились бы кеды и берет. И джинсы.

А почему мне ничего не пишут о Кирюхе, Тусе * и К^о?

| 29/III/66

А у меня сегодня два письма и бандероль. Письмо от тебя, Лар, и от Алены [Закс] (с приписками от Анны Самойловны и Елены Михайловны). Кланяйся им, скажи, что я их целую, что мне ничего не нужно присылать, кроме писем. Аленка напрасно беспокоится: в ее письме всего одна орфографическая и одна синтаксическая ошибка. Да и ты обнаружил при вторичном чтении, после ее фразы с опасениями на этот счет. Скажи ей, что ее безответная, неразделенная любовь к спорту внушает мне серьезные опасения; может, она выберет какой-нибудь иной спортивный жанр, не чреватый физическими и моральными травмами? Ну, скажем, тараканьи бега или игру в лото? Привет всем помянутым в ее письме; если кто-либо из них захочет написать, я буду очень благодарен.

Относительно моей профессии грузчика: она увядает, не успев расцвести. С первого числа я (по инициативе начальства, поддержанной мною) перехожу на другую работу. Она несравненно легче; напишу о ней, когда приступлю. Помимо ее сравнительной несложности, она не связана с цехами — свежий воздух; кроме того, я остаюсь в той же бригаде — это очень хорошо. Так что можно считать, что закончился мой «Испытательный срок», как выразился П.Нилин. Впрочем, здесь можно было бы применить название и другой его повести*.

Милый мой Лар, с чего ты взяла, что я отношусь к происшедшему трагически? Или склонен относиться? В этом смысле я вроде и не высказывался никогда. Уверяю тебя, что у очень многих из моих новых коллег есть значительно большие основания видеть все в трагическом свете — их вина (если вообще можно говорить об их или моей вине!) неизмеримо меньше, а кара в два-три раза тяжелей.

Чудеса трансформации! Как получилось, что просимый мною «Граф Монте-Кристо» превратился в «Королеву Марго»?

Ларонька, позвони Марку Моисеевичу* и передай привет и — еще раз — благодарность. Мне до сих пор стыдно, что он мне не понравился при первом знакомстве. Но я надеюсь, что при последующих встречах он почувствовал появившуюся симпатию?

До чертиков захотелось услышать Наташкины испанские «Саэты»*. А уж как бы я на ее рожицу посмотрел!

Ужасно меня огорчило то, что ты написала о Майке*. Что же тебе посоветовать? Разве только очень осторожно поговорить с людьми, с которыми она хоть сколько-нибудь считается. И, конечно, написать Андрею и откровенно изложить ему ситуацию. Его адрес такой же, как у меня, только п/я 385/1.

| 30/III/66

Сейчас второй час ночи. Мы только что вернулись после несостоявшейся разгрузки угля. В ногах у меня мурлычет черно-белая киса — говорит, чтобы я передал привет всем нашим зверям. Я спросил ее, почему она не кланяется тебе и Саньке. Она ответила, что люди ей надоели — их здесь слишком много. Ей, говорит она, не хватает общества: кошек — раз-два и обчелся, лошади чересчур велики для приятных разговоров, а что касается здешних собак, то ей не нравится их порода.

Ларик, мне очень неловко и стыдно, когда я думаю о том, что скрывал свое писательство от друзей и знакомых; объясни, если об этом спрашивают, что дело совсем не в недоверии — просто иначе нельзя было по многим причинам, из которых не последняя — мысли об их собственном благополучии.

Что слышно о Ремезове?* Хотя он и вел себя не совсем так, как хотелось бы, но все же меня интересует, чем у него кончилось. Или не кончилось? И как у Игоря?* Поздравь их с новосельем. А Нетку [Гитерман] — с днем рождения. Скажи ей, что из всех рыжих — она самая лучшая.

| 31/III/66

Милый мой Лар, я вчера получил целых 5 писем: от тебя, от Саньки, от Марка и Найи [Азбелей], от М.Злобиной, от Мишки Бураса. Я не хочу в письме решать и советовать, как быть с твоим здоровьем, мы обсудим это при встрече. Она, я надеюсь, произойдет скоро — ты, конечно, уже получила письмо от моего товарища.

По поводу полученных писем. Марку и Найке приветы; хотя Найка и пишет, что я вел себя по-джентльменски, но меня мучит мысль, что я (только теперь я это понял, в Москве мои решения казались мне единственно возможными и необходимыми) мог не втравлять Марка в эту историю, мог не врать на следствии, что Марк осведомлен о моем писательстве — ведь все это было мною придумано только ради очной ставки!* Не могу выразить, как мне скверно оттого, что все это повлияет на его дела*. Они — Марк и Найка — оказались самыми обязательными: прислали фото. Ну, конечно, пусть еще фото-

графируются и присылают. Письмо Мишки очень любящее и достаточно бестолковое. Позвони ему (рабочий телефон в моей записной книжке) и скажи следующее: за письмо и любовь — спасибо; Маришку и Лешеньку я целую. Что касается Яна [Гарбузенко] и Юры [Хазанова], то писать я им не буду. Если они чувствуют свою вину, то могут обойтись без посредника — написать сами. Я уже говорил, что мне их жаль и что претензий к ним у меня нет; а вот позиция самого Мишки продолжает вызывать у меня недоумение*. Если эта позиция осталась первоначальной. Если же она изменилась, то почему бы ему не прийти к тебе и не сказать об этом, не извиниться? 25 лет наших с ним отношений весят, я думаю, больше, чем самолюбие. Сочувствовать же мне, не общаясь с тобой, — этот вариант я не принимаю. По крайней мере, для Мишки.

Как хорошо, что ты в письмах поминаешь имена близких и не близких людей! Я не знаю, чем в итоге обернется для меня заключение; покамест оно обернулось постоянной нервозностью: как ведут себя, что думают, говорят люди, с которыми у меня были дружеские, приятельские или вообще хоть какие-то отношения? Это сейчас мой пунктик, бзик; я понимаю, что это глупо, но думаю об этом день и ночь (буквально). Видно, сильно меня все-таки садануло отступничество тех, в кого я верил, тех, кто, как мне казалось, должен был бы быть на моей стороне. И сейчас у меня уже не вызывает улыбку воспоминание о непроницаемых, каменных лицах в публике на суде — знакомых лицах.

Ну что же о быте? Кормят сытно, но не питательно и, разумеется, невкусно. Есть библиотека, довольно приличная — на полсрока хватит. Раз в неделю — кино, фильмы один другого хуже. Вот подсохнет, потеплеет, и те, кто в состоянии, будут играть в футбол, в баскетбол. Ну, для меня это исключается. У нашей (аварийной, грузчицкой) бригады есть возможность мыться хоть дважды в день. А мыло и горячая вода — это явления, имеющие тот же смысл, что и на воле; ведь все остальное — от солнечного света до куска сахара, включая чтение, — воспринимается опосредованно, под углом зрения заключенного. Вообще-то о быте беспокоиться не надо — и в этом плане я не плюхнулся мордой в землю: меня очень бережно и заботливо ввели в быт милые и хорошие люди, которых здесь более чем достаточно.

Милые мои, я заканчиваю. В связи с завтрашним переходом на другую работу у меня сегодня есть всякие дела. Мое письмо длиной в две недели будет сдано сегодня, два-три дня оно может пробыть здесь, у цензора, а потом все эти листки отправятся к вам. «О, быть бы и мне в их числе!»*

Целую вас

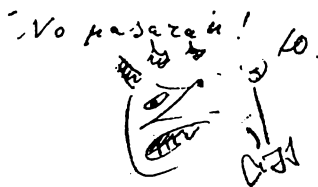
Ю.

И скажите все-таки, чтобы все, кто будет писать, последовали примеру Азбелей — прислали фотоморды. А вы — в первую очередь.

Милые мои! Еще одно слово — на всякий случай. Идиллия, описанная мною, может измениться, уступить место какой-нибудь другой ситуации. Этого не надо бояться. Вообще ни черта бояться не надо. Сейчас я с удовольствием перечитал бы «Ирландские саги», особенно ту, что о Кухуллине, помнишь: «...один глаз выкатывался, как пивная бочка...»?

No pasaran!

Ю.

п и с ь м о ч е т в е р т о е

14/IV/66

Ну вот, милые мои, я немного очухался после свидания с вами и могу начать свои многоэтажные письма. После вашего отъезда я ходил малость ошалемши, веселый и переполненный привезенными новостями. Вчера и сегодня — реакция, черт ее знает, химическая или психическая: грустно, уныло, ничего делать не хочется. Знатоки со стажем говорят, что все в порядке вещей, что со всеми так бывает и что это скоро пройдет. Хорошо быть банальным и быть уверенным, что это состояние не затянется.

Ты знаешь, Ларик, что я надумал после разговоров с вами и после ваших рассказов о том участии, которое выпало нам на долю? Я решил написать письмо в газету (скорее всего в «Известия» — они ведь специализируются на «деле Синявского и Даниэля») о том, что я был введен в заблуждение юридическими и прочими органами относительно общественного звучания наших произведений и что теперь я решительно отказываюсь от всех своих «сожалений». Я пошлю такое письмо одновременно с этим или несколько позднее. По-моему, это необходимо сделать, чтобы об этом знали те, кому знать надлежит. И чтоб никто не спекулировал на моих формулах.

С удовольствием написал бы также письмо в комитет по присуждению Нобелевских премий, поздравил бы их с удачным выбором последнего лауреата: насколько мне известно, еще ни один из «сей стаи славной» не выражал публично сожаления о временах, когда можно было ставить к стенке без суда и следствия. Право, им следовало бы знать предвоенные высказывания Шолохова на аналогичные темы. «Возвратился на блевотину свою» — так, кажется, сказано в Библии? Боюсь, что такое письмо не дойдет — до Стокгольма далеко.

| 15/IV/66

Я сейчас окончательно порвал с «очернительством», более того, я занят прямо противоположным делом: мы вместе с Антоном Накашидзе белим известью торцы бревен. Это нужно, чтоб дерево не трескалось и не портилось. Сегодня группа латышей, с которыми я иногда беседую о Райнисе, Судрабкальне и других латышских поэтах, приветствовала меня на работе: «Привет маляру!» Я гордо ответил: «Не каждый день удается мальчикам красить заборы!» «Номер не пройдет, — сказали умные латыши, — мы тоже читали “Тома Сойера”».

За март я заработал 11 рублей! То есть заработал я больше, а эту сумму получил на руки. То есть, не на руки, а на мой личный денежный счет. $11 - 5 = 6$. Итак, 6 рублей будет ежемесячно оставаться в течение 4 с половиной лет. Сколько всего? Пусть Санька сосчитает — я не в состоянии. В общем, я выйду на свободу жутко богатым, даже пропить удастся не сразу.

Очень я рад, что мои туалеты мне, по вашему утверждению, к лицу. Я совершенно успокоился, тем более, что недавно ваше впечатление было подтверждено одним из моих знакомых: «Ю.М., — сказал он, — вы носите вашу одежду с августейшей небрежностью».

На днях мы разгружали гальку (я все-таки — не часто — хожу на грузы). Если камушек вытереть об штаны, а потом облизать — он обретает свой настоящий, почти коктебельский цвет. А может, и на самом деле коктебельский? Там попадались и раковины, вернее, обломки. Письмо Иры Глинки о Коктебеле чуточку материализовалось. Ребята сунули мне пригоршню камней в постель (обычные шуточки), а я сказал «спасибо» и пристроил камушки на полку.

Кстати, о письмах. Итак, за все время я получил письма от Воронелей, от Якобсонов, от Гитерманов, от Фаюмов, от Иры Уваровой, от Иры Глинки (2 письма), от Наташки Садомской, от Лены Аксельрод, от Ирины Кудрявцевой. Ну, о других я тебе писал, давал поручения. Со всеми вы там сами общаетесь, скажете про меня и от меня,

а вот Лене Аксельрод пусть позвонят Воронели, а Ирине Кудрявцевой — Тошка [Якобсон] и пусть передадут мой привет и благодарность.

В общем, за месяц, прошедший со времени получения вами моего адреса, я получил кучу писем. Я понимаю, что этот «поток приветствий» скоро начнет иссякать, это естественно. Но если бы вы и все мои корреспонденты знали, как мне радостны эти письма! С ними мне ничем и непрекращающиеся выбрыки газет. Кстати, последний такой демарш «Известий» подписан «Обозревателем» (чуть не написал «Осведомителем»). Очевидно, наш с Андрюшкой дурной пример заразителен*. Черт с ними, они католичнее папы римского, написали, что мы, дескать, призывали к свержению строя насильственным путем. Скоро они напишут, что я пил кровь христианских младенцев, а Андрюшка устраивал еврейские погромы. Ладно. Еще, и еще, и еще раз: я ни о чем не жалею и ни в чем не раскаиваюсь. И пусть ахают и качают головами те, которые предпочитают «служить на суше, да только б ленточки носить»*.

Милая моя, я все время глажу тебя по голове, не горюй, все образуется. И в самом деле, вся эта история трагична не для нас с Андреем. Самое скверное в ней — это то, что она вообще могла произойти. Конечно, мне жалко и себя, и Андрюшку, и в особенности вас и всех, кого она коснулась лично; но она, к сожалению, выходит за рамки наших судеб: горько думать, что мы были предлогом для острастки, указанием на дальнейший курс. Но хватит об этом. Хорошо, что все или почти все знают истинную цену этому «делу» и многие безбоязненно реагируют. «Всо отлично, держис!»

Дорогие мои! Удивительной жизнью я живу. Новые лица и впечатления каждый день. Я был очень наивен, окрашивая лагеря одним цветом. Яркое и тусклое, сосредоточенное и легкомысленное, трагическое и комическое, высокое и низменное, — все здесь причудливо переплелось. Вы не представляете, как гудит у меня голова от всего этого. Нет, сразу писать я не буду — погожу, пусть отстоится. Свидание было пробой. Немножко порассказывал — и понял, что не то. Исказать облик лагеря ничего не стоит. Это может произойти нечаянно, непреднамеренно — от экзотики, от обилия материала. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким богатым и таким беспомощным. По малейшему поводу я готов схватиться за перо. С трудом удерживаю себя: «Погоди, еще нет картины в целом!» Надобно, чтобы эти кусочки, эти новеллы сложились в мозаичное панно. И надо, чтобы я сам освободился от захлеба первых дней и месяцев. Однако и медлить нельзя, чтобы не оравнодушнеть. Правда, мне кажется, что со мной это не может случиться. Между прочим, еще и потому, что

окружающие не позволят мне этого. Лясы точить мне не разрешают, жить растительной жизнью — тоже, от меня требуют серьезности и пристального внимания.

Можно подумать, что люди, решающие, какие фильмы нам показывать, обладают безукоризненным вкусом: так безошибочно отобраны для нас только очень плохие картины. Увы, увы! Так хотелось бы посмотреть что-нибудь порядочное.

А какие фильмы смотрите вы? И смотрите ли? Чтоб мне было хо- жено в кино!

Я по-прежнему в той же компании. Понемножку развлекаю их рассказами о себе и друзьях; подвираю помаленьку.

На другой день после вашего отъезда — 10-го, в воскресенье — Пасха. Ее праздновали все, независимо от национальности, религии и веры. Возраст тоже роли не играл. Главное, что праздник, и празд- ник совсем не официальный. Где-то часа в 4 дня я отправился в одну любопытную компанию (я был приглашен дней за десять), мы очень много ели и очень много говорили. Алеша Карамазов, святая инкви- зиция, Тарас Шевченко, совесть, нравственность, долг, необходи- мость, естественность культуры, неестественность культуры, револю- ция, эволюция, культ техники (дружно предан анафеме) и пр., и др. А потом меня уволокли в другое место. Там пили кофе, и две гитары разделявали цыганские романсы. Особенно хорош был один гита- рист — с лицом разочарованного афериста, с иронической и лени- вой манерой: «Вы просите песен? Их есть у меня...» И, представьте себе, к вечеру в лагере было весело. Песни, много музыки — целые оркестры, шум, шутки. И все это страшновато. Невооруженным гла- зом видны самовзвинчивание, самоутверждение, самоугаваривание: «Мы шумим! Мы шутим! Мы поем и играем! Нам весело!» А слышится: «Мы шумели! Мы пели! Нам было весело!»

А вот сегодня — опять воскресенье — открытие спортивного се- зона. Волейбол, баскетбол, футбол. На футбол я пошел лишь потому, что в одной из команд четыре человека из нашей бригады, в том чис- ле Антон [Накашидзе]. Волейбол был на дачном уровне. А вот баскет был хорош. Латыши против литовцев играли и разделали дружествен- ную республику под орех. Приятно было глядеть на рослых, сильных, ловких молодых парней, на знатоков и болельщиков; перед игрой, в перерыве и после играл (и лихо играл) оркестр; солнце шпарило вовсю, оживление, шум, уже зазеленевшие деревья. Я смотрел и соображал — чего же здесь недостает? И потом понял: девушек. Де- вушек, которые ждали бы спортсменов, хвалили бы победителей и утешали бы побежденных: объясняли бы им, что виноваты погода, пристрастность судьи, коварство противников. И парни снова стано-

вились бы длинноногими. Они ведь совсем молодые, эти ребята, и я никак, никак, никак не пойму, почему они здесь, а не в своей Риге или Вильнюсе? И если по поводу пожилых можно думать всяко (в столовой, напротив за столом, сидел как-то седобородый, крестящийся перед едой дед; он посмотрел на наши черные пайки и сказал: «Сынки, поешьте беленького», — и протянул нам ломоть. Очень может быть, что на его совести десяток-другой повешенных женщин и детей, не смотря на его благостный вид. Хлеб мы взяли), то эти прибалты с 6-, 8-, 10-летними сроками — что они сделали или могли сделать в свои 16, 17, 18 лет? Ничего, кроме наивной болтовни на национальные темы.

А вечером (я дописываю этот кусок уже 18/IV) на скамьях, около нашей бригады — оркестр эстонцев: три аккордеона, две гитары, кларнет, труба. И начали они с марша, который был у нас на Борькиной пластинке — помнишь, со свистом, очень бравурный?

А потом часа два я гулял с одним парнем, и он рассказывал мне свое «дело», очень интересное и поучительное. Это тот мир, который был мне всегда чужд — мир политики, философии, экономики. И знаете, что говорят мне такие люди? Что моя область — область эмоций, инстинктивного, стихийного порыва — важнее и нужнее, чем их. Многие из них пришли к такому выводу. Что мы, дескать, базируемся на вечных, естественных категориях. «А мы — слепые, мы — поэты, и нам поэтому видней». Это из стихов Тани Макаровой. (Я был бы все же очень рад получить хоть пару строк от нее: я был бы тогда совсем спокоен, так же, как по поводу Марка и Андрея*.)

А потом, ближе к отбою пришел ко мне латышский поэт* (настоящий поэт!), и читал мне свои стихи (настоящие стихи!), и подавил меня своим талантом и своей литературной эрудицией. Он уже читал мне раньше, и я с самого начала восхитился и безумно захотел его переводить. У него узкое лицо интеллигентного святого, удлиненное светлой бородкой. Аскет с папироской, цитирующий Лорку и Элюара, сноб в лагерном клифте*, блестящий версификатор, бесконечно усталый, бесконечно живой, спокойно неуступчивый — Поэт.

Так я провел вчерашний воскресный день. Да, между прочим, я еще разгружал щебенку с платформы.

А сегодня я перепишу начисто письмо в «Известия» (черновик я сработал много раньше) и отошлю его. Попробую поменять тюфяк — мой уж очень б/у. Начну читать в «Жовтні» роман Вл. Гжицкого «Ночь и день». Вечером буду делать вместе с Кнутом [Скуениексом] подстрочники его стихов. Все это, разумеется, помимо работы на благо отечества. И помимо встреч и разговоров стихийных, возникающих не по моей инициативе.

Я уже здорово загорел, работаю по пояс голый, солнышко поджаривает, от бревен пахнет смолой (это когда сосна), и настроение поднимается. Да и невозможно долго кукситься и унывать, когда перед глазами примеры мужества, выдержки, достоинства. Право же, я не преувеличиваю — доказательством то, что я отчетливо вижу и обратные явления: развращенность, «приблатненность», нравственное падение. Но, Боже мой, что тогда сказать о людях, которые не в лагере, не в тюрьме становятся такую гнусью, что пробы ставить негде? Опять я начинаю злиться, когда думаю о них. Художник Роман [Дужинский] (который вам кланяется и который сегодня сообщил мне ходящую среди украинцев радостную легенду о том, что ты, Ларка, говоришь по-украински лучше любого украинца, — довольны все донельзя!) сказал мне, что у меня злое выражение лица. Потом добавил: «Злой от доброты».

Черт его знает, почему я все время сбиваюсь на пафос, на бурные эмоции по поводу людей, их характеров и судеб! Может быть, потому, что это сейчас и есть мой быт — больше, чем еда, одежда, сон?

И все-таки поговорим о быте — в прямом значении этого слова. Что мне нужно? О кедах, зажигалке и портсигаре я вам говорил. А еще вот что: 2–3 пары трусов (а еще лучше — дешевых трикотажных плавок); несколько пар носков — обязательно с резинкой; 2–3 чашки, таких же, как прислали; комплект пинг-понга (увы, это единственный вид спорта, доступный мне); много мыла — ужас, сколько приходится мыться! Это пока все. Не очень страшно, а?

Сегодня я уже писать не буду, наверное, а завтра допишу и отправлю. Письмо в «Известия» отправлю сегодня, копию — генеральному прокурору, чтоб приобщили к «делу».

Да, вот еще: если нетрудно достать какую-нибудь книжку или журнал на суахили, пришлите. Только не учебник. Не пугайтесь, просто я заинтересовался африканской литературой*.

Ты знаешь, я решил тоже нумеровать письма. Итак, это письмо № 4.

Братцы, а вы знаете, что «оскорбительная» кислота с сахаром* вполне съедобна?! Если ее, конечно, не жрать ложками, как вы пытались меня заставить, а класть в чай.

Вам передают приветы все, о ком вы слышали и кто слышал о вас. Кроме лично знакомого вам Толи*: у него были некоторые разногласия с администрацией по вопросу о туалетах, в результате чего мы отдыхаем от его крика до пятницы*.

| 20/IV/66

Ларонька, я позавчера отправил письмо в «Известия», копию — генеральному прокурору. Если будет время и желание, попробуй через недельку узнать в «Известиях», получили ли они мое письмо*. И только. Что они с ним сделают — об этом, я надеюсь, они сами сообщат.

Вчера я не писал совсем, был какой-то суматошный день, с бесконечными незапланированными разговорами. Времени на чтение и на работу (я имею в виду — литературную) почти не остается. Но все же я немножко читаю и совсем чуть-чуть пишу.

Сегодня получил 4 письма: от Сашки [Воронеля], от Иры и Юры [Левиных–Глинок], от Иры Уваровой, от Мишки Бураса. Я рад этому Мишкиному письму: наверно, он просто не сразу расставил все по своим местам. А теперь я рад — потерять его мне было бы не просто.

Воронелям скажите, что теперь я точно знаю, кто перевел уайльдовскую «Балладу» — Володька!* Хотел бы я знать, какое это место заняла бы Нелка в Московской области по знанию английского языка!

Если наш общий с Ирой Уваровой и ейным Пашкой [Павлом Уваровым] котенок вполнину так хорош, как на рисунке Иры, то он — чудо природы. Но что удивительного? Он рожден Туськой и воспитан Кирюхой.

Увы, я совсем не знаю Тышлера, о котором пишет Ирина Глинка. Завидно... Скажите ей, что она пишет прелестные письма, ощущение разговора, интонации поразительное, даже страшновато, как будто вижу, как говорит. А Юра пусть не извиняется: я же сам отлично знаю, что никакой я не лирик* (в стихах, по крайней мере), вирши мои декларативны (что, впрочем, именно сейчас кажется мне имеющим определенный смысл) и вообще они — побрякка самому себе. Выберусь на волю — «завяжу».

Сегодня у нас в гостях «представители общественности РСФСР». А на ужин — каша с подливкой. Не знаю, есть ли взаимосвязь между этими явлениями... Днем на работе я все время думаю: «А еще об этом надо в Москву написать...» Но запоминаю почему-то только то, о чем писать нельзя. Оно конечно, не всякая работа способствует запоминанию; сегодняшняя, например (мы нагрузили 8 машин бревен и побелили торцы в двух штабелях), мешала сосредоточиться.

Милые вы мои! Это я говорю «милые» не только вам, Ларка и Санька. Я вас очень всех люблю и хочу сказать, что я люблю вас точно так же, как и раньше, и даже моя благодарность вам не меняет моего к

вам отношения — иначе ведь и быть не могло, вы ведь не могли оказаться другими, а немногие исключения — нормальный процент брака. А я-то и подавно тот же. Разве что прибавилось злорадной иронии; ну так ведь это не к вам относится — объекты этого качества (они же — причина возникновения) помещаются где-то совсем в другой области жизни человеческой (человеческой ли?).

Мои товарищи смотрят ваши фотографии и радуются им — за меня и за себя. Один человек — не из нашей четверки*, я немножко рассказывал вам, Ларка и Санька, о нем — сказал мне, выслушав несколько строк из разных писем: «Вы знаете, Ю.М., для меня большая радость узнать, что сейчас в России есть такие люди, как ваши друзья».

Очередное письмо я отправлю где-нибудь в первых числах мая. И вскрыть его и прочитать первой должна ты, Лар. Там будет кое-что только для тебя.

Ну вот. Я заканчиваю. Я здоров, рука не болит, на бревна я больше не падал, и бревна не падали на меня. Да, неплохо бы еще зубной пасты — я после порошка набросился на нее, как на лакомство. И крем — от извести руки сохнут и даже немножко трескается кожа, а если смазывать, то все в порядке.

Ларка, без свинства — гоните фотографии! Те, кто не прислал, тоже гоните.

Целую, обнимаю всех.

Алле и Иосифу Ароновичу [Богоразам–Зиминим] — отдельный, профессиональный привет*.

Ю.

П И С Ь М О П Я Т О Е

| 24/IV/66

А вот опять воскресенье. Я помню, как в Лефортове я мечтал: «Когда же, наконец, я буду ждать воскресенье — отдыха, свободного дня?» Там, в Москве, по воскресным дням была тощица смертная — ни вызовов, ни допросов, никаких следственных аттракционов. Ну вот, сбылась мечта идиота. Одно только плохо здесь по воскресеньям — нет почты.

Два дня — сволочная погода, зверский холод. Все снова ходят в ватниках и разговоры ведут совсем салонные — о погоде. Обороты, правда, салонными не назовешь. Из-за этой чертовой холодины сегодня срываются волейболы, баскетболы и прочие футболы. И мой пинг-понг тоже.

Сегодня ночью мне приснился чудесный сон — стихотворение Фроста «Жена Поля Баньяна». Я прочел его в 12-м номере «Нового мира», привлеченный именем переводчика — Андрея Сергеева. И вот эти стихи мне приснились, и я был и автором, и переводчиком, и героем, и даже немножко героиней. А обычно мне снятся странные, двойственного ощущения сны: я на свободе, встречаюсь и разговариваю с людьми, но точно знаю, что это временно, что сейчас, или завтра, или когда-то должен вернуться в лагерь, потому что я не освобожден, а просто как-то так устроилось, что я могу быть в Москве. Это совсем не страшно и не мучительно, и меня все время удивляет отношение собеседников — трагическое, бурно сочувственное.

Меня изводят умными разговорами, и вчера и сегодня я не выхожу из своей «секции», валяюсь на койке и упоенно читаю «научную фантастику». Визитеров известное вам лицо [Футман] встречает бронбойными фольклоризмами, и они (забавные интеллигенты!) в ужасе дематериализуются.

Отрадное явление: я все время ошибаюсь в определении возраста людей, все время считаю их более молодыми, чем на самом деле. А мне объясняют, что заключение консервирует возраст. Стало быть, в ноябре 1970 г. мы будем отмечать мое 40-летие. Ах, как хорошо они, мои нынешние коллеги, консервируются! Я ошибаюсь на 10, 15, а то и 20 лет... Наверно, в конце этого письма будет стихотворение*. Оно опять получится декларативным, но что же делать?

Юра [Левин] так здорово написал о Мандельштаме, что захотелось почитать. Кстати, скажите ему, что великолепная строка «Мне на плечи бросается век-волкодав», действительно, не может быть целиком отнесена ко мне. Еще неизвестно, кто кому в глотку вцепился... И, бога для, скажите всем, пусть не стесняются и не извиняются за слова типа «рад за тебя (за Вас)». Я прекрасно понимаю, что это значит и вполне согласен.

Игры сегодня все-таки состоялись. Но я смотрел только баскет. Опять латыши всыпали противникам. У них — у латышей — сегодня праздник: одному из членов команды исполнилось целых 24 года. Шестой по счету день рождения, который этот парень встречает в мужской компании. По этому поводу я был приглашен к ним на кофе.

Ларик, заставь все-таки их заплатить деньги за «Бегство»! А то расходы на бандероли подорвут твою финансовую мощь.

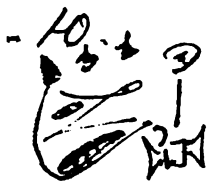
Две недели нет писем от вас. Судя по другим письмам, вам приходится туго. Я бы советовал рассказ о поездке в Явас записать на магнитофон и включать, когда приходят жаждущие узнать о грузчике Даниэле. Впрочем, я полагаю, о записи уже позаботились?*

Страшные ветры. Ночью ветром сломало трубу на бане. На открытом месте прямо-таки сносит в сторону.

Я живу тихо, никто меня не беспокоит. Да и зачем? В каждом письме я, рискуя быть однообразным, подтверждаю неизменность своей позиции; а письмо в «Известия» окончательно поставило все точки и многоточия над всеми надлежащими буквами.

Я сегодня беседовал с котенком по имени Бельчонок. Он живет в ящике с ватой и очень плачет, когда его мама Белка уходит подышать свежим воздухом. А еще, проходя на работу, я перекинулся парой слов с одним собаком. Он стоял на том месте, где я утром увидел Саньку. Если бы он был человеком, его, наверно, судили бы за измену и саботаж: он — немецкая овчарка.

Ю.

| 29/IV/66

25/IV я получил телеграмму* и до сегодняшнего дня просто не мог писать. Ох, Ларка, слов нет, чтобы передать свои ощущения, даже пытаться не буду. Наташка (ее все видели, когда шли на работу и с работы) обольстила всю мою дружину*, и третий день только и разговору, что о ней. «Какая фемина!»

Ларик, сразу поручение, забыл сказать на свидании: черкни открытку по адресу «Тбилиси, ул. К.Месхи, 8, Орехову Юрию Петровичу», напиши, что Антон Накашидзе недоумеваает, почему нет обещанных писем; либо они пропадают, либо его (Антон) письма не доходят, либо (что вполне вероятно) этот самый Орехов попросту не пишет.

Не забудьте о слуховом аппарате!* И узнайте, высылают ли они наложенным платежом.

Очень жаль, разумеется, что начальство недоволено твоими манерами; боюсь, что и мои фразеологические обороты не понравились. Шокинг, да и только!

К праздникам разрешили отправить 2 поздравительные открытки сверх лимита. Я послал весточки (они же, разумеется, поздравле-

ния) тем моим корреспондентам, у которых меньше всего возможностей что-либо регулярно узнавать обо мне. Ты и Санька не будете в претензии, а всем близким объясни, что иначе я не мог, пусть не обижаются.

Сегодня у меня состоялась беседа по поводу работы. Администрация проявила трогательную заботливость и предложила мне другую, не грузчицкую работу. Жаль только, что все станки в машинном цехе создаются для людей с нормальными руками — вся нагрузка приходится на правую*. Воют эти станки, как грешники в преисподней, и визжат, как представители прессы. Увы, мастер цеха сказал, что мне в этом цехе делать нечего, и я, к величайшему прискорбию, вынужден был с ним согласиться. Дело в том, что, очевидно, в связи с резкими изменениями погоды рука у меня здорово разболелась; не помню точно, говорил ли я об этом начальству. Кажется, нет. А может, и говорил... Так или иначе, а работа в этом цеху (во всяком случае, на станках) «не для меня, не для меня». Завтра разговор будет продолжен.

А в бандероль положите перцу, разумеется, молотого — жратва уж больно безвкусная. Какой у меня винегрет получается — из новостей, размышлений, поручений!

Минут через десять будет отбой, на сегодня заканчиваю.

Да, последние минуты нашего свидания живо напомнили мне «Александрийские песни» Михаила Кузмина в графочкином картавом исполнении. Увы, все тает, расплывается, исчезает...*

| 30/IV/66

Сегодня с работой ничего нового. Трудился по-прежнему по уборке территории лесобиржи. После работы смотрел баскет (латыши непобедимы!), а потом битый час разглядывал экслибрисы одного коллекционера, очень занятные. Пришли, кстати, один из наших, который получше.

Ларонька, кажется, сегодня день рождения Тошки [Якобсона]. Я вспомнил об этом уже вечером, когда поздно было посылать телеграмму. Поздравь его от меня, скажи, что я его, шалопута, люблю и желаю... Черт знает, чего только я ему ни желаю! («Не» или «ни»?)

Где-то в конце мая день рождения Иры Глинки; в первом же письме сообщи мне точную дату (а ей ничего не говори!). И вообще пришли мне «святцы» — я буду слать поздравительные телеграммы, на них лимит не распространяется. Впереди — два дня отдыха, пиршеств и развлечений. Ну-ну, посмотрим.

Все эти дни ко мне подходят знакомые и незнакомые, спрашивают: «Ну как свиданка?» Я отвечаю стереотипно: «Один час». Реакция тоже стереотипная: «Вот кедрины!»*

После свидания хотел я было от досады рвать на себе волосы, но потом решил поручить это Толе [Футману] (который очень вам всем кланяется и третий день сочиняет вам письмо), и при помощи машинки он меня оболванил, и я теперь опять гладенький, как бильярдный шар.

Сегодня с утра — праздничный завтрак: суп с макаронами и оладья(!). Люблю повеселиться, особенно пожрать.

Помнится, где-то у нас болталась книжка «Человек и дельфин», кажется, так она называется. Суньте-ка ее в бандероль. И вот еще что: я не знаю, насколько это удобно, но может быть, кто-то из литераторов, принявших близко к сердцу всю нашу историю², захочет доставить мне радость и прислать самостоятельно или переслать через тебя или друзей свои книжки. В первую очередь это относится к Дзэику [Д.Самойлову]. Упаси боже, я не хочу никаких демонстративных жестов, просто мне очень не хватает современной литературы, особенно поэзии. Дзэика и Булата [Окуджаву] я хоть кое-что наизусть помню; но, к сожалению, мало. А вот Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Мориц, Корнилова — только строфы, строки, обрывки. А очень бы хотелось многое перечесть, послали бы они, а? Можно и без автографов³. Я обращаюсь к ним¹, потому что знаю, как трудно достать их книжки.

Братцы, милые, не сердитесь, что в каждом письме я наваливаю на вас кучу поручений. Ведь несмотря на то, что мне предоставили возможность окунуться в «литературный материал», так хочется сохранить себя и в мелочах и в большом; а для этого годится все: от частого бритья, от чашки «домашнего образца» до привычки читать или слышать новые хорошие стихи. Маринка Фаюм права, когда пишет о нераздельности нас и стихов; меня, например, лишит стихов — все равно что вырезать что-то изнутри.

Несколько часов назад я слушал музыку: Бах, Равель и другие, не менее серьезные. Здесь есть любители, у них солидный набор пластинок. Представьте себе (аппарат постепенно отступает, в кадр попадают новые детали): сначала небо, голубовато-серое, низкое, холодное, очень грустное; потом березы, высокие, стоящие негустой рощицей, с

¹ Кадик [Филатов] и Марленка [Рахлина] пусть книжки пришлют.

просветами, в которых тоже небо, только посветлее; потом забор, поверх которого и перед которым геометрические узоры проволоки — параллели, равнобедренные треугольники, трапеции; потом окно с зеленоватой рамой и крошечными занавесками-шторками (жалкая попытка создать видимость уюта); потом — сидящие мы, остриженные, в ватниках и спецовках, в сапогах и грубых башмаках. Вы знаете, я ничего в музыке не смыслю; торжественно-парадная обстановка концертов настраивала меня на несколько иронический лад, и вообще любой концертной музыке я предпочитал доморощенный вокал под гитару. Ну, за исключением двух-трех вещей: «Пер Гюнт», «Сказание о граде Китеже» и др. А вот здесь я, по-прежнему ничего не понимая собственно в музыке, вдруг почувствовал ее абсолютное бескорыстие, совершенную несвязанность с искусством злобы дня (пусть даже настоящим искусством). Чистая человечность — вот какое у меня было ощущение. Наверно, люди, любящие музыку, знают все это; а для меня — это откровение, ниспосланное ситуацией.

Ну что, что можно противопоставить этому? Дрянную пищу? Невежественных лекторов? Бесстыжую грубую силу? Я смотрел на лица этих 10–12 людей — восторженные, печальные, сосредоточенные — и радовался каждому движению их губ, ресниц, бровей.

На очередную кинобаланду я не пошел, ну ее. Попил кофейку с двумя симпатичными людьми и вернулся к себе — читать, писать, чуть не написал — думать. Думать — это трудно. Когда я читаю и, особенно, когда пишу, — меня никто не тревожит. А вот когда думаю, сижу или лежу без видимых занятий, вот тут-то меня, раба Божьего, и ловят жаждущие, тут-то и начинается «Беседа любителей российской словесности». Не одной, впрочем, словесности: некоторых интересует, например, как приобрести автомобиль. Ведь кто-кто, а я-то, при моих-то доходах, должен был иметь «Волгу»! Один вольнонаемный дурак* так и не поверил мне, что у меня не было ни машины, ни квартиры, ни импортной мебели. Да он, пожалуй, и не виноват, разве лишь в том, что думать не умеет. А начальству просто и удобно объяснять наше творчество жаждой жирных гонораров.

| 4/V/66

Я таки угодил в машинный цех. Чудище, с которым я отныне состою в законном браке, называется, кажется, «шипорезным станком». Слава богу, у него только две кнопки: «Пуск» и «Стоп», и обращаться с ним значительно проще, чем с «Днепром-9»*. Правда, мелодии, которые он напевает, менее благозвучны. Я постараюсь просверливать

дырки только в надлежащих деревяшках и не увеличить число дырок, просверленных во мне Аллахом. Итак, я снова вступил на путь преступника: я участвую в групповом, умышленном, с применением технических средств выпуске выдающейся по своему безобразию мебели. По-моему, те штуковины, в которых я делаю дырки, имеют быть ножками стульев. Но я в этом не уверен.

Сегодня утром мне сообщили, что на языке наших предков «Даниэл» значит «судья Божий». Ежели это так, как же тогда звучит на этом же древнем наречии слово «подсудимый»? Или «осужденный»?

Что-нибудь уже решено с Санькиным летом? Мне почему-то очень не хотелось бы, чтобы он уезжал далеко. Малыш, как твои дела? Догнал ли ты своих однокашников? По вине своего легкомысленного отца ты, наверно, изрядно отстал.

Майка [Улановская] спрашивала, похоже ли то, что я вижу, на «ее времена»*. Нет, насколько я могу судить. Сейчас значительно легче в бытовом отношении. И в смысле работы. Но вот что удручающе скверно: атмосфера подозрительности, взаимного недоверия и безнаказанности тех, кто этого недоверия заслуживает. Ну да ладно, наплевать. Лично мне ничто не угрожает — все мои взгляды были громогласно изложены, других у меня нет, и вообще я (как и раньше) предпочитаю разговаривать об искусстве.

Я буду скоро кусаться на расстоянии: почему до сих пор нет фото? И ваших, и всех других? Мои претензии относятся ко всем без исключения моим корреспондентам. Кстати, дома у нас есть разные фоты: у Фаюмов мы все снимались, Марленкина фотография и всякие другие. Пришлите их, а?

Еще одно поручение: Гильберт и Аккерман, «Основы теоретической логики»*. Видишь, Ларка, какой я становлюсь умный и научнолюбивый? Или «науколюбивый»?

Читаю я сейчас книжку Голосовкера «Достоевский и Кант». По части Достоевского мне все понятно...

Я оттягивал отправление этого письма — хотел получить сперва твое, Ларик. Но письма нет и нет. «Пишут», — говорят обычно в таких случаях. «Читают», — более уместная в этом случае реплика*.

Всем вам самые пылкие приветы от моих товарищей, а вам, Ларка, Санька и Наташка, — особо горячие, я бы сказал — страстные. По отношению к вам (Ларка и Наташка) даже не допускаются шуточки, не считающиеся здесь дурным тоном.

Целую — Ю.

Телеграмму от родителей [Богоразов–Зиминых] получил — спасибо. А хорошо было выпито в «Ласточке»?

10/V/66

Четыре дня отдыха в одной декаде — жизнь прямо царская. Мы бездельничали вчера и позавчера, сегодня я иду работать во вторую смену, так что я отлично отдохнул, выспался; вот, правда, ни писать, ни читать почти не довелось: бесконечные литконсультации, работа исповедника и просто болтовня. Занятно, что ни у кого даже тени сомнения не возникает, что мне, может быть, «не в жилу» все эти повествования, автобиографии, исповеди. Более того: многие, кажется, загипнотизированные словом «писатель», вообще забывают, что я в заключении. Нет, это я не жалею — рассказываю. Я читаю письма с воли — удивительные письма, в которых молодые и свободные женщины молят о разрешении любить и ждать; кассационные жалобы со всеми жанровыми признаками романтических поэм; стихи, которые могли бы быть юридическими документами. Я слушаю рассказы, до такой степени откровенные, что их даже циничными не назовешь. Все это безумно интересно и совсем не однообразно, как я боялся. Вот только собственную работу приходится откладывать. А я очень увлекся идеей переводов с латышского — того поэта, о котором я уже писал. Позавчера он прочел небольшую поэму «Не оглядывайся»* — об Эвридике, только в ней все наоборот: она одна в силах вызволить Орфея из царства мертвых. Ох, как мне всегда была близка эта идея!

Я получил твое, Ларик, письмо, отправленное еще до нашей встречи, телеграмму ко дню Победы, письмо от Юны [Вертман] (привет ей, спасибо; книжки, которые она называет, я не читал, и их здесь нет; я буду, разумеется, очень благодарен ей, если она их пришлет. Успеха ей и Ире [Уваровой] в постановке «Мольера!»), письмо от Мишки и Нетки [Гитерманов]. Мишке — задание: раздобыть II том «Монте-Кристо». Ой, братцы, беда! Умные книжки («Достоевский и Кант», книга о Лорке и т.п.) полетели к черту, и мы с Толей [Футманом] упоенно читаем об окаянном графе, выкрадывая и вырывая книгу друг у друга. Я решил было, что это признак нашей примитивности, но потом вдруг вспомнил, что нечто подобное было как-то с тобою, о моя «юная» и высокоученая жена! Мишке спасибо за предложение «разгрузить антресоли», но я не хочу превращать Явас в Нью-Васюки; здесь и так устраиваются турниры, кончающиеся а la поединок «Бендер—Одноглазый»; не стоит оснащать здешних любителей теорией. А вот любые художественные новинки мы милостиво примем и изъясним свое монаршее удовольствие. Рыженькую [Анну Гитерман] я целую (разуме-

ется, с Мишкиного дозволения! А?), и скажите ей, что она слишком хорошо обо мне думает. Впрочем, пусть думает: хоть я и знаю, что все не так, но мне все равно тепло от этого. Недавно я вспоминал, как Анька [Гитерман] категорически отказалась остаться в будничном платье на дне рождения, — когда надо мной подшучивали, что я переодевался к жину с ног до головы, — буквально, до Сашкиного [Воронеля] берета. Кстати, ему (не берету, а Сашке) не пришло на ум, что к такому сложному (многосложному) головному убору надо прикладывать техническую инструкцию? Как Нелкин палец? А ведь все от неумеренного кокетства...

А музыку я теперь слушаю (и буду слушать) регулярно. Вчера был Стравинский, потом «Ученик чародея» и др. А вечером пришли Толя [Футман] и Валерий [Румянцев], скрутили мне руки за спину и приволокли на «концерт самодеятельности». Я ушел со второго номера. Это не только плохо — это омерзительно*. Ребята считали, что мне необходимо испытать и это — в познавательных целях. Но, милые мои, ведь и профессиональная небрезгливость имеет пределы.

Из самой, так сказать, «анархической» бригады я попал в самую «законопослушную». Здесь церковная тишина, народ в основном пожилой, солидный, положительный. На стене — грамота, два вымпела; чистота идеальная; разговаривают шепотом; на производстве вкалывают вовсю. В общем, народ сознательный. За что эти люди сюда попали — лучше мне об этом не знать... Разумеется, я говорю не обо всех. «Производственные показатели» у них отличные. Что будет теперь? Я уверен, что больше 20–30% нормы я дать не смогу, во всяком случае — на станке. Мой станок — паинька, он живо откликается на нажатие кнопки «Стоп». И вообще он совсем не похож на того дикого зверя, который был под началом у Тошки*: не встает на дыбы, не прыгает, не кусается, только рычит, что, впрочем, ему по штату положено.

Ваш Ю.

Ваш Ю.

| 11/V/66

Вчера я получил массу бандеролей. Спасибочки! Все очень здорово, все в порядке, все мне отдали, за исключением рубашки — уж больно она нарядная, «вольная». Ну что ж, еще очко в Санькину пользу. Я предлагаю Саньке такую формулу: «Мама, давай пошлем папе новые ботинки (велосипед, мотоцикл, нейлоновую рубашку, транзистор, тахту и т.д. — по потребности)». Никаких новых заказов я пока делать не буду, кроме одного: мне нужны средства противовоздушной обороны. Дело в том, что здесь уже хозяйничает «мордовская авиация» — комары, а вы уже знаете, как я переносу эту пакость! «Тайгу» мне, «Тайгу»! Да, еще я получил телеграмму от Мишки и Борьки*. Лед трогается? Или как-ту?

Избаловали меня, черти, письмами, и теперь я безмерно удивляюсь каждый раз, когда остаюсь без письма. Вот пошел я вчера, необслуженный почтой, на работу — а ведь это во вред трудовому энтузиазму! И результаты соответственные.

Ларонька, ты, вероятно, в скором времени получишь письмо от некоего Рафаловича. Это ленинградец, занятный и умный человек, резкий, меломан. Он очень интересуется структурализмом, матлогикой и прочими твоими премудростями. Собирается чем-то таким заняться здесь. Ему понадобятся советы, рекомендации, может быть, литература. Насколько я понимаю, логикой он занимался в университете, высшей математикой самостоятельно. Так вот, он хочет с пользой употребить оставшиеся 2 года (позади — 8). Помогите ему, *magistra mea*, а? Или, если избранная им область окажется ближе к математике, чем к языку, сосватай какого-нибудь матдоброжелателя.

Слушай, а ведь ты мне обещала подробно рассказать о своей работе!

И Санька все-таки свиненок — за столько времени ни одной строчки.

| 12/V/66

Здрасьте, здрастьте! Доброе утро! Начинаем нашу передачу. Вчера уже под вечер была радость: я узнал об освобождении Ивана Светличного*. Как это здорово, что он дома — во всех смыслах. По этому случаю у меня было отменное настроение — ну прямо как в последнюю встречу с Наташкой [Садомской], Юрой [Левиным], Ирой [Глинкой], Кадиком [Филатовым], Зоей [Кагановой] и Мосей [Тульчинским].

Или как в Менделееве*, когда я так наслаждался прогулкой по лесу, что не хотел возвращаться с Сашкой [Воронелем] домой...

Работать во вторую смену не трудно, даже приятно; меньше уходит времени на всякие обязательные процедуры во время ухода на работу и после нее; полдня свободны, можно читать и писать (что я и делаю); да и работается вечером как-то спокойнее.

Мне приснилась встреча с Андрюшкой [Синявским], он был опухший и в каком-то истерическом состоянии. Почему о нем ничего никто не пишет? Скажи Машке, что я жду от нее письма! Она должна мне написать, это чудовищно, что я ничего не знаю об Андрее.

Сегодня с утра я сперва не дрова рубил*, потом слушал длинную поэму о «блатном Василие Теркине». Забавно; несмотря на полную литературную беспомощность, ухвачен говорок Твардовского, беспримерная освобожденность его стихотворной речи от всяких литературных обязательств. А вообще моим просветителям по этой части систематически не везет: только они начнут какую-нибудь специфическую песню, как я продолжаю следующий куплет — и они каждый раз поражаются, откуда, мол, сие? Вот какой я начитанный (наслышанный?). Вот. А потом я сыграл две партии в бильярд (выиграл!). Бильярды здесь самодельные, но очень хорошие, элегантно крытые одеялами вместо сукна.

За окном громыкает, опять будет дождь.

Портсигары я раздарил, один — Толе, другой — одному из «ленинградских мальчиков»*. У него был день рождения, и мы очень славно потрепались. Это тот самый мальчик, который женился в тюрьме — официально, со всеми загсовскими манипуляциями. Говорят, это второй случай в истории этой тюрьмы — героями первого были Ленин и Крупская. Все возвращается на круги своя... К сожалению.

Ему же я подарил один из мундштуков — цветной, а Антону [Накашидзе] — деревянный, красивый. А себе оставил янтарный — для сигарет и здоровенный черный — для махорки.

Милые мои, вещи вы мне прислали чудесные, но слишком дорогие — и носки, и плавки. Этак вы разоритесь. Ах-ах, одни убытки принесли мои литературные упражнения! Это называется, кажется, «издание за счет автора (и его семьи)»?

Где напечатан новый роман Каверина*? Если в журнале, то в каком? Я не успеваю читать текущую периодику и восполнять полугодовой пробел. Запомнилось: «Мертвым не больно» В.Быкова*, рассказ В.Некрасова о поездке в Сталинград*, «Пингвин» в «Иностранной литературе»* (а Сартр не понравился*). Сейчас урывками читаю «Возвращение» Н.Ильиной*. Увы, первая книга была лучше. А еще я прочел очень хорошую, очень трагическую пьесу «Снимается кино»* — в журнале «Театр».

Мне некогда скучать и тосковать, да и не могу я позволять себе такую роскошь; но иногда перепадают свободные минуты, и тогда я невольно занимаюсь «личной жизнью» — вспоминаю. Н-да, «смолоду было бито-граблено, под старость надо душа спасать».

Без десяти четыре. В четыре — почта. В полпятого — на работу. Салют!

| 13/V/66

Вчерашняя почта принесла две книжки: о балете и о Тынянове. От первой в захлебе Антон; вторая повергла меня в радостное смятение. Пожалуйста, передайте Аркадию Викторовичу, что я очень благодарен, очень польщен, очень признателен ему за добрые слова*. Я и раньше слышал много хорошего о нем; но, к стыду своему, книгу не удосужился прочесть. Теперь я читаю ее, восхищаясь точностью, дерзостью и остроумием суждений. Вообще читать о моем любимом Тынянове — наслаждение, а тем более такую работу, проблематика которой далеко выходит за пределы обещанного в названии...* Я сейчас даже готов радоваться, что мое «Бегство» не вышло: а вдруг бы оно попало на глаза А.В.? Стыдно было бы за легкомыслие, за скольжение по поверхности. И все-таки очень любопытно было бы знать, как бы он оценил эту и некоторые другие мои работы (я, разумеется, имею в виду переводы!)*. Меня ведь можно ругать — я не обидчив и не честолюбив; и можно хвалить — я не зазнаюсь. Можно не бояться, что я переоценю себя: для этого у меня слишком хороший читательский вкус и достаточно развитое чувство юмора. Вообще почти единственная моя забота — оказаться человеком (именно человеком, а не литератором), достойным происшедших событий. Я прекрасно понимаю, что они, эти события, очень скоро перестанут занимать людей, забудутся; но и это недалекое забвение не дает мне индульгенцию. Я теперь обречен быть порядочным.

Перечел предыдущую тираду и обнаружил в ней непритворную грусть об утраченных возможностях. Ах,

Как хорошо заботиться о малом,
Как просто быть активным либералом!
(муз. Окуджавы, слова мои*).

Прочел я письмо Марка очередному «ферматисту» и был потрясен несказанной деликатностью*. Марк, деликатно разговаривающий о научном невежестве! Никогда бы не поверил, если б сам не

прочел. Что касается его второго письма ко мне — нет, я не делал вид, что не получал его; просто мне трудно ответить на резоны Марка. Конечно, он прав: я бы тоже платил любую цену на его месте. Но я-то не на его месте, а на своем, и мне обидно, что я не сумел обойтись без «архитектурных излишеств». Само собой, для меня огромная радость, что мое поведение не вызвало нареканий; но я-то считаю, что мог вести себя не то что лучше — а умнее*. Всему семейству его — нижайший поклон. И обманите невинное дитя: сделайте кто-нибудь лук и вручите от моего имени Димке. Скажите ему, что я уехал за новыми песнями...

Вот зарисовка с натуры:

Это мой приятель

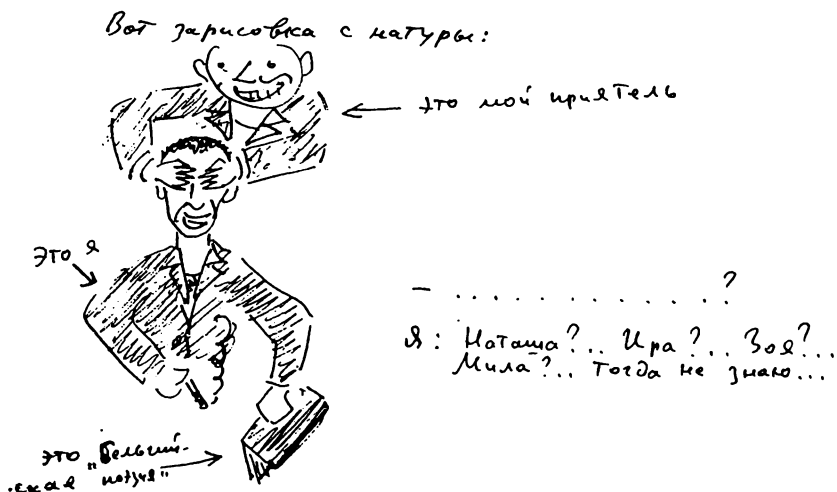
Это я

—.....?

Я: Наташа?.. Ира?.. Зоя?.. Мила?.. Тогда не знаю...

Это «Бельгийская поэзия»

Как вы думаете, не согласится ли член редколлегии «Крокодила» поместить этот рисунок в своем журнале? Вообще я мог бы ему поставлять материал, если в «Крокодиле» организуют рубрику «Уголовные любители юмора — лишенным юмора», сокращенно «Улю-лю». Ведь мы можем и не только на бытовые темы... А писем все нет и нет. Опять буду ждать четырех часов.

Вчера я получил 7 (семь) писем! От тебя, Лар, от Иры и Юры [Левиных–Глинок], от Аллы [Сергун], от Тошки [Якобсона] и Майки [Улановской], от Елены Михайловны [Закс], от Ирины Кудрявцевой, от Наташки [Садомской]. Тебе, Ларик, я отвечу на отдельном листке. А всем остальным вот что:

Ире Глинке: я не загрустил, ее впечатление от твоего, Ларка, впечатления (прошу извинить за неуклюжесть) не совсем правильно. Я грущу не больше, чем раньше, о себе; просто я с каждым днем все больше и больше ощущаю конкретную основу наших с Андреем построений — во многом умозрительных, общих, даже абстрактных. Не на себе ощущаю. Этот процесс, очевидно, неотвратим: я не могу жить с закрытыми глазами и заткнутыми ушами, как герой сонета Бориса Чичибабина*. Но я почти уверен, что мне не грозит опасность отчаяться; я очень надеюсь, что все это «превратится в литературу», как сказано во вступлении к одной повести*. Еще раз: письма Иры, даже самые, с ее точки зрения, бестолковые, доставляют мне огромную радость.

Юре Левину: спасибо за судебный отчет. Как жаль, что статьи в «Известиях» писал не он, а Феофанов! Попроси его не лениться и прислать мне стихотворение Бориса Леонидовича, кончающееся строкой «Одолеет дух добра*». Или сама.

Алле: я ее целую. Радуюсь, что мне сидеть всего пять лет — за 20 лет, прошедших со времени нашей с ней переписки, почерк ее стал еще неразборчивей; лет этак через десять я уже, наверное, просто не смог бы прочесть ничегошеньки. Александре Леонардовне [Мартыновой] и Нинке [Голубовской] приветы и поцелуи. Теперь Нинка убедилась, что я действительно был фокусником?

Тошке: согласен получать письма, относящиеся исключительно к саньковедению, хотя это и грозит мне неприятностями — я так увлекся стихами Саньки [Якобсона] и бесподобным диалогом между кузнецами, что опоздал выйти на работу со своей бригадой. Жму лапу, привет тезке-блондину, Милке и Сашке. Пусть не горюет, что пьет без меня...

Майке: «Глядят глаза и ждут ответа*»? Вот ответ: любую книжку на ее вкус приму с благодарностью. Что касается украинского фольклора, то покамест я уяснил одну примечательную деталь: украинцы матюкаются, обращаясь при этом на «вы». И еще: воспоминание о ее юности очень сильно и разнообразно помогает мне*. Целую ее.

Елене Михайловне: огромное спасибо за письмецо, оно растрогало меня чуть не до слез; скажите, что я по-прежнему люблю все семейство и что я надеюсь, что кресло с широкими подлокотниками

не выбросят до моего возвращения. Когда я в тюрьме представлял себе встречу с бабушкой, мамой и внучкой* и со всеми чудесными людьми, с которыми я именно в этом доме познакомился, то неизменно воображал себя сидящим именно в этой ископаемости. И «шаткие торшеры»*. А из книг — опять же по вкусу Е.М. Стихи? Конечно!

Ирине Кудрявцевой: «Солдат спит — служба идет» — это изречение взято на вооружение нашей дружиной. Конечно, я помню вечер Рильке и наш разговор о войне. Самый сердечный привет ей (не войне, а Ирине!).

Наташке: «Мои впечатления не расходятся с тем, что доносят (бр-р! что за словечко!) твои письма». Я рад этому, значит, я кое-как все же могу передать обстановку. Но ведь я не пишу всего (и не могу, и не хочу), всей правды и о хорошем, и о плохом. То отношение ко мне, которое она видела или почувствовала, — лишь частица общего отношения, сложного, разнообразного, зачастую трогательного. Последний эпитет можно раскрыть так: дня два назад, вернувшись ночью с работы, я нашел под подушкой кулек с пряниками... В переполненной столовой во время еды или киносеанса для меня всегда находится место... А скептикам или недоброжелателям (есть и такие, мало) плохо приходится... Наташка (как ранее Ларка и Санька) принята в наш круг, о ней говорят, как о хорошо знакомом человеке.

Жутко обидно, что никто из вас так и не увидит меня в «трудовом процессе». Ах, какие кадры пропадают! Ю.Даниэль дрючком (такая хреновина вроде багра, только сплошь железная) растаскивает бревна; Ю.Д. несет на плече здоровенную доску; тот же Ю. лягает известку на торцы бревен; и, наконец, апофеоз: Юлий Маркович Даниэль у долбежного станка — под ногами опилки, опилки, на столе куча готовых деталей, вдохновенный взгляд устремлен почему-то вдаль (к курилке) — Ю.М., что бы вы хотели сказать нашим радиослушателям о своем отношении к дневной норме выработки? — Я отношусь к ней резко положительно... Правда, Люся?..* Я отношусь к ней, как к некоторым женщинам: уважаю, но не пытаюсь овладеть...

Так-то вот, братцы мои.

Только что принесли письмо от Марленки [Рахлиной] — письмо покамест единственное в своем роде, прелесть. Напиши ей, Ларка, сразу же открыточку, хоть две-три фразы, потому что она будет ждать подтверждения, чтобы еще писать. Скажи, что она не задавила ни одной мысли теснотой. Обнимаю ее, семейство, всех (почти) харьковчан.

Да, в Наташкином письме привет от Симы*. Как-то так повелось, что люди с этим именем получают от нас в добавление эпитет (зачеркнуто автором. — Сост.) — это я предложил один, а потом раздумал. Придумайте сами какой-нибудь очень хороший. Привет Симе! Гуттен у К.Ф.Майера* говорит:

«Сильней лекарства не найти врачу:
Я жить не смею, если жить хочу!»

Так вот, не послать ли к черту врачей; а послав, не посмеяться ли над ними, как смеялся Мольер? По-моему, Сима скажет «да».

Что-то я очень расцитировался. Чтобы закончить, цитану еще из Маяковского, очень подходящее, впритирку примыкающее к афоризму Леца о людях, поджидающих опереженное время*:

Юльке — 5, Андрюшке — 7
И 12 вместе всем.

Кажется, я что-то переврал?

| 16/V/66

Вот что, мои дорогие!

Почти каждое письмо содержит вопрос: что прислать? Страшно трудно отвечать здесь на этот вопрос. Я сам, без вас, не могу решить, какие книжки стоит и какие не стоит присылать. Столько имен, названий, соблазнов, что у меня глаза разбегаются. Надо, чтобы каждый мой благодетель сам отбирал, по своему вкусу. Уверю вас, я буду рад любой книге, хотя бы потому, что она — результат выбора друзей. Лишний багаж (в случае путешествия) меня не страшит. А томик-другой стихов принесет много радости. Льготы на меня пока не распространяются*, что ж, буду получать с воли только духовную пищу. И, пожалуйста, не думайте, что я один буду читать их. Можете не верить или удивляться, но Цветаева и Пастернак читаются и понимаются вовсю. Я сам удивлялся безошибочности суждений совсем, казалось бы, неподготовленных читателей. Вы понимаете — людей, которые раньше вообще не читали поэзию. Словом, шлите, что вам хочется. Сколько хотите и что хотите. «Пусть расцветают все цветы!»

Мои милые, я заканчиваю — хочу, чтобы уже завтра начался первый этап «хождения письма по мукам».

Целую, обнимаю вас, Ларка и Санька.

Целую и обнимаю всех вас, друзья.

Ваш Ю.

P.S. Дорогие мои!

Опять просьба. Льются у меня чернила, как вода. Люди, конечно, дают мне чернила, но неплохо бы свои иметь. И заодно неплохо бы мне получить с десятков тетрадей в клетку. Кажется, они уже кончились. Увы, приходится много писать. Каждое письмо — трактат, днев-

ник, эссе — сами видите! Так что — канцпринадлежности. Остальное пока не нужно.

Ю.

Всем вам приветы от Антона [Накашидзе], Валерия [Румянцева] и двух Анатолиев [Футмана и Марченко].

п и с ь м о с е д ь м о е

28/VI/66

Как видите, мои милые, жизнь бьет ключом (и ключами). Началась новая глава*, сколько она продлится и как кончится — нам, авторам, пока не известно*. Во всяком случае 25 суток почти полного отдыха* (это время я занимался укладкой дров, делал работу, как говорят мальчишки, «одной левой») привели мою руку в относительно нормальное состояние*, и я буду потихоньку ковыряться. Это, разумеется, не является гарантией от всяких малоприятностей. Но, братцы мои, упаси вас Боже относиться ко всему этому слишком трагически. Во-первых, я и сам с усам. Во-вторых, все это в порядке вещей, и смешно и наивно было бы ждать чего-либо другого. Я, например, настроен смотреть на эти передряги как бы со стороны. Я спокоен, умиротворен, все вокруг этакое улыбочное, и стихи получаются либо бурно оптимистические, либо розовые пасторали, типа «Подмосковных вечеров»:

Не слышать вокруг даже шорохов,
Идиллический спит Явас;
Если б знали вы, милый Шолохов,
Что мне думается о вас...

Дальше эта песенка не сочинилась: слишком определенно мне о нем думается и слишком мало — на 2–3 строки, не больше...

Но вообще я в неплохой форме — что касается количества*. А уж о качестве не мне судить.

За эти 25 дней у меня был 12-часовой перерыв, и я, хоть и с трудом, успел прочитать уйму писем. Я не могу сейчас ответить каждому (перепуталось в голове, кто что писал, а перечитывать некогда — хочу сегодня же отправить письмо), просто перечислю, чтобы вы знали, что письма получены: 3 письма от тебя, Ларка; 3 письма от Михи [Бураса]; 2 письма от Иры [Кудрявцевой]; 2 письма от Майи [Злобиной]; открытка и письмо от Зои [Кагановой] и Моси [Тульчинского]; по письму от Кадика [Филатова], Лешки [Пугачева], Сашки [Воронеля], Азбелей, Маринки

Фаюм; II том «Монте-Кристо» от Иры [Уваровой]; «Исландские саги» от Иры [Кудрявцевой], открытки — детские рисунки от Наташки [Садомской]. Уф! Всем, всем, всем — спасибо! Еще Антон [Накашидзе] получил поздравительные телеграммы и сборник новелл на грузинском — очень благодарит. А Толя [Футман] впился в «Монте-Кристо».

Не сердитесь, люди добрые, что я так неаккуратен в ответах — не всегда есть настроение, а последнее время писать подобное письмо дневникового типа я просто не мог.

То самое письмо, Лар, о котором ты писала, что в нем «руготня и информация», конфисковано. Прошу тебя, ограничивайся впредь информацией, что ли. Остальное я уж как-нибудь сам додумую. Похоже, что мое, 7-е по счету письмо не дошло до вас. Ах, ах, как плохо работает почта! И поздравительные телеграммы Ире [Глинке] и Наташе [Садомской] тоже, очевидно, затерялись... А в письме, кроме прочего, вам уже известного, было вот что: не приезжайте никто, не списавшись предварительно с администрацией о возможности свидания! А еще там было «только Ларке»...

Непостижимо легкомысленный народ мои «корешки» («кенты», по-здешнему). Они бредили Наташкой и клялись ей в вечной любви. Потом появилась Ленка*, и началось всеобщее обалдение. До дуэлей, правда, еще не дошло, но глаза уже сверкали. Очередной эпизод: Толя получает воздушный поцелуй от Наташки, платит за него чистоганом и гордо заявляет, что готов платить той же монетой в десятикратном размере. Ох, уж эти мне мушкетеры! Слава Богу, Зойку [Каганову] не увидели, а то бы...

Ну как я могу сказать, что можно и что нельзя посылать? Я не знаю. Ну, безусловно можно: всякую сангигиену (пасты, мыл^а, кремы и пр.), книги, тетради, конверты, нижнее белье, носки и пр. Безусловно нельзя: лекарства, лезвия, продукты, курево, «вольную» одежду.

Не жалейте, что вы не можете посылать мне посылки — никакие посылки мне не нужны.

И вот что, мои дорогие! Я думаю, что почти все мои нужды удовлетворяются этим списком. Нет слов, как мне стыдно, что столько сил у вас уходит на всякие там бандероли, а больше — на соображения — что посылать? Я не могу пересилить себя только в отношении книг. Бью сам себя за просьбы и все-таки прошу. Игры всякие мне противопоказаны — остается чтиво. Литература же в библиотеке, хоть и неплохая, но несколько однообразная. Я даже с горя «Юность» целыми комплектами читать стал. Надо сказать, что там попались мне весьма недурные вещи — за II полугодие 65-го. Свидетельства современников, так сказать. И ничего не поделаешь — торчат уши из-под колпака. Вообще, мне кажется, «проговаривания» стали уже ме-

тодом. Старая «формула умолчания» отжила свое. Ну, а раскручиваться вовсю — трудно. Стало быть, остается (пока) этот третий путь.

Ну ладно, хватит о литературе. Напиши мне, Ларка, толком: как родители? Собираешься ли ты отдохнуть? Это совершенно необходимо, и я буду очень огорчен, если ты этого не сделаешь. И пусть никакие глупости тебе в голову не лезут: «Вот, мол, я отдыхаю, а он...» Все это пошлая ерунда. Очень прошу тебя — отдохни! Это и мне еще понадобится. А меня жалеть не надо. И вообще я пришел к выводу, что жалость в подобной ситуации — самое скверное. Особенно, когда люди здесь начинают сами себя жалеть. Хуже нет — расхныкаться, рассопливиться: «Ах, какой я бедный, какой несчастненький, ох, как мне, арестантику, плохо!» Я зародыши этих, прости господи, эмоций раздавил, как вшей.

Куда, с кем и надолго ли едет Санька? Какая он, к черту, «говорящая лошадь»! Он — «говорящий олень», старший брат моего олененка Пата. Не помню, писал ли я, что присланный олененок получил имя Патара(в) — по-грузински «малыш». Он (Санька, а не Пат) произвел, как и все приезжие, сильнейшее впечатление на моих коллег.

Михе [Бурасу] и Тошке [Якобсону] — мои нежные объятия и пламенные приветы от всех мушкетеров. Они, конечно, уже информированы о том, что такое эти два субъекта. Другие также весьма заинтересовались необычным (мягко выражаясь) поведением моих друзей*. Старожилы утверждают, что оно беспрецедентно. «Этот, который с палкой, это твой брат?» «А кто это такой молодой, представительный?» «А девушка?»* Бедная Лешка [Лена Бурас], как ей, должно быть, тяжело было все это зрелище.

Но все-таки, как ни греют мою душу эти восторги, убедительно прошу больше вдоль заборов не шляться и в собеседования с «высокопоставленными» (в буквальном смысле слова) не вступать. «Что есть часовой? Часовой есть лицо неприкосновенное...» Правда, братцы, от этих грустных радостей бывают неприятности*.

Относительно слухового аппарата решено так: «умный Толя» [Марченко] осенью освобождается, заедет в Москву, и там вы ему можете подобрать хороший аппарат. Только черкни для него пару строк, а то он стесняется, боится показаться навязчивым. Покамест он с достоинством носит кличку «Глухого».

Хроника

- Знаете ли вы безбородого Синявского? Нет, вы не знаете безбородого Синявского*.

- Немножко статистики: из 6 человек, с которыми я поочередно проводил время в последние недели*, музыкальным слухом обладал 1, а любили петь 4. Норма или это мне так не везет в жизни?

• В мое отсутствие показывали «Обыкновенный фашизм» Ромма. Впечатление у многих такое же, как у меня после премьеры на Мосфильме в августе 1965 г.*

• Что очень страшно?* Очень страшно, когда два графомана в одной камере.

• Мною по-новому прочитано и оценено по достоинству стихотворение «Махорка»*.

• Ю.М.Даниэль предается бесплодным сожалениям, что он — не кинематографист. Сколько кадров пропадает понапрасну!

• Борода у меня ярко-соломенного цвета с редкими вкраплениями черных и (увы!) седых волос. Седина в бороду, а бес — известно куда. Кстати, почему именно «в ребро»? Не намек ли это на Еву?

Ваши недоумения по поводу «исхода» Тошки из движущейся машины гроша медного не стоят (или «стоят»?). Просто он опустил стекло и ухватился за ближайший фонарный столб. Затем открыл дверь, спокойно выполз, а машина поехала дальше.

Внимание! Прошу весьма сдержанно относиться к письмам и визитам, касающимся моей персоны. Дело вот в чем. Проходимцев здесь (как и всюду) вполне достаточно, и не исключено, что любой мазурик, узнавший адрес (а это нетрудно — письма-то не в сейфе!), воспользуется им на предмет сообщения трогательных деталей моей жизни и последующего извлечения из ваших карманов энной суммы. Так что у любого визитера или корреспондента должны быть не вызывающие сомнения полномочия от меня.

Еще одно разочарование. Я тут насочинял всякую лирику и стал ее петь. Пришел в дикий восторг, придумав мелодию для одного стиха. Трижды спел в полном захлебе и... понял, что пою «Бандьера росса», только с одним усеченным слогом. Как обидно!

Ларик, не думай, пожалуйста, что это ты мне подсудобила машинный цех...

Жду новых фото, хочу увидеть вас и Кирюху, которой кланяюсь низко и про которую мне только Ира Кудрявцева написала, а остальные — ни слова.

Я непременно хочу сегодня отправить письмо. Посему — закругляюсь.

В следующем послании напишу для всех понемножку.

Целую вас, обнимаю. Ю.

Конвертов у меня уже нетути. И суньте кто-нибудь в письмо камушки для зажигалки. И перестаньте спрашивать, присылать ли ты или иную книжку: шлите на свой вкус, за все буду благодарен. Ю.

А Валерию [Румянцеву] лучше всего прислать письмо, а не подарок: он ведь получает письма только от матери.

1/VII/66

А вот и месяц «имени меня»! Привет вам, жалкие горожане, лишенные возможности слушать по утрам петушиное пенье, привет, привет! Хотя я вчера работал во II смену, глазки я изволил продрать в 6-м часу утра, возлежу на своем II этаже (койки 2-ярусные) и намерен немедленно же выполнить твое, Ларка, пожелание: дать объективный обзор событий последнего времени. Я дам его без эмоций и оценок — только факты. Может быть, я буду немножко сбиваться в датах, но это уже не столь важно.

Между первым и вторым твоими приездами мне (по указанию отрядного начальства) сделали рентгеновский снимок. Он показал, что рука у меня действительно была в свое время повреждена и, кроме того, есть осколок (осколки?) около плечевой кости. Я пишу так неопределенно потому, что сначала речь шла об «осколках», потом множественное число исчезло. В это время я работал в аварийной бригаде. В начале мая я был переведен в машинный цех для работы на долбежном станке. Я от работы не отказывался, но предупредил, что рука болит и лучше бы мне (и, разумеется, производству) работать там, где я смог бы сам распределять нагрузку на руки — на станке это невозможно. Мне отказали. Рука к этому времени уже очень болела (очевидно, результат грузчицкой работы), и те 15–17 тысяч движений правой рукой, которые нужны, чтобы выполнить норму на этом станке, были мне не под силу.

В конце мая на верхнем (плечевом) рубце образовалось нечто вроде нарыва — я так сначала и думал. Затем оказалось, что это выходит осколочек кости (1–1,5 см); он и был извлечен в присутствии хирурга лагеря. Я был вторично направлен на рентген. Мне сказали, что вторичный снимок осколка (осколков?) не показал.

Вслед за этим я был посажен на 15 суток в штрафной изолятор «за систематическое невыполнение нормы, отказ обучаться наладке станка и симуляцию».

Об этой формулировке:

1. Норма действительно систематически не выполнялась; и не только потому, что она была мне явно не под силу. Очень часто попросту не было работы для всех «долбежников». Естественно, что цеховое начальство предпочитало поручать имеющуюся работу опытным станочникам. Еще одна деталь: со мною не был проведен инструктаж по технике безопасности, без чего новички к работе вообще не допускаются — это запрещено.

2. Я выразил сомнение в целесообразности обучения, коль скоро я вообще не могу работать на станке. Но этот разговор произошел уже в финале, а за время работы никто мне не предлагал учиться налаживать станок.

3. Хирург заявил, что я «практически здоров» и могу выполнять «любую» работу. Позднее (между 18 и 28 июня) мне было официально заявлено, что у меня был извлечен не осколок кости, а кусочек дерева, щепка. Это мне сказал начальник САНО, сославшись на заключение хирурга.

Вечером 17 июня я вышел из изолятора. Утром 18-го я снова был туда водворен: на этот раз за то, что «взломал подоконник в камере... и, сидя на окне, выкрикивал слова антисоветского содержания». Людям, знающим мой характер, комментарии не требуются. Во 2-й раз я пробыл в изоляторе 10 суток. Во время этой второй отсидки меня посетил прокурор. В беседе с ним я опротестовал аргументацию «постановлений об аресте».

Все.

Теперь о нынешнем. Я в том же машинном цеху, но не на станке. Я занимаюсь доставкой в цех и разгрузкой материала. Эта работа тоже не из легких, но меня она устраивает, потому что я волен выбирать те движения, которые не очень утомляют руку. Рука же, хоть и побаливает, но обострение, видимо, кончилось и сильных болей нет. Теперь уже от меня зависит ее состояние.

А лечения не было. И не надо.

Еще об одном моменте, затронутом и в твоём письме, и в некоторых других, и в здешних моих разговорах со всякими доброжелателями в кавычках и без кавычек.

Я прошу запомнить: Николай Аржак существует (или существовал) только на бумаге — на обложках книг, в газетных и журнальных статьях и т.п. А Юлий Даниэль существует во плоти и крови. И этот самый Даниэль (он же — Юлька) намерен остаться таким, каким был, т.е. выбирать себе собеседников, приятелей и друзей по собственному усмотрению и в количествах, устраивающих именно его. Все ссылки на поведение Андрея [Синявского] бессмысленны: я его очень, очень люблю, но люди мы разные. И еще я думаю, что моя общительность ни в коей мере не является криминалом и нет никаких оснований связывать эту сторону моего поведения с неприятностями, которые произошли в последнее время*.

Ну вот. Я не хотел писать обо всем этом, но раз ты этого захотела — получай мою воркотню. Больше (поскольку это от меня будет зависеть) я к этой теме возвращаться не намерен.

| 2/VII/66

Вчера вечером получил 2 письма: твое, Лар, и Мишкино [Бураса]. Оба они — с купюрами — были оглашены. Был хохот, восторги по поводу твоих художественных возможностей и сожаления, что никто из нас не видел эту эпопею* и не участвовал в ней. Ребятам переданы все приветы и все хорошие слова, всё, кроме поцелуя Футману, пусть Мишка сам целует его небритую морду. Еще раньше я получил письма: от тебя, Лар (начало этого моего письма — ответ на то твое); от Юры Гастева (мы с ним не только выпьем, он так дешево не отделается: я глотаю слюнки при воспоминании о том, какое угощение он сготовил на день рождения Люды [Алексеевой]); от Иры Глинки (очень здорово было прочитать описание тех самых домов с полосами и церквух, крытых дранкой, которые я видел в Ужгороде и Мукачеве, когда гостил у Лили и Гриши [Сегаль]); от Иры Кудрявцевой (Лар, она жалеет, что не знает твой служебный телефон; позвони ей, № ее телефона в моей записной книжке. Да и мне твой № пригодился бы); от Мусика [Каганова] записочку и стихи Рильке и Дезика [Д.Самойлова] — там есть два любимых мною: «Она, как скрипка, на моем плече...» и «Давай поедем в город...» — в нем он изменил концовку, стихи, может, и выиграли, но очень уж жаль строк:

...что тоже существую...

и

...что я наполнен словом,
что я владею речью...*

И Мишкино [Бураса] письмо. А какие стихи нравятся Ленке?

Я уже, кажется, писал, что получил письма от Кадика [Филатова] и Лешки Пугачева — очень хорошие и трогательные?

Лар, а чем кончился обмен открытками с Таней [Макаровой]?

Да, я получил бандероль с «Простором», с романом Каверина; как грустно читать этот вполне злободневный роман (роман ли?). Ох, уж эти Снегиревы!* Какое счастье, что наши дети не будут притворяться спящими, не будут избегать нас. И еще сборник фантастики Стругацких — отличная книжка, гораздо более содержательная, чем может показаться на первый взгляд. Ты спрашиваешь, присылать ли фантастику? Валяй. Научную, псевдонаучную и антинаучную. Кстати, о бандеролях. Они — не письма, не пропадают. Если не возвращены, значит — получил.

И еще о письмах. Что-то мне расхотелось получать от Майки [Розановой] письмо, не люблю я зловещих интонаций. Не нужна мне ложка дегтя в мой отличный (около ста писем!) мед.

В прошлом письме я предупреждал о существовании попрошаек, использующих чужие адреса. Мне рассказали, что одному такому подсудобили адресок — он и написал просьбу о вспомоществовании в Польшу, некоему Ф.Шопену...

Нас тут все время бросает то в жар, то в холод. Сегодня холодно, и погодка серенькая. Однако пышно произрастают всякие грузинские травки, и Антон [Накашидзе] усердно причает нас жевать их. В результате у Толи Футмана был кошмар — ему приснилось, что его поставили перед возом с сеном и приказали все съесть. «Съисть» — как он говорит. Вообще весь лагерь заражен украинизмами, и куда как странно слышать их из уст кавказцев, сибиряков, прибалтов.

В том письме, которое, видимо, не дошло, я передавал привет Наташке от Лени Ренделя. А Воронелям привет от Кнута*.

Пожалуйста, не переживай, Ларка, я достаточно «заземлен», и лавры известного тебе журналиста меня не прельщают (Помнишь «Ты меня зовешь? Ты меня к себе зовешь?»). Да и причин нет; есть только (изредка) поводы. Не дрейфы!

Ну, конечно, я — шизоид. Буквальный перевод: еврей, сидящий в ШИЗО.

I 3/VII/66

Что-то меня беспокоит, что вы упорно не пишете, куда, с кем и надолго ли едет Санька. Я рад, что эта говорящая лошадь прилично закончила год, ну, и признаки человекообразности (работа на лето) тоже приятны: гены работают. Он, охламон, решил мне совсем не писать, что ли?

Я теперь буду работать только во вторую смену. Это, в общем, меня устраивает. Просыпаюсь я все равно рано и, таким образом, остается больше свободного времени, можно и почитать, и пописать, и подумать.

А думать, промежду прочим, есть над чем.

Хотя акклиматизация происходит очень быстро, но лагерь — как калейдоскоп: при малейшем повороте, при чуть другом ракурсе — новый узор. Я уже меньше удивляюсь, но смотрю по-прежнему жадно. Однако начинаю чувствовать себя бывалым лагерником и снисходительно даю консультации всяким вновь прибывающим (тоненькая струйка, но неиссякающая). Ах, как забавно обнаруживать общих знакомых! Или вдруг с удивлением узнать, что кто-то из нынешних коллег бывал у тебя дома. Хотя при нашем караван-сарайном образе жизни удивляться ничему не стоит.

Интересно было бы организовать на всяких гуманитарных факультетах кафедры сопромата. Преподавателями, ведущими курс, я назначал

бы бывших з/к. Ну, и лабораторные занятия: испытания на прочность, на гибкость, на способность вступать во всякие там химические реакции, на эту самую, как ее, валентность (кажется, у меня она высокая?).

И-да, человеческий характер действительно надо изучать, «не пальцем вода по истрепанной карте», а «в смятенье и в буре» — годятся оба значения последнего слова...*

Я очень загорел, минувший месяц мы работали под солнышком, в одних трусах; Алена [Закс] визжала и плакала бы от зависти. Как жаль, что не могу похвастаться.

Что мне делать со стихотворством? Я задаю этот вопрос совершенно серьезно. Проза решительно не пишется; за переводы принимался трижды — не идут; а стихи ворочаются, как слепые котята в лукошке. Я бы мог, конечно, утопить их. Но решительно не знаю, топить ли, оставить ли жить?

Здесь критические оценки слишком специфичны, слишком тенденциозны и касаются в основном содержания и авторской позиции; мои художественные возможности сомнению не подвергаются; но я-то ведь знаю, что одного звания литератора недостаточно.

Ларонька, попроси друзей и знакомых: пусть выскажутся. Невместно же мне продолжать эти пиитические опыты только потому, что я в заключении. Это же слабость. А в письмах оценки невнятные и чуть ли не утешающие: «очень хороши, почти совершенны по форме», «декларативны, но это так и надо», «очень твои» (что это значит — «мои»? Челюсть у них массивная или ноги при ходьбе косолапят? Может, они на диване любят лежать?).

Ребята шлют приветы всем, а особые — Наташке [Садомской] и Ленке [Бурас]; причем каждый претендует на то, чтобы от него я приветствовал этих очаровательниц отдельно. Перебьются.

До свиданья, все мои хорошие, целую.

Ю.

Тетрадь в клеточку, конверты, камушки для зажигалки! Прочее — по вкусу, возможностям и сообразительности корреспондентов.

Да, Ларик, мои поздравления Аванесову, Кузнецову и Шаумяну. Соответственно Марк [Азбель] пусть приветствует своих коллег, известных мне, а Наташка [Садомская] — «гражданина начальника Токарева»*.

Слушай, Лар, а может, ты все-таки объяснишь мне популярно, чем же все-таки ты занимаешься в этом своем институте, названия которого я никак не запомню?

И напиши, наконец, получила ли ты 60 руб., которые я отправил домой еще в апреле.

8/VII/66

Во вторник получил фотографии — ай да Вовка!* Фото хороши-расхороши. Особенно мне понравилась та, на которой вы втроем (Ларка, Санька, Кирюха); та, где Санька с котенком; и та, где ты, Ларка, котенку поправляешь мордочку, чтобы он глядел в объектив. Жаль только, интерьера не видать — лишь кое-где из-за плечей выглядывают цветы им. тов.Петрова*. Мнения по поводу Санькиной физиономии не совпадают: одни утверждают, что он очень похож на меня, а другие, что он сам по себе. А почему дитя не стрижется? И — ох! — не бреется?

У нас жарища, впору ходить в плавках и сидеть по горло в воде. Но озер, морей и рек в зоне нетути, а в плавках ходить не велено, и я хожу весь в черных штанах и только в них.

Жизнь размеренная, налаженная, режимная, и я порой очень скучаю по московской неразберихе. Вот какой у меня распорядок. Встаю, примерно, часов в 7 утра, завтракаю (в столовой, если завтрак съедобен, или всухомятку, если какой-нибудь шрапнельный суп). Затем — утреннее общение с мушкетерами, этак на часок-полтора. Потом — чтение или писанина до 12. С 12 до 13 — обед. Еще часок чтения и часок сна перед работой. В 16 часов — главное: получение писем (Ах-ах, уже неделю не было ни одного письма!). В 16.15 я стою перед воротами и читаю большой плакат «На свободу — с чистой совестью». Если бы только в этом дело было... В 17 — начало II смены. Около часа ночи — конец. Ужинаем в рабочей зоне. Иногда вместо чтения — бильярд (если рука не тревожит. Но она — ничего, может быть, скоро я даже в пинг играть смогу, ну, разумеется, если получу еще один зажим, ракетки и шарики). Во все это времяпрепровождение (кроме сна) вкраплены запланированные и стихийные трепы.

11/VII/66

Вот не брался за письмо два дня — настроение было, выражаясь по-салонному, хреновое. И само по себе, и причины были, вернее — причинки. Но сейчас опять все образовалось, все катится размеренно и плавно, как вагонетка, которую я вожу в цех. Иногда, правда, падают кое-какие дощечки, иногда эта колымага сходит с рельс, но в общем все в порядке.

За эти три дня я получил встревоженные письма от Наташки [Садомской] и от Иры Уваровой. Не надо волноваться, все в порядке.

| 12/VII/66

Ну нет настроения писать, ну прямо нет как нет. Черт его знает, напасть какая-то: и впечатлений вроде бы достаточно, и мыслишки кое-какие брякают, и страстишки есть еще в пороховницах — тут-то, казалось бы, и разгуляться «скальпелю раскаленному»*. Ан нет. (А кстати, что от чего произошло: «ан нет» от «Аннет» или наоборот?)

Сегодня ровно десять месяцев, как меня арестовали. В это время 12 сентября 65-го я спал сном праведника в своей камере* (сейчас уже вечер, II смена, перерыв между вагонетками). Я в первый день вел себя как-то неправильно: вместо того чтобы метаться, как тигр в клетке, и пробовать крепость оконных решеток, я сразу же завалился дрыхать, проснулся, чтобы сожрать ужин (солянка á la Лубянка), и снова лег почитать. И впоследствии при всех этих играх, песнях и плясках я почему-то, чурбан бесчувственный, жрал и спал как бы и не преступник. А может, это признак закоренелости, закоснелости и преобладания животного начала?

| 13/VII/66

В прошлое воскресенье я получил фотографию: стоит тип в берете и черной рабочей куртке, физиономия довольно потрепанная, не внушающая доверия. Трудно предположить, что обладатель ее в свое время пользовался некоторым успехом у противоположного пола, а также работал неплохие переводы. Короче говоря, очень я себе не понравился, рассердился и сфотографировался еще два раза — одну морду и одну фигуру с мордой. Может, получше выйдет?* Еще беда: фон. Из трех снимков два сделаны «покрасивше» — на фоне листвы, извольте ли видеть. Рожа сливается с этой пасторалью; а кроме того, невместно мне, злодею крупного масштаба, общаться с листочками, словно я этакая пташечка и вот-вот начну щебетать. Сказано же: «Не чирикай!» Попробуйте-ка убрать природу, а?

Где же теперь работает Сашка? И как они в этой комнатухе после подмосковных просторов?* И как здоровье Володьки?

| 14/VII/66

События происходят всякие-разные. Сначала о плохом. Самое неприятное, что произошло за последнее время, — это то, что какая-то сволочь украла у меня моего олененка. Я вчера ночью вернулся с

работы, подошел к изголовью, чтобы поздороваться с Патом, а его нет... Чуть не заревел от досады. Понял, что это дурное предзнаменование. Так оно и оказалось. Сегодня мне объявили, что я снова должен становиться к станку. По-видимому, то, что последние две недели я выполнял норму на 80–100%, вредит производству, и рациональней найти для меня работенку иную. Ладно, хватит об этом. Все это ерунда, дешевка.

После долгого — ох, какого долгого! — перерыва получил сегодня четыре письма и бандероль, со стихами Коржавина, чудесной зубной пастой и камушками для зажигалки — обратный адрес Тошкин [Якобсона]. Два письма от Саньки: первое — с инструкциями, как себя следует вести, и второе, как он выразился, — передача «Геологическая разведка природных ресурсов нефти и газа методом магнитно-теллурических токов». Письмо от Мишки [Бураса], несказанно меня удивившее: неужели Явасочка* после знаменитого автопробега еще в состоянии кого-то куда-то возить? И письмо от Майи Злобиной; спасибо ей, проигрыватель здесь есть, и пластинки будут приняты с благодарностью и мною, и меломанами, которых здесь предостаточно.

А от тебя, Ларка, писем нет...

Еще одно радостное событие: мне сегодня отдали квитанцию на заказное письмо, которое я сдал примерно 2–3/VII. Квитанция датирована сегодняшним днем...

Еще какие приятности? Понял, что у меня есть шансы обрести вечное блаженство после смерти и быть причисленным к сонму праведников. При известных условиях (ведомых Наташке) этому не мешает даже атеизм.

Прочел «Женщину в песках» Кобо Абэ. Очень здорово. Очень похоже. Но я оптимист* (большинство лишенных свободы — оптимисты, иначе не вынесли бы) не только из-за ситуации: я никогда уже, что бы в жизни ни стряслось, не буду петь «песню о билете в один конец».

Очень меня раздражает, что, читая книги, стихи, слушая песни, не могу избавиться от аналогий, от назойливых и печальных сопоставлений. Вероятно, это профессиональное заболевание начального периода. Пройдет какое-то время, и я эмансипируюсь, снова стану просто читателем.

| 16/VII/66

Лар, ты пишешь, чтобы я сызнова написал, что мне надо. Ей-богу, я уже позабыл, о чем просил. Сделай-ка так. Перечти письма (или дай их прочитать кому-нибудь, кто еще не читал) и выпиши оттуда все, что прошено. Учти при этом, что просимое желательно, но не обязательно.

| 74

Это — десятое мое письмо. Я так и не знаю, получили ли вы седьмое и восьмое письма*. Девятое — заказное — могло просто еще не дойти до вас, но надо полагать, что скоро будет — не зря же мне выдали квитанцию. Может быть, мое эпистолярное бессилие последних дней этим и объясняется — отсутствием уверенности в том, что мои письма доходят до вас? Очень трудно так писать, не зная, что вам уже известно, что нет; писать, боясь повториться, или, наоборот, сослаться на то, чего вы, может быть, и не знаете.

И ребятам нет обещанного письма. Кстати, всякие приветы и хорошие слова надо бы распределять поровну, а то — ревность. Вы там даже не представляете, что это значит: впервые за очень много лет появились люди, бескорыстно и дружески думающие о них. У меня горло перехватывает, когда я вижу реакцию на передаваемые приветы.

Сейчас полдень. По радио «лабают» какой-то джазик, «ударник гремит басами, а трубач выжимает медь»*, в секции тихо, прохладно, почти безлюдно. Хорошо. Надо бы пойти пообедать, но лень вставать, одеваться, идти в столовую. Зажрался. Н-да, меняются времена. А люди, между прочим, не меняются. Я имею в виду серьезные, глубокие перемены. Впрочем, наверно, они и невозможны для определенной категории людей? Просто сейчас перекрыты какие-то клапаны, и весь пар внутри. Но он — и очень тягостно это чувствовать — не исчез, дай ему только вырваться... Когда-нибудь будет написано о том, как образуется питательная среда для бактерий растления и цинизма, как постепенно терял смысл союз «и» в традиционном русском словосочетании, в магической формуле — «слово и дело».

Я все-таки отправился обедать, а после мы — Толя [Футман], Антон [Накашидзе] и я — сидели и разговаривали о всякой всячине: о заикании, о почтовых, «заочных» знакомствах, о Луи Армстронге и многом другом. Потом мы вспомнили, что сегодня суббота и письма раздадут на два часа раньше, чем в другие дни. Я спросил о письмах у дневального — нет как нет. Толя посмотрел на мою физиономию и сказал почти безнадежным тоном: «Айда к нам в секцию, может, нам что-нибудь есть...» Мы отправились, я понуро плелся и бормотал: «Если твой дом в огне и нет воды, все равно, ты все пошли к чертям и выпрыгни в окно...» (Перевод с англ. Н.А.Воронель). И вдруг — Толя, восторженно матерясь, приносит письмо от тебя, Ларка. Ох! У меня теперь немного отлегло. Что касается предстоящего события*, то сначала была идея «оказаться» в Москве и помешать Ленке совершить этот решительный шаг; потом предлагались всякие паллиативы; и, наконец, они решили накостылять мне шею, потому что я имел глупость похвастаться, что Лешка без моего благословляющего поцелуя замуж не выйдет. На мое сча-

стве их вызвали на разгрузку; очевидно (я надеюсь), они остынут. Что за язык, черт его дери: «остынут» на разгрузке угля! И при 30 градусах с лишним в тени.

| 17/VII/66

Дурацкая привычка мыться не доведет меня до добра. Я повадился ежедневно после смены принимать горячий душ. А смена кончалась ночью. А я ходил на работу без бушлата — как-то дико в пятом часу дня, в самое пекло и духоту, выходить на развод одетым по-зимнему. Короче говоря, я после душа простудился, насморк, головная боль. А в санчасть мне идти почему-то не хочется...^{*} Сегодня воскресенье, день контактов, общения и культурного обмена, а я полдня провалялся в постели. Потом выполз наружу, поужинал (нынче дали сытный и вкусный ужин — все как-то заволновались и обеспокоились: «К чему бы это? Ох, неспроста!..») и неосторожно подошел к бильярду... 7:1 в мою пользу. Еле волоча ноги, приплелся на баскетбольную площадку, где сегодня впервые после долгого перерыва играли в этот амнистированный вид спорта. Ушел — скучно. Фильм с каким-то майским названием — решил не идти. Вот снова залез на свой нашест, читаю и пишу. И подремываю.

Ларик, пошли, пожалуйста, нашего «Маугли» по адресу: Ленинград, Гатчинская ул., д. 1/56, кв. 16. Ронкиной Ирине Тимофеевне. Это для маленькой дочки одного из приятелей, для Тани Гаенко. И «Винни-Пуха», если есть.

Фотограф сегодня не пришел, поэтому я пошлю пока одну фотографию — которая в берете, которая не нравится.

| 18/VII/66

А читали вы о культурных новостях в Китае? Вернее — антикультурных. Ясно представляю себе итог этих блистательных мероприятий: голый китаец на голой земле, прикрывающий срам томиком Мао Цзе-дуна...

Два вопроса: 1) Как возникла идея (и возможность) прислать стихи Коржавина? 2) Что-нибудь означает поездка Саньки именно в эту экспедицию? Восстановились прежние контакты? Или он поехал на основании прошлогодних заслуг, но без прошлогодних рекомендаций?

Эх, мне бы письмецо от тебя, Лар, получить, да поподробней, со всеми новостями твоими, нашими, друзей, знакомых. У меня опять хорошее, легкомысленное, á la черт меня побери настроение. Вот

только письмишко бы... Но «чем не шутит шайтан, когда спит Аллах, а из Газны известий нет?»* А вдруг приду после смены и будет что-нибудь? Слушай, а ты сказала, что я хочу фотографии всех корреспондентов и что количество этих фотографий (и корреспондентов!) не ограничивается?

Я начал писать (псевдо)философские стихи с лирическим уклоном. А эпитафия будет из Багрицкого: «Всем неудачникам хвала и слава! Хвала тому, кто в жажде быть свободным, как дар, хранит свое земное право — три раза есть и трижды быть голодным»*. Здесь, как видишь, произойдет некоторое переосмысление терминологии поэта.

Шайтан-таки пошутил: вернулся и — два письма! От тебя и от Иры Глинки.

Ларонька! Вся информация о происшедших событиях — объективная, без личных оценок, — в предыдущем письме, которое заказное. Повторяться не хочется. Скажу только вот о чем: чувствую я себя вполне сносно, а настроение зависит в основном от того, как часто я получаю письма, в особенности — твои.

Я уже писал: настроен легкомысленно, очевидно, из-за производственной неразберихи последних дней. А ты не находишь, что во всем этом есть что-то очень смешное? В самой ситуации, в частности, в расстановке и соотношении сил?

Я сейчас сижу на траве, около кавказского бильярда (бильярды здесь создаются иждивением землячеств — литовского, латышского и др. Только коренное население и всякие Агасферы — безлошадные), дожидаясь своей очереди. Твое письмо — сплошь хвастовство. Так вот, я тоже похвастаюсь: меня специально позвали, чтобы сбить спесь с местных чемпионов.

Да, и письмо Валерию [Румянцеву] пришло. Умница ты! И как я счастлив, что ты совсем выздоровела...

Милые мои, до свиданья, целую вас всех.

Ю.

А на Туську нельзя надеть «замок супружеской верности»?

п и с ь м о д е с я т о е

26/VII/66

Здрасьте, здрасьте, как поживаете, что подельваете, как здоровышко, как делишки?

А мы здесь живем хорошо, ничего себе, спасибо. Работаем всякую мебель, чтоб сидеть и лежать, чтоб вещички и посуду было куда

девать гражданам (законопослушным гражданам). Едим три раза в день, чего и вам желаем. Много разговариваем, чего вам не желаем. И вообще.

Ларик, вот тебе краткая сводка: я здоров, нахожусь в нормальном для этого заведения состоянии, т.е. много работаю и много устаю. Но сейчас это именно усталость, а не боль и не изнеможение. Я тружусь в соавторстве со станком, который называется «подтемок» или «потемок», черт его знает, как он правильно именуется. Берется перекладина от стула (вернее, для стула), так называемая царга (словцо-то какое — под стать предмету, колющее, шершавое), запикивается в соответствующую дырку, и там фреза срезает к чертям собачьим часть шипа на этой самой царге. Вот и вся механика (довольно разболтанная, к слову сказать). Если я останусь на этой работе, то я, вероятно, скоро с нею освоюсь. Покамест я во время работы пою во всю глотку — шум такой, что я сам себя почти не слышу. Пою преимущественно «Когда у вас нет собаки...»*. Кстати, эта песенка пользуется здесь грандиозным успехом. Да, так вот — со временем я наострюсь так, что смогу сочинять во время работы; это будет, по всей вероятности, двухстопный ямб — «Ноч-ной зе-фир стру-ит э-фир...» — ритм работы. Ну, а там, кто знает: может «в вышнем суждено совете», что я должен овладеть начатками всех специальностей, какие есть в лагере, абы потруднее...

Будущее мое (послелагерное), по мнению некоторых коллег, обеспечено: «Уж я там не знаю, Ю.М., сможете ли вы писать и печататься; а вот заработать на 100 грамм в ЦПКиО на бильярде вы всегда сможете!»

Преувеличение, конечно; но вот ведь штука: я здорово увлекся этими шариками — прямо-таки чувственное удовольствие испытываю.

Среди прочих полученных мною писем было письмо от Сашки [Воронеля] — извлекая рациональное зерно из его игривых пассажей, я уяснил, что он защитил докторскую. Так? Поздравь его, Ларик, и да здравствует равновесие! Одним доктором у нас стало меньше*, и сразу же появился новый. Правда, отминусовался кандидат; надо полагать, что и эта брешь заполнится вскоре — Наташкой [Садомской], что ли? Ах, да — ведь Борька Шрагин защитился...

Сашкины соображения насчет покойного Александра Ефимовича*, по-моему, гроша медного не стоят: какого дьявола мне относиться строже к людям, чем я раньше относился? И не подумаю. Скорее наоборот; здесь я «еще да еще» убедился, что доброта и доверие (а вдруг это синонимы?) важнее ума и таланта — помнишь, Ларка, наш спор о двух знакомых женщинах?* Да и только ли они служат под-

тверждением моей правоты? Это я не для того, чтобы похвалиться: вот, мол, какой я проницательный, все наперед угадал! Нет, просто я выступаю «в защиту банальных истин», как сказал однажды Н.Коржавин* (привет ему и большое спасибо — у меня бы нашлось, о чем с ним потолковать, это я о сборнике*); и относиться строже к людям, как предлагает Сашка — это теперь решительно не по мне. Другое дело — нелюди.

А кто это такой «бровастый Олег»?* Что-то я никак не припомню такого. И что он про меня трепался? Ты напиши, если это удобно. Мне ведь интересно. Я сейчас коллекционирую «рассказы о Даниэле» — очень много любопытного я узнал об этом типе.

Впрочем, начал я узнавать еще в Москве. Например, некая Н.М.Садомская заявила в одном сугубо серьезном документе*, что я «ультранормальный мужчина». Что бы это могло значить? И хорошо это или плохо?

Получил я фотографии — еще две, кроме той, которую послал. Думал, получится посимпатичней, а вышло какое-то чудище поганое. Ей-богу, я выгляжу лучше, чем на этих фото. Это я не из кокетства пишу, а просто не волнуйтесь, увидев эту доходную физиономию. Это все качество бумаги, и пленка плохая, и освещение не то, и вообще кошка — дура, а я — умница. И я еще раз сфотографируюсь и буду надувать щеки.

Посмотрел я недавно «Литературную Россию». Есть там такая страничка — рецензии на одно стихотворение. Бедный Дезик! Его (Самойлова!) похвалил Дымшиц!* Пусть Давид не огорчается — это просто свойственный почтеннейшему Александру Львовичу критический удар ниже пояса. Дымшиц прекрасно знает свою репутацию и решил ее использовать: «Я с тобой разделаюсь! Я тебя скомпрометирую! Я тебя по-хва-лю! И под-пи-шусь!»

А как все-таки звать Ленкиного будущего мужа? Очень приятно, что он хорошего роста, что любит Ленку и что он «критичен»; но как его звать, разлучника? Лешеньку поцелуй и скажи, чтоб не смела измываться над бедным супругом — для этого у нее есть родители и будут дети. Очень странно мне все это читать и писать об этом: «Ленка» и «замуж»!

| 28/VII/66

О деле: отзыв на словарь рифм* нужен неадресованный, а наоборот, такой, чтобы его можно было послать в самое любое учреждение. Главное, чтоб в этом отзыве было сказано, нуждается ли этот труд в завершении, а его автор — в условиях, которые будут способ-

ствовать завершению и улучшению. И хорошо бы, чтоб он был подписан вельможно и титулованно.

А насчет моих стихов — мне объяснили, что «приемник» — это не только, скажем, радио, а и электроплитка, например. Так что, если ты именно это имела в виду, то я польщен. «Котят топить» не буду, хоть они и не сибирские, не ангорские и не — какие там еще густопсовы коты бывают?

Сегодня мы показывали диапозитивы через фильмоскопчик — виды Ленинграда. Жаль, что Ира Глинка уехала — у нее, помнится, были неплохие цветные диапозитивы. Вот бы мне несколько штукеч?

А Маринке Фаум скажи, чтобы не дразнила бедного лошада сообщениями о девицах, которым я снюсь («Кому-нибудь и я снюсь в такие вечера»). Тем более, что я настроен весьма благочестиво, бегу соблазнов и почти пощусь. «Мой идеал теперь — хозяйка, мои желания — покой, да щей горшок...» Это — Пушкин А.С. (к сведению несведущих). Здесь бы мне и точку поставить, ан черт тут как тут — дергает еще процитировать: «Ну что ж, будем добродетельны, раз ничего другого не остается и такова воля Божья». А это, совсем наоборот, из «Кола Брюньона», единственного французского произведения этого немца Р.Р.

Ахти мне, когда я отучусь цитировать? Наверное, это тоже из-за того, что я — «не генератор»?

Вокруг разные страсти-мордасти, выяснения отношений, самоутверждения — смотреть на это и любопытно, и грустно — особенно ежели хоть в какой-то степени становишься нечаянной причиной этого турнира эмоций. Причем происходит это и у людей, которых я совсем не знаю. Ну, а о ревности в «близлежащей местности» я уже писал. А Футман — тиран и узурпатор: командует мною — ступай поужинай, тогда письма отдам!

— Кончай... заниматься, кофе остынет! Интеллигенция! — Это не мешает ему консультироваться у Валерки [Румянцева] по поводу того, какую хохму надо мной разыграть, так что здесь не просто абсолютизм, а просвещенный.

| 30/VII/66

Еще о словаре, вернее, об отзыве. Хорошо, если будет несколько экземпляров: один — сюда, другой (другие) — Нине [Караванской].

Вчера я получил твое письмо с образцами почерка. Я увидел их прежде, чем прочел письмо, и никак не мог сообразить, зачем ты прислала два клочка моих конвертов! Чер-те что! Действительно, мистика*.

| 80

Санька пишет мне жутко дидактические письма. Ты знаешь, он, действительно, молодчина. Во вчерашнем письме он сделал очень милую приписку для ребят. А также рассказал занятную историю о новосибирских стенгазетах (ФМШ*). А еще вчера было коротенькое, очень тревожное письмо от Марленки [Рахлиной]. Успокой ты всех — Христа ради! Ей-ей, все это выглядит совсем иначе, чем вам там кажется. Не скажу — лучше, но — иначе, а это очень важно. Настроение у меня (сдуру, что ли?) очень хорошее.

Вот сегодня я выспался до отвала, на работу не пошел — отгул за рабочее прошлое воскресенье, сыграл в бильярд с Антоном, поговорил с Толей о непостижимом легковереи женщин, скоро обед, в перспективе — музыка, завтра — воскресенье, в понедельник — II смена, и сам черт мне не брат. Лежу на своем втором этаже в одних трусах, рядом Пат II и куколка (я вчера получил три твоих бандероли), под рукой — «Наш современник» с детективом нашего друга Грэма Грина, в портсигаре на тумбочке — сигареты, жизнь прекрасна и удивительна; и для того чтобы не психовать и не унывать, даже не требуется забыть архитектурные излишества, окаймляющие нашу обитель. Торчат? Ну и ладно, пусть торчат. Кричат? Пусть. Право, как подумаешь, что ведь у каждого есть домашние неурядицы, сварливые жены, неурожай на индивидуальном огороде и неприятности с желчным пузырем, так и хочется по плечу похлопать, посочувствовать...

Толя Футман обратился (впервые!) с прямой просьбой — прислать ему фотоальбом: некуда ему свои фотографии девать.

Во всех перипетиях последнего времени для меня главное — не то, что происходит со мною, а то, что происходит с людьми, окружающими меня. Их отношение, реакция, акции — все это благодатнейший материал для наблюдений. Это совсем не значит, что я этот материал непременно использую — просто очень любопытно смотреть. И уж конечно, это не значит, что я сам ставлю эти опыты на себе и на других: такая научная самоотверженность не по мне.

| 31/VII/66

Вчера был день, целиком посвященный спорту: бильярд, пинг и баскетбол — последнее, конечно, только для просмотра. Ну, разумеется, в перерывах трепы и трепчики. Вчера мне, например, прочли небольшую лекцию на тему «Проблема морального износа машин». Оказывается, есть такой термин — «моральный износ машин», и есть такая проблема, обошедшаяся стране в неисчислимое коли-

чество денег, в существенные промышленные провалы и даже в огромные человеческие потери — во время войны.

До чего все-таки интересный народ здесь! И что знаменательно — таково, по крайней мере, мое ощущение — не будь они доками и специалистами каждый в своей профессии или в облюбованной области — они не оказались бы здесь. Это что-то новое, правда? Ну, конечно, я говорю не о полицаях, карателях и прочих. Я говорю о людях, чей возраст — в среднем — колеблется от 27 до 35 лет. И если есть отклонения от этого «среднего», то они — в сторону юности.

В разговорах, в спорах с людьми я в невыгодном положении: моя позиция балансирует на эмоциях, их — зиждется на знании. Знание, упорядоченное до системы; взаимосвязь идей и явлений; их доказательств двигаются, как гайка по резьбе фактов, и зажимают меня — не трепыхнешься. И все-таки, и все-таки... Как логичны, как неуязвимы были те, кто делал всякие «Дано — требуется доказать!» А что в итоге?* Снова на том же месте: «Я хочу есть», «Я хочу спать с тобой», «Мне холодно», «Мне больно» и т.д. И снова те же проблемы — теми же (теми же!) средствами. И если все это повторялось «на новом витке спирали», то отнюдь не по милости «преобразователей»; может быть, все-таки это мы — шаманы, эпилептики от искусства, помешавшиеся на слове, цвете, звуке, — может, это все-таки мы, наживая грыжу, толкаем людей вверх — не думая об этом, сосредоточась лишь на рифме или мазке?

Да и они — поэты, только не понимают этого. Иначе зачем бы им понадобилось рифмовать свою жизнь, свою судьбу с тем, что они — рационалисты — так легко могли предвидеть, вычислить?

Ладно, хватит болтовни. Поговорим о серьезных вещах. Как у тебя в этом году с веснушками? Выдавали ли замуж Кирюху?

Антракт на неопределенное время: за мною пришли(!). Не пугайся — у одного из ленинградцев день рождения, 30 лет*. Пойду, меня ждут.

Ну вот и вечер. За здоровье новорожденного было пито много кофе, произносились соответствующие тосты, «народы, распри позабыв, в великую семью соединились» и — о, Господи! — опять ругались «физики» с «лириками». Еще час с четвертью до отбоя — уже можно подвести итог «одному дню Юлия Марковича». Хороший день. Гораздо лучше, чем у Ивана Денисовича. Совсем хороший день. И угощался, и развлекался, и беседовал, и слушал стихи, и читал их. И даже писал их.

Замечательный день. К этому бы дню еще одну малость — свободу. А так все чудненько.

До свиданья, все мои милые. Не забывайте, что я стал наркоманом — вы сами приучили меня к письмам, и без них мне теперь очень не по себе. Если надо отвыкать, так уж как-нибудь постепенно, а?

Целую вас.

Ю.

Валерий, Толя Ф., Толя М. и Антон кланяются вам. Они написали, и, очевидно, их письма придут одновременно с этим. Некоторое противоречие между стилем и орфографией в письме Толи Футмана следует отнести за счет соавторства с Валерием (разделение функций: Толя пишет, а Валерий — догадайтесь сами, что делает Валерий...). Еще привет и благодарность от Михаила [Горыня(?)] и Славы [Караванского].

Ю.

Я почти не надеюсь, что это письмо придет к 8 августа. А вдруг? Так вот: Ларик, поздравляю тебя*, а в качестве подарка — сообщение о том, что жены тоже консервируются.

Целую тебя

Ю.

п и с ь м о о д и н н а д ц а т о е

16/VIII/66

А у меня позавчера был юбилей: ровно сто писем. Я специально пересчитал дважды — сто! Сто писем от тридцати четырех человек. Это не считая всяких сувениров, книжек и пластинок — всего, что приходит в бандеролях. Неплохой улов за неполных пять месяцев — с того времени, как вам стал известен мой адрес.

Я вот похвастался и сразу испугался: а вдруг так подумают — «Ну, тридцать четыре! Стало быть, ежели я не напишу, то кто-нибудь из тридцати трех непременно напишет!» Не думайте так, пожалуйста. А что до твоих опасений, Ларка, что я обижаюсь или могу обидеться на то, что кому-нибудь из моих корреспондентов будет лень писать, то они, эти опасения, никчemuшные. Слишком мой это грех, чтобы я мог, прощая его себе, ставить его в вину другим. Другое дело — не совсем понятная мне фраза о том, что, дескать, отсутствие писем может означать и беспокойство обо мне. Что сие значит?

Со дня отправки последнего своего письма я получил два письма от тебя, Лар; письмо от Иры Кудрявцевой (скажи ей, когда увидите или будете разговаривать, что я могу прислать несколько старых украинских песен, если еще можно вставить их в книгу); пластинки от Майи Злобиной и Юры Гастева; том Сент-Экзюпери и «Черные звезды» (неплохое содержание, но небрежно, неряшливо сделано — когда, наконец, будут работать профессионально?). И еще «Месс-Менд» получил Толя. Завтра — воскресенье, будем слушать

музыку; раньше не удалось, ведь пластинки, как и письма, проверяет цензура.

Die Stunde ist zu Ende*: пять минут пятого, надо одеваться и — на работу. Если выдаться свободная минутка, еще сегодня напишу.

Свободная минутка выдалась. Сейчас ровно 12 ночи. Я кончил всю свою работу, постирал белье (обычно я отдаю его в прачечную, но сейчас она не работает), искупался под душем. Сажу в курилку, «сажу и покуриваю», пишу, болтаю с коллегами, жду, когда отправимся «домой». Гомон разноголосый, разноязычный, вычисление процентов, декларации касательно производственных подвигов (в основном установление степени родства по материнской линии), фыркание под краном, стук самодельной деревянной обуви (а у меня шикарные «босоножки» на микропоре, тоже самодельные — подарок; в сапогах летом трудновато). В общем, дым коромыслом. Через час отправимся в зону.

I 7/VIII/66

Вчера прервал письмо, потому что пришел маленький козлобродый латыш [В.Калниньш], умница и эрудит, щегольски разговаривающий даже не по-русски, а по-московски, и затеял со мною разговор о структурной лингвистике. Я — хитрый, время от времени произносил: «фонология», «пражская школа», «моделирование», «Иванов, Мельчук, Топоров», «Зачем в слове «Хаим» буква «р»?», «степени», «Бодуэн, Якобсон, Шаумян», «моя жена», «необходимая и избыточная информация», «заносит на поворотах» — и мой собеседник отнес мое высказывание о том, что я ни шиша во всем этом не смыслю, за счет моей скромности. Курилка постепенно затихла и с ужасом слушала нас — с благоговейным ужасом.

А сегодня я выспался, почитал, поиграл в бильярд. Ах-ах, дорвался я до хорошего бильярда и порядочного игрока — и от меня только ключья полетели. А я-то возгордился. Делать нечего, придется штудировать журнал «Наука и жизнь» — там в двух номерах всякие «полезные советы» об этой самой игре.

Часа два подряд трепались с Толей Футманом. Он рассказывал всякие истории. Черт его знает, что за парень! Все перемешано — добро и зло, благородство и аморальность, нигилизм и азартность, самоотверженность и жестокость. Можно верить, когда он рассказывает самые неправдоподобные вещи; во-первых, потому что мне достоверно известны такие ситуации, в существование которых вообще почти невозможно поверить — но теперь я знаю, что слово «фантастика» для лагеря не подходит; здесь все может быть; во-вто-

рых, Толя похож на Эду Золотаревскую — он не старается выглядеть ни лучше, ни хуже, чем есть на самом деле. Ну разве что чуть-чуть рисуется, самую малость кокетничает. Но ведь это не такой уж грех, правда? (спросил я с интонацией лично заинтересованного человека).

Музыка сегодня что-то не вытанцовывается. Пойду-ка я к деятелям изобразительного искусства — розмовляти українською мовою.

Пошел. Порозмовлял. Дал по мозгам одному человечку, объевшемуся клочьями сведений о современной живописи. Говорил горячо, проникновенно и убедительно. Успеха не имел. Поиграл в бильярд. Поужинал. Поиграл в бильярд. Пришли звать на музыку. 6 (моих) пластинок. Я, пожалуй, воздержусь от оценок, это не о лингвистике трепаться, надувая щеки. А вот пластинка с песнями Окуджавы — здесь, я, пожалуй, считаю себя вправе высказаться.

Конечно, мне было очень приятно услышать эти очень милые моему сердцу вещи: уже почти год я слышал их только в собственном убогом исполнении. Но я все-таки никак не возьму в толк, зачем Булат разрешил этой пластинке появиться на белый свет? Зачем оркестр? Почему не гитара? Зачем актерское исполнение? Почему не поэтическое? Ведь это же прежде всего стихи! Когда Булат Окуджава пел стихи под гитару, это было очень хорошим способом исполнения именно этих стихов. Неважно, хорош ли, плох ли голос поэта Б.Окуджавы, хорошо ли, плохо ли он работает на гитаре — пение и гитара были составной частью поэзии. Я не хочу сказать — необходимой частью. Напротив, я убежден в том, что стихи Булата можно просто читать. Но их нельзя просто петь. А когда еще их поют не просто, а с многозначительными паузами, с интонационными подчеркиваниями, с придыханьями, с двумя-тремя «х» («Аххх, Арбат, мой Арбат...») — так от той прелести, которая есть в этих строчках, ни черта не остается. Мужское исполнение еще туда-сюда, они стараются следовать за манерой Окуджавы, а уж женское...

Потом я поиграл в бильярд.

| 8/VIII/66

Ну вот, мил-другок, опять восьмое августа, и опять мы врозь. Или вместе? Вместе, вместе: год назад между нами было гораздо больше километров*. А сейчас всего четыре года синевы* — это не так уж много... Очень мне хотелось выпить сегодня за твое здоровье. Увы... Приходится утешаться воспоминаниями о прошлых выпивонах и пить за тебя крепчайший кофе без сахара. Без сахара не потому, что его нет, а потому что с сахаром — дурной тон, бабство или причуда, прощаемая только феноменам типа Толи Марченко — непьющим, неку-

рящим, нечаевничающим. Зато уж сладкоежка он! Так что кофе пил я за тебя и только кофе.

Сейчас я лежу на своей верхотуре, рядом Пат II и деревянная безымянная девица (они тут очень подружились, живут у меня под подушкой и «никогда не ссорятся»^{*}; не хочу сплетничать, но мне кажется, что у них роман. Впрочем, кто бы смог удержаться от этого, если бы был вынужден целыми днями (и ночами!) оставаться в совершенной темноте с лицом противоположного пола, как тет с тетом?!). Через 10 минут — отбой, выключат свет, я заберусь в постель и попытаюсь представить себе, что сейчас дома: кто пришел, да кто как одет, да что пьют и едят, да о чем говорят. Салют, доброй ночи!

19/VIII/66

Сегодня пришла твоя телеграмма — очень хорошая. Наверно, сочинять телеграммы — особый талант? Литературный, конечно. Новый жанр, вызванный к жизни изобретением телеграфа. И неизвестно, смог бы, скажем, Сервантес (или Плутарх) сочинять телеграммы. Впрочем, зачинателем этого стиля можно считать римлян с ихними «Не пахнет», «Пришел, увидел, победил» и прочей лапидарной классикой. А я так не умею. А еще ребята получили бандероль, очень довольны, но недоумевают, что делать с той игрушкой, которая изображает человека довольно распространенной здесь специальности^{*}. А еще я получил книжки от Наташки, от Юры и еще из Эстонии. И все книжки интересные, «и все их хочут», и я не знаю, когда же я все смогу прочитать?

А вообще больше всего я люблю читать письма от вас от всех — даже написанные скверным почерком. Возьмешь этак конверт (аккуратно и заботливо избавляют меня от труда вскрывать его), глянешь на обратный адрес, крякнешь сладострастно: «Ага!» и — читаешь. Кстати, 34 корреспондента — это, конечно, немало, но я бы радовался, если эта цифра удвоится или утроится... Чувствуете, как я обнаглел? А что же со мною будет через четыре года? Все мои подспудные пороки вылезут на свет божий, и общение со мной, личные контакты будут невозможны. Придется переписываться. Например: «Здравствуй, Наташка! Я по-прежнему живу в районном центре Новоопрощенске^{*}, что в 100 км от Москвы, и по-прежнему работаю в должности ночного сторожа на райпромкомбинате. Моего заработка вместе с теми деньгами, которые присылают мне друзья и поклонники, мне вполне хватает, и вчера я купил себе новые калоши. Днем я сплю и занимаюсь самоусовершенствованием, а ночью охраняю райпромкомбинат от литературных отщепенцев и сочиняю стихи на местные темы. В редакции здешней газеты «Шило на мыло» обещали напечатать мой стихотвор-

ный фельетон о симулянтах. Когда напечатают, я вышлю тебе экземпляр газеты, и ты его всем покажи. Целую тебя. А жене скажи, пусть не печалится, когда я исправлюсь окончательно, я ей об этом напишу. А может быть, ей об этом сообщат другие — например, профсоюзная организация. Напиши мне, утвердили ли твою докторскую диссертацию. Не будь слишком сурова с Борькой — это ему вредно. Твой Юлий Даниэль».

| 10/VIII/66

А сейчас я пишу на работе, точнее — в рабочей зоне. Вынужденный перерыв в моем высокопроизводительном труде — у станка нет такой фиговины, которая делает работу на нем безопасной, и по этому случаю я могу продолжить письмо. Это приятно по многим соображениям; в частности, можно выйти из цеха и хоть на полчасика избавиться от того адского шума, который начинает действовать мне на нервы. Наверно, я все-таки оглохну от этого визга и воя; но все, как известно, имеет свою хорошую сторону — меньше глупостей буду слышать. А чтобы хорошие слова доходили до меня, закажи кому-нибудь из зарубежных знакомых элегантные очки со слуховым аппаратом, вроде тех, что я однажды примеривал. Черт его знает, может, я слишком мнителен, но кажется мне, что я стал хуже слышать*. Постоянно действующие факторы: шум и усталость, ну и время от времени плохое настроение; ты же знаешь, как оно действовало на слух. По счастью (по легкомыслию) оно у меня крайне редко.

Сейчас одиннадцать часов с хвостиком; где-нибудь через минут тридцать-сорок пойду обедать. Кормежка получается довольно сносная, но не потому, что стали лучше готовить, а просто в ларьке появился жир, джем, огурцы. Обещают скоро помидоры. Так что наш колхоз устраивает еще одну дополнительную трапезу. Меня к решению продовольственных проблем и близко не подпускают, мое дело телячье — лопать, когда дают. Понимаешь, это очень здорово: прийти ночью после работы, залезть в тумбочку и обнаружить там что-нибудь вроде хлеба с жиром или повидлом. Или несколько конфетин. Это — работа Валерия [Румянцева]. Он же заботится и о том, чтобы у меня постоянно было курево. Футману больше по душе стащить меня с постели («Чтоб не проспал развода!») или неожиданно окатить холодной водой («Ты же весь в пыли!»).

Когда эту шайку-лейку вызывают на работу, они непременно заходят ко мне в цех — поиздеваться над делом моей чести, моей доблести и моего геройства. Ну и покурить вместе.

Стоп! Наведаюсь в цех.

Вчера два письма — от Марка [Азбеля] и от Майи [Злобиной]. Здорово они меня повеселили, эти письма — по-разному, разумеется.

К письму Марка можно было бы поставить эпитафию из Ильфа и Петрова, что-то вроде: «Болезньщик считает, что если бы он, болезньщик, был на поле, то все бы шло по-иному». За точность цитаты не ручаюсь, но смысл именно такой. Черт возьми, неужели трудно понять, что я не развлекаюсь стратегическими, тактическими и дипломатическими играми, а поступаю так, как это единственно возможно для меня?! Можно подумать, что у вас, в Москве, не знают, что я такое, и предполагают, что я здесь занимаюсь выкладками и расчетами: а как, мол, вести себя, чтобы «слух обо мне прошел по всей Руси великой». Мне и та известность, которую я получил, нужна была, прошу прощения, как зайцу триппер. Я здесь живу — понятно? Я не могу и не хочу выбирать, как мне себя вести. Здесь для меня существует лишь одна линия поведения — оставаться собой. Я не был собой с сентября 65-го по февраль 66-го, и мне очень стыдно*; но тогда у меня были заткнуты уши и завязаны глаза — это не оправдание, это попытка объяснить. А здесь все по-другому. И ни в какие «свои ворота» я не играл, и ничего в своем поведении не менял: вел себя одинаково и в ШИЗО, и до, и после. Ей-Богу, братцы, мне же здесь виднее, как и что; принимайте это, не сердитесь и не волнуйтесь.

Майя пусть не огорчается, а радуется, что ее Ляля [Алена Злобина] этакое вольнолюбивое создание. Очень мне жаль, что я не могу последовать ее примеру: ставить Софокла, подраться с режиссером, поругаться с вожатой и «прибыть» домой в 11 ночи... А забавные интеллигенты, радующиеся «внутренней свободе» сидящего в яме героя «Женщины в песках», — просто чистоплюи и благонамеренные трусы. Спасибо Майе и огромный привет.

Лар, пожалуйста, черкни открытку по адресу: Эстонская ССР, г.Тарту, ул.Викерспааре, 25, Марту Никлусу. Напиши, что я очень-очень рад его освобождению, что оно тем более приятно, что явилось (для меня) неожиданностью*, что я благодарю его за книгу, что буду рад получить от него письмецо с сообщением, как он устроился. И что я твердо надеюсь на то, что мы продолжим знакомство в более веселой обстановке.

Кстати, Марк пишет, что ему трудно представить, как мы соберемся и будем говорить обо всем в прошедшем времени. То ли у меня воображение лучше работает, то ли просто больше времени для это-

го, но я-то очень хорошо представляю, что это будут за разговоры. У меня даже такое ощущение, что эти годы (1+4) уже прошли, и трепаться мы начнем не сегодня-завтра. А что касается Дюрренматта, то я с ними (с Марком и Дюрренматтом) совершенно согласен; моноидеи до добра не доводят...

Вчера один из моих доброжелателей, заботящихся о поддержании моего культурного уровня (некоторых очень заботит и шокирует мой модус вивенди), дал мне вырезки из газет — о Михайле Михайлове*, о высказываниях китайских газет по части всяких Бетховенов, Бальзаков и Пушкиных. Я прочел, меня замутило. По счастью, под рукой был каталог выставки Петрова-Водкина; я принял это противоядие — полегчало. С особенным удовольствием смотрел на репродукцию «Матери», потому что точно такая же — нет, больше размером — висела (а может, и висит?) у Левиных-Глинок.

Я сижу на бревнах, одна сторона в тени (там, где я), а на другой, под солнцем, сидит идиотка-пичуга, разевает клюв от жары и топорщится. Лень ей, дура, сделать несколько шагов в тень. Пятый час, все усталые, оглушенные шумом и духотой, сидят, лениво покуривают — отходят, отдыхаются. Еще минут десять — и двинемся в жилую зону, а там могут быть (хе-хе!) письма...

Я заворочался, и птица улетела — наверно, ужинать в жилую зону. Там в столовой кормятся всякие пернатые и пархатые (или надо писать порхатые — от «порхать»?). А объявления родимые московские: «кормить голубей запрещается».

| 12/VIII/66

У нас в лагере можно было бы устроить «Выставку рисунков детей». Получилась бы отличная выставка; хотя я и не уверен, что все дети рисуют так здорово, как моя маленькая тезка*. Кирюха очень хороша — и по цвету, и вообще. А Туська со своим чадом — просто восторг: кокетливая и «модерновая». Это у меня уже третий изоподарок. А недавно мне показали рисунок той самой Тани, которой ты должна была послать «Маугли»* (ох мне, растяпе!) и «Винни-Пуха». Рисунок называется «Робот защищает марсианских котят от Чуда-Юда». Очень страшное Чудо-Юдо — трехголовое. Ну робот — обычный, всем известный, ширпотребовский робот, а вот марсианские котята — прелесть, один из них — прямоходящий. Ты скажи Юле, что я очень благодарен ей за рисунки и что я с удовольствием поеду к ней на дачу и мы будем рисовать вместе.

«День Л.И.Богораз («юной жены Даниэля») в рисунках» я тоже получил — мерси.

Скучать мне после твоих писем не приходится. А наоборот — приходится ломать голову, что это такое: твои бюрократические хлопоты, оптимистические прогнозы М.М.* и т.д.

У нас здесь полно всяких «параш». Они обычно зацветают весной и созревают к августу. Как правило, они тоже оптимистические.

Но и мрачных предсказаний хватает. В общем сплошная мешанина, вроде архитектуры во Львове, о которой рассказывает Ира Глинка (от нее я тоже вчера получил письмо). А когда же она в наш родимый Коктебель, вокруг которого «прекрасна русская земля»?

Это письмо я все-таки сегодня отправлю. Хочется, чтобы ты его получила до поездки в Явас.

Всех-всех целую, обнимаю и люблю.

Ю.

Совсем было собрался опустить письмо, а тут еще два неправильно надписанных конверта — от Иры Кудрявцевой и от Тошки [Якобсона]. Чудесные письма — и то, что написано, и то, как написано.

Вместе с твоей, Ларка, оценкой моих стихов эти два письма дали мне довольно полную картину того впечатления, какое производят мои вирши. Ну что ж, значит, у меня появляется хоть один островок в море неопределенности — той самой, в которой я барахтаюсь. Я имею в виду литературные мои возможности. Прозу я сейчас писать не могу (по многим причинам); переводы у меня никак не идут, и это порой приводит меня в отчаянье. То, что стихи у меня как-то получаются и что о них можно говорить всерьез — как о поэзии, — это больше, чем радует. Это — надежда; не поймите, что отныне я собираюсь заниматься исключительно сочинением стихов; просто это значит, что я, может быть, не кончился как литератор.

Ну ладно, хватит об этом. Спасибо большое Ире и Тошке. Да, Ире надо сказать, что я получил все ее письма и всем этим письмам радуюсь не только получая их, но много дней подряд — от письма до письма.

А что до снов, которые вспоминались Тошке во время пребывания в Явасе, то мне это ощущение хорошо знакомо. Правда, сейчас этого чувства беспомощности, бессилия нет. А вот ощущение фантастичности, нереальности происходящего осталось и приходит ко мне иногда в самые неожиданные моменты, например во время кино. Сидишь, на экране ходят всякие-разные или взрываются бомбы или еще что-то происходит, а вправо глянешь — барак, а влево — запретка, а вокруг — непонятно! — чужие и абсолютно одинаковые с тобою люди, твои дубли — или ты их дубль? Или во время бесконечных исповедей, когда вдруг подумаешь: «А что же происходит? Почему это мне вдруг за здорово живешь выкладывают подноготную? Кто я?» Конечно, можно десятки раз повторять себе, что я «мобилизован-

ный и призванный», но кто же там, наверху, сказал это сокрушительное «Годен!»?

Я без конца задаю себе множество вопросов. Наверяд ли я найду ответы. Если бы это произошло, то, может быть, и пришла бы «мудрость поэзии», об отсутствии которой пишет Ирина... А может, время поможет?

Еще раз целую вас всех, вы очень помогаете мне жить.
Ю.

П и с ь м о д в е н а д ц а т о е

| 21/VIII/66

Странно мне писать это письмо, зная, что отправлю его уже после того, как мы увидимся (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!). Но так или иначе, а из-за такой мелочи, как свидание, я не намерен прерывать плавное течение жиденского почтового ручейка «Явас—Москва».

Итак, за истекший отчетный период получено: от тебя, Ларка, — 3 письма, от Саньки — 1, от Юры Левина — 1, от Лидочки [Июдковской] — 1, от Иры Кудрявцевой — 1. Окромя того, разнообразные бандероли с книжками разнообразного содержания. По мере поступления дальнейшей корреспонденции буду подтверждать и реагировать, а пока... Пока, Лар, о новостях в твоих письмах. Поместье — это очень здорово*. Учитывая темпы (обычные) строительства всяких дачных и прочих поселков, я могу с уверенностью сказать, что приеду уже на готовенькое, и все заботы и хлопоты лягут (хе-хе!) на ваши хрупкие плечи. Борьку [Шрагина], Борьку заставьте работать! Я думаю, что для него надо будет ввести жесткую систему поощрений и взысканий (она же — «политика кнута и пряника»): «Покуда не достанешь олифу, не будешь разговаривать о Китае!» или «А вот воды в бочку натаскаешь — разрешим с Фаюмом потолковать!» А что до моих пожеланий, то я еще не собрался с мыслями — шутка ли, дачевладельцем (участковладельцем?) стать! Ну разве что хорошо бы мост через пруд перекинуть, да чтобы на том мосту магазинчики, магазинчики... Или виадук к сортиру... Магнитофоны и антимагнитофоны...

С удовольствием и сочувствием прочел я описание приема по случаю 25-летия Л.И. Богораз. Должен сказать, что изысканность стиля и литературное изящество репортажа не уступают изысканности туалетов и изяществу манер присутствовавших на этом пиршестве красоты и интеллекта (оно же именины сердца). Архижизнерадостный выбор репертуара, я надеюсь, не привел к тому, что смеялись до слез? Песенка об Аленушке — прелесть; когда-нибудь мы споем ее

так: после заключительного куплета — проигрыш, и снова последняя строчка, только вместо будущего времени глагол поставим в настоящее*. Прилипчивая штука — вокал: я уже дня два хожу и пою, лежу и пою, даже работаю и пою, и все одни и те же песенки: «Вышло облако на вахту в небеса...», «Жил как-то благородный...», «Андерсен» и особенно почему-то «Застольную» — «Помянем же их добрым словом...»*. Хорошо, когда сверх казенного пайка можно подкрепляться песнями.

Бровастого Олега я, конечно, вспомнил*. Но — «уж ты где, жена, жена, шаталась?!». Какие притоны ты посещаешь, с кем водишься? Я-то думал, что возможность подобных встреч исключена. Фи!

О спасении своей души, о баскете, о причинах плохого настроения (уже миновавшего, кстати) мне писать почему-то не хочется. Может, расскажу когда-нибудь...

А Сашке Воронелю напomini его же собственные слова: «Никто не причинил людям столько неприятностей, как те, кто хотел людям добра». Может, он уймется и не будет тебя воспитывать?

То, что твои веснушки почти не видны, ничего не значит, я прозреваю их внутренним оком; ты рождена быть конопатой, и это чистая случайность, что они (конопушки) запрятаны у тебя глубоко под кожей.

«Немец P.P.» — это, дура ты деревенская (как сказал бы Толя Футман), — Ромен Роллан.

Самое последнее твое письмо, Лар, — это то, что мне очень нужно было. Я ведь знаю, что меня любят. Наверное, я иначе не смог бы жить, умер бы в самом буквальном смысле этого слова. Это совсем не значит, что я привык к этому чуду — просто оно длится почти всю жизнь. Но я знаю и другое — что очень многие, очень близкие люди привыкли считать меня не то чтоб уж совсем блаженненьким, но личностью легкомысленной, слабой, поддающейся всяким влияниям и настроениям (у одной лишь Маринки [Домшлак] хватило чуткости извиниться передо мной за то, что и она грешила этим). Очевидно, по инерции считается, что меня надо наставлять и опекать; а меня надо только (только-то!) продолжать любить. Вот потому-то твое последнее письмо так было мне нужно — твое подтверждение моего права повторить уже очень много лет назад сказанное «Командовать парадом буду я».

Правда, братцы, у меня достаточно хлопот отбрыкиваться от здешних «учителей жизни»: реформаторов, евангелистов, йогов, националистов (кстати — чудеса в решете! — разномастные националисты отлично уживаются друг с другом; тут есть над чем призадуматься), оголтелых книжечеев, проповедников теории «Умри ты сегодня, а я — завтра», прилпатненных анархистов и прочая, и прочая, и прочая. Кроме того, меня пытаются подчинить, обратить в свою веру быт. «И все они меня хотят», — как говаривала Марленкина бабушка.

Так-то, Ларик. Очень я рад твоему письму.

Санька, ты молодчина. Для того, чтобы я оценил тебя по достоинству, даже не обязательно было упоминать о пропитых 5 рэ. И в кого ты такой кокетливый уродился? Нет, серьезно, я доволен и тем, как ты справился с этим годом (и учеба, и все — ох! — прочее), и твоими письмами (почаще бы только!), и этой самой, как ее? — электроразведкой. Я теперь за тебя почти совсем успокоился. А вояж в Алма-Ату (ежели он состоится) ты мне опиши подробно.

| 22/VIII/66

Лидочке И[одковской] — привет и самая-самая горячая благодарность за письмо. Я знаю о переменах в ее жизни и очень рад им. Белке, которая живет у нее, я сочувствую, мы с нею (с белкой), так сказать, коллеги, хотя я в лучшем положении: мое помещение гораздо больше и сколько угодно колес, в которых можно вертеться.

Непреренно и как можно скорее сообщите мне, что с Еленой Михайловной [Закс] и каково ее состояние.

Жаль, что Юра [Левин] не поехал в Тарту недели на две позднее. Там сейчас один очень хороший и мужественный эстонец [М.Никлус], я тебя уже просил, Лар, отправить ему мои поздравления по поводу его освобождения. Пошли ему, Ларик, наш экслибрис, какой получше, он их коллекционирует, а я здесь не успел ему подарить — то он отдыхал в угловом домике*, то я...

Юре за оценки — спасибо; но мне кажется, что он переоценивает литературные возможности моих эпистол. Экзотика же — потому и читается.

(Только что была сцена из «Казачков»: один милый работяга принес в ладонях — коробочкой — бабочку, заблудившуюся в цеху и севшую на станок, принес в курилку, продемонстрировал и стал выгонять ее в окно, приговаривая: «Да постой, ты, неразумная!..»)

Да, так вот, о Юре и его письме. «Литературно», — пишет он о повести скончавшегося осенью прошлого года нашего общего знакомого*. А не думает ли Юра, что вся архитектоника повести, весь образный строй, характер тропов, желчная романтичность отступлений — все это продиктовано не литературными пристрастиями автора, не его вкусами, а «кастовой» принадлежностью героев? Интеллигенция же, а? Ведь мы, сами того не замечая, подчиняем себя, свою жизнь сотням тонн прочитанных книг, живем в каком-то литературном ключе. Может, теперь, когда меня освободили от этой литературности жизни, быта, взглядов, — может, я по-иному буду писать прозу? Если буду.

Ире Кудрявцевой: наверно, найдется какой-нибудь поэт, напишет о «пестрых вестницах судьбы». Очень хороши ее письма, очень трогают меня. А что до «вина, которое не вызрело» — так что же делать? Я ведь не начинающий, и нет надежды, что буду когда-нибудь писать иначе — не торопясь. Видно, так на роду написано. Будут говорить: «Да-а, способности имелись. Только вот спешил все время, торопился». А как не спешить?

Здесьние грузины в сплошном захлебе от пластинок, присланных Антону [Накашидзе]. Кто помогал их выбирать?

| 23/VIII/66

Хорошие деньки стоят. А недавно был ад кромешный — 39 градусов в тени! Это чересчур даже для меня. Одежка-то черная, обувка-то тяжелая, нагишом гулять не велено — уф! Зато сейчас — в самый раз: утром-вечером прохладненько, днем — тепло. И сладкое в ларек завезли. И вы с Санькой скоро приедете. Тут у меня — давно уже — все ложка падала. «Дура, — говорю, — чего падаешь?» А уж потом, по настойчивости ее, понял, что это она заблаговременно. Вещи — они народ толковый. Они, например, подтверждают, что я остался самим собой: пропала зажигалка. Я ее уже много раз терял, но ее всё находили и возвращали. Но сколько же можно терпеть? Вот она и потерялась насовсем. И между прочим, всю жизнь у меня были нелады с авторучками, часами, зажигалками, фонариками.

Не знаю, общаешься ли ты, Лар, хоть изредка с Кишиловыми? Если да, то привет им и поздравление (и Маше Реформатской) с находкой*. Мне сказали о сообщении в «Известиях» и сунули под нос газету: «Икона! XIII век! Прочтите!» Ну, стал я читать и — бах! — сразу два знакомых имени. А знали б вы, как странно здесь наткаться на знакомые имена! «Для чего это? — думаешь. — Я ведь и так знаю, что жизнь продолжается...» Берешь сборник — переводчики; листаешь журнал — рецензенты; с горя сунешься в какую-нибудь «Знание — силу» — лингвисты.

Перерыв кончился. Я пойду «пахать», как здесь говорят.

Уф! Пять часов. Пятнадцать минут назад кончил работу. Что сегодня ждет меня «дома»? Может быть, письма; может, бандероль («бандерольные дни» — вторник, четверг, пятница). Наверняка ждут ребята: «Давай-давай, быстрее ужинай и приходи! Дело есть». Ну дело известно какое — пожрать и потрепаться. От столовой до барака мне неотвратимо придется поговорить

| 24/VIII/66

о пленуме в Китае, о «Святом колодце» Катаева (кстати, как он вам? Мне — и да, и нет) и ответить на вопросы типа «Как пишется частица «бы»?».

Так вот, писем я вчера не получил. Зато Антон и Толя получили по письму от Наташки [Садомской]. Я закатил им сцену ревности, да такую, что они на минутку даже поверили.

Да, чтоб не забыть: когда я прочел присланное Юрой стихотворение Мандельштама, то я буквально заболел первыми двумя строчками. Нарочно пошел к одному армянину и попросил его поговорить по-армянски*. Хорошо бы получить «Мне на шею бросается...»*.

Сейчас я пойду к станку, сделаю сколько-то деталей, а потом, если будет время, еще напишу. Я ведь эту неделю в I смене, и вечерами писать не удастся.

Ну вот, уже 5 часов, свободного времени не было, сейчас мы стройными рядами двинемся в жилую зону. От пришедших во II смену мне уже известно, что меня ждут 3 письма и телеграмма.

| 27/VIII/66

Письма были: от Тошки [Якобсона] (с переводами сонетов Эрнандеса; кстати, я не помню, подтвердил ли я получение того письма, в котором Тошка говорит о моих стихах? Спасибо ему, я ведь очень верю Тошкиному пониманию), от Борьки Золотаревского, от Майи Злобиной. А телеграмма — от тебя, Лар. Борькино письмо философско-бытовое; вторая часть эпитета меня вполне устраивает. Спасибо ему за письмо, за имеющую быть электропроводку, за фотографии (поскорей бы!). Семейству его — привет и поцелуи, а с ним — с Борькой — мы еще потолкуем, «кто есть кто»*.

Позавчера я лежал вечером на своем II этаже, что-то читал, что-то писал, радио бубнило и вдруг — музыка, «Песня Сольвейг», любимая мною. И я сразу — даже не вспомнил, а прямо-таки снова увидел и почувствовал один день прошлого лета:

Как приехали ко мне Ира Кудрявцева и Ольга Всеволодовна* и попросили сопровождать их за город, к знакомому композитору, и мы поехали, и не застали его, и я лазил заглядывал в окна, и О.В. — прелесть! — ругалась на чем свет стоит, и мы пили водку из бумажных стаканчиков под начинающимся дождем, и дождалась, наконец, хозяина. Мы вошли в дом, хозяин оседлал велосипед и упорхнул за

выпивкой, а Ирина подошла к роялю и, спотыкаясь, начала играть то самое, что с утра плакало во мне — «Песню Сольвейг». И потом тоже были чудеса: музыка (кажется, Бетховен?), с которой колдовал хозяин дома, и стихи, и ливень за окнами, и наше возвращение в Москву... Очень я помню этот день.

Вот Майя спрашивает, что из пластинок прислать. Ах, если бы «Пера Гюнта»! Ведь из «серьезной» музыки по-настоящему я люблю только эту вещь да еще «Сказание о граде Китеже».

А из книжек (не презирайте нас, пожалуйста!) — «20 лет спустя» Дюма; это столько же для меня, сколько и для Толи [Футмана]. Ведь он — представьте себе, какой ужас! — вообще не читал это роскошное произведение.

Через две недели будет год, как я в новом качестве. «Осталось мне сидеть четыре года»*. Разумеется, я сосчитал: 1460 дней. И столько же ночей. Что поделаешь, я веду себя банальнейшим образом, все арестанты во все века считали дни. Вот и я считаю. Полторы тысячи суток — это не так уж много; «четыре года» — это звучит гораздо серьезней. Впрочем, я уже не раз здесь слышал: «Ну, первые два-три года сидеть легко — и не заметишь, как время пройдет». Не знаю, что причиной — мое ли несколько необычное положение здесь, собственный ли инстинкт, соединенный с оголтелым любопытством, — но я знаю уже почти все, что знают лагерники с двух-, трехлетним стажем. Курсы ускоренного обучения...

Субботний вечер. Тихий, мирный, уютный — сплошная идиллия. Я сижу на Валеркиной постели. Антон трудится над письмом, пытит. Толя [Футман] и Валерий [Румянцев] играют в шахматы. Толя-младший [Марченко] слоняется вокруг и смотрит на меня тоскливыми глазами: он хочет, чтобы я ему дал книжку о Чаадаеве, а мне лень вставать и идти за нею в каптерку. В сторонке негромко гудит компания литовцев. Толя Футман бормочет: «Пойду по белым кудрям дня искать убогое жилище...»*, время от времени переходит на прозу и объясняет желающим (желающих нет), как именно он вот сейчас обыграет Валерку. Валерка бесстрастен и непроницаем. Он отмалчивается, потом тихо произносит: «Мат». И делает его. Футман остолбенело глядит на доску, потом грохает по ней кулаком. Фигуры летят на пол. Снова мат... В двери просовывается очередная голова — я кому-то срочно нужен либо для исповеди, либо для литконсультации, либо для того, чтобы выяснить с оптимальной степенью точности — сколько в Москве могут стоять шахматы с фигурами из слоновой кости... Я отвечаю, что я в творческом отпуску, и не двигаюсь с места; а приблизиться к нашему закутку решится далеко не всякий — Футман же...

| 28/VIII/66

А потом я все-таки вылез на свет божий и сыграл в бильярд. Семь противников я выставил, а восьмой выставил меня. Я думаю, что проиграл по той же причине, по которой когда-то утратил интерес к цели автомобильной гонки (Ларка, Санька, помните? Это когда мы догоняли поезд с Бурасьями). Так что, проиграв, я от души (и от желудка) поблагодарил победителя и помчался туда, где стыдливо начертано: «Воду (!) лить только в очко». Вообще объявления, плакаты и пр. заборная литература заслуживали бы отдельной главы в книге о здешних местах. Над окошечком кухни висит трогательное: «Выдаваться в кастрюльки пища запрещена». Это, так сказать, бытовые заповеди. Но есть и всякие прочие. Увы, боюсь, что эта книга не будет написана — по многим причинам: и не стоит писать то, что не будет напечатано, и очень хочется плюнуть на все и заняться только переводами или историей, и вообще вспоминать о человечестве по Ильфу и Петрову: «Выпьем за человечество, Лев Николаевич!» — «Выпьем, Антон Павлович, черт с ним!»*

Вот. За полчаса до отбоя пришел ко мне Леня Рендель и объяснил мне «за Суворова» — какой он был прогрессивный. Вот бы его с Тошкой [Якобсоном] сравнить! Я для него — существо неизвестной ему, особо легкомысленной породы. Ему это очень нравится, и я даже позволяю себе чуть-чуть переигрывать. Он — славный, нескладный. Читает мне лекции по истории морских сражений, а я ему — по истории русской поэзии XVIII века. «Мы вам — бусы, вы нам — слоновую кость».

А что было сегодня? Подъем (иждивением Валерия) в 6 утра. Это в воскресенье-то! Завтрак, кофе, треп с Толей о человеческих характерах и взаимоотношениях, треп, обильно уснащенный с обеих сторон «примерами из жизни». Толя недавно прочел «Бравого солдата Швейка»... Бильярд 2:1 не в мою пользу. «Новый мир» № 6. Пинг — 3:2 в мою пользу. Обед: шти, каша с подливкой и сонетами Кнута [Скуениекса]; сонеты хорошие. И вот — возлежу и пишу. Сейчас половина пятого. В 6 придет некто в черном и поведет меня слушать стихи — его собственные, наверняка плохие. Ох, легко было этому самому Киплингу трепаться о «времени белых»...

| 1/IX/66

Я перечел письмо. После нашего свидания отпали кое-какие вопросы и устарели некоторые мои описания. Но — не вычеркивать же, не переписывать же заново! Отправлю как есть.

Получил 4 письма: от Наташки [Садомской], от Иры Г[линки], от Фаюма, от Михи [Бураса].

Ужасно я рад, что Наташка разделяет мои суждения о «строгости» и «доверии». Такое она письмо прислала точное — уметь бы мне так находить слова. Но — как выяснилось из разговора с вами — Наташка умеет и «находить поступки». Единство «слова и дела». Я обнаружил ее великолепный жест, и весь квартет был в полном восторге. Решено: обратиться к Ире Глинке с просьбой создать монументальную скульптуру á la Шадр — «Салат — оружие интеллигенции». Я думаю, Наташка не откажется позировать?

Привет Валерке и Аде*, а Люде [Алексеевой] (ведь я не ослышался, она сказала, что я красивый?) — мое восхищение ее наблюдательностью и меткостью суждений... Ну в самом деле, Ларка, Санька, я же не так страшон, как на фотографии?!

С Фаюмом я полностью согласен — с его критическими замечаниями, со всеми — кроме одного. Он пишет, что «Романс» — лишний и слабый*. Что слабый — вполне возможно, мне трудно судить. А что лишний, да еще по причине того, что «... все, что там сказано, должно быть очевидно и так, а для кого не очевидно, к тем не стоит обращаться со стихами», — с этим я никак не могу согласиться. Во-первых, сам Фаюм говорит, что весь цикл — одно произведение, стало быть, изымать из него ничего нельзя, даже литературные аппендиксы; во-вторых, несмотря на это, каждое стихотворение может существовать и отдельно (ведь может, а?), и поэтому читателю или слушателю, скажем, «Молитвы»* будет весьма полезно уяснить себе взаимоотношения между автором «Романса» и предметом «Романса». Очевидность же, по-моему, не снимает необходимости словесного выражения. Я люблю женщину, это для всех и для нее очевидно, но я все-таки говорю ей это магическое заклинание — «Я тебя люблю», — чтобы она это не только знала, но и чтобы слышала. То же самое и у меня, и у Андрея, и у многих-многих других — с Россией; а ведь в понятие «Россия» входят и те, «для кого не очевидно»...

А белый стих я отродясь не презирал — Фаюм спугал с «вольным стихом», с верлибром. И я очень рад, что ему понравился «Дом»*, — мне он тоже нравится.

Письмо от Иры — последнее из Закарпатья. Сегодня она уже в моем Коктебеле, уже слушает «глухой раскат волны, взбегающей на берег плоский»* и глядит на Хамелеон — акварельный мыс... Ужасно не хочется представлять себе застроенный и благоустроенный Коктебель. Я надеюсь, она напишет мне оттуда про всякие Сердоликовые, Лягушачьи, Яичные...

Что же сказать несчастным родителям — Михе и Маринке? Разве то, что на этом дело не кончится — впереди еще Машка*. Смирин-

тешь (как советуют мне здешние евангелисты), куда денешься? А что тесновато будет — так, во-первых, сами олухи, надо было комнату для них снять; а что во-вторых — я забыл, пока писал «во-первых». Пусть будут счастливы, черт бы их побрал!

Не жалея, Миха, о том, что встреча с Эсселем не состоялась; вряд ли ты ограничился бы парламентарными выражениями; а за мордобой нынче кругленькие сроки дают... Маришка, я тебя целую.

Ларик, пришли еще две-три ложки приличных — вкусней будет кашу есть. Импровизированная передача — высокий класс! Едим, облизываемся и спасибо говорим.

Н-да, погода переменялась...

Сегодня уже солнце, можно ходить без ватника и даже играть в бильярд. Проиграл со счетом 2:0...

Ларонька, то, что ты сказала насчет моей «породы», очень лестно, но мне кажется, неправильно. А все дело, по-моему, в том, что я — художник. Как видишь, я не из скромных, я задираю нос, я присваиваю себе самое высокое звание из всех существующих. Но силы, жизнестойкость, жизнелюбие, оптимизм — только от этого — от искусства; даже в том случае, если я — плохой художник.

Я счастливый человек, счастливый художник. Счастье (ощущение счастья, «осознавание» его) писать и жить так, как хочется, известно единицам; остальные его не знают: одни — потому, что всегда живут и пишут по-своему, и никто им не мешает, другие — потому, что ни разу в жизни и не пытались писать и жить «без оглядки». Я — один из немногих понимающих, что счастлив. От этого — все то, что вызвало твои похвалы.

Обнимаю, целую всех вас. Ю.

И конвертиков...

P.S. Пришел Толя [Футман] и морочит мне голову:

«Привет (большой!) Наташке, Тошке, Мишке, Людке». К последней у него есть кое-какие вопросы интимного свойства. Но я думаю, что их лучше отложить до личной встречи... А теперь он долдонит, что самый огромный привет Ларке и Саньке.

Все.

11/IX/66

Я уже давно — дней десять — не писал. То ли психика работает безотказно, как хороший автомат: после свидания должна быть депрессия; то ли погода действует — противная, дождливая, сырая; то ли эпистолярный жанр себя исчерпывает? Вам-то легко писать письма: всякая мелочь, всякий пустяк, рассказанный вами, — для меня событие, которое я перечитываю, обсасываю, смакую. А мои мелочи и пустяки все одинаковы, как наши куртки.

Вот написал — и сразу стыдно стало. Ведь именно сегодня у меня было одно из самых сильных впечатлений за последнее время, одно из самых радостных. Так что грех мне жаловаться — счастливицу, которого жизнь заботливо утверждает в его стихийном оптимизме.

Нынче — 11 сентября — день рождения Яна Райниса. Рано утром мы собрались под навесом летней столовой, уселись на скамье и досках, праздничные, чинные и очень расположенные друг к другу. На столе лежали сборники стихов Райниса, пьеса Райниса, портреты Райниса, альбомы, посвященные ему, открытки и фотографии, вырезанные из газет и журналов: могила Райниса, дом Райниса, актеры в ролях из пьес Райниса. На одну из книг положили цветы — три розы.

А потом мы слушали рассказ о его жизни и его книгах и читали его стихи — на латышском, русском, украинском, грузинском, армянском, чеченском, литовском, финском. Вокруговую, навстречу друг другу, передавали две объемистые чашки — две чаши — кофе. Мы были, как на островке, — вокруг навеса хлестал дождь, он загнал всех в бараки, и лишь изредка мелькали нахохленные ватники. Я сидел, слушал, читал стихи — и очень, очень гордился поэзией. И людьми. Я думаю, что, если бы Райнис был жив и мог выбирать, он из всех торжественных собраний в его честь выбрал бы наше, отвергнув накрахмаленные юбилейные заседания: сидел бы вместе с нами на досках, ежился бы от ветра, пил бы горький кофе («Два глотка — и передай соседу!» — таков лагерный этикет) и слушал бы свои стихи — на латышском и в переводах, книжных и здешних, и стихи присутствующих, посвященные ему, тоже на разных языках.

Наверное, это и есть «чистое искусство» — чистое, т.е. бескорыстное, не связанное даже с таким вполне невинным «корыстным» желанием, как желание опубликовать свои стихи или свои переводы...

А вокруг были — не декорации, не задники, не занавесы; а реплики и монологи — не были отрепетированы; а участники — не столичная элита, а мы.

Ну как не быть благодарным судьбе, что у нас для того, чтобы жить, остается Искусство? Или — мы у него. Простите мне восторженность стиля, но это действительно было прекрасно*.

Вот. А теперь перейдем к прозе. Ларик, пошли, пожалуйста, 15 рублей по адресу: Киев, Красноармейская ул., дом 125, кв. 3. Теплицкой Гене Лейбовне. А квитанцию пришли мне. У меня здесь свои счета с мужем этой женщины. Я должен ему за кое-какое барахлишко.

Леня [Рендель] хочет написать Люде Алексеевой* — пришли или пусть она сама пришлет мне или ему адрес. Как приятно, что у нас в друзьях ходят такие по-женски привлекательные особы — можешь сказать Люде, что ее здесь оценили по достоинству. И должен вам сказать, что на оценки отнюдь не влияет специфика нашего положения, отсутствие (гм-гм, как бы это выразиться половчей?) — отсутствие «контактов». Один тип не из нашей компании — туда же, с суконным рылом да в калашный ряд! — просил «познакомить». «Шиш!» — ответил я ему в самых изысканных выражениях, на какие способен.

Я получил чудесную красно-белую электробритву. Обратный адрес наш, имя и почерк — Кадика [Филатова]. Это его подарок? Я целую его и Люку, и пусть они кланяются всем моим харьковчанам, а Лешке [Пугачеву] пусть скажут, что я мысленно — очень часто — и вслух — иногда — пою, точно адресую это пение:

Мой мальчик, вы старший по чину,
Но это ведь все до поры!..*

А еще пришли пластинки, только я их еще не получил, они на проверке. Это пластинки от Майи Злобиной. А еще от Юры Левина — Лина Костенко (на русском...), Л.Мартынов (я к нему равнодушен) и чудесное издание «Записных книжек» Ильфа. И В.Симоненко* от Ирины из Крыма. И всего одно-единственное письмо — от тебя, Лар, — написанное еще до нашего свидания. Очень хорошее.

12 сентября 1966 г. А у меня сегодня юбилей: один год моего пребывания под стражей. Ларка, а ведь хорошим, очень хорошим было утро год назад? А? И полет, и завтрак в самолете (аппетит прорезался!), и курение на солнышке (в Куйбышеве?), и догадки о том, кого из соседей-пассажиров зовут Михаилом Ивановичем, и итоговая черта, которую мы подвели*. Сегодня я снова подвожу итоги. Что я потерял и что я нашел за этот год? Ну, что потерял — это ясно: свободу. Свободу передвигаться в пространстве, свободу общаться с теми, с кем хочется, свободу есть, пить, спать и одеваться, как мне заблагорассудится. А что нашел? Прежде всего — самое главное — заново нашел друзей. Нашел уверенность в своих человеческих возможно-

стях. Нашел (точнее — нахожу) дорогу к душевному равновесию. Не так уж мало, а? Я не знаю, как оценить и взвесить то, что за этот год нашли другие. Но кажется, и они нашли. А ежели это так, то я нашел значительно больше, чем потерял.

Да, еще я нашел время и возможность отращивать усы (на очередном фото я буду усатый — к счастью, не полосатый*). А потерял (потерялись) несколько человек — очевидно, не для всякой дороги годится всякий груз...

Так что поздравления я сегодня принял именно как поздравления — безо всякой горькой иронии.

Мне преподнесли хороший подарок — совет считать оставшийся срок не по годам и не по дням, а по месяцам — осталось всего 48 месяцев, пустяки, такой срок, как здесь говорят, «на параше отсидеть можно».

Вот и вечер.

Лар, милая!

Получил твое письмо. До чего же здорово читать все эти расчудесные имена! Я совсем рядом их чувствую, когда они все так вот, целым шалманом, перечислены. Любо-дорого представлять их морды — озабоченно-деловитые сначала, и «отошедшие» — потом. Такое ощущение, будто я, как Том Сойер, лежал под кроватью и подглядывал. Расплеваться со всеми кислыми настроениями (ведь случаются же!) после таких писем, как это, — только и остается. Сегодня, к юбилею, я, стало быть, получил еще подарочек.

А ты совершенно права: у меня тоже непрерываемость разговора. И, видимо, это от писем. Хорошо, что люди выдумали письменность. А иначе как бы я объяснялся вам всем в любви? И так здорово, что я могу это делать! Напрасно Эльза Триоле («Великое никогда») пишет о грубости и малой пригодности словесного сырья для выражения эмоций. Каждый раз, когда я читаю ваши письма, я слышу интонацию, вижу мимику и жесты, дыханье чувствую. Одним каким-нибудь словечком, оказывается, до чертиков много можно передать. Ей-ей, зря некоторые мои корреспонденты скулят, что беспомощны в письмах, — я еще ни одной чужой — не ихней — нотки не услышал.

Иногда мне даже кажется, что какие-то черты, которые были для меня «не в фокусе», сейчас, в письмах, прояснились. Или вся эта история была «наводкой на резкость»? Каюсь — я даже рад этому. После всего (когда-нибудь) станет еще легче, еще свободней общаться. И я осмелею настолько, что буду каждому говорить, что я о нем думаю. У меня ведь не часто возникала возможность (смелость?) говорить и хорошие вещи...

Понятно?

Наташке [Садомской] скажите, что «Лунный камень» давным-давно получен: кажется, Майя З[лобина] его прислала. От прогнозов относительно количества будущих детей Толя [Футман] сперва пришел в ужас, а потом решил, что заработает новый солидный срок, и ко времени освобождения взрослые дети будут его кормить и содержать...

Заглянул вчера в «Лит. Россию». Юрочка Хазанов начал там пастись систематически. Как приятно знать, что бывший соавтор не пал духом и самоотверженно трудится все на той же северокавказской ниве*. Бедная Риммочка! Теперь ей одной достается вся порция сетований, страхов и пессимистических прогнозов. Раньше мы с нею делили этот груз. Может, стоит подыскать другого сподвижника? Или он останется верен моей памяти?

Я давно уже решил не просить о том, чтобы присылали какие-то определенные книги. Но одно исключение я хочу сделать: мне очень хочется получить книгу Л.К. Чуковской о редакции художественной литературы. Впечатление от того, что она пишет, очень сильное. Все, кто читал, в один голос говорят о серьезности затронутых проблем, о высокой гражданственности автора, о необычности и смелости формы. Она — один из немногих рыцарей литературы*. Мне очень хочется иметь здесь ее книгу. А когда я выйду отсюда, я, может быть, сподоблюсь чести пожать и поцеловать ей руку.

Я написал сейчас: «один из немногих рыцарей»; наверно, я неправ, пусть простят мне — я ведь так немного знаю, так мало знаком с литературоведением; прекрасные книги Белинкова и Копелева — вот все то, что я сумел здесь прочитывать.

Слушай, а куда этот поэт татарских кровей* лезет в бородачи? Что и когда у него вырастет? И как Люка терпит это безобразие? Уж ежели моя семитская родословная не может мне обеспечить приличную растительность на морде, то — «старый хрен, куда ты прешься?».

Мои усы — цвета прелой соломы и такого же вида. Брр... Только мысль о том, что это единственный случай, когда я, не пугая окружающих (здесь и не такое выдывали!), могу долелеять эту пакость до фотокондиции, удерживает меня от покоса. А потом — о Господи! — надо будет бороду отращивать...

Да, вот вам первое серьезное пожелание относительно нашего поместья: никаких заборов или изгородей. Узнайте, какой кустарник быстро растет, и обсадите им участок. Для того чтобы почва под кустарник была хорошо удобрена, сортир пока не стройте, а распределите между собой четыре границы участка. Само собой, если участок будет не квадратным, то тем, кто будет обслуживать более протяженные границы,

следует выдавать усиленное питание. А гостей — на огород! Чтобы знали: что по...шь — то пожрешь! Пардон, медам!..

| 14/IX/66

Вчера перед работой — бах! Две телеграммы. Бах! Три письма. Спасибо, милые мои, за телеграммы, за тосты, за то, что собрались. И как это Наташка (Наташка же!) сомневалась, собираться ли?! Ну конечно, собираться, конечно, выпивать. И вообще запомните: я в долгосрочной творческой командировке с осложнением на желудок. Ничего особенного.

О письмах.

Ире Кудрявцевой: в следующем моем письме будут тексты старых украинских песен; попытаюсь что-нибудь устроить и с нотной записью, но не уверен, что удастся. Михе [Бурасу]: термин «київина» принят на вооружение. Тех, кто обзывает его «дедом», мне от души жаль: ни черта они в мужском возрасте не понимают. Счастье, что у него дочери, а не сыновья: быть бы этому «деду» снохачом...

Юре Левину: Зави-и-дно! Я тоже хочу в Эстонию; ей-Богу, я бы не мешал, не встревал бы в умные разговоры, сидел бы себе тихохонько у камина, собирал бы дровишки для костров, ходил бы за выпивкой для господ научных работников...* Возьмите меня когда-нибудь с собой, а?

А Люка зря свитер штопала — не получил...

У меня к тебе просьба, Ларик. Пришли мне, пожалуйста, мои переводы стихов Драча, Винграновского, Коротича, Симоненко, Стуса*, те, что были сделаны по заказу «Советского писателя» и «Нового мира», короче — все, что за последнее время переведено было с украинского. Я эти переводы немножко подредактирую. Пожалуй, они уже достаточно «отлежались».

(Эй, не забудь написать мне, как дела с гонораром за «Бегство»!)

Культурные новости:

- А нам показали «Любовь под вязами». Чудеса, да и только! Это я о самом факте, не о фильме. Фильм средний, добротный. Ну, разумеется, Софи Лорен...

- Имя деревянной девочке я нарек — Оленька...

- Все гасконцы подряд читают (подряд же) Белинкова и Лебедева* (стоп, соврал: Толя читает, наоборот, Шекспира: пока молчит, впечатлениями не делится).

- Сообщение в сегодняшних «Известиях» о репрессиях франкистов против испанских прогрессивных литераторов (месяц тюремного заключения) вызвало возмущение и гнев.

- Недели через две состоится читательская конференция по повести Сартакова «Философский камень». Кто из вас читал — поднимите руку! Я не читал...

• Проиграв, пролез под бильярдом... Но перед этим наслаждался: загнал под бильярд Колю Юсупова* (рост ≈ 195–200 см...).

I 15/IX/66

Подумаешь, Миха пишет: «Обилие технических терминов!»! Я не только терминами орудую, но и гаечными ключами (гайки, которые надо откручивать-закручивать, в нижней части станка; сию на корточках, кручу, ключ срывается — бац по морде! Ах ты, думаю, трам-там-там, ключ не годится. Кладу его на станок, беру другой ключ, невыключенный станок дрожмя дрожит, первый — забракованный — ключ сползает и бьет меня по затылку... Хорошо, что в цеху шумно, никто не слышит, что я говорю...). Вообще я жуткий производственник стал. Так что я даже за Явасочкой смогу ухаживать, например, наливать воду в радиатор (или в карбюратор?). Наливать я ее буду заподлицо (!!!) При помощи червячной передачи. И вообще не Бурасу, этому известному халтурщику и бракоделу, разговаривать со мною таким снисходительным тоном. Может, я скоро в передовики производства выйду. Может, я норму выполняю. На 60%. Может, я наблатыкался. Да-с.

I 16/IX/66

Вчера перед работой получил письмо от Иры Г[линки], от Майи З[лобиной], от Марлешки [Рахлиной], открыточку «С новым учебным годом!» от Иры К[удрявцевой]. Да, новый учебный год. Уж не знаю, к добру ли, к худу, но сдается мне, что новый учебный год сведется к «повторению пройденного». Тот же учебный материал, по той же учебной программе, с теми же преподавателями и классными руководителями. Надеюсь, правда, что экскурсий не будет — они все же утомительны.

Спасибо Майе за стихотворение Кипплинга*; я, конечно, помню его, но думаю, что этот подарок — слишком большая честь для меня. Я не кокетничаю, я всерьез так думаю.

Ведь нет никаких особых причин расхваливать меня. Я такой же слабый и грешный человек, как и был. И то, что я старался быть порядочным в течение года, отнюдь не снимает всех претензий, которые можно предъявить (и которые я предъявляю) к 39-летнему Юлию Даниэлю. (Эй, вы только не подумайте, что я жил бы иначе, если бы представилась возможность переиграть все заново!)

Вот так послушаешь-послушаешь добрые слова и начинаешь потихоньку придумывать, «какой ты гордый был и четкий»*. Надо дер-

жаться — уж ежели решил не меняться, так придется сохранять себя со всеми аппендиксами.

А тут еще кое-кто смотрит круглыми глазами: «Как, Ю.М., вам случилось напиваться?.. Не может быть!.. Ну вы уж хоть никому не рассказывайте...» Прямо хоть эпиграфом ставь к стихотворению, которое я недавно написал. Вот я его сейчас вам изображу. (Те стихи, что читал на свидании, мне переписывать лень — я уверен, что Санька их и так запомнил*.)

А нужно ль былого чураться,
Пускать прожитое на слом,
Позиции и декларации
Выдумывать задним числом?

Придумывать звонкие фразы
Для будущих мраморных плит —
Что, мол, от рождения, сразу
Ты был из металла отлит?

И чваниться напропалую,
И лавры, кичась, пожинать,
И всю беззаботность былую
Предательски не вспоминать?

Не стоит в бессмертье стучаться;
Другие, быть может, словчат —
Тебя ж уличат домочадцы,
Друзья тебя изобличат:

Расскажут правдивую повесть,
Отыщут простые слова —
Что жил, ни к чему не готовясь,
Как дерево и как трава,

Которые пахнут, и вянут,
И знать не хотят наперед,
Что пилы и косы нагрянут,
Подступят, возьмут в оборот...

Невместно полену и сену
Казаться иными, чем все,
Пойти на такую измену —
Забуть о земле и росе...*

| 17/IX/66

К Марлешке вопрос (в порядке уточнения): зачем торт ставили на стул? Или: зачем Саша [Захарова] (привет ей!) садилась на стол? И, наконец: торт, я надеюсь, был все-таки съеден? А насчет того, что никто не думал, что я много работал, много переводил, так, право же, Марлешкин призыв доказывать свою трудовую деятельность окружающим — не по мне. Имеющий уши да слышит. Имеющий очи да видит. Имеющий... впрочем, тут черт знает до чего можно договориться. В общем, не видно было моего пота — и слава Богу! Любили меня без особого почтения к моей литературной деятельности — и черт с вами, любите и дальше так же.

Неприменно вскоре после освобождения побываю в Харькове — посмотрю на всех. Кстати, знаете, кто самый-самый первый приснился мне после ареста? Муха*. Смотрела на меня с суеверным ужасом и говорила что-то укоряющее. «Вот тебе и “мастер последней фразы”!» — очевидно, думала она.

О письме Ирины просто ничего не в силах сказать. Я, кажется, готов был бы на обратный счет: три дня в лагере за один день в Коктебеле. С меня ведь достаточно было бы и одного имени, одного звучания — Кок-те-бель! — а тут еще Господь (или лукавый?) наделил Ирину даром описания... Все южное, первобытное, смутное, что есть во мне, все тянется к этой бухте и к этим горам. Читать ее письмо было и радостно, и мучительно...

Я жду рисунки Нинки*; может быть, она и несколько слов черкнет?

Каждую ночь я люблюсь перед сном рисунком в оконном квадрате: ветки и листья, подсвеченные сзади фонарем. Любуюсь и потому, что красиво, а еще потому, что это чем-то похоже на эти фотофокусы Фаюма — забыл, как это называется, ну когда он печатает прямо на бумаге, без пленки, — всякие бокалы-перчатки.

Пойду-ка я пообщаюсь с корешками.

| 18/IX/66

Воскресенье. Ровно неделю я писал письмо и сегодня, наконец, отправлю его. День спланирован так. Сейчас допишу письмо. Где-нибудь между 11 и 12 часами поиграю в пинг (последние партии: погода, хоть и выправилась, но все же скоро всяким спортразвлечениям — амба). Затем у меня свидание и разговор с украинцем, знающим старые песни. Обед. Почитать, поспать. Может, немножко писать буду. Пообщаться с ленинградцами — неделю работали в разных сменах,

соскучился, они очень славные. Кина, кажется, не будет. Вечером, наверно, треп с мушкетерами — если их не вызовут на работу.

Какие еще новости? Помимо недостоверных, проникающих извне? А вот: Толя Футман самозванно объявил себя племянником Люды [Алексеевой]. Дело в том, что нашлись еще желающие переписываться — всякие типы, вроде того, что женился когда-то на нашей ровенской знакомой. Так вот, Толя заявил: «Она моя тетка!», и люди с «серьезными намерениями» удалились в ретираду — кому охота за-получить такого племянничка? Перед такой перспективочкой даже Людина привлекательность отступила.

Ты спрашиваешь, Ларик, что это за мальчик, все время окликающий Саньку? Не знаю, здесь много таких, которые выглядят не старше нашего чада. Да и на самом деле они не намного старше — ну, на четыре года, на пять-шесть лет...

А что это, собственно, значит: «внук нижегородского плотника засучил рукава, и через пять минут все было кончено»? Значит ли это, что полук уже вообще не существует?

Я закончил «Великое никогда» Эльзы Триоле. В общем, мне нравится. Наверно, трудно ей, бедняжке, было нести этот мешок, набитый таким количеством угловатых вопросов без ответа, таким множеством громоздких проблем. Да к тому же она отказалась от попыток встряхивать мешок на спине — при помощи добротных литературных приемов утрясти содержимое, придать роману более удобную для автора форму. Она — храбрая женщина, доблестно несла его до конца. Точнее — до поворота, за которым мы перестали видеть, конца-то у романа нет.

Я перечел сейчас это письмо, вспомнил прежние свои письма и вдруг — чуть ли не с ужасом — понял, что я все время пишу не о лагере, а о себе. А ведь «я в лагере» — это совсем не то же, что «лагерь». И вы, те, кто читает эти письма, не представляете себе, что это такое, что это за сплав. В письмах я не хочу и не могу писать об этом.

Вот. Уже четыре часа. Позади и обед, и украинские песни, и кусочек баскетбола (латыши — молодцы, выиграли, несмотря на то, что недели полторы назад неожиданно освободелся их капитан* — отличный игрок, командовавший игрой, спортивная звезда), и разнообразные разговоры-споры.

Сейчас мне предстоит стихи, т.е. предстоит их слушать. Автор — исступленный поклонник Цветаевой; а как он сам пишет — понятия не имею.

Что-то я нервничать стал без видимых и серьезных причин. Утром, например, взгрустнулось от совершеннейшего пустяка: на «воскресных» брюках, лежавших под подушкой, сама собой образовалась

складка, словно я их гладил... А вчера было немножко белого хлеба, и я ему обрадовался... Потом стало обидно, что обрадовался.

Работать надо побольше, вот что. Что я и начинаю делать в самое ближайшее время. (Да, совсем забыл: получил бандероль от Иры К[удрявцевой] — «Библейские холмы» и Дега.)

Буду переводить, благо материала предостаточно; все эти дурацкие житейские мелочи не будут вылезать наружу; а ежели неприятности более серьезные — ну что ж, всегда можно спеть из Окуджавы: «А нам плевать, и мы вразвалочку... идем себе в отдельный кабинет!»* Впрочем, сейчас ничем таким и не пахнет. Все наоборот: тихо-мирно, культурно-вежливо.

Обнимаю вас всех и обцеловываю.

Привет от всей команды! И от многих других.

Пожалуйста, не забывайте подтверждать получение писем! Ю.

п и с ь м о ч е т ы р ь н а д ц а т о е

| 21/IX/66

Я их сбрил. Я понимаю, что поступок мой непростителен, что он изобличает меня как человека слабого, нецелеустремленного, беспринципного, что я совершил предательство и по отношению к ним, и по отношению к себе, и по отношению к вам — к вам, лишенным теперь истерически веселых минут, которые вы обрели бы, рассматривая мою усатую фотографию... Но что же делать? Я устал. Я изнемог под их грузом — под их весом, под их цветом, под их формой, запахом и вкусом. И в конце концов не приговорил же меня Верховный суд РСФСР к ношению усов?! И в заповедях об обязанностях заключенного ничего об усах не сказано!

Не торопитесь осуждать меня. Вы только подумайте, до какой степени нервного расстройства они меня довели! Вот, например, на нем было написано: «Нанести на кожу лица за 2 часа до сна. Перед сном удалить с кожи лица ватой, смоченной в одеколоне...» И еще много разнообразных и мудрых указаний, как с ним обращаться. А я пренебрег этой трогательной заботой — я вычистил им зубы. Теперь я с полным правом могу сказать, что я испытал «Восторг» (крем «Восторг»). Впрочем, окружающие его тоже испытали.

Я уж не говорю о том, сколько времени уходило у меня на рассматривание усов в зеркале. Сегодня из-за этого я опоздал на завтрак и едва не опоздал на развод. Я их сбрил. Не жалейте о них: у покойных было по меньшей мере два из четырех основных пороков

древесины — свилеватость и косослой, и не было по меньшей мере двух из четырех ее физических свойств — цвета и блеска. (Вот что я знаю! А вам, темноте, небось невдомек, что такое косослой? Это значит — «сикось-накось».)

Я не помню, написал ли я, что получил Санькино письмо — то, в котором он сообщает об обязанности учеников двигаться против часовой стрелки. Какой он все-таки еще неразумный! Не понимает, что это ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ мера. Оборот.

А еще я получил твое, Ларка, письмо (то, где описаны платья Люки и Зайца [Зои Кагановой] — может быть, они в этих платьях сфотографируются, а я здесь буду хвастаться: «Вот какие красивые платья носят мои друзья женского пола!»). Ларик, а какие это у тебя служебные неприятности? Серьезные?

И еще письмо от Алены [Закс] — этой реактивной женщины, умудряющейся в один день купаться в разноцветных морях. Привет и поцелуй ей и ее семейству. Спасибо авансом за обещанную «Солдатскую награду»*.

Прочел я 7-й и 8-й №№ «Нового мира». В 7-м — отличная вещь — «Из жизни Федора Кузькина»* и одно из стихотворений Корнилова; в 8-м — Фазиль Искандер, «Созвездие Козлотура» — остроумно, изящно сделано. Еще — дельная статья Лакшина*. Но, очевидно, придется ограничивать себя лишь «Новым миром» и уже присланными книгами — времени не хватает. Потому как работаю.

| 24/IX/66

Нынче урожай: письма от Иры У[варовой], от Марлешки [Рахлиной] (с фотографиями), от Миши [Бураса], от Борьки З[олотаревского] и от тебя, Ларонька.

Ире спасибо преобладающее за средневековые города и замки, за цыган и цыганок, за новейшую чешскую литературу, за статью о Белинкове в «Московском комсомольце»* и вообще — за то, что она хорошая и красивая. Я сейчас как раз читаю Белинкова (второй за-

ход!), и поэтому я чуть не физически ощутил, как Ире, когда она писала (или когда редактировала?), приходилось удерживаться, чтобы не продолжить цитату, чтобы не прокомментировать ее. Но и то, что она сделала, — это здорово. Нет нужды определять жанр этой книги; но я думаю, что в ней все-таки больше от поэзии, чем от прозы (в смысле жанра): и эпиграммы примечаний, и эпитафии, и оды в честь настоящего искусства, и язвительные сатиры — ювеналов бич так и хлещет! — и исторические, лиро-эпические поэмы, и научная, на античный манер, поэзия. Мне почудились даже формы поэтические: баллады с рефреном и посылкой в конце...

(Кстати, о стихах: стихи в прошлом письме — я забыл написать об этом — посвящаются Наташке [Садомской].)

Все это я пишу с полным уважением к научно-исследовательской, литературоведческой весомости этой книги. Мне очень хочется познакомиться с Аркадием Викторовичем и очень я боюсь этого знакомства: «А может, врежет?!»*

Очень хороши Марлешкины фоты — «она была поэтесса, поэтесса бальзаковских лет». Марленке, для справки (а вдруг она не помнит!) — роман Бальзака называется «Тридцатилетняя женщина».

Мишкино и Борькино письма посвящены в основном великому событию*. Так-то, друзья любезные, шутком-смехом — а жизнь-то надо заново начинать, а?

Слушай, Ларик, тебе что — Нелкины и Зойкины лавры спать не дают? И что за максимализм — сразу целую ногу? Ты все-таки напиши всерьез, как дела обстоят и что и как на работе. И как все-таки с отдыхом?

Да, еще о Белинкове (открыл записную книжку и наткнулся на выписку). Он пишет: «Несомненно, возникновение новых форм в искусстве первоначально связано с резким снижением непосредственного воздействия». Что-то мне не очень это «несомненно». Жаль, что Б. не иллюстрировал это примерами XX века; а может, это и не вышло бы?

| 25/IX/66

Погода мерзейшая: дождь, туман, грязь чавкает. Но, милые мои, до чего же здорово, придя после работы, похлебав кондерчику, разуться, надеть теплые носки, залезть на кровать, укрыться сырым и теплым бушлатом — обложиться книжками, бумагами, фотографиями; рядом, на полотенце — Пат и Оля; жаль только, что курить нельзя. Впрочем, махорку даже как-то удобнее курить на крыльце или в — как бы это назвать? — в сенях? в холле? — в общем, в вестибюлях

моих, вестибюлях*: сапоги погромыхивают, бушлат внакидку, фуражка — черт мне брат! — заломлена: «Что? Сент-Экзюпери? Да, у меня есть однотомяк... Ну, конечно, «Ночной полет»... Еще бы, Ваксмахер вообще очень хороший и добросовестный переводчик... Да, я его немножко знаю...* Тьфу, холера, опять потухла! А вот в последнем номере «Иностранки» есть такой... Слушай, парень, отваливай! Нам здесь ходячие магнитофоны не нужны... Ну зачем же вы так резко?.. А вы все еще новичок, не понимаете. А он, стерва, в прошлом году... Впрочем, вернемся к нашей теме: комментарии наших критиков к Ионеско... А я йому кажу: «Не діло!» А він, сука, каже... Да что такое, все время гаснет?! — Отсырела...» Вот так.

Сегодня воскресенье, тишина, отдых. Я уже несколько часов возлежу на своей верхотуре — и только один раз ко мне пришли поделиться восторгами по поводу Эльзы Триоле.

Мои аварийщики спят — наработались спозаранку. Ты спрашиваешь, Ларик, о Валерии [Румянцеве]. Что ж, это ведь не случайно, что я не писал о нем подробно. Я ведь не знаю, за что он сюда попал. Лар, милый! Ведь я, кажется, говорил тебе, что здесь не принято спрашивать. И, разумеется, я не спрашивал. Ну, а ему, очевидно, неохота рассказывать.

Так или иначе, это очень умный, очень серьезный и очень хороший человек. Чутьочку старомодный во вкусах — что касается литературы, искусства. Очень сдержанный: за все время я ни разу не слышал, чтобы он повысил голос или выругался. Высокий, сильный, голубоглазый, по-моему, красивый. Ни разу, ни от кого не слышал неуважительного отзыва о нем — это при том, что он не терпит общества людей, не нравящихся ему, он их спокойно и холодно отстраняет. Собственно о нем я знаю очень мало, разве что немножко о его личных делах: был женат, двое детей; после ареста жена развелась, и он лишен прав отцовства. Образование, кажется, незаконченное высшее, техническое.

О моей работе. Я по-прежнему в машинном цеху, по-прежнему на фрезерном станке. Работа не изнурительная, но не легкая. В самый раз. Еще и потому, что этот станок исключает возможность травмы. Поэтому я очень неохотно становлюсь к другим станкам — с открытыми резцами и пилами.

| 29/IX/66

Позавчера было три письма: от тебя, Ларка, от родителей [Богоразов–Зиминых] и от Кадьки [Филатова] (с книжечкой*).

Твое письмо (которого я очень ждал) битком набито недоумениями и вопросами; но, по-моему, то, что я написал в середине месяца

(вы его должны вот-вот получить), и это мое письмо отвечают на все, что тебя интересует. Ларонька, ну зачем же я буду анкеты тебе посылать? Ты просто усвой одну элементарную истину: мне интересно — и нужно! — все, что происходит. Ей-богу: от того, что говорят (или не говорят) обо мне и Андрее знакомые и незнакомые люди разных мастей, — до того, по какому именно пальцу хряпнул себя Кадька, сколачивая полки. Ну, к примеру: кто-то пришел в гости — в чем одет, как поздоровался, обляяла его Кирюха или нет, что он(а) сказал(а), что ты ответила, каково мнение Туськи и т.д., и т.п.

| 30/IX/66

Значица, так: «Лунный камень» и пластинки от Наташки [Садомской], три бандероли от тебя и одна от Сашки Воронеля. Кроме того, стихи В.К.Третьяковского — Футману! Возникло два предположения: либо это — вступительный членский взнос от Наташки в Клуб Дураков, либо она просто перепутала Третьяковского и Коллинза (или меня и Футмана?). Ежели Третьяковский предназначен все-таки мне (а я думаю, что это так), то опять же вопрос: как это понимать? То ли Натка хочет помочь мне в продолжении моих занятий XVIII веком*, то ли это элегантно-нахальная оценка моих поэтических возможностей?*

Содержимое твоих, Ларка, бандеролей выше всяких похвал: это как раз то, что было мне нужно. Все в порядке. Шарфик бы мне еще... Можно даже пестренький.

А я болею. Я простудился, и у меня грипп. Почувствовал я это вчера, придя на работу. Голова болит, ноги ватные, сопли в избыточном количестве. Кое-как работал, а нынче утром прибрел к ребятам. Толя долго и брезгливо рассматривал меня, потом стал лечить: сделал очень горячий и очень сладкий чай, в который положил стручковый перец. У меня глаза на лоб полезли, но он заставил меня выпить до доньшка и отправил в постель. Сейчас, после этого поила я возлежу, как в корабельной койке: все покачивается, в глазах — блики (знаете, как освещенные солнцем волны заигрывают с иллюминаторами?)...

Иосифу Ароновичу: я ни на минуту не сомневался в том, что молчание Аллы Григорьевны и его начисто лишено каких бы то ни было «особых смыслов». И это его «не писалось» — для меня самая основательная, самая веская причина, очень хорошо знакомая мне самому. Я согласен с каждым словом И.А. — с тем, как он оценивает сложившуюся ситуацию, и я очень рад был услышать эту оценку именно от него — от его реализма, трезвости, опытности. До чего же приятно, когда реалисты поддерживают романтиков; я очень благодарен ему за письмо.

А стихи Аллы («юного поэта А.Зиминой»*) о ручье очень хороши: просты, изящны и многозначительны без тяжеловесности. Меня только не устраивает слово «унисон» — оно выпадает из лексики этого стихотворения, и «так же» в последней строфе — и своим двойным значением, и стыком «так же жив».

Зубодробительная Кадькина рецензия на мои стихотворные подвиги меня вполне устраивает. Вот это правильный разговор: «В ухо!» Ах, с каким бы удовольствием я подставил бы это самое ухо под его критический кулак! И вообще подвергся бы любой мере литературно-физического воздействия. Я ведь знаю, что все равно мы запили бы любой творческий семинар — коньячишком...

Время — четверть первого, сейчас отклеюсь от постели и пойду обедать.

Вчера смотрели «Гиперboloид инженера Гарина» — ну и дерьмо! Кстате о фекалиях: в 8-м номере «Дона» есть прелюбопытная статья некоего Петелина(?)*. Такие статьи очень-очень полезны: они доказывают необходимость бездоказательности, утверждают ее как основной прием литературно-политической полемики. Конечно, это не новость; но все-таки каждый раз приятно такое саморазоблачение — эксгибиционизм — я правильно написал это слово?

| 1/X/66

Вчера получил письмо от Азбелей и телеграмму от вас — в достаточной степени бестолковую. Почему «перерыв»? Почему «после четвертого»? Значит ли это, что ты, Ларка, наконец поедешь куда-то отдохнуть? Значит ли это, что там, где ты будешь, нет почтовых ящиков? Если все это так, то почему наш сын и наследник (который, как я понимаю, в отпуск не поедет) не сможет — в виде исключения — писать немножко чаще? Непонятно.

Вчера, отрываясь от работы, я смотрел на часы, покуривал и сообщал: «Ага, 9 часов вечера. Стало быть, приглашенные к 8 часам гости начинают помаленьку собираться...» 9.30. Мужчины ходят на подступах к кухне и воруют бутерброды. 10 часов. Сели за стол, поехали. Полчаса светской жизни — и физики схватились. Нелкин вопль, призывающий их вернуться в человеческое состояние. Первым опоминется Сашка. Вопрос: кто напьется? Меня-то нет...

Магнитофон, разумеется, не работает... Как насчет шарад? Допиваются остатки. Нелка танцует чарльстон. Рыжая смотрит отрешенными шоколадными глазами. Володька на самых высоких нотах организует массовые мероприятия. Физики снова спорят...»*

Сашка, я тебя поздравляю и целую. Я не смог сделать это телеграфно — по независящим от меня обстоятельствам. Очень мне жаль, что усиленные занятия помешали мне выбраться на день рождения; но ты сам понимаешь — конец месяца, планы месячный, квартальный, хлопот полон рот, текучка заела — производство мебели — не хвост собачий... Будь здоров, милый. А расти и умнеть тебе больше не надо.

13/X/66

Письмо получается дырявое: то некогда писать, то лень, то еще что-нибудь. Кроме всего прочего, очень мешает то, что я никогда не знаю, получили ли вы уже мое предыдущее письмо. Письма идут безобразно долго; если бы я знал, с кем именно по этому поводу нужно объясняться, я бы поднял бучу. Черт знает что: судя по всему, мое предпоследнее письмо добиралось до вас 12–13 дней! А ведь у меня, по-моему, достаточно разборчивый почерк.

Графиня-оборотень («сибирский волк»)* спрашивает, какое у меня самое заветное книжное желание; я не буду вырезать из графской груди фунт его книжного мяса*: я скромно попрошу прислать книгу о Плеханове из серии «ЖЗЛ». О, Господи! Сурово покарал ты меня за мое легкомыслие: заставил интересоваться политикой и политическими деятелями...

Леньке и Нинке
Спасибо за картинки!

Каковы стихи, а?

Жизнь странным образом начинает входить в какие-то знакомые рамки. Я имею в виду характер и темы бесед, в которых я участвую. Те же разговоры и споры об искусстве, о политике, о временах недавних, но, слава богу, минувших; те же запальчивость и крайние суждения. Я в странном, двусмысленном положении. Мои суждения — писательские — о роли и о долге интеллигенции (в частности — творческой) оказались в страшном противоречии с той позицией, которую я занимаю в спорах со всякими «максималистами». Сколько я ни воплю о том, что не надо требовать от художников, чтобы они совершали некие гражданские акции, что их смысл и назначение — в их творчестве, я ничего никому не могу доказать. Самое неприятное — не могу доказать самому себе. Меня не хватает (ума? души?) на то, чтобы отрешиться, эмансипироваться от злобы дня, месяца, года. А надо бы об этом — о роли и о долге определенной категории — судить в масш-

табах периода, эпохи. Не могу, не получается. Я невольно упираюсь, как баран в ворота, в сакраментальную формулу «свобода творчества»... Ну, разумеется, художник должен быть свободен в выборе жанра и темы: писать ли ему лирическое «Любовь, любовь — гласит преданье»* или корреспонденции о «Мултанском деле»*. Только поди попробуй, объясни собеседнику (себе самому!), обвиненному в ритуальном убийстве, что тютчевское стихотворение останется на столетия...

Ладно, хватит об этом.

Из области «занимательного языкознания»: мой приятель-латыш получил телеграмму, где латышские слова были напечатаны русскими буквами. Внизу — пояснение телеграфного ведомства: «На рижском языке».

Марку — в ответ на его грустно-вопросительное письмо — скажи, что он прав, что банальные словосочетания нуждаются в мимике и жесте, чтобы быть достаточно весомыми; что прогнозы делать я не могу, да и не хочу; что, как говаривал один неплохой (в прошлом) поэт: «Все обновляется, меняется и рвется»; и что каждый из глаголов этой строки справедлив — к лучшему ли, к худшему — не знаю...

Рад буду получить фотографию Димки [Азбеля].

Вечером. Сегодня пришли две бандероли от Зайца [Зои Кагановой]: Ю.Олеша (с надписью «Юльке от Борьки» — ? Шрагина? Золотарева?) и коробка с разной разностью: носками, майкой, мылом, зажигалкой (очень красивая; Толя [Футман] — ревниво: «Моя лучше! Моя на ветру не гаснет и с надписью...») и полдюжиной ложек. Теперь у меня, например, четыре ложки: 2 алюминиевые (1 — в жилой, 2-я — в раб. зоне), деревянная и эта, из неизвестного металла. Культуриш.

Да, еще странички из журнала с переводами из украинских поэтов и с утешительной надписью Мусика [Каганова] о том, что мои переводы лучше. «Справедливо, но — не утешает». Мне так жаль, так обидно, что не успели появиться ни украинские, ни чешские переводы*. А ведь кто знает, увидят ли они когда-нибудь свет? Они и другие переводы. Ведь я могу работать сколько-нибудь успешно лишь тогда, когда у меня будут хоть какие-то надежды на публикацию. Я не признаю «работы в стол». В конце концов, не переводить же мне Коротича или Кугультинова* для зарубежных изданий! А что? Это идея. Разумеется, не этих, а тех, для которых «вынесенный приговор является стимулом для дальнейших творческих свершений»: К. Яшен, Зульфия, С.Рустам и пр.* То-то ситуация была бы! Смеху полные штаны.

Очень хочется поскулить. Нельзя. Не по чину. А мне плевать — мне очень хочется*. Особливо, когда думаю о профессии.

До свидания, мои милые. Не забывайте меня, пишите.

Обнимаю и целую. Ю.

Санюшка, напиши мне большой «информационный бюллетень»: про себя, про то, что и как читается, с кем и о чем разговаривается.

Позавчера с утра шел снег; сегодня тепло и солнечно. Я выздоровел — чай с перцем помог. А фото все-таки не все прислали!

Слушайте, а вам не кажется, что я зарвался: всё чего-то требую, ворчу, добиваюсь. Спокойной ночи.

Валерий и Толя Ф. кланяются, двух других я увижу только недели через полторы*. Пат и Оля здоровы. Ю.

А теперь немножко по поводу сонетов Эрнандеса*. Ну прежде всего — независимо от качества стихов, от качества переводов — Тошка подарил мне почти чудо — радость профессионального общения. Дело было так: я, получив письмо с сонетами, прочел только письмо. А на другой день, в обеденный перерыв, в курилке, среди шума и гама, я стал читать и не смог отнестись к этому просто как к чтению. Я сразу увидел Тошку, крутящего веревочку и настойчиво повторяющего: «Ну как, старик? Ну, что скажешь?» Ну и мне, естественно, захотелось «сказать» — так, как случалось раньше.

Сонеты мне понравились — одни очень, другие просто. Очень — два последних сонета, которые я и раньше знал, «Неугасимый луч» и «Лимонная шутка». Не понравился сонет «Как в саду тебя увижу я...» — он вызывает десятки литературных аналогий, кажется мне неоригинальным.

А сейчас я буду придираюсь (если бы вы знали, какое это доставляет мне удовольствие!).

Сонет «Проходят по тропинке сокровенной...»

IV строка I катрена: «... под спудом зим и весен, рвущих вены». «Под спудом»? Т.е. — по точному значению слов — «глубоко». Или — «втайне», «незаметно» и пр. И это, несмотря на прямое указание в III строке — «под тяжестью!» Тошка перепутал «спуд» и «пуд». Любой вариант лучше: «под грузом», «под ношей», даже «под гнетом» — ибо первоначально «гнет» — тяжесть с функцией пресса.

III строка II катрена: «впитывает» — при чтении не слышится число глагола, и поэтому получается «они приходят... и ... впитывают». Может, «и жадно пьет воздух пресный»?

Наконец, «под сводом лба заплакал круторогий бык...» «Под сводом лба» — чьего? Автора? Быка? Наверно, все-таки быка. Но ежели автора — тогда это сказано невнятно, ежели быка — неграмотно.

I строчка сонета — «Как в саду тебя увижу я».

Как я ни крутил, а читается «... увижу я», с ударением на «увижу», и теряется рифма.

В «Лимонной шутке» — «... как будто наслаждался я украдкой укусом золотистого соска». В общем-то понятно, что автор не имеет в

виду, что это похоже на то, как он, автор, кусает девушку за сосок: ощущение такое, как будто к нему прикоснулась обнаженная грудь. Но «насладился... укусом» — это, все-таки, не очень точно, допускается толкование. Может, стоит что-нибудь покрутить со строкой «Как будто насладился я украдкой», так, чтобы следующую — отличную — не трогать? Ее-то легче легкого изменить, например: «Прикосновением смуглого соска». Но это уже много слабее, без пронзительности, без жгучести.

Тожке — тысяча благодарностей за предыдущее письмо и за эти сонеты.

А о Гелескуле мне и раньше рассказывал Кнут [Скуениекс] и очень хвалил его. Жаль, что я раньше его не знал*.

Пусть Тошка кланяется от меня участникам «среды»* — разумеется, тем, кто не считает для себя зазорным получать приветы от заключенного.

Марии Сергеевне и Арише — отдельный поклон*.
Ю.

п и с ь м о п я т н а д ц а т о е

7/X/66

Припомнил я последние свои письма и остался весьма недоволен ими. Боюсь, что у вас может сложиться впечатление, что я все время только и делаю, что утираю слезы, вздыхаю от живота и вообще обуян мировую скорбью. Ничего подобного! Просто бывают настроения дня, а то и часа, а тут некстати перо под руку подвертывается, вот и начинаешь подвизгивать тоненьким голоском. Конечно, мои мысли не этим — не бытом — заняты. Сейчас у меня немного попросторнее со временем: меньше беспредметного трепа, меньшее количество людей стремится рассказать мне «свою жизнь — ну прямо для романа!», строже я стал относиться к выбору чтения — вот и очистилось время для более серьезных занятий — переводов и пр. Так что не принимайте эти срывы близко к сердцу — их и на воле, слава Богу, хватало.

Со дня отправления последнего письма у меня была вот такая почта: 2 письма от тебя, Ларик, и бандероли: «Прометей» от Фаюма и Римский-Корсаков (пластинки) от Майи Злобиной. И то, и се очень здорово, и большое спасибо; только знаете что, братцы, давайте временно отменим книги и пластинки (кроме книг от авторов или переводчиков); с пластинками очень трудно — с проигрывателем: он один и не очень доступен.

Теперь о письмах твоих. Прежде всего: несказанно я рад, что ты поедешь отдыхать; конечно, раскататься трудно, но когда приедешь на юг (уже приехала?) — то-то благодать будет!

А о делах вот что: к тебе, наверно, уже вернулись деньги, отосланные тобой в Киев. Произошло недоразумение: эта женщина, очевидно, решила, что ей прислали вспомоществование, что это филантропия, и написала гневное письмо мужу. Ты вот что: перешли-ка эти деньги сюда, Льву Шлемовичу Теплицкому; адрес, естественно, тот же, только отряд (последняя цифра) — 18. Пожалуй, даже двадцать рублей.

О гонораре за «Бегство»*. Что это значит: «книга не вышла»? Она же вышла! Только в продажу не поступила — а какое нам до этого дело? Книга вышла — она фигурировала в качестве вещественного доказательства моей литературной, профессиональной деятельности. Верховный суд (так я думаю) обязан выдать тебе бумажку об этом. «Одобрение» на рукопись было никак не позже июля 1964 г. — ты же сама получала 60% гонорара (точнее 35% — остаток от 60%), которые выдаются, согласно договору, «по одобрению рукописи». Это было (получение денег) примерно 17 июля 1964 г., а «одобрение», стало быть, еще раньше.

О внеочередном свидании. Если оно будет за счет очередного декабрьского, то не надо. Лучше в декабре. А вообще-то мне очень не хочется, чтобы ты о чем-либо кого-либо просила. Даже при самом благожелательном отношении к нам. Даже когда речь идет о нашем свидании.

Ну вот, таким образом, я получил все семь (6 твоих, 1 Санькино) писем, о которых было в телеграмме. Они — особенно последние — доставили и доставляют мне немало веселых минут. Как не смеяться и не радоваться забавности ситуаций, возникающих в этом «прекрасном и яростном мире»! И как хорошо быть вооруженным цитатами из хороших книжек, например: «Монте-Кристо из меня не вышло — придется переквалифицироваться в управдомы», или из того же «Золотого тельца» припомнить подарок Остапа Бендера Александру Корейко...

Сейчас обеденный перерыв. Я сижу в маленькой уютной курилке. Разговоры ведутся самые возвышенные — о добродетелях государственных деятелей XVIII века. Здесь есть один выюнош лет 20–22, чудо-ребенок, знающий 18-й век по имени-отчеству, его хлебом не корми, а дай поговорить о некоем указе от 17-затертого года, и что кем говорено было об оном Указе, и чей тем Указом случай был утвержден, и кто от того Указа впал в ничтожество, и т.д., и т.п.

А окромя самодеятельных разговоров еще происходит культуртрегерство, предусмотренное культурно-воспитательной частью. Так,

на днях нам показали к/ф «Сергей Есенин», и я его смотрел, и очень мне понравились лошади, которых в картине много, и все они красивые. Народу было — тьма! Есенин (т.н. «Сережка Есенин») жутко популярен, очень много знают наизусть, а если скажешь, что плохой поэт, то и побить могут. Я и не говорю, тем более что и не считаю так.

А вчера выступал представитель Белоруссии* — писатель А.Савицкий(?). Он объяснил нам, что промышленность и сельское хозяйство Белоруссии достигли небывалого расцвета, и что все в Белоруссии очень хорошее, и что это хорошее является содержанием белорусской литературы — следовательно, белорусская литература очень хорошая и тоже достигла расцвета. А еще, отвечая на одну довольно глупую записку, в которой писателей упрекали, что они, мол, все берут с потолка, Савицкий заявил, что содержанием всех без исключений литературных произведений является жизнь, и поэтому любые упреки писателю в надуманности будут неправомерны. Хотел было я пискнуть: «А я?!», но воздержался, сообразив, что Савицкий ответит, что я — не писатель, а мои произведения — не произведения.

А завтра, в субботу, будет вечер поэзии — силами добровольцев. Я получил персональное приглашение прибыть и послушать. Послушаю.

И еще происходят разные события, менее веселые, к литературе отношения не имеющие, о которых писать здесь не время, не место и не резон. Ко мне они отношения не имеют.

| 8/X/66

Субботний вечер. Без поэзии — ее на сегодня отменили. И хорошо, а то я нынче устал, много работал (что-то около 90% нормы!), много болтал и много волновался. Сейчас поводы для волнений исчезли. Я поужинал (дважды), покофепил с кавказцами, выслушал рассказ одного из них — эпизод из его детства, совершенно потрясающий, так на бумагу и просится, покурил, пообщался с Валерием [Румянцевым] и Толей [Футманом] и сейчас возлежу.

Рядом, на полотенце, Пат и Оля, Кадькина уголовная морда на зеленой книжечке, твое последнее письмо, Ларка (сегодня полученное — привет Павлику и его жене*, мне очень стыдно, но я забыл, как ее зовут, помню только, что хороша), и «Иностранная литература» с романом «Посол»*. Что еще может желать рядовой интеллигент, которому недавно присвоили III разряд за доблестный труд и блистательные познания, проявленные на экзамене? Бесплатных пирожных? Или севрюжинки с хреном, как сказано у Антона Павловича, за бородку которого так обиделись ревнителю российской словесности*?

Я знаю, чего мне хочется. Мне хочется безумной роскоши: мне хочется каждому из моих корреспондентов написать письмо — и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-ь-н-о-е! Я последнее время чувствую, что, обращаясь ко всем сразу, чохом, гуртом, я никак не могу передать, что я думаю о каждом в отдельности и как каждого — отдельно! — люблю. Не то чтобы больше или меньше, а именно — отдельно. И об этом не напишешь в таких письмах. То есть можно было бы назвать какие-то ваши черты: ну, скажем, обаяние и излучение жизни — Зойкины или высокую рыцарственность и человеческую полноценность — Сашкины — но тогда получилось бы, что я, дескать, именно за это их люблю. А я ведь их люблю и за это. В общем, понятно? А в таком вот, личном письме мне, может, и удалось бы — ну не знаю, эпитетом каким-нибудь, что ли, — передать то, что я чувствую.

| 10/X/66

Все-таки меня, видно, не совсем еще забыли. Нынешняя почта: письмо от тебя, Ларик, от Саньки, от Иры [Кудрявцевой], от Маринки Фаюм, от Юны [Верتمان].

Тэк-с, по порядку. В твоём письме, Лар, среди прочих приятных, неприятных и обыкновенных сообщений есть и вполне справедливые претензии к стилистическим срывам в моих письмах. А что делать? То, что говорит Юра [Левин] о моих письмах (и не только Юра), звучит очень серьезно; по-моему, даже слишком серьезно. Я все-таки никак не могу почувствовать — хоть и стараюсь, — что мои письма — это литература, эпистолярный жанр или что-то в этом роде. И откровенно говоря, мне бы этого не хотелось. То есть я не возражаю, чтобы их читали не только ты и самые близкие друзья, но я хотел бы, чтобы к ним относились именно как к письмам. Наверно, я все-таки писал бы их иначе, если бы адресовал «urbi et orbi». А коли это письма, то какого черта я буду заботиться о стиле? Ну, «красивости», ну, «литературщина», ну, «пошло» — ну и что? А может, у меня такое настроение было изысканно-воздыхательное? Что ж мне теперь — черновики, что ли, составлять, а потом правкой заниматься? Не настолько уж серьезно я к себе отношусь. И настолько серьезно — к литературе, в которую не стоит соваться со своими интимностями, ежели они не перекликнутся с интимностями чужими — совсем незнакомых людей. Ох, не надо мне, Ларка, следить за стилем писем! А то я окажусь той самой сороконожкой, которая задумалась о том, в каком порядке она переставляет все свои сорок ножек...

Кстати о жанрах. Ты пишешь об эпистолярном, но почему-то молчишь о жанре, в котором прославились А.Франк, С.А.Толстая и др.* Меня это несколько удивляет. Хоть бы полсловечком обмолвилась.

О Танином [Т.Макаровой] письме — в другой раз, отдельно.

Санькино письмо (А-а! Ему можно, а мне нельзя! Он семь раз повторил «ну»! Куда только его преподаватель литературы* смотрит?!) — да, так его письмо, вернее — письма радуют меня здоровым скепсисом и небрежно-элегантной манерой: «Привет и т.д.!» В самом деле, не писать же ему: «Дражайший батюшка!» На вундеров и киндеров* ты, Санька, не будь в претензии: они не виноваты, а кроме того, они вырастут и, перестав быть киндерами, соответственно перестанут быть вундерами; разве что останутся занудерами (занундерами?). Поездка в Новосибирск — это здорово. Валяй, коли капитал дозволяет. Хотя я, наверно, ни за какие коврижки туда не поеду — уж больно противное у меня состояние там было*: трусил, мутило и вообще гадко. И противно же, наверно, на меня было смотреть! (Смотри-ка — стихи! Хорей?) А со всякими экспедициями и армией — ты прав, еще успеешь решить.

Ире Кудрявцевой я земно кланяюсь за ее письма. Это не шутка. Это я совершенно серьезно говорю, безо всякой иронии, безо всяких «художественных преувеличений», на которые я ссылался во время суда. Я, как мне кажется, умею безо всякого труда и с удовольствием настраиваться на любую волну; а здесь это искусство мне ни к чему, потому что письма Ирины — на моей волне. Только вот речкину фотографию я получил, а когда я получу фотографию Ирины?

И вообще (я начинаю скандалить и устраивать сцены) — где фото пишущих мне? А вдруг меня завтра освободят — значит, я так и останусь без фотографий? Имейте в виду: если это произойдет, я дальше Потьмы не поеду* — буду там дожидаться ваших портретов с трогательными надписями...

Маринка меня разодолжила — прислала стихи Мандельштама, и именно те, что я хотел. И про Вильнюс написала. А вы знаете, что происходит, когда я говорю какому-нибудь литовцу, что вот, мол, друзья были в Литве, хвалят Вильнюс? Литовцы жмурятся, как коты, и начинают мурлыкать; а когда я пересказывал украинцам (западным) похвалы Иры Глинки Львову (городу, а не писателю), они подвизгивали и хором начинали хвалить Иру и приглашать меня во Львов («Ждем вас во Львове!» — Эдди Рознер, 1939*), вот как люди стосковались. А второе стихотворение Мандельштама я прочел вслух и почувствовал, что оно никак не читается иначе, чем это предсказала Маринка... А знаменитый и повсеместно чтимый искусствовед Ю.Я.Герчук не зазнается? Он мне хоть два пальца подаст, когда я вернусь?

Новые приключения Золушки, описанные Юной, меня восхитили, но не удивили. «Заботливый, трам-там-там, Юрка», спасший туфельку, — явление здесь, в лагере, довольно распространенное. Ну зачем далеко за примером ходить: я уверен, что Толя Футман поступил бы так же. Впрочем, он-то, вероятно, простер бы свою галантность и дальше... Привет Мольеру и Булгакову*.

| 11/X/66

Утро. В нашем помещении идет дезинфекция: шум и грохот начался в 6 утра, а я вернулся с работы во втором часу ночи и еще часа два ворочался — не мог заснуть. Дело в том, что я — ангел. («Я — чайник».) Посудите сами, кто, кроме ангела, стал бы писать такие кроткие и миролюбивые письма в том состоянии, какое у меня сейчас? Несколько дней назад я поленился прижечь йодом крохотную царапину на подбородке. Результат: опухоль на полморды, дикая зубная и головная боль. И не выспался. И есть не могу. И никто не сочувствует. (Помнишь Соню: «Голова — не задница, завяжи да лежи».) И так мне себя жалко (морда же все-таки!), и в цеху было вчера так шумно («Станочек мой, станочек...»), и я сидел в так называемом — не пугайтесь! — «изоляторе брака» (это такая комната, куда складывают запоротые детали, — прелестно звучит, не так ли?) и писал вам, и сам себе умилялся.

А почему это я в рабочее время занимаюсь всякими личными делами? Во-первых, потому что это гораздо приятней и разумней, чем заниматься ими в свободные часы. Недаром же в рабочей зоне у нас висит лозунг: «Производственник! Дорожи каждой минутой свободного времени!» Вот я и дорожу — экономлю. Во-вторых, ответ простой — у меня простой (Я.Козловский напечатал бы такую фразу в журнале «Москва» в виде двустушия и содрал бы за каждую строчку по 1 руб. 40 коп., самое малое). Да, а простой у меня потому, что некому размечать детали. Знайте вы, о малообразованные, что деталь, прежде чем попасть мне в лапы, должна быть помечена — где именно я могу ее портить. Так вот, на должность разметчиков пришли новички-старички: они предоставили мне возможность резвиться на станке где-то без четверти одиннадцать. Те же, что были раньше, сочтены слишком молодыми и здоровыми для этой работы. В результате я вчера выполнил 16% нормы. Зато добродетель торжествует.

Так. На III пункт Маринкиной анкеты я ответил («Взаимоотношения со станком»). Пункт I — рука. В порядке, болит изредка, большей частью из-за погоды. Пункт II — ухо. В порядке, ко всему притерпелось.

Как видите, небольшой антрактик. Дело в том, что эта самая болячка на подбородке, о которой я столь игриво писал, устроила мне несколько веселых дней. Прошу прощения за подробности, я не стал бы вообще писать об этом, но у меня, по всей вероятности, останется шрам, и я хочу предупредить и предотвратить вопросы. Так вот, фурункул, и на очень удачном месте: не есть, не пить, не разговаривать — так я должен был себя вести. О том, чтобы писать, читать или думать, и речи быть не могло. А если бы меня спросили в эти дни: «А что за штука «чувство юмора»?» — я бы только похлопал пустыми глазами. И почти без сна. И шум и вибрация в цеху.

Кормили меня ребята силком, как маленького: нарезали хлеб крошечными кусочками и почти что совали в оставшуюся щель. Вот в таком разрезе. Теперь меня заботят две вещи: чтобы эта сволочь не повторилась и чтобы след остался не слишком безобразным. Сейчас у меня все это заживает, но с неделю еще придется походить с повязкой (намордник). Потом я получу возможность разевать пасть и начну отъедаться, а то похудел, аж самому смотреть тошно.

Возвращаюсь к прерванным темам. Ты, Ларка, пишешь, что, дескать, пример с Хазановым склоняет тебя в сторону признания Сашкиной [Воронеля] правоты («не прощать недостатки, быть строже» и т.п.). Ну ладно. Мы будем требовательны и придирчивы, как дьяволы, мы будем оценивать людей, будем мудры, как жюри на собачьей выставке. И что? Мы сможем предусмотреть, как поведет себя тот или иной индивидуй в тех или иных обстоятельствах? А поведение Яна [Гарбузенко] можно было предусмотреть? А поведение Эсселя? Ну вот Эссель. Не трус. Человек, побывавший в разных переделках. С весьма недвусмысленными взглядами на все сущее. Умен. Неуязвим. И, наконец, как мне кажется, был к нам достаточно сильно привязан. И в результате — бессмысленные, грязные, вредные наказания — их ведь у него не вымогали, не требовали, не просили! А ведь сколько в эту историю было замешано людей — на таких же основаниях, как Эссель! И люди-то разные — и слабовольные, и не ах какие умные, и не чудо-богатыри, а все оказались порядочными, не оболгали, не очернили, не оказались католичнее папы римского. Что ж, именно их, по-вашему, надо было побоку? А я? Я же — лентый, лодырь, слабовольное существо, привыкшее плыть по течению! Только и умел, что женщинам глазки строить. Можно ли такому типу доверять? И меня туда же! Бросьте, мои милые! Ничего эта сугубая требовательность не даст, окромя усложнения отношений, сокращения

контактов и горячего блеска в глазах. Да и как вы, человековеды, будете заглядывать в чужое нутро? Тест разработаете и станете всех опрашивать? Вздор все это.

Да, и еще о моих письмах. Я часто ломал себе голову: почему мне так редко отвечают на то, о чем я пишу? Я получил уже свыше ста пятидесяти писем, и очень, очень незначительная часть из них содержит какую-то определенную реакцию на написанное мною. А ведь я задаю вопросы — и шуточные, и серьезные, и житейские, — высказываю какие-то соображения и догадки о том, что вам всем известно лучше, чем мне, наконец, обращаюсь персонально! И именно эта часть моих писем остается без ответа. А теперь я все понял. Мои письма — это литература, эпистолярный жанр, их можно рассматривать вообще и в целом, и совсем не обязательно отвечать на мои вопросы — их можно рассматривать как риторические, как литературный прием. И если меня интересуют, скажем, здоровье Володьки Воронеля или литературные дела Елены Михайловны [Закс] — это вовсе не значит, что мне нужно получить ответ именно на эти вопросы, — нет, это всего лишь детали, дополняющие образ лирического героя повести в письмах. Так? Ну что ж, коли так и я ошибаюсь относительно характера моих писаний, а вы все правы, тогда вопрос о моих стилистических срывах можно решить очень просто. Если это литература — редактируйте. Согласен на любого редактора из наших друзей. Пусть возьмет красный карандаш и для начала исправит хотя бы одну из предыдущих фраз: в ней дважды «их можно рассматривать». Правка несложная: в одном случае подойдет глагол «трактовать».

Уф! Я отворчался...

Вот стихи, которые я сочинил нынче ночью, по-моему, они мне удались.

Madame, я удивлен и огорчен весьма,
Что от Вас до сих пор нет письма.
Я трепыхаюсь в размышлениях и никак не пойму,
Почему Вы не пишете мне, почему?
От меланхолии у меня понизился выработки процент
И даже прорезался еврейский акцент.
В крупных слезах я бдю уже которую ночь!
Сжальтесь, напишите, примите уверения и проч.

Стихи эти (как и подобает высокой поэзии) не имеют точного адреса; можете озаглавить их «К женщинам мира» или что-нибудь вроде того. А особы женского пола, которые мои знакомые, пусть устыдятся.

От Юры Л[евина] — книжки и экслибрисы; среди экслибрисов есть несколько милых и изящных; книжки (кроме Грековой) я благоговейно положил на тумбочку, я думал, что они из касты неприкасаемых, но у меня тут же выпросили почитать, даже очередь соорудилась. А еще — шарфик от Марленки [Рахлиной], я им закутываю свою забинтованную челюсть. Когда я выздоровлю (-вею?), я буду перекидывать свободный конец шарфа через плечо на бушлат; это будет элегантно, это будет артистично, это будет, наконец, в соответствии с моей гордой осанкой, если она действительно такова, как ты, Ларка, пишешь, — честное слово, я не выпендривался. Может, это от чувства противоречия?

Ларик, не забудь: Толя Марченко — сладкоежка (не пьет, не курит); передай мою просьбу Ире Г[линке]: если ему понадобится прибахлиться, пусть Ира поможет ему советами.

Еще: у Толи Футмана 7 ноября — день рождения; но почту в воскресенье и в праздники не доставляют, а в субботу — раньше, чем обычно; так что ежели телеграммы — лучше отправлять в пятницу: «С наступающим днем рождения и т.д.».

| 19/X/66

Письма вчера от Марленки [Рахлиной] и от Миши [Бураса]. Марленка пишет, что одновременно выслала в отдельном конверте стихи, а их почему-то еще нет (А книжечку? Я же просил...). А еще она спрашивает, присылать ли книги, журналы и пр. Только авторские! И пусть напишет, как идет (или чем кончилось) Женькино [Жени Захарова] лечение. Я все-таки не понял, чем вызвано «хождение в народ» Бориса Чичибабина? Или, точнее, «поездки в народ»*. Попросту стихи не кормят? Или какие-нибудь более возвышенные причины?

А Михе передай мое сочувствие по поводу хворостей и бессонницы... А еще скажи ему, дураку старому, пусть не занимается благотворительностью. Товарищ волк сам знает, кого кушать и какой водой поливать Рабиновича*. Как будто, ежели я высказываю кому-нибудь свое «фэ», так это значит, что я этого человека меньше других люблю или уважаю! Как будто я раньше ни с кем не спорил до хрипоты и не обзывал всякими словами!

Кнут [Скуениекс] прочитал Кадыкин [А.Филатова] сборник и сказал: «Жилистые стихи!» Такие похвалы от Кнута я слышал редко. Он вообще не склонен хвалить. Выслушав мое творчество, он сказал утешающе: «Вы еще будете писать лучше». Правда, в этом случае «лучше» относилось не к художественному качеству... «Злее будете», — сказал он.

| 20/X/66

Неграмотные мыши ориентируются на произношение. Они слышат: «машинный цех», а им чудится «мышиный», вот они и лезут к нам. А жрать-то у нас нечего. Разве что изредка какой-нибудь работяга сухарь забудет в раздевалке. А может, они эвакуировались из других, более тихих цехов, где встречаются кошки¹.

Я тянул с отправкой этого письма, все думал: «А может, сегодня я еще письмецо от кого-нибудь получу?!» И вот сегодня получил бандероль от Саньки и письмо от Иры Глинки. Отличная бандероль — и крем, и паста такие, как мне нравятся; а воротник я присобачу к бушлату и буду таким щеголем, что все московские франтики лопнули бы от зависти, если б увидали...

Как это грустно, что Ире пришлось прервать коктейбельскую идиллию! Но я по письму так и не понял, чем же все-таки заболел Глебка [Глеб Левин]? И как он сейчас?

В прошлом письме я скулил, что, мол, Ирины описания таковы, что у меня слюнки текут; не обращайтесь внимания на мой скулеж, это я так, похныкал; радости от таких писем много больше, чем горечи. Да и горечь-то эта — горечь нетерпения, а не — как бы это сказать? — горечь недосыгаемости. Ведь все равно — я еще наложу свою лапу на море, на горы и на знакомые и незнакомые города...

Сегодня с меня сняли повязку. Кажется, шрам будет небольшой; может быть, даже совсем не будет. Могу есть на всю катушку («что я и делаю»), болтать, дышать, мыться. И вообще жизнь прекрасна и удивительна. «Очень интересно жить!» — это цитата из некоего А.Д. Сиявского, бывшего научного сотрудника И.М.Л. им. Горького.

До свиданья, мои милые.
Ю.

¹ Это было написано днем, на работе; остальное — вечером.

п и с ь м о ш е с т н а д ц а т о е

| 30/X/66

А у нас — снег! И это так славно, особенно после двух недель дождя, слякоти, сырости. Снег еще слабенький, еще подтаивает на лужах, но на деревянных наших тротуарах уже можно прокатиться, как на скользеньках. Я перешел на зимнюю форму: шапка, свитер, рукавицы, на бушлате — воротник; только вот сапоги еще не сме-

нил. И настроение отличное — и из-за снега, и вообще. И думается, и сочиняется, и разговаривается. И письма я всё получаю одно другого лучше.

Отчет о письмах: три письма и открытка от тебя, Ларик (все сухумские); письмо от Наташки [Садомской]; письмо от Сашки Воронеля; письмо от Мишки Бураса (с фото брачующихся — ну и ну!); письмо от Марленки [Рахлиной] («мы думали 2 ч. ночи, оказалось — 7 ч. утра!», «а у меня чулок поехал!»); письмо от Иры Кудрявцевой; письмо от Тани Макаровой — огромное, вернее, два письма, одно — полугодовой давности, на 19 страницах, и одно теперешнее, тоже большое и очень хорошее и радостное.

Мне сейчас неохота по порядку отвечать на письма. Лучше я буду писать как попало, а к слову придется — я и про письма скажу.

Давайте я вам буду рассказывать, чего происходит.

Работается мне вполне прилично — привык, и рука не болит. Правда, в этом месяце у меня регресс — наработал меньше, чем в прошлом. Но это из-за болезни. И еще — не всегда работа есть. Ужасно досадно, что никто из вас не может посмотреть, как я лихо управляюсь со станком. И вообще — сколько отличных, смешных кадров пропало и пропадает! Например, очень эффектно я выглядел в аварийной*, где-нибудь на раскатке бревен, на штабелях, с железным крючком в руках (однажды мы пошли вдоль транспортера, за едущими бревнами. Транспортер плюхает их в пруд, они выныривают и сбиваются в стаи. А на мостках — два литовца средних лет, в брезентовых куртках, высоких сапогах, штанах в обтяжку, с длиннющими баграми-копьями. Лица обветренные, складки на щеках, задумались, глядят вверх забора. Позы — само собой, естественно-театральные, скульптурные, этакие воины на крепостной стене. И рост — что-нибудь около двух метров...). Или «тоже красиво» — шагаю по цеху в замасленных штанах (сбылась мечта идиота — можно руки об штаны вытирать!), в одной руке — ключ, в другой — молоток, в третьей — кусок приводного ремня... И штаны — упаси Боже! — отнюдь не заправлены в сапоги, а выпущены вверх — производственный шик...

Да, от Иры К[удрявцевой] и Мишки Гитермана — бандероли с книгами и журналами.

Недавно у нас были «представители общественности Латвийской ССР» — один политэконом и один художник. Когда говорил политэконом, мне всё переводили. Впрочем, вопросы, на которые он отвечал, оглашались и на русском языке; поэтому я мог бы предсказать каждый ответ (кроме цифр), и перевод мне был не больно нужен, да и область эта («галузь»*) меня не шибко интересует. А вот художника, отвечавшего на всякие наивные вопросы, мне не перевели. Поэто-

му на другой день в библиотеке я влез в группу жаждущих культурного обмена и принял участие в разговоре. Парень оказался очень толковый, с хорошим (по моему разумению) вкусом. Под его оценкой расстановки сил в современном искусстве я готов в любую минуту подписаться. А кое в чем (например в суждениях о Сальвадоре Дали) он левее меня. Забавная ситуация... Очень приятная была беседа.

Вчера в курилке — разговор о Гоголе и современном изобразительном искусстве, о связи, о близости, о влиянии. Ужасно мало я знаю все-таки. Мне удаются реплики, не более. Эх, Андрюшку [Синявского] бы сюда! А то закиснет он там со всякими адвентистами, иеговистами, свидетелями Иеговы* и прочей вполне достойной, но убийственно однообразной публикой.

Любопытен я знать: зачем Наташка занималась стриптизом в закуской «Псоу» и почему этот завлекательный номер она начала с часов?

Вздремну-ка я часок до работы. Мы сегодня работаем; зато 5 ноября — отгул, и получится четыре дня отдыха. Продолжу вечером, если будет время.

А зачем, собственно, вы перлись в это самое Багмарани? Узнать цены на хомуты? Или отведать камбалы? Темные вы люди: конечно, старик-абхаз отгонял духов.

Ларка, а ты не думаешь, что ваша квартирная хозяйка изъясняется со своими домочадцами все-таки не на языке Эсхила и Софокла, а на языке Янаки, Ставраки и папы Сатыроса?* Ась?

Что же до знакомых словечек в иноязычной речи, то уж я-то это дело каждый день слышу. Только словечки поразнообразней и покрепче. Вообще языковед здесь мог бы сделать интереснейшие наблюдения. Удивительно забавны бывают сочетания лагерного жаргона с долагерной, профессиональной манерой выражаться — ну, скажем, какой-нибудь бывший профсоюзный или комсомольский работник, или искусствовед, или библиотечный деятель, или (ха-ха!) литератор...

Кстати, я решил держать себя в руках и не распускать язык, а то заметил, что начал «выражаться» чаще, чем это необходимо.

Марленка пишет о двух письмах, отправленных из Москвы; но я получил лишь одно — без стихов. Идти выяснять, куда делось второе, по-видимому, не имеет смысла: как всегда, виновата небрежно работающая почта...

А что за история с шарфом?

Я очень рад, что Ира К[удрявцева] получила сборники украинских песен; я непременно передам благодарность человеку, устроившему это, и сам поблагодарю его.

Ларик, ты помнишь, на свидании я спрашивал, как ведут себя знакомые коллеги? Об этом, вероятно, лучше тебя знают Ирина и

Тошка [Якобсон]? Если им будет охота, пусть и об этом напишут. Мне это интересно.

А Мишке Бурасу скажи, что у него не «черная меланхолия», а «черная зависть»...

Ага, появилась работа. До завтра.

| 31/X/66

Черт его знает, куда время уходит? Ничегошеньки сегодня не сделал. А планы были грандиозные. Туда-сюда, то-се, глядь — 4 часа, на работу надо. А на работе, даже ежели нет работы, не очень-то поработаешь. (Какова фразочка — блеск!) Ну, на что я потратил драгоценные часы? Встал в полдевятого; к девяти позавтракал (в столовой); к десяти позавтракал (с ребятами); в десять отправился в санчасть — греть морду (шрам у меня все-таки останется — вмятина, как у бурша); где-то около одиннадцати лег читать и писать; проснулся в час дня; пообедал (в столовой); сочинил Толе Марченко надпись на книгу* (я ему подарил «Чаадаева» — он в захлебе от этой книги; прошу, не обижайтесь, если я время от времени буду книжки дарить — как щенков и котят — только в «хорошие руки»); вручил книжку; собрался пойти почитать и посочинять — возник спор об аморальности некоторых профессий; между делом подзакусили; бац — 4 часа! Оно, конечно, по этому поводу можно припомнить множество утешительных поговорок: «День да ночь — сутки прочь», «Отчего солдат гладок? Поел — и на бок», «Солдат спит — служба идет» и др., и пр.

(Интермедия: разгрузил энное количество елок-палок и настроил станок.)

Но дело в том, что я стал на редкость наблюдательным, мое умение подмечать некоторые явления — где-то на грани гениальности: так, я пришел к выводу, что лишение свободы — это ко всему прочему еще и некоторое ограничение передвижения в пространстве. Ходить некуда — понял? Так вот, это дело надо ком-пен-си-ро-вать. Чем? Движением же, передвижением. Каким? Ду-хов-ным. Же. В общем, работать надо (как говорят опекающие нас лица — «тут вам не курорт»). А когда работать? Я спрашиваю: «Куда время уходит?» (см. выше...).

| 1/XI/66

В одном из присланных Мишкой Гитерманом «Новых миров» я впервые прочел Чингиза Айтматова. Эта повесть — «Прощай, Гульсары!» — просто-напросто очень хорошая. А почему я раньше не удосужился чи-

тать Айтматова? А его очень хвалили, вот почему. А теперь... Эх, все смешалось в доме этих самых, как их там, Обломовых, что ли? Как раньше все было просто. Читаешь — ругает. Кто? Дымшиц. Кого? Сэлинджера. Надо читать. Хвалит. Кто? Марков. Кого? Софронова. Не надо читать. А теперь что? Хвалит. Кто? Дымшиц же. Кого? Самойлова*. Батюшки, что делать? Кто виноват? С чего начать? (И прочие названия классических трудов.) Что с ними творится? Механизм заело? Нет, любимый мой Кочетов так двурушнически себя не ведет. Он — лялечка, паинька, непримирименький. Он этим либералишкам еще себя покажет.

Вчера после работы, дожидаясь развода, сидели мы, курили мы, а потом как начал я читать переводы украинцев! Да как вознесся я главою непокорной! Так все мои «братья» и растаяли. А переводы и всамделе неплохие.

А получилось это так: мы говорили о народной украинской живописи (один из собеседников — искусствовед, занимающийся «психологией искусства»* — о!), зашла речь о Примаченко. И было сказано: «В журнале «Декоративное искусство» была замечательная статья о Примаченко. Там еще был эпиграф из И. Драча». Я гордо выдал «Балладу о Сарьянах и Ван Гогах». А потом спросил: «А вы знаете, кто написал эту статью?» — «Нет, не помню». — «А статью про Пиросмани вы читали?» — «А как же! Чудесная статья!» — «Ну так вот, — сказал я. — Марья эти статьи написала». — «Кто, кто?» Я объяснил, кто*. Полный восторг. Тут мне стало завидно, что хвалят Марью, и выложил — на ту же тему — «Украинских коней над Парижем»*, к сожалению, в отрывках, все наизусть не помню. И пошло-поехало... Ларка, ну пришли же переводы!

Завтра провожаем Глухого — Толю Марченко. Странно мне думать, что послезавтра он с вами увидится, войдет в дом, будет, заикаясь, рассказывать и оттопыривать ухо. Не знаю, оцените ли вы его по достоинству. Очень он толковый парень и очень сильный, из хорошего теста выпечен. Умница и упорный: надо же, 40 с лишним томов Ленина прочесть, и не как-нибудь, а всерьез, с карандашом, с выписками. И другую литературу: экономическую, социальную, почти все, что можно здесь достать. Как жаль, что не удастся ему как следует поговорить с Тошкой [Якобсоном], с Воликом*, с другими: ему не хватает широты взгляда, обобщений.

Пятерка наша превратится завтра в четверку; Валерий [Румянцев] грустит — он с Толей года три дружит.

Я начал еще два стихотворения; в следующем письме, наверно, пришлю. Они будут, как и последнее, с посвящением, и я уже знаю — кому. И старые стихи, те, которые у вас уже есть, я собираюсь раздать: всем сестрам по серьгам. Надо же выполнять обещания, которые были в самом первом стихе!*

А кофе, на гуще которого тебе, Ларка, гадали в Сухуми, был, наверно, липовый (липовый цвет). И вообще, судя по примечанию Наташки, все это гаданье было сплошной провокацией. Просто гадалщик не предполагал, что встретится с таким, в общем, довольно редким случаем соломенного вдовства, и стал подготавливать банальную почву для закидонов. Ну посуди сама: единственные женщины, с которыми можно было бы говорить здесь, это врачи. А с врачами я, по известным тебе причинам, не общаюсь* (морду мне лечили и лечат люди в белых халатах поверх такой же одежды, как у меня). Так что пижон он, твой гадалщик. Уж я бы на его месте... Где мои 39 лет?!

Сегодня смотрели югославско-киевский фильм «Проверено — мин нет». Как сказал об этом фильме Тютчев? «Роковое их слиянье». Студия им.Довженко победила по очкам....

Пойду-ка я поработаю.

13/XI/66

Вчера я не писал: днем были проводы Глухого, вечером — много работы с довольно-таки паршивым материалом, и времени было маловато свободного, и устал.

А нынче утром на разгрузке Валерий говорит Толе [Футману]: «А Глухой-то уже на вокзал прибыл, в такси небось садится». Толя шваркает лом об землю и выражается. Часом позже: «А Глухой-то индейку ест...» (Когда Толя Ф[утман] рассказал ребятам о том, чем ты его угощала на свидании*, Толя М[арченко] начал икать!) Тут Футман рычит и ложится на землю. Приходят с работы — и снова неприятности, правда, пустяковые. Так-то вот. За Толю рады, самим завидно.

Завтра — работаем, а потом — четыре дня гуляем. Погодка хороша, снежок, не очень холодно, и сегодня я, впервые за долгое время, просто гулял. Оделся, обулся — и из конца в конец, во всю длину, не торопясь, вышагивал.

Ходил, ходил, все думал, что дальше будет. «Дальше» — это потом, когда освобожусь. Помните, у Толстого Anne в разлуке с Сережей кажется, что он красивее, и она разочарована немножко, увидев его таким, какой он есть. Но он — ребенок и сын, детская прелесть и материнство сильнее всего. А я — взрослый и потрепанный дяденька, и боюсь, не будут ли разочарованы те, кто сейчас, на расстоянии и в силу романтичности ситуации идеализируют меня. Я это чувствую по письмам. Так вот, что дальше будет? И вообще — чем я буду заниматься? Как и где жить? Стричь купоны? Жрать купаты? Ох, не так-то мы богаты!

Глупо, но эти мысли не дают мне покоя чуть ли не со дня ареста. Может быть, потому, что мне не хотелось и не хочется думать о предстоящих днях (годах, месяцах). В самом деле, как будет с моей чертовой профессией?

Ладно, «поговорим за холеру в Одессе». Только что в курилке была перепалка между украинцами. «Классовый подход» к украинской истории вдарился своим тараном в крепостные стены национальной романтики. Таран крушил обомшелые кирпичики, а сверху, со стен поливали смолой и кипятком — не осаждающих, нет, — самый принцип подобного штурма. Бедные осажденные! У них на вооружении «Ой, закувала...» и «Ой, на горі...»*, а у штурмующих — факты, даты, цифры. Не приведи бог этим людям встретиться в иных условиях. Парадоксально, но действуют-то романтики... Ух, каким я образованным выйду отсюда!

| 4/XI/66

Вот вчера я всхлипывал, что, мол, с моей профессией будет. А сегодня у меня иное настроение. Очевидно, все будет в порядке. Иначе для чего бы мне посылались свыше всё новые и новые впечатления? Значит, кто-то там наверху заботится, чтобы я не вышел отсюда таким же дураком, каким вошел. Чтобы я все мотал на ус. Чтоб запомнил. Чтоб не драл попусту глотку. Чтоб был писателем, а не героем скандального процесса. Чтоб научился, наконец, выдержке. И, честное слово, я успешно учусь! Будьте спокойны, я теперь не сделаю никаких глупостей, мое поведение будет безупречным, я буду беречь себя, как непорожный сосуд. Потому что именно сегодня я окончательно понял: правильно сделали, что посадили меня*.

Мне не хочется сейчас продолжать письмо. Может быть, вечером или в свободные дни. Все равно, четыре дня разбирать почту не будут. А я напишу еще, как мы отдыхаем и веселимся на праздники. Пока!

| 5/XI/66

Да здравствует равновесие! Утро у меня вчера началось из рук вон плохо, было такое состояние, как будто меня по сердцу ножом полоснули. Но днем все стало иначе. Новые впечатления. Хорошо ведь не только знать, что есть стойкие и порядочные люди, но и убеждаться в том, что они эту стойкость и порядочность реализуют...

А сегодня с утра жизнь течет молоком и медом (кофе и маргарином). Я отоспался, полечился, почитал (зачеркнуто мною*), очень вкус-

но позавтракал и пообедал, дождался почты. Получил письма от Алены [Закс] и от Иры Глинки. Пошел к ребятам — а там Толя обложился телеграммами и письмом — можно «обложиться письмом»? Если бы вы знали, что значат эти письма, приветы, книжки, бандерольные пустячки! Я ведь бил и бил в эту, казалось, глухую стену мнительности, недоверия, убеждения в том, что «все люди — б...и», бил в эту волчью позицию. Я бы ничего не сделал, если бы не вы — с письмами, с добрыми словами, с памятью и — это очень важно — с тем, что он почувствовал, что существует для каких-то людей уже самостоятельно, помимо меня. Добреет на глазах, становится терпимей и, по-моему, только по инерции выдает свои афоризмы.

Вот. А потом я пошел к себе, по дороге потрепался на злободневные темы с украинцами и залег с книжками и бумагой.

Читаю сейчас А.К.Толстого «Трилогию». Никак не укладывается в голове, что это написано 100 лет назад о том, что было 400 лет назад! Или действительно «все возвращается на круги своя»?

А вот пришел Кнут Скуениекс. Сейчас будем за стихи разговаривать. Ох, боюсь, что из моих планов опять ничего не выйдет — протреплюсь все свободные дни.

Так. Кнут читал новые стихи. Я одного понять не могу: почему латышские писатели, знающие цену его таланту, не поползут на коленях просить о его освобождении тех, от кого это зависит?*

Кажется, я опять начинаю психовать. Ладно, у меня есть великолепное средство для успокоения. Я начинаю думать о той радости, которая может случиться в ближайшее время. А если она случится, жить мне станет — ну, я даже слова не подберу. Черт знает как хорошо будет мне — нам! — дышаться здесь*.

Аленка, чертенок, дразнится: «Вовка* хорошую одночастевку снял об Ахмадулиной». Каково это читать человеку, который вместо того, чтобы смотреть на красивую женщину, снятую хорошим мастером, смотрит всякие малолитражные ленты об экономических реформах в авторемонтных парках? Или — о правилах уличного движения. Весьма полезный для нас фильмик. Как бы нас тут троллейбусом не задавило...

Ты, Ларка, сетуешь, что я сбрил усы, грозишься, что заставишь дома отращивать усы и бороду. Дома — ладно, а здесь не могу. Слишком часто ты приезжаешь. Я явлюсь перед тобой не бородатый, а небритый, обросший. А вдруг с тобою еще кто-нибудь придет? Какая-нибудь особа женского пола, перед которой я бы хотел выглядеть рыцарем без страха и упрека? Ведь не признают! Буду кричать: «Это же я!» А мне: «Вранье, Юлька не бывает небритым».

К Ире [Глинке] просьба: пусть заставит кого-нибудь сфотографировать несколько ее работ и обязательно — последнюю, Юру. Чтобы

я мог, показывая фотографии, бахвалиться: «Это вот — скульптор, а это вот — работа скульптора. Это вот Юра Левин, а это вот — его портрет». Кстати, на выставках когда-нибудь встречался такой термин — «Портрет мужа художницы»?

| 6/ХІ/66

В секции 3–4 человека: все кино смотрят, «Две жизни». А я пойду вечером, когда Валерий и Толя с работы вернутся. У них ночь — не ночь, воскресенье — не воскресенье, праздник — не праздник. Пришел груз — на работу. А «Две жизни» где и смотреть, как не здесь — нам, коллегам сценариста*. Я вот никак не припомню: этот умный, талантливый и остроумный человек за весь послеворкутинский период сделал хоть что-нибудь стоящее? Кажется, нет. Что такое «Две жизни», я представляю себе. «Витрины универмага»? Надо же было заработать на первых порах! А потом?

Тихо-тихо. Радио выключено. Кто-то спит, кто-то пишет. Один почтенный тип старательно вырезает картинки из моих конвертов — коллекционирует. Месяц он канючил, жадно смотрел каждый раз на мою почту. Сегодня, ради праздничка, я плюхнул ему на постель около двухсот конвертов: «Гуляй, рванина, от рубля и выше!»*

В секции опять бедлам: вернулись после картины, кто кофе пьет, кто лаеся, несколько группок оживленно тараторят каждая на своем наречии, радио передает доклад... Один милый парень пытается стащить меня с койки: «Юрко! Ходим каву пить!» Он вообще возлюбил меня и все время угощает то пряником, то луком («Евреи любят цыбулю...»). А он к евреям равнодушен: был в его жизни период, когда какие-то гешефтмахиры не оставляли его своими щедротами. Но он не за это здесь: просто кого-то не того кокнул...

Попробую все-таки поработать.

| 7/ХІ/66

Утром меня разбудили свежeweмытые, чистовыбритые, праздничные Толя и Валерий. Пощекотали мне пятки, изъяли из моей постели черно-рыже-белую кису и велели подниматься да поживей. Тем не менее на завтрак я опоздал. Правда, наш завтрак был вкусней — белый хлеб с маргарином, джем, кофе — это все, кроме кофе, дары здешнего магазина. Валерий сдержанно благодушествовал, новорожденный [А.Футман] откровенно сиял. Курили каждый свое: Толя — «Золотое

руно» из моей трубочки, Валерий — сигарку из смеси «Руна» и махорки, я — сигареты «Дунай» из Толиного нового мундштука. «Кайф». Потом смотрели «Сколько лет, сколько зим». Что-то в этой картине есть и неплохое. Зато вчерашние «Две жизни» превзошли все мои ожидания. Ну и ну! Не знаю, есть ли там вранье исторического характера, но, боже мой, какая фальшь в художественном смысле, какая потрясающая безвкусица! Как жалко хороших актеров. Я с ужасом думаю, как Каплер загубит замечательную тему, на которую он и Ю.Друнина собираются обрушиться. Я говорю про сценарий о Вики Оболенской*.

Сейчас я у себя, наобеданный (на второе — котлета!!!), и немедленно примусь за переводы.

Полчаса осталось до отбоя. Еще одно сильное впечатление: са-модеятельный концерт... Брр!

Цветная киса — неграмотная: она думает, что я играю, и то хлопает лапой по перу, то хватается зубами ручку. Сидит она у меня на животе, писать трудно. Спокойной ночи. В последнее время расцвели — не по сезону — «параши». Что ж, тем лучше. Мне «параши» нравятся, независимо от их правдоподобия: легче фантазировать на заданную тему. Сейчас погасят свет, и я буду мечтать, пока не засну.

| 8/XI/66

Последний день отдыха. Сейчас полдень. Пишу, пишу, пишу. Написал Заксам, написал в Харьков*. Перевел стихотворение. Пишу стихотворение (свое). Отказался от трех предложений подзакусить. Одно принял. Кстати, с утра мы уже подзаправились (меню вчерашнее). В 2 ч. дня будем слушать пластинки. Да, пришел ко мне с утра некто, мне неизвестный, и сообщил, что послан Господом Богом передать мне пачку какао. «Сей муж (т.е. — я) взыскан Мною», — сказал Бог моему собеседнику. Затем мне было сообщено, что я ничем за это какао не обязан ни Богу, ни его посланцу. Да, взыскан я за то, что «искал истину». Какао я взял, попросил передать мою благодарность. Вот таким манером. Это уже второй разговор такого рода. Первый был летом, без приношений, но очень оптимистический, с прогнозами относительно «уготованной мне высокой судьбы» — информация из того же источника. Смешно, но трогательно.

А не слишком ли многого от меня ждут? «Мышцы мои слабы»*. Ждут-ждут, а я вот возьму и — ха-ха! (как любит говорить Абрам Донатович*, тьфу, черт! — Андрей Донатович) смоюсь в частную жизнь. Нет, нет, и не просите; я деятелем зваться не могу, я ныне дел общественных бегу!

До свиданья, мои хорошие!

Целую, обнимаю, жду писем. Ю.

Ларка и Санька, Толя передает привет. Не простой, а семикратный. Почему семи-, а не пяти- или десятикратный, я не знаю. Но он так велел, куда денешься. Остальные ограничиваются простым приветом.

Санюшка, ты бы черкнул мне хоть пару слов?

п и с ь м о с е м н а д ц а т о е

11/XI/66

Ты знаешь, Ларонька, наверно, твои упреки справедливы, и я невнимателен — в своих письмах — к тебе и к твоим письмам. Но — можно мне оправдываться? У меня было такое ощущение, как будто я и не расстаюсь с тобою, как будто ты все время здесь, и письма твои — это то, что ты мне говоришь, а не пишешь. А ведь в разговоре-то словами отвечать необязательно! Улыбнуться, фыркнуть, прикоснуться рукой, пожать плечами — все это ответы иногда более исчерпывающие, чем слова. Это и не только ответы — это отношение. Я, читая твои письма, так и отвечаю, так и отношусь. И как-то не думалось (почти не думалось), что ты этого не видишь и не чувствуешь. «Почти» — я написал потому, что, очевидно, в моей дурацкой башке что-то смутно беспокоилось, иначе я не написал бы тебе в последнем письме несколько фраз о твоих письмах. (Ларка, твое письмо от 29/X я получил вчера — 10/XI, а свое письмо отправил 8/XI!) Ларонька, еще: разве я так уж совсем-совсем ничего не писал о твоих письмах? Помнится, что писал. И писал о том, что ты мне говоришь в письмах именно то, что мне нужно, что мне важно и что дорого. Милая ты моя, может, с тобою происходит то же, что с друзьями: какие-то мои возражения, какое-то несогласие они принимают за отношение, за настроенность, даже за холодность. Ну как же ты не чувствуешь, что мне специально разговаривать с тобою так же трудно, как разговаривать с самим собою, как с самим собою играть в шахматы, как с самим собою целоваться? Я понимаю сейчас, что я неправ, что нас все-таки двое и что мы разделены, но я говорю тебе о том ощущении, которое у меня было и которое было счастьем. Я не думаю, что я смог бы писать какие бы то ни было письма, если бы у меня не было чувства нашей нераздельности...

А что до того, что «каждое мое (т.е. — твое) действие по отношению к тебе (т.е. — ко мне) становится предметом обсуждения и часто осуждения, и не только недоброжелательно настроенными людьми», то я торжественно заявляю — и можешь эти строки цитировать

кому угодно, — что те, кто считает возможным обсуждать и осуждать твои действия по отношению ко мне, могут катиться к чертовой матери! Я говорю это обо всех и без всяких исключений, как ни нежно я люблю наших друзей и как я им ни благодарен за верность и за дружбу. Я не признаю ни за кем права судить о наших отношениях, по крайней мере до тех пор, пока кто-то из нас сам не даст кому-нибудь такое право. Я не признаю ни за кем права указывать тебе, как должно поступить, пока ты сама не попросишь совета. Я не признаю ни за кем права критиковать твои письма, пока ты сама не пригласишь редактора или соавтора. Да что за черт, в конце концов?! Почему это я, именно я должен тыкать носом кого-то в трезвость, в чувство реальности? Я же из всех самый легкомысленный, так? Хотел бы я знать, кто посмел бы указывать тебе, как себя вести, что и как писать, если бы я находился не в заключении? И неужели кто-то всерьез полагает, что моя внешняя несвобода — солидное основание для такого рода вмешательства, какими бы распрощедными словами я бы ни крыл тебя в своих письмах? Я уж не знаю, я ли спятил или все вы там, и ты в первую очередь, раз придаешь этому какое-то значение?

Тьфу, черт! Так лирически начал и такие трубы-барабаны в конце.

Серьезно, родная моя. Ты меня, дурака, прости, пожалуйста. Мне казалось, что телепатия между нами самоочевидна.

Я отправлю это письмо завтра, самое позднее — послезавтра. Я хочу, чтобы ты поскорей получила его.

Впрочем, со сроками доставки писем — полная неразбериха.

Письма от 29/X и от 1/XI я получил только вчера, а Толя [Футман] твое письмо от 1/XI получил 5/XI! Одни мои письма добираются до тебя за 7 дней (как последнее, полученное тобой), другие, по моим подсчетам, идут 12–14 дней.

Теперь слушай(те) — о том, что в последнем твоём письме.

За исключением нескольких слов «дорогого покойника» Александра Ефимовича* (моя «слабая воля» и «сильное влияние», которое я якобы испытывал) никем не было сказано ничего, что могло бы быть неблагоприятным для Андрея [Синявского]. Во всяком случае, я не столкнулся ни с чем подобным. Я еще напишу о том, кто что говорил и кто как себя вел, вероятно, в следующем письме. А пока хочу сказать, что претензии, предъявленные к Михе, не имеют никаких маломальски серьезных оснований*. И я уверен, что источник подобных разговоров и обвинений совсем не тот, на который ссылаются. Всё.

А теперь я буду продолжать спорить с тобой, Ларка. Я вовсе не выдумываю тебе позицию. Я не согласен именно с тою, о которой ты говоришь. Я не считаю, что такие качества людские, как, например,

трусость, глупость или эгоизм, могут служить препятствием (или точнее, по твоей формуле, — должны служить препятствием) для общения, даже самого близкого. И дело тут отнюдь не в писательском, не в профессиональном интересе. Как ты знаешь, я никогда не считал себя писателем (хоть и очень хотелось считать). Дело в принципе. Ты не случайно игнорировала мою ссылку на самого себя. А я повторяю, что в моем характере были (и есть) такие черты, которые при подобном строгом подходе должны бы стать стеной между мною и другими людьми. Трусость! Почему это качество, если оно не реализовалось (и, может, никогда не реализуется!), должно отвращать от труса? Мандельштам, судя по воспоминаниям, был далеко не храбрым человеком, скорее наоборот... А эгоизм? Я знаю одного эгоиста и эгоцентриста, который в сложнейшей ситуации вел себя безусловно, в высшей степени достойно; он же в другой ситуации вел себя в высшей степени недостойно, эгоистически. В обоих случаях конечный результат его поведения был благим — так я думаю.

Как можно обвинять самих себя за то, что мы не замечаем, не хотим замечать, закрываем глаза на человеческие недостатки? Только так и надо поступать. И лишь тогда, когда эти качества проявятся в достаточно выразительной форме, когда и если нас стукнут мордой об стол, — тогда надо рвать отношения, клеймить, обличать и метать разнообразные громы и молнии. А так — почему бы мне не дружить с дураком? Если мне это приятно, если я люблю дурака и он меня любит? Ну, разумеется, если мы точно знаем, что человек где-то вне нашей сферы насилует женщин или ежеутренне, перед завтраком, пишет доносы, — мы не должны с этим мириться. И еще — ты права: мы часто судим о людях с их собственных слов; а они часто, очень часто стараются выглядеть хуже, чем есть на самом деле.

Так что все эти декларации, по-моему, ни к чему, неверны. И еще раз — практически же неосуществимы! Ну как, как вы будете проводить черту между дружбой и приятельством, между приятельством и добрым знакомством, между добрым знакомством и просто знакомством, между просто знакомством и общением деловым, официальным, обязательным? А необязательное общение? Скажем, у общих друзей? Какое количество и качество недостатков извинительно или непростительно для каждой категории?

Вы ссылаетесь на всю эту историю, которая с нами произошла, как на знак свыше, напоминание, предупреждение, призыв к принципиальности. А я говорю: «Смотрите, как чудесно! Люди, о твердости, уме и порядочности которых мы вовсе не задумывались (а в каких-то случаях сомневались — не в порядочности — в твердости, в такте, в воле и пр.), — эти люди заслуживают того, чтобы им низко кланяться!»

Ах, боже мой, на эту тему можно бесконечно рассуждать и спорить. А я, чтобы закончить спор, делаю последний выстрел — аргумент в защиту моей позиции: «Мне так удобнее жить». Надеюсь, понятно, что, когда я говорю «удобнее», я имею в виду не комфорт, а потребность, необходимость жизненную?

Вот как, серенький козлик.

О настроении моем и о том, как это сказывается в моих письмах, мне судить как-то трудно. Да нет, я, пожалуй, не «бодрюсь». Либо есть бодрость, либо ее нет — и тогда я просто не пишу. Вообще плохое настроение у меня бывает очень редко, и причина его почти всегда одна: отсутствие писем. У меня, к сожалению, бывает хуже, чем плохое настроение: ожидание или, точнее, предчувствие депрессии. Правда, до самой депрессии еще не доходило, но это «предстояние» очень неприятно, мерзость. Но я, кажется, научился ставить себе самому, мыслям определенного толка, арифметике («Всего 5, минус 1, остается 4; $41+4=45!$ Ох!..») — научился ставить всему этому преграду, такую глухую стенку, научился запрещать себе это. Конечно, иногда не сдержишься; да и трудно: уж больно часто слышишь вокруг разное-всякое... И видишь.

Только что принесли мне эти вот фотографии. Рекомендую: Юлий Маркович Даниэль, бывший литератор, без 2 недель 41 год; морда почему-то грустная, несмотря на лихо надетую шапку; тем не менее свидетельствую, что это изображение, в отличие от предыдущих, довольно близко к оригиналу... Что за дьявольщина?! Каждый раз, фотографируясь, нарочно улыбаюсь, и каждый раз улыбка не получается. Мистика какая-то. Но, в самом деле, на этот раз я такой и есть. Любуйтесь. Смотрите. Как писал Маяковский: «Читайте. Завидуйте...» Стоп. А сейчас у меня новенькая черная теплая куртка, ладная, щегольская. Я на нее пересажу воротник, пока он еще не пустил корни на старом бушлате.

Между прочим, сегодня уже 13/XI, а письмо это я сегодня не отправлю. Отправлю-ка я его 15-го, отчитаюсь за этот день. Кстати, я уже получил поздравления* от Сашки и Нелки [Воронелей], от Елены Михайловны [Закс], от Юры Левина, от Симы Никитиной, от Майи Злобиной, от Кадика и Люки [Филатовых], от Марка [Азбеля]. Уж не придется ли мне послать письмо в «Известия»: «Всем лицам и организациям, поздравившим меня и т.д.». А что? Возьму и пошлю. Или в «Лит. газету».

Ох-ох! Старость-не радость подошла. Сентиментальным становлюсь. Растрогали меня чертовы грузины, чуть не до слез. Только что посмотрел «Я вижу солнце». По-моему, очень хороший фильм, с моей, с некинематографической точки зрения. Прелестная героиня, отлич-

ный, необыкновенно изящный герой, очень тактично, «вкусно», что ли, сделаны быт, обиход («Гурийцы» — объяснил мне Антон).

Откровенная и светлая тенденция. Я думаю, что литературная основа, сценарий были очень хороши. Даже выпадающая, в общем, из картины история с дезертиром — и та сослужила службу: может быть, благодаря ей нам показали этот фильм. И юривый — в лучших традициях мировой литературы.

Спокойной ночи.

| 14/XI/66

Весна, весна на улице, весенние деньки! Все поплыло к чертям собачим, я скинул свитер и в нерабочее время щеголяю в берете.

Сегодня я получил серию поздравлений: письма от Иры К[удрявцевой] и Маринки Фаюм и пять телеграмм — от Кагановых-Тулчинских из Харькова, от семейства Бурасов (пока только 6 подписей), от Меньшутиных* и Голомштоков, от Майи Злобиной и Иры Уваровой (я не помню, писал ли, что получил от нее книжки?) и от Азбелей — с непонятными подписями. Телеграмма переписана от руки, имя «Марк» надписано поверх какого-то другого, отчетливо читаются и понимаются два имени — «тетя Зина» и «Сима» (Какая Сима? Я знаком с тремя Симами!). Кроме того, имеется «ия». Возможно, это остаток от «Наия»; возможно, это Ия из Ленинграда — а где же Найя? И еще я получил бандероль (цензор, отдавая ее мне, поразился количеству телеграмм; я посулил ему на завтра такую же работу). Да, так вот — бандероль. Ларка, сделай одолжение, скажи Мишке [Бурасу], что я ему, паразиту, последнюю ногу выдерну! Ведь я за этой, с позволения сказать, радостью минут сорок стоял в очереди! И надо мною же еще и потешались эти молокососы, мои многонациональные приятели! Бррр... как я зол!

А Маринка вложила в конверт прелестную открытку «С днем рождения, малыш!» Конечно, я похож на слона: волос на голове нету и уши-лопухи торчат.

Что-то никак я не могу настроиться :|а приличествующий моему возрасту лад, все мне охота, как говаривал Юлюн Кривых*, «на одной ножке попрыгать».

Леня Рендель все серьезные разговоры со мною начинает с фразы: «Если бы когда-нибудь ты мог сосредоточиться...» Да, если бы это случилось, я, разумеется, узнал бы необыкновенные вещи, вроде того, что «Двенадцать» Блока тесно связаны с учением К.Маркса о прибавочной стоимости; а я сосредоточиться не могу, кишка тонка, так дураком и помру.

За утренним чаепитием Толя [Футман] пожелал мне, чтоб меня «поскорее выгнали к...». Итак, день рождения. Никак не соображу, сколько же мне лет. Ладно, тут без пол-литра не разберешься, так что придется отложить. Грустно: второй день рождения без всех милых морд, третий — без тебя, Ларик, и без тебя, Санька. Но насколько же это 15 ноября лучше, чем прошлое*. Полное одиночество, полная неизвестность, охотничьи посвисты со всех сторон: «Я пропал, как зверь в загоне...»* А сейчас — письма и телеграммы — средства связи в гигантском, прекрасном значении этого слова; мои здешние товарищи, буквально светящиеся благожелательностью; определенность положения; и — перемены могут быть только к лучшему.

Сейчас я вернусь в зону (это я все пишу в цеху, на сегодня работа кончена, да и ради праздничка трудился я нынче часа три, не больше — работы не было), получу причитающуюся мне корреспонденцию, отчитаюсь в ней Валерию и Толе, поужинаем, допишу письмо.

Так. Телеграммы: от Фаюмов, от Иры К[удрявцевой], от Гитерманов, от Толи [Марченко], две телеграммы из Киева и почему-то две от вас, чада мои и домочадцы. Два письма — от Бориса З[олотаревского] и от тебя, Ларик (а я писал, что получил Санькино письмо?). Наверно, поток приветствий продолжится, но письмо это я все равно отправлю сегодня.

Я очень, очень рад, что Толя Марченко вам понравился. Я прочел кусочек письма Толе Футману и Валерию [Румянцеву]; Валерий даже покраснел от удовольствия; Толя Ф. посерьезнел и задумался...

Ох, Ларик, как я понимаю твое предрабочее состояние! Неохота на работу — но, может быть, ты хоть днем отдохнешь от визитов, даже от очень интересных. Кстати, не все твои визитеры мне нравятся; собственно, даже не люди-визитеры, а сам факт визита этих людей — человека, чтобы быть точным. Я понимаю, что тебя как лингвиста интересуют люди, занимающиеся проблемами синтаксиса и других разделов грамматики; интересуют они и других*.

Мой сосед притащил польский «Экран» с Софи Лорен на обложке и пристроил журнал к спинке кровати — писать стало не-воз-можно! Святые угодники, ну и баба!

Ох, виноват! Кхе-кхе-кхе, вы спрашиваете, сколько мне лет? Да вот ноне сорок второй пошел, родимые, сорок второй, детушки... ох, в поясицу вступило!

Все вранье. Здоров, как бык, симулирую по инерции.

Я вот все думаю, как в декабре встретимся. Увижу ли я вас на разводе? И вы меня? В первую смену мы идем в полвосьмого — сейчас, в ноябре, уже светло; во вторую смену — в полпятого — еще светло; после смен — уже темным-темно... А как будет в конце декабря?

| 16/XI/66

И опять я письмо не отправил. Ночью не спалось, думал-думал, курил-курил. Лезут в голову дурацкие, детские, наивные вопросы. И — слаб человек — захотелось задать их. Бессмысленно, сам знаю. Никто на них не ответит. А все-таки мои сентенции типа «Стержень жизни — только в равновесье добра и зла...»* кажутся мне сейчас дешевой, болтовней. Как могут одновременно, на одном клочке земли жить люди, которые шлют мне письма и телеграммы (одна из них, к слову, от человека, которого я никогда не знал), люди, вроде той старушки, о которой писала Майя Злобина, и люди совсем иной, противоположной категории? Я же понимаю, что дело не только и не столько во мне. Или мне придется стать ящиком, чемоданом с двумя отделениями: в одно буду складывать любовь, в другое — ненависть? И раз и навсегда отказаться от попыток что-нибудь понять в этой карусели, плюнуть и оставаться тем, чем был, — инструментом?

У меня просто нет слов, чтобы сказать всем знакомым и незнакомым друзьям, как я им благодарен. И не только за себя — за них, за то, что они есть, и за то, что они такие.

Мне подарили лениградцы записную книжку с алфавитом и сборник песен Джо Хилла в переводе Зенкевича.

Я твердо решил, что писать прозу я здесь не буду. То, что написал, — сжег. Плохо и не то. Нельзя, невозможно писать с оглядкой. Но очень странно, сам не пойму, в чем дело: стихи пишу без всяких оглядок, без «внутреннего редактора». Вот этим и ограничусь — своими стихами и переводами.

Опять я пишу в рабочей зоне. Потрудился с утра часа полтора, и — стоп! Нет работы. Зато к концу смены мне ее подкинут — срочную! — и мы со станком будем петь дуэтом: «В этом зале пустом мы торцуем вдвоем...»

Тэк-с. Телеграммы: от Нины К[араванской] из Одессы, от Светличных из Киева, от Лины и Алика [Волковых] из Харькова, от Наташки и Бори [Шрагиных-Садомских], от Люды [Алексеевой]. «Пора бы и кончить», — как выразился в аналогичном случае Александр, не то II, не то III. Всего меня приветствовали 5 человек, одна собака и одна кошка. Мы подбили этот итог, смакуя чудесный кофе, который Толя получил от сестры. Кофе (изысканный сорт!), масло и прочие вкусно-

сти. Толя блаженствовал, и мы тоже; он жалел лишь о том, что нет индийских сигарет. Когда будешь ехать, Ларик, прихвати, если удастся купить, они иногда продаются в Москве.

Вот. До отбоя остается час, я лезу в постель и буду читать «Айвенго». Завидно? «Только детские книги читать...» — чье это?*

Спокойной ночи. Целую — Ю.

Я был бы очень благодарен, если бы кто-нибудь взял на себя труд переснять эти фотографии и прислать мне. Очень нужно. Ю.

Вот пришел Толя. Он требует, чтобы я непременно сообщил вам наше экономическое положение. Он прав: я тоже считаю, что вы должны узнать, под какое экономическое иго мы попали. Мы — это он и я. Валерий узурпировал экономическую власть, наложил лапу на все продукты и их эквиваленты, держит нас в черном теле и подвергает жесточайшим и бесконечным унижениям. «Да-ай конфетку!» — онем мы. В лучшем случае он отвечает: «Шиш вам!», а обычно даже не удостоивает ответом. Иногда он снисходит и высокомерно объясняет, что, мол, если нам дать волю, мы все сожрем в один присест. Мы собираемся свергнуть эту диктатуру; единственное, что нас пока удерживает, это соображение, что будет анархия и вспыхнет продовольственный кризис. Кроме того, уж больно он, дьявол, здоров... Тяжко, в общем, нам живется.

п и с ь м о в о с е м н а д ц а т о е

23/XI/66

Вот вы небось и не знаете, какой час суток главный? Вокруг какого кусочка времени крутятся остальные часы? А я знаю. 16 часов по московскому времени — центральная точка. Письма раздают. Это та печка, к которой я танцую: «До четырех осталось часа полтора» или — в I смену — «Уже минут пятнадцать, как в зоне письма принесли...» И вот приносят письма. И я их читаю. И думаю: «А что, если бы я сюда не попал? Так-таки и не узнал бы никогда, какие письма могут люди писать?» Хотя бы за эти письма я должен быть благодарен — кому? Судьбе? Богу? Или вполне конкретным людям, сделавшим меня «адресатом»?

Прошрое письмо я отправил, кажись, 17-го. И уже после отправки получил еще две телеграммы: от Юры Гастева и — классического содержания* — от Тошки [Якобсона]. Бандероли: от Азбелей две книжищи, особенно хороша одна — польские иллюстраторы, от Иры [Глинки] — фильмоскоп и диапозитивы. И письма. Два от тебя, Ларка; от Милы Кичиной (пожалуйста, если кто-нибудь из знакомых ее увидит, пусть передаст самые горячие поздравления ей — что родила, и дочке — что родилась. И еще скажите, что я, конечно же, помню всех, о

ком она написала); от Иры [Глинки]— о Фальке (а я почти не знаю его работ!); от Иры Кудрявцевой — не письмо, а царский подарок; это только в старину так бывало: «Жалую тебя лесными угожьями...»

| 24/XI/66

И еще вчера 4 письма: коллективное (у-у, пьяные рожи, надрызгались, наклюкались до косноязычия! Я-то Леню Невлера помню, а вот он помнит ли, что писал? Может, ему, пьянчуге, изложить наш первый с ним разговор? Об отношении эллинов к любви? По дороге от Наташки до такси); письмо от Сашки [Воронеля] с художественным описанием того, как он заполучил свой шрам. Ах-ах, мой шрам выглядит совсем не так героически — так, некрасивый узел на подбородке. А серьгу в ухо мне вдевать нельзя — чего доброго, начнутся «очень странные поползновения»*. Еще письмо от Майки Улановской с разными приятностями. Насчет языков, их изучения ничего не выйдет — ни способностей, ни времени, ни, честно признаюсь, желания. И письмо от Лины Волковой, тоже очень милое и тоже обрадовавшее меня, и не только тем, что каждый новый корреспондент — это увеличение счета «в нашу пользу».

Уже три дня, как я снова работаю на подвозке, разгрузке. Жа-арко! А, ладно, все трын-трава! Работа перестала представлять для меня какую-то проблему.

Да, еще сегодня получил Шамфора* от Борьки З[олотаревского]. И фотографию четырех существ неправдоподобной красоты. Братцы! Не кладите письма в бандероли. Так они добираются до меня гораздо медленнее.

Я рад, что не отослал с Толей [Марченко] пластинки, была такая идея. С тех пор мы уже трижды слушали музыку. Я, наконец, дорвался до Грига. Тем не менее, запрет на пластинки я не снимаю, того, что мне прислано, хватит на весь мой срок.

Фаюмам задание: для того чтобы мой коллега, случайно родившийся в XX веке, мог спокойно хлебать свой суп, выполнять норму и не опаздывать к разводу, ему позарез необходимо знать: 1) от каких Долгоруких происходят фельдмаршал Василий Владимирович и князь Василий Лукич? Даты их рождения. 2) От каких Голицыных происходят фельдмаршал Михайла Михайлович и другой Михайла Михайлович (ген.-лейтенант, сенатор, потом адмирал, и с 1756 г. — ген.-адмирал). Даты их рождения. 3) Происхождение Александра Борисовича Бутурлина и годы его жизни.

Разрешение этих жгучих проблем современности может осчастливить моего протеже. Я надеюсь, что Юрке не составит особого тру-

да дать такую справку, а Маришке — переписать ее на отдельном листке, своим «необыкновенно изящным почерком, выказывающим благородство души» — цитирую заинтересованное лицо: он увидел у меня в руках Маришкино письмо, когда я собирался прочесть относящиеся к нему строки, и заахал от восхищения. Господи, какие могут быть сомнения в благородстве души?! Что же до изящества почерка, то, поскольку я про душу и так знаю, то не мешало бы этому самому почерку быть малость поразборчивей. Правда, наши знакомые гениальные физики пишут еще менее удобочитаемые письма...

А письма от Ивана [Светличного] нет (есть приветы в письмах к другим*). А стихов Марленки [Рахлиной] нет. А письма от Тошки [Якобсона] о Суворове нет. А моих украинских переводов нет. И по какой из причин их нет — я не знаю.

| 27/XI/66

И совсем воскресенье — не день отдыха, а день пустоты. В воскресенье не бывает почты. И уж совсем обидно, когда и почты не бывает, и, наоборот, бывает работа — как, например, сегодня. Ладно, отгуляем потом.

Позавчера я получил твое, Ларик, письмо. Ты, конечно, права; я и сам много думаю о «фантастичности» нашего друга [А.Д.Синявского]; и какова будет (если будет) его новая ипостась, я не могу предугадать, хоть и строю предположения, делаю прогнозы. Те отрывочные и нерегулярные сведения, которые до меня доходят, складываются, в общем, в довольно симпатичную, несколько идиллическую «житийную» картинку. Но все это, увы, известия типа «Один человек, который с ним разговаривал...» В письме твоем прозвучала одна чрезвычайно обеспокоившая меня нотка: «Что делать?» А ничего не делать. Если я правильно тебя понял, если речь идет о «души прекрасных порывах». И прежде всего — не делать глупостей. Когда мы сможем как следует поговорить, я изложу тебе свою точку зрения.

В этом же письме — минорные нотки, связанные с «неутешительными новостями», с тем, что «надежды маловато»*. Брось, не расстраивайся. Не стоит огорчаться — ведь самые худшие варианты не так уж непереносимы. Ведь главное — это что мы ничего не зачеркиваем, что была жизнь. И что она есть. А уж то, что она будет, — никакому сомнению не подлежит.

Наташка [Садомская] — коварная женщина! Посулила Толе Дюму — где она, Дюма? «41» или сколько там? И вообще, это уже всерьез. Милые, раз уж начали писать не только мне, — не бросайте, пишите хоть изредка, хоть открыточки, хоть по несколько строк, но отдельно.

Я хочу «Золотую розу» Паустовского. И луну с неба. Много чего я хочу.

Да, так вот — есть ли у нас тут композиторы? Нет. Чего нет — того нет. Что пардон, то пардон. Самодеятельные, которые музыку к песне (самодеятельной же), которые под гитару, — такие есть. А чтоб там какую-нибудь фугу Баха сочинить или, скажем, оперу «Декабристы» — таких нема. Но, может быть, почтеннейшую публику устраивают дирижеры? Певцы? Искусствоведы? Художники? Психологи? Журналисты? Инженеры разной масти? Дипломаты? Библиотечно-архивные работники? Юристы? Кинематографисты? Историки? Пожалуйста, не стесняйтесь! Выбор есть. Интеллигенция — плоть от плоти... Маленько с пути сбились, но ничего: осознают, образумятся и твердо станут на путь исправления. Вы же видите по Толе [Марченко], какими преображенными выходят отсюда люди. И какими мужественными: из его письма мы узнали, что он как-то несколько часов подряд слушал, как вы, Ларка и Санька, пели песни. Вот это человек! А может, слуховой аппарат оказался не таким уж безотказным?..

Ларик, а где же адрес Заксов? Неужели моя открытка, вложенная в письмо к тебе, потерялась? Не может быть, я же об адресе писал отдельно, а письмо дошло. И Кадику [Филатову] я послал открытку. Две открытки к праздникам — гуляй, ребята, без вина! Н-да, так и гуляли.

Это письмо придет где-то к середине декабря. Прошу тебя, Ларик, позвони Алле [Сергун] и скажи, что я поздравляю ее с днем рождения, что я, как это ни забавно, не знаю адреса, а то бы послал телеграмму, и что я целую Нинку [Голубовскую] и Ал-дру Леонардовну [Мартынову]. 28 декабря или загодя.

И другой адрес я ведь тоже не знаю: адрес Синявских. А в декабре дни рождения Егора и Марьи. Если вы видите, если все образовалось, то передай им мои поздравления.

А Аленин [Закс] адрес непременно пришли, хоть телеграммой, если письмом не успеешь.

Ларочка, а деньги Теплицкому ты отправила? Если нет, сделай это незамедлительно!

Вчера смотрели «Никто не хотел умирать»*. Споры, споры, и не то чтобы ожесточенные, а скорее каждый отстаивает свое, индивидуальное недоумение. По-моему, позиция авторов фильма определяется поговорочкой: «И хочется, и колется, и мама не велит». Я, разумеется, говорю не о художественной стороне — художественная ясна,

как апельсин: кусочек мордобоя á la «Адские водители»*, девушка хорошей длинноногости в одной комбинашке á la почти любой итальянский фильм, ну и операторская работа в приемах, описанных Ильфом. Господи, как хочется хороший фильм посмотреть! Здесь посмотришь что-нибудь, даже, бывает, понравится; а пройдет несколько дней — и все начисто забыто.

А этот фильм в здешних условиях особенно пикантен. Литовцев здесь полным-полно (пожалуй, на втором месте после украинцев), и все они, за малым исключением, знают описываемые в картине события лучше актеров, исполняющих роли. Это, кстати, еще одна область, о которой я понятия не имел. Да, так вот: со знанием дела дается оценка всему, начиная от бытовых деталей и кончая общей тенденцией фильма («то, что происходило в Литве, было гражданской войной»).

| 29/XI/66

Вчера получил твои бандероли, Ларка. Все содержимое их было мне вручено и доставлено мною пред ясные очи моих дружков. Ну, что было! Толька встретил Швейка, как родного брата, чуть не поцеловался с ним, трубочист вызвал восторг у всей секции. Впрочем, восторг был недолгим: из коробки были извлечены губные гармошки. И как начал Футман в них дудеть, так и по сю пору остановиться не может. Пока что все проклинают его; скоро дойдет до меня, а там, глядишь, и до тебя, до источника, доберутся. Одну гармошку я, слава Богу, подарил Вадиму Гаенко — у него был день рождения. Он взял ее, как я когда-то брал оставленные Марком [Азбелем] или Сашкой [Воронелем] записи с вычислениями и формулами, — двумя пальцами, с недоумением.

— «Юлий, хочешь пару альбомов просмотреть? Французская живопись...» — Угм, хочу.

Это в мое письмо вклинился Раф(алович). Французским оказался один альбом, сборная солянка. А второй — венгр, пес его знает, как его фамилия. Один-два портрета сносные, остальные — скука смертная, провинциализм. Я и заснул над ними. Проснулся к четырем, писем нет. Так я и пошел, неотоваренный, трудиться во славу мебельной промышленности.

Сейчас перерывчик — вентиляцию отключили.

Ларик, пожалуйста, не проси меня выяснять всякие разносительные свиданий. Я не касаюсь эмоций, возникающих при подобном рода переговорах; хочу только сказать, что практический результат может быть лишь при условии, что спрашивать и получать

ответы будешь ты. Ну пошли телеграмму с оплаченным ответом или что-нибудь в этом роде. Пожалуйста.

А что слышно о Басюке?* Что-то никто о нем ничего не пишет.

И раздрают нас всех черти знать, что и как говорил И. Драч в США? Он же теперь при ООН состоит и вообще важная персона. Здесь, как ты знаешь, много людей, ему хорошо знакомых, в которых он в свое время принял участие. Так вот, в украинской «Лит. газете» было сообщение, что состоялась его встреча с американскими украинцами и он «ответил на многочисленные вопросы». Что, может, и не стоит мне дорабатывать мои переводы?*

Пошел «пахать».

130/XI/66

Кажется, зима всерьез началась. Снежок сухой, под ногами затвердело, и шапку приходится надевать не так лихо. Но в помещении топят хорошо, благо дровишки свои, так что по ночам я укрываюсь только жиденьким одеялом.

С ужасом гляжу на эти толстенные тетради, которые ты мне прислала. Они выглядят так солидно, так капитально, что нельзя и помыслить записывать в них что-нибудь простенькое, легкомысленное. В такой сосуд плохое, дешевенькое вино не нальешь. Для стихов (а ведь мои стихи — тоже не вино урожая N-ного года, скорее коктейль, попросту — ерш) у меня есть книжечка — специально для меня переплели и подарили. Хорошая такая книжечка, в полтетрадки примерно. Я и то сомневаюсь, переписывать ли в нее все подряд. Тут вот кое-кто шокирован такими стихами, как, например, «40-летие»* — компрометирую, мол, самого себя. Как людям хочется, чтобы человек был похож на то, что он сделал! Ну, дудки, я не собираюсь вытягивать шею и подпрыгивать, чтобы стать вровень со всей этой заварухой.

Получил я, наконец, письмо, которое Борька З[олотаревский] вложил в бандероль. Спасибо за книжки, за письмо. Но что за свинство такое — заинтриговать меня туманной фразой о некоем «фотоподарке»?! Я теперь буду особенно ждать каждую почту и, конечно же, каждый раз огорчаться отсутствием обещанного — потому что Борька, естественно, не скоро соберется. Я с ним, голубчиком, еще сведу счеты...

Удручают меня предстоящие четыре месяца зимы. Жизнь сразу уменьшилась до размеров койки, исчезли всякие поблажки, которые нам давало тепло: возможность бродить, лежать под небом, собираться не друг у друга на головах. Моя животная натураотреагирова-

ла на холодную погоду самым естественным и прозаическим образом: я почти все свободное время сплю. Читать и писать почти совсем перестал, даже разговаривать недосуг — сплю и сплю. А сны-то какие снятся! Хорошие, мирные, обстоятельные. Никаких кошмаров, никаких острых сюжетов — ленивые, неторопливые, благополучные сны.

Теперь вот что. Есть у меня, точнее — у нас, просьбишка такого рода: нельзя ли прислать в подлинниках, на испанском, таких поэтов, как Лорку («Цыганск.ром.»), Мачадо, Эрнандеса, Мистралья, Вальехо, Хименеса («Platero у yo»). Хотя б немножко от каждого. Это не для меня, и конкуренция московским испанистам не угрожает — это для Кнута [Скуениекса]. Идеальным вариантом были бы книжки, изданные в СССР; например, есть хрестоматия, где кое-что имеется, хотя, конечно, далеко не все там интересно. Может, наши домашние испанисты Наташка [Садомская] и Тошка [Якобсон] что-нибудь сообразят? Милые, не сердитесь за поручения, так хочется хоть чем-нибудь быть полезным тем, кто здесь, а талантливым — в особенности. Но я могу всего лишь взваливать на ваши плечи эти хлопоты, быть мостиком к вашей доброте.

И еще! Если у кого-нибудь дома есть «Всадник без головы», загляните в него: есть ли там такая фраза «Гип-гип-ура! Слава святому Патрику! Наш молодой хозяин поймал, наконец, крапчатую кобылу». Я тут держал пари, по старой привычке.

Я начинаю «платить по вексялям». В этом письме я посылаю два стихотворения — двум Иринам*; не знаю, какова «художественная цена» этих подарков; но когда они написаны были, я почувствовал, что именно им (Иринам) эти стихи подходят. Так мне, по крайней мере, кажется. Не судите строго — это, наверно, не столько стихи, сколько просто мысли, которыми мне хотелось бы поделиться именно с ними — Ириной и Ириной.

И еще одно стихотворение — старое — я хочу подарить Нэтке [Анне Гитерман]: по-моему, оно ей «к лицу». Это стихи о табуне: «Уже на небе гремит посуда»*. Они по цвету к ней подходят. Мое посвящение, увы, не означает, что я собираюсь умыкнуть Рыжую: я бы попробовал, но боюсь — Мишка побьет, да и у Нэтки рука, должно быть, тяжелая...

I I/XII/66

Вчера, оказывается, Толя получил письмо. Ну что ж, это здорово и само по себе (я уже писал, почему), и кроме того, все-таки весточка из дому. Все отлично; жаль только, живописное изложение ваших

сухумских при-злоключений имеет национальный, точно определенный тобою колорит. Не стоит — это и так вопрос довольно сложный, не нужно подбрасывать дровишек. В следующем письме попробуй найти какие-нибудь контрпримеры.

Ларик, а почему ты ничего не пишешь, подала ли ты в суд на издательство? Если нет, то почему? Если да — так как обстоят делишки? Денежки-то ведь — ой, как нужны вам. Бандероли ты шлешь чересчур шикарные — какие-то заграничные мыла́ и пасты. Все это могло бы быть ровно вдвое дешевле. Отлично обойдусь, учти это. Понятно?

Ну вот, я пообедавши и пришедши к ребятам. Сижу на Толькиной койке, а в изголовье — филиал Музея Игрушки: Швейк, Жираф, Козел, две Куколки, на тумбочке — Трубочист. Рыбака увез Толя М[арченко], а еще одного игрушечного человечка постигла печальная участь — из-за его профессии...*

Я — молодец и умница! Нет, до чего я все-таки выдающаяся личность! Ай, король! Ай, сукин сын! Ай, умница! Это я все к тому, что не отправил утром письмо — проспал. Хотел дописать несколько слов — и в ящик. Но я талант — и я проспал. А вот теперь я получил, наконец, почту и могу немедленно реагнуть. Во-первых. На кого это ты стала бы требовать с меня алименты?! На этого бугая Саньку? С него впрору с самого требовать (тьфу, тьфу, пронеси!).

Во-вторых. Ябедничать нехорошо, стыдно. Ну и что с того, что он получил две двойки? Он еще маленький, хрупкого телосложения, ему трудно. И вообще у ребенка — нервы (рычит на уроках). А кроме всего прочего, его отец тоже получал двойки по физике-химии и тем не менее «дошел до степеней известных» (тьфу, тьфу, пронеси!).

В-третьих, не паникуй и не слушай никаких трепачей — ни пессимистов, ни оптимистов; вернее, «равняйся на передовых» — на меня то есть. Я слушаю «параши» с удовольствием — с профессиональным: очень интересно, как рождаются легенды с грифом «абсолютно достоверно».

Нелка [Воронель] — дрянцо, чего это она мне тесты предлагает? Да еще кокетничает, что, мол, ее интересует «психологическая проблема!» Как будто из ее описания не видно, какой из пацанов ей больше всего понравился. И как будто не именно этот пацан больше других похож на Сашку.

А Володька [Воронель] удостоит меня двух-трех сэтов? Он по-прежнему такой же конопатый? Обнимаю всю их троицу.

От Кадика [Филатова] письмо с обещанием писать чаще. Ох, друг Аркадий, не говори красиво!* А фото так и замотали, раклý несчастные!*

Санька, потрудись-ка ты, черкни открытку в несколько фраз Марту Никлусу: что, мол, получил я книжку, что, мол, благодарю и кланяюсь и что, мол, когда выберусь отсюда, попрошу его быть нашим гидом в Эстонии, — я ведь там никогда не бывал, а хочется, особенно после рассказов Юры Левина.

Целую вас всех, мои дорогие. Ю.

Перечел написанное. А письмецо-то пустынькое! А все оттого, что нет ни новых событий, ни новых впечатлений — таких, о которых я мог бы написать. А копаться в своих настроениях — неохота. Тем паче, что они у меня почему-то безмятежные, как на пляже. Иногда. Нет, почти всегда. В общем, все в порядке.

Ю.

п и с ь м о д е в я т н а д ц а т о е

9/XII/66

Так вот, трехцветную кису я и мой сосед зовем просто «кисой». (Черт, до чего неудобно писать шариковой ручкой; от своей я сперва потерял колпачок, а затем уронил ее на пол — естественно, пером вниз; взял без спросу эту вот гадость у Толи; он сказал коротко: «Потеряешь — вешайся сам».) Она отзывается. Впрочем, она отзывается и на «шлюху», и на «потаскушку». Так мы ее чествуем, когда она возвращается из каких-то непонятных скитаний. Для любовных прогулок она еще молода, пес ее знает, чего она шляется. Может быть, приглядывается пока? На днях она была изгнана дневальным — обошлась без параша в помещении. Толя подобрал ее, замерзавшую, а я за пазухой притащил обратно. Хороший зверь, ласковый.

А на улице сейчас не только кошки, а и люди мерзнут. Ветер запоро, на зависть нам, проходит сквозь заборы, и классическая позиция — «руки в рукава» — получила, наконец, солидную, а не только традиционную мотивировку.

Я, после долгой внутренней борьбы, переживаний и всякого гамлетизма, надел нижнее белье. Ой, как не хотелось идти на уступки! Но холод — не тетка (к сожалению; будь он теткой, все было бы наоборот), и я облачился. Облачившись, стал придумывать и искать утешения. Нашел: мои невыразимые — почти что лосины. Жаль только, что наибольшего сходства они достигают где-нибудь среди ночи, когда они гармонически сочетаются с сапогами, и я, напевая «Красотки, вот и мы, кавалергарды!»*, мчусь по направлению к деревянному домику...

Новостей у меня никаких нетути. Живем, жуем, трудимся, подбираем ошметки слухов, делаем из дерьма конфетки, а потом сами же плюемся.

Смотрим всякие-разные фильмы — один другого хлеще, как на подбор: «Женщины», «Гадюка», «Опт. трагедия». Спорим, какой из них хуже.

Леня [Рендель] (который всем вам кланяется) для доказательства, что, скажем, «Женщины» хуже, чем «Гадюка», обрушивает на меня всю свою многотонную эрудицию. Ужасно он смешной, Леня. И трогательно серьезный. Мне почему-то неизменно вспоминается

...ступа с Бабою-Ягой

Идет-бредет сама собой,

когда он шествует, поматывая на ходу головой и вразброс таяя по земле ботинками. А из них кокетливо выглядывают голубенькие портянки. Мы с ним подружились. Правда, иногда его берет оторопь и он с суеверным ужасом спрашивает: «Неужели ты не понимаешь, что надо читать газеты?!» — «Мне это неинтересно», — отвечаю я высокомерно.

С чего это ты взяла, о моя юная жена, что государство харчует меня бесплатно? Мой кондёр (так по-французски звучит это слово, не *s'est pas*?) обходится мне в 14 целковых ежемесячно, и эти целковые вычитают из моих заработков. А зарабатываю я вполне прилично. В ноябре после всех таких вычетов мне начислили 5 рублей 71 коп. Ну, 5 рублей я истрачу в здешнем ларьке, а 71 копейка пойдет в фонд освобождения — на благоустройство (жилье, белье, бабье). Кнут [Скуениекс] кланяется Нелке и Сашке [Воронелям]. Он обычно появляется у меня перед отбоем, стреляет папироску, читает очередной сонет и дематериализуется. Впрочем, не так-то много усилий ему для этого надо...

Я почитываю всякие журнальчики, а в журнальчиках — всякие произведения, например, Агату Кристи в «Доне», «Комедиантов» Г.Грина в «И.л.» (здорово!), «Мастера и Маргариту» Булгакова в «Москве». Ну, об этой вещи стоило бы поговорить отдельно. Очень многозначительным кажется мне ее появление. А сам роман интересен до удивления. Ну что еще новенького написали авторы 20–30 гг.? Да, в «Знание—сила» весьма любопытная статья о Беранже*. Кто-нибудь что-нибудь знает о ее авторе?

О работе Славы* я поговорю, посоветуюсь; сам-то я настроен весьма пессимистически и не думаю, что даже самые благожелательные и солидные отзывы на академическом уровне могут хоть что-то изменить. Разумным его образ жизни я тоже не считаю.

А что же там Марк Моисеевич* кокетничает? Ты напиши сразу же — любопытно все-таки. Привет ему. Я часто и с удовольствием вспоминаю его наивные прогнозы и не менее наивные советы относительно моей теперешней жизни.

Очень мы рады, что Толю [Марченко], наконец, серьезно полечат. А доктор Айболит* будет лечить меня, когда я вернусь? Раз уж он такой всепонимающий.

Лиле же скажи, что она была совершенно права: никакой я не герой, не был и не буду им; и все эти высокие звания гроша медного не стоят по сравнению с теми эпитетами, которыми она меня наградила, — вот ими действительно можно гордиться. Что я и делаю. Скажи ей, что я очень, очень польщен, и привет ей.

Не забывай писать о Нелкином здоровье.

И что там у Симы Никитиной? Я получил от нее очень невеселое (и очень милое) письмо.

А другая Сима [С.Белокриницкая] обещала мне детективочку в своем переводе и — о, женщины! — обманула...

Слушай, а воздушные акробаты Гитерман и К⁰ совсем-совсем целенькие? А бандура ихняя, может, накрылась окончательно*, и теперь им больше не грозят такие фортели? То-то бы хорошо.

| 11/XII/66

Новости, новости! Вчера я получил достоверные и обстоятельные сведения об Андрее [Синявском]. К нам переселилась довольно большая группа тех, кто был вместе с ним. Ну так вот: чувствует он себя хорошо, настроение бодрое, с работой справляется. В отличие от своего незадачливого (удачливого?) компаньона живет он тихо-мирно, и относятся к нему неплохо. Пишет ли он и что, если пишет, — я не знаю. В общем, как будто все в порядке. Он кланялся мне и просил, чтобы я вел себя благоразумно. Впрочем, не исключено, что скоро он сможет сам вычитывать мне мораль. Узнал я еще, что в октябре было у него свидание (личное) и что прошло оно хорошо. Я рад.

Тревожное у меня какое-то настроение последние дни. И никак я не пойму, в чем дело. Может быть, ожидание скорых встреч? Твое последнее письмо, Ларик, — от 29/XI; ты пишешь: «ровно через месяц». Упаси Боже влипнуть в поездку так, что получится встреча Нового года в Явасе или в дороге. Смотри, может, лучше на день-другой раньше выехать? А что касается личного свидания, то, наверно, говорить о нем удобнее всего будет тебе во время этого приезда не со мной, а с администрацией: мне-то что, я в любые дни готов к свиданию; а вот как у

тебя с работой и как у начальства с возможностями — будут ли свободны комнаты, на какое время, придется ли воскресенье на эти дни и пр. — об этом обо всем, наверно, тебе можно будет договориться, особенно если интервал между двумя этими приездами будет невелик.

| 12/XII/66

Вчера только было устроился поудобнее с этим вот письмом — нá тебе: очередной диспут. Спорили мы с Леней в основном, а аудитория внимательно слушала и подначивала. Господи, о чем только мы не спорим! Начался разговор с вопроса о необходимости девственности при вступлении в брак, а закончился рассуждениями о том, совместимы ли эмоции с объективностью в оценке исторических событий. Само собой, я утверждал, что несовместимы.

Да, вот так и «проходят дни за днями, годы идут за годами». Все более остро я начинаю чувствовать, как нужно побыть одному. Заключение, увы, не приспособлено для разумного равновесия: в тюрьме — полное отсутствие общения, полное одиночество, здесь — полное отсутствие уединения. И это еще для меня осложняется требовательностью окружающих, тем, что я «обязан». Это либо декларируется в открытую, либо на это намекается, либо это подразумевается. Наверно, на всем белом свете есть лишь один человек — из числа моих друзей, приятелей и знакомых, — которому решительно наплевать, прозаик я или поэт, талантливый или бездарный, безвестный или знаменитый, Даниэль или Аржак. Это Толя Футман. Еще и за это я благодарен ему и люблю его.

Одновременно с твоим, Ларик, письмом я получил письма от Фаюма, Марка [Азбея], Мишки Б[ураса]. Михе скажи, пусть не дрейфит, не выдеру я у него остатнюю ногу, дядя шутит. Юрке — спасибо за интересные и дельные суждения о стихах. Марку — за некую идею, которая пришла мне в голову после того, как я прочитал их письмо. Всем семействам приветы.

Да, еще вспомнил. Деньги, посланные тобою, получены. И еще: у меня нет абсолютно никаких возражений против личности и поведения твоего коллеги, и никто не обмолвился ни словом осуждения*; я имел в виду лишь то, о чем писал, — и больше ничего. Меня ведь беспокоят твои научные дела и научные контакты, связанные с изучением различных разделов грамматики и прочих (подобных) научных изысканий.

Получил я от Борьки Ш[рагина] «Вопросы литературы» и «Декоративное искусство». Очень хорошо, и дельно, и остро*, и, главное, от-

дельные положения его статей можно толковать расширительно, не только в плане эстетики. Очень жаль, что статья в «Вопросах литературы» напечатана в таком окружении. Читатели глядят на фамилии, на заголовки и попросту не читают этот раздел. Я спрашивал всех, кто получает и читает этот журнал, — увы, окружение отпугивает. Это наводит на грустные размышления о малой эффективности такого жанра — не потому, что сам по себе жанр плох или автор не на высоте и произведение слабовато, нет, все может быть (как в этом случае) в наилучшем виде, но удел жанра — появляться в специальных изданиях — заранее обрекает публикацию на очень малый резонанс. В этом смысле газета гораздо предпочтительней. Я представляю себе, какую реакцию реакции вызвал бы «Сезам, откройся!», если бы статья появилась хотя бы в «Литературной газете». Ведь и так ударная ее сила стала явственней и отчетливей от помещенного рядышком ответа — казенного, бездоказательного и трусливого: трусит автор двух вещей — во-первых, как бы читатели не согласились с Б.Шрагиным, и, во-вторых, как бы его, отвечающего, не сочли ретроградом. Да, так вот, журналы специальные, малочитаемые, а «...улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать»*.

Ларка, а еще в «Знание—сила» я вычитал, что можно учиться рисованию под гипнозом. А пению?

А про чего ты делала двухчасовой доклад? Расскажи популярно, а?

А сейчас уже около 10 часов вечера. Я уже наработался досыта, перекуриваю. Перед выходом на работу я получил два письма — от Наташи [Садомской] и от Тани [Макаровой]. В Наташкино письмо были вложены переводы из Драча, пять или шесть, я оставил их у ребят и сейчас не помню, сколько. Успел заметить лишь, что их мало, и что отбор не совсем понятный мне, и что одно стихотворение («Триптих о слове») без хвоста — страницы не хватает. Вот я и гадаю, чей это отбор и где хвост потерялся. Выяснять это я не собираюсь, разве что при случае, если вызовут. Тогда же, может быть, спрошу о фотографиях, не дошедших до тебя и не возвращенных мне. То, что они рассматривались внимательно, было мне сказано в недавно состоявшейся беседе. Я думаю, что мне их вернут. Только совершенно непонятно, по каким соображениям их задержали. Впрочем, где уж нам с суконным рылом да в калашный ряд — начальству виднее, нужна ли дома моя фотография...* Еще странно, что в письме Наташки о переводах ни слова не сказано.

Зато очень здорово сказано о побоище в МОСХе. А статью Лифшица я не читал (см. выше); теперь прочту непременно — должен же я знать, кому били морду Юрка и Борька!* Хотя и не сомневаюсь, что они знают, кому бить. И с Шолоховым очень смешно и знаменательно.

А Тане напиши вот что: что я ей очень благодарен за письма, что я долго сочинял ей письмо, что оно получилось большим и подробным; я в нем рассказывал и о своей теперешней жизни и настроениях, и о том, что я думаю о ее замужестве (очень хорошо думаю), и о том, что у меня самые светлые впечатления от ее когдатошнего, очень беглого рассказа о Сереже*, и кое-какие пояснения относительно всяких щепетильных моментов, бывших в минувшую зиму*. И всякие пожелания, и просьбы. И хотя это письмо, как вы сами понимаете, не было отослано, тем не менее одну просьбу, содержащуюся в нем, Таня выполнила: прислала фотографию. И вот и теперь она спрашивает (Таня, а не фотография; впрочем, и фотография тоже), что бы мне такое прислать. Я прошу присылать фото и стихи — в неограниченном количестве. У меня здесь есть ее стихи из «Знамени» — та подборка, где о листьях*, и переводы Фигеры*. Я хочу вторую подборку, где «Бумага, глина, полотно», стихи о городе и ночи, стихи о пожаре в Москве и вообще любые стихи, какие Тане захочется. И очень мне хочется думать, что то впечатление (представление), которое возникло у Сережи, правильное: мне и в самом деле очень хочется быть «молодым и сильным»... Самые, самые нежные приветы ей. И Сереже мой поклон. И благодарность за приглашение в Ленинград. А я и в самом деле думаю, что здорово было бы Саньке съездить в Ленинград. Мне, правда, не совсем понятно, как можно жить в этом городе, — он ведь нереальный, его на самом-то деле нет — но побывать в нем очень хорошо. Валяйте-ка вдвоем, а?

А тебе, Ларик, понравился Сережа?

Да, еще телеграмма от вас пришла.

| 13/XII/66

Сегодня я как следует рассмотрел переводы И.Драча. Загадочная картинка: кто их перепечатывал? Впечатление такое, что печатавший никогда не слыхивал, что существуют такие вещи, как ритм, размер, рифма. Я уж не говорю о чудовищных опечатках. Очень может быть, что стихи перепечатывал сам покойный Валерий Яковлевич Брюсов и что мои гипотезы — от излишней подозрительности, но... Очень, очень странно. Если это дело рук некоей потусторонней, inferнальной силы, то не мешало бы ей, этой самой силе, знать, что все эти стихи недавно опубликованы в киевском сборнике И.Драча*. Чур, чур меня! Я Булгакова начитался...

Мы тут с Валерием [Румянцевым] рассуждали сам-друг о том, что сейчас «стержень жизни только в равновесье добра и зла»* (это его

мысль, возникшая после чтения «Мастера и Маргариты», а я ему в ответ прочел стихи. Кстати, он в восторге от Булгакова — это при том, что вкусы у него самые академические); затем стали выяснять, вечно ли так будет. Пришли к выводу, что со временем зло изменит качество: оно будет существовать, но выживет лишь одна его разновидность — глупость. И в самом деле, с подлостью можно бороться, она все-таки уязвима, а вот с глупостью драться почти невозможно и предотвратить ее немислимо. Попробуй-ка провертеть дырку в жидком тесте!..

| 14/XII/66

Надо бы сегодня отправить это письмо, я хочу, чтобы оно было получено до твоего, Ларик, отъезда из Москвы. Что ж, брошу его в ящик, когда вернусь ночью с работы; а часа через полтора будет почта, может, и мне что-нибудь отколетса. Хотя от тебя и Саньки ждать нечего: декабрьские письма еще не дойдут.

Вот. И стал вечер. И стала вторая смена. И я уже поработал и поужинал. И перечел письма, полученные от Иры Глинки и Марлены [Рахлиной].

Наш с Ирой поход на выставку я, конечно, помню, но вот работ этого польского скульптора решительно не могу припомнить. Зато очень хорошо помню скульптуру под названием «Обитатели Венеры» и как две девицы, внимательно осмотрев ее, сказали друг дружке: «И совсем непохожи...»

И «Золотую богиню» им. Л.Невлера тоже вспомнить не могу. Наверно, Ира ошибается, и меня в тот вечер у них не было — неужто я не приметил бы «прелестную женщину»?

А Марленке все-таки неплохо было бы прислать мне свой сборничек* — раз уж не прошедшие Главлит стихи до меня не добираются. Пожалуйста. А насчет судьбы Марленка ошибается — я ее вовсе не стираю, не драю и не переодеваю, мне это ни к чему, у меня с нею и так самые интимные отношения; разве же непонятно, что если она мне изменяет время от времени — то это всего лишь легкий флирт на стороне? А так-то я — жутко везучий, у меня получается все главное. «Обречен ты жить долго и счастливо», — так гадалка говорит одному герою рассказа М.Горького.

Ну вот. Уже первый час ночи. До следующего письма оставляю кучу тем: о стихотворчестве как средстве уединения и общения, о психах, о картинках и фотографиях из журналов, о плакатах по технике безопасности, о местных франтах и щегольстве вообще и пр., и др.

А на закуску — длинная цитата из недавно прочитанного мною: «... газета... поместила гневную статью «Шептуны» — о тех, кто рассказывает злопыхательские анекдоты. Эти подленькие, неумные анекдоты и темные слухи, писала газета, распространяют враги и изменники... народа, недовольные обыватели, мещане. Нужно объявить решительную общественную борьбу против таких распространителей слухов, злопыхателей и шептунов, и всех таковых нужно решительно наказывать».

Другая статья называлась «Накипь». Она бичевала тунеядцев, «эту накипь, которая трудоустраиваться не хочет, а живет неизвестно чем, разными сомнительными заработками, засоряя собой общество. Их надлежит... жестоко наказывать».

Где и когда были напечатаны эти статьи? Угадай-ка, угадай-ка — интересная игра. Ваши ответы вы можете присылать по адресу (см. на конверте).

До свиданья, мои милые, целую вас.

От ребят — приветы.

Ю.

п и с ь м о д в а д ц а т о е

1/1/67

«Великое переселение народов в поселок Озерный* или 16 километров на пуантах» — только один раз! Проездом! Спешите, спешите!.. Впрочем, не спешите — все уже позади. А ежели по порядку, то было так:

После нашего свидания я как начал прощаться со всеми знакомыми, так и занимался этим до самого отъезда — с трудом удалось несколько часов поспать. Толя [Футман] и Валерий [Румянцев] напоследок закармливали меня и запаивали (запоивали?). Оба были совсем на себя непохожи: Толя приумолк, а Валерий, наоборот, разговорился. И каждый, улучив минутку, когда мы оставались вдвоем, говорил мне всякие хорошие слова...

Ах, Ларка, если бы ты видела Валерия, когда я разговаривал с ним после свидания! Он слушал меня, не поворачивая головы; сначала, когда я сказал, что у меня есть для него подарок, он улыбнулся, а потом улыбка медленно исчезла и он начал медленно заливаться краской и, выслушав, сказал — очень медленно: «Да. Это подарок. Теперь жить легче»*. Я только один раз видел раньше, как он покраснел — от гнева.

Да, так вот, утром нас погрузили в машину, я и некий Виктор Калниньш (я когда-то уже писал о нем: маленький латыш с рыжей бород-

кой и голубыми, как у Милы Кичиной, глазами) влезли в эту машину последними. Остальные были люди, мягко выражаясь, преклонного возраста, и мы смогли устроиться только у заднего борта, на корточках, точнее — на носках. Замерзли мы, разумеется, отчаянно. Но все равно — поездка была чудо как хороша — поездка по лесной дороге, сосны, березы, никаких тебе заборов, тихо-тихо. Красота-красотища! Мы с Виктором смотрели на все это и друг на друга и вздыхали: «Надо же! Ведь сутками сидели в Москве в прокуренных комнатах, пили водку, а ведь могли бы гонять на лыжах по Подмосквью!» (он москвич и рижанин одновременно). «Вот ужо вернемся...» Потом мы взглянули снова друг на друга, засмеялись. «Благими намерениями...»

Приехали. На другой машине прибыли Леня [Рендель] и Валерий Ронкин (один из «питерцев»). Ну, обычные формальности, то да се. Глядим окрест себя. Ма-а-аленький такой лагеречек, зоночка крохотная — переплунуть можно. В помещениях шаром покати — голо, холодно, сыро и сиво. Но понемножку начали осматриваться, обнюхиваться — ничего, проживем. Сегодня уже есть (вчера уже были) матрасы, подушки, табуреты, тумбочки, одеяла, белье. Вода есть — даже горячая утром и вечером.

Вчера я даже побрился — ужасно переживал, что останусь на Новый год небритым, — припужонился, отогрелся, ожил. Леня говорит, что температура влияет на меня, как на лягушку: подморозит — анабиоз, пригреет — снова прыгаю. Ну и встретили Новый год, впятером, еще с нами смешной круглолицый и белесый молодой эстонец [Энн Тарто]. Кстати, эта наша пятерка — будущие герои трудового фронта, работяги и «пахари». Таких удальцов, как мы, здесь еще столько да полстолько — человек 20–25. Остальные годятся лишь на то, чтобы их разобрали на составные части и из годных деталей собирали заново тружеников, из расчета: 10 наборов деталей = один рабочий узел.

Леня будет шить рукавицы! То-то работы бракерам будет! А мы зачислены в строительную (!) бригаду. Я выразил сомнение, будет ли толк, мне вразумительно ответили: «Научим». Размышляя я, размышлял насчет интонации, решил, что подтекста нет. А почему? А потому, что за все время пребывания в Мордовии я (мы все; а Леня ведь 10-й год кончает!) впервые сталкиваюсь с вежливыми людьми в форме — действительно вежливыми. И не только со мною, с нами, а со всеми. Ну что ж, строитель так строитель.

А Новый год встретили мы здорово. Вкусно поели — у нас еще явасские запасы (мне ребята напихали в чемодан консервы, конфеты и пр.), в изобилии пили кофе, провозглашая разнообразные тосты, чи-

тали стихи и пели песни вполголоса. На тумбочке — крохотная елка, рядом с нею — мои олененок и девочка, от койки к койке — гирлянда флажков. Вот и сидели мы, и слушали радио, и пили кофе за вас, за тех, кто на 11-м и на 1-м, «за тех, кто в море, за тех, кто в горе».

Вчера же я получил телеграммы от вас, Ларик и Санька (к слову, почему «12 лап», а не 16? Если вы, которые люди, а не зверики, считаете лапами только ноги, то как это вы меня ими приветствуете? А если «лапы» — это руки, то что же такое у вас ноги?), от Фаюмов, от «Марины с семейством» [семья Бурасов (?)], от Иры К[удрявцевой], от Лени Невлера. Еще раньше, на 11-м, — от Азбелей и Маца*.

А письма за последнее время были от Кадика [Филатова], от Лены Аксельрод, от Иры Глинки, от Майи З[лобиной]. И пишу я сейчас Людиной [Л.Алексеевой] авторучкой.

Тихо здесь, тихо. Не слышно шуму городского*. Грустно: все мы оставили друзей на 11-м. У других еще есть надежда встретиться с друзьями с 1-го, у меня же абсолютная уверенность в невозможности встречи с Андреем. Ладно, как сказал Леня, «нас мало, но мы в кальсонах». Он тут что-то начал афоризмами и сентенциями разговаривать.

Что касается свидания, то, во-первых, сегодня радио обнадеживающе пело: «Свиданьям не будет конца!» Двусмысленно, не так ли? Во-вторых, как я полагаю, надо просто приехать, когда удобно и возможно, — и дадут свиданье.

Конечно, я вспомнил потом кучу вещей, про которые забыл сказать. Например, чтобы вы не горевали, что у вас нет моих последних фотографий, — я думаю, что предпоследние, ежели их немножко подретушировать, будут отлично выглядеть, не хуже газетных фотографий.

Покамест здесь нет газет, а радио я не больно люблю слушать; так, например, и не знаю, когда все-таки начнется съезд писателей?

Пришли мне какой-нибудь интересный номер «Недели» или привези, если скоро приедешь. И «Спутник агитатора» со стихами*. И передай, пожалуйста, Виктору Платоновичу [Некрасову] мою просьбу о книгах. И привет.

А что до твоего коллеги, специалиста по русской грамматике, то, пожалуй, я был неправ: его работы настолько интересны, а научная добросовестность настолько велика, что он заслуживает дружественного отношения*. Ошибки в прошлых работах? А у кого их не бывало? И на отношение к нему в определенных кругах традиционалистов можно плюнуть* — самой обычной слюной. Не знаю, право, стоит ли только ему доводить свою добросовестность до одержимости, до

жертвенности?* Здесь, правда, очень много накопилось презрения к сторонникам «фифти-фифти»...

Поздно уже, пора спать ложиться. Вот сейчас напишу еще последнее стихотворение — и на боковую.

Это письмо будет совсем коротенькое — я ведь изрядно выбит из колеи.

| 3/1/67

Новости все мелкобытовые, писать о них скучно. С 1-го к нам приехал еще Сергей Мошков.

Сидим у печки, подкидываем дровишки, глядим на огонек, спим, питаемся, немножко разговариваем.

Основная задача сформулирована коротко: продержаться до марта, до тепла. Тогда я, наверное, и письма буду писать подлиннее и, может быть, снова начну стихи сочинять.

Да, получил телеграмму от родителей [Богоразов-Зиминых] и письмо с картинками от Наташки [Садомской].

Всех целую и обнимаю.

п и с ь м о д в а д ц а т ь п е р в о е

| 16/1/67

И ничего тут нет удивительного: просто нет никакого настроения писать. И холодно. И неудобно. И скучно. А с другой стороны, кто сказал, что в заключении должно быть тепло, удобно и весело?

Как я и ожидал, моя карьера строителя не удалась. Ах, не везет мне! Я-то мечтал, как буду хвастаться, как чваниться буду — и нá тебе: разжаловали всю нашу братию и посадили в швейный цех. Теперь мы шьем рукавицы. Впрочем, «шьем» — сказано сильно. Что-то из меня не получается швея-мотористка. Несчастные, замученные мною рукавицы сняты мне по ночам: жалкие, уродливые ублюдки... Ежели на тех стульях, в производстве которых я участвовал, еще можно было (с риском для штанов) сидеть, то уж рукавицу мою можно натянуть на что угодно, только не на руку..

Жизнь здесь совершенно не похожа на то, что было. Я уж не говорю о быте, он убог, и ладить с ним значительно труднее; но и самый дух здесь какой-то прокисший, унылый и мелочный. Происходит это в значительной мере от особенностей людей, собранных здесь, — стариков, инвалидов, блаженных не от мира сего; немножко здесь есть

«приблатненной» публики, а то и попросту блатной — украшением человечества ее никак не назовешь.

Но, как всегда, мне не приходится жаловаться на отношение коллег. Я в той же позиции, что и на 11-м, и это получается само собой, без каких-либо акций с моей стороны.

Но как мне худо без моих ребят! Те, что сейчас рядом: Леня [Рендель], Виктор Калниньш, Валерий Ронкин, Сергей Мошков, — очень хорошие и каждый по-своему интересные парни, особенно Виктор, но все они скопом не заменят ни Толю [Футмана], ни Валерия [Румянцева] — те друзья, ничуть не меньше, чем московские; с ними мне было не только так же легко, но и так же сердечно и интересно.

Получил я здесь уйму писем и открыток: от Наташки [Садомской] (со стихами), от Нины К[араванской], от Борьки З[олотаревского], от Иры К[удрявцевой], от Елены Михайловны [Закс], от Светланы Б[ахметьевой] (с фото), от бывшего Глухого [А.Марченко], от Лиды И[одковской], от Кости Б[абицкого], от Симы Б[елокриницкой], от Гитерманов... Может, и еще — не помню сейчас.

Что еще? Письма № 1, Ларик, я не получил. А №№ 2 и 3 — есть. Очень меня обеспокоило это 3-е письмо. И трудно мне что-либо сказать по этому поводу. Приедешь — поговорим.

Вот что, милые мои. Я, наверное, какое-то время буду ограничиваться отписками: мол, жив-здоров, все в порядке, жду ответа, как соловей лета, чего и вам желаю, остаюсь любящий вас и т. д. По всей видимости, кризис жанра — эпистолярного. И — не та настроеня. А вы все пишете!

Разговор у меня тут смешной был. Один из ангелов-хранителей поинтересовался, сколько мне лет. «41», — сказал я. «У-у, уже пожилые», — отреагировал собеседник. Я увял. А он добавил: «Никогда б не подумал — много моложе глядите». Какая лапочка, а? Я его чуть не расцеловал.

Бреюсь я тут через день. Неплохо было бы хоть разок искупаться... Впрочем, тут неплохая библиотека. Например, полные Диккенс и М.Твен. И еда вкусней, а точнее, не такая невкусная. Что еще? Зимы осталось полтора-два месяца. А у алжирского бея под самым носом шишка.

Не тревожьтесь, я не спятил. Это называется «поток сознания» или что-то в этом роде.

Между прочим, я работаю и довольно усердно.

Примите уверения и проч.

Князь Рукавишников, ваш корреспондент из артели «Шейте сами».

Целую вас всех. Ю.

А конвертов у меня уже нет — Леня все перетаскал. А в общем, я — в порядке.

| 18/1/67

В последний час:

Сегодня состоялся культпоход в баню. Недоумеваем, почему нам не платят арктическую надбавку к зарплате. Но — так или иначе, я мытый, переодетый, выбритый и готов к совершению новых трудовых подвигов.

Ларочка, если будет время (которое деньги), купи какой-нибудь дешевенький немаркий шарфик.

Одну бандероль (из Киева) вернули — в ней было что-то недозволенное. Получил елочку от Бурасов и кусок мыла из двух других бандеролей — остальное под вопросом. Пришла вчера еще какая-то бандероль, но я еще ее не получил.

Я перечел первый листок и огорчился: вы подумаете, что мне тут бог знает как плохо. Ничего особенного, братцы, вполне терпимо. И живем мы — наша коалиция — довольно весело: все время всякие шутки, подначки и всякая ржа (от «ржать»; а можно — «ржжь»).

В воскресенье, например, был банкет: день рождения Виктора [Калниньша], проводы одного его земляка, день рождения жены Валерия Ронкина, годовщина свадьбы Валерия Смолкина* — вона сколько!

Я, наконец, взялся за Кафку. Что-то туго он у меня идет.

Очень я по вам (по вас?) соскучился, даже ною иногда вслух. Глупость какая — не видеться с вами.

Будьте здоровы, милые мои, пишите мне, пожалуйста.

Я, может быть, тоже еще распишусь.

P.S. Только что получил Борькин подарок. Спасибо, очень здорово! Ю.

п и с ь м о д в а д ц а т ь в т о р о е

| 28/1/67

Братцы-кролики, здравствуйте!

Как живете-можете? Я — ничего себе, спасибо, так, помаленьку-полегоньку. Часики тикают, время идет, снег падает... скукота смертная. Приятели мои с перепугу ударились в изучение итальянского языка, а я, бездарь, предпочитаю маловысокохудожественную литературу. Постоянное мое местопребывание (в нерабочее время) — моя койка на втором этаже*; там я и сижу (лежу), осыпав себя книжками, фотографиями, всякими газета-

ми и бумагами. Так вот лежишь-лежишь, глядь — и приснится что-нибудь подходящее.

Тишина, благорастворение воздуха (инвалиды переваривают гороховый суп) и вообще всяческие именины сердца. Никаких тебе конфликтов, никаких борений страстей и светской жизни. Там, на 11-м, все время что-нибудь отвлекало от самосовершенствования: то один вопит, как князь Игорь: «О, дайте, дайте мне свободу!», то другой объясняет нашим патронам, что он-де через год выйдет, а они останутся... А здесь мелкая батрахомеомахия* (я так написал это слово?), вечерние прогулки при луне и без всяких попок и дуэлей.

С прошлого (моего) письма я получил корреспонденцию от Иры Глинки, от Майки Улановской, от Мухи [Бураса], от Борьки Золотарева. И три письма от тебя, Ларик.

Майка прислала чудесное письмо; но, глупенькая, она думает, что мне нужно объяснять простые истины, вроде того, что 15 лет назад сидеть было труднее. Я это и сам знаю — здесь есть кому рассказать. А колядки я слушал, даже те же самые*, только мотив не совсем такой. Прислала бы Майка фото, что ли? Без очков — чтоб видны были глаза, которые «ждут ответа»*.

А почему Ира ничего не написала про выставку? Была ли она — выставка, а не Ира, — был на ней «портрет мужа»? И какова реакция? И еще: не нужно думать, что всякие мои перемещения в пространстве (в замкнутом) мешают мне воспринимать ваш московский быт, все мелкие и крупные события, все ваши рассуждения, сентенции и ламентации. И «дурость» тоже. Все это уже определено двумя строчками Пастернака, написанными в ситуации, несколько напоминающей нынешнюю:

«Досточтимые письма мужские...»

«Драгоценные женские письма...»*

Я уверен, что «дурость» не противоречит «драгоценности» — не только для меня (для меня это аксиома), а вообще. Как знать, может, эта самая «бабья дурость» даже в какой-то мере определяет «драгоценность»? Во всяком случае, очень приятно подумать об умной женщине: «Вот дурочка-то...»

Миха и Борька теперь лихо ведут отдел «Новости искусства и литературы»; Борькины рассуждения о документальном кино очень интересны; увы, я не имею своей точки зрения — не знаю, о чем идет речь, никогда не видел ленты Д.Вертова. А что касается «самодеятельной» песни — я думаю, Борька прав: она — своеобразный экран общественных настроений, причем независимо от того, лирическая она, гражданская или еще какая. Часто (не очень часто) официоз признает ее. Но очень важно различать, берет ли он ее на вооружение

или вынужден мириться с нею. Пример первого отношения: рекламирование безвкусной «Бригантины»^{*}; пример второго: песни Окуджавы.

И совсем-совсем другое дело блатные песни. Их популярность возникла по очень разным причинам: тут и экзотика, и чисто внешняя схожесть переживаний блатного героя с другими, неблатными, но в тех же условиях и др. Ну, и не последнее место занимает лозунг «Madame, немножко дерьма!..»^{*} Здесь, кстати, блатные песни все-таки поют только подонки и дураки, умные бытовички поют их примерно так, как интеллигенция — «Шумел камыш».

Уф! Умаялся.

Моисею Фатеровичу [М.Каганов] — мой поклон, поздравления и сочувствие. Тате и Юре — опять же приветы^{*}; кажется, это единственный известный мне дом, где водку и коньяк не допивают до доньшка бутылки; стало быть, я могу рассчитывать на рюмку-другую для нас с Кадькой [Филатовым], когда мы снова будем шататься по ул.Горького без денег, но с жаждой? А ведь будем...

Толе Марченко — куча приветствий: от меня, от Лени [Ренделя], от Валерия Ронкина; они с восторгом вспоминают, как он кидался к сцене, на ходу цитируя Ленина, и как доброхоты удерживали его за штаны^{*}. Значит, Глухой — уже не глухой? Вот здорово-то! Пусть он устраивается поближе, не забирается далеко. И пусть он, гад, вместо издевательских открыток «С новосельем!» напишет мне толковое длинное письмо — как, кто, что, где.

Я здесь уже месяц. Но почти каждый день ко мне подходит очередной жаждущий поделиться со мною своей наблюдательностью и рассказывает о том, какой Андрей Донатович умный и деликатный. Правда, все дружно отмечают и его сдержанность; некоторые отмечают это со специфическим сожалением^{*}. А я, как справедливо заметил в свое время Лев Николаевич^{*}, поддаюсь дурному влиянию Синявского и тоже не шибко треплюсь — опять разочарование.

Наташка [Садомская] пишет, что я, мол, могу получить квалифицированную консультацию по проблемам, связанным с загробной жизнью. Конечно, могу. Тут плюнь — попадешь в специалиста. Но, ей-же-ей, это так скучно и малограмотно, что атеисту не годится. Мне их всех очень жалко — страдают же люди и зазря — но нужны выдержка и естествоиспытательское терпение Андрюшки [Синявского], чтобы слушать эти беспомощные и ничем, кроме собственных мучений, не одухотворенные разглагольствования.

А стихи Якобсоныша [Сани Якобсона] — просто прелесть: и форма старомодно-изящна, и чувство неподдельно. Я огласил их, и все были в восторге.

Компания у нас — 6 человек — пестрая и забавная. Так мы и живем, коммуной, гуртом. Пьем кофе (увы, допиваем остатки...), обсуждаем новости, делаем прогнозы. Время от времени вспыхивают споры: твердокаменный и воинствующий марксист Ронкин схватывается с Виктором Калниньшем, который не материалист, но зато эрудит — историк, филолог, этнограф; все понемножку, даже я встречаю в дискуссии; когда все окончательно обалдевают, румяный эстонец Энн Тарто брякает на исковерканном русском языке резюме — в двух-трех фразах подводит итог, снабжает его непечатным комментарием, и все, довольные, успокаиваются. Меня чаще других встраивают в споры Леня [Рендель], с удивительным мастерством умеющий извлекать из книжек информацию, которой в них отродясь не было. Поэтому разговор о современном Китае он иллюстрирует ссылками на Бабея; тут я, понятное дело, взвиваюсь и в меру своих возможностей смешиваю его с удобрениями. Или он меня.

В промежутках мы шьем рукавицы. И понемножку занимаемся каждый своим делом: Виктор штудирует греко-персидские войны и журналы, связанные с языкознанием; Сережа Мошков (ленинградец) вперемешку с моим Пастернаком читает не то «Структуру клетки» не то «Клетку структуры», не то «Детки в клетке» — в общем, что-то биологическое; Энн читает какие-то дремучие эстонские книжки и обучает... Внимание! Эстонец обучает литовца на русском языке немецкому! Валерий растит бороду и ковыряется в «Истории Востока». Леня занимается извлечением социальных проблем из Экзюпери—Олеша—Зоценко и «Недели». (Кстати, о «Неделе»: в тех номерах, которые я прочел, искомого не обнаружилось*). А я, грешник, читаю Джерома и сочиняю нечто неподдающееся жанровому определению.

| 30/1/67

Письмо от Борьки З[олотаревского]. Эх-ма! Пусть утешается тем, что он совсем не оригинален. Не он один спрашивал с меня много меньше, чем я мог дать... Вольно ж вам креститься, когда гром грянул, — а ведь я всегда был готов раскрыться. А сколько тех, кто того захотел? Раз-два — и обчелся...

А Верухины [Веры Золотаревской] «Столбики» — неплохой символ. Все мы ставим наперед нумерованные многоточия — а «действия» оказываются ненужными или не теми.

Никогда я не предполагал, что думать настолько труднее, чем чувствовать. А может, мне так трудно не только потому, что думать для меня, в общем, занятие непривычное, а еще и потому, что чувствую я

из-за этих размышлений еще больше и больше. Вот и получается: увеличенная порция эмоции + нагрузка на слабые мозги = нынешнее мое состояние... А помарок и перечеркиваний так много потому, что койка трясется — внизу сбоку ворочается старикан, а вовсе не от мировой скорби и не от винегрета в душе и в голове. И в желудке.

Спокойной ночи всем! «Доброй охоты», — как говаривали умные звери, друзья глупого Маугли. Завтра еще припишу, а послезавтра отправлю письмо.

| 31/I/67

Пользуюсь перерывом в работе: машинку чинят.

Алле Григорьевне и Иосифу Ароновичу [Богоразам–Зиминим] — поцелуй и объятия. Очень я рад их творческим успехам, и очень мне досадно, что еще так нескоро я смогу оценить все это по достоинству. Фотографию их я получил, большущее спасибо, а улыбки отнюдь не «идиотские», вопреки надписи.

А здесь вокруг лес сосновый. Очень важный, торжественный, с чувством собственного достоинства. Если я доживу здесь до лета, наверное, смогу учуять запах — деревья совсем близко.

Вечером. Я только что получил письма от Толи М[арченко] и от Алены [Закс]. Очень мне тревожно, что в Москве разгулялся грипп. Бога ради, будьте осторожны, берегите себя! Ведите себя так, чтобы ни один сволочной вирус — как они там называются, фильтрующие, что ли? — чтоб ни один этот подлый микроб не смог в вас вцепиться. Я не знаю, кого коснулась эта зараза, кроме предрасположенных к ней лингвистов*, и очень тревожусь.

Владимир — это здорово*. И недалеко от Москвы, и интересно — памятников старины много. Можно будет ездить туда для разнообразия не за счет государства*.

| 1/II/67

А Аленка прислала мне очень милое письмо. И зря она удивляется тону моих открыток. Я ведь действительно очень люблю все их семейство. И каждую в отдельности, и всех вместе, и самый дом, его атмосферу радушия, доброжелательности и заботы. Боюсь, что я не всегда заслуживал этого...

Однако при всех моих нежных чувствах к Алене я бы сказал ей так, если бы сейчас встретил: «Ангел мой! — сказал бы я. — Ежели ты воображаешь, что меня приводит в ужас только орфография твоих

писем, ты глубоко ошибаешься. Хорошо, что я острижен наголо, а то стоять бы дыбом моим поредевшим кудрям. Ты, сокровище мое (сказал бы я ей), изволишь писать: «... твоя приятельница бросила на мужа семимесячного ребятенка, чтобы тот кормил его грудью...» Хотя, как мне известно, ребяенок женского пола, но именно по причине своей семимесячности он еще не в состоянии выкормить грудью двухметрового Гурама*. Или (сказал бы я ей): что значит игривая фраза: «Было много красивых женщин, тебя вот только не хватало». Право, я не заслуживаю такой лестной аттестации. 41 год я был убежден, что я — хоть и так себе, — но все же мужчина. А тут такой подарок — женщина, да еще и красивая! Свет очей моих, — сказал бы я ей, — бога ради, осторожней с изящной словесностью: на моем примере легко убедиться, до чего она может довести». Так сказал бы я ей, она послала бы меня к черту и была бы совершенно права.

Обеденный перерыв кончается, а письмо надо отправить сегодня.

До свиданья, мои милые, целую вас всех и очень люблю.
Ю.

п и с ь м о д в а д ц а т ь т р е т ь е

6/11/67

Вот видите, мои милые, снова подтверждается банальнейшее изречение: «Человек предполагает, а начальство располагает». Приехала тут к Валерию Ронкину жена. Личное свидание у них было 10 месяцев назад — всего 10 месяцев, и поэтому свидание им не разрешили. Оказывается, личное свидание полагается не только раз в год, но и через год. Я, конечно, запсиховал по этому поводу и поторопился отменить ваш приезд. Точнее — сегодня отменю, пошлю телеграмму. А вообще надобно усвоить раз и навсегда, что никакие устные информации о возможности или невозможности тех или иных мероприятий (свидания, передачи, содержимое бандеролей и пр.) гроша медного не стоят. Увы! Клин только клином, подобное — подобным: приказу, распоряжению нужно противопоставлять письменное распоряжение вышестоящих инстанций или ссылку на соответствующий параграф инструкции. Поэтому очень прошу: прежде, чем соберетесь в дорогу, выясните в Главном управлении, обязаны ли дать свидание и на сколько, и чем определяется продолжительность свидания и т.д. Как удачно получилось, что вы, Ларка и Санька, задержались с выездом, а то пришлось бы вам зря ездить в такую погоду и, как жене Валерия, обращаться с просьбами в Явас — тоже зря. Все к лучшему.

Конечно, очень обидно. Я уж так настроился на скорую встречу с вами, на разговоры и новости, уже воображал, как бы прифрантиться и какими рассказами вас поразвлечь... Но опять-таки — в конце апреля (в самом-самом конце!) вам легче будет ехать, чем в эти морозы. А морозищи — брррр! Сегодня, правда, потеплело, но только на улице.

| 7/II/67

Телеграмма моя вчера была принята, а вот отправлена ли — узнаю сегодня.

Получил вчера твое письмо, Ларик. Ну, утешила!

Какие, оказывается, бывают паровозные машинисты! Постепенно у меня появляется целая серия «незнакомых знакомых», примерно одинакового типа: твой дяденька с грибочками, божья старушка с почты, какая-то женщина из Прибалтики, приславшая мне цветную открытку с надписью, которую мне перевели: «Писатель! Желаю Вам поскорее вернуться к Вашей семье». И имя. И еще какая-то пожилая женщина из Средней Азии, из рабочей семьи, передавшая мне приветы и сочувствие*. Как мне радостно это, если бы вы знали; как хорошо, что мне и Андрею верят те, кто никогда не задумывался над тем, что лирическое «Я» произведения и личность автора — не одно и то же, не знающие, что такое «реализация метафоры»...

Очень мне было отраднo читать, Ларка, в одном из твоих недавних писем о том, что круг потенциальных корреспондентов, «корреспондентов в душе», значительно шире корреспондентов реальных. Сейчас, здесь, на этом новом месте, стимулирующем освоение новых жанров (заявления, объяснительные записки и пр.), особенно важно это сочувствие: оно даже как-то материализуется во мне, наращивает мне мускулатуру, помогает держаться.

И как здорово, что этот самый дядечка с подсолнухами знает о «Лиде» — значит, ее голос прозвучал достаточно громко*, за пределами литературных кругов. Хороши Чуковские — и отец, и дочь.

На днях была бандероль от Толи [Марченко] — книжечка репродукций картин из Эрмитажа. Спасибо ему. Но эта бандероль и твое письмо — единственные весточки с прошлого вторника. Это мне-то, разбалованному!

Листал сегодня «Знание — силу», январский номер; наткнулся на статью Арона Долгопольского*. Привет всем твоим структуралистам. Сейчас я жалею, что вся эта оголтелая братия почти не бывала у нас (по твоей вине, Ларка!): может, я бы хоть что-нибудь понял в вашей абракадабре. Удивительно, но я должен признаться: личные контак-

ты и дружба с физиками-математиками все-таки кое-что мне дали не только в плане человеческих отношений; я ловлю себя на том, что, размышляя над каким-то вопросом, разговаривая о чем-то, нечаянно пытаюсь рассуждать, скажем, á la Воронель, т.е. предпринимаю какие-то микроскопические попытки взглянуть на проблему не только эмоционально.

Сейчас половина третьего, через полтора часа на работу, рукавицы шить. Вчера я сшил одиннадцать пар рукавиц! Рекорд — мой, разумеется. До нормы далеко, как до Ленинского проспекта*. Даже может быть, до него ближе...

А сейчас я попишу или посплю; или и то, и другое одновременно.

| 8/11/67

Ну вот. Телеграмму мою отправили, и теперь я совершенно спокоен, что вы не стукнетесь лбом о стенку. И все-таки еще два-три слова о будущем визите. Настоятельно прошу: кроме справок в Гл. управлении, пошлите сюда телеграмму с оплаченным ответом, запрос администрации. Я ведь не знаю, как сложатся обстоятельства через два месяца и что день грядущий мне готовит. Не хочу загадывать наперед, но твердо помню поговорку: «Все под Буром ходим»*.

Вчера получил гриппозное письмо от Марленки [Рахлиной], кланяйся ей, ежели будешь писать. Ей и всем в письме упомянутым. С нетерпением жду ее книжечку, есть у меня некая, как выражается «Комсомольская правда», «задумка». Марлешка пишет, что Кадька [Филатов], мол, заявил, что дождется меня, чтобы я сбрил ему бороду его же бритвой. Одно из двух: либо Кадька сбрендил (от «бренди» — такова этимология) — электрической бритвой отпущенную бороду! Либо борода у него такой густоты, что ее можно брить целлофановой оберткой от сигарет — скорее всего, именно так, недаром же у него в роду татары обнаружились. А Марленке еще скажи, что, как мне кажется, я всегда догадывался, какая она на самом деле, но помалкивал, чтобы не лишать ее развлечения и удовольствия. Хитрый я, а?

Непременно пришлите окончание «Мастера и Маргариты»!

И еще вопросик из области «под сению кулис»: что там со спектаклем Юны [Вертман] (сколько в ней «н»?) и Иры У[варовой]*, о котором я был дважды уведомен?

Что-то еще литературно-театральное хотел я спросить? Забыл. Память скверная стала. Недавно обнаружил, что начисто забыл «Реквием» Ахматовой. А ведь помнил, черт возьми! Жутко обозлился на

себя и от злости почти целиком восстановил «Фауста» — не того, который Гете, и не того, который Гуно, а того, который латино-американско-якобсоновский*.

Стихи вот некому читать. На 11-м у меня был идеальный слушатель — Валерий Смолкин. Вообще, прелестный парень: умный, добрый, чуткий.

Недавно нам показали, простите за выражение, кинокартину под названием «Товарищ песня». Автор сценария и текста песен — Долматовский. Вот что значит плохое знакомство с предметом критики: мне ведь нравилась статья Андрея о Долматовском — та, что была в «Новом мире»*. А теперь я понимаю, что статья никуда не годится, что она написана академично и снисходительно, что критик должен был выступать не в роли хирурга, а в роли прозектора. Пожалуй, самую точную оценку Долматовскому дал В.Кочетов; он, понося Андрея и его статью, сказал примерно следующее: «Синявский знал, куда бить, — в самое слабое место!»*

Ох, надо бы поработать, но, как справедливо говорит Виктор [Калниньш], шитье рукавиц стимулирует отвращение к работе. Удивительно, на редкость противное занятие! Пожалуй, из всего, чем я занимался в жизни, самое противное, даже хуже, чем проверка ученических сочинений. Ну что ж, обогащаюсь знанием — тоже ведь везение. Не находите ли вы, что я вообще отменно везучий? Ведь все сбывается, даже страшно. От дурацких юношеских мечтаний об известности до исполнения вздорного желания, о котором я как-то сболтнул Мишке Бурасу: «Вот бы в тюрьме побывать!» А всерьез — много лет я завидовал тем, чьи стихи поются (не Долматовскому!). И вот — на тебе!* И в самом главном — в людях — тоже везение. Я бы мог, пожалуй, загордиться и кукарекнуть вслед за Суворовым: «Помилуй бог, раз — удача, два — удача, а где же умение?» Но в моей биографии все-таки царит Его Величество Случай. И окружающие, не ведая того, покорно выполняют его волю. Например, когда я приехал на 11-й, заботливое начальство подкинуло мне работенку грузчика. Казалось бы, ложись да помирай. А чем это обернулось? Дружбой с такими людьми, что редко встречаются. Напиши им, Лар, что «как бы и что бы судьба ни решала б»*, я всегда буду радоваться тому, что я с ними встретился и подружился; что я очень скучаю именно без них; что я очень хочу, чтобы их жизнь сложилась в будущем счастливее, чем до сих пор, и если от меня будет хоть что-нибудь зависеть в этом смысле, — я в лепешку разобьюсь. И что мне в высшей степени наплевать, кто и что о них говорил, говорит или будет говорить.

Как хорошо, Ларонька, что тебе удалось помочь Нине Александровне!*

| 9/II/67

Вчера два письма: от Иры Глинки и от Аллы [Сергун]. Нет, братцы, телепатия определенно существует! Только почему-то эта самая телепатия срывает по всяким печальным поводам. Вот Ира беспокоилась, получил ли я каталоги Фалька, Фаворского, Пикассо. Да, получил — и утратил. Я дал их посмотреть Опанасу Заливахе, художнику. Затем произошел очередной — как бы это выразиться повежливей? — ну, что ли, осмотр вещей, и книжечки вместе с его бумагами взяли на проверку. И все. Следы потерялись. Это произошло перед самым моим отъездом, и хотя я вручил соответствующую ноту — каталогов нет как нет. И это очень обидно, главным образом из-за фальковского портрета Иры. (Кстати, о портретах: что бы Ирине прислать мне немножко диапозитивов-портретов? А то все пейзажи...)

Алле — спасибо за ее письма; скажи ей, Лар, что я очень рад ее письмам, очень они мне нужны («мне очень нужна эта курица»); но я совсем не обижаюсь на их отсутствие, я же понимаю, что такое суматошная жизнь и как вообще трудно разговаривать на бумаге. Единственная моя претензия к Алле — Господи, что за почерк! Шамполиону было легче, чем мне*. А уж ежели Алка так бессердечна ко мне, жалилась бы хоть над цензорами...

Лар, а почему нет в письмах никаких упоминаний о последнем стихотворении, о «Стрелах на снегу»? Дошло ли оно? А почему бы этому чисто спортивному стихотворению и не дойти? Напишите все-таки. А Тошка [Якобсон] ни словом не отозвался на мои суждения о переводах Эрнандеса... Или я очень уж глупо написал?

| 10/II/67

Вчера ночью, вернувшись с работы, долго и тупо вчитывался в ваши телеграммы: о какой годовщине идет речь? Прошло довольно много времени, прежде чем я сообразил, что было год назад*. Спасибо за напоминание; юбилеи радуют меня хотя бы тем, что напоминают о том, что время все-таки движется. Ох, и медленно же оно движется! Особенно здесь, в этом, по свидетельству знатоков, уникальном месте.

Но вот что, Ларка. Какие-то вещи переходят всякие границы. Телеграмму я вручил 6/II вечером, а ваша телеграмма отослана в 12 ч. дня 8/II; из ее текста ясно, что моей телеграммы вы еще не получили. Далее: мое второе январское письмо пришло к вам 6/II, а отправил

я его 15-го или в крайнем случае 17 января. Двадцать дней письмо шло! Этому безобразию пора положить конец. Отныне я отправляю письма только заказными, чтобы была квитанция с датой отправления, и если повторится такой фортель, — я вышлю тебе заказным же эти квитанции, и ты должна будешь написать жалобу в Мин-во охр. общ. порядка* — ибо я совершенно убежден, что Мин-во связи тут ни при чем. По положению письма должны находиться на проверке не свыше трех суток; так оно и происходит с перепиской большинства заключенных; письма же ко мне (особенно твои, Лар) и от меня идут в среднем 8–11 дней. Я уж не говорю о том, что одно мое официальное письмо было отправлено через 11 дней после его подачи — и это зафиксировано документально.

Ты знаешь, Ларка, как я ненавижу всякие заявления, жалобы, бумажные бури — но что же остается делать, если в обход закона нас ущемляют в и без того урезанных правах?

Ладно, хватит об этом.

Только что пришла бандероль: книжечка стихов Плужника на украинском — от Гали Севрук из Киева. Ты ее не знаешь, Лар, она была в Москве в твое отсутствие. Она скульптор-прикладник, керамист, по моему, очень талантливый: помнишь у нас одно время висела такая изукрашенная прямоугольная штука с языческо-украинским орнаментом? Это ее работа. Галя приезжала вместе с Иваном [Светличным] и очень нам всем понравилась.

А писем, кажется, сегодня уже не будет.

| 12/II/67

Воскресенье. Отоспамшись. Отзавтракавшись. (А вчера отмывшись — Майка может не завидовать*: мытье раз в 10 дней и никаких душей.) Отбеседовавшись с начальством (меня, как волан для бадминтона, перебрасывают из смены в смену, из отряда в отряд). И вот — возлег, наконец.

Да, так что, бишь, я хотел сказать?

Поручения: 1) зубная паста — самая обыкновенная, без каких бы то ни было витаминов, просто мятная. 2) Рублей 5–10 пришлите на мое имя — мне может понадобится на телеграммы, доплаты за письма и т.п. 3) Марленка пишет, что Люка [Филатова] продолжает красиветь, — напишите, чтоб прекратила, это станет общественно опасным. 4) Два-три носовых платка.

Вот так, сударики, жуем сухарики, а настроение — не первый класс; мы рукавички шьем, махрой дышим и ждем, когда же солныш-

ко пригреет нас. Можете петь это на мотив «Купите бублики». Газеты читаем, радио слушаем. Очень все как-то грустновато и даже страшновато — я имею в виду китайские события. Во что это все выльется — как-то и предполагать трудно. А покамест мне приходит в голову, что сегодняшний день в Китае весьма напоминает ситуацию, описанную в одном из произведений современной литературы, в разруганной и расхваленной повести*... Начало китайских событий похоже.

Вчера сюда приехали с 11-го новые кадры по пошиву высоко-сортных рукавиц; они передали мне привет от ребят, трогательно воплощенный в банке варенья, пачке печенья и еще какой-то консерве. Там, насколько я могу судить, все благополучно.

Вчера получил письмо от Михи [Бураса]. Идея создать частную мастерскую «Пирчатки» мне очень нравится (при условии, что в мастерской, как у Веры Павловны*, будут работать молодые женщины и что именно я, как Вера Павловна, буду заниматься их воспитанием). Мишку в техноруки я возьму — но чтобы мы придерживались каждый своей сферы. Фраза же «ты, очевидно, в тепле, и работа не слишком утомительна в смысле нагрузки на руку» — эта фраза умилила меня своим оголтелым оптимизмом.

Перерыв: сейчас мы потопаем в столовую, так как Леонид Абрамович Рендель уже вопит истощенным голосом, что «нечего тут пусто-мыслить натошак».

| 14/II/67

А не написать ли мне грустные стихи про зеркало? Что-то последнее время трудно и неприятно мне в него смотреться. А тут еще всякие-разные корреспонденты пишут задумчиво: «Ты (вы), мол, вернешься (-тесь), а у меня морщинок прибавится...» Каким же я вернусь? Одна сплошная морщина.

Что-то здорово надоело мне. А утешительная надпись автора на книге о Б.Брехте* («Все проходит, все пройдет...») имеет ведь не только один смысл...

Даже выпить решительно расхотелось. Так что, Ларка, не волнуйся: все мои предыдущие устремления и пожелания отменяются. Ясно?

Вчера получил письмо от Борьки З[олотаревского]. К его сведению, на Поженяновский фильм была еще одна рецензия — в «Лит. газете». Вот уж из-за чего не стоит копыя ломать! А вот когда съезд (писателей) начнется, пишите поподробней — кто, что и как, с трибуны и вне оной.

Еще Борька написал (раньше), что нам как будто собираются телефон ставить? Вот здорово! Какое облегчение для всех без исключения!*

| 15/II/67

Вот что, милые дети лейтенанта Шмидта! Я убедительно прошу вас не придавать особого значения всяким моим грустным пассажам. Это так, каприз художника, дань ситуации, не более. А вообще у меня настроение хорошее — на 80%. Тьфу, черт, — с этим выполнением (виноват — невыполнением) нормы разучишься по-человечески разговаривать. Скажем так: я весел (почти) от хобота до хвоста*. Прошу твердо усвоить: самое неприятное, что может со мною произойти, ввиду этого самого невыполнения, — не так уж страшно, и пусть никакие возможные перемены в моем существовании вас не пугают.

Будьте здоровы, веселы и деловиты. Пишите. Целую. Ю.

А Санька да-а-а-вно уже мне не писал!

Письмо это я отправляю нынче — 15 февраля 1967 г. Ларка, пожалуйста, подтверди получение телеграфно.

Ю.

Не удивляйтесь, что письма стали короче: уменьшилось количество впечатлений, а то, что писалось бы «изнутри», — не для писем.

Да, вот еще что: в цехе, наконец, нормальная температура, так что я уже не мерзну.

Ю.

п и с ь м о д в а д ц а т ь ч е т в е р т о е

| 23/II/67

Событий нет никаких, здесь у нас провинция, глушь, захолустье. Центры культуры типа Рима, Сивцева Вражка и Яваса далеко-далёко. То есть, события-то происходят, но они настолько локальны — а стало быть, банальны и мелки, что для этого жанра не годятся. Вообще я думаю, что эпистолярный жанр иждивением науки отомрет: телефон, видеотелефон забьют его начисто, останется он только для таких, как я, — любителей «Опасных связей»¹. А жаль. Очень уж я люблю получать письма. Единственное утешение — в ближайшие 3 1/2 года меня этого удовольствия не лишат. Конечно, можно было бы в «местах лишения свободы» установить телефоны и пр. технику и ввести соответствующий параграф: «Заключенный имеет право на пятиминутный телефонный разговор один раз в месяц». Разумеется, при условии хорошего поведения. А в таком разе мне и параграф не

¹ «Опасные связи» — роман фр. писателя Шодерло де-Лакло*.

помог бы: ведь в хорошее поведение входит, надо полагать, и хорошая работа. А у меня эти чертовы рукавицы — хоть плачь! — не получаются. Но я, впрочем, не плачу...

Так вот, о письмах. С прошлого своего письма (от 15/II) я получил письмо от Фаюма с фото и визитной карточкой Ю.Я.Герчука². Какие мы важные! Какие мы вельможные! Сановные-чиновные! Заказать мне, что ли, визитные карточки с обозначением ф.и.о., псевдонима, адреса и занимаемой должности? И чтоб непременно золотой обрез был. Фаюм подберет скромный, но изящный шрифт. Да, еще надо бы указать статью и срок.

Затем было письмо от Наташки [Садомской] с переводами Драча. У меня к Наташке убедительная просьба: в следующий раз опускать письма прямо в почтовый ящик, а не поручать их доставку странникам-пешеходам. Тот, который нес это последнее послание, пробыл в дороге ровно месяц, день в день.

Что касается Моськиной [М.Тульчинского] защиты, то, даже если бы я не знал о ней из Ларкиного письма, то все равно догадался бы: новоиспеченные кандидаты наук и их жены («красивые, но дуры») всегда зазнаются и бросают в забвении своих знакомых и детей от первого брака. Не стесняясь ВАК³а³.

А про Китай мы знаем все, что говорят по радио (по московскому, само собой) и пишут в газетах (в советских, разумеется).

И, наконец, последнее по времени — письмо от Иры Кудрявцевой. Оно шло из Москвы всего лишь 9 дней, ежели ориентироваться на штемпелевую дату, или 13 дней, ежели по дате в письме.

Ира пишет, что «Озерный» звучит лучше, чем «Явас». «Не знаю, не знаю», — как говорит Фаюм. Рифмы⁴, которые мне приходят в голову, далеко не радужны: «позорный», «казенный». Еще пишет, что, мол, надо бы «на зуб попробовать» — ой, не надо! Лучше проконсультироваться — она, кстати, может получить консультацию из первоисточника — устаревшую всего года на три*.

А мои новогодние открытки, очевидно, дошли не все: адресаты мои не пишут ничего — получили или нет.

Вот. Теперь о копии приговора. Копию эту (и копию обвинительного заключения) мне выдали, как и полагается, на руки; когда я прибыл в Явас, у меня сразу же отобрали это добро вместе с другими бумагами. Потом другие бумаги вернули, а эти документы задержали, сказав, что будут хранить их в спецчасти. Теперь, когда они мне понадобились,

² Фаюм и Герчук — одно и то же лицо.

³ ВАК — Высшая Аттестационная Комиссия.

⁴ Рифма — созвучие в конце стихотворных строк.

оказалось, что их попросту нет. И никто ничего не знает. Я так думаю, что их умыкнули⁵ какие-то коллекционеры-селекционеры. Так что уж, дружок, изворачивайся сама, пообщайся с Верх. судом.

К слову, мне было очень приятно на днях услышать голос Льва Николаевича* — он выступал по радио, что-то о народных заседателях рассказывал, задушевно так, убедительно, с таким французским выговором: «конституционный», «революционный». Очень, очень был мил.

Погодки стоят ничего себе, не слишком холодные; снежок беленький, закаты розовенькие, крыши, которые не в снегу, тоже кое-каких соответствующих колеров — Господь Бог работает акварелью, под Самокиш-Судковскую.

| 24/II/67

Вчера я получил сразу два твоих письма, Ларик, — от 10/II и от 14/II. Занятные какие новости; а я-то думал, что страсти улеглись, а оказывается, меня и хозяин белого шпица* помнит, и всякие цветные лингвисты, «и кое-кто еще»⁶ из Новосибирска и других городов. И весей — или как они там называются? Ты уж и дальше пиши мне обо всем этом.

С оценкой стихов Андреем [Синявским] я тоже не совсем согласен. То есть, что нет «поэта по большому счету» — это само собой, а вот что стихи эти были бы хороши вставками в прозу — нет. Они конкретны и были бы слишком связаны с прозаическим текстом — вставки, по-моему, должны быть поабстрактнее, пообобщенней, или вообще никак (прямо) не связаны с текстом.

Но я очень рад тому, что есть общение*. Я, впрочем, предполагал, что тесным оно не будет; мы с Валерием [Румянцевым] даже разговаривали на эту тему, и я его предупредил. А Толя [Футман] — максималист: если человек сильный — так чтобы как Коля Юсупов (помнишь дагестанца? Он летом освобождается, наверно, заглянет в Москву); если волевой — так чтобы как Глухой [А.Марченко]; если сдержанный и целеустремленный — так чтобы как Валерий. А если компанейский — чтобы как я. Другие мои качества — например, терпимость — его мало устраивают.

Ты пишешь, Ларик, что, мол, не знаешь, что присылать и приводить. Ну, милая, сущие пустяки: кусок-другой туалетного мыла, зуб-

⁵ Умыкнули — сперли, слямзили, свистнули, шопнули (лаг.), с.....и, е.....и, и т.д., и т.п.

⁶ «Кое-кто еще» — строка из неприличной песенки.

ную пасту, тетрадей в клетку штук пять, конверты с марками и приказ об освобождении. Вот и все. Да, еще какой-нибудь учебник японского языка или самоучитель для Виктора Калниньша (это уже всерьез).

Сижу это я сейчас у печки, дровишки трещат, радио что-то треплется о Дидро и Руссо. (Ах, мне уже надоело делать сноски! Пусть смотрят в энциклопедию — ну так письмо еще на один день поздней придет!) Да, а инвалиды «забывают козла», молятся Богу, читают газеты, дремлют, сгорбившись на своих койках, — жалкие такие. Я бы всех их пораспускал к чертовой матери — даже тех из них, у кого действительно грех на душе, а таких, в общем, здесь не так уж много. И вообще — когда жизнь ткнет тебя мордой в что-нибудь сугубо твердое и ты на своей шкуре почувствуешь, что такое юридическая тенденциозность, — вот тогда начнешь «подвергать все сомнению». И стыдно становится за то время, когда сам пользовался расхожими ярлыками, бездумно принимал как должное повороты чужих судеб. Единственное оправдание — не знал. Но — стыдно не знать.

А вот сейчас уже вечер. Перерыв на ужин, я подзакусил пшеном с рыбой («Тресочки не поешь — не поработаешь!»), покурил и полуприлег. Я пользуюсь каждым удобным случаем, чтобы пребывать в своем естественном лежачем положении. Моя способность лежать, ежели обстоятельства позволяют, 23 часа в сутки приводит Леню Ренделя в изумление. Он, невежда, не знает, какой у меня стаж в этой области. В самом деле: я лежа спал, читал, ел, пил (и выпивал), любил, работал, помирал, принимал друзей, стрелял. Даже, если можно так выразиться, «сидел лежа». Когда-нибудь я буду вспоминать: «Вот когда я лежал в Лефортове...»

Валерий Ронкин кланяется и просит передать Кэрьке благодарность за человеческое отношение к его жене — ей, бедняжке, пришлось столкнуться с обратным явлением*. А почему я должен узнавать о Кэрьке из чужих писем?

Я боюсь, что от последних моих писем у вас может сложиться превратное представление о моем состоянии. Нет, милые, все в порядке. Просто мое переселение в новую обитель совпало с новой (для меня) точкой зрения на окружающее. Дело вот в чем. Я не знаю, внятно ли я выложу то, что как-то смутно трепыхается.

Чтобы понять необыкновенность, фантастичность происходящего, нужно либо сделать над собой усилие — отвлечься от любознательности (и от жизнелюбия), либо нужно прожить в этих фантастических условиях какое-то время. Усилий я никаких над собою не делал — иногда только мелькнет мыслишка: «Батюшки мои, а чего это происходит?!» — я глаза распахивал, а не щурился. Происходил процесс узнавания давно знакомых реалий и положений, знакомых

по книгам и рассказам. Они были настолько такие же, настолько привычные (как Пьер Безухов, или халат Ильи Ильича Обломова, или песенка о Ласточке*), что все это превращалось в какое-то возвращение в город, где бывал много лет назад. Понимаете? Новизна скверных или страшных ощущений уже запрограммирована в нас всею предыдущей жизнью — она уже, собственно, не новизна. Ведь поражают новизной в буквальном смысле слова лишь ощущения, связанные с наслаждением: любовь, полет, плавание, еда и т.п.

Так вот: должно пройти время, чтобы под нагромождением знакомых, полужнакомых и представимых реалий увидеть главное и задуматься над ним. А главное — это вот что: «Забудь о том, что ты писатель, что тебя любят и ждут семья и друзья, что твое будущее светло в любом случае, что тебе любое (почти) твое горе — в полгоря. И поставь себя на место каждого из окружающих*. Каждого: и дурака, и сволочи, и убийцы, и блаженного, и невинного, и безнадежного, ничего не понимающего работяги, и фанатика — религиозного или политического, и любого другого человека из тех, что вокруг. Забудь, что у них у всех особое к тебе отношение и что положение твое особое. И вот когда ты хоть в какой-то мере почувствуешь себя в чужой шкуре, — вот тогда валяй — вспоминай, что ты писатель, что тебе разрешается снова жить своей жизнью».

Вот это со мною и происходит сейчас. Этот процесс отнюдь не приглушает, как ни странно, личную обиду — он делает ее обыденней, обычной (как чудовищно писать о заключении — «обычно») и — в силу коллективности переживания — острее. Это процесс роста вглубь. (Господи, до каких пор мне еще расти?! 42-й год балбесу, а туда же — рост.)

Вот, целый трактат.

Лар, ты помнишь, на свидании я просил написать Виктору Платоновичу [Некрасову] о книгах? Сделай это, пожалуйста, если до сих пор не собралась.

Дописываю я уже после работы. Минут через десять пойдем спать.

Культурная жизнь идет по воскресеньям: баталии между материалистами и идеалистами, радикалами и либералами (я о них еще напишу стихи, о либералах!). Обсуждается все: от воззрений Платона до проблемы определения (и самоопределения) нации.

К слову: в «Вітчизне» № 12 прочтите рассказ Ступака «Гордыня». Он уже получил оценку в украинской «Литературной газете» и послужил отправной точкой большого спора. В результате мне подсунули «На святоюрській горі» Ив.Франко — в качестве аргумента; я в долгу не остался и предложил прочитать «Письмо к заложнику» Экзюпери. Прочтите все три вещи и тогда поймете, о чем мы спорим, а то долго пересказывать.

Ларик, а как дела у Павла Ильича?* Напиши.

| 28/11/67

«Москва, Хлебный пер., 19, кв. 25. Воронель Нинель Абрамовне. Поздравляю днем рождения зпт желаю здоровья зпт удачи зпт не ссориться Сашкой и редакторами тчк Целую тчк».

Я думаю, что этот текст может считаться поздравительной телеграммой? Дело в том, что, во-первых, на настоящую телеграмму у меня нет ни гроша, а во-вторых, здесь с телеграммами еще труднее, чем в Явасе.

Итак, на чем мы остановились? На культурной жизни. Так вот, вчера мы посмотрели фильм с игривым названием «Жизнь прошла ночью», сработанный Ташкентской киностудией; единодушно решили, что он сделан уже после землетрясения. Кто, кстати, может объяснить мне точное значение слова «бодяга»? Мне смутно чудится, что это что-то связанное не то с болотом или прудом, не то с какой-то едой? Загляните-ка в Дала.

И еще о культуре. Мне нужна новая зубная щетка. И потом, любезные мои корреспонденты! Вы в каждом письме спрашивали меня, какие книги присылать, и заваливали меня ими безо всякого спросу; но те же книжки, что я просил, — где они, где? Уже давненько я написал о том, сборники каких современных поэтов мне хотелось бы здесь иметь. Я даже просил обратиться к ним, если сборники достать трудно. Ведь кое с кем я и сам был знаком, а с другими наверняка есть общие знакомые. И «Золотую розу» Паустовского, и книгу Л. Чуковской о редакции я заказывал отнюдь не из одного только восхищения их гражданственностью. Стыдитесь! Трудно уж литературного калачика арестантику подать...

Фаюмы, а когда выйдет ваша разрекламированная книжка?'

Теперь — слово к сыну.

Сын мой, чадо мое любезное! За полной невозможностью сделать тебе подарок подкину-ка я парочку родительских наставлений (очень удобный способ заматывать подарки — дешевый, благоприспособленный, не подкупаешься!). Итак, первое (свинство мое еще и в том, что я загребаю жар чужими руками: советую прислушаться к советам другого): во втором номере «Лит. газеты» от 11/1 опубликована статья Колмогорова. Рекомендую ее твоему вниманию, сын мой. Этот самый Колмогоров, судя по статье, неглупый малый; впрочем, я и раньше слышал о нем что-то одобрителное от наших физиков-математиков; кажется, это его банда мутила воду насчет «поверки алгеброй гармонии»? Нет, серьезно: иногда увлечение этой самой интуицией приводит к «кондачковому» методу; так, во всяком случае, обстоит дело с искусством, думаю, что и в науке так же. А у тебя, друг

мой, мелькают иногда задатки «кондачкиста». Правда, меня очень обеспокоили цифры, приводимые Колмогоровым, — насчет поступивших в вузы.

Второе: я охотно подарил бы тебе книгу, которую столь высоко чтит Остап Бендер, — и именно в связи с шестнадцатилетием*. Комментарий, я надеюсь, не требуются.

Это все я написал в «открытом письме» по врожденной своей злокозненности — чтобы и другие тебя цукали. А отдельное письмо А.Ю.Даниэлю еще имеет быть.

Уф, исполнил родительский долг!.. Гора с плеч.

В связи с приближающимся праздником 8 Марта я встал на трудовую вахту. Сегодня, в последний день февраля, я выдал на-гора 16 пар рукавиц! Норма — 57 пар...

Вчера я получил квитанцию на заказное письмо, отправленное 15 февраля. Дата отправления на квитанции — 24 февраля. Письмо девять дней держали на проверке. Мое терпение лопнуло, и я написал заявление на имя Генерального прокурора, в котором описал все это свинство с письмами. Жаль только, что забыл написать об изъятии фотографий и о том, что мне не отдали твое письмо с цитатами из коммунистической прессы, объявив его «антисоветским». Но это еще впереди — если это безобразие не прекратится. Если ты, Ларка, сочтешь нужным, подними и ты шум в прокуратуре и в МООПе. Только что получил два письма: от Миши [Бураса] и от Маринки [Домшлак]; первое из Черкасс — 9 дней пути, второе — из Москвы — 16(!) дней.

Ладно, хватит об этом!!! Гневаться по этому поводу мне уже просто невмочь. Теперь поболтаем-ка лучше о самих письмах. Миша рыдает, что, мол, башка седая. Цыц, дурень! Ну что за свинство, право? Я вот лысею, мечтаю о седине, а он плачется. Ей-ей, с ходу бы махнулся, не глядя. Но он же, собака, сам не захочет... Склонность к скулежу — это что-то новое у Мишки. И я очень надеюсь, что это явление временное. Я думаю, что оно вызвано моральной травмой, нанесенной Ленкой и ее сообщником. Прошу прощения у молодоженов...

В Маринкином письме меня восхитило абсолютное непонимание лучшего и худшего в собственных письмах. На каждое письмо, написанное ею «обдуманно», можно было бы фыркать по многим причинам. А вот слова, которые пишутся ею сразу, экспромтом, без черновиков, — прелесть. И то, о чем Маринка бегло упоминает, очень мне интересно. Близкое знакомство с идеями XVIII века об общности здания, декорации, парка и пр. мне бы совсем не повредило. «Сколь поучительно зрелище вида, в единое мгновение меняющегося!» Если я не ошибаюсь, то именно так писал Сумароков о театральных декорациях*. Увы, я изучал XVIII век несколько однобоко. Не считать же за изучение мою халтуру в

Останкине*. Что ж, если Маринка сможет понемножку просвещать меня, я буду рад и благодарен. Ну и что, что я глупый, — зато я внимательный! Ну просто одно сплошное ухо. Так и есть — одно, правое.

А Гельвеция, о котором писала Ира Кудрявцева, я читал. Не со- врать бы — где-то в четырнадцатилетнем, кажется, возрасте. Я был ребенком не по годам придурковатым и решил, что Гельвеций помо- жет мне снискать благосклонность одной девочки. Целых полторы недели читал. И, можете представить, таки прочел. Громадную кни- жищу — «О воспитании». Результатов (желаемых) не было, потому что собственно на ухаживание у меня времени уже не осталось. Никогда больше я подобных глупостей не делал. И в ближайшие 26 лет полагался только на самого себя. Я до сих пор отношусь с подозрением к философам... И, кажется, не без оснований: практических результа- тов от них маловато. Или только отрицательные. Вы, конечно, пони- маете, что к марксизму это не относится хотя бы потому, что я не могу судить о нем, не знаком.

Словом, о моем любимом столетии у меня сведения довольно скудные.

А теперь еще о быте. Вот я расстался на 11-м с трехцветной ки- сой. Ан глядь — и здесь кисы есть. И кисы очень милые.

Кот — черный — выглядит так:

Кот серый — так:*

Экие фигуристые, правда? Еще бегают разные-всякие котяры, но не такие выразительные. А 4 дня назад был у меня разговор с лоша- дью. Я ее укорял, почему она, имея свободный выход за зону и целых четыре ноги, не совершит побега. Говорит, что без паспорта на рабо- ту не устроишься.

Да, попросту говоря, соскучился я без наших звериков. Если до- гадались бы меня — то-то бы хорошо! — отправить куда-нибудь в ссылку, я бы Кирышку забрал к себе. Розовые мечты... Тешу себя ими по 10–15 минут перед сном. Богоспасаемые старцы кряхтят, и я под эту музыку фантазирую, вышиваю по канве.

Зима, видно, кончается. Снег мокрый, талый. Но сказывают ста- рожины, что здесь каждую весну чуть ли не наводнение. Можете и вы угодить в эту самую распутицу (она же распутница).

Не тушуйтесь — здесь, ежели что, на лодках перевозят. Но одна- ко я не уверен, что наше свидание вообще состоится. Строго-настро- го приказываю: непременно перед выездом — телеграмму началь- ству. Укладывайте гостинцы только после положительного ответа. И хорошо бы все это согласовать еще и в Москве.

Главное — не унывайте, как бы дело ни обернулось.

Больше оптимизма!

| 2/III/67

Вот что, дети мои: я хочу нынче отправить письмо (уйдет оно, правда, только завтра — уже 9 ч. вечера) и поэтому напишу еще лишь несколько фраз.

Еще раз о себе и о своем состоянии: все мои переживания, соображения и всяческие становления не мешают мне сейчас пребывать в отличном расположении духа, петь ребятам Окуджаву, трепаться, пытаться наводить «аккурат» на и в тумбочках (воюю с Ронкиным: он на целый порядок — на целый беспорядок — безалабернее меня) и прочая, и прочая.

О Тарковском напишу в другой раз — для Маринки.

Напишите, что с дочкой Петрова*.

Ларик, черкни хоть пару строк Антону [Накашидзе] с приветом от меня*.

В очередном письме будет два персональных послания: тебе, Ларка, и тебе, Санька.

Очень вас всех целую. Ю.

Да, вчера я получил бандероль со значками, «курильщиком» и фильмоскопом; теперь у меня 3 (три) фильмоскопа... и 3 (три) комплекта видов Ленинграда...

Леня [Рендель] и Виктор [Калниньш] кланяются; Валерий [Ронкин], Себежа [Мошков] и Энн [Тарто] шьют рукавицы, а то бы тоже поклонились. Ю.

п и с ь м о д в а д ц а т ь п я т о е

| 20/III/67

Ларонька, я надеюсь, это письмо вовремя дойдет до вас.

Дело в том, что вам придется отложить свою поездку на неопределенное время. Распоряжением начальника лагерного пункта я лишен очередного личного свидания — за мои многочисленные тяжкие преступления: опоздания к подъему, грубость и, разумеется, за невыполнение нормы. Я предвидел что-нибудь в этом роде, потому и просил тебя не приезжать, не получив официального подтверждения.

Таким образом, тот разговор в КГБ, который тебе поручили мне передать*, как видно, в ближайшее время останется неизвестным мне.

Дальнейшее целиком предоставляю тебе.

2-го и 14-го марта я отослал письма*; очень прошу тебя — подтверди их получение телеграммой, и получение этого письма — тоже.

Вчера был день рождения Елены Михайловны [Закс] — передай ей мои самые нежные поздравления.

Целую вас, обнимаю.

Не тревожьтесь — я в отличнейшей форме.

Ю.

Да, я получил твои письма от 6-го и 10 марта и бандероль; письма от Иры Кудрявцевой, Маринки Фаюм и Майи Злобиной. Привет им, спасибо.

п и с ь м о д в а д ц а т ь ш е с т о е

22/III/67

Стало быть, так, дорогие мои: прогнозы оказались правильными. Вам, конечно, охота узнать поподробнее, чего это я опять набе-докурил. Ну что ж, изложу схематично, так как у меня нет ни охоты, ни возможности живописать все мелкие дрязги, приносящие крупные огорчения. Вы уже сами вышивайте по этой канве.

Я 1 (один) раз проснулся минут на пять позже положенного — не слышал (и не могу услышать) сигнала; я 1 (один) раз не вышел на проверку — плохо себя чувствовал, заболел (но не заболел); отказался разговаривать на так называемом «совете коллектива» (самодеятельная организация, с которой у меня нет юридических взаимоотношений — состоит в основном из военных преступников); и 1 (один) раз отказался стать по стойке «смирно» перед заезжим полковником. Всё. До этого у меня, правда, был выговор за отказ беседовать с одним офицером о существовании моего «преступления» — как выяснилось позднее, я имел полное право не вступать в подобные разговоры.

Добавлю, что переживать не надо, устраивать мистерии тоже не стоит; если есть охота, и возможности, и время, стоит спокойно и деловито обсудить с компетентными лицами возможность отмены этой неприятности; может быть, административный восторг здешнего начальства поддастся воздействию свыше?

А теперь поговорим о чем-нибудь более приятном. Например, о том, что вчера по календарю наступила весна. Это знаменательное событие поселок Озерный встретил сугубым похолоданием, грязь замерзла, я — тоже, и только коты, памятуя, что все-таки март, мотаются по зоне и орут, как хунвэйбины: «Мао! Мао!»

Чем еще ознаменовалась весна? Вот не знаю, с весной ли это связано: на днях вся смена поочередно читала в журнале «Здоровье» — с упоением читала! — статью о противозачаточных средствах. Актуальнейшая проблемочка для находящихся здесь. Особенно, если учесть средний возраст читателей.

Ко мне, слава Богу, вернулись каталоги, присланные Ирой Глинкой; занятно, кстати, что сходство между фальковским портретом и фотографиями уловили только двое: я и Панас Заливаха*. Леня Рендель сказал очень серьезно, — как, впрочем, всегда говорит: «Сейчас она гораздо лучше». Просьба к кому-нибудь из рисующих: изобразите-ка собаку со слоновьими бивнями и пришлите Лене — он будет очень доволен. Диалоги у нас начинаются так: Леня (мыкается по бараку, на ходу читая статью в «Театре» о «Смерти Тарелкина», умирает от желания поговорить):

— Насколько я понимаю...

Я (возлежу на своем этаже, ковыряю в носу, предаюсь легкомысленным воспоминаниям, притворяюсь, что читаю Кафку):

— М-м-м...

(проходит 6 минут — по часам)

Леня (отчаянным голосом):

— Понимаешь ли...

(проходит 2 минуты)

Я (не выдерживаю, таю, но говорю нарочито грубо):

— Чего тебе?

Леня (воздвигается на табурет, радостно):

— Понимаешь, в чем вся суть...

«Понимаешь, в чем вся суть» — это традиционный зачин всех его рассуждений. Он-то мог бы ответить на пьяный вопрос Кости — героя рассказа «В цирке»*: «Нет, ты скажи мне, в чем вся суть?»

Вы увидите его через пять месяцев и — послушайте, что я вам о нем скажу. Он очень хороший человек, очень добрый и заботливый; но начисто задуренный всякими высшими соображениями. И десять лет заключения тоже не прошли даром. Обо всем этом надо помнить и меньше спорить и рассуждать с ним, а больше кормить его вкусными вещами, развлекать легкомысленным трепом, даже выпивать понемножку (не без гордости он сказал как-то мне и Виктору, что один раз ему случилось напиться). И — ох! — вот бы ему жениться... В свое время наука, политика, общественные эмоции заслонили ему весь белый свет; я не знаю, может быть, я преувеличиваю, но мне кажется, что он и не жил вовсе. Во всяком случае, полной жизни он и не нюхал (принесла с оттенком высокомерия некая «гармоническая личность»). В общем, солнце, конфеты, ласка, человеческая одежда — вот что ему, на мой взгляд, нужно. И надо всемерно удерживать его от всего, что лежит за этими пределами. А сделать это, по-моему, нетрудно. Мне, во всяком случае, очень легко удается его «переключать».

А вот — разрешите представить — человек, не нуждающийся ни в покровительстве, ни в опеке: Виктор Калниньш. Ему 29 лет, и он

кладезь премудрости: историк, филолог, лингвист. Скептик и спорщик. Диковинная смесь прибалтийской настойчивости и московской безалаберности. В профиль — если снять очки — похож на Андриюшку [Синявского]. Выпить не дурак. И очень мне хотелось бы познакомиться с ним тебя, Ларка, и Юру Левина, и Наташку [Садомскую], и Мосю Тульчинского, и Марка [Азбеля], и Тошку [Якобсона]. Ох, какие были бы неожиданные повороты споров, внезапные объединения и разъединения спорщиков! Он маленького роста, хрупкий и малоежка; на 11-м он был примерно на том же положении, на каком был я у Толи [Футмана] и Валерия [Румянцева] — предмет забот. Он читает мне курс латышской литературы, уже четыре лекции состоялись. Вокруг шеи небрежно и очень элегантно обернуто черное кашне, на штанах в районе колен — огромные дыры. И никогда не торопится. И этнограф...

А на моей одежде дырок нет. И пятен тоже. Я стал небывало аккуратен; надеюсь, что после освобождения это пройдет. Вероятно, моя аккуратность — это своеобразный протест...

А Леньке Золотаревскому скажите, что специалисты рассмотрели его рисунок и решили, что изображен бриг; к решению пришли методом исключения: не барка, не фрегат, не корвет и т.д.

| 24/III/67

А поговорим-ка о стихах. Ну, во-первых, очень жаль, конечно, что стихи эти оптом нравятся тебе, Ларка, больше, чем проза — оптом же. Мне проза эта, не скажу, что больше нравится, а — ближе, родней, значительней.

Вот ты пишешь, что «задача художественного произведения выразить личность автора. Не «и это тоже», а только это, единственно». Нет, не так. Личность автора может быть интересной и занятой, но стоит она выражения лишь тогда, если она в чем-то смыкается с личностями других людей — читателей. Смыкается, сходна почвой, каким-то первичным веществом, какими-то очень главными началами. Отсюда: самовыражение — не цель, а необходимое средство, неизбежное условие творчества. Конечно, не «и это тоже» — такая формула предполагает возможность обойтись без «этого» — просто самовыражение — это тот особенный угол зрения художника, тот подход к явлению (к чувству, к человеку, к предмету, к детали), без которого художника нет. Вот этого-то художнического взгляда никогда не обрести машине, поэтому и невозможно машинное творчество. А перебор ситуаций — это ведь дело второстепенное, о нем и говорить, им и аргументировать не стоит, — ведь мы

знаем и банальные ситуации в великолепных произведениях, и даже отсутствие ситуаций.

Когда я говорю о смыкании автора и читателя, об их сходстве, не следует понимать это в лоб. Сходство это — штука очень сложная, непростая. Может ведь быть и взаимосвязь каких-то полярных явлений; ты это чувствуешь сама и делаешь оговорку об «отличной подделке» — и твоя концепция самовыражения летит вверх тормашками: какое уж тут самовыражение, если ты примешься изображать меня? Тыобразишь именно меня, но со своей колокольни, свой ракурс у тебя будет, и (см. выше) в нем-то и будешь самовыражаться.

«Несовместимость свойств личности» — с чем? С теми стихами, которые человек пишет? С их проблемами, с их лирическим героем? Ну и что? Если проблемы волнуют, а лирический герой близок и дорог, мы, что же, будем тупо твердить: «Да бросьте! Я знаю автора, он пьяница и бабник, не может он о светлой любви писать, все выдумывает!» А не похожи ли мы будем на того еврея, который бормотал, глядя на жирафа: «Не может быть!» Другой вопрос — настоящее ли то, что он пишет. Но судить надо все же по стихам об авторе, а не по автору о стихах.

Вот когда ты рассуждаешь о том, правомерна ли оценка «стихи для себя, для друзей и т.д.» при определении самого понятия «стихи», — тут ты права, тут действительно речь идет не о том, искусство ли или вне искусства, а о масштабах поэтического дарования. Вот здесь где-то и проходит граница между талантом и гармонией — ведь и у графомана есть свои читатели: жена, дети, сослуживцы и пр. Но это совсем не является выводом из твоих посылок, как ты пытаешься сделать, а правильно само по себе.

Лар, а критическую статью сочини: очень бы мне хотелось прочитать «про эти стихи»*.

Сейчас я немножко прервусь, потреплюсь о всяком-разном, а потом опять о литературе.

Позавчера я получил письмо от Найи [Азбель] и телеграмму о том, что мое первое мартовское письмо прибыло. Пустячки — всего 18–19 дней шло. Квитанцию я, между прочим, еще не получил.

Да, еще, чтоб не забыть: из моих рассуждений, естественно, вытекает мысль о социальности искусства (социальности в самом широком и многогранном значении этого понятия); так вот, не надо думать, что я считаю необходимым, чтобы художник к этому непременно стремился. Он может даже и не догадываться о социальности своих произведений — но он никуда от нее не уйдет, если он настоящий.

Литературовед и социолог из меня, конечно, как из дерьма пуля, но брюхом я свою правоту чувствую.

Слушай, Ларка, а ты не знаешь, как имя-отчество Пахомова? Я бы с удовольствием написал бы ему письмишко. Узнай, а?

| 25/III/67

Весна в полном разгаре, так сказать, разгул либерализма: снег во всех видах — крупа, мохнатый пух, сухие блестяшки, — ветер разнообразной влажности. И соответствующая температура. Но все мы подчиняемся законам, в том числе и законам (календарным) природы: печи почти перестали топиться, и я сменил шапку на фуражку.

(Только что по местному радио передали: «Демонстрируется французский художественный фильм «Ноель и фортюна».)

А я сейчас мытый-мытый, тертый-тертый — в бане был. Теперь бы еще найти упертую кем-то простыню — и все было бы в порядке.

А что, милые, не разоритесь ли вы на простые летние носки с резинкой? Маришка прислала очень удобные, с резинкой же, теплые носки, но, может быть, весна и лето все-таки будут?

О «Мастере и Маргарите». Черт его знает, как писать об этой вещи! Маришка Фаюм пишет: «Лихо, мол, написано». Определение по меньшей мере легковесное. Мне больше по душе цитата из другого автора: «Стержень жизни только в равновесье добра и зла, сияния и тьмы»*. Да и то не точно: у Булгакова нет этого противопоставления, речь идет о некоей необходимой мере зла для того, чтобы творить добро. Нет, я не могу и не хочу анализировать, эта книга слишком важна для меня, чтобы я, с моими негодными средствами, пытался писать о ней как литературовед. Я лучше о другом. Не знаю, как другие (точнее — как все), а я испытывал прямо-таки мистический ужас — и мистическое же ликование, — когда читал «Мастера». Это дерзкое и резкое — наглое! — смешение стилей, возвышенность (буквальная) и заземленность (тоже буквальная), вторжение иррационального, inferнального в московский, коммунальный, примусовый, трамвайный быт — Господи, да Булгаков ли это написал?! Или переселение душ действительно существует? Переселение талантов? Подумайте только: рядом, одновременно, не соприкасаясь и не зная друг о друге (одновременно, потому что 20 лет ничего не значат), писать почти одинаково, настолько почти, что произведения обоих авторов можно бы поместить в одной книге и под одной фамилией*; и лишь во вступительной статье заявить в банальной академической манере: «К сожалению, на более поздних произведениях писателя лежит печать пессимизма и разочарования; автор перестает верить в торжество светлого и разумного начала, и Зло, в «Мастере и Маргарите»

волей писателя трансформированное в орудие добра, в повестях и рассказах 50–60-х гг. выступает как мрачная изначальная сила, которой человечеству нечего противопоставить. Этим и объясняются трагические развязки всех произведений последнего периода...»

Булгаковская позиция мне больше по душе, в ней доброты больше, недаром в книге конец обнадеживающий; а ведь как бы мне хотелось сочинять книжки со счастливыми концами!

Вот. Я еще, наверное, буду понемножку писать в письмах о Булгакове. Жаль только, что он становится модой. Будут трепать его имя и героев, как, скажем, Хемингуэя. Кстати о моде. Честное слово, я совсем не хочу оригинальничать, но Кафка мне решительно не нравится. Мне скучно. Скучно, как при чтении Марселя Пруста. Теперь бы мне еще Джойса прочесть и отвергнуть — и я бы стал в оппозицию к триединой формуле современных эстетов Европы и США — «Пруст—Джойс—Кафка».

Сименона бы мне новый сборничек! Мне бы «чего-нибудь попроще!»* — Агату бы мне Кристи бы!

| 26/III/67

Вчера я получил письмо от Сашки и Нэлки [Воронелей] с переводом из Милна — перевод мне что-то не показался. По-моему, он много ниже Нэлкиных возможностей — в нем прежде всего нет той отчетливости, ясности, которая отличает Нэлкины переводы. А если эта нечеткость — Милна, то, значит, Нэлка не за своего автора ухватилась. То ли дело — блюзы или стихи о черных неграх, делающих черное дело в черных постелях! Письмо от Мишки [Бураса] — слава богу, кажется, он снова входит в форму. И два письма от тебя, Ларка. На них я отвечу отдельно.

| 28/III/67

И еще письмо от тебя, Лар. И письмо от Жени Якира. Привет ему и Римме. И просьба — о ней потом. А денежку обещанную ты мне так и не прислала... А жаль: я до сих пор не могу расплатиться за когда-тошнюю телеграмму — денег на счету нет ни копейки.

Ладно. Так вот, о Тарковском. Очень хорошие стихи. Очень. И все-таки единственное из всего сборника стихотворение, которое запомнилось (я говорю «запомнилось» буквально — наизусть: у меня ведь нутро срабатывает, если нравится, именно так) — это стихи о Мандельштаме*. Другие стихи — и много — запомнились в расхожем смысле слова, особенно из второго раздела. Много можно говорить

и о влияниях разных и всяких; но стоит ли? В этом ведь ничего дурного нет, хорошего — тоже, это естественно. Да, так хороших стихов много, а покорило меня только это: изяществом, легкостью, трагичностью, обреченностью. Это очень трудно — чтобы все это вместе, а если получается, то драгоценность.

Жаль, что я совсем не знаю его первой книги. На слух, с Тошкиного голоса, я запомнил:

О, зачем я лучшие годы
Растерял на чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова...*

| 29/III/67

А просьба к Жене вот такая: недавно — кажется, в феврале — вышла книга «Первый советский, первый боевой». Авторы — Мальцев и Курчина. Там есть и о его покойном дяде* — поэтому я думаю, что он, по меньшей мере, знает, где эту книжку достать. Пусть либо сам пришлет, либо вам подскажет, где купить, — буду ему очень благодарен.

Кажется, начинается весна; а я уж было решил, что вечная зима входит в правила режима здешнего лагеря. Очень я соскучился по солнцу.

| 30/III/67

Сегодня урожай — 3 письма: от тебя, Ларик, от Алены [Закс], от Маринки.

И вот что я имею сообщить этим двум дамам, приятным во всех отношениях.

Аленушке следовало бы помнить, что я целиком и полностью разделял (и разделяю) ее точку зрения на то, что является главным достоинством лучшей половины рода человеческого. И насколько я могу припомнить (ох, склероз, склероз!), эту же точку зрения унаследовал от меня мой сын — Александр Юльевич Даниэль («Санька, что самое главное в девочках?»). Так что ежели Аленка забыла — можно с Санькой проконсультироваться. Итак, ни о каком «заметании следов хвостиком» и речи быть не может: профессиональные успехи (или неуспехи) прекрасного пола волнуют меня не больше (и не меньше), чем то же самое у моих друзей мужеска пола.

Вопрос о том, злословить ли и дальше в письмах, неуместен: разве Аленка не понимает, что меня за то и любили женщины, что я их всегда с удовольствием слушал, как они трезво и, главное, объективно оценивают человечество в целом и знакомых в частности? Конечно, злословить!

Поцелуй ей (Аленке), Елене Михайловне [Закс] и Анне Самойловне [Грингольц] — самые нежные приветы.

А Маринке я земно кланяюсь и очень прошу в научных трудах не цитировать Сумарокова. Дело в том, что я сильно подозреваю, что упоминавшееся в моем письме изречение принадлежит не столько почтенному стихотворцу XVIII столетия, сколько одному писаке из города Ржева, склонному к стилизации и мистификации*. Прощенья просим!

Всему ейному семейству (а родителям — в особенности) — низкий поклон.

Вот.

Ларка, тебе ответ — по пунктам:

1) Я уже шью не 16, а 25 пар — во как!

2) О том, как прошла Наташкина защита, сообщить незамедлительно. Надеюсь, больше внебрачные дети не появлялись? Автореферат пусть пришлет.

3) Всему семейству Шаликовых — привет. А Леня [Рендель] очень благодарен за внимание к его маме. Завтра он уезжает на время в больницу — очередной осмотр. Кто будет о нас заботиться? И, главное, о ком будет заботиться он? Он ведь без этого не может — правда, в свойственном ему несколько паническом стиле.

4) Твой пассаж с бандеролями я частично исправил.

5) Очень я рад, что Санька едет (ездил?) в Питер. Увы, поручения давать уже поздно. Но, я думаю, ты и сама догадалась.

6) Кэрьку целую в хвост и в гриву. Я что-то со счета сбился: сколько ей годочков?

7) Непременно повтори мою просьбу Виктору Платоновичу [Некрасову]; а как насчет остальной поэзии?

8) Если прочесть «Вітчизну», Франка и Экзюпери ты сможешь только при таких сугубо благоприятных условиях, — так черт с нею, с литературой, пусть — хай їй грець! — остается нечитанной.

9) Спасибо за «бодягу»; загляни-ка в Даля и посмотри, что все-таки значит в точности мой бывший псевдоним; верна ли версия Маринки?

10) Петровым привет и поздравления с удачной операцией. «Змеенышу»* передайте, что мог бы и какую-никакую картинку мне прислать!

| 31/III/67

Это письмо я опущу в ящик завтра утречком; любопытно знать, и за это заказное квитанцию замотают? Это, наверное, для того, чтобы уж никаких документов не было.

Жуткое дело творится, братцы: я каждый день собираюсь сесть, наконец, за переводы, и всякий раз какая-нибудь дребедень — то холодно, то спать охота, то вселенский треп, то — самое обидное! — пишу зачем-то свои стихи. Но вот уж со следующего понедельника...

Да, еще Алене: ежели она когда-нибудь будет публиковаться, рекомендую псевдоним — Елена Оконтрер; по-моему, звучит, а?

До свиданья, милые мои. Целую вас всех. Ю.

| 1/IV/67

С добрым утром!

| 4/IV/67

Думал, что в субботу письмишко уйдет, ан нет — марок не было. Вот что, братцы, пришлите-ка мне штук двадцать 2- и 4-копеечных марок.

Но из-за этой задержки я теперь могу сообщить, что получил письма от Тошки [Якобсона] (наконец-то!) и от Иры Глинки.

Постичь логику ценителей Тошкиных писем мне не под силу, так что я не знаю, что и присоветовать, о чем ему писать надлежит! Ужасно обидно, что пропали его письма.

Переводы его я просмотрел пока начерно; на днях посижу над ними, почитаю попристальней. А покамест — привет Тошкиному тезке (тезкиному Тошке)*. Что это он вздумал самосожжением заниматься? И еще пусть Тошка передаст привет Семе Виленскому от «Омельки с Колымы» — некоего Полевого*: он нынче утром подошел ко мне и поинтересовался, не знаю ли я Семена. От меня, разумеется, тоже ему кланяйтесь. Вообще до черта оказалось общих знакомых с самыми разнообразными здешними старожилками.

А Ира пусть знает, что я так и читаю ее письма, как этого ей хочется и как представляется. Как же иначе? Все вы для меня не только (и не столько) сегодняшние, но и вчерашние — знаемые, неменяющиеся. Вот пройдет еще 12 месяцев, и я смогу понемножку писать каждому из моих корреспондентов*, замену косвенное обращение пря-

мым и, может быть, смогу ответить так, как должно, как хочется. Я не знаю, понимаете ли вы, что один и тот же текст звучит по-разному, в зависимости от того, что стоит перед ним: «Скажите Иксу, что...» или «Милый мой Икс!..»

Теплеет, теплеет, но очень медленно. В зоне снег сошел, почти сухо, появился волейбольный мяч — но я, очевидно, не смогу в волейбол. Для пинга стола пока нет и неизвестно. Бильярд всего один и тот дохленький. Это я со зла: сыграл одну партию и проиграл.

Может, есть у кого-нибудь лишний заваливающий бадминтончик: парочка ракеток, парочка воланов? Вот бы здорово, а?

Тут Валерию прислали стихи В.Солоухина из «Дня поэзии» — «Волки»*. Отрецензировал я их так:

Откуда прыть, откуда удаль,
Откуда вдруг любовь к волкам?
А где же страсть к словечку «сударь»
И к недоеденным кускам?*

Аль не по моде на походе
Пленяться каплями росы?..*
... И впрямь, наверно, быть охоте,
Коли по-волчьи воют псы!

А читаю я сейчас один роман. «Преступление и наказание» называется. Фэ Мэ Достоевского. А ведь неплохо закручено! Может, кто из вас читал?

Будьте здоровы, обнимаю, ваш храбрый портняжка, он же швец (рукавиц), жнец (лавров) и в беду игрец... Ю.

Да, Маринке: когда я писал о Тарковском, что мне особенно нравятся стихи «из второго раздела», — я подразумевал вторую половину книги, но по малограмотности и косноязычию не так выразился.

И еще: Валерий Ронкин жив, здоров и бородат. А письма его пропадают — он-то пишет регулярно. Передайте это Ирине [Ронкиной].

П и с ь м о д в а д ц а т ь с е д ь м о е

2/IV/67

Добрый вечер, милые мои.

Это письмо будет длинное-длинное: письмо длиной в три недели. А за три недели можно наговорить глупостей гораздо больше, чем за одну, можете мне поверить. В чем, в чем, а в глупостях я знаю толк.

А знаете что? Уже и взаправду тепло; днем можно выползти из цеха и перекурить, сидя на солнышке. Сижу, жмурюсь, только что не мурлычу. Впрочем, замурлыкал бы, если бы кто догадался за ухом почесать. Греюсь и дудю (дуду? дужу?) себе под нос что-нибудь интеллектуальное, вроде «Ах, вы, глазки(д) голубые, мне вас больше не-е-е видеть...». А вокруг такая пасторальная симфония: петухи орут, куры лопочут, собаки гавкают (то ли это не служебные, то ли они, но во внеслужебное время). И поселок со всех сторон окружен разлившейся водичкой. Она подступила к самым домам и зачем-то остановилась, дуреха. Да, так вот, сидишь, куришь и размышляешь помаленьку: «А зачем в слове “Хаим” буква “р”?»* И еще: что будет с моими письмами через год-полтора? Насколько мне известно, я — существо, по преимуществу, воспринимательное, что-то выдавать «на-гора» могу лишь тогда, когда есть какие-то занятные впечатления; из себя я, пожалуй, ничего не добуду. Пройдет времечко (пройди, пройди, желанное*), я выложу всю новизну, до донышка, — и что дальше? Начинать по второму кругу? Скушно будет и мне, и вам. Пыжиться, тужиться, выдумывать? Убого и опять же — скушно. Правда, когда у меня будут четыре письма в месяц, я смогу объясняться в любви и признательности не только оптом, но и в розницу. Но ведь и это моим адресатам в конце концов надоест. Придется, видно, писать информационные бюллетени: «Жив-здоров, рука в порядке, ухо — тоже, выполнение нормы — 100%, твердо стал на путь исправления, кланяйтесь внукам». Есть, правда, еще один вариант — писать ответные письма. Но для этого нужно... а ну-ка, догадайтесь, что нужно для этого?

Спокойной ночи. Завтра начну этот вариант.

| 12/IV/67

Я сглазил погоду: с утра дождик и холодно. И вообще свинство и скушно. Ну и ланно, все равно. Стало быть, так: письма от Аллы [Сергун], от Майи Злобиной и от тебя, Лар. О твоём письме не хочется и не можется говорить. Елене Михайловне и Алене [Закс] я написал.

Алле позвони, Лар, и скажи — черт с ним, с почерком, пусть пишет почаще; и описания снов мне очень нравятся, очень по душе; а что до необычного (грамотного) начертания ее имени, то косвенное обращение исключает вольности как грамматические, так и прочие. Нинке [Голубовской] и Ал-ре Леонардовне [Мартыновой] приветы и всяческие книксены.

А Ляльке Майиной [Алене Злобиной] надо передать вот что: те рукавицы, что я шью, ей никак не годятся, а то бы я рискнул и украл

пару для нее. Так что придется ей обождать моего возвращения: торжественно обещаю сделать рукавички в порядке индивидуального пошива из материала заказчика. Если ей нужно еще что-нибудь сшить, пусть срочно напишет мне, я научусь.

От Юры Левина — «В лаборатории редактора» Л. Чуковской. Второй раз прочел эту книжку. С удовольствием и, вероятно, не без пользы для себя. Книжка и для редакторов, и для писателей — в каком-то смысле пособие для борьбы с плохими редакторами.

От Борьки З[олотаревского] — «Мой Уитмен» Чуковского. Еще не брался. Но возьмусь непременно.

И, наконец, от Наташки [Садомской] — «Культура и быт народов зарубежной Европы»*. Силы небесные! И этой женщине я говорил «ты» и фамильярно целовал ее в щечку! Что ума, что таланта, что эрудиции! Обалдеть можно. И, обалдев, заверить Наталью Николаевну, что я теперь точно определил дистанцию промеж нас и обращаться отныне буду не иначе, как «Наталья Николаевна», «вы» и с расстояния не меньше трех метров — пусть знает, стервоза, как я ее уважаю!

Научно-бытовая проблема (ага, и я не чужд науке!), которая меня занимает последние дни, вот какая: почему у пожарных ведер дно конусом? У кого ни спрашиваю, никто не знает...

А может, ничего этого у Н.Н.Садомской нет и вся заслуга принадлежит «редактору издательства Л.М.Алексеевой»? Я имею в виду не пожарные ведра, а историю этих самых гальехо. Кстати, есть какая-нибудь разница между галисийцами и галицийцами?..

| 13/IV/67

И еще письма: от тебя, Ларка, от Н.Н.Садомской и от Иры Глинки.

Перво-наперво вопросик: что ждет новорожденных котят? Найдутся ли в Москве самоотверженные души, такие, как Ира Уварова?

Еще вопросик: получили ли все-таки мой стишок о лыжниках?*

И еще вопросик: что это у тебя, Лар, за свитер «цвета морской болезни»?

А теперь ответ на единственный в твоём письме вопрос — о том, как я шью.

Вот вдохновенных полстраницы
Про то, как шьются рукавицы.

Получаю, значит, край —
Рост II, сорт II.

Словно овощи для супа,
Крой раскладываю,
Долго, пристально и тупо
Крой разглядываю;

К вышним силам не взываю
(«Сам управлюсь — не беда!»),
Наладонник пришиваю
Не туда.

Лишних слов не говорю,
Вспомню предков —
И порю.

Опосля,
На эту пакость
Пялясь,
Пришиваю сикось-накось
Палец.

Дальше следуют длинные-предлинные декоративные швы,
Чтобы как-нибудь украсить новорожденного уродца.
Строчу изо всех машинкиных сил. Увы!
Нитка рвется.

Рвется подлая. Но я
Лихо рывкнув: «Ни... фига!»,
Вдел и взялся за края:
Подворачиваю,
Поворачиваю,
И застрачиваю.

Шов
Готов.

Рахитичная девица — рукавица!
Анемичная вдовица — рукавица!
Чтобы людям не дивиться, рукавица,
Может, лучше удавиться, рукавица?!

Нет, как и у всякой твари,
У нее мечта о паре.

Чтобы совесть не рычала,
Я... читайте все сначала...

...Результат работы прост:
Я устал и зол, как черт,
А изделие — I рост,
III сорт.

Теперь, Ларка, тебе, надеюсь, ясно, что никакие рацпредложения, да еще заочные, ничему не помогут?

Едва успел прочесть я послание Н.Н.Садомской, как мне вручили бандероль с «Москвой» и «Кино». Отпустивший пузо Шрагин — молодец! И соавтор его — тоже, хоть я и не знаю, как у него насчет пуза. Статья отменная, и врезали этому самому Черткову как надо*, и не только Черткову, и не только тем, кто назван в статье, и не только по обсуждаемому вопросу: все это гораздо значительней проблем «у кого и что стоит или не стоит» или «и общественные деятели под одеждой — голые». И опять чертовски обидно, что статья эта появилась не в «общем», а в специальном журнале. Ей-богу, пора Борьке начинать работать для нашего многомиллионного советского читателя, который, как известно, самый чуткий в мире. А в этом случае ему — читателю — есть что чутять...

Что Н.Н. летает на венике, меня несколько не удивляет — я всегда подозревал что-то в этом роде. Думаю, что и при защите диссертации не обошлось без нечистой силы — с обеих сторон.

А почему упоминаемая и Наташкой (тьфу, черт, — Натальей Николавной), и Маринкой Фаюм Ирина Уварова уже разлюбила меня, не шлет ни писем с рисунками, ни статей, которые так хвалят знакомые?

Читаю я про то, как Глебка [Левин] не делает различия между обедами, завтраками и ужинами, — и как я понимаю его! Мне здесь тоже очень трудно уловить это различие, разве что по времени можно определить...

Насчет «Блинчиков» Ира [Глинка], кажется, перепутала: рассказ — О.Генри, а не Брет Гарта; но «Блинчики» — это не про то. А про то (как девушка, служившая в ресторанчике, возненавидела едоков-мужчин) называется иначе, не помню как.

А Юрию Павловичу — поклон* и запоздавшие поздравления с днем рождения. Не знаю, как сейчас, а раньше всегда было интересно, весело и легко в его доме.

И про то, как, когда, куда и в каком составе они поедут летом, пусть напишет непременно: мне легче думать о людях, когда «вписываешь» их в определенный пейзаж. Это я о Левиных-Глинках, а не о Тимофееве.

Почему-то в книге Крамера я не обнаружил изречения о «шикарных шумерских шлюхах»; странное упущение со стороны такого выдающегося шумеролога, не знает вещей, известных хоть и не любому, но ребенку!

| 15/IV/67

Все хорошо, все отлично. Суббота, восемь вечера. На дворе почти стемнело. Идет двухсуточный отдых: I смену кончили нынче, а в понедельник — во II. Почитал, поужинал, посудил волейбол. Играть больше не буду — вчера повoleyболил, сегодня рука болит, хоть собакам выбрасывай. А завтра — спортивный день: пинг, бильярд, шахматы. В пинг я держу первенство, в бильярд играю с переменным успехом, в шахматы меня бьют. И чтение чудесное: автобиография Пастернака в «Новом мире», IV том Бунина — самый лучший, на очереди — Белль в «Ин. лит-ре», Уитмен, Аполлинер. И тепло. Все просто замечательно.

Можно мне хоть немножко поскулить? Нельзя? Ладно, не буду. Оно и правильно — ведь все в порядке.

А можно я расскажу, чего я хочу? Желание — не жалоба.

Больше всего на свете я хотел бы сейчас побыть в одиночестве. К сожалению, у здешнего начальства не хватает гуманности или они ее не так понимают. Так или иначе, 15 суток ШИЗО — это мечта, навязчивая идея последнего времени. Нет, не сажают... А я настолько устал от всей этой «прилудии», что даже, когда думаю о возвращении, то представляю, как на скорую руку — на скорую губу — поздороваюсь со всеми и уеду куда-нибудь хоть на три-четыре недели.

Что еще? Еще я хотел бы какое-то время не читать. От чтения я тоже устал. Но не читать — нельзя. Это один из способов существования, один из самых действенных.

Еще бы я хотел не думать о возвращении. Все варианты сценария настолько разработаны, что творчества уже нет, есть механическое передумывание известных наизусть, до мелочей, эпизодов. Так и чокнуться недолго.

Ну, а дальше идет всякая мелкая сволочь — желания, желаньица, желаньишки. Хочу два-три стакана сухого грузинского вина. Хочу хоть день походить в нормальной человеческой обуви. Хочу причесться. Ну и конечно — луну с неба.

Очень хочу быть талантливым — в жанре Ватагина. Только в этом жанре я мог бы воспеть определенную категорию существ*.

Хочу погладить собаку — хоть какую-нибудь. Хочу...

Баста. Я пошел курить.

| 17/IV/67

Я такой благостный, такой умиротворенный. А почему? А потому, что животное. Вымылся в бане, побрился, пообедал, глотнул кофейку, покурил. Ах, боже мой, что еще человеку надо? И до работы еще два с половиной часа. Житуха!

Вчера был спортивный день. Я сыграл партий двенадцать в пинг — все выиграл; две партии в бильярд — 1:1; четыре партии в шахматы — 2,5:1,5. Недурно, а? А вечером был соборный треп.

А к субботнему хныканью необходимо уточнение: я злюсь не оттого, что не пью «Цинандали», а оттого, что не могу это сделать.

| 18/IV/67

Сегодня у меня будут сплошные поручения. Непременно надо написать Марленке [Рахлиной], что я получил ее письмо. Очень меня огорчила, расстроила ее болезнь, и хотелось бы знать, как долго еще протянется это лежание в больнице, как Марленка чувствует себя сейчас и вообще, что это за штука — миокардит. Разумеется, Марленка со свойственным ей легкомыслием (или она полагает, что «вечно легкомысленное» и «вечно женственное» — это одно и то же?) ни черта про это не пишет.

Напиши ей, Ларик, что я совершенно не согласен с нею, когда она скорбит по поводу неравного распределения ноши: мне, мол, большая, тяжелейшая часть, другим — меньшая, полегче. Ведь это очень просто, хотя и кажется на первый, поверхностный взгляд абсурдным: чем легче груз там, у вас, тем легче и мне тащить мой. Еще раз: читайте «Письмо к заложнику» Экзюпери, там все про это сказано. Пусть, если это ей не очень больно, пишет почаще и обо всем, и обо всех: о Люке, Кадьке [Филатовых], Лине, Алике [Волковых], Лешке [Пугачеве], Елке, Мусике [Кагановых], о его родителях (которым я очень-очень кланяюсь)*. Почему-то никто никогда ни словом не обмолвился о Басюке*. Не случилось ли с ним что-нибудь? А о Борисе [Чичибабине] — что ж, я полагаю, что вряд ли его беспокоит, что я и как я. И я о нем не беспокоюсь: он ездил в Киев на съезд и напечатал в «Юности» «Хочу быть таким, как Ленин»...

Как-то из твоих писем, Лар, я не понял, целиком ли дошло до вас мое второе мартовское письмо? То есть: получил ли Санька предназначенную «только ему» часть письма? Он что-то совсем умолк.

Пишете ли вы Валерию [Румянцеву] и Толе [Футману]? И пишут ли они вам? Только сообщите, что ни в какие «аферы» я не встречаю; а надо бы, а то уж больно скучно!

И вот еще что, Лар. Когда будешь звонить Алле [Сергун], скажи ей, что мне было бы приятней, если бы она сама, без посредников, читала бы мои письма.

Не забывай в каждом письме сообщать об Алле Григорьевне и Иосифе Ароновиче [Богоразах–Зиминых].

Стало быть, Генка продолжил свой казацкий род? Привет и поздравления этой несколько загадочной личности.

| 20/IV/67

Кажется, я проснулся. Но не потому, что осознал, а потому, что иссяк*. С понедельника, как испортилась погода, я сплю так, что аж самому страшно делается. Коротенькие перерывчики на еду, туалет и шитье рукавиц в счет не идут: я и тогда почти сплю. Жуткое дело — а что, если все лето будет холодное и дождливое?

Получил вашу телеграмму о моем письме. Медленно, но все же сокращаются сроки: это письмо шло к вам всего 12 дней. А письма ко мне приходят теперь за 6–7 дней. Красота! Только маловато их стало. Впрочем, это естественно, я этого ждал.

Тошке [Якобсону] надо сказать, что я придумал хорошую кличку для его тезки. Барон фон Тренк, известный в XVIII в. проходимец, эпизодический герой «Консуэло», однажды в каком-то захваченном городе сунулся с факелом в бочонок, думая, что там золото. На дне бочонка был порох. После этого молодчик получил прозвище: «Тренк-опаленная рожа». Оно, по-моему, вполне подойдет Тошке Лабазову, если изменить одну гласную: «Тринк (от trinken) — опаленная рожа»...

Два письма: от Якира и от Толи Марченко. Жаль, что Женя уехал в Харьков, не узнав о моей просьбе. Но, может быть, вы и без него найдете книжку?

Толя просит кланяться вам. Очень занятное письмо, весьма эмоциональное — с вопросительными, восклицательными, многоточиями... Пишет, что все надеются на амнистию*, много говорят о ней. «Самое прекрасное слово!» — так примерно сказано у Гюго в «93». Добрый он был не в меру, этот самый Гюго. И романтик не нашего толка: все бы ему людей жалеть.

| 23/IV/67

За эти дни — 4 письма: от Миши [Бураса] из Черкасс, от Фаюма, два письма от тебя, Лар.

Займусь-ка я «вариациями на тему».

Перво-наперво о Марленкином: могу ли я проходить «сквозь унижение»? Нет, не могу — т.е. не могу спокойно проходить. Но тут очень важно точно знать, какие положения можно считать унижительными. Мне в жизни несколько раз приходилось испытывать глубочайшее унижение и страдать от этого так, как страдает человек на грани самоубийства. Но это были положения, созданные мною самим — моими слабостью, эгоизмом, легкомыслием. Однако ни разу я не чувствовал себя униженным, когда этого кто-то хотел, добивался. В этих случаях (а, очевидно, о них и спрашивает Марлешка) мне и не надо «проходить сквозь унижение» — его попросту для меня не существует: я либо дерусь, либо наблюдаю со стороны за тем, как меня пытаются унижить. Кстати, такое желание — унижить — возникает только у людей ущербных, неполноценных, и понимание этого вызывает ощущение превосходства, иронию, взгляд сверху вниз.

А вот на твой вопрос, Ларка, мне ответить очень трудно. Что такое «несвобода»? А черт ее знает! Эта категория так же субъективна, как и понятие «свобода». Я не могу определить «несвободу» хоть сколько-нибудь обобщенно. Но уж, конечно, не житейские неблагополучия, вроде скудной жратвы, создают ее. Мы и на воле живем, огороженные целым частоколом запретов, которые сами устанавливаем. Может быть, в этом и дело: «несвобода» не в ограничении, а в том, что ограничение вызвано к жизни не самим тобою, не законами природы или общечеловеческими, а чьими-то сознательными и целеустремленными усилиями. Очень ли мы страдаем оттого, что не можем летать, как птицы, без аппаратов? В общем-то, не очень. Но если бы могли, а кто-то не разрешал, — и это было бы «несвободой».

Конкретное, вещественное выражение чужой и чуждой воли, сумма целенаправленных запретов, непосредственная близость носителей всего этого, невозможность противопоставить этому что-либо, кроме сознания своей духовной неуязвимости, — вот, пожалуй, что такое для меня «несвобода». Я понимаю, что я косноязычен, но иначе не могу рассказать. Конечно, это ощущение дробится на дни, поступки, лишения, стычки; у многих каждый компонент иногда разрастается до размеров главного, заслоняет иногда самую «идею несвободы». Но что поделаешь — «довлеет дневи злоба его». Трудно вытаскивать себя за волосы из своей же оболочки. Иногда (только иногда!) это удастся. И вот говорит Пьер Безухов и смеется над французом, не выпустившим его из балагана.

Я не знаю, наверно, в других письмах есть что-нибудь, что противоречит этим моим рассуждениям; что поделаешь, последователь-

ностью я никогда не грешил. И вообще не мое это дело — рассуждать. Мне бы рассказывать да показывать...

Через 15 минут выключат свет. Спокойной ночи.

| 24/IV/67

Приехал Ленька [Рендель], озверевший от трехнедельного отсутствия собеседников. Привез немножко новостей, массу соображений о проблемах мореплавания в XVI в. и четыре банки джема. Новости выслушали, джем сожрала (Валерий [Ронкин] и Сергей [Мошков] лопали его ложками, как кашу), а соображения были затюканы на корню.

Прочел мне из Людиного письма* несколько лестных строчек о моем письме. Ах, ах! Кабы знать еще, о каком письме идет речь и чем я ей, душеньке, угодил! А в общем, правильно: меня надо хвалить, лелеять, гладить по голове и вообще делать вид, что мне не 41, а 21 год. Я от этого расцветаю, как майская роза. Или как предмайский призыв.

Какие еще события? Постригся. А экие у меня было роскошные кудри отросли! Сантиметра два с половиной, мягкие и колючие одновременно. Но я все-таки решил не дожидаться указаний свыше, обстриг.

Еще чего? По режимным соображениям ликвидировали кошек — в буквальном смысле слова. Один уцелел и ушел в глубокое подполье — тоже в буквальном. Сейчас он на нелегальном положении и, когда вылезает подышать свежим воздухом и пожрать, то притворяется, что он — неработающий инвалид II группы.

Читаю «Повесть о жизни» Паустовского. Ох, какая интересная и путаная книга, какая добрая и — опять! — беспомощная. Вот бы мне такую.

В одном, правда, ему повезло больше, чем мне. Он пишет: «Я видел в жизни много дураков, но такого непробиваемого идиота еще никогда не встречал» — это об одном киевском обывателе. Константин Георгиевич один раз на протяжении двух томов своей жизни произнес такие слова — а сколько раз я уже повторил их лишь за последние несколько лет!

| 25/IV/67

Сегодня у меня возникла надежда, что вы получите весточку обо мне много раньше, чем это письмо. Я говорю о предполагающемся приезде Иры Ронкиной. Я рад, что она тебе понравилась, Лар, — рад

потому, что этому радуется Валерий. Твоя оценка весит здесь очень много — ведь ты в наших палестинах личность почти легендарная.

Получил нынче письмо от Кадика [Филатова]. 29 лет стукнуло этой жерди. Как странно: я совершенно не чувствовал и не чувствую разницы в годах меж мной и Кадькой; а здесь вся наша компания кажется мне много моложе меня — даже Леня, который на месяц старше.

Ну ладно, я иду совершать ежедекадное омовение. Да — получил бандерольку от тебя, Ларик. Спасибо! Открыток у меня нет, и поэтому я не смогу, наверное, поздравить всех, как здесь предпочитают выражаться, «с праздником весны»*. Конвертов, впрочем, тоже нет.

| 27/IV/67

Вчера я получил твое письмо, Лар; ты пишешь, что приедешь без запросов, заявлений и прочего. Не могу передать тебе, как я огорчен этим. Право же, ты могла бы доверять моим настояниям в этой области. Завтра или послезавтра вы появитесь, полюбуетесь на забор и уедете не солоно хлебавши*. Я уже не говорю о потраченных впустую силах и времени — но нервотреп и для вас, и для меня. Для меня, кстати, больше, чем нервотреп: такие ситуации вынуждают меня насиловать себя.

Дружок мой, я накануне (очевидно) всяких бытовых перемен; разумеется, они будут не к лучшему. Убедительно, настоятельно прошу тебя: брось всякие хождения по инстанциям, прекрати все и всяческие разговоры и переговоры с должностными лицами. Пожалуйста, не «качай права», не вмешивайся — это совершенно бесполезно. Я не верю в беспристрастное вмешательство. Тем более не стоит пугаться, что я не так уж и недоволен ожидаемыми переменами, — по крайней мере, отдохну от многолюдства*. Правда-правда, у меня очень хорошее, очень бодрое настроение и грандиозные планы самоусовершенствования...

А рукавички мы уже не шьем — «пирчатки» пошли, белые, вроде милицейских. Больше, чем на одну пару в смену, я не способен, да и та уродлива, как смертный грех. Правда, ее — перчатку — шить очень трудно.

А сегодня еще письмо от тебя и от Эдки [Золотаревской] — милое до чрезвычайности и непосредственное, как сама Эдка.

| 28/IV/67

Еще письмо от тебя — № 5, а вчера было № 6 — о театре Лен. комсомола. Мне совершенно непонятна эта свистопляска*: она, как

мне кажется, прямо противоречит тому положению — неплохому — которое складывается сейчас в искусстве.

И все приветы я прочел с удовольствием и благодарностью.
Были вы нынче здесь с Ириной или почудилось мне?

| 29/IV/67

Это письмо будет отправлено — опущено в ящик — I/V. Я не уверен, что буду еще что-нибудь приписывать сегодня вечером или завтра. Так что, на всякий случай — целую вас всех.

Ю.

P.S. Вчера получил переводы Пастернака от Тошки. Спасибище!
И — с днем рождения его! Ю.

| 30/IV/67

Ужасно странно писать вам в Москву, когда вы, возможно, еще здесь, в Озерном, на расстоянии 20–30 метров.

Нынче Пасха. Разумеется, многие из сей обители воздают должное этому дню. И я, старый язычник, туда же: ел и пил во славу «религиозных предрассудков», отдал дань восхищения музыкальности «рідної мови»; вот только не христосовался ни с кем.

Забыл я попросить вас, чтобы все, кто будет мне писать, клеили бы марки поярче, позанятней да пофасонистей — ведь у моих коллег есть дети, и не все они живут в городах, а филателией заниматься и им очень хочется.

| 1/V/67

Ну вот, тройной праздник: 1 мая, 2-й день Пасхи и 3-й день после свидания.

У меня состояние умиротворенности, полного покоя и равновесия — контрастом к настроению последних дней.

Немножко читаю, немножко пишу, множко разговариваю, вернее, слушаю.

А еще в пинг я вчера вдребезги обыграл этих молокососов — Виктора [Калниньша] и Сергея [Мошкова]. Обыграл бы и Энна [Тарто], да он руки на стройке ободрал, ходит забинтованный. Все кланяются, и все вас любят. А всякие прочие, малознакомые, были увере-

ны, что Санька — мой брат. А что это значит? А то это значит, что он выглядит взрослым, а я — наоборот.

А теперь я пойду обедать, а потом (если кина не будет или если будет такая же муть, как вчера) залягу с книжечкой. Лихо я сибаритствую, а? Ох, уж эти евреи — всюду устраиваются!

| 2/IV/67

Всегда я медлю отправлять письмо: а вдруг чего-нибудь еще вспомню?

И вспомнил. Тебе на днях придут деньги из Риги. Ты ими распорядись по своему усмотрению, но как только получишь от нас — от меня или Виктора [Калниньша] — заказ на какую-нибудь нужную ему книгу (специальную, по языку или этнографии, археологии), немедленно этот заказ выполнишь. Пришлют тебе, вероятно, рублей пятьдесят*.

Чудо!!! Верить ли своим глазам? Удивительно, но факт: показали приличную картину. Я сегодня смотрел польские «Маленькие драмы». Новым этот фильм не назовешь. И боевиком — тоже. И однако после всяких «Зеленых огней» минского производства это вполне прилично. Самое приятное, что ребячьи рожицы как будто взяты из иллюстраций к Янушу Корчаку. И снято неплохо. И дух 50-х годов есть, и тридцатые чувствуются. Разумеется, не блеск, но приятно.

Ну, что еще? Судьба преподнесла мне II место в бильярдном турнире. И я вполне удовлетворен. Я занял II место после Сережи Мошкова — неплохо! Все прочие участники люто нам завидуют.

Играть в волейбол я бросил из-за руки. И горжусь силой воли: очень уж хочется, а я терплю. Вот видите, какой я волевой!

Ладно, детки, до свидания, до следующего письма. Целую вас и обнимаю.

Ю.

п и с ь м о д в а д ц а т ь в о с ь м о е

| 8/IV/67

Итак, возобновляется милая моему сердцу повинность — мои двухнедельные письма. Это, правда, будет недельное, для равновесия. А дальше все войдет в колею, ведь, насколько я понимаю, непредвиденных визитов больше не будет.

Сегодня и завтра — свободные дни, отдых, чтение, треп. С отдыхом худо. Нынче с утра я влип в волейбол. Затем в бильярд. Он еще

| 206

не кончился — просто я удрал; но начатый турнир будет завершен. Кажется, начинаю входить в форму: пока сегодняшний счет — 3:1.

Вчера получил аж три бандероли. Я уже перепутал, от кого какие книги, но обоим отправителям — Борьке [Шрагину] и Павлу Михайловичу — благодарность*. А также и тем, чьи книжки. Ведь «Дон» с Фолкнером — Елены Михайловны [Закс]?

Ну что у нас здесь творится? Благословенная жара — 28, 29° в тени. Это начало мая, а что же будет дальше? Но — как накаляются себя на груди и на руках — «Нет в жизни счастья». Комарье совершенно осатанело и жрет нас почем зря. Меня оно особенно возлюбило, вероятно, за то, что я пахну этим чудесным мылом, которое прислала Майя.

По ночам амурничают лягушки, да таково громко, что стон стоит. И черемуха пахнет вовсю. И я поневоле слушаю и нюхаю. Куда денешься — близость к природе! Тем более, что работать я не могу: как я тебе уже говорил, Лар, у меня забрали все мои записи*. А я не умею писать прозу, не видя того, что уже написано.

Забрали у меня и черновик письма Пахомову. А жаль! Так хотелось поблагодарить его за чуткость и заботливость. И за правдивость. Так что придется продолжать стихи. Очень может быть, что скоро у меня будет для этого достаточно досуга.

Ах, как жаль, что я не могу писать в письмах все, что вижу и слышу. Может быть, тогда бы мне и не было бы так досадно, что забрали мои записи. Кстати, очень смешная мотивировка: я-де пишу о таких деталях, о которых знать никому там, у вас, не положено. Можно подумать, что ежели я говорю об одежде черного цвета, то разочаровываю вас: вы-то, небось, думали, что мы все тут наряжены в балетные пачки; или что мы отделены от воли не «забором», а солнечными лучами, увитыми гирляндами роз...

Ну, ничего, друзья мои. Вот я вернусь, и мы достанем эти вот мои вполне подцензурные письма, и я их прокомментирую на всю катушку.

Пойду-ка почитаю Фолкнера на сон грядущий. Я все-таки на месте Риты Яковлевны* написал бы не «огинаться», а «ошиваться».

Я уже из присланного прочел «10 негрятят» Агаты Кристи и книжку Сарнова о детской литературе*. Он — молодец, и книжка — всерьез; особенно всерьез — о Пантелееве и Гайдаре (о Маршаке мне не понравилось). Он силен там, где идет анализ и комментарий, общие выводы складываются как бы сами собою. Избегать бы ему только определений-формул: есть понятия, не нуждающиеся в определениях, например, «Детская книга». Не нуждаются не потому, что и так, мол, ясно, а потому, что все равно не втиснешь в формулу.

А Агата — слабовата.

Я получил открытку от Люды [Алексеевой], письма от Глухого [А.Марченко] и Воронелей. Да сбудутся Людины сны! Как гласит еврейская поговорка: «Из твоих уст да Богу в уши!»

Ну Толя сам вам пишет, так что вы о нем все знаете; непременно ему поклон и привет. И не только от меня — от всей нашей компании.

Над Сашкиным письмом я уж сидел-сидел, вздыхал-вздыхал. «Суровый и печальный» (как пишет о нем Нелка) Воронель задал мне задачу. Шутка ли — стать «модным»! Хотя я и не припомню, в каком именно кругу ада уготовано место тем, кто при жизни был модным, но я прекрасно понимаю, как это стыдно. Меня смущает лишь то, что я не вижу никакого выхода из этой катастрофической ситуации — по крайней мере до выхода на свободу. Лишь тогда я смогу объяснить всем, что они заблуждаются и что я совсем не такой и не этакий. А может, и объяснять не придется. «Мода на меня» возникла, очевидно (я ведь только догадываться могу!), потому, что я сижу, и потому, что пишу. Стало быть, как только меня освободят, интерес ко мне и к виршам моим исчезнет сам собой. Что ж, я согласен. «Пошло дело!» — как выражается Толя Футман, благословляя какое-нибудь начинание. Сашка велит мне подумать, почему «Андрей не так моден». Я подумал, подумал и решил, что все дело в том, что у публики плохой вкус.

А ежели без шуток, то какого рожна Сашке надо? Ну пусть он подумает, что я могу знать о Москве, о настроениях, о моде и обо всем прочем? И как он полагает — могу я устранить эту самую моду, когда я даже не знаю, чем я обязан ей? Если Сашка думает, что причина — мое поведение, то уж ему-то известно, что оно — не нарочитое, не рекламное, а самое обычное. Я уже слышал эту песенку: «Андрей ведет себя иначе!» Андрей может вести себя в тысячу раз умнее, благороднее и тактичнее (от слова «такт»? или от «тактика»?), чем я, — но я-то не Андрей Синявский, а Юлий Даниэль.

Что касается желательности письма, о которой пишут и Сашка, и Нелка, то напомним им (и тебе, Лар), что я не могу адресовать письмо «на деревню тетушке». Я уже давным-давно просил прислать мне адрес.

Целую Нелку и его, дурака, с великой нежностью. И пусть пишут почаще, хоть бы и такие невразумительные письма.

«Победные» телеграммы* от Борьки З[олотаревского] и Миши [Бураса]. Письма от Иры Кудрявцевой, от Наташки [Садомской] и от тебя, Лар. Носки, журналы, зарубежные киноактеры. Отправителям — мерси.

Я думаю, Ларка, что жертвоприношения надо делать до путешествий, чтобы умиловить богов. Столь щедрая оплата (сапоги, туфли, плащ) такого короткого свидания попросту развращает небожителей*.

Я рад новостям, которые в твоём письме; рад, что ты видела нашего «многослойного» друга. Э, не удивляйся, все в порядке, все как должно — я об этом знаю лучше тебя.

Санькино сочинение я прочёл*. Ну что ж, неплохо. Дельные мысли и ракурс любопытный, хотя все осовременено до крайности. Не стоит, пожалуй, злоупотреблять непринужденностью, такой разговорной манерой: получается так, что ты, Санька, «делишься своими впечатлениями» этак через плечо, попыхивая сигаретой. Я, разумеется, не за благоговейный захлеб, но чуточка уважения к произведению не помешала бы. Проблема (тем более, что ты подаешь ее как актуальную для нашего времени) исключает снисходительный тон. Я бы тоже поставил тебе «5», но вызвал бы на спор и потребовал бы более серьезной аргументации. Ты, малыш, молодец, но не увлекайся кажущейся аксиоматичностью своих положений.

Наташкины идеи насчет козлов-быков-театра-корриды* вызвали взрыв восторга у Лени [Ренделя]: у него тоже какие-то сходные соображения по этому поводу. А я не знаю. Все равно, мне быков жалко. Положение-то неравное: людей специально учат убивать быков, а быков никто не вразумляет, как позффективней пырнуть матадора. У Хемингуэя есть чудесный рассказ* о том, что получилось, когда бычьими рогами (кухонными ножами) управлял человек.

Что касемо либералов, то, несмотря на то, что они — аморфная масса, я очень четко вижу их общие приметы, их «и хочется, и колется», их разномастный оппортунизм. Но почему, собственно, «их»? Мой, наш...*

«Неподвластность духа конкретной реальности», — пишет Наташка. Правильно, это у многих есть, но, к сожалению, конкретная реальность — штука довольно действенная, многих она попросту перемалывает — и это не худший вариант. Для некоторых сознание собственной значительности, ценности служит оправданием чему угодно: сдаче позиций, приспособленчеству, уступкам и пр. И чаще всего такое поведение аргументируется так: «Я должен сохранить себя —

ведь в будущем я такое могу совершить!..» Одним словом — галилеевщина, а точнее — одно из толкований отречения Галилея: «Да, он отрекся, но зато сколько он дал науке!» И если я вполне понимаю Галилея (страшно же!), то истолкователи вызывают у меня острое сожаление. Глупые, они не понимают, что уже никогда ничего не смогут сделать. Примеров этому — тьма, и особенно в искусстве. Так погибли и погибли художники (Левушка Мильчин*), писатели (Фадеев), ученые (Зойкин шеф). А в этом случае тягостная зависимость от прошлого увеличивается стократ — в случае, о котором пишет Наташка.

| 16/V/67

Я прочел почти всю «Звезду Востока»*. Знаете, что произвело на меня самое сильное впечатление? (Бабеля-то я хорошо знал и раньше, я говорю о новых для меня вещах.) «Баллада о расстрелянном сердце» Николая Панченко. Я очень прошу Тошку [Якобсона] сказать ему об этом, они ведь знакомы. Отличные, человечные, скорбные стихи, очень они мне по душе. И написано просто, крепко, без тумана и завихрений. В тех стихах, которые я слышал, когда он читал в ЦДЛ и в ДДК, изыска было многовато, вычура, хотя и там было интересное, например, стихотворение о стенах. И еще спасибо ему за его улыбку 9 февраля прошлого года* — она была мне особенно приятна рядом с отрешенными взглядами добрых знакомых. Но это я не их ругаю, это я ему радуюсь.

Я еще не прочел Мандельштама, Казакова, В. Иванова, потому что нырнул в цветаевского Андрея Белого. От прозы ее я получаю ни с чем не сравнимое, прямо чувственное наслаждение.

Я так много всегда пишу о том, что читаю, не только для информации и не только потому, что поделиться хочется; наверно, тут есть желание объяснить вам, почему мы держимся, кто наши друзья, наши крепости (из которых мы время от времени делаем вылазки). Не знаю, как у других, а у меня все это смешалось в один ком: Цветаева, Фолкнер, Бабель, наша одежда, шум на волейбольной площадке — веселый шум, производимый людьми, которых только уважение ко мне удерживает от усмешек по поводу моего срока. Удивительно и естественно рифмуются в нашем каждодневье Блок, миска супа, смерть, смех, блатной жаргон, погоны, ночной кашель, фотографии жен и детей. Все это, сбитое на крохотном пятчке регламентированных суток, спрессованное в один конгломерат, обладает огромной и подчас страшной силой сцепления, как и всякий, если я не ошибаюсь, микромир.

Но это вовсе не значит, что этот наш «концентрат» значительней, серьезней, важней, чем ваши дни. И я совсем по-другому смотрю на ваши статьи, скульптуры, поездки, неурядицы, чем Ирина Глинка, письмо которой я нынче получил. Для меня это все очень важно и обладает ценностью такую же (а подчас и большей), как и многие проблемы и решения проблем здесь, у нас. Иначе зачем бы мне быть здесь?..

И еще сегодня было письмо от Юны [Вертман]. Сказать, что я рад тому, что она написала о моих стихах, — значит ничего не сказать. Это больше, много больше, чем радость, — помочь (как она пишет) отсюда — стихами. Тем более, что мы с Юной почти и не знаем друг друга: когда мне писали, что общение со мною (письмами, телепатией) помогает, я понимал, что люди беседуют со мною — их другом, хорошо знакомым и любящим их — каждого в отдельности, а не вообще, — а тут вдруг сработало то, что я написал! Чудо.

Я недавно стихи сочинил, кажется, об этом немножко*; а впрочем, не знаю. Я их в конце письма напишу, на отдельном листочке.

| 17/V/67

Сегодня я отправляю это письмо. И, к сожалению, последнюю, сегодняшнюю запись я должен начать с гигиенической процедуры.

У меня просьба ко всем, знакомым, малознакомым и незнакомым. Пусть будет известно, что анонимными письмами мне нельзя даже настроение испортить, а не только вбить клин между мною и теми, кого я люблю. Это во-первых. Во-вторых, я, может быть, плохой писатель, но зато очень хороший читатель: подделку, фальшивку за версту чую. Никто из тех, кто мог бы обратиться ко мне этак доверительно, интимно и фамильярно, никогда не написал бы подобного письма — подлого и малограмотного. И, наконец, если бы кто-то из близких, впад во временный идиотизм, решился бы «открыть мне глаза», он подписался бы. Я думаю, что эта моя точка зрения в конце концов станет известна тому, кто писал или организовал полученное мною письмишко; пусть знает: пустая затея, плевка не стоит.

Огорчился я нынче совсем по другому поводу. Я выяснил сегодня окончательно и бесповоротно, что у меня испортился характер: я стал придирчив и несправедлив. Ворчу на Марка, на Сашку, на Аллу: почерк-де никуда не годится, ни черта не разберешь, полчаса письмо читаешь... А оказывается, самый-то неразборчивый почерк... у меня. Только что получил квитанцию на заказное письмо, которое я сдал 2 мая. Оно было написано таким скверным почерком, что понадоби-

лось целых десять дней, чтобы разобраться в моих каракулях*: квитанция от 12 мая. Так что, милые мои корреспонденты, названные и неназванные, валяйте, пишите кто во что горазд.

Занимают меня (со времени получения Тошкиного письма) — дети. Те, с которыми я был знаком. Ну, разумеется, не те малыши, которым можно сказать, что я уехал в длительную командировку, а те, что уже соображают. Ведь точно же известно, что судят и сажают в тюрьму — преступников. А если им объясняют, что я — не преступник и что со мною поступили несправедливо, то какой же это страшный удар по детскому представлению о разумности и порядке — не из-за того, что это я пострадал, а потому что самая мысль о беспорядке в обществе, о его несправедливости — общества, а не дяди или папы! — самая эта мысль должна быть кощунственной для двухцветного и прямолинейного детского мироощущения. Как там оно происходит? Расскажите, ладно?

Братцы, для того, чтобы я усовершенствовался в эпистолярном жанре, пришлите мне, очень прошу, «Опасные связи» Ш.де-Лакло. Книжка эта вышла или вот-вот выйдет.

И вот еще что. Судя по последним письмам, визит Лары и Саньки оставил у них самый гнусный осадок. Я прекрасно понимаю, что это в порядке вещей, естественно. Но так же естественно и то, что у нас здесь совсем другие критерии благополучия и неблагополучия. И мы принимаем (или не принимаем) эту самую «конкретную реальность» без душевного надлома, с целеустремленным спокойствием. С нами — умение видеть, слышать, рассуждать, с нами — юмор. Это — наши неразменные рубли. «За них — на ринг, за них — на риск» (исправленная строчка, кстати)*. Так что — не паникуйте, бога ради. Я, например, сейчас весь — как мускул: могу быть напряженным, могу расслабиться, все могу. Кроме того, я — хвостун. Впрочем, вы это и сами видите.

Целую вас всех, всех.

п и с ь м о д в а д ц а т ь д е в я т о е

8/VI/67

Ну-те-с, мои любезные, опять я выбился из графика. Увы, не все в этом мире зависит от собственных желаний; но, разумеется, есть во всем этом и хорошие стороны: так, например, с меня сняты всякие заботы о быте, труде, отдыхе и пр. Вот и получилось, что мне предоставили двухнедельный отпуск, четырнадцать суток я не работал*. Если бы я писал пьесу, то совершил бы плагиат, назвал бы ее по ИБ-

сену: «Кукольный дом» («Норá»). Действие шло бы под сплошные аплодисменты — но не зрителей, а действующих лиц: мы хлопали по стенам, по себе — уничтожали всякую летающую и кусающую пакость; было даже предложение назвать наше заведение «Дом отдыха “Комарики”». Хорошо звучит, правда? Но это все уже позади, а впечатлений у меня (и довольно сильных) прибавилось*.

Опять начала барахлить почта. Так, на твоём, Ларка, письме от 30/V (последнем) стоит № 7, а на предыдущем, от 16/V — № 2; либо ты спутала нумерацию, либо четыре письма потерялись. Но и на том спасибо, оба этих письма меня чрезвычайно порадовали, равно, как и бандероли. Я уже не припомню, писал ли, с каким удовольствием я перечитывал «Записные книжки» И.Ильфа — очень мне было интересно и приятно. Да, и чудесные рисунки Иры я получил — спасибо ей.

30 мая, под вечер, я вдруг взвыл. «Что с вами?» — спросили меня. Я объяснил, что вспомнил фирменное блюдо Ирины — бутерброды*. Тогда взвыли все хором, а потом начали горячо обсуждать холодные закуски... Ничего, посты содействуют самоуглублению. Сидишь эдак ночью, когда не спишься, в позе «лотос», рядом похрапывают, ночь тихая, пустыня внемлет богу, и кишка с кишкой говорит, стихи сочиняются (одно, может быть, я в этом письме отправлю — а «Чужие огни» вы получили?); так вот, сидишь, познаешь сам себя (ничего особенного, кстати, там внутри не оказалось), и почему-то возникает дурацкая уверенность, что скоро я смогу вернуться к моему обычному легкомыслию, столь вожделенному сейчас.

Лене [Невлеру] спасибо за фотографию; как, простил он тебе потерянные сапоги?* Он по-прежнему в «Д.И.»? А Фаюм?* Ушел ли он из редакции или нет?

Окончательно и бесповоротно решил не отпускать бороду. За две недели она отросла изрядно, и видок же у меня был — ох! Хотя сейчас на роль Барона из «На дне». А сейчас я отмытый, обстриженный и выбритый. Сделаю-ка я перерывчик на обед, а вечером соберусь с мыслями и еще напишу.

Вот и вечер, и праздник: три письма от тебя, Ларка (нет № 3), письмо от Саньки, письмо от Леньки Золотаревского, от Борьки того же названия, от Майи З[лобиной] (с пикантными фотографиями), от Аллы Кремьянской и от Алки (с одним «л») [А.Сергун]. Во улов! Кроме того, сегодня будет какая-то бандероль.

Пока я прочел письма «начерно»; перечитаю и буду отвечать персонально. И, по возможности, подробно.

19/VI/67

Итак, первым у меня на очереди Борька. Точнее — одно место из его письма, про Казакова. Фи, что за выражение — «подонок»! Но дело не в выражениях, а в том, что Борька пишет, что, мол, потерял полюбившегося автора*. А почему, собственно, потерял? Послушайте, братцы, давайте-ка оставаться объективными; это, кстати, то оружие, которое украшает воина и которое никогда не возьмет в руки сукин сын: побоится. Так вот, прошу прощения за прописные истины: во-первых, люди (а писатели — тоже люди) меняются, во-вторых — и это самое занятное — позиция художника и позиция гражданина могут не совпадать. «Тому в истории мы тьму примеров слышим»*. Я вовсе не лезу во всепрощающие христосики, но я абсолютно убежден в том, что «Тихий Дон» — талантливейшая, интереснейшая и полезнейшая книга; я нежно люблю «Белеет парус одинокий» и думаю, что рассказ «Отец», написанный в 20-х гг., — один из лучших рассказов советской литературы; «Капитальный ремонт» — прекрасный образец художественной публицистики, книга с точными, образными и язвительными характеристиками, очень запоминающимися; и мне очень жаль, что автор «Дяди Степы» ушел из детской литературы — покойник был чудесный поэт*. Я вовсе не забыл, что все эти люди после этого и кроме этого писали и говорили (а также чего они не писали и не говорили!), но почему же я должен разлюбить сделанное ими раньше? Разве «Санаторий Арктур» или «Я был актером» что-нибудь потеряли оттого, что Федин держится не так, как этого от него следовало ожидать? А Казаков — ну что ж Казаков? Очень хорошие рассказы есть у него и не очень хорошие. Если он не заболел творческой импотенцией, как некоторые вышеупомянутые, художник в нем всегда осилит непорядочного человека.

А может, прав Евтушенко и рассказы за Казакова пишет «маленький гномик»? Есть такое стихотворение в присланном сборнике. Большое, кстати, спасибо за стихи.

Вот ведь как занятно получается: начал письмо в Озерном, а продолжаю в Явасе! Да, да, я на 11-м, но, к сожалению, в том самом заведении, в котором вы видели меня прошлым летом. Сейчас это бы вам не удалось, ибо я «сизжу на нарах, как король на именинах (а сколько «н»? Я что-то совсем обезграмотел)»*. Короче говоря, подвели итог всем моим прегрешениям и вкатили мне 6 месяцев камерного режима. Прости-прощай, моя швейная карьера!

А теперь, чтобы не было никаких кривотолков и никакой болтовни, считаю необходимым заявить следующее. Я вел и веду себя един-

ственно возможным для меня способом. Я вел бы себя так, если бы получал письма иного содержания, чем те, что я получаю. Я вел бы себя так, если бы не получал никаких писем и известий. Никакие внешние события, никакие сообщения извне не меняют и не изменят ни на грань мою точку зрения на то, как мне должно себя вести. Я вовсе не считаю себя непогрешимым, но держу пари, что, находясь на моем месте, некоторые мои друзья, вроде Тошки Jakobсона или Сашки Воронеля, давно заработали бы себе добавочный срок: исхожу из учета мускулатуры и вспыльчивости. Это раз.

То, в чем меня обвинили, на 90% — вранье, а если бы я не сделал остающихся 10%, каждый из вас был бы вправе плюнуть мне в физиономию. Это два.

Камерный режим — это не такие уж страсти-мордасти, чтобы переживать. Просто во внерабочее время я буду в закрытом помещении. Питание почти то же самое, можно читать и писать до отвала. И можно курить, лежа в постели! Подумать только, со времен Лефортова у меня не было такого комфорта! Могу получать бандероли (бадминтон мне уже не понадобится) и письма в неограниченном количестве. Самое неприятное, самое тяжелое — это 1 письмо в два месяца. Тут уж ничего не сделаешь, будем терпеть. Ну, и конечно, общение ограничено коллегами по помещению. (Один из них — Леничка Рендель, угодивший сюда до конца своего срока). Ну, ясное дело, никаких кино, бильярдных и пр. (шахматы есть). Зато и никаких душе-спасительных бесед, это три.

И, наконец, четвертое, очень для меня важное. Я нахожусь в самом умиротворенном, самом благополучном состоянии духа. Я чувствую, что завершился какой-то процесс во мне, что-то подошло к высшей, как мне кажется, отметке. В общем, очень мне хорошо. Я сегодня могу сказать, что я в мире и дружбе с самим собою, в оборонительном и наступательном союзе.

| 10/VI/67

Ну вот. Прошла первая ночь под этим гостеприимным кровом. А утром мы пошли на работу, и по дороге я увидел милые морды: Валерия [Румянцева], Толю [Футмана], Антона [Накашидзе], Валерия С[молкина]. Перекинулись бессвязными приветственными кликами. До чего же я рад был хоть издали полюбоваться ими! И Кнута [Скуениекса] видел. И многих других. И — главное — видел Андрюшку [Синявского]. Он выглядит очень неплохо, вид бодрый, пролетарский. И думается мне, что ни люди, ни обстоятельства нас не рассо-

рят. Есть у меня такие соображения. Мне, конечно, не удастся толком поговорить с ним, но существует же чтение мыслей на расстоянии — нам-то с тобой, Ларик, это очень хорошо известно. Я по роже его увидел, что все в порядке. Мысль же, что твои или Машины [М.Розановой] акции могут изменить наши отношения, настолько нелепа, что ее даже опровергать не хочется. У меня сегодня аж захолонуло от счастья. И никто, понимаете, никто не смеет вкаты, что между нами какое-то соперничество. Нам делить нечего. Шумиха, которая идет вокруг нас, абсолютно не трогает меня (я имею в виду не практическую сторону, а самолюбие, честолюбие и прочую муру); я всегда знал и знаю, что Андрей как писатель неизмеримо выше меня, и это меня нисколько не огорчает.

Вот. А на работу мы с Леней сегодня не попали: надо было сдавать вещи в каптерку, отбирать нужное на ближайшее время. Теперь уж до понедельника мы бездельничаем.

А теперь я малость подзакушу, а затем продолжу ответ на письма. Какая жалость, что известие о моем камерном состоянии дойдет до вас раньше этого письма! Я совершенно серьезно и без всяких поз и преувеличений говорю: «Я очень доволен случившимся». А если и начальство удовлетворено, то все в полном порядке.

Забыл написать я, что вчера, в самый момент отъезда, я получил письмо от Миши [Бураса], «Природу» со статьей Мусика [Каганова] и письма от него, и первое июньское твое письмо, Ларка.

Итак, продолжим наши игры. Ленке Золотаревскому привет и благодарность за письмо с картинками. А что, зверей он совсем перестал рисовать?

Письмо Аллы Кремянской очень милое; однако известие о том, что она собирается стать бабушкой, меня даже как-то ошеломило. Мать честная, какие же мы почтенные, оказывается, люди! Ей — моя благодарность и привет ее родителям, Борису и совсем неизвестной мне Ирине*.

Что же до Алкиного [Аллы Сергун] письма, то только диву даешься, как мгновенно и полновесно она отреагировала на мою уступку в смысле почерка: письмо, которое я позавчера получил, вдвое неразборчивей предыдущих. Нет, буду точным: каракулистой написано. Но я уже приноровился и разобрал без труда. Растрогало меня сообщение о том, что Наталья Петровна волновалась обо мне* и даже хотела кому-то доказать, что я хороший. Да, тогда — лет эдак 27 назад — я действительно был хороший, и тогда — на педсовете — такое заступничество могло бы иметь успех... Алка пусть пишет, мне письма ее очень дороги, и мне очень грустно, что я не могу написать прямо ей.

Вообще теперь, когда мои контакты так резко сократились, мне было бы очень полезно для здоровья получать чуть больше писем, чем я получал последнее время...

Санька, а ты пижон, оказывается?! Листочек твой я получил, прочел и огорчился. Право же, после пятимесячного молчания ты мог бы написать поподробней и повразумительней. Ты же понимаешь, что меня интересует все: от состояния Кэрькиного хвоста до твоих академических (не)успехов. И включая такую деталь, как, скажем, мама.

| 14/VI/67

Я не знаю, что уж там делал Мусик в своем «Клубе любителей фантастики», но наиболее фантастической мне представляется его идея, что я смогу хоть что-нибудь понять в его статье о гелии. С таким же успехом можно было бы давать уроки бальных танцев кашалоту или читать лекцию о человечности Жозефу Фуше* (или его нынешним коллегам и единомышленникам). «Метать бисер перед свиньями» — вот как это называется (метатель — Мусик, бисер — научные сведения, свинья — я). А о письме он напрасно беспокоился: очень хорошее письмо и интересное. Привет и поцелуй ему, Елке, родителям. Как сейчас здоровье И[саака] Я[ковлевича Каганова]? А можно мне быть заочным членом «Клуба любителей книги»?

А теперь, Ларонька, о твоём письме, безмерно меня огорчившем. Настолько огорчившем, что я не выдержал и поделился своей обидой с Леной — хотя бы для того, чтобы он по возвращении подтвердил полную независимость моего поведения от внешних событий. Я уж не знаю теперь, что мне делать: ругаться последними словами, умолять на коленях, отмалчиваться? Я не понимаю, почему непременно нужно учить друг друга? И почему люди не имеют права на самостоятельность, на свои собственные решения и на свои собственные ошибки? Почему считается, что вопросы и решения, связанные с очень личными, очень интимными сторонами жизни, могут становиться предметом обсуждения? И, наконец, кто имеет право за моей спиной, в мое «отсутствие» отлучать от моего дома тех, кому я симпатизирую и от кого видел только внимание, чью поддержку я ощущаю все эти полтора года переписки?!

Что это за убогое и оскорбительное представление обо мне, как о бычке, которого можно водить на веревочке?

И разве помощь (любая — от доброго слова до пачки денег) дает право настаивать на том, что единственно верная точка зрения — помогающего?

И как, наконец, не понять, что все это, начиная от идеи «повышенных требований к характеру друзей» и кончая зубодробительными советами избрать «разумную линию поведения» — как не понять, кто от этого выигрывает, кто в этом кровно заинтересован?

Послушайте, ну пожалуйста, сядьте рядком и потолкуйте ладком. А еще лучше — выпейте винца и послушайте хорошие песни. И пусть все идет своим чередом, и пусть каждый сходит с ума по-своему. И не думайте, что это «сумасхождение» так уж влияет на мое житье-бытье. Ведь этот «modus vivendi» определился в первый же день моего прибытия в Явас — и не по моей инициативе, и не в связи с поведением моих близких*.

Если бы вы знали, как инородно вторгается эта ваша московская музыка в мое теперешнее состояние. Может быть, я полегоньку начинаю чокаться, но до чего же у меня сейчас все хорошо! Ощущение веселой сосредоточенности, спокойной уверенности в себе, рабочее настроение — помнишь, Лар, какое: когда мрачная морда, а внутри — пьян от радости, что слово к слову идет...

Я письмо это отправлю завтра, не хочу затягивать, и так вы его получите на две недели поздней обычного. А сейчас, чтоб не забыть, поручения.

Учебник Виктору [Калниньшу] попробуйте все же послать, по одному тому, и попросите подтвердить получение первого.

Напиши, Лар, Валерию Ронкину о том, что здесь у нас все в порядке и что я очень доволен переселением. Привет им всем от меня и Лени.

Мне очень нужна вата для уха.

Лене Невлеру: не нужно никаких расследований по поводу анонимки*. Я ведь написал об этом не для друзей. У меня просто нет возможности писать отдельные письма пакостникам.

Сообщи мне, Ларка, все-таки № нашего телефона. Но, пожалуйста, без мистических выкладок Иосифа Ароновича [Богораза]: вероятно, именно они смутили цензуру и самый номер оказался зачеркнутым.

Если возможно, регулярно высылайте мне «Лит. газету», «Новый мир» и «Иностр. лит-ру».

Об августовском свидании и не думайте: содержание на камерном режиме исключает всякую возможность свиданий. «Не положено.» Теперь мы увидимся не раньше 1968 г.

Зубную щетку новую!

Вот и псо.

Да, еще. Наташка пусть пишет мне, а не Ленке, а то я ревновать буду. Вот еще новости! Любимая моя Наташка присылает письмо с

адресом, но без фамилии. Раздается крик по лагерю: «У кого в Москве есть знакомая с фамилией Садомская?» — «У меня! У меня!» — отвечаю я по-хозяйски. «Шиш, — говорят мне. — Здесь обращение “Дорогой Леничка!”». Представляете, как я взвыл? А тут еще ты, Ларка, пишешь, что Наташке, именно ей, я подарил самое лучшее стихотворение*. Обидно-то как!

Вот назло написал я еще лучшей (так мне кажется) и дарю его — хоть и очень страшно дарить самодельщину мастерам (это я без всяких шуток) — дарю его Нелке Воронель*. Оно на следующей страничке и нравится мне. Писано (точнее — сочинено) в обстоятельствах экзотических. В какой-то мере оно выражает мое теперешнее состояние и настроение.

Я собираюсь всерьез заняться переводами — бытовая сторона складывается так, что я смогу это делать. И, вероятно, продуктивней, чем раньше. Ведь за все полтора года я перевел всего шесть небольших стихотворений. А прозу, видно, придется отложить до возвращения.

Может, я еще что-нибудь припишу, но на всякий случай — до свидания, до августовского письма.

Обнимаю вас всех, целую, жду писем. Ю.

P.S. Санька, милый, не сердись за «родительский» тон. Попробуй писать почаще и чтоб информации было погуще. Будь здоров, малыш.

P.P.S. Сейчас по радио передают матч «СССР—Австрия». 4-й гол забил Стрельцов. И я вспомнил, как недавно один «бытовичок» говорил мне, раздуваясь от гордости: «Я с Эдиком Стрельцовым вот как с тобой разговаривал!» Это я к тому, что ваш покорный слуга — личность, конечно, известная, но где уж тягаться с Эдиком! А Сашка, охламон, пишет, что я «моден» — как бы не так! И, главное, никакой надежды, что я стану «звездой футбола»!..

| 12/VI/67

Только что мне сказали, что все-таки назначены какие-то процедуры для моего уха. Думаю, что это одно из последних достижений медицины — что-нибудь вроде промывания. И времени, чтобы назначить лечение (предварительно посмотреть меня), понадобилось совсем немного: всего один год — в июне прошлого года я попросил показать меня ушнику.

Целую — Ю.

18/VI/67

А все-таки это очень трудно: сесть (лечь) за письмо, точно зная, что отправить его я смогу месяца через полтора, не раньше. Я вот что придумал: буду писать письма по чуточке, понемножку. О быте, о мелочах. Ну так вот, о быте. Живу я со всеми удобствами, даже с постельным бельем и радио. Работа? Отменная физическая работа, не требующая ни проблеска мысли и — хвала небесам! — ручная, без грохота, гула и вибрации. На работу мы ходим через жилую зону, так что время от времени вижу знакомые рожи — очень это приятно. Да и словечком-другим перекинуться можно. Газетами, журналами, книгами меня снабжают — библиотека на высоте, а у меня всегда с этими учреждениями дружба и любовь.

Только здесь, на 11-м, я наконец-то познакомился со всеми без исключения материалами съезда писателей*. Ну и ну! Прав Шолохов: такой тиши-благодати давненько на этих съездах не было. Никто никого не бьет. Помнишь, Лар, как Соня, возвратившись от Аси, доложила Фелиции Лазаревне: «Не-ет, он его (т.е. Асю) совсем не бил...» Должен сказать, что вторжение известных писателей в новые для них жанры меня просто восхитило. Ну и все остальное выглядит достаточно внушительно.

Приятно, что на съезде владычествовал «дух любви» (см. фельетоны Ильфа и Петрова), обалдительная тактичность и вообще сплошной бонтон. Опять же ссылка на классику: кажись, в «Доме с мезонином» сказано, что, дескать, хорошие манеры не в том, чтобы стакан с чаем не опрокинуть, а в том, чтобы не заметить, если кто другой опрокинет...

29/VI/67

Ничего не получается, невозможно писать ежедневно: слишком большой запас времени до отправки. И жарко. И лень.

Какую корреспонденцию я получил? Три письма от тебя, Лар (точнее — четыре: в один конверт ты вложила старое, буйно оптимистическое. Кстати, такие же письма получают здесь многие, и это здорово выбивает из колеи. А с другой стороны, без параш скучно), письмо от Ал-дры Леонардовны [Мартыновой], Фаюма, Маринки [Домшлак], Мишки Г[итермана], Светы Б[ахметьевой], Ирины У[варовой], Майи Э[лобиной], Жени Я[кира], Марка [Азбея], Иры Г[линки], Алены [Закс]. И, наконец, письмо от Саньки — не скажу, чтоб оно меня порадовало,

но, по крайней мере, серьезное. Но ему я напишу отдельно. И тебе, Лар, тоже.

У меня их нет сейчас под рукой, писем, и поэтому я буду отвечать как попало.

Ал-дре Леонардовне — моя благодарность, приветы, поцелуи. А вот можно ли мне вот так, не испросив разрешения, поцеловать Нинку [Голубовскую] — не знаю. Особа уже в почтенном возрасте, а характер, очевидно, в мамочку — ндравный?

Фаюм прислал очень интересное письмо, очень нужное мне — тем, что опровергает мою «преимущественную модность». И очень заинтересовали меня его литературные планы, особенно об «архитектуре фантастики». Может, по невежеству и от слабого знания характера и сути работ, но мне как-то даже чудится родство между этой темой и темой Маринки — декоративной архитектурой XVIII в. Ась? Это очень глупо — то, что мне чудится?

А Маришке надо сказать, чтобы она плюнула и писала, что и как пишется. И пушай меня не пугает: что, мол, мои оценки опасны, т. к. становятся общеизвестными; а то я и вовсе перестану чего-нибудь оценивать. А еще популярно объясняю, что на любые оценки, в том числе и на мои, можно наплюнуть. Слюной.

Вот бы с кем сейчас потолковать — с Мишкой Гитерманом! Уж он бы мне все объяснил — что и как. А заодно дал бы парочку-другую советов главнокомандующему*. Что же до советов мне, правда, очень робких, как бы извиняющихся, — то не подойдет. Не могу жить острожно. Пробовал, не получается. Себе дороже.

А Светлане спасибо за хорошие слова. Она права: я никогда никого и ничто не вычеркиваю из памяти, все и всех сберегаю. Но это не оттого, что я такой хороший и исключительный: просто мне так легче жить, вооруженному.

От письма Иры У. в восторг пришел Леня Рендель: он, оказывается, отлично помнит спектакль «Изобретатель и комедиант»*. И мне пришлось прочесть ему небольшую лекцию о творчестве Даниэля-старшего [М.М.Даниэля]. Вот на какие подвиги подвигла меня Ира.

Жене Я. — привет. Скажите ему, что я стал болтливым и уже не умею молча слушать других. Но, может быть, это пройдет на воле.

Догадка Марка насчет Герострата очень хороша и вызывает у меня полное сочувствие. Даже написать захотелось. Но для такой темы у меня мало знаний, образования попросту. Здесь нужна повесть или большой рассказ; на стихи эту тему жаль было бы разминивать.

А Ирина умудряется описывать те места, где бывает, так, что у меня слюнки текут. Тем более, что стоило мне только произнести вслух название этих самых мест, как сосед-латыш тут же выложил кучу живо-

писнейших подробностей и показал по карте, как она ехала и куда приехала. А у меня нет ощущения прерванного контакта. И очень просто: там, у вас, жизнь и множество других контактов, дел, волнений и ниточек. Естественно, та ниточка, что ведет ко мне, истончилась и теряется; у меня же, кроме этих ниток-воспоминаний и писем — почти ничего нет. То-то я и цепляюсь за них так отчаянно... Бородатой звезде телеэкрана — привет.

Аленке — самые нежные поцелуи, хотя она и огорчила меня известием о разрушенном букинистическом на пл. Дзержинского. Сколько я локтей протер на прилавках этого магазинчика! И сколько книг загнал в скупку! В частности, именно там были загнаны «3 мушкетера» — те самые, выручка от которых пошла на оформление альянса «Богораз — Даниэль» (Ларка, помнишь?).

А что снимает Володя?* Ему и тигру — салют!

И с нетерпением жду обещанного письма Елены Михайловны [Закс].

I 2/VII/67

Ну что ж, потрепемся малость за поэзию? Очень меня третирует моя юная жена, прямо сил нет удержаться от возражений. Но для начала выношу за скобки: заступаюсь не за свои стихи, а за стихи вообще, а также за некоторые права авторов на самостоятельность.

Начнем с пустячка. В последнем присланном мною творении* тебе, Ларка, не понравилась опоясывающая рифма, ты считаешь ее менее естественной, чем, скажем, перекрестную. И даже не без кокетства заявляешь, что, мол, вообще не воспринимаешь такой способ рифмовки, что лучше сказать «просто лошадь». Что-то я никак в толк не возьму, почему такая естественная (или противоестественная!) вещь, как стремление к звуковым повторам (так называемой рифме), может иметь степени? Перекрестная или парная рифма — это естественно для стихов, а опоясывающая — нет? А почему? А сами стихи вообще — это естественно? И любопытно знать, воспринимаешь ли ты и как воспринимаешь опоясывающую рифму в онегинской строфе? Во вступлении к «Возмездию» Блока? В любом классическом сонете? Наконец, в (прошу прощения за упоминание этого стихотворения рядом с Пушкиным и Блоком, но ты сама сослалась на него, как на нравящееся тебе) — в «Стихах о воде»?* Что-то концы с концами не сходятся...

Засим ты изволила усмотреть в начале этого злополучного произведения некие лингвистические потуги. Вот, мол, избобрел велосипед:

«открытие на уровне 5–6 классов» — то, что «плавно» и «плыть» одного корня. А с чего ты взяла, что речь идет об «открытии»? Там, по моему, сказано ясно: «Когда спохватишься, что...» и т. д. «Спыхватишься», понимаешь? Как люди спыхватываются, что они дышат, что сердце бьется, — все это нам отлично известно, но мы об этом не помним. А открытие (ну пусть микрооткрытие, открытие в пределах одного стихотворения, открытие для меня, дурака) — это «плыть» и «плоть», «певец» и «пловец». Но ведь там и глаголы соответствующие: «Когда поймешь...», «Когда постигнешь»... И только этих глаголов значение претендует в какой-то мере на «открытие», а отнюдь не «спыхватишься».

«Слов много напихано в каждой строчке». Ой, много ли? 4-стопный ямб (один из самых емких размеров) этого стихотворения вмещает в среднем 4 слова в строку. Разумеется, я не считаю отдельными словами всякие «и» или «не». Ты-то отлично знаешь, что при чтении «и станет» превращается в «истанет». Таким образом, количество слов в строке в среднем не превышает количества слов в «Онегине» (еще раз пardon!). Стало быть, ежели читается плохо, дело не в количестве слов, а в их сочетании. Тут уж я спорить не буду; могу только сказать, что у меня читается гладко, без спотыканий. Может, поэтому мне трудно согласиться, что «плавности-то и нет». Но это, вероятно, субъективное, авторское. Хотя один достаточно компетентный читатель оценил эти стихи очень высоко и говорил как раз об их «свободном дыхании», о «легкости». Правда, он всегда ошибается, оценивая мои стихи...

Еще одно, но не возражение, а объяснение, по поводу «Чужих огней». Наверное, так и есть — строчка «Писать, что зло не так уж действительно» звучит слишком общо, абстрактно; это так — для вас, но не для меня. Для меня в этом тексте «зло» — вполне конкретная вещь, такая же реалья, как «снег» и «сосны». Дело не в том, что я не могу дать конкретные и общепонятные понятия «зла» — могу. Но не хочу: это значило бы мельчить образ, дробить категорию. Ведь категория же — петровская картинка, висевшая (висящая?) у нас*, — и вместе с тем конкретный образ. Я внятно выражаюсь?

А в общем, все это я пишу лишь потому, что о стихах поболтать захотелось. Не горюй, Ларка, больше умных стихов не будет: я задумал цикл под названием «Песни простофили»*, и, ей-ей, это будет подходящее название.

А прозы больше не будет, по крайней мере, здесь. На днях я в клочки порвал страниц тридцать текста. И не потому, что плохо получилось. По-моему, совсем даже недурно. Просто я больше не могу и не буду писать на авось...

8/VII/67

Привет, милые мои! Слышите ли вы, как я распеваю «По морям, по волнам, нынче — здесь, завтра — там!»? Дело в том, что я опять на 17-м. Причины этого стремительного перемещения мне неведомы; впрочем, кое о чем я догадываюсь. Пребываю я сейчас в ситуации несколько двусмысленной: те решения, которые были приняты в связи с моим «неблаговидным поведением», не отменены, однако я в зоне (уже четвертый день), в прежней нашей комнатке. Увы, нет среди нас «великой птицы страуса» — Лени Ренделя — он остался дожидаться своего юбилея на 11-м.

Я начал большое письмо, с ответами на полученные мною письма, с рассуждениями о своих стихах и об их исследователях, с ответом на Санькину теорию независимости от работы и учения и пр., и др. Но решил пока (до полной ясности своего положения) не продолжать. Так что рассматривайте эти листки как некую интермедию информационного характера.

Я здоров. Или, чтобы быть абсолютно точным: у меня ничего не болит и я ничем не болею. Рука в порядке, ухо — тоже (весь этот месяц мне запихивали в ухо турунды с какой-то желтой пакостью, вчера снова смотрел ушник). Единственное, что меня несколько беспокоит, — это то, что я быстро устаю. Но, как говорится в анекдоте, «это не страшно». Если оптимизм получаемых мною и другими писем* имеет под собой хоть какую-то почву, то ликвидировать причины такой моей слабости будет довольно просто.

А вот настроение мое оставляет желать лучшего. И все как раз из-за этих вот радостных прогнозов. Я ведь уже как-то успокоился, унялся, настроился на годы. И вот последний месяц меня снова вышиб из колеи. Дудят в уши со всех сторон, пересказывают письма, слухи, сведения. И я безумно устал от всего этого. Хоть бы что-нибудь конкретное!..

Вчера я получил бандероли с книжками Райниса от Ирины Глинки, «Театр» от Иры Уваровой, Шаламова от Юры Левина, «Науку и жизнь» и «Ускоренное развитие литературы» от тебя, Лар. Ты знаешь, я с сутью этой последней книжки уже познакомился раньше*, но и здесь она доставила нам много удовольствия, и не только филологам. Очень интересно! И за Шаламова Юре большое спасибо. Его стихи мне понравились, и очень; и здорово, что есть связь, глубокая и прочная, между этими стихами и прозой, которую мне довелось читать — в «Сельской молодежи», кажется. Или где-то еще?..* Да, чтоб

не забыть: от Виктора [Калниньша] Наташке [Садомской] благодарность за книжку. (Сейчас вот собрались варить кофе, и мы с ним, нюхнув запаху, дружно вспомнили магазин «Чаеуправления» на ул. Кирова...) О книжечке Райниса Виктор говорит, что именно эти стихи необычайно трудны для перевода, а вообще переводчица хорошая и добросовестная. (А я перевел еще одно стихотворение Кнута [Скуениекса] — сонет; но пока не пошлю, пусть отлежится.) И художника он тоже хвалит — вообще, не за эти иллюстрации. Какое чудо, должно быть, найти на отмели оснащенную яхту! Как я завидую Глебке [Глебу Левину].

Ире У. спасибо за Мрожека. Я больше не буду делать клеветнические выпады и злопыхательствовать, я раскаиваюсь в содеянном и твердо становлюсь на путь исправления*. Удовлетворится Ира этими магическими формулами?

Между прочим, они действительно магические: я знаю людей, которым достаточно было бы их произнести, чтобы оказаться в лучших климатических условиях. Или, во всяком случае, в лучших бытовых.

Странно, Лар, что ты упорно не сообщаем мне № нашего телефона, несмотря на мои просьбы. А еще хочешь, чтобы я ему имя придумал!

Систематическую присылку журналов и газет, о которой я просил в прошлом письме, я торжественно отменяю. Во-первых, неизвестно, смогу ли я получать бандероли; во-вторых, все это уже получает компашка; впрочем, ребятишкам не будет слишком трудно получать и другие «выдающие» образцы литературы.

Если кому-нибудь случайно подвернется стерженек для чешской авторучки, вышлите, пожалуйста, сюда — Юре Шухевичу*.

19/VII/67

Ну так вот. Положение прояснилось: нынче я удаляюсь от светской суеты в небольшую, но уютную келью. От монашеской она будет отличаться отсутствием икон и, наоборот, присутствием газет, книг, радио и параша. Впрочем, я не знаю, как с этой последней устроивались монахи. Попробую превратить эту осень в Болдинскую, уединение (полное) будет, я надеюсь, помогать мне в этом.

А в общем, «жизнь прекрасна и удивительна».

Выше носы, граждане!

Целую вас всех. Пишите, пожалуйста. Ю.

12/VII/67

Итак, продолжим наши игры. Накануне отъезда с 11-го я получил два письма: от Иры Кудрявцевой и от тебя, Лар. Да, Ире нельзя не посочувствовать — с графоманами шутки плохи, сам с ними имел дело*, да и сам — графоман. Ну, ничего, пусть пишет про Пашеньку — XVIII век все лечит. А что до ожидаемого звонка, то позвоню, ей-ей, только бы до телефона добраться... Вот скоро ли — бог весть.

Количество котят катастрофически уменьшается от письма к письму: в послании, которое я получил вчера, их уже всего четыре. Вчерашнее письмо — от 5/VII, и стоит на нем № 2. Стало быть, первого июльского письма я не получил. И очень мне жаль, я с большим нетерпением ждал его, и теперь мне не узнать, о чем ты писала. Ведь пока это письмо (мое) попадет к тебе, ты уже забудешь, о чем шла речь в 1-м июльском. И письмо от Павлика, то, о котором ты пишешь (с «литературными вкусами»), тоже до меня не дошло. А вот бандероли (штук шесть) я вчера видел. Именно видел — потому что получил из них лишь самое необходимое: зубную щетку, «Новые миры» и «Лит. газету». Остальное, по всей вероятности, вернется обратно.

Живу я в маленькой комнатке, один, как отшельник. И жизнь монашеская: встаю и ложусь рано, разносоломи не избалован, и работа у меня идиллическая (правда, скорее для женского монастыря) — вяжу сетки-авоськи. То есть, не вяжу, а пытаюсь вязать. Ну решительно ни фига не выходит. И не выйдет, по всей видимости. Жаль, на 11-м у меня была мужественная, хорошо звучащая работа: я нарезал болты и загибал пружины (чего-чего, а загибать мы умеем!). Вероятно, крах на авосечном фронте обернется для меня новыми бытовыми неприятностями. Ну и хрен с ними, пусть.

Сбиваюсь я что-то с иноческого тона. Вот так всю дорогу: то-то настроишься на благодостный лад, ан лукавый тут как тут — суетные, светские, грешные мысли в голову лезут и неудобопишуемые выражения так и летят с языка.

Я не очень переживаю свое одиночество. В одном из недавних писем, помнится, я даже вздыхал о нем — вот и исполнилось. Все исполняется. А как она там, шагреня моя, уменьшается ли в размерах и сильно ли? Пожалуй, если бы мне предложили напарника в мою келью, я бы взял любого из трех (Андрюшка [Синявский], Валерий [Румянцев], Толя [Футман]); от всех других отказался бы. А вас бы, милых моих, пускал бы лишь на часок-другой. Впрочем, я это и делаю, разговариваю. С фото и просто так. Те, кто слышат меня за

дверью, наверно, думают, что я тронулся. Может, так и есть. Здесь этим никого не удивишь. Да, так вот, очень ко всей этой ситуации подходит песенка «Ваше величество, женщина». С нее я и начинаю обычно свои разговоры. Окуджавские песенки, кстати, оказались очень подходящими, они сопровождают меня с сентября 1965 г. Хороший он поэт. Был? Или — есть? Я что-то давно не читал и не слышал ничего нового.

Напиши мне, пожалуйста, Ларик, о здоровье Аллы Григорьевны и Иосифа Ароновича [Богоразов–Зиминых]. И сердечный привет им.

| 13/VII/67

Только что получил письмо от Тошки [Якобсона] — преджигулевское, чемоданное. Очень здорово, что они надумали махнуть на Волгу; пожалуй, и я бы не отказался — если бы меня очень попросили... Как мне захотелось послушать Тошкины лекции!* Слушайте-ка — а нельзя ли эти лекции сделать, так сказать, общенародным достоянием? Читать их, скажем, не только в школе, а в лекционных залах. Для большой (я не о возрасте) аудитории? Привет и объятия Очковой Змее [М.Улановской], Эмбриону [Сане Якобсону] и самому Тошке. Да, письмо от Толи Гелескула я не получил. Кстати, Лар, ты говорила, что Майка [Улановская] собиралась написать (или написала?) о «Стрелах на снегу»? Тоже ничего не получал. Забавно, правда? И еще: смутила меня Тошкина фраза о том, что «еще немного времени» — и он увидится с Толей Футманом. Что сие означает?

Тошкино письмо принесли мне в обед; я думал — все на сегодня, и вдруг — твое, Ларка, жалостное письмо: о том, какая ты затурканная. Бедняжечка! Нет, решительно необходимо как можно скорее выбраться мне на волю, а то там тебя на составные части разберут. Я уж принял бы удары на себя, закрыл бы грудью амбразуру. А потом втихаря умыкнул бы тебя из Москвы и адреса бы не оставил... Да, а письмо-то — от 27/VII! Так что у меня появилась надежда получить твое промежуточное послание.

Приветы твои и объяснения, увы, не смогу я Лене [Ренделю] передать. Да уж теперь все равно — полтора месяца ему осталось. Ларочка, помни(те!), что я о нем говорил! Необходимо любыми средствами отвлечь его от серьезных вещей. Чем угодно: жратвой, вечеринками, театром, флиртом, что ли. Нельзя ему сейчас надрывать душу общественными вопросами, он очень плох, он болен настолько, что сам это понимает. Но и не впадайте в крайность, не говорите легкомысленно о том, что его волнует, что связано с 10 пропащими

годами жизни. Впрочем, я дурак, прости меня — вы все это сами понимаете. Уговорите его, олуха, волосы отпустить и передайте ему четыре заповеди: 1) не хипешевать, 2) не метать икру, 3) не тасоваться по зоне и 4) не суетиться перед клиентом. 1) и 3) — это жаргон, значит то же, что 2) и 4).

| 15/VII/67

Отдельная однокомнатная квартира — это все-таки слишком большая роскошь в здешних условиях. И я вполне согласен с начальством, которое меня «уплотнило». Теперь по левую рученьку от меня возлежит Валерий Ронкин, чешет бороду, уговаривает меня пойти (при первой возможности) в турпоход. В промежутках зачем-то читает «Иран при первых Ахеменидах». Ох, уж эти мне книжники! Между нами — нейтральная полоса, «а на нейтральной полосе цветы — необычайной красоты»: газета четырехдневной давности, пепельница с окурками и письмо от Ирины, которая не Глинка, не Кудрявцева, не Уварова, совсем наоборот — Ронкина. Таким образом, я, вероятно, буду узнавать о Саньке раньше, чем ты*. Пока что дитя успешно справилось с одной задачей: заглушило пением (!) какой-то джаз на пароходе. Так сказать, силовой аттракцион. Но что будет с бедными его компаньонами, когда они будут в тайге и ему захочется что-нибудь спеть? Одно хорошо: от нападения лесного зверья они застрахованы...

Отдали мне нынче пасту, крем, мыло. Судя по количеству мыла, мне придется отсиживать весь свой срок до конца.

| 16/VII/67

В одном из недавних писем ты писала, что, мол, на Наташкином дне рождения или еще на каком-то сборище вы все говорили обо мне так, как будто я с вами, только что вышел на минуточку, т.е. как бы ощущали мое присутствие. А ведь может и такая штука получиться, что все мы привыкнем к сложившейся ситуации. Я со спокойной иронией буду тянуть свой воз по кругу еще три года, перестану беспокоиться; а вам разговоры обо мне вполне заменят меня; тем более, что в разговорах я все-таки хоть немножко да лучше, чем на самом деле. Раз мое присутствие ощущается, то, должно быть, я сам и не так уж необходим.

Дурацкий характер: мечтал об успокоении, о ровности, о «плавности» — обрел все это. Обрел — и тут же испугался. Слишком много

| 228

я видел здесь спокойных людей — «как пульс покойника»*. Начал искать причины для плохого настроения и, разумеется, нашел: возраст, творческие возможности (невозможности) и всякие прочие страсти-мордасти, о которых не пишем.

Идея сделать из меня человека овладела Валерием, как массажи: вслед за пропагандой туризма он предложил обучить меня химии. Я ответил ему формулой. Кажется, химической.

А еще мы сегодня в бане были, так что чистые-чистые нечистые.

Тоска зеленая в клеточку, в полоску и в крапинку. В основном в клеточку(е).

| 20/VII/67

Ура, пришло твое июльское письмо, Лар. Я и рад тому, что оно все-таки появилось и что я узнал, скажем, о визите Романа*; и все же ужасно нескладно получать письма в обратном порядке. К сожалению, я уже не могу передать твои приветы мушкетерам с 11-го; но могу сообщить, что подарки они получили — и Антон, и Толя (книжка очень понравилась), а что до всякой санитарии-гигиены и писем — это мне неизвестно. Если и получили, то уже после моего отъезда. Не знаю также, получила ли ты от них и от меня известие, что я снова на 17-м.

Странные какие-то разговоры приходится мне последнее время вести; уже дважды здесь, в Озерном, я беседовал с достаточно ответственными лицами в достаточно высоких званиях. Но цель этих бесед и причина их мне неясны: всё интересуются, как я отношусь к моим бытовым и трудовым неприятностям. Ну как я могу к ним относиться? Конечно, они мне не по душе. Но ведь я же никому никаких претензий не предъявлял, я просто считаю это бессмысленным. Почему возникла необходимость обсуждать все это со мною?* Тем паче, что никаких результатов (для меня, по крайней мере) из этих бесед не воспоследовало. Ну ладно, им видней.

В ухо мне капают и вдвуют какую-то стерву — течь почти прекратилась.

Ларка, ну «почему ты такой оптимист?»* Что-то есть? Или просто так? Нет, ты не подумай, что я против простотакового оптимизма — отлично, если хорошее настроение «без причины и ни от чего». А вот ежели причины есть — вот бы мне узнать.

Притащили книги из библиотеки!!! Шекспиров всяких, Шиллеров мы не читаем. Фигушки. Ради формы (все-таки я же литератор) я выписал Марка Твена. Разумеется, и в него я загляну. Однако главное чтиво — это всякие «Вокруг света» и тому подобные издания. При-

ключенческая и детективная продукция вообще идеальна для наших сегодняшних условий. Я, кстати, был бы очень рад получить новое издание Сименона. Я, разумеется, не требую, даже не прошу — просто робко и застенчиво вздыхаю... Так вот, читается здесь очень хорошо. Нам бы еще освещение наладить — совсем бы благодать. И кто бы мог подумать, что я в заключении не отучусь от чтения, а, наоборот, начну даже газеты читать? Книги, если говорить всерьез, здесь есть. Новое издание Шекспира. Ты знаешь, Лар, зря все-таки старик Толстой ругался — совсем даже неплохой был писатель этот самый Вильям.

И как хотелось бы мне снова познакомиться с Тошкиной статьей о Маршаковских и Пастернаковских переводах сонетов!* Что, опубликовали ее или нет? Милейшие наши друзья-переводчики старшего поколения обещали ведь шекспировский сборник. Но мы ждем, как водится, обещанного три года; а потом про обещания забывают.

И М.Твен почти полный тут есть. А, кстати, когда это Нэлка [Воронель] умудрилась перевести один из его рассказов? Взял 2, 3, 4 тома, читал с удовольствием; но это раньше; а теперь я буду читать «Том Сойер за границей».

| 23/VII/67

Ну вот, Ларик, получил я твое письмо от 11/VII, адресованное уже в Озерный. Теперь мне кое-что стало ясно — по поводу состоявшихся у меня бесед. Ты не должна волноваться, что какие-то твои поступки ухудшают мое положение*: считается, что очередной мерой наказания является содержание в тюрьме — а это меня вовсе не пугает. В каком-то смысле, может быть, даже и лучше было бы. То есть я к этому не стремлюсь, но и не боюсь такой возможности. Единственное, что меня расстраивает, — это то, что ты тратишь время, силы и нервы на все эти заявления, беседы, объяснения и выяснения. И, разумеется, впустую. Я не верю — я уже, кажется, писал об этом — в какой бы то ни было результат. Тебе всегда ответят, что все, что ни делается, все происходит в рамках законности. Правда, во время последней беседы (с представителями Москвы) этого не было, мне не возражали и мои доводы не оспаривались. Ну и что?..

Житье-бытье идет помаленьку; именно помаленьку, очень медленно. Плетем с Валерием [Ронкиным] авоськи. Он меня все время подгоняет — жутко деятельная натура. На минуточку оставишь его без призора — и он тут же начинает строить светлое будущее. Угомону на

него нет! А если всерьез — очень неплохой парень, дельный и смелый. Вот только на поворотах его заносит. Но это он и сам понимает.

А как это ты надумала ехать под Тарусу? На авось едешь или кто-нибудь поможет тебе там устроиться? Напиши.

Вот и вечер. Я продрых все воскресенье, даже Ронкин, понимающий в этом деле, потрясен. Но что еще делать на этом необитаемом острове? Он (Ронкин, а не остров) посоветовал мне именоваться «Даниэлем Крузо», а сам попросился ко мне в Пятницы. (Кстати, его ко мне подбросили именно в пятницу.) Попугаи и людоеды имеются. Борода у Валерия есть, а у меня будет — бриться раз в 10 дней не имеет смысла. Так что, если бы не риск снова лишиться своих записей, можно было бы начать создавать еще одно добавление к робинзонаде. Но, пожалуй, не стоит. Слишком банально. Любой щелкопер, вроде Сервантеса, Камознса, Чернышевского, Достоевского и прочих, почему-то считал своим долгом заниматься в этих условиях изящной словесностью... Даже основоположник соцреализма А.М.Горький создал своих «Детей солнца» в Петропавловке, что свидетельствует о некоей писательской мономании: ведь он писал в ужасных обстоятельствах, ему даже вместо сливок давали всего лишь молоко. Нет, я — писатель по случайности и поэтому не пойду по проторенной дорожке и не буду создавать маловысокохудожественные произведения типа «Дон Кихота»...

Уже темнеет, а свету у нас — электрического — нет. Спокойной ночи.

Валерий напишет Ирине [Ронкиной] в конце августа; он просит тебя сообщить ей, что он здоров, бодр, что все в порядке. Я, со своей стороны, все это подтверждаю. Ну а то, какова его теперешняя жизнь, можно узнать из моего письма. Бороду он не расчесывает (нечем), и поэтому всякие мелкие предметы, вроде карандашей, спичечных коробков и зубных щеток, отлично держатся в бороде. Очень, очень красиво. Когда он вернется, Ирина сможет цеплять на его бороду плечики с платьями. Вам с Санькой и всем друзьям от него привет.

| 25/VII/67

Только что получил твою телеграмму. Она добралась до меня сравнительно быстро — всего за 4 суток. «Честь и слава почтальонам!» — ведь от Яваса, где она была принята в день отправки, до Озерного целых 17 километров! Так или иначе, а я теперь знаю, что ты получила мое письмо. И впредь так же поступай. Одно мне непонятно: ты же писала, что числа 14–15 уедешь отдыхать, а телеграмма — от 21-го — из Москвы? Как так?

Перечел последнее твое письмо и — в который раз — потрясен твоей непроходимой тупостью. Надо же — человек, имеющий дело со всякими знаковыми системами, кодированиями, пиктографическим письмом и еще черт знает с чем, не в состоянии запомнить десяток знаков на погонах! С генералом ты беседовала, дура деревенская, с генерал-майором, вот с кем!* Трепещи теперь задним числом.

Ах, как мне прискорбно чувствовать твою неразвитость, как горько мне, представителю «слиты» (гибрид от «элиты» и «сливок общества» — местный неологизм, адресованный нам одним из здешних), сознавать, что судьба моя связана с таким безнадежно серым существом. Если бы я не сидел в ШИЗО, я попросился бы на строительство и закрутил бы роман с представительницами соседней зоны. Уж они-то, эти милые создания, не поладившие по чистой случайности с УК, разбираются в количестве и качестве звездочек на погонах. Кстати, я уже получал приветы от них (увы, вполне целомудренные).

И такие удары с твоей стороны в то время, как я здесь усиленно размышляю о смысле жизни, решаю, что есть вечное, а что преходящее, думаю о единстве многообразного и о том, что субстанция как субъект есть чистая простая негативность, и именно поэтому она есть раздвоение простого, или противопологающее удвоение, которое опять-таки есть негация этого равнодушного различия его противоположности... Эх, ты, черноногая, не знаешь, где генералы, а где майоры!..

| 29/VII/67

Вчера, Лар, я получил твое письмо — № 6. 4-го и 5-го писем — как не бывало. Есть, правда, надежда, что они все-таки будут мне отданы, ведь с очередностью писем всегда здесь какая-то чехарда. Что меня возмущает — это что за целый месяц я получил всего одно письмо не от тебя, Тошкино. Конечно, может быть и так, что попросту не пишут — лето все-таки, все разъехались или просто люди устали писать безответно — тогда бы все было в порядке, все понятно. Но я подозреваю, что письма пропадают, исчезают для того, чтобы я не слишком зазнавался, что меня помнят и, кажется, любят. Тем более исчезать им легко, что они не заказные, без уведомлений. Обидно. И не только за себя, а и за тех, кто писал. Так вот, о твоём письме. Прежде всего, как здорово, что ты на Оке и что тебе так славно отдыхается. Только вот Кони читать вредно. Он жил в простодушные времена, не знал, что такое «внутренний редактор» и поэтому сглупу писал что попало. А неискушенный в отечественной истории и, наоборот, искусный в сегодняшних историях читатель как начнет сопостав-

лять — батюшки светы! Суд присяжных, дело Засулич, реакция прессы, просто реакция, весьма странная, с нашей точки зрения, позиция председательствующего — как все это переварить? Начнешь размышлять — глядишь и отдых побоку. Вот шитье и купанье — это дело. А что ты шьешь? А швы обметываешь? Тут как-то я одному человеку сказанул, что ты шить умеешь, вот только со швами никогда управиться не можешь; так он обещал сделать какое-то хитрое колесико, которое избавляет от обметывания швов.

Комиссия? Бог с ней. Я во все это не верю*, это нужно для отчетности, галочку поставить.

Насчет прогнозов. Я уже привык к самым противоречивым слухам, к радостным и мрачным; и, действительно, именно твое письмо меня расстроило: ведь только ты, не в пример всем другим, никогда не обнадеживала меня в письмах. А тут вдруг такое письмо от тебя! Ну я и размяк.

№ телефона я уже запомнил наизусть.

А где Кэрька? Она с тобою на Оке? А Туська со чады?

О Саньке узнаю из писем Ирины к Валерию. Кажется, им всем там неплохо: люди симпатичные, свои, маршрут нетрудный, цель достаточно дурацкая* — все в порядке. Валерий не знает лишь новосибирцев — может, их знает Санька? Нас это несколько занимает.

Когда-то ты писала, что люди, лишённые музыкального слуха, но приверженные к вокалу, идут в геологи и в туристы, чтобы невозбранно предаваться этому пороку. Добавлю: совершают противозаконные поступки и отправляются в лагеря. А там, стремясь к уединению, садятся в ШИЗО... Очень любит Валерий петь туристские песни...

Нынче воскресенье и немножко солнышка. В будние дни мы уходим в рабочее помещение до того, как солнце к нам заглядывает, и возвращаемся, когда оно уже на другой стороне.

Книг у нас предостаточно, газету приносят и время от времени хрипит радио. Не знаю, правда, как дальше будет с чтением: с каждым днем темнеет все раньше, а света для чтения в нашей комнатке нет. И неизвестно.

Все-таки противоестественно глупо, что я нахожусь сейчас здесь, в этом помещении, вместо того чтобы быть сейчас с тобою на Оке и портить тебе настроение жалобами на комаров, дождливую погоду и вздыхать об удобной тахте. Иногда с меня слетают к чертям все мои грошовые «понимания», «проникновения», «трезвые оценки реальности», и я начинаю рассуждать «по-детски», т.е. так, как единственно и стоило бы рассуждать: «А почему, собственно говоря, я не должен был, не мог говорить то, что думаю, что казалось (и кажется) мне верным?!» Но я — молодец: ухмыляюсь цинично, как прожженный политикан, и напеваю под нос: «Уймитесь, волнения и страсти!..»

Забыл сказать, что разговор мой с высокопоставленными лицами происходил уже после твоего разговора с комиссией — числа, примерно, 19 июля.

| 1/VIII/67

Ну вот, сегодня я отправлю это затянувшееся послание. Событий у нас пока никаких не произошло, если не считать того, что появилась лампочка, забранная решеткой, рассчитанной для содержания молодого тигра средней свирепости. Повышение продуктивности на авосечном фронте двигается вперед, но черепашьими темпами. Писем я больше не получал никаких. Бандеролей тоже. Пожалуй, зря я отменил заказ на газеты и журналы.

Ларик, письмо это, разумеется, придет после 8 августа. Но ведь ты догадаешься, что в этот день я буду тебя поздравлять и, может быть, даже поцелую? Чертовски не повезло: здесь у нас во дворе росла одна-единственная ромашка, я собирался ее сорвать утром 8-го и переправить тебе (нуль-транспортировка); но она, окаянная, осыпалась еще вчера. А «что за свадьба без цветов? Пьянка — да и все». Ну ладно. Пусть вам будет весело и хорошо. Валерий тебе кланяется, поздравляет и желает всяческих успехов. Еще он желает почему-то, чтобы ты обрела меня поскорей. Ну-ну. Из его уст да богу в уши. У него у самого, бедняги, послезавтра день рождения — и ни глотка кофе, ни одной новой морды. Хотя моя, кажется, ему еще не надоела. Он очень трогательно заботится о моем настроении, утверждая, что наши тосты сбываются и сбудутся полностью. Но мы все же отметим эти две даты — 3 и 8 августа: у нас есть пачка сигарет — для Валерия и пачка «Беломора» — для меня; вот мы и будем роскошествовать в эти дни, наплюнув на махорку.

Я уже как-то даже стесняюсь слов: «Пишите чаще», потому что, по твердому моему убеждению, это самое, как его... Министерство связи, что ли? — избирательно халтурит.

С днем рождения, Ларик! Целую и обнимаю тебя.

Всем-всем приветы. Ю.

Да, на отдельном листке — стихи*: опять сорвался, всерьез написал. Вдруг забыл, что у Маришки [Домшлак] в конце фамилии — «Г» или «к»; но «Фаюм» — ничуть не хуже, по-моему. А «Песни простофили» сочиняются и к следующему письму будут, наверно, готовы.

Непременно подтверди получение письма. Может быть, стоит и другим слать мне только заказные письма? Все-таки шанс, что будут доходить.

Две недели я сдерживал себя, не писал. Сегодня, хоть и остается еще полтора месяца до отправки письма, не выдержал. И вообще писать хочется, и причины есть: получил книжки от Фаюма и Невлера и письма — от тебя, Лар, три штуки, и от Иры Кудрявцевой — с фотографией. Как видно, ее письму удалось прорвать блокаду, потому что оно заказное: больше, вот уже месяц, я ни от кого не получил ни строчки. Такого за все полтора года еще не бывало. Впрочем, может, и впрямь по случаю лета друзья-приятели заленились писать.

Прилежно, с великим тщанием, прочел в «Прометее» Фаюмские экзерсисы на тему «Федор Каржавин или пагубность академизма»*. Ну черт знает что! Да будь у меня только этот очерк, я бы давно уже книжку написал. И издал бы ее иждивением горячо любимой родины. Очерк хорош, написан завлекательно, и если Юрка собирался заинтриговать читателя («А какой же он был, этот самый Федор?») и разозлить его («Эх, язви его в душу! Не мог поподробнее...»), то он, Юрка (в девичестве — Герчук), вполне в этом преуспел. Правду, видно, Майка [Розанова] говорила: «Пока Фаюм не выяснит, где именно у Каржавина бородавка была, он за работу не примется...» Но, может быть (дай-то Бог!), этот очерк — заявочный столб?

Лене [Невлеру] спасибо за книжки. «Данта» я отложил пока, а о Тувиме читаю, и очень внимательно.

Ире кланяюсь земно и целую за чудесную фотографию; даже одного из наших опекунов проняло: увидел у меня в руках фото, всмотрелся и: «У-у, — сказал, — сила!» А «скорбящую богоматерь» зря не прислала, пусть исправит ошибку. Конечно, она права, что время работает на нас; только уж больно медленно оно работает, словно сетки в ШИзо плетет...

Я рад, очень рад, что тебе, Ларка, хорошо отдохалось. Жаль только, что мало и что отдых твой омрачился всякими делами и ненужными мыслями обо мне (в смысле — неправильными). Все не так уж черно. А Глухому скажи, что он догматик...* Нет, в самом деле, я вовсе не занимаюсь косметикой, но все в порядке. Скучно только очень. И контакты все оборваны. Что и требовалось доказать.

Мы с Валерием [Ронкиным] живем дружно, не ругаемся, не ссоримся. Он меня политпросвещает, комментирует радиопередачи. Я взамен пою песенки. «Мы вам бусы, вы нам слоновую кость». А дуэтом мы поем, обращаясь к курице, которая нахально разгуливает по

запретке: «Сквозь чугунные перилы ножку дивную продень!» Не верит, стерва, в нашу платоничность, не продевает.

Да, а как Маринки и Юрки совместная книжка о Волге*?

| 16/VIII/67

Так вот, получил я нынче письмо от Мишки Бураса. Скажи ты ему, Ларка, Бога ради, что не считал я и не считаю его дураком и что ухмылки мои не должны его обижать, что напрасно он сетует на свои письма: я верю, что он меня любит. Я его тоже люблю. И это не треп, а доказательство, по-моему, достаточно веское: я не склонен сейчас вспоминать ту его позицию, которая была в свое время стопроцентно обидной для меня и крайне нежелательной для других*. Так что пусть не выдумывает. А что касается «непересечения» наших кругов, то, право же, не моя в том вина: таковы, очевидно, круги и их специфика. И я сейчас не жалею об этом, хотя бы потому, что его «круг» изрядно наложил в штаны, причем без всяких к тому оснований. Удивительнейшим образом получилось так, что даже из тех, кто мною был введен в этот круг, прижились в нем лишь те, кто в серьезных обстоятельствах повел себя вполне скверно. Так-то, мил дружок. Относительно того, «в чем он меня не понимает или в чем он со мною не согласен»: разумеется, мне интересно и важно это знать — пусть пишет все. Вот только ответа я гарантировать никак не могу. А вдруг его доводы покажутся мне неубедительными? Отвечать по существу я не смогу: я ведь твердо решил заниматься изящной словесностью лишь в рамках, предусмотренных редсоветами журналов и издательств, а на «публицистике» вообще поставить крест.

Вот. И еще пришло коротенькое письмецо от тебя, Лар, о Санькином приезде. Отмоется ли он после тайги? Писем от него я, конечно, не получал. Жаль, что ему придется месяц торчать в Москве. Но что поделаешь?

| 20/VIII/67

Воскресенье. Ну-те-с, подведем итоги за неделю. Что же было сделано и о чем было думано? Сделано энное количество сеток; сочинено и порвано три стихотворения; спето неисчислимое количество песен; читано много книжек и журналов: Гамсахурдиа — «Десница великого мастера», рассказы Лескова, «Всесвіт», Живов — «Тувим». Кстати, об этой последней книжке. Ее содержание меня спер-

ва несколько озадачило*. Читал, читал, никак не мог уяснить себе некоторые положения. У меня ведь сложилось диаметрально противоположное впечатление о путях дальнейшего развития литературных приемов. Но, очевидно, восприятие в значительной степени зависит от настроения читателя: прошло два-три дня, я получил от тебя два письма сразу и оба с приятными новостями, настроение подпрыгнуло, и я по-иному стал относиться к прочитанному. Тем более, что книжка действительно интересная — и по фактам: много любопытнейших и неожиданных для меня вещей, в очень привлекательном свете предстали некоторые славянские литераторы... Все это утверждает меня, что не всегда нужно стремиться к «модерновым» решениям; подчас и для современных читателей нужней и убедительней приверженность традиционным, уже продемонстрированным принципам. Правда, работа такого стиля требует длительного времени; чтобы автору предстать перед читателями, иногда нужно потратить годы; но зато выходишь в свет не дерьмом со словесными разводами, а стоящим сборником.

Вот как, дорогая моя Notre Dame de Seka* (я правильно пишу по-французски? У меня ведь нет под рукой Виктора Гюго).

Только что Бен (это прозвище Валерия) напомнил мне о том, что у нас было на днях увлекательнейшее занятие: мы составляли «Полный словарь точных рифм к слову «Ж..а» — во всех числах и падежах этой последней. Тень Бобы Цимеринова витала над нами*, и ржали мы так, что любой сочувствующий немедленно перестал бы быть таковым, услышав нас, а только сплюнул бы, сказавши: «Мало, видать, им припаяли!..»

Пожалуйста, передай привет Наташе «в палевом костюмчике»* — по странному совпадению я чуть ли не накануне читал эти стихи Бену; а строчки: «... и лесную кикимору видели, и ни словом ее не обидели»* — мне вспоминались довольно часто; впрочем, цитата применима лишь наполовину.

Очень рад я был получить весточку от «морковного» тунгуса*, и я ему кланяюсь, и его коллегам-соплеменникам, знакомым и незнакомым.

Посмеялись мы с Беном возрождению классического «Вестибюли мои, вестибюли!»*

| 23/VIII/67

Бен утверждает, что я «твердо стал на путь исправления». Дело в том, что я читал Кочетова «Молодость с нами», читал и наслаждался. Пробовал напарника увлечь, но он сперва вопил: «Ю. М., вы вретел!

не может быть!» Я его тут же носом в книгу: «Убедились, господин студент?!» Тогда он изрекал весьма решительные инфинитивы.

В понедельник получил бандероль от Люды [Алексеевой] — очень занятой оказалась книжка «Там, за рекою Аргентина». Спасибоочки. Ты ей все-таки скажи, что она нахалка каких свет не видел*.

А вчера пришло письмо от тебя, Ларик. Бедная ты, бедная! Я уж и ума не приложу, что делать, как быть с котятами. Ну хорошо, этих как-нибудь сплавите, а что будет дальше? Может, навесить Туське «замок супружеской верности»?

Так я и не понял, чего тебя вдруг потянуло на стихи Мицкевича.

А еще вчера пришла книжечка стихов Володи Корнилова*. Передайте, что я очень ему благодарен и тронут, что сборник, по-моему, очень неплох и многие стихи мне понравились по-настоящему, без дураков («Быт», «Джонни», «Снег», «Смотри, как изменяет...», «Прощание со злобой», «Сочинить бы стихи...» и некоторые другие). И был я рад прочесть «Героя поэмы». Ты, Лар, наверно, помнишь его — Е.А.Гнедина*. Мы тут читали его работу в журнале*, и люди понимающие (не мне чета!) — Леня [Рендель], Валерий [Ронкин], Виктор [Калниньш] — были весьма ею довольны. Не знаю, помнит ли он нас — мы встречались у Елены Михайловны [Закс] и у Надежды Михайловны [Эйшискиной]. Я его здесь часто вспоминал, его и его жену; и не в связи со статьей. Просто легче держаться, когда вспоминаешь о таких*.

Так вот, Володе Корнилову — большущий привет. Мистика: вспомнил стихи Наташи [Горбаневской] — и ты о ней написала; назвал, отвечая на вопрос Бена, Корнилова в десятке лучших — получил от него подарок.

Маие [Злобиной] — мои извинения: я забыл поблагодарить ее за незаконное детище одеяльной промышленности; образец очень красив, и цвета мне нравятся. Но — не молодо ли для меня? Все перепуталось: в Лефортове я употреблял свитер в качестве матраца, а теперь меня ожидает одеяло в качестве свитера... Спасибо ей и за сборник Корнилова.

| 27/VIII/67

Телеграмму я, наконец, получил. Дошло-таки мое письмецо, и всего лишь за три недели. Теперь буду ждать ответов на него. Хотя, впрочем, большая часть моих вопросов всегда остается без ответов, суждений — без реакции, стихов — без оценки. Это я не от обиды, а так, констатирую. Вероятно, и в самом деле невозможно сделать

письма многоплановыми, энциклопедическими, что ли. На воле нельзя — из-за большого выбора. Здесь — из-за ограниченного выбора, из-за самоограничения — мой «внутренний редактор» очень строг. И все-таки, наверно, недостаточно строг, если письма идут по двадцать дней?

Сейчас мы не работаем (с субботы) — так сложились обстоятельства. Недостатки и преимущества такого положения примерно равны. Долго ли продержится это шаткое равновесие, я не знаю. Пока я отсыпаюсь и читаю. В третий, кажется, раз перечитываю Олешу — «Ни дня без строчки». Заразительнейшая вещь — жанр. Мне сразу захотелось так написать. Я стал думать о себе, вспоминать, и решил, что тоже могла бы получиться книжка — конечно, не такая точная и умная, как у Олеси, но, может быть, не менее интересная — по материалу. В такой книжке было бы меньше меня, чем Олеси в его очерках и эссе. И все-таки я за нее не возьмусь. Об одной причине я уже писал — не могу на авось. А вторая, смешная и грустная, в том, что я очень, больше всего, до внутренней истерики боюсь старости... А этот жанр слишком близок мемуарам — этим платоническим романам с искусством, на которые пускаются стареющие литераторы. Конечно, есть исключения — но как они редки! Обречь себя на платонику, сдать, признать возраст — это выше моих сил. Я все-таки буду еще хорохориться, прыгать на одной ножке.

Вчера пришло твое письмо, Лар. Ну как же там Саньке и Кирюшке гулять за городом? Довольны они?

Всем поименованным в письме — Симе, Нине, Фаюму — привет.

| 1/IX/67

Какие события произошли? А никаких. Здесь было только отражение того, что по ту сторону. Например: 29 августа был день рождения Марлешки [Рахлиной], билета на самолет мне не досталось, поэтому только вспоминал и представлял. Позавчера и вчера мы с Беном вели заочный репортаж — о Лене*: «А сейчас Ленька в последний раз фыркнул на вахте»; «Сейчас они уже в Потьме»; «К Москве подъезжают!»; «У Глафиры Анисимовны-то небось сейчас застолье!»; «Слушайте, а удалось ли Ренделю сменить штаны? Или так и поехал в своих кружевных панталонах?»

Пришло твое письмо от 20/VIII, № 6, это уже ответ на мое. Какая обида, какая подлость, что пропали Санькины письма! А я еще, олух,

обижался на Саньку. Итого «пропавших грамот»: твоих — 2, Санькиных — 4, друзей — х.

Одновременно пришло письмо Валерию. Он вынул оттуда несколько фотографий. Я с интересом, но без особого волнения стал разглядывать: «А кто это? А это?» — «Да это же Санька! Вы, что, не узнали?». Ох, не узнал. Сидит на бревне во взрослой компании какой-то парнюга, курит — попробуй-ка угадать свое дитё.

Значит, котятя рассасываются помаленьку. Вот и хорошо. Не забудьте проветрить комнаты.

Все по-прежнему. Спим, едим, курим, изредка слушаем радио, декламируем Маяковского:

И вот, огромный, горблюсь в окне,

Плавлю лбом стекло окошечное:

Будет амнистия или нет?

Какая — большая или крошечная?

Это из «Облака в штанах», из 1-й главы. Если, конечно, я ничего не переврал. Ох, что-то память сдавать стала. Склероз.

| 2/IX/67

Я всегда говорил, что я счастливчик, что все мои желания исполняются. Вот хныкал я, что облысею раньше, чем успею поседеть. Вчера вечером я понял, что в первую очередь мне суждена седина: я получил письмо твое, Ларонька, о сборах в байдарочный поход*. Бож-же мой! Господи сил, вразуми начальство, пусть мне дадут двухнедельный отпуск за свой счет, я съезжу в Москву и потом вернусь, непременно вернусь! Я думаю, что двух недель мне хватило бы, чтобы сжечь байдарку, перерезать телефонный провод и выработать у Кэрьки кусательный рефлекс?

Кроме нас, постоянных жильцов, в наш домик все время залетают гастролеры, командировочные, так сказать. Они-то и приносят на хвостах всякие-разные новости и слухи. Вот и сегодня нас осчастливили свеженькими известиями — да не как-нибудь, а с датами, цифрами! Ну-ну, *qui vivra, verra** (чтой-то меня последнее время на французский язык позывает?).

Сейчас мы отобедали — много времени это не заняло, — возлежим на своих тюфяках, покуриваем махорочку. Бен зачем-то читает Плеханова, я — М.Твена и между делом сочиняю стишки — «Пять песен простака» («ППП»). Три уже готовы, работаю четвертую. Ничего получилось, легко запоминается...

15/IX/67

Отчетливо, чуть ли не поминутно, помню, что было 2 года назад. Утро дома, нашу с Кадиком [Филатовым] поездку к Ире [Глинке] и Юре [Левину], обед, в приготовлении которого Кадька принял живейшее участие. Юру, побежавшего за очередной бутылкой — в добавление к привезенному нами. И как мы собрались и вчетвером поехали в Москву, и Кадька всю дорогу мяукал. И уже дома Наташку [Садомскую], Зойку [Каганову], Моську [Тульчинского]. И как я, несколько перебравший, сидел в кухне и прогнал Наташку, которая влетела на кухню потрепаться со мной. И вагон метро, где я уселся на пол у ног Ирины и Зои... Юру и Кадьку я еще видел и на другой день, а вот остальных уже не пришлось*. Ох, если бы вы все знали, как я без вас всех соскучился! И как-то совершенно непонятно, сколько еще таких «памятных дат» мне предстоит.

Дни идут так: утречком нас будят, заботливо провожают на гигиенические процедуры, предлагают позавтракать. Отфрыштыкав, мы снова заваливаемся. Бен мгновенно засыпает, а я предаюсь размышлениям на различные литературные и внелитературные темы. Бен спит. Затем нас кормят так называемым обедом. Заваливаемся. Бен спит. Ужинаем. Бен продирает глаза и начинает говорить. Выспавшийся, полный сил, энергичный, он говорит о прошлом и о будущем, о стихах Евтушенко, о баптизме, о туризме, о роторах и статорах, о Менделее, о Ренделе, о комсомольских патрулях и о «Народной воле». Время от времени он поет. Затем он провоцирует меня на спор. Если это ему удастся, он побеждает меня в споре и, очень довольный, теряет чувство реальности: предлагает мне подраться. Ну на него-то у меня еще хватает сил. Возвращенный в первобытное состояние, он снова начинает цитеронить. Когда я просыпаюсь, уже ночь и он уже тоже спит. Так и проходят деньки. Вчера, однако, мы вышли на работу, но поскольку никаких изменений в нашем быте это не произвело, сегодня мы снова возлежали. Скучно, правда? И глупо до чрезвычайности.

Вчера получил письмо от Аллы [Сергун]. Оно конечно, сидеть у печки на даче и подкидывать дровишки — чудесное занятие; но как можно было удрать с юга, от моря — уму непостижимо! Поцелуй ей и ее семейству, хоть я и презираю ее югобоязнь, солнцелюбовязнь. Я тут стихи, кстати, написал о солнце — о южном солнце*. Это Алене [Закс] в подарок. Кажется, из всех наших друзей единственная она — такое же, как и я, теплолюбивое существо. Я их посылаю в этом письме — стихи.

Сегодня прочли в газете о смерти Эренбурга. Жаль старика. Я знаю, Лар, ты его не жаловала. Конечно, всякое было в этой длинной и пе-

строй жизни. Но я все же думаю, что доброго — и по замыслу, и по результатам — было много больше, чем плохого. А то плохое, что было, — это не его личное, а всехнее, наше общее, общественное, эпидемическое. Все эти рассуждения, разумеется, относятся к его публицистической работе; художник же он — для меня это бесспорно — талантливейший и интереснейший, с нечастыми — по сравнению со всем написанным — неудачами, вроде «Бури» и «9-го вала». Ведь какой был мастер, фехтовальщик: «Жулио», «Трест Д.Е.», «Трубки», «Николай Курбов», «День второй»! У меня к Эренбургу еще очень личное чувство: он один из тех писателей, после чтения которых хочется самому взяться за перо — совсем необязательно, чтобы в такой же манере или про то же. Просто есть в его стиле некий вызов: «А вот как я могу!» А про «Люди, годы, жизнь» я еще очень давно говорил, что это полезная, «питательная» книга, очень нужная молодежи, — и Бен, который моложе меня на 11 лет, не дожидаясь моих вопросов, рассказал мне, какими знаниями он обязан этой книге. Эх-ма, не те помирают!..

| 9/IX/67

Он не читает и не пишет,
А спит по 23 часа;
Но просыпается, услышав:
«Амнистия» и «колбаса»!

Такие пасквильные стишата сочиняет про меня Ронкин. Отогрел змею на груди своей: правил ему рифмы и ритмы, правил — и доправился. Не верьте, все врет: я сплю не больше 16 часов в сутки. Это он с больной головы на здоровую.

На столе у нас стоит книжища «Египетский портрет». Она прислонена к стене, и мы ее время от времени перелистываем, так, чтобы картинки менялись через 2—3 дня. Очень это украшает жисть: во-первых, яркие заплаты на ветхом рубище певца, а во-вторых, все-таки Фаюмы*.

Сегодня день сплошных юбилеев. Половину срока я отсидел в ШИзо — это раз. Ровно 2 года назад я впервые познакомился с представителями Комитета госбезопасности — это два. Чего еще? Ровно 10 суток, как Ленька [Рендель] вышел за ворота с чистой совестью* (т.е. это у Леньки чистая совесть, а не у ворот). Ровно 8 дней с получения твоего последнего письма, Лар. Ровно... В общем, до черта круглых дат.

Читаю понемножку. И чего попало. Какого-то французского антиклерикала. Какие-то сборники рассказов. Газету «Известия» и жур-

нал «Крокодил»(!). Нет, все-таки кое-что интересное попадаетеся. Например, двухтомник Тендрякова. Кое-что я читал и раньше, но невнимательно; а сейчас читаю и недоумеваю, почему это я с ним здесь не познакомился? В самом деле, та-кой материал для размышлений! Антирелигиозные его штучки мне не нравятся, и не только потому, что на эту тему при данной ситуации не стоит писать, а потому, в основном, что они неважно (и неубедительно) написаны. Роман («За бегущим днем») тоже «не ах», а вот рассказы и повести — это очень серьезно и очень эмоционально. Конечно, до конца он не договаривает — да нужно ли это? Не говоря о том, что невозможно.

| 12/IX/67

Ну вот и самая круглая дата. 2 (два) года. Два-а-а го-о-ода.

Настроение несколько подкисшее — уже полторы недели нет от тебя писем. От других я и не жду, очевидно, они ко мне вообще больше попадать не будут. Не могу же я поверить, что все вот так прямо и сговорились не писать мне ни строчки.

Да, а без толчков извне мое собственное письмо получается длинным, вялым и пустым, как макарона. Два года. Пустяки, правда? Помнишь обычный диалог? «Сколько он отсидел?» — «Да что-то три или четыре года» — «Ну, пустяки, мелочь...» Да, наверное, так оно и есть — мелочь и пустяки. Тем более, что осталось всего 3 года = 36 месяцев = 1095 дней. Но и ночей тоже.

Ладно, салют! До завтра — авось будет письмецо.

| 13/IX/67

Так и есть — письмо. Фу-у, гора с плеч. Мы уж тут начали волноваться: никаких известий о Лене. Ты ему скажи, что он прочно вошел в наш быт: когда мы произносим что-нибудь особенно значительное, то присовокупляем: «Как сказал бы Рендель». Ну-ну. Лелейте и любите его.

Мы уже второй день работаем, что свидетельствует о нашем высоком моральном состоянии. И о глубоком понимании нами «принципа материальной заинтересованности». И о том, что не только мы такие умные.

Я начал переводить поэму Кнута об Орфее и Эвридике — больше об Эвридике*. Мне приходится вольничать в переводе, в области размеров, ритмов — в основном. Поэма называется «Не глядывайся!».

Миф взят в несколько ином, новом ракурсе; и, как у Леси Украинки, главный герой — героиня, женщина, волевое, сильное начало. Языковая задача трудная: архаика и современность, даже модерн. В ироническом, комедийном плане это было бы довольно просто. Но здесь — высокая трагедия, античная по силе чувства и простоте. Надеюсь, что получится.

Ты пишешь, что тетифенин муж несколько растерян непониманием (недоброжелательностью?) своих близких, их недоумением по поводу всяких планов*, теперь уже, как я понял, похеренных. Я думаю, что тут ничего удивительного нет: ни в его растерянности, ни в их недоумении. Он, видимо, полагал, что сможет спокойно уйти на пенсию. Он не понимает очевидную для окружающих ситуацию: он не может стать пенсионером, не перестав быть тем, чем он оказался для людей. К слову, я отнюдь не на стороне этих окружающих, как бы я ни относился к его несостоявшимся планам — я решительный противник всякого давления со стороны. «Сам собрался, сам посмотрел, сам решил» — только так. Это, конечно, не исключает советов — но только не нажима! А вообще-то все к лучшему в этом лучшем из миров.

Простите меня за заунывные нотки, которые иногда проскальзывают; не всегда умею справиться с настроением. Но это только настроение, а не состояние.

А почему мне неизвестно, осуществляется ли грандиозное строительство садово-плодово-дачного комбината? А почему я не знаю, как закончился байдарочный поход? А получила ли Маришка мое стихотворение? А... и т. д.

| 17/IX/67

Начинаем передачу «Мирок за неделю». Как положено, первое слово — о производственных успехах. Охваченные трудовым энтузиазмом, мы добились выдающихся достижений — вяжем теперь не 3, а 4 сетки в день (на двоих). Не исключено, что в недалеком будущем показатели нашей производительности поднимутся на новый, достойный нашей эпохи уровень...

100-летие «Капитала» ознаменовалось углубленным изучением оного моим напарником. Я же придерживаюсь известной формулы Есенина: «Ни при какой погоде». С отменным удовольствием читаю 7-й № «Нового мира». Вот так №! Отличная мрачноватая повесть Грековой*, с таким царапающим душу остроумием; любопытные заметки Гнедина*; рецензия Светова на «Бездну» Гинзбурга* (вот бы эту книжечку получить*) — многослойная, как и большинство его рецензий;

рецензия Нат.Ильиной, элегантная и ехидная*; занятая статья Чудаковых о юморе*... Да и многое другое. А мы-то уж было решили хоронить «Новый мир». Но, как говорит народная мудрость, «торопливость уместна при ловле блох».

Кстати, о народной мудрости. Я тут написал стихотворение о поговорках и поговорках*. Названия ему я не придумал; но, по-моему, и без названия ясно, что речь идет о тех людях, которые предпочитают занимать стороннюю позицию, когда воюют во Вьетнаме, убивают негров в США, сажают за решетку Теодоракиса (мне его, к слову, очень жалко) — да мало ли можно найти примеров!* Конечно, то, что я написал, — не лирика, но уж больно не люблю я «объясняющих господ», вздыхающих, что, дескать, «сила солону ломит». В общем, сами прочтете — ясно, о ком речь.

То ли оттого, что журнал хороший (еще впереди статья Рассадина о Чуковском! *), то ли от 4-х сеток, то ли от стихотворчества и переводчества, то ли еще от чего...*

п и с ь м о т р и д ц а т ь т р е т ь е

19/XI/67

Здравствуйте, мои милые!

Очень трудно мне начинать письмо, но авось распишусь, легче пойдет. А трудно писать от полной неопределенности, от неуверенности — дойдут ли эти мои «вопли и сопли» до вас? Очевидно, прежде, чем взяться собственно за письмо, нужно подвести некий почтовый баланс; увы, прибыли не будет никакой.

Так вот, есть у меня основания думать, что два моих последних письма (от 2/X и от 19/X) к вам не попали*. Во всяком случае ни квитанций с почты, ни подтверждений от вас. С письмами ко мне тоже дело худо. Сентябрьских твоих, Лар, я получил не 6, а 4 (последнее, 5-е — от 20/IX; нет, стало быть, 6-го и 2-го). Больше не было ничего. От Саньки — ни строки. После перечисленных мною писем от друзей (в полученном, подтвержденном вами послании — августовском) было всего четыре письма: от Тошки [Якобсона] (до поездки в отпуск), от Мишки Бураса (с обидами), от Иры Кудрявцевой (с фото), от Аллы [Сергун] (про то, как сбежала с юга). Все.

Я, право, не знаю, как теперь и писать к вам? Может, я не должен посылать стихи собственного изготовления? А посылал — Маришке Фаюм, Алене [Закс] и просто так. Хорошо, не буду. Может, нельзя переводы? Был грех: перевел и послал поэму Кнута [Скуениекса]. Ладно, не будет переводов. Что еще? Начальство я вроде не ругал. Влас-

ти — тоже. Харчами доволен. Книжно-газетно-журнальным снабжением удовлетворен. Ничегошеньки не понимаю.

О книжках. Бандероли мне все-таки изредка приходят. Была бандероль от Людды [Алексеевой] — приятная и полезная книга* «Там, за рекою Аргентина». От Невлера — о Данте и Тувиме. От Фаюма — два «Прометейя». От Графа [И.С.Гольденберга] — «Иностр. лит-ра». От Майи З[лобиной] — сборник Корнилова (обоим им — Майе и Володе — привет и благодарность; а Майе еще и за свитер). Кажется, еще что-то было, но я позабыл.

О чем я писал в тех письмах? Всего не вспомнишь, все-таки письма были большие, дневниковые. О читанных книжках, о настроении, о погоде, о всяких-разных «литературных мечтаниях». О мелькнувших знакомых мордах — 2-е письмо было с 11-го л/о*. Были рецензии на те четыре письма, которые я все-таки получил, на Фаюмскую статью о Каржавине, на сборник Володи Корнилова, углубленный анализ книги о Тувиме*...

Может, мое письмо не дошло, потому что я нелестно выразился о физиономии А.Васильева*?

На днях беседовал с врачами. Осмотрели мое ухо, все в порядке, течь прекратилась. А еще смотрели меня терапевты, я сдуру пожаловался на изжогу, они обрадовались и предложили мне исследоваться. Я, не подумав, согласился. На днях будут выяснять возможность этого, и если да, то повезут меня на 3-й* (санотделение) и там будут впихивать в меня кишку. Представляете, какой ужас?! Но — отступить поздно.

Я буду понемножку вспоминать, чего было писано, и вперемежку с теперешним излагать в общедоступном виде.

| 11/XI/67

Вспомнил: еще получил «Новый мир» от Ленки [Ренделя]. Обидно все-таки ничего не знать о нем.

Сегодня получил очередную партию книг из библиотеки. Среди прочего — «Наука и жизнь», а в ней вкладка — этакое генеалогическое древо собак. И я сразу стал хлюпать носом и вспоминать Кирюшку, и высчитывать, сколько же это ей будет лет, когда я вернусь. Получилось что-то много — не то 12, не то 13.

Я сейчас не пишу и даже читаю не очень много (глаза что-то побаливают, перечитал, должно быть, да и освещение не ахти), все больше думаю. В основном об оставшемся мне сроке и о том, что будет после. Ну о «после» — одни «интересные картинки»; любой вариант, даже самый нежелательный, имеет свои хорошие стороны; просто с осени 70-го начнется новый период — отдыха, осмысления, дрови-

шек в печке. Я бы, пожалуй, назвал этот период «ироническим». А вот те 2 года 10 месяцев, которые мне остаются, — это terra incognita (так я написал эту чертову латынь?). Я решительно не знаю, сколько это времени. Термины (год, месяц, неделя, день) — это звук пустой, слова без содержания. Вот минуло два года с хвостиком. Это много? Мало? По событиям — очень много, ощущение такое: «Ну не может быть, чтобы все это уложилось всего в два года!» А когда соотносишь со всем остальным — господи, всего 1/21 того, что я прожил на белом свете! И по сравнению с предстоящими 3 годами — тоже маловато. В общем, сам черт ногу сломит...

Настроение у меня равномерно полосатое. С утра — легкая форма меланхолии, сонливость и молчаливость. Где-то к 11–12 часам — оживление интереса к жизни (предчувствие обеда), пение (преимущественно марши и прочий мажор), баталии с Валерием [Ронкиным] (на темы «Долг — призвание — нравственность» и пр.), после обеда — чистая лирика, период лучезарных воспоминаний; затем — полтора-два самых скверных часа, после работы и до ужина: не хочется ни чтения, ни разговоров, это время страхов и примитивной арифметики. А после ужина и прогулки — чтение, треп, смех, прогнозы и пророчества, и спать я ложусь в отменнейшем настроении. На другой день — все сначала, в том же порядке.

Сейчас вечер, перед отбоем, да еще и суббота — и вся жизнь течет молоком и медом (ухой и чаем).

Спокойной ночи. Завтра еще напишу.

| 12/XI/67

Сугубо деловая запись: что мне нужно. Итак, мне пригодилась бы пара теплого белья; энное количество конвертов для заказных писем; несколько школьных (тонких) тетрадей в клетку; рублей 20–25 на личном счету. О журналах и газетах я напишу позднее (после 9/XII), когда увижусь с Виктором [Калниньшем] и Сережей [Мошковым] и мы выясним, кто что сможет получать из дому. Ну а книжки по вашему разумению. Побольше бы таких, как, скажем, книга о Тувиме или «Ускор. развитие лит-ры»*. Да, еще бы зубной пасты. Кажется, все.

| 13/XI/67

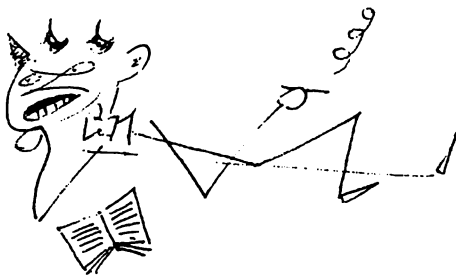
А еще привет Наташе [Горбаневской]. Я здесь часто вспоминал ее палевый костюмчик.

Из журналов неплохо было бы мне получать «Новый мир» и «Юность», остальное, судя по письму Ирины [Ронкиной], у нас будет.

Писать мне нынче лень. Я вот лучше нарисую:

Это я. Спокойной ночи!

Отщепенец Рендель увез мои тапочки, ворюга! Не миновать ему бытового лагеря.

| 15/XI/67

И опять мне повезло: вчера простудился, и поэтому сегодня, в день рождения, на работу не пошел, а весь день лежал — праздновать так праздновать!

Только успел поставить восклицательный знак в предыдущей фразе, как меня вызвали и вручили 9 штук телеграмм и бандероль от Майи. Сразу на сердце полегче стало — ведь у меня последние вести двухмесячной давности!

Телеграммы вот от кого: от вас четверых, от Золотаревских, от Лени Невлера, от Майи и Алены [Злобиных], от Левина-Глинки, от Якобсонов, от Глухого [А.Марченко], от Нины Караванской, от Луды [Алексеевой]. Вот какой улов. Спасибо вам всем, дорогие мои. Наверное, правы были мастера обличительного жанра, когда писали в газетах, что я подонок: я ведь стал понемножку задумываться, не забыли ли меня напрочь... Не сердитесь, ведь то, что со мною происходит, это все-таки не совсем нормально, так ведь? К тому же сейчас у меня слишком много времени для размышлений.

Да, а как же все-таки чувствует себя новорожденный? Сколько ни повторяет он эту цифрочку, «42», осмыслить он ее никак не может. Так, сотрясение воздуха: «Сорок два, ква-ква-ква». А ведь, как ни крути, возраст. Я, конечно, понимаю, что ах как пора посмотреть на себя со стороны: и время подошло, и ноблесс облич, и все такое прочее — но до чего неохота! Очень хочется оставаться таким же глупым и лег-

комысленным, как в тридцать, тридцать пять, тридцать девять, наконец. Ведь, правда же, я вас устраивал с тогдашними моими умишком и повадками?

Сейчас примерно полдесятого вечера. Что-то у вас (у нас) делается?

| 16/XI/67

Еще четыре телеграммы: от Миши [Бураса], от Воронелей, от Лени [Ренделя(?)], от Наташи [Садомской] и Бориса [Шрагина]. Ух вы, мои разлюбезные!

Сегодня я опять бездельничал, нездоровилось с утра, но днем побрился, постригся (стильная причесочка!), побанился — и ожил. Завтра пойду трудиться на благо всему прогрессивному человечеству.

Мой сосед второй вечер мешает мне читать и писать: он ухватил 9-й номер «Нов. мира» и взахлебывается, причем делает он это вслух. Человек он отчаянной храбрости, и поэтому мои страшные посулы (разорвать пополам, избить крышкой от параши, декламировать наизусть Михалкова и пр.) его не останавливают. Он уже огласил почти целиком статьи о Сухово-Кобылине и о Рамусе*. Что и говорить, статьи отменные. Если бы нам какое-нибудь дешевенькое издание Сухово-Кобылинской трилогии, а? А то я, к примеру, только «Свадьбу Кречинского» знаю.

В прошлых письмах были у меня некрологодобные размышления об Эренбурге и Тычине. Обоих жаль — по-разному.

| 17/XI/67

Еще четыре телеграммы: от Азбелей, от Кишиловых–Голомшток–Меньшутиных*, от Ирины (Кудрявцевой?), от Гали Севрук. Москвичам всем — поклон и благодарность, а если кто будет в Киеве, пусть скажет Гале, что я ее тоже «вітаю»*.

Новостей вроде бы никаких, происшествий тоже.

| 18/XI/67

Вот сегодня у меня действительно событие: впервые за черт знает сколько времени я получил два письма. И оба мне чрезвычайно приятны, оба от новых корреспондентов. Одно — от Наталии Горбаневской, со стихами. Второе — от Надежды Светличной с фотокопия-

| 67

ми обложки, титула и портрета отца — «Изобретатель и комедиант»^{*}, изданный 30 лет назад на Украине. Обеим им — самая горячая признательность. И усатому Ивану [Светличному]— привет. О стихах На-таши я пока писать не буду: я их только прочел, т.е. разобрал почерк. Вчитаюсь — тогда.

И еще телеграмма от Якобсонов! Они, дурачки, решили, что телеграмма, посланная на 11-й в Явас, не дойдет сюда. Но я очень рад этой второй телеграмме: меня больше устраивает новая редакция — «любим, любим» вместо прежнего «гордимся».

Завтра воскресенье. Ежели не просплю весь день навывлет, буду мыслить. Нелегкий этот процесс будет посвящен предстоящим мне трем без малого годам. Я хочу, чтобы хозяйство у меня было планированное. Итак, на повестке завтрашнего дня — вопрос о возможностях изучения какого ни то языка и о дальнейшей моей переводческой деятельности. Во как. Ай да я!

I 20/XI/67

Как известно из Брэма, заяц трепаться не любит. Все воскресенье я мыслил со страшной силой. И вот до чего я домыслился. Ежели не произойдет никаких режимных землетрясений, ежели я не впаду в мусульманство, ежели Люксембург не разоблачит меня как агента планеты Нептун, ежели... в общем, ежели все будет в относительном порядке, я займусь изучением итальянского языка. У Сережи Мошкова есть учебник; если он мне не понравится, то я попрошу прислать тот, который у нас дома, — несколько лет назад я замотал его — не помню у кого. Конечно, от хорошей жизни такие лодыри и тупицы, как я, не ныряют в итальянский, но — ке фер? Фер-то ке?¹ И потом лавры Жени Солоновича^{*} не дадут мне спать спокойно. Он удостоился премии Данте, получил, кажется, миллион лир, а я что — рыжий? Так и помру безвестным, бедняком? Вот. Кроме того, я решил заняться современной латышской поэзией. Какие-то сборники есть у Виктора, вкус у него очень хорош (его вкусы очень во многом совпадают со вкусами Андрея); вот я его и приспособлю на предмет изготовления подстрочников. Он говорит, что сейчас в Латвии печатается много интересного.

Чем я еще вчера занимался? Читал в «Новом мире» Расула Гамзатова^{*}. Цветисто, остроумно, но несколько однообразно; две-три вполне почтенных и верных мысли, которые он поворачивает на разные лады, примеряет к ним то такой словесный наряд, то этакий, —

¹ Для любознательных: «Что делать? Делать-то что?» (фр.).

вряд ли они от этого выигрывают. Вот хорошо, что он с Шамилем покался*. Насколько я помню, это единственное в нашей литературе покаяние такого рода. Хорошему примеру неплохо и последовать... К сожалению, остальные предпочитают оставаться «тенью от палки» (как сказано у Расула), не сознаваясь в том.

Только-только начал читать «Душу» Э.Триоле. Жаль, если это окажется слабее «Великого никогда». Многое в той книге затронуло меня.

Еще чего? Да, сочинил и нынче отправил письмо в Москву, ген. прокурору, по поводу переписки и еще кое-каких неприятностей с моими бумагами. К тому времени, как это письмо дойдет до тебя, Лар, там уже, вероятно, что-то решат?

Да, еще телеграмма от Юры Гастева. Помнит ли он, что я был потрясен тем, как он жарит баранину?

| 21/XI/67

Сегодня я получил, точнее сказать — получал бандероли. Их было четыре. Первую, от Лени Невлера, «Древнерусское искусство», я получил целиком. Вторая, от тебя, Лар, дошла лишь в журнальной своей части — носки были отложены в сторону. Туда же отправились шоколадки из Ирининой бандерольки — а кожаные рукавички я тут же вдел в петлицу. И для записной книжечки придумую какое-нибудь хорошее содержание.

А «История СССР» с шоколадно-кофейной начинкой (по-моему, самое лучшее из всех известных мне изданий) — увы, мне ее читать не доведется*. В общем, сами носите, сами ешьте, сами пейте. Сборная бандероль будет у вас много раньше этого письма. Я попросил все чохом отправить на наш адрес. Надеюсь, Ирина и таинственный Роман* не в претензии?

У нас уже все заснежило, зима. «Три зимы, три зимы, три зимы» — не помню, посылал ли я перевод этого стихотворения Кнута*? «Три глыбы, которые мне раздробить, три выхода к свету прорезать в стене...». Очень хорош лес, любимся, пока еще не привыкли. Жаль, что днем мы его видим только из окошка. Зато у нас под окном рабочего помещения целый птичник. То и дело десанты воробьев, самоуверенных, сытых и нахальных. Две сороки — вероятно, супружеская пара, очень красивые, на удивление спокойные и деловитые. А сегодня — впервые — прилетел пестрый, черно-белый дятел, чуть-чуть розовый под крыльями, сел на столб изгороди, уперся хвостом — и как вдарил! Только щепки полетели. Таких бы дятлов сюда сотенки три-четыре! А то — «только что же он может один?»*

Осталось мне быть в этой избушке на курьих ножках чуть больше двух недель. И — удивительное дело — что-то мне не очень хочется выбираться отсюда. Конечно, и свежего воздуха за полчаса в сутки не наглотаться досыта, и по Виктору [Калниньшу], Сереже [Мошкову] и Энну [Тарто] соскучился, и вообще неплохо бы поразмяться — но о скольких вещах, от которых я здесь был избавлен, даже думать тошнотворно. Ладно, все в воле Аллаха.

| 23/XI/67

Тоненькой струйкой начала просачиваться корреспонденция. Сегодня получил два письма. Одно — от Маришки Фаум, милое, теплое, прямо по сердцу гладит. И информации есть: теперь я знаю, что стихотворение, ей посвященное, все-таки попало по адресу; и что день рождения мой справлялся; и что были старые и новые (?) друзья... Второе письмо — от Майи [Злобиной]; в нем квитанция подписки на «Ин. лит-ру», точная цифра гостей на дне рождения (изрядно все-таки у наследника Смердякова* доброжелателей!) и какие-то прогнозы относительно содержания «Ин. лит-ры» в ближайшее время — так я догадываюсь. Очень уж она рассеянна, эта дама: зачеркнула что-то существенное, а эмоции по поводу того, что «где уж «Нов. миру» тягаться!» — оставила. И что за странная манера зачеркивать (в другом месте) конец фразы, оставляя меня в неизвестности, что же все-таки случилось с «вопросом»: «... на этот раз, кажется, вопрос...» — и зачеркнула! Ай-ай! А еще умные статьи пишет — умные, язвительные и изящные — изящество пощечины.

Сегодня днем под окошко прилетели две птицы, новенькие. Они засвидетельствовали нам свое почтение, отчирикали светские пять минут визита и улетели. Бен [Ронкин] утверждает, что это синички. Не знаю, не знаю; что-то я не очень верю его орнитологическим познаниям. К тому же ему в одну руку колют алоэ, в другую — еще какую-то специю, и он малость шалее — больно. Мы с ним подумали-подумали и решили, что гораздо проще и для него, и для медицины было бы в одну руку — луковицу, в другую — головку чеснока. И дешевле. Но это почему-то нельзя.

Адье, адье. Буду читать (ох!) Мамина-Сибиряка. Эдак и до Мельникова-Печерского докатишься. А там и до Шеллера-Михайлова рукой подать. Не говоря уже о Шолохове-Синявском, противоестественно соединяющем в своей фамилии антиподов.

| 25/XI/67

Монолог труден. И особенно труден он для меня: я не вижу собеседника, аудитории. Аукаешь-аукаешь, а вроде никто и не откликается. А вот диалог — дело другое, куда как веселее. Вот поэтому-то мне таково хорошо писать это письмо в последние дни. Сегодня — событие почти фантастическое: получил от тебя, Ларик, письмо. Оно, правда, № 2 — ноябрьское, но все-таки после двухмесячного перерыва! И какие приветы в нем — я, пожалуй, подумаю-подумаю и — загоржусь. Нет, в самом деле, радовался я нынче так, что и слов не подберу. Пожалуйста, если сможешь, передай мой привет всем, названным тобою в этом письме. К сожалению, я все же не знаю, какую работу ты закончила — ведь письма № 1 я не получил. Ну ладно, может быть, скоро увидимся? Но ты все равно пиши.

А еще сегодня две бандероли: великолепный Пиросмани от Аллы — сейчас вот пишу и поглядываю, люблюсь олешком на супере; я отложил его до завтра, до дневного света; и еще от Борьки [Шрагина] книжка о Сезанне — черт побери, у меня здесь шутком-смехом, а собралась неплохая библиотечка об изобразительном искусстве. Ш-изо-студия, иначе не назовешь.

А что, Борька носит свои штаны в елочку? Я советую надевать их на диспуты о модернистах — никакие лифшицы не устоят*.

Значит, мое первое октябрьское письмо все-таки попало к вам. Что ж, и то хлеб. Непонятно только, оказались ли в письме стихи для Алены и другие — про пословицы*. И жаль, если пропадет перевод поэмы Кнута. Это перевод посвящен тебе, Ларик, если ты его прочтешь, поймешь — почему*.

| 26/XI/67

За бритого двух небритых дают.

| 29/XI/67

Какое изобилие! Какая роскошная передача! — как сказал папа Мархоцкий*. Я получил нынче два твоих письма — № 3 и № 4, ноябрьские. Будем надеяться, что все это означает конец почтовых безобразий. Ты пишешь, что Министерство связи не остановится ни перед какими расходами, только бы не налаживать рабо-

ту; интересно, что будет, если мне начнут посылать письма с объявленной ценностью, как это сделала Майя? Боюсь, что Министерство вылетит в трубу. А вы все, соответственно, обогатитесь за его счет.

Что Тошка талантлив, как пес, я и без тебя знал; недаром же я слушал его лекцию о Маяковском. Надеюсь, что он не импровизирует свои лекции, что они записаны? Черт знает, может, когда-нибудь и опубликует*. Я очень представляю себе сборник — беседы-лекции-статьи, анализ литературоведа, темперамент публициста, полемизм критика — все это есть у Тошки и все в превосходной (во всех смыслах) степени.

Вот тебе и «оказывается, вокруг нас полно талантов». Именно поэтому, дружок мой, среди наших друзей и знакомых не было ни одного, с кем мне было бы неинтересно. Сейчас я похвастаюсь: просто я немножко лучше других умел угадать божью искру — от дара красиво и просто объяснить научную проблему (сформулировать популярно) до таланта улыбаться и двигаться.

Жаль, что ты влипла в этот вечер в Политехническом. Вдвойне жаль, если Саша Аронов стал плохо писать. А вообще-то — что ты хочешь? Обстановка официального интима стала модой, списки непечатаемых стихов носят, как желтую нашивку за ранение. Стихи же о графине и скрипаче напоминают (в твоём изложении), что

Когда поклонники уходят,
Приходит юный музыкант,
Мадам Люлю в восторг приводит
Его чарующий талант...

Был такой супербоевик шансонеточный лет этак семьдесят назад.

А насчет моей снисходительности ты неправа. И повесть Грековой* вовсе не «пустая», а очень горькая, даже какая-то отчаянная (от «отчаяние»). Тебя просто ввели в заблуждение легкость писательской манеры, изящество и ироничность рисунка. Не понимаю: оценить по достоинству «Созвездие Козлотура»* (действительно хорошую вещь) и не понять повесть Грековой — в сущности трагическую! И вообще, вероятно, и здесь происходит то же, что с людьми: я вижу книжки и стихи еще в каком-то повороте. Конечно, может быть, я и ошибаюсь, может быть, действует специфика моего читального зала. С нами это очень может случиться.

Лар, в последней декаде декабря — а письмо это, вероятно, придет не раньше — дни рождения: Егора [Синявского] и Машки [Роза-

новой], Алены [Закс] и Аллы [Сергун]. Поздравь их от моего имени, скажи, что я их помню и целую.

Живем мы помаленьку, работаем, скучаем, читаем. Перекладываем на стихи абстрактные анекдоты. Получается вот как:

Три с половиной крокодила
Летят неведомо куда,
Летят четвертую неделю,
И все среда, среда, среда.

И поем. Что и как поем — об этом завтра, а то уже поздно. Спокойной ночи. Почему, собственно, «спокойной ночи»? Письмо наверняка придет утром или днем.

Да, Бен и сам знает, какой Плеханов бяка. Наизусть знает. А вообще он с головой нырнул в античную историю. Привет кофейно-шоколадному Роману. И пусть запомнит накрепко: не следует подслащивать историю. Историю СССР — тем более.

| 30/XI/67

Еще о стихах. Смерть как хочется сочинять стихи о том, что здесь недоступно. И именно поэтому — боюсь. Напишешь о женских бедрах, о вкусе грузинского вина, о том, что небо над Москвой вечером, если смотреть с Юго-Запада, фиолетовое, о толкучке в тоннеле где-нибудь возле «Детского мира» — и ведь обязательно кто-нибудь подумает и даже скажет: «Бедняга, все ясно. Бедрa — от воздержания, шашлык — от недоедания, толпа — от одиночества». И поди потом доказывай, что ты не верблюд, что и раньше писал или хотел писать об этом — не от отсутствия, а от восхищения, от радости. И сейчас — я ведь живу, а не вспоминаю, как жил, и облизываюсь, как кот на сметану, ничуть не больше, чем всю жизнь. Вот плюну на воображаемых плакальщиков и буду сочинять чего попало. Очень уж напугала меня лет 20 назад Верочка Алексевна [Пычко], сказав сочувственно и осуждающе о стихах Бориса [Чичибабина], написанных в такой же своеобразной обстановке*: «Ведь это зротика, а, Юлик? Ну, конечно... Его можно понять». А вот сейчас уже вечер. И уже работа кончена. И Бен уже дрыхнет. И заходил нынче начальник начальника и сказал, что мое письмо ген. прокурору вроде бы отправлено (с опозданием примерно на неделю), и что два каких-то письма ко мне «актированы», т.е. в них содержалось нечто, чего мне знать «не положено», и что обо всем этом меня уведомят официально. Чьи письма?

Вроде бы твои. Ладно. А остальные где? Хотел это письмо отправить завтра, а теперь дня два-три погожу: узнаю, что за письма такие недозволённые, и напишу, чтобы ты знала, чего писать не следует.

Подмосковное имение*, стало быть, растаяло. Жаль. А я уж мечтал, как буду внукам рассказывать: «Было у меня, детки, именице — так верите ли: в одну ночь в шмен-де-фер продул! Такая несчастная талья подошла!» Или тальи в этой игре не бывает? Черт с ним, внуки-то еще меньше моего в этом разбираться будут. Только и спросят: «А крепостные куда делись?» А я заплачу, махну рукой и скажу: «С голodu померли. Один только выжил. Фаюмом звали. На флейте играл...»

I 1/XII/67

Притащили книжки из библиотеки: томик Твардовского, «Избранное» Тынянова, II и III части «Карамазовых», Корнейчука, которого я не заказывал, учебник итальянского от Сережи, еще что-то. Я подержал каждую книгу, повздыхал и — за что бы, вы думали, ухватился? Правильно, за Тынянова. Читать его мне противопоказано, вредно. А почему? А потому, что я завидую ему. А почему? Не потому, что он не попадал в тюрьму. А почему? Да потому, что он, сам не сидючи ни разу, это самое сидение пишет так, что глаза на лоб лезут от восторга и удивления. Ну его совсем. Взять, что ли, Корнейчука, успокоить нервы?

I 2/XII/67

А холодно, братцы, и впрямь зима началась.

Что-то год от года я все хуже переносу холод.

Старость? Старость, старость, не утешайте меня. Вот и со сном тоже неладно. Поспишь этак 12–13 часов в сутки — и больше никак, ничем не уснешь. Ворочаешься, ворочаешься — ни в одном глазу...

Здесь у нас есть одна чертовина, которая меня раздражает: телефон. За стеной, в комнате для дежурных, звонит телефон — и какое-то мгновение должно пройти, прежде чем я соображаю, что меня к телефону не позовут и я ничьего хорошего голоса не услышу. Понимаете ли, какой-то противоестественно домашний звук. Любопытно, не получится ли дома все наоборот — он будет раздражать меня напоминаньем. Впрочем, через неделю я отсюда уйду и не услышу этого. Тьфу, тьфу — неисповедимы пути Господни.

| 3/XII/67

Письмо от тебя — раз! Бандеролька с «Былым и думами» Герцена — два! Итак, блокада кончилась. Сегодня я имел серьезнейший разговор с неким ответственным лицом, которое обещало в ближайшие дни разрешить все проблемы, в первую очередь — почтовые. Относительно задержания твоих двух писем я, впрочем, так еще ничего и не узнал. Ладно.

Лидии Корнеевне [Чуковской] — моя самая горячая благодарность и признательность. Я теперь буду весьма и весьма сведущ в герценоведении: эта книжка, ее же (Л.К.) главы из книги «Герцен» в «Прометее», статьи в периодике о «Колоколе» и разговоры о нем же — солидный багаж, правда? Мне бы еще ухитриться как-нибудь прочесть «Былое и думы» — совсем бы хорошо было. Жутко стыдно, что в свое время я отмахнулся от Тошкиных воплей о гениальности этой книги. Перед Лидией Корнеевной стыдно в особенности. И перед Беном — он ведь тоже специалист по «Колоколу»*.

А письмо твое — № 5 — совершеннейшая прелесть. Я визжал и рыдал от восторга, узнавая «лица необщее выражение». Я, правда, никогда не задумывался, как поведет себя эта личность* в столь экзотическом месте, как кафе; но сейчас, поразмыслив, решил, что ты абсолютно права: стиль поведения — юридическо-геометрический, т.е.: дано — то-то и то-то, следует показать (а тем самым — доказать) то-то. Ох, уморушка. А в общей оценке ты тоже точна, а Иосиф Аронович [Богораз] — в особенности. Именно — «добряк, чудак». «И умница», — добавлю я. А командовать надо не ему, а им.

| 4/XII/67

На дворе — тепло, в помещении — тепло, натопили до изумления, сегодня и завтра — нерабочие дни, с удовольствием читаю «Гойю», только что пообедали, вчера было письмо, по строчке, по две каплют стихи, учебник итальянского мне не понравился — можно не заниматься, и жизнь хороша, и жить хорошо.

В самом деле хорошо. Я ведь всегда любил посибаритствовать, а здесь, когда такое состояние приходит, как неожиданный карточный выигрыш, оно доставляет радость не только физическую, телесную. Начинаешь думать о тех временах, в которые эта благодать для людей с моим (или Бена) характером исключалась начисто. А еще это самое устройство (мыслительный аппарат? память? сер-

дце? эмоция? не знаю, в общем — я), заведующее хорошим настроением, протягивает ниточки во все стороны от любого ощущения, действия, состояния. Например, вот читаю «Гойю», наслаждаюсь (простите, дамы и господа, люблю Фейхтвангера) — но это не все. Сразу же — и потом, во все время чтения, — отчетливое воспоминание, как мы с Ириной Глинкой на выставке, и я присох перед портретом посла Республики* (такой легконогий, стремительно-сидящий комиссар), и Ирина терпеливо ждет, пока я налюбуюсь, — у нее-то есть на этой выставке другие заповедные полотна. Это не воспоминание, вернее, не только воспоминание; у меня еретическое ощущение, что это совершается сейчас и даже «совершается завтра». А ведь для того, чтобы почувствовать себя свободным и счастливым, совершенно не обязательны такие прямые связи (Фейхтвангер — французская выставка); достаточно, скажем, побриться или вдруг вспомнить позабытую песенку. Как я рад, что я жил «чувственно» (или как надо сказать?), что жизнь меня «программировала» больше запахами, прикосновениями, цветом, чем мыслями, идеями, умо-заклочениями и пр. А то был бы я умный, не написал бы эту вот чепуху — и вам всем не было бы случая посмеяться. А смех — он, говорят, витамины содержит. Или калории?

В общем, настроение у меня — как у Кэрьки, когда ей разрешают влезть на диван да еще и брюхо чешут.

I 5/XII/67

Завтра я отправлю это письмо, больше тянуть не стоит. За этот месяц я, верно, много наболтал здесь — без складу и ладу, ну да бог простит, а вы снисходительней бога.

Вот что я хочу еще сказать. Я не всех помянул в этом письме, но, пожалуйста, пусть никто не думает, что я хоть кого-то забываю. Всем — моя любовь, каждому — отдельная. И особая. И если я смогу через 3–4 месяца писать не два, а четыре письма в месяц (что весьма сомнительно)*, я каждому объясню это. Но скорее всего я скажу это не на бумаге через 3 года. Да оно и к лучшему: никогда так не напишешь, как скажешь.

До свиданья, мои хорошие; жду ваших писем, которые для меня больше, чем радость. Ю.

Те, кто мне писал «держись!», пусть не сомневаются — я держусь и буду держаться. Лишь бы вы были со мною. Тогда мне море по колено и сам черт не брат! Ю.

13/XII/67

Я не буду ничего писать о несостоявшейся нашей встрече*, потому что под перо лезут одни, так сказать, простодушные слова. Оставим все это в стороне. И тема не нова, и эмоции все те же...

Нынче я получил твоё шестое ноябрьское письмо, с фотографией. Спасибо, фото хороши, особенно там, где ты в платочке, Матрешкой. А письмо меня огорчило — передать невозможно. Я теперь считаю дни: когда-то до меня доберется известие о Кирюшке! Жалко собачу чуть не до слез*. Я не пишу здесь «сообщите сразу же», потому что надеюсь узнать об операции и о том, что она дома, раньше, чем отправлю это письмо.

Нынче мне зачитали «акты о конфискации» трех писем. Когда эти письма были отправлены, неясно, но задержаны два из них (от тебя, Лар, и от Юры Левина) 8 сентября. Причина: «политически вредное содержание». Ещё одно твоё письмо задержано 13 ноября — «в связи с подозрением на условность между адресатом и отправителем». Что это значит, я не знаю; объяснить мне отказались.

Ладно, хватит об этом; я буду принимать свои меры. Впрочем, кажется, вы можете потребовать объяснений.

Итак, я покинул «приют спокойствия, трудов и вдохновенья*». В зоне меня встретили, обласкали, обговорили; накармливают, напивают, накуривают. Снова замелькали родимые рукавицы, хлопают крылышками зазимовавшие парашаи, и очень приятно гулять по снежку и под снежком, когда захочется. И не холодно. Или это потому, что влез в теплые брюки, нахлобучил шапку, намотал шарф, впрыгнул в Ленины [Ренделя] валенки (мои я предоставляю мелконогому Бену [Ронкину]).

Времени сразу стало не хватать. По минуте с каждым потрепать-ся (хоть вежливости ради) — глядишь, часа-полтора как не бывало. А ведь есть и такие, с которыми мне самому приятно и интересно разговаривать.

Да, 9-го, в день выхода, меня ждало письмо от Алены [Закс]. Ей и Елене Михайловне — поцелуй. Как все-таки жаль, если стихи о солнце не добрались до Алены; может быть, они бы ей понравились; там о том, что мы с нею любим, — о солнышке, о море, о коричневых плечах. И еще пусть знает, что не надо трагически относиться к тому, что со мною произошло: самое скверное уже позади, и никто, решительно никто не в состоянии сделать мне так плохо, как я, бывало, сам себе делал.

А анекдот о внутреннем голосе хорош. И умен. Почаще бы вспоминать, что «я-то ведь не Джо!»

| 16/XII/67

Позавчера состоялся приятный разговор с высокопоставленными лицами: меня вызвали для беседы по поводу моего письма ген. прокурору (о переписке, моих бумагах и пр.). Обещали навести порядок со всем этим; однако порекомендовали переключиться на чистую лирику... А вот вчера была довольно неприятная ситуация. Пришла бандероль, а в ней, в учебнике истории, оказались «недозволенные вложения». Вот что, мои дорогие: бросьте вы это дело, я как-нибудь обойдусь без пикантных новостей, перебьюсь, потерплю. Я не знаю, что там были за бумаги, полагаю, что ничего «криминального», но все-таки вся эта контрабанда ни к чему — если понадобится, я и сам придумаю повод поволноваться. Будем считать этот этап пройденным. Договорились?

«Новый мир» из той же бандероли — скучный; а что интересного в 10-м номере «Москвы» (ты писала, что сенсационный номер)*, — я никак в толк не возьму. Ведь не «Рекламное бюро г-на Кочека» и не рецензия Гены Грицаца на сборник Куняева? Остального, правда, я не стал читать — названия как-то не располагают.

Худо со временем. После полугодового отдыха, когда можно было спать невпророт, трудно втягиваться в довольно напряженный ритм. Утром вскакиваешь как бы встрепанный; короткая пробежка, умывание, завтрак — высочайше утвержденный, завтрак — дополнительный (ларечный), работа, после оной — кофе (если есть), ужин в столовой, ужин в бараке, небольшой треп и — час-полтора на все остальное: читать, писать, думать. А думать труднее всего — шумно. Скорей бы зима проходила — можно будет найти клочок свободной территории и приткнуться, так чтобы не было ни доминошного шелканья, ни споров о том, где следует сушить портянки, ни храпов, ни хрипов. И зима темная-темная, неуютная, ветер ехидный, снег неприветливый.

И фильм вчера показали безобразный — по «Ионычу» Чехова. Черт знает что! Ни кожи, ни рожи, вяло, студенисто, так и чувствуется, как тужились сценаристы и режиссеры: надо ж было как-то разогнать новеллу на 12 частей. И до чего бестактно показывать «творящего» Чехова! И вообще — за каким дьяволом нужно экранизировать то, что по сути своей не может быть выражено в ином жанре?! Отсюда и вранье на каждом шагу: дорисовывают героев, и чем больше дорисовывают, тем меньше от Чехова остается. Ну их совсем!

Мне остались «1001 ночь» — увы, без Шахразады, которая могла бы эти ночи скрасить.

| 18/XII/67

Смех смехом, снег снегом, а Новый год приближается. Год долой из срока — но из жизни тоже. Все никак не могу сообразить: на пользу мне идут эти годы или во вред? Я знаю здесь людей, которые решительно уверены, что пребывание в этих благословенных местах — подарок судьбы; правда, они моложе меня и у них не было столь определенных взглядов на то, «что такое хорошо и что такое плохо».

Скучно, вот что скверно. Итальянским я, разумеется, заниматься не буду — это я так, трепанулся. Читиво у меня скоро из ноздрей и ушей ползет — тем паче, что ничего стоящего нет под рукой. Мысли одолевают всякие-разные, все больше о вас, о москвичах, о харьковчанах. Писем-то нет, вот и волнуешься: а вдруг что случилось? а если изменилось отношение? Ведь от некоторых, писавших раньше постоянно, я уже полгода ничего не получал. Телеграммы, правда, успокаивают, но все-таки не то. Да и не от всех они были.

| 19/XII/67

Когда я все-таки получаю письма, то происходит это весьма торжественно: меня приглашают в отдельный кабинет и за каждое письмо я дарю свой автограф — чтобы, упаси боже, я не поднимал бы вопей хотя бы по поводу полученных. Сегодня — чудесная порция, и радуюсь ей не я один, а вся гоп-компания: пришло наконец-то письмо от Лени. Все мы довольны-предовольны, что он устроился по соседству с клубникой; пусть произведет рекогносцировку, и мы, по мере освобождения, будем приезжать и воровать ее. Самый дух письма очень нам по душе, и если он (Леня, а не дух) будет к тому же писать малость поразборчивей, то больше никаких претензий не последует. Обнимаю его, все ему кланяются и любят его; а отдельно — турок Исса*. Он с трудом выговорил: «Леня балшой привэзт». Свои симпатии к Леньке он перенес на меня и теперь делает свои турецко-масонские пассы каждый раз, когда мы встречаемся.

Сегодня был «Николин день». По этому поводу украинцы устроили большой прием с возлияниями — «кава». Оказались целых три Микола. Я налил до краев, аж булькало, с трудом добрался до постели и теперь — «кайфую» брюхом кверху.

Еще письмо от Фаюма — длиною в два месяца. Вот именно — обо всем пусть пишет: о планах, об уже сделанном, о мелочах, о пустяках. Мне все интересно, как и всегда было. Только я что-то не понял: в какой все-таки институт он уходит из «Д[екоративного] И[скусства]»? А вдруг ему будет там так же неуютно, как Маришке на ее теперешней работе? Вот ведь незадача: легкомыслие от нее требуется! Да суньте вы им мой адрес, контейнерами отгружать буду. Жаль, не взял я ее в свое время в науку. И Юрку заодно. Его темой (архитектура в утопических произведениях) очень заинтересовался Бен.

И, наконец, твое, Ларка, письмо. Чудесно, что операция собачина прошла благополучно; напиши подробно, как и что было, как она домой вернулась и что рассказывала. Не обижала ли ее догаресса (догесса?)? Целую ее в хвост и в гриву.

Конечно, мне не могло прийти в голову, что нужно читать стихи С.Смирнова. Но раз ты рекомендуешь — непременно прочту.

Ты спрашиваешь, как отношусь к тому, что я здесь «всерьез и надолго». Нас спрашивают — отвечаем: «До освобождения мне остается 2 года, 8 месяцев, 23 дня». Комментарии нужны? Ах, нужны? Пожалуйста: «Я здесь стою¹ и не могу иначе», — Мартин Лютер. Кажется, я не переврал эту несколько высокопарную, но, в общем, достойную декларацию. И если уж дело дошло до цитат, то не угодно ли еще одну: «Прошу вас, выпивайте и закусывайте, и пусть вас не волнует этих глупостей!»

Да, а как у Ленки [Ренделя] с работой?

Мне очень грустно, но я решил уничтожить те сотни писем, которые у меня хранятся. Мне неприятна (мягко выражаясь) самая мысль о том, что снова и снова чьи-то глаза станут шарить по милым мне строчкам. Я хотел сохранить их и привезти домой; но когда я вижу, через какие 7 кругов должна снова пройти каждая страничка... Сердце болит, но что же делать? Каждый раз, когда чужие берут письмо в руки, у меня ощущение, будто мою возлюбленную при мне лапают. Ничего, после следствия у меня восстановилась память (тогда были кое-какие провалы в памяти, очевидно, в связи с необычной обстановкой...), и теперь я помню многие письма если не дословно, то смысл и дух.

| 20/XII/67

Ну, прочел я поэму Смирнова. Ну и что? Как-то я даже растерялся: ей-богу, не пойму, что тебя так восхитило. По-моему, она, эта поэма, ничуть не бездарнее, чем десятки аналогичных (т.е. биографических с

¹ Вариант á la modern: «Я здесь сижу...»

замахом на «биографию эпохи»); и чванства в ней не больше, чем в прежних стихах Смирнова; и озлобленность на среднем уровне (есть у него стихи о том, что он заранее ненавидит того, кому могут не понравиться его строки — ибо не понравиться они могут только врагу, который «даже, случается, хает московское наше метро»). А что до его пассажижей о высокопоставленных лицах, то опять же он не превзошел ни пошлостью, ни угодливостью ни других, ни себя. Обычная «цепная реакция» — т.е. реакция собаки на цепи: цепь то удлинит, то укоротят, то отстегнут. Короче говоря, я решительно против того, чтобы присуждать этой поэме какую бы то ни было литературную премию — она не дотягивает даже до Маркова, не говоря уже о Софронове. И ничуть не смешно. Стыдитесь, вы утратили чувство юмора. Читайте уголовный кодекс.

Перерыв кончается. Вечером dokonчу письмо и отправлю. Оно на этот раз куцее, но я еще не вошел в колею.

Ну вот, вечер, до отбоя полтора часа, лежу под бушлатом вдребезги простуженный, шмыгаю носом, по радио — какое-то торжественное заседание, рукоплескания, музыка этакая бравурная. Сшил я сегодня 31 пару (!) рукавиц, обдумал очередные стихи («Мне подоспела надобность написать стихи»), посидел с нашей шарагой (Леня ошибся: Энн [Тарто] освобождается 26-го), не пошел на лекцию об опиуме для народа (какой-то мой землячок приезжал — усовещать всяких иеговистов-евангелистов; кстати, прелестный есть здесь один евангелист или баптист, пес его разберет, — сокрушался, что гореть нам всем синим пламенем, но обещал — уговорили! — махорку и кофейку нам в ад просовывать втихаря); лекции здесь вообще на уровне ликбеза, я на них не ходок. Привет получил от Бена — в зоне появился его временный сосед. Бедняга Бен — Новый год будет встречать в одиночестве*, не с кем будет даже шлюмом чокнуться. Шлюм — это местное название загадочного напитка, которым нас снабжают: такая горячая жидкость с отдаленным привкусом ячменного кофе; по-моему, ее настаивают на остатках каши; этимология термина, да и самого напитка неясна.

Да, совсем забыл: вчера я получил телеграмму о том, что мое письмо благополучно добралось до вас. Стало быть, письмо шло всего 10–11 дней! Чудеса в решете. Вот что значит вмешательство высших инстанций. Этак, пожалуй, и ваши письма будут ходить не по две с половиной недели (как твое, Лар, последнее).

С Новым годом!

Целую всех, обнимаю — здоровья вам и счастья.

И да сбудутся новогодние тосты!

Ю.

P.S. 17/1 у Виктора [Калниньша] день рождения.

23/XII/67

Я чувствую, что многодневные письма становятся дурной привычкой. Казалось бы, позавчера отправил послание, самое время и мне отдохнуть, и другим дать передышку — ан нет, снова за стило хватаюсь, снова к бумаге, тьфу, пропасти на меня, графомана, нет!

Единственный, хоть как-то меня оправдывающий довод — то, что я уже третий день гриппую, всерьез, даже на работу не хожу. Ужаси, душа рвется к швейной машинке (Schweinmaschine, — как говорит один изъясняющийся по-немецки латыш*), к мелодичному жужжанию, к любезным рукавицам — а убогое тело флиртует с вирусами, мается и исходит соплями. Кстати, о соплях. Что-то я не припомню, — противопоказаны они лирике или нет? Настроение у меня сугубо нежное, лирическое в высшей степени, в самый раз писать любовные сонеты — а как задумаюсь над поведением Данте и Петрарки в подобных случаях, поневоле робею. Чахотка — она болезнь красивая, так сказать, созвучная, шизофрения — тоже; а вот насморк или гастрит — как-то они не на высоте в смысле эстетическом. Опять же обстановка не та: там было сплошное средневековье, отбрыкивающееся от сплошного же Возрождения, а здесь все наоборот. Или как? Что-то я запутался. Одним словом, там был «черствый хлеб изгнания», а здесь вполне свежий, и даже белый хлеб. Но-но, не думайте, пожалуйста, это не «пайка»: просто аборигены считают, что любую хворь надо лечить жратвой, а как я есть персона чтимая, так вот — несут кто во что горазд. Трогательно: один старик, сам чуть не на четвереньках передвигается, приполз из санчасти с банкой молока. И попробуй-ка откажись! Нехотя выпьешь...

Да, так по поводу того, можно или невозможно в одну телегу впрячь сладкозвучные вирши и катар верхних дыхательных путей. Я так полагаю, что по южности климата Петрарка гриппом не хворал, что и позволило ему создать цикл довольно высокохудожественных и малоформистских произведений. Страшно подумать, что было бы, если бы его угораздило родиться где-нибудь на других широтах! Взывал бы, сморкаясь в цезурах, гнусаво: «Ау, Лаура!», а Лаура чихала бы, в буквальном смысле слова, на эти стихи и поминала бы инфекцию. Стоп. Так трепаться я могу до утра.

Субботний подарок — письмо от Ирины [Глинки]. В записную книжечку, полученную от нее на день рождения, уже давно было записано:

Пустыне — свежести глоток,
На дыбе ломанному — врач,
Кривавой ссадине — платок:
— Не плачь...

Окну тоскующему — стук,
Небытию наркоза — жизнь,
Волной захлестнутому — круг:
— Держись!..

Отогревающий очаг,
Состав, смывающий клеймо,
Свет в прозревающих очах —
Письмо*.

Высокопарно? А мне плевать. Зато правда. К тому же это вовсе и не литература, даже не «Из записных книжек», не из «Писем» — это просто так, как вдох и выдох не по команде радио.

124/XII/67

И ничего у меня схожего с Тошкой [Якобсоном] нет — к счастью для Тошки. Это все Иринины фантазии. Всамделе: он — работяга, я — лодырь; он красноречив, я косноязычен; он играет в шахматы, я — в бильярд; он любит Ахматову, я — Достоевского; у него кудри вьются, как у З.С.Кедриной*, а у меня — наоборот; он — молодой, сильный и красивый, я — престарелый, немощный и обезьяна; его любят женщины, я же, наоборот, люблю их...

На днях я спалил-таки письма. Чуть-чуть это смахивало на убийство, но другого выхода не было. По склонности своей к компромиссам я решил оставить по одному письму от каждого корреспондента; итак, у меня сейчас всего 60 писем... Остальные двести? триста? вылетели в печную трубу; но реализация метафоры («горячие», «теплые» письма; «письмо согрело» и пр.) и здесь сработала: на ваших письмах, мои дорогие, был согрет кофе, вскипячен по всем правилам — и выпит за ваше здоровье. Печально, что я — как исполнитель в анекдоте о зайце: сначала режу, потом считаю. Сначала сжег, потом спохватился, что не все адреса переписаны. И вот открытку Заксам приходится посылать в этом письме, потому как адреса нема.

И открыток нет. Хожу (лежу), побираюсь. Набрал 5 штук всего — Новый же год, спрос превышает предложение. Пишу подряд. Кому не

достанется — не обижайтесь, это вовсе не значит, что я восхищаюсь Борькой Шрагиным больше, чем, скажем, Люкой [Филатовой] или Ирой Уваровой (не такой уж я идиот...).

Ларик, напиши, пожалуйста, какие все-таки мои книги привез Леня [Рендель]. А то я тут все переживаю, не потерялось ли что. Будет оказия — я еще некоторые книги отправлю, оставлю лишь поэзию и некоторые по искусству. Но это отнюдь не значит, что всякие-разные другие мне не надо посылать!

| 25/XII/67

Рождество. Вчера вечером и сегодня утром — тихий ажиотаж. Здороваются за руку, снимая шапку; лица торжественные, голоса приглушенные; «на земле мир, и в человецех благоволение» — это уж мне вчера довелось перевести с латышского за общим рождественским кофе. Ветка ели, мохнатая и симпатичная, украшала стол, и разговоры шли самые добродушные. Занятно, что во всем этом собственно «религиозники» не принимают никакого участия — кажется, им — баптистам, иеговистам и пр. — церковные праздники, обрядность враждебны? Расспрашивать не хочется; единственный человек, с которым мне было бы интересно и нестеснительно говорить об этом, уже освободился: был тут такой симпатичный дед, всё мы собирались с ним по душам потолковать, да не успели. Ему, кстати, здорово повезло; двойная радость: окончился срок и чуть ли не в тот же день — сообщение о реабилитации (за отсутствием состава преступления). Не помню, сколько он просидел.

Так вот, я, признаться, слабо верю в прочную и глубокую религиозность моих вчерашних сотрапезников; упаси боже, здесь нет и тени лицемерия; но — и это удивительно — нет и никакой демонстративности, что было бы вполне понятно и даже оправданно. Скорее всего, сказывается естественная (по-моему, она естественная?) тяга людей к контактам на «добрых началах». Мне кажется, модные разговоры о «некоммуникабельности» — пустой треп. Одна из самых сильных страстей человеческих, с которой мне довелось и доводится встречаться, это неистовое даже какое-то стремление найти общие позиции, платформы, пяточки. И зачастую людям только кажется, что они объединяются для чего-то; на самом деле они подчиняются власти своей души; общее благо — не цель, а неизбежный, попутный результат таких коммуникаций. Так женщины выдумывают понимание со стороны мужчин; так участники социальных движений выдумывают общность цели; так возникает религиозность нерелигиозных людей.

Почему никто из вас до сих пор не дал мне по шее за то, что я суюсь рассуждать? Не мое это дело, я вторгаюсь в чужие угодья, а вы преступно равнодушны. Мое дело — смотреть и чувствовать, и докладать об этом, а итоги подбивать — на то есть люди разумные, вроде Ф.Светова (чьи статьи в «Н.м.» я читаю с неизменным интересом).

Завтра наша кофейная компания уменьшится еще на одного человека: выходит Энн [Тарто]. Причем выходит, не в пример прочим, в отличном виде. Если перекладывать на язык литературно-критических статей, то Ленка Рендель — это сплошное очернительство, а Энн — типичная лакировка действительности, такой он розовый, румяный, толстый — дай бог всякому! Словно из санатория. Недаром прозвище у него — «Большой удав». Надобно видеть его за едой, чтобы по достоинству оценить эту кличку. Хочется верить, что все у него благополучно устроится в его Эстонии. Так вот и живем: радуемся, когда уходят отсюда товарищи. И грустим тоже.

Вообще народу заметно поубавилось: кто отбыл свое, кому сократили, кого помиловали; впрочем, к нашим статьям последнее не относится.

| 26/XII/67

Сегодня я валялся последний день, завтра пойду на работу. Вот скучища-то! Впрочем, я насобачился так, что без труда делаю 50% нормы, а то и больше — 30 с лишним пар. Сережа [Мошков] и Виктор [Калниньш] делают по 100% — по-моему, из одного лишь ехидства. Кроме того, за полгода моего отсутствия они здорово напрактиковались. Ладно, я их догоню помаленьку — из тех же побуждений.

Где это Зюзино* (уж не мог Тошка другое, не столь провоцирующее название выбрать!), Профсоюзная?

Вчера мне на секунду, на мгновенье какое-то стало страшно. Я после обеда ложился на койку и вдруг ощутил бессмысленное, безмысленное удовольствие: сыт, тепло, сейчас лягу — не подумал, а это до меня дотронулось, как стариковская зараза, как умиротворенное кряхтенье, которое я слышу вокруг. Брр!..

А во сне я часто бегаю легко и быстро, как никогда в жизни не бегал; и все невзрослым, все чьим-то младшим братом, все мне кто-то покровительствует и — поэтому — помыкает: «Юлька, сбегай! Юлька, сделай!» Но ведь, кажется, так не было?

Никогда в жизни я так не хотел писать, как сейчас. И, наверное, уже не захочу. Каждый день, каждый час у меня умирают слова, фра-

зы, целые семьи слов. И воскресить их я уже никогда не смогу — несмотря на комплименты, которые ты, Ларка, делаешь мне, моей памяти. Это верно, я ничего не забуду — но разве только в этом дело? Да и так ли уж всемогуща моя память? Я на днях час битый вспоминал второй и третий день в Явасе (первый помню) — так и не вспомнил. А ведь всего потора года прошло. И было что-то в деталях, в мелочах, что определяло настроение — которое я тоже помню: легкость, независимость зрителя театрального — ни домашние заботы не гнетут, ни шпаги и пистолеты на сцене не угрожают. Как тут не скрипеть зубами о дневниках, которые вот уже два месяца я добиваюсь возвратить! И главное — ну ничего, ни синь-пороха там нет такого, что было бы хотя бы сомнительным.

Лекция нынче была. О международном положении. Я пришел на самый хвост и слышал только бесполезные, а подчас и глупые вопросы, которые задавали бедняге-лектору. Жалкое впечатление от этих «гражданских». И зачем ездят? А впрочем, верно, привыкли, и им не стыдно. Я вот тоже ко многому привык. Три года назад я возмутился бы, если бы мне сказали, что я буду смеяться, и смеяться недоброжелательно при известии о повторном аресте одного парня. А сейчас было именно так. Парень, правда, пустой, глупый, да и вредный — только под ногами путается. Я его еще застал на 11-м. Черствость? Вряд ли. У меня в носу щиплет, когда я думаю о некоторых, с кем я здесь познакомился.

| 28/XII/67

Вчера было два письма: от тебя, Лар, и от Сашки с Нелкой [Воронелей]. От твоего письма, Ларик, у меня сердце заболело — прямо физически. Идиотская уверенность, что если бы я был дома, Кирюшка бы скорее выздоровела — сам понимаю, что идиотизм, что вы и без меня делаете все, что нужно, а вот никак не уймуся, все думаю, как бы я помог ей. И высчитываю: письмо твое от 16-го, прошло 10 дней — как-то она сейчас? И поделиться горем не с кем. Сережа рассуждает профессионально, биологически*; Виктор [Калниньш], хоть и сам собачник, но жутко сдержанный... Кому повем печаль мою?

Сашке и Нелке — привет и спасибо. Так я и не понял, что ему напомнил «8 с половиной» Феллини? Что он там поназачеркивал? И спасибо ему за Машин [Розановой] адрес. Он (Сашка, а не адрес) оказался из всех самым обязательным. В итоге — не прошло и двух лет со времени моей просьбы, как адрес у меня.

О стихах и переводах не горюй, Лар. Как-нибудь, когда-нибудь. Не к спеху. А относительно свидания — я так понял, что тебе все объяснили: когда и какое свидание «положено». Если нет, запроси официально. Мне с этими вопросами (да и с любимыми) обращаться неудобно.

130/XII/67

А мне книжки прислали! Я теперь буду умный-умный, грамотный-грамотный. А что мне прислали? А прислали мне «Былое и думы», Сухово-Кобылина и книжку с актуальнейшим названием — «Хватит с меня!». Это было вчера. А сегодня — две телеграммы (от Азбелей и от Иры и Майи) и письмо, Золотаревское, очень смешное. В нем, правда, есть досадные промахи. Например, пишет Борька, что звонил к нам справиться о Кирюхином здоровье — и все. Молчок, ни слова о том, что узнал. Досадно. А еще он ошибается, что его в С[оюз] С[оветских] П[исателей] не примут. Для ССП у него вполне приличный стихотворный уровень. Да что там уровень! Был бы человек хороший (т.е. идейный)*.

Очередная просьба, чтоб не забыл. Позвоните, пожалуйста, в магазин украинской книги, который на Арбате, и узнайте, есть ли у них «История украинского искусства», кажется, в шести томах. Если есть, высылают ли они «книгу—почтой». А если высылают, напишите адрес магазина.

Сегодня ровно год, как мы в Озерном. Прошел он, заботами и молитвами опекунов моих, довольно пестро и относительно быстро. К сожалению, литературного угля на-гора выдано немного; но это уже не моя вина.

Станный у меня досуг. То объясняю одному почтенному старцу, кто такие масоны; то зачем-то читаю Баруздина (черт бы его взял! Прочел: «Сверчков переулоч» — и мучаюсь два дня, никак не могу вспомнить, который; где-то ну совсем рядом с нами, с Армянским, с Чистыми*); а сегодня мне принесли три тома «Медицинской энциклопедии» — в такой наивной и полной уверенности, что это не может не обрадовать меня, что у меня язык не повернулся отказать от чтения. Между делом я дал несколько ценных руководящих указаний по части воспитания детей, ссылаясь на выдающиеся качества собственного чада и, естественно, приписывая все заслуги себе (а все недостатки — тебе, Лар). Так что телеграфное пожелание «...мудрости в Новом году...» как нельзя более кстати. (А почему, собственно, только в Новом году?)

Стало быть, Новый год? Ой ли? Новый ли? «И год не нов. Другой (1970) новой обещан»*. Ладно, по календарю — новый. Два дня подряд мы пьянствовали — кофе лилось рекой, был Великий Треп и — игра в снежки. О, это упоительное зрелище: начинает перекидываться снегом всякая шпана, вроде нас, а там пошло-поехало, и в конце концов убеленные сединами и осиянные лысынами начинают мальчишничать. Кинет такой Мафусаил, а потом его по инерции вслед за снежком так и поведет... А снег сырой, липкий, как раз для снежков. Было тут два дня холодных, а потом потеплело, сегодня уже третий раз дождь шел. Сиротская зима — а нам того и надо.

Кончились праздники, все, кому надлежит опохмелиться, уже как огурчики, и нынче, слава богу, пришла почта. Телеграммы: от вас, мое семейство; от Фаюмов; от Иры Кудрявцевой; от родителей [Богоразов–Зиминых]; от Бурасов; от Люды [Алексеевой]; от Оли (из Львова)*; и, судя по обращению ко всей шараге поименно, — от Лени [Ренделя]. Подписи в этой телеграмме нет.

Наташенька [Садомская], ты помнишь, что ты мне как-то говорила об утрате душевного стерженька, об утрате серьезности у некоторых людей, чью судьбу я сейчас (с оговорками, конечно) повторяю? И еще: наш бывший друг [С.Г.Хмельницкий] встретил у нас однажды «вернувшегося», точнее — «возвращающегося»*. «Растерт в порошок», — сказал он. «Тебе это кажется, Сережка, — возразил я. — Просто нервное возбуждение». К сожалению, он оказался прав. Так вот, я даю вам честное слово, даже клянусь, что ничего подобного со мною не будет: ни утрат (разве что остатков иллюзий), ни «порошка». Это я отвечаю на телеграммы — и не только на них. И знаете что? Мне так легко — легче, чем как-нибудь иначе. Конечно, я предпочел бы, по сибаритству своему, обойтись без тех колотушек, которые мне преподнесла Фортуна; но — все к лучшему, вернее — во всем можно отыскать свою хорошую или забавную сторону:

Ох, братцы, до чего ж я рад,
 Что суд судьбы в оттенках точен:
 Достался мне ударов град,
 А ударявшим — град пощечин...

Таким образом, что мы видим на этой интересной картинке? На этой интересной картинке мы видим одного бывшего литератора, ко-

торый бодро шагает ножками к лучезарному будущему, легкомысленно отшучиваясь (отплевываясь) от всяких мелких житейских неурядиц типа неудачного места жительства, несамостоятельного решения квартирной проблемы и прочих незначительных деталей бытия.

| 4/1/68

Ларка, слушай сюда. И Санька — тоже. Я категорически прошу (каков оборотец, а?) еженедельно, независимо от писем, событий или отсутствия их, отправлять мне открытку: мол, живы, здоровы, все в порядке. Если этого не будет, я запишусь. Точнее — я уже записывал. Я почему-то очень беспокоюсь о вас, что-то всякие страсти-мордасти мерещатся. Пожалуйста, прошу вас, делайте это, это же нетрудно — раз в неделю одну-две фразы.

Квитанции на мое последнее (от 21.XII) письмо все еще нет. И телеграммы вашей тоже.

Ладно, пора кончать.

До свиданья, мои хорошие.

Обнимаю вас.

Ю.

К Новому году я послал 19 (!) открыток!

Парочку бы мне носовых платков, а? И конвертов, и марок.

Только что принесли почту: кро-охотную открыточку от Марленки [Рахлиной]; забавное новогоднее издание из Литвы; набор «Кижички» от Наташки [Садомской] («собачий нос» — это как понимать? В смысле нюха — не похоже; наверно, это значит «красивый, как у собаки»?)

Сегодня я делал 6 пар перчаток! О, сшить перчатку — дело непростое. В ней, стерве, семь штук деталей. Переводить очень трудно, когда шьешь перчатку: все время отвлекаешься разными глупостями, вроде четырехпалости или намертво зашитого «входа» в перчатку... Вот ужо вернемся к рукавичкам! Наверно, мне помогает талисман Ирины — недаром ему все завидуют, т.е. не ему, а мне.

Целую вас. Ю.

п и с ь м о т р и д ц а т ь ш е с т о е

| 19/1/68

Жуткое дело, как я разленился. Каждый день собирался сесть за письмо, и каждый день находилось что-нибудь, что можно было делать с меньшей затратой энергии. Опять же — все к лучшему: до вчерашне-

го вечера я был уверен, что мои последние письма не дошли до вас, а вчера получил вашу телеграмму и возликовал. Милые дети, прошу вас, не забывайте сразу же подтверждать получение моих писем. Дело ведь не только в том, что я волнуюсь и что трудно писать, не зная, услышали ли вы сказанное раньше. Дело еще и в том, что убежденность в недобросовестности почты толкает к различным мероприятиям; а если причины не в почте, а в вас, то любые мои акции выглядели бы глупо.

Вот вам сразу отчет о полученной корреспонденции. Было два письма от тебя, Лар (№ 3 и № 4); письмо от Майки Улановской; открытка от Кости*; письмо от Фаюма; письмо от Марленки [Рахлиной]. «День укр. поэзии» от Надежды Светличной. А из твоих бандеролей, Ларка, я получил только тетради и всякую санитарию-гигиену; белье и елочные украшения «не положены» — очевидно, в прокуратуре, на которую ты ссылаешься, незнакомы с инструкциями. Но ты не горюй — я не замерзну: здесь душевное тепло обладает способностью материализоваться в самых заземленно-бытовых предметах.

Помнится, последнее письмо я отправил 4 января? Что было после этого? Было Рождество, на этот раз православное, со всеми принятыми обязательствами: трапезы с елкой и со свечами (утренняя — «только для семьи»), с добрыми пожеланиями и вечером — колядки (с весьма забавными орнаментами, не предусмотренными традицией).

Был «великий исход» Бена [Ронкина]. Он появился среди нас бодрый, веселый и нафаршированный идеями, с физиономией цвета молодой травки; он несколько озверел от месячного с лишком молчания и теперь усердно наверстывает упущенное: сорок швейных машин не могут перекрыть его голосок...

Был — позавчера — день рождения Виктора [Калниньша]. Ему стукнуло 30 лет. Всенародных торжеств по этому поводу не было. Мы собрались маленькой компанией и тяпнули кофейку за его здоровье. Ради такого дела нашлись даже две пачки рижских сигарет. Он — Виктор — кланяется и благодарит за поздравление.

Две книжечки меня интересуют: Сименон и недавно вышедшая книга маршала Баграмяна. И еще «Искусство и элита» Ю.Н.Давыдова (1966, «Искусство») и «Кельтская цивилизация и ее наследие» Яна Филипа (есть, кажется, в магазине «Дружба» на ул. Горького). Расстарайтесь, а?

Читаю я много и все вперемешку: украинские стихи, журнал «Нева», Солоухина («Письма из Русского музея» — читали? Не берусь судить, удачно или нет он браконьерствует в искусствоведческих уголках, но кой-какие мысли «по поводу» кажутся мне верными. Кваском, правда, припахивает...*)

Да, что я еще хотел сказать. Ларик, я думаю, что на свидание нам рассчитывать не стоит — у меня предчувствие, что и в следующий

раз окажется какая-нибудь причина, вернее — повод... Так что лучше не строить иллюзий. Да и вообще — об чем звук, как говорят в Одессе. Два с половиной года — ха! Перебьемся.

Еще я получил телеграмму от Гитерманов — ответ на мою новогоднюю открытку.

Относительно житейской философии, которую Марленка развела в последнем письме. Кокетничает мадам. Но ежели мне нравится, когда женщины кокетничают, то это лишь в том случае, если они не выходят за пределы своей бабьей прелести. А здесь — семь верст до небес и все лесом. Во-первых, совсем не «лучше терпеть, чем барахтаться» — и не только не лучше, но и не легче; во-вторых, лозунг «противно что-нибудь делать вообще» — идеальный клич для утопающих в говне. И, бог мой, как будто не ясно, что «ничегонеделание» имеет целую шкалу состояний, легко и незаметно переходящих одно в другое. Охнуть не успеешь, как «ничегонеделание» образца «неучастия» или «ненасильственности» перейдет в «ничегонеделание», восхищающее угрюм-бурчевых всех мастей и времен. Да что уж о философии — по-житейски эти рассуждения несостоятельны. Помните, что говорила предводительница стаи отстающему гусю в «Путешествии Нильса»: «Скажите новичку, что лететь быстро легче, чем лететь медленно... скажите, что лететь высоко легче, чем лететь низко...»

О Боре Чичибабине я не думаю «хуже, чем есть на самом деле». «Лучше» — тоже не думаю. И вообще я о нем никак не думаю. За исключением тех случаев, когда читаю его стихи. Но, право же, не моя вина, что эти чудесные стихи существуют для меня отдельно от их автора. Впрочем, спорить и иронизировать, ругаться с ним я бы не стал. Ругаться я могу и буду лишь с теми, кого люблю. Вот как сейчас с Марленкой.

Очень меня позабавил эпизод с визитом Толи и Вити* — из твоего, Лар, письма. Но что-то я никак не пойму: какую же все-таки позицию занимают упоминаемые в том же письме Вадик и Саша? То ты пишешь, что они «не узнали» тебя (что, кстати, вполне могло быть на самом деле: ведь виделись-то два-три раза в сутолоке и сумбуре); то тут же говоришь о том, что они приходят — для того, чтобы вернуть при случае: «Были у Даниэлей...» Как же все-таки? Трусят или не трусят? На Сашу это, мне кажется, не похоже.

| 21/1/68

Вам известна, милостивые государи, исполненная изящества и верная натуре прелестная поэмка Саши Черного «Всероссийское горе»? Так вот, три дня я грипповал, и на каждый из этих дней у меня

были широчайшие творческие планы. Но... «Итак, начинается утро...»*. В общем, из трепу не вылезил.

К делу. Сообщено совершенно официально, что отдавать бандероли будут только с канцпринадлежностями и чтивом. Так что не тратьте деньги и время по мелочам. Подумаешь, носки-портки, зубная паста и прочее. Даешь сразу пишущую машинку — она ведь канцпринадлежность! Нет, серьезно, братишки-сестренки, плюньте вы на все это и не ставьте меня в неловкое положение — я ведь просить не стану: «Отдай бандерольку, начальничек... Положи на губку...»

Я соврал — я не все время трепался. На днях вручили мне книгу Эйдельмана о корреспондентах «Полярной звезды», рассказы Бернарда Маламуда и сборник Владимира Максимова*. Взял я этого самого Максимова и стал читать. Ну, первая повесть мне знакома, читал в каком-то журнале, запомнил, хоть и не восхитился. Читаю, злюсь и фыркаю: слог кудреватый, форсистый; с композицией тоже выпендривается в каждом рассказе. Да что за черт, думаю, чего это Ларка вдруг прислала? Хочу захлопнуть книжку. Не захлопывается. Ладно, пойду покурю. Пошел в умывалку, закурил. Сделал две-три затяжки — бросил, пошел читать. Так, рыча и чертыхаясь, ехидничая («много-речивая тишина» из рассказа в рассказ, то да се, чуть не ритмическая проза, подумаешь — жаргоном удивил! Знаем мы эту романтизацию блатного мира, — так бормочу), дочитал книжку до конца, не отрываясь, залпом. Слушайте, он молодчина, этот Максимов. Здесь, в письме, не место рассуждать, почему он молодчина, — но, ей-богу, несмотря на бесчисленные литературные просчеты и слабинки, он — настоящий литератор. Эх, кабы еще редакторов (и внутреннего в том числе) побоку! Опять заврался я: охотно бы посудачил с ним именно с редакторских позиций.

Кстати, забавно: единственный разговор об этом авторе был у меня где-то числа 9–11 сентября 65-го года*. Тогда я чуть-чуть узнал о его биографии.

За Маламуда я еще не брался. Не сомневаюсь в качестве перевода. А что, времена дарственных надписей на таких книжках прошли? Или продолжают? Так или иначе, при случае передайте мое неизменное уважение*.

| 22/1/68

Что ж, вот и январь идет к концу. Считаю дни до тепла. Не то чтоб я очень уж страдал от холода (хотя, признаться, градусов ой как малова-то!), но вот думать и тем паче работать (писать) я почти не в состоянии.

Майке (Улановской) и Фаюму скажите, что письма их очень хороши. А то Фаюм все сокрушается, что, мол, жанр эпистолярный не дается. Ерунда. Мне же все это интересно ничуть не меньше, чем всякие литературные новости, чем всякие цитаты из книг и статей или взгляды тех, кто, понимая суть дела, не сказал ни единого слова. Ей-ей, житейские мелочи, быт, кто с кем подружился или поругался — такие вот подробности узнать любо-дорого. Словно газету читаешь, издаваемую специально для тебя. Кстати о газетах — с интересом читали январские «Известия» и «Комс. правду» — статьи о процессе*. Подумать только, до чего люди дошли в авторском своем тщеславии! Ай-ай. Ну-ну. Гм-гм. Елки-палки. Добро пожаловать*. Креста на них нет. И это в то время, как.

Подожду-ка я до вечера, и если сегодня почты не будет, отправлю письмо, а то затянул я с ним до конца месяца. Пора восстанавливать график.

Да, забыл совсем. Я тут прочитал любопытную книжицу. Называется «Записки из мертвого дома». Написал какой-то Достоевский Фэ Мэ. Давно уж написал, лет сто назад или больше. Такие вот книжки рожают мыслишки. А мыслишки — это излишки. А с излишками известно что делать надо. В общем, могу сказать, что прошло всего сто с лишком лет, а книга на 50% утратила актуальность. Говорят, он еще чего-то написал?..

Вечером. Только что получил твое, Лар, письмо № 2 (а где № 1?) и письмо от Ленички [Ренделя], очень интересное, хотя малость и бесполое. Мы все его нежно любим и вспоминаем ежедневно; а один день его имя вообще с уст не сходило: нас с Беном поставили обрезать рукавицы, т.е. делать то, чем занимался Ленька. Бьюсь об заклад, он не сообщил вам, какой проект изничтожения еврейского племени предложил Бен? Было предложено поручить Леньке делать обрезание всем новорожденным: рукавицы и перчатки Ленька кромсал так, что получались митенки... Его приветы я всем передал, все ему кланяются. А я прошу его передать привет Юлию, Пете, Стелле*. Я ведь не ошибся, мы были с нею знакомы? Что касается его смелого утверждения, что «Женя Якир — приятный парень; жена его — тоже», уверьте его, что он, Ленька, ошибается: жена Жени — очень милая женщина, насколько я успел заметить...

Ларонька, я просто счастлив, что Кирюшка уже здорова! Я так волновался — сил нет, а теперь все отлично, все хорошо; ну конечно, я и не сомневаюсь, что это ты ее выходила, ты же и швец, и жнец, и филолог, и академик, и герой, и публицист, и медроботник.

Ладно, буду ждать обещанного продолжения. Да, о Лешкиных [Пугачева] рисунках я знаю из Марленкиного письма — а о другом подарке узнал впервые*. Привет и ему, и Марку [Богославскому], и Оле [Кучеренко], и всем-всем. Лине и Алику Волковым.

До свид., милые, целую и обнимаю. Ваш Ю., он же — дон Хиль-Утепленные штаны, он же — узник Железная Миска. Есть ли какие-нибудь вести с 11-го? Кланяйтесь друзьям.

Да, от Ленки я получил две телеграммы и два письма, считая и сегодняшнее.

письмо тридцать седьмое

25/1/68

Sveiki! Это значит по-латышски «привет», «салют». Как видишь, Лар, я с легкостью необыкновенной последовал твоему совету и взялся за латышский. Сегодня была «Prima stunda» — первый урок. Я попросил Виктора [Калниньша] написать мне и произнести 10 слов первой необходимости. Он представил мне такой список: «привет, доброе утро, добрый день, добрый вечер, спокойной ночи, благодарю, пожалуйста, извините, выпьем, закусим». Не правда ли, отличный преподаватель и тонкий психолог? Все, что надо; лапидарность в стиле «пардон, мадам, — мерси, мадам!» Полученные сведения я немедленно применил на практике: подошел к одному латышу, с которым мы обычно изъясняемся по-немецки* (то есть это он изъясняется, а я обычно соглашаюсь в таком, примерно, роде: «Jawohl, er ist Schwein; richtig, er ist Untermensch»* и т.д.). Так вот, подошел я и говорю на присущем ему латышском языке: «Sveiki! iedzersim». Он так и подскочил. Нет, не оттого, что я заговорил по-латышски, — просто обрадовался: а вдруг у меня и впрямь есть что выпить.

Из сказанного выше следует: а) что я послушный супруг и б) что я получил твое письмо с рекомендацией. Два письма от тебя, Лар, — № 3 и № 4. А № 1, очевидно, вошло в «Выданные места из переписки с друзьями». Как я догадываюсь, написано оно было сразу после

Нового года, содержало сообщение о встрече с ним. А также с Энном [Тарто]. Я угадал?

Письма твои очень милы и весьма полезительны; суть их только выигрывает от легкости и изящества изложения; и, как видишь (на примере латышского), все твои рекомендации и аттестации я принимаю к сведению.

«Современник» «Современником», а вот очень бы мне хотелось, чтобы Санька посмотрел «Пугачева» в Театре на Таганке и написал о своих впечатлениях. Я прочел статеечку Давида Самойлова в «Лит. газете», и захотелось мне, чтобы кто-нибудь алгеброй гармонию поверил. Мне кажется, что ты, Санька, самый для этого подходящий человек: еще не окончательно охалпел от науки и уже отрешился от телячьих восторгов (я тебе еще припомню «Никто не хотел умирать!») А автору статьи, ежели кто встречается, — привет. И давным-давно хотелось мне иметь его стихи; а кроме вырезки из «Знамени», присланной Мусиком [Кагановым], у меня ничего нет.

Кирюшка — умница. Я с таблетками обычно поступаю так же. А шерсть на брюхе у нее отрастет? Как-то грустно мне стало от этого известия. «Вот, думаю, и Кирюху тоже остригли...»

Письмо от Аллы [Сергун]. Что-то я никак не соображу — сколько же это Нинке лет? 8-й класс — 15 лет, что ли? В следующее письмо Аллы пусть черкнет мне две-три строчки — давненько (лет этак 25 с лишком) не получал записочек от восьмиклассниц... Алка, а куда тебя черти носили, в какую командировку? Кроме двух Маек, Черненькой и Беленькой, и четы Бочаровых я никого не помню, вернее, — смутно припоминаю что-то. Ал-дре Леонардовне [Мартиновой] — нежнейший привет; читала ли она Шаламова? И Тарковского? И Бенедикту А[рнольдовичу Мартынову] — мои наилучшие пожелания. Теперь, пожалуй, я смог бы разговаривать с ним на профессиональном уровне. Я имею в виду, разумеется, историю...

И, наконец, мною получена фотография женщины совершенно ослепительной красоты. 95% опрошенных мною определили ее как кинозвезду; вот только никак припомнить не могли, в каком именно фильме ее видели. Ах! И где только мои глаза были?! Вы, конечно, сразу догадались, что речь идет о Л.М.Алексеевой. Ну какой нынче редактор пошел: «Какие перышки, какой носок!..»

| 26/1/68

А знаете что: вот вы, которые подписчики меня, вы все-таки справляйтесь, когда выйдут журналы, отсылают ли их. А то им и пропасть недолго.

А бандероли тебе, Ларка, не возвращают (которые с бельем, игрушками и вкусоностями), потому что у меня на счету ни копейки нету. Так что если я не заработаю или ты не пришлешь, они — бандероли — будут лежать до сентября 1970 года.

| 28/1/68

Воскресенье. Выспался — по воскресеньям подъем на час позже, — позавтракал, пристроился у печки, греюсь, пишу, слушаю радио. Какая-то радиодама, интимно придыхая, уверяет, что «скоро весна». Врет, наверное. Весной и не пахнет, хотя и потеплело несколько — тут были зубодробительные холода, и везде притом. А оно неплохо было бы, чтобы весна, лето — а то в прошлом году я лета и не нюхнул почти; «Забудутся все тягости — останется одно: впервые в жизни в августе мне солнца не дано» — была такая грустная концовка у Аленкиного стихотворения*. Но как я есть оголтелый оптимист, то я эту концовку — к чертам!

Вот в дверях появилась оживленная физиономия Бена [Ронкина], много проигравшая от отсутствия бороды. Так, Бен налетел, скормил мне какую-то таблетку — витамин, кажется, — и помчался дальше, очевидно, кормить Виктора. Вообще Валерий унаследовал функции Ренделя — создавать такие завихрения, атмосферу бестолковой заботливости о ближнем... Упаси Боже, я это не в осуждение — наоборот, меня восхищают эти «фонтаны брызжущих эмоций», как говаривала Наташка [Садомская].

Ну вот, а теперь по радио несут чушь о Чаадаеве: якобы он вышел в отставку до «Семеновского возмущения», хотя только вчера я прочел у Эйдельмана, что именно Чаадаев ездил к Александру I с сообщением о семеновцах и вышел в отставку, не желая принимать флигель-адъютантства за этот свой вояж. А вообще книжка эта покамест (я прочел три главы) интересна лишь романтикой архивных поисков. Статьи у него, у Эйдельмана, покрепче. Впрочем, не буду торопиться, дочитаю книгу.

А рассказы Маламуда я прочел — и не в восторге. Впечатление такое, что уже читал все это, и много раз, и у разных новеллистов.

И даже отличные словечки и обороты (вроде «тягомотины») не спасают; да и не переводчицей ли они найдены?

Максимов пошел по рукам; его вздох читают мои коллеги; и если о симпатиях автора идут разнотоллки, то антипатии его не вызывают ни малейших сомнений* и вполне разделяются читателями.

| 29/1/68

Полчаса до работы. Нынче с утра я дежурю: притащил два ведра шлюму, два ведра кипятку, два ведра холодной воды, — гуляй, ребята, без вина!

Спать хочется, братцы; и лег позднее, и встал раньше. Вчера кино гоняли. Дурацкий вокальный фильм с комедийным уклоном. Но зритель до чего хорош! Восприятие явно гипертрофировано: там, где постановщик рассчитывал на улыбку, — там смех, там, где рассчитывал на смех, — гогот, стон, ликование. Бескорыстный восторг в любовных сценах: «Он ее так лапает, аж угинаяется!» Комментарии, разумеется, непечатные, но не по сути, а по форме: велик и могуч русский язык: брякнет трехсловную формулу — а в голосе мед и млеко...

Ночью, когда не спится, я думаю — чувствую — примерно так же, как когда-то во время операции, когда мне череп долбили: «Но ведь это кончится когда-нибудь! Доктор, еще долго? Что, половину уже сделали? А, ну ничего, еще столько же выдержу...» Какие-то фокусы со временем происходят: тянется оно медленно, а — не хватает его. Может, потому что раздроблено — то на ужин, то на проверку, то еще какое-нибудь землетрясение. Только-только устроишься с книжкой или с карандашом — глядь, вечерний звон, «мордовские куранты», по местному выражению. И с товарищами надо же пообщаться.

Микис Теодоракис, стало быть, на свободе. Что ж, это очень хорошо, что политзаключенных выпускают. В Греции. Душевно рад за него; послал бы ему поздравительную телеграмму, да только не знаю, куда писать. А впрочем, еще неизвестно, как бы он отнесся к такому поздравлению: он же политзаключенный, а я уголовник*. Он — композитор, а я литпроходимец (литзаключенный). Ничего, скоро я — с помощью рукавиц — перевоспитаюсь.

| 30/1/68

Вчера вечером — письмо от Ирины Кудрявцевой, твои письмо и открытка. Вот и молодец ты, вот и умница, так и впрямь поступай —

шли открытки; такие, как эта, меня вполне устраивают. А то уж больно беспокойно на душе: всякие циклоны, антициклоны, землетрясения, Икар какой-то, в полтора километра диаметром, того и гляди гэпнется не туда, куда надо... И какие-то «мелкие неприятности», о которых ты упомянула в письме. А письмо твое весьма знаменательное, семинар ваш — ты его напрасно хулишь — очень ко времени; особенно нам с тобою пригодилась бы телепатия — но что делали бы тогда цензоры?! Изобретали бы «мыслескоп», или как он там назывался? И насчет колдунов и провидцев ты неправа. Вспомни-ка, как тебя обозвал какой-то дядя в рыбном магазине у метро «Университет»; мы еще тогда решили (экие дураки!), что он псих, а ведь все слово в слово сбылось!» А на семинар ты ходи, будешь вести репортаж прямо со стадиона: «Наш микрофон установлен...» За что я люблю радиокomentаторов — это за то, что они всегда точно сообщают, где именно установлен их микрофон*.

Ире Кудрявцевой — привет и поцелуй. И поздравление ее сыну и его молодой. Ей-богу, даже странно сомневаться в том, что она вела себя единственно возможным для нормального человека путем. Вздор какой — разрешать или запрещать взрослому парню устраивать свою жизнь по-своему! Еще чего — 22-летнего парня на помочах водить; хотел бы я посмотреть, как это мне помешали бы в этом возрасте удрать к девушке — разве что при помощи УК.

Вон Санька — на 5 с лишком лет моложе, а и то Леонид Абрамович Рендель изволили выразиться в том смысле, что он (Санька, то есть) взрослее отца (то есть меня). Впрочем, если учесть Ленькино мнение обо мне, то вполне может быть, что Санька где-то на недосягаемых для меня высотах старшей группы детского сада.

На днях было мне очень славно. Тут наши украинцы собираются человек по 15–20 и співають. И вдруг запели ту самую балладу, которую я слышал только от Ирки Немировской и которая мне так нравилась: «Пішов відважній гайовий...»

Еще какие новости? В рабочем помещении, в сапожной мастерской, живет чета воробьев; возможно, это политемигранты из Китая*; а может быть, просто от холода спасаются. Сейчас, слава Аллаху, тепло в цеху, даже жарко, я нынче даже без куртки работал, а было — ух!

Мы с Валерием [Ронкиным] подбираемся к 50%, у нас с ним концерт (злопыхатели Сергей [Мошков] и Виктор [Калниньш] фыркают: «Концерт!»), а в следующем месяце Валерий собирается поразить мир. «Мы с вами будем работать, как львы!» Я стал вслух прикидывать, какой % нормы может выполнить на рукавицах средний лев; Бен несколько скис...

Да, смотрел забавный фильмишко — «Начальник Чукотки»*. Сделано с ухмылочкой — видимо, на пафосе далеко не уедешь, не тянет. А времена-то были, между прочим, серьезные — 1922 г., так сказать, корчагинские времена «комиссаров в пыльных шлемах». А все-таки — либо самим тошно подвирать, либо бояться, что все равно не поверят; ну что ж, можно отшутиться — за приличный гонорар, конечно. И отшутиться с выдумкой, талантливо, как Левушка Мильчин*. И удобно: можно уже презирать «академиков», не понимающих прогрессивного значения «фифти-фифти».

А еще Марленке [Рахлиной] передайте, что я обож-ж-жаю, когда мне жалуются. Какая из меня идеальная жилетка получилась бы, если бы меня скроили немножко иначе.

Что, Светлана Бахметьева с кино переключилась на хореографию? Я тут споткнулся об ее статейку в «Др. народов». Привет ей и Гураму*. Ох, и выпил бы я сейчас сухого винца! Вот беда: нельзя человека вспомнить безболезненно.

| 31/1/68

Ну-те-с, предположения мои оказались правильными: очередного общего свидания у нас не будет. Так что не тратьте понапрасну время и деньги на дорогу. Компрене ву? Огорчаться тоже не надо, все нормально, иначе и быть не может.

Прелюбопытную и поучительную книжицу я сейчас просматриваю — «Нюрнбергский процесс». Вообще книг хватает — было бы время. Его так катастрофически мало, что, скажем, до позапрошлого года «Вопросов литературы» я добрался лишь сейчас. Кстати, откуда я узнал, что умер А.Г.Розенберг, — в воспоминаниях о «Парнасе дыбом»*. Интересно — успел ли он перед смертью покаяться в своих прегрешениях?* Странно, что у умных людей так редко возникает решимость сказать «грешен». А ведь было бы и лучше, и легче — не говоря уж о том, что порядочнее. Ну, казалось бы, малость — Гамзатов о Шамиле (я уже писал об этом)* — а ей-богу, как славно было бы, если бы многие его коллеги так же громко сказали бы. И так же честно — не сваливая на объективные причины, на свою зависимость. Не могу понять, что останавливает? Что за барьер? Ведь надо же «под старость душа спасать». Мне кажется, я сейчас смог бы вслух сказать обо всех случаях, когда трусил, когда приспособливался, когда лгал. Я говорю, разумеется, о своих неблагоприятностях, хоть как-то связанных с «выходом на общество»: преподавание, переводы некоторые, умолчание, сторонняя позиция. И хоть есть у меня, с точки зре-

ния некоторых, достаточно солидные оправдания*, все равно ведь стыдно.

Сегодня я, наверное, отправлю это письмо; вот только дождусь почты, чтобы сразу подтвердить, если что будет. Лар, бога ради, не забывай про открытки! Я очень волнуюсь о твоём и Санькином здоровье, пиши их регулярно, пожалуйста.

Странно: я уже давным-давно и, кажется, не однажды спрашивал об Алике Басюке*, но ни ты, ни харьковчане не ответили ни слова. Что с ним все-таки? Понимаешь, у меня сейчас повышенный, даже, пожалуй, болезненный интерес ко всем, кого я знал. И если кто-то мне не пишет, или перестает писать, или о нем ничего не упоминают, я начинаю «вычислять». Конечно, у меня возникают в основном две версии: либо с человеком что-то случилось, либо что-то случилось с его отношением ко мне. Может, вы меня бережете от этих версий, особенно от второй? Напрасно, если так. Мне хотелось бы совсем освободиться от иллюзий, вылинять начисто, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не перечислить поименно тех людей, о которых я ничего не знаю. Странное, смутное и очень неприятное ощущение. Ладно, надумаете — напишите, нет — не надо, перебежусь.

| 2/11/68

Я — как пресловутый гость из самой неприятной разновидности: собрался уматывать, топчусь в передней и никак не уйду. Ладно уж, отправлю завтра вечером, когда нельзя будет ждать «завтрашней почты».

Писем нет; зато есть, как говорил городничий, «пренеприятное известие». Дошло до нас — при помощи местной печати* — что этот прохвост Синявский (пасквилянт, очернитель, клеветник, перевертыш и наследник Смердякова, косой к тому же) не хочет добросовестно трудиться. Он не выполняет норму! И это в то время, как я, раскаявшийся (ох, я во многом раскаиваюсь!) участник его преступления, поднялся до грандиозных высот в своем неуклонном стремлении к совершенству — 58% нормы за вчерашний день. Ларка, не волнуйся; Санька, верь в будущее; успокойте всех друзей и знакомых, всех читателей и почитателей: им не придется страдать от отсутствия рукавиц. Мой лозунг на ближайшее время: «Каждой семье — рукавицы». А Синявский навсегда останется в памяти всего прогрессивного человечества как олицетворение неблагодарности; подумать только, норму не выполняет. И это после всего, после стольких ласковостей... Черна душа человеческая.

Сегодня сообразил, что могу не торопиться: трамваи уже не ходят. Все равно письмо из ящика вынут только в понедельник. Значит, можно еще поболтать с вами. Тем паче, что я вчера письма получил! Целых три!! И три бандероли!!! *

Главное, однако, — порядок. Даже в изложении столь радостного события, как получение почты. Я вот сначала расскажу о бандеролях, а потом уж перейду к письмам. Три бандероли — все книжные. Первая — из Киева, от Нади Светличной. А что в ней? Украинские стихи, разумеется. Опять меня одолевают соблазны переводческого свойства: я получил Ивана Драча и Антонича (кто-нибудь знал его раньше?). Другие две — со стихами Бараташвили, Хакани и с книжкой В.Конецкого. Сию последнюю я только что закончил. Бью всем вам, книгодарителям, низкие поклоны. Тут с моей жадностью на старых «Вопросах литературы» не проживешь, хоть я и похвалялся только что обилием книжек. Однако это отдельная тема, об этом потом.

Теперь о письмах. От Маринки Фаюм — большое и хорошее письмо и фото нашего старого дома в Армянском. Столовую в Историчке я, конечно, помню, — невкуснее кормят только в столовой Ленинской библиотеки; и своды этой столовой помню — подумаетесь, невидаль! У нас на кухне в Армянском не хуже были. «Чай с диапозитивами» — это, конечно, здорово; а сахар тоже дают?

«Нет у людей чувства языка». Милая, у этих людей много чего нет. Бог с ними, стоит ли о таких писать, когда все уже написано Свифтом. А нам твердить, подобно эху: «Избавь нас, Господи, от йэху!»

Если не забудете, Маринка и Юрка, номер телефона напишите: мне приятно перелистывать записную книжку с телефонами, будто и впрямь могу позвонить. Ох, сколько иллюзий мы здесь себе придумываем, рассказать — не поверите!

Юре Левину — огромное спасибо: будто занозу вынул с этим Сверчковым переулком. И как это я так обеспамятел?.. Не могу выразить, как мне жаль его «пропавшей грамоты» — и Юриного труда жаль, и еще больше — себя, что прочесть не довелось. Судя по хвастливому вопросу, автор фото «Ларки в платочке» — именно он, Ю.И.Левин. Из этого последовало простейшее умозаключение, что, поскольку на фотопленке обычно не два кадра, а много больше, и проявляют кадры, отсняв, как правило, всю пленку, то я имею шанс получить еще чьи-нибудь рожицы. Логика почти математическая — не находите ли

вы, что я сильно продвинулся в области интеллектуальной? Конечно, мне не хватает серьезности Марта [Никлуса] — что поделаешь, не всем дано родиться эстонцами.

«Муки слова» и «муки молчания» появились у Юры — ага! Очень великолепно. Пророчествую злорадно: теперь ему уже не вылечиться. И это очень хорошо: без булды, как сказал бы Кадька [Филатов]. Что же до «дихотомий» и «декотатов», то их не нашлось даже в словаре лингвистических терминов — где уж нам, дуракам, чай пить. А может, это «депотаты»?»

Такие письма, как твое, Ларка, 6-е январское — просто бальзам на сердце: новостей-то, быта, — просто не письмо, а «физиологический очерк». Перво-наперво мои поздравления Люде и Коле*, совет да любовь, пусть дом будет полной чашей (сами понимают — чего). Какие новые оперы освоил Коля? Бога ради, пусть Людка не правит ему дикцию: я хочу с ним встретиться именно в Москве*. А о зажатой пятерке мы с Людкой еще потолкуем; думаю, что в этом случае ей и Коля не защита — твердая мужская — хозяйская — рука будет Людку придерживать, пока я буду вскрывать домашний сейф. И Сереже [Алексееву] — привет и поздравления.

Насчет парня, которого мне не жаль стало при известии о второй посадке*, ты ошибаешься. Ты его не знаешь и не слышала о нем. И черт с ним.

Вопрос бытово-философский: соответствует ли содержание «личной жизни» ее форме?

Вопрос чисто бытовой: привез ли Ленька [Рендель] мои книги и какие?

Вопрос провокационный: не считаете ли вы, что если на Саньку навалиться всем колхозом, то его все-таки можно побить? За молчание.

Вопрос риторический: когда кончится бардак с письмами?

Есть еще много других вопросов, от которых я покамест воздержусь, думаю, что со временем ответы придут сами собой.

Ну о чем еще рассказать вам напоследок? Действительно напоследок, потому что сейчас уже вечер воскресенья, я забыл поставить новую дату.

Вот Бен тут после одного глупого фильма сказал, что смотрел с удовольствием из-за цвета. Ну фильм-то от этого лучше не становится — от яркости, а так-то Бен прав: очень соскучилось зрение по цвету. Но цвет в кино, в книгах не действует на меня так, как какой-нибудь шарф ярко-синий, или желтый кисет, или красные варежки. Летом легче — мелькают цветные майки. А сейчас — черный, белый, хаки. И все. Глаза не то что устают, а витаминов им не

хватает. Забавно, правда? Если подумать хорошенько, то ущербность нашего бытия обнаружится в совершенно неожиданных областях.

Что-то долго нет телеграммы о получении последнего письма. Квитанцию я уже давно получил.

Да, так вот, о книжке В.Конечного. Оно, конечно, книжка занятая. Но... Кажется, я читал одно произведение этого писателя, менее художественное, но более энергичное*. Вот этого самого и мало-то, почти нет в книге — волевого усилия, движущейся мускулатуры. Там, на супере, от редакции — надежда, что читатель ощутит «движение времени от главы к главе». Виноват, не ощутил. То есть, конечно, время движется, потому как приметы есть: вот долбают Марра, вот разговор о Зиганшине*, вот импортные туфли можно запросто в магазине купить — все это так. Но отношение к жизни — что в 50-м, что в 66-м — тихая ирония, скептицизм какой-то усталый. А ведь, между прочим, именно скептицизм качественно изменился за эти годы — стал, ежели угодно, активным, творческим. И за всем тем читать мне интересно. Я уже не первый год это чувствую, только признаваться стеснялся: мне много интереснее читать даже спорные книги о современности, чем бесспорную классику. Конечкий дышит вполдыха, говорит вполголоса; а я, его современник, знаю, что он недодышал, недосказал. И я могу с ним спорить, соглашаться, ругаться. А о чем мне спорить с Анатодем Франсом, например? Или с Львом Толстым? Я их принимаю как пять пальцев на руке, как чудо собственного существования, которому уже не удивляешься. Дышишь — и все. Современное искусство — это диспут, драка, ревность, уличная толчея. Быть олимпийцем-читателем-зрителем попросту невозможно. Есть, правда, и современные произведения другого сорта; быть сопричастным им можно только по линии эстетической, можно только любоваться и причмокивать: Кочетов, например. «Гляди, гляди, как ножками перебирает! На бумажку, на бумажку — не дави на стене. До чего же хорош!» Нет, серьезно, даже лучшие зарубежные книги доходят до меня через какое-то переключение, о чем-то я уславливаюсь с автором. Этого нет при чтении наших писателей. Конечно, я немножко утрирую, не все так прямолинейно и безусловно, есть и исключения; но в общем так.

Завтра я, само собой, вспомню еще сотню мелочей, о которых забыл написать, но будет уже поздно, а к следующему письму я забуду.

До свидания, милые мои. Целую вас, обнимаю.

Да, не найдется ли у вас какого-нибудь врача, который согласился бы консультировать здешнего медика по чисто профессиональным вопросам?

Это я бреюсь — через день, не реже.
Ю.

п и с ь м о т р и д ц а т ь в о с ь м о е

5/II/68

Сегодня во время перекура я приставал к Бену [Ронкину], уличая его в литературном невежестве. Разъярившийся Бен завопил: «А вот вы, который литератор, — кто написал «Новую Атлантиду» — ну-ка?!» Я без запинки рявкнул: «Фрэнсис Бэкон!» Все примолкли, а потом Виктор [Калниньш] с удивлением сказал: «Смотрите-ка, знает». Некоторое время я тупо смотрел на их почтительные физиономии, а потом робко спросил: «Ребята, а что, эту самую «Атлантиду» и вправду Бэкон написал? Я ведь так просто, чтобы ответить...» Когда мы перестали корчиться, выяснилось, что есть еще и Роджер Бэкон... Жутко образованная публика. Валерий, когда мы с ним пребывали сам-два*, читал мне лекции по истории социальных учений, аж от Платона начиная. А может, еще раньше, я уже позабыл. Немножко запомнил о Бакуanine и Кропоткине, о Бланки. Уж больно живописные фигуры.

Подсунули мне статью Сикейроса в «Дніпро». Наверное, Игорь [Голомшток] и Фаюмы стукнут меня по башке за непочтительность к великому художнику, но, по-моему, болтовня. «Веревка — вервие простое» — это одно, а другое — пресловутый социальный заказ... Надоело. Писал бы своих большеногих пеонов и рукастых обольстительных баб — и помалкивал бы в тряпочку. Хучь с заказом, хучь без заказа — все равно же у него здорово получается.

Что-то мне совсем перестали художественные новости сообщать. Или выставок нет интересных? А что подделывает скульптор Вадим Сидур? Чехи его по-прежнему любят? Он — талантливая борода, а жена его — милая и умница. И подвальчик у них уютный*. Когда-нибудь я попрошу его изобразить меня в виде спирали (его — это Вадима, а не подвальчик), или в виде конуса, или в виде дырки, или еще как-нибудь похоже.

Нешто пойти махорочкой подымить?

Ура-ура, пришла телеграмма о получении моего письма! Я понимаю, как вам обидно, когда ваши письма до меня не доходят; а мне-то какво думать: а вдруг не дошло? Больше всего я боюсь, что вы сразу же начнете всякие страсти-мордасти выдумывать. Это вам, в вашем «прекрасном далеке», чудится все хуже, чем есть. А вы зарубите себе на носу: по-настоящему плохо мне вообще быть не может. У меня, как говорили на войне, очень надежные тылы — вы. И поэтому я ни-че-го и ни-ко-го не боюсь. Это я не хвастаюсь, хвастаться нечем. Я уверен, что есть некий барьер, преодолев который (или если тебя через него перекинут), можно уже не бояться. Ну вот не боязно — и все тут. Как бывает не холодно. Так-то, братцы-кролики.

| 8/11/68

А дни идут, вот так идут, идут и идут, как в известном анекдоте. И между прочим, в том же направлении. Видите, столько их прошло, что даже паста кончилась. Событий никаких экстраординарных у нас здесь не произошло пока. А что у нас могло бы здесь случиться? У нас блаженство — тишь и благодать. Сидим у печек, греемся и курим — нам многие завидовать могли б. Вы не знаете, с чего это меня вдруг на пятистопный ямб потянуло? Просто я почувствовал серьезность пушкинского вздоха: «Четырехстопный ямб мне надоел; Им пишет всякий. Мальчикам в забаву пора б оставить». (К сведению рядового читателя: Пушкин, «Домик в Коломне».) Вот я и становлюсь на стезю любителя пятистопного ямба. Но вы не волнуйтесь — я немножко похожу по этой стезе, а потом вернусь к другим стихотворным размерам, более мне привычным.

Черт, как меня раздражает этот учительский грифель! Будто отметку под сочинением ставлю.

Погоды у нас тут отменнейшие. Не холодно, солнышко светит; днем выходишь — жмуришься, ватник нараспашку, дымок в небеса. И сам себе внушаешь: «Сегодня непременно часок перед сном походить надо». И как залезешь под бушлат, как пригреешься, да еще треп раз-нообразный — так и вздохнешь: «Ладно уж, завтра похожу».

А у Конечкого в книжке детальки изящно и со вкусом сделаны. Но в одном месте он наврал: там у него герою не спится под легким одеялом, не хватает тяжести ватника или шинели — это после трехмесячного-то лечения в тыловом госпитале! Кстати, в ночь на 10 декабря я долго не мог уснуть: слишком мягко было*.

Сегодня у нас был ушник. И хотя у меня, по моему разумению, все в порядке, я все-таки пошел к нему. Он посмотрел, поковырялся и сказал, что почти вся полость сухая, что все хорошо. Стоило ради этого попасть сюда! Ну не на 5 лет, а на год-два безусловно стоило. К сожалению, специалисты по другим недугам не считают, что пора кончать госпитализацию.

Нет, писать так больше невозможно. Попробую-ка я другой грифелек. Ну-ка... Ага, совсем другое дело.

И вот этим самым новым грифелем я напишу сейчас что-нибудь выдающееся. Например, рассуждение о том, как легко и привольно живется нашей компашке. Сегодня после длительного перерыва — ларечный день, и население стройными рядами в полном беспорядке бросилось отовариваться. А нам плевать, и мы вразвалочку полезли в умывалочку (она же курительная), потому как около ларька нам делать нечего. Мне — потому что денег нет, другим — по другим причинам*. В общем, как выражается его величество Фольклор: «Хорошо тому живется, у кого одна нога: и порточина не рвется, и не надо сапога». На эту же тему сказано писателем над названием Шолом-Алейхем: «Мне хорошо — я сирота».

| 9/11/68

Скажите-ка, господа хорошие, как вы думаете: чувство юмора — это не аморально? Что-то подозрительно много тянет эта лошадка, вывозит из любых этих, как их? Да, выбоин и колдобин (я правильно написал? А то у нас тут жуткие защитники и ценители великого и могучего русского языка. Я сказал как-то одному очень важному дяде: «Приветик!» — так он, представьте себе, очень обиделся и даже что-то произнес о моей «приблатненности». Ах, разве знаешь, разве знаешь, где найдешь, где потеряешь...)

Да, так значит — о чувстве юмора. Вероятно, оно прорезалось с хиханьками-хаханьками, и изобретатель этого самого чувства думал: «Экий я молодчина, ай да я, экую штуку открыл! Хи-хикс...» А потом... а потом рвал на себе все, что мог, и с выражением декламировал стихи Д.Самойлова: «Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах...» Видите ли, я хорошо усвоил поучения моих друзей — гадов-физиков* о том,

что в поступательном движении человечества к неизбежному светлому будущему всякая находка — и добро, и зло. И хотя я до сих пор не могу разобраться, кто Роберт Вуд, кто Робин Гуд, но эта премудрость легла в меня, как арбуз в авоську; и я сам иногда за голову хватаюсь: «Ай, батюшки, над кем смеюсь?!» Над собой и смеюсь. Скажем так: чувство юмора, обращенное на себя, не может быть аморальным. Или может? Вообще, оказывается, шутка — страшное дело. Вот смотришь на человека — вид солидный, морда — даже какое-то шевеление мысли замечается, ну прямо тебе лорд-хранитель печати. Так. Пошutiшь. Шевеление усиливается. Повторишь. Слышно, как скрипят шестеренки. И — как гром! — улыбка. И вот, когда эту же самую физиономию видишь улыбающейся, только тогда со всей очевидностью понимаешь: да ведь дурак. Да вы сами попробуйте представить себе, как улыбается... ну кого бы вам посоветовать? Ладно, сами найдете кого...

Маленькое объявление: требуется одинокая дама, не моложе 35 лет, желающая получить в полную собственность довольно обширный и комфортабельный дом на Черноморском побережье. Есть такая? Желающие могут выдвигать свои кандидатуры. Да, совсем было забыл: к дому имеется небольшой довесок — мужчина 50 с гаком лет; сидеть ему еще не то 9, не то 10 лет. Впрочем, доверенность на дом он готов выдать немедленно — был бы человек хороший. Ну, разумеется, всякие формальности неизбежны: обмен письмами, фотографиями и пр. Я еще не выяснил, какие требования по части образования, но думается, что высшее устроит его даже без ученой степени. Собою он недурен: несколько напоминает Бориса Вульфовича (харьковского — помнишь, Ларка?) и красноречив: употребляет ритмомелодические единицы* примерно через два слова на третье. Ну как, бабоньки? Только не передеритесь между собой. Все равно подлизываться надо ко мне — я главный консультант и брачное бюро одновременно. Вообще женихов у нас здесь с избытком. Вылезет этакий на крыльцо и орет через забор (далеко-далеко виднеются силуэты*): «Девочки, подженимся?!» — и брык! Припадочек. Или челюсть от крика выпала. Или еще какая-нибудь немощь, свойственная столь нежному возрасту. Весело, правда? Смеху полные штаны.

| 10/II/68

Я сглазил погоду. Опять холодина, опять ватные брюки, и ватник — на все пуговицы, и в цеху с утра поздравляют друг друга с легким паром изо рта. Ничего, мы все это возмещаем усиленной жратвой.

Да-да, не надо думать, что каждый здесь хватает кус — и в защечный мешок. Еще не ослабла казацкая сила, и местный филиал Запорожской Сечи рассудил, что негоже нам пятерым сидеть без курева, жира и сладкого. В результате мы пируем. Кстати, этот Помгол* коснулся почти всех, кто в таком же положении, что и мы.

Ларик, не напомнишь ли ты мне, когда точно выходит твой названный брат [А.Футман]? Мы здесь хоть кофейку тяпнем в честь этого события.

Раздирают меня черти стихосложения. Я незнаком с демонологией и не знаю, как их зовут, но эта банда осаждает меня ежедневно, хотя и без видимых (в буквальном смысле слова) результатов. Шарахает меня в крайности: то в нежную лирику типа «А я думал: как бы ты выглядел, если б я тебя ляпнул в морду?» (И. Сельвинский)*, то в интеллектуальную поэзию на манер «Идет бычок, качается, вздыхает на ходу...» (кажется, Барто?). Но трудно что-то делать. И поэтому — «мною овладело беспокойство» и т.д.*

Вот. В телеграмме ты, Ларка, написала: «Поскорее пиши еще». Писать поскорее я не могу, но отправить поскорее — это вполне возможно, и я отправлю это письмо завтра. Так что очередное письмо будет нескоро. Не беда — у меня поднакопится впечатлений, событий, соображений*.

| 11/II/68

Ну что ж, еще несколько слов напоследок. Очередное письмо я смогу отправить только в начале марта, и придет оно где-нибудь в середине месяца. Поэтому, Санюшка, я заранее поздравляю тебя, милый*. Я жалею о многом, оставленном мною «по ту сторону»; но, пожалуй, больше всего мне жаль, что я не вижу, как ты взрослеешь. Какими мы с тобою встретимся? Нужен ли будет «процесс притирания»? Шутка ли, тебе будет 19 лет, а мне 45. Как будет с пресловутой проблемой «отцов и детей»? А, черт с ней, с проблемой, увидимся — разберемся. Будь здоров, дружище. Держись, не срывайся. Я тоже стараюсь держаться. Мне, правда, легче — мои цели ограничены во времени и пространстве довольно жестко: день, неделя, ну месяц, самое большое. А насчет пространства ты сам видел. И они, эти цели, вполне конкретны — а это всегда проще. И пожалуйста, не теряй головы ни по какому поводу. И маме не позволяй. Эмоции, «пепел Клааса», накал страстей, — все это, конечно, хорошо. И нужно. Но самые мудрые, самые нужные на свете люди — настоящие поэты — никогда не забывали, упомянув о «святой зло-

бе», добавить: «Гляди в оба!» И провозглашая здравицу музам, тут же утверждали: «Да здравствует разум!» Прости меня, я не стал бы надоедать тебе поучениями и цитатами, но я очень волнуюсь. Поэтому я и открытки просил писать еженедельно. Еще раз — обнимаю тебя, мой большой сын.

Всего доброго, друзья. Все было, есть и будет в порядке.
Ваш Ю.

п и с ь м о т р и д ц а т ь д е в я т о е

13/II/68

Так вот, друзья мои, сначала я думал: «Какое-то время не смогу писать свое очередное письмо — ни пера, ни чернил». А потом раскинул умом-палатой и гениально открыл: «А ведь можно и карандашом!»

Опять же, если были всякие сомнения, стоит ли мне писать письмо именно сейчас*, то, поднатужившись, я рассудил так: «Вот ситуация, при которой можно писать не торопясь, уединение способствует сосредоточенности, отсутствие рукавиц и прочего ширпотреба стимулирует тщательную работу над стилем, а излюбленное мною горизонтальное положение вдохновляет на размышления о высших материях».

Вот, скажем, рассуждение о преимуществах свободы выбора неприятностей. Свободно и сознательно выбирать себе ту или иную холеру — великое дело. К примеру, ежели защемить себе дверью палец или что-либо еще по собственному желанию и морально подготовившись — это (вероятно) значительно легче варианта неожиданного и извне. Во втором случае можно даже орать и охать несоизмеримо испытываемым ощущениям. И на ежа садиться не то чтобы легко и сладостно, но вполне терпимо — если ты сам обрек свое седалище и неудобного ежа на столь тесные контакты.

Уважаемые кролики, когда это письмо дойдет до вас, причины, побудившие меня к такому глубокомыслию, будут уже неактуальны; я, по крайней мере, надеюсь на это.

А еще могу сказать, что все к лучшему: при других обстоятельствах я бы еще не скоро взялся за «Былое и думы» — а сейчас я уже прочел три главы. И знаете что? Этот парень неплохо пишет, а его мысли... Впрочем, стоит ли отбивать хлеб у Чуковской и Эйдельмана?

По страничке в день хватит?

| 17/II/68

Какой храбрый выискался: «По страничке в день». Ни черта подобного. Нужно привыкнуть к новому положению. И нужны конкретные стимулы, чтобы писать. Сегодня их у меня два. Во-первых, я побрился; во-вторых, прочел полученную вчера «Бездну» Л.Гинзбурга. Ну, первое событие в комментариях не нуждается: «всему миру известно», что побритость для меня — неиссякаемый источник вдохновения и самоутверждения. Книжка же Гинзбурга заслуживает разговора. По-моему, нужная книжка. И нужна она не тем, что в ней в который-то раз называются цифры фашистских жертв, описываются «акции», напоминается о вничеловечности оккупации. Все это мы читали и раньше. Дело в другом — что в этой книжке, по-моему, очень громко и выразительно сказано: «Не смейте забывать!» Меня всегда поражала «чудовищная способность... забывать» (выражение Эм. Казакевича), прощать, примиряться, отпускать грехи за давностью лет. Я не за то, чтобы всегда карать, я за то, чтобы всегда помнить. Это касается не только фашизма: мы плохо знаем историю. Вернее, знаем-то мы ее хорошо, но за строчками учебников, мемуаров, документов разучились видеть человеческие плоть и кровь. Мы не думаем об «акциях» Атиллы, Чингисхана, Ивана Грозного, как о чем-то, требующем современного отношения, осмысления с нынешних нравственных позиций, — и зря. Речь ведь идет не только и не столько об убийцах и убитых, сколько о тех современниках, которые склонны «забыть» — с тем, чтобы для потомков все это представляло уже чисто академический интерес. А в этом не только растленное равнодушье, но и своекорыстие зачастую... (Вы не помните, кто говорил, что не стоило ворошить «дело Эйхмана»? Наш друг Сережа [Хмельницкий]...) Вот эта мысль — о недопустимости забвения — кажется мне чрезвычайно важной.

Второе — это вопрос о личной ответственности*. Я плохо знаком со специальной литературой — может, об этом уже и написано многое, не знаю. Знаю только одно: «Каждый в грехе, совершенном вдвоем, отвечает сам за себя» («Томлинсон»)*. Даже если это «вдвоем» — вдвоем с начальством, вдвоем с государством, даже вдвоем с народом. Парадоксальная ситуация: шкурниками, оголтелыми эгоцентристами чаще всего становятся те, кто понятия не имеет о значительности своего «я». Вопрос о личной ответственности никогда не возникает для них изнутри. «Я выполнял приказ» — эта тупоумная формула только внешне свидетельствует о подчиненности, незначительности положения. На самом деле все гораздо

страшнее. Палачи Ейска, Таганрога и др.* прежде всего себя не считали людьми. То есть, если бы их спросили, они бы сказали: «Мы — люди», но суть этого термина им была недоступна. Личная ответственность должна существовать, по-моему, до и вне преступления — как неизбежный результат осознания себя человеком, а не «винтиком». А эти, из «бездны», были «винтиками» и до своей службы фашистам.

И очень хороша и многозначительна глава об актрисе, певшей для фашистов за похлебку и рюмку коньяка.

А последняя глава — не к теме, и написана плохо — «Библиотечка военных приключений».

Ох, что-то я расписался нынче. Спокойной ночи.

| 19/II/68

Ну, какие новости? Перво-наперво — телеграмма. Почти как всегда, она меня обрадовала и огорчила. Обрадовала, что письмо мое пришло и сравнительно быстро; что вы все существуете, очевидно, благополучно; что вы меня целуете; что вы мне пишете. А огорчила, что после недолгого счастливого периода я снова вынужден браться за арифметику: 2-х январских писем — нет, 3-х февральских — нет, 2-х февральских открыток — нет, писем от «всех», которые «пишут», — нет.

Уж как я завидую Бену [Ронкину], который получил и телеграмму и письмо! И даже «Лит. газету». Ну газета от меня не уйдет — передадут.

Как я коротаю свои досуги? Днем, когда светло, читаю. Взял — ох! — два тома Сергеева-Ценского, и это, пожалуй, наиболее читабельное из всего, что можно здесь получить. Виктору [Калниньшу] — тому и вовсе достался хорошо известный мне занудный сборник «Русск. повести XIX в.» (70-е годы!) А Сережа [Мошков] так и вовсе без чтения.

Ну а по вечерам думаю — лениво-лениво, медленно воображаю всякие разности. Одна — навязчивая — совершенно дурацкая. Представляю себе, как было бы, если бы оставшийся мне срок я провел бы не в лагере, а в ссылке. Какие мне идиллические картины рисуются! А потом самому смешно становится от нереальности выдуманного. А потом начинаю вдумываться в словосочетание «мечтаю-о-ссылке». Ну-ну, — думаю. Эге, — думаю. Докатился, — думаю.

Салют! Глаза устали — вечер.

| 20/II/68

Получил твое второе февральское письмо, Ларик. Первого — ну прямо нет как нет*. Письмо твое — по новостям — нерадостное. Впрочем, все эти нерадостности были мне уже известны или легко предполагались. Что ж поделаешь, «даром ничто не дается»... Назло и наперекор всему надо все-таки держать нос кверху. А хвост морковкой. Или наоборот, как сказала бы Наташка [Садомская].

Как это тебе удалось заставить Фаюма электромонтерничать? Ты — героиня. Недаром Бен как-то (после очередной корреспонденции) сравнил тебя с женой Гарибальди, которая с пистолетом в руках заскочила в трюм, чтобы выгнать на палубу матросов, струсивших драться!* Если бы ты написала просто: «Фаюм на стенку полез», — я бы легко представил, но — «полез на стенку чинить провода» — тут у меня воображения не хватает.

Вернусь вот, а ты мне: «Изволь заняться физикой низких температур!» Впрочем, я тут несколько неожиданно для себя прикоснулся к геометрии. Точнее — к геометрии в лицах. Так сказать, занимательная математика («Заниматика»):

Ах, как знаком он, как не нов
Тот треугольник равнобедренный,
Где основание — Смирнов,
А стороны — Васильев с Кедринной!

Это — мой скромный дар себе самому в честь двухлетнего юбилея...*

Да, чудесный подарок от Симы [Никитиной] — альбом деревянной скульптуры. Спасибо ей большое. Как она? Я уже треть альбома просмотрел, больше не стал, не хочу при электричестве.

| 21/II/68

Телеграмма. Только что получил и очень рад ей: и что дома все в порядке, и что Кирюха здорова, и что Юра [Левин] защитился.

Теперь вот о чем. Надобно вам объяснить ситуацию. Дело в том, что здесь отношение ко всякого рода писанине существенно отличается от общепринятого. И вещи, которые свободно печатаются и пишутся там, у вас, здесь могут оказаться (и оказываются) крайне не-

желательными. Ну как, скажем, вино на воле можно, а здесь нельзя. Поэтому я решил исключить из того, что пишу, все, что может быть превратно истолковано; я буду писать и переводить только, так сказать, бесспорные вещи. Все, что мне покажется достойным вашего внимания, я буду посылать вам только по официальным каналам — в письмах. (Недавно я, не будучи уверен, добрались ли до вас мои стихи и переводы, продублировал их и сделал попытку миновать цензуру — неудачную попытку. Все это абсолютно некриминально; но самый факт такой попытки — нарушение режима.) Очевидно, я буду переводить преимущественно те стихи, которые опубликованы в нашей печати.

Что же до того, что я уже сделал, то если это дошло до вас, — хорошо, если нет, — подождем до 70-го года. Я говорю так неуверенно, потому что за последние 6–7 месяцев я не получил, по моим подсчетам, 20–30 ваших писем — и кто знает, может, именно в них вы подтверждали получение моей литературной продукции и оценивали ее.

| 23/11/68

Ну вот, вчера закончился некий период*, в течение которого я узнал множество приятных для себя вещей медицинского свойства: ну, например, что давление у меня почти нормальное (110:70), что желудок мой обладает железным характером, что сердце тоже почти в норме (чуть приглушенные тона), что пульс, кажется, 90 и т.п. Так что, в общем, поднакопить мускулатуры — и я буду здоров, как бык с этикетки «Зубровки». Было у меня множество бесед и немедицинских. В целом они оставили довольно приятное впечатление, и я склонен думать, что дальнейшее мое (и не только мое) существование будет протекать тихо и мирно. Тише и мирней, чем это было до сих пор. Вот так. «С этим вопросом — все». Проблема посадки на ежа исчерпала себя.

Нет-нет, да и возвращаюсь я к «Бегству» — странная все-таки судьба у этой книжки, а? Но я не об этом. Чем дольше я размышляю, слушаю и наблюдаю, тем больше прихожу к мысли, что был неправ, иронизируя над Джоном Говардом. Помните? Эпизодический герой моего «Бегства» — англичанин, филантроп, социолог, мотавшийся по белу свету и померший в, кажется, 1796 г. в Херсоне. Так вот, сдается мне, не так уж наивен он был со своими теориями*.

Скажите-ка, братцы, а Миха [Бурас] обиделся, что ли, за непочтительные отзывы о наших общих знакомых? Зря, ей-богу.

Дошиб я Ценского. Господи, вразуми мя! Почему он все-таки считается (или считался) хорошим писателем, чуть ли не классиком? Стась [Славич] как-то рассказывал, что редакторы даже заикнуться не смели о поправках. Утомительно громоздкий, однообразный, с ворохами ненужных подробностей, ни меры, ни такта, композиция — как будто пьяный из детских кубиков строит. И бессмысленное, плюшкинское стяжательство деталей. И ведь то, что я прочел, — это не поиски девятнадцатилетнего Бунина (об «охоте за деталями» он пишет, кажется, в «Лице») — это 1923–44 годы, за плечами 15–35 лет профессиональной работы. Или я туп, как валенок, или его почитатели ничего, кроме тыквенной каши в литературе, не пробовали.

Слава богу, со вчерашнего дня вместе с Виктором, а у него есть «Иностр. лит-ра» № 11. И еще «Вопросы литературы».

Только что пришло твое письмо № 1. И открытка о бирюзовой Тусе [кошке Даниэлей]. И книжечка Винграновского из Киева.

Сначала деловая часть. Очень хорошо, что сообразила не ехать на авось. Из предыдущего письма ты уже знаешь, что меня в очередной раз «лишили общим свиданием». Причина? Очевидно, все та же. Повод? Он всегда найдется. И впредь не шатайся под заборами — это, к слову, тоже великолепный повод для «лишения свиданием».

В прокуратуру по поводу бандеролей не ходи — «безнадёга».

Все это было (как составная часть) темой бесед в последние дни, и, как я надеюсь, все это образуется. Вот я вернусь в Озерный на днях и в течение ближайших 10—15 дней получу официальные ответы на все эти вопросы...

Легенда о Максимове*, вероятно, какую-то почву под собой имеет. Мне она была рассказана почти так. Ну и что? Писатель-то очень хороший, и пишет он отнюдь не то, что хотели бы какие-нибудь тетя Маня, дядя Миша, свекор Петя или невестка Дуся. Дай Бог ему и дальше не хуже.

А про Конецкого я написал уже. Сейчас это письмо вы уже получили. Вспоминаю — и повторяю: бег в мешке. Или бег привыкшего бегать в мешке. Это при том, что талантлив, тонок, наблюдателен. Или ты другое имеешь в виду? Что эту книгу надо читать как какую-нибудь серьезную литературоведческую монографию типа «Ускоренного развития литературы»* или чего-нибудь подобного? Попробую, хотя, по-моему, художественную литературу так читать нельзя.

На конверте твоего письма в трогательном соседстве стоят два штампа: «Москва — 3/II» и «Озерный — 20/II». Всего 17 дней — какие пустяки!..

Пожалуйста, Лар, черкни хоть два слова в Киев Наде и Ване [Светличным] — поблагодари от моего имени за память и ласку. Что-то там слышно?

Да, Виктор выписал для меня, получил и вручил мне «Русско-латышский разговорник». Paldies! *

А Герцена я уже шестую главу читаю — во как!

| 24/II/68

Labrit! Доброе утро! Как спалось? Как здоровьице? Как детки? Все ли еще Туська синяя, Кирюха рыжая, а Санька длинный?

Я тут за ночь несколько раз просыпался, покуривал, в голову лезли всякие клочья и обрывки. Так их писать вроде бы ни к чему, а ежели объединить и дать название, то вполне прилично может получиться. У Булгакова есть, кажется, «Заметки на манжетах»? Дам и я какое-нибудь подходящее к случаю — «Заметки на портянках», что ли? Сокращенно — «З.н.п.».

*Признак хорошего тона для уголовников — говорить рыдающим голосом.

*Можно написать интересную историко-филологическую работу, исследование: «Эвфемизм как средство и составная часть показухи».

Реализация метафоры «Поднять женщину на недосягаемую (для мужчин) высоту» — тема для художника-графика. Кто отгадает — фант.

*Жизнь, безусловно, прогрессирует. Еще лет десять назад бытовал лозунг: «Если садиться, то с дипломом». Сейчас этот лозунг, по моим наблюдениям, устарел.

*Странное выражение — «друг закадычный». Близлежащая этимология заставляет думать, что у нас с Андреем [Синявским] закадычные друзья — Шолохов, Кочетов, Кедрина и др.

Прочел повесть Ф.Фюмана в № 11 «И.л.»*. Это очень хорошая и добротная литература. И перевод, очевидно, соответствует оригиналу — во всяком случае я почувствовал при чтении те особенности манеры Фюмана, о которых пишет Сергей Львов во вступительной статье. Я прочел ее, по давней привычке, не до, а после самой повести и с удовольствием убедился, что мог бы начать с нее: она деловита, умна и ненавязчива. Что он, кстати, — Сергей Львов? Когда-то мы очень симпатизировали друг другу. А сейчас я не знаю, принял бы он привет?

| 25/II/68

Виктор елозит бородой по «Вопр. языкознания». Вздыхает. Говорит обреченно: «Ну, такая лингвистика не для меня — не по зубам». — «А что?» — «Полюбуйтесь». Я лениво заглядываю: страница испятна-

на четырехэтажными математическими формулами, греческими буквами и какими-то мистическими значками. «Н-да», — говорю я, поднимаю глаза и читаю вверху страницы: Ю.И.Левин...*

Я все думаю и огорчаюсь тем непониманием, которое возникло между Сашкой Воронелем и мною. По его мнению, что-то происходит не так. И это «не так» — от каких-то моих слабостей. Я хочу попытаться объяснить ему, что хмеля нет и в помине. Я не допускаю мысли о том, что вся моя жизнь — бездарно проживавшаяся, яркая, счастливая, жизнь в хандре и в восторге, бездельная и творческая — что вся эта жизнь была всего лишь приготовлением к некоему испытанию. Рассматривать эти 5 лет как какую-то предначертанную и вожделенную кульминацию глупо и нескромно. Неужели он думает, что я иного мнения?! Эти 5 лет — не более как 5 лет — в ряду других пятилетий. И я не позволю ни себе, ни другим (ни благожелателям, ни спекулянтам) ставить эти 5 лет эпитафией к тем годам, которые я еще проживу. Честное слово, я здоров и трезв — не надо волноваться и уж подавно не надо сожалеть обо мне: происходит жизнь.

| 26/II/68

Пролистал январский номер «Вопр. литературы». Пролистал — а прочел три статьи о повестях Катаева. Собственно о Катаеве написал один Сарнов — Гусев и Гринберг написали о Сарнове. Я полностью разделяю точку зрения Сарнова; попытки же Гусева хвалить эти повести как некое пособие по мастерству для молодых, а Гринберга — представить Катаева в качестве судьи своего лирического героя — эти попытки достаточно неуклюжи. Гринберг (и редакция «Воплей») пеняет Сарнову, что он главный акцент ставит на нравственной (безнравственной) позиции автора — но ведь и сам Катаев этого добивался! Именно этого, если я правильно понял эти произведения: «Читайте, судите и — оправдайте». Нет, Сарнов прав: «Угль, пылающий огнем» не состоялся*.

| 27/II/68

Ну вот, милые мои, «карандашный период» кончился. Мы снова в Озерном — со вчерашнего вечера. Что в итоге? Много чего в итоге; для меня покамест важно вот что: ко мне можно будет приехать на личное свидание, отсчитав ровно два года с того личного, которое

| 8
2

было в 66-м году. Так вчера сказал мне зам. нач. Дубравного ИТЛ подполковник Муренков. Рекомендую: где-нибудь недели за полторы до этого послать ему телеграмму с оплаченным ответом с просьбой подтвердить предоставление свидания. Это, кстати, тот самый офицер, с которым, оказывается, беседовал в управлении (в Явасе) Санька*. О Саньке я услышал в высшей степени лестный отзыв: «Ему пальца в рот не клади...» Вот как, серенькие козлики.

Еще: Ларик, если ты богата, вышли мне рублей 20–25 — я рассчитаюсь наконец за «вещевое довольствие» и, ежели чего заработаю, смогу истратить заработанное на харчи из ларька.

Ну а сейчас что? А сейчас я возлежу, накормленный (перекормленный), напоенный (опоенный) и жутко сонный: последние две недели я спал безобразно много, а вчера и сегодня — недосып-с.

| 28/II/68

«Музыка Сфер, Пари Откровением Новым!» — сказал Багрицкий*, я повторил — и 40 швейных машинок заструили свою неземную мелодию. Так я снова вошел в цех. Ладно, шить так шить.

У меня грустная новость. Две тетрадки дневников, которые были взяты у меня на проверку, пропали. Я думаю, что они действительно потерялись, т.е. никто их нарочно не спрятал и не уничтожил; но тем не менее из-за неразберихи эти тетради, как мне объяснили, очевидно, попали в чужие бумаги, подлежавшие уничтожению. У меня еще есть слабая надежда, что это не так; во всяком случае, если они, эти тетради, найдутся, мне их вернут*. И уж наверняка больше ничего подобного с моими рукописями не произойдет*.

Друзья мои, ставлю перед вами задачу чисто уголовного содержания: требуется где-нибудь украсть приложение к журналу «Азия и Африка» — «Обучение японскому языку» — за II половину 1967 г. И послать Виктору.

Сегодня пришли твои, Лар, письмо от 9.II (№ 3) и открытка от 19.II. Так что твою всю корреспонденцию февральскую, о которой ты телеграфировала, я получил. От других — пока молчок.

Жаль, что трудно тебе в письме толком написать о всяких религиозных и околорелигиозных проблемах. Они меня интересуют по-прежнему — в общем плане; вникать же во всякие многообразные толкования разномастных церковных и внецерковных объединений — у меня на это ни желаний, ни способностей нет.

Теперь относительно Лени [Ренделя]. Я знаю, какие именно бытовые неурядицы у него*. И меня, и всех нас — его друзей — очень

печалит, что он переживает их так болезненно. Я не хочу сказать, что все это пустяки (хотя по сравнению с тем, что с ним было, — это действительно не так уж страшно); но, пожалуйста, передайте ему, что все мы очень его просим набраться терпения, стать выше этого, быть таким же мужественным и серьезным, каким он был все эти годы. Право же, не стоит из-за полугода или даже года неудобств лезть в бутылку. Что до меня, то если бы у меня было «гурий и одеял навалом» (по его собственному выражению), то я бы просто радовался жизни, заменив «вечерние прогулки при луне» солнечными ваннами. Шутки шутками, но все это действительно гадость; и самое для меня непонятное — как у него будет с работой. Но так или иначе — выдержка! Та самая, которую я видел у него в полном объеме в последние месяцы — выдержка, замешанная на хорошем юморе. Очень мы все настаиваем на изречении: «Наплевать на кровать, на полу можно спать!»

| 29/11/68

Итак, последний день февраля; закончилось «предчувствие и ожидание марта» (а ну-ка, Ларка, отгадай, из чьих стихов эта строчка!), начинается самый март. Многособытийный: Санькино семнадцатилетие, у меня — половина срока, опять же — Киришкин день рождения.

Настроение у меня отличное, чувствую себя очень хорошо, жизнь течет, если не молоком и медом, то кофейком и маргарином, а ведь было сказано:

Не хлебом единым жив человек:
Хлеб с маргарином — жив человек!

Или я уже это цитировал? Запутаешься тут с этими письмами.

Насчет «Истории укр. искусства» — напиши, будь добра, в Киев. Пусть узнают о подписке или вообще о возможности купить. А одно-томник из «Укркниги», если будут деньги, пришли. Буду(-ем) весьма обязан(-ны).

Сегодня письмецо это я суну в заветный (он же — долгий) ящик.

Приветы всем от всех; эти последние все вполне здоровы, бодры и оптимистичны.

Обнимаю вас — Ю.

Это у меня такая рабочая шапочка — серенькая с красными шариками (шариков не хватает) — мне вчера подарили.

Слава богу, поленился сразу по окончании письма опустить его и — успел получить телеграмму и письмо от Борьки З[олотаревско-го]. Портняжки, они же мушкетеры, дружно приветствуют вас и заверяют, что все в полном порядке. Борьке и его чудо-семейству пламенный привет. А еще пусть знает, что он — обормот, не умеющий сообразить, что такое бильярд в конкретных условиях. Это — летний вид спорта. Чтобы играть в него зимой, пришлось бы подвешивать стол к потолку, а игрокам оказаться в состоянии невесомости. Зимние игры — все больше насчет пожрать. Кроме того, в письме есть избыточная информация: я и без него знаю, что Наташка [Садомская] — прелесть. И вообще нечего ему, семейному человеку, на чужих баб заглядываться. Правда, Эдка?

Целую вас многожды.

п и с ь м о с о р о к о в о е

| 4/III/68

Хотел я, милые мои, начать со ставшей уже стандартной фразы: «Ну вот я снова вошел в колею», а потом пришло на ум, что последнее время я только и делаю, что «вхожу в колею». (Правда, о том, что «выхожу» из нее, я сообщаю, как правило, с запозданием.) Какая уж тут колея, когда я, по местному выражению, «пошел по кочкам». В общем, все в порядке: жизнь идет по предусмотренным свыше рельсам — быт, развлечения, работа. Нынче вот мы с Бенom [Ронкиным] по 100% сделали — догоняем Сережу [Мошкова] и Виктора [Калниньша] (о них Ян [Капицыньш], латыш, наш сотрапезник, сказал как-то, с ужасом глядя, как они «пашут»: «Эти две Стахановы...»)

В прошлую пятницу получил сборничек Межирова от Юры Левина и книгу Ю.Давыдова с авторской надписью. Пусть Боря передаст Давыдову^{*} мою благодарность — я очень тронут и польщен его вниманием. Местные знатоки ахали: «Как? От самого Давыдова?!» Надо вам сказать, что такие события, как книга с аяторской надписью, присланная сюда, да еще от человека, с которым не был лично знаком, воспринимаются здесь как подарок всем нам. И это, в общем, так и есть. Я это почувствовал, когда Валерий получил книжку рассказов с надписью от автора — своего школьного товарища. Я думаю, разжевывать это не стоит — и так понятно. Вот почему, кстати, я так беспокоюсь о книгах, увезенных Леней [Ренделем], — о книгах Копелева, Белинкова и др.

Понемножку теплеет. Уже можно выходить из барака, не упаковываясь предварительно, и вынимать руку из кармана, чтобы открыть дверь, не тоскуя заранее. Отважные инвалиды днем снимают шапки

и подставляют лысины каким-то лучам — не то ультрафиолетовым, не то инфракрасным, пес их знает. И кофе мы сегодня сварили совершенно упоительный. И вообще в надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни*. Был у меня недавно разговор с высоким начальством, и оно — начальство — сказало, что в принципе не исключен вариант возвращения на 11-й, в Явас...

| 6/III/68

Что-то у меня «мертвый сезон»: не сочиняется, не переводится, даже вот письмо не пишется. Спать все время хочется — весна. Засыпаю над чтивом — что над «Неделей», что над «Рассуждением о добровольном рабстве» Этьена де ла Бозси. (Это всё мои умные друзья не оставляют попыток сделать из меня человека.)

| 8/III/68

Нынче и завтра — спасибо женщинам! — гуляем. Как приятно не шить рукавицы! Вот с утра съели мы свой суп, национальный по форме*, и вместо того, чтобы топать в цех, собрались в кружок, глотнули кофейку за милых женщин. Ах, милые вы мои, если бы вы знали, как без вас тошно. Нечего, нечего улыбаться — я не о том. Я вполне серьезно убежден, что отсутствие женского общества действует отупляюще, что все мы (я, по крайней мере) не можем и вполнину проявить себя, когда не слышим женского голоса, не видим внимательных глаз, не любимся, как вы поднимаете руки, поправляя прическу... А тут... Стоит ли выезжать на ристалище, если нет надежды получить улыбку, как венчик на кончик копья? Знаю, вы, небось, иронизируете: «Что, не перед кем хвост распускать?» Так ей же богу, вспомните: я ведь больше любил смотреть и слушать; а если выпендривался, то без всякого «злого умысла», рефлекторно. Все это от тех же самых причин, от которых было сказано до меня:

Присягаю вам ныне и присно:
Ваш я буду во веки веков...*

что в переводе на язык презренной прозы означает: «Горбатого могила исправит»...

19/III/68

«Какой большой ветер напал на наш остров...»* Это на днях по радио пели. Хорошо все-таки среди обычной муры услышать милую песенку. А на наш остров напал большой снег. Третий день валит и валит — ни проходу, ни просвету. И я, хоть и понимаю, что гулять надо, не могу заставить себя вылезти из барака. Читаю Сименона (прочел уже), слушаю (в который раз!) рассказы бывалых лагерников, толкую с товарищами. О чем? Да обо всем на свете. Заявляются, к примеру, Сергей и Валерий. Грустные. Сосредоточенные. — «Что с вами?» — «Плохо». — «А что?» — «У нас депрессия». — «Что же делать?» — «Пожрать надо». После чего они достают из карманов ложки и в мгновение ока слопывают банку яблочного джема. Вдвоем! Оно конечно, мы могли бы и побить их, но — депрессия, хрен их знает, как на них затрещины повлияют?! А вдруг совсем озвереют? Да, так вот, сожрав джем, Бен воодушевился и втравил всех в идиотский спор о пьянстве. Для нас это так же актуально, как автомобильные гонки в Чикаго или конкурс красоты в Волоколамске... Самое удивительное, что все мы мобилизуем весь свой культурно-научный багаж, чтобы победить супротивника, горячимся, фыркаем и язвим.

Какие фильмы я видел последнее время? «Сестры» по А.Толстому — очень неприятная картина. «Бум» — итальянская, я ее смотрел незадолго до сентября 65-го. (Кстати, ты ведь знаешь, Ларка, мой ничемный дар — помнить, где и с кем я смотрел фильмы? Так вот, сейчас я глазел на экран, а сам все думал о том дне и тех людях, с которыми был на этой картине впервые.) Еще — «Дикий мед», по роману Первомайского, который я не читал. А теперь, вероятно, и не буду читать. Несколько месяцев назад я столкнулся с анонсами и теперь пошел смотреть сию ленту не без любопытства. Увы, прав был Омар Хайям:

Поговорим о странностях кино —
Загадочно и двойственно оно:
С его реклам благоухают розы,
А на экране — сущее г... .
(Перевод Корнелия Непота)

Еще какие новости? Так, мелочи разные. Для них, пожалуй, тоже следует завести отдельную рубрику: «То, что я забуду сказать на свидании» (если оно будет, разумеется). Вот для начала:

*У меня начали отчислять из заработка суммы в «фонд освобождения». Фундамент уже заложен — 19 (девятнадцать) коп. за февраль...

*Роман Ивана Стаднюка «Люди не ангелы» читать не следует: жизнь коротка, она дается человеку один раз и т.д. по Н.Островскому.

*На самокрутки лучше всего употреблять «Известия» — наиболее рыхлая газета (я имею в виду качество бумаги).

Из раздела «Заниматика» («Занимательная математика»):

А.Л.Дымшиц

В вожди духовные готовясь,
Стать либералом тороплюсь:
Ведь минус стыд на минус совесть
Дает большой житейский плюс¹.

Из раздела «З.Н.П.» («Заметки на портянках»):

*Лишение свободы стимулирует тягу к политике: здесь люди начинают регулярно читать газеты и слушать радио. Что-то тут недодумано, ибо результат явно обратный: уж больно велик контраст между целью заключения и его реалиями.

*Один из самых тягостных моментов — одинаковость одежды. Не уродливость, не неудобность, а именно одинаковость. Две недели — недавно — я носил свитер, и две недели радовался этому, не снимал свитер, даже когда было жарко. То-то ужас в Китае: 800.000.000 х/б кителей!

*Развлечения здесь — это не только развлечения, это еще и одно из условий сохранения личности. Было бы очень трудно выдержать груз несвободы, если не было бы каких-то «выключений» из привычного круга. Это — потребность психики — вот почему мы так падки на все, что угодно, от игры в снежки до кино.

| 11/III/68

Второй день пьянствуем напропалую: реки кофейные, берега конфетные. Вчера справляли день рождения Кириухи, желали ей многих лет гава и виляния хвостом на радость всему семейству. Сегодня пили за здоровье Саньки. Ау, Малыш! Как тебе семнадцатилетится? Наде-

¹ Как видите, я целиком согласен с оценкой, данной Дымшицу в «Вопр. философии». Из этого, разумеется, не следует, что я хоть в какой-то степени разделяю взгляды Лифшица на так называемый модернизм*.

юсь, ты не будешь смешивать напитки нынче вечером? Главное — закусывай как следует... И еще сегодня дата: пять лет со дня приезда Виктора в Мордовию. И завтра — у меня половина срока. Это считается здесь большим событием. Не потому, конечно, что отбывший половину может получить так называемые льготы (посылки, 4 письма в месяц + 2 рубля на ларек), — мне-то их не видать, как своих ушей. Нет, почему-то принято думать, что с половиной срока за плечами жить легче. Не знаю, не знаю, как сказал бы Фаюм. Довод-то тухленький: «Осталось меньше, чем отсидел». Что-то не видно, чтобы Виктору жилось легче, чем года полтора назад.

Но, бог мой, сколько же все-таки вместились в эти два с половиной! Иные мои коллеги вчетверо, впятеро больше отбыли, а такого бешбармака не пробовали. Что ж, верно, я расплачиваюсь за годы лежания на тахте.

| 12/III/68

Уф, наконец-то! Твое, Ларка, письмо (№ 4), открытка с той же датой и письмо от Ирины Глинки.

Так, стало быть. Вот оно, значит, почему я стал меньше писем получать — слишком высоко поднялся по ступенькам* (по «ступеням», как элегантно произносил Шаумян на защите диссертации*). Я мог бы многое по этому поводу сказать, некоторые возможности у меня имеются, о чем, оправившись после легкого шока, повествовало одно официальное лицо. («Десять минут, без передышки, и все по-разному, я такого и в бытовых лагерях не слышал... А еще писатель, культурный...») Но поскольку это письмо предназначено не для одного Мусика [Каганова], я воздержусь, обойдусь без мат-лингвистики.

А если серьезно — то, что сказал Муська, меня попросту обидело. Даже если предположить, что какие-то «ступеньки» есть (в чем я, кстати, весьма сомневаюсь), то при чем тут письма и наши отношения? Да ну, даже говорить неохота, такая чепуха.

Ларка, а кадры о профсоюзных лидерах я, конечно же, вспомнил. Мало того: как только увиделся с ребятами, рассказал и даже показал, как лежали эти латиноамериканцы. Ты спрашиваешь, похоже ли. О, да! Еще бы не похоже: щетина на морде у небритого Бена была точь-в-точь такая же. Ну а остальное, гм, несколько отличилось*.

А, хватит! Я-то покончил с этой историей, а там пусть уж начальство думает, как выполнять данные мне обещания. Чтоб совсем поставить точку, сделаю одно маленькое сообщение (убиваю двух зай-

цев: успокаиваю вас и хвастаюсь): мой организм оказался самым выносливым из всех организмов, подвергшихся встряске...

Слушайте, собака с голым хвостом — это неприлично в высшей степени! Надо что-то предпринять, найти, что ли, какое-нибудь «Нет больше лысых!» и окунать злополучный хвост. Жалко же. Хвост же.

I 13/III/68

Я, к сожалению, не помню тех кадров из «8 1/2», о которых пишет Ирина. Да и когда смотрел, не было у меня того «художнического зрения», которое дало бы мне увидеть «организацию пространства в кадре». Я просто смотрел, разинув рот. И только потом, в течение дней и недель, впечатление нашло какие-то слова, очень, конечно, приблизительные... Сейчас я уже забыл и лица, и фигуры, и диалоги — осталось только ощущение, которое я тогда испытал: ощущение трагической и неустранимой несовместимости всех со всеми, всего со всем.

Ирининуму «Трактату о письмах» я даже удивился как-то. Мне кажется, что именно в письмах не бывает «случайных связей»; все «соседства» predetermined — либо волей пишущего, либо его подсознанием. В том моем письме, о котором идет речь, — первый случай. Да и может ли это быть иначе, если я пишу для вас, вам? (Я сейчас мог написать «для Вас, Вам» — раз речь зашла о тех стихах.) Все связано — и это надо вынести за скобки, помнить об этом: я ведь не могу обращаться по имени к Вам, Ирина, к тебе, Ташка [Якобсон], к тебе, Наташка [Садомская]...

I 14/III/68

Бенц! Очередной катаклизм: завтра уезжают неизвестно на какое время трое из пятерки, недавно курсировавшей по маршруту «Озерный—Явас—Озерный»: Валерий, Сережа и оголтелый баптист, некто Борис Здоровец* (Леня [Рендель] его знает). Едут они, вероятно, в Саранск — «на профилактику»*, как здесь принято говорить. Иными словами, с ними будут беседовать, убеждать, объяснять — в общем, то же самое, что происходило с подельниками Валерия и Сережи*. Ехать им жутко не хочется — а вот я бы поехал с удовольствием. У того же Достоевского приводится технический термин, бытовавший в те времена в местах, аналогичных нашим: «переменить участь». Ох, как это надо время от времени! Даже недавние две недели*, несмотря на их невеселую специфику, были чем-то лучше моно-

тонного быта — «переменил участь». Впрочем, может быть, особенно приятны были десять дней одиночества? Увы, я — невоспитуемый (невоспитательный? Или как надо сказать?). Одним словом, «нехороший Барбос, невоспитанный». Только вот никого, кажется, не «укусил в нос». Или укусил?.. Ничего, скоро Слава Геврич доберется до моих зубов, и я перестану кусаться (Ярослав Геврич — это наш дантист, очень талантливый). Он еще на 11-м предлагал мне заняться моими зубами, а я все уваливал. Ну а здесь территория маленькая, убежать некуда, и вот вчера он выдрал зуб Виктору. Сделал он это так, что примерно через полчаса Виктор уже ожил, а еще полчаса спустя глотнул кофе и стал воспроизводить звуки какого-то гвинейского наречия. Тут мы все закричали: «Очухался! Слава, рви ему второй!» Нет, серьезно — очень хороший врач, надо воспользоваться, пока он еще здесь (он в конце лета освобождается).

| 15/III/68

Ну вот, ребята уехали. Что ж, будет меньше трепу. Жаль. Ладно, буду читать в освободившееся время. Сейчас я одновременно (по обыкновению) читаю «Чужое лицо» Кобо Абэ, «Собор» Гончара, «Вопр. литературы» № 2. Это не считая всяких «Недель», «Искателей» и прочего ширпотреба.

З.Н.П.

*Манкировать развлечениями — такое же (если не большее) удовольствие, как и развлекаться. Не захотел — и не пошел в кино. Как на воле. Наверно, от этого так приятно: еще одна точка соприкосновения с вольным бытом. Или серьезнее — пресловутая свобода выбора?

*Глупо думать, что люди, поступающие в строгом соответствии с регламентом, застрахованы от «попадания впросак», от растерянности. Я знаю людей этого сорта, которым нельзя было бы доверить проверку «на форму 20» (на вшивость — это армейский термин): обнаружив в белье блоху или клопа, они не знали бы, как поступить...

*Законы жанра — не выдумка литературных умников, они действительно существуют, как и всякие другие, — социальные, научные и пр. Когда их нарушают — это преступление, когда отменяют — революция. К литературе это относится целиком и полностью. А вот есть ли законы эпистолярного жанра? Я имею в виду — современного, ибо всякие «письма на заданную тему», столь любимые в XVIII–XIX вв., сейчас уже не годятся — претенциозны. Нет, речь идет просто о письмах — ну, как живете, я, слава богу, неплохо, вчера дождик шел, а вот

какая мне мысль пришла насчет Эйнштейна, пришлите фетровые боты — и так далее. Запреты, безусловно, есть: скажем, с великой осторожностью надо употреблять тропы — уместные в собственно художественной литературе, в письмах они легко могут обернуться напыщенностью. А то и пошлостью. Кажется, и я этим грешу? С другой стороны — нельзя же «работать» над письмом: оно утратит естественность документа. Ну? Черт ногу сломит.

| 17/III/68

Что-то не везет мне с этим самым радиовещанием. Сами посудите: если уж слушать знакомые голоса, то я бы предпочел другой набор. А то ни с того, ни с сего — Новомир Лысогоров, Жирмундская* (это которая поэтесса — так ее называют, по крайней мере) — ужасно глупо: знакомые — а ни к чему. Правда, можно улыбнуться, когда, кокетничая дикцией, с продуманным воодушевлением, говорит банальности о французской песенной поэзии Леничка Сержан*. Ну это как кивки друг другу с эскалаторов метро: «Привет!» — «Привет!» — и разъехались. Ни он, ни я не стали бы тратить пятак, чтобы тут же встретиться. А ведь есть же люди, чьего голоса ради я перемахнул бы с одной лестницы на другую, сшибая по пути светильники...

Снег, снег с ветром, сугробы, метель. Там, наверху, осатанели, должно быть. Как на предприятии, когда в последние дни надо израсходовать средства, отпущенные на текущий год, — а то срежут на следующий. Меня уже тошнит от этой зимы, будь она трижды проклята.

А может, я зря этак о Сержане? Может, он потратил бы пятак?

Лягу-ка я посплю, пока еще какие-нибудь гадости о людях не написал. Характер, очевидно, портится, нервишки сдают. На днях на работе обложил последними словами одного человечка. Человечек, правда, малопрятный; но в этом-то случае я сам был кругом неправ.

А почему это ты, Ларка, не наябедничала на Фаюма? И на Наташку [Садомскую]? Почему это я на одного Мусика должен рычать? Нечего либеральничать, выкладывай все как есть.

Горько мне догадываться, что я сочиняю стихи лишь для того, чтобы можно было запоминать сочиненное.

| 18/III/68

Жду почты. Хотя надежды маловато: твое, Ларик, письмо было сравнительно недавно — неделю назад, друзья же и знакомые под-

вержены «боязни высоты» и предпочитают не подниматься по выдуманным ступенькам выдуманной лестницы. Напиши мне ты о них, что ли. Вот именно: кто в кого влюбился, кто на ком женился и вообще как их здоровычко. Кто что в суп кладет. Кто что для бессмертия делает — а заодно и для благодарного человечества (в том числе и для горячо любимой родины).

Так. Почты сегодня не будет — это я выяснил. С горя отправился в санчасть, раззявил пасть и узнал, что мне необходимо пломбировать зубы. Три или четыре пломбы — от страха я даже не усек количество. Произойдет это завтра — молитесь за меня, праведники! А я, согласно старой солдатской традиции, пойду сейчас в баню, вымоюсь и надену чистое белье...

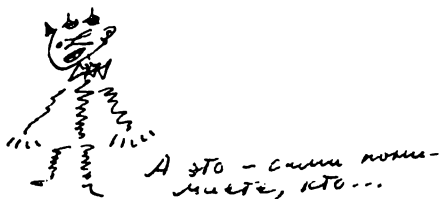
Хотел еще стишок поместить, но письмо, кажется, и так достаточно минорное.

На квитанции за последнее мое письмо стоит штамп «7.III.68», а от вас все нет подтверждения. Дал бы кой-кому по роже — только вот себе дороже...

До свидания, мои милые, обнимаю вас. Ю.

Это Слава Геврич со своими орудиями. А это — сами понимаете, кто...

P.S. Да, сангигиену, кажется, все-таки можно получить.

письмо сорок первое

20/III/68

Вот значит как: стоило мне отправить письмо, почта тут как тут: три письма (№ 5, № 6, № 1), и открытка от тебя, Ларик, и письмо от Ленки [Ренделя].

Перво-наперво — мои поздравления, приветы и поцелуи Неле и Ленке (Неле — отдельно — соболезнование); известие об этом событии произвело сенсацию*. Вчера как раз был «день Богдана» (а у

нас аж три Богдана), мы собрались на «суаре», и я объявил новость. 15–20 глоток дружно рывкнули от восторга, а затем высокое собрание оказало мне честь — поручило приветствовать молодоженов, что я с удовольствием делаю. К сожалению, Валерия [Ронкина] и Сережи [Мошкова] сейчас на 17-м нет, а то бы они порадовались вместе с нами.

Я очень рад, я думаю, что это чудесно для обоих; я не сомневаюсь в отменных душевных качествах Нели, а Ленкины доброта, человечность, заботливость мне известны из нашего общения. В общем, дети мои, будьте счастливы и пришлите мне традиционное семейное фото.

Еще очень хорошо, что Леня работает и зарабатывает. Что-нибудь вроде внутренних рецензий — так? Пусть пишет почаще и не забывает, что его письма — радость не только для меня. Все его приветы я передал.

Теперь о твоих письмах, Лар. По порядку.

Про лошадь Вронского я Бена [Ронкина] не спрашивал — все больше за стихи разговор шел. (Литературно-музыкальная викторина: на какой мотив можно петь «Однажды в студеную зимнюю пору...»?)

Привет от Сидуров? Опять телепатия: в письме, отправленном в начале месяца, я как раз поминал их.

Про деньги, которые ты послала, я нынче же узнаю.

Наташу [Горбаневскую] я видел дважды, оба раза у Андрея [Синявского], и один раз даже провожал ее. Описывать мне ее — лишний труд, я ее очень хорошо помню, она — из запоминающихся.

Улыбки, не запланированные по номенклатуре*, я действительно видел своими глазами. Не могу не вспомнить по этому поводу фразочку из дневниковых записей Пушкина. Там один хмырь говорит: «Я, братец, такое видел, что тебе и не приснится. Я видел голую ж... государыни...» За дословность не ручаюсь, но суть такова*.

Нужна ли опека братцу?* Боже упаси! Чуть-чуть сдерживать, чтобы не зарывался.

| 21/III/68

Продолжаю «письма и комментарии».

О пропадающих письмах Тошки [Якобсона] промолчу, поскольку сам Тошка высказывается об этом на лексиконе, вполне соответствующем лагерной кондиции. А что это за новоявленная энциклопедия русской жизни?*

Эх, жаль Бена нет — я бы ему теперь объяснил, как с пьянством бороться, а то он все бормочет всякие жалкие слова об «обществен-

ном мнении», «моральном осуждении», «атмосфере нетерпимости». А Людка [Алексеева] — великий человек и умеет осуществлять оздоровительные акции элегантнейшим способом.

Ларка, а как все-таки называется твое полупочтенное заведение? А перейти куда-нибудь, чтобы поближе, посуше и посветлей, ты не можешь? А то ведь черт-те что: у тебя там, в Москве, на работу уходит больше времени, чем у меня здесь, в Мордовии.

Вычитал я в «Неделе», что весной—летом в Москве будут не то менять №№ телефонов, не то прибавлять еще какие-то цифры. Непременно сообщите мне, как будет по-новому. Все, у кого телефоны.

Ларик, если будешь (когда будешь) писать няне, непременно передай от меня самый сердечный привет, напиши, что я ее помню и люблю. Я и вправду очень часто здесь ее вспоминаю, — заповедь ее сына перед уходом на фронт*. Поневоле вспоминаешь — очень много сходных историй слышу, да и по географии чаще всего тех же*.

Так. Деньги (25 рэ) получены. Спасибочки. Черт возьми, порядочные люди, попадая в заключение, наводят этим экономию в семье, а я, окаянный, разоряю несчастное семейство — соломенную вдову и малютку-сына. А тут еще благотворительностью заниматься приходится — чует мое сердце, этот пропойца и бабник Николай* скоро снова денег попросит... Пес с ним, заткните ему пасть, авось месяца на три-четыре уймется.

| 22/III/68

Письма: от тебя, Лар (№ 2), от Майки Улановской, от Маринки Фаюм, от Михи [Бураса], от Марка Азбеля. Опять же — по порядку.

Твое письмо, Ларка. Нет слов сказать, как я доволен твоим — а стало быть, и моим немножко — знакомством с таким знающим, талантливым и человечным медиком. Я всегда смотрел снизу вверх на настоящих профессионалов — в области ли онкологии, психологии или любой другой -логии*. Даже в области литературы, представь себе. Его медицинские советы вполне совпадают с моими планами: я ведь тоже в принципе не сторонник строгой диеты*. Я воздержусь от красивых фраз — не стану утверждать, что ради приязни этого человека стоило садиться на 5 лет; но сидеть, зная, что эта приязнь есть, — значительно легче. Конечно, дело не только в нем одном; симпатии любого Ивана или Матрены* для меня не менее ценны; однако же такой отличный диагност (как ты его рекомендуешь), такой популярный врачеватель не может не знать настроений своих пациентов? Кланяйся ему, пожалуйста; и (если это удобно) мне очень хотелось бы

получить хоть два-три слова от него. Я надеюсь, что ты отнесешься к его медицинским рекомендациям с должным вниманием?

Маришкино письмо. Сейчас я буду рычать! Во-первых: бушлат не «чужой», а, насколько мне известно, Юркин [Герчука]. Во-вторых, я его «обжил». В-третьих, этим бушлатом я уже давно только накрываюсь, а хожу в почти щегольской зимней куртке — лагерный в ней только цвет. В-четвертых, плевать я на все это хотел! Хотел, хотел — и плюнул. Чего и вам желаю... Песенку про Рубинчика Соломона я не знаю — это уже «после меня». Кстати, о песенках. Знаешь, Маришенька, а ведь мне тоже «Бабушка» нравится больше, чем «Домик»*. В ней — в «Бабушке» — автора больше; а «Домик», хоть и хорош, но «общее», что ли.

«Хорошее время — XX век...» — этих стихов я почему-то не помню. А ведь думал, что все стихи этого поэта* знаю чуть не наизусть. Ох, поэт, поэт!.. Когда мы прошлым летом разговаривали с Андрюшкой [Синявским], то чуть ли не первыми фразами было: «Эх, ошибся он!» — «Да, ему бы с нами быть...»* (Не очень давно я сочинил песенку специально для Ларки — от ее имени, — так он там поминается*. Песенка, в общем-то, безобидная, но уж я дую на воду и не посылаю.)

А кто пришлет мне «Анна, боже мой...»*? (Кстати, мои письма приходят полностью, без зачеркиваний? У меня ощущение такое, что некоторые мои просьбы, гениальные сентенции и маловысокохудожественные миниатюры в прозе и в стихах не вызывают у вас, моих адресатов, никакой реакции — «а это мне очень обидно»*. И, кроме того, я в глупейшем положении: просьбу-то и повторить можно (хотя и не хочется), а повторять «невинные шалости пера» — как-то вроде и нескромно. Это я о таких, которые не могут не вызвать реакции, — хоть у одного из читающих мои письма.)

Маринке — поцелуй. Или лучше — два. Три!..

Майка совсем зазря обрушилась на меня: «Ах, классиков обижают!» Ну давайте рассуждать примитивно: жизнь наших друзей и добрых знакомых интересна нам (мне) куда больше, чем жизнь людей, отделенных от меня временем, расстоянием или чуждостью. Это — мой мир. Вот современная литература и говорит мне о моих знакомых (добрых и недобрых), тех, с кем я связан собственной жизнью. Поймите, я рассуждаю не как литератор, не как, боже упаси, литературный критик, даже, если хотите, не как читатель: я рассуждаю как ныне живущий человек, не умеющий и не желающий поставить что бы то ни было выше сегодняшней людской судьбы, сегодняшнего человека. Бог мой, да кто же сомневается, что классики — «вечные» и проблемы их — тоже «вечные»! Проблемы-то вечные, а герои — во времени: когда я читаю, скажем, Бальзака, мне всю дорогу хочется

вздыхнуть: «Мне бы ваши заботы, господин учитель!» Я, хоть убей, не могу всерьез относиться к трагичности ситуации, при которой герои вынуждены обставлять свое жилье разнотильной мебелью. А это, между прочим, и у Бальзака, и у Диккенса, да и у наших, отечественных, — первый признак нищеты. (Точно так же, как мне даже антипатичны страдания героя Сарояна по поводу неежедневной ванны* — не потому, что я — «противник мыла и в контрах с водой», а потому, что эти страдания сосуществовали во времени с Освенцимом, Майданеком и последствиями ленинградской блокады.) Я (сейчас, по крайней мере) предпочитаю решение «вечных» проблем по сегодняшним поводам и причинам. И чтоб стройматериал — язык — был сегодняшним. За примерами ходить недалеко: ярчайший образец такого сочетания — «вечности» проблемы и «нынчести» причин, обстоятельств, языка — это творчество современного русского писателя, хорошо известного нам с вами*. Просто мы очень хорошо чувствуем «вечность» классиков и не замечаем ее у современников. Перечитайте-ка «Матренин двор».

Проблемы ассимиляции и антиассимиляции? Ненасильственная ассимиляция — ничего не имею против. По-моему, проблема нац. дискриминации гораздо важнее. И эти проблемы между собой не связаны, как это ни странно звучит. Потому что дискриминация — часть другой, социальной, политической проблемы. Впрочем, в Явасе у тебя нашлись бы единомышленники*; я же, в меру моих сил, работаю на интернационализм, чему антиассимиляторство сознательно и бессознательно сопротивляется. А вообще, я не уверен, что мы говорим в точности об одних и тех же вещах; года полтора назад мы большой и разноплеменной компанией стали беседовать именно на эти темы и — беседы не получилось: мы сразу же увязли в дебатах о сути терминов.

Саньке [Якобсону] я непременно при первой же возможности напишу отдельно. А пока скажите ему, что первый вариант «Восстания вещей» нравится мне больше второго, ну хотя бы потому, что он (Санька) в I варианте экономнее и — этим — выразительнее. Эпитет уже подразумевает «очеловечивание» — и «белолицые тарелки» поэтому лучше, чем «тарелки-сестрицы, белолицые девицы», «одноногий сапог» лучше, чем «мальчишки-сапоги» (а может, это «мальчишки сапоги», т.е. сапоги какого-то мальчишки? Тогда совсем плохо, инверсия двусмысленная). Четверостишие о поросенке очень мило; только перенос со строки на строку надо бы убрать: в миниатюре такого типа — это нельзя, делает ее громоздкой. А вообще он молодец.

. Целую его. И Майку. И Тошку. Что до его писем, то, очевидно, они мне противопоказаны — отвлекают от «становления на путь исправ-

ления». Удивительная штука: рассуждения о стихах задерживаются, пропадают, а ругательства, которых даже в нынешнем издании Даля не найдешь, проходят как миленькие. Так что, уважаемые, материтесь, не стесняйтесь — дойдет...

Ларка, на мой вопрос об «энциклопедии русской жизни» можно не отвечать: я уже знаю, я его «вчислил».

Михе — мое «фэ»! Что ж это он ни слова не написал ни о Маринке, ни о Ленке? Мне ж о них интересно знать. Он пишет: «Соскучился по колесам». Удивительное совпадение: я тоже. Ладно. Я надеюсь, он не ухайдокает свою Явасочку* за ближайшие 2 1/2 года и прокатит меня как-нибудь. А почему это он, друг любезный, раздумал писать мне о своих «несогласиях» со мною? Слабо? Или он полагает, что «лежачего не бьют»? Пусть поймет в виду, что я лежачим себя отнюдь не считаю (хоть и стараюсь лежать как можно больше). Кроме того, я ругался в прошлых письмах не для того, чтобы сказать очередную гадость, — это была, если хотите, перчатка — вызов. Со всяким дерьмом и с людьми, равнодушными ко мне, я спорить не собираюсь, а с ним — с отменным удовольствием. Оченно мне любопытно знать, как он, Михаил Бурас, теперь оценивает позицию наших общих знакомых — по-прежнему ли он считает, что они нуждаются именно в моем сочувствии, моральной поддержке? Какая была бы трогательная картина: я утираю слезы Якову Лазаревичу [Гарбузенко] и Юрию Самойловичу [Хазанову], утешаю их, оправдываю и защищаю от злопыхателей. А также издаю восторженные клики — разумеется, на почтительном расстоянии — в честь иных-прочих, с которыми в свое время мы лобызались и которые нынче хранят благонамеренное молчание. Помилуй бог, никто ничего от них не требует; но могли бы, по меньшей мере, не шарахаться при виде моей жены... А то ведь как-то неудобно, интеллигенция все-таки, руки, небось, моют перед едой и старушкам место в метро уступают. Либералы же как-никак. Право же, позиция какого-нибудь Васильева* мне понятней: такие, как мы, — гибель для таких, как он. А эти, которые рядом с тобою, Миха?

Кобо Абэ я прочел; интересно, но «Женщина в песках» лучше: не менее серьезно, но много выразительней и проще. Как ни странно, и ситуация «Женщины» естественней, чем ситуация «Лица»*; хотя, казалось бы, фантастичность допущения — в первом случае и вполне банальный начальный эпизод — во втором. А кто читал «4-й ледниковый период»? Как это, интересно? Если да, то, может, кто-нибудь подкинет? И вообще Миха обещал научную фантастику контейнерами отгружать. Но предупреждаю — все это без возврата и без сохранения.

(К слову: если будет свидание, ты, Лар, испроси заранее в Москве или в Явасе разрешение увезти отсюда книги — конечно, если с тобою будет тягло — Санька.)

Марку непременно передайте, чтобы он этого корреспондента с 11-го послал «на три буквы». Я никогда бы не втравил Марка в эту идиотскую переписку, если бы мог предположить, что он — Марк — изменит себе и будет тратить время на графомана. Я-то ведь в этом ничего не понимаю! Меня спросили: «Есть знакомые физики?» — «Есть». — «Можно написать?» — «Можно». Ну вот, убедился бы Марк, что имеет дело с «патологом» и «прекратил бы беседу на третьем слове». А тут, понимаете ли, «случай необычный». Ерунда. Этак я заподозрю, что и мои писания принимаются снисходительно только из-за «необычности случая».

Что чем формируется: вера характером или характер верой? И это спрашивает меня — Марк, человека без философской почвы — материалист, естественник? Взаимно, голубчик, взаимно друг дружку и формируют; а как же иначе?

И насчет невозможности понимания обыкновенными людьми великих, читателями — писателей, Марк загнул по обыкновению. Великих людей попросту не было бы, если бы понимание их идей и действий было бы лишь иллюзией. Не стоит мешать в одну кучу «обычных людей», чьим разуму и эмоциям доступно все на свете, и самовлюбленных графоманов, болванов, «патологов», с которыми, действительно, общего языка не найдешь. Невозможность же «научить абсолютному музыкальному слуху» ничего не доказывает: чтобы чувствовать и понимать музыку, абсолютный слух не нужен — так говорят знающие люди. А пониманию литературы учить можно и должно — примером тому замечательная работа Тошки. Недурственно бы супругам Азбелям побывать на Тошкиных лекциях*. Может, Марк снова обрел бы веру в человеческие контакты, потерянную им чуть не на зло себе самому и другим...

Поговорить и мне бы очень хотелось — но что поделаешь? Придется ждать. Но письма-мячики, которые он мне посылает (и Найка, если когда-нибудь еще напишет — а я этому был бы очень рад) — эти письма не в пустоту.

Ну вот. А теперь я буду спать — чтобы выполнить полную воскресную программу: завтрак, кино, кофе, письмо, чтение (болгарский детектив — наш социалистический супермен — Аввакум Захов!) — и придавить часок-другой.

Вот снег сойдет (с каким наслаждением я шлепаю по талой каше!), и можно будет в бильярдик сгонять, а то и в волейбол. Если я буду жить после освобождения не в Москве, а как Ленька*, я непременно

оборудую спортплощадку: пинг-понг, бадминтон, турник и колка-пилка дров...

Да, совсем забыл (!): Слава [Геврич] поставил мне три пломбы. Ни чуточки не больно, за час с хвостиком — во какой мастер! Очень хорошо; только вот ковырять спичкой негде — ни одного дупла. Придется переключаться на ковырянье в носу — один из вариантов традиционного отечественного спорта.

| 23/III/68

Телеграмма от 21.III и открытка от 11.III. Слава Всевышнему, я уж было решил, что мое письмо затерялось. А было бы все-таки жалко — трудился как-никак, карандашом писал, нажимать приходилось.

А про Санькину куртку Маринка написала, что из ее подкладки можно для тебя, Ларка, неплохую кофточку соорудить. Воздержись от этого, пожалуйста. Во-первых, я хочу посмотреть Саньку в этой куртке; во-вторых, судя по всему, мне по возвращении придется донашивать «с барского плеча». Отсюда — просьба к Саньке: милый, постарайся не замызгивать одежду насмерть, помни о старике-отце (которому тоже еще охота пофорситься!). Граждане родичи и знакомые, подайте на безразмерные носки, только что из заключения, пять лет не пил коньяку, нейлоновая рубашка для вас не разорение, а мне большая поддержка, а ты чего, сука, не подаешь, снимай галстук, благодарю вас, благодарю вас...

Вот. Вчера я хвастался тем, как чудесно Слава мне запломбирова-вал зубы. Слушатели фыркнули: «Подумаешь! Он сам себе запломбирова-вал — вот как!» Я спросил: «Ярослав, правда?» Он скромно сказал: «Шесть пломб». Ась? Это еще почище, чем аппендикс вырезать. В общем, «чего нам Антарктика с Арктикой, чего нам Албания с Польшей!»

Каков нынешний урожай на котят? Количество и качество?

Да, все позабываю: Пат страшно обижается*, что я не передаю его приветы, и каждый раз после отправки письма устраивает мне скандалы.

| 26/III/68

«То, о чем я забуду рассказать на свидании» (если оно будет):

*Тема последнего политзанятия: «Об эстетическом воспитании». Докладчик — мое прямое и непосредственное начальство. Аудитория — все та же. Справки об аудитории и лекторе у Л.А.Ренделя.

*Судя по детективной литературе, искусство, искусствоведение и смежные с искусством науки не на должной высоте лишь потому, что наиболее могучие таланты вынуждены заниматься контрразведкой, разведкой и искоренением уголовщины. Нил Кручинин — художник, Аввакум Захов — археолог и пр. и др. В общем, все лица этой романтической профессии — надежный оплот искусства. Как жаль, что обратная формула справедлива лишь частично: лишь какая-то часть людей искусства — надежный оплот упомянутой романтической профессии. Из сказанного явствует, что я прочел «Приключения капитана Аввакума Захова». Салют, Болгария!

*Два фильма подряд: «Медвежий цирк» и «Лошадиный цирк». Диву даешься, чему выучивают медведей — и за сравнительно недолгий срок, за полтора-два года. А людей, смотрю я, учат по 15—20—25 лет и ничему не выучивают. Правда, Филатов (не Кадька, а дрессировщик) кормит своих подопечных сахаром... Что же касается лошадей, то очень понятно, почему именно их Свифт противопоставил йеху. Такие красивые и такие благородные. И полны достоинства, даром что голые. А между тем, с ними с йеху присущий ему костюм, и что останется?..

| 28/III/68

Письмо от Марленки [Рахлиной]. Умница-разумница, а глупая: сама Оле [Кучеренко] объясняла, что я «не такой дурак» (спасибо, спасибо, родненькая!), чтобы желать каких-то особенных писем, и сама же просит прощения за «пустяковое» письмо. А письмо, между тем, отменное: масса информации, как сказали бы мои научные друзья. И про детишек, и про Фиму [Захарова], и про Кадьку [Филатова], сеющего почти разумное, относительно доброе и до некоторой степени вечное. И про Лешку [Пугачева]. Вот кого послушать бы!

Должен огорчить Марленку: сны такого содержания (о том, что я вернулся временно, на побывку) снились мне регулярно весь первый год лагеря. Но в отличие от Марленкиных ощущений* мои эмоции были вполне жизнерадостными: ну и что такого, что должен вернуться? Все хорошо и все правильно — так я чувствовал во сне. Сейчас этот вариант мне не снится: видится либо, что все уже позади, либо, что я еще в лагере (удивительное совпадение, правда?) — но в лагере этаким либеральном, где все можно: и за ворота выходить, и в магазинах покупать, и даже — самое невероятное! — с родственниками и знакомыми встречаться.

Марленке (я не помню, писал ли я об этом?) предназначены «Песни простака», их уже три штуки*; но они слишком легкомысленные, и

я боюсь подорвать свой престиж, вверяя их почте, мне надо выглядеть серьезным и солидным — я же все-таки особо опасный государственный преступник; а если я начну выкаблучивать всякие хи-хи-хи-шансоны, в чьи-нибудь темные головы может пролезть мыслишка, что я не так уж страшен...

Целую ее и все ее окружающее и близлежащее. А вот расскажу я вам, какой у нас «кент»* — Ян Капицинь(ш) — так и не могу разобраться, когда у этих окаянных латышей ставят «ш» на конце. Он худой, как складной сантиметр, невероятно подвижный, не может равнодушно слушать танцевальную музыку — сразу начинает «выступать». По-русски он умеет только ругаться (хорошо умеет), зато лихо шпарит по-немецки, немножко по-английски. Ну и, разумеется, по-латышски. Но все эти познания почти не нужны ни ему, ни собеседникам, потому что Марсель Марсо лопнул бы от зависти, увидев, как он рассказывает; не то слово «рассказывает» — показывает. А он любит потрепаться. «Сейчас я вам расскажу, как я удирал от английского полисмена», — это Виктор [Калниньш] успевает перевести. А дальше перевод уже почти не требуется! Был он моряком, объездил черт-те какие моря, пил и скандалил во всех портовых кабаках Европы. Отличный малый. К сожалению, при немцах его втравили в грязную историю; сам он, правда, клянется-божится, что в собственно преступлениях не виноват. Я склонен верить ему: обычно его земляки не отпираются от того, что делали... Я уже приглашен пожить в его родных краях, райский уголок по его описаниям («показаниям»); а кроме того, нам обещана модель не то шхуны, не то яхты: он без памяти влюблен во все это парусное. Он — наш «шеф»: ведает нашим продзапасом, сервировкой и организацией закусонов. Причем профессионально: в плаваниях он был стюардом. Если вы пришлете ему привет, он будет очень рад. А еще лучше какую-нибудь книжицу на латышском о парусных кораблях. Или просто изображения всяких яхт, шхун, бригов и прочей романтики.

| 30/III/68

Если весна не идет к Магомету, то Магомет идет к весне. Я за-сунул варежки в чемодан, туда же запхал шапку, скинул теплое белье и оставил между двумя шкурами только трусы и майку. Баста! Я начинаю весенне-летний сезон. Завтра попробуем сыграть в бильярд. Если шары перелетят через борт, их придется вытаскивать из снега.

Чтоб не забыть, братцы:

Ни «Иностр. лит-ры», ни «Нового мира» за этот год я еще не получал;

Попробуйте все-таки прислать те книжки, что я просил;

Если кто-нибудь презентует мне авторучку, я, возможно, напишу или переведу что-нибудь гениальное; авторучка им. Л.Алексеевой уходит на пенсию — она ее честно заслужила (добавил я без ложной скромности);

Я был бы весьма признателен новым лицам в нашем доме*, если бы они сочли возможным «представиться» мне при помощи писем: мне хотелось бы «услышать» их, раз уж я не могу их увидеть.

Все.

Да, вот еще что: получил я из Киева книгу Антоненко-Давидовича. Написала ли ты, Ларка, в Киев Наде и Ване*?

| 31/III/68

Если отнестись серьезно ко всем приглашениям, которые я получил, и пожить хотя бы недельки по две в каждом из рекламируемых мест, то на эти визиты уйдет у меня добрых года два-три — вместе с поездками «от финских хладных скал до пламенной Тавриды». Тем не менее разговоры на эту тему очень мне нравятся. Хорошо вот так сидеть на койках, друг против друга, посредине — табуретка, застланная газетой, на ней — что Бог послал. (Странно, что Боги, вообще-то враждующие друг с другом, — католический, православный, баптистский, иеговистский, иудейский, мусульманский — все эти Боги с удивительным единодушием присылают своим адептам одно и то же; да и атеисты довольствуются тем же ассортиментом.) Так вот, сидим; потолок бревенчатый, покатый; кашель; стук домино; радио бодренько наяривает; холодновато. Паскудно, одним словом. И вот, помня, что твое жизненное пространство за стенами барака чуть побольше средней почтовой марки, сидишь и слушаешь что-нибудь такое: «Река от дома — метров пятьдесят, а лес начинается прямо от огородов...» или «Через дорогу перейдешь — и море. Песочек...» Потихоньку утрачиваешь чувство реальности, забываешь-таки, где ты. И вот тогда, чтобы вернуть тебя к действительности, судьба посылает какого-нибудь «читателя газет, глотателя», который подсовывает тебе «Литературку». А в ней — ослепительная вспышка интеллекта: статейка Семенова, из которой явствует, что сожительствовать с Музой можно только в законном браке, зарегистрировав оный в справочнике ССП... Или рассужде-

ния Чаковского на ту же тему*, только малость поумнее, но с той же вахтерской психологией: «Предъявь пропуска!..» Вот считаешь родимую «Литгазету» и сразу вспомнишь, где находишься. Полный «пандан», как выражался тот пьянчуга, которого мы с Андреем [Синявским] как-то приволокли на Новый год.

Умер Сельвинский. Это я узнал сегодня, а вчера полдня, работая, повторял:

О, как плещет в устах твоих польская речь,
Ключевая да серебристая,
Как умеет она прямо в душу истечь,
Умоляющая, словно истина... *

Не знаю, почему именно эта строфа привязалась ко мне; я повторял ее бесчисленно; а потом, чтобы отвлечься, стал вспоминать самого Илью Львовича. Один раз я разговаривал с ним, вернее, он с нами* — впечатление осталось на всю жизнь: помню внешность, жесты, интонацию. Это было почти 20 лет назад. Какой неиссякаемо щедрый поэт был, какие залежи — казалось, конца-краю не будет. И вот умер он все-таки не в 1968 году — много раньше*. Последними стихами был цикл «Алиса» — кажется, 56-й год. Я очень увлекался Сельвинским в свое время и не склонен иронизировать по поводу этого увлечения: от него остались сотни запомненных мною строк, ощущение своей и его молодости. Господи, хоть бы помереть вовремя, не пережить себя. Или вовремя уйти, сказать: «Я — пас», и пересесть на скамейку для зрителей. Черта с два, все кажется, что завтра то и начнется настоящее счастье, — или усугубится до изумления сегодняшняя радость. А как сказал тот же Сельвинский, «человек-стервец обожает счастье, он тянется к нему, как резиновая нить». Не так-то просто эту нить — самому! — перерезать.

Слухи о трудолюбии латышей распространяются, вероятно, по традиции («Зачем тебе трактор? Возьми двух латышей...»); молодежь — новой формации. А уж, казалось бы, куда латышистей — «националисты». Пожалуйста, не думайте, что меня беспокоит малое количество рукавиц или сервантов, изготовленных в Мордовии, — у меня свои, шкурные интересы. Третий месяц прошу Виктора найти хорошие стихи для перевода, а он говорит «бусделано» и читает свои «Вопр. языкознания». Издает всякие непонятные звуки и утверждает, что это излюбленные фонемы дикарей племени «моора» с Островов Св.Феликса (это, кажется, где-то около Полинезии)*. В общем, типичный сачок. Я бы объяснил это его московским происхождением, если бы не был знаком со всей этой прибалтийской шарагой от 20 до 30 лет:

быстро работают они только на баскетбольной площадке. Да еще если перед ними кружка или миска.

| 1/IV/68

Жуткое дело: сегодня что ни напиши, вы всё сочтете первоапрельской шуточкой. Был у меня коварный план сделать несколько сообщений, вроде того, что я получил покаянное письмо от Кедриной и коллективный привет от Михалкова, Софронова, Кочетова и т.п.; что я написал просьбу о помиловании; что мне обещали сократить срок доставки моих писем с трех недель до двух... Вы же все равно ничему не поверите. Так, я совершенно убежден, что вы иронически улыбнетесь, а те, кто побестактнее, те даже засмеются утробным смехом, прочитав, что норму за март я выполнил на 100%. Ведь не поверите же? А между тем это святая истинная правда. Вот что значит получить векселя от начальства!

На днях мы справляли день рождения Мих. Мих. Сороки — 57 лет. Было чинно, тихо, торжественно. Надарили ему книжек, открыток (это такая здесь традиция — открытки с подписями), сказали всякие хорошие слова. Знаете, мне решительно наплевать, что у него за убеждения (точно знаю одно: не фашистские и не профашистские); но дай мне Бог досидеть свой срок с той выдержкой, мудростью, человечностью и юмором, которые сохранились у него за годы, проведенные в этих и подобных невеселых местах. Назвать количество этих годов у меня просто язык не поворачивается... Сын его шлет ему обнадеживающие письма — есть для этого хоть какие-то основания?*

Ну что еще сказать вам напоследок?

Я очень радуюсь предстоящему лету. Во-первых, тепло будет; во-вторых, вообще легче: кажется даже, что несвобода вполсилы, не стопроцентная, — собственно говоря, лето почти что можно вычеркивать из срока (таким образом, мне остается чуть побольше полутора лет). Это, конечно, если не думать о вас.

Я никак не могу сообразить, сколько же мне лет. С одной стороны, с другой стороны... Больше, меньше или столько, сколько значит-ся? Может, из вас кто знает?

Я никогда не знал, что можно разрешать или не разрешать себе те или иные мысли. Оказывается, можно. Оказывается, можно сказать себе: «Табу!» — и выключить себя из воспоминаний, из размышлений о будущем, из попыток представить себе то, что недостижимо для меня сегодня, но существует же. Правда, это почти что выключе-

ние из жизни; которая, тем не менее, прекрасна и удивительна, как справедливо сказал лучший и талантливейший.

Ладночки, пора закругляться, а то непонятно, как я буду всю эту мешанину в конверт запихивать.

Целую вас, мои хорошие. Ю.

Эта картинка называется: «Честное слово, лето возвратится» или «Я знаю — саду цвезть!»

п и с ь м о с о р о к в т о р о е

4/IV/68

Кажется, вместо всех предполагавшихся спортивных подвигов, я заболел. Эта сволочная погода таки доконает меня. Сыро, холодно, зябко; вообще отвратительно до изумления. Но, тем не менее, настроение неплохое; получил твои письма — № 3 и № 4, мартовские. Чудеса в решете: письмо № 4 датировано 28.III, а получил я его 2/IV! Вот бы всегда так.

Неполный отклик на эти письма вот какой. За отгадку тебе — фант*. Умница ты. А может, даже гений. И картинка очень-очень похожа. Что касается возможности заработать три фанта за задачу с султаном, то для меня она (возможность) не существует. Для того, чтобы решить задачу, надо поставить себя на место султана — мысленно, разумеется. Поставил. По условию задачи, все три кандидтки — красавицы. И ислам, как мне известно, не регламентирует количество дам в гареме. В такой ситуации мне бы и в голову не пришло задавать этим гуриям дурацкие вопросы: «Зачислить в штат!» — и баста... Тем более, что, как говаривал Мопассан, «они же все разные»...

Вопрос по существу: что это за «павиан, живущий без плана»? «Привет всем друзьям!» — по-латышски: «Sveiciens visiem draugiem!»

Теперь вот что. Мое восхищение Ириной Глебовной [Глинкой] и уважение к ней известны всему прогрессивному человечеству. Но (тысяча извинений!), может быть, ее диагноз имело бы смысл согласовать с мнением специалистов? Поскольку за твою, Ларка, деловитость в этих вопросах я и гроша медного не дам, то обращаюсь непосредственно к вышепоименованному авторитету: «Ирина, милая, пожалуйста, устройте так, чтобы Ларку посмотрел хороший врач. Если для этого нужно будет применить меры физического воздействия (к Ларке или к врачу), заранее даю Вам индульгенцию. Я Вас очень же ву при!»

Только что получил телеграмму о получении «общего ответа» из Управления. Очевидно, тебя переадресовали? Мне кажется, ты немножко поторопилась. А впрочем... Имей в виду, что ближайшие недели две будут почти непроезжие. И в любом случае начать свидание надо в субботу.

Письмо от Эдки Золотаревской. Спасибо ей большое. А на дочь свою пусть не клеветет: никогда с ней такого быть не могло.

И еще ленинградский «День поэзии» от Майи З[лобиной]. Что ж, будет занятие: попробую поискать жемчужные зерна.

| 7/IV/68

Итоги первого спортивного воскресенья: бильярд — 7:1 в мою пользу; в волейбол наша команда проиграла со счетом 1:2 — и не только из-за меня... Кроме того, я почти прочитал Фолкнера (счет в мою, конечно, пользу), а это можно сравнить только с марафонским заплывом или с бегом по пересеченной местности.

| 8/IV/68

Вот что, душа моя Тряпичкин: ежели ты выражаешься на каких-нибудь языках, кроме великого и могучего, ты уж ставь в скобочках, что ли, перевод, а то тут с одним из последних твоих писем целая заваруха. Некое должностное лицо с лычками во время — как бы это поделикатнее выразиться? — проверки вперило взор свой (бдительный взор) в латинское начертание известного польского выражения*. Естественно, прочесть не смогло; это показалось ему обидным — тоже естественно, не так ли? Поэтому твое письмо снова (интересно,

в который раз?) пошло на проверку. Я надеюсь, что хоть кто-нибудь здесь понимает по-польски или хоть кто-нибудь догадается спросить у меня, что это значит. В противном случае не исключено, что будет запрос в Академию наук СССР, чтобы там разобрались с этим твоим (виноват, моим!) *golet dupet*... В общем, все по поговорке «Жалует царь, да не жалует псарь»: КГБ, прокуратура, оперотдел — все единодушно утверждают, что мои бумаги, переписка и пр. — вне компетенции надзорсостава — но... Это уже мистика (или символика?): никто, понимаете, никто не может одолеть Надзирателя!

| 9/IV/68

Телеграмма от родителей настолько странного содержания, что я в полном недоумении. И в беспокойстве. Если ты, Ларка, уже поправляешься, то стоило ли телеграфно сообщать о болезни? Что-то не в твоих это (да и не в родительских) привычках. Что означает «задержалась письмами»? Телеграмма отправлена 6-го, а последнее твоё письмо датировано 28-м. 7–8 дней молчания — не такое уж экстраординарное событие, чтобы специально объяснять его. Тем более, что 2-го ты послала телеграмму. Почему эту последнюю телеграмму послали родители, а не Санька? (Вопрос в том смысле, что легче и проще это было сделать ему, не затрудняя родителей.)

Ох, как худо гадать да прикидывать!

«Тяжелый грипп высокой температурой» — достаточно серьезная вещь. И я думаю, что пока ты, Ларка, не окрепнешь настолько, чтобы без всякого риска для здоровья вынести эту трудную поездку, ты ехать не должна. Свидание подождет. Да и вообще я не верю в возможность его. А если оно и состоится, то уж будь уверена, что это будет самый-самый минимальный минимум. Несмотря на твой постоянный бодро-легкомысленный тон («Подумаешь! Ну, проехала — ничего особенного, даже приятно!»), я-то отлично знаю, что собой представляет перегон «Явас—Озерный» — семь раз уже езжено. А ведь, кроме этого перегона, еще «Москва—Потьма» и «Потьма—Явас»...

Попробую-ка я завтра телеграмму отправить, только не уверен, что получится: здесь это — как и многое другое — невероятно сложно.

| 11/IV/68

Отправил не телеграмму, а открытку — пожалуй, она дойдет так же быстро (так же медленно).

Новостей нет никаких. Интересного чтения — тоже. Письма еще пишутся. В бильярд играть холодно. Волейболу мешает ветер. Ухватил десяток «Сов. экранов» за 65–66 годы, разглядываю фото, читаю — по диагонали — статьи. Между прочим, прочел кисло-сладкую рецензию на «До свидания, мальчики»* и захотелось перечитать повесть. Я не знаю, выходила ли она отдельным изданием? Если выходила, то, может, ее можно достать? Может, автор расщедрится? Видите, как я разлакомился! Да, не помню, просил ли я уже мемуары Баграмяна? Они в отрывках печатались в «Др. народов», а потом вышли книжкой. Тут у меня на автора почему-то надежды нет, так что расстарайтесь кто-нибудь сами.

В № 1 «Сов. экрана» за 1966 г. — портрет Владимира Рецептера в роли Кадьки Филатова. Поскольку обещанное фото он (Кадик, а не Рецептер) зажал, то пусть пойдет в библиотеку, выдерет втихаря страницу, сделает на ней трогательную надпись и пришлет мне.

Вообще, уважаемые граждане, моя фототека нуждается в обновлении и пополнении. Знали бы вы, какая это радость — знакомые и милые фотоморды... Письма твои, Ларка, мне отдали. Кроме иноязычных выражений, вот что еще вызвало шок(инг): картинка.

| 12/IV/68

А у меня сегодня именины! По-прибалтийски, точнее — по-лютерански. Вот мы и посидели за столом в честь этого события: двое — лютеране, один — католик, один — униат, двое — православные, и я — виновник торжества — иудей. На общем совете решено было выяснить, когда у меня день ангела в соответствующих религиях. Отличная штука — веротерпимость! В сочетании с интернационализмом, кофе и печеньем.

Телеграммка пришла — о получении моего письма.

А это письмо писать мне трудно: все думаю, что мы, может быть, увидимся раньше, чем письмо доберется до Москвы.

Да, забыл рассказать: у меня еще одно новое имя. Я уже, кажется, писал, что меня тут по-всякому называют: и Юлий, и Юлий Маркович, и просто Маркович, и Юра, и Юрок. Даже Юликом называли. А тут один смешной литовец спросил, как меня по-литовски. Я сказал: «Юлис»*. Он сначала так и звал меня. Потом возникло «Вюлис». А теперь — «Вилис». «Мой Вилис» — так он ко мне обращается; и обращение сопровождается сигаретой или чем-нибудь сладким. Смешной такой дядек, лет пятидесяти, из тех, кто «не хотел умирать»*. Если попытаться определить одним словом то состояние, в котором

находится он и ему подобные, то, пожалуй, самым подходящим будет слово «недоумение». Ах, боже мой, у меня уже сил не хватает думать об этом!

I 14/IV/68

Право же, никогда в жизни я столько не праздновал. Народу-то много, все либо «кенты» и «кирюхи», либо приятели, либо хорошие знакомые, и у каждого бывают и день рождения, и именины, и какие-нибудь знаменательные даты, вроде «полсрока». А кроме того, есть еще даты традиционные, религиозные. Вот сегодня, например, Пасха — у прибалтов. Латыши, литовцы и эстонцы сейчас, пока я пишу, суетятся вокруг стола, готовят праздничное угощение. Я — гость и поэтому в приготовлениях не участвую, скромно дожидаясь, когда позовут к столу. Официально приглашен я был еще вчера, неофициально — недели полторы назад; православная же Пасха будет в следующее воскресенье, и опять же мне ее не миновать.

Дежурный вопрос, который мне задают всякие любопытствующие, это: «Что у вас общего с этими националистами?» — «Интернационализм», — хочется ответить мне. Но я отмалчиваюсь: не поймут. Да и вопросы такие задаются не для того, чтобы получить ответы...

Так. Утренняя трапеза уже состоялась. Продолжение следует вечером.

I 16/IV/68

Пока я решал, куда мне жаловаться на погоду — в прокуратуру или в МООП, — меня успели отговорить. Мне доказали, что ежели я напишу, что, с моей точки зрения, строгий режим предусматривает меньше дождя и больше солнца и что в зоне избыток ветра по вине администрации, — меня, конечно, отсюда переведут, но не в другой лагерь, а в заведение, носящее звонкое и выразительное имя: «Дурдом». А все еще холодно, все еще сыро. И в бильярд играть — руки мерзнут, и волейбольный мяч ляпается в лужи, а потом брызги на морду летят...

Был у нас на днях отменный киновечер. Дело в том, что нашего киномеханика отправили в другое место, и очередную картину взялся крутить один доброволец. У него превосходные усы, но, к сожалению, он глух, как пень, и немножко (совсем немного) слепой. Кроме того, об аппаратуре у него весьма приблизительные пред-

ставления. Показывали комедию, и действительно, давно мы так не смеялись:

— Рамку! (Рамка появляется в конце части.)

— Свет! (Начинаются световые эффекты: вспышка на экране и — полная темнота.)

— Звук! Звук!! Эй, кто поближе, крикните ему! (Минут через десять криков из ящика раздается урчание.)

— Оце і е звук? Так і я можу...

В довершение всего лента была пущена вверх ногами. Воспроизвести комментарии невозможно...

| 17 / IV / 68

А какое удовольствие мне предстоит! На тумбочке у меня лежит и дожидается новый роман Кочетова «Угол падения». Вы же знаете, как нежно я люблю этого автора, какой подарок для меня каждое его новое произведение.

Сегодня должен же я получить письма! Примета: в утреннем супе был лавровый лист. Кстати: чего-чего, а лавра для нас не жалеют. Хочешь — жуй, хочешь — обсасывай, хочешь — венки плети.

Нынче я не работаю. Вчера ушиб руку на волейболе, и к утру пальцы распухли, как сосиски в кипятке. Я, разумеется, воззвал к медицине. Медицина налила мне в пригоршню какое-то снадобье и сказала: «Растирайте». Я добросовестно растер и, довольный, удалился. Черт возьми, свободный день, сколько возможностей, какие грандиозные перспективы... Через полчаса чтения я — спать захотелось — протер глаза. Силы небесные, что началось! Руки-то я не помыл после этого зелья. Я взвыл, помчался в умывалку, плескал в глаза холодной водой, потом галопом — в санчасть. Там мне промыли зенки, чего-то накапали, чем-то смазали. Приплелся я обратно, читать не могу, писать не могу, глядеть тоже не могу. Да и не на что. Осталось одно — закрыть глаза. Что я и сделал. Просыпался я дважды: к обеду и к ужину.

Вот. А сейчас пришло-таки письмо, от Иры Уваровой, совершенно прелестное. И, как всегда, остроумное. И странные эмоции накопились во мне при чтении. Если правда то, что пишет Ирина (что, мол, дружеские чувства, любовь ко мне стали точкой соприкосновения для многих людей), то мне угрожает опасность канонизации. А поскольку я еще живой и надеюсь еще вернуться, то разочарование неминуемо приведет к деканонизации. (Помните, было модное словечко «дедокторизация»?) От этого никуда не деться. Приеду я, злой,

постаревший всячески; с новыми и неудобными для обычной жизни критериями (я уже это чувствую) — Господи, как вам придется глаза друг от друга прятать: «И чего это мы волновались-объединялись?!»

Жанр серенад я обож-ж-жаю; но неплохо отношусь и к другим жанрам; скажем, к «физиологическому очерку», к драматургическим миниатюрам и ко всяким другим «мини-». Поэтому буду благодарен за письма любого содержания, только пишите, не скупитесь. Ирина, фото — а? По-родственному.

А про «Трех сестер» я ничего не знаю, ничего не читал*. Серость. Существование растительное, как здешнее масло, и такое же прогорклое.

Засим разрешите откланяться. Письмишко мое получилось на сей раз такое же оригинальное и увлекательное, как 188-я пара рукавиц.

Целую вас всех — Ю.

Это называется «Дуплет в середине».

п и с ь м о с о р о к т р е т ь е

21/V*/68

Салютаc, приветаc! (Это я «клею под литовца»).

Утро хмурое, небо пасмурное, и кофе у нас кончился, а на душе — цветы необычайной красоты. Наконец-то прибыли твои, Лар, письма и открытка — впервые после свидания. Месяц же ни фи́га не было, и я волновался. Чем дальше, тем больше. А вчера вечером — это, да еще письма от Маришки Фаюм и от Юны [Вертман]. Вот я и получил возможность увидеть, как я сам выгляжу, когда не получаю писем, а кто-то получает: пришли Юра и Алик*; Юра сел на корточки, Алик —

на постели в ногах и уставились на меня точь-в-точь как когда-то по утрам Кэръкины дети. И заскулили: «Ну, что новенького?» А что новенького? Что я им скажу? Что наши общие знакомые вылетают из своих офисов, как пробки из бутылок*? Что ихним начальством овладело беспокойство и охота к перемене мест?

Оголтелый Галансков жрет селедку. Утверждает, что она благотворно влияет на его язву. Мы протестовали, ругали его, даже украли эту самую сельдь, но он постучал пальцем по столу и сказал (очевидно, Яну [Капициньшу]): «Machen селедка hier!» Таким образом, у нас, как видите, появился еще один знаток немецкого языка. (Первый — Бен [Ронкин], который изъясняется примерно так: «А книжкэ ист гут, вир золлен ниht мит ире варить а кофе» — в летний период на топливо идет периодика.) Вообще Юра несколько напоминает Леничку [Ренделя] — оголтелостью, очками и способностью, остановившись посередь зоны, мыслить, отрешаясь от всего земного. Но — в отличие от Ленки — он нахал: на второй день после приезда стал играть в бильярд с бильярдной элитой. Мы сразу зауважали его; правда, удивились его несколько эксцентричной манере держать кий. Впрочем, все выяснилось очень скоро: до сих пор Юра играл только в китайский бильярд, с гвоздиками, помните, у нас был такой? Алик же чисто-сердечно признался, что ни разу в жизни не играл — и все ему помогали советами, а противник оставлял для него подставки. Еще они играют в волейбол, очень по-разному (одинаково не умея): Алик кидается, не щадя костей, спасать; Юра лупит что есть силы, кулаком. Похоже?

Лар, неужели во всей Москве нельзя найти приличного дантиста? Я уверен, что Слава Геврич, который диплома не имеет (он кончил четыре курса стоматологического факультета в Киевском медицинском и ничем, кроме стоматологии, не хочет заниматься), даст сто очков вперед любому дипломированному. Правда, у него три года сплошной практики, без всяких лекций — за эти три года он, конечно, здорово насобачился. Конечно, он предпочел бы заканчивать образование на Украине; но он человек трезвый, умеющий подчиняться обстоятельствам*. А еще у него потрясающие усы и голубые глаза. Вообще парень что надо. Ему сейчас 31 год, так что он может еще поступать.

Маришке знать надлежит, что письма она пишет очень хорошие, такие, как она сама: милые, интересные и бестолковые — а что может быть лучше письма, за которым виден автор? Разве что сам автор. Стихи, которые она мне прислала, я, как ни странно, совсем не знал. Не понравились мне они. Вранье все — на этот раз он [С.Г.Хмельницкий] не проговорился о себе, как обычно проговари-

вался в стихах. Рассказали мне, что и в его любимой Средней Азии ему плохо. Эх, я бы ему помог, если бы он захотел выслушать мой совет. «Оправдаться есть возможность, да не спросит (он — меня) — вот беда!»* А всего-то делов — перепрыгнуть через некий психологический барьер*. Это, впрочем, не только к нему относится, а и к тем, чье поведение определяется выражением, недавно услышанным мною: «сочувствие исподтишка». Оно конечно, этих исподтишковых тоже понимать надо: ходят, озираются — а не подойдут ли к ним, не спросят ли отеческим голосом: «Не вы ли это давеча хвалили песни Галича? Пройдемте...»

| 22/V/68

Легкомысленный Алик улыбается — некстати и не так, что и было поставлено ему на вид. Ну что с ним делать? Уголовник. Улыбается — и все тут. А Юра не улыбается, Юра — человек серьезный, у него язва, и сам — язва. Слава богу, что регламентация мимики касается только улыбок, а то бы Юре несдобровать. Кажется, у Белля есть такой рассказ?

Маришка пишет, что у Петрова новые работы. Интересно, в каком жанре? Сходить бы ей (Маришке то есть) к Петрову, разглядеть бы да рассказать мне. А то ведь сам Петров о моем всегдашнем интересе к железкам, деревяшкам и картинкам, видно, забыл начисто. Жаль, конечно, но что сделаешь? В общем-то, я так и не понимаю, за что я впал в немилость у некоторых милых мне людей*. Ларка все твердит: «Приедешь — сам разберешься». Нет, не стану я разбираться. Все неприятности, какие я мог сделать людям, я сделал до сентября 1965 года. И кажется, никто меня анафеме не предавал. Судить же меня за то, что происходило и происходит без меня, — что-то уж больно это напоминает юридическую практику последних лет. Очень мне это обидно, и я пытался, и не раз, что-то сделать, но безуспешно. Ладно, перебуюсь.

Юне за письмо и добрые слова — спасибо. И за намерение показать мне «Записки сумасшедшего»*. У меня ведь с этой вещью связаны людиновские воспоминания. Ларка помнит, наверно: когда она и я делали гоголевский спектакль* (сборная солянка), я в «немых сценах» изображал Поприщина. По-моему, я имел успех; во всяком случае, мальчишки потом свистели мне вслед и орали: «Эй, записки сумасшедшего!»

Юна спрашивает, пишется ли мне. Нет, не пишется. И уже давно. О причинах этой мертвой полосы я уже рассказывал, неохота повторяться. А стихи — увы, я очень хорошо понимаю, что в интересе, про-

являемом к моим стихам, слишком много приходится на долю автора, его положения и состояния. Меня миновало счастье создать вещь, которая существовала бы для читателя отдельно и независимо от меня. Я даже не могу утешаться тем, что, мол, создал себя вместе, одновременно, со своими прозой и стихами, — все это происходило, как я сейчас вспоминаю, как-то помимо меня, вернее, сквозь меня, мною. А сейчас я немножко повзрослел (пора уж на 5-м десятке!) и поэтому уже не гожусь в инструменты.

Юна пишет, что ждущих меня — много. Это меня и радует, и пугает. Точнее, пугает меня одна категория ждущих — люди, знавшие меня, но не близко. Те, которые меня совсем не знали, но сочувствуют и ждут, — для тех я просто некая модель, возможный (предсказуемый) вариант их собственной судьбы; те, кто знал близко, — для тех я годился и «дособытийный»; а вот те люди, которые знали чуть-чуть, как Юна, — тех я очень боюсь разочаровать: ведь нет же ни фиги такого, о чем стоит говорить всерьез, т.е. серьезнее, чем о любом другом сегодняшнем моем товарище. Право же, я не кокетничаю. Я понимаю (в особенности сейчас), что все это значит, и не приуменьшаю значение всего этого*. Но я-то, я — к этому имею весьма косвенное отношение. Ведь всё — без меня и помимо меня. А милые, талантливые и умные люди собираются делиться со мною всякими дорогими для них вещами, не догадываясь, что я попросту могу и не оценить эти вещи — по недостатку вкуса, по отсутствию интереса, по малограмотности. Я ведь к столькому равнодушен: к классическому балету, к Кафке, к абстрактной живописи, к серьезной музыке, к матлингвистике, генетике и социологии. К разведению кроликов и футболу. Правда, я не равнодушен (неравнодушен!) к самим людям...

| 25/V/68

Салюты, фейерверки и ликующие толпы на улицах и площадях родимой зоны: вчера торжественно прибыла троица из Саранска*. Зачем их отрывали от любимых рукавиц — так и непонятно. В общем, как сказал поэт: «До мая пропотели...»* Приехали обросшие. Какое удивительное зрелище — Мошков с шевелюрой! В этом есть что-то даже противоестественное. Ну со вчерашнего дня идет лихорадочный, взалхлеб, обмен информацией. Мальчики, надо сказать, привезли тоже довольно любопытные новости*. Так что только и слышно: «Да ну?!», «Братцы, что ж это делается?», «Вот это да!», «А что же дальше?» Они здоровы и веселы.

Читаю последнее время мало. Успел, однако, просмотреть последние номера «Иностр. лит-ры» (я стал получать свою подписку). Читал блистательную хреновину Олдриджа. Бог мой, ведь это он написал «Охотника» — на мой вкус, превосходную вещь. Впрочем, может, канадцы так же подпрыгивают, читая «Охотника», как я при чтении «Сына земли чужой»? А мне-то казалось, что времена откровений á la Фейхтвангер давно прошли. Ах, нам бы этого самого Джеймса на часок беседы! Мы бы ему объяснили, что за ягода — клюква и почему она вырастает развесистая.

Вчера получил книжку «Зарубежная поэзия в русских переводах», от Майи Злобиной; еще не успел заглянуть — утащили. А несколько дней назад была открыточка от Гали Севрук, из Киева.

Погода стоит — сволочь. Дождь, холодина, снова влезли в сапоги и бушлаты, напялили теплое белье. Все ругаются почем зря. Только Виктор [Калниньш], простуженный, гриппозный, укутанный, хорохорится: «Прибалтийская погодка! Очень хорошо». Отделились бы они, что ли, со своей национальной погодкой вместе.

| 27/V/68

Письмо из Харькова, от Оли Кучеренко. Я не знаю, какое было первое письмо, которого она почему-то стыдится, — я его не получал; но это письмо — прелесть. Так и повеяло на меня харьковским теплом. И умница: очень точно, по-моему, определила характер отношения ко мне всех вместе и каждого порознь. Я и сам это чувствовал, но — помалкивал. И очень хорошо я представил себе по ее описанию всю шаругу под Харьковом, и Марка [Богославского], выдающего тексты не для рафинированных ушей, кривящего рот, и ее самое, после возвращения, перед зеркалом, с шалыми глазами...

Без трех десять, сейчас погасят свет. А хотелось поплакаться, поскулить. Придется отложить до завтра — хотя завтра может и расхотеться. Некогда писать — треп, треп бесконечный. Алик каждый день понемножку выдает старые новости* — и я каждый раз обалдеваю.

| 28/V/68

Да, так вот: скулить я собирался на тему «Побочные эффекты цивилизации». Места, подобные тому, в котором я нахожусь, как известно, изобретены не вчера и даже не позавчера. Но вот две

тыщи лет назад тогдашних «временно изолированных от общества» не расстраивали художественной литературой, кинофильмами, радио и пр. культуркой. Я, конечно, вовсе не ратую за то, чтобы мы были всего этого лишены; но, черт побери, какой контраст: экран — и зал, музыка из репродуктора — и звон рельса, стихи из со вкусом оформленной книжицы — и монотонные императивы, ежедневно повторяемые... Чудесные письма, которые я получаю, — и унылый, нелюдской бред. Впрочем, я уже писал об этом — с рифмами*. Должно быть, приезд Юры и Алика так меня растревожил.

| 29/V/68

Почта: два письма и открытка твои, Ларик, — палаточные; и письмо — большое-пребольшое от Ирины Глинки. Ух, как я люблю толстые письма!

Очень здорово, что ты, Ларка, попаслась немножко на травке. А чем вы там с Кирюхой питались? Не лягушками же, надеюсь? А эти мальчики, что тебя провожали*, — свиньи: могли бы хоть вещички поднести. Нет, раньше они, по твоим же рассказам, были галантнее.

А житье на «натуре» — это, конечно, очень приятно. Но я бы не смог — из-за комаров, уж больно они, паразиты, кусаются. В этом году их здесь немного, из-за холодов, что ли. И к тому же Алик — деятельная натура! — пошил всем накомарники. (Кстати, почему «накомарники»? Набрюшники — на брюхо, намордники — на морды, наручники — на руки, а накомарники — не на комаров же?)

А еще почему я предпочел бы сейчас не лоно природы, а город — потому, что немножко соскучился по комфорту: по водопроводу, по удобной мебели, по регулируемому освещению и прочей второстепенной чепухе.

| 30/V/68

Кажется мне, что когда до нашего нутра доходят какие-то ставшие уже отвергнутыми штампами выражения типа «волшебство», «пленительный», «чарующий», т.е. когда мы — вдруг! — начинаем понимать их первоначальный смысл, когда «светящиеся гроздья сирени» — вдруг! — оказываются единственно найденными словами, — то это совсем не «вдруг». И дело, очевидно, не в ракурсе, не в «хорошей архитектуре», не в освещении и, наверное, даже не в настрое-

нии. Дело, я думаю, во взрослости, в том многолетнем грузе, которым с годами мы заменяем нашу душевную торопливость. Процесс этот идет непреложно, неотвратно. Конечно, грустно, что мы взрослеем; но есть в этом и радость со-чувствия нашим наивным и старомодным, даже простоватым предкам. Они не боялись красивых слов, а ведь красивое — всегда правда. Даже если выдуманно. Прошу прощения, я не собирался разговаривать афоризмами... Я, разумеется, говорю сейчас о поэзии. Где-то я читал, что за туманными, дымчатыми, неправдоподобными пейзажами ранней лирики Блока всегда была конкретная правда: такое-то село, такой-то лес, луг, дорога.

А слово «декаданс» я в связи с этими выражениями не употреблял бы вовсе: как-то я не понимаю, что это за зверь такой — декаданс. Хорошие стихи, плохие стихи — это мне как-то понятнее. Время же, период жизни таких выражений в поэзии — помнится мне, от начала ее до наших дней.

Вся эта напыщенная тирада — ответ на Иринины мысли, возникшие у нее в фойе Дома ученых. «Шероховатости стиля»? О чем Ирина говорит? О своих разветвленных и многоэтажных синтаксических конструкциях? Но они же не нарочиты, а разговорны. Я уже говорил, что ее манера писать схожа с ее манерой говорить и держаться.

Завидно: Юра [Левин] в Эстонию ездит, Ирина — в Латвию. Впрочем, пока эта семейка знакомится со странами, я знакомлюсь с жителями этих стран — не с худшими!

| 31/V/68

Вняли мы твоему совету, Ларка, и посмотрели майскую подшивку «Сов. России»*. Бац! Горбовскому по шее: «Не оглядывайся на сзади идущих!» Бац! Яблонскому по уху: «Не ту ногу чешете, тов. Яблонский!» Правильно, лес рубят — отщепенцы летят. Особенно хороша статейка о Горбовском, написанная в жанре, столь точно определенном когда-то Комой*. (Я надеюсь, он простит мне мою фамильярность?)

Все-таки со мною творится что-то неладное. Вот помянул сейчас Кому — и помянул, так сказать, «на равных». И тут же спохватился: а по какому, собственно, праву?* Я чувствую себя самозванцем, я принимаю знаки внимания, на которое уже не имею права. Я уже ничего, кроме рукавиц, не делаю, живу на ренту. «Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех»*. Ну хорошо, еще два года я буду, кривя душой, ссылаться на «объективные причины». А что потом, а

что потом?.. * Этот мой скулеж не результат дурного настроения, не временное. Я об этом думаю не переставая уже два года. И если раньше я лишь вздыхал втихаря, то теперь, когда «тысячи биноклей на оси»*, когда самый характер отношения ко мне — по сути своей требование, неременная уверенность и в профессиональных моих возможностях, — теперь мне приходится очень несладко. И ведь я даже не могу попробовать, годен ли я на что-нибудь... Устал я от этой неопределенности — слов нет. Знать бы наверняка — сказал бы: «Так, мол, и так (и растак), вернусь — буду учиться играть в преферанс, а больше ничего не будет». Нужен же я хоть кому-то — просто так, как раньше? Ладно, хватит об этом.

Бен ушел на свидание. Сколько суток — пока мы не знаем. Хоть бы завтра току не было — есть такое предположение — у них получились бы нормальные сутки.

А подтверждения о моих письмах все нет и нет. А отосланы они были примерно 4/V и 12/V. И писать поэтому трудно: ведь пишешь, рассчитывая, что что-то уже сообщил, что-то уже вам известно. А квитанцию мне дали всего одну, от 22/V, непонятно за которое письмо. Они, впрочем, здесь и сами не знают. Ларик, а что если я вообще перестану писать письма? Сил больше нет, нервов не хватает выносить этот бардак.

I 1/VI/68

Быстро кончились сутки свидания у Валерия — часов 12–13!* Ах, если бы нам наш срок отмеряли такими сутками, какими отмеряют свидания! Но все-таки они повидались — больше года ведь не встречались. И мне откололось: приветы от вас, сообщение о вашем здравии и благополучии, рассказ о Тошкиной [А.Якобсона] лихости. А я-то позавчера, «справляя» день рождения Ирины [Глинки], занес его в список гостей. А он, оказывается, шастает по белу свету.

Слушайте, мне до чертиков обидно не получать его писем. Я знаю, что он пишет мне; а пусть-ка он попробует поставить опыт: напишет мне на тему «хороши весной в саду цветочки» — и ничего более. Это просто интересно выяснить, в чем же, собственно, дело, почему к нему такое особое отношение...

Целый день, сидя за машиной, я думаю о ваших письмах и о письмах к вам: вот на то-то надо ответить, то-то надо написать. Возвращаюсь с работы, то да се, ужин, проверка, чтение, болтовня — улечиваются из головы и приготовленные фразы, и облюбленные темы. Беда да и только.

Юра ушел на свидание. Надеюсь, что хоть лекарства ему отдадут. А впрочем, кто знает, какой у кого очередной заскок будет. Смешно, но приходится всерьез размышлять о настроении и поведении разных одноклеточных. Здесь много людей — и неплохих, и неглупых, — которым этот микромир заслонил все остальное. Оно, конечно, легко мне иронизировать свысока, когда у меня-то за плечами сорок лет достаточно занятой жизни и всего около трех — лагерного быта. И то диву даешься, когда видишь вокруг себя таких, которые долгие-долгие годы здесь, а не опустились, не растаяли, как медуза на солнце. И выдержка их — не в бритве через день, не в начищенных сапогах, а в занятиях языками, высшей математикой и т.д.

Кстати, в этом письме я по просьбе одного из здешних знакомых задам несколько вопросов. Он в свое время окончил курсы военфельдшеров (травматологов-массажистов), затем четыре года занимался полевой хирургией в довольно примитивных условиях, а затем периодически допускался к медицинской (фельдшерской) деятельности и отлучался от нее. Влюблен он в медицину без памяти, выписывает и получает целую уйму всякой специальной литературы. Зовут его Дмитрий Кузьмич Верхоляк. Размером он со славянский шкаф дореволюционного изготовления, и усы у него именно такие, какие я на днях сбрил с себя к чертовой матери: рыжие и торчат в разные стороны. Если найдется (как было обещано) добрая медицинская душа и скажет что-нибудь профессиональное в ответ на его проблемы, то это будет добро и хорошо: веселого у него в жизни мало и предвидится, как я думаю, не больше*.

Свидания пошли косяком (да, сегодня уже 2/VI). Юра еще беседует с Ольгой [Тимофеевой], а уже приехали к Алику и к Мих. Мих. Сороке. Очевидно, последуют дополнения и уточнения к новостям, привезенным Ириной Ронкиной. Не смешно ли, что я пишу все это? Ведь узнаете вы обо всем значительно раньше, чем придет это письмо.

Сегодня воскресенье, день наконец-то теплый, сижу на скамеечке возле барака, на крылечке поют украинцы, щелкают шары бильярдные. Комарья мало — идиллия. Ласточки повизгивают, носятся. Устроили себе, дурехи, гнезда на бараках, другого места не нашли. Нынче были уже и бильярд, и волейбол, и кофе, и треп — и что-то мне все это поднадоело. Лечь бы спать, да негде: сегодня койки меняли — старые увезли, а новых не хватило, обычное плановое хозяйство...

Письмо это получилось, кажется, самым скулежным из всех, написанных мною. Ну да ладно, авось что-нибудь переменится.

Угнетает меня то, что я не знаю, дошли ли мои письма. Пожалуйста, не забывайте подтверждать, когда получаете.

Так вот, интересует моего медицинского знакомого следующее:

1. Мнение специалиста о таком методе лечения язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки: препараты бромистого натрия 10% раствора, чередуемые 1/2% новокаина (внутривенные вливания); курс лечения — 20 дней; одновременно — подкожные инъекции V_1 и V_{12} (по 200–500). Этот метод более, чем другие, оправдал себя в наших условиях.

2. Губергриц А. «Неотложная терапия при острых состояниях в клинике внутренних болезней». Стоит ли искать эту книгу, пригодится ли она в наших условиях?

3. Абдулина А.С. «Лечебная физкультура при сердечно-сосудистых заболеваниях». Стоит ли ее искать, и если да, то есть ли возможность достать эту книгу?

4. Лечение гастритов — анацидного, гиноцидного, нормоцидного, язвенной болезни (исключая острый период): ржаной хлеб, накрошенный в 1/2 или 1-литровый сосуд, заливается теплой водой, добавляется 10–12 штук конфет «Подушечка», первый раз заквашивается хлебным квасом; выдерживается 8–12 часов (не более!). Принимается два-три раза в сутки, 1/2 литра — 1 литр каждый раз. Эффект: лучший заменитель соды; улучшает аппетит, способствует пищеварению, усиливает перистальтику кишечника (особенно эффективен при запорах), усиливает диурез при общих и периферических отеках. По наблюдениям, больные быстро поправляются и прибавляют в весе. Желательно было бы проверить этот метод в нормальных условиях (произвести лабораторные исследования и пр.).

Вот пока все. Ответить можно мне, а еще лучше — прямо вопрошающему. Как вы понимаете, я не знаю, грамотно ли то, что здесь написано, и каковы научные познания автора этих вопросов. (Единственное, что я знаю, это то, что он блистательно делает вливания — это он колол Бена.) Но профессиональные ответы, серьезное и уважительное отношение были бы для него большой радостью. А их у нас (у него в особенности) не так уж густо.

13/VI/68

Сегодняшняя почта меня обошла, ждаль я не буду и отправлю это письмо сегодня. Если и это письмо не дойдет (два дня назад вы еще моих майских писем не получили — это мне известно), я устрою грандиозный тарарам. Если меня хотят этим — кражей писем — спровоцировать, я сознательно поддамся этой провокации.

Будьте здоровы, милые, целую вас.

А насчет того, что к Алику приехали, — это мы ошиблись.

Ольге [Тимофеевой] и Арише [Жолковской] — мои приветы.

Везет же нам, отщепенцам, — какие у нас у всех жены замечательные! И друзья — тоже... Оля в письме к Юре сомневается, удобно ли мне, незнакомому, передавать приветы; объясните ей, пожалуйста, что меня даже поцеловать можно.

Настроение у меня еще десять минут назад было кладбищенское; но прибежал Алик, притащил Олино письмо с такими милыми строчками о тебе, Лар, и обо мне — и как-то отлегло. Настолько, что теперь я даже могу подписаться по-человечески.

Если хотят, чтобы я в письмах не посылал стихи (а в 1-м майском я послал два коротеньких стихотворения), пусть скажут прямо — это сэкономит нервы и мне, и им. Объясните это, если будет случай.

Ю.

Главное, что обидно: я позабыл, что в каких письмах я писал; точно знаю, что в последнем я поздравлял Ирину [Глинку] с днем рождения, долго поздравлял и много. Еще раз поздравляю ее и целую.

Пришлите, пожалуйста, зубную пасту, очки от солнца и книжки, что я просил в прошлых письмах: «Укр. искусство», Баграмян и др., вот такой бумаги, канифоль и подщечник для скрипки...

Куць.

19/VI/68

Вот уже несколько дней хожу и терзаюсь по поводу последнего своего письма. Очень уж оно было плаксивым, даже сопливым — в общем-то такие состояния у меня редки, и не стоило фиксировать их. Все от несдержанности, от неумения выждать: захотелось в этот момент выругаться — ругаюсь, захотелось обрыдать ваши жилетки — рыдаю. А вот прошла малая толика времени — и все опять в порядке. Тем более, что тепло, даже жарко, и я блаженствую. В прошлой жизни я был, наверное, каким-нибудь низшим организмом, нормально функционирующим только при теплой погоде. И еще у меня причина для хорошего настроения: я начал седеть! Этакая «благородная седина», классическая, на висках, в лучшем кагановском стиле*. Очень уж я боялся, минуя эту стадию, стать лысым. А теперь все в порядке. Через два года, к моменту выхода, я буду вполне элегантной расцветки.

Получил еще одно письмо от Оли Кучеренко. Привет большой и ей, и Марку [Богославскому], и всем харьковчанам. Очень радует меня этот новый корреспондент: и тем, что новый, и тем, что пишет здорово, и тем, что именно она.

Твои письма, Ларик, и обрадовали, и опечалили. В одном — родился человек, в другом — умер*. Теперь я радуюсь и печалюсь не один: Алик [Гинзбург] знает и мать новорожденного, знал и Павла Ильича. Жаль старика. Хороший он был дядька. И трудно как-то представлять себе другого соседа. И не хочется.

Стихи из стенгазеты всем нам очень понравились. Конечно, присылай еще. Мы теперь, усаживаясь глотнуть шлюму с хлебом, намазанным солидолом (а может, это пушечная смазка, не знаю точно — в прейскуранте ларька это вещество непритязательно именуется «жиром»), — так вот, начиная застолье, мы провозглашаем: «На столе порядок и комфорт!» И насчет того, чтобы маме ходить на свидания, мы не против, только сомневаемся, как посмотрит на это папа... А может, этот поэт другие свидания имеет в виду?

Юра уехал на 3-й, в больницу*, продемонстрировать свои болячки. Мне кажется, что если у него наладится с брюхом, то и все остальное в порядке будет: вы бы видели, как он мил, весел и остроумен, когда его не мучит язва, даже лицо становится детским и очень располагающим к себе.

Вообще, я очень рад, что эти двое оказались такими хорошими парнями. В Алике — по первым моим впечатлениям — редкое соче-

тание серьезы и легкосты. И безошибочное умение (инстинкт?) найти нужный тон с самой разношерстной публикой.

Я не повторяю просьбы из моих предыдущих писем: я еще надеюсь, что письма, может быть, дойдут до вас. Но вот просьба ко всем: фотографии! Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои! Мне ведь без вас еще два года быть. А это все-таки очень трудно. И фото — это не иллюзия общения, а одностороннее общение. И уж во всяком случае — «предвкушение будущего», по счастливому выражению Ирины Г[линки]. И касается эта просьба не только тех, чьих фотоморд у меня совсем нет, а и всех остальных тоже.

А еще, Ларик, ты привозила книжку Белова и обещала прислать ее.

А что я сейчас буду читать? А буду я читать «О храбрых, нежных и влюбленных», книжицу, где имеются имена И.Кудрявцевой и А.Якобсона*. И пусть Ире и Тошке будет стыдно: я получил книжку не в бандероли от авторов, а из рук Бена [Ронкина], и если бы не его памятьливость на слышанные имена, я бы так ничего и не узнал о литературных подвигах моих «храбрых и нежных»...

| 11/VI/68

А кто, собственно, сказал, что я должен писать здесь непременно законченное и образцовое (в смысле жанра) произведение? И непременно на местные темы? Вовсе это и необязательно. Пианисты ведь работают не только во время концерта. И я даже слышал, что, когда у них нет инструмента, они упражняют пальцы на чем попало: на краю стола, например. Я тоже не могу дать концерт, даже камерный* (письма мои, очевидно, и впредь вы получать не будете — это последняя попытка). Ну что ж, я буду разыгрывать гаммы — совершенно невинного свойства: скажем, о том, как выглядит пыль на разных предметах. Или о том, какие улицы я буду смотреть по возвращении в Москву. А пропадут записи, ну и черт с ними.

| 18/VI/68

Сегодня, наконец-то, получил телеграмму о благополучном прибытии моего июньского письма, два письма (№ 1 и № 2) от тебя, Лар, и еще одно от Оли [Кучеренко].

О пропавших майских письмах я имел весьма серьезную беседу с тем лицом, коему об этом знать надлежит (и не только о письмах —

например, о неразборчивости моего семейства в выборе друзей*); так вот, обещали «разобраться». Я тоже думаю, что лучше разобраться, чтобы мне не пришлось искать окольные пути для корреспонденции...

Санька — лопух. Это надо же — в филатовской кофте сдать геометрию на тройку!* А что сочинение на «5» написал — ничего тут хорошего нет: я тоже в свое время получал «отлично» за сочинения — и к чему это привело? Кажется, именно в пропавших письмах я просил передать Ленке и Нэле [Ренделям] наши приветы и поздравления? Я там, кстати, многие закидоны делал: насчет маек и трусов (майки — поярче, а трусы — поменьше), насчет вот такой бумаги для писем (эту я выканючил у Яна [Капициньша]), насчет зубной пасты (второй тюбик пошел на галансковские зубья).

Сейчас и не вспомнишь, о чем я писал в мае. Там были и отчеты о полученных письмах, и впечатления от новоприбывших, и быт, и бильярдно-волейбольные отчеты. Да, еще в 1-м майском письме были стихи — два коротеньких стихотворения, которые вместе со стихом о письме были бы циклом*. Стихи, кстати, совершенно невинного свойства.

I 19/VI/68

Это очень хорошо, даже очень хорошо — что вы спокойно относитесь к Санькиным перспективам. Я так думаю, что тебе, Санька, в недалеком будущем понадобится весь твой запас выдержки и чувства юмора*.

Мне он (запас) пригодился вчера, когда Алик процитировал (из полученного письма) рефрен песенки моего тезки: «Эх, раз, еще раз...»*. Ох, уж эти мне вокалисты-оптимисты!

Да, еще в тех письмах были мои восторженные ахи о песнях Галича. «Хорошо поет, собака, убедительно поет!»* И о «Байкале»*. А «Новые миры» (три штуки) меня разочаровали. Разве что Гранин о «Медном всаднике»* написал зело борзо. Разрекламированная Леничкой статья об американской интеллигенции*, может, и в самом деле хороша; но, бог мой, как мне уже надоело все это: американская интеллигенция, итальянское искусство определенного периода*, китайское администрирование* и прочая, и прочая. Берешь журнал в руки, читаешь — ну прямо тебе «Почта духов», «Трутень» или еще что-нибудь из моего разлюбезного XVIII века*. Причем у авторов тогдашних было значительное преимущество: они не должны были писать правдоподобно о Китае, Персии или Турции и поэтому никого не вводили в заблуждение.

Сегодня у меня прямо наводнение бандерольное — 7 штук: «Ист. укр. иск-ва» — 3 тома, от Ивана [Светличного], «Дознание» Вейса от Майи [Злобиной], две бандероли от тебя, Лар, и фотографии работ Гали Севрук и ее собственная. Когда я просил «Ист. укр. искусства», я как-то забыл сказать, что это не мне во владение, а такому длинно-длинному парню — Роману Гурному*. Он славный хлопец, и глаза у него совершенно чертячи. Так вот, он чуть не плакал от радости и произнес всякие взახлебные слова про тебя, Ларик, и Ивана. Ну и мне тоже перепало. А все его компатриоты ходят вокруг книг, как коты вокруг сала, и завидуют черной завистью. И уже поругались, кому первому читать и рассматривать. А когда увидели у меня в руках фото Галиных работ, то еще издали, через весь барак, узнали: «Севрук!» — и, собравшись в кружок, обсуждали и комментировали — со знанием дела.

Вот, значит. Получил я эти бандероли — целиком и полностью, а тут — от Марленки [Рахлиной] фотография прелести необыкновенной и письмо — грустненькое. И по тону, и по содержанию. Никак я этого в толк не возьму — чего это все так рассобачились, чего это водку жрут без меры и удержу? И добро бы вместе с работой, а то — вместо. И чем попадать туда, куда Борька Шрагин, лучше уж сюда. И Марленка совершенно права: все это питание и треп создают видимость интеллектуального общения. Тьфу, прости господи! Братцы, неужто я так же вел себя? Пил я изрядно и с отменным удовольствием, но ведь и работал же! Так мне, по крайней мере, вспоминается.

Что за удовольствие было смотреть работы Гали, и не только потому, что они действительно очень хороши, а еще и потому, что чувствуешь: вот человек работает, а не пивные слюни распускает... Алик аж взвыл, когда увидел фото: «Я, говорит, коллекционер; у меня, говорит, подлинники есть; я, говорит, Виктора Платоныча [Некрасова] попрошу, чтобы тот у Гали что-нибудь для меня выпросил!» Каков нахал, а? Я веду со скульптором переписку на присущем ей языке и то не решаюсь попросить (хоть и очень хочется!), а тут этот дважды судимый* высказывает.

К слову, о нем. Через неделю-полторы Алик начнет давать норму на работе, оказался жутким работягой и умельцем. От машинки его приходится буквально отдираать по частям, он сросся с нею, за что и получил прозвище — «кентавр». И есть идея поить его исключительно машинным маслом.

Скажите его маме и Арише [Жолковской], что он в полном порядке, всегда весел, общителен и все к нему очень хорошо относятся. Я говорю не только о нашей шараге, а обо всех коллегах. Со всеми он накоротке; вернее, все чувствуют себя с ним накоротке.

Странно — возраст, что ли? — я этого уже не хочу и не допускаю. И заставлять людей выдерживать дистанцию удастся мне без труда и без обид и недоумений.

Позавчера отметили день рождения Юры [Галанскова] — без Юры. Вероятно, он скоро приедет.

Оле скажите, что она умница и права, когда боится истериков, людей с душевной расхристанностью, без внутренней арматуры, что ли. Конечно, могут предать. И предают. Странно, что этого, очевидно, не видят такие нравственно здоровые люди, как Фима [Захаров], Люка [Филатова]. А Марленка, Марк [Богославский], Кадик [Филатов], Лешка [Пугачев] и не могут увидеть: им экзотика характера глаза застит*. А в общем — ну его к черту!

| 21/VI/68

Ларонька, твое письмо № 3, с репродукциями картинок Петрова. Алик радостно закричал, увидев: «Эту я видел!» Так что действительно уже старые картинки. Слушай-слушай: а можно, чтобы всегда были такие письма — чтобы по порядку о том, что я спрашиваю или говорю? А потом (или раньше) — самодеятельность. Я уже писал, кажется, что очень трудно, когда повисает в воздухе то, что пишешь.

Да, конечно, то письмо мое было хреновенькое. Больше не буду, это «Так. Укус крокодила» (Сельвинский). Или «А это так — со всяким может быть» (Кнут)*. Сегодня Валерий признался, что, когда мы были с ним сам-два*, он пытался меня «выкачать» на стихи, заставить повториться — и не вышло. Вот я какой нафаршированный!

Странно тихая идет жизнь, непривычно мирная. Потихоньку идет работа (и Работа — тоже), чуточку чтения, чуточку разговоров, чуточку кофе, чуточку волейбола (кстати, когда я пишу о волейболе, не воображайте, пожалуйста, что я и в самом деле умею играть. Оля Кучеренко, увидев меня на площадке, мгновенно бы меня запрезирала — она же волейболистка взаправдашняя. Просто очень здорово попрыгать, поразмяться. И хорошо, если игра не всерьез или командочка подбирается á la сволочь Петра Амьенского*). Настроение умиротворенное — от жаркой погоды, должно быть. А раздражают вещи настолько постоянные, что я уже привык к этому раздражению, вроде бы и не мешает. Понятно? Или не очень? Ну вот,

например. Меня злит, что видимые нам группы деревьев всегда (полтора года!) одного и того же рисунка. Я ведь точно знаю, что пройди я метров на пятьсот правее или левее — и очертания изменятся. Или что красное пятно одной из крыш поселка всегда в одном месте. С жиру бешусь?

Подошел Ян, мы с ним потрепались на нашем немецком языке обо всем понемножку, даже о керамике, он велел кланяться тебе, Лар, и всем друзьям и отчалил к своим моделям (или макетам?) кораблей.

| 22/VI/68

В этом твоём письме, Лар, нет ни слова о листочке для Наташки [Садомской], который я написал и вложил в последнее своё письмо. Дошел ли он?

Сборник фельетонов и пародий Паперного — это очень трудно достать?

| 24/VI/68

Как я рад, что Алику пишут довольно много и разные, это напоминает мне первые месяцы после приезда в Мордовию: каждое новое письмо — маслом по сердцу. И настроение этих писем Алику примерно то же, что и тех, ко мне. Эх, какую бы книжку можно было бы сделать из писем сюда! Увы, это неосуществимо; хотя бы потому, что большинство (и я в том числе) письма уничтожает.

Лар, пожалуйста, не казни меня за то, что я эту окаянную «стоматологию» написал неграмотно. Имею же я право на ошибки? На орфографические, разумеется.

Прочел «Нов. мир» № 4. Что-то не очень. Средненько. Симпатично. На улыбочку. Вот возьмусь-ка я лучше за книжку о Салтыкове-Щедрине. Хватит-похватит, и идейки какие-нибудь появятся. Такие вот мы инертные — толчок нужен. Только вот в каком направлении может толкнуть Щедрин? Оно конечно, нам Гоголи и Щедрины нужны... Кстати, о сатириках. Кто-нибудь смотрел недавнюю пьесу Михалкова, о которой была статейка в «Лит. газете»? Весьма любопытно. Хоть бы она продержалась на сцене до моего выхода: страсть как люблю дерьмо в натуральную величину.

В последнем твоём письме, Ларка, ни слова о Санькиных экзаменах. И о самочувствии Туськиного квартета*. И о квартирно-обменных мероприятиях. Без телефона — ни-ни!

Я хочу завтра отправить письмо и поэтому лихорадочно припоминаю все, что хотел написать. Наташу Г[орбаневскую] я уже поздравлял?

| 25/VI/68

Позавчера вечером и вчера справляли Янов день — это один из самых чтимых праздников в Прибалтике (Иван Купала — на Украине). У нас здесь всего один Ян — который наш. Мы ему подарили открытки и наговорили всяких хороших слов; а он сидел благодостный, побритый, в белой рубашке и все повторял: «Палдиес, палдиес...» Смотреть на него надо сбоку, фаса у него нет, один, вернее — два профиля. К сожалению, не было двух важнейших компонентов праздника: пива и костров. То есть костер-то мы могли бы устроить, но это стоило бы слишком дорого...

Милые мои, до свидания. Я что-то нынче устал, против обыкновения, от духоты, должно быть.

Я еще не знаю, вложу ли в конверт квитанции за майские письма. Если вложу — припишу.

Целую вас всех. Ю.

Чуть не забыл!! Получили ли вы очередной номер «Прометея»? Стая сорок принесла на хвостах, что он уже вышел. Это очень занятное издание, продолжайте, пожалуйста. Еще Фаюм мог бы прислать и свою с Маринкой книжку. В шестьдесят седьмом она, кажется, должна была появиться?*

Отправляю квитанции за майские письма.

п и с ь м о с о р о к п я т о е

| 30/VI/68

Вот и снова за письмо. На этот раз оно будет совсем коротеньким, отправлю его завтра-послезавтра, буду входить в график.

Весь остаток вчерашнего дня и весь сегодняшний я выслушивал комплименты тебе, Ларка: какая ты красивая, и как ты себя хорошо ведешь, и вообще какой ты молодец. Я важно кивал головой, соглашался: молодец, мол, красавица и примерного поведения...

Задали мне, конечно, сотню вопросов о Москве, о знакомых, о родичах. Что знал (что запомнил) — рассказал. В общем, нашим свиданием все довольны*. Посетовали, что не удались обоюдные подарки. Не беда, можно будет прислать.

А нынче — уже обычный воскресный день — с бильярдом, волейболом, кофе и добавочным сном. Да, еще была музыка — некто Ваня Струтинский* играл на скрипке. Вы представляете себе, что такое посредственная игра на скрипке!! Ему бы не изменять своему аккордеону. Высокие ноты просто невозможно было слушать. А вот когда он вместе с хором играет — тогда совсем другое дело. С хором у него удивительная слаженность.

Совсем другими были музыканты на 11-м — преимущественно гитаристы-латыши. Все они увлекались самоновейшими музыкальными веяниями. Книжечками о контрапунктах почти не интересовались, а предпочитали современные пластинки...

Еще раз о письмах, полученных после отправки моего последнего письма: от Лени [Ренделя], от Ирины Г[линки], открытка от тебя, Лар. И еще — уже довольно давно — была веселенькая открыточка от Борьки Золотаревского.

Ты, конечно, не успела рассмотреть, как называлась яхта? «Larisa». И уже почти закончена «Irena», и на очереди целая флотилия*.

I / VII / 68

Сегодня вдогонку за тобой пришло письмо № 5. С Воронельской историей и с ее великолепной концовкой: «Ах, сейчас не до науки!..»* Для меня всегда было предметом восхищения пребывание на научно-административных постах патентованных идиотов: как не понять, что сейчас именно «до науки», и желательно, чтобы «только до науки»! Как бы Келдыш не пробросался талантливыми учеными — прецеденты-то были, пора бы уметь вспоминать. Ну ладно, за Сашку я не беспокоюсь, его от науки не отставишь.

После нашего разговора, Ларик, после всех новостей (даже не столько новостей, сколько упоминаний имен с какими-нибудь хоть крохотными, но характерными штришками) — после всего этого я хожу, сижу, лежу совершенно счастливый. Ей-богу, кажется, что со всеми пообщался, поговорил, расцеловался. Все вспоминаю и вспоминаю подробности разговора и время от времени воплю: «Эй, банда, сюда! А знаете, как Санька обществоведение сдавал?» Или: «Алик, велено сказать, что ваш Пашка [Литвинов] по-прежнему рыжий и толстый...» Или: «Ленька [Рендель] работает на фаянсовом заводе!»* — «Ах!» — «Не волнуйтесь, ему только глину доверяют...»

| 4/VII/68

Ну вот я дождался бандеролей и теперь могу дать отчет. Книга о Мейерхольде (от неизвестного отправителя), «Байкал», книжечка американского фантаста, два номера «Катеров и яхт» (Ян [Капицынш] в совершеннейшем восторге, твердит: «Прима! Люкс!» — по-моему, не столько о журналах, сколько об Ирине), бумага, конверты, эти самые хреновинки для скрипки — короче, все полностью. Спасибо!

Второй день работаю один — Бен [Ронкин] прихворнул. У него, по заключению наблюдателей, «синдром Даниэля»: постоянная сонливость, зверский аппетит и непреодолимое отвращение к шитью рукавиц.

Сейчас мы отужинали и ждем — на сегодня обещан лектор-международник и, кажется, кино. Что ж, прослушаем-посмотрим.

Я заканчиваю, братцы. Писать больше вроде не о чем, выложил-ся на свидании.

Малыш, прими мои поздравления! Если учесть всю нервотрепку последних трех лет, ты неплохо справился с этим самым средним образованием. И как говорит твой дед [И.А.Богораз], — «Мужайся, худшее впереди!»

Не сердчайте, милые, за бестолковость и обрывочность письма. Вот уж поднакоплю мысль — и ахну длинное и умное письмо.

По зоне гарцуют два прелестных толстопузых котенка — Мишка и Катька, Муськины дети. А как зовут наш квартет — «новых кошек»?

Всем зверикам и человекам — пламенный привет! Ю.

P.S. Очень нам интересно знать: каков-то будет 3-й номер «Байкала»...*

Всем от всех — поклон и любовь.

А у Яна 10 июля — день рождения (!)

Ларка, не забывай гладить Кэриньку!

п и с ь м о с о р о к ш е с т о е

| 6/VII/68

Добрый день, мои милые!

Не можете ли вы мне объяснить, что я буду делать, когда выберусь отсюда и писать вам письма будет, я бы сказал, слишком уж оригинально? А ведь дурные привычки, как известно, изживаются с трудом. И буду я сидеть грустный-грустный, буду почесывать в затылке и думать: «А кому бы это и про чего бы это письмишко накарять?»

Вернулся с 3-го Юра [Галансков], обросший бородой, вид совершенно пиратский. Он (Юра, а не вид) — веселый, забиячий; говорит, что чувствует себя вполне сносно, даже хорошо, хоть и похудел несколько. Так что вся компашка опять в сборе.

А про чего вам рассказать, любезные мои дамы и уважаемые господа? Хотите, расскажу вам, для примера, сегодняшний день? Впрочем, хотите — не хотите, а читать-то все одно придется.

Ну вот. Проснулся я где-то без четверти шесть; но притворился (перед собою), что еще сплю. Притворяться было трудно: часов с пяти примерно муравейник зашевелился, всякие неработающие инвалиды зашуршали, зашелестели, зазвякали. Они вообще издают великое множество звуков, начиная от вполне естественных (даже слишком естественных) и кончая фантастическими. Слыхали ль вы: а) как человек скрипит? б) трещит? в) попискивает? Все это без участия этого самого, как его — голосового аппарата, что ли. В 6.00 столица нашей Родины объявила общий подъем — заговорило радио. Ну, всякие умывания, застилания и прочие водные процедуры. (Под этим последним термином я разумею не что-нибудь, а всего лишь завтрак.) В 7.00 на пороге появляется Алик [Гинзбург] и возглашает: «Ян [Капицыньш], Юлий, сахар!» Это значит, что ожидаются к утреннему кофе все упомянутые лица. Летом открыто кафе под названием «У веселого Балиса». Оно представляет собою длинную скамью, на одном конце которой ежеутренне сидит Балис Гаяускас и читает Герцена по-французски. Он сосредоточен, молчалив и на наши подначки не реагирует. Кофе он вообще не пьет. Не курит. Ни во что не играет. Штудирует французский и, кажется, математику. И так уже 21-й год... За всем тем — очень умный и симпатичный человек. Да, так вот. Ковши круговые, запенясь, шипят, мы глотаем кофе, и я наконец просыпаюсь. О чем же идет застольная беседа? В основном о том, отражается ли в языке психический склад нации. Рыжий [В.Калниньш] утверждает, что отражается, Бен [Ронкин] сомневается; распаленный Виктор со свойственным латышам хладнокровием и прямоотой орет, что Бен — вульгарный социолог. Я с этим соглашаюсь, но добавляю, что Борода [Калниньш] — вульгарный психолог. Это в высшей степени туманное заявление вызывает взрыв негодования обеих сторон. Я спасаюсь бегством в секцию — дочитывать Белинкова (остается еще 15 минут до звона курантов). Да, Белинков... С чувством глубокого удовлетворения прочитали мы в «Книжном обозрении», что издательство «Искусство» расторгло договор с лицом, ранее именовавшимся «Автором». В самом деле, это логический (он же — практический) вывод, который всякий разумный администратор должен был сделать, прочитав выпады вышеозначенного литератора.

А также ознакомившись со статьями под девизом «Ату его!» в «Литературной газете».

Звон! Стройными рядами, с пением «Не шей ты мне, матушка, красных рукавиц», мы отправляемся в рабочую зону. Истосковавшиеся за ночь швейные машинки принимают нас в свои объятия. «Рванем?» — спрашивает Валерий. «Рванем!» — бодро отвечаю я. «На 100%?» — спрашивает он же. «На них». После чего мы дружно закуриваем и устраиваемся на утреннем солнышке. Я тихо дремлю, а Валерка озирается по сторонам, ища, с кем бы поспорить о «самобытной самости» Гегеля, о сухом законе и его целесообразности, о парламентских дебатах в Гонолулу (если там есть парламент) и о том, зачем земля круглая. Потом мы все же вспоминаем, что живем в эпоху грандиозных космических свершений, нам становится стыдно, и мы идем шить. 9.10 — перекур. Борода читает небольшую лекцию по топонимике. Прилетает Сорока (не Мих.Мих., а Степа)*, приносит на хвосте очередную гипотезу: вся крито-микенская культура зародилась в пригороде Мукачева. Вероятность этой догадки подтверждается ссылками на Плутарха, Тита Ливия, Григория Сковороду, Гончара и «Блокнот агитатора». А также на «Периодическую систему элементов» Менделеева. Мы разбегаемся. Ж-ж-ж! Рукавицы так и летят. 10.50 — перекур. Вылезаем из цеха. Воровато оглядываясь, скидаем куртки (загар не разрешается). Тема перекура — «Было ли начало и будет ли конец глупости?» За недостатком времени вопрос не решен. Ж-ж-ж!..

Обед. Когда он приправлен перцем и горчицей (!), то вполне съедобен. Минут сорок остаются свободными. Ну, тут кто во что горазд: Бен умудряется подрыхнуть, Виктор читает латышскую спортивную прессу, Сережа [Мошков] делает вид, что изучает свою биологию, я, с присущей мне беспринципностью, читаю Стругацких в «Байкале» (кстати, с ними еще никто не расторг договор? Нет? Странно-странно...*), Алик пишет очередную порцию письма, Ян ковыряет очередную яхту. Юра мыкается от одного к другому, жаждет пообщаться на тему «3-е л/о (больница) и его роль в поступательном движении человечества». Ему бессердечно отвечают: «Потом, потом...» Гонг!..

К 15.00 основная работа закончена. Перекурчик — и мы начинаем обшивать рукавицы, сдавать их, ремонтировать неизбежный брак, перебрасываться картонными шпульками из-под ниток. Бен целит в меня или в Рыжего — мы сидим в затылок друг другу — и регулярно попадает в «свидетелей Иеговы» — один впереди меня, другой позади Виктора. Довел он этих агнцев до того, что один из них, правда, полушутя, погрозил ему кулаком... Так-то вообще они народ ничего, только очень уж зануды.

Трудовая вахта с честью закончена (16.50). Вываливаемся в жилую зону. Я прямым ходом — к бильярду. До ужина успеваю сыграть четыре партии — 3:1 в мою пользу (Мошков снова посрамлен; общий счет с начала сезона — 21:18); потом меня вышибают (играем «на вылет»). Ужин. Ха-ха-уха! Но — вчера был ларек, и мы «добавляем», или, как говорил Валерий Румянцев, «кладем сверху». И — кофе. Потом мы расползаемся, и вот я возлежу и пишу. Да, забыл: между прочим шитьем я сшил парочку строф на лингвистическую тему... Хороший день — суббота.

I 7/VII/68

Воскресенье — тоже неплохой денек. Правда, он хуже субботы тем, что назавтра — снова на работу. И оба они хуже всех остальных, потому что нет и не может быть почты. А в пятницу почта была: телеграмма о твоём благополучном прибытии, Лар. Ты что — пешком топала до Ленинского проспекта? Ещё твоё письмо — последнее перед свиданием. Ну, тему эту мы с тобою обсудили, не так ли? Ещё письмо от Оли Кучеренко, из Москвы же. Письмо под № 8 — я получил всего четыре её письма. Конечно, деревянная девочка названа в её честь*; и конечно же, всегда я испытывал к ней самые теплые чувства. Я думаю, что она — хороший и добрый человек; и ещё я ей очень благодарен за Марка [Богославского]: по-моему, ему всю жизнь именно такой Оли не хватало. А стихи — что ж, «почетней... при жизни быть не книгой, а тетрадкой...»* Марк сам знает, не хуже меня, что у бескомпромиссной литературы всегда меньше шансов; за напечатание стихов о «невыкопанной картошке» надо платить заменой «подыхаю» на «побеждаю»...*

Пришел ко мне в гости Виктор, я прочел ему кусочек из Иринино-го [Глинки] письма — кусочек о латышских художниках и ихних пейзажах. Он согласился, что «акцентированный» и «влажный» цвет — традиция, перешедшая в «видение»; однако сразу же указал на «предков» — норвежцев и финнов. Он говорит, что в отношении цвета эта особенность характерна даже для кубистов 20–30-х гг.

I 8/VII/68

Пишу, сидя на скамеечке у нашего «коттеджа» (так элегантно называет Алик наши жилища). Оно, конечно, привычней было бы писать, развалясь в собственной постели, но — света нет. Сегодня, од-

нако, отсутствие света вечером с лихвой компенсировалось отсутствием света же днем. Кончили мы работу нынче часа на три раньше. То-то было весело, то-то хорошо!

| 10/VII/68

День рождения Яна Капициньша. 51 год. Этому нельзя поверить, глядя на его походку, стремительность, ловкость. Вечером мы хлопыстнем кофейку за его здоровье и, может, чего-нибудь съедим. А пока мы его все поздравили, спели под руководством Виктора «Многая лета» по-латышски, подарили носки, авторучку, сигареты...

Я нынче не работаю — чуть-чуть прихворнул. Лежу, дремлю, сочиняю. Почитываю журнальчики. Днем пришел обиженный Алик и заявил: «Мои домашние любят вас больше, чем меня» — и вручил мне журналы с Сименоном. А мне почты не было — правда, вчера пришла телеграмма о получении 2-го июньского письма, которое с квитанциями. Дошло-таки. А я, признаться, сомневался...

Разговаривал я за эти два года очень много, наслушался всякого, да и нагледелся достаточно. И вот что я думаю. Те, кому чаша сия досталась раньше, чем мне, и больше она была по объему, и горше было ее содержимое, — те, вероятно, читая мои письма, скажут или подумают: «Э-э, ничего страшного, так-то жить можно: и кофе, и постельное белье, и кино, и еда все-таки сносная, и хватает времени и сил играть во всякие бильярды и волейболы, и дни рождения справлять. А вот в наше время...» Все верно: жить можно. Нет больше унижения. Есть унижение. Оно не в стрижке наголо, не в чтении интимных писем чужими людьми, вообще оно не извне, не от начальства и правил; я думаю, что меня никто и никак унижить не может. Меня унижает, как это ни дико звучит, потакание моим слабостям — лени, пустомечтательству, мимикрии. И кроме того, унижительно предположение, что мои литературные и прочие взгляды можно опровергнуть таким образом. Право же, иногда у меня возникает желание всерьез поговорить с каким-нибудь умным человеком, который стоит на противоположных позициях, — только действительно умным. Должны же быть и такие! Но до сих пор мне они не попадались.

Все эти мысли — как вши, которые «от тоски заводятся»...

| 12/VII/68

Вот ведь какая приятная штука: каждый месяц — круглая дата. 2 года и 10 месяцев. А еще через месяц — и 11. И так далее. Отчего бы это, а?

А знаешь, Ларка, те очки, что ты мне прислала, были очень красивые. Были. Потому как оказались они слишком уж капризными. Подумаешь, уж и сесть на них нельзя! Излишняя, по-моему, твердость характера, погибче им, покойничкам, быть бы! И хорошо бы стекла чуть-чуть потемней... И лимонной бы кислоты бы пакетиков несколько. И вообще — валяй во что горазда!

А про меня говорят, что я на морду поправился. А ребра все равно торчат. Ребята смотрели-смотрели и задумались: а чем я, собственно, отличаюсь от Ренделя? Догадались: «Скелет, говорят, изящнее...»

Я уж не припомню, кто это рекомендовал мне посмотреть «Огонек», Колосков о Маяковском. Честное слово, давно я такого омерзения не испытывал*. К этой блевотине и эпитет не подберешь, чтобы цензура не запротестовала...

Черный котенок (не Муськин сын, а совсем другой) гоняет по всему бараку пигн-понговый шарик: прыгает на него четырьмя лапами сразу, шарик подскакивает, котенок — боком, в сторону, спина — верблюдином, хвост — вопросительным знаком. Потом — притворяется: идет независимой походочкой, проходит мимо, чуть не зевая, не замечает и — чисто случайно, разумеется, — задней лапой задевает. Ага, нападение?! И все сначала. Пятеро дедов, из которых каждому в обед сто лет, распустили морщины, улыбаются... Этого котенка Бен сунул себе за пазуху, когда там уже была парочка (Муськины дети, они с Черненьким враждуют). Из Бена раздалось шипенье, и он заходил волнами. А потом начался стриптиз, по-моему, совершенно лишнее мероприятие: Бен — уж такая не Венера Милосская, что мог бы и потерпеть. Хотел написать что-то умное — днем хотел, но забыл. Перебьетесь? Спокойной ночи, мне завтра вставать рано, я дежурный.

Ух, какой я цикл стихов сварганю! Ваш институтский поэт лопнет от зависти.

| 14/VII/68

14 июля — мы выпили сегодня в честь взятия Бастилии, за разрушение всех и всяческих монархий. К сожалению, пили мы «вторяки». Собрались старики, заварили вторяки. Вы знаете, что такое «вторяки»? Это вторично сваренная кофейная гуща. А еще есть «третьяки» — и т.д.

| 212

Отменнейший фильм мы вчера смотрели — «Призрак замка Моррисвилль» — пародия на великосветский детектив. Ах, батюшки, ничего нет святого для этих чертовых чехов! Все-то они ревизуют и осмеивают: и английские традиции, и американских суперменов, и музыкальную классику, и даже — подумать только! — великого Жана Маре в «Парижских тайнах». Прямо удержу на них нет. Ох-ох, опасная позиция. Как-то так уж получается, что нигилизм и неуважение к авторитетам в области искусства имеют тенденцию распространяться и на другие сферы*.

А погода, стерва, опять испортилась. Хо-о-лодно! Я чувствую себя обокраденным: я ведь так уж настроился, что летние теплые месяцы я могу почти что не засчитывать в срок. Вот весною этой я так прикидывал: остается еще «все, что мне положено»*, минус девять летних месяцев. И — нате, пожалуйста: середина июля, дождь моросит, руки мерзнут, к бильярду не подойдешь... И только необузданные украинцы орут на волейбольной площадке: «Ромку! Бий!.. У, калічь... Запсував м`яча!..»

Получил от Ирины [Глинки] набор открыток с латышскими пейзажами; одну открытку, ту, где парусный корабль, тут же передарил Яну — он взвизгнул, вцепился в нее и унес в свои закрома. Хороши видики, аж зависть берет.

Баста! Когда я выберусь и если будут деньги и возможность располагать временем по своему усмотрению, начну-ка я ездить по незнакомым местам. По знакомым, конечно, тоже, но уж по незнакомым — обязательно.

Черный котик умывался-умывался, сидя у меня в ногах, потом перепрыгнул на соседнюю постель, прямо на голову засыпающего — она была под одеялом — и рванул дальше. Голова высунулась, полупала глазами и, так ничего и не поняв, нырнула снова под одеяло. Котенок — его зовут Кешка — время от времени совершает нападения на моего Пата, сшибает его с тумбочки на кровать и потом катается с ним в обнимку. А глаза у него, у котенка, постоянно удивленные.

Мне, как витаминов, не хватает моего зверя — моей собаки, моего кота; чтобы можно было гладить и разговаривать. О Кирюшке даже стараюсь не думать — реветь хочется. Хоть бы фотографию ее прислали...

| 16/VII/68

Ну вот, дождался я твоих писем, Лар, — первых после свидания. Спортивные подвиги твои, конечно, достойны восхищения, но я как-то не восхищаюсь. Не ругаю тебя лишь потому, что в этом же пись-

ме ты твердо обещаешь больше так не делать. Поверь мне, это очень серьезно.

· Всем кланяющимся и приветствующим — спасибо. Удивил меня привет от твоего партнера по «Юбилею» Чехова; конечно, и обрадовал тоже, но больше удивил. Или он уже на другой работе?*

А Маринка [Домшлак] пусть скажет своему многоуважаемому родителю, что мне непонятно, даже дико его предположение, что я мог его забыть! Я не только его помню, но даже стакан, из которого он всегда чай пьет, — этакий с толстенными стенками стаканище; и как брови приподнимает, когда слушает; и как Маришкина мама улыбается — очень сдержанно, чуть-чуть. И очень я им кланяюсь; и заранее благодарю за обещанные фотографии.

Когда это письмо дойдет (и если дойдет — подтверждения на 1-е июльское все еще нет), у Саньки будут еще результаты*. Я надеюсь, что я буду знать их? Любые, пожалуйста. А когда все это закончится так или иначе, я напишу ему отдельно. И может быть, он, отдохнув, напишет?

Ты говоришь, Лар, что, только увидев всю нашу братию, почувствовала, как нас любишь. А знала бы ты, как все они тобою восхищаются! По-моему, даже излишне... Ты все-таки недотепа кое в чем. Но это даже к лучшему: будь ты совершенством, я оказался бы в трудном положении, потому что убегать от совершенства неразумно и неприлично, а жить с ним невозможно. Пришлось бы хлопотать о добавочном сроке...

| 17/VII/68

Вчера выдержал три части к/фильма «Над Тиссой»; а до этого целиком (!) посмотрел «Именем революции» — сочинение М.Шатрова, который, несмотря на это, порядочный человек — по рассказам. И, кажется, я когда-то читал его забавные псевдодетские истории? Впрочем, кино, вероятно, кишмя кишит какими-то особыми микробами — человеку без прививки лучше туда не соваться, скурвится. А у Галича такая прививка, очевидно, есть, иначе сценарий «Государственного преступника» не прошел бы ему даром*.

Это очень плохо, что я убиваю время? Не надо сердиться, у меня сейчас такая скверная полоса, делать ничего не хочется, писать не пишется (даже письма). Какой-то тупичок, надеюсь, временный.

Ну вот. А засим — до свидания.

Алле Григорьевне и Иосифу Ароновичу [Богоразам–Зиминым] — привет и поклон! Они молодцы, что совершили такой вояж. Я уже

писал, что по выходе сделаю то же самое. А есть ли новые песенки у Аллы? Соскучился я по гитаре. Сижу за машинкой, строчу, а сам мурлычу под нос все, что знаю. У меня так, полосами: один день Окуджаву, другой — Высоцкого; песни Аллы я «восстановил» не меньше половины, начиная с «Вышло облако...» и кончая «Московской осенью». Целую их обоих. Может, когда черкнут чего?

Обнимаю всех. Ю.

Только что из газет узнал о смерти Паустовского. Слов нет, как больно. Ахматова, Эренбург и вот теперь — Паустовский, единственный из них, кто вызывал у меня чувство личной, человеческой любви — не только читательской. И я не только не поговорил с ним, но даже и не видел никогда! Всю жизнь не успеваю. Расскажите мне в письмах о похоронах.

Алик совершенно подавлен*, слова сказать не в состоянии.

п и с ь м о с о р о к с е д ь м о е

18/VII/68

Здравствуйте, люди добрые! А ну-ка, кто догадается, почему я, вчера отправив письмо, нынче пишу снова? А потому, что я простудился, грипп у меня (сопли текут). И по этому случаю я на работу не пошел, а совсем наоборот: залез под одеяло, читаю «Неделю» (это такое приложение к «Известиям», очень интересное, там и про Пушкина, и про Лермонтова, и про евреев...), слушаю радио (это такая коробочка, из нее — разные голоса, очень интересно рассказывают про письмо из Варшавы в Прагу...); а еще хожу на обед (это такое мероприятие, очень интересное, под девизом «Ширну-мырну, с чем вынырну?»). А несчастный Бен [Ронкин], один, без напарника, шьет перчатки. А чтоб он как следует понял, что без меня ему плохо, его еще и пчела укусила (т.е. ужалила). И правильно сделала.

Ян [Капициньш] получил номер «Катеров и яхт» и долго тарасил на обратный адрес, пока я не объяснил, что есть в Москве, кроме Ирины Глинки, еще одна добрая фея, по имени Марина, по кличке Фаюм. Он посмотрел на меня задумчиво, зловеще улыбнулся и изрек: «Потом». Я содрогнулся: это значит, что вечером он сядет и напишет благодарственное письмо на 28 страницах с приложением автобиографии и основных научных трудов... И будет оно, письмо, разумеется, на латышском языке, потому что, если Виктор [Калниньш] иногда и спускается со своих академических высот, чтобы перевести нам занятное латышское стихотворение или выдающуюся по идиотизму журнальную статью, то к эпистолярным мистериям Яна он относится «скопцически».

А сейчас уже вечер, и ребята уже вернулись, и мы уже отужинали, и кофе попили (Витька Труфелев* получил посылку от матери), и покурили хорошие сигареты, и я уже поругался с Рыжим [Калниньшем] из-за статьи И.Виноградова в «Вопр. лит-ры»... То бишь не из-за Виноградова — статья нам обоим понравилась, — а просто я утверждал, что собственно искусствоведческий анализ художественного произведения, анализ именно художественных фактов есть единственно возможный (в смысле — оптимальный) вариант для искусствоведа, литературоведа. А концепция есть неминуемый результат вдумчивого (и, разумеется, честного) анализа. Когда же танцуют от концепции, то неминуемо тенденциозное искажение художественного факта. А Борода, вполне соглашаясь со мною, что Скороино тенденциозна и поэтому примитивна в анализе «Мастера и Маргариты», кричит тем не менее, что критик де не может не иметь социального мировоззрения и что я — позитивист (это чего такое? Это очень стыдно — быть позитивистом? Хуже, чем ползучий эмпирик?) И вообще, вопит он, «некоторые литераторы», как черт от ладана, бегут от социально-философских обоснований искусства и в этом своем бегстве докатываются до антирационализма. «А это что такое?» — спросил я. Со свойственной латышам прямоотой и хладнокровием он взвизгнул: «Идиотизм!» После чего я заявил, что не хочу быть сороконожкой, которая задумалась над последовательностью движений каждой из своих сорока ног, — и гордо удалился. Через полчаса он прибежал — борода торчком, очки от удивления квадратные — и прочел мне из шестого номера латышского «Знамени» поэму Яна Сирмбардиса «Бал в Кулдиге». Ну и ну. Достаньте и попросите кого-нибудь перевести, не пожалеете.

| 19/VII/68

Забыл я написать в прошлом письме, что Юра [Галансков] очень беспокоится, нервничает: почему от Оли нет писем? А еще привет от меня Юриной маме. Она в своих очень трогательных письмах всегда мне кланяется.

| 20/VII/68

Право же, никогда я не думал, что буду с таким интересом читать газеты. Что ни день — то сенсация. Что ни газета — то материал для обсуждений, размышлений и прогнозов. Жаль только, что не все газеты есть у нас. Ну ничего, на худой конец и «Лит. газета» сойдет.

Интересно, я имею право сказать, что у меня есть слава? Дело в том, что «заплата на ветхом рубище певца» — имеется. На штанах. В районе коленки. И пожалуй что и «яркая». Во всяком случае, значительно светлее окружающей ее действительности, т.е. собственно штанов.

Еще вопрос: номер нашего телефона изменился или нет? И еще вопрос: согласился ли Михаил Львович Бурас с адресованными ему пассажами? Если согласился, пусть скажет мне об этом. Будет очень приятно знать, что мы с ним одних и тех же людей считаем дерьмом. А ежели не согласился, пусть сделает мне личное одолжение и возразит. А то ведь я и обидеться могу: писал, язвил, старался — а в ответ ни гу-гу. Вот даже рифма сама собой проскочила...

Дождь, молнии, гром — светопреставление. И это в субботу! И я сыграл всего две партии в бильярд (счет 29:28 — с начала сезона. В мою пользу). Скверная погода — это явные происки моих недоброжелателей. Плохо, братцы: в такую погоду никуда не спрячешься, а Бен [Ронкин], Сережа [Мошков] и Борода сегодня объявили мне, что собираются заняться моим образованием — ну, там история философии, политэкономия, математика за 7 классов и т.д. И хотя Алик [Гинзбург] возражал («Не дам обижать моего литературного героя!»), но вдвоем нам, пожалуй, не отбиться... Ничего, ежели что, я применю удары ниже пояса, как с Борькой Золотаревским — помнишь, Ларка? «Очень интересно, все понятно, здорово объяснил... А как все-таки они туда попадают? В телевизор?»

Должен, однако, отметить, что не все так, как я, брезгливо и брюзгливо, приняли сегодняшней дождь. Особо опасный государственный преступник Капицыньш при виде луж застрекотал, как кузнечик, и, присев на корточки, стал пускать кораблики. (Их уже три: «Larisa», «Irena» и «Anna-Maria».) Зрелище, умиляющее наши закосневшие в грехах, грубые и темные души...

| 22/VII/68

Вот ведь какая странная штука: никак я не могу проникнуться отношением вспоминаателей к В.Э.Мейерхольду. Или, наоборот, угадываю подтекст? Все понимаю: великий режиссер, выдающийся художник, смелый, изящный, обаятельный и прочая, и прочая — а вот несимпатичен он мне. И чем больше читаю о нем — тем сильнее эта антипатия. Началась она давно — чуть ли не с книги Волкова о нем*. И со Станиславским то же самое. Каждый новый автор (а последнее, что я читал о нем, — это «Театральный роман» и воспоминания о МХАТе — в «Нов. мире», в этом году) утверждает меня в моей неприязни. Не люблю я шаманов и апостолов.

Тем не менее, книгу эту — «Встречи с Мейерхольдом»* — читать интересно, и я благодарен неизвестному дарителю. А сейчас я взялся за книгу Туркова о Щедрине*. Ба, знакомые все лица! И ситуации. И декларации. И экзекуции. И декорации.

Из меня сейчас получился бы идеальный светский собеседник: говорить я могу только (и много) о погоде. Если я к концу пребывания здесь все-таки чокнусь, то «пунктиком» будет тепло — во всех видах, кроме душевного (этого мне хватает).

| 23/VII/68

Вчера вечером получил 4 письма. Отвечаю в порядке толщины писем. Маришке Фаюм — ответ на ее 16-страничную «Лит. газету».

Кроме «пошлых любителей сенсаций и шумихи», есть очень милые и хорошие люди, которые склонны «выдумывать» других людей. Их-то я и боюсь разочаровать. Кстати, сама Маринка — выдумщица изрядная: даже меня немножко выдумывает — и это при 15-летних-то дружбе и знании друг друга!

Жду книгу Жени Николаева. А где же книжка «2-Фаюм-2», где?*

Голубчик мой, да не сержусь я, что не пишут, — просто огорчаюсь. Все это я понимаю: и занятость, и неписабельное (во словечко!) настроение, и трудность односторонней переписки — и все-таки грустно. Слишком уж большое место в нашей жизни занимают письма. Это тот самый тыл (ощущение тыла), о котором писал Сент-Экзюпери («Письмо к заложнику»). Это мои прошлое и будущее; подтверждение ненаясности всего, что произошло. Мне могут возразить, что, мол, уже подтвердили. Так-то оно так. Но даже супруги с 20-летним стажем время от времени говорят друг другу: «Я тебя люблю» — не довольствуясь тем, что было сказано «на заре туманной юности», при первых поцелуях.

Журнала «Природа» я не видел и не получал. Вообще «гады-физики» ничего не дают о себе знать: ни харьковские, ни московские, ни подмосковные. Опять же не сержусь, а грустно.

О Маришкиной боязни встречи с Сергеем Григорьевичем [Хмельницким]. Я ее — Маришку — совершенно понимаю. То есть мне понятно, почему именно ей, Маришке, боязно и стыдно (за него). Но при этом полном понимании я-то уж никак бы не избегал встречи, скорее напротив. Упаси Боже, не счеты сводить — посочувствовать, посоветовать, впечатлениями поделиться. Детальки подкинуть — он ведь любит детальки-то. Гурман.

А с котятами мне как-то непонятно: кто разродился, а кто при-страивал котят — Туська или Натуська? Или это одно и то же лицо —

если верить Маринкиному тексту: «...разродилась Туська, она же Натуська...» Это еще что за реализация литературных произведений?*

Сегодня я пишу это весь день: с утра несколько строк, потом в обеденный перерыв. А сейчас уже вечер, и я уже достал 5-й номер «Природы», и раскрыл на 22-й странице, и мгновенно понял, почему уважаемые авторы не хотят соприкоснуть меня с «поверхностью Ферми». Дело в том, что Аркадий Павлович Филатов отъел такую... гм, как бы это выразиться поделикатней? В общем, такое личико у Аркадия Павловича, что и за три дня... (см. снимок справа). Опять же ясно, как это ему удалось: аспирант лаборатории теор. физики пьет кровь из зав. лабораторией теор. физики (см. снимок слева). Бедный Мусик [Каганов]!..

Правда, у меня еще теплится надежда, что Кадька просто опух...

Засим — продолжим наши игры; выше было авторское отступление, грубостью своей никак не соответствующее тому разнеженному состоянию, в которое меня привело Маринкино письмо.

Следующее по толщине письмо — Ирины [Глинки]. Можете все хихикать сколько угодно, а только она заставляет меня поверить, что существуют пейзажи кроме редкого сосняка с березами — с северо-востока и постылых крыш — с юго-запада. Все мы — забаванные интеллигенты — боимся употреблять слова по их прямому назначению, сказать, что розовое — розово, а ароматное — ароматно; боимся даже не обвинения, а возможности, что кто-то подумает: «Литературно... сентиментально... уже было...» Обкрадываем себя единственно из снобизма. Я с Ириной за эти три года побывал и в Коктебеле, и в Латвии, и в разных уголках Москвы — так зримо все, о чем она пишет. Это, кстати, относится не только к пейзажам: очень вкусно и точно пишет она и о людях, и о картинах, и о нутре жилья. Это очень дорого мне, потому что с помощью этих писем я могу прикоснуться и к материальному миру, а не только к области мыслей и идей. Я ведь существо чувственное — не в расхожем смысле этого слова (не только в расхожем?..)

Не знаю, можно ли установить прямую зависимость между благополучием дома, семьи и количеством гостей. Конечно, логически оно так и должно быть. Но знаем мы и противоположное — например, дом Левы Мильчина — такой уж неблагополучный, что в какие-то моменты хотелось закричать, как при пожаре, — и всегда полно народу. Тоже ведь способ поддержания равновесия.

Октябрьский Коктебель — этого я действительно не знаю. Может быть, где-нибудь в 70–71 гг. мне действительно удастся увидеть любимый мною уголок глазами Ирины? Пожалуй, рано загадывать. А о доме Эвы Ирина пишет так, как будто ни покойная матушка Эвы, ни супруг этой матушки* не имели и не имеют к дому ни малейшего отношения. Или это так и есть? То-то славно...

| 24/VII/68

Теплеет понемножку. Жить стало лучше, жить стало веселей.

| 25/VII/68

Наконец-то пришла телеграмма о благополучном прибытии моего первого июльского письма. Теперь со спокойной душой можно продолжать обзор почты, начатый позавчера.

Итак, письмо от Наташки [Садомской]. Очень я ему рад — его тону(су), бодрости, разумности и «красноносости». А что до «лихости», о которой Наташка пишет, то это ее собственное, индивидуальное, высочайше утвержденное (самим Господом Богом), единое и неделимое качество, воссоединение с которым я встретил гимнами и ораториями.

Хочу посмотреть на латышскую свадьбу! Хочу ходить за молоком! Хочу сидеть за пишущей машинкой! А не за швейной! (Первое, что я сделаю по возвращении — это выкину к чертовой матери Ларкин «Зингер». В мусоропровод.) «И хочу собаку! Черти, дряни, дураки!» (Это из «Белого пуделя», но, по-моему, вполне к месту.)

Наташеньке — мои самые нежные поцелуи; Борьке [Шрагину] — мужественное рукопожатие. И если ему придет охота написать — я буду очень рад.

Неужели никому из этой Энгурской колонии* не придет в голову, что надо сфотографироваться всем вместе и прислать мне фото?

И открытка от Гали Севрук. Очень я рад успеху выставки, на которой — я не сомневаюсь — хорошо смотрелись и ее Ярослав Мудрый с дочерьми. Уже совсем скоро она и другие киевляне получают живые приветы от меня*. Если будет okazия, передайте Гале, что очень я рад, что она и другие помнят меня, и что я непременно приеду в Киев специально, чтобы рассказать им о своей признательности. Бог мой, сколько у меня маршрутов наклеивается!

Вот. Какие новости? А никаких особенных. Вчера Валерий и Алик поспорили, есть ли в газете какая-то фамилия или нет. Отправились к витрине. Проигравший должен был везти выигравшего на себе от витрины до нас — почти через всю зону. Судья на ринге — Виктор. Мы с Сережей наблюдали издали. Произошло сперва какое-то замешательство, а потом Алик поехал верхом на Бене; но провез его Бен всего полпути, слез и в свою очередь оседлал Алика. Оказывается, оба ошиблись, и мудрый Борода наказал обоих.

| 300

Еще чего? Пятый день шьем перчатки. «Мадам, вы обронули бюст-гальтер!» Действительно, наша продукция больше напоминает лифчики для коров...

Зажил мой лоб. Я не писал об этом — но некоторое время я был стукнутый. Мы с Виктором боролись, и я почти взвалил его на себя, но в эндшпиле не удержался на ногах — и рухнул. Лбом об пол — 60 кг своих и 70 Викторовых (примерно, конечно, — но соотношение такое). Недели полторы я ходил раскрашенный йодом и зеленкой — очень красиво было. И главное — прибавляло мне солидности. А сейчас на этом самом месте розовое пятнышко — розовое, как щеки Александра Ильича Гинзбурга, который провокационно моложав.

| 27/VII/68

Что-то последние два дня проходят у нас в обсуждении и применении иностранных языков. Сижу себе, шью себе, никого не трогаю. Вдруг подлетают Бен и Рыжий. Выясняется, что Виктор обещал Валерию подарить живого слона (!), если тот (т.е. Валерий) изучит язык басков («Я ничем не рискую», — шепотом сказал мне Виктор). Бен — личность, как известно, склонная к авантюрам, а кроме того, ему очень нужен слон — поэтому он загорелся и уже было собрался ударить по рукам. Но тут вмешался я. «Бен, — сказал я ему, — одумайтесь. На изучение этого варварского наречия вы угробите лучшие годы жизни (т.е. ближайшие семь лет)* — и зазря. Все равно вы этот язык не изучите. Пожалейте время и энергию. Но это, Бен, — сказал я ему далее, — не самый худший вариант. А вдруг вы, не приведи Господь, выучитесь по-баскски?! Подумайте, что вы будете делать с живым слоном в одной комнате (бабушка, жена, дочка), в коммунальной квартире, на IV этаже? Как вы будете водить его на прогулку? Чем кормить — в смысле, на какие шиши? Как разрешится проблема туалета? На парашу слон ходить не будет...» Параша Бена доканала, и сделка не состоялась. А сегодня ликующий Бен, задыхаясь от восторга и гордости, сообщил, что перевел Яну на немецкий «Когда у вас нет собаки...»*. Мы с Бородой не поверили и пошли учинять Яну экзамен. К нашему удивлению, Ян абсолютно точно воспроизвел (по-латышски, конечно) весь текст песни. Мы стали восхищаться и восклицать: «Как здорово! Какой молодец!» Ян сначала скромно потуплял глаза, а потом сказал застенчиво: «А что же тут особенного? Моя мама вполне прилично говорила по-еврейски, и я запомнил...»

Юра, очевидно, в пятницу поедет опять на 3-й*. Ему скверно, почти не ест, работать почти не может, очень болит его проклятая язва. Похудел сильно. А тут еще писем от Оли нет и нет. Худо ему.

I 28/VII/68

Алик позавчера получил письма от Ариши [Жолковской] и Наташи [Горбаневской]. Спасибо им обоим за приветы и за известия о вас, Ларка и Санька. И о Кэрьке, которую ее ангельский характер доведет до дистрофии: как это вы допускаете, чтобы Туська хозяйничала в Кэрькиной миске?! «Свинья ты после этого, а не кошка!» — как сказано в одном рассказе А.П.Чехова.

С Наташей я решительно не согласен насчет переводов стихов, польских — в частности, Галчинского — в особенности. А переводы Эпеля (кажется, я не переврал фамилию?) знакомы ей? По-моему, очень здорово. Я немножко сравнивал (в меру моих скудных познаний) с оригиналом. А до этого, еще в 64–65 гг. слушал этого Эпеля в ЦДЛ и еще где-то. У него, кстати, и свои стихи интересные. Эх, все сносно и все терпимо; вот только нет у нас, чтобы собраться и — просто так, не к случаю, — читать стихи и говорить о них. Очень я соскучился без этого, ведь всю жизнь читал и слушал стихи, и никаким собственным сочинительством этого не заменишь.

Вот так брюзжишь и хнычешь — и тут же получаешь по затылку. Только успел я закончить абзац — пришел Алик и сделал то, о чем я его раньше просил: прочитал мне стихи Наташи. Я уже несколько раз принимался за них, да все откладывал: почерк трудный, в строку читать непривычно, стихотворения не разделены. Даже Алик не все разобрал, кое-где никак размер не нащупает. Мы решили привести все это в божеский вид — переписать, сделать сборничек. Пока могу сказать, что некоторые стихи очень мне понравились. Это те, которые как-то перекликаются с теми, давнишними, когда-то полюбившимися мне, очень простыми. Вот почитаю глазами, может, скажу что-нибудь более внятное — если, конечно, Наташе интересно.

Эппель, кажется, все-таки через два «п».

I 30/VII/68

Вчера, Ларик, пришло твое письмо № 4, а нынче — №№ 5 и 6. Вообще сегодня богатая почта из Москвы: Юра наконец получил письмо от Оли и еще два письма, а этот тип Гинзбург — 10 штук писем. Так что мы только сейчас кончили обмениваться впечатлениями, или, как выражаются сейчас по радио, «состоялся обмен суждениями». Ну об этом потом, об их письмах то есть.

Как ты понимаешь, литературными новостями мы не избалованы, поэтому вчерашнее твое письмо было принято «с чувством глубокого удовлетворения». Печально, конечно, что среди получаемых нами журналов, видимо, не будет уже того, чье название так тяготеет к нашему адресу (и к нашему супу)*; а журналов под названием «Мичиган» или «Онтарио», кажется, в продаже еще нет?

(По радио идет передача про Гейне, радиопьеса, что ли? Гейне говорит басом. Может ли это быть? Что-то сомнительно. Скорее всего у него был тенор, в крайнем случае — баритональный. Будь у него бас, он не стал бы рифмовать только 2-ю и 4-ю строчки.)

А сегодняшние твои письма очень славные и очень мне нужные. Конечно, если ты можешь, как обещаешь, написать лучше, — пиши, валяй. Но как было здорово узнать и про Сашку [Воронеля], и про Мишку Гитермана, и про Тошку [Якобсона] (кстати, чего это ты пишешь о его тезке* как о личности таинственной? Я его знаю; не очень хорошо, но все-таки; и он мне нравится; и Тошку он любит), и про Леничку [Ренделя]. Первый взрыв восторга по поводу новой профессии его сменился тревожными вопросами и догадками. Успокой, пожалуйста, нас и напиши:

1) Ставят ли хотя бы временное ограждение на участках, где Леня должен косить? Дорожные знаки? Заградительные надписи для детей?

2) Отмечает ли Ленякино начальство мелом или чем другим ветки, которые Леняка должен отчекрыжить?

3) Как он различает деревья и растения, пока на них еще нет плодов и ягод?

4) По какой статье списываются убытки от его деятельности (стихийное бедствие, усушка, утруска, утечка, садовые вредители, вторжение из космоса — «...с Луны свалился»)?

К слову, рисунки твои достаточно выразительны (сомнение вызвала только машина для стрижки газонов — не детская ли колясочка?); тем не менее догадался о том, что садовник, только Алик: он единственный среди смотревших не знает Ренделя. Нам, знающим, такое и в голову не пришло бы. (Сцена: Леняка и лошадь дружелюбно смотрят друг на друга; Леняка, задумчиво поправляя очки: «А как, собственно, она узнает, какую траву ей можно есть?..» Лошадь молчит. Ржем мы.)

Алику ты всыпала правильно — он сегодня получил твое письмо. Пока я не прочел его, то грозился разбить ему очки: что это еще за шашни с моей женой?! И так уж — по имеющимся у меня сведениям — тебя кто-то обозвал «женой Синявского и Даниэля». На первенство я никогда не претендовал («процесс Синявского и Даниэля», «пасквилянты Синявский и Даниэль» и т.д.), но уж здесь-то могли бы меня и на первое место поставить, остряки-собаки!

Не придавайте слишком много значения тому, что они пищат по поводу писем, они еще зеленые («...Вы слышите мой голос грубый?»), еще не усекли, как трудно приходится Министерству связи.

В письме Наташи Г. есть фраза о том, что из письма Алика она почувствовала, как мы здесь друг друга любим. Это правда. Мы об этом не говорим никогда — ни к чему, и так понятно. Но вам я скажу, что любовь любовью, я ко многим отношусь любовно, а вот чтобы было одновременно столько людей, достойных уважения, — это не так часто встречается. Это я о своем к ним отношении. В иных условиях, пожалуй, и не стали бы так явны и ощутимы, к примеру, благородство, чистота, верность такого очень сдержанного человека, как Сережа Мошков. Все это, разумеется, не мешает нам обзывать друг друга всячески, вопить о непроходимой тупости, о безграмотности, о беспочвенном прожектерстве и пр.

Сейчас выключат свет. Спокойной ночи.

Да, Ариша похвалила меня за сдержанность, за скромность в моих книжных притязаниях. Опробетчиво похвалила: сделайте попытку достать тт. IX, X (в одной книге) Полного собрания русских летописей («Никоновская летопись»), изд-во «Наука», 1965. Это здоровенная книжища, изданная очень маленьким тиражом. Ее хорошо бы именно купить, потому как без возврата.

А с возвратом через 10 месяцев нужна целая куча литературы. Список я прилагаю, и по этому списку разрешаю, даже рекомендую грабить личные и государственные библиотеки — с возвратом же! Поскольку великий реквизитор Санька сейчас занят, просьба ко всем друзьям (в частности, к Наташке и Людке [Алексеевой] — которая бабушка) раздобыть эти книжки. Это для Сережи, он задумал какую-то агрессивную биологическо-генетическую статью или что-то в этом роде. Пожалуйста.

Надо спать. Ибо, как говорит тот же Сережа, «пробуждение смерти подобно».

| 31/VII/68

Бандерольки — от Майи З[лобиной] и от Маришки. Вечером читаю. А может, еще и письма будут?

Алик дал мне прочитать рецензии на сборник Наташи Г.* Она права: прокомментировать эти рецензии мы можем лучше, чем она, главным образом за счет более разнообразного и выразительного лексикона. Оба рецензента, и интеллектуал, и апостол эмоциональности, — попросту ублюдки, независимо от качества стихов. Им ручки арифмометров крутить да табель о рангах на машинке перепечатывать, а не стихи оценивать. Кретины плоскодонные.

Да, получили учебник санскрита. Балис [Гаяускас] просит передать благодарность тебе, Ларик, и тому, кто достал и послал книгу (растяпа Алик не посмотрел на обратный адрес). Это как раз то, что нужно. Что же касается турецкого языка, то нас вполне устроит «Карманный турецко-русский словарь», 1968, изд. «Сов. энциклопедия».

Днем началась гроза, со всеми световыми и шумовыми эффектами, ливень — жуть, что было. Но, кроме этого, был и побочный эффект, весьма приятный: выключили ток. По этому поводу мы после обеда не работали, а пообедав, почитали, пописали, поспали, даже помузицировали (Ивану прислали ноты* — Скрябина, Дебюсси и еще кого-то, не помню). Конечно, я и скрипке, и аккордеону предпочел бы гитару — увы! А в общем — славно.

Грустная новость: Вадику Гаенко повредило пальцы левой руки, насколько серьезно — пока еще не знаем. Ума не приложу, как это именно с ним произошло — с таким аккуратным и осмотрительным...

И фотография Валерия Смолкина меня огорчила: он выглядит очень усталым, похудевшим. Впрочем, это только мое мнение, другие этого не находят и легкомысленно относят за счет наконец-то начавшегося медового месяца.

На днях мне вдруг безумно захотелось пойти на какую-нибудь выставку, поглазеть на краски и линии. Я и пошел — в каптерку. Достал из чемодана все, что есть по искусству, принес, разложил — и мгновенно у меня все расхватили. Но это даже к лучшему: я бы не удержался и стал бы смотреть все подряд, как в музее. А так я смотрю понемножку, не торопясь и внимательно, — третий день праздник. Боже мой, неужели это я, своими глазами, совсем недавно, сто лет назад, смотрел Сарьяна на Кузнецком? Приснилось, наверно.

«Сказки Ясика»* очень милы. В них и общедетское — все шиворот-навыворот, и свой почерк — много музыкантов, много смеются и спят. Пытаюсь представить, как 5-летний (?) малыш рассказывал их: взхлеб, наверно, торопясь, — выдумка обгоняла слова, и самому смешно, так?

Уже стемнело, а света нет, писать трудновато стало. Наверно, приспну малость.

Кто-то — я забыл — спрашивал, как у меня с деньгами. Спасибо, деньги получены, все в порядке, пока больше не нужно.

| 1/VIII/68

Вот и твой месяц, Лар. Через неделю мы — это у нас запланировано — отметим твой день рождения. Скорее всего, мы даже объединим твой день и Ариши — 9 августа. К сожалению, ничего крепче кофе нам

| 50

выпить не удастся, так что исчисляйте уж нашу выпивку по градусам энтузиазма — а он у нас цельный, неразбавленный, отменного качества. Ну и, конечно же, пожрем за ваше здоровье (если будет что).

А ты там, пожалуйста, — никаких деликатных умолчаний не допускай; пусть орут во всю глотку: «39 лет! 37! 41!» — и пусть всякие прохвосты испортят себе печенку, сравнивая вас со своими 19- и 29-летними коровами. Людке скажи, что она не только бабушкой — прабабушкой даст всем 100 очков вперед по части пикантности. Вы у нас самые красивые, самые обаятельные и самые (ох!) привлекательные женщины во всей Солнечной системе.

Готовясь к этой торжественной дате, я облачился во все новое — так сказать, кустюмчик отхватил. Из штанов 50-го размера были немедленно сделаны вполне приличные брюки по моде 65-го года. На новую куртку были немедленно прикреплены латышские рукавички. Не подумайте только, что это я сам такой талантливый швец. Это Витя Труфелев меня обузил (так называемый «Маленький-Серенький»). Так что мы при полном параде.

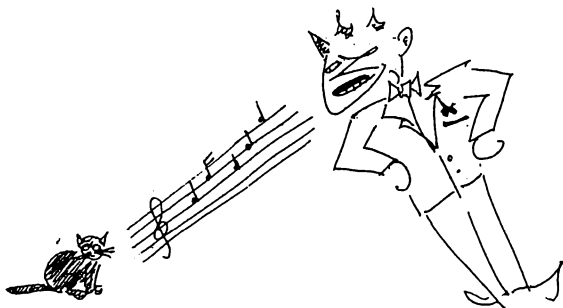
Ларонька и Ариша, поздравляю вас! И целую — если Ариша не возражает, обеих. Альке мы ничего не скажем...

Юра завтра уже точно уезжает на 3-й. Сегодня мы устроим прощальный ужин (ларек получили!).

А вообще дел у меня по горло: новый «Прометей», три номера «Театра», Брэдбери — прелестная повесть «Вино из одуванчиков», я ее читаю по глоточку, целый комплект «РТ» — это все новое, не считая основного, солидного чтения: Герцена, Туркова, Е.Николаева и др.

Будьте здоровы, мои милые.

И стихи сочиняю. «Мысленно» — как говорил харьковский милиционер*. Или он говорил «устно»? В общем — в голове.

Ларонька, здравствуй, милая!

Пришла твоя телеграмма, подтверждающая получение второго моего июльского письма. И письмо от Ирины Глинки.

В одном из писем, полученных Аликом [Гинзбургом], была нотка удивления, что мое очередное письмо — короткое. Удивляться тут особенно нечему: событий-то никаких, мелочи-то не очень интересны да и не обо всех этих мелочах напишешь. Мыслишки же стоящие бывают редко, и не все поддаются переложению на бумагу; в разговоре — другое дело: скорчишь значительную мину — оно и солидней, и значительней, и даже видимость смысла есть.

Ну что рассказать? Торжественно отметили 3 августа. Я имею в виду, разумеется, не совещание в Братиславе*; там и без нас отлично разобрались что к чему. Нет, 3 августа Бену [Ронкину] стукнуло целых 32 года. (Что, зависть — очень скверное качество, а? Ну дурак, ну стыдно, а что поделаешь? Утешаюсь лишь тем, что «зависть» иногда стимулирует небезынтересные наблюдения и поступки...) Так вот, напожелали (или понажелали?) мы Бену много всякой всячины, не ругали его в этот день (почти), а вечером Ян [Капициньш] сервировал стол на 10 персон — бутерброды трех сортов на персональных бумажных тарелочках! Мы обомлели от такой красоты и наперебой восхищались его искусством, а он сдержанно сиял. Да, еще был большой спортивный праздник: Бен (кажется, второй раз в жизни) вышел на волейбольную площадку. Держался он очень тактично: старался к мячу не прикасаться и уступал удар любому желающему — иногда, правда, забывая предупредить о том, что уступает. Проиграли мы со счетом 10:15, что следует считать крупным спортивным достижением. Да, кроме всего прочего, Бен был побрит. Подарен ему путеводитель по Латвии и, разумеется, традиционная открытка с подписями. А я обещал ему фото своего портрета — когда будет.

Как жаль, Ларик, что ты перестала посылать еженедельные открытки. Сейчас их отсутствие особенно тяжело переносится, так хочется и так важно знать о вашем благополучии. И о неблагополучии тоже ведь важно знать. К сожалению, как я догадываюсь, не все хорошо.

I 7/VIII/68

«Для пьянки есть такие поводы» — для сегодняшней: закончили свой 3-летний практикантский стаж Валя и Борис*; вернулся, слава Богу, ненадолго уже! — в родную зону Юра Шухевич. Еще мы пили кофе за изучающих иностранные языки: жадный Виктор [Калниньш] позавидовал Балису [Гаяускасу] и влез к нему в напарники — изучать санскрит (вопрос, не получивший ответа: как надо говорить — санскритяне или санскретины?). Они ходят во время перекуров и обзывают друг друга по-всячески: «Вши! Чхи! Какес!» «Эй, вы, оглашенные! Как на санскрите «10 слонов» — мы знаем: «дача гаджа»; а как будет — «два осла»?» «Эй, хватит притворяться! Вы же треплетесь по-литовски...»

Наташе Г[орбаневской] могу выдать две справки: 1) Маросейку от Покровки отделяет перекресток, образуемый Армянским переулком. 2) Паустовского бабушка водила именно к Остробрамской Божьей Матери. Каков я эрудит, а?

Не пишется. Настроение — гроб. Хоть бы скорее письма были. Успокаивает лишь твоя телеграмма, датированная 5 августа.

I 8/VIII/68

С днем рождения, Лар! Сегодня с утра твоя рожица — которая в платочке, матрешкой — выставлена у меня на тумбочке для всеобщего обозрения. Масса подарков всем нам сегодня: и бандероли почти всей нашей компании, и телеграмма о получении наших поздравлений. Я хотел написать на открытке:

Эй, не подходите близко:

Я — не киска, я — Лариска!

но мои солидные друзья заявили, что поставить под этим свои подписи будет слишком фамильярно. Вот дураки, правда? И еще ларек будет вечером — так что уж поесть-то мы поедем за твоё здоровье.

Аликовым подаркам я не завидую — меня вполне устраивает вот эта самая ручка, которой я сейчас пишу. Хотя агрегаты, что он получает, выглядят весьма впечатляюще. А вот когда я увидел подарок Валерке от Ирины [Ронкиной], меня аж перекосило от зависти: альбом с фотографиями! А некоторые нечуткие жены и друзья все зубную пасту и мыло присылают. А ведь вполне резонно заявил Серенький [В.Труфелев], украв у меня мыло: «Что ж, если он писатель,

так ему и мыться каждый день?» Пришлось выдать всей братии по непочатому бруску мыла — нате, подавитесь! Взяли и не подавились.

Вот и вечер. Однако наше «семейное» кофепитие и жранье мы, похоже, откладываем на завтра, будем уж двойной день рожденья справлять. Дело в том, что завтра утром — неожиданно — уезжает Юра Шухевич, и сегодня мы глотнем кофе за то, чтобы ему счастливилось после 21 августа — в этот день он освобождается. Дико звучит, конечно, но никто из нас не может преодолеть сожаления, когда вот так уходят хорошие парни.

Нет, все-таки мы посидели и на проводах Юры, и твой день рожденья обмыли. После огромного застолья собрались своей компанией и выпили за тебя. Я уж не буду повторять тосты, а то ты, чего доброго, зазнаешься... Сейчас половина десятого, и я уже в постели, и фотография твоя вернулась на тумбочку со стола, и перед нею стоит стакан кофе — это чтоб тебе было чем заниматься после отбоя — не я придумал. Что же сейчас у нас дома, дружок? Кто у нас? И как вам пьется-разговаривается? Своеобразные подарки преподносит жисть; но что сделаешь? Все, в общем, идет как надо. «Думайте сами, решайте сами — иметь или не иметь!» И это большое дело — решать самому; и последствия собственных решений переносить значительно легче, чем всякие случайности.

Еще два твоих и два моих дня рожденья — врозь. Перебьемся, а? Спокойной ночи — свет гасят.

19/VIII/68

А Юра [Шухевич] и не уехал вовсе, так уж получилось. И мы нынче ели и пили за Аришино здоровье, и желали им с Аликом «де-юре»*, и фотографию ее опять же со стола потом поставили ко мне на зеркало. «Украли жену», — с оттенком грусти, но в общем довольно спокойно сказал Алик. К сильным эмоциям он был попросту неспособен, так как перед этим был плотно покушамши. Особенно он приналег на грибы, приготовленные Борисом Здоровцом («Знайте вы, о жестокие сердцем, что и баптисты чувствовать умеют!»¹); под аккомпанемент спора о том, какие именно это поганки — вредные или не очень, Алик орудовал ложкой с быстротой ЭВМ; его компаньонам — Сереже [Мошкову], Валерке и мне приходилось силой отлучать его от кастрюли, чтобы самим урвать хоть что-нибудь.

¹ Карамзин, «Бедная Лиза» — неоднократно издавалось после 1917 года.

Почты сегодня вообще никакой не было, теперь уж до понедельника. Ох!

Ян очень растроган твоим подарком, Лар, интересовался нынче, можно ли тебе написать на немецком языке, поймешь ли ты. Я ему посоветовал писать по-французски или по-английски.

«Англичански не могу», — сказал Ян. «Яни, — завопил Бен, — плюнь, пиши по-латышски, она переведет, она и не такое умеет!»

Боже мой, как, в сущности, немного надо, чтобы обрадовать, даже осчастливить человека — потратить немножко внимания, немножко денег, немножко времени. Ведь это так естественно, правда? И я, Алик, Кнут [Скуениекс], Валерка, Виктор — все мы, конечно, в этих случаях очень благодарны, но не воспринимаем это как нечто сверхъестественное; а вот Ян, Толька Ф[утман], Валерий Р[умянцев], Антон [Накашидзе], Роман Дужинский — они относились к этому как к доброму чуду. И вот поневоле думаешь о тех джунглях бесчеловечности, отъединенности, равнодушия, через которые продирались эти люди, — и, пожалуй, на воле в еще большей мере, чем здесь.

Застопорился мой цикл*. Он должен быть очень лиричным — по-свифтовски нежным и кротким, по-киплинговски расплывчатым, деликатным á la Рабле. Лексика идет самая жантильная — примерно, как Бертольта Брехта. Кое-что я уже придумал (за машинкой так сладко думается!), но до конца еще далеко. А тут еще поперли на ум всякие просто лирические ахи и охи, и им тоже надо дать выход.

| 13/VIII/68

Вот ведь, 13-е число, а день хороший. Телеграмма от тебя, письмо от тебя (даже два — с тем, которое медицинское, Верхоляку; а он-то как раз и уехал на неопределенное время*), письмо от Оли К[ученко].

Ну что ж, все будет так, как надо, даже если будет совсем не так. Будем утешаться банальными изречениями, вроде «Бывают вещи и похуже». Я последние дни был настроен весьма пессимистически; настроение было дрянное; но вот твое письмо меня несколько подбодрило, успокоило.

«Швейная лингвистика» требует серьезного научного оформления, своей графики — я ведь вам не какой-нибудь щелкопер, а филолог с дипломом! (Ох! То, о чем ты пишешь в таком развеселом тоне, — о моей орфографии — меня всерьез огорчает. Это старение, и так же непростительно, как забывать застегивать ширинку. Но уж ты на меня не нажимай, не дави на психику, а то я обозлюсь и как начну гулять

красным карандашом по письмам некоторых кандидатов наук!) К тому же манере моей присущи повторы (это, если ты помнишь, вызвало в свое время справедливый гнев лексико-стилистической комиссии*). И еще — у меня почерк разборчивый, в отличие от Наташи Г. Телеграмма твоя несколько туманна: «письмо получила». А какое письмо? 1-е августовское? Одно из пропавших майских? Персональную мою поздравительную открытку? Или еще что? Ты уж, пожалуйста, отписывай (оттелеграфировывай) подробненько: «Первое августовское высокоталантливое письмо получила». Или «очередное малограмотное бездарное с проблесками и отдельными стилистическими находками получила. Целую. Лара».

Письма последнего типа разрешаю передавать для опубликования в журнал «Октябрь» — они очень обожают кондовый интим.

Олино письмо — вернее, записочка — удивило меня. Вопрос «Можно ли прислать тебе еще фотокарточек?». Можно мне посылать еще писем. Можно мне передавать еще воздушных поцелуев. Можно мне — тьфу, черт! — себе чистить зубов и мыть рук, как говаривал Багрицкий. И что это за «еще»? Фото-Харьков представлен в моем собрании лишь ангельскими ликами Марленки [Рахлиной] и Лины [Волковой].

То, что ты пишешь о смерти Наделя, точнее — о моих чувствах, — не совсем так. Конечно, жаль мне его, хороший он был человек, добрый, умный и мужественный (хотя на некоторые детали одного из периодов его жизни я теперь смотрю иначе*); но чувство отсутствия, невозможности быть рядом или хотя бы иначе узнать о его смерти — не было у меня этого чувства. И в других случаях тоже — смертей-то за эти три года было много. И только одна смерть — Анны Самойловны [Грингольц] — привела меня в состояние, близкое к бешенству: как смеют не дать мне проститься с нею, не дать посидеть около нее, посмотреть на нее, услышать от нее хоть слово! Это, конечно, помимо того горя и боли, которые вызвала сама смерть.

Ну ладно, поговорим о чем-нибудь другом.

Неясно мне все-таки, куда отправился Сашка [Воронель]. И почему пешком. Кто кого заездил: он — машину или машина — его? И насчет колбасы: он такой зарок дал — питаться только колбасой? Она что — сухокопченая, в виде посоха? Воображаю картинку: сидит на камне у перекрестка Сашка, небритый и пыльный, задумчиво жует посох, а в глазах небесная синь отражается... Сидит, отковыривает с подметки коровью лепеху, почесывается, теорему Ферма доказывает. Изредка беззлобно и нецензурно ругается. А кругом — бескрайние просторы родной земли. Почти — «Утро нашей Родины». Или Крамской — на выбор.

Пожалуйста, Ларик, не предлагай мне заниматься реализацией литературных находок Чернышевского. Хватит с меня одной его осуществленной мечты — об алюминиевой посуде...*

Сегодня еще раз провожали Юру — на этот раз, кажется, окончательно. Что-то будет с ним*: умений — десятки, профессии — никакой; знаний — тьма, образование — когдатое, недотянутое...

Лар, очень уж давно не было писем от Иры Кудрявцевой, а она писала регулярно и довольно часто. У нее все в порядке? Выбери время, позвони, пожалуйста. И вообще, в очередном письме напиши о тех, кто писал мне, а сейчас не может, — все, что знаешь. Еще раз: у меня нет и тени обиды, а только беспокойство.

| 16/VIII/68

А Маришка [Домшлак] пусть знает: не надо меня уговаривать, чтобы я не озлоблялся, и волноваться не надо. И стихи я сочиняю без подтекста: если пишу «О боже, не дай мне озлобиться...»* — это значит — «Пронеси мимо меня чашу сию...», а вовсе не обещание. Никогда я ничего подобного не обещал и обещать не буду, не хочу. И вообще — какое это имеет значение? Ведь главное — действительно главное! — что я люблю моих друзей, что я бесконечно благодарен судьбе за них, что все вы вписаны в мои святцы. Как бы я ни относился к кому бы то ни было, как я ни стану относиться — это никак не влияет на меня, который у вас и для вас. Понятно? Маловеры малахольные...

| 18/VIII/68

Время остановилось, как в космическом корабле из какого-нибудь маловысокохудожественного романа. И «скоротать время» ни в анабиозе, ни тем более в симбиозе нет никакой возможности. К сожалению, это остановившееся для ума и души время все-таки движется для всяких внутренних потрохов, для внешности. Нет-нет, я не заболел, все в порядке, печенки-селезенки на месте; вот только уставать стал быстро. А кроме того — хвастался я уже или нет? — я начал сесть. Насколько огорчила меня седина у Андрея [Синявского], настолько обрадовала у меня. Конечно, таким красивым, как Мусик [Каганов], мне не бывать; но, может, я хоть сколько-нибудь приближусь к его неотразимости? Мне жаль только, что это происходит вне «Большой земли»: так хотелось вернуться к вам и внешне таким же, неизменившимся.

Остается еще два года. Разумеется, многое может произойти, но мне кажется, что пока — за исключением того, о чем забеспокоилась Маринка, — никаких изменений в характере не произошло. Может быть, несколько усугубились те свойства, которые и раньше были: и недостатки, и достоинства. (Это очень смешно, что я пытаюсь этак вот со стороны, с академическим беспристрастием судить о себе самом?) Во всяком случае, когда я думаю о том, как буду жить, мне не приходит в голову ничего нового — не по недостатку воображения, как вы понимаете. Вот так и буду жить, как жил. Разве что постараюсь быть повнимательней к близким моим, постараюсь поменьше обижать их.

Вот кончился еще один воскресный день. Волейбол, баня, Агата Кристи, обсуждение творчества К.Федина («Смотрите-ка: покойник, а все еще пишет!»), днем малость приспнули — в общем, отдых что надо. Какую неделю.

Урывками читаю Туркова — «Щедрин». (Ян притащил мне в постель кусок хлеба с джемом — по собственному почину. Он как-то всегда угадывает, когда жрать хочется.) Кто бы мне объяснил, почему меня так раздражают книги типа Турковской, Лебедевской (о Чаадаеве)* — и это при том, что с каждым словом я согласен, что написаны они если и без того блеска, каким отличается книга о Тынянове*, то уж во всяком случае на отличном уровне, очень профессионально, вполне доказательно... Я пытаюсь разобраться в этом своем отношении — вероятно, никогда не разберусь. Есть возможность получить подтверждение одной моей догадки: подойти к Туркову или к Лебеву и спросить в упор: «Скажите, а вам именно о Щедрине хотелось написать? О нем? Только о нем? Или вы предпочли бы написать другую книгу, где имена Щедрина и Чаадаева фигурировали бы в эпиграфах и цитатах?..» Так ведь не ответят. Или ответят, но кто поручится, что правду? Этими исследователями можно было бы восхищаться, если бы они не ведали, что творят. А ведь они — я в этом убежден! — ведают и прекрасно понимают, что значат их панегирики Щедрину, Чаадаеву или тому французу (забыл его имя), который ниспровергал божественный авторитет Аристотеля — об этом французе С.Львов писал в «Новом мире»*. Ведь быть последователями героев «ЖЗЛ» куда как проще было бы самим Лебеву, Туркову, Львову. Ах, у Сережи Львова большое сердце, жена и дочь... Молчаливо предполагается, что у читателей сердце абсолютно в норме, с женами они разошлись, а дочерей у них вовсе нет — одни сыновья. Вперед, любезный (он же — пронизательный) читатель! Больше семи по первой части не бывает*. Самое странное — это то, что я сам каким-то непостижимым образом разделяю эту точку зрения (может, именно поэтому и

злюсь так?). То есть — культуртрегеров надо беречь, и сами они должны беречься, а мы, те, кого культуртрегеры подвинули, — мы можем и должны не беречься. Ну, примерно такое же отношение было у Тольки [Футмана] и Валерия [Румянцева], когда я, разгружая уголь, на 15–20-й минуте начинал задыхаться и цеплять лопатой за собственные ноги. Подходил Валерий, молча отодвигал меня в сторонку и начинал действовать в указанном мною направлении; а если я пытался вкатить, подавал свой голос Толька — недвусмысленно и непечатно. За полчаса вдвоем они заканчивали мою работу — мне бы понадобилось на это часа три-четыре, если бы я, конечно, не свалился раньше. Рассуждение самое простое: «Он не умеет и не может разгружать вагоны, а мы умеем и можем. А уголь надо выгрузить. Поэтому пусть он курит и сочиняет стихи — это у него лучше получается, а лопатой подвигаем мы...» Ясно? Вполне. Только вот одно неясно: откуда у меня уверенность, что я могу «орудовать лопатой» лучше, чем Лебедев? И еще более неясно: откуда у Лебедева такая уверенность?

| 19/VIII/68

Вчера я малость приложился коленкой на волейболе и посему сегодня на работу не пошел. Вот беда-то! Но судьба компенсировала мне разлуку с возлюбленными моими рукавичками: сегодня, оказывается, Спас, да еще и яблочный к тому же. По этому поводу взяли меня, безбожного иудея, старички, усадили за стол и угостили салатом — в нем даже кусочки яблок были. Ба-а-льшим специалистом по религиозным праздникам стану я здесь. Специалистом с гастрономическим уклоном. Ну вот, сидели мы после трапезы тихо-мирно, никого не трогали, вели душеспасительные беседы, и вдруг — Слава Геврич! Влетает в секцию, подходит ко мне и командует: «Откройте рот!» Я испугался, открыл пасть. «Чистить надо!» — и, урча, поволок меня в кабинет. Хотел было я сообщить, что уже чистил сегодня пастой «Мэри», что вчера чистил и позавчера тоже, но тут выяснилось, что он совсем другое имеет в виду. Усадил он меня в кресло, достал свои орудия, украденные из Музея инквизиции, и — как начал пересчитывать мне зубы! Он удалил мне какой-то «камень», снял какой-то «налет курильщика», а потом, раздувая усы, заявил, что обнаружена «маленька дирочка» и что сейчас он ее того — запломбирует... И запломбировал-таки. Вся процедура продолжалась минут сорок, и теперь я скалю зубы в зеркало (годятся для рекламы зубного порошка!) и думаю: «К этим бы зубам да новое лицо!..» Нет ли там у вас подходящих косметологов, мастеров пластических операций, спецов по омо-

лаживанию морды? Есть возможность провести 2–3 года в интеллигентной компании, приобрести 2–3 новые специальности, изучить 2–3 языка. Жилье, питание и экипировка предусмотрены УК. Нет желающих? Странно... Какой все-таки Ярослав [Геврич] молодчина! Это он «завязывает концы бантиком»: через неделю ему освободиться.

Писем мне нынче не было. Тревожно. Но это я все-таки отправлю сегодня, а то Бог знает, когда получите.

Алик ведет счет письмам Ариши: получил он от нее ровно 32 письма. Вы ему не верьте, чего он про меня пишет. Клевету, небось. Говорю ему вчера: «Вот вы, Алик, вчера не стали смотреть игру, ушли — а наша команда сразу стала выигрывать». А он: «Если бы ушли вы, она стала бы выигрывать значительно раньше...» И пошел своей легкомысленной походочкой.

Пожалуйста, Лар, хоть открытки почаще, по несколько слов.

Я очень беспокоюсь: как Санькины учебные дела, как здоровье друзей и твое.

Целую тебя, Лар. Всем привет. Ю.

письмо сорок девятое

30/VIII/68

Санюшка, милый мой!

Я, как всегда, писал длинное письмо, скулил и острил, излагал всякие бытовые мелочи, давал поручения — одним словом, было обычное письмо. Но вчера все перевернулось*, и такое письмо стало ненужным и нелепым. То, что я напишу сейчас, много места не займет: я не в состоянии разглагольствовать, да и бессмысленно это.

Прежде всего вот о чем. Я прошу тебя регулярно и часто писать мне обо всем, что касается мамы и тебя. При этом ты должен заранее исключить все, что может послужить причиной задержки или запрещения твоих писем; пожалуйста, никаких эмоциональных комментариев — только факты, и только такие, которые наверняка будут пропущены. Та же просьба ко всем тем, кто захочет и сможет мне написать о маме и о тебе.

Второе. Я прошу тебя — больше, чем прошу! — собрать всю свою выдержку, всю волю и обдумывать каждое свое движение, каждый шаг. Для того чтобы не реагировать на какие-то, казалось бы, требующие реакции явления, тоже нужно мужество. Пойми, речь идет не только о тебе, о твоей судьбе: во многом от того, как и где ты будешь

жить, работать, учиться, зависит то, что будет с мамой, — я имею в виду не самое ближайшее будущее, а то время, когда самое худшее будет уже позади.

Непременно — и как можно скорее — устраивайся на учебу или на работу. Упаси тебя Боже целиком положиться на помощь друзей — в которой я, к слову сказать, не сомневаюсь.

Я не берусь сейчас судить о том, что произошло, мне — и не только мне — многое неясно, о многом я могу только догадываться. Я очень надеюсь, что этот «период недоумения» будет длиться не слишком долго.

Не сердись, и другие пусть не сердятся, что я не смогу писать, как раньше: я держался прилично, в основном тем, что вы были более или менее благополучны. Сейчас из-под ног почти что выбита почва. Что делать, дружок, я ведь случайно и по недоразумению зачислен в бойцы — это общая ошибка и друзей, и недоброжелателей.

Единственная моя надежда — на тебя. На твое благоразумие, на чувство ответственности. Не обижайся, что я так настойчиво напоминаю тебе об этом: я все примеряю твои 17 лет к своим 17-ти — и вижу, какой я был зеленый в твоем возрасте. А потом спохватываюсь, что ты сейчас старше меня — семнадцатилетнего, и больше тебе досталось от жизни на орехи. И еще, очевидно, достанется.

Напиши мне, как выглядела и держалась мама в понедельник, когда она приезжала домой*.

Я думаю, что ты уже позаботился, чтобы у нее там было немножко денег на первое время? И съестное? И нужные вещички?

Не расширяй круг знакомств, он и без того слишком обширен.

Еще раз — прости меня за поучения, они не от недоверия к твоему чувству реальности, а от раздерганного моего состояния — от собственной беспомощности, от невозможности что-то предпринять.

Привет тебе от всех наших; они, как и я, очень в тебя верят.

Целую тебя, милый.

Обо мне, пожалуйста, не беспокойся: кроме писем мне ничего не надо посылать, у меня все есть.

Да, еще: если в ком-нибудь, паче чаяния, заметишь хоть малый запашок дерьма, — гони моим именем к чертовой матери. Сочувствие и поддержка могут быть только безоговорочными. Как бы кто ни относился к причинам происшедшего, они не подлежат ни осуждению, ни обсуждению. Сейчас имеется вполне конкретная ситуация — мамино положение — и только она имеет значение. До свидания, малыш.

Я получил твое письмо, Санька, позавчера. Спасибо тебе — я доволен твоей выдержкой, трезвым отношением ко всему случившемуся. Само собой разумеется, что твой совет «не ругать маму, по крайней мере, сейчас» — лишний: я и не собирался этого делать. Вероятно, сейчас ты уже получил мое письмо (кажется, квитанция почмечена 4/IX), там об этом сказано достаточно определенно.

Сказать по правде, беспокоился о тебе я чуть ли не больше, чем о маме. Но твое письмо и письма друзей меня несколько успокоили.

К слову, сразу же перечислю полученные мною письма, чтобы знали, что не пропали: от Майи Улановской (с рассуждениями об избраннычестве и жертвенности — с этими рассуждениями я во как несогласен!); от Ирины Глинки (из Прибалтики, написанное перед самым отъездом); от Фаюма — крымское; от Ариши [Жолковской] — о том, как чисто есть и будет у нас дома; от Оли Кучеренко и Марка [Богославского] — с Кавказа; и, наконец, последнее — от Наташки [Садомской].

Как всегда, письма ваши, милые мои друзья, — для меня радость и утешение, общение с вами, почти всамделишное. Но сейчас я — уж простите меня — просто не в состоянии ответить каждому, как это я делал раньше. Может быть, способность писать письма снова появится, как хвост у ящерицы, — наверно, только в том случае, если все не будет черным-черно. Впрочем, твое письмо, Санька, и твое, Наташенька, если и не слишком мажорные, то и не панические: оставляют надежду на какой-то не самый скверный вариант.

Да, было еще одно письмо*, от Майи Злобиной — ...?

Уж вы, пожалуйста, не пишите... письма, очень я вас прошу. Я ведь и так особо опасный государственный преступник, а как начитаюсь политически вредных писем, так и начну... то ли кусаться, то ли торговать атомными бомбами, то ли потребую посмертной реабилитации Рауля-Синей Бороды и Джека-Потрошителя...

У нас все по-прежнему, без перемен, спокойно, монотонно, серо. Круг интересов и вожделений тот же, что и раньше: книги, журналы, кофе, курево, еда — это, если хотите, ответ на Наташкину просьбу писать о своих пожеланиях. Впрочем, через недельку вы получите более детальную информацию о наших потребностях и возможностях. Что касается собственно меня, то я с удовольствием вкушаю от благ, когда они есть, и не очень страдаю от их отсутствия. Единственное, без чего мне по-настоящему трудно и страшно, — это письма.

Но я, конечно, понимаю, как тяжело четвертый год подряд писать в неопределенность.

И все-таки я чертовски удачлив. Мне, как всегда, везет: рядом чудесные товарищи, отличные люди; без них было бы уж слишком скверно. А так — еще можно крылышками трепыхать.

Нынче — день рождения Людмилы Ильиничны [Гинзбург]. По этому поводу человечество устроило воскресенье, местные деятели — световые эффекты (свет возникал и гас каждые пять-десять минут), а мы — кофе (и это было, пожалуй, самым трудным мероприятием). Пожелали ей жить сто лет, а дальше — видно будет.

Кстати, пусть Наташка не завидует нашим выпивонам, на фиесты это мало похоже: мы, к сожалению, можем выступать только в роли пикадоров — а уж как иногда в матадоры хочется!..

Санюшка, я ни на чем не настаиваю, пиши о чем хочешь и как хочешь, но, пожалуйста, — почаще. Мне это, помимо всего прочего, нужно, чтобы не жить со сжатыми челюстями: чувствовать, что есть еще мир более или менее нормальный, — не такой, как мой и теперешний мамин.

| 25/IX/68

С письмами — как с керосином: нет и неизвестно.

Я уж не буду дожидаться, отправлю этот листок.

Новостей у нас по-прежнему никаких. Разве что бандерольки пришли — Алику [Гинзбургу], Бену [Ронкину], Виктору [Калниньшу], Яну [Капициньшу], — а в них очень завлекательные вещицы: «Новый мир» № 5 (как похудел, бедняга, — на диете был, что ли?), воспоминания о Тынянове, стихи. А мне — милые открытки и роскошная большая тетрадь в клеточку, которую я тотчас же облил слезами. Ведь в нее писать надо! Что это — драма или трагедия: есть на чем, есть чем, есть о чем — и не могу... То есть мочь-то могу да что толку? А эти звери, Алик и Юра [Галансков], еще подначивают: «Давайте-давайте, кончится эта — еще подарим, такие же!»

Малыш, дома не осталось ли фотографии, на которой мама и Толя [Марченко]? Одну такую года два назад прислали на 11-й, но ее забрал Толя Футман. Пришли, если есть. И вообще, если есть новые фото, твои и мамины, пришли. Последние были: мамины — работы Юры Левина, твои — две тунгусскометеоритные, отобранные мною у Валерия*. И вообще, это «всем касается» (обычная формула, подтверждающая святость сигналов и команд) — фото — это то, отсутствие чего меня обижает всерьез. Почему трудно письмо напи-

сать — это мне понятно; а вот фото не посылать — это уже очень непохвально.

Санюшка, я ничего не пишу о самом главном, о том, что единственно меня сейчас волнует; но ты и сам знаешь об этом. Знаешь и о том, как писать, чтобы письма доходили, чтобы к ним не было придинок.

Обнимаю тебя, милый.

Всем друзьям — самые нежные приветы.

Хочется верить, что в кругу наших друзей и знакомых не произошло никаких перегруппировок, вроде тех, что были три года назад?*

п и с ь м о п я т ь д е с я т п е р в о е

30/IX/68

Санюшка, милый мой!

Вот я и выслушал новости*, и кое-что для меня прояснилось. Не могу сказать, чтобы узнанное мною меня утешило и успокоило. Однако кое-какие умозаключения я сделал. Касаются они прежде всего тебя. Первое и главное: я настоятельно прошу тебя, чтобы ты ограничил свои занятия только учебой и работой (учебой или работой — это уж как получится). Твои заботы о положении мамы должны касаться только бытовой стороны (сюда, разумеется, входят и всякие деловые, официальные мероприятия — с адвокатом, например; но в этих случаях желательно все же, чтобы с тобою был кто-либо из друзей: это не от недоверия к тебе, а от уверенности, что житейского опыта у других все-таки больше). Теперь относительно опекуинства*, о котором писал Саша [Воронель], или другого, о котором рассказала Ариша [Жолковская]. Сейчас пойдут недоумения, адресованные не только тебе, а и Саше, и Люде [Алексеевой], и другим. Из письма Саши совершенно невозможно понять, какое практическое значение имеет и может ли вообще иметь подобная церемония. То есть начисто об этом ничего не сказано. Я полагаю, что такие вещи можно и нужно писать без обиняков: связано ли это с возможностью (или необходимостью) отъезда, с квартирным ли вопросом, с чем-то еще. Если же речь идет лишь о некоем символическом акте — то зачем он? Я уверен, что и Саша Воронель, и Иосиф Аронович с Аллой Григорьевной [Богоразы-Зимины], и многие другие достаточно серьезно и деловито отнеслись к случившемуся, и в ценности их практических советов можно не сомневаться. Думаю, что и ты, Санька, разделяешь мою точку зрения.

В принципе я против твоего отъезда из Москвы*. Мне кажется, что ты должен взять любую работу, которую тебе предложат, рабо-

тать и учиться как можно усерднее, так как жизнь тебе — во всяком случае, в ближайшие годы — предстоит нелегкая. Я не знаю, каковы намерения Комитета государственной безопасности относительно тебя и есть ли эти намерения вообще; но не исключено, что какие-нибудь перестраховщики на местах и в отделах кадров попросту побоятся принять тебя учиться или работать. В этом случае я прошу тебя незамедлительно сообщить об этом мне: я добьюсь возможности поговорить об этом в достаточно высоких инстанциях. Все это: об отъезде или неотъезде, о приеме или неприеме я пишу, как ты понимаешь, почти наугад — информация у меня достаточно куцая. Может, все само собой образуется.

Во всяком случае, желание узнать мою точку зрения, получить мой совет, или пожелание, или распоряжение — можно осуществить лишь при одном условии: если мне будут писать о конкретных вещах.

Я понимаю, что затруднительно писать о планах и прогнозах; но подумайте, каково-то мне давать какие-то указания в связи с общими рассуждениями; рассуждения-то общие, а действий от меня хотят конкретных.

Еще одно: мое первое пожелание Саньке имеет отношение не только к нему. Я очень, очень не хочу новых бед. Я писал, что действия Лары не подлежат обсуждению и осуждению — кроме всего прочего еще и потому, что они уже совершены. Подумайте об этом, все мои любимые! Самое время руководствоваться критерием целесообразности. Вы — все — пишете (и писали) мне, чтобы я берег себя — я-де вам нужен. Но ведь и вы нужны и мне, и Ларе!

Критерий же «я не могу иначе» — конечно, очень серьезная штука; но когда он не сочетается с пользой и для ближних, — он всего лишь акт самоутверждения. Ей-Богу, никто из вас, по моему твердому убеждению, в этом не нуждается. Все вы и во всю свою жизнь и в последние годы достаточно отчетливо утвердили себя как рыцари. Не слишком легкий, но в общем посильный груз, который я нес три года, сейчас удесят�ерился; еще что-нибудь подобное — и я уже не дотяну.

Если бы я был в Москве, я бы загородил дорогу тому, кто захотел бы так поступить*, — рискуя быть избитым по всем правилам классического мордобоя (впрочем, меня бы, вероятно, нокаутировали в первый же момент — я-то ведь боксом не владею*).

Не сердитесь за эти просьбы — просто я очень люблю вас. и мне страшно.

У нас внешне все благополучно, по-старому. Начальство нас не трогает, мы его — тоже. В общем, жизнь обычная.

Читаю, думаю, немножко пишу. Но рассказывать вам сейчас о читанном, делиться мыслями — не вмоготу.

Вся наша братия в порядке. Алик [Гинзбург] ходит немножко не в себе после свидания; аптекарскими дозами вспоминает московские новости: вдруг хлопает себя по лбу и сообщает что-нибудь вроде Людиной курицы в холодильнике.

Сегодня уже 1 октября, и я могу отослать письмо.
До свидания, Санюшка и друзья.

п и с ь м о п я т ь д е с я т в т о р о е

3/X/68

Здравствуйте, мои дорогие!

Не знаю отчего, но что-то у меня настроение нынче вполне сносное. Может быть, от письма Иры Уваровой — такого чудесного, умного, заботливого — я его нынче получил. Милая Ира, не надобен мне двухтомник Мейерхольда, несимпатичен мне (очевидно, по невежеству моему) этот деятель. И так уж неизвестный благодетель прислал мне огромнейший сборник воспоминаний. Я его добросовестно прочел и утвердился в своей неприязни. Я ведь вообще консервативен в своих вкусах и обожаю традиционность, не хуже редколлегии «Октябрь».

Это письмо и полученные вчера письма от Ирины Глинки и родителей совершенно меня успокоили относительно Санькиного быта. А также — его позиции, тенденций его поведения. Слава Богу, если все так.

А что касается «катарсиса в античной драме», если уж применять этот термин к сугубо современным трагедиям, то я, хоть и не театровед, думал об этом часто и помногу, и думал вполне спокойно, с должным уважением к жанру. Но это было, когда я сам участвовал в действе — то ли персонажем, то ли актером, пес его разберет. И вот теперь оказалось, что выходить на сцену куда как проще и легче, чем быть зрителем... И то, что казалось вполне сносным, абсолютно закономерным и даже в чем-то полезным, — оказалось совершенно невыносимым, чудовищным, когда это коснулось другого, близкого человека. «Судьба»? Да, конечно. Но только Лара и я знаем, где, когда и как Лара оказалась беззащитной перед формулой Лютера*. А понимаю это до конца только я. Какие только причудливые костюмы не напяливает на себя эта самая «судьба». Никогда не перестанешь удивляться этой цепочке, где начальным звеном может быть камень на дороге, о который споткнулся и оборвал подметку, а конечным (виноват, — «катарсисом»!) — тюрьма. Так-то вот, милый мой театровед. А что это вы пишете о своей любви к детям? Всем извест-

но, что Вы — детоненавистница; насколько я припоминаю, Вы приоткрыли эту черную бездну в своей душе при помощи статьи о периферийном театре, за что вполне справедливо получили по башке (пardon!) от нашей славной общественности*. Так ведь? На память мою жаловался только мой следователь...

Вот. А теперь — Ирине Глинке. Собственно, не ей одной — просто ее письмо — последнее по времени, в котором содержатся призывы к благоразумию. Милый мой друг, я настолько все понимаю и настолько преисполнен чувства ответственности, что благоразумен до изумления, до отвращения, до тошноты. Мне от собственного благоразумия, простите, блевать хочется. Если что-нибудь может исковеркать мою душу, заставить меня потерять самого себя, необратимо измениться — то это оно, родимое, — благоразумие. Не представляю себе, что за сокровище вы получите в моем лице через два года.

Единственная моя надежда, что я не окончательно паду к самым высотам здравого смысла, в том, что я все же принимаю противоядие — работаю.

Простите меня за тон, он вызван не непониманием заботы Вашей и других друзей, а отвращением к ситуации, весьма напоминающей охоту с флажками. У зверя хсть то преимущество, что «выход» действительно кажется ему выходом.

Увы, мое вино, я вижу, превращается в уксус.

| 5/X/68

Перечел написанное позавчера и остался весьма недоволен собою: обычная амплитуда колебаний между «здравием» и «упокоем». Не надо недоумевать. Настроение у меня действительно, как бы это поточнее выразиться? — ровное, что ли. Тем более, Алик [Гинзбург] в толстой, с иголки новой книжке, именуемой «УК», вычитал, что неприменение условно-досрочного освобождения не распространяется на статью 190*.

Так как, Наташка [Садомская], будем мы жить «счастливо и гармонично» через два года?

Санюшка, а твоего письма о предрассветном Таллине я и не нюхал. Вот обида-то.

А Вы, Ирина (которая Глинка), не извиняйтесь в другой раз за рассказы о домашних, житейских делах. Мне интересно и какая маска у Вас получается, и то, что Лидочка отлично выглядит (привет ей!), и все, что лежит по ту сторону черты. А черта есть. Сейчас, когда мы получаем хоть и скудные вести от товарищей Валерия [Ронкина] и

Сережи [Мошкова] — от тех, кто уже на воле*, — я с горечью думаю, что эта самая черта еще на долгие годы останется в нас. А раньше-то — в самом начале — я думал, что сброшу с себя эти годы вместе с лагерной курткой. Спасибо Вам, друг мой, за «Декоративное искусство» — целых три знакомых имени в оглавлении, это очень здорово. И вообще этот номер меня порадовал: хорош и сам по себе, а для меня — особенно...

Его («Д.И.») я получил сегодня, а одновременно: Яшина, Горбовского (у нас этого Горбовского уже не то 4, не то 5 штук), корейцев — кажется, от Майи Злобиной. Кажется, — потому, что адрес обратный подмок и расплылся почти до непрочтения. Еще — «Мастерство перевода» с Тошкиной статьей*. Всем спасибо.

Сегодня же до меня добралось Улановское письмо, в котором этот сборник мне сулят. Маинька, я получил твое письмо августовское, просто ты еще моего подтверждения не читала.

С коровьим равнодушием пробежал я сообщение о Померанце и о книжке про религии и этак небрежно бормотнул вслух: «Вот-де, Майка [Улановская], дуреха, пишет мне о каких-то неведомых людях — о Грише Померанце...» Юра [Галансков] и Алик так и подскочили: «То есть как это — неведомых?!»* Растолковали мне, и я вспомнил, что даже видел его один раз — когда Зина Миркина читала свои стихи в ЦДЛ; нет, не на сцене и не за круглым столом, а в каком-то закоулке. По-моему, Сашка и Нэлка [Воронели] были.

Весьма огорчил меня эпизод в школе Саньки-маленького*. Не сам по себе — он вполне, как видно, в духе времени; огорчила меня Санькина реакция, вернее, ее отсутствие. Скажите Саньке, что мы здесь не деремся, стараемся не драться — это грозит нам слишком тяжелой расплатой. Но из этого правила есть исключение — и как раз этого типа. Есть вещи, которые не должны оставаться ненаказанными; фашизм надо истреблять во всех видах; зародышевый фашизм, как правило, уничтожается хорошей затрещиной.

А еще прочел я «письмо в письме» некоей таинственной Ляли, которая сестра Наташи* (опять же совсем я ее не знаю), которая, в свою очередь, хорошо известна Алику и Арише [Жолковской] (наконец-то я добрался до известных мне людей!).

Ляля, наверное, и не представляет, как я обрадовался ее страничкам. Дело в том, что цыгане — моя давняя и незатухающая любовь. И мне очень, очень радостно, что кто-то еще чувствует так же, как я. Все очень похоже, вплоть до того, что я тоже чуть не подпрыгивал от радости, когда меня спрашивали, не цыган ли я. А я в отрочестве был совершенный цыганенок. Да и потом, лет эдак до 25–27. А уж после полезла наружу моя иудейская подоплека... Меня всегда

восхищало их великолепное пренебрежение ко всему, что мы напридумывали, — от манер до комфорта. И действительно, в них «что-то птичье и египетское есть». И дело вовсе не в том, что они красивы почти все — по нашим, по европейским меркам; нет, даже какая-нибудь смуглая, маленькая, кособокая, с отвислыми грудями — проходит не среди, а сквозь и мимо, как мы проходим мимо неинтересных и неодушевленных предметов. И отношение у них к нам тоже чисто утилитарное: они нас замечают, когда мы нужны (как мы — к предметам); лишь тогда они кружат около нас свои замызганные юбки. Тем более мне приятно вспоминать, что ни одна моя встреча, ни один разговор с цыганами не был для них материально выгоден. Помнится, у меня никогда и денег-то не спрашивали. Своего, что ли, узнавали?

Да, еще Саньке-маленькому: очень мне жаль, что не дошло мое письмо с разбором его стихов. А повторить этот разбор я уже не смогу — письмо со стихами не сохранилось.

Завтра воскресенье. Буду читать «ДИ» и о 66-м сонете. Когда я впервые попал в «угловой домик»* (летом 66-го), у меня там оказался сосед. Он стал расспрашивать меня о моей профессии, разговор перешел на стихи вообще, и он сказал, что читал одну книгу (названия не помнит) какого-то заграничного писателя (имени не помнит), о музыканте, который бежал из своей страны в чужую (откуда? куда? — забыл), и что там в середине книги, на чистой странице, между частями («Как это называется?» — «Эпиграф». — «Во-во») был «стих». И он стал читать наизусть: «Зову я смерть...»* — и до конца. Книга, которую он читал, — «Изгнание» Фейхтвангера.

| 6/X/68

Воскресенье, вечер. Целый день дождь. Холодно. Лето кончилось бесповоротно, впереди шесть месяцев холода и неуютя. Я не умею выключаться, а люди не умеют молчать, и поэтому зимы наполнены бесконечным гулом голосов, в каждом углу, рядом, везде. Уйти-то из барака некуда. Вот они и сидят, разговаривают: «Він написав листа...» — «...старуха нажарит картошки с салом...» — «Вилис (это мне), ты квораешь? Покури, макорка корошая...» — «...полез в погребушку, а шкворень — бряк! Четверть — вдребезги... Первач был...» — «...тогда еще ничего было, в 29-м, еще не очень...» И так далее, и тому подобное, каждый вечер.

Вот сейчас отужинали, приутихли. Радио очень энергично уверяет, что оно «неспособно к грусти томной» — почему-то по-немецки.

Ян [Капициньш] сидит на своей постели, вздыхает, любуется перстнем — у него здоровая такая блямба, с парусом, — пишет очередное бесконечное письмо. Письма у него — 15–20 таких вот листов. За столом играют — слава Богу — не в домино — в шахматы. Это Киму хорошо распевать «Давай забьем козла — ха-ха!», или что-то в этом роде, а здесь как рывкнут «Рыба!», да как брякнут костяшками об стол, так аж до потолка взовьешься, благо недалеко.

Прочел я Тошкину статью. Мне почему-то кажется, что она была больше, подробнее? Я ведь ее раньше не читал, а слушал. Такое впечатление, что там о серединке сонета было что-то еще? Сейчас прочту Эткинда и Финкеля, соседей Тошкиных*.

| 11/X/68

Давно уже почта меня не баловала так, как сегодня. 6 писем и 2 открытки. От Ариши [Жолковской], от Маришки [Домшлак], от Михаила [Бураса], от Марленки [Рахлиной], от Юры Л[евина], от Наташи [Садомской], от Майи З[лобиной] и от Ирины Г[линки].

Вот я сейчас буду понемножку отвечать на эти письма, чуть-чуть. И если что не так — простите. Дело в том, что Бен [Ронкин] и Сережа [Мошков] ушли на свидание; Бен вернется через три часа; и у меня есть серьезные основания думать, что вернется он с новостями, важнее которых сейчас для меня нет ничего.

Милая Ариша, напрасно Вы подозреваете амикошонство в тех эпитетах, которым я могу только радоваться и за которые признателен Вам. Невместно Вам взвешивать по-аптекаарски оттенки слов; наше с Вами странное знакомство (и ведь действительно — странное?) дает нам право писать так, как хочется, не ломая головы над стилем. Так, по крайней мере, чувствую я. И чувствовал еще до того, как Вы стали мне писать. Почему — я и сам не знаю. Так я Вас «вчислил», вероятно, по тем кусочкам писем, которые Алик читал мне вслух. Кстати, наябедничаю: этот легкомысленный молодчик на днях в ответ на мое «Будете писать — поблагодарите за приветы» — заявил совершенно хладнокровно: «Так они (т.е. Вы и Л.И.[Гинзбург]) в каждом письме кланяются и целуют, просто я передавать забываю...» Каков, а? Об Алике: он совершенно здоров, весел, бодр и деловит. Очень ровен, что, по-моему, в лагере — одно из главных условий сохранения себя. Когда-то мои друзья — не все, а некоторые — говорили, что я — гармоническая личность. Так вот, если это так и было, то в самые лучшие времена у меня не было и десятой доли той гармоничности, которая ощущается в Алике. Я уверен, что для меня обще-

ние с ним было бы большой радостью и помощью, даже если бы у нас не было общих друзей и общих вкусов.

Я, право, не знаю, что ответить на Вашу «просьбу о просьбах». У меня нет никаких отдельных просьб; мне действительно ничего не нужно экстраординарного. А о том, чего не хватает нам всем, Вы знаете от Алика. Мне нужны только журналы и книги; но Вы уже обещали сделать для нас всех подписку, а с книгами я устроился и того проще: кому что вздумается, пусть то и присылают, на свой вкус. Ну, если уж очень хочется, пришлите мне «Дело, которому ты служишь» Ю.Германа, о врачах, не то ди-, не то трилогия.

Марленка, ты все еще не оставила безумной мысли породниться со мною?* Я не сомневаюсь, что ты будешь прелестной тещей, может быть, почти такой же прелестной, как моя, — почти! Но подумай, как мы немедленно начнем собачиться, когда станем сватьей и сватом — кажется, так это называется?

Голубчик мой, милая, я знаю, что ты мне друг, — и лучший, чем был я тебе в почти аналогичной ситуации. Никогда себе этого не прощу. Утешаю себя лишь тем, что ты знаешь: это была не трусость и не безразличие, а легкомыслие, бездумность*.

Я очень рад тому, что у вас там все тихо и мирно. Вариант же с Харьковом для Саньки кажется мне, к сожалению, нереальным*. «К сожалению» потому, что а вдруг бы сыну так же пофартило бы в Харькове, как его отцу?

Фиме, Жене и Сане [Захаровым] — привет. Сане скажи, что реветь не надо. Ее подружка — молодец*, дай Бог любому — не ее судьбу, конечно (в смысле — не такого мужа и не такого завершения научной деятельности), — а ее мужество и благородство, ее человечность.

Отдельно привет — Лине [Волковой]. И всем напрочь забывшим меня харьковчанам отпускаю грехи и кланяюсь.

Наташка и Майя З. — умницы и почти такие же красавицы, как те две псины, на обороте которых так элегантно накарябаны сообщения о двух котятках Туськи, о гастролях А.Райкина и о Санькином трудолюбии. Целую обеих, и привет ихним детям: Ляльке [Злобиной] и Борьке [Шрагину].

Спасибо тебе, Миха, за письмо о Саньке. Мне трудно судить, действительно ли Санька так похож на меня (Санька, ты похож на меня? Ой, не советую!..); впрочем, ты не один это замечаешь. Хоть и жалко, но — приятно.

А зря ты все-таки не отвечаешь на те вопросы и соображения, которые адресованы тебе. Мне хотелось бы кое-что выяснить до моего возвращения. Скажешь — не время? Самое время, друг мой, то

есть более подходящего времени, чтобы расставить все точки и многоточия, специально не придумашь. Сейчас уже — три года прошло! — можно подвести некоторые итоги, обозначить водоразделы и понять, что за эти годы было случайным и опрометчивым, что главным; изменились ли твои и мои взгляды на общих знакомых (и в хорошую и в плохую стороны), дать оценку этим взглядам и их проявлению. Есть, есть о чем поговорить, Миха. Подумай. Ведь может статься, что я устану задавать вопросы и ничего не получать в ответ.

Поклон семейству (вот ведь я даже не знаю, как эти мои поклоны принимаются...)

Дорогой Юра! То, что Вы написали о Ларке, более чем правильно — это справедливо. И в отличие от известного изречения — «справедливо — и утешает».

У меня к Вам большая просьба. Вы — единственный из известных мне близких друзей Лары, в чем-то профессионально соприкасающийся с ее научными интересами. Об этом-то — о лингвистике и лингвистах, о своих работах, о своих концепциях — я и прошу Вас писать Ларе, как только это окажется возможным. Я не очень внятно выражаюсь? Ну вот, к примеру: я был совершенно счастлив, когда Тошка советовался со мною по поводу своих переводов стихов или рассказывал о переводах Гелескула и давал им оценку. Это возвращало меня к моей, к нормальной жизни, понимаете? Очень может быть, что ей будут писать коллеги; но ни с кем из них я не близок настолько, чтобы обратиться с подобными рекомендациями. Но ведь Вы на меня не обидитесь, что я пытаюсь завести в Ваших будущих письмах постоянную рубрику?

Маринка, родненькая, все так и все нё так в твоём письме. Бог мой, «чувство вины»! Как не быть ему, — должно быть. Только, пожалуйста, не отделяй меня от «виноватых». Я не знаю, подумала ли ты о том, что вина общая, большая, одной каплей вбирающая в себя августовское несчастье («несчастье» — это я лишь о результатах). «Не уберегли!» Можно подумать, что нянька ребенка недосмотрела. Хотел бы я посмотреть, кто и как «уберег» бы меня, к примеру! Это глупости, дружок, и совсем не надо казнить себя, терзаться. Мне пишут, что Ларка спокойна и весела. «А почему? А потому, что был солдат бумажный»*, потому, что произошло, вероятно, полное самовыражение. И выразилась эта самая «самость» в той форме, которая ей, «самости», больше всего соответствует: «В огонь? Ну что ж...» Так как же, все, кто не «в огонь», — виноваты именно в этом? По-моему, нет. Самовыражаться можно и должно естественным для каждого способом. А мы это делаем очень редко, и в этом наша вина, наша беда. Ох, Маринка, пойми ты: я не могу спорить с тобою и убеждать тебя, все

равно все аргументы, примеры и доказательства потом пришлось бы вычеркнуть. Кстати, это было бы ко всему еще и автоплагиатом...*

Что-то я с тобою все спорю, спорю, цепляюсь за то, с чем не согласен, и каждый раз забываю сказать о том, как радостны мне совпадения наших точек зрения во многом — и в главном, и в мелочах...

Юркино [Герчука] письмо было одно — из Крыма, с грустной концовкой, — то, которое начато было еще в Москве. И мне очень жаль, что первое ухнуло. Кроме того, что Юркины письма — Юркины (главная их ценность), мне еще нравится, как он пишет, — и не только письма. Вот в «ДИ» из трех статей знакомых мне авторов лучшая по манере, простоте, сдержанности — его. И поэтому, наверное, — наиболее убедительная.

В «Книжном обозрении» вычитали, что книжка ваша уже вышла (Алик, отрываясь от страницы: «А вот и ваш знакомый — Герчук! А кто этот (!) — Дом-шлак?» Я: «Тьфу на вас! «Этот»!»)

Ирина, Ваши исторические изыскания (размышления? суждения?) выразительны и изящны так же, как и Ваши силуэтики из проволоки, — и так же откровенно тенденциозны. Я имею в виду их цель — вызвать аналогии. Знаете ли Вы, кстати, мимический номер, который Ларка показывала в те периоды, когда носила длинные волосы? Прядь волос закладывалась между носом и верхней губой, глаза вытаращивались, голова откидывалась чуть назад — и получался молодой Петр I. Сходство было удивительное... Да, Вы правы, у Петра было умение воспарять духом после неудач, у него-то было... Ларку я практически не знал в течение последних четырех лет — то есть в тот период, когда она совершенно высвободилась из-под всяких — и моих в том числе — влияний. А это значит, что я просто не в состоянии моделировать ее поведение, для меня оно непредсказуемо. К тому же: вдруг то, что произошло, — не неудача? А сможет ли она «воспарять» после удачи? Это не такой уж дурацкий вопрос, как может показаться. Я с ужасом, с содроганием, с омерзением думаю о быте, который ее ожидает. Мой опыт — не пример*. То, что может быть у Лары, — в десять, в сто раз хуже. Во-первых, как это ни печально, женские коллективы всегда хуже мужских; во-вторых, самый стиль взаимоотношений, как по горизонтали, так и по вертикали, в заведениях такого типа совершенно иной — никакого сравнения. И специфику этого стиля ничто не может компенсировать: ни посылки, ни свидания, ни что-либо иное...

Альбом графики Пикассо есть уже у Алика. На «Иностранную литературу» у меня подписка, и № с Камю я уже давно получил.

Странно то, что я написал сейчас о Ларке? О своем незнании ее? А кто кого знал как следует? Мне случалось недоумевать, получая

письма, в которых было удивление по поводу моей персоны. Я чесал в затылке: «Что ж это? Неужели раньше не знали? Я же ничего ни от кого не скрывал — ни плохого, ни хорошего...» А потом я начинал думать о том, как сам заблуждался в оценках друзей и близких. И три года Ваших писем тоже многое привнесли в мое представление об Ирине Глинке. Правда, в этом случае только привнесли, а не изменили. Когда-нибудь я Вам расскажу, что было привнесено и что подтверждено.

| 14/X/68

Ну вот, сегодня наконец я получил то, чего ждал эти три дня*. Лаконичную телеграмму от Саньки. Я так догадываюсь, Санюшка, что и в остальных случаях суд удовлетворил скромные пожелания обвинения?»

Что сказать? Теперь, когда я уже знаю о 4-х годах ссылки, меня точит червь: куда? что за место? какая работа? как с жильем? будет ли возможность заниматься своим делом — лингвистикой? И десятки других — бытовых и небытовых — вопросов. Это — теперь. А три дня подряд я молил Провидение об одном — чтобы было именно это, не больше и, главное, не лагерь.

И знаешь, Санька, здесь вокруг столько людей, досконально знающих все и всякие варианты, и они обнадеживают меня, что это, как правило, совсем не страшно. И их рассказы успокаивают меня; тем более что сведения их, их опыт относится ко временам 10–15-летней давности. Не может же быть, чтобы сейчас было хуже, чем в прошлом десятилетии! Тем более что проблему снабжения мамы гардеробом и всяческими калориями можно и должно решать в Москве. Тем более что проблему общения с нею решает только желание друзей. И, разумеется, деньги, которые для этого должны найтись. Тем более... в общем, много всяких тем более.

Не обижайтесь на меня, друзья, я все-таки не могу удержаться, чтобы еще раз не напомнить вам всем о том, что такое для нас письма. Для меня, например, они были первым по значению моментом, помогавшим мне жить здесь, не теряя достоинства и веры (на втором месте — товарищи по лагерю, на третьем — я сам). Были и остаются. Но я потерплю, я понимаю, что трудно и некогда, что есть и настроение, и работа, и быт, и многое другое. Пишите Ларе, ради Бога, как можно больше и чаще, особенно на первых порах. Простите мне истерический тон прежних писем, я больше не буду распускаться, — пожалуйста, пишите ей; поверьте мне на

слово, что письма — это действительно важнее всего, это как вливание крови.

Санюшка, одновременно с телеграммой — твое письмо от 30/IX, из Элисты*. Ну что ж, значит, опять отстал от самолета? Я тобою недоволен: куда девались твои эстетические критерии? Ты пишешь о деканах, ректорах и прочих в брюзгливо-ироническом тоне. Но согласишься, что все это было проделано очень элегантно*. Нет, все-таки молодцы прибалты! Европа, туды ее в качель.

Мне неясны кое-какие житейские вопросы; о твоих дальнейших планах я тоже только догадываюсь. Но — ничего, я подожду, пока ты или кто другой сочтет возможным написать мне об этом.

Теперь о моем письме. Когда я писал, я не предполагал, что стал таким великим, что меня можно толковать и переводить, как Шекспира. Помнишь, у К.Чуковского: «10 способов искажения Шекспира»? Так вот, ежели я пишу «не расширять круг знакомств», то это значит именно то, что написано, а отнюдь не «сужать»*. Ты понял меня совершенно правильно, Санька. Еще чего — отказываться от людей!

Теперь вот что. Милый, я обещаю тебе «держаться так же, как держался до сих пор». Даже больше того: я постараюсь быть еще тише. Но и ты держи слово. Заметь — тебе плюнуть и отойти все-таки легче, чем мне. Я надеюсь, ты не презираешь меня и не запишешь меня в житейские философы. И не подумай также, что я уверовал в формулу «цель оправдывает средства». Просто я глубоко убежден, что не стоит заколачивать гвозди микроскопом. Кстати, я вовсе не считаю, что не надо вообще заколачивать гвозди.

Кроме того письма, на которое ты отвечаешь, были отправлены еще два 28/IX и 1/X. В последнем была страничка, адресованная «только тебе». Я боюсь, что это письмо не застанет тебя в Москве. Ты пишешь, что тебе будут пересылать письма; все это хорошо, но выполнение моих просьб связано именно с Москвой. Стало быть, тебе придется отложить мое поручение до ближайшего приезда в Москву. Но именно отложить, а не упразднить. На эту тему есть в твоем письме одна-две фразы — обещание рассказать. Я с интересом слушаю, может быть, даже с сочувствием — и тем не менее я настаиваю на своей просьбе, независимо от твоей аргументации*. Здесь замешаны такие мотивы, от которых я не могу отказываться ни по каким причинам; кроме той, о которой я писал в самом первом к тебе письме. Но этого, насколько я понимаю, нет.

Да, вчера пришли бандероли: от Аллы Григорьевны [Зиминой], от Юры Левина, от Наташи. Все благополучно получил. Спасибо!

До свиданья, малыш.

До свиданья, все. Помните о письмах Ларке.

Алла Григорьевна и Иосиф Аронович [Богоразы—Зимины]! Я вам в ближайшее время напишу отдельно. Но вы все-таки не дожидаетесь, пишите сами, коротенькие хотя бы письмишки, открыточки.

Целую вас.

Ваш Ю.

Санька, как только у мамы появится адрес, перешли ей мои письма, ладно? И, само собой, телеграмму сообщи его мне.

Обнимаю тебя.

Ю.

п и с ь м о п я т ь д е с я т т р е т ь е

| 27/X/68

Собственно письмо я уж начну после свидания*, а сейчас просто сообщу, что я получил со времени отправки последнего письма (ушло оно, судя по квитанции, 19 октября).

Итак: телеграмма от Саньки; бандероли от Люды [Алексеевой], Ариши [Жолковской], Лидии Корнеевны [Чуковской] и Майи Русаковской. И еще раз от Ариши. Письма от Люды, Майи Злобиной, Кадика [А.Филатова] и Лени [Ренделя]. Записочки в бандеролях от Майи и Ариши. Все. Персональную реакцию выдам потом, после разговора с Санькой.

| 29/X/68

Еще два письма: от Марка Азбеля и Михаила [Бураса].

| 1/XI/68

Вроде бы я все рассказал вчера, Санька? Тогда о чем же мне писать? Разве что о том, что было непосредственно перед самым свиданием и после него.

А перед самым свиданием я с досадой любовался Юрой Левиным*, который глядел и налево, и направо, и под ноги, и на небо — куда угодно, но только не на меня. А я был от него в десятке метров и чуть не выдавил носом оконное стекло. Надо сказать, что вид у Юры был несколько обалделый — этакая деловито-растерянная физиономия. Еще бы! В первый-то раз увидеть этот пейзажик. Как бы то ни было, а рассказать о своих ощущениях я просто не в состоянии. Это

все-таки чудо: вдруг увидеть во плоти Юру. Все вы для меня стали почти идеями — и вот произошла материализация. Нет, все-таки занятно жить на белом (даже и не на белом) свете.

(Да, вставка, чтоб не забыть; вчера я, конечно, позабыл. Нужны, и, по возможности, скоро, медицинские эластичные чулки, которые носят при расширении вен. Желательно длинные, как женские, а если таких нет, то комбинированные: до колен и отдельно наколенники. Параметры: щиколотка — 21 см, икра — 32 см, под коленом — 31 см, бедро — 40 см. Наверно, у медиков размеры этих чулок под номерами, но мы их не знаем. Алик [Гинзбург] уже написал Арине, но еще неизвестно, чье письмо скорей дойдет. Пожалуйста! Это для хорошего человека.)

Вот вернулся я со свидания, банда схватила меня под белые руки и поволокла: «Рассказывайте!» Ну я и рассказывал, что запомнил. Все очень довольны. Ну и ну! Я и сам-то доволен, вот ведь какая чертовина!

И только после того, как я выложил все новости, меня отпустили и я смог прочесть письмо Ирины Глинки и твое, Санюшка, — то самое, о котором ты говорил на свидании. Я его прочел и еще более утвердился в своем мнении относительно того, как тебе жить надлежит. Я надеюсь, что все друзья и доброжелатели одобряют мои ультиматумы. Я сопоставил все и всякие письма с Санькиными рассказами и решил дебаты о Санькином местожительстве прекратить*. Москва. Работа. При первой же возможности — учеба. При любых обстоятельствах — самостоятельная учеба. И баста. Дано в Озерном, 31/Х-68 г. И хватит демократии, парламента и прочей буржуазности. Да здравствует просвещенный абсолютизм, даже — деспотизм.

Еще два письма — от Юны [Вертман] и от Наташки [Садомской].

| 3/ХI/68

Так вот, сейчас я, не торопясь и по порядку, буду отвечать на письма.

Итак, письмишко моей родственницы*. С присущим ее нежному возрасту легкомыслием Людка информирует меня о своем положении безработной бабушки*, а также о некоторых деталях жизни и быта наших общих знакомых. Так держать! Мне как-то очень по душе эта оголтелая жизнерадостность и забубенный оптимизм. Тем более что он — этот оптимизм — оказался вполне резонным. «Недурно для медведя, у которого в голове опилки!»

Мае Злобиной — огромное спасибо за фотографии. Забавно, что каждого из трех (я говорю только об известных мне лицах — де-

вица, демонстрирующая две пары конечностей, должно быть, Лялька [Злобина]) я видел только отдельно и как-то не представлял себе такого трио. Относительно того, почему письма Майи так «заедает», — увы, ничего не могу сказать! Пути начальства неисповедимы. Полагаю, впрочем, что сюжеты альковные или гастрономические будут проходить без задержки — как имеющие воспитательное значение.

Кадьке сообщите, что произошло удивительнейшее совпадение: я тоже полагаю, что история не прекратила течение свое, что жизнь продолжается и что мы еще выпьем немало водки, если ему почки позволят. Впрочем, о водке он, кажется, не пишет. А еще вот что: я понимаю, почему свое фото он не присылает — стыдно (если судить на фото в «Природе»); но почему у меня нет до сих пор лика Люки [Филатовой] (как звучит-то, а)?

Леничка, радость моя! Не можешь ли ты, обормот мой любезный, написать о себе хоть что-нибудь удобопонимаемое? Чтобы мы знали, где ты, что ты и как ты. И в другой раз поручения давай как-нибудь поаккуратнее. А то ведь я так и не смог выполнить твой наказ и «передать привет всем, кто тебя помнит». Я растерялся попросту: как быть с начальством? Передавать или не передавать? Ибо помнит оно тебя и не забудет никогда. И любит тебя любовью брата, а может, (очень даже может быть) еще, еще сильней. Привет Неле и будущему клоуну*.

Ариша, милая, Вы ввели в действие против (за) меня тяжелую античную артиллерию? Насчет Архилоха я сунул Альке четверостишие для вас. Что касается цитаты из Бернса, то тут ничего не прибавишь, не убавишь: хорошо и, главное, вовремя сказано и процитировано. Целую Вас и Людмилу Ильиничну [Гинзбург]. Я уже успел соскучиться без Алика*.

Майе Русаковской — благодарность, привет и сочувствие. Первый сборник Шаламова* пришелся мне очень кстати; а записочка меня растрогала. Всем, перечисленным в этой записке, — мой привет, а отцу ее [Л.З.Копелеву] — особый. Я его видел (в смысле — общался) лишь один раз и очень запомнил. Еще бы — он исполнял «Было у тещи семеро зятьев»! А еще я хочу такую же фотографию, как у Алика.

Я написал открыточку Лидии Корнеевне. Дойдет ли? Спасибо ей и Татьяне Максимовне за книги*. Впрочем, благодарность — это не то слово. Человеческие качества Л.К. я узнал еще на воле — читая книгу о редакции и другие труды. Поэтому, когда я познакомился с ее «публицистическим литературоведением» (я имею в виду, разумеется, работы, посвященные Герцену*), оно меня восхитило, но не удивило: благородство всегда последовательно.

А книга Чивера очень интересная; как бы это заполнить предыдущий сборник, о котором Т.М. поминает в предисловии?

Очень я попрошайка, да?

Марку и Найке [Азбелям] скажите, что это глупо даже для профессора Московского университета — сомневаться, нужны ли мне их письма. Я рад этим письмам и, по-моему, никогда не давал повода сомневаться в этом. А если что и остается недоговоренным — что ж, это только вопрос времени. Вернусь — договорим(ся?).

Ну на твое письмо, Миха, могу сказать лишь одно: я очень благодарен тебе за общение с Санькой. Собственно, я всю жизнь был уверен, что иначе и быть не может, что ты только так и можешь себя вести. Я рад, что не ошибся, — в конечном итоге. Но, друг мой, бывают такие времена, когда добрые слова приобретают весомость добрых дел, а отсутствие добрых слов нейтрализует содеянное добро. А злые слова — хуже злых дел. Сейчас как раз такое время. Я — за то, чтобы наверстывать упущенное и исправлять ошибочное.

Тебе, малыш, я на твое письмо ответил до того, как прочел его.

Юна, Юна, это Вы очень добрый человек, а совсем не те, о ком Вы пишете! Я, например, как горячий утюг: терпеть не могу, когда на меня плюют, — сразу начинаю шипеть. Так-то. Очень я тронут вниманием Анастасии Ивановны [Цветаевой] и семьи Бориса Леонидовича [Пастернака]. И жалею, что ни с кем из них не был знаком. Что же до Маргариты, которая со мной (с нами?) «полемизирует» *, как Вы выразились, то я что-то в толк не возьму — как это? О чем, собственно, полемизировать? Я говорил «да» тому же, чему говорил «да» Мастер, говорил и говорю «нет» тому же, чему сказал «нет» он. Только он говорил эти «да» и «нет» блистательно — на то он и Мастер. Я говорил — ну, не знаю, вполне возможно, что и посредством, во всяком случае величины настолько несоизмеримы, что и толковать не о чем. Эта общность «да» и «нет» — главное, остальное — ей-Богу, второстепенно. Тем более жаль и досадно, что и Вы и Алик говорите о ней как об очень мужественном и достойном человеке, а мне, ненасытному, все хочется, чтобы все хорошие люди обо мне хорошо думали.

Наташка, а ты и впрямь в пифии полезла. Прорицаешь, угадываешь и, — понемножку зазнаваясь, — поучаешь. Все это хорошо, дружок мой, и мы с тобою правы, и меж собой согласны, все чудненько. Только не от хорошей жизни наша правота, не стоит об этом забывать. Вот что, милая, плюнь-ка ты временно на все и вся и напиши мне большое письмо о себе — так, как будто ты пришла ко мне домой, залезла с ногами на тахту, сидишь, портишь сигареты и выговариваешься. Давай-ка?

Ирина, хорошая Вы моя, и о многом из Вашего письма я с Санькой успел загодя поговорить. Ну вот, кажется, у нас разногласий не будет? А Юру [Левина], когда он отдышится от пеших мордовских походов, заставьте все-таки сфотографировать маски — и Вашу, и его. И перестали Вы мне рассказывать о всякой изобразительности московской, эдак я одичаю и начну путать Репина и Рабина...

Просьбы: это — предпоследний мой конверт (последний буду беречь на письмо Ларке! Шучу, конечно, достать всегда можно); хорошо бы мне конвертиков, с марками. И без картинок.

И еще: кто-нибудь (напишите — кто) возьмите на себя труд по получении каждого очередного моего письма раздавать все мои приветы и отклики по назначению; иногда придется кое-что переписать и отправить в конвертике, скажем, в Харьков или еще куда. Раньше это с грехом пополам делала Ларка; а теперь, когда все утверждают, что Санька похож на меня, я, естественно, не могу ему это поручить. Кстати, эти уверения, что Санька — мини-Юлька (мини-юбочник?), меня совсем не радуют. С собой-то я уже примирился, вернее — привык; но Саньке вовсе нет нужды походить на кого бы то ни было. Это Борис Чичибабин вопил в журнале «Юность»: «Хочу быть таким...»*

Вот и все пока!! Надобно вам знать, что писать вам ответы доставляет мне почти такую же радость, как читать ваши письма. Стоит вскрыть, пожалуй, причины этой радости. Дело такое: попав в переплет, оказавшись изолированным от вас, я особенно остро чувствую необходимость объясниться каждому из вас в любви. Понятно?

Хватит на сегодня. Завтра-послезавтра погожу, а потом отправлю это письмо.

| 5/XI/68

Чуть не написал — «письмо от Арины». А оно совсем и не письмо, а стихи в конверте. И начинается этот цикл так, как будто автор консультировался со мной:

Я вздрагиваю от холода...

Но это я вообще, а сейчас у нас (пока) тепло и в бараче, и на работе (тьфу, тьфу!).

Почты теперь уже числа до 11-го можно не ждать. Завтра, пожалуй, письмо это суну за щеку почтовому ящику. Так что — привет всем от всех. А Ядвиге — отдельный привет!!

Пошлите Алику поздравление с днем рождения прямо в Саранск — и от нашего имени тоже. И десять-пятнадцать рублей — чтобы он мог там отовариться. Я это напоминаю к тому, что его здешние деньги

| 36

могут добраться до него к самому концу его пребывания в Саранске. На здешние темпы надежды невелики. А чие это гениальное изобретение — посылать финансовые документы отдельно от прочих бумаг? Я думаю, что его имя должно было бы увековечиться как имя выдающегося головотяпа нашей эпохи. Посылка всех документов сразу — кажется, что могло бы быть проще?

Ну ладно, пойду выкурю папироску — и спать. Ян [Капицыньш] смешивает остатки сигаретного табаку с махоркой — такой букет получается. Эх, пачечку бы-другую «Золотого руна»!

А кто из вас читал сборник А.Бирса? Он вышел в Гослите, кажется, в 66-м*. Стоящий сборник? Я про Бирса прочитал в книге Кашкина.

| 6/XI/68

Только что получил в целости и сохранности бандероли от сестрички [Л.Алексеевой], от Ирины Глинки и Наташи Светловой. Спасибо.

Целую.
Ю.

п и с ь м о п я т ь д е с я т ч е т в е р т о е

| 7/XI/68

Здравствуйте, дорогие мои Санюшка и К^о!

Прошрое письмо я наспех закончил сообщением о благополучном получении бандеролей от Люды [Алексеевой], Левиных-Глинок и Наташи Светловой. Бандероли отменные, очень пришлись по вкусу и мне, и всем прочим. Особливо «Мордовские пословицы и присловья». Они доставили нам немало веселых минут. Правда, мы дружно решили, что могли бы существенно пополнить этот сборник — не национальным, а территориальным фольклором. Кроме того, я давно уже подозревал, что знаю по-эрзянски, эта идея приходила мне в голову, когда я слушал местное радио; теперь же я в этом убедился; например, я запросто могу перевести такое: «...приказось — весе народонь указось». Вы-то небось не знаете, что это значит «...приказ — всего народа указ»! Во как. «Улыбка Светлова» мила — там, где рисунки и проза. А стишки, увы, беспомощные... Кораблик Ян [Капицыньш] немедленно прицепил к карману куртки, ходит, скашивает на него глаза и радуется. Только что он подошел ко мне и велел — насколько я понял его пантомиму — целовать Ирине [Глинке] ручки. У меня место на куртке занято рукавичками, поэтому я свою совушку

| 86
83

прикреплю к записной книжке, это ей (книжке) будет на пользу. А автомобиля, о котором написано в открытке, я в бандероли не обнаружил — ни в кавычках, ни без них. Это что — рисунок был? Не говорите Глебке [Левину], а то огорчится.

Сестричкин «Вокруг света» мы с удовольствием полистали. В этом номере обнаружилось немало интересного. Спасибо, Людочка, мне всегда по душе были псевдонаучные издания.

Иждивением Наташи Светловой у меня теперь два сборника корейской поэзии (я один подарю Бену [Ронкину]; он любит, даже цитирует китайскую классику, пусть уж и корейскую). Большое спасибо за О.Сулейменова. Помнит ли кто-нибудь, как я носился с одним из его сборников и зачитывал всех гостей? А на этого Лихтенберга (Лихтенштейна? Люксембурга?) я покамест только поглядываю почтительно...

Праздники проходят так: вчера я лег на предпраздничную вахту и кое-что свершил. Сегодня я занимался в основном редакторской, а также архивной работой — разбирал и правил свои странички. Потом дюжина психов (в том числе и я) вышла на волейбольную площадку. Потом я отогревался у печки. Потом дрых. С час назад я обыграл Рыжего [В.Калниньша] в шахматы. Мы с ним играем раз-другой в месяц, примерно на равных.

А через 10 минут выключат свет. Спокойной ночи!

| 11/XI/68

И все я перепутал: Сулейменов, во-первых, не от Наташи Светловой и, во-вторых, не мне. Но я его все равно зажал. Хотя бы потому, что Борода [В.Калниньш] притащил его мне и интересовался, кто такая отправительница. Этого я не знал, но заявил, что поскольку она — землячка (1-я ул. Строителей!), то я этого удалого казаха оставляю у себя.

А сегодня была бандерольная очередь — по мне, по Виктору [Калниньшу], по Юре [Галанскову]. И снова Виктор пришел с тем же вопросом: «Ваша знакомая?» «Скорее Юры и Алика»*, — ответил я. Спасибо ей (Вере) за Полежаева, это моя отроческая любовь, и мне сейчас будет очень интересно и на пользу перечесть его. А «О возвышенном» — боюсь, не по зубам мне будет, не в коня корм.

Наташка [Садомская], ты прелесть, как угадала с Тютчевым; мне так хотелось полистать его. И за отмеченные строчки целую тебя, чуть я не захлюпал от растроганности. Что-то чувствителен не в меру я стал, а? Но ты знаешь, мне-то и лишнее, пожалуй, говорить о том, что я «сберег» «надежды, веры и любви». Наоборот, умножил.

И еще были очередные «стихи—почтой» от Ариши [Жолковской]. А что, если бы кто-нибудь не поленился перепечатать мне Волошина? Я, конечно, разумею «Дверь отперта. Переступи порог...»*. Я помню примерно треть, а хочется все. Если, как пишут все, Коктебель действительно загажен безвозвратно, то пусть хоть будут у меня стихи о таком, каким я его помню.

Это письмо Ариши — от 28/Х. Пора бы мне начать получать «после-свиданные» письма. Судя по тому, что нет телеграммы, Ларка еще в Москве (если «это» можно назвать Москвой). Что ж, все к лучшему.

Санюшка, не забудь написать мне о чем обещал: о тех, о ком я давно уже не имел известий. И еще ты посулил мне исследование о стихах некоего нечаянного стихотворца — о моих, то есть. И не миндальничай — валяй вовсю! У меня нет или почти нет авторского самолюбия, во всяком случае, применительно к стихам. Все равно, кто бы что бы ни говорил, иначе как к конспектам я к ним не отношусь. Но тем не менее, мне очень интересно — все-таки я их сочинял!

| 12/XI/68

Мини-юбилей, юбилейчик, так сказать: 3 года 2 месяца. И подарок к юбилейчику: письма от Ариши, от Наташки и от Майи З[лобиной]. От Майи, собственно, не письмо, а открытка с Бемби (родственник моего Пата). Благодарю от себя и от временно отсутствующего Пата (он гостит у одного из начальников; он, жираф и яхты Яна). Ляльке [Злобиной] (она же Алена-Антигона) — особый поклон.

Наташка, видишь, как совпадают наши желания: ты хочешь написать о себе, а я хочу получить такое письмо. За чем же дело стало?

Аришенька, Вы уж мне простите, но, читая Ваше письмо, я издавал (мысленно) злорадные вопли: «Ага! Теперь уразумели, каково оно — без писем?!»

Пожалуйста, не волнуйтесь о «результатах чтения кусков из писем» Ваших. Я знаю, что именно вызвало столь огорчившую Вас реакцию, и уверяю Вас, что чувство юмора изменяет мне крайне редко, и уж во всяком случае Ваши «подначки» были такого характера, что могли — по моему — вызвать лишь улыбку — как всегда бывает при дружеской перепалке. Просто Алик [Гинзбург] на минуточку забыл «мимозность» объекта Ваших подтруниваний...

Я что-то запутался с Майко-Тошкинским [Якобсонов] адресом, поэтому открытку им вкладываю в этот конверт — авось дойдет.

Юра сегодня получил письмо от Оли — и расцвел. Но все равно ворчит — для порядка.

Да, Ариша, разумеется, Алька ничего не сказал мне о том, как я Вас «спас» в первый раз. Напишите — ведь очень приятно чувствовать себя сенбернаром.

| 15/XI/68

Сегодня у меня день рожденья. Первое, что я услышал в этот торжественный день, было: «Заключенный Даниэль, пора вставать!» Я запрокинул голову на подушке и увидел личико дежурного офицера, перевернутое (оно, впрочем, от того не проиграло и не выиграло). Это были, так сказать, первые «Я пришел к тебе с приветом». Правда, потом это яркое впечатление было подпорчено рукопожатиями и поздравлениями ребят. А несколько позднее — еще нечаянный подарок: сюита «Комедианты» Кабалевского по радио — музыка к отцовской пьесе*. Она и сама по себе очень мила, как мне кажется; но мне-то еще и спектакль вспомнился, и Коренева в главной роли женской, и мизансцены, и реакция ребятни, и я сам — не где-нибудь, а в ложе! Приятно было вспоминать. Грустно — ведь я уже на три года старше отца*.

А вечером мы хорошо посидели впятером, длинные разговоры разговаривали. Мне подарили целую серию открыток с чудесными собачьими портретами и «Лирику» Тагора с надписью-цитатой из Лютера.

А еще были телеграммы: от Фаюмов, от Саньки и родителей [Богоразов-Зиминых], от Азбелей, от Якобсонов, от Ариши, Людмилы Ильиничны [Гинзбург] и Майи Копелевой, от Золотаревских, и еще одна, подписанная «Толя, Валерий, Толя»*.

И три письма: от Гали Севрук и два от Бурасов. Гале привет, если будет оказия. А к Мишке [Бурасу] — просьба. Нужно достать и прислать схему проигрывателя «Молодежный». Тогда его смогут починить, и мы сумеем меломанствовать; тогда можно будет присылать пластинки. Алик в особенности хнычет без музыки. Сделаешь, Миха, а? А может, у Борьки [Золотаревского] есть? На письмо твое — и твое, Маринка, — я отвечаю отдельно*. (Как ругаться — так во всю глотку, как извиняться — так отдельно!)

| 18/XI/68

Милые мои, прежде всего — огромная просьба. Я нынче получил письмо от Марлены [Рахлиной]. Не знаю, какие именно слухи обо мне расплодилось в Харькове, но письмо Марленки совершенно пани-

ческое. Я перед праздником отправил ей и Оле с Марком [Богославским] открытки; но я не уверен, дойдут ли они. Так вот, напишите ей (а еще лучше фототелеграмму), что я здоров, бодр и вовсе не собираюсь лезть на проволоку. Я сейчас в очень хорошей спортивной форме — в смысле литературной. Т.е. это не значит, что я создаю гениальные произведения, но я очень много работаю и собираюсь работать еще больше. Бога ради, пусть не волнуются, я собираюсь прожить по меньшей мере еще полстолько. И что я их люблю и целую.

Вот. А теперь — «поток приветствий». Телеграммы: от Оли Тимофеевой, от Люды и Коли [Алексеевых–Вильямсов], от Левиных–Глинок, от Гитерманов, от Бурасов, от Светличных, от Нины [Строкатовой] (из Одессы), от Миколы Плахотнюка (из Киева)*. Если будет возможность, передайте мою благодарность и иногородним.

Теперь еще немножко Марленке, уже для прочтения (может, кто переписет и пошлет — ее адрес: Харьков 91, Стадионный проезд, 4/1, кв.3). Я все-таки не совсем понял, с чего это вдруг Борис [Чичибабин] стал упрекать харьковчан в недостатке любви ко мне. Во-первых, я этого не ощущаю. Во-вторых, Борису-то что? Я это рыцарство не понимаю и не принимаю. Либо — да, либо — нет. Если «да», то почему я о нем раньше не слышал? Если «нет», то вся эта жантильность совершенно ни к чему. Я — не арестантик XIX века, а он — не сердобольная купчиха, подающая несчастенькому убийце калачик. Хорошо бы все же ясность была...

Лиля — это его жена? А кто посмел Оленьку [Кучеренко] перекрестить в Лельку? И зачем?

А Лешке [Пугачеву] скажи, что он — мурло. Я хочу его фотографию в полный рост и с гитарой — понятно? Нет, Борис и прав-таки: мало вы меня любите и не заботитесь. Фото хочу, звери!

И еще: пусть Марленка не портит свои письма казенными железобетонными призывами, предназначенными не мне*; все равно толку от этого — как от козла молока, а выглядит — неприлично.

Фаюмы, миленькие, а книжки-то нет! Вашей, я имею в виду. Вы оба пишете, что отправлена она «на прошлой неделе» — т.е. это значит, что в прошлом месяце. В общем, пропала. Не пожалейте еще одного экземпляра, ладно? Фото получил — экая Ленка вымахала! Юрка, ты отменно придумал — иллюстрировать письма; просьба одна: будь чуточку лаконичнее в рисунках. Маринка, твои изыскания по части кинематографии Франции очень заняты — нельзя ли поподробнее? Я ведь увлекся кино, как ни смешно это звучит. Мне, как всегда, везет с товарищами: Юрку снабжают кучей книг о кино, верно, по инициативе его свойственницы, И.Н. Соловьевой. Я уж и о Габене прочел, и о Диснее, и «Искусство кино» проглядываю. Кстати, эту кинематографи-

ческую терминологию на французском я перевожу запросто. Эка невидаль! Я в свое время Марселя Марсо переводил...*

Меня растрогало письмецо Игоря [Голомштока]. Скажите ему, что у меня никогда и тени сомнения не было в неизменности его. И не только его, а и тех «молчащих», о которых он пишет. (Не совсем, правда, молчащих — ведь были и телеграммы, и приветы, и письменные и устные.) Он напрасно думает, что его первое письмо (года два назад) пропало — оно у меня сохранилось, и очень было определенное и по душе. И, конечно, он прав: встретимся — все образуется. Вы только почаще сообщайте, что все благополучны, а то я ведь беспокоюсь.

Маринка, а ты и всамделе «ничего девочка»! Очень лихой у тебя вид на крымских вершинах...

Вчера еще были (я забыл поставить дату — сегодня уже 19/XI) бандероли. Я получил отличный почтовый набор от Наташи Горбаневской; затем были произведены раскопки в бандеролях Яна и Юры; из первой я уволок Модильяни, из второй — Ю.Германа.

Да, Маринка, об «упреках, которые я промолчал»: знала бы ты, как это трудно! И тем не менее жаль, что не всегда у меня хватает выдержки «промалчивать упреки», потом ругаю себя, а поздно. Утешает лишь то, что, по-моему, всегда можно разобраться, что упрекаю я, если люблю.

Мишка (кстати, об упреках), ты же, холера, хвалился, что засыплешь меня научной фантастикой и приключенческой макулатурой, Тартарен ты несчастный! Я же сочинительством занимаюсь, мне же разрядка нужна.

Насочинял я много, но не так, как хотелось: собирался ругаться, а вышла истерика. Вот и думаю, посылать вам или нет? Если надумаю, перепишу (пока что все в голове — застраховано от пропажи) и пошлю*.

Все, братцы. Завтра отправлю это письмо.

Да, вот что. С Юрой [Галансковым] дела скверные. У него опять начались сильные боли, и, наверное, его опять отправят в больницу. Но в больнице, нам кажется, надо лечиться, а не только лежать? Мы не знаем, где и с кем нужно говорить о его положении. Может быть, какой-то пищевой и рабочий режим? Не знаю. Но если возможно, нужно что-то делать. Он — очень все-таки мужественный человек. Я бы на его месте давно бы в голос вопил, а он перемогает себя и даже работает.

Я ничего не спрашиваю о Ларкиных делах — уверен, что мне будут сообщать сразу же.

А Марлене, по-моему, и в прошлых моих письмах что-то было?

Обнимаю всех.

Ю.

ТОЛЬКО МИХЕ*

| 16/XI/68

Милые мои Маринка и Миха!

Получил я вчера ваши письма — так сказать, подарочек ко дню рождения. Сразу стал писать вам, и опять — бестактно — в общем письме; но потом вспомнил твой пример, Миха, и решил остыть хотя бы до утра. До утра я не только остыл, но и простыл — все ворочался, сочинял мысленно письмо вам, бегал курить в холодный коридор, уснул где-то часа в четыре, и в результате на законном основании (температура!) лежу вот в постели. Как видите, нет худа без добра: есть возможность не торопясь и в относительной тишине поговорить с вами.

Давайте сразу вынесем за скобки: я вас люблю. И каждого из вас порознь, и обоих вместе. И отдельно — Ленку. Если бы этого не было, я не стал бы тебя обижать, Михаил. Я ведь знаю, что я тебя обидел. А я и хотел обидеть; мне ничего другого не оставалось: ты ведь упорно, от письма к письму, делал вид, что не слышишь моих вопросов, не знаешь о моей тревоге. В этом письме, которое тебя так возмутило и расстроило, по сути, не было ничего такого, о чем бы я не спрашивал раньше. Недаром ты, отвечая (формально) на это, последнее, письмо, по существу наконец-то ответил на предыдущие.

Милый мой, ты просишь — и я выполняю твою просьбу: я не буду «анализировать» твои объяснения. Скажу только — не анализируя, — что они ни в малейшей степени меня не устраивают. Может быть, я неправ. Может быть, объективности мешает мое теперешнее положение. Вероятно, вам там виднее, что такое такт и что такое бестактность. Может быть, когда я вернусь, я тоже начну думать, что можно любить людей, не разделяя их взглядов (как вы понимаете, я говорю не о любви маменьки к дочке; и когда о взглядах — то не о споре о преимуществах или недостатках многопартийной системы — речь идет о «человечном» и «бесчеловечном»); может быть, я тоже буду считать, что давность антипатии (за что?!) оправдывает ее декларирование при любых обстоятельствах*; может быть, я сумею объяснить себе, почему сопливые девчонки вели себя много достойнее взрослых и опытных мужиков. Может быть — только вряд ли.

Дело в том — и это надобно вам знать, чтобы решить свое отношение ко мне, — что меня, такого, каким я был или казался, каким вы меня знали и любили, — такого меня уже нет. Миха, я — не доб-

рый человек. И не легкий. И не терпимый. И не склонный прощать. И уверенный, что есть явления, по поводу которых можно говорить лишь «да» или «нет», и середины не существует. Не время и не место уточнять, что именно я имею в виду, но полагаю, что вы, Маринка и Миха, все еще не отказались от некоторых иллюзий.

Бог с ним, с Яном [Гарбузенко]. Я зла ему не желаю, и зря ты так горячо заступаешься — не он меня интересуется. И я далек от мысли как-то сводить счеты, объясняться с ним и брать на себя смелость решать, где именно проходит граница между трусостью и подлостью.

Я еще раз говорю вам: я вас люблю, я считал и считаю вас близкими, если не ближайшими своими друзьями, и только это заставляет меня недоумевать и злиться по поводу неопределенности теперешней вашей позиции и, мягко выражаясь, ошибочности прежних высказываний.

Господи, как ты не понимаешь, что мне плевать на то, считают ли меня самостоятельным или ведомым*?! Разве во мне тогда было дело?

Вы помните последнее наше 9 мая? По телевидению объявили минуту молчания в память погибших. Мы все стояли и ревели. Мишка, что бы ты сделал, если бы я тогда сказал: «Оно, конечно, погибшие, жаль их; но, признаться, я всегда считал Женю Кинеля эгоистом, Витьку Грезина — фанфароном, Тома Зеефельда — пустым малым, а Игорь Голубенко — мы с ним вообще не разговаривали, враждовали»*. Я думаю, ты бы двинул меня в челюсть. И был бы совершенно прав. Их ведь убили фашисты.

Теперь вот что.

Никто никогда никакой «грязи» на вас не лил. И ничего, кроме того, о чем я писал и пишу, я не знаю. Миха, ты пишешь, что это тебя «не тревожит». Ладно, оставим вопрос о моей тревоге «на потом». Запомните, что это я сам, один, по своей собственной инициативе, затеял этот разговор. В письмах же, которые я получаю (от родителей [Богоразов–Зиминных], от Левиных–Глинок, от Людэ [Алексеевой], от Саньки и от других людей), есть только бесконечные похвалы и восхищение твоей заботливостью, Мишка.

Как я оказался настолько «бессердечен, эгоистичен, эгоцентричен, самовлюблен» и еще чего-то, что посмел требовать ответа от тебя? Уж не «сладкие» ли письма моих корреспондентов тому виной? Уж не закружилась ли у меня голова? Нет, не закружилась. Мне бесконечно радостно, что меня любят. И мне бесконечно тревожно, что я не заслуживаю этой любви. Если бы вы дали себе труд внимательно читать мои письма, вы прочли бы мой вопль: «Не выдумывайте меня! Не идеализируйте! Мне от этого плохо и страшно». Я уж не го-

ворю о том, что это и обидно: мне бы все-таки хотелось, чтобы меня принимали таким, какой есть, а не каким выдумали. «Цитируют!» Я в этом виноват, что ли? Есть, разумеется, великолепный способ прекратить этот бардак: не писать писем, чтоб неоткуда было цитировать. Годится? Идиоты вы все-таки. Как вы не понимаете, что от всей этой шумихи и ажиотажа я отделен не только забором? Так вот, «как я посмел». Я «посмел» только потому, что мне нестерпимо думать о том, что всякие другие люди, близкие и неблизкие, и даже незнакомые, которых я только почерк знаю, разделяют мое отношение к «добр» и «злу». А вы, родные мне люди, «не тревожьтесь» тем, что так больно для меня... И дело вовсе не в том, что я посягаю на чье-то право иметь свою точку зрения (между прочим, за уверенность в таком праве я и сижу, по-моему); дело просто в том, что есть такие точки зрения, обладатели которых исключаются мною из общения — начисто.

Может быть, Лившицы и Задонские* не «шарахались» от Ларки — она преувеличила; может быть, она была «бестактна» с Ириной* — и это допускаю. Но что — эти люди не знают о твоём отношении ко мне? Или ты настолько разделяешь сферы, что не сообщил им, что я — твой друг, а ты — мой? За три года (!) эти люди — кстати, достаточно по-товарищески общавшиеся со мною — хотя бы из вежливости и хорошего отношения к тебе, Мишка, — не сочли возможным передать мне, арестанту, привет. «Сочувствие исподтишка»? Да
... такое сочувствие! Я говорю: чужие, совсем чужие люди, не знавшие, что я — не убийца, не клеветник, не «обыкновенный фашист»*, чужие люди, давшие себе лишь труд внимательно прочесть «Лит.газету», «Известия» и пр., ободряли меня и помогали мне жить и держаться. А эти... ты их называешь «друзьями дома». Не беспокойся, я действительно найду в себе довольно выдержки и светскости, чтобы держать себя в рамках приличия при встрече...

Ну и последнее. Я написал обидные и несправедливые слова о «семье»* — прости меня, Маринка. Может быть, Мишке просто в голову не приходило писать хоть что-то о тебе, о Ленке, о Машке. О Ленке у меня последние сведения — из области ее замужества, послесвадебного месяца или двух. И все. О тебе — и того меньше. Ни слова, ни привета. Конечно, я помню твои строчки в «общем» письме и берегу его. Но, Маришенька, это было 15 ноября 1966 года! Господи, что за чушь собачью ты мне теперь написала: что-де не хочешь писать «прозаично, неинтеллектуально». Как будто мы в пору нашей дружбы разговаривали только об Аристотеле да о письменности инков! И опять-таки не одна ты такая умница — я уже читал те же самые соображения, и уже отвечал на них, и не один раз — поинтересовалась бы, а?

Но это я объясняю, а вовсе не извиняю свой дурацкий выпад. Пожалуйста, прости меня.

Вот и все. Попытка моя объясниться на расстоянии была, как я теперь понимаю, заранее обречена на провал — хотя бы потому, что ни ты, Миха, ни я не можем изъясняться напрямую. Стало быть, вина моя. Ладно. Письмо твое я сберегу, и мы его «проанализируем» вместе, может быть, ты тогда поймешь, отчего мне так скверно.

За все 43 года моей жизни не было у меня периода тяжелее, чем эти последние 2 с половиной месяца.

Целую вас, ваш

Ю.

Пожалуйста, подтвердите сразу же получение этого письма.

P.S. И еще о моей «непогрешимости»: как только я вернусь, я немедленно пойду просить прощения у людей, перед которыми я чувствую себя виноватым. И если потребуется — публично.

П И С Ъ М О П Я Т Ь Д Е С Я Т П Я Т О Е

4/XII/68

Здравствуйте, милые!

Все-таки телепатия существует. Вчера я подошел к Сереже Мошкову и сказал ему — невесть с чего — зловещим голосом: «У краба украли жабры!» Биолог Мошков страшно удивился. А я удалился с достоинством. И вот сегодня я получил «Переполох»*. Очень хорошая книжечка получилась. Спасибо, Нелка. И рисунки симпатичные, особенно индюк, жабы и краб. Кто этот художник с такой веселой фамилией? Вообще для меня эта книжка полезна в высшей степени: так, например, я узнал о существовании некоей Ренаты Григорьевны Мухи. В самом деле есть женщина с таким именем и фамилией или это псевдоним? Сейчас эту книжечку, пока я писал, штудировал Галансков, очень серьезно, вдумчиво, поправляя очки. Морда каменная. «Неужто не улыбнется?» — думал я. И вдруг заржал, совершенная лошадь, это он до «Индюка» добрался.

В общем, я вижу, что не прошло и пяти лет моей отсидки, а книжки, рождения которых я был свидетель, уже изданы! Удивительная оперативность.

И, наконец-то, пришла Фаюмская книжка*. Как там, дарственная-то надпись начинается? Ага... Итак: «Глубокоуважаемые Марина Иосифовна и Юрий Яковлевич! Получать путеводители лицам моей категории отнюдь не грустно, а, напротив того, отрадно и пользительно. Как знать, а вдруг распоряжение от начальства выйдет: заштатный

город Кашин (али Мышкин) передать в распоряжение лиц, коим распорядиться надлежит. И вот тогда-то мы и прибудем в места, уже знаемые нами — знаемые вашим, Марина Иосифовна и Юрий Яковлевич, иждивением...»

Я успел прочесть десятка полтора страниц, и возникла у меня одна мыслишка об умельцах-авторах; но погожу, еще малость почитаю, а потом изреку.

Прочитал я книгу Кашкина — очерки об американских и английских писателях и статьи о переводах. Крамольные мысли: а не примитивен ли он? а не вульгарен ли? а хороший ли у него вкус? Бог мой, когда я читаю цитируемые им стихи в переводе Брюсова, мне хочется спросить: «Скажите, пожалуйста, а на английском это так же плохо?»

Сегодня было чудо. По недосмотру чьему-то нам показали фильм «Майя Плисецкая» — явное нарушение нашего строгого режима, предусматривающего демонстрацию только таких, извините за выражение, шедевров, как «Пустыня» (по Ю.Трифонову) или «Серая болезнь» (черт его знает, по кому). Ну с «Пустыни»-то я удрал после I части, а «Болезнь» эту досмотрел до конца: там время от времени на экране появлялся очень милый эрдельчик и был даже кусок собачьей выставки. Так вот, я продолжаю утверждать, что в балете я ничего не смыслю; но, братцы мои, какое это было наслаждение — смотреть Плисецкую! Кажется, всех проняло: за весь сеанс ни одной скабрёзности не было сказано, ни одного грубого слова — такого я здесь просто не припомню. Говорить что-либо о Плисецкой я не решаюсь — боюсь глупость сморозить; но это было полтора часа чистой радости.

Когда она мелко-мелко переступала на пуантах, я ловил себя на том, что шевелю пальцами ног — в валенках...

У меня — победа: я перевел — вчерне — восемь строчек Зиельниекса. Может, сдвинется с мертвой точки? Эх, знали бы вы, как мне это нужно — чтобы получилось. Очень страшно мне думать, что, может быть, придется жить — для себя — на ренту со своих переводческих удач...

I 7/XII/68

Чудесный у меня нынче вечер: почта пришла. Во-первых, мы ее сегодня не ждали — выходной же день у «вольных»; во-вторых, письма уж больно хороши.

Прежде всего, Мишенька [Бурас], спасибо тебе огромное за толковый рассказ о Санькиной работе*. Естественно, если он дрыхнет в гостях четыре часа кряду, а потом до полуночи режется в настольный

хоккей, то писать ему (т.е. тебе, чадо мое любезное, черт тебя раздери!) недосуг. Сообщения же Ариши [Жолковской] и Юны [Вертман] об этом событии отличаются легкомысленной краткостью; я не сужу их за это, ибо легкомыслие есть неотъемлемая составная часть женского характера вообще — и слава Богу. Так что по части обзора трудовых подвигов Саньки — тебе, Миха, первое место и золотая медаль. Надеюсь, и в дальнейшем меня своими милостями не оставишь.

Меня очень обрадовало то, что ты написал в конце письма — об отношении к декларациям 65-го года. Милый ты мой, именно это я ждал все три года услышать, именно это¹ и ввергало меня в обиду и недоумение. Может быть, тебе это казалось чем-то само собой разумеющимся? Вернее — подразумевающимся? Но я-то этого не знал — до сегодняшнего вечера. И твоя формула «главное, не о том, что, а о том, где» — абсолютно точная, лучше не скажешь. Во втором ноябрьском письме было отдельно для вас с Маришкой*; так вот, все мои вопли относительно этой формулы — а они там есть, и даже с аналогиями — я снимаю.

Как видишь, для того, чтобы договориться, нужно разговаривать. Пожалуйста, не обзывай меня за этот блистательный афоризм пифией и другими нецензурными словами...

Непонятно мне, почему на свидание к Ларке* поехали родители [Богоразы–Зимины] без Саньки. Или он потом отдельно сможет увидеться?

Ариша, немудрено, что вы болеете — эдак вот крутиться в вихре вальса — и слон не выдержит: тут и дни рождения, и новоселья (сестричке привет и поздравления!), и всякие рауты-рандеву. А Алька [Гинзбург], бессовестный, спит сутками!

Вы даже не представляете себе, какие тучи собираются над Вашей головой, а все из-за Вашей вежливости и неосторожности. Ну можно ли Яну [Капициньшу] писать, что Вы «любите большие письма»? У него, как говорил Саша Черный, «зажглись в глазах... зловещие львы», когда ему перевели эту Вашу фразу. И таких самоотверженных переводчиков Вы в Москве не найдете, чтобы перелагали его многостраничные послания на великий и могучий. Теперь-то он отведет душу: здесь Борода [В.Калниньш] держит его в черном теле, Бена [В.Ронкина] с его еврейским под немецкий — нет, а с моим немецким очень не разгуляешься. Я все иронизирую, но Вы его любите, пожалуйста: он добрый и хороший человек и наша общая (и довольно ворчливая) нянька.

Юна, милая, а разве мое письмо (очевидно, первое ноябрьское?) было грустным? Право, нечаянно. Боюсь, что и последующие не ве-

¹ т.е. не это, а отсутствие этого.

селее — так уж пишется, и бодрячком-петушком прыгать неохота. Кривая моих настроений меняется очень быстро и резко в зависимости от московских новостей, здешняя жизнь на них — на настроения — почти не влияет.

Конечно, Вы правы — я действительно счастливый человек, так все считают (кроме двух-трех друзей, но что значит такая малость по сравнению со сводным хором?). Беда лишь в том, что последнее время судьба зачем-то лупит меня по башке, и так методично и часто, что у меня просто не хватает времени почувствовать свою «счастливость».

Но я знаю, что я счастливый и везучий, всю жизнь знал, и когда я все-таки выбираю моментик подумать о своей удачливости, то всегда недоумеваю: почему все, что я писал, было (да и есть) таким беспросветно мрачным? Мне бы, по моей везучести, по моей контактности, по легкости характера и судьбы — мне бы кантаты и оратории сочинять, а меня эвон куда метнуло. Прямо загадка какая-то... Что больше никогда не будет одиночества — в это я верю, даже — знаю. Только не получится ли так, как в поговорке из рассказа Бунина: «Бог дает штаны тому, у кого нет задницы»?

Не обращайтесь внимания на мое брюзжание, у меня всегда так: начинаю за здоровье, кончаю за упокой. И вообще я — человек легкомысленный и непостоянный, как написала мне одна женщина, знающая меня уже ровно 22 года*. И она, конечно, права, умница.

«Брюки на меху»? Нет, ни я, ни мои здешние друзья такой штуки не видывали и даже не слыхивали. Разве что в полярной авиации, по нашим предположениям, может быть такая экипировка. Но это как-то не вяжется с обещанием «предоставить работу по специальности» Ларке и ее сподвижникам*. Впрочем, с моей жены станется и в авиаторы сигануть. Особа, так сказать, внезапная, n'est ce pas?

(Кстати, об амуниции. В уже дошедшем до вас письме была просьба разузнать и, если возможно, прислать «медицинские» чулки, которые при расширении вен. Санюшка, ты хоть ответь, как с этим делом обстоит.)

| 8/XII/68

Сын мой непочтительный, прими мои заповеди при вступлении на трудовую стезю: не сачкуй, не филонь, не халтурь, не гони тюльку (правда, красиво? Отсюда — термин «тюлькогон»), не туфти (из здешних историй: один парень на вопрос начальства о специальности ответил: «Инженер-туфтолог». Так и было записано...), бди и козырай. А также будь счастливым (если хочешь им быть). И вооб-

ще — раз уж меня повело на Пруткова — «честное слово, лето возвратится».

Шутки в сторону, я — мало сказать — доволен; даже «рад» — не то слово: я умиротворен. Со вчерашнего вечера я хожу и сияю (на ночь я сияние выключал: нельзя, нарушение режима) и посматриваю на всех снисходительно и отчасти высокомерно: не у каждого сын общается с этой, как ее — Заири? Гюри? Напареули?* Теперь могу признаться: я все это время изрядно психовал по поводу твоего свободного парения. Если ты мне еще и изложишь, что именно ты там делаешь (разумеется, изложение должно быть максимально популярным — примерно для старшеклассников-олигофренов), буду премного обязан.

Санюшка, а не мог бы ты переписать и прислать мне мамины письма (или письмо? Я не знаю)?

Голубчик, сделай то, что я просил тебя на свидании — об информации о людях, чьи судьбы мне небезразличны, не ленись, прошу тебя.

| 10/XII/68

Вчера мы, потрясенные до истерического смеха, впервые увидели зрелище, выдающееся по своему неприличию: Алика в бороде. Она у него какого-то чуть ли не оранжевого цвета. Ужас! Вот уже сутки с лишним прошли, а я все не могу без содрогания смотреть на него (на нее — ибо все-таки она существует как бы сама по себе, не вступая в контакт с его похудевшей, но все же розовой физиономией).

Бена и Серенького [В.Труфелева] он бессердечно бросил в Саранске*, новостей не привез никаких, разговаривал там общим счетом минут 15–20, гениального ничего не сочинил. Зачем было ездить? Меня раздирает зависть. Подумать только, почти полтора месяца спал вволю! И это сейчас, когда самое время завалиться в берлогу, по теперешним-то погодам. У нас ведь к –30° приближается. Я влез в ватные брюки, достал из чемодана новехонькие теплые портянки, хожу в валенках — и фигура моя приобрела этакую округлость, приятность форм почти чичиковскую. Холодно, братцы, ох, холодно. Нет, в бараке-то тепло, да и в цеху пока вполне терпимо. Вообще холодно.

У меня идиотское ощущение, что у «вас» (т.е. на воле) теплее. Может, потому, что последнее, что было, — лето. Лето красное. И, действительно, несмотря ни на что, ни на что, это было удивительное лето. Я мог бы, наверное, написать большую книгу об этом лете: «попойки

и дуэли, вечерние прогулки при луне»; пешие мои хождения по центру, одинокие и неодинокие; поездки по дурацким окраинным маршрутам — были такие, в одиночку, без цели, просто так; витрины магазинов; плохой кофе в магазинных буфетах, странные, внешне все в делах, — дни. Все это лето было вдребезги разбившейся попыткой одиночества. И какое это счастье, что она не удалась! То, что осталось в моей памяти от этого лета, — а осталось, мне кажется, решительно все, — это не коллекция эпизодов, а теплые и живые лица и голоса, я их вижу и слышу, и достоверность моих ощущений подтверждается письмами: будто я подхожу к дому, где тепло, илюдно, и звучно, и в замерзшие окна кто-то продышал для меня кружочки, чтоб я мог смотреть и согреваться. Какие зимние у меня пошли сравнения...

Сегодня было письмо от Ирины [вероятно, Уваровой]. Братцы, да что ж это?! Вон уже Майю Злобину за 9-й «Нов. мир» обругали, а мы еще 7-го не видали. А Ирина еще и эпитеты ейной статье придумывает очень завлекательные.

А книгу такую я не напишу, права не имею. А уж быть самому себе цензором и редактором, самому купюры делать да ставить NN или *** вместо имен и названий — бессмыслица, оскорбительная нелепость.

| 12/XII/68

Вчера были бандероли: от Марленки [Рахлиной], от Левиных-Глинок, от Наташи Горбаневской (пластинки — их пока проверяют). Все очень хорошо: и Белов, и Винокуров (еще не читал, иллюстрации во всяком случае хороши — ай да художник!), и все прочее.

Да, известный русский умелец, он же тульский левша (правша) А.И. Гинзбург, починил проигрыватель безо всякой схемы — посмотрел, похмыкал, покурил, вынул из этого чемоданчика всю требуху, чего-то припаял, чего-то перемотал — и, представьте себе! — получилось. Вдохновленный этим, он сегодня взялся за усилитель (или динамик? Черт его знает — одним словом, для кино). В результате его самозабвенной и героической работы звук значительно ухудшился. И правильно: та штукавина, которую нам нынче показали («Удар, еще удар»), от отсутствия звука только выиграла. Еще лучше было бы без резкости. Неплохо бы без цвета. Совсем хорошо — без фильма.

Сегодня потеплело ровно на 10° — вчера в это время было -27°; соответственно улучшилось настроение. Слушайте, а может, я просто псих? Ведь в принципе 30 градусов холода — это совсем не страшно для человека, выходящего из помещения 5–6 раз в день максимум на 10 минут. Старички смотрят, как я прилипаю к печке, даже раз-

мазывают по ней, — и смеются: «В сорок девятом, в пятидесятом... —50°, с ветром... а нижнего белья не было... и пайка не та...» Великое дело — вовремя сесть...

Алька привез из Саранска кучу книг; несколько штук и я выудил: Саймака, Альву Бесси, Ваксмахера (если кто его видит, если ему «ко двору», передайте привет. Ох, сколько «если». Теперь так до самой смерти, да?)*.

А сейчас — несколько слов Ларке — и спать. Я ей пишу письмо с 31/VIII, и Бог весть, когда его закончу.

Я чего еще хотел сказать? Вот чего: не обращайтесь, пожалуйста, внимания на все мои ипохондрические выбрыки. Это не характер переменялся, а нервы пошаливают: когда вернусь, у меня будет диета — не разговаривать с теми, с кем не хочется, не смотреть на тех, кто противен, и т.п. И все будет в порядке.

| 13/XII/68

Я все-таки, хоть убей, не понимаю, почему все важные новости я узнаю из писем Оли [Тимофеевой] к Юре [Галанскову], а не из писем, адресованных мне. Санька, не можешь ли ты объяснить мне? Это ведь достаточно любопытно мне, не правда ли, что мама 2 декабря была уже на Пресне* и что известно, что ждет ее Красноярский край*; по моему скромному суждению, открытка, брошенная на следующий день, была бы уже мною получена... Право же, это не столь сложно сделать, а чуть-чуть нервишек мне бы это сберегло.

Самое последнее письмо (по времени отправления — 28/XI) было от Михаила; после этого до сегодняшнего Ольгиного письма — полный мрак — *Nacht und Nebel*, как говорили немцы; даже телеграммы о получении письма, отправленного, судя по квитанции, 26/XI, — тоже нет. Конечно, оно могло и пропасть, и еще не дойти; но первое-то ноябрьское ты ведь получил, а телеграммы так и не было. Попробуй все же, друг мой, чуть серьезнее относиться к таким вещам. Это ведь не каприз мой, мне — и не только мне — это попросту необходимо. Пожалуйста, не осуждай мою настойчивость и не обижайся на напоминания.

| 14/XII/68

А может, все-таки переменялся мой характер? Мне трудно судить; как, по-вашему? По письмам что-нибудь заметно? Здесь довольно часто возникают ситуации, когда необходимо делать усилие, чтобы

не реагировать или реагировать в обусловленных моим положением пределах. Три года назад (именно три, а не три и два месяца) меня бы это развлекало и смешило, а сейчас... Я чувствую себя после таких «самообузваний», как после хорошей драки — сердце колотится, в глазах темно, и никакого тебе чувства юмора, ни синь-пороха. Меня тяготит, что эта раздражительность, должно быть, сказывается в письмах — как, скажем, во вчерашней записи.

Чем ближе встреча с вами со всеми, тем сильнее мой страх. Я просто не представляю себе, как я посмею вернуться к вам желчным и придирчивым; и так ведь всей моей жизни не хватит, чтобы воздать вам за все, что вы для меня сделали.

| 18/XII/68

Ну, получил я телеграммочку твою, Санька. Нельзя сказать, что я в восторге от этой «за далью дали»; но сейчас весь вопрос в том, север или юг области. Это, вероятно, мы узнаем лишь тогда, когда мама будет уже на месте. Некоторые знатоки утверждают, что это лучше, чем Красноярский край. Ах, как удобно, что земля наша велика и обильна!

Дружок мой, завтра я отправлю это письмо: ясно, что до конца месяца маминого адреса не будет.

Два дня писал новогодние открытки — 31 штуку! Не торопитесь восхищаться моим трудолюбием: Алик накопал что-то около пятидесяти, а Борода — 66!

У меня к тебе вот такая просьба: пришли мне свою и мамину фотографии паспортного размера — где-нибудь в бумагах есть, наверное.

Что еще? Юрка вопит, что ему нужны книги по психологии и гносеологии. Когда я спросил, что значит это последнее слово и имеет ли оно что-нибудь общее с вирусологией и геологией, он и Борода рассвирепели и пообещали читать мне вслух Гегеля, предварительно связав меня по рукам и ногам и заткнув мне рот; я возразил, что гораздо лучше будет, если я оставшиеся полтора года посвящу изучению игры на гитаре... Если ты благословишь меня, Санька, я так и поступлю — а почему бы и нет? Должен же я поддерживать свою славу легкомысленного человека! «Ну и что же он делал в заключении? — Представьте себе, не нашел ничего лучше, как выучиться играть на гитаре! — О, Боже мой! И это литератор!..»

Целую тебя, малыш.

Всем приветы, поклоны, поцелуи и объятия.

Ю.

Здравствуйте, дорогие мои.

Вчера — письмо от Ариши [Жолковской], сегодня письма от Миши [Бураса] и Майи Злобиной. Еще сегодня бандероли от тех же Миши и Майи, от Людмилы Ильиничны [Гинзбург], от Аллы Григорьевны [Зиминой] и две — от Люды [Алексеевой].

Но раньше и прежде всего — о письме Майи. Очень оно меня огорчило, даже слов, наверно, не подберу.

Я решительно не помню, как, где, в какой связи я употребил выражение «бумажный солдат»*. Увы, я даже предположить не могу, что я был вдребезги пьян, когда писал эти слова. А между тем мне кажется, что даже с пьяных глаз я не мог бы приложить это определение к тем, к кому прилагает его эта засранная московская элита. Что-то тут не так. Не так, даже учитывая далеко не уничижительный, а скорее сочувственно-скорбный текст Булата Окуджавы. Это было бы потрясающим свинством, подлостью с моей стороны — запретить и заранее отвергнуть любые осуждения, а самому — изрекать. Еще раз: в том, что произошло, я вижу нормальное, естественное движение человеческой души, в отличие от поступков (и непоступков), продиктованных «правилами игры».

Могу еще добавить: мне-то лично вполне наплевать на мнение «благоразумных», чья гражданская смелость поднялась в свое время на головокружительную высоту — аж до уровня мини-юбок. Там, на этом уровне или чуть выше она и застряла. Там ей и место. Думаю, что моя точка зрения совпадает с мнением всех настоящих друзей.

Но это лишь одна сторона вопроса. Как вы понимаете, я не имею ничего против распространения в «либеральных» кругах моих стихотворных и прозаических суждений об этих самых «либералах применительно к подлости», как говаривал Салтыков-Щедрин. Я, например, буду только благодарен, если лицам определенной категории и определенного поведения передадут, что они, по-моему, — испражнения, фекалии, экскременты, или, выражаясь более научно, — говно. Но то, что пишет Майя (собственно, не только Майя, писали мне и раньше, но я как-то не обращал внимания) о популярности моих писем и о повсеместном их цитировании, — это меня просто бесит. И — я уже Мишке [Бурасу] писал об этом — я-то тут при чем? Я не только «не совсем представляю, какой резонанс имеют мои письма», — я совсем не представляю. Но так или иначе, я не понимаю, почему они вообще имеют резонанс? Дорогие мои друзья, позвольте — кому я

пишу? Для кого? И что? Папские послания? Новогодние обращения президента? Этюды, предназначенные для чтения в салонах, как в начале прошлого века? Мне казалось, что я пишу вам, для вас, немножко для себя (определенной я говорил об этом Ларе и Саньке); мне казалось, что в письмах моих достаточно ясно ощущается, что может быть рассказано всем, а что — только близким. Почему же какие-то (допустим, двусмысленные или даже попросту скверные) выражения мои служат предметом злорадного обсуждения каких-то совершенно чужих, ненужных людей — как они к ним попадают? И не лучше ли начать с того, что совершенно правильно сделала Майя, — выразить мне свои огорчения и неудовольствие неправильностью (ошибочностью, двусмысленностью и т.п.) моих формулировок?

Что ж, если во всем этом я не прав, мне придется ограничиться отписками типа «жив-здоров, письмо от NN получил, примите уверения и пр.». Сочинять письма с учетом их возможной популяризации я не буду.

| 22/XII/68

Я не знаю, Майечка, какие-то письма Ваши я действительно не получил: об одном из них мне даже официально сообщили, что оно вредоносное, — очевидно, в духе Ваших писаний о Бабаевском*. Но о поездках в Махру я читал; не знаю лишь, что и Толя [Марченко] был участником этих идиллий, *à la* Руссо*. Упоминаемую Вами Н.П.Соколовскую я никак не вспомню*; может быть, знал в лицо? Бог с нею. Что же до моей ошибки с фотографией, то учтите: Ляльку Вашу я никогда не видел и был уверен, что ей самое малое лет четырнадцать. Знал бы я, что это не Лялька, я бы об этих самых ногах высказался бы более определенно и энергично... О плечах — тоже.

(По радио задушевный баритон объясняет — по подсказке поэта Леонида Завальнюка, — что-де «твой и мой покой остался где-то за волной!» Очень может быть...)

«Новыми мирами» и «Колоколом» все только хвалятся, а прислать — шиш.

Аришенька, милая, спасибо Вам за хорошую смешную открытку — там все очень похожие и славные.

Знаете ли Вы, что письма Ваши, точнее — одна повторяющаяся в них мысль, заставляют меня беспокоиться? Смысл этой Вашей мысли-идеи примерно таков: Ваше нынешнее существование состоит на 90% из мыслей о нас, забот, устройства наших дел, исполнения наших желаний и т.д.; а лишь жалкие 10% — это то, без чего, к сожалению, нельзя обойтись: работа, житейские обязанности, общение со

всякими-разными людьми. Не знаю, пишете ли Вы так Алику [Гинзбургу]; не знаю, как он смотрит на это, если пишете, но я с этим никак не могу согласиться. Это все-таки какое-то обкрадывание себя. Я бы, к примеру, крайне огорчился, если бы мои друзья ради нас забросили бы (или охладели) свои математику, этнографию, скульптуру и пр. Я не представляю себе, что смогу расстаться с литературой при каких бы то ни было обстоятельствах; я даже сейчас не расстанусь с нею, Ариша. И мне не очень верится, что у Вас нет и не было (до Алика и вне его) какого-то своего маршрута, принадлежащего только Вам, Вами выбранного, от которого Вы не имеете права отказываться. Не знаю, как для других, а для меня самый лучший подарок, самый большой праздник — это когда близкий мой друг, мой товарищ выпускает в свет книгу, публикует статью, защищает диссертацию, выставляет работу на худ. выставке, делает новую роль на театре. И не только эти, видимые всем завершения — само их творческое действие, творческое усилие — это для меня тот тыл, о котором писал Экзюпери в «Письме заложнику», то, ради чего мне стоит держаться, мучиться и рисковать. Я хочу сказать, что это — важнее для меня, чем заботы непосредственно обо мне. Разумеется, это не значит, что эти заботы не нужны мне.

Простите меня, Бога ради, за сказанное; оно вызвано не склонностью к поучениям, а только беспокойством за судьбу людей, безразличных мне.

Очень понравилась мне (и всем тоже) программка «Современника».

Мишка, никакой твоей телеграммы я не получал. Если бы получил, я не стал бы клевать Санькину печень. Письмо твое мне весьма по душе. Предыдущее тоже — об этом тебе, надеюсь, сообщили.

Братцы, случилось непоправимое. В пятницу я получил 6 (шесть!) бандеролей. Я их получил, как всегда, голенькими, т.к. шкуру с них сдирают и выбрасывают, и я теперь уже не могу припомнить, от кого что. Твердо знаю лишь, что «папка для бумаг», наполненная крайне необходимыми для всех нас канцпринадлежностями великолепного качества, — от Людки. И догадываюсь, что псевдонаучная фантастика — от Мишки. И вообще все бандероли были — во!

На сегодня кончаю, устали глаза. Мне придется, очевидно, обзавестись очками. (Только, пожалуйста, не цитируйте «Мартышка в старости...» — я уже сам цитировал и от других слышал.) Глаза стали уставать с год назад, болеть — с полгода. Последний месяц стало трудно читать; а несколько дней назад я случайно обнаружил, что буквы перестают расплываться, если я отдаляю книгу. Был поставлен диагноз: старческая дальнозоркость. Примерил соответствующие очки — 0,75, 1,0 и 1,25. Очень даже хорошо получается. Я записался на при-

ем к окулисту, и есть надежда, что где-нибудь через год-полтора меня посмотрят. Может, мне стоит получить от вас очки с набором соответствующих (от 0,25 до 1,0) стекол. Спросите у какого-нибудь глазника, а то по вечерам не могу подолгу читать и писать — а когда же мне еще этим заниматься? Алька говорит, что лучше прямо две пары очков — 0,75 и 1,0. Не знаю, поспрашивайте, а? И не надейтесь — все равно в очках вы меня не увидите: прежде чем надеть их, я буду запираюсь на ключ.

| 24/XII/68

Писем нет, новостей нет — «ах ты, милый Ганзеле, ничего нет».

Нынче — прибалтийское Рождество. По этому поводу мы посидели за столом (сервировка Яна! [Капициньша]). Веротерпимость потрясающая: католики, протестанты, православные, иудеи, униаты — и чуть ли не все — атеисты. Но межкультовое согласие — не из-за безбожия: в других случаях мирно соседствуют за столом разноверующие, отнюдь не легкомысленно относящиеся к религии. В прошлом году, например, сугубый материалист Сережа Мошков сидел на каком-то православном празднестве между лютеранином и мусульманином (есть у нас один на всю зону турок*, неукоснительно совершающий намаз).

Занятно все это. Впритык к моей койке — ложе свидетеля Иеговы; о занудности и невнятности этой теорийки, о ее, с моей точки зрения; бездуховности я уже, кажется, говорил. Так вот, на его тумбочке — что бы вы думали? Бионика, генетика и тому подобное. Во как. И начисто, принципиально — никакого искусства, никакой художественной литературы. Но я все-таки не уверен, что интерес к научной (точнее — научно-популярной) литературе в каком-то родстве с утилитаризмом этого вероучения*.

Зима у нас покамест (тьфу, тьфу!) сиротская, и я еще не впал в этот самый, как его? — анабиоз. Пишу, читаю, разговариваю, реагирую на всякие внешние раздражители. Вот, например, послезавтра будем слушать музыку — пластиночки присланные.

| 27/XII/68

Позавчера была очередная партия бандеролей: от Наташки [Садомской] (Потоцкий), от Майи З. (Хемингуэй), от Майи Копелевой («Лит. Россия» и др.), от Люды и Иванова(?) — «Турист» и «Огонек». Все очень

здорово. Обрадовала меня надпись на «Огоньке» — я обнимаю и целую автора надписи*, очень хочу знать его планы и перспективы. Слушайте, вы! Берегите его — чтобы с ним не получилось, как с Эль Сордо*. Чувствуете, что я уже взялся за «Колокол»? Я читаю его по две-три страницы зараз, растягиваю удовольствие, перечитываю только что прочитанное. Ай да Хэм*.

Сегодня, наверно, что-нибудь да будет: письмо, открытка, бандероль. У меня с утра левая ладонь чешется, а это примета верная. А вы знаете, что плохих примет у нас здесь не существует? Только хорошие. Скажем, при проверке попасть в «очко» — в 21-ю пятерку; скажем, в миске выудить лавровый лист (лавров нам не жалуют)!

| 28/XII/68

Левая ладонь моя — молодец и умница. Вторая половина вчерашнего дня была до краев, под завязочку набита эмоциями. Я вчера на работе не был (сегодня тоже), малость прихворнул. Вот лежал, писал вам и Ларке, поперевождал, почитал Хемингуэя. После обеда пришла ко мне Катя, Муськина дочь, мы с ней помурлыкали вдвоем и заснули. Проснулся я оттого, что она тыкалась мордочкой мне в подбородок. Я, не раскрывая глаза: «Ну чего тебе, Катюха?» Сосед: «Это она тебе письма велит читать...» Я подскочил. Письма — от Ирины Глинки и от Лешки Пугачева.

Лешка пишет горячо и невразумительно. В начале письма: «пью редко и помалу»; в конце: «пью редко, но помногу». Я так думаю, что он (судя по письму) пьет помногу, но часто. Обратный адрес — харьковский, штампель — белгородский, приписка, что будет отправлять письмо — Оли, датировано письмо — 27/XI, отправлено — 14/XII. Полная неразбериха. Но черт с нею, с неразберихой — я рад его письму. Ах, как хочется послушать три его новые песни! (Я думал — две, так Марленка [Рахлина] писала.)*

Я вчера же отправил ему новогоднюю открытку. И Ирине — тоже, в ответ на письмо.

Вот и сидел я, и смаковал оба письма; а тут вернулись ребята с работы, и прискакал Алька, и мы с ним — вдвоем — отметили день рождения Марьи [Розановой]. В добром расположении духа пошли курить, и тут его «дернули» на вахту — свидание!

Лежу это я с «Колоколом» на брюхе, и вдруг сверху, сзади — на меня цветок! Другой! Оборачиваюсь — сияющий Алик. Сел он рядышком — и сразу же засиял и я.

Мой цветок (астра? хризантема?) стоит у меня на тумбочке в бокале, и вся секция ходит любоваться им. И нюхают. Половину запаха вынюхали. Сегодня день рождения Аллы [Сергун]. И я его отмечаю.

| 30/XII/68

Вчера мне вручили «5 веков тайной войны», «День поэзии» и Ю.Германа. Наташа и Майя, спасибо! (Эпизод под названием «Загадка Н. И. С.»: «Юра [Галансков], кто такая — читаю по бумажке — Сергиевская Н.И.?» — «Понятия не имею». «Виктор [Калниньш], вы не знаете случайно особу по имени ...?» — «Первый раз слышу». «Сережа [Мошков]...?» — «М-м-м... Нет, не знаю». «Алик...?» — «Ну как же! Арина говорила, что...» Привет Вам, Сергиевская Н.И.!)

Вот. А еще — поздравительные открытки от Ивана [Светличного], от Майи Копелевой, от Аллы Григ. и Иосифа Ароновича [Богоразов-Зиминых]. И отдельно — от Веры Борисовны Золотаревской, чьим вниманием я весьма и весьма польщен.

Алла Григорьевна и Иосиф Аронович, увы: письмо от вас было после августа одно-единственное, все же, что сверх того, исчезло в лабиринтах почтового ведомства. От словесного оформления моих эмоций по этому поводу я воздержусь: бумага — не чиновники, она покраснеть может...

Что было с Ларой? Чем она болела? Пожалуйста, не опускайте эти «несущественные детали».

А как Вы играете на двух гитарах? Вы одна — на двух, Алла Григорьевна, или эксплуатируете Иосифа Ароновича?

А самые мои заветные желания, Майя, под Новый год — это чтобы ни с кем из хороших людей не случилось в 69-м то, что случилось в 68-м. Как видите, программа негативная. Впрочем, позитивной у меня, кажется, и не было никогда, а не только под Новый год. Отсюда, вероятно, и отсутствие положительного героя, в коем (в отсутствии) меня столь справедливо упрекал не то Феофанов, не то кто-то другой из радетелей отечественной словесности*.

Без четверти десять. Пора «в объятья Нептуна», как говаривал Леонид Абрамович Рендель. Леничка, ау! Говорят, тебя откормили? Не может быть.

| 31/XII/68

С Новым годом, друзья! Мы уже съели наш праздничный ужин, стараниями Алика доведенный до немислимой вкусноты; мы уже

выпили наш новогодний кофе, приготовленный Сережей в лучших традициях («После третьего глотка глаза на лоб лезут», — сказал один из наших гостей); мы уже спели несколько песенок Высоцкого... Через полтора часа — 1969. Даст Бог, он не будет похож на этот, кончающийся. Не знаю, как другим, а мне плохо не от того, что я здесь, а от того, что без вас. Но пусть вам хорошо пьется, естся и беседуется, милые вы наши. Мы действительно очень вас любим — и те — тех, кого и в глаза не видали... С Новым годом! Prosit!

1 января 1969 года.

«И год не нов. Другой, новой, обещан...»*

«Другой» — это, очевидно, — 1970-й. В нем, действительно, будет кое-что новое. Что ж, подождем.

Первый день этого нового года — тихий, мирный, благополучный. С утра — вкусный кофе; днем — праздничный обед (худ. руководитель и постановщик — А.И.Гинзбург), треп, книжки, сон; вечером — пластиночный концерт.

Завтра я отправлю это письмо. И так как я в январе получу, я думаю, Ларкин адрес, то второго письма от меня, Санюшка, не жди. Пошлю его тебе через месяц. Я даже знаю, о чем оно будет. Мне хотелось потолковать с тобою о так называемом «абстрактном гуманизме». Об инстинкте справедливости. Об иллюзии нарушения равновесия и о преодолении этой иллюзии. Конечно, мне бы не писать тебе об этом, а поразговаривать бы, а то на бумаге трудно жестикулировать, бэкать и мэкать.

А Наташе Светловой, пожалуйста, передайте вот что. Я прочел те две-три странички из письма Алику, где она описывает свой разговор с «Маргаритой»*. Я убежден, что это надо записать еще раз, и подробней, со всеми мелочами и деталями поведения этой женщины, и как можно точнее воспроизвести самую манеру ее разговора, словечки, синтаксис. У Наташи и так это написано великолепно, но мало, очень мало. Подумайте, ведь это редчайший случай — разговор с литературной героиней масштаба Беатриче; причем, насколько я могу судить, здесь Мастер не выдумывал или, во всяком случае, не особенно выдумывал.

Как все-таки жаль, что она (Маргарита) не одобряет нас*. Тем более жаль, что во многих планах мой коллега* — не то чтобы наследник или последователь мастера, — но скорее литератор, чудом почувствовавший, что существует Нечто, скрытое от всех, ожидающееся своего часа; и это Нечто было открыто кем-то (Духом искусства? Просто — Духом? Может быть, боюсь выговорить, — Богом?..), было открыто именно ему, чтобы он знал, что есть это, чтобы взял, что сможет и что можно взять. Он и взял многое; вот только опти-

мизм Мастера нам, разумеется, не по зубам; но это уж время работает не на нас. Оно же, время, и диктует нам иное поведение, иные поступки, иное отношение к категориям «можно» и «нельзя». Есть же периоды и обстоятельства, толкающие нас к риску! А по сути, по существу, мне кажется, Мастер не стал бы спорить, во всяком случае — осуждать написанное за его содержание. Для этого сколько угодно Латунских...

Если случится и если это будет удобно, пусть она узнает о моей любви к «Мастеру и Маргарите», о моем восхищении Мастером и Маргаритой; о том, что раньше — до 1966 года, читая его книги, я смутно удивлялся отсутствию Маргариты (может, я не все изданное читал?) и теперь счастлив тем, что все-таки появилась, была и есть — она.

До свидания, милые мои и любимые.

P. S. Ко мне, кажется, пришло «второе дыхание» — снова пишется. Тревожиться не надо: все, что окажется «не тем», можно будет попросту выкинуть, так?

Да, еще вот о чем. Ариша говорила, что Майя, вероятно, слишком обостренно воспринимает всякие толки*. Даже если это так, все равно я рад, что выложил все, что думаю по такому поводу. И еще раз — пишите мне, ежели что не нравится, с полной откровенностью и не щадя моего самолюбия. И Майе — спасибо.

Ю.

| 4/1/69

«Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?»* Растяпистостью? Никто. Я опустил письмо, забыв наклеить дополнительную марку; естественно, письмо мне вернули. Но! Все к лучшему: я тут же поделюсь событиями минувших трех дней. Во-первых, я получил новогодние открытки от Ариши, от Тошки [Якобсона], от Зинаиды Анатольевны (матери Бена [Ронкина]), от Люды; телеграммы от Азбелей, от Бурасов, от Саньки и — к большой моей радости — от Тани Макаровой и Сергея Коваленкова и «их дочери Анастасии». Пожалуйста, если кто-нибудь общается с ними (м.б. Алена [Закс?]), передайте мои поздравления, — не с Новым годом, они опоздали, — а с дочкой — с этим, я думаю, опоздать невозможно. Если будет охота, пусть Таня черкнет открыточку или письмецо — когда, собственно, произошло это событие?

Внимательно изучив твою телеграмму, Санька, я сделал вывод, что, отправляя ее, ты успел уже встретить Новый год — авансом. Об

этом свидетельствуют, во-первых, дата и время отправки — 31/XII, 23 ч. 59 мин.; во-вторых, гм., некоторая, что ли, разговорная непринужденность стиля.

Да, еще была маленькая, но чрезвычайно симпатичная бандеролька от Сашки Воронеля.

Вот. Вчера благополучно прибыли Бен и Серенький [В.Труфелев] — обросшие, злые и грязные, как черти (неделю проторчали в Потье*).

Мы вчера, уже в полном составе, еще раз встретили Новый год, выложили друг другу все новости. Сегодня Бен досказывал мне свои саранские словопрения (я опять гриппую, а они отмывались и стриглись-брились); в общем, смысла в этих поездках — нуль.

Сочинил я сонет. Никого определенного он — сонет — в виду не имеет. Впрочем, кажется, его можно петь на мотив «Есть в старых парусах душа живая...»* (Кто-нибудь, кроме харьковчан, знает эти стихи?)

На свет, на газ и на признание — такса,
Диктует рифмы добродушный быт;
А было время — и поэт метался,
Наотмашь бил и был судьбою бит.

Все позади. Теперь он мягко спит;
Есть капитал — минувшие мытарства;
Как жаль тех лет безумья и бунтарства,
Жаль нищеты, несчастий и обид.

Пристоен крик, сомнения бравурны,
На микропоре модные котурны,
Парадный меч сверкает, не рубя, —

Все по привычке кажется стихами.
Таков пророк. Он куплен с потрохами —
Самим собой — у самого себя.

| 5/1/69

Ну вот. Марки я на конверт наклеил, завтра снова опущу письмо. Событий за сутки никаких не произошло. Простуда моя продолжается, так что завтра я вряд ли пойду на работу. Возьмусь-ка я за Потоцкого, за эту самую «Рукопись», понюхаю, чем это пахнет.

Странно все-таки: после свидания Алика я считал, что телеграмма с адресом Лары — дело двух-трех дней. Такие были утешительные сведения — и вот на тебе, снова все темно.

До свидания. Целую вас.
Ю.

п и с ь м о п я т ь д е с я т с е д ь м о е

7/1/69

Салют, братцы-кролики!

Вчера было Рождество — и рождественский подарок: Ларкин адрес*. Телеграмма с адресом от Ларки и еще две от Люды [Алексеевой] и от «Богораз-Домшлак» (это что за гибрид?) — с тем же (ох, тем же!) адресом. И сегодня же я отправил по этому самому адресу толстенное письмо. Так что лимит мой на январь исчерпан, и это я пошлю только в начале февраля.

А еще вчера была телеграмма от Наташи и Бори [Шрагиных–Садомских] и от Фаюмов. И открытки от Людмилы Ильиничны [Гинзбург], от Юны [Вертман], от Майи Злобиной, от Зойки [Кагановой] и Моси [Тулчинского]. И письма от Сашки Воронеля и от Мусика [Каганова]. И еще очень трогательная записулька от Юрочки Хазанова — меня аж слеза прошибла. Эк их разбирает! Надо отдать должное Хазанову: его послание умнее и тактичнее Гарбузенковского, без выпендриваний. Я бы, конечно, мог ему ответить: мол, тронут, кто старое помянет, вернись ко мне, я все прощу, как тебе служится, с кем тебе дружится (как тебе бродится, с кем переводится*) и прочее. Но — пардон: точки над і — тот минимум, та печка, от которой я согласен танцевать. Так что для того, чтобы «повторилось хорошее» (на это надежды мало, дай Бог, чтобы плохое стерлось), нужно что-то делать — т.е. оценивать происшедшее — не мне, а ему. Это при том, что я отлично понимаю свою вину, точнее — свое легкомыслие нелепое: надо было бы мне думать о том, кто в состоянии, а кто не в состоянии выдержать груз*. Ладно, хватит об этом.

Сашкино письмо. Голубчик мой, я не «поддержал решение» Саньки (насколько я понял, определенного решения у него и не было) — я принял свое решение. Та толика информации, которая у меня была (а точнее — отсутствие объективной и дельной информации), ни к какому другому решению меня привести не могла. Я не знаю, в какой мере мое распоряжение оставаться в Москве и поступать на работу совпало или не совпало с Санькиными желаниями; я не знаю, насколько оно, это решение, было разумным (и до сих пор не знаю,

потому что никто не изложил мне ситуацию ясно и определенно, все были недомолвки, намеки — может быть, иначе было нельзя, но мне-то от этого знания не прибавлялось); но, исходя из того, что мне было известно, я счел нужным решить именно так. Не жить в Москве Санька может, как я ему сказал, — только уже будучи студентом. И — никаких вольнослушаний и заочных: этого можно и должно добиваться и оставаясь дома*.

К слову, я считаю Саньку достаточно взрослым для того, чтобы всерьез считаться с его собственными желаниями, и если наши желания совпали — я этому очень рад. Более того: при иных обстоятельствах (т.е. будь я и Ларка дома) я бы предоставил ему решать все совершенно самостоятельно. К сожалению, обстоятельства таковы, что я буду вынужден в каких-то случаях требовать от него того, что я считаю нужным. А разумность или неразумие моих требований будут зависеть — помимо моего слабого умишка — и от спокойной и вразумительной информации.

Настоящей ситуацией я пока доволен. И останусь доволен, если наладится с учебой.

Как у такого умного папы — Исаака Яковлевича [Каганова] — такие глупые дети?! Я имею в виду косноязычное бормотание Зайца [З.Кагановой] и Мусика о том, что, мол, «виноваты, не писали, молчали, не заслужили» и пр. Что за вздор — «не заслужили»? Не писали — значит, не писалось. Сколько раз вам, олухам, повторять, что я не обижаюсь, а беспокоюсь. Вот теперь получил весточку — и слава Богу, и продолжаю думать о вас — уже спокойно — с нежностью.

О семейных переменах Дезика [Д.Самойлова] я давно знаю, и рад за него, что у него все в порядке, — он мне всегда был симпатичен. Это помимо и независимо от того, что я считал и считаю его одним из самых интересных и настоящих поэтов сегодняшней России, одним из очень-очень немногих. Как обидно, что все вы — все-таки свинтусы и, хотя я много раз просил, так и не прислали мне ни одного из его сборников. Один лишь Муська кинул мелочишку на мою бедность: двести странички из «Знамени», кажется, — подборку стихов... А с ним самим я, к сожалению, не так коротко знаком, чтобы прямо его попросить.

| 8/1/69

Экая досада, что не знал я о 70-летию твоего, Заяц, отца. Я бы уж как-нибудь исхитрился и нашел бы способ поздравить его. Знают ли твои родители, Зойка, что я их очень люблю? Теперь, на расстоянии —

даже не знаю, что это за расстояние, — во времени? в километрах? в статусе? — так вот, теперь я могу признаться, что каждый раз, когда я бывал у них, мне страх как не хотелось уходить: какая-то особая атмосфера доброжелательного внимания; спокойствие и ирония, мгновенно сменяющиеся прямо-таки юношеским оживлением, когда речь пойдет о действительно важных вещах — скажем, о настоящем искусстве; и постоянно, неизменно — этакие, что ли, флюиды доброты, исходящие от наклоненного вперед «двухэтажного» лба отца и от внимательных-внимательных, всматривающихся глаз матери. Я сентиментален, да? Ну и наплевать. Очень мне хорошо бывало у них, жаль, что редко. Такой умиротворенности и одновременно бодрости я, пожалуй, ни в одном доме не испытывал. Как будто оставались за дверью все раздиравшие меня страсти-мордасти, и способен становился увидеть и почувствовать то, о чем я так мечтаю и чем никогда не буду обладать, — чистую человечность...

А Инка [Каганова] — это та самая Инка, о появлении которой Мусик сообщил мне, прыгая через этажи и почти сбив меня с ног на отцовской лестнице? Это было не то вчера, не то позавчера — до чего бестактна эта нынешняя молодежь! Выходить замуж при таких юных родителях?! Фи. Примите, ох, мои поздравления.

Сашка, а где будет и когда будет ваша кооперативная квартира? Нэлка, а про чего твои сценарии? А они со стихами? Надо, чтобы со стихами. А насчет издания стихотворного сборника — как все-таки устроить так, чтобы твои стихи пришлось по вкусу не таким людям, как Светлов и Яшин? А совсем наоборотным. Тогда, во-первых, стихи издадут; во-вторых, может, эти люди «откинут копыта»?

Да, Муська! Пожалуйста, не поленись — пришли мне пародии Черныкова, о которых ты писал. Знал ли я его? Нет, не знал; но очень много и с разных сторон слышал о нем — хорошее. Может, и виделись мельком, но вряд ли — я обычно запоминаю то, что стоит запоминать.

| 10/1/69

Итак, для начала — перечень: бандероли — прелестнейший пингвин новой породы от Люды и книжка от Марта Никлуса; письма и открытки от Наташки, от Эды [Золотаревской], от Льва Зиновьевича [Копелева], от Лидии Корнеевны [Чуковской]; от П.Г.Григоренко, от Елены Михайловны [Закс], от Марленки [Рахлиной], от Иры Ронкиной, от Оксаны и Михаила Осадчих, от Маринки Фаюм и от Елены Герчук. Вот с нее, с этой самой Елены, я начну отвечать*.

Так вот, дружок мой Леночка, страхи твои относительно того, что мне надоело великое множество писем, совершенно неосновательны. Писем действительно много. Я не считал — надо будет заняться как-нибудь; по-моему, количество корреспондентов перевалило за 70 человек. Но, во-первых, далеко не все пишут регулярно, а во-вторых, дело в том, что человеку вообще, а в моем положении — тем более, никогда не надоедает разговор с сочувствующими или любящими (конечно, если сам их любишь). А ведь, я думаю, ты относишься ко мне примерно так же, как твои мама и папа? (Ужас, до чего нескладно и несподручно мне писать это «мама и папа», когда речь идет о твоих родителях! Всему миру известно, что они — попросту Маринка и Юрка...)

О чем писать? Господи, да о чем тебе угодно! Мне ведь все интересно, я ведь о тебе почти ничего не знаю. Правда, из этого твоего «вступительного» письма я уже сделал некоторые умозаключения: например, вряд ли, по-моему, решение математических задач — это твое «хобби». А что «все время учат и учат», так это и мне хорошо знакомо. Должен сказать, что и теперь меня все еще учат, ни конца, ни краю этой учебе не видать. Вот, слава Богу, убрали меня из Москвы, а то ведь и друзья все учили: «Ты не занимаешься всерьез литературой; ты ведешь слишком рассеянный образ жизни; а почему бы тебе не написать серию очерков; а не вредно ли так много лежать на диване» и т.д., и т.п. Причем каждый из советчиков был абсолютно убежден, что именно его рецепт спасет меня — на благо просвещенному человечеству. Сейчас, кажется, Санька принял на себя причитавшиеся мне порции...

Справляют ли у нас Новый год? Конечно, справляют. Только наш Новый год наступил на час раньше, хоть мы и живем по московскому времени. Вот ведь чудеса, а? И елки у нас не было. И вина тоже. Зато была еда умопомрачительной вкусноты — разумеется, по сравнению с будничной. И еще было вот что: в небольшом нашем кружке, встречавшем Новогодье, было чувство абсолютного доверия друг к другу и гордости друг за друга. Так, по крайней мере, чувствовал я. И это при том, что люди мы совсем разные и спорим по любому поводу, как заведенные. В общем, любому хорошему человеку я пожелал бы таких товарищей, как мои, и не только для Новогоднего вечера. И то сказать: конкурсные экзамены, которые ими сданы, серьезнее и жестче, чем в любом другом вузе...

Подарок твой елочный мы увидели раньше, чем я прочел твое письмо, и он вызвал некоторое замешательство: возник спор, лошадь это или осел; некоторые невежды утверждали даже, что это пудель. Но после прочтения письма страсти поулеглись, и все стали

восторгаться. Я тоже считаю, что, несмотря на трехноготь (очевидно, врожденную), у нее довольно жизнерадостный вид.

Ленка, ты пиши не так, как пишут «такие письма», — пиши, как тебе хочется и о чем хочется — если хочется. Я буду рад — говорю это вполне серьезно и с благодарностью. Только что-нибудь бы вместо «Юлия Марковича», а?

| 11/1/69

Вот сегодня нежданно-негаданно — суббота ведь! — получил твое, Санька, письмо. Очень меня обескуражила пропажа моего первого декабрьского письма. Обидно это до чрезвычайности. И хоть бы было ему зачем пропадать — так ведь нет, сколько помню — чистая лирика. А о чем — уже забыл. И забыл, чьи именно письма и бандероли подтверждал. Черт его знает, хоть конспект собственных писем делай! Помню только, что там было отдельно для Ариши [Жолковской].

Я, конечно, все равно буду писать. Но вдохновения мне эти пропажи не прибавляют.

Марленкины вопросы о Москве и твои, Санька, о Харькове вы ко времени получения этого письма благополучно разрешите сами.

Лидии Корнеевне — моя признательность за открытку. А книжка ее о «Былом и думах» с авторской надписью бережно хранится мною, я получил ее с год назад примерно; неужели я забыл написать об этом? Какие книги мне присылать? Книга о Герцене, главы из которой были в «Прометее», еще не вышла? Вот бы... Самый сердечный привет ее отцу [К.И.Чуковскому].

Лев Зиновьевич, вероятно, прав, что понимание временности всего скверного — «надежное противоядие» от сегодняшних печалей; но правота эта годится для людей, обладающих созерцательной мудростью, что ли; а я — человек «сиюминутный» и к тому же злопамятный — в изначальном значении этого слова. Спасибо ему за новогодние пожелания — но что мне делать с «плодотворными замыслами»? И какие плоды они принесут, если я перестану хоронить их ежедневно, как это происходит сейчас?

Эдка пусть потерпит: вот я вернусь и увеличу число ее поклонников. А Веркину [Веры Золотаревской] открытку я получил и ответил ей — лично.

Петру Григорьевичу [Григоренко] передайте, пожалуйста, что я, как говаривали в старину, почту за честь встретиться с ним в Москве. Я слышал о нем от Алика [Гинзбурга] много хорошего и интересного. Уж не говорю о том, что мне любопытно: знакомых такого калибра — не подберу другого выражения — у меня отродясь не бывало*.

Если случится оказия, передайте привет от меня Оксане и Михаилу. Мне было бы очень интересно (да и не одному мне) знать, как у них жизнь, как дела, что слышно об общих знакомых.

Очень обрадовало меня письмецо Елены Михайловны и очень огорчило (это уж по сведениям из твоего письма, Санька), что пропали письма Алены [Закс]. Спасибо за новогодние пожелания; не знаю, как насчет счастья в Новом году, а на спокойствие я очень надеюсь. Хотя бы на этот год... Володе — моя благодарность за приписку; скажите ему, что он мог бы материализовать свои добрые чувства ко мне — таким же способом, как два с лишним года назад: сфотографировать людей, по чьим лицам я так соскучился*.

Наташенькино письмо — прелесть; избранные места из него — о лит-, кино- и худновостях — я читал вслух, и мы гнусно и злорадно хихикали. Очень забавно насчет классика и его антагониста, дай Бог и дальше так. Вообще Наташка — неиссякаемый источник оптимизма. Вот молодец-то. Вот дуреха. Очень я ее люблю, хоть она и кандидат наук; но это может ведь случиться с каждым? Кроме меня, конечно. Наташка, а ведь ты собиралась поинтимничать со мною — что ж ты?

О Герцене. Я его читаю, но очень медленно. Дело в том, что он у меня «идет» лучше всего на камерном режиме; здесь, в «обычных» условиях, трудно сосредоточиться, а меня как на грех не сажают и не сажают...

«Рукопись» Потоцкого сразу пошла по рукам, и мне до нее сейчас не добраться.

| 15/1/69

А Наташка мне прислала бутылку светлого американского виски — очень красивая бутылка; у меня теперь есть полная возможность представлять, каково на вкус ее содержимое. В следующий раз Наташка, вероятно, — для полного моего довольствия и удовольствия — пришлет мне что-нибудь нудистское? Я с денек подержал картинку на тумбочке, а потом убрал: уж больно все крякали над головой.

Были бандероли: от Ирины [Глинки] и Юры [Левина] («к старому Новому году»), от Ивана Светличного, от Коли Вильямса (душенька — он понял мою просьбу о научно-фантастической макулатуре буквально!) и потрясающая бандероль от Симы*. Увы, она дошла до меня не в лучшей ее части: телеграмма пришла своевременно, и паспорт Симы уже успели отослать назад. А жаль: во-первых, я бы хоть полюбовался ее фото, а во-вторых, какой ажиотаж был бы вокруг паспорта, присланного сюда, да еще женского!

Еще сегодня были письма от Мишки [Бураса] и от Найки Азбель.

Мишка — негодяй. Он считает меня уже абсолютным идиотом: исписав полторы страницы бредом, он имел нахальство закончить так: «Все я набрехал. Это туфтология». Вот я ужо его!

Отдельный кабинет в связи с новым назначением подействовал на меня ошеломляюще. Боюсь, что не смогу обращаться к нему «товарищ начальник» — только «гражданин начальник»; может, если буду под мухой, скажу ему «начальничек»...

Поглядев на Машкин [Маши Бурас] рисунок, мы все рты пораскрывали — ну и рисуночек на античный сюжетец! Со знанием ситуации выбран миф; со вкусом проработаны детали (есть, правда, некоторая модернизация — о кой-каких одиозных детальках у Эсхила, к примеру, ничего не сказано*), в общем, наши дети радуют нас ясным пониманием современного мира.

А куда направил стопы наш футболист*? Нельзя ли о нем поподробнее?

Найкино письмо приятно мне самим фактом своего появления; но, как сказал бы ее уважаемый супруг на свойственном ему языке, — в нем маловато информации. Что Димка [Азбель] добрый и джентльмен — это я раньше знал (случай с велосипедом и девочками); а вот какой он теперь вообще? И о вышеупомянутом супруге ни слова. И сама корреспондентка могла бы поболтать со мною всласть, как некогда.

| 17/1/69

Сегодня, Санька, я снова извлек твое письмо и перечел. Ну и ну. Если так будет продолжаться, то не проще ли тебе будет прислать мне учебник географии или атлас, выдрав из него Центральночерноземную область? А то что-то уж больно много места занимают «краткие географические справки»*. Это, разумеется, не твоя вина, а просто — «земля наша велика (чересчур) и обильна (заповедниками)».

Письмо твое совсем не «ванько-жуковское», а вполне толковое; и новости от пустяковых до важных мне — да и всем нам — очень интересны; и юмор твой вселяет в меня уверенность, что утонуть тебе не суждено.

Ты знаешь, малыш, было бы очень здорово, если бы ты как-нибудь — под настроение — взял бы да записал для меня какой-нибудь свой день. Так сказать, домашнее сочинение на тему «Как я провел выходной день».

Вчера было два письма — от Юны и от Оли Кучеренко. Юна тебя, Санька, хвалит. (Не знаю, дошло ли то письмо, где я говорю о ее, Юны,

неизреченной доброте, проявляющейся, между прочим, и в оценках? «Ах, она добра-добра — надолго ли хватит?»*) Вот и славно. Будь так же «кавалерственен», как Анатолий Александрович II*. Слушайте, а он и вправду может сожрать 20 порций мороженого? Что-то с трудом представляю это зрелище. Впрочем, я никогда не видал этого сочетания — Толика и мороженое. (Я уже хвастался, что Алик дважды кормил нас мороженым? Первый раз было молочное — так себе, а второй — шоколадное экстра-люкс).

Ох, знали бы вы все, как трудно мне писать вам. Вернее — не писать то, что хочется. Вот и сейчас я отмахиваюсь от разных мыслей, возникших у меня после письма Юны, от вопросов к ней (Санька, не дрейфь — не о тебе!) и от добрых слов, которые были бы бестактны в этом «общем» письме. «Общее письмо» — как «общее свидание»: «в присутствии»...

Оленьке — спасибо за фото. Она на нем очень красивая, но почему-то сплошная грузинка. Как жаль, что я не получил то, что было послано раньше. А что если еще раз попробовать? Негатив-то, наверно, сохранился? И еще раз. И еще. Пока не получу.

Выпивоны и треп, московский и харьковский, суматошность нашего с Олей общения — вот что, наверное, помешало мне заметить и оценить Олину наблюдательность. А может, она «не раскрывалась». Но теперь, читая ее письма, я не могу не восхищаться точностью ее характеристик, ее оценок, ее наблюдений над поведением наших близких, когда они вместе и когда — каждый порознь. Эти ее замечания, пожалуй, — из самых определенных и, по-моему, верных в том обилии мнений, суждений и формул, извлекаемых мною из почты. И вообще она (Оля, а не почта) — умница и прелесть.

Стоп! Письмо от Ларки! И еще — от Ариши, от Майи Копелевой, от Иры Кудрявцевой (наконец-то!) и от Аллы [Сергун].

| 19/1/69

«Веселость нас никогда не покидала» (М.Зощенко)* — девиз моей фантастической супруги. Опять же был перед войной какой-то фокстротик, начинавшийся словами «Семеечка у нас...». А вчерась высокое начальство заезжее спросило у меня с оттенком надежды в голосе: «А сын ваш еще не в армии?» — «Весной, может, заберут», — успокоил я. Ну-ну.

Ну что? Фактическая сторона, извлеченная мною из Ларкиного письма, скучна, и вы теперь, после сестричкиного вояжа*, знаете много больше, чем я. Буду ждать нового письма.

Аришенька, Вы уж меня, бестолкового, не ругайте за то, что я «не подхватываю ниточки, которые мне протягивают». Боюсь, что я несколько отупел и просто не в состоянии сделать это. Лучше уж, чтобы ниточки были поощрительней, поглубже и попроще. Ладно? Вы же отлично умеете писать так, что даже до бегемота дойдет; вот, например, искусством незакавыченных цитат Вы владеете в совершенстве — от одной из них в этом вашем письме мы большое удовольствие получили... Нытьем Ольги [Тимофеевой] я очень польщен; на неотправленную телеграмму я мог бы ответить на том же французском языке: «Merci! Hélas...» — телеграфная лапидарность была бы продиктована не экономическими мотивами, а печальной и исчерпывающей полнотой этого текста.

Так мне печально, что пропало письмо, в котором было отдельно для Вас. Не потому, конечно, что я написал Вам что-нибудь толковое (Бен [Ронкин] подверг меня проверке тестами; выяснилось, что я воспринимаю мир с завидной непосредственностью — на уровне 5–7-летнего ребенка...). А потому, что во второй раз я вряд ли решусь на лирику, которой Вы заслуживаете.

Людмиле Ильиничне, пожалуйста, не забывайте передавать мою неизменную симпатию.

Санюшка, позвони Ирине Кудрявцевой и скажи, что письмо ее я получил и что не отвечаю ей сейчас, потому что описание ею минувшего года требует ответа не в общем письме, как и любое обсуждение домашних дел. Могу сказать только, что год пребывания здесь, по-моему, много легче перенести, чем тот год, который достался ей.

Потенциальной княгине Волконской — привет*; мы все тоже ждем с нетерпением, когда же у Павла объявится адрес. И отцу ее [Л.З.Копелеву] — поклон; а над чем он сейчас работает? Книгу о Брехте читать было очень интересно, и спорить с автором я бы, к примеру, стал только по частностям. Кстати, может, есть у него лишний экземпляр Брехтовских стихов?

В том, что я стал вымогателем, виноваты вы все — провоцируете меня на это.

Галансков все еще — наивный человек! — пытается меня образовывать: подсовывает мне какие-то порнографические книжонки о философии и политике; Валерка [Ронкин] (известный экстремист) настаивает на применении ко мне экономических акций («не давать ему кофе, пока не прочтет...» — далее следует какое-нибудь непотребство); Виктор [Калниньш] с невыразимым презрением машет рукой: «А, пусть уж лучше играет на гитаре — безнадежен...»; Сережа [Мошков] осторожно заступает, намекает, что у меня, дескать, есть инстинкт (!), который, ежели понадобится, сработает; анархист Се-

ренький [В.Труфелев] провозглашает полную свободу чтения; Ян [Капициньш], вздыхая, потихоньку подсовывает мне конфету: наших бурных скороговорок он не постигает, но как я есть человек, наиболее близкий к нему по возрасту, не без основания полагает, что прав я, а не эти киндеры и чилдрены. Один лишь Алик, добрая душа, верный избранному пути, встает и полным голосом провозглашает: «Мой подзащитный...» После этого я убегаю из курилки, плюхаюсь на кровать и вцепляюсь в чтиво. Фигушки. Или, как элегантно и в рифму говорил Энн Тарто, — «фигос под нос». Они уже покурили и явились. Надо мною висит Серенький и бубнит про Фрейда; Рыжий [В.Калниньш] — он очень удобно сидит на моих ногах — повизгивает: «А вот Мак-Дугалл, основатель бихевиоризма(?), говорил...»; Алик толкует про какого-то неведомого мне Уэлса — американского; Ян: «Э-э, банда! Угунс лаба — где есть котелллок?»

Вот так и живу. А в промежутках шью рукавицы и стихи — и то, и другие — сорт II.

| 20/1/69

Санька, а ты зря на меня фырчишь: к Новому году я послал тебе большую и красивую открытку. В том же конверте — Якобсонам, Лене Ренделю и маме. Может, все-таки дошло — уже после твоего письма?

А вот уже вечер, и я получил твое письмо, Санюшка. Стало быть, открытки добрались. Хорошо. Теперь любопытно знать, когда придет январское письмо, отправленное 8/1.

Ты задаешь мне трудные вопросы, сынок. Ведь я почти забыл стихи, о которых ты пишешь. С трудом и не полностью восстановил, записал, и знаешь — вспомнил настроение, представь себе. Так вот, по поводу соседства этих двух строк: «А вдруг разумна Божья милость — Мы все в ничто пустое канем...». Ты знаешь, нечто подобное твоему толкованию было у меня, когда сочинял; я даже вспомнил, что хотел строчку о «пустом ничто» взять в скобки, так сказать, пунктуационно противопоставить. Но потом испугался сложности, вернее — запутанности того, что хочу предложить. И согласился на более простое, прямое толкование: «Божья милость» разумна тем, что оставляет от «канувшего» — лучшее, что он сделал (если он сделал, разумеется): стихи, а не трусость; полотна, а не подхалимаж; музыку, а не чванство; а эти «факты биографии» — несущественны, мол, в сравнении с выполненной задачей. Вот. А затем необъяснимое — за ненужностью объяснения — перечеркивание этих «высоких» соображений. Увы, я слишком

поздно спохватился, что слово «герои» неоднозначно. И твоя догадка еще раз меня огорчила: конечно, речь идет о литературных «героях», о тех самых, которые преданы или чуть не преданы автором, — в этом, собственно, и вся суть, в этом неизбежность парадоксальная: спасая свою жизнь — кончаешь самоубийством. Теперь я вижу, что любое слово было бы более удачным, ну хотя бы «страницы» или что-нибудь в этом роде. Теперь я хочу попытаться объяснить, почему так нескладно получилось. Ты, я знаю, веришь мне, что я отношусь к своим стихам именно так, как говорю и пишу об этом, знаешь, что я не кокетничаю. Так вот, это настолько для себя писалось, что я и не подумал о другом толковании. (И то, что я выше написал о своей боязни предложить сложную конструкцию, — совсем этому не противоречит: это я себе боялся предложить.) Я-то ведь знал, о каких «героях» идет речь!»

Так. Теперь о стихотворении Кнута [Скуениекса]. Хоть ты и перевираешь текст (непонятно, почему ты все еще его перевираешь*), но определил настроение стихотворения совершенно правильно. Именно так: очень трудно, но глыбы будут раздроблены.

О песне*. Трудно мне судить, дружок, я же не слышал ни того, ни другого. Но, судя по твоему описанию, Костя поет так, как пел Мишка, — автор песни, а Юлик поет так, как пел бы его тезка, — автор Мишки. И опять ты прав — все эти песенки чуточку пародийны; я даже думаю, что вне прозы они никогда не были бы написаны. Да и контекст там, помнится мне, достаточно ироничен.

Алик получил телеграмму с адресом Павла *. Заглянули мы в атлас... Н-да.

| 21/1/69

Только что вручили мне твою телеграмму о «первом январском» письме. Теперь можно не нумеровать: будет ведь по письму в месяц*.

И письмо от Аленушки [Закс]. Вот кому лавры Ваньки Жукова спать не дают! Ангел мой Алена, почтительнейше напоминаю, что зовут меня Юлий Маркович Даниэль (имя-отчество можно обозначать в целях экономии места и времени только буквами: Ю.М.). Если будешь еще мне писать, на что я очень надеюсь, пожалуйста, не сочти за труд указать на конверте, кому рассказываешь о своем житье-бытье. А то начальству приходится напрягать мыслительный аппарат и соображать, есть ли по данному адресу еще какие-нибудь «Юльки», упоминающиеся в самом тексте.

Не думаю, дружок, что ты знала меня «плохо», как ты пишешь; просто знала не всего; а кто из нас может похвалиться doskonaль-

ным знанием друг друга? И насчет несоизмеримости масштабов наших жизней я что-то не очень понял — почему несоизмеримость? И каких, собственно, жизней? Если теперешних, то это, в общем-то, больше по части быта: ты можешь глотнуть коньячку, а я нет, ты можешь помять ребра на лыжной прогулке, а я этого удовольствия лишен. А если речь идет о жизни «до» — то, по-моему, все мы шли ноздря в ноздю, с поправками, разумеется, на всякие опять же бытовые обстоятельства.

Что же касается до того, как тебе живется, то, сама понимаешь, что бы я по этому поводу ни думал, — написать не могу здесь, а отдельное письмо — неосуществимая мечта.

| 23/1/69

Санька, прежде всего: кажется, меня не совсем правильно поняли. Когда я выражал неудовольствие тем, что мои письма цитируются где попало, это вовсе не значило, что я хочу ограничить уже сложившийся круг читателей. Наоборот: я ведь просил сделать так, чтобы до каждого добирались строки, предназначенные ему, и не только они, а по возможности, все письмо целиком. Вопросы твои с упоминанием конкретных лиц даже дико читать. Непременно показывать! И вообще пора бы тебе разобраться, где любовь, сочувствие, дружба, а где любопытство, мода, спекуляция. И симуляция.

Вчера вечером были письма. Прежде всего — о Ленькином. Сенсация: Рендель в костюме и с волосами! (Кстати, кто это клялся-божился, что до конца дней своих будет стричься наголо? Я еще уговаривал, что прическа украшает мужчину, а мыслителя — в особенности...) Сбежалась вся наша банда, долго любовалась фотографиями и слушала отрывки из письма. Потом стали подходить всякие-разные, которых Лень, м.б., и не помнит. А потом появился так называемый Федя Сиденко, расплылся до ушей и стал причитать над фотографией, испуская сиянье и шлепая губами. Тут мы решили идти к Иссе. Турок взволновался необыкновенно. Он явственно произнес: «Рендель — брат», затем ткнул пальцем в Нэлю: «Жена?», получил подтверждение и сказал: «Маладэц!»; после этого он стал тискать нижние уголки фотографии и встряхивать, имитируя рукопожатие; затем попытался рассказать нам с Аликом историю своего знакомства с Ленией, не сумел, еще раз сказал «Маладэц-брат» и ушел — кажется, с повлажневшими глазами.

А теперь я пишу уже вечером, и ко вчерашним письмам прибавились сегодняшние, да еще бандероли.

Так вот, письмо от Аллы Григорьевны и Иосифа Ароновича [Бого-разов – Зиминых]. Хочу вынести за скобки вот что: я в своих письмах подтверждаю всю получаемую мною почту. Поэтому если какое-то письмо, открытка, телеграмма или бандероль не подтверждены мною — стало быть, они не получены. Вот. Я знаю, что январское мое письмо пришло — кажется, там есть что-то о ваших письмах, дорогие мои Алла Григорьевна и Иосиф Аронович. То, что Санька не позаботился предварительно дать вам и другим «заинтересованным лицам» (хотя бы тем, о ком там шла речь) прочесть письмо, уехавшее с Людой*, — это свинство. (Да-с, сын мой, времени с 31 декабря было предостаточно!) И впредь так не поступай, не то прокляну и переделаю завещание: весь капитал пожертвую на приют для престарелых крокодилов. И еще — стукну-ка я кулаком: поездку к маме я очень не советую — сейчас, по крайней мере, в ближайшее время: может случиться так, что такая поездка будет не только желательна, но и необходима позднее. Так что, Санька, подожди, потерпи.

Аллочка, дорогая, а не погнать ли вам в шею наших милых друзей? В том смысле, что установить приемные часы, скажем, от 5 до 8 вечера, или как вам удобнее, и под страхом отлучения запретить звонить или приходить в иное время? Ась? Ведь вы уже убедились, какие они чудесные, наши с вами друзья, — они не обидятся! А то ведь заездят...

Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои: совесть надо иметь, лошади!

Может быть, действительно, Вы, Иосиф Аронович, правы, и в молчании Андрея есть свои резоны*. Ну хотя бы те, что письма не пропадают. А то ведь пишу, стараюсь, ободряю корреспондентов(-ок), устилаю бумагу бархатным баритоном — и нате! Пшик.

Меня тоже беспокоит эта Ларкина работа*: что такое подсобник, я знаю по Явасу; и работа эта для Лары никак не годится. Кстати, а какова юридическая сторона этого дела? То есть — обязана ли она работать именно там, где ей предложили? И обязана ли вообще работать? Конечно, Ларка сама не согласится сидеть без дела; но может ли она спокойно, не торопясь и не будучи потревоженной, ждать, пока подвернется подходящее занятие? Проконсультируйтесь, пожалуйста, и напишите мне.

| 25/1/69

Письма, которые я получил и еще не назвал, — от Ирины Глинки, от Маринки Фаум, от Майи Э[лобиной] и от Ариши. Вы меня простите уж — не буду я сейчас отвечать на них: голова болит и настроение

скверное. Даже прелестная вещица, опубликованная в «Октябре»*, — Алик читал вслух в отрывках наиболее выразительных, «сладких», как сказал бы Андрей [Синявский], — даже этот маленький шедевр не развеселил меня. На том прощения просим.

Да, Лене [Ренделю], помимо нашей восьмерки, кланяются еще оба Сороки: Мих.Мих. и Степан.

| 28/1/69

Вчера были письмо от Ирины Глинки, открытка от Нины Караванской (она шла всего лишь месяц и два дня) и письма от Лары и Люды; чунские письма очень утешительные, а Людино, кроме того, еще и развеселое. А кто такие поминаемые Людой «дети Великановой», «Роман» и «С.Мюге»* (если я правильно прочел)?

Если пасторальные картинки, возникающие из этих писем, не будут подпорчены каким-нибудь неблаголепием по производственной линии, то, очевидно, можно вознести благодарственные молитвы. Все почти как с датским маслом — не знаю, помнит ли Иосиф Аронович замечательный свой разговор с Ларкой об этом продукте*.

Санюшка, тебе рекомендуется обращаться отныне к Арише не иначе, как «тетя Арина», а ты изволь откликаться на «племянничка»*.

Да, совсем забыл: я так и не написал о последних бандеролях. Так вот, предпоследние бандероли были от Аллы Григорьевны, Ариши, Бабенышева* и Майи З[лобиной]. А последние, вчерашние — от Борьки Золотаревского и Юры Левина. Все получено целиком и полностью.

Очки сразу же приспособил к делу и могу теперь читать и писать без головной боли. Я себе очень нравлюсь в очках; но, во-первых, они мне узки; во-вторых, наверное, нужно уже +1,0; и, в-третьих, я их только что раздавил. Как это получилось — ума не приложу: писал это вот письмо — в очках; позвали ребята пить кофе — снял очки, аккуратно положил в футляр, сунул в нагрудный карман (процедура эта, равно как и обратная, доставляет мне особенное удовольствие); выпил кофе — не дрался, не падал, не обнимался; сел продолжать письмо, глядь — а одно стекло уже треснутое! В общем — SOS!

Маришке Фаум я в ответ на предпоследнее письмо ответил ругательным листком — это на то, в котором было от Ленки [Герчук]. Потом получил еще одно, поостыл и листок изъял; но если Маринка очень хочет, я его пошлю в следующем.

| 2/11/69

В пятницу были письма: от Люды (уже московское), от Борьки Золотаревского, от Наташки, от Марленки и от Ариши.

К Люде одна лишь просьба: написать о Ларкином здоровье и о ее работе.

Борька просил «не комментировать» письмо — слушаюсь. Эй, лопух, а если я хотел комментировать восторженно? Схема проигрывателя получена, и тебе просят передать благодарность. Задание номер следующее*: «Справочник молодого обмотчика электрических машин» А.С.Кокорева и И.Н.Наумова, М., 1964; «Обмотчик электрических машин» Н.В.Виноградова. Первая книжка издана «Высшей школой», вторая — Учпедгизом.

Марленкину книжку жду с нетерпением, я знал о ней еще до письма из того же «Книжного обозрения». Это и есть обещанный подарок? Да, к слову, о подарках. Нэлка [Воронель] пусть не сочтет за труд и от своего и моего имени пошлет Маринке Ронкиной последнюю книжку, а? Ей — Маринке — недавно исполнилось 5 лет, и книжка будет в самый раз.

Наташка очень интересно написала о перспективах дальнейшего размежевания так называемого общества. Кажется, и в песенке тезки о том же?*

А Арише я пишу отдельно.

О книжках. Я хотел бы получить такую же, как прислал Сашка в последний раз, — связанную с легендами об аргонавтах.

Малыш, все никак не соберусь написать «только тебе» — то настроение подкачает, то нужно что-то срочно делать, то необходимо ответить на чье-то письмо — ты уж не сердись.

По последним сведениям, ты стал жутко деловой и даже с суаринтимов удираешь, чтобы заниматься. «Чем?» — сразу спросил Бен, когда я похвастался. «Известно, чем, — сказал я не совсем уверенно, — этой, как ее, фэммической химией, что ли. В общем, чего-то интеллектуальное. Насчет пожрать».

Ты спрашиваешь о Яне. Летом он отпразднует 5-летний юбилей. А еще через десять лет вы сможете встретиться и поговорить*. Вот так.

Обнимаю тебя, милый.

Всем — самые горячие приветы от меня и всех товарищей.

| 3/II/69

Получил бандероль с рисунками Ясика [Горбаневского] и «письмом в письмо» — Лариным и Наташиным. Из письма Арины к Алику узнал о разыгравшихся частнособственнических инстинктах в Чуне. И еще — что мои сомнения относительно твоей поездки, Санюшка, уже опоздали*. Ну, пока.

Ю.

П И С Ъ М О П Я Т Ь Д Е С Я Т В О С Ъ М О Е

| 12/II/69

Уважаемый ребенок! Ты не смог бы мне ответить, почему твои поездки сохраняются в секрете? Ведь тебе бы надлежало как почтительному сыну испросить благословенья, прежде чем в вояж пускаться! Или уж, на крайний случай, если так тебе приперло, сообщить об этой самой состоявшейся поездке. Так сказать, уже *post factum*, опосля, — «с позиций силы». Помни, сын мой, что гордыня — смертный грех, и даже унты («Обувь мужественных — унты» — вот для очерка название! — подари журналу «Смена»), даже унты, даже унты убежали от тебя... (Постой-ка, что за черт, я, кажется, сбился. Да, так вот.) Даже унты меховые не дают нам основанья эдак вот мырять в молчанье, презирая все на свете. Я, конечно, понимаю, что успех у милых женщин порождает в организме некое высокомерье; я и сам, бывало... впрочем, я — пример неподходящий, ибо, как известно миру, я всегда являл собою образец непревзойденный скромности и воздержанья от мирских соблазнов. Вот как. Сын мой, вынеси за скобки то, что слава преходяща (А.С.Пушкин даже как-то обозвал ее «заплатой»); внешность наша обладает мерзопакостнейшим свойством изменяться неуклонно; деньги — дым; и только это — женское непостоянство — постоянно в этом мире... Так что ты не задавайся, ибо ихнее вниманье — есть загадочный феномен: миг один — его не стало — испарилось — как корова языком слизнула... Сын мой! Даже унты, даже унты убеж... (Тьфу!) Даже унты, даже унты не вернут наследниц Евы...

Как странно — и температура не такая уж высокая, и вообще я на поправку пошел — как это меня повело на вышенаписанное?!

И вообще я собирался сообщить, что за отчетный период я получил, кроме серии писем от мамы, письма от Милы Кичиной и от Марка Азбеля. И бандероли — дважды от Арины [Жолковской], трижды

от Людды [Алексеевой], от Наташи Горбаневской и от Грабаря* (для Юры [Галанскова]).

С нынешнего дня, если все будет благополучно (тьфу-тьфу!), остается 1 год и 7 месяцев = 19 месяцев = 577 дней = 82 недели; 57–58 бань; 19 пятирублевых ларьков; 38 писем; 27823 пары рукавиц. Само собой, цифры эти не бесспорны, у каждого из этих чисел есть тенденция к уменьшению — я говорю не об отсчете времени, а о явлениях, так сказать, сопутствующих, о рукавицах и о ларьках. Можно было бы еще поразвлечься всякой мелкой цифирью — ну, скажем, количество хождений в столовую или в сортир, количество политзанятий... Кажется, есть такой вид психического расстройства — все считать? От него я надежно застрахован ленью; если уж выбирать психоз по вкусу — я предпочитаю остаться верным родимой моей графомании.

Кстати, из смежных областей. Я всерьез занялся переводом. К сожалению, это будет не прямой перевод, а ступенчатый. Занимаясь стихами латышского поэта Роберта Федерса (1902–1949), я нашел в его сборнике «Горечь победителей» (1938 г.) переводы с немецкого. Жил, оказывается, в XVI веке в Кельне и в Базеле некий Курт Башмачник; судя по прозвищу, на брод с бутером он зарабатывал при помощи сапожных инструментов; «но любим мы его не только за это»: кроме ремесленничества он еще занимался сочинением достаточно забавных стишков, содержание коих, вероятно, и послужило причиной довольно поспешного переезда из Кельна в Базель; драпанул он из любезного его сердцу Кельна налегке: «Того не тронет розы лепесток, Кто держит путь босым и без порток».

Так вот, есть у этого самого Курта такие очень вкусные штуки — не то шванки, не то фабльо, пес их знает, как они по науке называются: бытовые сценки, в стихах, с двумя-тремя действующими лицами, с прологом (установочным) и эпилогом (моралью), махонькие по размеру и, насколько я понимаю, пародирующие «цеховые мистерии» (миракли?). Впрочем, я не уверен, что это пародии именно на цеховую драматургию, — вполне возможно, что вышучивается (или используется) профессиональный театр жонглеров.

Ладно, малыш, не буду забивать тебе голову специальной терминологией, лучше сделаю и пришлю готовую продукцию.

Уже половина десятого, нырну-ка я в постель. Господи, как мне надоело рано ложиться! Больше, чем рано вставать.

Пожалуй, это двустиише лучше перевести так: «Тому начхать на розы лепесток, Кто странствует босым и без порток».

Вчера письмо из Чуны — очередное ругательное, т.е. не целиком ругательное, а частично. Анализируется по кускам мое многомесечное послание, и в каждом (почти в каждом) куске выдается шматок критики. На этот раз мне попало за всякие ругательства, адресованные вам, москвичам. Так что можете спать спокойно: на страже вашей чести бдит единственный человек, способный обуздать меня.

Разумеется, о своей работе она ничего не пишет; но я уже знаю, что это за работа и как она Ларе дается и чего стоит. Вчера у Валерия [Ронкина] было свидание, и он попробовал Ирине объяснить, как следует относиться к непосильной работе; но у вас там, кажется, все-ррез взяты на вооружение стихи Евтушенко о «красоте»: очень трогательные стихи, в которых объясняется, как это красиво — женщины, таскающие тяжести, — как у них при том «крамольные груди торчат» и как «чалдоночка крикнет «Ничо!», взваливая на себя не то мешок, не то двутавровую балку*... В «Известиях» было напечатано. Очень, очень убедительные и вдохновенные строки.

Еще было письмо от Ирины Глинки. Очень я люблю, когда вы там нравитесь друг дружке, и поэтому отзывы москвичей о харьковчанах и наоборот — мне маслом по сердцу.

О «татарочке Розе»* Ирина уже как-то писала, к сожалению, тоже вскользь. Впрочем, что-то где-то («Юность»? «Сельская молодежь»?) я читал, имя во всяком случае запомнилось; Алик [Гинзбург] же, услышав о ней, произнес панегирик этой самой Розе.

Как-то я не усея, кто этот «добрый и милый человек», обозначенный инициалами?

О будущем я стараюсь не думать, правда, успеваю в этом плохо. К сожалению — потому что, чем ближе к нему — к будущему, — тем в более мрачных красках оно мне рисуется. Но писать об этом я больше не буду, ни к чему. Тому, чего я боюсь, не помогут ни элениум, ни теплые портянки, ни инерция отношений; вероятно, я был косноязычен, раз никто — даже самые близкие — этого не понимают.

Грипп все продолжается, я уже девятый день не работаю. Вокруг все тоже — вповалку.

Да, Зиемельниекс — это латышский поэт, родился в 1897 г., умер в 1930 г., на русский переводили его мало и плохо. Я эту традицию продолжил: перевел мало (два восьмистишия) и плохо — во всяком случае не так, как мне хотелось.

Сейчас, кроме того, о чем я уже писал в этом письме, я занимаюсь еще и некоторыми современными латышами — Рыжий [В.Кал-

ниньш] сделал мне кучу подстрочников: Имант Аузинь, Ояр Вацietис, Визма Белшевиц и др.

| 16/II/69

Позавчера я получил открыточку от Ирины — объяснительную, о диапозитивах, и с обещанием шарфа. И две бандероли: «Нов. мир» от Майи Злобиной и «Маятник» от Марленки *. Спасибо обеим. «О пользе пешего хождения»* я уже не только читал, но и декламировал вслух; но мне, конечно, очень приятно иметь подписной экземпляр. А про Марленкин сборник я пока помолчу: обещано письмо с комментариями, и мне очень интересно, что автор «может сказать в свое оправдание».

Борода моя растет, причиняя мне невероятные страдания. Если бы не дружные уговоры, я бы эту пакость давно сбрил. Пока я решил продержаться до Санькиного приезда: надо же учить молодежь на отрицательных примерах.

В пятницу прибыли два ленинградца — оба в роскошных бородах, Вячеслав [Платонов] и Леонид [Бородин]. Вячеслав — лингвист, восточник — и теперь Виктор [Калниньш] «ведет с коллегой специальный разговор — разорвись, а не поймешь!»* А вообще — кажется, кваском припахивают*.

Узнал, что Андрей здоров и относительно благополучен* — вот и хорошо.

Ух, до чего же приятно встречать свои собственные мысли, сказанные по-настоящему умными, знающими и талантливыми людьми! Читаю в 9-м «Нов. мире» отрывки из Маршака и его беседы с Л.К.Чуковской. И вдруг: «... этот отвратительный Мальчиш...» — это о сказке из «Военной тайны» Гайдара. Или: «Маруся отравилась» — «По существу говоря, это классическая баллада...» Дальше Маршак цитирует три строфы (куплета) песни и заключает: «Это гораздо более культурная вещь, чем все стихи Брюсова». Надо же быть таким умницей — на таком примере показать, чего стоят «ученые записки в стихах» прославленного своей эрудицией Валерия Яковлевича и насколько он вне настоящей культуры искусства. Просто и убийственно.

| 18/II/69

Было три письма. Письмо от Марленки [Рахлиной], несколько шокировавшее меня. Напомните ей Бога ради, что я не из бытовиков («уголовничков»), об общении с которыми она столь трогательно

пишет* (см. сборник «Маятник», стр. 42) — я — милостью УК «особо опасный государственный преступник», вполне способный понять, почему в сборнике есть что-то (кто-то), а чего-то (кого-то) нет.

15 стихотворений сборника я помню очень хорошо; кое-что припоминается; некоторые — совсем для меня новые. Я, конечно, понимаю, что авторские пристрастия — правомерны, естественны («милее других или важнее»). Но я бы отметил галочками иначе, вот что: «Ночь», «Позови, и я приеду...», «Музыка», «Не просила!», цикл «Осень» (хотя в нем, действительно, кое-что нуждается в комментариях, по крайней мере, для меня). Вот. Галочки не совпадают, за исключением «Той комнаты» в «Осени». Правда, нужно уточнить: что-то нравится и в некоторых других стихах (что-то не нравится и в перечисленных).

Было бы смешно и глупо, если бы я стал писать рецензию на Марленкин сборник, делать критический разбор: ну какой я литкритик? И не умею я этого, и не хочу. Единственно, что можно, это сказать: «мне это не нравится» = как в разговоре: «Марленка, брось чепуху городить»; или: «Вот это здорово!» = опять же, как при личном общении: «Ты — умница и прелесть». А если коротко, то вот что: сборник ни в коей мере, по-моему, не представляет ее, Марленку, она и умнее, и нежнее, талантливее его — я говорю о ней не только как о близком и хорошо знакомом человеке, а и как о поэте.

Лине [Волковой] спасибо и за письмо и за рисунок (так и хочется назвать его «Лино-гравюрой»). О чем же это Лина собирается писать работу? Такие все будут важные, такие научные — страшно подойти будет. Пусть Лина еще напишет — о себе поподробнее и о харьковчанах тоже.

Тошка [Якобсон], родной мой, письмо твое — вот уж подарок! Я по тебе — по письмам твоим — соскучился так, что и сказать невозможно. Наверняка я не заслуживаю всех тех эмоций, которые в твоём письме, но это все равно, я счастлив, что они есть и что ты о них говоришь. А что до исчезновения твоего имени из моих писем, то так ли это? Не так уж давно писал я о твоих переводах и — к случаю — вспоминал ваши с Эмбрионом [Саня Якобсон] споры. Думал я о тебе и о Майке [Улановской] очень много, а с приездом Алика мысли о тебе стали разговорами. Ты знаешь, черт с ними, с нравственными высотами, где недосыгаемо парит Гелескул (привет ему, я ему издаю симпатизирую), все равно нам до них не добраться, меня вполне устраивают те качели, на которых каждый из нас — вверх и вниз. Тошка, сделай милость, напиши поподробней о себе: о работе (что пишешь-переводишь), о знакомых общих и необщих (как ты с ними), о настроениях (только не обо всех) — ну, в общем, поговори со мною так, как говорил, когда видались «два раза в неделю».

| 21/II/69

Один из новоприбывших, Слава Платонов, вчера весь вечер рассказывал об Эфиопии. Он лет пять назад пробыл там с полгода, на практике, совершенствовался в амхарском языке — есть, представьте себе, такой язык, и он, этот язык, вообразите себе, главный в этой, подумайте только, Эфиопии. И вообще, все прямо по Некрасову:

Эфиопы видом черные,
И как угли глаза*.

Кроме шуток, очень интересно, и многое оказалось неожиданным. И еще обещал рассказывать.

Сейчас по радио передали «Жалобно стонет ветер осенний». Если у меня когда-нибудь будет проигрыватель, я буду собирать старые романсы. Это ведь ничего, не очень стыдно — любить романсы? Когда я их слышу, то всегда начинаю соображать: а кто их сейчас — случайно — слушает? Наверное, никто. Вы ведь не держите радио включенным. Скорее всего, то же самое, что и я, слышит Андрюшка [Синявский]. Если, конечно, он не во второй смене.

Санюшка, пришла твоя телеграмма о получении февральского письма. Пытался вспомнить, о чем же я в нем писал, — так и не вспомнил. Глупости какие-нибудь, скорей всего.

Что-то мне беспокойно и грустно.

| 22/II/69

Вспоминал сегодня целый день «особые приметы» своего письма — вспомнил: тебе — про стихи, Арине [Жолковской] — отдельный листок, научные бредни Бена [Ронкина]. И еще — Ленке Фаюмской.

| 27/II/69

За это время было всего два письма — оба от Людки. В первом, наконец-то, непосредственно мне сообщается о покупке дома; а то я все перебивался сведениями из Юриных [Ю.Галанскова] и Аликовых писем. Очень ты все это хорошо сделала, сестричка. Только не в коня корм — не в того коня. Это я могу по-настоящему оценить прелесть отдельного жилья: радость от включения и выключения света, от запирания дверей изнутри, от одиночества, от возможности разговаривать вслух без слушателей и собеседников...

| 442

Людка, пожалуйста, хватит меня ругать за Арину. Я уже покаялся перед нею.

А второе твоё письмо, Людочка, свидетельствует о крайней твоей замотанности и усталости — так оно невразумительно написано*. Я уж читал-читал, разбирался-разбирался — насилу вдвоем с Аликом разобрались.

Завтра начинаю открыточную страду — 8-е марта на носу. Очень это удобно придумано — праздники.

Санюшка, мне как-то странно и трудно писать: я ведь надеюсь, что мы через два-три дня увидимся. Если, конечно, ты сможешь приехать.

От мамы письмо последнее было от 30/1, еще до твоего приезда в Чуну. С тех пор — ни звука. Я думаю, это от хлопот с переездом? А ты тоже куда-нибудь переезжал по возвращении в Москву? Очень хочется выругаться предпоследними словами.

| 4/III/69

Малыш, я эти дни не писал — все охивался после свидания.

Позавчера пришло твоё письмо послепоездочное и письмо от мамы от 18/II — дидактического направления. А вчера Юра получил Олино [О.Тимофеевой] письмо, отправленное тобою. И очень кстати, а то в субботу, узнав, что никаких новостей для него персонально не имеется, он потемнел, как туча. А вчера — после письма — несколько повеселел.

О чем я забыл спросить тебя:

- а) Когда у мамы — точно! — кончается срок ссылки?*
- б) Как здоровье Глебки [Левина]?
- в) Получу ли я III книгу трилогии Ю.Германа?
- г) Как Нэткины [АнныГитерман] аспирантурские дела?
- д) Что случилось с Ирой Уваровой (кроме того, что она написала эту о елке*)? Полное и длительное молчание.
- е) Когда именно А.Г. и И.А. [Богоразы–Зимины] собираются к маме? Когда собираются другие визитеры?
- ж) Выполняются ли — хоть частично — мои рекомендации относительно денег? Те, что я давал тебе на прошлом свидании?

| 5/III/69

Сегодня на меня обрушился град бандеролей: две от Люды, две от Людмилы Ильиничны [Гинзбург], от Ирины Глинки и от Ирины Уваровой. И еще была телеграмма из Чуны, что письмо мое дошло.

Значится, так. В связи с получением бандероли от Ирины Глинки причина имеющего быть целования ручек, сообщенная мною в открытке, отменяется. Причина, а не действие. Уж я найду и причину, и повод для поцелуев. Обновку я моментально нацепил на себя. Ян [Капициньш] обозвал меня «индюком», кто-то еще «фламинго», а я хожу и радуюсь: создаю что-то вроде пейзажа Утрилло — у него, кажется, почти всегда есть красное пятно?

«Д[екоративное] И[скусство]» у меня отобрал Алик, и я еще не успел посмотреть его, разглядел издали, что есть там любимый мой Модильяни.

Бандероли обеих Людмил отменны и по форме, и по содержанию, и вполне соответствуют эмоциональности Людиных писем.

И ох как здорово — пластинка с романсами! Как будто Арина сумела прочитать это вот, еще не отправленное письмо. Становлюсь понемножку коллекционером, а? Вот у меня уже есть пластиночка с романсами, есть набор собачьих фото (и вырезки из Hund'a), десятка полтора портретов советских писателей (ах, как бы для этой коллекции пригодился альбом I съезда писателей!) А Рыжий собирательством не занимается; хотя лошадок из журнала он все-таки, рассмотрев, оценил по достоинству!

Да, Санюшка, в понедельник мне отдали очки. Они красивые, удобные и по глазам. И я очень доволен ими, хотя ты и ржал непочтительно на свидании. Кого благодарить за них? Открыточка твоя Алику передана, очень понравилась. А пластинки еще не возвратили мне, их прослушивают — таков порядок.

Сегодня я последний раз позировал Роману [Кошелику] в бороде* — завтра побреюсь, уф!

Кроме амхарского Слава Платонов знает еще древнеэфиопский язык, во как!

А сегодня, промежду прочим, знаменательная дата. Да, да, именно то, что вы думаете, — пурим, еврейский праздник особого свойства. И все мы: 2,5 еврея, 6,5 русских и 2 латыша выпили кофейку за особливость. А потом все разбежались кто куда: Виктор и Слава занимаются арабским, Алик спит, Бен хворает зубами, Серенький [В.Труфелев] играет в шахматы, Юра и Леня [Бородин] решают какие-то проблемы, Сережа [Мошков] читает умную книжку по биологии, экономике, социологии, философии (ненужное зачеркнуть), Ян дематериализовался, а я вот дописываю письмо.

А знаете, как по-латышски «дать дуба» («сыграть в ящик», «откинуть копыта» и т. п.)? «Положить ложку». Здорово, правда?

Милые мои, я написал всего 7–8 открыток, и что-то мне совсем не пишется больше. Не обижайтесь, ладно? Вот я уже к 1 мая всем

напишу. А то 8 марта — больно уж нелепый какой-то праздник. Я ведь женщин за то, что они женщины, готов поздравлять 365 дней в году.

Целую вас всех и обнимаю.

Ю.

Посылаю попытку автопортрета; Санька, подтверди сходство!

Да, пожалуйста, подарок для девочки (кажется, сумочка?) пошлите по адресу: Краснодарский край, ст. Курганная, станица Петропавловская, ул. Толстого, 10, Трошиной Анне Максимовне.

П И С Ь М О П Я Т Ь Д Е С Я Т Д Е В Я Т О Е

8/III/69

Санька, здравствуй, хороший мой.

Вот уже неделя прошла с нашей встречи, а у меня все еще ощущение, что это было вчера. Это, наверное, оттого, что твой приезд — событие; а вообще-то событий у нас не бывает, т.е. бывают, но все обыденные, мелкотравчатые, слишком знакомые, чтобы можно было всерьез о них думать и переживать их. Вот я и думаю о нашем разговоре, о тебе; о том, что ты рассказывал, и особенно о тех клочках разговора, из которых я мог выудить хоть немного о твоем отношении ко всяким важным проблемам. Я не очень ясно представляю это твоё отношение, но радуюсь, что, кажется, оба мы достаточно скептически относимся к одним и тем же вещам.

Сейчас меня это все тем более волнует, что в последнее время я как-то чувствую, что потерял контакты, не умею понять людей и не умею объяснить себя этим людям. По-моему, происходит какая-то ошибка, недоразумение, уже сейчас обидное до чертиков, а в будущем грозящее полным непониманием, охлаждением и в итоге — тем, от чего я, по мнению большинства, надежно застрахован, — одиночеством. И я не знаю, как ты об этом думаешь. И — думаешь ли? Вот давай я поговорю с тобой.

Мне усиленно объясняют, и здесь, и извне, что все хорошо и разумно, а если неразумно, то все равно хорошо, а если нехорошо, то полезно и т.д. Говорят о Льве Толстом, который стремился в тюрьму; о том, что в страдании (а некоторые даже утверждают, что только в нем) есть радость; о том, что нынешнее мое состояние может оказаться кульминацией всей жизни, ее взлетом, расцветом.

И вот я думаю: то ли я человек ущербный, лишенный каких-то свойств души, позволяющих понять и принять эту точку зрения, — заземленный, примитивный мещанин; то ли все эти люди, от графа

Льва Николаича до другого, современного писателя, любимого и уважаемого мною», ошибаются. Вероятно, все-таки первое.

Наверное, не зря — Блоковское: «Сердцу закон непреложный: радость — страданье — одно»; не зря — Аллы: «Прошлое помним... и любим его мы печальной любовью»; не зря — «Я рад, что так случилось» — эту фразу я слышал от десятков людей.

Наверное, не зря. Но я никак, ни под каким соусом, ни в коем случае не приемлю этого. Я могу согласиться, что мы должны расплачиваться за то, что делаем, за то, чего не можем не сделать, — но радоваться этой расплате? хвалить ее? видеть в ней нечто облагораживающее, нужное человеку? Это выше моего понимания.

Само собой, что годы, проведенные здесь, — это часть меня, часть моей жизни; само собой, что они нечто привносят в духовный строй, в характер, в сумму знаний, наконец. Но почему, откуда это твердое убеждение, что обогащение души и разума может и должно происходить именно таким путем? Пока я не слышал еще ни одного серьезного аргумента в пользу этого положения, все только декларации: «Счастье человеческое причисляется к страданию теми, кто умеет различать»; все только неконкретизированные ссылки на собственную биографию: «Я... поднялся на ту ступень развития, когда плохое начинает рассматриваться и как хорошее...»

Ну, хорошо. Когда мне сегодня один человек сказал: «До всего этого я был дерьмо», — я спорить не буду: ему виднее. Но я не верю, что цитированный мною автор (о «ступени развития») был дерьмом до своих испытаний. Я не верю, что «колотьба за горстку материальных благ» может заслонить «душевное богатство». Богатые душой плюют на эти блага.

Мне кажется, происходит вот что. Оттого, что мы, в общем-то, не знаем толком, что такое это самое «счастье», мы принимаем за него — осмысление, объяснение происходящего с нами. Спору нет, в иных обстоятельствах мы, может быть, и не поняли бы, кто мы, что мы и зачем мы; но при чем тут счастье? Сказано — и не без оснований: «Умножая познания свои, умножаешь скорбь свою». Ну, тут мне возразят, что скорбь такого качества — она-то и есть радость, и вся эта карусель закрутится снова...

Для меня радость была в том, как и чем я жил, включая и то, что в итоге оборвало эту жизнь. Эти годы не только не принесли мне радости — наоборот, они сделали меня несчастливym: я стал злым и нетерпимым — а я ненавижу злобу и нетерпимость. В результате я вынужден ненавидеть самого себя и горевать о себе — о том, каким был раньше. И сумма знаний, опыт, материал, накопленные мною, катастрофически не заполняют те пустоты, которые образовались во мне.

Опять-таки: что такое «страдание»? Какой смысл вкладывают апологеты страдания в это слово? Что это — плохая жратва или отсутствие ее, недостаток ее? Холод? Грубость? Скверная одежда? Но на нашем, современном, сегодняшнем уровне — это терпимо. Я, во всяком случае, не могу сказать, что я «страдаю» от этого, слово слишком серьезное. Зрелище беды, несчастий, нравственной гибели? Да, это страшно, это заставляет страдать. Но такое страдание не может дать счастье. А если это зрелище дает счастье, то называется это «счастье» — бессердечием, жестокостью, садизмом. Какие уж тут «победы и триумфы»!

Вот пишу я все это и думаю: умные, тонкие, благородные люди думают иначе, не так, как я; сомневаются, были ли счастливы общие наши знакомые до постигших их потрясений (сама постановка вопроса подсказывает их ответ: «Нет, не были» — хороший удар под лопатку мне и моей наивности), утверждают, что «своей судьбы ни на что не променяют» (как будто об этом речь! На сделки никто не пойдет и от судьбы не станет отказываться; но ждет же каждый из нас, когда, наконец, кончится этот период судьбы!). Так какого же органа, какого чувства не хватает мне, чтобы понять и согласиться? Почему я один-одинешенек воспринимаю случившееся со мною и другими как огромное несчастье, существование которого оправдывается лишь его неизбежностью, о которой мы знали заранее?

Непонятно мне все это, сынок, и грустно. И нет никакой уверенности, что хоть кто-то, хоть один человек согласится со мною. Старые друзья канонизировали меня, новые знакомились не со мной, а с «моделью»; кто не знает, а кто забыл, что недоступна мне эта «тонкость чувств». Никто, кажется, и не хочет подумать, что я существую отдельно от того, что писал, и от последних трех с половиной лет... И что именно та жизнь была настоящей — и с радостями, и с печальями, победами, поражениями. То есть эта — тоже настоящая, но совсем не та, которая нужна мне. Не понимаю я ничего.

Вот ведь даже Алик [Гинзбург] — человек самый светлый по характеру своему из всех, кто здесь есть, — и тот улыбнулся странноватой улыбкой и сказал: «А я это понимаю — счастье в страдании...»

Ты только не подумай, что я жду от тебя каких-нибудь утешений и успокоений, — просто мне захотелось написать тебе, что мне думается и что меня тревожит. Может, у тебя есть мысли какие ни то по этому поводу?

А новостей, действительно, никаких. Было письмо от мамы, с описанием дома и хозяйственных дел, выполненных, выполняемых и имеющих быть выполненными. И с очередной взбучкой мне — за Арину [Жолковскую]. И от Арины письмо лирическое и философское

разом. А что, Наташа всерьез решила, что я настаиваю на обращении «тетя Арина»? Ну-ну. Хотя я и не вижу, почему бы тебе не именоваться «пельменником» — по-моему, звучит красиво и соответствует твоей сущности.

Сегодня был день рождения Виктора — Серенького [Труфелева]. Уж было пито-едено, курено-говорено! Надарили ему книжек, альбомов, открыток. Музычку послушали, особенно хороша пластиночка с романсами, последняя, от Арины. Да, 7 штук пластинок мне уже отдали, остальные пока еще нет.

I 14/III/69

Рыженький, такие колготные и суматошные дни были, что 11 числа я даже не смог выбрать свободную минутку написать несколько строчек тебе.

Вот с опозданием поздравляю тебя и целую. Расти большой (только не в длину — хватит, пожалуй) и умный — без оговорок. Мы с утра в твой день рождения выпили кофейку за твоё здоровье, произнесли приличествующие случаю тосты и отправились заниматься легкой промышленностью. Где-то через часок подошел Ян [Капициньш] и таинственным шепотом сообщил, что у него чешется нос. Надобно тебе знать, что зуд Янова носа — есть великий признак, как дрожание левой ягодицы у Наполеона (или чего там у него дрожало? Ах, да — икра...). Когда нос Яна чешется, это значит, что кто-то получит что-то: письмо, телеграмму, бандероль. И верно — нос как в воду глядел. Вечером мне было три письма. Одно из них — мамино, очень хорошее, длинное, и о тебе. Это был мне великолепный подарок к твоему дню рождения. А еще письма от Юны [Вертман] и от Ирины Уваровой. Чего это Юну носит по морям, по волнам? Да еще где-то там поблизости от этого оголтелого Китая? Вот как выкрадут ее хунвейбины, да как заставят петь «Алеет восток» — вот и вылетит из нее всякое легкомысленное содержание, явно не соответствующее ее форме(-ам). И вообще недоволен я ею, Юною. Эт-та зачем же отговорила она Ирину фотографироваться для меня? Эт-та что же такое? Нет чтобы сказать: «Правильно, мол, молодец, наконец-то собралась, умница, и я с тобою, тоже снимусь на фото, и пошлю туда же тому же» — она, видите ли, отговорила! А Ирина тоже хороша — послушалась, как маленькая. Восторги по поводу Мейерхольда отнюдь не компенсируют отсутствие фотографии. Тем паче, что мы народ тертый, нас всякой сицилийской акробатикой не удивишь. Подумаешь, Ди Грассо, или как его там!* У нас вот Ронкин умеет ноги ставить в такую

Юлий Даниэль. 1950-е

Юлий Даниэль в Дубравлаге

Ст.Потьма

Зона

Тоска самому себе

Неси свое несомое,
Тящи свое тащимое,
Види свое вичаимое
Туда или сюда,
Иди свое идемое,
Бези свое безомое,
Волды свое доломое,
Ран-дан-да...

Руки твои не дрожат,
Плечи - не плаждют,
Ноги - не постоются
И не устают - да!
Если не от смерзель
Сердце твое самлеет,
Силы твои через плечо ты,
Ран-дан-да...

Сотнеи нити свезан
С сотнями сотен краско,
Зря ты взыкаешь такко,
Разве это беда?
Если порвётся нить,
Ветер тебя, как шепку,
Сдует, сметет, захватит,
Ран-дан-да...

Ни у тебя силосили,
Ни накресил в мир ты,
Ни порывался сам ты
В села и города;
Всё же твой путь - да нить!
Всё же до кода - скривь!
Во горюхота - наинь!
Ран-дан-да...

Тысь ворон злосно каркает,
Знел шуриши солемое
И нес рязит и деситя -
Всё это ерунда!
Иди свое идемое,
Неси свое несомое,
Силы твои через плечо ты,
Ран-дан-да...

Чей доброты споконное повисла
Над твоею милою властью радуги?
Ее торжественное гаврело спускается
В тебя, в меня, в всех немощу,
И ты - словно вращивнее хрупкое,
Когда встретилась травинка ивовая
С коледующим, таким отражением,
Специально к ней из ошты каверк

Дождь зарылит и, не склоняя скелета,
Преобразит в стек ильничь полет,
Стыи и не мой, ачунатся нельзя,
Слезы людей превращаются в лёд.

Если болзны и счлтерев в глазах,
Сердце - в селлмочивый тоске,
Ты посклеженешь на этих слезах,
Не устоишь ты на этом катке.

И чинаеши, неиррика-вники, ты
В злости, в досаде, в нятвых стведа,
Вой до бесчувствель, до хриплости -
Мир не услышит тебя никогда.

Трости немотивующее: оно -
Как над молчалив поминание мати,
Темнее и это нечесте дано -
В сотнях молчанний - одно услышать.

Снова и снова звериность бредет...
Вой на луну, как собака на трун,
Вой!..

гололёд...

гололёд...

гололёд...

Где ты достанешь стальной ледоруд?

Вода и руки - ошора твоа
Против скользкозких злобы и лжи;
На ослепленной скале дятля
Совестенным жаром свой ударки.

Визна болшевич

Костри в садах - и сердце в лыхрадке,
и руки бредят рыхлостью землеко,
ождед сечки, некрелитич на трюбки,
стенч цветов, неразвивенных лино.
Куст небзракунный лучит тело, точно
ребенок нерожденный. Все упрямый,
не ставши садом, алагути истинно
40и стихи-репейники. А корни,
хужих усдей, ошлетакт сси моч,
ззвёт ростки, томит побегов свожесть,
но ногу сил рукою невоасомой
настать сад. И в надеждой немущи,
это близек мит - и сердце делке стиснет,
и в землю з себя швырну, етгазе,
и иррастёт в цветы случайность живней
и горекал поэзии неслучайность.

Переводы с латышского,
сделанные во Владимирской тюрьме

Погода сейчас, вот что тычило. Кислое, сыро, серо и мерзко, что и не
 прогнать нехота. Рассудилась почти что долающаяся погода илаха, гудела не
 хотела. Но думаю, что если бы мне были мыслишь притом, я бы отдал
 ко лотереи бы не стал, и под дождиком прогуливал бы.

Сей у меня проблема к Раману, неслучайная, время - 11 месяцев - терять. И
 ижему безразлично составил бы он список литературы по Родичеву, а? И
 художественную, вроде книги О. Фюрин, и так называемую композитиву, а не
 слесовую. И список дореволюционных изданий самого Родичева. Кстати, во
 время когда все таки "Путешествие" было впервые издано в России? У меня
 почему-то (из чужих слов?) застряло в голове, что после 1905 г.; а вот бу-
 дущий номер в "Журнал Арсеньева", что прочел "Путешествие" в Орловском
 Лыбатовке, где-то в 1885-90 годах; те же он, а герой, но то все равно. Вре-
 мя в горьковской пьесе было лодочное судаме Терушо. И сам: писателем
 ли во времена матушки императрицы и если писателем, то кем, что и как
 от Ивана Кривоша? Историк, литератор? Может, драматург какой-нибудь.
 Дима? Отенко же меня замечает, и весьма возмущенно, что приходит. Ах,
 бэже мой, сколько я книг написал по началу, сколько лес собрал! Жаль,
 что к утру почти все забывается. Но удовольствие отдуваться вестя
 для меня больше, чем удовольствие работы. Подыри потому что.

К слову, а так пишу, само творчество. Здесь у меня нет никаких
 проблем, как в Озерном; морская свинка все тоже неслучайно; а жаль
 то выслать мне "уже очень хочется", как поет Высоцкий. Там у вас есть
 статьи о поэмах (О. как будто поэту...?) и чика (Тем, кто не слышит
 вы уже как-нибудь отговорит, модно? Мороч, к тебе это тоже относится?
 Не "тоже", а в первую очередь. Прощайте, и вообще притом лодочника
 и, кроме того, действительного нади. А то ведь как в развоздушной про-
 стриктиве. Хоть пай, хоть вой - никакой разницы.

Так, приехали "Мир России" и "Кв. ажурные", посмотрел. Посада казался,
 стал поучать "За простоту", а "бэже мой" - для чего же вальсовать
 лес! А мне эта международная калитка - не в какой корм.

7/2

Вой здорово: доставили мне 7^{ми} "Новый мир" и 8^{ми} "Истор. лит.-ру".
 Знаешь, перевернул-таки подписку из Озерного и заплатил всего лишь три
 рубля "Н.м." и один - "И.э." Это - малое свинство вдобавок к перебе-
 гу во Владимир. Да победил, ушел:

Как страшно, если у читателя
 Неодолимое - как и он - без! (Еще Лед)

Сейчас буду читать "Новый мир". Ужас уже прочел "Второй мир". Между
 прочим, не помню, помню ли я в статье Делатова "Наша собиратель-
 ная"; авторы его работают свои стихи, прозу и критиче. Вспомне в Чаломе
 своим духе: их личность и персональное "Волги" и "Чайко" ходит на шее
 берина, а воя и лампового масла, а если они ереськовичи Ковалк завод
 для истомительного термозона и березовой коры...

8/2

Идеально на этой интересной картинке Ларчик писем и почта. Вчера. Аи.

Лариса Богораз

Александр Даниэль

Иосиф Аронович Богораз и Алла Григорьевна Зимина
Катя Великанова

Лариса Богораз, Юрий Герчук,
Андрей Синявский, *Марья Розанова
и Юлий Даниэль. День рождения

Юлий Даниэль и Борис Золотаревский. 1940-е

Марина Бурас и Юлий Даниэль
Михаил Бурас

Андрей Синявский и Игорь Голомшток
Сергей Хмельницкий

Марина Домшлак
Юрий Герчук

Марлена Рахлина

Борис Чичибабин с женой

Ирина Глинка

Юрий Левин

Алена Закс

Юна Вертман

Наталья Садомская

Борис Шрагин

Майя Улановская

Анатолий Якобсон

Наталья Горбаневская с детьми

На переднем плане Ирина Корсунская
Софья Васильевна Каллистратова
и Юрий Гастев

Ирина Уварова

Людмила Алексеева

Лариса Богораз и Павел Литвинов

Виктор Платонович Некрасов
Аркадий Викторович Белинков
Петр Григорьевич Григоренко
и Лев Зиновьевич Копелев

Арина Гинзбург с сыновьями
Александр Гинзбург

Юлий Даниэль. Дубравлаг, 1966

Юлий
Даниэль

Озерный
1968

Рисунок Р.Кошелика. Дубравлаг

Валерий Ронкин

Рисунок Р.Кошлика. Дубравлаг

Сергей Мошков

Анатолий Футман

Анатолий Марченко

Вячеслав Платонов

Рисунок Ю.Иванова. Дубравлаг

Юрий Галансков

Рисунок Ю.Иванова. Дубравлаг

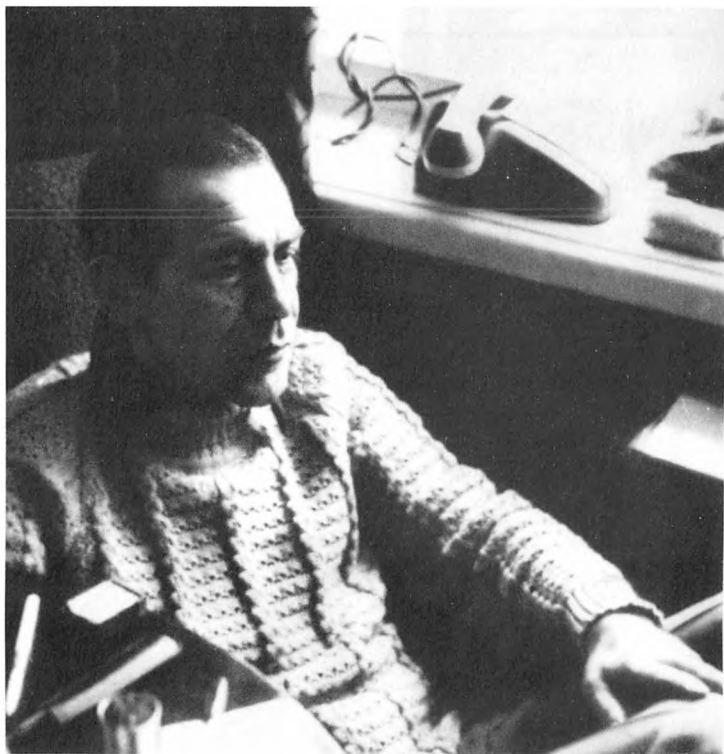

Ян Капициньш. Рисунок Р.Кошлика. Дубравлаг
Виктор Калниньш. Рисунок Ю.Иванова. Дубравлаг
Леонид Бородин
Рисунок Ю.Иванова. Дубравлаг

Март Никлус

Энн Тарто

Юлий Даниэль
Калуга, сентябрь 1970-го

позицию, что для нее даже номера не придумано (последняя фехтовальная — кажется, № 6, а тут, по меньшей мере, № 10 или 11, ступни развернуты почти на 360°). А Гинзбург может слопать три обеда и при этом делать стойку на ушах.

А сколько Ириному Пашке [Павлу Уварову] лет?

Затем последовали поздравительные телеграммы — от Фаюмов (какой шедевр собирается подарить человечеству Фаюм в мартовском номере «Детской литературы?»), от Арины, от Миши [Бураса]. Санька, ты все-таки не очень торопись осуществлять пожелание Фаюмов — насчет моих внуков и правнуков, ладно? А у Арины неточное выражение. «И вовсе не согласен я с такой формулировкой», — как поет Высоцкий. Да-с, сударыня: Санька (Санька, не слушай!) — не «одно из лучших моих произведений», а лучшее...

Упомянутый выше нос со страшной силой зачесался вчера — пожалте, бандероли! Одна — от Юры и Ирины [Левиных-Глинок], раскрываю — батюшки, очки! Теперь у меня три пары; одна, правда, коннутая, но я могу употреблять ее при официальных разговорах как лорнет; вторая несколько давила мне на психику (оглоблей, за ухом); последняя — в самый раз и очень удобная.

А вторая бандероль — очень трогательная. Она из Киева, от переводчика А.Перепада. Он прислал мне томик Гофмана и — в своем переводе — томик Экзюпери. Если случится оказия, передайте, пожалуйста, ему мою благодарность и что я очень рад буду познакомиться с коллегой, да еще с таким благожелательным и, видать, не робкого десятка.

Сегодня нам обещали II серию жутко завлекательного венгерского кинодетektива. Там так в I серии: «Бах! Бах!» И труп. Это начало. А конец: «Бах! Бах! Та-та-та-та!» И — неизвестно чего дальше. Во дают! И еще там есть один нехороший полковник, чартист (или хортист?) — вылитый наш знакомый, сейчас уже покойный. То же личико. И еще полуголые девочки. И лакеи носят вина. И шпионы носят фрак*.

| 16/III/69

Ну-с, показали нам II серию. Все, оказывается, устроилось как нельзя лучше. Правда, по ходу дела ухайдакали героиню, но это ничего, потому что герой нашел себе другую, не хуже, и даже с высшим образованием. К сожалению, не такую голую. Есть впечатляющие кадры: беседуют резиденты конкурирующих разведок. И вдруг один из них произносит сокрушительное французское слово: «Вуаля!» — раздвигаются панели, и из стен высовываются пулеметы. «Вуаля!» —

гаснет свет. «Вуаля!» — свет зажигается. Деморализованный противник тут же сдается и покупает за баснословное количество фунтов документацию на изготовление каких-то очень важных приборов — к полному удовольствию зрителей она впоследствии оказывается фальшивой. А главный герой, очень лихо бьющий своих недругов ногой в пах, становится физиком-атомщиком, доктором наук. К тому же 20 лет спустя он выглядит куда моложе и красивше. Вуаля!

Обилие очков действует на меня странно. Мой медовый месяц с очками отравлен ночными кошмарами. Я просыпаюсь в ужасе: приснилось, что я раздавил очередные очки. Спросонок нащупываю футляр, роняю его, слава Богу, на постель. Уф! Иду курить, чтобы успокоиться.

Еще разыгрываются у нас зубодробительные мистерии. Я, кажется, уже не раз писал о превосходных качествах моих коллег; но то, что я увидел вчера, меня потрясло.

Леня Бородин и Бен [Ронкин] пошли к дантисту. У нас новый зубной врач, ничего себе, лысый; до Славы [Геврича] ему — как до неба, но все-таки... Да, так вот, Леониду он выдрал зуб, предварительно для большей полноты ощущений расколов его на три части; каждую часть дергал отдельно. Так. Затем туда отправился Бен. Чего там с ним делали — в подробностях не знаю; но пробыл он там долго и вернулся, когда мы, живописной группой расположившись у стола, лопали хлеб в трех видах: жареный черный, жареный белый и хлеб с какой-то непонятной, но вкусной ларьковой консервой. Щека у Бена была вздутая, вид горестный. Он посмотрел на стол, заходил кругами и произнес: «А-мэ по-э?» («А мне поесть?») «Нельзя», — твердо сказали мы. Ах, нельзя! Бену только этого не хватало, чтобы начать решительные действия. Он схватил кусок и вцепился в него здоровой половиной челюстей, сразу став симметричным. Он двигался вокруг стола, жевал, наклоняя башку так, чтобы больные зубы были сверху, и, очевидно, от этого наклона, — прихрамывал. И говорил. Только что по радио говорили о столкновении на китайской границе*, и мы как раз комментировали. Ну мог ли он остаться в стороне? В пылу полемики он отхватил порядочный кусок от чужой порции, прожевал и спросил: «А нет ли еще чего?» Сережа [Мошков] предложил ему кашу с рыбой — ужин, который Бен пропустил. Бен вцепился в него (в ужин, а не в Сережу). Я грустно сказал: «Бенчик, а я-то надеялся, что, по меньшей мере, до утра вы будете поститься и молчать». Валерий захохотал. Это было то еще зрелище! Одной рукой держится за щеку, в другой — кусок рыбы, густо небрит, голова при этом висит, как у св. Себастьяна, и ноги в обычной стойке. «Валерий, но у вас же там, во рту, — мышьяк», — вежливо и с ужасом сказал Слава Плато-

нов. «Ха, — сказал я, — мышьяк! На него только стрихнин подействует, и то вряд ли...»

А добило меня вот что. Когда я зашел после этого в курилку, то увидел и услышал, как Леонид и его мучитель-дантист в четыре руки и две гитары выделывают «Цыганочку». Физиономия у Леонида тоже перекошенная. Я был так потрясен, что выбил под ихние гитары чечетку и удалился, бормоча под нос: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвезть...»

| 18/III/69

Новый шарф мой — источник радостей. Стою это я, свесив голову на грудь, трусь об эту пушистость подбородком. «Юлий, что с вами?» — «Понимаете, — говорю, — либо я чокнулся, либо от него духами пахнет...» Собрался консилиум. Нюхают. «Пахнет», — говорит Сережа. «Вроде пахнет», — говорит Бен. «Ого, еще как пахнет!» — это Алик. «А ну, брысь! — говорю я. — Будете еще тут нюхать на даровщину. Вынюхаете все, а мне что останется?» Он — прелесть, очень свой, этот шарф. Когда я устраиваюсь на постели читать или писать, кладу его рядышком с подушкой и время от времени подмигиваю ему заговорщицки.

Сегодня, Санька, пришла твоя поздравительная телеграмма. Что это ты, дружок, так поздно спохватился? Или это ты выполняешь свое обещание написать о дне рождения? Тогда уж пиши как следует, письмом. Или просто «третий день пили здоровье его высочества»?

Письмо от Воронелей — двухслойный мармелад: один листок писан летом 68-го, другой — сейчас. К первому у меня претензий нет, ко второму имеются; вернее, не претензии, а вопросы. Каков сейчас все-таки Сашкин статус? Где кто обитает? В Менделеевке? В Москве? Зачем Нелка ломает ноги себе? Есть много более достойных кандидатов. Почему, состоя при сценарных курсах, она пишет не сценарии? Что значит вскользь брошенная фраза о переменах, совершившихся или совершающихся, в жизни нашего общего знакомого — переменах, столь серьезных, что он даже Сашку забывает? Почему ни слова не написали о Нэтке и Мишке [Гитерманах]?

Кстати, еще вопрос — Арине: сообщение в поздравительной телеграмме о полученном письме — это о том, что я послал к 8-му марта?

Ох, братцы, спать хочется. Не высыпаюсь, прямо жуть. А времени всего четверть девятого, вроде и неприлично в постель лезть.

Не пишу и не перевозжу весь этот месяц; так, ковыряюсь потихоньку. Потому что скотина ленивая. Вот уж с понедельника (с нового месяца, с Нового года, после освобождения) начну новую жизнь.

А Тошке [Якобсону] (есть у меня друг-шатен, так он не друг-шатен, а сволочь!) не грех было бы прислать мне переводы из Верлена. Может, и вякну что-нибудь не совсем идиотическое.

Читаю книгу Гачева, так блистательно отрецензированную в «Известиях» (или в «Правде»?), и гнусно хихикаю. Ну и Гачев! Даром что в очках, а соображает. Не зря в матросах служил.

| 20/III/69

Из письма Арины Алику мне стало известно, что Миха врезал новый замок во входную дверь. По-моему, он должен был врезать тебе, Санька. Бедная дверь, второй раз ее корежат, и оба раза по твоей милости, растяпа моя драгоценная. Экий я злопамятный, а?

Насчет Тошки-друга-шатена-сволочи беру свои слова обратно и смиренно прошу прощения. Я нынче получил письмо от Ирины Глинки, в котором сказано о Тошкиных хворостях. Да уж, тут не до Верлена, когда череп долбать собираются.

Письмо от Ренделя. Леничка, радость моя ты долговязая, Леонид-свет-Абрамыч, чучело достопочтенное, челом тебе бью и сообщаю, что благодарности моей и признательности нет ни дна, ни покрывки. Вот раздолжил-то, вот спасибо, просветил меня, малограмотного лаптя, насчет Кони. Я-то, дурак необразованный, как читал его двухтомник, все думал да прикидывал: кто бы этот сочинитель мог быть? И что такого-этакого для России-матушки сделал? Ленька, ты гад. Можешь ты раз в жизни написать толковое письмо о себе, о семье, о работе (за деньги и за так), о быте, о здоровье? Ирод... Все мы тебя нежно любим и целуем. И цитируем.

И письмецо от Гали Севрук. Ирина, милая, Вы — самый обязательный человек изо всех. Сделайте милость, черкните ей открытку, что фотографии работ ее я получил, что очень благодарен за фото и за открытки — за память, и что радуюсь всему этому. Ее адрес: Киев 49, Воздухофлотское шоссе, 55, кв. 5. Пожалуйста, как скульптор — скульптору. И, может быть, она знакома с Перепадем, о котором я уже писал в этом письме, пусть скажет ему все эти мои слова о нем. На всякий случай, вот его адрес: Киев 147, Давыдова 19/1, ком. 52, Перепадь Анатолий Алексеевич.

Вы не сердитесь, что ко всем Вашим заботам я добавляю еще и эти поручения? Маме вашей поклонитесь от меня — очень я огорчен ее нездоровьем. Что-то в последнее время — везде камни: и под ногами, и по воздуху летят, и в почках...

Очень я жду еще хоть одного Вашего письма в этом месяце. Арине и Людмиле Ильиничне [Гинзбург] — моя благодарность за банде-

роли — те, в которых были Стругацкие и Петровых (Точка общается с нею? Если да, и если удобно — привет), уйма записных книжек и пр. Все благополучно получил.

Если у кого-нибудь будет время, желание и книжка под рукой, прочтите в № 2 «Др. народов» рассказ Г.Тютюнника «Поминали Маркиана» — стоит. Рассказ, я бы сказал, «новомировский».

I 22/III/69

Санька, вчера было письмо от твоей родительницы. Не письмо, а праздник. В нем сообщалось мне об этом уголовном типе, который напросился к ней на постой*. Письмо от 2/III, а это мое уйдет лишь в начале апреля, и я пишу сейчас, не рискуя сглазить: за это время все так или иначе у него решится. Если бы он действительно поселился в Чуне, один или сам-два, я бы перестал волноваться, я был бы спокоен за маму, был бы рядом близкий и заботливый человек. Ты тоже хорош, гусь лапчатый: не мог мне на свидании хотя бы намекнуть об этом проекте! Ладно, Бог с тобой. Жду теперь с нетерпением дальнейших известий и очень, очень, очень хочу, чтобы он там остался.

Кроме этой ошеломительной новости в письме еще были всякие соображения относительно теперешней ее работы. Ну что ж, звучит все это довольно утешительно. Господи, я ведь в принципе не против жонглирования досками, лишь бы это по силам было.

Эй, я уже забыл, в чем это письме говорилось, что хотели послать Ларкину фотографию да раздумали? Что-то повадились все раздумывать с фото.

Санька, у меня кончается зубная паста, вдрызг продырявились носки (простые) и носовых платков маловато. Ась?

I 23/III/69

Ну что это за безобразия! Беру это я № 2 «Д[екоративного] И[искусства]» — и глазам своим не верю*. Милую, кроткую И.Уварову смеет оспаривать этот мрачный фанатик, этот рационалист-рецидивист Фаюм (к тому же трусливо укрывшийся за псевдонимом «Ю.Я.Герчук»). Да как у него авторучка поднялась? Добро бы он не знал, кто такая И.Уварова, — думал бы, может, это какая-нибудь старая гримза... Ах! Я уж не говорю о том — это в конце концов второстепенно, — что и по существу он совершенно неправ. Функциональность прикладного искусства? Да кому она нужна? Идея предмета гораздо важнее его

утилитарности. Если Фаум не понимает этого, значит, он попросту не интересуется ничем, кроме узко специальной области. А посмотрел бы повнимательней вокруг, полюбопытствовал бы, как, к примеру, обстоит дело в общественной жизни страны, сразу понял бы, что дно стакану совсем не так уж нужно. А подчас даже и вредно. Эдак выходит, что колонна должна что-то поддерживать, сосуд — содержать, собрание — обсуждать, адвокат — защищать? Так, что ли? Нет уж, уважаемый Ю.Я., не выйдет! Так можно, пожалуй, договориться и до того, что... Да что там примеры приводить — всякому ясно, что принцип чистой декоративности — великий и ведущий принцип. Никто ведь не требовал, чтобы в замечательных деревнях, созданных попечительством Григория Александровича*, можно было жить! Любить надо искусство (всякое...), понимать надо, а он... Ай-ай-ай, «печной горшок ему дороже»*. Но, повторяю, не это главное. Пусть не обижает Ирину Уварову, негодник, а то вот я вернусь и объясню ему, зачем земля круглая.

| 27/III/69

Получил я: а) твою, малыш, телеграмму о моем письме; б) грустное Аришино письмо; в) невнятное Наташкино [Садомской] письмо (Господи, помилуй, какие словеса загибает — «амбивалентная ситуация»! Хорошо, рядом грамотные люди есть — объяснили... Словечко-то почище, чем промискуитет!); г) письмо от Ларки, почти целиком посвященное братцу*. Нет, есть все-таки Бог на небе: о такой ситуации я и не мечтал.

А сегодня — две бандероли: от Веры [Лашковой] и от личности, неразборчиво начертавшей свою фамилию; пришлось обратиться к Алику, он глянул и сказал: «О, это Швейк!» — таким тоном, как будто речь идет о Гашековском Швейке, которого все знают. Ну, затем сей литературный персонаж был объяснен и прокомментирован.

Собирался я подробно повосхищаться 3-м номером «Октября», но недосуг. А жаль — эмоции распирают. Ну что за прелесть реакционная коллегия этого журнала!* Какая убежденность, какая последовательность, какой подбор кадров, какая точность в формулировках — букет такой, что пальчики оближешь. Ладно, небось Алик уже целую рецензию накатал.

Санюшка, это письмо я отправляю сегодня, не дожидаясь конца месяца, вне лимита, и вот по какому случаю: чтобы предупредить, что приезжать ко мне на личное свидание до 15 апреля никак не следует — дорога непроезжая. Нас об этом специально предупредили и разрешили отправить внеочередное письмо.

Я заканчиваю, малыш; что забыл написать — припомню в следующем письме, которое пошлю числа до 10 апреля.

Всех обнимаю, целую и приветствую.

Ю.

Дошли ли мои открытки, посланные к 8 Марта?

Послушайте, а что, «Новый мир» прекратил свое существование? Вышел ли хоть один номер в этом году? И «собачьи» журналы не приходят. Было всего два номера «Хунда».

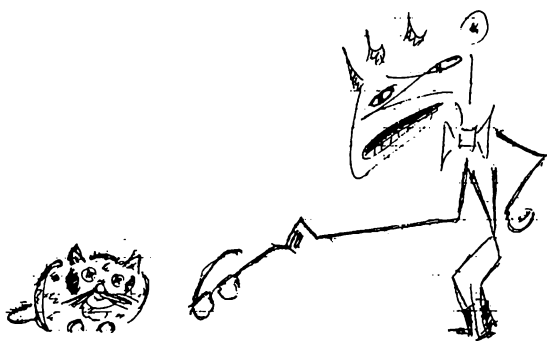
И вот что, Санька, может, ты в курсе дела: я просил узнать у Лины Костенко, не разрешит ли она заняться мне переводами ее стихов — непереуведенных, разумеется. Но либо мою просьбу не смогли выполнить, либо ее ответ до меня не дошел. Если что-нибудь узнаешь, попроси киевлян прислать мне сборники и отметить непереуведенные (конечно, если она не против).

До свидания, милый.

А пластинку с Окуджавой тебе придется увезти обратно, потому как этикетка не нравится*.

Как это обидно, что вы там все волнуетесь совершенно зазря. Т.е. не зазря — практические результаты ваших волнений налицо: у нас все в полном порядке, все благополучно разрешилось, и волноваться не надо. Но когда-то вы об этом узнаете!

Это Катерина, дочь Муськи, глупая и трехцветная.

Да, Наташка, картинку твою я уже подарил*: сегодня был день рождения у Мих.Мих.Сороки. Впечатление было сильное — за всю жизнь он выпил спиртного 3–4 рюмки.

29/III/69

Ах, друзья мои, как кстати и вовремя появилась Ирина Мошкова! Теперь мы спокойны, что вы не волнуетесь, что знаете, какие мы все умиротворенные. Слушайте, а кто сопровождал Иру? Сережа [Мошков] бормочет что-то невнятное, вроде «Эмиля». Это который же? Который педиатр или который дантист?*

Вчера же (вот удачный день!) — письмо от Бурасьев, от Ирины Глинки, от Ленки (а Ленка — она как: Герчук или Фаум?) и открытка от Ариши [Жолковской]. Ариша — не по поводу открытки, — а Ваш Алька [Гинзбург] — гнусный тип, и совершенно напрасно Вы так стремитесь за него замуж: вместо того, чтобы сразу бежать ко мне и читать вслух кусочки из Вашего письма, имеющие отношение ко мне, он сидит, читает какие-то сортирные брошюры, чего-то там вырезает, чего-то клеит, кует чего-то железного. Совершенно зазнался — а все от изобразительного искусства: Роман [Кошелик] таким его восточным красавцем изобразил, таким татарским царевичем периода упадка и изнеженности нравов. Причем Алик сам его на такое украшательство подначивает, лакировщик. И показушник. То ли дело я (гречневая каша сама себя хвалит): «Роман, морщин подбавьте. Ромка, не бойтесь шаржировать! Ромочка, я же старше и не такой лирический...» Вот так ведет себя честная модель.

Миха, отдавая себя в мое распоряжение, ты упомянул «ногу» — в единственном числе*. Ты которую имеешь в виду? Маринка, не кокетничай — все равно не поверю, что ты остервела; а замотанная ты всегда была, и это придавало тебе некоторую томность. В сочетании с энергичностью выражений она производила неотразимое впечатление.

Леночка, насчет обращения ко мне. Возможности неограниченные, например: «Mon oncle Jules» (а если ласково, то «мон онкль Жулик»), «дорогой особо опасный», «уважаемый отщепенец». Очень модно также звучит «Ю Эм» — по-американски, почтительно-фамильярно. А про археологию мне всамделе интересно — и выгодно: читать-то специальные книжки лень.

Должен признаться, что ты меня переплюнула: на уроках географии (равно как и на других) я не возвышался до писем — писал только записочки, и то они, как правило, дальше параллельного класса не уходили... Пиши, дружок, жду писем.

Ирина, неужели не нашлось на Санькином дне рождения ни одного человека со статистическими склонностями? По письмам (и по

Вашему, в том числе) я установил: гостей было человек 30. Гости было человек 40. Гости было около 50. Рубашек было подарено 6. Рубашек было подарено 15. Носков — полдюжины пар. Носков — неисчислимое количество. Гости были в комнатах и в коридоре (по крайней мере по пол-Юны [Вертман]). Гости были в кухне. Гости были на лестничной площадке. (Или на лестничной площадке были не гости?*) Как Вы понимаете, задавать уточняющие вопросы Саньке — бессмысленно. После восемнадцати «мерзавчиков» вряд ли он мог что-нибудь и кого-нибудь сосчитать. Или он, как член правительства на приеме, пил лишь минеральную воду?

Санька, а кто у тебя был 14-го?

Арина, не скромничайте и не делайте на «сказочных» открытках надписи, не соответствующие истинному положению вещей. «Вот так и вся наша жизнь» — вы должны были написать на такой картинке: Серый Волк, поджав хвост, вздрагивая и оглядываясь, тихо-тихо крадется по лесу, а за елкой его стережет Красная Шапочка, вынула бутылочку из корзиночки и держит ее за горлышко...

| 3/IV/69

Санька, напиши мне, пожалуйста, есть ли в мамином особняке хоть одно помещение с земляным полом. Если есть — я спокоен. Будет где разводить костер, готовить пищу и обогреваться. Дело в том (я получил письмо от мамы), что мама, пуская квартиранта⁷, забыла взять с него расписку о непроизведении строительных и ремонтных работ. Естественно, она и ахнуть не успела, как он разобрал печку. А насчет сложить ее заново — об этом говорится как-то туманно...

А больше писем пока не было. Бандероли от Люды [Алексеевой] и от Ирины Глинки — с тетрадками, грузинскими стихами и пр. Да, еще там была книжка «SOS» о кораблекрушениях; ее ухватил Ян [Капицнъш] и героически читает. Он уже на 10-й или 11-й странице (включая картинки). Только бешеной любовью к морю и всему морскому можно объяснить этот героический труд.

Вчера мы благополучно досмотрели эпохальную киноленту под названием «Щит и меч» (4 серии!) Вот это кино! Его расстреливают, а он хоть бы хны. А потом ка-ак даст! Тот и с копыт долой. Только глупый Бен [Ронкин], всему на свете предпочитающий толстые книжки по экономике и споры вокруг них, мог отказаться от такого кайфа. Сережа даже заявлял, что если до конца его срока не покажут последнюю серию, — он задержится. На воле-то ведь не пошел бы. Вот вы, к примеру, — кто из вас видел все четыре серии? То-то.

Нынче у нас первый четверг месяца — «большой жор»*. Обычно к концу месяца мы подъедаем все наши запасы, и гастрономическая тема начинает подавлять и вытеснять остальные. Особенно изощряются Ян и Алик (Господи, Арина, с ужасом думаю о Вашем будущем: как Вы его будете кормить, обжору? Лучше уж завести хорошего дога; доги, насколько я знаю, к жратве не требуют выпивку и едят все-таки немножко меньше).

| 6/IV/69

А в пятницу я получил письмецо от Арины — лихой хорей от первой до последней строчки. Ее предположения, что я литератор, ошибочны. Также не соответствует действительности распространенное мнение, что я уголовник. Я — швея-мотористка, вот кто я. И именно в этом качестве буду шить миракли и фальшо.

Еще письмо от Аллы [Сергун]. Что-то я не разобрался, у кого это там сын родился?

И открытка от Рафаловича. Ну, его, кроме Лени [Ренделя] и, возможно, Игоря [?], никто не знает. Это мой приятель по 11-му. И «кент» Андрея [Синявского].

Подсунули мне № 2 «Вопросов лит-ры» — собственно, чтобы я прочел статью о Маршаковских переводах сонетов Шекспира. Прочел. Интересно. Но больше меня заинтересовала, даже взволновала, другая статья, под названием «Прошлое — живое и мертвое». Авторы В.Айзенштадт и М.Богославский. Я не знаю, кто такой (кто такая?) В.Айзенштадт; а вот «М.И.Богославский, 1925, литературовед, специалист в области совр. советской поэзии», кажется, мне несколько знаком? По крайней мере, я смутно припоминаю, что мы с ним где-то когда-то встречались. И вот захотелось мне, на правах знакомого, «приложить» этому самому специалисту. То есть уму непостижимо, что и, главное, как там понаписано! Я очень рад, что Марк вышел, так сказать, на всесоюзную арену; но, Бог мой, что за странная, мягко выражаясь, позиция? Мне очень жаль, что я не могу поговорить с ним или написать ему, — может быть, он разрешил бы мои недоумения. Волнует меня, само собой, не столько проблема исторического в современной драматургии и лирике, сколько сам Марк. Мне было бы очень грустно, если бы оказалось, что взгляды и оценки, имеющиеся в статье, соответствуют каким-то изменениям, происшедшим с Марком. С тем Марком, которого я знаю, эта статья не сочетается.

Может быть, я еще раскачаюсь и чего-нибудь изреку.

Какая прелесть первый номер «Н. мира»! Не думайте, это еще не подписка — это к Славе Платонову на свидание приезжали. Против обыкновения, я начал с критики и с отменным удовольствием прочитал Волькенштейна*, Берзер*, Ильину*. Особенно Ильину — дело в том, что я читал этот самый «Хмель». Оно, конечно, и «Челюсти саранчи» — вещь превосходная, но я все-таки был о ее великолепии, так сказать, предупрежден: и фактом присылки журнала, и собственной давней, но неразделенной любовью к журналу, и данными об авторе. А тут взял я нечаянно «Роман-газету» — и обомлел. Страниц 40 обомлевал, а потом нервы не выдержали, скис, сдался. Титанический труд, героический подвиг Нат.Ильиной, одолевшей этот триптих, останется в веках... Впрочем, как выяснилось, она не одинока: ее славу разделяет А.Асаркан, которого я имел удовольствие видеть у одной знакомой (Ау, Наташка [Садомская]! Кланяется тебе Алик, который тоже мне этого вашего Асаркана хваливал, когда я кривился над какой-то его статейкой о самодеятельности). Ссылка его на «не-интеллигентов» прямо-таки очаровательна*. Так и кажется, что это он выступает в радиопередаче студии «Юность», и вот-вот молодые, тщательно взволнованные голоса грянут: «Гори, огонь, как Прометей!..» Кстати, что-то я подзабыл с I курса: что, Прометей действительно — того? Горел, сгорел? Я что-то засомневался, и мне захотелось предложить равноценный вариант: «Вертись, земля, как Галилей!»

Да, так вот, о статье Марка в «Вопр. лит-ры». У меня многое вызывает желание поругаться: и формула «Правда! Ничего, кроме правды!» (Почему не «вся правда»? Допустим, что нет лжи в тех пьесах и стихах, о которых идет речь, ладно уж, допустим; но неужели Марка устраивает «часть правды» — правда события? Да и тут — в полной ли мере правда? Скорее — часть части правды); и «естественность» смещения акцентов в исторической литературе в зависимости от конъюнктуры («естественно» это для графа Алексея Николаевича Толстого, а для искусства — и для его истолкователей — это противоестественно); и терминология («абстрактный гуманизм» и пр.); и настойчивое стремление трактовать художников и деятелей прошлого наиудобнейшим для сегодняшнего дня способом. Последнего я, может быть, и не заметил бы — декларация «сквозь личность и судьбу художника просвечивает история, народ» — эта общеизвестная истина не вдохновляла меня на размышления — до тех пор, пока она не была подкреплена ссылками на стихи о Достоевском*.

Эти стихи Бориса прямо противоположны тому, чего несколькими строчками выше требовали авторы статьи: «...выражая свое, остро интимное, наблевшее, поэт должен при этом сохранять верность истории, рисовать не себя, а ту, жившую в прошлом, личность во всей неповторимости ее характера и биографии. Воспроизводить прошлое, а не современность». Золотые слова, не правда ли? Так вот, по-моему, в стихотворении все наоборот. И меня поражает, как Марк, друг Бориса, не увидел в этом стихотворении попытку автопортрета. Только это намерение объясняет — и отчасти извиняет — созданную Чичибабиным «модель Достоевского». Это же псевдоним, неужели не видно! Стремление Бориса «объяснить себя» через Достоевского — понятно; но вы-то, критики, литературо- и искусствоведы, неужели вам тоже хочется тащить Достоевского в революцию, чуть ли не за бороду? Что за жалкие ссылки на петрашевцев; и сам-то кружок, его качество, никак не заслуживали столь жестокой расправы — с позиций тогдашних властей, разумеется; а уж Федор-то Михайлович совсем дуриком влип в эту историю. Какой он революционер — в том смысле, который придает этому слову Марк со товарищи. Не надо лукавить и делать вид, что революционности литературной, творческой, духовной непременно соответствует революционность иная — не знаю, как сказать, социальная, что ли? Разве это Достоевский у Бориса? О нем ли — «Что ему славянофилов болтовня?»? Это у него-то «мятеж» «из божницы Стенькой Разиным»? Это Борис Чичибабин пробует — из соответствующей «божницы». Это про книги Достоевского — строчка «А на книжке его тень от самодержца»*? И предыдущая строка* (эта строфа в статье опущена)? И другое — «А ему свобода — в ноздри яблоней!» (тоже из пропущенной, II строфы) — про «послекаторжного Достоевского»?

Повторяю, к поэту — претензий нет. Почти нет. Действительно, трудно, если не невозможно, удержаться от желания при сходстве биографий* попытаться найти внутреннее родство, утвердиться — и оправдаться. Даже если Борис сам этого не понимает, это, тем не менее, так. Но зачем же использовать его как орудие, как инструмент в изготовлении «нужного» Достоевского?

Я не знаю стихов Л.Темина (к сожалению), не читал разбираемых стихов Смелякова и Винокурова. Знаю только бегло помянутые стихи Шефнера и Шаламова («Аввакум» — блистательные стихи!). Но обращение к стихам о Достоевском дает основание думать, что и другие произведения трактуются так же целенаправленно... Впрочем, может быть, это касается лишь лирики, «круг проблем» которой перечислен с таким прейскурантным простодушием: «своеволие анархи-

ческое», «необходимость историческая», «гуманизм абстрактный», «щи суточные», «тефтели мясные», «пиво жигулевское».

Может быть, драматургии больше повезло. Не знаю; по лени своей (хорошо известной Марку) я в последние годы редко посещаю театры; да и денег наличных нет.

Зачем я все это написал? Есть у меня тайная мыслишка, что эти растрепанные эмоции все-таки попадут на глаза Марку; и, может, он — по знакомству — объяснит мне что-нибудь?

| 9/IV/69

Вчера получил письмо из Чуны, написанное полужнакомым почерком. Вы не слыхали о таком способе самосожжения — окунуться в извесь? Так вот, Ларка окунула руки — все в связи с той же несчастной печкой. По отзывам знатоков, это не очень опасно, но очень больно. Подтверждение тому — размеры письма — полстранички. А этот охламон [А.Футман], на которого я надеялся, как на пророка Господня, обжег себе палец. Ну и компашка. Хорошо, что они на язык не пробовали эту дьявольскую смесь.

| 13/IV/69

Сегодня — открытие волейбольного сезона, малость попрыгали и порезвились. Мы тут лили слезы по поводу скорого отбытия двух волейболистов — Сережи и Романа*, — но, оказывается, есть весьма перспективное пополнение: Леонид [Бородин] и Слава [Платонов].

А вчера — сплошные праздники: у меня «день ангела» — по гугенотскому, то бишь прибалтийскому календарю; 50-летие первого субботника; день Космонавта; Сереже осталось ровно 2 месяца; Серенькому [В.Труфелеву] осталось ровно 5 месяцев; мне осталось ровно 17 месяцев; Бену осталось ровно черт знает сколько месяцев... Наши даты, наши даты.

В четверг получил я письма от Арины, от Марленки [Рахлиной], от Ирины Глинки, все очень похожие, все очень разные.

Аришенька, огромное спасибо Вам за фото. Алька прошипел завистливо: «Такое же, как у меня, но больше размером...» Я отчасти познакомил его и других и с письмом Вашим — бурная была реакция... Но лично я, во-первых, склонен к фатализму, а во-вторых, думаю, что вам в Москве виднее, что, к чему и когда*.

Марленке мне сразу захотелось ответить, и я написал открытку, но отправить ее можно будет только через неделю. На всякий случай: заявляю громогласно, что она умная, талантливая, красивая и молодая. И даже, может быть, «в цветном платке». Любого, кто во всем этом посмеет усомниться, я по возвращении вызову на дуэль и проткну, как цыпленка. Или стукну кирпичом по голове.

Ирина, милая, очень может быть, что именно в пропавшем письме излагались причины моей нервозности и душевного разброда. Я уже не помню, когда и что писал. Ладно, стоит ли об этом? Я просто постараюсь избегать некоторых тем; не думать, скажем, о том, что будет после сентября 70-го, невозможно, но не писать об этом — вполне в моих силах.

Очень мне жалко Глебуса [Глеба Левина]: обидно, должно быть, когда звери-родители отдают собственного ребенка на измывательство врачам и не заступаются. Сколько же это ему будет, когда я вернусь? Не особенно зазнавайтесь, но все, кто его видит, пишут мне, что он прелесть. В кого бы это?

Новостей у нас вроде нет. Вот разве что Бен вступил на неверную стезю поэта-переводчика. Произошло это так. Как-то на днях за столом он что-то объяснял Яну по-немецки. Мы дружно восхищались его нахальством. Тогда он заявил, что может перевести все, что угодно. Я предложил ему перевести «Песнь о вещем Олеге» с тем, чтобы Ян потом изложил услышанное Виктору [Калниньшу] по-латышски, а он сообщил, что именно Ян понял. Чистота эксперимента — идеальная, так как Ян только слышал, что такой Пушкин существовал, но ни строчки читано не было. Итак, Бен изложил ему — прозой, конечно, первые две-три строфы. При обратном воспроизведении выяснилось, что König Oleg сжег к чертовой матери свои села и отправился воевать... Естественно, что ни о спряжениях, ни о склонениях Бен и слышать не хотел (честное слово, это не моя школа, это он сам по себе). Ну, поржали мы, а он говорит: «А я и стихами могу». — «Ну да, — отвечаю я, — вы переведете: «Их дорфы унд фельды за буйный набег обрек эр мечам унд пожарам». На другой день, оторвавшись от машинки, Бен выдал:

Wie heute versammelt sich König Oleg
Die dumpfen Chasaren errechen,
Mit heldige Reiteren nimmt er die Weg
Chasarische Dorfer verbrechen.

(Прошу прощения — это я воспроизвел — буква в букву — его запись.)

И — понесло: Есенин («... и что-то бросала острое мне в морду...»), Блок («Ночь, улица и бары(!)...»). Мы взвыли. Но он рассобачился окончательно и взялся за современников: стал переводить последнее стихотворение Евтушенко. И, знаете, погорел на этом: смешнее не получилось. Это то, которое про китайцев. Тогда он обозлился и сочинил на эту Евтушенско-китайскую тему частушки, абсолютно неприличные. Тут бы взвыл и Евтушенко...

Вчера и сегодня — фильмы, один другого гаже. Ничего, смотрим.

| 14/IV/69

Я совсем забыл написать, что пришла бандероль от Ирины Корсунской, с пластинками. Так как я ее еще не получил, а только видел, я не успел оценить как должно недопустимую короткость в обращении (успел прочесть на картонке «Милый Юлик» или что-то в этом роде); как только получу и прочту — дам отповедь. Ссылки на Бураса и Шрагина гроша медного не стоят (в сегодняшнем письме Алику): у Бураса — зуб со свистом, а Шрагин — искусствовед (разве это занятие для настоящего мужчины? См. начало записи от 6/IV — вот это профессия!). Нет-нет, только по имени-отчеству, и с непременным прибавлением эпитетов «высокоуважаемый», «достопочтенный», «глубокопочтимый», «неудобоназываемый» и пр. Прав ее муж. К слову, и с ним обращаются, как я погляжу, не лучше: «Корсуня»... Фи! Спасибо за «Китеж», это одно из немногих серьезных произведений, которые я люблю (это, кажется, и есть — «музыкально ограниченный человек?»).

И еще — другой Ирине [Глинке], у которой не возникают сомнения, как меня называть: Ирина, умница Вы и молодец, и спасибо — бандероль Ваша с куклой, сумочкой и конфетами благополучно дошла и вызвала восторженный визг у малолетней адресатки и — тихую панику у взрослых. И слезы (буквально) у моего соседа, чью внучку Вы осчастливили. Хорошо быть Санта-Клаусом? Он (сосед, а не Санта-Клаус) очень благодарит Вас и кланяется.

Боюсь, что Санька и Иосиф Аронович [Богораз] не успеют передать в военкомате мои извинения за то, что я не смог прийти*. Хоть бы предупредили пораньше, года эдак четыре назад! А то сейчас, боюсь, начальство будет в некотором затруднении — сможет ли оно командировать меня в Москву на предмет препровождения в военкомат любимого дитяти.

Может, все-таки это письмишко придет до Санькиного отъезда? Если он, конечно, собирается ко мне. Санька, ты собираешься? (Мол-

чание.) Санька, ты собираешься? (Молчание.) Санька... — Даниэль, к вам приехали. — Ах!..

Целую всех и обнимаю.

Ю.

Р. С. Серенький сегодня сделал из железного прута хула-хуп весом килограмма в три, и мы его крутили. У меня получалось лучше всех, я загордился и покрикивал указания.

А еще был день рождения у Лени Бородина — ему стукнуло аж 31 год. И он завтра сбреет бороду. А подельничек его, Слава Платонов, уже побрился и без бороды выглядит старше — бывает же такое!

Еще раз целую и еще раз обнимаю.

Я не понял: Люда [Алексеева] теперь вот редактировала статью Ирины Корсунской или давным-давно? То есть: работает ли Людка или мои недоумения — результат эпистолярных «непосредственности и непринужденности»?

п и с ь м о ш е с т ь д е с я т п е р в о е

24/IV/69

Здравствуйте, люди добрые!

Письмишки мне понемножку капали это время, были и милые, и интересные; но письмо сенсационное я получил вчера. Отвечаю на него только сегодня, сейчас объясню почему.

Сижу это я на своей постели, никого не трогаю (любимое присловье Бена [Ронкина]: «Сижу это я, никого не трогаю, сочиняю листовку...»). Книжку читаю, Ираклия Андроникова книжка, есть такой, не то писатель, не то критик, не то актер, пес его разберет. Интеллигент, одним словом. Из грузин, между прочим.

Да, читаю, значит. А в ногах у меня помещается некто Гинзбург. И ведем мы промеж себя разговоры. Про то, про се. Вот, мол, Доминиканская Республика, Зигмунд Фрейд, картины Оскара Рабина. Театр «Современник». Пожрать бы, мол, не мешало. То есть это он разговоры ведет, а я сижую и читаю. Андроникова.

И вдруг — трах! Почта. И подает мне дневальный телеграмму и письмо. Ну, телеграмма как телеграмма. От жены, что, дескать, письмо получила, сама написала и целует. Это она меня, значит, целует. За письмо — так я полагаю. Потому как письмо мое очень хорошее — так она пишет в этой телеграмме по 3 копейки за каждое слово. Ну, прочел я телеграмму, порадовался на свою счастливую семейную жизнь и взялся за письмо. А оно тоже от жены. Только не от моей, от

Гинзбурговой жены. Некто Жолковская Ирина Сергеевна (очень даже ничего себе — у меня фото есть).

Прочел это я первые строчки и говорю вслух: «Не сидите, говорю, Алик, на моих ногах и не ждите, ничего вам не отколетя. Не знаю, про чего там дальше будет, а пока что, говорю, письмо сугубо интимного свойства». Ну, он как услышал слово «сугубо», сразу заплакал и пошел в свою секцию — посмотреть, может, и ему чья-нибудь жена написала.

А я, значит, сижу и читаю. Читаю это я и думаю: «Во, думаю, что значит высшее образование! Во, думаю, елки-палки! *C'est adorable!* Во дает! *C'est charmant!* Сила!» Думаю это я, а тут — обратно Гинзбург. Приходит, ногой за ногу заплетает, и на морде — грусть. Шиш ему, а не письмо. Ну, он, конечно, опять садится мне на ноги, смотрит на меня совершенно собачьим взглядом и даже слегка повиливает хвостиком.

А я читаю себе, и на Гинзбурга — ноль внимания. Только дочитал это я до последней страницы, стал ее, последнюю, читать и говорю тихонько, спокойно так говорю: «Приветик». Тут Гинзбург несколько оживился и спрашивает: «А что?» — «А вот что», — говорю и зачитываю ему слабым голосом соответствующее место — цитирую, значит. Про все зачитываю: и что собой хороша, и что умница, и что готовит, и что вяжет, и что шьет... (Тут у меня, грешным делом, сразу нездоровое любопытство возникло: интересно, думаю, а когда шьет, швы обметывает? Ларка — так та никогда не успевает, так необматанное до дыр и снашивает...)

Да, зачитал это я и вконец обезьязычел. Одни междометия остались. «Ну-ну», — говорю. «Н-да», — говорю. «Ух ты!» — говорю. «Ой!» — говорю. «Ну и стервец, говорю, дорвался до бесконтрольной свободы. Бога, говорю, молить должен за здоровье предержавших, что открыли перед ним такие возможности». Ну прямо ничего вымолвить не могу!

Тут меня Гинзбург — под локоток, бережно так — и в курилку. А я все молчу. «Ох, говорю, если бы еще Арина написала бы, как ее зовут! Имя бы, говорю, написала, имечко — как, спрашиваю, она мне приходится? Не то золовка, не то сноха, не то свояченица? Ох, не дай Бог, если свояченица: каждый раз думать придется, через которую буквы ее писать... И через сколько «н».

А Гинзбург и говорит утешительно: «Это, говорит, несущественно, кем она вам приходится. Я сам, говорит, не помню точно: не то деверь, не то шурин... А зовут ее, говорит, Катя Великанова».

Тут и раскрылось все низкое коварство окружающей публики — как московской, так и озерной. Оттуда, стало быть, писали, а здесь, стало быть, в соответствии с инструкциями, помалкивали.

Ну и пошел я на подогнутых к ребятам, плюхнулся на чью-то постель и говорю: «Ох, говорю, ура! Заваривай, говорю, Серенький, кофе! Санька женился...»

И стали мы пьянствовать и обжорствовать до отбоя и всякие приветственные слова произносить; потому-то я и не смог сразу излить свои эмоции.

И Андроникова (это который бывший грузин и все больше про поэтов сочиняет) так и не дочитал.

А про Катю Великанову я так скажу: отчаянной смелости женщина! Это надо же — за Саньку замуж! Да, «есть женщины в русских поселеньях» (Н.А.Некрасов).

| 27/IV/69

В субботу напрасно мы все скопом ждали Санькиного появления — увы! Малыш, ты в другой раз, если будешь задерживаться, предупреждай, ладно? А то мне сразу всякие страсти-мордасти в голову лезут. И в голове делается «полный самбур» — вроде как у сестрицы моей Людмилы Михайловны [Алексеевой], которая вздумала объяснить мне, кто такая Ада [Никольская]. Да еще таким варварским способом: напомнила знаменитый обед «à la russe». Ясно, что, поскольку я Аду и так отлично помню (и кланяюсь ей!), я стал вспоминать обед и, что самое огорчительное, — вспомнил. Ох, и обед был...

Людка, миленькая, все вы — психи ненормальные, и ты — самая главная псих(а?). И сколько бы ты ни толковала мне (в предыдущем письме) о найденном жизненном призвании — все равно, жить на износ нельзя, «бессовестно и нерасчетливо», как писал Владимир Ильич Алексею Максимовичу.

То, что книги достали и послали, это чудесно. От Булгакова и я бы не отказался (Хемингуэя мне прислала Майя Злобина, а всякие «Эстетич. мысли», или как их там, мне без надобности); меня радует и то, что у него есть возможность отвлечься (или увлечься), и самый выбор книг, и, главное, что не порывается с ним связь*. Я ничегошеньки о нем не знаю. «Бородатые ленинградцы» (ныне безбородые; Леня [Бородин] без бороды похорошел, а Слава [Платонов], как ни странно, повзрослел) — так вот, они ничего о Валерии [Румянцеве] не знают, только шапочное знакомство, да и когда оно было! Как у него с Донатычем [А.Д.Синявским], мне тоже неизвестно. Об Андрее же они рассказывали довольно много; но все внешнее, споры, разговоры, чай-кофеи всякие. Впрочем, ничего другого я и не мог ждать: мой подельничек, как известно, не «душа нараспашку». И слава Богу.

Где-то в открытках я хвастался, что лучше всех кручу хула-хуп. Все в прошлом. Меня уже все переплюнули, в том числе и те, кто раньше никогда не крутил. Ох-ох, старость — не радость.

Сегодня, правда, открыли пинг-понговый сезон, и я из 10 сыгранных партий проиграл лишь одну. Но чует мое сердце, мои триумфы лишь до тех пор, пока противники не войдут в форму. А тогда останется только уйти на покой и сесть за сочинение мемуаров. Что-нибудь вроде «Жизнь, отданная спорту».

| 28/IV/69

Нынче, Санька, получил я от тебя телеграмму и письмо. Только из уважения к твоему высокому званию молодожена воздерживаюсь от прямой оценки телеграммы. Уж не буду ронять тебя в глазах Кати. Заодно и себя.

О письме. Меня восхитило изящество, с которым ты на протяжении 6 1/2 страниц увиливал от «самого главного» и, наконец, сунул «официальное сообщение» куда-то чуть ли не в P.S. Святители-угодники! О чем только не написано: и о словаре Квятковского (который, кстати, у меня есть), и о том, что такое Пурим (знаем, знаем, сами с усами), и про контейнер...

А что бы тебе немножко о Кате рассказать? Только не хвастайся, что она — человек экономный и предусмотрительный, все равно не поверю; если бы Катя обладала этими качествами, то не скармливала бы тебе по семь котлет зараз.

Ладно, шутки в сторону. Попробую хоть на несколько строк быть серьезным.

Малыш, я очень рад. И хотя известие было для меня, мягко выражаясь, неожиданным, я принял его как радостное, светлое. Я очень рад за тебя. И надеюсь, что Катина родня радуется за Катю. И Катя, и ты — вы простите мне мое косноязычие: как-никак этой практики — поздравлять сына и его жену с бракосочетанием — у меня еще не было.

Я в трудном положении, дружок. Меня так и подмывает сказать какие-то проникновенные напутственные слова, приличествующие событию, произнести что-нибудь эдакое, что-нибудь Вальтер-Скоттовское или Дюмовское, начинающееся словами «Сын мой... Дети мои...»

Вот что, ребятки. Все очень здорово и хорошо. Постарайтесь только не обижать друг друга.

(Жутко трогательная ситуация, не правда ли? Суровый узник, проливая скупые слезы, благословляет союз двух юных любящих сердец...)

Ох, не могу я настроиться на торжественный лад. А цитатку из Кедрина* я тебе, самонадеянный щен, еще припомню! Наглость какая! Приданое ему! Из каких-таких рукавиц я тебе его возьму? Тебе мало, что унаследовал от родителей не менее 50-ти душ их друзей?

Катенька, не пугайтесь, это я только отец свирепый, а свекор я (это я-то — свекор?!) — мед на бархате.

На сегодня хватит. Надо еще в Чуну написать — я наконец-то получил письмо.

| 30/IV/69

Теперь по существу твоего письма. Деловая, так сказать, часть.

1) Первая просьба: не подражай художнику Вейсбергу. Если у него период «белое на белом» долженствует означать некий творческий этап, то твоя нынешняя манера писать письма — «зеленое на зеленом» — говорит лишь о стремлении пожить за счет горячо любимой Родины и экономить на покупке нормальной бумаги, на которой твой куриный почерк поддавался бы расшифровке...

2) Насчет работы маминой мне уже все разъяснено — самой мамой. Умолкаю, хотя и остаюсь при своем мнении.

3) Над моими выбрыками «о будущем» не ломай голову. Плюнь и разотри. Это все от плохого характера и чтения периодики.

4) По поводу «поливания» Майи З[лобиной] и великолепного молчания инженеров человеческих душ — см. стихи о либералах; эти стихи были не одобрены некоторыми из моих корреспондентов, а я думаю, что они вполне своевременны (я не говорю — хороши как стихи). Причем неблагодарность моя простирается столь далеко, что я их (стихи) отношу и ко многим из тех, кто в свое время принял участие в моей судьбе...

5) «А... были когда-нибудь хорошие, по-настоящему, по большому счету хорошие стихи?» Да, были. И есть. Те, в которых автор не берется за «не свои» темы, а остается верен своей, очень определенной сущности — интиму, нежности, шепоту. Это не значит, что автор-человек начисто лишен, скажем, гражданственности, — просто у него нет поэтических средств эту гражданственность выразить. Ершов, создав «Конька», не понял своего призвания, не угадал собственный шедевр, а всю жизнь писал какие-то поэмы, драмы, повести — на среднем литературном уровне, благополучно печатавшиеся и не производившие впечатления.

6) Что я «напрасно» насчет романсов? Я всерьез их люблю, я ничуть не иронизировал.

7) Панас меня не писал, не успел, только собирался; Романы же работают и в разных манерах, и в разной технике*. Теперешний Ро-

ман [Кошелик] может, по-моему, стать отличным «шаржистом». (Эй, искусствоведы, есть такой термин?)

8) Обижаться на «эффект толпы» не надо, милый. Уверяю тебя, что это совсем не от недостатка любви и уважения к тебе. У меня есть веские причины утверждать это с полным основанием.

9) «Положить ложку» — nolikt Karoti. (инф.)

«Он положил ложку» — viņš nolika karoti.

(вин'ш н'о:лика кар'оти).

Ах, почта бы употреблять это выражение!

Уф, кажется, на все отреагировал? Ах, да! По поводу первых полутора страниц твоего письма. Батюшки-светы, уж нельзя несчастному арестантику поразвлечься стихосложением! Сперва Арина — ну она-то с уважением относится к такому, увы, неизбежному явлению, как ударение, и стиль выдерживает, умница; а теперь — ты. Ужас! «Герчуки!» «Мя» рядом с «таким макарон!» Сын мой! (Ага, дорвался-таки я до этого обращения!) Итак: Фис мой! Читай Буало; у него, у Буалы, ясно сказано:

Не смешивай с высоким то, что низко:

К «Напареули» не идет редиска¹.

(Буало, «Искусство поэзии», перевод Г.Р.Державина).

Понял?

Да, чуть не забыл:

10) Открытка исполнена вполне типографским способом — вся, за исключением стихотворной надписи и подписей.

11) В ответ на твое синтаксическое изображение строчки про львов и ослов могу предложить давнее, но, может быть, не известное тебе: «И-и-и-и!» — вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Да, пусть тебя не удивляют переделанные инициалы на конверте: я его надписывал под впечатлением Ариногого письма и был малость того — адресовал самому себе...

| 4/V/69

Совершенно собрался отправить письмо, но вдруг пришла почта, и притом урожайная. По порядку.

¹ Вариант: «К рахат-лукуму не идет сосиска» (Перевод А.А.Якобсона). Еще вариант: «С монахом не совместна одалиска» (Перевод Н.А.Воронель). Или, кажется, наоборот: про одалиску перевод Тошки?

Михе [Бурасу] надобно знать, что он умница и молодец. Единственный из всех догадался написать мне о военкомате; все безумно резвились по поводу текста повестки*, а потом умолкли — думай, что хочешь!

Забавно, что впервые о Лешкином [Лены Бурас] разводе сказано лишь по случаю Санькиной женитьбы! Хорошо, что я догадливый — не торопился передавать приветы Лешкиному супругу.

Письмо твое, Миха, о дне рождения я получил и писал об этом в своем последнем, том, что ушло 17/IV. Впрочем, ты, конечно, не успел его прочесть, когда писал.

Ну, а отзывы о молодоженах я комментировать не буду: еще зазнаются (и не только твои, а всехние).

А Лешке скажи, пусть Саньку не подначивает!

Юна [Вертман], Белля Вы мне не цитировали, и это очень жаль, потому что я его люблю, и даже упоминание о нем доставляет мне удовольствие. (Сразу же воспользуюсь случаем и поклянчу: пришлите мне, если можно, «Глазами клоуна». И «Бильярд» — я его в свое время, очевидно, как-то не так прочитал.)

Если у меня по возвращении будет жилетка — она к Вашим услугам. Кстати, на это намекалось в моей первомайской открытке к Вам — получили ли Вы ее?

Не сердитесь, но давать советы в письмах я воздержусь. Я и вообще-то последнее время побаиваюсь советовать, а этот случай — особый: у меня не хватает знания обстоятельств, чтобы суметь остаться тактичным.

Очень здорово, что Вы написали о Якобсоньем семействе; похоже, что полученное мною от Тошки письмо было счастливым исключением.

Письмо от Ирины Глинки. Ирина, Вы даже не представляете, как отрадно, что Вы «из собственных ручек» набили мне морду! И, уверяю Вас, не стоило это гигиеническое мероприятие снабжать оговорками и извинениями. Честное слово, Ваша взбучка очень многое поставила на место. И я Вам за нее от души благодарен — говорю это безо всякой иронии и рисовки.

Когда я вернусь, я непременно спрошу у Вас, как Вам удалось понять не только то, что происходит, но и отчего происходит.

Спасибо за пересланные в Киев приветы. Не знаете ли Вы, что сейчас делает Иван Светличный (что пишет или переводит)? Он прислал мне недавно Верлена и Лорку на украинском. Верлен — очень хорош, Лорку я еще не смотрел. Да, и очередной том «Укр. искусства» тоже получен — от него же.

Огорчают меня недомогания Ваших мужчин; ну у Глебки — от зловредности, как Вы пишете, а у Юры отчего?

Вот. Еще было письмо из Чуны, с известием о приезде Милы [Медведевой].

Просьба в пространство: может, есть у кого сборники Ф.Искандера «Запретный плод» и «13-й подвиг Геракла»?

Да, в Наташкином [Садомской] письме поминалась И.Бернштейн. Которая? Та, что с чешского переводит (были, вроде, когда-то знакомы), или та, что с английского?

До свидания, до свидания (до личного, до общего, до настоящего). Целую всех. А Катю [Великанову] — отдельно.

Ю.

Алик — в порядке. Юра [Галансков] — более или менее. Оба сегодня-завтра отправляют письма.

Да, когда появится Антон [Накашидзе]? По-моему, что-то скоро*?

п и с ь м о ш е с т ь д е с я т в т о р о е

14/V/69

Дорогие мои, здравствуйте!

Вот и 14 мая; сегодня «ориентировочно» должно состояться некое событие*, в котором я, при иных обстоятельствах, вкупе с известной Л.И.Богораз, должен был бы принять участие, хотя бы косвенное: к примеру, снять со стены портрет писателя Лажечникова и благословить им молодых; сказать что-нибудь прочувствованное насчет светлых идеалов, которые легче «сообразить на двоих»; целовать ручку... как называется мать невестки? Сообщите мне, братцы, все необходимые степени свойства, а то запутаюсь. И имена, разумеется.

Ладно, перебьетесь. Тем более, что отчасти это подразумевается, отчасти что-то было сказано в том письме и на свидании.

Санька, а здорово повезло нам со свиданием!* Еще два дня — и шиш. У нас здесь сейчас не то цирк Барнума, не то зверинец Гагенбека, не то путешествие Екатерины II на юг России*. Но, в общем, смешного больше. Обхохочешься.

Лирической интермедией в этой хохоталии было появление трех граций за пределами досягаемости*. Юрка [Галансков], хоть и не получил свидания, все равно ожил — приехали же...

Алик [Гинзбург] получил телеграмму об имеющем быть приезде. Надо сказать, что я затрудняюсь избрать достойнейшего в этом состязании, в этом телеграммном матче на лучшую неопределенность: то Санька побеждает по очкам («... приеду либо после 1-го, либо после 9-го...» — кроме «либо», здесь очень радуется «после»); то Арина [Жол-

ковская] вырывается вперед — сказываются изящество и, я бы сказал, женственность: «... выезжаем... на свидание». Вопрос о том, кому это свидание предстоит*, обходится весьма непринужденно. Ох, спортсмены, трам-та-ра-рам!

Про полученные письма я — завтра.

Санька, а ты был весь в черных штанах? Или так в джинсах и рванул в семейную жизнь? А какая красота — джинсы (они же, кажется, техасы?! (А «техасы» — сколько «с»? Мой отпрыск злорадно сообщил, что в каком-то из последних писем я пренебрег удвоением согласных; а что удивительного? На наших-то харчах...) Какие швы! Какие заклепки! Вот бы мне такие к сентябрю 70-го!

| 15/V/69

Я — как часы, которые заводят при помощи писем: сразу начинаю тикать. Итак: тик-так!

Для начала — об открытках, за которые я благодарю и отвечаю тем же: приветами, поцелуями и пожеланиями. Открытки — от Зинаиды Анатольевны [Ронкиной], от Гали Севрук, от Бориса Здоровца*, от Арины — 2 штуки (красотки на второй, конечно, нравятся мне больше пушек на первой; правда, Алик утверждает, что руководительница этих красоток лупит их на репетициях палкой по чем попало), от Ирины Корсунской (Ирина, фотографии чунской у меня нет!).

Письма. От Ирины Уваровой. Прошу сообщить ейному Пашке, что каждодневная игра в шахматы отнюдь не развивает умственно, а совсем даже наоборот. Пример: ваш покорный слуга. С сентября 1965 г. по февраль 1966 мною было сыграно что-то в районе 500 партий* (из коих проиграно примерно две трети). Мне понадобилось затем года полтора не прикасаться к шахматам, чтобы подняться до былого ниже среднего умственного уровня... Подозреваю, что Ирина — человек не более стойкий, чем я; ведь не захочет же Пашка, чтобы его родная мама встречала его тихим и музыкальным бессмысленным смехом? И кто тогда будет помещать рецензии в журнале «Детская литература»? (Фаям, твоя бандероль пришла! Кстати, там анонсирована статья Н.Эйшискиной; попросите ее кто-нибудь прислать мне этот номер, когда он выйдет. Разумеется, если это удобно: ее — попросить, а ей — посылать). Да, еще Ирине знать надлежит, что Саньке уже можно не давать по шее; т.е. мне это уже не нужно, а ежели ей хочется — ради Бога...

Письмо от Аллы Сергун. Санюшка (или Миха [Бурас]), дозвонись до нее, пожалуйста, и договоритесь, когда она сможет приехать и

почитать письма. Ей, Александре Леонардовне [Мартыновой] и Ничке [Голубовской] — самый нежный привет.

Фаюмское письмо. Тема «страдания», Юрка, мне кажется, уже исчерпана, многие (в том числе и «родоначальник» темы) мне ответили, все ко всеобщему удовлетворению разъяснилось. В пылу полемики с обеих сторон были допущены неточные формулировки, создавшие иллюзию категоричности и обобщения. В общем, все дело, очевидно, в том, что я на старости лет решил обзавестись каким-нибудь хоть завалыщеньким комплексом — чем я хуже других?!

Про живопись Петрова было письмо. Юрка, не разменяй Каржавина на статьи и доклады!*

Письмо от Майки Улановской. Опять я рычать буду. С какой это стати ты зачисляешь меня в союзники Тошке [Якобсону] по поводу Достоевского? Вот я ему отвечаю — увидишь, какой я ему союзник. И я с тобой совершенно согласен, что к такому явлению, как антисемитизм в старой русской литературе, надо подходить очень осторожно. Тут столько всякого намешано: и литературная традиция, и условные фигуры (в обоих смыслах — и риторические, и персонажи), и бытописание, и защита христианства вообще, а русского православия в частности, от мощного влияния времени, и просто фон для героических персонажей, как у Гоголя... Зоологические формы это явление стало приобретать лишь в XX веке (я продолжаю говорить о литературе). Разумеется, каждое из моих перечислений — отдельная тема, требующая разъяснений; мне это делать трудно в письме.

Гениальному дитяти Саньке [Якобсону] — привет; пусть все же не избивает отца до полусмерти за неточности в определении гармонической и трагической поэзии*.

| 16/V/69

Голубчик мой, Анатолий Александрович [Якобсон], пожалуйста сюда. Послание ваше прях и обалдех — от радости и недоумения. Первое относится к факту получения письма, второе — к кое-чему из его содержания.

Рассуждения твои, Тошка, о Достоевском — чисто дикарские. Так мог бы рассуждать добросердечный неандерталец, если бы случайно попал на современную (но без наркоза) хирургическую операцию, в качестве зрителя или пациента, все равно. Режут? Режут. Больно? Больно. Кричит? Кричит. Стало быть, мучители, стало быть, наслаждаются. Для чего режут, что при этом испытывают — эти вопросы у простодушного человеколюбца не возникают.

Бог мой, какая гиль — полагать Достоевского сладострастником! Так не видеть, так не понимать его — значит не хотеть видеть, не желать понимать. Истошный и истерический крик его — может быть, самое сильное, что есть в мировой литературе против сладострастного мучительства, против смакования беды и горя. Ты не обратил, кстати, внимания, с каким восторгом Ф.М. изображает идиллию, как только сюжет (жизнь) дает ему для этого мало-мальски пригодный повод? Нет, не буду я спорить с тобою, ты в этом вопросе хуже, чем слеп, — ты в другую сторону глядишь или книгу вверх ногами держишь. И как только Майка могла объединить нас? А ты? Разве ты забыл, что мы с тобою не соглашались? Точнее — Ларка и я не соглашались с тобою.

И страдание тут совсем ни при чем. У Достоевского оно — очищение; и лежит эта проблема в сфере этики, морали, нравственности, в сугубо эмоциональной области; а я бунтовал против попытки (так мне показалось) обусловить страданием — мудрость и назвать эту новополученную мудрость — счастьем.

Ну, а про Пушкина и про Л.Толстого — тоже арии из разных опер. Если пушкинские строчки я принимаю целиком, как что-то родное, то толстовские построения по этому поводу кажутся мне несколько искусственными — как вообще любые доктрины или отзвуки их.

Ты знаешь, дорогой мой, я пишу и чувствую, как ты подпрыгиваешь на каждой моей фразе. Но что же делать? По многим причинам я не могу вести этот не только (и не столько) литературоведческий спор, не могу высказываться как должно: раскрывать каждый тезис и приводить примеры. Давай отложим?

Голубчик, ты мне не просто «нужен», ты мне очень нужен, так, что порой невтерпеж без тебя. Мне с тобою даже ругаться хорошо. Ох, и поругаемся!..

Фото твое — блеск. И что такое мог сморозить твой ученик, чтобы получилась такая оскаленная морда? Забавно, что один здешний тип, увидев случайно фотографию, нашел сходство со мною. До сих пор лишь от Ирины Глинки я слышал о нашем сходстве и сам ничего подобного не замечал.

О моих приветях. Спасибо, что передал; как я понимаю, тебя не попросили о такой же услуге в обратном направлении? Ну что ж, как говорят умные физики, доказательство ошибочности пути тоже обогащают науку... Больше не надо, я что-то в этих вопросах щекотлив стал*.

Насчет Гелескула тебе, конечно, видней; очень мне жаль, что потерялось его письмо ко мне. Пусть еще попробует, если охота.

А что до твоей «талантливости» или «неталантливости» — развожу руками, и единственное, на что способен, — это процитировать А.К.Толстого:

Кабы только не этот мой зэковский стыд,
Что худого мне слова сказать не велит...”,
я бы тебя обложил согласно кондиции.

«Алису» с фотографией я получил. Спасибо большущее. Ты знаешь — Анну Андреевну [Ахматову (?)] никто не узнал, спасибо Санька сказал на свидании (еще до твоего письма). А на «Алису» — очередь.

Про все же прочее — будет желание — пиши. А то я как-то «смутился душой» от твоих lamentаций.

| 17/V/69

Ну, братцы, я дошел: во сне сочинять стал. Был длинный-длинный сон, с метаморфозами, с разговорами о диалектизмах в худ. литературе, с какими-то меняющими обличье женщинами, с выпивкой даже; а завершилось это так: я выхожу на какую-то улочку (кажется, в Москве), на углу — будка чистильщика, и старичок-чистильщик читает свои стихи поклонникам (и я знаю, что такое происходит регулярно), и я умираю от смеха, хохочу истерически и, сквозь смех, пытаюсь вслух повторить:

По всей по планете идут превращенья:
Начало движенья, его прекращенья,
Вращенье глазами, а также вращенье
Ростка, обреченного чуду возвращенья...

Честное слово, все это было до того, как проснулся! Я только сразу же записал. И вот теперь думаю: а этот чистильщик — не Леонид ли он Мартынов? Что-то, мне кажется, на него смахивает: эдакая многозначительность и круговращенье (тьфу, черт!) вокруг однозвучных корней. Когда я за утренним кофе прочел и стал хвастаться (вот, мол, экие стихи во сне отгрохал!), все в один голос завопили: «А вы тут при чем? Это же старичок...»

Может, это попытка Музы компенсировать меня за многомесячное бесплодие наяву? За все это время я сочинил целиком лишь одно стихотворение в восемь строк, такое грустное и, наверно, несправедливое, что мне его и посылать не хочется.

Продолжаю тик-такать. Письмо от Ирины Глинки. Лиде и Игорю*, и всем известным мне участникам свадебного ужина — привет. А Лидушке отдельно — еще и неизменное мое восхищение (это вполне серьезно, без тени иронии).

Ох, до чего язык чешется посудачить на затронутую Вами тему! Вот беда-то, нельзя ни согласиться, ни возразить Вам, без нежелательных рикошетов и контузий. А уж как хочется, а уж как я с Вами согласен, а уж каких бы примеров подкинул в доказательство Вашей правоты. Скажу Вам, как Тошке: отложим.

Спасибо Вам за Вашу нудную работу, за переписку — и не сердитесь: я постараюсь больше не писать длинные трактаты, во всяком случае, для иногородних (от Перепада мне опять был подарок: Лорка и Кочур).

Я Саньке сказал, какой подарок нужно послать в Краснодарский край; но я надеюсь, что он сам это сделает (Санька, ась?).

Сборник Ивана Катаева я еще не получил; читал я его, по-моему, всего лишь один какой-то среднеазиатский очерк.

Тигры Глебкины [Глеба Левина] очень хороши, такие пестрые, забавные — очень выразительные. Передайте ему, пожалуйста, что я его благодарю.

Да, я все забываю, что когда это письмо придет, Вас в Москве уже не будет. Хорошего взморья Вам!

Санюшка, сразу же позвони Елене Михайловне [Закс], скажи, что письмецо ее получил, что спасибо и что беспокоюсь о здоровье ее. И что интересно мне, над чем она сейчас работает. (Кстати, просьбу мою о журн. «Детск. лит-ра» с интересующей меня статьей, вероятно, можно передать через Елену Михайловну. Или Алену*.)

От Алены вот давненько нет ничего. Пусть она знает, что я всегда ее помню и думаю о ней, и любыми радостями или горестями она, если захочет, может делиться со мною, как это всегда было. Целую ее и Ел. Михайловну.

Льву Зиновьевичу [Копелеву] — моя признательность за хорошую оценку и доброе пожелание («старое мужество и новая мудрость» — ох, как бы она, эта самая — хоть новая, хоть старая, хоть какая — мудрость пригодилась бы!). Открытки, которые репродукции Гудиашвили, очень занятные; я раньше ничего из его работ не видел, только имя слышал. Кажется мне, перечисленные Л.З. друзья художника оставили на его палитре свои визитные карточки? Одна из работ — «Геройство Сакуа», по всеобщему мнению, посвящена неизвестному А.И. Гинзбургу.

Ну вот. «Завод» кончился — писем больше нет. А нынешние наши настроение и быт не таковы, чтобы писать о них.

Да, вчера была телеграмма Алику — наконец-то вполне недвусмысленная.

И еще были поздравительные телеграммы мне (с 9 мая) от Азбелей, Михи [Бураса] и Золотаревских.

| 19/V/69

Вспомнил, что никак не отозвался на письмо Маринки Фаюм. Так получилось: письмо в Москву отправил, потом получил ее послание, потом Санька приехал, а после Саньки — все остальные письма. Я и сбился.

Маришенька, я не знаю, что именно тебе не понравилось в собственном письме (как это явствует из телеграммы, которая письму вдогонку), но я-то, в общем, почти со всем согласен. И насчет первопричины тона всехних писем, и насчет того, что эмоциям вообще, а жалости в частности надобно хоть время от времени проявляться («надобно» — в смысле «естественно»), а то неминуемо возникает «перебор» — эдакий «оптимистический перебор». А жалость, между прочим, — это вовсе не так уж страшно. Просто все мы боимся слов — это одно; а другое — загипнотизированы дурацкой формулой «Не жалеть человека, не унижать его жалостью». Вздор, какое там унижение! Жалость — это одновременно и магический обряд, заклинание («У кошки боли, у собаки боли...»), и действие, чтобы тому, кого жалеют, было легче, удобнее. И то, и другое входит, по-моему, в понятие «любовь». Кстати, есть народное, диалектное «Я его (или ее) так жалею...» — именно в смысле «люблю».

Напрасно ты думаешь, что твои профессиональные дела меня не интересуют. Как-то вы все не усекаете, что любые факты вашей жизни нам интересны. И не только интересны — нужны: возникает чувство приобщения к вашей жизни, быту, волнениям, даже вроде бы участвуешь во всем этом. Это — общее положение; а что до меня — то когда же я безразлично относился к твоим и Юркиным делам?

Ленке [Герчук] — поклон и жду писем. Родителям — сердечный привет.

А это я пишу уже вечером. Пришло письмо от Наташи Горбаневской, со стихами, с хорошими. Особенно понравились мне 3-е («Хоть на день, хоть на час...») и 4-е («Глухого дерева листва...»). Наташе — спасибо, и еще, пожалуйста... Пусть не берет пример с меня, бездельника, пусть пишет.

О делах наших писать не хочется и не может, простите.

| 20/V/69

Открытка от Арины (от 13/V). Ох, Ариша, милая, тяжело мне чувствовать свое бессилие, и даже Ваши похвалы моим эпистолярным возможностям* меня не утешают: я ведь не знаю, все ли согласятся с

Вашей оценкой и весит ли хоть что-нибудь делаемое мною? А что я еще могу?

И еще два письма из Чуны. Что-то мне все-таки неясен ее (не Чуны, а Ларки) статус — насчет работы. Обязана или нет? Если обязана, то «Будете работать там, куда мы вас пошлем» или все-таки она вправе сама выбрать себе место работы? Если она может не работать, то вправе ли кто-либо настаивать на «трудовой деятельности» и ухудшить ее положение в случае ее решительного отказа ворочать доски?

Я очень прошу проконсультироваться у юристов и навести справки в тех организациях, которые подобными проблемами занимаются. И сообщить результаты не только мне, но в первую очередь — в Чуну.

| 21/V/69

И еще открытка от Арины. Вот какие новости хорошие: и «свидетельство о браке», такое недоступное для иных-прочих, и свадебный ужин, и подарки (от всех, кроме меня...). И письмо мое добралось довольно быстро (Санька, а телеграммы от тебя не было — или ты и не посылал?). А я ничего утешительного написать не могу. Хотя после разговоров, состоявшихся у нас с приезжими и неприезжими*, у меня — и, кажется, не только у меня — забрезжило что-то, какая-то тень надежды.

Сегодня — среда, бандерольный день. Получил я бандероли от Аллы Григорьевны [Зиминой], от Люды [Алексеевой] и от Арины. А также — бандероли для Рыжего [В.Калниньша] (он и другой Виктор, Серенький [Труфелев], — животом скорбны и живут отдельно — карантин, — но мы, конечно, можем видаться и разговаривать). Ему — книжки, тетрадки и пр. — из Риги и из Москвы: от Наташи Сергиевской и от Люды. Одна из книжек, явный отклик на мою просьбу Юре Левину, сразу же поступила в распоряжение Балиса Гаяускаса. Я разумею книжку о санскрите на английском языке, работы Иванова и Топорова. Обоим им поклон и благодарность. К сожалению, у меня с ними было весьма поверхностное знакомство. Впрочем, вру: Топоров при мне — и даже при моем непосредственном участии — украл детскую колясочку. Ирина Глинка должна помнить этот подвиг — коляска предназначалась Глебке. Насколько я понимаю, эта акция лежит за пределами традиционного языкознания?

| 25/V/69

Новостей никаких. Письмо от Лары — в нем речь о событиях, уже известных мне из первоисточника, — о похищении Кати [Великановой] из родительского дома.

Перемена, собственно, одна: Бен [Ронкин] ходит безбородый. Произошло это так. Здесь соорудили китайские бильярды — знаете, металлические шарики гоняют в лунки и загородочки с цифрами; игра, по выражению Лени Бородина, занимающая второе место по интеллектуальности после перетягивания каната. Самого его от нее за уши не оттянешь — жутко азартное развлечение. Так вот, схватились мы с Беном; ставки — его борода против моей безбородости. Я поначалу проигрался вдрызг и должен был носить бороду аж до Нового года. Но справедлив лагерный афоризм: «Жадность губит фрайера». Бен захотел, чтобы я не брился до конца срока, я рискнул — и отыгрался, и выиграл, и Бен теперь бритенький, и все меня хвалят. После возникла идея: сыграть на бороду Рыжего, т.е. проигравший обязан побрить или постричь Калниньша. Бен отказался сразу, сказав коротко: «Лучше тигра». Храбрый Бородин согласился играть, а я вот раздумываю: осталось мне немногим больше года, и я до сих пор не инвалид, может, и дотяну до конца с руками и с ногами — стоит ли рисковать? Сам Рыжий ухмыляется в свою любимую бороду и говорит: «Ну-ну. Пробуйте. За последствия не отвечаю...»

Я все болтаю — не от веселья, поверьте. Хорошо тем, кто мыслит в планетарных масштабах и любой чих рассматривает как полезный или вредный для прогресса. А у меня — обывательская психология, я — мещанин, и не могу не думать о том, каково приходится человеку, когда он волей-неволей двигает вперед этот самый Прогресс.

Мои трехсезонные мечты о том, чтобы согреться, кажется, так и останутся мечтами: холод зверский, ночью — минусовая т-ра, днем — не больше 6–9° тепла, в цеху — стужа, в помещениях жилых — тоже не рай, и даже пожаловаться некому и не на кого. Кажется, теплолюбие становится моим психозом.

| 27/V/69

Вчера были письма от Майи Злобиной, от Лени Ренделя и от Найи [Азбель].

Майе — мой выговор за то, что так вскользь и небрежно написала о своей болезни; пусть объяснит толком, что же у нее с позвоноч-

ником и насколько это серьезно. Кроме того, наши волнения и неурядицы — не причина, чтобы не писать о своей работе, планах и прочем.

Большое спасибо за фотографии. Ляльке [Злобиной] скажите, пусть не огорчается, что снимки неудачные (я-то этого не нахожу), пусть фотографируется соло и шлет то, что ей нравится. Портрет на книжной полке я рассмотрел — кажется, такой у меня есть, в платочке, да? А та фотография, которая пониже и поменьше, — тут уж я ничего не разобрал.

Леньке — пламенный привет. Все его поклоны и пожелания переданы. Докладаю ему вторично, что журнала «Коммунист» у нас нет. Ежели он жаждет, чтобы Бен и Рыжий разделяли его восторги, пусть присылает соответствующие номера.

Санька, позвони Найе и скажи, что новогодняя и к 9-му мая телеграммы и это вот последнее письмо получены. И что если снова возникнет желание написать — я буду очень-очень рад. Сколько же это Димке [Азбелю] лет? Я что-то сбился. Он во втором или в третьем классе?

| 28/V/69

Ну, прочел я тот № «Лит. газеты», что Леня рекомендовал. Ну и что? Обыкновенные розовые сопли, ничего особенного.

Вот, братцы и сестрицы, родственнички старые (Санька и Ариша) и новые (Катя и К^о), сегодня у меня хорошее (в смысле — не плохое) настроение. Видел я нынче Александра Ильича*, они изволили прошествовать мимо нас в баньку, мыться, так сказать. Ну, во-первых, значит, есть еще что мыть; во-вторых, выглядит он вполне прилично, на «четверочку»; ну, может быть, с минусом. И медицина тоже им довольна*. Сказал он, что должно мне быть письмо от Арины — где оно, где?

Пестрое и невеселое письмо Ирины Корсунской Юра [Галансков] получил; прочли мы его, не все поняли, но общее настроение уловить нетрудно.

Отдельный поклон «высокоуважаемому и досточтимому» принимаю с присущей мне скромностью и демократичностью, так и впредь обращайтесь... Милая Ирина (которая Корсунская), а с картинками-то какая фиговина вышла. Прочел это я про них на пластиночной обложке и завопил: «Где же?!» А Алик, глазом не моргнув, ответил: «А я не знал, что это вам, и отдал их Роману Кошелику»; подарил, значит. Ну, я особенно скандалить не стал, не очень-то я этого художника

жалую, а Роман — парень что надо. И я ему даже — как юридический владелец — сделал дарственную надпись. Так что не огорчайтесь. А вот если подвернется Вам какой-никакой Модильяшка, вот бы... У меня ведь вкус грубый: люблю цвет густой, линию определенную. И с подозрением отношусь к «художнической литературе», а Чюрленис, по-моему, как раз этим и занимался. Вы пишете, что любите его «за музыкальность». Увы, я просто не понимаю, что это значит. И вообще я жутко отсталый: и Рериха не люблю, и Эрзю тоже, и Кафку, и... кого еще полагается любить современному интеллектуалу?

Только что принесли открыточку от Арины. Аришенька, Вы что — разделили с Аликом обязанности — взяли на себя обмороки? Не надо этого, пожалуйста. А надо — вот что: надо не только излагать Ларке по телефону московские и наши новости, но и узнавать у нее — чунские и незамедлительно сообщать их мне. А то ведь последние мои сведения — от Саньки. Лады?

| 29/V/69

Вот письмо от Арины, от 21 мая. Я прочел его дважды, ребятам — тоже дважды, потом еще раз сам. Пытаюсь оценить шансы — и ничего не могу: поведение некоторых лиц непредсказуемо*. Если (тьфу, тьфу! сегодня это «если» повторялось многократно и «тьфу-тьфу!» — тоже, слюны не хватает), так вот, если что определенное — хорошее — будет, немедленно телеграмму, и не только Алику*.

Еще было письмо от Рафа(ловича). Его адрес: Луга, Главпочтамт, до востребования, а инициалы — А.В.(Адольф Вениаминович). Черкните ему, пожалуйста, что письмо мною получено и спасибо, а книжки пусть шлет на свой вкус. Забавно мне получать приветы из Москвы через Лугу — это я о Марье...*

| 1/VI/69

В пятницу был целый ворох бандеролей: от Людмилы Ил[ьиничны Гинзбург], от Иосифа Ароновича [Богораза], от Шура*. И еще одна бандеролька из Киева, о получении которой прошу сразу же уведомить дарителя. Я получил сборник переводов на украинский — Григория Порфирьевича Кочура, с надписью мне. Я очень прошу передать мою горячую признательность за внимание. Переводы, по моему разумению, превосходные; кое-какие моменты я бы с удовольствием обсудил с ним, профессионально. Я знаю о Г.П. несколько боль-

ше, чем сообщено в биографической справке, предпосланной сборнику: здесь есть люди, которые помнят его и уважают*. Адреса его у меня нет, но бандероль пришла от Ив.Светличного; а можно, наверное, написать эти несколько строк по адресу: Киев, Владимирская, 41, издательство «Дніпро».

Да, еще бандероль от Арины.

I 4/VI/69

Позавчера были телеграмма и письмо из Чуны, открыточка от Арины и еще некое письмецо.

Ваша открытка, Арина, как нельзя лучше доказывает небеспочвенность моих волнений и самооценок — точнее, оценок своих когда-тошних действий. Грустно все это и тяжело; ребята меня дружно успокаивают, не дети, мол, все эти люди, знали, что делали, вы, мол, тут уже сбоку припека, а я все возвращаюсь к мысли, вернее — к вопросу «Стоит ли то, что я сделал, чужих судеб?»*

Ларина телеграмма о том, что письмо мое получила; а письмо ее спокойное, слава Богу.

А еще было письмо от какой-то особы, подписавшейся «Галя»*. И на конверте стоит обр. адрес «Моск. обл., ст. Опалиха» и фамилия не то «Медведев», не то «Медведева». Эту даму (если это дама) я назвал бы коротко и определенно, но стесняюсь новой моей родственницы: она, верно, не привыкла к таким терминам. Письмо — грязная пакость; и неужели в чью-то идиотскую башку всерьез пришло, что подобная мерзость может вызвать у меня что-нибудь, кроме отвращения к автору (или авторам)? И неужели это насекомое думает, что чьи-то слова о близких мне людях могут что-то изменить в моем отношении к ним? А если цель этого письма — испортить мне настроение, то она (он, они) этого добились — на полчаса: столько времени требуется примерно, чтобы дойти до ближайшего крана и смыть говно с подметки.

Это все писано было днем, а сейчас вечер, и я получил два письма: от Лары и от Марка [Богославского] из Харькова.

По поводу Лариного письма: еще раз настоятельно прошу выяснить официально, юридически, по возможности на бумаге, ее (Лары) «права и обязанности» относительно трудоустройства. Если это не будет сделано, придется мне заняться, а это и сложнее, и медленнее, и для всех без исключения неприятнее получится.

Марку — спасибо за отклик; почти ни с одним словом его я согласиться не могу. Я верю в чистоту и благость его намерений, которыми, как известно, дорога в журналы вымощена. Ни его оценки Дос-

тоевского я не принимаю; ни рассуждений о так называемом «абстрактном гуманизме»; ни его, Марка, самооценки: я верю, что он лучше того, чем он сам себя считает. Лично я не вижу никакой практической разницы между апологетами алеющего востока, сторонниками корифеев языкознания и теми, кто довольствуется фактом научности пресловутого учения*. У меня здесь есть друзья, считающие, что факты признавать мало для того, чтобы всерьез относить себя к приверженцам определенного направления. И я не могу не согласиться с ними. Думаю, что эта самооценка (самоопределение, классификация) Марка — не что иное, как инерция — и инерция не движения, а стояния, даже лежания, и с самим Марком, хвала небесам, ничего общего не имеет.

Обнимаю его, а Олю [Кучеренко] целую.

И напоследок — о Марленкином [М.Рахлиной] письме. Милая ты моя Марленка, спасибо тебе за чудесное твое письмо, умница ты и прелесть, знаешь, как согреть душу (а она у меня все-таки есть). Твоя сказочка о девочке и мальчике, наверное, правда — как всякая сказка. И, как всякая сказка, заставляет и грустить, и радоваться. Чему — ты сама знаешь.

Голубчик, не надо мне объяснять про «творчество» — я и сам все это знаю, на себе испытал и испытываю. И, знаешь, убедился, что это всегда временно: что-то сместится, щелкнет, откроется — и все снова хорошо будет. И не только в себе, а и кругом.

Ты не возражаешь, если я отредактирую твой афоризм: «Старый грех лучше новых всех»? «Двух» — конечно, смешнее, но почему «двух», а не «трех», «четырёх» — и т. д.?

Марленка, наверное, я несправедлив к Борису [Чичибабину]; но я же ничего о нем не знаю; последние вести двух-трехгодичной давности и, прости за выражение, печатные*. Если до него дошло что-нибудь мое неблагоприятное (было, кажется), скажи, что я прошу прощения.

Санька, о себе не пишешь — ни о работе, ни о военкомате — черт с тобой. Но изволь написать мне об Алле Григорьевне и Иосифе Ароновиче [Богоразах–Зиминых]. Понял?

Целую вас всех.

п и с ь м о ш е с т ь д е с я т т р е т ь е

11/VI/69

Дорогие мои, здравствуйте!

Как приятно начинать письмо в хорошем настроении: не надо думать о том, что вот, мол, снова огорчишь адресатов, не надо подби-

рать слова для описания всяких неудобоописуемых невзгод и вообще многого не надо.

Причина для парения духом у меня одна: мы снова собрались всей компанией*. Очень здорово было увидеть вблизи Алика [Гинзбурга] и пообщаться с ним. Он — как огурчик. Виноват, непростительная склонность к штампам подвела меня: я никогда не видал огурчиков розового цвета. Остальные, верно, как огурчики, нежно-зеленые; но, в общем, бодры и веселы: Леня [Бородин] рвется к пинг-понговому столу (его не пускают), Слава [Платонов] резво шмыгает по территории, Бен [Ронкин] жутко активен. Он зол, как черт: ему не довелось попрощаться с Сережей*, а он-то радовался, что все неожиданно кончилось, и последние два дня можно будет пообщаться. Мы с Виктором [Калниньшем] успели только руку Сереже пожать — все произошло мгновенно, как похищение горской невесты.

Вчера полдня мы обменивались письмами, новостями и соображениями. У всех у нас были какие-то микронадежды на благополучный исход Ариных [И.Жолковской] хлопот, но фраза из письма Ирины Ронкиной о телефонном разговоре с Ариной здорово нас обескуражила. Тем более, что по времени это самое последнее сообщение.

Печальная, хоть и ожидавшаяся новость: умерла мать Виктора. В рижской газете был некролог, но его как-то никто не заметил, и о смерти матери Виктор узнал лишь из письма. Теперь он совсем один: ни родителей, ни братьев, ни сестер; родственников ближе троюродных нет. Друзья? Я, конечно, понимаю, что такое захлест вольной жизни, но все же думаю, что Кнут [Скуениекс] мог бы хоть открытку написать* — несмотря на занятость и на процесс реставрации своего литературного положения (мы уже видели опубликованную подборку переводов из Лорки*).

Так что невеселые дела у нашего Бороды.

А Мих.Мих.[Сороке] пришло письмо от жены, с 6-го; она пишет о траве, о деревьях, о птицах и о фантастически роскошном быте; всего этого у нее не было двадцать два года* — перебор, как говорят картежники, не так ли? Я чуть было не заревел, когда читал это письмо. Если сможете оказать ей какие-нибудь знаки внимания, сделайте это, ладно?

| 12/VI/69

Ах, со вчерашнего дня я безутешен! Эдакий конфуз впервые в моей жизни, и я его не переживу. А если переживу, то психическая травма останется до гробовой доски («Но его помутился рассудок, и

теперь он почти идиот...»). Подумать только, я представлялся даме в неподобающем виде*: сиротские и сиротливые штаны и дурацкий колпак сверху, вроде тех, что на еретиков напяливали. Спасибо еще, что расстояние между нами было заботами планировщиков достаточно большим и Ирина Корсунская не углядела еще и небритость позорную. То есть я надеюсь на это: сам я, несмотря на мою дальновзоркость, разглядел лишь нечто смуглолицее и белозубое — разумеется, кроме общих, гм, очертаний... Ах, ах, хоть бы галстук на мне был!.. И я отлично понимаю, что больше не смею претендовать ни на «глубокоуважаемого», ни на «достопочтенного» — ладно уж, называйте меня, как раньше, «милым», а, Ирина?

Надо сказать, что Вы произвели сильнейшее впечатление на наших коллег, и лишь особое к нам уважение мешает сподобившимся обсуждать вслух Ваши достоинства... Как я догадываюсь, поездка связана с работой над диссертацией? Что-нибудь архитектурно-искусствоведческое, вроде «Традиция и модерн в типовых загородных ансамблях II половины XX в.»?

С почтой — жидковато. Со времени последнего моего письма (с 5/VI) — открытка от Кости Бабицкого и письмо от Наташи Горбаневской. Все. И если бы не вчерашний аттракцион «2 — Ирина — 2», я ничего бы не знал ни о Санькиной работе, ни о всеобщем благополучии. (Да, нынче телеграмма Алику о свидании!) Косте и Наташе — поклон и благодарность. Косте напишите — пусть не горюет: кому суждено быть повешенным, тот не утонет... Утешительно, не правда ли?

Да, были нынче бандероли: от Иосифа Ароновича [Богораза], от Майи Злобиной, от Маринки Фаюм, от Шура и от Ирины Корсунской (пластинки; от нее же — пластинки же — Рыжему [В.Калниньшу] и Яну [Капициньшу]; когда Ира отправляла их, она еще уважала меня более, чем прочих, ибо из моей бандероли не разбилась ни одна пластинка, а у Рыжего — две, и у Яна — одна, причем цыганские романсы! Господи, пока мою бандероль не распечатали, я думал, что там набор детских погремушек — так все тарыхтело. Воображаю, что творилось в коробках у Яна и Виктора. Может, это сказываются какие-нибудь антилатышские настроения?). Остальные бандероли в полном порядке.

Книжка о Чапеке прислана мне с ведома автора?* Если да, то поклон ей (автору, а не книжке), Софье Львовне (если я не переврал имя-отчество ейной матушки) и Ане.

Ох, перечисляя корреспонденцию, я почему-то думал лишь о московской. А я уже получил письмо от Ирины Глинки, немосковское, очень хоршее — очень ожидавшееся нами.

Нынче мы собрались и отпраздновали выход Сережи и Вадима [Гаенко] — пусть им везет и счастливится! Бен с позавчерашнего дня поуспокоился и перестал изрыгать хулу на весь род человеческий вообще и на Сергея в частности* (он жутко лаялся и шипел: «Мне надоело выступать в роли Кассандры! Я же говорил...»). Надо сказать, что он вообще был взвинчен до дальше некуда; ему довелось быть в одном помещении с Леной Бородиным*, и бурные откровения последнего довели Бена почти до утраты членораздельной речи. И то сказать: если Бен не сгущает краски, то хоть садись и пиши не то «Бесов», не то «Дьяволиаду», не то еще что-нибудь inferнальное (именно такое — бюрократически-мистическое...)*.

| 16/VI/69

И еще одно немосковское письмо — от Оли [Кучеренко], из Харькова. К сожалению, то письмо, о котором Оля поминает, — с приписками ее и Юрки — до меня не дошло. А жаль. Особенно жаль Юркиной приписки*. Это, наверное, смешно и даже несправедливо, но когда я сам, своими глазами, читаю чей-то собственноручно написанный привет, — до чего же мне славно становится! И это при том, что в отношении этих людей к себе я ни на полплевка не сомневаюсь, верю им и в них. Впрочем, и в этом — как и во всем — всю жизнь — я перехлестывал. За что и сподобился мордой об стол.

А Москва-матушка молчит — ни словечка, ни строчки. То ли хлопоты летние, не до писем, то ли почтовая линия барахлит. Вот только и перебиваешься косвенными приветами; например, при помощи журнала «Вокруг света» я узнал, что кандидат исторических наук Н.Садомская изменила своим гальехо с басками...*

Вот поругался малость — и письмишки капнули: из Чуны от Ларки (я забыл написать, что было письмо от Толи [Футмана]) и от Миши [Бураса] — с Машкиной [Маши Бурас] фотографией, которой — Машке, а не фотографии — большущее спасибо.

Ты, Бурас, меня не раздражай изложениями всякой первобытной (первобабьей) кинематографии — уж больно смачно ты описываешь этих самых «Мисс Пещера — 1.000.000 до н. э.». Мне бы чего полегче, кхэ-кхэ, про кефирчик, что ли...

Да, еще телеграмма от Ирины [Глинки] с благодарностью за поздравление. Как я понимаю, замотанная вдрызг отъездом, сборами и Глебкой, Ирина кому-то поручила отправить телеграммку; и этот кто-то тут же (через две недели без одного дня) поручение выполнил. Спасибочки. Эту благодарность, слава Богу, мы уже получили в ее письме.

| 18/VI/69

Вчера — две открыточки от Арины, информационные; Алик получил от нее письмо и 4 открытки. Пока что радует лишь известие о возможной внутриуниверситетской работе*. Ну, само собой, предстоящее свидание; сегодня Бену сказали, что он может послать телеграмму Ирине о свидании в конце месяца. Алик предпочел бы пораньше, но уж — как Бог даст.

А сегодня были бандероли. Я получил их от Людм[илы] Ил[ьичны Гинзбург], от Юры Левина, от Люды [Алексеевой] — все в полном порядке, спасибо. Это я пишу днем, а вечером, может, еще и письма будут. Я нынче не работаю (и вчера), приболел малость. Простудился, идиот, в середине июня. Однако нет худа без добра: вот Ларке письмо писал, вам вот пишу. Еще кой-чего рифмованное ца-рапал.

Вот так. Таковы-то боевые будни N-ского подразделения.

| 20/VI/69

Очень хорошее, смешное письмо от Ирины Корсунской. И своевременное: мы уже начали беспокоиться, почему ничего не слышно о Сереже. Но письмо Ирины — оно было вчера — нас успокоило, и с легкой душой сели за стол. Не как-нибудь, а застолье: Юре [Галанскову] на четвертый десяток пошло (иначе, как «старым хрычом», теперь его не называют). Кроме того — день ангела Виктора — по ихним лютеранским святцам; туда же примазался и другой Виктор — Серенький [Труфелев] (Ирина, это он был «переводчиком»). Ели-пили, тосты говорили; а потом Леня как взял гитару, да как рванул, да как мы подхватили — да почти до отбоя, начав с «энтузиастов рюкзака» (мы поем ее во всю глотку) и кончив «корнетом и поручиком»*.

Продолжаются пинг-понговые баталии; «странно и чудовищно», как говорил покойный Эссель*, но я продолжаю бить этих щенков, как котят (щенков — как котят?). Это при том, что Леня и Серенький играют много лучше. Думал я, думал и решил, что побеждаю их (Серого наверняка) при помощи чувства юмора.

Ох-ох, пойдут-ка я рукавички шить, уже почти половина восьмого. Очень хочется нынче почту получить.

| 24/VI/69

А почту получил я только вчера, письма от Наташеньки моей раз-любезной [Садомской] и от Ленички Ренделя. Леничка, ангел мой, и где это ты таких слов, таких выражений поднабрался? Фи, ну прямо чистый тебе уголовник. Таких слов я, к примеру, сроду не слыхивал. И в энциклопедии (всю букву «б» просмотрел!) не нашел. Так мне и непонятно, как именно ты похвалил нашу интеллигенцию.

Наташка, Наташка, я с тобою буду разговаривать, как в анекдоте: «Скажи, дорогой, почему ты такой оптимист?» Ну ладно, пес с вами, будьте оптимистами... Вот только бодрый тон, которым изложены новости характера, так сказать, семейного (о друзьях и знакомых), — в этот тон я как-то туго верю. Меня все это огорчает безмерно, мне от этого скрипеть зубами хочется.

Помаленьку прочитал присланные книжки. Сборник Ю.Казаква, хоть и составлен он не очень хорошо, перечел я с удовольствием. Нет, братцы, какой бы он там ни был человек, а то, что он пишет, — это все-таки литература*.

А Иван Катаев — как раз наоборот. Очень плохо, беспомощно, безъязыко, все расползается, как медуза на солнце. Даже удивительно, что литературно грамотный человек мог так писать, — это о так называемом мастерстве. Что же до «идеологии» — «полный самбур», левая не ведает, что творит правая... В общем, погибали и плохие писатели... А кто, собственно, был в этом «Перевале» из серьезных авторов? Я просто не знаю; спросить бы знатока литературы XX века литературоведа и критика Синявского — так далекоовато до него, километров 17, не меньше...

| 25/VI/69

Бандероли: от Юры Левина, от Веры Лашковой (Вера, одну фотографию — с гитарой — я все-таки у «ближайших родственников»* выдрал из пасти и оставил себе — Вы не возражаете?), от Шура (2 шт.) и от некоей Е.М.Великановой (?). Спасибо за все, дорогие. Но, силы небесные, почему ни Алику, ни Юре, ни Валерию [Ронкину] нет ни письма, ни телеграммы уже который день? А ведь телеграммы о свиданиях ушли отсюда уже неделю назад! Ребята на стенку лезут.

Тревожит меня, что до сих пор нет подтверждения — что получили мое письмо от 5/VI. Одновременно с ним я отправил письмо Ларке — и позавчера была подтверждающая телеграмма. И ничего «та-

кого» в этом письме (в Москву) не было, просто грустное по вполне понятным причинам.

| 27/VI/69

Наконец-то телеграмма Юре. Хоть у одного из троицы ясно со свиданием.

А мне письмо от Ирины Глинки. Господи, что же это за ужас — с Леоном Тоомом?!* Я знал его совсем мало, 2–3 встречи; но производил он впечатление очень достойного человека — сдержанного, благородного, умного. Я уж не говорю о таланте. А сволочи живут и живут, и нет на них погибели.

Алику тоже было письмо — от Л[юдмилы] И[льиничны Гинзбург]. Но в нем нет никаких новостей, ничего определенного.

Слава Богу, я был несправедлив к Кнуту: было от него Рыжему большое письмо и телеграмма.

| 30/VI/69

Вот и прошло Юрино свидание, промелькнула Ольга [Тимофеева], «как мимолетное виденье», — и была такова. По легкой атлетике ей — двойка с минусом*.

Я сейчас как-то в растерянности: не знаю, ждать ли тебя, Санька, и если ждать, то когда?

Я просил в прошлом письме (похоже, что оно не получено) выяснить и сообщить мне «юридический статус» Лары; то же передал через Ольгу. Разумеется, заниматься ее судьбой должно лишь тем, кто не может не заняться, и я на этом отнюдь не настаиваю. Но я просил бы все-таки уведомить меня, нужно ли мне самому писать запрос в Москву или все же найдется кто-нибудь, кто это сделает. Я прошу только юридическую справку, и уж в зависимости от ее характера я буду предпринимать те или иные меры — опять же, если не сыщется хоть один человек, который вежливо спросит у представителей закона, обязана ли Л.И. Богораз заниматься именно перетаскиванием досок (точка зрения самой Л.И. играет второстепенную роль). Так вот, если не сыщется — я сам спрошу. Мне терять нечего. Но, Санька, имей в виду: я категорически против твоего участия в подобных вопросах и запросах. А почему — объясню на свидании.

До свидания.

Ю.

Малыш, с этой частью письма непременно ознакомь Хазановых. Пожалуйста, не перепоручай никому, созвонись и либо поезжай сам, либо пригласи их (его, ее) к себе.

Скажи им, что эти строки — запоздалый ответ на Юркино поздравительное письмецо. Запоздывает он и по причинам чисто техническим, и по другим, более сложным. Вот об этих сложностях и поговорим немножко.

Но прежде, чем излагать некоторые свои недоумения, помешавшие мне ответить сразу, хочу сказать несколько слов, может быть, нужных для прояснения ситуации.

Никогда, ни одной минуты за все эти годы я не определял то, что сделал Юра (точнее — что произошло с ним), иначе, чем словом «слабость». Определение, разумеется, не из лестных, но что делать, другого слова не подберу. Могу сказать ему в утешение, что слабости, растерянности, чувству беспомощности и беззащитности поддавались в таких же и сходных обстоятельствах люди более мужественные и хладнокровные, чем мы с ним. Это — мои собственные наблюдения за эти годы.

Это я к чему? А вот к чему: по этому поводу у меня к нему претензий совсем нет, есть лишь сожаление о случившемся с ним. Тем более, что основная вина — на мне: я не должен был взваливать этот груз на его плечи. Но — стих такой нашел на меня, лирический, шереметьевский*, он помнит, наверно.

А вот по другому поводу у меня претензии есть, и я думаю, что по праву друга (а ведь мы с ним были, мне кажется, достаточно близкими друзьями) я могу их выдать на всю катушку.

В настоящих условиях здесь не стоит вопрос о жизни и смерти — выжить можно без особых усилий (я говорю о себе). Но ведь «не хлебом единым»! Для меня этот «не хлеб» — реализуемая память людей, которые меня знали, внимание, сочувствие. Это необходимо было мне — хотя бы на первых порах, — чтобы не поплыть по течению, не опуститься, не стронуться с ума от фантастичности обстановки.

И вот эта поддержка у меня была — от близких, дальних и даже от незнакомых. И в этом согласном хоре я, к сожалению, не слышал некоторых голосов. Я не буду называть поименно тех, кто счел за благо сделать вид, что меня в их жизни не существовало; их, кстати, очень-очень немного.

Не слышал я и Юриного голоса. Это было для меня тем более странным и огорчительным, что ему-то, казалось бы, в первую очередь надо было объясниться со мною. И как я теперь предполагаю, ему это было нужно ничуть не меньше (если не больше), чем мне. Ну что ж. Я повздыхал-повздыхал и постарался не думать об этом. Мне

это не очень удавалось: то вспомнится что-нибудь хорошее или смешное; то Мишка [Бурас] в письме обмолвится; то встречу фамилию в периодике. Но что я-то мог сделать? В таких случаях можно расценивать, как угодно, и навязываться я не мог и не хотел. (Я, правда, писал давно уже, с год назад или больше, что зла не держу и никаких счетов предъявлять не собираюсь; не знаю, известно ли это ему.)

И вот — его поздравительная записка.

Почему вдруг? Почему именно теперь? Почему не раньше, не сразу? Я могу предположить недоброжелательство со стороны общих знакомых, удерживавшее его от писем; но разве нам нужны судьи, чтобы поговорить и объясниться? Или он думал, что я настолько зазнался, что личные свои взаимоотношения отношу к сфере «общественных интересов»? Право же, я никогда не давал повода подозревать меня в излишнем самомнении...

Это одно; а другое — некая «легкость» тона в его письме, этаким элегантно обход «больных» вопросов. Было б ему написать просто: что и он, и Риммка [Р.Г.Хазанова] по-прежнему любят меня, что он жалеет о случившемся; да и в невольной вине, честное слово, не так уж страшно признаться. Может, он не решился написать так, потому что не знал, как я к этому отнесусь?

Если непременно уж нужна словесная формула (для себя или для других), то вот она: моя первая обида давным-давно прошла; я очень хорошо (даже слишком хорошо) представляю себе те обстоятельства, в которые он влип; я с радостью увижусь с ними по возвращении; мне решительно наплевать, что могут по этому поводу говорить*.

И если его язва позволит, мы с ним выпьем (говорят, «это сближает»?) и закусим из Риммочкиных ручек.

Вряд ли нам снова доведется вместе чистить ботинки портьерами*; будущее мое достаточно туманно; но видеться, трепаться и ругаться, я думаю, мы все-таки сможем.

И целую их обоих.

Ты, Санька, непременно подтверди получение этого листка и сообщи, как выполнил мое поручение¹.

¹ Если к моменту получения этого письма Санька будет еще в больнице, пусть это мое поручение выполнит Миха. А если и его не окажется — тогда кто сможет.

15/VII/69

Итак, многоуважаемые и достопочтенные, как ни прискорбно, но мне опять приходится писать карандашом. Я опасаясь, что это печальное обстоятельство отразится на моем слогe, лишит его той живости, без коей изящная словесность немыслима. Увы мне и ой мне, — как говаривали древние греки и иудеи (не нынешние — нахальные и реакционные).

Проницательный читатель заметит (взглянув на обратный адрес), что я пишу из города Владимира^а, славного Золотыми воротами, мини-юбками и многим другим (надеюсь, хоть кто-нибудь воскликнет: «И как это он успел заметить?!» Заметил-таки...). История нашего с Беном [Ронкиным] появления здесь банальна, предыстория — вам известна, так что на этом останавливаться я не буду.

А путешествовали мы так: 4 дня в Явасе — дивный сон во всех смыслах слова! — бездельные, сытные, наполненные разговорами с туземным населением (темы преимущественно интеллектуальные с научным оттенком: «Как сводить экзему?», «Будет ли амнистия?» и т.п.). Ах, как плакали надзиратели, расставаясь с нами утром 11-го числа! И мы тоже растрогались. Тем не менее, к вечеру мы были уже на Потьме, переночевали — и дальше. А я-то мечтал, как буду освобождаться именно оттуда, — не судьба... И вот где-то в 11–12 ч. приехали мы в Москву. Здесь я вынужден временно утратить чувство юмора. Я никогда не думал, что подмосковные станции, силуэт высотного дурацкого здания на Комсомольской, московский шум за окнами все воскресенье, столбенеющие при виде нас пассажиры утром в понедельник — что все это так на меня подействует. Господи, как я молился о чуде — увидеть хоть одно знакомое лицо! Чуда не было. Противоестественность происходившего со мною ощущалась в сто раз сильнее, чем в феврале 66-го года. Стоя в нашем двухместном купе (а мы с Валерием ехали, как принцы крови, — со свитой, но в гордом одиночестве*) и глядя на кусочки московских крыш, слушая вокзальный галдеж, я еще и растравливал себя: отсюда до NN — десять минут ходу, а до RR — двадцать... Дурак, правда?

Ну ладно, приехали. Все очень патриархально — как и подобает такому старинному городу. Впрочем, локальная старина здесь не очень старая; однако Бог не выдаст — свинья не съест; у нас впечатление, что причин и поводов для конфликтов здесь много меньше, чем в лагере. Судить об этом, правда, рановато, мы здесь всего второй день; но вполне возможно, что доживу я тут свой срок мирно.

Где-то в середине сентября ко мне можно будет приехать на свидание*, и даже я смогу получить передачу (до 1 ноября — после этого вступят в силу новые инструкции, см. газеты от 11 июля*). Так вот, малыш, если ты сможешь приехать (я ведь не знаю, как у тебя складываются дела), привези мне никак не меньше 4 кг табаку, какого-нибудь побеломористой, а остальное (1 кг) сообрази сам. Хорошо бы кофе (растворимого, другой бессмыслен), но я не знаю, разрешат ли его передать. В общем, сюда тебе ехать будет не тяжело, а вот назад... Дело в том, что мы ведь не знали, куда едем, думали, в какой-нибудь другой лагерь, и забрали с собой все нужные вещи. Здесь они абсолютно ни к чему: ни белье, ни шарфы (ох!), ни книги, ни валенки — наш быт регламентирован достаточно определенно. Вот я и думаю: что бы тебе забрать все это, а? А осенью 70-го я бы выпорхнул отсюда налегке, держа в зубах тетрадь переводов с латышского. Зато целый сезон ты сможешь носить мой свитер и даже сапоги. Соглашайся, Рыжик, у тебя в этом наряде будет здорово брутальный вид.

| 16/VII/69

С письмами, сталбыть, обстоит так: я отправляю это письмо, следующее — через два с половиной месяца, а там — ежемесячно по одному письму*. Писать я буду, очевидно, только в Москву, и тебе, Санюшка, придется переправлять мои письма маме. Не густо с письмами, но вряд ли здешняя жизнь даст мне темы — для писем, во всяком случае.

Теперь о чтиве. Чемодан мой с книгами ты, Санька, увезешь или он будет лежать в каптерке, проку мне от него нет. Есть здесь библиотека, мы уже начали ею пользоваться (по 2 книги дважды в месяц — обчитаться!). Получать от вас литературу нельзя. Но — цивилизация проникает во все уголки нашей Родины: существует такая вещь, как подписка. На остаток года мы подпишемся (//Бен//* подпишется — я отослал свои деньги Ларе); а на 70-й мне желательны такие подписки: «Нов. мир», «Иностр. лит-ра», «Юность», «Лит. газета», «Лит. Россия», «Неделя»; если придумаете еще что-нибудь — валяйте. Если же я должен подписываться непременно сам (я этого еще не знаю), то придется прислать мне соответствующую денежку. (Вряд ли я успею заработать на подписку, тем более, что ближайшие два месяца мы с Беном не работаем.)

Я не слишком требователен, а? Зато, братцы, какая экономия вам на бандеролях! А может, те книги и прочее, что собирались посылать мне, вы будете посылать Ларке? А то она скулила, что читать нечего.

Да, настоятельная просьба: все сведения из этого письма сразу же по получении сообщить //Ирине Ронкиной//: вдруг письмо //

Валерия затерялась//? С ним связал нас черт одной веревочкой, все время вместе мыкаемся. Я считаю, что мне здорово повезло; надеюсь, что и он не в претензии. Беспокоит меня, как он выдержит оставшиеся ему почти 3 года — многовато, а он отнюдь не Геркулес.

Появление в Озерном Алика [Гинзбурга] и Юры [Галанскова] прибавило мне в свое время корреспондентов; очень хотелось бы, чтобы число их не уменьшилось из-за того, что мы теперь врозь. И пожалуйста, пишите о них — об остатках нашей, как выразался Ян [Капицынш], «банды». Сердечный им всем привет, напишите им, что мы с //Беном// в хорошей спортивной форме, держим хвост пистолетом. Т.е. это //Бен// — пистолетом, а я, как человек более мирный, — морковкой.

Неприменно — как складываются (или сложились?) дела у Арины и Алика*.

Ну вот. А засим я замолкаю на два с лишним месяца.

//Бен всем кланяется//, а я всех вас обнимаю и люблю.

Ю.

P. S. Чем чаще и подробнее мне будут писать, тем вразумительней и обильнее будут и мои письма.

Санька, я послал тебе открытку и письмецо из Озерного и Яваса, маме — письмо из Потьмы. Сообщи, получены ли.

Да, срочно вышлите мне и Бену по 5 рублей — на ларек, а то наши деньги еще когда придут, а тут ларек!

Неприменно напишите, получены ли мои письма, отправленные из Озерного в самом начале июля — в Москву и в Чуну.

Чьи же все-таки это стихи: «Сними с меня усталость, матерь-смерть...»? Я предположил, что Шаламова, но, может, ошибся? Чуть-чуть и Бориса напоминает, Чичибабина*, но чуть-чуть; нет, например, звукописи, обязательной почти для каждого стихотворения Бориса.

Я писал с дороги, чтобы мое пребывание в стольном городе Владимире не воспринималось трагически. Поскольку у меня нет уверенности, что те письма дошли, повторю вкратце: не волнуйтесь, все в порядке, ничего особенного, «мелочи архиеврейской жизни», как выразался Лесков. Или он иначе выразался? Во всяком случае, отношусь я к этим переменам вполне спокойно, с ироническим любопытством, что ли. Пороху у меня еще хватит, на год-то наверняка. А там — кивеврём-верём (для несведущих — «поживем-увидим» — французская поговорка с владимирским диалектным произношением).

СТИШКИ у меня всякие начаты; переводами займусь вплотную. Ни фига! (Пардон).

Целую —

Ю.

Здравствуйте, мои милые!

Должен признаться, что многовариантность моего бытия меня совсем не восхищает. Вот позавчера мы расстались с Беном [Ронкиным], надолго ли — бог весть. Теперь у меня два соседа; один — лицо без речей; другой был мне известен по рассказам (Ленька [Рендель] знал его по 11-му и другие), харьковчанин, бывший, как выяснилось, ученик Нэли Лейкиной, подельник «клиента, который возражал». В общем, власть не поговоришь, не с кем.

Что хорошо — это то, что есть полугодовые комплекты «Науки и жизни», «Новостей экрана» и «Всесвіта». Вот их я и читаю помаленьку.

Позавчера же получил поздравительную телеграмму из Чуны* от всего семейства. Все-таки грех вам держать меня в неизвестности: я не могу понять, почему Санька столько времени в Чуне? А работа? Я, правда, тоже безработный, но это не от меня зависит и ничем мне не грозит. Кроме того, мне жену содержать не надо, не в пример некоторым.

Настроение у меня ровно-меланхолическое, в духе Ежи Леца, «фрашки» которого я вычитал из «Всесвіта». Вот вам образец:

Нет, не одинок ты:
Рядом, за углом
Ждет тебя твой ближний.
Не один. С колом.

И еще:

Читатели, не восхищайтесь Дантом —
В делах геенны был он дилетантом.

Перевод многоступенчатый: польский — украинский — русский. Если кто захочет продолжить — валяйте, не возражаю.

Еще прочел последний номер «Нашего современника». Там меня порадовали две вещи: корсарская физиономия автора рассказа о рыболовецком сейнере и трогательная убежденность некоего О.Адрианова (рецензия на Шукшина), что извозчик Иона и доктор Ионыч у Чехова — одно и то же лицо.

| 22/IX/69

Вчера по радио были «Литературные вечера», рассказывал Шилов об истории блоковского цикла «Кармен», и так обидно почувствовал я свое одиночество! Очень захотелось прочесть вслух «Нет, никогда моей...» — и некому. Лучше б я один сидел, сам себе прочел бы...

Судя по всему, мое нынешнее положение — все-таки временное. С 1 ноября вводится обязательная работа (до сих пор было как-то непонятно, кто работал, кто нет; вот и нам с Беном сказали: «Пока работы для вас нет»). Это значит, что возможны какие-то перемещения и прочее разнообразие. Вообще-то, оба моих соседа помещены сюда для лечения; вероятно, и меня лечить собираются? А у меня как раз брюхо почти перестало болеть. Забота, брат, забота, брат, забота!

Вот вам еще Ежи Лец:

Мельница — дура, если она
Ждет благодарности от зерна.

и

Не раз уже случалась в Истории беда:
От базисов надстройки смывались кто куда.

Винюсь, перевозжу я весьма вольно — вольно не по смыслу, а по лексике и интонации.

Вчера в разговоре выяснилось, что я родился в 25-м году; один из соседей удивился, он думал, что мне уже 50. То ли выгляжу я так, то ли мой сосед дурак? Не знаю: я уже два с лишним месяца не смотрелся в зеркало. Господи, как неохота стареть! Да еще так бессмысленно, почти не живя. И почти не пиша. И не жня лавров. И не рвя цветов. И не жгя глаголом сердца. А лишь стригя волосы и пекая эпиграммы. Весь этот пассаж — дань признательности А.Югову, заступившемуся в том же «Нашем современнике» за деепричастия, забытые Богом и людьми; сядешь этак поудобнее, мян в руках страничку из журнала, и пожалеешь бедные деепричастия, и прослезисься...

| 23/IX/69

Вчера пришла телеграмма о предстоящем свидании. Я заволновался, забежал (насколько это возможно), захопотал. А чего, соб-

| 406

ственно, хлопотать? Ну, записал на бумажку чего спрашивать, ну, накурился до одури — и что? Нынче вот умылся под большое декольте и сижу, как дурак, с мытой шеей. Обещали побрить — хоть бы! Представляться Кате* с этой возмутительной щетиной — Господи, помилуй, да она меня за арестанта примет!

Вот и сижу, ждя, бдя... Тьфу, навязалось!..

Получил очередную «Лит. Россию». Как маслом по сердцу: «Переводы Анатолия Jakobсона». Молодец, Тошка, переводы удачные, особенно первый, с редифом; а предпоследнюю строфу кто сочинил — Туманян или Jakobсон?

Прошло часа три после свидания. Я в каком-то переполохе: вспоминаю то, что ты сказал, вспоминаю, чего я не сказал, забыл. Ну, то, что я забыл, — ладно, несущественно. А вот твои новости я как-то пытаюсь осмыслить.

Значит, так. Я решил быть сдержанным в эмоциях — по крайней мере, в письмах. Ни к чему эти восклицания, ахи, охи...

Затем хочу подтвердить — уточнить — то, что сказал тебе, Санька. Конечно, мне здесь тоскливо и одиноко, это так. Конечно, паршиво ничего не знать. Но если вы, «близкие родственники», будете писать более регулярно, мне не будет так скверно, я смогу не психовать от неизвестности — буду знать о здоровье, работе, настроении и новостях (кстати, не забывайте сообщать о друзьях, старых и новых, о том, как у них все складывается). Вот.

Что же касается моего, собственно, положения, то, уверяю вас, оно в некоторых отношениях лучше, чем в Озерном. Полная тишина, отсутствие (пока) нудной работы, никаких нежелательных взаимоотношений и разговоров, никаких ко мне требований, кроме обычных режимных (подъем, отбой, прогулка и пр.), кои выполнять совсем нетрудно. Ну вот, представьте себе: сижу в теплом, сухом и светлом помещении (теплее, суше и светлей, чем то, где мы были с Беном); на тумбочке — три тома Бунина, да том прозы Блока, да романишко В.Скотта; бумаги и карандашей — навалом; захочу — включу радио, не захочу — не включу (не захочу!). Да если бы мои наставники из Озерного все это увидели, их бы инфаркт хватил от огорчения! И — это, пожалуй, самое главное — уже меньше года осталось.

Другое дело — Бен, хотя и он был настроен вполне бодро. 2 года 9 месяцев — не шутка, да еще при его могучей общительности и далеко не могучем здоровье. Если что-то возможно для него сделать — писать, жаловаться, требовать пересмотра, — это, разумеется, надо делать. Если надо, чтобы я написал о несправедливости по отношению к нему (или ко мне — только в том случае, если это нужно для него), — я напишу куда надо.

Тем не менее я решительно против того, чтобы из-за нас ломали копья те, чьи действия не возымеют практического результата. Думаю, что и Бен не счел бы этот частный повод достаточно серьезным. Я знаю, они меня опять обзовут оппортунистом — ну и пусть. Ты, Санька, говоришь: «дело их совести» — а дело моей совести, доведись мне сейчас встретиться и потолковать, было бы отговорить и всячески воспрепятствовать. Я считаю, что самый факт случившегося достаточно красноречив и выразителен, говорит сам за себя лучше, чем кто-либо скажет (в смысле — сделает).

Вот. А теперь я малость остыну, несколько дней подумаю и еще чего-нибудь вразумительное напишу.

Малыш, как устроишься на работу, сразу же телеграфируй: «нам непонятен ваш оптимизм» (из «устных рассказов» Кадика Филатова).

Относительно моих вещей, когда заберешь: письма и красный шарф — табу; все остальное, все — к твоим и всех желающих услугам. И ложку сбереги — она подарена мне Валерием Румянцевым.

| 30/IX/69

Как у кого, а у меня — событие: от тебя, Лар, письмо, и от вас, дорогие Алла Григорьевна и Иосиф Аронович [Богоразы–Зимины]. Письмишко твое, Ларка, очень хорошее, «приятное», как любит выражаться небезызвестный Андрей Донатович [Синявский]; теперь я маленько представляю, что и как происходит в первичной ячейке общества под названием «Смертельный номер: взаимное укрощение строптивых». Вот и ладно, вот и славно.

Из нашего с Санькой пулеметного разговора я усек, что ты на той же работе и чувствуешь себя сносно. Все же ты не забывай в каждом письме информировать меня об этом. Да, Ларонька! Этот охламон, наш сын, забыл письмо ко мне у тебя — перешли мне его, пожалуйста.

И.А. и А.Г., я очень, очень рад, что вам понравилось мое письмо — то, где про Юру [Хазанова]. И какие бы пересуды оно ни вызывало — это моя позиция, и я с нее сходить не собираюсь.

Я сейчас уже перезабыл, что в каком письме писал; догадываюсь, какое из летошних писем произвело на вас благоприятное впечатление, и тоже радуюсь этому. А вот какие новые нотки были усмотрены в письме из Владимира — я не уразумел. Ну да Бог с ними, с нотками; мне-то кажется, что я не меняюсь; конечно, могу и не замечать за собой.

Я буду благодарен вам невыразимо, если вы действительно сможете писать мне регулярно о друзьях: всякие житейские, бытовые

| 408

неудобства — ничто, вздор по сравнению с отсутствием писем и вестей от людей, любимых мною*. Не знаю, как бы я прожил четыре года без этих витаминов в конвертах, мое самоутверждение происходило большей частью благодаря им: «Мыслят (обо мне) — следовательно, существую».

И фото мне не только можно, но должно посылать, я уже написал об этом в прошлом письме; что-то нет у меня известий ни о получении, ни об отправлении его.

Взахлеб читаю Бунина. Слушайте, «О.Михайлов», чьи послесловия в каждом (из 3-х имеющихся у меня) томе — это не тот ли Олег Михайлов, который приятель Грицай и бывший коллега Андрея по институту?* Которого я возмутил, шокировал, сказав ему: «Синявский? Это который ко-сой, нос уточкой? Так ведь он вроде сам и не пишет — то с Голомштоком, то с Меньшутиним...» Ух, как он взвился! Это в Шереметьеве было.

А промеж Бунина прочел годовой (!) комплект «Литературной Украины». Ну не прочел, конечно, — просмотрел. Очень полезная газета. Так, например, я с удовлетворением узнал, что «у віршах Марлени Рахліної зворушлива м'якість, особлива жіноча щирість». Марленка, и вправду она у тебя есть — эта самая «м'якість»? И она действительно «зворушлива»? А может, наоборот: «м'якість жіноча», а «щирість зворушлива»?

«Подобаються нам і поезії А.Філатова». Нам — теж. Кадька, а что это за «Прощай, начало, я тебя запомнил»? Это новое? Правильно, запоминай начала — они еще пригодятся.

Кроме того, оттуда же я узнал, что М.Рахлина (несмотря на свою щирість) меня дезинформировала — написала, что Борис [Чичибабин] не печатается, не издается; а как же «Плывет «Аврора», книга лирики, ценою в 23 коп.»? Нехорошо меня обманывать, Марленка. К тому же «не печатается» — вовсе не медаль «За боевые заслуги», особенно гордиться нечем.

Еще «фрашки»:

Есть и у мысли тело —
Чтоб и она болела...

и

Томилась белка, ночи не спала:
— А что внутри ружейного ствола?..
Вопрос сегодня выяснен вполне:
Они висят бок-о-бок на стене.

Очень «в жилу», не правда ли?

| 3/X/69

Когда кто-нибудь будет отправлять мне письмо, пусть сунет в конверт с десяток 4-копеечных марок. И какой-нибудь маленький календарь на 70-й год.

Меня серьезно беспокоит, что нет ничего о моем письме от 17 сентября*. Подожду еще денек и начну вопиять.

Сегодня пятница, если почты не будет, значит, придется ждать понедельника; два пустых дня, самых грустных, — суббота и воскресенье. Вздор какой, что ждать — скверное занятие: ничего не ждать — гораздо хуже.

Я продолжаю понемножечку ковыряться с переводами. И со своими стихами; но они выходят такими отчаянными (и занудными), что посылать неохота. По тому же Ежи Лецу:

Хотя из клеток освобождены —

Доныне видят клетчатые сны.

Дело в том, что я пытаюсь представить, что будет через год-два. И что-то ничего утешительного не представляется.

Прочел Бунина и тут же принялся снова читать его — не потому, что больше нечего, нет, есть еще. Странное ощущение испытываю, читая всякие примечания, комментарии и прочее: то, что Бунин пишет в своих рассказах, — чудовищно, дико. «Выдумал», «Этого никогда не было», «Не знаю, откуда придумалось» и т.д., в том же роде. Я не могу не верить этим его свидетельствам — и не могу не верить потрясающей достоверности его описаний. Ну просто невозможно предположить, что не было героини рассказа «Руся» или этой страшной женщины из «Чистого понедельника»! Насколько далек от меня быт, в котором живут его герои (но все равно достоверен), настолько же близки и понятны (знаемы) все их душевные движения, во всем диапазоне, от самолюбования, от подлого и пошлого себялюбия до исступленной самоотдачи, до полной распахнутости чувств. Как же это — «выдумал»?

Кто-нибудь что-нибудь знает об украинской поэтессе Людмиле Скирде? У меня есть десяток ее стихотворений, из которых кое-что заслуживает перевода; но что представляет собой она? Я стал очень осторожен... Non omnibus dormio.

| 6/X/69

А Михе [Бурасу] вовсе и не надо было расписываться на квитанции, я как только взял ее в руки, сразу узнал его почерк. Братцы, а вы на «Явасочке» приезжали? Спасибо за харчи, все очень здорово и вкус-

но. В том числе и шнурки, и носки, и мочалка. А носки-то, небось, прибалтийские? Они, поди, не для обуви, в них без башмаков дома ходят эти варвары-прибалты? Красота неописуемая, будь я в лагере, я бы устроил бизнес: брал бы по папироске за погляденье, по заварке за пощупанье. Нет, право, все очень хорошо — и табачок что надо. Вот тебе и воскресенье, а я-то скулил. Интересно, забрали ли вы мои вещи и все ли. Непременно напиши мне об этом, Санька, слышишь?

Если не ошибаюсь, 8-го — день рождения Андрея [Синявского]? Поздравьте его от моего имени, пусть растит и холит свою бороду, и да хранит его соответствующий святой — ведь есть же, я думаю, специальный заступник у заключенных? Леньке [Ренделю] мой привет и поздравление — по-моему, он тоже где-то на днях родился.

Пожалуйста, не забывайте Виктора Калниньша и Валерия Румянцева, пишите им (о Юре [Галанскове], Алике [Гинзбурге], Яне [Капичиньше] я не беспокоюсь, знаю, что им пишу).

Напишите мне, что слышно у Павла и Май*, последние сведения о них весьма неутешительные, из Ларкиного письма.

Погода собачья, вот что паршиво. Настолько сыро, серо и мерзко, что и на прогулку неохота. Рассуждение почти что домашнее: погода плохая, гулять не хочется. Но думаю, что, если бы мне иные масштабы прогулки, я бы особенно кочевряжиться не стал: и под дождичком прогулялся бы.

Есть у меня просьба к Фаюму, неспешная, время — 11 месяцев — терпит. К моему возвращению составил бы он список литературы по Радищеву, а? И художественную, вроде книги О.Форш, и так называемую популярную, и исследования. И список дореволюционных изданий самого Радищева. Кстати, вопрос: когда все-таки «Путешествие» было впервые издано в России? У меня почему-то (из учебников?) застряло в голове, что после 1905 г.; а вот Бунин пишет в «Жизни Арсеньева», что прочел «Путешествие» в Орловской библиотеке, где-то в 1885–90 годах; т.е. не он, а герой, но это все равно. Вряд ли в городской читальне было лондонское издание Герцена. И еще: писалось ли во времена матушки-императрицы, и если писалось, то кем, что и как об Иване Грозном? Историки, литераторы? Может, драматургия какая-нибудь была? Очень это меня занимает, и весьма возможно, что пригодится. Ах, Боже мой, сколько я книг написал по ночам, сколько пьес сочинил! Жаль, что к утру почти все забывается. Но удовольствие обдумывания всегда для меня больше, чем удовольствие работы. Лодырь потому что.

К слову, о так называемом творчестве. Здесь у меня нет подопытных кроликов, как в Озерном; морская свинка Бен тоже недоступен; а знать-то впечатление «уж очень хочется», как поет Высоцкий. Там у вас

есть стихи о поэтах («О, как безысходно поэту...») и цикл («Тем, кто не сломлен...»)*. Вы уж как-нибудь отзовитесь, ладно? Ларка, «к тебе это тоже относится». И не «тоже», а в первую очередь. Понимаете, и вообще жутко любопытно, и, кроме того, действительно надо. А то ведь как в безвоздушном пространстве. Хоть пой, хоть вой — никакой разницы.

Так, пришли «Лит. Россия» и «Кн. обозрение», посмотрим. Досада какая, стал получать «За рубежом», а Бена нет — для него же выписывалось! А мне эта международная политика — не в коня корм.

| 7/X/69

Вот здорово: доставили мне 7-й «Новый мир» и 8-ю «Иностр. лит-ру». Значит, перевели-таки подписку из Озерного и замотали всего лишь три номера «Н. м.» и один — «И. л.». Это — мелкое свинство вдобавок к переводу во Владимир. Эка невидаль, уели:

Как отрадно, если у пигмея

Небольшая — как и он — идея! (Ежи Лец)

Сейчас буду читать «Новый мир». Успел уже прочесть «От редакции»*. Между прочим, не помню, поминался ли в статье Дементьева «Наш современник»; авторы его работают свои стихи, прозу и критику вполне в Чалмаевском духе*: их личные и персональные «Волги» и «Чайки» ходят на смеси бензина, кваса и лампадного масла, а сами они ереванский коньяк заедают исключительно черноземом и березовой корой...

| 8/X/69

Изображенное на этой интересной картинке Ларкино письмо я получил вчера. Ай, Ларка, что же это делается? «Спидолу» сперли, котенок смылся, муж обезграмотел — разве это жизнь? Единственный сын — и тот нахал. Между прочим, чтоб он особенно не вякал, несколько его писем у меня тоже есть — и отнюдь не безукоризненных. (Сынку, слышишь ли ты меня?) Пусть и Катя это знает.

Ларик, а эта чертовщина — «интонационно-ритмическая структура речи» — имеет отношение к твоей давней идее о замене стихотворных размеров при переводе? Ты пиши мне обо всем этом подробнее, ладно? Тем более, что переписка наша носит не узколичный характер, а имеет общегосударственное значение: «...с 6 по 12 октября 1969 года... проводится «Неделя письма». Основной задачей «Недели письма» является активизация почтовой переписки между гражданами в целях расширения культурных и дружеских связей,

обмена передовым опытом и знаниями... Не забудьте в дни «Недели письма» написать весточку своим родным, друзьям, знакомым». Это напечатано типографским способом во Владимирской областной газете «Призыв». Так-то.

Интересная картинка на обороте призвана силой изобразительного искусства (так называемая «графика» — перо, чернила, 1969 г.) подкрепить мои рассуждения, вызванные разговором с тобою, Санька. Она, картинка эта, свидетельствует, на каком высоком уровне материального благосостояния я нахожусь. А также морального и культурного. Причем всё — чистая правда, включая лампочку. Лампочка специально зафиксирована для опровержения поговорки «Только свету, что в окне». Шестирукость же мою надо отнести за счет экспрессивной манеры художника, таким вот оригинальным приемом передающего движение героя во времени. А может быть, за счет влияния древнеиндийской скульптуры. Или это — результат общения с насекомолюбцем Мошковым С.Н. (Что он? Как делишки его, Вадика, Вени?)

Мне действительно хорошо и спокойно.

Прочел я статью Кардина о Лаврениеве в «Н. м.». Странное впечатление. Наверно, потому, что я незнаком с критической литературой о Лаврениеве, но кажется мне, что Кардин ломится в открытую дверь, доказывает самоочевидные вещи. Но это еще полбеды, иногда надо повторять азбучные истины, и наше благословенное время — как раз это самое «иногда». Хуже другое: что Кардин нисколько не полемизирует с общим хором, согласно провозглашающим «Разлом» вершиной творчества Б.Лаврениева; наоборот, «подтягивает» такие книги, как «Ветер», «41-й» и др., к этому самому «Разлому» — пьесе скверной во всех отношениях, написанной, по впечатлению, железнодорожным диспетчером, привыкшим составлять расписания поездов. Эта вещь почти так же плоха, как «Оптимистическая трагедия» Вишневского, разве что грамотнее сделана. Между тем, и «Ветер», и «41-й», и «Гравюра» (почему-то забытая Кардиным) — явления одного человеческого ряда — по сути своей противоположны всем этим «Разломам», «Опт. трагедиям», «Любовям Яровым» и прочей сомнительной литературе и несомненному нравственному падению.

Воспоминания В.Ходасевич (в том же №) я читал одновременно с 9-м томом Бунина (наконец-то я до него добрался — Ирина Глинка еще год с лишком назад писала о нем). Очень занятно читать об А.Н.Толстом. И самое интересное вот что: эти мемуары ничуть друг другу не противоречат! Фигура Толстого складывается на удивление ладно, деталь к детали, без «люфта» — этого авторы, без сомнения,

не хотели. В этот коллективный портрет вносят лепту и Олеша, и Кончаловский, и Андроников — каждый по-своему утверждая меня в неприязни к их герою. И в уважении к его мастерству и мастеровитости. Хотя именно мастеровитость дала ему возможность стать законченным сукиным сыном.

Читать Бунина без собеседника — свыше сил человеческих...

| 9/X/69

Местная газета «Призыв» нарезается квадратиками, выдается для употребления по назначению. Получил я такой квадрат и стал одновременно читать его. Сперва на фото посмотрел, ну, думаю, ничего особенного, заезжий конферансье, мастер разговорного жанра. Потом на подпись глянул, «М.Я.Азбель». Вот, думаю, совпадение смешное. Стал текст читать: «Наука властно вторгается во все области жизни... приобщение масс к современным научным знаниям...» И еще что-то насчет «языка науки». Тут я снова — на фото: стоит некто, неправдоподобной стройности и элегантности, при галстукe (!), брови — дугами, как у восточной красотки сходной цены, и ручкой туда-сюда делает. Всматриваюсь — он. Еще всматриваюсь — Илья Набатов (прошу прощения за грубое слово). Сверлю взглядом. Просверлил — все-таки он, Марк. Опять читаю: «Выступление гостя из Москвы вызвало большой интерес у журналистов»... Ну-ну. И почему это гости из Москвы не зайдут поболтать чем Бог послал? Все-таки не чужие, как говорится. Опять же должен я теперь сидеть и думать, что это было: шедевр ли фотоискусства или радикальные перемены во внешности и привычках выдающегося ученого?

| 11/X/69

А у нас — как в хорошем отеле — фирменные конверты. Обратите внимание на конвертик, специально сменял ради рисунка.

Новостей у меня никаких, почты — тоже; а книги такие: вот, значит, 9-й том Бунина (про Чехова читаю), том Стендаля, том О.Генри, том Голсуорси, «Солдатами не рождаются» Симонова, книжка Р.Кента (а он мне вовсе и не кент!), два новых журнала — пир горой! Да еще «Литгазета» с проникновенными статьями о проблемах брака и творчестве Наровчатова; о последнем имеется фрашка:

Щедро поэтам иным Слава сплетает венки:

Часто читаешь про них — их не читав ни строки.

(Антони Марьянович)

Разумеется, вся эта книжная благодать не мне одному, а и соседям. Нет, так-то жить можно.

Меня интересует судьба двух «вольнотпущенников»: Антона [Накашидзе] и Серенького [В.Труфелева]. Если что знаете — напишите.

Письмо это я отдам послезавтра, в понедельник утром; стало быть, никаких событий до отправки письма не произойдет. Посему — кончаю.

Да, стихи на обороте — переводы с латышского*, сделанные уже здесь, во Владимире. Все они были опубликованы в латышских журналах в 68—69 годах. Очень может быть, что уже есть переводы именно этих стихотворений — я, например, читал, что вышел на русском сборник Визмы Белшевиц. Если у кого будет охота — посмотрите, и если окажется, что мои переводы хуже, — никому не показывайте. Это, собственно, к Тошке [Якобсону] просьба. Ему же предоставляется право редактировать, менять, править все, что мною пишется и переводится, — я имею в виду — все, что относится к стихотворству. Если, конечно, есть время и желание.

Целую вас всех и обнимаю.

Ю.

| 12/X/69

А у меня — опять юбилейчик!* Что ни месяц — то праздничек. «Наши даты, наши даты...»

Пожалуйста, пишите все-таки кто может. А то у меня вот зуб заболел. На войне мне мой сержант объяснял, что вши заводятся «от мыслей». Здесь, конечно, вшей быть не может, а от мыслей заводится зубная боль — и не какая-нибудь «зубная боль в сердце», а самая натуральная, во как!

Я еще фрашек напереводил, но уже негде писать и лень.

Целую всех справа по одному.

Ю.

п и с ь м о ш е с т ь д е с я т ш е с т о е

| 14/X/69

Вот отправил я вчера письмо, ну, думаю, недельку пофилоню, не буду писать, авось и мне какая-никакая почта придет. Не тут-то было! Взял вечером «Иностр. лит-ру» полистать перед сном, глядь — а там

Верлен. Кто ж это, думаю, над стариком измывается? Батюшки, Тошка! Санька, Тошке (Анатолию Александровичу) мой привет и поздравление. Очень хороший перевод. Отчаянной храбрости мужчина этот Якобсон — взяться за «Осеннюю песню», это же уму непостижимо. И здорово перевел, я помню (или мне кажется, что помню) первую строфу по-французски, помню старые переводы — Тошка всех обскакал. А «Наваждение» читал я и недоумевал: почему Верлен с Якобсоном не догадались мне посвятить? Точь-в-точь, кроме одной детали: у нас никогда не светает*.

Я радуюсь Тошкиному успеху и с горечью думаю о собственной дисквалификации. А что поделаешь? Помимо сотни разных причин, есть одна, очень существенная причина для деградации: отсутствие профессионального общения.

Другие переводы тоже отменные, особенно «Карусель» и «Ночной мираж». А автор предисловьяца* когда-то, в доисторические времена, прислал мне весьма лестное письмо по поводу моих переводов К.-Ф.Майера и даже посулил привлечь меня к работе над первыми же немецкими стихами, какие попадутся ему под начало. Но меня привлекли и без него. Интересно, повторил бы он теперь свое любезное предложение? Эти проблемы начинают все чаще и чаще меня занимать.

В «Новом мире» рекомендую статейку Гордина о некоем Ан.Дреоме. К слову, почему именно «Ан.»? Андрей? Анисим? Анатолий? Антон? Анабаптист? Почему не просто «А.»? Когда подписываются «Ив.Бунин» — так это ясно почему. Да, так вот, концовочка у этой статьи отменная. И вообще неплохо приложено.

Зуб у меня перестал болеть, и это очень хорошо еще и потому, что не надо держаться за небритую щеку — очень уж неприятно. Ох, небритость! Когда я случайно вижу свое отражение — в окне, в луже, — я грожу пальцем и злорадно бормочу: «Что, попался, бандитская морда?»

| 20/X/69

В конце недели пришли денежный перевод и телеграмма. Спасибо, Малыш. И за то, и за другое. Главное — это фраза в телеграмме: «У нас все в порядке». Теперь буду ждать писем, авось узнаю, в каком именно порядке. «Выяснить судьбу» моего сентябрьского письма я не могу. И пытаться не стану. Тем более, что картина примерно ясна мне: письмо это попало в коллекцию автографов. Обидно, конечно: старался, хохмил, выпендривался изо всех сил, стихично сочинял веселенькие — и вот на тебе! Еще печальнее, что такая

| 69

же судьба может быть уготована и октябрьскому письму (я его отправил 13/Х), и этому, которое сейчас пишу. Так что скребу пером я сейчас по привычке, по инерции — ну и какой-то шанс все же есть, что дойдет.

Вчера разувався — и из носка выпал фирменный ярлык. Оказывается, носки-то не прибалтийского, а кавказского происхождения. И вовсе они не носки, а «Джурабы мужские». Что значит слово: сразу я пробормотал «Асса!» и изобразил нечто вроде лезгинки. Но потом опомнился — зашибу соседей — и отдал дань восхищения махачкалинскому комбинату стихами Расула Гамзатова. А может, это был не Гамзатов, а Козловский в переводе Гребнева?

О чем я писал в октябрьском письме? О том, что мне неплохо; о том, как мы с Беном [Ронкиным] слушаем радио и читаем газеты; о том, как мы любим наших озерных братьев и скучаем без них, как мне не хватает гитары Лени Бородина. Пожалуйста, сделайте «обзор писем» этих «барбудос» — там сейчас у всех, кроме Яна, бороды. Да, Яна цитировал на присущем ему латышском языке — насчет того, что желающие могут биться задницей об землю — есть такая у Яна любимая поговорка*. В общем, много там было понаписано — страниц десять.

Понемножку играю в шахматы. Мой противник в первой партии разгромил меня вдребезги; вторую я свел вничью; третью я выиграл. Тогда он переполошился и ухватился за книжку под названием «Староиндийская полузащита» или что-то в этом духе — и опять начал меня бить.

С журналами какая-то чертовщина: после 8-го номера «Иностр. лит-ры» получил сразу 10-й; а в 9-м — серединка от Кобо Абэ, окончание Бенедетти и начало Нормана Льюиса. Вот и хожу вокруг журналов, облизываясь, и не знаю, начинать ли: вдруг 9-го вовсе не будет?

Да, еще в том письме были поздравления новорожденным: Ларке и Марленке [Рахлиной], и новобрачным: Арине и Алику [Гинзбургам]. Ну, естественно, я там резвился насчет свадебных колоколов. А также насчет калыма, который мы с Беном внесли за невесту*.

Интересно все-таки: исходят от меня флюиды или не исходят? Каждый вечер, в час назначенный — начальством для отбоя — я забираюсь в постель и начинаю думать о вас — обо всех вместе и о каждом в отдельности. Это какая-то чудовищная мешанина из воспоминаний, из фантазий о том, что будет через год-полтора, и из попыток представить вас сегодняшних, сиюминутных. Как в мальчишестве, сочиняю целые сцены, выдумываю ситуации, заставляю вас разговаривать и урчу от удовольствия, когда нахожу чей-нибудь ха-

ракторный жест или оборотец. Кончается это обычно тем, что я встаю, пью воду и курю до умопомрачения. А что вы думаете, это легкая работа — строить воздушные замки?.. Так как насчет флюидов — доходят?

Я прочел 9-й том Бунина; увы, в письмах нет никакой возможности поделиться всякими-разными соображениями по поводу книги; скажу только, что, по-моему, самое интересное в этих воспоминаниях — не те, кого вспоминают (Л.Толстой, Чехов и др.), а сам вспоминающий — Бунин. Удивительной прямизны путь.

Если будет возможно, подпишите меня, пожалуйста, на «Юность», «Дружбу народов» и «Неву». Сам я уже подписался на «Лит. газету», «Лит. Россию», «Нов. мир», «Иностр. лит-ру», «Знамя», «Театр», «Искусство кино», «Вопр. лит-ры» и «Москву». На 6 месяцев — на больше не имеет смысла. Я не стал бы вас этим затруднять, но здесь подписка уже закончилась, а когда проводилась — у меня денег на все не хватило.

| 21/X/69

Вот и письмо от тебя, Лар. Ну прямо сердце радуется, когда подумаешь, какие преимущества дает нам, людям XX века, технический прогресс. Ведь каких-нибудь 100 лет назад письмо из Иркутских краев тащилось бы черт знает сколько времени — я даже не знаю толком, сколько. 2–3 месяца? А сейчас, при помощи скоростного реактивного лайнера письмо из Чуны дошло до меня всего за 14 дней! Я верю, что мы еще доживем до нуль-транспортировки: скажем, собрала жена мужу посылочку: сигареты, кофе, теплые портянки и пр. — пошла на почту, сунула пакет в автомат для продажи открыток — и готово: через секунду он уже за 6 тыс. км, на проверке. А еще через недельку-другую — у адресата. Все рады и довольны.

Как раз в том письме, которое ищет в потемках кого-то и не может никак отыскать, я объяснял тебе, что о работе в сушилке представление имею*, в этих сушильных камерах я бельишко сушил — в Явасе, а не в Озерном: рукавицы в просушивании не нуждаются. Разумеется, я там не работал, эта работка для лиц уважаемых и доверенных.

Насчет твоей работы, твоей науки, приобщения к рабочему классу и моей грядущей деятельности в качестве ночного сторожа. Когда я писал, что готов работать ночным сторожем, — это был ответ дяде Мише*: меня, мол, это не пугает. И в самом деле не пугает. Но это не значит, что я не думаю о возвращении к литературной, переводческой работе. Просто я не собираюсь особенно переживать, если не

смогу возвратиться на круги своя. Но стараться буду непременно. Указывать и рекомендовать тебе не смею; но думаю, что эта моя позиция — по сегодняшним моим представлениям — могла бы быть верной и для тебя. Дело в том, что я плохо верю в возможность литературной или научной работы без профессионального общения и без выхода «на народ». И домашние коллоквиумы тут вряд ли помогут. Добровольный труд не по специальности неминуемо погубит призвание; он подменит призвание, отодвинет его — в противоположность работе принудительной, вынужденной. Это я вовсе не для того, чтобы щегольнуть доморощенным афоризмом, — просто это мое убеждение.

Ну ладно, мне самому неприятен этот мой менторский тон — отнеси его за счет моей нелюбви к капитулянтским настроениям, к смирению. Я ведь готов без боя жертвовать мелочами — вроде моего теперешнего положения; но когда речь идет о важном...

А не организовать ли тебе кошачий хор под руководством этого твоего кота-нахала с криминальным именем?* Сейчас очень модны всякие секстеты (Сектанты? Сексбомбы?) и октетты. К марту был бы чудненький ансамбль, в репертуар можно было бы включить песню «Пусть всегда будет мясо».

| 22/X/69

Ура, целых два письма! От тебя, Лар (на этот раз его доставил сверхзвуковой самолет — всего за неделю), и от тебя, Санька.

Я вижу, Ларка, что идея утепления овладела тобою, как массами. Но ты что-то рано расхвасталась, боюсь, что печка твоя будет опровержением поговорки «Нет дыма без огня». Кто ж это кладет печки из битого кирпича? И вообще цыплят (яйца) по осени (по зиме) считают.

А пол-литра, по-моему, очень разумная, универсальная мера — емкости, веса, стоимости, храбрости, уголовной ответственности и т.д.

Когда ты закончишь воздвижение этого крематория для кур и сможешь думать и писать о предметах менее возвышенных, пиши мне, пожалуйста, и о том, от кого и какие письма получаешь.

Санька, вот ведь как все просто оказалось: взял и написал письмо, а я его взял и прочитал. Всем хорошо. Ты на него затратил минут десять, я — и того меньше. Нет, серьезно: когда радуешься денежному переводу от тебя («Вот, мол, посылает — стало быть, живой!»), то письмо, даже такое коротенькое, — просто утешение Господне. А в этом случае краткость искупается приложением — фотографиями. Нежно целую молодую. Я было поставил ее фото на тумбочку, но там

уже стояла репродукция Кустодиевской «Купчихи», выдранная из журнала; сами понимаете, сочетание невыносимое, я уж фото убрал. А «Купчиху» оставил — единственное яркое пятно, глаз радуется.

Как Ариныны служебные дела?

Всем помянутым в твоём письме — привет! Наташе [Горбаневской] — отдельно. Конечно же — Наташа, а не Наталья. Я её, кстати, иначе и не называл, это все Гинзбург, уголовник: «Наталья, Наталья...» (В «Лит. России» смешные стихи Раскина: «Ребенок Наталья все время пищит, ребенок Наталья совсем не молчит...» — это про неё?)

Катеньке [Великановой] — поклон, отеческий поцелуй и благодарность за благое намерение «вскорости написать».

| 23/X/69

А я сочинил гениальные стихи! Вот они:

Подряд пять лет
Не ел котлет,
И потому он был поэт.

Когда вернется он к котлетам
И коньяку,
Он перестанет быть поэтом.
Ку-ку.

Вариант pour les dames: Кукареку. (А я правильно написал по-французски?)

Ларик, а приветы моим соседям не трудись писать. Во-первых, перебьются; а во-вторых, уже не соседи, а сосед — и слава богу: они не ладили, и просторнее стало. Только вот теперь не будет прелестного журнала «Наш современник» — что за упоительное чтение! Что ни номер, то благоухание. И журнала «Работница». Ничего, переживу.

Когда выяснится с содержанием бандеролей, я вам напишу, но при всех обстоятельствах пришлите мне сборник очень хороших украинских стихов — для перевода. И чтобы автор(ы) тоже был(и) хороший(ие). Вообще-то у меня есть еще что переводить, но стоящего хватит месяца на два, а что потом, а что потом? Сейчас я собираюсь перевести еще одно стихотворение Визмы Белшевиц, а после возьмусь за стихи Аустры Скуини: была такая поэтесса, она умерла (или покончила с собой?) в 1932 г., 23 лет от роду.

Я не писал неделю и собирался не писать до 12/XI — до дня отправки писем. Я было решил, что длинные письма и впредь будут теряться; я тогда накануне отправки начертил бы что-нибудь вроде: «Уважаемые кролики! Я живой, я здоровый, я небритый. За отчетный период получил письма в количестве (сумма прописью). Бре-ке-кекс! Целую». И все.

Но вот нынче выяснилось, что октябрьское письмо все-таки дошло. Очень хорошо. Теперь вопросы по тексту телеграммы. Где ты работаешь, Санька?* Кем ты работаешь? Как ты работаешь? (В смысле — не очень ли велик ущерб, причиняемый тобою народному хозяйству?) Сколько ты зарабатываешь? Пожалуйста, милый, постарайся удержаться на этой работе, если она приличная. А то меня черти раздирают от беспокойства. Целиком ли дошло письмо, с переводами ли? Будет ли на него какая-нибудь реакция, кроме телеграммы? Ты можешь ведь, Малыш, писать: «Точка по поводу письма выразился... Арина проворковала... Маринка Фаюм ахнула... Наташка брякнула...» И так далее.

Что у меня происходит? Употреблю любимое ваше с Катей телеграммное выражение: «Все в порядке». (Я даже начал одни стишата: «Все — как надо, все — в порядке...») Кроме отправленных вам латышских стихов и польских фразек я перевел еще стихотворение Лины Костенко; сочинил два своих — не считая того гениального, что в этом письме; обновил большую, красивую, в красной обложке тетрадь, присланную мне Ариной, — ее я пустил под прозу (тетрадь, а не Арину). Проза какая-то непонятная, черт знает что, рассуждения обо всем и обо всех, портреты всякие, и покорного вашего слуги, конечно. Но на этот раз я решительно воздерживаюсь от всякой злободневности, все, о чем пишу, относится ко времени до сентября 65-го. В общем, больше всего о литературе и о знакомых. А название я придумал отличное: «Свободная охота»*. Так во время войны летчики называли полеты без определенного боевого задания. Это все я пишу, чтобы похвастаться: вряд ли я кому-нибудь покажу эти записи, уж больно все кухня и лаборатория, совсем не ли-те-ра-ту-ра.

Раскрыл сегодня газету и крикнул в голос. Так я хотел приехать к Корнею Ивановичу*, поклониться, поблагодарить за все. Не судьба. И Паустовского уже не увижу, и Эренбурга, и Яшина. Ох, не надо откладывать объяснения в любви!

Но какая прекрасная, какая завидная старость была у Чуковского! И наверное, если бы он жил еще десять, еще двадцать лет — и тогда бы он не пережил себя.

Вчера — литерат. концерт, записи голосов Багрицкого и Светлова, потом — Качалов читает Багрицкого. Господи, до чего же скверно читал великий и непревзойденный! Стихов — размера, ритма, рифмы — не было совсем; после каждой строфы — заминка, что-то вроде «М-м-м... Как же там дальше?»; впечатление такое, что он каждый раз заново надевал пенсне и искал продолжение, а к середине строфы спохватывался и начинал читать «с выражением». Насколько «поэтическая манера чтения» лучше этакого мастерства, хотя Светлов и картавил, и шепелявил, а у Багрицкого клокотало в горле и вообще переложено пафосу.

Бен подложил мне свинью. Когда была подписка на IV квартал, он заставил меня выписать на мое имя «Вопросы истории», «За рубежом», «Книжное обозрение», «Техника — молодежи» (у него еще не было тогда денег) — и теперь я получаю всю эту грудку. Приходится читать, никуда не денешься. Представляете картинку: сижу я, в очках, читаю «За рубежом»! Такое и в страшном сне не приснится.

В такую протрацию повергает меня это занятие, что я на днях в баню отправился, не сняв очков. И вспомнил, как в Людинове ставили «Любовь Яровую». На сцену выскочил братишка Швандя — в бескозырке, бушлате, тельняшке и в отличных, массивных роговых очках! Его играл директор ДК, и в перерыве он подписывал какие-то ведомости, ругался с завхозом и так сгоряча и вырулил.

Вообще очки стали меня раздражать. Сначала я забавлялся, меня занимал процесс извлечения очков из футляра, водружения их на нос; я поправлял их очень элегантно — большим и средним пальцами; когда ко мне обращались, я снимал их изящным жестом (как Сурен Кочарян) и засовывал оглоблю, а то и обе, в рот — словом, вытрящивался. Ребята очень веселились.

А сейчас вытрящиваться не перед кем, и я, малость погрузив, начал мыслить. Что такое, думаю, очки? Прежде всего это признак солидности, неременный атрибут респектабельности, опознавательный жетон интеллектуала — так? Но какое я ко всему этому имею отношение? Нет уж, увольте, себе дороже. Вот выйду отсюда и отрекусь от очков. А читать буду только «Книжки-малышки», там буквы большие и по-печатному. Ну их совсем, пускай их носят физики и шпрыхталмейстеры.

| 3/XI/69

Я не помню, послал я вам такие фразки:

Опасна эта дама, но я за
То, чтоб смотреть опасности в глаза.
(Лех Конопинский)

Долой легенду, жившую века!
Не из ребра ты, а из языка.
(Збигнев Скупинский).

Я с Правдой рядом не садилась;
Но вот моя ли в том вина?
Ведь я, естественно, стыдилась
Того, что голая она...
(Земовит Купинский)

Как видите, все о лучшей половине рода человеческого.

| 10/XI/69

Перед праздниками получил телеграмму от вас, Алла Григорьевна и Иосиф Аронович [Богоразы–Зимины]. Спасибо, она меня немножко успокоила (не окончательно, я все еще переживаю Ларкино письмо) — в той части, где «все здоровы». «Все» — это наше семейство или действительно все друзья и близкие? Но вот, слава Богу, кончились три бесконечных праздничных дня без писем и без ожидания их, и я надеюсь получить не сегодня-завтра какие-нибудь известия.

О твоём письме, Ларик. Оно пришло ко мне 3/XI вечером, и что-то мне стало грустно и тревожно. Я имею в виду телефонный разговор с Людой [Алексеевой] (когда он был?).

Ты написала в Прокуратуру о переписке со мною — ну что ж, конверты и чернила тебе по карману, даже при зарплате без кандидатской надбавки. Саньку я просил узнать, как будет с 1 ноября с письмами — Санька, ты узнавал?

Журналы мне доставляют с трогательным постоянством через номер. Так, вслед за 7-м «Н. м.» пришел 9-й. Я уж плюнул и читаю подряд. В этом № обрадовало меня имя Евгения Александровича — хотя, разумеется, я ни черта в его рецензии не понял*. Эх, Бена нет! Он

всегда причмокивал, читая Гнединские статьи, и вздыхал: «Вот бы познакомиться!..» Я еще не весь журнал прочел. Мне «глянулись» стихи Левитанского. И Абдуллиной — может, потому, что очень уж в жилу:

Десять месяцев до весны,
Десять месяцев — белые сны...

Но, по-моему, они и так неплохи.

Забавно с воспоминаниями В.Некрасова: он предпослал им несколько фраз, я прочел, охнул и схватился за свою красную тетрадь — почти то же самое! Придется переделывать. Как интересно получается: читаешь Некрасова и чувствуешь, — о чем бы он ни писал, — какой хороший человек этот писатель, добрый и умница. И это ощущение у меня было всегда, задолго до того, что я узнал, что зовут В.Некрасова — Виктор Платонович, что говорит он то-то, ведет себя так-то...

Странные взаимоотношения у меня со временем. Вспомнил, к примеру, одну фразочку Фаюма. Когда же, думаю, это было? Не то в 55-м, не то в 56-м — в общем, примерно лет десять назад. То есть как это — десять? Не десять, а пятнадцать. Или: наткнулся на слова Репина «40-летний молодой человек», обрадовался. А чего радуюсь? Мне-то уже 44. Или еще: с такими-то добрыми друзьями я знаком всего полгода, год, полтора. Да нет, где же полтора — пять с лишком. Что за чертовщина с давностью? А, догадался, вот оно что: время остановилось на 65-м.

| 11/XI/69

Вчера, к сожалению, писем не было. Этот пост скверно сказывается на моих шахматных подвигах, бьет меня сосед вдрызг. Ладно уж, переживу.

Насчет бандеролей я не узнавал, но думаю, что, кроме книг и всякого ширпотреба, ничего нельзя. Что ж? Мыло у меня есть, зубной порошок и щетка есть (зубы тоже есть, ого!), носки, карандаши, оптимизм... Пожалуй, шлите стихов на весь вес. Только чтоб хорошие! Плохие я и сам могу. Если ничего нового интересного не будет, тогда пришлите лучше Пастернака и Цветаеву. В общем, максимум приятного и полезного в пределах 1 (одной — ох!) бандероли.

Засим — всех вам благ, приятных сновидений и доброго пищеварения.

Обнимаю вас — Ю.

У Алика [Гинзбурга] 21 ноября — день рождения, пошлите ему мое поздравление, что, мол, обнимаю и мысленно пью кофе за его здоровье. Впрочем, раз уж мысленно — тогда коньяк. И Людм[илу] Ил[ьиничну Гинзбург] поздравляю и целую.

Ю.

Ларик, только что прибыло твое «этнографическое» письмо (от 27/Х). Я думаю, что к медикам (не к медицине!) относятся так по инерции, черпая эмоции из своих биографий; надо сказать, не без оснований — у меня тоже есть в запасе сладчайшие истории. А к травмам ты зря относишься «скопцически»: ежели с толком, то и всамделе помогает. А на всякие празднества ты ходи, но только при условии, что пить не будешь — жалко же брюхо-то! Ты им посули: вот, мол, муж приедет — выпьет все невыпитое тобою (это если я не пойду окончательно по твоим стопам в смысле животности; Впрочем, сейчас меня все-таки брюхо редко беспокоит — может, потому, что я не съедаю весь свой рацион, пища все-таки тяжеловата. Но ее сверхдостаточно — вот это «сверх» я и не ем. Хватает вполне, я же не работаю). До свид., Лар, пиши мне еще про этнографию, очень занятно.

Целую тебя — Ю.

А это — совсем простенькие, совсем семейные стихи «Про нашу Арифметику» — для Арины:

Все — как надо, все — в порядке,
На судьбу не стоит злиться:
Счет находок — на десятки,
Счет потерь — на единицы.

Так оно и дальше будет —
Рассветает постепенно,
На чуток повыше люди,
На чуток пониже стены,

На щепоть добра поболее,
На крупицу больше чести;
Что же делать, что без боли
Нам бы не собраться вместе,

Что беды полны разлуки, (Или «бедой»?)
А у выбранного в братья
Так нахолодали руки
Без тепла рукопожатья!..

Ничего, вздохнем поглубже,
Жить живым — ведь это просто
Через камни, через лужи
Мерить годы, мерить версты,

Драться, плакать и браниться —
Только верить без оглядки:
Счет потерь — на единицы,
Счет находок — на десятки.
Ноябрь, 69 г.

п и с ь м о ш е с т ь д е с я т с е д ь м о е

14/XI/69

Вы, наверное, просто не в состоянии представить, что я почувствовал, когда получил поздравительную телеграмму от Ирины, Юры и Глебки [Левиных-Глинок]. Я уже как-то привык, что все мои корреспонденты перестали ими быть, и лишь вздыхал: «Эх, были времена!..» И вдруг — такая радость, даже задрожал, честное слово.

Вспомнил сразу февраль 66-го: мой сосед, приехавший, как я сейчас, из лагеря, вдруг получил извещение о денежном переводе. Он схватил этот клочок бумаги, исписанный чужим почерком, поцеловал его и даже всплакнул. Дело было, конечно, не в том, что он получил очень нужные ему деньги: он из-за переездов давно не имел известий от семьи, волновался. И еще: у всех здесь есть червячок, пусть микроскопический, пусть ничтожный, но есть — помнят ли? И он, гаденыш, иногда шевелится. Это, вообще-то, неудивительно, столько историй, случаев прямо перед глазами, связанных с разрывами, забвением, отчуждением. Вот мой сосед и запрыгал, забыв о 60-ти годах, больном сердце и обо мне, постороннем.

Я не стал целовать телеграфный бланк, а мысленно расцеловал Ирину, Юру и Глебку. Расцеловал — и тут же засомневался: Ирине и Глебке моя небритость вряд ли пришлась бы по вкусу, а целовать Юрину бороду — мне что за корысть?

Своих фото не шлете, черти, — Глебкино бы прислали.

А потом — кроме высочайше утвержденных телеграмм от Ларки и родителей* — посыпалось: от Фаюмов, от Золотаревских, от Наташи. (От которой Наташи? Если бы вы знали, как я беспокоюсь*.)

У меня даже появилося фантастическое предположение, что, может быть, и письма разрешены? Но я тут же одернул себя, не зарывайся, мол, ненажора, благодари небо за то, что есть.

А самый факт-то — 44 года? Черт его знает, я уже писал, что утратил представление о времени, стало быть, о возрасте тоже. Я решительно не знаю, сколько мне лет. 40-летие воспринималось как кисло-сладкий анекдот, не слишком веселый, но забавный. А сейчас я был бы вполне равнодушен к этому событию (да и не событие это!), если бы не радость от ваших телеграмм.

Наверное, я все-таки застыл на том возрасте, к сожалению, только внутренне — не внешне. Ведь, как это ни странно, я все еще не могу привыкнуть к своему положению. Скоро уж — тьфу, тьфу! — отвыкать придется, а я нет-нет да и оглянусь: «Батюшки-светы, чтой-то дееется? И де я нахожусь?» Смешно, правда? Нереальность, создаваемая не обстановкой, не условиями (уж такими распрореальными!), а изнутри — неприятием, неприложимостью к себе, несовместимостью.

Ишь, как расфилософствовался, босяк, клошар несчастный!

Вообще-то, будь я одновременно и здесь, и там, я послал бы себе, здешнему, такой адрес: «Дорогой Юлий Маркович! В связи с Вашим 44-летием разрешите мне от имени всех Ваших доброжелателей и от себя лично выразить надежду, что этот грустный факт поможет Вам наконец образумиться и вести себя соответственно столь солидному возрасту. Пришло время ликвидировать как класс затянувшийся инфантилизм, свойственный Вашему поколению вообще и нашедший крайнее выражение в Вашем, Юлий Маркович, характере. Будьте здоровы. Неизменно расположенный к Вам — Ю.Даниэль. P. S. Мало тебя, шпану, мордой об стол било? Целую. Ю.Д.».

| 15/XI/69

Вчера, уже много спустя после отбоя, вдруг принесли мне — что бы вы думали? — открытку от Иры Корсунской! То есть я обалдел (пardon, Ира) от неожиданности. Вот это да! И какая открытка — с упоминанием о Тошке; наконец-то я вздохнул с облегчением и перестал вибрировать* — это я все по поводу Ларкиного письма волновался.

Новости тоже отменные — и о Тарусских новоселах* и о грядущем увеличении семейства. Гм! Д'Артаньян, он же Робин Гуд в роли папаши... Привет им обоим, и пребольшой.

Рад за Сережу, Вильнюс — это очень даже неплохо*; но как же будет с биофаком? Неужели ничего нельзя сделать? Поклон Сереже и Валерию [Смолкину]. Как Валеркина язва? Все еще блюдет его нравственность, не допуская пить пиво с девушками?

А кто такая поминаемая Ирой Галя?

Что Люда [Алексеева] и Коля [Вильямс] делали в Калуге? Музей Циолковского осматривали? Или прибывали табличку к Калужскому ОблОНО: «В начале II половины XX века в ведении этого учреждения находилась выдающаяся деятельница народного просвещения Л.И.Богораз с мужем, тоже культуртрегером?»

Вот только что, сию минуту, притащили телеграмму от Якобсоньего семейства. Ох, какие же вы все ангелы во плоти! (Что касается Тошки, то плоти несколько больше, чем ангела.)

Чьи же все-таки стихи о «матери-смерти», которые прислала летом Ирина Глинка?

| 17/XI/69

Приволокли еще шесть телеграмм: от Майи и Алены Злобиных, от Воронелей, от Светличных, от Людмилы Ильиничны [Гинзбург] и Арины [Жолковской], от Азбелей и от жалких эпигонов и плагиаторов Катеньки [Великановой] и Саньки. Подумаешь, гусары! «Второй день пьем...» На какие шиши вы второй день пьете, пропойцы, пьянчуги, выпивохи, чада мои любезные? Вот я вас ужо!

Я перед неразрешимой задачей: как каждому из корреспондентов сообщить, что именно его телеграмма особенно обрадовала меня? А ведь это, как ни странно звучит, именно так. Каждая телеграмма — особенно — по-особому. Я не могу это написать, не умею, а сказать — скажу, когда увидимся.

Многочисленные призывы беречь здоровье — не по адресу. Я не могу беречь его или не беречь. Ну как вы себе это представляете — беречь? Я не работаю, спиртного не употребляю, амурам не предаюсь, прогулки, питание, чтение и прочие улады от меня не зависят. Всем известна моя умеренность, даже воздержанность по части сочинительства. На уши нагрузка невелика — избранное радио. На язык — никакой нагрузки: мой сосед впал в мизантропию. Вот как, вот как, серенькие козлики.

В нынешней «Лит. России» что ни страница — то слон, то львица, сплошные подарочки. В статье Поделкова черным по белому пропечатано: почему разрешают печататься А.Вознесенскому, «чертополоху»? Санька знает, у меня к этому поэту отношение весьма двойственное; но на такой вопрос (в излюбленном жанре К.Л.Зелинского*) следовало бы все-таки ответить. «Лит. газете» не до того, она занята гонениями на слово «облак» — пародия А.Иванова на В.Сидорова (тот же, что в статье Поделкова? Или я что-то перепутал?) Кстати, пародист мог бы в эпиграф вынести еще строчки: «Но на сердце облак черный, черной

смерти пелена» (В.Брюсов), «И этот мир тебе — лишь красный облак дыма» (А.Блок). А то как-то неудобно, несправедливо: за что одному Сидорову такая честь? Пародию-то уже даже по радио читали.

А по радио на днях передавали спектакль «Правду! Только правду!». Вот теперь я мог бы Марку Богославскому ответить со знанием дела на его статью, в которой эта пьеса поминается, и на письмо-декларацию*. Не помню, писал ли я, что текст американской присяги меня совершенно не устраивает: в нем не сказано — «вся правда». Эта ущербность юридической формулы американцев сказывается и на пьесе, и на рассуждениях о ней и о смежных произведениях. Ох, на скольких моих друзей-приятелей я точу зубы! От Тошки, например, только ключья будут лететь.

Ларик, в открытке Иры Корсунской сказано, что ты звонила Люде и что ты-де здорова. Это правда? То есть я не сомневаюсь в правдивости Иры и Люды; а вот ты не врешь ли? Ничего, вот уж Алла Григорьевна и Иосиф Аронович будут рядом*, тогда я буду уверен в достоверности информации.

| 18/XI/69

И еще телеграмма, от Люды и Коли, посланная еще 13/XI; задержка, вероятно, вызвана тем, что почтовые работники сомневались, приложимы ли ко мне такие слова, как «мужество и терпение». Они правы, я бы на их месте тоже сомневался.

А вот уже вечер, и к ужину мне сегодня дали «сладкое» — открытку от Арины. Как это чудесно, что я теперь смогу получать от всех письма! Милые мои, прошу вас, тех, что зазря писали мне эти четыре с лишком месяца, не забудьте, что я не получил ваши письма; и если кто-нибудь сдуру написал, что любит меня, — повторите, пожалуйста.

Но открытка и огорчила меня: как Арина могла подумать, что я забыл их фантазмагорическое семейство? Я полагаю, мое сентябрьское письмо утонуло именно потому, что было перегружено эмоциями по поводу свадьбы.

И что это вдруг за обращение неродственное: «Дорогой Юлий Маркович!»? Не приучен я к этому. Эх, эх! Ну, может быть, мое ноябрьское письмо поправит дело?

Надобно вам знать всем, что мысли мои большей частью — о вас. Это получается само собой, за пять лет вы все так вошли в мою жизнь — и те, кого я раньше не знал или знал плохо, — что я уже не могу получить какое-нибудь впечатление, чтобы не вспомнить того

или другого. Прочитанная фраза, увиденная репродукция, несколько тактов музыки по радио, рябь в луже на прогулке — все как-то связывается с кем-нибудь, зачастую не прямо, а изгибом, скачком.

Смешно это — предположить, что я о ком-то не думаю, если не поминаю в письме. Я вот давно, помнится, не писал о Заках, об Ирихах — Кудрявцевой и Уваровой, об Алле [Сергун], о Мусике [Каганове], о Зайце [Зое Кагановой], а думаю о них все время. И беспокоюсь думаю, потому что ничего о них не знаю.

Только что кончилась трансляция «6-го июля». Вот, пожалуйста: как мне не вспомнить тех, кто смог бы ответить на мои вопросы по поводу этой весьма завлекательной пьесы? Я не жалею о своей политической (исторической) малограмотности — я жалею, что нет рядом знающих людей. Мне, например, известны судьбы далеко не всех героев этой пьесы. То есть, типун мне на язык, я не хочу, чтобы «знатоки» были рядом со мною, — я хочу сам быть рядом с ними.

Арина поздравила меня с юбилейчиком — десятью оставшимися месяцами. Ох уж эти наши даты, наши даты! //Я тут на днях с одним разговорился. «Что, — спрашиваю, — Юлий Маркович, много ли осталось?» — «Что-то порядочно, — говорит, — сегодня какое у меня число? Да, 12-е июля... 14 месяцев, — говорит, — осталось, Юлий Маркович». — «Да, — говорю, — изрядно; мне вот только 10, а и то...» Тут в углу вырисовывается физиономия и смущенно хихикает. «Что с вами, — спрашиваем, — Юлий Маркович?» — «А мне, — говорит он счастливо, — всего месяц остался. Я, — говорит, — только что день рожденья жены справил...» — «Позвольте, — говорим мы с Юлием Марковичем, — вы, собственно, из какого дня будете?» — «А я, — говорит, — из 12 августа будущего года. Я, — говорит, — Юлии Марковичи, сейчас уйду, а то мне совестно, что вам завидно...»//*

I 20/XI/69

Вот и письма. От тебя, Лар, — открытка, где калитка. Очень симпатичная калиточка, дай Бог каждому. Далековато до нее все-таки. Ничего, дотопаем.

Письмо от Риммы и Юры [Хазановых]. Увы, я не получил «предыдущего письма о житье-бытье», так что ничего не знаю о его здоровье, литературных успехах и прочем. Последнее, что мне известно, — это упоминание в письме Иосифа Ароновича. И еще где-то летом или весной — рецензия в «Юности» на книжку Мифтахутдинова (который, кстати, школьный товарищ Бена [Ронкина], он прислал ему эту самую книжку и трогательное письмо).

Рад, что Римма покончила со своими «полутушами»; наверное, на новом месте работать все-таки интереснее? Могу я рассчитывать на консультацию? Было бы неплохо получить вырезку — мне же любопытно, как это у Риммы получается.

Приятной неожиданностью было и то, что мне «конечно, как всегда, передает приветы Надя»*. К сожалению, за эти четыре с лишним года они до меня ни разу не доходили. От матушки ее — были, а от нее — увы. Но я, разумеется, благодарен ей за память и тоже кланяюсь. Как поживает моя старая любовь — Надина Катюшка?

И Наташе Кожевниковой — также благодарность и привет*. Что она?

Письмо от Фаюма. Юрка — змей подколодный, только растравливает: о своих «заманчивых» планах, связанных с XVIII в., — «в другой раз»; о стихах — «в следующий раз»; о делах «подробнее» — «в следующий раз». Какое однообразие, какое лексическое убожество!

Теперь о деле. Если Фаюм точно знает, что хрестоматийное представление об Иване Грозном сложилось в русском обществе только после Карамзина (стало быть, после Радищева), то так тому и быть, и мне больше ничего не надо. Если же «разоблачение» произошло раньше, при Радищеве или до него, то было бы любопытно знать, кем и как это делалось.

«Указатель» — вещь хорошая, и я не откажусь от такого подарка. Но так называемая худ. литература интересует меня не меньше (если не больше). Так что, если не очень затруднит, не торопясь, между делом — списочек. Это мне в основном нужно, чтобы знать, чего не нужно знать.

А вообще писать об истории надо так, как Есенин о Пугачеве: по учебнику для средней школы. И по анекдотам: «Идет это, значит, Пушкин, а навстречу ему — Лермонтов...» И больше ни-че-го не требуется. (Какое счастье, что я надежно отделен от Фаюма — он бы меня придушил за эти идеи...) Все это, братцы, бодяга — дух эпохи, реалии, документы — мы этим занимаемся не для пользы дела, а лишь потому, что самим интересно. И С.Г.Хмельницкий в известном стихотворении, посвященном Фаюму, соврал: «О, времени сын! Ему не дано Постичь во плену систем, Что сгнили мосты и давным-давно Фиалки пахнут не тем». Так вот: и мосты не сгнили, и фиалки пахнут тюльетка в тюльетка так же. Поэтому камзолы и башмаки с пряжками не нужны, переодеваться вовсе и не нужно. Просто, если повезет (не повезет), — родишься с душой или судьбой Каржавина*. Пример такого «совпадения» — поэмы Даниила Андреева*, они стоят десятка томов добротной научной и художественной прозы.

Пусть Юрка смирит свой справедливый гнев и не цапает меня за ляжки — в письмах, пусть погодит до встречи. А то опять ничего не напишет ни о Маринке, ни о Ленке.

Ларик, получил твое письмо им. Горбаневской: в роскошном конверте на коричневой подкладке, на бумаге с Дон Кихотом и мельницей (это что — намек?). Только вот красивые и большие марки имеют обыкновение отклеиваться в пути. Есть и довесок — начало Санькиного письма чунской давности.

Наташа — молодец, что побывала у тебя; теперь неплохо было бы получить отчет от нее, а то ведь я тебе не очень-то верю, что все ладно со здоровьем. (И Маришке Фаюм тоже не мешало бы доложить по начальству!)

Ты права, дитяtko наше отличается завидным постоянством, поэтому я рад получить сведения о нем хотя бы по маршруту «Москва — Чуна — Владимир».

Имя твоего нового гостя я вроде бы слышал, не помню лишь, с каким гарниром; здесь спросить не у кого. Но рекомендации Валерия и Толи*, я надеюсь, можно довериться.

Думаю, что тревожиться о моем здоровье не стоит: ежели уж меня за эти годы никакие разносезонные хворости не одолели, то здесь я застрахован надежно от серьезных эпидемических заболеваний. Контактв-то нет, заражаться не от кого. Да хоть бы и были — я стал чистюлей, стал осторожничать. Не дрейфь, Ларка!

Павлу [Литвинову] и Косте [Бабицкому] писать будешь — мой привет им и семействам ихним.

А ты, Санька, зря пардону просишь за слово «сортир». Очень красивое слово, вполне годится, скажем, для «Туманности Андромеды» или «Часа Быка» Ефремова: отважный астрофармацевт XXXV века Сор Тир и его нежная и гордая подруга красавица Гемма Рой, астрокордебалерина. Или Гас Трит и Кара Мель.

Кстати о словечках. Арина уличила меня в неправильном написании известного термина; я зарыдал и бросился за сочувствием к ребятам. Но меня все обсмеяли, от Альки [Гинзбурга] до Серенького [В.Труфелев]. И с тех пор я это слово вовсе не пишу, рука писать через «о» не поднимается. А уж как иногда хочется!

Санька, а «сварщик» — это который свары затевает? Только не с Катей, пожалуйста.

//А мне нынче дали новую робу. Из той, что была на мне, можно было бы запросто сварить суп, был бы он совсем не постный. А блестяла она, роба т.е., как хромовая.// И вот этому великолепию пришел конец, на мне сейчас скучные, целые, чистые брюки и куртка (//по-лагерному она нежно называется «френчик»//). Ну что ж, буду обживать.

Ларик, а октябрьское письмо тебе, видать, еще не переслали?

Сегодня Алькин день рождения. Счастливый, черт. Рядом — Тимофеич [Ю.Галансков], Рыжий [В.Калниньш], Ян [Капицыньш], Леня [Бородин] и Слава [Платонов]. Наверняка за пиршественным столом был еще кто-нибудь, скорее всего — Балис и Дмитро*. Был треп. Была гитара. Открытки дарили. Новорожденный лопал, как всегда, неумеренно. А вот мне даже некому было телеграммами похвастаться. Потом он сидел в курилке, скрючившись, как жокей на скачках, и горделиво тыкал себя в седеющие виски. А когда я Саньке сказал радостно, что вот и у меня, слава Богу, седина пробивается, он так фыркнул, что я заткнулся. Опять все не так. Этот прохвост (Гинзбург А.И.) будет ходить роскошный, белоголовый, а я — лысый. И никто мне не споеет «Та же удаль, тот же блеск в его очах, только много седины в его усах» или «Ты такой, как был, неугасимый (или «невыносимый»?), лишь виски покрылись сединой...» Свинство какое, почему нет ни одной красивой песни про лысину? Самому, что ли, сочинить? Или парик завести?

| 26/XI/69

Я-то думал, теперь письма градом посыплются, а их нет как нет. Была, правда, позавчера еще одна поздравительная телеграмма, из Тарусы, жутко нахальная: «Восьмой день пьем...» Но что мой уважаемый друг А.А.Футман — нахал, я знал и раньше... Ничего, мне ведь почти достаточно одного сознания, что могу получать письма, — не так ли, граждане?

Писем нет, а о себе писать неохота и нечего. То есть не то чтобы совсем нечего, но не пишется. Да и стыдно вертеться, как волчку, вокруг собственной оси. Сольное существование заставляет ковыряться в себе, и результаты этих раскопок меня не восхищают. Рассказывать — это еще куда ни шло, можно порезвиться по поводу деталей быта, а писать в письмах — пустая трата времени. Хотя куда его девать — время?

Я вот скулю о неполучаемых письмах, а между тем меня не оставляет ощущение какой-то вины за то, что претендую на внимание. Раньше мне писали, что хочется и нужно поговорить со мной. Это понятно, так было. Но сколь же можно говорить почти безответно? Поверьте, я вам очень сочувствую.

Вот поскулил — и сразу письмо от тебя, Санька, и открыточка от Маринки Фаюм.

Что я могу посоветовать тебе, малыш? Я, ей-Богу, не знаю. Изучение и популяризация национальных литератур, в частности укра-

инской, — дело, конечно, хорошее; но ведь многое зависит от конкретных обстоятельств, которые единственно могут подсказать, чем, как и когда стоит заниматься. Я, как ты понимаешь, не в курсе нынешней ситуации. Если толковые люди считают, что не время, то можно, по-моему, отложить. А когда я вернусь, то, разобравшись, может, что-нибудь присоветую. В общем, ты не обижайся, но не так уж все это важно: ну, годом раньше, годом позже... Поживем — увидим.

Огорчают меня всякие лингвистические заскоки. Я, как ты знаешь, всегда относился настороженно к структурализму, к экспериментаторству в лингвистике, в литературоведении. Главное, что непонятно, какова цель этих опытов; и какова бы ни была, весьма сомнительно, что она будет достигнута. Обидно, если время, силы, здоровье будут потрачены впустую*.

Катиного письма я не получил — очевидно, оно пришло до 1 ноября. С нетерпением жду второго, обещанного в твоём письме.

Что нам с Катей не придется увидеться на свидании — может, оно и к лучшему? Смотри, Санька, не очень рой землю, дороешься: увидит меня Катя здесь, «выдадут меня в том виде, как тут написано» (помнишь, у Зоценко?), Катя ужаснется и сбежит. Так-то она судит о родителях по твоей почтенной матушке, а тут такое «чудище», которое в основном «лаяй».

Приезжай, голубчик, где-нибудь в конце декабря или начале января, чтобы были известны, так сказать, «итоги года»: дела семейные, трудовые, лингвистические и прочие. Только непременно предупреди о приезде телеграммой, чтоб я успел вспомнить все, о чем спросить надо.

Ты все-таки полегче с этой самой стыкосваркой, не привари себе ухо к колену, очень будет неудобно: ни в любви объясниться, ни шапку надеть.

Ну вот. Постарайся не подражать мне и не растягивать письма на долгие недели; у меня-то просто другого выхода нет. И, пожалуйста, сразу же (!) подтверждай получение моих писем.

Маришке спасибо за открытку, которая блистательно подтвердила Маришкин тезис, что она умеет писать только длинные письма, а коротких не умеет писать, потому что умеет писать только длинные, которые совсем не то, что короткие, которые она не умеет писать. Целую и жду длинных писем (которые она умеет писать...). Ленке — поздравления с днем рождения. Сколько же это ей стукнуло? 15?

Я не помню, просил ли я, чтоб кто-нибудь вложил в письмо календарик на 70-й? Это чтобы считать месяцы, которые, как справедливо пишет Маринка, считать ничуть не легче, чем годы. А может, и труднее.

| 27/XI/69

Маие Злобиной — моя благодарность за открытку и «письменный» поцелуй. А что, будет и «устный», в смысле — прямо-таки устами? Вот здорово! Просьба к ней (и ко всем): если будете еще писать о будущих днях рождения и прочих табельных днях, не забывайте ставить в скобочках «Тьфу, тьфу!». Сглазу боюсь.

Дорогие Алла Григорьевна и Иосиф Аронович! Вы скоро будете в Чуне; нельзя ли заставить вашу непутевую дочь спать хотя бы 8 часов в сутки? У меня такое впечатление, что она вообще не спит. Толковать мне с нею в письмах бесполезно, она лишь вздыхает обреченно: «Так мне на роду написано...» Может, вы что-нибудь придумаете? Какую-нибудь там политику кнута и пряника (что до меня, то я за кнут), чтобы вышибить из нее этот фатализм.

| 1/XII/69

Ну вот и телеграмма о благополучном прибытии моего ноябрьского письма с самодельными стихами.

Декабрь начался этим приятным известием, ларьком и попыткой продолжить прозу. Только попыткой — не пишется да и все тут. Ну и черт с ней, с прозой. Буду сочинять, как когда-то заказывала Арина, рондо, триолеты и баллады — или чем там она интересовалась? Ах, да — фабль.

А в прозе — поздравления декабрьским новорожденным, Алене [Закс] и Алле [Сергун]. Есть надежда — судя по ноябрьскому письму, — что они поспеют вовремя. Собственно, в декабре еще в одном семействе два дня рождения*, но до сих пор все мои закидоны оставались безответными, так что я уж не смею беспокоить.

И Кишиловская дочка тоже, кажись, декабрьская? Салют ей и родителям. 5 лет жизни и творческой деятельности — солидная цифра.

Вот вычитал я в сегодняшней газете, Ларик, прогноз погоды на месяц. Там про твои края такое, что, будь у меня волосы, они бы вздыбились. Ты уж как-нибудь одевайся потеплее, не небрежничай, а то отморозишь себе руки-ноги, щеки и прочие уши.

Читать нечего, вот беда. 2 библиотечные книжки проглатываю сразу, а подпиской этого года не прокормишься. Вот уж с Нового года, может, получше будет. С нежностью и умилением вспоминаю Лефтортово — вот где с книгами раздолье было!

Ладненко, спокойной ночи. Да, на стр. 2 и 5 зачеркнуто мною: я сообразил, что комментировать всякие литературные события в шутовском тоне, как я это делал, — неуместно и бестактно.

| 8/XII/69

Можно немножко похныкать? Это же вредно — не хныкать, когда хочется. А мне хочется, очень. Настроеньице хреновое, началась зима, читать почти нечего, разговаривать не с кем (//я не один, но лучше был бы один//), писем нет и давно уже, на душе тревожно, сочинять не могу. Даже самое сильное средство — фантазии на тему «Что будет осенью 70-го?» — не помогает. Наоборот: придумывается что-то бесконечно печальное, безрадостное.

И нос у меня холодный, как у нормальной собаки.

Кстати, о собаках. На днях вызвали меня и вручили объемистый пакет с «Der Hund'ами», «Новой жизнью» и польской «Культурой». Это из Озерного переслали: пусть, мол, во Владимире сами разбираются что к чему. Долго мне соображать не пришлось: я, со свойственной мне пронизательностью, сделал вывод, что ты, Санька, так и не переадресовал подписку. Ну, ладно. Выдрал я песьи портреты из журналов, а остатки вкупе с «Новой жизнью» отдал для общественного пользования, на сангигиену. «Культуру» же проглядываю. Что ж, полезно. Вот, к примеру, подпись под рисуночком: «Пан кельнер, что можно быстро получить?» — «Быстро можно получить по морде». Очень поучительный диалог. И как раз для меня, для моего нетерпения.

Ларик, я вспомнил, что о твоём новом знакомце* говорили в общем хорошо, отмечая лишь один, но существенный недостаток: «Язык без тормозов».

//Еще об одном дне рождения — 17 января у Рыжего.// Январское мое письмо не поспеет, так что я сейчас прошу всех не забыть поздравить его — и от меня тоже.

Лишь одного из богов можно назвать человеком — Гипноса. Он иногда сном одаряет меня.

Но сон — это тоже не просто и не всегда. Это двестише из «Эвридики», знаете ли вы эту поэму?

Обо всем этом, сегодняшнем, я думаю, как думал когда-то во время операции, когда было очень больно: «Но ведь когда-нибудь это кончится».

А сны, между прочим, нелепые и неласковые. Например, Андрей, который говорит мне, что с моей стороны бестактно заговаривать с ним в начале недели, вот, мол, в пятницу или в субботу он сможет уделить мне время; Алик, жутко обиженный тем, что я, не спросив его, заказываю в станционном буфете водку: мы с ним отстали от нашего поезда, точнее — от нашего вагона (непонятно, как это мы умудрились?), и вот он мне выговаривает, что нужно вино или пиво; Алла, упрекающая меня в равнодушии и бессердечии, потому что я не хочу слушать про какого-то Леву, который ей безразличен, и про его родичей. И так далее — ни одного доброго слова.

Один, правда, сон был смешной и милый: Ларка и я на каком-то детском празднике, где 8–9-летнему Саньке вручают что-то вроде альбома — на первой странице все пейзажи, пейзажи, и среди них — наши три физиономии. И я спрашиваю: «Слушай, а почему это Санька снится нам всегда маленьким?» И ты, Ларка, отвечаешь, как в армянском анекдоте: «Сама удивляюсь».

Кажется, я дошел до точки: начал рассказывать сны. Теперь остается только решение кроссвордов из местной газеты «Призыв».

| 11/XII/69

Ну вот, завтра утром надо сдавать письмо, здесь ведь письма принимаются в определенные дни. Почты за эти дни я никакой не получил, нового ничего не произошло. Надоел я сам себе до крайности, а отвлекаться не на что.

Не сердитесь, что письмо к концу скисло, как-то не хотелось выпендриваться и строить из себя бодрячка. Я надеюсь, что это поганое состояние исчезнет: «Честное слово, лето возвратится».

Обнимаю вас и целую.

Ю.

Где-то когда-то я читал, что пристрастие к уменьшительным суффиксам наблюдается у эпилептиков; и еще тем же отличались дистрофики во время блокады.

Сегодня я поймал себя на словах «горяченькая водичка». С чего бы это? Припадков у меня вроде никогда не бывало; до дистрофии мне так же далеко, как до «Теории вероятности» или космических полетов.

Может быть, банальное слабоумие? Впадаю в детство? Сорокаворона, так-распротак, кашу варила...

Еще раз: не сердитесь за минор, я исправлюсь и перевоспитаюсь.
Ю.

15/XII/69

Ужасно не хочется начинать письмо с жалоб, но я просто вне себя от беспокойства. Вот уже две с лишним недели я не получал ни единой строчки, ни от кого. Последнее письмо от тебя, Лар, написано больше месяца назад, а последние вести из Москвы уже трехнедельной давности. Не знаю, что и думать. Я уж успокаиваю себя тем, что, может быть, просто так совпало, что никто не пишет — дай-то Бог! А потом соображаю, что ведь такой-то или такая-то непременно должны были написать после первого-то ноября, а уж по получении ноябрьского моего письма — наверняка. И снова сердце ноет — буквально. И сделать ничего, ничего не могу. Весь день я жду шести часов вечера — письма обычно приносят в это время, — а оставшиеся пустые часы уговариваю себя, что уж завтра-то непременно получу. Я не знаю, понимаете ли вы мое состояние: я чувствую, что я здесь нахожусь в полной безопасности от болезней, катастроф, всяческих несчастий и передраг; а вы там, в этом опасном, опасном, опасном мире беззащитны, уязвимы со всех сторон.

Если бы не эти ежедневные разочарования после ожиданий, я был бы совершенно благополучен.

12-го числа, в мой юбилейчик, я получил превосходный подарок: моего соседа убрали, и я теперь один. Не знаю, долго ли это продлится, но пока я блаженствую: когда хочу, включаю и выключаю радио, вышагиваю по камере, пою, читаю стихи, разговариваю вслух с фотографиями. И не мерзну, потому что форточку открываю только чтобы проветрить — а раньше обе форточки были открыты круглые сутки, и я клацал зубами. Я бы с удовольствием сидел так до конца; единственный из владимирцев, кого я хотел бы видеть рядом, — это Бен [Ронкин]. Увы!

Я было твердо решил «начать новую жизнь с понедельника», распланировал, чего и сколько писать, кого переводить, над чем поразмышлять, даже о физзарядке стал подумывать! Но сейчас у меня в голове только отсутствие писем...

16/XII/69

Знаете ли вы, благодетели, какова жизнь? Жизнь прекрасна и удивительна. «А почему она прекрасна?» — спросите вы. А потому, что я получил письма. «А почему она, ла ви, удиви?..» — спросите вы с

присущей вам нескромностью. А потому, что в этих письмах нет никаких очень уж неприятных вещей, а наоборот: много хороших. Разве не удиви?

А вручили мне сегодня 6 (шесть!) писем. От тебя, Ларка, от Арины [Жолковской], от Марлены [Рахиной], от Майки Улановской, от Наташи Горбаневской, от Иры Корсунской. («День женских писем» — разве не был я прав, что всю жизнь восхищался женщинами?)

Ларик, давай возобновим (возобнови!) уговор: одну открытку в неделю, а? Ну так, ни о чем, трали-вали, здорова, мол, жива я, чего и вам желаю. Знаешь, я понимаю, что может захлестнуть работа невпроворот и не до писем, но открыточку-то! Просто чтоб я не психовал. А уж письма — как будут время и настроение.

Как забавно: вчера вечером я вспоминал Людиново и семейство Шаликовых*, а сегодня в твоём письме об Эрике. Только ты, по-моему, ошибаешься: Эрик никаких уток в окно не вбрасывал, а всего лишь санкционировал вбрасывание всяких корнеплодов своими друзьями.

Про ТБЦ у Альбины я ничего не знал. Это серьезно? Пожалуйста, будет возможность — передай им всем мой привет.

А с какого языка ты переводила свою негритянскую работу?

Опять ни фиги нет о здоровье. Это как понимать? Свинство. Кстати о свинстве: как поживают твои многоуважаемые куры? Или ты их уже — того, «в штаб к Духонину»?

Кто-то обещал мне фотографию во всей сибирской красе? Или мне померещилось? Оно, конечно, «Ларка в платочке», которая стоит у меня на тумбочке (теперь, когда я один, я позволил себе такую роскошь), — отменно хороша, но ведь любопытно же на тебя теперешнюю посмотреть. Ведь, насколько я припоминаю, с тех пор, как ты решила завершить освоение Сибири, мы с тобой не встречались?

Аринино письмо. Молодожену надо дать по мозгам. И как можно чувствительнее. Тоже еще любитель старины выискался! И все это бред собачий, что возникли-де «новые поводы для страдания». То есть, ежели хочется «пострадать», поводы всегда найдутся; но в данном случае это только поводы, а причиной считать это никак нельзя. Умоляю образумить его и иже с ним! И никогда бы я не шутил насчет всяких калымов*, если бы мог предположить, что это будет воспринято так болезненно. Поймите, ради Бога, что тогда действительно стоило ощетиниваться, а сейчас — ну нисколько! И бесполезно.

Теперь относительно светской (она же — семейная) хроники. Ничего не понимаю. Как это — «Кнут [Скуениенкс] удачно женился»? Он же был женат, на Инте. Или там разбрык?

А Валерий [Смолкин] — когда он женился? (Когда он развелся?) И как зовут его новую с иголочки жену? Я не разобрал: Вина, Дина, Рина?

И из чего следует, что солиднейший и сдержаннейший Сергей Николаевич [Мошков] — сердцеед?

И зачем это нужно — лакировать волосы? Чтобы воши не залезли, да? Или чтоб не вылезли?

Ох, как это здорово будет, если у Сережи наладится с учебой!

Значит, кроме Сережи и Валерия, все ленинградцы в Ленинграде. Очень хорошо. Даже вселяет некоторые надежды. Всем им — ленинградцам, рижанам и вильнюсцам — мой самый горячий привет.

Почему Арина изображала мадам Рекамье? Что за катаклизмы — «падение и сотрясение»? Эх она деликатно именуется «упадочной»! А почему бы не «падшей»?

Спасибо за милые слова о стихах*. Как говорится, «критика тепло отозвалась...». Насчет «бывшего надрыва» и «нынешнего баланса». Это не совсем так, насколько я могу судить. Надрыв — он никуда не делся (есть в других, непосланных, стихах*), просто он сугубо мой. А баланс(ирование?) — попытка общей арифметической оценки этой малопонятной штуки, именуемой жизнью.

Я нежно целую Арину и Людмилу Ильиничну [Гинзбург]. И сочувствую: глупый им достался муж и сын. И «хипешной». Его, впрочем, тоже целую.

Записочку от Наташи я рассматриваю как аванс. Вот человек с трезвым взглядом на жизнь: желает, чтоб в Н. году не было всем нам хуже, чем есть. Может быть, вы почувствовали по моим письмам, что это и мое постоянное желание? Большое спасибо за марки и календарик. Теперь я обеспечен до конца (тьфу-тьфу!). Пусть Наташа еще попробует с фотографиями — своей и Ясика. А как стихи — пишутся?

| 17/XII/69

Марленке я голову откручу, если она еще раз посмеет назвать себя «старухой», а меня «стариком»! Это еще что за художественная самодеятельность?!

Ну, так. Со стихами Бориса [Чичибабина] и с их публикацией (с непубликацией) все более или менее ясно. Ну, а она, Марленка? Пишет ли? Печатается ли? Ах, не печатается... А почему? «Марленочкэ, почему ты не выходишь замужум? К тебе ходят такие хорошие парени, и все они тебя хочут...» Нет, всамделе, как там обстоит с изящной словесностью? «Литературную Украину» мне, очевидно, здесь уже читать не доведется, пусть уж Марленка сама себя рецензирует.

Поговорим, поговорим, ясное дело. И как тэт с тэтом, и всем кагалом. Только все это, к сожалению, еще не очень скоро. А покамест сказала бы она всей этой писавшей мне харьковской братии, что рад был бы я письмецу от каждого из них.

У меня в голове крутятся какие-то кусочки стихов для Марленки, целых два стихотворения мелькают. Если сделаются — пошлю.

А что не слава Богу у Лешки [Пугачева]? Объяснять мне, какой он талантливый, не нужно, это я и сам знаю; лучше бы о нем самом, о его передрягах.

Почему никто ни слова о Люке [Филатовой]? Как Оля [Кучеренко]? Что Лина [Волкова] поделывает?

Всем, всем приветы. Фиме, Сашеньке и «Базилу» — особо.

Теперь о Майкином письме. Дошло оно, как видите, благополучно, со всеми ее «провокационными» вопросами, на кои я и отвечаю незамедлительно.

Итак, по моему твердому убеждению, сидеть — неестественно. Это состояние противно духу и телу, не улучшает ни то, ни другое. А посему вполне нормально (в смысле — правильно), что не хочется садиться во второй раз*. Больше того: избегать этого — вторых, третьих и т.д. посадок — надо всеми средствами. Я не вижу никаких оснований для «неловкости» при чтении моих стихов*, я ведь совсем не ратую за увеличение числа «сидельцев», Боже упаси. Речь идет только о знании и о памяти. Так что со спокойной совестью готовь в своей польской кухне и спи в двух комнатах сразу. А что «здорово и лестно» — этому я очень рад.

Теперь о том, как было тебе и как есть мне. Ну какое может быть сравнение! Когда мне становится не по себе, ты — одна из тех людей, чьи имя и судьба заставляют меня стыдиться слабости.

Очень странная какая-то эмоция по поводу моего отношения к друзьям. А разве есть такие друзья, которых не любят? Разве могут быть? И моя любовь — вовсе не признак доброты глобальной. Я сейчас добр очень избирательно.

Страшно обидно, что так нескладно у Саньки [Якобсона]. Год диеты, год без лыж, без гулянья — как мне это понятно и как я ему сочувствую. Ну что ж, скажите ему, что нам с ним придется потерпеть, если мы хотим дорваться до лыжных прогулок и послать к черту все и всяческие диеты. Мне кажется, ему будет интересно послушать мои «иллюстрации» к проблеме религиозности (именно религиозности, а не религии), я за эти годы посмотрелся и наслушался под завязку.

Майка — умница! — абсолютно права насчет того, как надо относиться к моему переезду: «Пусть спокойно досидит!» Что я и делаю.

(Или, как говорил наш Санька, — «А я что делаю?» «Санька, вымой посуду!» — «А я что делаю?» — и продолжает лежать на диване.)

Бердяева я отродясь не читал и вряд ли теперь уже прочту когда-нибудь. Да и надо ли? Зачем? Чтобы еще раз убедиться, что никто, кроме нас самих, не ответит на классический вопрос «Что делать?»? А ругать интеллигенцию можно и без Бердяева. Можно, как Бердяев, за приверженность политике; можно за аполитичность; можно за излишнюю «политичность». А можно и не ругать. Дело вкуса, темперамента и биографии.

Кстати о философах. Вл.Соловьев — действительно большой философ? Блок писал о нем с большим уважением, писал о его «рыцарственности». Последние полгода в Озерном мне его всю рекламу рекламировали*, и я даже прочел три статьи. Одна из них — о дуэли и смерти Пушкина — мне активно не понравилась («Он должен был...», «Ему следовало...» и пр.); две другие оставили меня вполне равнодушным.

Ира Корсунская — человек удивительных способностей: она умудряется в коротенькую открытку вместить столько новостей, сообщений, известий, что только диву даешься. Очень это здорово. Не говоря уж о том, что чтение Ириных открыток развивает мои аналитические данные: написано, к примеру, «Л.И.» — ведь еще сообразить надо, что это не «Лариса Иосифовна», а «Людмила Ильинична»; или что «В.Н.» — это «Валерий Никольский», а не «Виктор Некрасов». А где это Канск? В общем, новостей навалом. А что было бы, если бы Ира на письмо размахнулась! Тут бы сразу и стиль взыграл — бойкое же перо, сужу хотя бы по письму-отчету о встрече Сережи. Обоим Александрам Сергеевичам* — привет. Иру почтительнейше обнимаю.

| 18/XII/69

Вчера вечером принесли мне Тошкино [А.Якобсона] письмо, вернее — вторую его половину. А первая, по утверждению автора, в другом конверте; вот этот другой еще не пришел. Надеюсь, что на днях будет.

Прочел я это письмо — и смутился духом. Я вот все ныл и клянчил, сообщите, дескать, свои суждения о стихах, а то я, мол, не знаю, не разбираюсь. И вот — Тошкино письмо. Я почувствовал себя нищим Томом на месте принца Эдуарда. Я не думал, что к этому можно относиться так всерьез и говорить об этом так профессионально. Мне как-то все больше простенькие оценки представлялись: «удачно — неудачно», «нравится — не нравится». А тут... Полно, уместен ли большой литературный разговор? Я ведь чего боюсь? А вдруг то, что на-

писал Тошка, — не только субъективная оценка друга, но и некая объективная реальность? Так ведь это, ох, обязывает. А я не хочу обязательств. Вернее, те обязательства, которые (по Тошке) предлагаются: работа над композицией, над расширением, над сокращением и пр., — это совсем не входит в мои планы. Я, наверно, не совсем точно назвал все это черновиком: это надо было бы назвать конспектом, что ли, заметками для памяти. В общем, я отводил этому скорее служебную роль, понятно? Конечно, я очень горд тем, что сам Якобсон А.А. всерьез разговаривает о литературных достоинствах и недостатках, но — страшно и не по чину мне в этом участвовать. Я ведь как думал? Все это (не только эти стихи и не только стихи) — иллюстрация ко мне.

Ей-Богу, я как-то даже растерялся. Боюсь, что от сознания собственной ответственности я превращусь в пресловутую сороконожку, которая стала соображать последовательность движения своих ножек и не смогла сдвинуться с места.

А что до требования Тошки «заменить убийственную строчку» на счет «красоты и венчания» — возьми да сам и замени! Или выкинь. Или переверни вверх ногами. Тебе, Тошка, полный «карт бланш». Это я совершенно серьезно — все, что сочтешь нужным.

123/XII/69

Я перечел последние строки и хочу кое-что добавить. Пусть Тошка не думает, что этот мой широкий жест — от наплевательства или легкомыслия. Тому есть две причины. Во-первых, я не умею и не люблю править давно написанное; я пишу обычно долго и выкладываюсь до конца, безвозвратно — в буквальном смысле слова. А другое то, что Тошка — это, пожалуй, единственный из близких, который может править: необыкновенная способность настраиваться на чужую поэтическую волну (это сказывается не только в его анализах и переводах, но и, между прочим, в манере чтения); профессиональное мастерство — умение делать стихи, «работать над материалом»; и, наконец, личное отношение ко мне. Я уж не говорю о таких вещах, как поэтическая эрудиция. Эти качества порознь или попарно есть и у других, а вот все вместе, кажется, только у него.

Кстати, Кадик [Филатов] писал, что за последнюю строчку того же стихотворения («То ли быть...») надо бить в челюсть. Может, пока он это не сделал, Тошка что-нибудь придумает?

Но все-таки я смущен. Поверьте, это не поза, не кокетство: я действительно убежден, что все это мое «творчество» — явление вре-

менное, обстоятельственное. И что настоящее мое — это проза, независимо от того, смогу ли я и буду ли когда-нибудь ею заниматься. Вполне возможно, что нет. Но это уже из другой оперы.

Да, еще Марлене. Эта самая киевская поэтесса, которая Скирда, действительно красивая (по газетному фото). А то разве стал бы я читать ее стихи?

Что же до проекта «Телемская обитель», то это гнилая, антиобщественная, элитарная идея была уже в свое время осуждена. Разве Марленка не знает известного двустишия современника Фр.Рабле — Жозефа Фуше:

Что? Телемская обитель?

А по шее не хотите ль?

(перевод с фр. Бенкендорфа)*.

Я полагаю, здоровая реакция маститого литературоведа не утратила своего значения и поныне.

С огорчением думаю о том, что некоторые, очень интересные для меня вещи уже не доведется увидеть. Так, например, недостижимы телевизионные спектакли — их в к/т «Повторного фильма» не посмотришь. А по рецензиям очень захотелось увидеть «Солярис» Лема и «Барсуки» Леонова. Досада какая, надо же, чтоб именно леоновская вещь, да еще одна из лучших, прошла мимо!

Кажется, по возвращении я стану занятым Зрителем, если, конечно, будет возможность. Только вам придется руководствовать меня, а то ведь с голодухи можно и дряни наглотаться. Помнится, впрочем, что некие мои корреспонденты выражали такое желание — стать гидами?

Литературно-исторический вопросик. Кажется, Аполлинер по какому-то вздорному обвинению был посажен в тюрьму в Париже. В предисловии к недавнему сборнику стихов есть что-то об этом. Но сборника-то у меня нет. Так вот, долго ли он там просидел? Загляните, пожалуйста, кто-нибудь в книжку.

Как здоровье Юры [Галанскова] и Лени [Бородина]? В смысле — не очень ли их допекают ихние язвы?

Арина, если будет писать Борису [Здоровцу], пусть передаст привет от меня. Он мне очень симпатичен, хотя и все на свете перепутал и сам запутался. По-моему, он — еретик. Но этого писать ему не надо, обидится.

Кто-нибудь что-нибудь знает об Антоне Накашидзе?

Читаю это я последнюю «Лит. газету» и вспоминаю вздох Михаила Кольцова, что де не худо было бы в «Крокодиле» завести «уголок сатиры и юмора». Ах, не худо было бы завести в «Лит. газете» отдел

литературы! Во всем номере — три пустые рецензии, пяток стихотворений из магазина «Тысяча мелочей» и один очень плохой рассказец. Все это поместилось бы на одной полосе. А так-то — и про браки, и про миграцию населения, и про зарплату инженерам, про все есть. Да еще подозрительный по юмору товар с 16-й страницы. А чего тужатся? Взяли бы подшивку «Сатирикона» и гнали бы с продолжением из номера в номер. И им бы хлопот меньше, и читателю приятнее. Однако надо быть справедливым: именно последний номер меня заинтриговал — выступление Михалкова. Очевидно, летом я что-то пропустил, потому что факт, о котором идет речь, для меня новость*. Просветите меня: произведения «Продолжение легенды», «Актер миманса», «Бабий яр» написаны одним автором или разными?

| 24/XII/69

Сегодня кончилась моя барская жизнь, я уже не один. Первое впечатление от нового соседа* вполне приличное; маслом по сердцу то, что он знает Валерия [Румянцева], Толю [Футмана или Марченко], Виктора [вероятно, Калниньша] и хорошо говорит о них. Так что на два месяца я собеседником отоварен (через два месяца он уедет).

Другое событие, более значительное — почта. Телеграмма от Катеньки и Саньки, очередной песик от Иры Корсунской и два письма от фирмы «Якобсон и Сын». Вот с него, с Сына, я и начну.

Во-первых, хотелось бы мне все же знать, как его именовать надлежит: в родительских письмах он — Санька, сам же подписывается — Саша. Так как? Я очень рад, что ему понравилось «Что-то грустно мне*». Мне оно тоже нравится больше, чем многие другие, хотя бы потому, что почти не связано с моими приключениями последних лет. Я мог бы его сочинить и в других обстоятельствах (если бы в других обстоятельствах сочинял). А мне во как надоело все нынешнее, в том числе и собственные стихотворные размышления об этом нынешнем.

Завидую его встрече с Костей [Бабицким] и их вечерним концертам. А как у отрока насчет музыкального слуха? Хорошо, ежели он пошел в маму...

Как Саше (пусть будет Саша — в отличие от моего Саньки) показался «Копперфилд»? Я в детстве плакал всего над двумя книгами, одна из них «Копперфилд» (другая — «Отверженные»), и мне ни капельки не стыдно. Думаю, что если бы я сейчас читал их впервые, — заревел бы.

«Уленшпигель» — конечно, книга страшная. Но больше — прекрасная. Саша, по-моему, не совсем прав, говоря, что «временами веселость Тилиа кажется неестественной» — когда он шутит над палачами,

делающими свое дело. Она выглядит неестественной — по сравнению с реакцией других людей и с точки зрения обычного человека. Но ведь Тиль — не просто и не только человек. Он — бессмертен, и он — дух Фландрии. А дух нации, страны всегда смотрит сверху вниз на палачей. Он — вровень с Историей и может позволить себе такую роскошь — шутить...

Насчет марок я — пас. Никогда не мог оценить смысла и прелести филателии. Жду еще писем от Саши, пусть пишет побольше, делать-то все равно нечего. Или он все же занимается?

Тошкино письмо (первая половина — о второй я уже писал). «Наваждение»* мне перечитывать не нужно, я уже знаю наизусть. Отвечаю на Тошкин вопрос: настроение мое «записано» дословно. Еще раз говорю: это, по-моему, прекрасные стихи. Но думаю, что для Тошки это не предел, и нечего ему облегченно вздыхать: «Все, что мог, я уже совершил».

«Осенняя песня»? Не знаю, может быть, перевод Гелескула (привет ему!) ближе к оригиналу — но, пардон, гладок-с, такой умытый и причесанный. «Русские стихи» Якобсона лучше: энергичней, эмоциональней, в ритме — нарушенное сердцебиение, прерывистость дыхания. «Веселые нищие» Маршака ближе к Бернсу — Р.Я.Райт говорила и писала, что это прекрасный перевод; а «Веселые нищие» Багрицкого — это великолепная, полнокровная поэзия. (Клод*, прочитав по-русски «Париж заселяется вновь»: «Замечательные стихи, но при чем тут Рембо?»)

Пусть Тошка прочтет перевод 66-го сонета в книге М.Дудина «Время». Я его вычитал в рецензии на сборник Дудина («Лит. Россия») и получил кучу удовольствия...

Целую Тошку и обещаю не скисать, как это было со мною в конце прошлого письма.

Да, еще о переводах. Уж Тошка-то наверняка отозвался бы, если б мои переводы с латышского (Имант Аузинь, Ояр Вацietис, Визма Белшевиц) не потерялись из октябрьского письма. Стало быть, потерялись. Очень жаль, хотелось услышать отзыв.

Ире Корсунской — салют! Ее заботами помаленьку восстанавливается моя коллекция фотопсов (основной фонд — в недоступном чемодане). Это очень хорошо, даже очень хорошо, что Ларке посылают жратву. Без жратвы обычно как-то немножко не по себе. Что-то не то. И хорошо, что я об этом узнал. А то все думаешь, думаешь, как она там выкручивается. А она ведь ничего об этом не пишет, гада. Гада и есть; спрашиваешь ее — фотографию: «Ну как дела?» Молчит, смеется. «Чего зубы-то скалишь? Чего смешного?» Смеется, молчит. (Ларка, овладел я жанром публичного доноса?) Пусть Ира и дальше

будет моим добрым ангелом-информатором, обнимаю ее. Это ничего, что я в одном письме обнимаю ее дважды? Как бы не привыкнуть...

И, наконец, телеграмма от вас, детки, — о моем декабрьском письме. Пор-р-рядок!

Спокойной ночи, завтра напишу хвалебную рецензию на 10-й «Нов. мир».

Да, Санька, денежку я получил — мерси.

| 25/XII/69

Так вот, о «Нов. мире». Номер примечательный по количеству имен знакомых («имен знакомых», а не «знакомых имен»). Самый отрадный подарок — это «В поисках Киммерии» Стася Славича. Вот теперь, с годами, когда уже поднакопились эти полурассказы-полуочерки, видно, что это не разрозненные наблюдения и зарисовки журналиста, а вполне стройное здание, камень к камню, с четкой и серьезной архитектурной идеей. И почерк у Стася уверенный, очень свой. Может быть, мне так кажется, потому что я его знаю и очень симпатизирую ему, но чудится мне даже некая взаимосвязь между тем, что и как он пишет, и самой внешностью его. (Знаком ли с ним кто-нибудь из вас, москвичей, кроме Марка [Азбеля]?) О соответствии стиля и «нутра» можно и не поминать: пишет, как говорит, я вижу его жестикуляцию, размашистую и изящную. Наверно, пора объединять все это в одну книгу? Я не знаю, как это сделать, но очень хотелось бы передать привет ему и непременно — Маре (для Ларки и для меня она — не «жена Стасика», а «Марка Габинская!»). Адрес его наверняка знает А.С.Берзер из «Нов. мира».

Эй, харьковчане, кто помнит «В.Портнова» — автора рецензии на 2-томник «Мастера русск. стихотв. перевода»? Это Володя Портнов — уж Марленка-то должна его помнить: он в нее влюблен был (Марленка, пожми плечами: «Разве я могу помнить всех влюбленных?..»). Ка-акая эрудиция! Ка-акая солидность! Аж завидки берут. Так вот и помрешь серым дураком и не научишься всерьез употреблять слово «втуне» или «историческая типология».

Очень дельная и точная рецензия Р.Орловой (ее я тоже числю в знакомых, хотя видел только один раз у Ел[ены] Михайловны [Закс]), жаль только, что коротка и собственно художественная сторона романа осталась почти за бортом.

А чего это толстого Сашу Голембу* потянуло с просторных переводческих угодий в жизнеописания политических деятелей? И это

после всех-то многограннообразных литературных замыслов? А ведь среди них были очень интересные — я помню, он рассказывал.

Снова сильнейшее впечатление произвел Лев Гинзбург* (нет, нет, к знакомым я его не отношу). «Бездну» его я прочел весной 68-го и, помнится, уже писал о полнейшем своем согласии с девизом его — «Знать и помнить». Теперешние его «Потусторонние встречи» в этом же ключе. Самое сильное в них — это не факты и не портреты, а комментарии к ним, такие лирико-публицистические отступления. Вот если бы я был знаком с ним, я сделал бы следующее: взял бы журнал и читал бы автору вслух его же собственные слова, приговаривая: «Вы с этим согласны? Я — тоже».

Еще одного соседа подкинули: бывший московский студент, Виталий Габисов, толстый и спокойный парниша, лет 27. Читает журнал «За рубежом», играет в шахматы и очень смешно выговаривает жаргонные слова.

| 28/XII/69

В субботу вечером неожиданно получил я письмо от Ляли Островской — милое, тронувшее меня письмо. Я очень благодарен Ляле за ее добрые новогодние пожелания; мое желание — чтобы «воображаемые диалоги» превратились в реальные.

Я не знаю, чужд ли мне цинизм. Если он и есть, то для него суждения и высказывания знакомых и незнакомых друзей — заповедная область, табу, так что пусть Ляля не беспокоится.

«Тот Даниэль», которого она, как пишет в письме, «вообразила», вероятно, намного лучше и интереснее настоящего — хотя бы потому, что воображаем-то мы бесконтрольно (я тоже этим грешу); тем не менее настоящему Даниэлю очень по душе Лялина новогодняя картинка. Можно ли будет воспроизвести все это в натуре: подсвечник со свечой, внушительную бутылку, бокалы потрясающей эlegantности и очень симпатичный колпачок с кисточкой? По свойственной мне застенчивости (факт, который дружно подтвердят все знающие меня) я воздерживаюсь от эпитетов для героини этой картинки...

У меня к Ляле просьба. Ежели будет охота, пусть напишет о себе, пусть расскажет немножко, мне же интересно, и я буду рад такому письму. А сколько это лет ее дочери, которой «чужд символизм»? Ленинградские сотрапезники Ляли — это те, кого и о ком я знаю?

Спасибо ей и — с Новым годом!

А живем мы так: трепотня, шахматы и чтение. Теперь, когда нас трое, чтива стало хватать, можно же обмениваться. И трепотня тоже

пока занятая: Иван Кочубей травит всякий мордовский фольклор, Виталий рассказывает московские новости годичной давности, иногда презанятные. В шахматы играют в основном они друг с другом; я иногда встречаю, быстренько получаю свой мат и, удовлетворенный, возвращаюсь к мемуарам Талейрана.

В общем, пока неплохо и втроем, время зашагало чуть быстрее. И настроение получше: не надо трястись, что вот, мол, зима впереди. Уже наступила — и ничего, живу-дышу. Еще два дня — и Аринин календарик кончится, утратит свои деловые качества, превратится в сувенир.

Бездельничаю, не пишу, не перевожу, и, представьте себе, никаких угрызений совести.

Сегодня — 28 декабря. Что происходит у одной моей давней знакомой? Генеральная уборка? Большая стирка? Или бегство в первый попавшийся театр? Ведь именно так чаще всего отмечается в этом доме день рождения...

| 29/XII/69

Свежевыбритая Снегурочка в яловых сапогах и в мундире принесла мне предновогоднюю почту: 4 открытки и письмо.

Вот уж подлинно круговерть: в каждой почте и мед, и деготь, и черт-те что. Аринина открытка огорчила меня несказанно. Знает ли Алик, что это может оказаться предпоследней ступенькой? А последняя — та, на которой я, — скучна, тягостна и, главное, никуда не ведет. И даже встретиться на ней мы не сможем, в этом я теперь окончательно убедился. (Эти мои сетования — на тот случай, если мы с Беном — причина нынешних злоключений; право, я чувствую себя — опять, в который раз! — виноватым в нескладницах, происходящих с другими.) И еще какие-то «хироманты-дилетанты», прорицатели, Мерлины замоскворецкие, черт бы их побрал! Не слушайте вы этого карканья. Я ведь точно знаю: стоит поверить, что, мол, все равно «кранты» — и так начнешь жить и поступать, что судьбе некуда будет деться, придется ей брякать по башкам.

Конечно, мы все-таки встретимся. Елена Михайловна (знакома ли Арина с нею?) когда-то очень мудро говорила, что «дружья должны непременно встречаться, иначе какие же они дружья?» И хотя это говорилось без учета экстраординарных обстоятельств, но все равно справедливо даже и сейчас.

Ира Корсунская как-то против обыкновения невнятно выразилась о Тошке. Что с ним произошло? Я ничего не понял. Зато все, к сожалению, понятно о Красине*. Ну-ну.

Привет и поздравление Веры* я передал моим компаньонам, они благодарят и тоже поздравляют. И я, само собой.

А Юра Левин не знает, что я гораздо охотнее вспоминаю новогодние встречи на Ленинском проспекте, чем в Шереметьеве. Я, конечно, понимаю, что Нэлкины эластичные брюки могли оставить неизгладимое впечатление; но для меня Шереметьевское новогодье не было радостным: всего несколько светлых минут — и то это были не разговоры.

Будем ли мы снова «наивными оптимистами и стихийными идеалистами»? Будем — без эпитетов.

Номер «Правды» от 21-го я, разумеется, прочел и поставил на полях мысленную птичку с уклоном в розовость*.

Черт его знает, что для чего средство: работа для терпения или терпение для работы. Пока что и того, и другого маловато.

Когда я вытряхнул конверт Иринино [Глинки] письма, я ахнул полным голосом. Вот это Глеб! Глебище целое, этакая махина! Ну никак не представлял себе, что такой парень вырос. Огромное спасибо Ирине за диапозитив. И, конечно, за письмо.

Герою Феллини я уподоблюсь вряд ли: какие уж тут конфликтные ситуации, живу почти старосветским помещиком — за исключением некоторых бытовых деталей. Так что мои «8 1/2»* (по счастливому выражению Ирины) будут тихо и мирно превращаться в «7 1/2», «6 1/2» и т.д. до 0.

Хорошо, что пришли Иринино письмо и Юрина открытка. (А какой Петров-Водкин на ней! Какой красный цвет чудесный! Почти такой же красивый, как у моего шарфа.) Я уже начинал понемножку волноваться: от всех — почти от всех — есть вести, а от них нема...

Как мне надоели эти глаголы: волноваться, беспокоиться, нервничать, психовать... И прочий далеко не джентльменский набор.

Обратите внимание, как заботливо объяснила редакция «Лит. России», кто именно перевел стихи Костера (и, к слову, прескверно перевел). Это в № 52 от 26/XII. Я аж умиллся. Прямо как в известных неприличных куплетцах с рефреном «Не подумайте плохого...»

| 1/1/70

С Новым Годом!

Как вам встречалось-праздновалось? Мне — хорошо. Вот как это было. Перво-наперво, я получил очередную порцию подарков: телеграммы от Бурасов и Фаюмов, письмо от Аллы Григорьевны и Иосифа Ароновича [Богоразов–Зиминых], открытку от Майи Зло-

биной, письмо и открытку от тебя, Лар. Этого оказалось сверхдостаточно, чтобы на меня снизошло праздничное настроение. Потом мы слушали по радио всякую веселую дребедень. Потом выясняли, какой имеет быть год — по китайскому календарю. Оказалось, что год Собаки. Это уже не плохо: с собаками у нас всегда были хорошие отношения. Потом я одним ухом слушал концерт, а другим глазом читал Стендаля. Потом мы трепались обо всем понемножку. Потом я сделал мысленную пробежку по далеко отстоящим друг от друга городам и весям нашей необъятной Родины — посмотрел, все ли в порядке с сервировкой, убедился, что все хорошо, и вернулся во Владимир. И как раз вовремя: начали бить часы. Ну, тут мы раскинули скатерть-самобранку, чокнулись сладким чаем и стали пировать. Не буду мучить вас описанием яств — еще завидовать начнете.

А потом я нирванул до утра. Здорово, правда?

Отвечаю на почту. Майе [Злобиной]: Ляльке скажите, что почту за честь и удовольствие познакомиться с нею; я это предполагал сделать и без клятвенных заверений Майи. Насчет моих «вершин духа»: Земля-то — она круглая. И вертится. Вот и поди, разбери, где вершины, а где наоборот. Мы-то думаем так, а с точки зрения антиподов? С Хемингуэем произошло вот что. Либо Майя забыла написать, при каком условии книгу надо вернуть, либо я невнимательно прочел. А я еще торопился и рычал, что растяпа Мошков забыл книгу в Озерном. Нет, больше мне никто «Колокол» не присылал.

Дорогие Алла Григорьевна и Иосиф Аронович! Как всегда, ваше письмо доставило мне радость. Еще и потому, что вы, хоть немножко, но пишете о друзьях и знакомых. Правда, удовольствие от этого письма основательно подпорчено сообщением о ваших недомоганиях. И само по себе это крайне неприятно, и очень обидно, что вас не было с Ларкой под Новый Год.

Отвечаю на Ваш вопрос, Иосиф Аронович. Я здоров и чувствую себя много лучше, чем, скажем, два-три месяца назад: прекратились головные боли, почти не болит брюхо (а то, от чего оно все-таки иногда побаливает, кончится в точно определенный день). О том, что у меня когда-то чего-то было с ухом, я и думать забыл. Рука — в порядке: установилась ровная погода. Так что все хорошо под сиянием лунным. В такой вот удовлетворительной спортивной форме я и надеюсь дотянуть срок.

А вы, Алла Григорьевна, сделали то, чего никто не догадался сделать: сообщили, что переводы мои не потерялись. Вот спасибо, это для меня очень важно, независимо от качества переводов. А уж если понравилось — совсем хорошо. Вот вам еще три фразки:

Как сановито голову носила!
Как горделиво цокали подковы!
Была вполне уверена Кобыла
В том, что она — куда умней Коровы.

Твердит о собственном пути
Овца; но, как ни странно,
Куда она должна идти —
Зависит от Барана.
(Вацлав Лацина)

Гвардейцы, генералы, служба тыла,
Министры, пресса, звон колоколов!..
А для чего сошлась вся эта сила?
Чтоб истребить пяток-десяток слов...
(Киприан Норвид)

Что за геральдический зверь у Кати и Саньки? Борзая? Уж не афганская ли? Он или она? Как звать? Если действительно есть сходство с Катенькой, то я, пожалуй, удовольствуюсь фотографией псины, так как Катиной мне, судя по всему, не видать. Впрочем, Санька обещал мне фото всего 8 месяцев назад...

Я не думаю, чтобы Ларке требовалось снотворное, — вполне достаточно ложиться в постель.

Ведь верно, Ларка?

Ты в открытке пишешь, что разучилась поздравлять с Новым Годом; а я учусь разучиваться. В прошлое Новогодье я послал открыток 30–40? Теперь я пошлю только одну из чарушинских зверюшек, которых ты мне прислала, и пускай Санька (или Арина) дарят кому хотят.

Если бы твое письмо показать Хазанову, он запричитал бы, как всегда: «Мария Склодовская-Кюри! Софья Ковалевская!» Неужели вы всамделе эту пакость одолели? Подумать только: дифференциальное исчисление! Знаешь, предложили бы мне сейчас: «Сдай алгебру или тригонометрию за 8-й класс — и выходи на свободу!», я сказал бы: «А идите вы...! Я лучше досижу — мне здоровье дороже».

Я выполнил твою просьбу и зачеркнул свои эмоции и суждения по определенному поводу (на стр.1); по этой автоцензуре можешь судить, как я отношусь к этой твоей ситуации. Ларка, милая, мы все любим собак, но не настолько же, чтобы самим превращаться в шотландских овчарок!

Да, могу сообщить тебе новость: ты родилась в год Змеи; а на женщинах, рожденных в этот год, жениться не рекомендуется. Черт

его знает, женился бы я на рожденной в год Обезьяны — глядишь, дали бы мне не 5, а 3!

16/1/70

Бах! 4 телеграммы и 11 открыток и писем. Это то, что скопилось за праздничные дни, целый ворох. Телеграммы от Люды [Алексеевой] и Коли [Вильямса], от родителей, от Кати и Сани, от Якобсонов, а письма и открытки от Арины, от Ленки Герчук, от Ирины Кудрявцевой, от Марленки [Рахлиной], от Ирины Глинки, от Павла и Май [Литвиновых], от Найи [Азбель], от Воронелей, от Валерия Смолкина, от Сережи Мошкова, от Марка.

Прежде всего — мои самые горячие поздравления Валерке и Рине, совет да любовь, обнимаю их и радуюсь за них. Спасибо за приглашение, я бы с удовольствием, но... «что в вышнем суждено совете?» «Рина» — это как? Такое имя или уменьшительное от «Ирина», «Марина», «Субмарина», «Ультрамарина», «La bella Fornarina»? Кнуту [Скуениексу] — большущий привет и, как я понимаю, тоже свадебные поздравления? Пусть Рыжего [В.Калниньша] не забывает. И меня тоже.

Я рад, что все так удачно сложилось у Сережи, и, право же, полгода спокойных вечеров без гулянок* — совсем неплохо, во всяком случае огорчаться не стоит. Только бы с учебой наладилось! Занятно, что вот Смолкин приглашает меня в Вильнюс, а Мошков помалкивает... Я-то знаю, в чем дело: он боится, что и литовская общественность узнает, насколько он слабее меня в бильярд и настольный теннис. Спросите у него, помнит ли он наш бильярдный счет? 35:25, так-то. Еще вопрос: он уже заменил стекло в очках или так и ходит, треснутый?

Домовладельцам Мае и Павлу привет! Я бы приехал к ним, да боюсь заразиться страстью к недвижимому имуществу. (Дом — это недвижимое? А движимое — это, скажем, корова или автомобиль? С другой стороны, ведь и дом можно двигать — сужу по известной песенке «Домик».) С удовольствием принимаю «ты» Павла, отвергая одновременно всякие недостойные упоминания о якобы существующей разнице в возрасте.

Совет Воронелей «наслаждаться жизнью» выполняю неукоснительно, наслаждаюсь. Могли бы, между прочим, сообщить о себе — как и что. Что за пьесу, к примеру, сочинила Нэлка? Гениальные ли опыты ставит Сашка, и, главное, где он их ставит?* Как дела у Володьки?

Найке скажите, что я буду здоров, буду, буду, буду! Батюшки-светы, она хотела бы «послать сил и здоровья» мне! Своих? Что бы ей осталось, если бы даже приняли у нее на почте бандероль в 1кг весом?

Ирине Глинке — не надо желать мне неосуществимого. Этот год, может, и будет счастливым; но спокойным — с сентября — исключается. Спасибо за продолженную традицию — латвийскую открытку; она красивая, но только такая холодная: лед, снег... Очень жду ее писем — они-то никогда не бывают зимними.

Леночке да будет известно, что мне по-прежнему интересно читать «про все». Так что, коли есть желание рассказывать и открывенничать, — я буду рад. А вот думать про вас всех в точно определенное время я не буду. Слава Богу, на мысли распорядок дня не распространяется, и не мне его вводить, — как сказал бы Александр I*. Думаю, когда думается, а это происходит часто, даже слишком.

Марлене и Марку, родителям, Якобсонам, Люде и Коле — также приветы мои и поздравления.

Пугает меня Аринино настроение: письма тревожные, неуверенные. Конечно, веселого мало; но беспокойство, как мне кажется, не по поводу происшедшего, а скорее так: «Ох, что-то еще будет!» А рядышком — веселые вильнюсские новости, ее собственная милая бесшабашность в отношении бывшей работы (провалиться бы ей вместе с оставшимися служащими!). А невеселые события... Они давно уже предугадывались.

Что с Алькой — мне непонятно. Он на камерном, что ли? Или в Саранске? Напишите прямо, тут никаких секретов нет. А активности, Арина права, ему надо поубавить..

Писали ли мне «дети большой семьи» про щена? Разумеется, нет, ни про щена, ни про что. Но я, как видите, был уже подготовлен письмом Аллы Григорьевны. А что афганская борзая, сам догадался. Это псы умопомрачительной красоты и изящества — я был знаком, правда, поверхностно, с двумя такими юными красотками. Имя «Маня» — для псины — мне не нравится; впрочем, им виднее.

Пусть Арина, Бога ради, не скисает. Какие чудесные, веселые и бодрые письма были от нее в ту пору, когда все было много хуже, чем теперь! Я понимаю, устала; но надо держаться, уже не так много осталось. И что самое главное — мы «узнали что к чему и что почем — и очень точно»*. Да, все плохо — и все не так уж плохо (чертова диалектика!).

Большая радость — письмо от Ирины Кудрявцевой, я уж и не припомню, когда было последнее. И все, что она пишет, — она права — все очень мое, родное: и спектакль на Таганке, о котором я только слышал; и песни, которые я и сейчас пою; и строчки из Пастернака —

в особенности. Мне не совсем понятно, почему она говорит о «потерянности»: разве мои письма недоступны для нее? Это при том-то, что они подчас попадали черт знает к кому и цитировались какими-то недоумками! Целую ее и обнимаю, пусть непременно напишет подробней о себе, о работе, семье и о чем думается.

А новоявленные прибалты* должны помнить мою страсть к фотографиям. И чтоб Рина была! А Кнут по-прежнему с бородой? Он полтелстел хоть немножко?

Очевидно, братцы, на этом кончился новогодний поток приветствий? Так вот, спасибо вам всем и всех вас — еще раз: с Новым Годом!

У меня-то, правда,

И год не нов. Другой новой обещан*.

«Другой» — это тот, что начнется, как у всех благочестивых иудеев, в сентябре. Я не ошибаюсь, ведь еврейский Новый Год в сентябре начинается?

| 8/1/70

Чем, братцы и сестрицы, хорош Владимир — это тем, что письма доходят много быстрее, чем в Мордовию. Сегодня вот — 2 письма, от Юры Хазанова и Маринки Фаум, оба от 4-го числа, и уже здесь.

Очень мне интересно, что за новую книжку сделал писатель Хазанов и в чьих домах на этот раз грабил бытовые подробности*; но, к сожалению, с чтением придется мне погодить. А вот что любопытно узнать: поддерживает ли он связи с нашими общими кавказскими авторами?* В газетах-журналах я что-то не встречал переводов; года два-три назад видел в «Лит. России» махонькую его статейку о кавказцах — и все.

Пусть передаст мой ответный привет Наде [Павловой] и узнает, выяснила ли она, наконец, был ли Гайдар впечатлительным мальчиком или нет. Может, она сама сообщит мне результаты своих литературоведческих изысканий?

Привет и поклон также Тамаре Васильевне*. Я очень тронут, что она помнит меня по нашим кратковременным и сугубо официальным встречам...

Ему самому, Римме и Капу* — салют.

Маринка — умница и молодец, хорошее письмо прислала, длинное и обстоятельное. Какие-то черточки Ларкиного быта прояснились, что-то понятней стало в смысле общего настроения. И о «детках» тоже — очень питательные для меня строки.

Книжки украинские (и любые) я, к сожалению, получить не могу. Если можно, пусть кто-нибудь выберет 1—2 стихотворения расхваленного Теминым Бориса Нечерды и непременно 2—3 стиха давно знаемой и любимой мною Лины Костенко (это я не только о стихах). Только выбирает уж пусть кто-нибудь действительно знающий язык. Но — предупреждаю! — все это может оказаться напрасным трудом, если не считать удовольствия, которое я получу от чтения; я впал в зимнюю спячку (умственную), и неизвестно, выпадут ли из нее.

Теперь мне ясно, какая это «Маринка» звонила Ире Кудрявцевой. Зато совершенно неясно, кто такая «Марина с обольстительными взвизгами в паузах»*. (Не пугайтесь: речь идет о паузах между куплетами песен Высоцкого...) Вообще, трудно разгадывать ребусы с именами. Как-то прочел я в открытке Иры Корсунской фразу: «Встретила на ул.Горького Ирку, они там снимают; она несла отправлять Ларке посылку со жратвой». Вот я и стал думать. «Снимают». Кинофильм? Маску — с покойника? Блузки и чулки — с себя? Польты и часы — с прохожих? Челюскинцев со льдины? Поразмыслив, я отверг искусство, стриптиз, грабеж и полярную авиацию, решил, что речь идет о жилье. Тогда я стал расшифровывать «Ирку». Глинка? Отродясь не была не только «Иркой», но даже «Ирой». Жолковская? Она — Арина. Уварова? Обладательница роскошной квартиры на Н.-Песчаной. Ронкина? Верна Бену и Ленинграду. Кудрявцева? Кажется, с Ирой Корсунской незнакома. Корсунская? Встречать самое себя — банальная мистика, по-моему, не в ее характере. Есть в Москве еще штуки четыре Ирины, бывшие знакомые, — им вряд ли пришла бы в голову дикая идея кормить Ларку. Вот так я и допер до Ирки Белогородской*. Уф!..

У меня мелькала мысль о Борисе [Чичибабине] как об авторе «Матери-смерти», но я не дал ей ходу: уж больно непохоже это было на то, что печаталось в последнее время.

Хороший сегодня день. Это вот Маринкино письмо, а потом по радио Григ, «Пер Гюнт». Как-то они меня всю жизнь сопровождают, Ибсен и Григ. Драму я прочел где-то 11–12-ти лет и влюбился в нее, еще ничего не понимая. Потом появилась «Песня Сольвейг» — в исполнении моей мамы. Потом — стихи Блока. Потом — сразу после войны — снова Григ в концертном исполнении: 2–3–4 раза! (Это при том, что я вообще-то на симфонических концертах был раз десять в жизни.) Пера читал и очень запомнился Глумов, потом, кажется, Аксенов, Озе — в последний раз — Коонен. И летом 65-го — снова «Песня Сольвейг»; очень мне тогда было худо, и так хотелось «самим собою быть», и так не верилось, что был самим собою в чьих-то мыслях. Я ведь тоже, как Пер, наткнулся когда-то на Великую Кривую и — «Сторонкой, Пер Гюнт, сторонкой!»

Ничего я в музыке не смыслю и не знаю, то ли они — Ибсен и Григ — так «получились» в моей жизни, то ли действительно замечательная музыка, пробивающая даже мою толстокожесть, но слушать ее спокойно не могу, аж до слез.

Выключили радио, хожу по камере и бормочу: «Сольвейг, о Сольвейг, о солнечный путь...» И вдруг Виталий Габисов, не поднимая головы от шахмат: «Дай мне вздохнуть, освежить свою грудь...». Славно, правда?

| 10/1/70

И отрадное завершение почтовой недели: письмо от Елены Михайловны [Закс]. Как это обидно, что именно ее письма не доходили до меня. Письма Елены Михайловны — особого свойства: всегда грустные и всегда бодрые, а это, по-моему, много весомей, чем бодрость в чистом виде.

Ну, конечно, прав был Корней Иванович: «Побеждает всегда поэзия». Я с этим очень согласен, и всегда это было со мною — не формула, а ощущение. Но как радостно, когда кто-то умный и добрый находит для таких ощущений слова: «Побеждает всегда поэзия», «Рукописи не горят».

И это, собственно, ответ на полудогадку-полуутверждение Елены Михайловны: «Как будто бы Вы можете себя чувствовать хорошо...» Представьте — могу. И дело именно в том, что побеждает поэзия. Только, Боже упаси, не подумайте, что я считаю себя поэтом или ставлю знак равенства между поэзией и собою: просто я гражданин Поэзии, живу по ее законам, и ее победы мои победы. Я говорю сейчас «высоким стилем», — но почему я должен стесняться высоких слов, когда речь идет не о пустяках, а о жизни? И не только о моей.

Разумеется, то, что я чувствую себя хорошо, зависит и от быта: условия, в которых я нахожусь, несравнимы с тем, что довелось испытать нашим общим знакомым 20–25 лет назад. Им было и холодно, и голодно, и одиноко, а меня миновала чаша сия...

Сообщение о романе Окуджавы* опоздало: я его читал. И тоже нахожу его весьма интересным. Особенно здорово выбрана — во времени — фигура рассказчика. Все вместе: время и характер действия и время и позиция повествования — делает роман по-настоящему современным и серьезным (несмотря на всяческие арабески, впрочем, большей частью остроумные). И тем не менее книга выиграла бы, будь Окуджава строже к историческим реалиям — или если бы он плюнул на них вообще.

А вот Кочетова новый роман я не читал* и даже не видел. Не знаю, вряд ли достало бы у меня мужества взяться за него. «Угол падения» я одолеть не смог. Да и стоит ли? После «Секретаря-то обкома»? Умри, Денис, лучше не напишешь!

Насчет Саньки мы с Еленой Михайловной в абсолютно одинаковом положении: я тоже «его не вижу, только слышу о нем». И это одна из причин, но не главная, почему я не берусь прогнозировать его будущее и давать рекомендации. Так что у нас с Еленой Михайловной взгляды совпадают во всем. Кроме Т.Манна: скучен, скучен и скучен!

А Аленке [Закс] нечего прятаться за мамину спину да еще оправдываться литературной малограмотностью!

Нежно целую обеих Елен и — хорошего Нового Года им!

| 11/1/70

Завтра утром надо отправлять письмо, и поэтому я с высот поэзии бросаюсь в это самое, в прозу.

Санюшка, в прошлом письме, полученном, судя по телеграмме, три недели назад, я приглашал тебя на randevu. Прошли предложенные мною конец декабря и начало января. Я понимаю, не было возможности выбраться, — но написать о том, когда будет такая возможность и будет ли, все-таки следовало. Сделай это, пожалуйста, сразу же, не откладывая.

И вот еще что. Я могу получить бандероль до 1кг. К сожалению, единственное, что в этой бандероли может быть, — это сладкое. А из сладкого имеет смысл послать только шоколад. Итак, шоколад. И тоже сразу же. Но если ты тут же соберешься ко мне, тогда не посылай, а возьми с собою и прихвати табуку: может, тебе удастся сделать половину передачи табуком. А то махорка осточертела: и противно, и не накуришься никак. В любом случае телеграфируй.

Судя по письмам, Алла Григорьевна и Иосиф Аронович уже в Чуне. Алла Григорьевна, держитесь! Богоразы в большинстве; я уже вижу, как они, используя численное преимущество, наступают на Вас, распевая, как африканцы в театре Балиева: «Мы — Бо, мы — го, мы — ра, мы — зы! Мы — Богоразы! Мы — Богоразы!» А Вы их — гитарой, гитарой!

Я возмущен до крайности, что никто не отреагировал на мои гениальные стихи о котлетах. Уж если я сам хвалю свое сочинение, значит, оно — шедевр; и все обязаны восхищаться. В знак своего неудовольствия оставляю вас на этот раз без стихов — посидите-ка без сладкого!

Вот чего: передайте-ка, что ли, Бену мои новогодние поздравления. Вот ведь скверный анекдот: приветствовать его через Москву!* И если знаете, как у него со здоровьем и настроением, — напишите мне.

Ето я сказал, ето я упредил — чего еще? Вроде бы все. В цирк хочу, вот что. Это я вчера «Девочку на шаре» Драгунского слушал. И вообще я много чего хочу. И не перехочивается, и не перетерпливается. И слава Богу.

В моем выставочном зале на одно произведение сейчас экспонируются «Красные рыбки» Матисса. А до этого — последовательно — «Купчиха за чаепитием», «Автопортрет с Саскией», натюрморт Петрова-Водкина, «Суздаль» Мавриной. А до чего мила Маврина! Я ее никогда раньше не видал.

Дорогие мои, до свидания.

Будьте здоровы и благополучны.

Обнимаю вас

Ю.

На свою беду я несколько раз поговорил с моими компаньонами о литературе; теперь они сочиняют, как заведенные, а я должен рецензировать, ох! Иван — стихи, а Виталий — прозу... Хорошо еще, что не обижаются — пока.

п и с ь м о ш е с т ь д е с я т д е в я т о е

14/1/70

Вот и письмо твое новогоднее, Ларик. Как это грустно, что писала ты его в Новогоднюю ночь, что больше нечем было заняться. Хорошо, если вчера, в Старый Новый год — родители [Богоразы-Зимины] были уже в Чуне, а то очень уж это погано: 2 Новых года подряд в одиночку. У меня такое было, кажется, один раз в жизни, под 44-й Новый год, на фронте, и это даже не воспоминание, потому что все стерлось, забылось — запоминаться было нечему, несмотря на экзотику: окоп, плащ-палатка, солома на дне окопа, военная пиротехника... Но ничего, после было много хороших Новогодий, грех жаловаться; так что и теперь есть шансы на лучшее.

Что ж тут удивительного, что поселок пахнет дерьмом? Так и надо, это вам не санаторий, не Ницца, не Рица. Ништо вам, принюхаетесь, и не такое нюхано было.

Про «Нов. мир» читал я в твоём письме, как какая-то тетка из романа Гроссмана все удивлялась ценам на харчи в соседнем поселке — то дороже, чем у них, то дешевле, а то точь-в-точь. Про «Потусторонние

встречи» — точь-в-точь. Про Стася — решительно не согласен: не гладкость, а сдержанность, такт*. Тебе застит глаза колоритная фигура самого Стася; спору нет, он обаятелен, и слушать его — и смотреть на него! — очень здорово. Вот тебе и захотелось, чтобы повторилось впечатление. А это совсем и ни к чему. Тебе не достало терпения вчитаться и увидеть того же Стася — но в другой ипостаси (прошу прощения, рифма нечаянно).

А вот с [В.П.]Некрасовым дело сложнее. Это я не о том, что с тобой произошло: читала одно, а взорвалась по поводу другого. И странного тут ничего нет: мы ведь «завсегда про это думаем». А вот вправе ли мы предъявлять претензии? Бен [В.Ронкин], например, считает, что вправе. И предъявлял он их тому же Некрасову, и в выражениях значительно более крепких и определенных, чем твои. А я (хоть мне, если честно говорить, и хотелось бы активности) все же сомневаюсь. И сомневаюсь по двум причинам. Во-первых, «позиция неучастия» кажется мне достаточно достойной и плодотворной, не надо недооценивать ее. Во-вторых... Ларка, а ведь «Мастер и Маргарита» написан во второй половине 30-х гг.; а «Фауст» переведен Пастернаком в годы войны; а Блок стал Блоком в 1906–13 гг.; а что и сколько написано Пушкиным и после 1825 года! По малограмотности своей я не ссылаюсь на зарубежных авторов, не поминаю живописцев, композиторов, актеров. А ведь сколько их, делавших — по-своему — историю. (По-своему и, быть может, единственно правильным путем.) Для меня неприемлема формула «Поэтом можешь ты не быть...» в приложении к художникам. И вообще, это противопоставление — нелепо. Поэт не может «не быть» поэтом; между прочим, этим он и есть гражданин. Разумеется, речь идет о настоящем искусстве, а не о созданном путем членства в «творческом объединении».

Прости за длинные и косноязычные рассуждения; но меня все это волнует гораздо больше, чем ты, вероятно, думаешь. Не случайно мы с Беном до ругани, до хрипоты спорили. Трудно выпрыгивать из собственной кожи, но это надо делать, иначе рискуешь быть не только «субъективным», как ты пишешь, но попросту несправедливым: нельзя измерять поведение других аршинами собственных невзгод.

| 15/1/70

Я сейчас веду себя примерно так же, как на свиданиях. Помнишь? То кусочек колбасы отщипну, то конфету съем, то за «Беломор» хватаюсь, то за кофе... Дело в том, что сразу, в один день пришли первые номера «Иностр. лит-ры» и «Знамени», раздобыли мне 5-й и 6-й номе-

ра «Нов. мира», обменяли книги, и теперь у нас том стихов Бунина, два тома Лескова, два тома Мих.Кольцова. Еще «Лит. газета» свежая (этот эпитет надо понимать в смысле «новая», а отнюдь не в первоначальном значении). Если еще завтра ларек дадут — настанет такая жизнь, о какой затурканные москвичи могут только грезить.

А что 7-й «Н. м.» к тебе, Ларик, не попал — жаль. Там занятные воспоминания В.Ходасевич, с такими пикантными детальками о путешествии М.Горького по Волге — пальчики оближешь! Нет, кто красив, а я умен, — как говорила моя мама: я всегда утверждал, что зря Горького попрекают, старик был чист, как херувим. И так же наивен.

А кто это «Ю.Герчук», чья статья о Фаворском в «Детской лит-ре» обещана на январь?

Только-только успел я написать последнюю фразу — бряк! Два письма, и на одном из них, представьте, там, где обратный адрес, написано: «Ю.Герчук». Тогда я поскорей заглянул в конец письма... Ах, вот оно что! Так это же Фаум.

И вот ему, этому Фауму — мои спасибочки. За изыскания в XVIII в. — может, все-таки они мне пригодятся, хотя это зависит не только от меня. За информацию о его литпланах; обе идеи хороши, но вторая — о восприятии архитектуры и прикл. искусства в XVIII в. — кажется мне более интересной, оригинальной и лучше осуществимой: одолеть первую тему при таких условиях — на 10 листах уместить историю культуры целого века? Что-то сомнительно. А что до переиздания «Памятников Волги», то, если еще не поздно, почистите всякие эпитеты и сравнения. Меня раздражало однообразие архитектурных описаний. Я понимаю, что церкви похожи и соответствующие элементы похожи или одинаковы, — но речь идет об эпитетах не научных, не технических, а эмоциональных. От этого было неприятное чувство «угадывания наперед»: «Ага, собор! Сейчас они восхитятся вот так-то...»

Очень интересно мне было читать о стихах, хотя с некоторыми высказываниями согласиться не могу. Например, с тем, что цикл — это перепев стихотворения, посвященного Маринке*. То стихотворение — о невозможности постичь сосуществование, о несовместимости в сознании; а эти стихи — попытка объективного изображения совмещенного в реальной жизни, общая, что ли, картина. Вот. И нравится мне не то, где о Суворове, а то, где о Литераторах, не то, где о прозе, а куски из центрального стихотворения. Но Фаум прав, разговор по частностям лучше отложить. А отношение мое ко всему этому вообще изложено, хоть и сумбурно, но вполне честно в прошлом письме.

Ларик, еще я получил нынче обещанный тобою подарок. Ну и умница ты, ну и молодец! Какая прелесть Маврина, спасибо. Занятны

маски непонятного происхождения. А Петров-Водкин сам по себе хорош (я знаю эти вещи), но для моей специфической обстановки не подходит — бледен. Вот теперь я поменяю экспозицию, а то мне твой любимый Матисс уже надоел.

| 21/1/70

Послушайте, у Ю.Левитанского в каждой подборке непременно есть что-нибудь хорошее. Вот в «Знамени», в № 1, очень славное стихотворение — «Диалог у новогодней елки». И в «Н. м.» недавно тоже хорошие стихи были. А? И сам из себя он такой квадратненький и в усах. И пародии смешные.

Одолел я два тома М.Кольцова. Ну и что? А ничего. Очень даже так себе. Ну, конечно, пограмотней Рыклиных, Жуковых и пр. Я, правда, не читал «Испанский дневник», не знаю, может, там он «блистает, блещет и блестит»?

Том Лескова прочел. Умел старик словеса подбирать. Его-то я читал не как Кольцова, не по диагонали, а внимательно. Все-таки непонятно, как это составители включили удручающе бездарную пьесу «Расточитель». Читать ее стыдно, словно знакомый человек непристойности выделывает.

| 22/1/70

Вчера поздно вечером, когда я уж и не ждал ничего, появилось Маринкино письмо. Как хорошо, что она недовольна своими письмами! Это увеличивает мои шансы на получение добавочных посланий, сверх «нормы».

А я и не знал, что наш рыжий друг* женился и что у них уже сын. Черт, как все там у вас быстро! Совсем вроде недавно Андрюшка на своем дне рождения просил меня занять ее разговором, а то, мол, она стесняется и скучает, — что я и выполнял добросовестно, пока не наклюкался. Очень занятно все это: сотрудничество в газете, общение с маститыми литераторами — и командировки. Что-то у меня не совсем укладывается в голове это сочетание; впрочем, вероятно, мне многое представляется слишком прямолинейно.

Пожалуйста, передайте мой привет и мое сочувствие Лене Аксельрод. Я очень жалею, что так и не познакомился с ее отцом; кроме того, что он был хороший художник, он и мой отец знали друг друга*. А как сын Лены? (Миша?) Он ведь в деда шел: лет пять назад (и боль-

ше) он делал очень интересные работы. Несколько рисунков у меня есть — все в том же недосыгаемом чемодане, — это Лена по моей просьбе прислала, она ведь писала мне в 66-м году. Самый сердечный привет ей.

Инну Бернштейн «искать» не надо; я понимаю, что это «нетрудно сделать», — но думаю, что так же нетрудно было за эти годы «найти» меня.

Вот похвала Маринкиным способностям портретиста: по ее описанию я узнал человека, которого она встретила в Историческом музее и имени которого не помнит. Это Бруно Томан, мой когдатошний приятель, я его уже лет десять с хвостиком не видал. Спасибо, рад, что он меня не забыл.

О Кочетове мне писала только Елена Михайловна [Закс], а не «все», как предположила Маринка. Отзыв Елены Михайловны — невнятный вопль восторга. А что, стоит все-таки прочесть? Если это произведение эпохальное, типа «Секретаря обкома», «Тли», «Челюстей саранчи», напишите, в каких номерах журнала его искать — попробую достать (Люда [Алексеева] как-то за подобные желания обзвала наших друзей «извращенцами»).

Какой позор! Маринка читала «Час Быка»!..

Насчет Кабо Маринка угадала, мне понравилось, совсем вроде и не литература. А Нилина о Бурденко я начал и бросил, скучно показалось. Может, зря.

Читали ли вы в №№ 5 и 6 «Н. м.» воспоминания Ц.Кин?* Я что-то чувствителен стал не в меру: сердце сжималось, когда читал...

К сожалению, журнал попал ко мне искалеченным: из него был выдран Камю, но черт с ним, а вот записки Ц.Кин тоже пострадали. И подборка стихов Ахматовой тоже выдрана. Но хоть не так обидно, когда Камю или Ахматову выдирают целиком, стало быть, хранить и читать. А то ведь из середины десятками страниц рвут, сволочи! Карты, должно быть, делают. Или селедку заворачивают. У меня-то, правда, для селедки есть «Лит. газета» и «Лит. Россия».

Я здоров, здоров! Как майский жук.

| 26/1/70

Сегодня прибыл 11-й № «Н. м.». Я успел только заглянуть в оглавление, увидел стихи Драча, стал читать. Стихотворение «Перо» — кажется, это самое первое стихотворение Ивана, которое я перевел. И, по-моему, мой перевод все-таки лучше: и сильнее, и вернее. Хотя перевод Павлинова сам по себе неплох.

А смогу ли я — если будет возможность печататься — переводить на уровне переводов из Драча, из Грубина*, из Скуениекса? Ох, не знаю.

Перевел я на днях стихотвореньице Людмилы Скирды — в общем, за то, что там есть такие слова: «море», «солнце», «цикады» и другие милые словеса.

| 28/1/70

Вот сегодня мне сообщили, что сейчас карантин по поводу гриппа, свидания временно отменены. Ну что ж, подождем. Ибо сказано:

По всем календарям
Вертящейся земли —
На смену январям
Приходят февральи.

И это весьма утешительно. Кроме огорчения по поводу откладываемого свидания, я все же и порадовался: причиной нынешнего разговора было твое, Санька, письмо к администрации. Стало быть, 20 января ты еще был жив-здоров, разумел грамоте и даже интересовался мною. Я вот все жду сведений о своем январском письме; жаль будет, если пропадет, в нем было не то 14, не то 16 страниц, и с подробными ответами на письма. Ну, я еще погожу хныкать, может, до конца недели что-нибудь прояснится. С почтой у меня, как с салютом в известном анекдоте: то ничего-ничего, и вдруг ка-ак шарахнет! И опять ничего.

Настроение у меня неплохое: я после длинного перерыва взялся за прозу, вчера полторы большие страницы исписал — во как!

| 5/11/70

Сегодня наконец прибыла почта. Я незнаком с городом Владимиром, наверно, он очень большой? Телеграмма от Кати и Саньки была принята во Владимире 23/1, доставили мне ее сегодня, бедняга-почтальон нес ее 14 дней... Сильно тебе икалось, сын мой? «Бесовестный свин» — это было самое нежное и благоуханное из тех словосочетаний, которыми я тебя удостоил за твое «молчание», — и зря. А впрочем, пригодится на будущее. Да и за прошлое я еще не рассчитался...

Письмо от Борьки Золотаревского — полный восторг. Во-первых, я обож-жаю конспективное изложение кинофильмов. (Еще Миха [Бурас] упражнялся на этом поприще. Кстати, почему о нем ни слуху, ни духу?). Так что насчет «Супружеской жизни» и «Анжелики» мне теперь все ясно. Во-вторых, я приветствую добродетель, где бы я ее ни встретил. Это я о той чудовищной скромности, с которой Борька признался, что он не смог бы так поставить «Детей Ванюшина». Bravo, bravo.

А где строится кооперативный золотаревский дом? Это что ж, опять за семь верст киселя хлебать? Хотя мне-то все равно: это ведь Борьке придется ездить ко мне — километров этак за сто.

Почему он о семействе своем ничего не написал?

Прелести водного и сухопутного туризма мне уже вдохновенно живописал Бен: «Понимаете, вымокнете с головы до ног, жрать нечего, комары полморды отъели, костер не разводится — хорошо! Мы вас непременно приучим к турпоходам, благодарить будете...»

«Манон» — это хорошо*. Я хотел было предложить «Марго» — как вам? Но в открыточке Иры Корсунской я прочел странные строчки о «Вильке Хаславской, которая на какое-то время давала Саньке одного из своих очаровательных щенков афганской гончей». Это как понимать? Собака напрокат? Так нельзя, братцы. Собака — это вам не человек, чтобы ее туда-сюда перебрасывать. Особливо когда она юная Hund.

А открыточка Мавриной — неожиданная, какая-то Ван-Гогговская. Ой, я забыл, что Ира — искусствовед, да еще с аспирантским стажем: надо поостеречься давать определения.

Кстати, об искусствоведах: вот милое дело — так, между прочим, сообщают, что Голомштоки-Казаровцы уже три месяца как разродились! Непременно и срочно поздравьте от меня Нину и Игоря! Как нарекли младенца? Надеюсь, не Матиссом?

Я совсем запутался в Ириной информации: кто это В.Буковский? То есть о роде его занятий в последнее время я догадываюсь*, но — кто, что, за что? Кто такая Нина Ив.? Любочка Кац? Маша Слоним?* Ира забывает, что рядом со мной нет Алика [Гинзбурга], который знал всех: и Буковского, и Гуковского, и Чуковского, и Чайковского. И даже Чаковского.

Кто кого и от кого рожает у Никольских — я разобраться не в состоянии.

О Феде — любителе изобразительного искусства* — я расскажу как-нибудь парочку забавных историй. Он, в общем, парень неплохой. Хотя симпатичен он мне не был: я не люблю юродства и всего, что на него похоже.

Пародия здорово смешная, ай да автор! (Кто?) Давайте еще да побольше.

Очень я утешен, что Алик в хорошем состоянии — а в настроении? Наташеньке [Садомской] спасибо за самоварчик. Вечно она мне что-нибудь подходящее к обстановке пришлет: то изображение роскошной бутылки со спиртным, то вот — чайную снасть! Я уж стараюсь не вспоминать, как она коленки из-за забора демонстрировала...

А письмо ее — н-да, письмо. Не вдохновляет. Так сказать, не зовет. Рассуждения о периоде герметизма и о кучности группок («клопизме») не новы, и это меня не смущает, отродясь не печалился обо всем этом. Огорчительно, что сама Наташка, видимо, грустит по этому поводу и по другим, по-моему, более основательным. Ох, голубчик, не надо. Ты же умница и мужественная (не пугайся, это я о духе; так-то ты женственная-женственная...). И вот же — книжка, и статьи и другие работки. И вообще: «Загнем рукоять на столовом ноже и будем все, хоть на день, да испанцы!»

| 6/11/70

Прочел в «Лит. газете» пародию Риммы [Хазановой] на Владимова. Забавно, похоже. Хотя несколько однообразно в смысле лексики: у Владимова жаргонный словарь богаче. Но все равно — молодчина.

Еще о Наташкином письме, о «неославянофильстве». Я решительно не понимаю, где тут предмет спора. «Довлеет дневи злоба его» — к чему еще всякие надуманные проблемы? «Западники», «славянофилы» — неужели сейчас эти слова что-нибудь значат? Претензии «неославянофилов» на какую-то особую любовь к народу, к его истории, языку, искусству попросту смехотворны. Как будто любой человек (нормальный), выросший и живущий в России, не живет в ее истории, в языке, в традициях! Вот вы, мол, просто обитатели-обыватели, а я обитаю в своей стране осознанно, особо, с чувством ответственности и превосходства! Сознание ответственности — отличная вещь, но в чем оно конкретно выражается? А ни в чем серьезном. Болтовня о необходимости благоговейного отношения к архаизмам, слюнявые рассуждения о лепоте деревенской жизни, оголтелое камлание вокруг третьесортных литераторов, тьфу! А подвернется по-настоящему хороший писатель, сразу мистического вздору нагородят — как о Белове, чью жестокую точность предпочитают не замечать. Этакие Пустоплясы вокруг Коняги. И что ж это за, прости Господи, любовь такая особенная? Много раз уже цитировали Эренбурга, сказавшего, что «я тебя люблю» сильнее, чем «я тебя очень люблю»; так вот, эти сюсюкают с Россией: «Я тебя очень-очень-очень люблю!!!»

А «западники»? Это которые вместо «Хемингуэй» говорят «Хэм»? Или те, что остороженько флиртуют с экзистенциализмом? Пресвятая Троица «Пруст—Джойс—Кафка»?

Почему, собственно, альтернатива? Мы знаем современных литераторов, чьи произведения более русские, чем балалаечные трели В.Бокова, и одновременно более западные, чем «В ожидании Годо» или как там эта скукотища называется.

Я все сбиваюсь на литературу, но мог бы назвать и других художников, «национальных по форме и интернациональных по содержанию», что, по-моему, и есть один из отличительных признаков «большого» искусства — Пушкина, Чехова, Сервантеса, Пикассо, Грига, Чаплина — так называемых «великих». Вероятно, эти модные термины имели смысл в прошлом веке: люди, действовавшие согласно своим взглядам, должны же были соответственно называться. А сейчас — на кой им действовать? «Шумим, братцы, шумим!» Да и те единицы, которые как-то действуют, — тоже не мед. За эти годы я встречался с апологетами обоих направлений — в их крайнем выражении — не только и не столько в области искусства. Пожалуй, это было практическое приложение всех этих умствований — непредусмотренное и тем не менее спровоцированное «теоретиками». Смею уверить, что ничего отрадного ни то, ни другое не сулит.

Говорят, что человек, идущий без ориентиров в лесу, в степи, не может двигаться по прямой, непременно начнет кружить. Не удивляйтесь, если я в этих моих суждениях «кружу»: у меня ведь тоже нет ориентиров. Я сейчас совсем один и не слышу людей, с которыми у меня общие критерии. Я мог бы с ними (с вами!) спорить или соглашаться, но точки и меры отсчета были бы одними. А то ведь нарывался я на таких, для кого русская культура кончилась на Державине. И на таких, что спрашивали (и вполне серьезно!): «А что, разве в русской поэзии есть кто-нибудь, кто поднялся до Шелли?»

Но это — все же психи, а те, о ком говорит Наташка, — по-моему, спекулянты и все тут.

Ох, устал я без вас, братцы.

| 8/11/70

Вот вы, которые ученые, доктора и кандидаты, объясните мне, пожалуйста, почему это у диктора, ведущего передачу «Встреча с песней», голос и тон такие, как будто он только что похоронил тетю, не только горячо любимую, но еще и очень уважаемую? И у того, который «Литературные вечера», — тоже. Так и хочется погладить по пле-

чику и сказать: «Ну что поделаешь? Бог дал, бог взял. Все там будем. Ничего, брат, держись. Давай объявляй следующий номер». Ой, радио, радио! Когда я в 66-м уезжал из Москвы, вот, думал, радио-то послушаю! А вдруг и знакомых кого услышу?! Услышал. Первый знакомый был Новомир Лысогоров, нес чего-то популярное про биологию. Спасибо, не надо. Потом Леня Сержан вкрадчивым баритональным тенором объяснял за французские не то шансоны, не то шантаны*. Знаем, слышали. Потом много раз Давид Кугультинов читал стихи, почему-то не в моих переводах* — почему бы это? А, переводы мои плохие. Ладно. Господи, думаю, хоть бы Володя Высоцкий выступил! Выступил. То есть абсолютно идиотская пьеска какого-то немца-маразматика, и Высоцкий — в главной роли. Вот утешил. Ай-ай. А еще его в серьезных статьях поминают — в «Нов. мире», в 12-м номере.

А в том же 12-м стихи какого-то Величанского, очень занятные по настроению. И вообще. Кто это?

Рад был я увидеть крохотную рецензийку Елены Михайловны*. С отменным удовольствием и полным согласием прочел я и статью Лакшина* — умную, острую и актуальную — как всегда.

| 9/II/70

«Ум поверхностный и неприлежный или ум, удаленный от науки, объяснит вам, что привыкание к очкам в том проявляется, что вынужденный к ношению их уже не берется за чтение или письмо, не вооружась вспомогательными сими стеклами. Но не это есть непременный знак привыкания. Привыкание к очкам тем сказывается, что очконосец научается чесать глаз, сморкаться и ковырять в носу, не снимая прибора» (Людвиг фон Мурренкопф, «Наблюдатель природы. Добрые советы сельскому жителю на каждый день года за вычетом високосных лет», Лейпциг, 1802 г.).

| 10/II/70

Санька, поскольку этому окаянному гриппу не видать ни конца, ни краю, не жди с бандеролью — отправляй сразу же. Хорошо бы мне ее получить до конца месяца. Усек? «Что вам надо? — Шоколада. — А сколько прислать его вам? — Ровно один килограмм». А со свиданием — что ж делать, придется тебе время от времени запрашивать, как там, мол, во Владимире? Все еще кашляете?

Пора бы мне, ох, пора бы получить от тебя письмо, Ларка. Али открытку какую ни есть. Последние твои автографы почти полуторамесячной давности, новогодние.

| 11/II/70

Санька, с днем рождения тебя! Вот так, ровно за месяц вперед. Завтра утречком отправлю это письмишко и заодно отпраздную юбилейчик*.

Всем, всем, всем — приветы, объятия и поцелуи, пусть каждый выбирает по вкусу. Дано в городе Владимире в лето от Р.Х.1970.

Удельный князь Владимирский
Ю.

Напишите мне, как здоровье Аллы Григорьевны и Иосифа Ароновича [Богоразов–Зиминых]. Кончился ли их грипп, и собираются ли они к Ларе.

п и с ь м о с е м и д е с я т о е

| 12/II/70

Утречком отправил письмо, а вечером получил почту. Не сбылись Маринкины [Домшлак] надежды, не успело ее послание. Но оно и к лучшему: отвечать буду не наспех, и ответы подробней будут, и мне — удовольствие.

Урожай у меня нынче богатый: телеграмма, открытка и пять писем.

Ну, телеграмма из Чуны. Собственно текст ее никаких Америк мне не открыл, все это: насчет свидания, карантина и Санькиных намерений — я знал и раньше. Зато масса умозаключений. Сопоставив два собственных имени: Катя [Великанова] и Чуна, — я пришел к выводу, что Катя в Чуне. Или наоборот. Последнее, поразмыслив, я отбросил: это невозможно по режимным соображениям. Далее я усек, что ты, Ларка, по состоянию на 10/II-70 г. — жива. Потом я убедился, что между свекровью и невесткой — мир и согласие: «целуем» — т.е. действуют сообща, сплоченным коллективом (а то бы целовали порознь). И наконец, что у них полное взаимопонимание и доскональное понимание общего родственника: дружно решили, что недалекий Санька сам не допрет послать телеграмму. Во сколько можно извлечь из телеграфного бланка!

Маринкино письмо подтвердило правильность моих выкладок. Из него я узнал также подробности Катиной экипировки, усугубившей

ее неотразимость. Так как: помог кто-нибудь дотащить рюкзак? Затем оно — письмо — успокоило меня насчет Маньки—Манон—Марго; ежели Виля Хаславская считает меня родственником по собачьей линии, значит, все в порядке. Еще бы мне не помнить матушку и тетушку Манон: я выскочил любоваться ими в холодину без пальто и пиджака и заработал простуду. Привет ей — не простуде, а Виле. Ох, глаз да глаз нужен с этой самой письменной речью. В том же письме Маринкином — сплошная мистика (которую я отношу, впрочем, за счет сочинения писем в служебное время): «...человек-то занятый. Архитектор прекрасный, музыкант, изобретатель, всему Державинскому кружку друг*, — а я еще в Донском работала в это время (?), и он (!) что-то у нас из чертежей смотрел. Очень был мил со мною (Еще бы! Светский же все-таки человек! — Ю.Д.), дал свой телефон (!!) и просил звонить, если что понадобится. Забавно было». Еще как забавно-то... Он до XIX века дотянул, Львов этот самый?

С Аполлинером кто-то из троих врет: или Маринка, или Юра Левин, или Аполлинер. Маринка пишет, что Аполлинер просидел четыре с лишком месяца, Юра утверждает, что одну неделю (а 4 месяца был под следствием), а судя по стихам Аполлинера, бедняга пробыл в заточении никак не меньше нескольких лет.

Зрелищный мой голод относится в первую очередь к музеям, к художественным выставкам, а уж потом к театру, кино, архитектуре и т.д. Но шатание по Москве — просто шатание, не экскурсионное — вне конкуренции. По Москве я тоскую отчаянно, до скрежета зубного. Ведь и в былые-то времена я начинал скучать после двух-трех месяцев отсутствия. Самая длинная в моей жизни отлучка из Москвы была около двух с половиной лет, во время войны. А сейчас уже четыре с половиной года...

О моих переводах. Маринка права: в тех переводах, что я прислал (да и в большинстве других), меня почти нет, во всяком случае, «нет целиком» — да это и невозможно, я думаю. Но мне все-таки кажется, что есть переводы, где я «чувствуюсь», т.е. та собственно моя «лирика», о которой пишет Маринка. Это, к примеру, стихотворение Фр.Грубина, с чешского: «Лес обступил меня со всех сторон...». Кажется, оно есть, если не дома, то у Наташки [Садомской]. Мне это стихотворение очень дорого — и перевод тоже. Потом — «Эвридика» (так мне и не ответили, знакома ли она вам!). Пусть Маринка прочтет, мне интересно, согласится ли она со мною.

И вот что. Не надо все время извиняться передо мною. Если в письмах чего-то нельзя писать, то это совсем не потому, что мне может не понравиться. Ну не понравится, ну и что? Не понравится — буду возражать, спорить, ругаться. Я — не мимоза, не одуванчик, а

довольно-таки толстокожий и стержневой тип (сказал он кокетливо). Нет, в самом деле, надо писать все, что хочется и можно. Это относится не только к Маринке, и в других письмах я заметил эту осторожность: не обидеть бы, не растравить бы. Не взволновать бы... В результате я, может быть, лишаюсь драгоценной для меня доподлинности — самой сути моего корреспондента, его характера и настоящего, не адаптированного отношения ко мне.

13/II/70

Юре я весьма признателен за справки. Особенно позабавила меня справка о писателе, про которого я спрашивал*. Очень все это трогательно и умильно: дело в том, что ровно четыре года назад мне ставили его в пример как образец гражданской и литературной добродетели.

А как это «Автопортрет с Саскией» вписывается в серию о блудном сыне? Что-то непонятно. А Б.Зернов — это Борис, ленинградец, искусствовед? Я помню его, он такой иронически-снисходительный.

Ни фига, Пиросмановские натюрморты на меня не действуют, у меня железная воля, как у Гуго Пекторалиса. Я даже могу читать наизусть соответствующие натюрморты из «Трактира» Багрицкого*. Не вслух, конечно, а то соседи затоскуют и побьют.

И ничего Юра не преувеличил насчет нашего общего знакомого, все так и есть: можно и должно лицемерить и задницу лизать — были бы благие намерения да сознание собственной недюжинности. Простите за грубость и злость, но меня уже тошнит от индивидуальной нравственности краснобаев всех мастей — из тех что норовят и рыбку съесть...

Прочел я шереметьевские двустихия, и сразу возник еще один вариант: «Не води к себе ... // Пожалей своих ...» — вариант абсолютно неприличный, но более точный по рифме и по существу. Припомните-ка словечко из «Бунта» А.К.Толстого*. На том прощенья просим...

Насчет Кочетова я устыдился и сегодня заказал журналы, авось, достанут.

Любезному Эмбриону [Сане Якобсону] — салют! Как похоже встречали мы Новый Год! «Ни вина, ни водки не было». Виноградного сока, впрочем, тоже. И елки, даже плохонькой. И еще совпадение: я тоже сейчас читаю «Былое и думы». Как-то у меня получилось, что раньше, до 65-го, я не удосужился прочесть; да и после читал и читаю эту книгу почему-то лишь в особых условиях. Может, так оно и надо? Для лучшего понимания?

Из полусказок мне понравилось о кашалоте. И об орле, который обижался на печенку, — таких орлов я встречал.

А как обстоят дела с поэтическим творчеством? Или «лета к суровой прозе клонят?»

| 14/II/70

Марленке [Рахлиной] начинаю ответ с конца ее письма. Она там целует меня и спрашивает: «Доколе?» Отвечаю, как Аввакум: «До самой смерти», аж пока не придется дать «последнее целование».

Что за черт? Люди — как люди: болеют, в клиники ложатся, ревматизм в мозги заполучают, у того — гайморит, у другого — желтуха, один я чурбан бесчувственный, все — как с гуся вода. А про Марленку как теперь считать? Уже псих? Или еще нет? А то ведь неизвестно, можно ли ей перечить или надо соглашаться: «Да-да, ты Сафо, ты мадам де Сталь, ты Софи Лорен».

Рецензия в «Прапоре» — блеск, попробую достать ее целиком. Такие рецензии надо вырезать и на стенку вешать. В рамочке. Или клеивать в семейный альбом. Нет, не оскудела критической мыслью украинская интеллигенция. «Нектар с самогоном»! Слог-то какой! Вপুরо самим стихи сочинять

Ну что сказать про харьковскую хронику? Конечно, судить о том, что с людьми происходит, мне трудно. Но должен заметить, что когда подтверждаются другими людьми собственные многолетние впечатления, можно уже не бояться ошибок. Знает ли Марлена, что мне не очень часто, но случалось обманываться в людях: думал о человеке хорошо, а оказалось — дрянцо; но ни разу не случилось наоборот: уж если первое впечатление было неважным или в процессе общения человек переставал нравиться, то уж непременно того заслуживал.

Чудная Марленка, как я могу написать о человеке, которого сроду не видал и о существовании которого узнал лишь два-три года назад? Умна ли? Добра? Хороша собой? И вообще — хватит с меня, я уже несколько раз получил по морде: спрашивал о людях, приветывал — и ни звука.

Ира Корсунская по февральскому моему письму уже, вероятно, догадалась, что ее письмо от 29/I я получил. В открытке ее от 4/II снова тьма загадок. Зин. Мих.? Ира Кристи? Виктор Х.? Ю.Телесин и его прародина? То есть как-то некоторые имена я сопоставляю с известными мне людьми и обстоятельствами, но все-таки — «полный самбур». Как там Юрка [Галансков]? Подлечили его хоть немного? Как здоровье Лени Бородина? И вообще пишут ли и что пишут

«озерные братья»? Не грех бы Ире и о себе немножко написать. Что, к примеру, с работой? Чистит ли зубы по утрам? (Наверное, чистит — они у нее сверкали с расстояния метров в двадцать*.) Прислала бы она мне свое изображение, что ли, очень бы мило было. Не надо думать, что вы, новые мои корреспонденты, — для меня только источник информации — в первую очередь интересны мне вы сами.

| 15/II/70

Вот письмо Ирины Глинки. Ну какие смешные и нестоящие печали — что, мол, письма не такие, как у других! А мне это вот «лица необщее выражение» очень дорого, я радуюсь ему. И в каждую строчку, в каждое слово вчитываюсь. Мне ведь важно не только то, о чем пишут, но и как. А Ирина умеет рассказывать — о Крыме ли, о Прибалтике, о Новгороде — так, что сама в пейзажи вписывается. И не только в пейзажи — даже в цитаты из Горького, вот ведь как.

Уж, пожалуйста, пусть не оставляет во мне «вопросы-гвозди», меня они тревожат — вот и Юра [Левин] о том же писал, и беспокойно мне что-то.

Что касается «нового, иного совсем поэта — с тем же именем только*» — не знаю, не берусь судить. Вообще-то я плохо верю в метаморфозы. Для них обычно нужна хорошая встряска, была ли она? Уж если собственная биография оставила место для азбучного оптимизма... Не хочу гадать на кофейной гуще. (Ах, если бы она была! Кстати, как вы думаете, «троп» и «трёп» одного происхождения?)

Я знаю, транспортировка семейного воза отбирает у Ирины время и силы, но если будет возможность, пусть пишет чуточку чаще и больше. Пожалуйста. («Покормите лошадь... Пожалуйста...»)

Нынче воскресенье. Отличается оно от будней лишь тем, что не ждешь писем, почты не бывает. Да еще радио можно слушать с подъема до отбоя, обычно оно в рабочие часы помалкивает.

Я навел порядок в тумбочке и на ней, застелил полки и сверху чистой «Культурой» (польской), поменял экспонаты постоянной выставки. Поставил псковский архитектурный пейзаж Стожарова, выданный из «Москвы», и «Ларку с котенком» заменил «Ларкой на море». А до этого у меня помещался там смешной такой человечек в красном плаще и красном шарфе, вроде бы в лесу (польская книжная графика, из «Иностранной литературы»).

Репродукции — единственная польза от 1-го номера «Москвы»: весь журнал — хоть шаром покати. И Солоухинские переводы не спасают — э к в е р л и б р и с т и к а.

Вчера симпатичнейшие цидулки пришли: твое письмо, Ларка, Ваше, Катенька, Ляли Островской и Фаюма.

Твое послание, Лар, — сплошное удовольствие. Главное, никаких неприятных новостей. Ну всякие незваные гости*, так это же пустяки, быт, проза жизни.

Про наших детишек я боле-мене знаю: пишут добрые люди, успокаивают родительское сердце. Что, однако, за переписка у Саньки с Гришей, в чем, так сказать, «суть дела»* — это мне неизвестно. И то сказать — мало ли у него приятелей?

Что-то непонятно, с какой это дороги прислал письмо Толя*, куда он поехал. Ты или Люда [Алексеева], объясните внятно, по возможности.

Количество собственных одесситов, я вижу, не уменьшается, а растет*: вместо покойного Александра Ефимовича* появились за эти годы новые знакомые. Что ж, будет с кем на пляж ходить.

Словацкого получила, и даже с надписью? И удивляешься, «за что такое отношение»? Есть за что. Не сомневаюсь, что сам Словацкий*, будь он жив, сделал бы тебе добрую надпись.

Пожалуйста, поздравь(те) от меня Светличных с рождением Яремы*. Как жаль, что я сам не могу это сделать!

Я вовсе не на больничном положении, это я еще плохо ориентировался, когда разговаривал с Санькой; просто в том же здании, где я, есть и больничные палаты.

Катенька, Вы молодец и умница, что написали. А писать Вы умеете только из Чуны?

Ваши слова о том, что «Мама-Лара» чувствует себя хорошо и выглядит прекрасно, меня, действительно, очень обрадовали. А фотография подтверждает эти слова (Ларка, ты всамделе отлично выглядишь, много лучше, чем в Москве!). Что же до Вашего изображения, то теперь я верю, что Манон и впрямь хороша собой.

В следующий раз, когда будете оставлять Маньку на Саньку, объясните (Саньке), что ходить в гости для пропитания надо вместе с собакой: «Да, кстати, я еще сегодня Маньку не кормил... Что? Мне? Стоит ли? Впрочем, пожалуй... Что вы, что вы, зачем же зря посуду пачкать, я могу из той же миски...»

Любопытно мне знать, почему это бесстрастный объектив так странно фиксирует: как дрова пилить — так Ларку с Катей, как сидеть на дровах — так Саньку?

Пишите еще, Катя, а ошибок не бойтесь: грамматические ошибки украшают письмо, как веснушки — женщину (каков афоризм, а?). У На-

ташки [Садомской], например, письма сплошь в веснушках, а уж как я люблю и ее, и письма ейные!

А колбасу больше в поездах не забывайте, читать такие вещи просто невыносимо.

Письмо Ляли Островской (я уж буду называть ее Лялей, как сначала получилось). Прочитав первые строки, я немедленно проверил на слух свое имя и фамилию — действительно, все так и есть, как она пишет. Очень мне было приятно читать о Новгороде; жаль только, что нет рядом Валерия [Ронкина] — прочесть ему о дочке, о его ленинградцах.

Горизонтальная картинка мила и не нуждается в пояснительной подписи. Если Ляля соберется еще как-нибудь написать, прошу — с картинками.

Я долго соображал, почему это бутылка — «конверт из стекла»? Потом все-таки вспомнил...* (Вот так же я мучительно вспоминал, кто такие Ларкины гости, и никак не мог припомнить, пока не прочел письмо Фаюма.)

Неужели у нас с Лялей, кроме Арины [И.Жолковской], нет сейчас в Москве общих знакомых? Этого не может быть, держу пари на что угодно.

К мебели я вообще-то отношусь равнодушно, потребительски, но есть два знакомых кресла, с которыми у меня отношения очень нежные. Одно — член семьи Фаюмов, кресло-качалка с натянутыми струнами, другое — у Ел.Мих.Закс — старое, скрипучее, с широкими плоскими подлокотниками, на которые можно ставить пепельницу, рюмку или просто похлопывать по ним ладонями. А еще я люблю — но это, кажется, уже не мебель? — шторы, занавеси, портьеры, покрывала, всякую тканьину.

О письме Фаюма я буду писать потом — если решусь. Нет у меня нынче настроения для серьезных тем. Совсем наоборот. Мне не дают покоя лавры Расула Гамзатова — его «Надписи» на чашах, на кинжалах и прочем ширпотребе. Вот я и решил сделать цикл «Надписи на чем попало»*. Две из них вы уже знаете: «Надпись на могильной плите» («Автоэпитафия») и «Надпись на Лобном месте». Есть еще две: «Надпись на сборнике Аполлинера» и «Надпись на «Литературной газете» от 11/II-70 г.». Увы, это совсем не та лирика, которая нравится Маринке. Зато эти коротенькие стишки удобно сочинять во время прогулки — их размеры соответствуют времени и расстоянию. И настроению. Вообще с лирикой у меня разбрык. Может, временный, не знаю.

Так вот, о Фаюмском письме. Мне кажется, спора между нами нет. Есть некоторые разногласия, происходящие из-за затрудненности нашего общения. Все, что он пишет об исторической литературе, — хорошо и справедливо. Все, что писал о ней же цитируемый им Тынянов, — еще лучше и справедливей. Одна беда — не в коня корм. Это все годится для серьезного исследователя (в смысле — писателя), а я таковым себя не считаю. «Ветошкин» мой — книжка вполне приличная*, грамотная, вероятно, превосходящая многие современные исторические повести — и только. Почему? Потому что она, как я теперь понимаю, явилась результатом не влюбленности в историю, а выходом для моих версификаторских способностей. Я-то этого тогда не знал, поэтому работал добросовестно — насколько позволял характер. Знал бы — хулиганил бы вовсю, а так только поозорничал немножко*. К сожалению, я не читал Дюренматта, о котором пишет Фаюм, но по описанию это именно то, о чем я сейчас думаю: историческая личность — как предлог, как трамплин, как зацепка. Или историческая ситуация. А что спрашиваю об отношении к Ивану IV — так это и есть материал учебника, примитивный факт; оттого, что им никто из наших современников не интересовался, он — факт — сложнее не делается.

Я позволю себе, в виде исключения, быть серьезным. Те химические реакции, которые произошли во мне, начисто исключают возможность ухода «в глубь веков», скорее я никогда ничего писать не буду, чем стану отгораживаться столетиями от сегодняшнего дня. Для того же, чтобы заниматься историей так, чтобы она не теряла ни грана своей доподлинности и в то же время была современной, надо быть Тыняновым. Это мне не дано, и, стало быть, о настоящей исследовательской работе речи быть не может. Но вот другая сторона этой историко-психологической проблемы: я действительно уверен, что Человек не очень изменился за века и даже за тысячелетия, «мосты не сгнили»*. Пример с дворянским гонором Радищева, приведенный Фаюмом, ничуть не убеждает — наоборот: я знаю многие случаи точно такого же поведения по тем же причинам — отнюдь не с дворянами. И вот, коль скоро я не ошибаюсь в неизменности человеческого существа, то считаю писателя вправе — как это в большей или меньшей степени делали Шекспир, Брехт, Фейхтвангер, Б.Франк — использовать дворянскую шпагу, средневековый таран и даже каменный топор для современного боя. Или атомные пистолеты, лазеры или как их там зовут — из будущего — как Брэдбери, Лем, Стругацкие.

Все дело в том, чтобы характер исторического лица рассматривать, как характер соседа по квартире, — вблизи, отрешась от привычного представления, созданного исторической художественной литературой, «парадными документами» и леностью собственной мысли. Так, металлические прутья, скованные или сваренные с другими под прямым углом, совсем не таковы, какими они представляются издали, т.е. по книгам, по картинам и прочему: они, как правило, с гранями и всегда негладкие, с заусенцами, с раковинами, очень неудобные для осязания. Отсюда — неправильность, нехарактерность излюбленного, классического изображения человека, имеющего с ними дело. Заусенцы же и выщерблины характера — в основном те же, что и 500 лет назад.

Но все эти мои литературные декларации суть декларации для меня, и не более того. Я хочу обращаться с историческим лицом, фактом, ситуацией, как со своей собственностью: захочу — в красный угол посажу, захочу — с кашей съем.

Кстати, я, как и Фаюм, тоже думаю, что Радищев был «не такой». Я, например, убежден, что его в какой-то и, может быть, значительной степени «повело»: элемент игры, азарта, риска, насколько я знаю, игнорируется авторами, писавшими о нем. О своеобразном тщеславии анонима тоже молчат; а ведь «Хотел прослыть автором»* — не только отговорка загнанного в угол. И так далее — тьма «вечных» движений человеческой души, высоких, обыденных, смешных, даже жалких — всяких. Не смейтесь, но я думаю, что Радищев как человек сформировался не до и не во время создания «Путешествия», а после. И тот, который после, ничуть не менее интересен и нужен.

Ну, хватит. Наговорил много, не знаю, внятно ли.

| 19/II/70

Экий фарт пошел мне: почта навалом, тьфу, тьфу, не взглянуть бы! Во-первых, телеграмма: «Литвиновых родилась дочка Лариса» (на бланке напечатано «д о ч к а П а р и с а»). От души поздравляю Маю и Павла, дай Бог сибирячке здоровья и счастья! Эй, «крестная», за тобой подарок — «на зубок»! Как чувствует себя Мая, все ли благополучно? А на кого она похожа, новорожденная?

Письма нынче с сюрпризами. Аришино — с фотографией трех бездельников. Это ведь одна видимость, что С.Н.Мошков «наверстывает упущенное», на самом деле он размышляет, нет ли в книге, которую он читает (делает вид, что читает), нет ли в этой книге между страницами забытой пятерки и как на эту пятерку раздобыть кофейку. И что за вид?

Сидит почти совершенно голый рядом с женщиной, почти совершенно одетой! Правильно было ему когда-то сказано: «Совести у вас нет!» Это говорилось, правда, по поводу неуместного вокала.

А что это за тени на щеках у Смолочки [В.Смолкина]? Неужели небритость? Стыд какой!

Женщина в темных очках (с той же фотографии) полностью искупила свой грех молчания хорошими новостями об Алике [Гинзбурге]. Я рад, что он толстый и веселый. Господи, взываю я в тоске, зачем ему длинная рыжая борода?! Таким ли мы с Ариной узнали и полюбили его? Неужели на всю компанию недостаточно великолепной медно-красной бороды Виктора [Калниньша] и флибустьерской бородки Юры [Галанскова]?

А кто да кто там новый?

И кто этот почтенный литератор, которому Арина помогает сеять разумное, доброе и отчасти вечное?* Уж не Лев ли Успенский?

Так, значит, будут рецензийки на так называемый «самотек»? Отдел, ведающий этим, именуется вполне справедливо «Отделом борьбы с начинающими авторами» — сам боролся по три рубля за прочитанный печатный лист.

Поскорей бы ей выздороветь, поскорей бы съездить и поскорей написать мне — но про всех, а не только про своего благоверного.

В письме Хазановых — два сюрприза. Первый — это несколько строк от Нади [Павловой], спасибо. Надеюсь, что, начав так удачно цитатой из Пушкина, Надя и дальше пойдет по стопам Александра Сергеича? Ценнейшие сведения историко-литературного характера, сообщенные ею, дали мне уйму тем для размышления, коими я, по возвращении, разумеется, поделюсь с ней. А пока буду рад, если Надя продолжит свои экскурсии в науку. Что, к примеру, она может рассказать мне по истории титулования? Какие обращения в какие времена и где были приняты?

Второй сюрприз — вырезки с пародиями Риммы [Хазановой]. Ну, пародию на Владимова я читал (и писал об этом). Лучшая, на мой взгляд, — пародия на Фолкнера — «технически» лучшая. А по существу пародируемого — на Гамзатова, она достаточно ехидная. В общем, мне кажется, именно в этом направлении и надо нажимать, так как собственно манеру изложения, язык Риммочка передает вполне похоже и смешно. Чутьочку злей надо!

Антонине Ивановне — низкий поклон, я очень тронут ее приветом. Где же она сейчас?

Никак не догадаюсь, чем это виляет Кап? Задом, что ли?

Сюрприз Иры Корсунской — Суздальский собор, красивый. В Суздаль я еще, наверное, поеду, а вот хватит ли у меня духу поехать во

Владимир? Не знаю. У меня возникла стойкая неприязнь к некоторым географическим названиям: Новосибирск, Мордовия, Владимир. Может, пройдет?

Из открытки прояснилось с Толей [Марченко]. Но вы все-таки общайтесь о нем, как и что.

А за спортивной хроникой мы следим, газеты читаем, чай, грамотные!

Еще Ира прислала помесячный календарик. Итого: этот самый помесячный — он удобный, при деле; от Наташи Горбаневской — общий, тоже в ходу — чтобы одним, так сказать, взглядом окинуть мою ближайшую будущность; еще один прислала вот сейчас Арина; еще один от Борьки З[олотаревского]; еще два — уже не помню от кого, — я подарил соседям. Богато живем, перевыполняем по календарям.

В очень славном Тошкином [А.Якобсона] письме сюрприз другого рода — неприятный. Речь идет об обратном адресе одного мерзейшего письма, которое я получил еще в Мордовии*. Я готов надавать себе пощечин за то легкомыслие, с которым я сообщил вам об этом письме, и главное, за то, что попытался воспроизвести этот обратный адрес. Господи, как будто я не знаю автора, какими бы именами он ни подписывался! Я не сообразил, что среди знакомых моих знакомых может быть человек с таким именем — мне-то это имя ничего не говорило. Если по этому поводу были какие-нибудь объяснения (а очевидно, были), умоляю Тошку испросить для меня прощения у Гали — и немедленно. Мне так стыдно и скверно, как сейчас, давно уже не было.

Трудно, даже невозможно ответить Тошке на все, что он пишет о наших отношениях: я могу публично обляпать кого угодно, а вот публично объясниться в нежных чувствах — этого я не умею. Погодим, а?

Пусть не дрейфит: склероза у него нет, историю Санькиного любопытства к специальным терминам, которых я был удостоен, Тошка излагает впервые; но я-то хорошо помню это печальное событие. Вообще Санька проявил тогда нездоровую любознательность, добиваясь, почему это дядя Юра (Фаюм) считает, что на полу отдыхать удобнее, чем на диване. А дядя Юра, пристраивая свои кости на паркете, смотрел на него кроткими глазами и печально твердил: «Саня, не слушай, что дядя Толя говорит...»

Отвечаю на вопросы. С Наташей [Горбаневской] я был знаком, больше — с ее стихами. С Виктором мне совершенно неясно. А.А.Футман писать мне не изволит, но я не обижаюсь, просто набью морду, когда увидимся (если Толик эту самую морду подставит). Стихи Кедрина помню, но с пробелами: «Мои друзья-товарищи / Порубаны,

постреляны. / Им глазыньки до донышка / ворон выклевал, / Их греет волчье солнышко, / Они к нему привыкнули...»* Так?

Относительно переводов с латышского — это ведь не срочно, мне просто любопытно.

Про стихи мои — ну черт с ним, пусть считает, что я кокетничаю, хотя я и написал чистую правду, честное-благородное слово!

Переводы из Лорки* хороши и даже очень. Особенно понравились мне три: «Песня всадника», «Глупая песня» и «Ай!». А не понравилась строка из «Солеа»: «Все крики, равно как вздохи».

Я с нетерпением жду обещанные Марленой украинские стихи, хочется поработать. Я попросил здесь достать мне «Дніпро» и «Прапор», но вероятность обнаружения жемчужного зерна ничтожно мала. Может, и ошибаюсь: читал я их эпизодически.

| 22/11/70

Вопрос: как пишется по-французски слово «пандан»? В русском тексте употребляется с предлогом или без (в (?) пандан)? Какого падежа требует, дательного или творительного?

Февраль идет много быстрее января, не знаю почему. То ли оттого, что солнце выглядывает; то ли писем все-таки немало; то ли читыва хватает. А тут еще текущая пресса — с нею не соскучишься. Последний номер «Литгазеты», к примеру. Нет, мальчики, что ни говори, а Грибачев — сила! И главное, все по существу, по существу!*

Курю махру, читаю Герцена, слушаю детские передачи. Изобретаю велосипеды. Очередной велосипед называется «Размеры «дорожных» стихов Пушкина». Что-то в голову стукнуло, что «дорожная» лирика Пушкина вся почти в хорее: «Бесы», «Зимняя дорога», «Долго ль мне бродить на свете», «Подъезжая под Ижоры» и это, не помню, как начинается: «... К чаю накупи баранок // И скорее поезжай», из письма кому-то. Вот я и размышляю, с чего бы это. Думал, думал — и вспомнил нечаянно: урок рисования в классе для переростков, в 6-м. Совсем зеленый еще учитель с ужасом приглядывается к здоровенному парнюге, который, против обыкновения, не орет, не играет в «очко», не жрет бутерброды — сидит и молчит, уставясь куда-то в ноги учителю, мыслит. Учитель не выдерживает неизвестности: «Тряпкин, ты чего молчишь?» — «Я думаю». — «Ты? Думаешь?? О чем???» — «Я думаю, какой размер у ваших ботинок...»

А дорожные стихи всплыли, наверно, потому, что гудки слышны. Где-то недалеко сортировочная, что ли. По ночам даже слышно, как

диспетчер командует. Команды, гудки, гул поездов: «Та-та, та-та, та-та, та-та» — «Иль со скуки околею /// Где-нибудь в карантине...»

Еще на днях развлекался — примеривал эти пять лет к другому своему возрасту. На первый взгляд — куда проще и лучше? Пришлись бы они, скажем, на 20–25 лет, в 25 лет вышел, впереди — черт знает сколько жизни: «Эй, пей, гуляй!» Потом прикинул — это с 45-го года по 50-й? Дудки, шалишь! Самому годится. Может, плюнуть на период с 25 по 30? Нельзя — становление. 35–40? Нет, ни за что, эти 5 лет просто невозможно заменить: все кульминации, лучшее и худшее, вся работа, все «бремя страстей человеческих», нипочем не откажусь. А как же быть? А так и оставить: с 40 по 45. Жаль, конечно, и этого возраста; я бы еще попрыгал. А так уже навряд. Будет ли «второе дыхание»? Или «второе рождение»? А? Как вы думаете? Ай, люли, ай, люли, — зачирикал рамоли... А смотрите-ка, ведь неплохая арифметика получается: нет таких пяти лет, которые не жаль было бы опустить!

Да, еще одна «надпись» появилась — «Надпись на пластинке “Темная ночь”»*.

| 24/11/70

Какие печальные новости в твоём последнем письме, Ларик. Как это грустно и обидно, когда умирают хорошие люди, и как несправедливо, что нет возможности хоть руку пожать их близким. Если кто-нибудь видит Гитерманов, передайте им мое сочувствие. Когда я в последний раз видел Мишиного отца? Кажется, летом 65-го. Или 64-го? Это было в Менделееве.

И как мне жаль Михайловну!* Какой был чудесный человек, умница и добрая. Я ее часто вспоминал, ее сочувствие нам — тогда, двадцать лет назад, ее юмор. И то, что сказал ей сын, уходя на войну*, — у меня было много поводов вспомнить его слова. Сколько ей лет было?

Я не получил твое письмо о Корнее Ивановиче. Помянули о нем в письмах только Елена Михайловна [Закс] и Санька. Я так и не знаю, успела ли ты с ним познакомиться?

Что за личность Лев Гинзбург — мне неизвестно. Внешне он очень похож на Эрика Шаликова — ростом, коренастостью, хмурым и настороженным взглядом исподлобья. Переводит он хорошо, особенно современные стихи; да и старинные тоже, правда, не без модернизации. Последний раз я его видел где-то 10–14 февраля 66-го года; но эту встречу он к «потусторонним» не отнес, во всяком случае, я в

печати не встречал*. Разговаривал я с ним всего один раз, о сонетах Арнольда Цвейга, переведенных мною, был он, мягко выражаясь, неприветлив; однако потом я с удивлением узнал, что один из переводов напечатан в сборнике (он — Гинзбург — был составителем). «Тыкать носом»? Разница меж нами, очевидно, в том, что стремления у нас с тобой одинаковые, но мне осуществлять их мешает скепсис: «А что толку? А зачем? Ни фиги не выйдет...». «Фигура умолчания» входит составной частью в работу этих литераторов; а если начать терять их, появится «фигура непонимания», вот и все.

Название романа Кочетова ты, разумеется, переврала. «Угол падения» — это предыдущий роман; а этот называется «Чего же ты хочешь?» С нетерпением жду, когда мне достанут журналы (мне обещали), так меня раззадорили высокие оценки Елены Михайловны, Юры Левина, Фаюма, присланная пародия и статья в «Литгазете».

С Антоном [Накашидзе] я что-то напугал. Я ведь почему так настойчиво спрашивал? — думал, что он уже на воле, мне почему-то казалось, что срок у него кончается летом 69-го. Очевидно, я ошибся ровно на год. Следует ли понимать приезд его жены как реставрацию семьи? На моей памяти приезжала только сестра.

Относительно употребления цитат из моих писем в качестве дружеских аргументов по голове. Право же, никак в толк не возьму, о чем речь. Мне-то казалось, что написанное мною однозначно и перетолковыванию не поддается. Если я пишу, что хочу «спокойно досидеть», это надо понимать буквально. Вопрос о том, кого нужно «беречь» — меня или себя, — нелепый. Нельзя же действительно хвататься за одну фразу! А из всего содержания всех моих писем разве не следует, что я умоляю друзей беречь себя? Только в этом случае я смогу «спокойно досиживать». Берегите меня, берега (берега? бередя? Тьфу!) себя.

Курам твоим чертовски повезло, что эвакуировались. Дождались бы меня, очутились бы в супе — и кудкудакнуть не успели бы. Хорошо, и тебе хлопот меньше. Вообще эти пасторали и буколики не по мне; думаю, что и не по тебе. А то все это похоже на тех автовладельцев, которые вылизывают свои машины, угроживают время, нервы и деньги, а ездят на них раз в год за тексталоном.

| 1/III/70

«Март великодушный» с утра сделал мне подарок: голос Риты Яковлевны. Вдруг в развеселой передаче «С добрым утром!» объявляют «писательницу Р.Я.Райт-Ковалеву», и так это мне вспомнились эти же

самые слова о Маяковском, читанные и, главное, слышанные раньше. Я как-то толком не знаю о ее теперешнем отношении к Ларке, ко мне*; но я-то по-прежнему восхищаюсь ею, и очень это было славно — услышать ее.

Должно быть, на радио угадали мое брюзжание по поводу голов знакомых.

А теперь помусолю-ка я «Иностр. лит-ру», авось что-нибудь и вычитаю.

Вот, как снег на голову, — Санька!

У меня сейчас нечто вроде шока. Из-за отвычки от людей твое появление, малыш, произвело на меня странное впечатление: материализация духа или что-то похожее.

Вернувшись после свидания, я стал переваривать новости и одновременно вспоминать, о чем же я забыл сказать. Первое: забыл поздравить тебя с днем рождения. Второе: забыл спросить о здоровье Аллы Григорьевны и Иосифа Ароновича [Богоразов–Зиминых]. И много еще чего забыл.

А новости переварить трудно. Труднее всего — слухи из Озерного. Узнайте толком и напишите, кто же все-таки умер. Не могу поверить, что Ян [Капицынш].

12/III/70

Вот и телеграмма твоя, Санька. Теперь я уверен, что свидание у нас было, я сомневался, не приснилось ли, а тут все-таки — документ.

Вместе в телеграммой пришло письмо от Наташеньки [Садомской], ничего, очень бодренькое, настроеннице, мол, приличное, у Васильева, мол, инсульт... А как здоровье З.С.Кедриной?*

И фотоморда такая милая, с удивленными бровями, и свитерок в клеточку. А что В.Быкова только теперь прочла — стыдно-с. Я вам еще про этого самого Быкова расскажу — впечатления 66-го года.

Сегодня вообще событий навалом: вот почта, ларек, Иван отбыл в Мордовию*, библиотека. С библиотекой не повезло: вместо нового романа Кочетова мне преподнесли комбинацию из трех книг: одно-томник этого же автора с повестями 43–48 гг. и две книжки «Октября» за 67-й год! Но я слезно молил добыть новый шедевр, может, добудут. А пока придется обратиться к началу творческого пути Всеволода Анисимовича — или он еще до войны к штыку приравнял перо?

Появилась еще «Надпись на ССП»*.

Санюшка, вот тебе мои анкетные данные, чтобы потом не гадать и не торопиться: брюки — размер 44–46, III рост; пиджак (а лучше —

куртка) — размер 48, III рост; обувь — 41-й размер. Ну, рубашку какую-никакую и непременно берет — прикрыть мою короткошерстность.

Меня немножко огорчил мой агрессивно-пренебрежительный тон по поводу прошлого Кривцова*. Санька, не подумай, что я такой уж чистоплюй: сказал я о его «послужном списке» лишь потому, что все вы склонны таять и умиляться при виде любого бывшего зека и приписывать ему черт знает какие подвиги в прошлом — а это совсем не так. Перемены к лучшему, происшедшие с людьми типа Гены, — это счастливые исключения, с ними вы тоже знакомы, они-то, вероятно, и сбивают с толку, побуждая к обобщениям.

А сами по себе эти художества не вызывают у меня праведного гнева. Восторга, впрочем, тоже.

Часть моих недоумений по части незнакомых имен рассеялась после свидания: Буковский, Телесин, Виктор Х[аустов]. (Но тот ли это Виктор, которого помянул Тошка?) Но хорошо бы получать ответы на все мои вопросы! Окромья риторических, типа «Что же теперь будет с «Новым миром»?», и обращенных не к вам: «Боже, когда кончится этот бардак?»

I 4/III/70

Вчера прискакал ко мне симпатичнейший эрдельчик аж из Астрахани — от Иры Корсунской. Я немедленно водрузил его на тумбочку взамен уже надоевшего берлинского пейзажа из «И. л.». Но вот беда: зеленый фон эрделя сливается со стенкой. На выручку пришло наше родимое литературоведение, я отодрал красную обложку от «Вопр. лит-ры» и «подфонил» пса — очень даже приятно получилось. А еще толкуют, что журнал плохой!

Шагала я люблю, а Малевича и Кандинского знаю чуть-чуть и к тому, что видел, равнодушен. А вот кошмы и паласы, которые Ира ищет, — это моя слабость. Ох, и завидно!

С верблюдами надо поосторожней, они бывают кусачие. А самое ужасное — плюются. Один раз верблюду было на меня наплевать, и я потом неделю отмывался. Впрочем, это у нас семейное: на Ларку в Харькове однажды плюнул слон; а уж чем слон (на этот раз московский) запустил в Саньку — и выговорить неприлично...

А вот нынешним Арининым собакам не повезло: они будут скучать без меня (а я без них) еще полгода.

Поскорей бы уж получить от Арины «послетрехсуточное» письмо!

Вместе с Арининым пришло твое письмецо, Ларка, — днем почему-то.

Воронельский анекдот чудо как хорош, но Сашка зря объявил на него монополию: по-моему, анекдот этот приложим ко всем так называемым либералам.

Будешь писать Мельчуку — поклон. И другим столпам структурализма. И нестолпам — тоже. И неструктурализма.

Ну что там — «Новый мир», «Новый мир»! Был бы «Октябрь» цел. Я понял, что сам себя обкрадывал, пренебрегая этим журналом. Какой букет! Два номера просмотрел — разлюли-малина. Даже так: разлюли-клубничка. И ведь не скажешь, что, мол, кривое зеркало; просто оптика другая, другие законы преломления. До чего же это занятно — изящная словесность йэху.

Ларка, а тебе что — вернули украденный приемник? Или это уже другой?

Коту Дремлюге — мое почтение.

Кроме упоительных часов, проводимых с «Октябрем» и однотомником Кочетова (э-э, какое сравнение с романами последующих лет! Вот где рост виден), я еще развлекаюсь сочинением легкомысленных стихов. «Высовывайтесь, высовывайтесь, скоро вам нечего будет высовывать...»

16/III/70

Вот и письмо твое, Санюшка. А в среду была бандероль. Спасибо, шоколад хорош, один только недостаток: слишком вкусный.

Ну-с, по пунктикам.

Песню с «улыбкой-причастием» я не знаю*; обстоятельства же, в связи с которыми ты ее цитируешь, настолько печальны, что на расстоянии нет сил о них разговаривать.

Фитиль твой относительно Бердяева принимаю, я его заслужил — за невежество. Дело в том, что я понятия не имел, что сочинения Бердяева связаны с худож. литературой, я думал — чистая политика и философия. Ну, конечно, если его статьи можно как-то хорошо соотнести с работами Цветаевой, Якобсона (ты об Анатолии или о Романе?) и др. не менее завлекательных авторов, — конечно, стоит читать.

«То ли боль...» я попробовал поправить*. Если и это не понравится — вычеркну из «Полн. собр. сочинений», хрен с ним, пусть Андроников XXII века восстанавливает... 4-я строчка II строфы: «Не ласкал, не бросал»; 1-я и 3-я строчки III строфы: «Безрассудство не славил» и «И на карту не ставил»; 1-я и 2-я строчки V строфы: «За друзей не ручался И влюбляться не смел»; 1-я строчка VI строфы: «И в апрельскую сырость». Для утешения же Филатова — для его личного употребле-

ния — могу предложить пародийный вариант последней строки: «В зарифмованной мгле».

Я не посмел бы указывать тебе — столь искушенному знатоку литературы, но раз уж ты сам спрашиваешь, что такое «Телемская обитель», отсылаю тебя к первоисточнику — Ф.Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль».

В четверостишии Норвида*, вместо «истребить» в последней строчке, надо «задавить». Так, по-моему, крепче. А по-твоему?

Ты знаешь, малыш, я, наверное, все-таки одичал и того... не в себе малость. Я держу твое письмо и чувствую, что оно — большая реальность, чем ты сам на свидании. Боюсь, что не смогу общаться с живыми людьми, буду требовать от них писем, буду сам писать, а при случайных встречах забиваться под диван и рычать оттуда...

Да, спасибо за точную справку об Аполлинере.

В связи с редакторством Косолапова* никто не вспоминал Щедрина — «Медведь на воеводстве»? Это у меня, конечно, только по фамилии ассоциация...

Теперь все-таки несколько слов о так называемых «взаимоотношениях». Я ничего не знаю и ни о чем пока не спрашиваю, это не для писем. Я ни в коей мере не подвергаю сомнению твое право и даже обязанность самому решать, как и с кем общаться, к кому и как относиться. Однако должен сказать, что разрывы дружеских связей огорчают меня несказанно. «Огорчают» — не то слово: они, эти разрывы, вышибают у меня почву из-под ног, зачеркивают мой «символ веры», обезоруживают меня. Чтобы разорвались те единственно человеческие отношения, которые окрепли за эти годы, должно было произойти что-то страшное, непереносимое. Так ли это, Саня? Не торопитесь ли вы? Не забыли ли о терпимости к терпимому? Я не вынуждаю тебя объяснять мне, я просто прошу: подумай, взвесь. Разумеется, эти строки адресованы не одному тебе.

| 8/III/70

Судьба ко мне, как всегда, благосклонна. Нынче, 8-го марта, дабы я мог отвлечься от размышлений о милых дамах, она послала мне зубную боль — и какую! Были моменты, когда я удостоил бы внимания лишь одну женщину — зубного врача. Вместе с тем это была не просто зубная боль, а со значением. Разболелся зуб с расшатанной пломбой, поставленной в 1944 г. Тут и начинается профилактическая арифметика: 44-й год, 26 лет назад плюс 19 лет (мне тогда было 19) = 45 (?) Вот. Даже больше, чем есть на самом деле. Кхе-кхе. Ох, какие

уж тут женщины! Шалфею бы мне, мятных бы капель. (Кстати, вопрос к Тошке. Мои стишки вызвали у него вполне деловое желание — накормить и напоить меня. Как он считает, если я назову в стихотворной же форме еще кое-что, чего мне эти пять лет не хватало, последует ли столь же прагматическая реакция у лиц, имеющих, так сказать, возможности? Ась?) Да, так о чем, бишь, я? А, вспомнил. С 8-м Марта! М-м-м, болит, гадюка...

| 10/III/70

Вот письмо от Бураса, сподобился наконец. То есть, братцы, это уже что-то до такой степени нелепое, что и слов не найду: как это могло получиться, что за 4 месяца никто не сказал ни Мишке, ни Алле [Сергун], что мне можно писать? А кому еще сказать забыли? Ничего, не беспокойтесь, вот ужо вернусь, сам обрадую.

Идея подать под меня «Явасочку» очень мила; но я все-таки, наверное, предпочту поезд: 200 км машиной будут, пожалуй, для меня трудноваты, как бы не укачало с отвычки.

Всему Бурасятнику привет, а Ленке — еще и очередное поздравление*. Ну-ну.

| 11/III/70

Рыженький, с днем рождения! В честь торжественной даты я сегодня вымыл пол, прибрал тумбочку, протер окно, поставил твою фотографию и отхватил двойную порцию шоколада — гуляй, рванина, до рубля и выше! Обнимаю тебя, малыш.

Сейчас уже к вечеру. Твой день рождения ознаменовался еще моей шахматной победой, 5:2 (обычно мы вровень). Но тем не менее побежденный Виталий [Габисов] тоже поздравляет тебя.

Всем привет, жду писем.

Ю.

п и с ь м о с е м ь д е с я т п е р в о е

| 13/III/70

Здравствуйте, дорогие мои!

Вчера получил 2 телеграммы от тебя, Лар, и телеграмму от Фаюмов. А сегодня письма — от тебя и от Ляли Островской.

Твое письмо славное, успокоило меня, рад, что все в порядке и что Чуна может вкушать рыбу с непристойным наименованием*.

Большая просьба к тебе. Будешь писать Богдану и его матери — само собой, привет от меня (сколько я легенд о ней слышал!); но, пожалуйста, напиши хоть несколько слов отцу Богдана — напиши, что я вспоминаю о нем с неизменным уважением и симпатией. Он, действительно, достойнейший человек*. И еще поклон — Дмитру*. Передай, что как только я выберусь, непременно сам напишу. Да, из письма я понял, что Богдан женился; опять же — поздравь от меня молодых и родителей, Мих.Мих. все сокрушался, что сын — холостяк (наш заботливый отпрыск избавил родителей от волнений, умница!).

Если ты отвечаешь моим «почти однофамильцам», напиши, что я очень тронут их заботой о тебе, благодарю их и желаю всех мыслимых благ.

Эх, мне бы твою спячку! Уж на что я поспать не дурак, а и то выдохся, не спится да и все тут. Думаю, думаю, думаю, аж башка трещит. А все без толку, все впустую, словно шьешь без нитки, только дырки остаются. Сочинять, не записывая, — измывательство над собой. А придумывать будущее — силушки нет. И читать по ночам нельзя. Ничего, перезимуем. Собственно, перезимовали: уже почти все сосульки стаяли, и ко мне ежедневно являются с получасовым визитом несколько солнечных лучиков. Через месячишко, глядишь, можно будет и без бушлата гулять.

Лялино письмо — прелесть, и собственно письмо, и стихи Заболоцкого. «Меркнут знаки Зодиака» мне знакомы и очень нравятся, но наизусть я их не знал. А другие стихи прочел впервые. Вообще я Заболоцкого плохо знаю. Такое удовольствие — прочесть хорошие стихи! Журналы-то этим не балуют, а библиотечными Блоком да Буниним сыт не будешь.

Очень благодарен за фотографии. Неожиданное оказалось лицо — я почему-то представлял иначе, наверное, из-за картинки в первом письме.

Все просьбы Лялины выполняю по возможности и буду выполнять (первую — не без сожаления; надо, впрочем, отметить, что «слухи о моей смерти сильно преувеличены», как говорил М.Твен, — это я о характере получаемых мною писем).

Спасибо за рассказ о встрече в поликлинике. Где же все-таки Ляля живет? У прежних писем был другой обратный адрес.

Мне не хочется здесь, в письме, распространяться всерьез о моем характере — по многим причинам; но думаю, что восстанавливать жизнелюбие и готовность похохотать мне не придется — я их, кажется, и не терял. Эти качества могут ведь отлично уживаться с другими,

не такими удобными в обиходе, — со злостью, например, с памятью.

Еще раз — благодарность Ляле и самый сердечный привет.

| 15/III/70

А знаете, братцы, я ведь ошибся: совсем не хореом разговаривают ночные поезда, а самым натуральным двухстопным ямбом. Я вслушался как следует: «Ноч-ной зе-фир // стру-ит э-фир...» — с ускорением.

А у меня депрессия, ага! Только не такая, что была у Бена [Ронкина] и Сережи [Мошкова], когда они в мгновение ока расправлялись с банкой консервов. Нет, жрать мне неохота. Гулять тоже не тянет. Создавать шедевры подцензурной литературы опять же не поманивает. Чего ж это мне хочется? Размышляючи, набрел в «Лит. газете» на статью о борьбе с алкоголизмом. Вот оно: выпил бы я. Ох, и выпил бы! Немножечко.

На тумбочке стоит у меня король Матеуш I, очень грустный и одинокий, ни на кого не глядит. У него только что помер папа, и чернобородые министры, похожие на Голомштока, интригуют вокруг покойника, а сироте — ноль внимания. Я его утешаю, но он все равно грустит.

Снятся мне чудесные сны, с собаками и кошками. А один раз даже осел приснился, добрый и умный, полуигрушечный, полунастоящий. Он читал вслух «Краткий поэтический словарь» и очень смеялся.

Шоколад я сегодня добил. А Виталий [Габисов] свою половину еще раньше. Странно: когда Виталий получил бандероль, я лопал свою треть дольше. Нарращиваю темпы, стало быть.

А у меня депрессия, вот. Спокойной ночи.

| 17/III/70

Вчера депрессия продолжалась. Посудите сами: ларька нет, книг не принесли, письма — шиш. И снег весь день летит, окаянный. Жуть. Я совсем расстроился и в запальчивости даже заявил, что в таких условиях сидеть отказываюсь!

А сегодня принесли ларек. Поменяли книги. Прибыли «Театр», «Ин. лит-ра» и «Знамя». И снег удивительно симпатичный. Если еще и почта будет... Ох, эта почта! Как я жду ее — и как боюсь. Ну, погодим до вечера.

Вот погодил — и письмо от Маринки [Домшлак]. Друг мой бестолковый, еще раз говорю: не надо думать, что меня пугает или раздражает лирика. Если я сам перестал сочинять лирические стихи, это не значит, что я окончательно очурбанел.

Святая истинная правда: все рассуждения и сомнения относительно возрастного разнобоя наших сборищ начисто снимаются одной этой Маринкиной фразой — «все нужны друг другу». Единственное, что остается, — это печали по поводу собственного возраста — но это уже из другой оперы, к нашим пестрым дружба́м отношения не имеет. И избежать этого, увы, нельзя. Хорошо Андрюшке [Синявскому], коли не врет: он утверждал, что всегда чувствовал себя старше своих лет, «стариком», как он выразился. Это хотя и непонятно, но солидно; а что делать нам, шпане до гробовой доски? Ведь наверняка не у одного меня термин «старшие» нечаянно подменялся словечком «взрослые»?

Письмо мое февральское, может, и вправду «усталое». Что поде-лаешь, вон техники говорят: «Железо устает» — это термин такой, соответствующий состоянию металла. А я ведь не из железа — из мяса (сейчас в основном из костей).

Кочетова, к сожалению, все еще нет, но я надежды не теряю. А уж это «Во имя овса и сена»* здесь мне прочесть не придется, полакомлюсь потом.

Насчет западников и неославянофилов я не беспокоюсь, в белых тапочках видел я и тех, и других, пусть резвятся, пока им пальчиком не пригрозили — тогда уймутся сразу, шалунишки этикие... А беспокойство по поводу течений, «противодействующих последним», — это я что-то не понял, о чем.

О Ленкином замужестве я знаю. А вот сугубо поэтическое имя, названное Маринкой, — для меня новость. Могли бы, кажется, «заинтересованные лица» объяснить мне, так сказать, поставить в известность — хотя бы для того, чтобы я не брякнул что-нибудь бестактное в письме или при встрече.

Чапека в «И. л.» я читал. Интересно, одному мне приходила в голову дурацкая мысль, что художники всегда умирают именно тогда, когда пора? Ну, не все, а многие. Блок, Маяковский, Есенин... А что это за «прием «Метеора»?

У меня «самоутверждение» в юности и позднее никогда не выливалось в пересмотр критериев лишь потому, что с ними меня познакомили старшие и уважаемые. Я просто с самого начала либо принимал, либо не принимал. Так, я «принял» от отца Пикассо, Гогена, Шагала — и «не принял» от него же А.Руссо. Принял от Аллы [Сергун] Пастернака и Блока. Не принял от Андрея [Синявского]

Пруста, Селина, Мандельштама. Я говорю о людях, любовь и уважение к которым останутся у меня навсегда. Но мне и в голову не придет что-либо переоценивать — в сфере искусства и других областях — оттого, что это что-либо я получил от других, даже скверных людей. Кому-то я обязан любовью к восточной поэзии и кое-каким знанием ее? И уж не тот ли это человек — вечная благодарность ему! — что свел меня с Фаюмами, с Андреем*? Господи, какая разница, кто что-то дал! Главное — что дал. И никогда я не чувствовал себя ущербным оттого, что не сам набрел на вкусы, привычки, отношения.

19/III/70

Письма от тебя, Ларик, и от Фаюма. Вот ты умница какая: нашла-таки как писать, когда писать не можется. Что ж, меня такая хроника вполне устраивает, валяй и дальше так. Ну, конечно, ежели тебе захочется (сможется) еще и отвечать мне — это будет совсем хорошо.

Как это получилось, что мое январское письмо попало к тебе только 7-го марта? Ведь Катя-то [Великанова] ехала к тебе, когда письмо было уже получено? Что-то непонятно. Может, ты ошиблась, речь идет о февральском?

А что это за китайская баня с подачей спиртного? О китайских прачечных я слышал, даже застал в детстве, а вот о банях...

Замечания и вопросы по поводу «Новостей дня». Выражение «мясо домашних животных» в непосредственной близости к имени Дремлюги наводит меня на грустные размышления. Термин «охотовед» в применении к коту звучит иронически, что недопустимо в связи с предстоящим бракосочетанием. В заметке об убийстве я бы не употреблял выражение «неумелое пользование холодным оружием»: результат свидетельствует именно об «умелом». А чей диван сгорел, не твой ли?

Трубу закрывай, когда надо, не раньше и не позже!

Да, судя по тому, что ты этак легко и вскользь поминаешь о выпивке, с брюхом у тебя более-мене в порядке?

О Юркином письме. Исследование портрета XVIII в. с тех позиций, о которых Юрка пишет, представляется мне чрезвычайно интересным. И правильным. Действительно, этот жанр — не визитная карточка века, а нечто более существенное — естественное порождение его. Я, во всяком случае, усматриваю в портретах этого столетия прямейшую связь с литературой — более серьезную и глубокую,

чем, скажем, связь передвижников с «натуральной школой» (в частности, с «физиологическим очерком»). Но вот ведь беда: эти «подходы к теме» — не разрушат ли они композицию всей книги? Трудно ведь будет удержаться от того, чтобы не выложить общую идею; а ее бы прибереечь надо — для книги. Фаюм собирается потом свести эти журнальные статьи в одно целое; но, во-первых, это будет достаточно трудоемкая работа, а во-вторых, той книге, что ему представляется, следовало бы писаться «на одном дыхании» — как стихотворению. Конечно, хорошо и легко мне тут рассуждать, прикидывать да примеривать, а Фаюму что-то придется выбирать. Работа о книжной графике 20-х годов — тоже чертовски интересно, даже — ух, как интересно! С каким удовольствием я повертелся бы около этой темы. Не писать, конечно, где уж мне, а так, подкинуть мыслишку-другую по поводу соответствия (несоответствия) рисунка тексту. Но — силы небесные, как же он все это успеет, хоть и двуужильный?!

I 20/III/70

Вот и закончилась почтовая неделя. Невесело закончилась. Я получил долгожданное письмо от Арины [Жолковской]. Жалко Яна — слов нет*. Как он мечтал о встрече на воле, как будет принимать нас у себя, чертил план дома, отмечал комнату, которую предоставит мне, — с видом на лес и речку! Бедняга, так ему хотелось чем-то отплатить нам — и вам — за внимание.

Кто это Гунар?* И кто преподаватель истфака ЛГУ?* Для меня это новые лица.

Господи, как мне хочется, чтобы хоть ближайшие года два прошли спокойно! Санька, помни о своем обещании быть благоразумным, держи слово.

Аришеньке большое спасибо за фото. Вот бы всем брать с нее пример.

Простите, не пишется больше.

Что бы такое придумать, чтобы Юрка [Галансков] совсем остался на «тройке»?* Поближе к медицине и подальше от конфликтов.

I 23/III/70

Телеграмма от вас, ребятки, о моем мартовском письме. Вот и ладно.

Ларик, получил твое письмо. Трудную задачу ты мне задала — хочется ответить на твои ламентации, а не могу, неловко. Я с тобой совершенно согласен; единственное утешение, что нынешнее положение можно будет изменить, вернее, оно само изменится — и будет еще не поздно. А за всем тем, может, то, что есть, в каком-то плане и к лучшему — в смысле становления характера и, как бы это выразиться, содружества, что ли.

Насчет «Нов. мира». Сейчас, по-моему, не в том проблема, подписываться или нет. Гораздо существенней и интересней, кто будет печататься в журнале. То есть что там появятся новые лица, варяги — в этом я не сомневаюсь. А вот как поведут себя старые авторы? Я думаю, что их будут приглашать. Вот тут-то им и загвоздка: с одной стороны, худлитературу в массы двигать надо, с другой... Наверно, большинство плюнет на эту другую.

А что до твоих общих рассуждений о позиции «применительно к... возможностям», — ладно, кошка — дура, а ты — умница, ты права, я не прав. Что дальше? Ке фер? Фер-то ке? У тебя есть какие-нибудь конструктивные предложения? Общие рецепты? То-то и оно. Я прекрасно знаю, что Пастернаки и Булгаковы не умалчивают о трещине, проходящей через сердце; да ведь они, такие, не каждый день рождаются! А другие — что же, сплошь подонки? Я еще раз утверждаю: требовать нельзя. И презирать — тоже. Решился художник на нечто необычное — спасибо ему. Не решился — значит, к этому нет настоящей внутренней потребности, а есть к чему-то другому. И не его вина, если этому «чему-то» соответствуют спокойная жизнь, вдоволь хлеба и мягкая постель. Ведь этак — если всех остракизму подвергать — можно и без культуры остаться?

Тебе привет и поклон от Виталия Габисова, моего компаньона. Он славный парень, спокойный, немногословный, по комплекции вроде Эна Тарто, только не такой румяный. Осталось нам с ним куковать до июня, а потом он отправится куда-нибудь по соседству с тобой. Он учился на эконо. ф-те МГУ. Вероятно, ему понадобятся какие-нибудь справки о возможности продолжать учебу, тогда он напишет тебе, Санька, а ты, пожалуйста, попроси узнать все тех, кто поближе к этому самому МГУ.

Полгода — длинный срок? Ничуть. Мелочь, пустяки, совсем недолго — если бы не предыдущие четыре с половиной. И даже это ничего бы, если б я нашел в себе немножко сил и способностей, чтобы заниматься делом. А я себя уже выжал, как выстиранное белье, —

т.е., разумеется, ту часть себя, которая сейчас транспортабельна и хранибельна.

| 25/III/70

Вот открыточка от Ариши, такая нарядная и яркая, что Виталий тут же сказал, что нельзя ее в будни ставить, надо только по воскресеньям. Я согласился и оставил пока базилику св.Петра из твоего, Ларка, письма. Кстати, прекрасная фотография, жаль только, там нет человеческих фигур, не могу угадать масштабы.

Надо, надо Юрке [Галанскову] оперироваться! Он замучится от болей, от недоедания из-за этой треклятой язвы. Он и летом выглядел, как древняя икона, а что сейчас — и подумать страшно.

У меня есть слабая надежда, что Альке [Гинзбургу] в больнице заодно отстригут его пакостную бороду! Подумаешь, «брутальность»! Нет, до чего же душечки эти бабы! Если бы он отпустил бакенбарды, Арина сразу бы нашла сходство с великим тезкой, хотя он так же похож на Пушкина, как я на Мао Цзе-дуна.

Да, к вопросу о внешности: Арина так и не ответила мне, за что я был обозван «красавцем-гусаром». Ну, про «красавца» я не спрашиваю: всему миру известно, что... (Я очень-очень похож на обезьяну средних лет, да-да!) А вот какое отношение я имею к этому доблестному и победительному роду войск?

| 29/III/70

Как хорошо, что существует все же периодическая печать: хоть из нее можно кое-что узнать о добрых знакомых, которым, видно, наскучило писать почти безответные письма. Раскрываю это я журнал «Театр», смотрю статью об актере Александре Калягине. Ну-с, Калягин так Калягин, имя ничего мне не говорит, однако же глянул на фото: Поприщин. Гм, любопытно, с этакой-то оптимистической внешностью? Стал читать. Эге, режиссер-то — Ю.Вертман! Вот, думаю, молодец рецензент: и приятно, что Юну хвалят, и отраднo, что она благополучна. Кто же этот благодетель? Переворачиваю страницу: И.Уварова! Ну вот и побеседовали, чудненько.

А может, режиссер и театральный критик представят еще какое-нибудь свидетельство «в пользу тезиса Руссо о том, что человек от природы добр»? Ибо, как справедливо об этом тезисе сказано в той же статье, двумя строчками ниже, «он требует основательно собранных доказательств»...

Последние письма от Юны были где-то с год назад без малого. А от Иры — я уже и не припомню. Был, правда, летом, журнальчик детский с очерком по истории театра.

Но привет и, если можно, поцелуй я посылаю Ире и Юне безо всяких «доказательств».

В этом же «Театре» — статья Юры Айхенвальда, дельная — как, впрочем, все те немногие его работы, что я читал. Кто с ним знаком? Тошка? Арина? Воронели? Кланяйтесь от меня, если будет случай. О нем и о его жене — я, к сожалению, забыл ее имя — всегда очень тепло вспоминал Алик. И мне они понравились в те две-три встречи, что были.

Обидно в этом все-таки серьезном и относительно неплохом журнале читать такие чудовищные по бестактности и бездарности поделки, как пьеска Устинова. Самое ужасное — что для детей, причем для младших, беззащитных, доверчивых! «Кнутом бить, да впредь не воруют!»

130/III/70

Вот, дорогие мои, новая неделя — новые письма. И очень пестрые.

Майке [Улановской] я многое мог бы сказать, именно сказать, а не написать. Действительно, я мало знал ее отца, но по немногим встречам запомнил его очень хорошо. Я, помнится, был покорен его манерой общения: сдержанностью, спокойствием и какой-то очень располагающей к себе внимательностью, с которой он слушал и смотрел на собеседника. Что правда, то правда: люди, прожившие такую необычайную жизнь и в таком возрасте, часто брюзгливы и высокомерничают к сегодняшнему дню и к другим поколениям. Отец Майки был счастливым исключением; но мне, как всегда, везло: я знал и знаю подобных людей — с той же ровностью, с той же оценивающей благожелательностью.

Не буду писать банальные слова о стойкости, о выдержке: не мне говорить и уж определенно не Майке меня слушать; просто пусть знают и Майка, и ее мать, что я глубоко опечален этой смертью.

«Иосифа и его братьев» я не читал, но вполне понимаю, как можно «умирать со скуки», общаясь с Т.Манном. «И еще за что я» люблю женщин — это за то, что они не боятся, как мужики, быть немодными. Единственный человек, который осмелился вслух сказать, что Кафка — скучища, — это Люда [Алексеева]; а теперь вот Майка обругала, умница, Т.Манна. Я тут перечел самую «бойкую» из его книг,

известных мне, — «Признания авантюриста». Боже мой, до чего же нудно и тяжеловесно! Тяжеловесней и неуклюжей, чем я, танцующий вальс. А о моих танцевальных способностях было сказано Надей Павловой после двух-трех минут взаимного хореографического непонимания: «Господи, он думает, что двигает тачку!»

Ларка, письмо твое, посвященное чунским речениям, я получил. Перво-наперво: если ты хочешь, чтобы открытки доходили до меня, — пиши на них! А то все это ныряет в мои вещи, на хранение (и Шагал от Ляли Островской, такая досада!).

Ну что тебе сказать о великом и могучем языке тружеников ДОК'а? Не удивила. Все это я знаю, слышал. Это тебе в новинку; а вот на том ДОК'е, где я был*, художественный языковой набор служит не только эмоциям и живописности, а является подчас рабочим инструментом, техническим аргом. Разговаривает, скажем, мастер с латышом или эстонцем, не смыслящим по-русски ни аза: «Берешь, значит, эту ...ку, при... ее сюда, молотком ...ешь — и ...ец: никуда она, ..., не денется». И трудолюбивый прибалт с замечательным лингвистическим чутьем разбирается, где, к примеру, «...ня», а где «...на». Или даже постигает одинаковость отношения при двух, казалось бы, противоположных заверениях: «Я это дело ...у» и «Я это дело не ...у».

Ляле Островской передайте, пожалуйста, что письма ее я читаю с живейшим интересом и благодарностью. И дело тут не только в том, что любое письмо с воли — радость; мне действительно интересно читать именно эти письма, неужели это не чувствуется в моих ответах?

Репродукция Шагала до меня не дошла; а вот листочки у меня, спасибо. Они еще пахнут, чуть-чуть. Это единственная зелень с июля прошлого года — и, вероятно, до сентября нынешнего.

Жаль, что у Ляли не доходят руки до красильных подвигов, вот бы полотенце с узором в подарок получить, а? А что такое набойные доски — я знаю, видел, в руках держал.

Пожалуйста, не надо никаких комплексов по поводу писем. Я бы написал об этом более вразумительно, но не могу: это было бы косвенное цитирование. Вот уж — тьфу, тьфу, тьфу! — поговорим.

Письмо Ирины Глинки. Я очень понимаю, почему тема ремонта воцарилась в этом письме, и вовсе не склонен сердиться. Это же стихийное бедствие, тем особенно ужасное, что с ним нельзя бороться, так же, как с землетрясением, потопом и пр. Представляю, с каким нетерпением все семейство ждет юбилея. Между прочим, здесь некоторые простодушные тоже его ждут*, оптимисты наивные.

А «болезнь» моя не должна пугать. Нет никакой болезни, есть диагноз. «Опущение желудка» — вот что мне написали. Что это такое, я

не знаю и знать не хочу. Сегодня — опущение желудка, завтра — опущение рассудка, послезавтра опущение еще чего-нибудь... А мне что же, так и поверить, и вести себя соответственно? Ежели напишут, что у меня мания величия, так я начну кричать: «Я — поэт Сергей Смирнов!»? Ерунда все это. Вот увидите, как я буду уплетать всякие вкусоности.

Всему семейству — поклон, Глебке — неизменное мое уважение.

И, наконец, письмо Иры Корсунской. Н-да. По-всякому меня называли, но так... Раскрываю я это письмо (а на конверте, заметьте, написано «Даниэлю Ю.М.»), раскрываю и читаю: «Дорогой Генрих!» Тут я несколько удивился и даже перестал читать. «Генрих», думаю, с чего бы это? Генрих — это который в Каноссу ходил? Или еще какой-то «Генрих-птицелов» был; может, намекает, что я журавля в небе ловлю? А может — вот оно! — сравнивает меня с Генрихом Гейне? Обрадовался я и стал читать дальше. И чем дальше я читал, тем больше понимал, что совершаю, мягко выражаясь, незтичный поступок. Была такая история с одной нашей знакомой (Санька должен ее хорошо помнить, т.е. знакомую, а не историю). Кокетничала она с двумя французами сразу. А французы — они во Франции живут, и поэтому кокетничала она в письменной форме. Жану — письмо, Люю — письмо. Жану — «мечтаю о встрече», Люю — то же самое. А так как человек она была деловой, письма писала не по вдохновению, а по расписанию. Садится, вынимает сколько надо конвертов, надписывает адреса, а потом, создав послания, вкладывает их в соответствующие конверты. Вот так она однажды и вложила... А поклонники-то были, между прочим, знакомы промеж себя, из одной экскурсионной группы. Они уведомили ее о получении писем. Но ни стихов Элюара в оригинале, ни книжечек с репродукциями импрессионистов она уже больше не получала. Писем — тоже.

Так вот, льщу себя надеждой, что неизвестный Генрих* получил письмо кокетливое — у меня-то оказалось сугубо деловое послание. Прошу у Иры прощения, что, мало чего соображая, пробежал эти 15—20 строчек. Одно утешение: я узнал, что у Иры 9 апреля — день рождения, с коим я ее и поздравляю, целую и обнимаю.

| 31/III/70

А сегодня — письмо от Майи Злобиной. Очень забавное: начала она за упокой, а кончила — за здравие. Хорошо, что не наоборот.

«Мне бы ваши заботы, господин учитель» — реакция совсем не «дурацкая», а вполне естественная — для нас. Есть еще отличное

выражение «с жиру бесятся». Конечно, доведись нам на своей шкуре испытать тяготы зарубежной жизни, может, и нас повело бы на многостраничные романы «ни о чем», на театр абсурда — на что с горя не кинешься! Но у нас, слава Богу, жизнь такова, что мы на блесну не клюем. Все, правда, относительно: я знаю, что очень многие могут с полным правом сказать хоть бы и мне это самое «Мне бы ваши заботы...»

Истории со стихами Евтушенко и статьей Каплера я отлично помню; но как-то не связывал я эти скандалы с именем редактора газеты. Ну что ж, посмотрим. А поэма, обруганная Овчаренкой*, это та, о которой было письмо автора в «Лит. газете»? Не везет ему, всю дорогу одно и то же: в свое время и «Страна Муравия» была удостоем на того же эпитета*.

Заметили ли вы, друзья мои, что я пишу сейчас, только отвечая вам? Один из самых противных моментов моего бытия — это вынужденная сосредоточенность на самом себе, постоянная фиксация микроощущений — до чего это тошно! Знаю ведь, что они не стоят внимания, что заниматься ими постыдно, но избавиться от этого не в силах. Вот я и боюсь пуще смерти, как бы это не сказалось в письмах, это унижительное и мелочное самоуглубление, поэтому и не пишу самостоятельно.

Со вчерашнего дня мы опять втроем. Новый сосед — совсем молоденький парнишка, зеленый и не ахти какой интересности. Но, кажется, тихий и скромный. Что ж, и на том спасибо.

Завтра начнем апрель — новый ряд в Наташином календарике. В Майкином письме о ней сказано: «Ждет»*. Не забудьте сразу сообщить мне, когда дождется.

| 2/IV/70

Нет, эта женщина меня доканаает! Вручают мне нынче письмо Иры Корсунской — ну, думаю, слава Богу, спохватилась, что предыдущие письма перепутала, сейчас объяснится. Как бы не так! В этом письме идут уточнения и дополнения к тому, неполученному. И все это предваряется фразой, великолепной по своей самоуверенной снисходительности: «Надеюсь, вы уже успели разобраться в моем последнем письме...» Надеемся, надеемся... В общем, я снова хохотал так, как давно уже не доводилось. Ну что за прелесть эта Ира!

Спасибо большое за фотографию. Я согласен: пусть печатает новую и присылает, а эту я возвращу, когда увидимся. Я думаю, что

внакладе не останусь: в трудах известного специалиста из ГДР профессора Фрейндлибедуммтрегера точно доказано, что до 35 лет женщины все хорошеют и хорошеют. А дальше так и остаются в зените своей неотразимости (это к сведению тех, кому перевалило за 35!).

К слову, о внешности. Тут я недавно совершенно случайно увидел свою физиономию, а последний раз это было в сентябре, в день свидания с Санькой. Да, так вот, раздирают меня два желания, диаметрально противоположные. Очень хочется поскорее со всеми вами увидеться — и очень хочется не показываться вам на глаза полтора-два месяца после выхода, может, малость в морду войду, а то очень уж страшен. Как бы это устроить? Маску, что ли, надевать при встречах?

Так что же все-таки было написано про Грабаря, черт побери?!

| 7/IV/70

Левая ладонь у меня — умница и молодчина: с утра как начала чесаться, ну, думаю, будет пожива! И точно, четыре письма пришло. От тебя, Лар, от Арины открыточка, от Юры Левина и от Лены Аксельрод.

Ларик, а какого черта тебе неймется? Ты что, повышенные обязательства взяла — досрочно завершить капитальный ремонт? Бери пример с Л.Соболева*, он свой закончил так: переставил мебель (полдюжины глав перетасил из 1-го тома, написанного лет сорок назад, во 2-й), повесил парочку фривольных картинок (сцена в ванной, например) и щедро украсил интерьер плакатами и лозунгами — и баста! Нет, всамделе, на фига тебе тратить калории?

«Умывальник по затратам энергии равен идеалу» — гм! Можешь построить примус и радоваться, что затратила энергии на создание атомного реактора.

А пес его знает, какой у меня гастрит. Мне послышалось что-то вроде «микрогастрита» — бывает такой? А это самое «ощущение желудка» — оно сказывается всего два раза в месяц, по 3–4 дня, когда иссякает ларечный рог изобилия и я вынужден лопать пайковый харч полностью. А что из этого следует? А из этого следует, что все в порядке и мне надо будет избегать капусты, черняшки и прочих деликатесов, только и всего делов. В общем, я, как ты и советуешь, плюю на все это. А ты плюй на погоду, ладно?

Установлена некая закономерность: когда Арина недовольна или думает, что я недоволен ею, то величает меня по имени-отче-

ству. За что?! Ах, я ли не рассыпаюсь мелким бесом, я ли не любезничаю и не подлизываюсь! Мадригал, что ли, написать? Аришенька, голубчик, неужели Вы в самом деле думаете, что я переменялся к Вам? Наверное, Вам это почудилось из-за общего кислого тона моих писем. Поверьте, что одна из самых больших радостей, которых я жду от сентября, — это радость увидеть Вас не на фотоснимке и не через два мутных стекла. А что я хнычу и вымогаю письма и фотографии, так даже пантера Багира, на что уж хорошо воспитана была — в королевском зверинце! — а и то, когда ее Бандар-Лог замордовал, взывала: «Мы одной крови, ты и я!» А мы ведь одной крови, да?

Как хорошо, что сбылось по слову моему, что Юра на «тройке», только бы подольше он там продержался. Завидую Альке и Славе [Платонову], это же черт знает какое везение — передвигаться в пространстве. А как же его гайморит? О Коле Иванове (Иванове) я слышал от Лени [Бородина] и Славы, это он — преподаватель ЛГУ?

Я очень прошу Ирину Ронкину, чтобы та сообщала мне хоть что-нибудь о Валерии, я очень беспокоюсь.

Ура Юре Левину, самому догадливому дарителю открыток! Учись, Ларка: я нынче получил Ван Гога, Маврину, Пикассо и еще кораблик по имени «Каравелла», вот как, изобразительное искусство на литературоведческой подкладке.

Мне необходимо срочно узнать, что значит слово «Эзотеричнее». Экзотичнее? Истеричнее? Это ж ужас, до чего я малограмотен.

Я торжественно заявляю, что независимость и малопонятность отдельных частей моих писем — это так только и можно. Даже — так только и нужно. А зачем мне, собственно, чтобы строки, предназначенные Юре, понимал кто-то, совсем на Юру непохожий? Главное, чтобы адресаты докумекивали. А на будущих комментаторов мне, это самое, как его — начхать.

«Звезда» тоже недосыгаема. Если у Юры есть, пусть сохранит для меня, да?

Я рад, что ему понравились стихи Наташи; но вот как раз стихи о Бартоке* я не помню, к сожалению. Вероятно, сказала моя амузыкальность (есть такой термин?). Ну и как, еще лучше стал к Наташе относиться? Прецедент был когда-то; а я вот часто думал, хорошо это или плохо, обидно или нет? Вроде бы обижаться нечего: понравились твои творения, тебя зауважали пуще прежнего — как будто бы и легко, так? Тут есть одна заковыка. Все мы претендуем на хорошее отношение, на любовь — за просто так, по доверию, вот поверь, мол, на слово, на взгляд, что я хороший, красивый, талантливый, и полюби. В особенности, если не считаем главным в себе то, за что другие

склонны улучшить свое отношение. А потом начинаем скульпить: «А я и раньше такой был(а)...»

Очень я рад письму Леночки Аксельрод, т.е. не содержанию, а самому факту, содержание-то невеселое.

Конечно, всему виной она, матушка, — интеллигентская рефлексия: «суэто и мелко» все вокруг, поэтому и писать не стоит. Эх, знали бы вы, как много значат эти суэта и мелочи, когда их нет вовсе!

Что меня интересует в ее письмах? Прежде всего она сама, ее здоровье, настроение, планы; стихи — хоть два-три стихотворения; фото, если можно; что переводит и как получается; общие знакомые.

Как узнать поподробней о моей жизни? Единственный способ — это прочесть мои письма, сколько сможет. Если будут у Лены время и желание, то, вероятно, это не так уж трудно устроить. Целую ее. Ее телефон 151-83-91. Впрочем, Фаюмы, наверно, его знают.

18/IV/70

Лар, а тебе привет от Михаила*, я с ним случайно, мельком выдался; ты ведь, кажется, знакома с его семьей — одесситами?

У нас уже почти тепло, обе форточки настежь круглые сутки. И снег весь сошел. (Кстати, эти железные штуки мы называли не «снеготопками», а «снеготаялками» — это я Ирине Глинке. Вот ведь занятно: полным-полно коренных москвичей вокруг, а настоящей, доподлинной москвичкой я ощущаю только ее! О любом другом москвиче могу придумать, что он родился и вырос где-нибудь в Ленинграде, Смоленске, Киеве, а о ней — нет.)

Вот и вечер. Радио наяривает в барабаны и гитары, вздыхает, постанывает — это Куба. «Послушайте ла компарса!» И дальше звучит нечто томное, кокетливое, ленивое. Я возлежу, читаю вперемежку Брехта, «Иностр. лит-ру», «Путешествие по Гарцу» и письмо Аллы Григорьевны и Иосифа Ароновича [Богоразов–Зиминых]. Вот славно-то как, что вы все же едете к Ларке! Окаянная зима, кроме прочих горестей она еще не пустила вас раньше в поездку. Но сейчас все же вам будет легче, не так холодно. Хотя вас ли холодом пугать?

Алла Григорьевна, я «Иосифа и его братьев» не читал, я вообще не люблю Манна, мне бы чего побуссенаристей, я человек простой, обожаю про шпионов...

Я возражаю, Алла Григорьевна, против вашей подписи: какая же Вы мне теща? Тещи не играют на гитарах, не поют песни, не выпивают с зятьями, а едят их живьем. И опять же Иосиф Аронович — разве он тесть? Сколько помню, никогда не учил уму-разуму, а занимался

розыгрышами и мистификациями. Очень я по вас соскучился... Сколько вы собираетесь пробыть в Чуне?

| 10/IV/70

Салют, камрады! Что мы имеем с гуся? Имеем три письма: от Стася Славича и по письму от каждой Фаюмской половины. А в Юркином еще и от Алены [Закс] кусочек. «О'кей, — сказал жокей и двинул на хоккей» (Джон Дансинг, XVII в., перевод мой).

Если не очень хлопотно, бросьте открыточку для Стася, что, мол, письмецо получил и благодарю. А «мозаичному дереву» Стася желаю расти вверх, вглубь и вширь. Только вот кто теперь, после пертурбаций в «Нов. мире», будет это дерево холить, обхаживать и подстригать? Впрочем, как раз подстригатели найдутся где угодно. Кланяюсь ему и Маре.

Конечно, это мое дипломатически-неопределенное «бросьте открыточку» относится к Маринке, пусть уж простит меня за нагрузку, недолго — тыфу, тыфу, тыфу! — осталось.

На сей раз ее письмо пришло в самую тютельку, еще два дня в запасе.

Знала бы она, как трудно мне не отвечать на ее письма! Так и хочется высказаться на всю катушку, назвать все и всех своими именами, не боясь упреков в излишней эмоциональности. Мы ведь похожи с нею по меньшей мере в одном: в том, что один из китов, на которых стоим, — это наши дружеские, наши душевные связи. Нужды нет, что у нее чаще трагическая нотка, а у меня — оптимистическая, главное, что у обоих всерьез.

К слову, этот серьез помогает мне преодолевать локальные огорчения, вроде неполучения писем. Период неопределенности и недоумений давно прошел, я уже хорошо знаю, «где что и что почем»*. За малыми исключениями все определилось в первые год-полтора. Вот уж действительно «счет потерь на единицы»*, извините за самоцитату.

Нечего, нечего! Нет, чтобы в ножки поклониться: «Грешна, мол, спасибо за науку», — еще и фырчит: «Кусок из письма вырвал! Не дразнись!» Письмо-то у меня, документик-с. Ух, как я ее шантажировать буду!

Санька, велено тебя «пожучить слегка», что псине прививку не сделали. Ты помнишь, что кот Бегемот сделал с конференсье? Вот и тебе то же будет, варвару.

Про стихи я уже писал, отвечая Ляле Островской. Только чур — с уговором: не за счет собственно писем, а то на страницу стихов при-

дется строчка своего текста, что ж мне тогда — литературоведением заниматься? Или одной декламацией?

В уныние по поводу Бердяева впадать не стоит. «Мы были известны» не только Бердяеву, а и тем, кого читали: Щедрина, например, Свифту. Да еще как известны! Оторопь берет. И вполне возможно, что лет через сто-двести, в аналогичной ситуации какая-нибудь Маринка прочтет какого-нибудь автора 50–70-х гг. XX в. и напишет какому-нибудь Юльке: «До чего же все было предугадано!» А этот Юлька ухмыльнется, закурит махорку, попросит чернил у дежурного и сядет писать ответ... А отчего все сие? А все оттого же, от неизменяемости человеческого качества. Оставим байки о принципиально новых людях всяким Ефремовым*.

Фаюм прав: «Письма русского офицера» Ф.Глинки были моим основным источником*. Несколько позднее, уже в процессе работы, я набрел на Пушкинские «Разговоры Загряжской». А, что теперь! Меня эта книжка уже не интересует. Тем более, в ней омерзительная опечатка: вместо «наперсный крест» — «наперстный»!

Аленушке [Закс] привет и спасибо за приписку, почаше бы ей к Фаюму на службу приходиться. О Татьянинном замужестве я не знал. Передайте ей мои поздравления, рад за нее, а еще больше — за ее мужа.

Как здоровье Елены Михайловны [Закс]? Аленино словцо «прихварывает» ничего не объясняет, а лишь беспокоит.

Что же касается упоминания в моем письме лиц, общение с которыми вызывает праведный гнев Алены, то и в самом деле, разговор об этом стоит отложить. Хотя у меня и нет надежды переубедить Алену: все меняется, только Аленкин максимализм неизменен... Целую ее и Елену Михайловну.

| 12/IV/70

29-го или 30-го день рождения Тошки [Якобсона] — я не ошибся? Обнимаю и поздравляю его. Черт меня возьми, если я знаю, сколько ему стукнуло! 40? 41? Пусть будет здоров, пусть ему фартит, старой рухляди, и пусть заначит четвертинку для меня от дня рождения.

Завтра отправлю это письмо. Санька, постарайся, милый, не задерживать отправку этого письма (или его копии) маме. Но, конечно, не в ущерб другим адресатам.

Целую тебя и Катеньку.

Всем привет.

Ю.

Я так понял из Маринкиного письма, что «Эвридики» у тебя нет? Или есть? Сообщи мне, пожалуйста, — и, если возможно, до сентября, поднатужся.

п и с ь м о с е м ь д е с я т в т о р о е

20/IV/70

Здравствуйтесь, здравствуйтесь, как здоровьице, как поживаете, спасибо, я живу неплохо, чего вам и не желаю, аминь.

А дни свои, равно как и ночи, провожу я в сладостном, чтоб ему пусто было, ничегонеделания, сижу и покуриваю, изучаю худлитературу, а также периодику, в коей нахожу немало приятностей для ума и сердца. Так, в «Правде» от 13/IV с отменным удовольствием прочел я некую статью, в которой дали по ушам Льву Гинзбургу* за его «Потусторонние встречи». И вполне справедливо: а не встречайся, не провоцируй ненужные аналогии. Кроме того, отрадно, что предвосхищено твое, Ларка, желание — ткнуть его носом — и на самом высоком уровне*, доказательней и чувствительней, чем ты бы это сделала.

А что я еще читаю? А еще я зачем-то читаю «Великого Моурави»;* все бы ничего, только там ужас сколько едят и пьют. И все почему-то кавказские блюда, прямо не роман, а меню ресторана «Арагви».

Но хватит трепя — к делу. Получил я от Фаюма открыточку с «Марокканкой», мерси, она очень мила, хотя и не в моем вкусе. А еще два письма, от Мишки [Бураса] и от Марленки [Рахлиной].

Михаил Львович так усердно расхваливает достоинства своей ненаглядной Явасочки, что у меня духу не хватает возражать*. Что ж, надену чистое белье, напишу завещание — и с Богом. Лар, ты помнишь плиту на Харьковском кладбище: «Спи спокойно, дорогой то-

варищ! Ты пал жертвой нашей технической и культурной отсталости. Авто-мото-велосекция какого-то там общества».

Стенку, украшенную сердца горестными заметами, вы зря не заклеили, ну ее к лешему, эту декоративную мозаику, пора бы чего-нибудь поновей да посмешней.

Рыбу с Бурасом я ловить не буду. Не с Бурасом тоже не буду. Я самолюбив, и мне обидно слушать, как надо мной окуни хихикают.

Ю.Вронский* не «занимался одно время со мной переводами» — он занимался ими в одно время со мной. Вероятно, и сейчас занимается? Ну что о нем сказать? Все, что Миха написал, по-моему, верно; впрочем, близок с ним я никогда не был, категорически судить не могу.

Насчет палатки — право, не знаю, что-то не манит. Это вам, задушенным городской цивилизацией, любо-дорого опрощение; а мне бы на приличный многоэтажный дом взглянуть, посидеть на обыкновенном стуле, подержать в руках стакан или вилку...

Спасибо Мишке за фотоморду. Здорово его побелило сверху. А глаза и в самом деле умные. Как внешность бывает обманчива...

Марленке не удастся вцепиться мне в бороду, бороды не будет. Я с вожделием думаю о том, как буду бриться; мне даже кажется, что нынешняя постоянная небритость — основная причина плохого и нерабочего настроения.

Шутка насчет имеющего быть влюбления в Сашеньку [Захарову] — вторая по счету. Так что пусть не дрейфит, это еще не склероз. (Я тоже здорово трушу: а вдруг я повторяюсь в письмах?!)

С трепетом читал я мартиролог: «Кадя [Филатов] пить бросил... Грек бросил пить... Саня Черевченко бросил пить...» Жуть берет, и сердце переполняется гордостью. Между прочим, Марленка нечаянно спасла меня от страшных мучений. Одна из последних песен, которые мы пели в сентябре 65-го, была «Тополя, острие топора пощадит ваши ветки тугие...»* Лешка [Пугачев] тогда привез ее в Москву, и мы с Кадиком все время завывали. И потом, аж до сих пор, я нет-нет да и затыну: «Я к разлукам еще не привык...» А как затыну, так и начинаю ломать голову: как фамилия Сани? Ну вылетело из головы, хоть плачь! Голос помню, морду помню, стихи помню («Мой мальчик, вы старший по чину, но это ведь все до поры...»*), а вот фамилию — никак. Теперь отлегло, даже «Уф!» сказал, когда прочел.

Да, а самая-самая последняя песня — Ларка, в самолете, помнишь? — «Всю ночь таранят темноту турбины ТУ, турбины ТУ*». Там еще какие-то подходящие реалии были в тексте.

Спасибо Лине [Волковой] за заботу, но стихов ее тезки [Лины Костенко] нет как нет. Я тут с трудом раздобыл парочку украинских журналов, выцарапал из них два сносных стиха, перевожу.

Марк [Богославский], стало быть, не был у Лёхи? И Оля [Кучеренко] тоже? Вот это уже жалко.

Очень здорово Марленка отсчитывает оставшееся время: «Если не считать половину апреля и половину сентября...» Отменный способ. Можно еще так: если не считать четные числа... Или: если не считать среды и пятницы...

| 21/IV/70

Как жаль, Санька, что хорошие идеи приходят с запозданием! Ведь как мудро ты решил — писать часто короткие письма вместо редких длинных. Право же, даже обидно будет выходить отсюда: через год-другой ты бы придумал что-нибудь еще более замечательное. Но что поделаешь, не спорить же с решением Верх.суда.

Письмо твое отменное по количеству информации и по толковости, которой ты, как и многие другие мои корреспонденты, обычно не гробишь.

Санька, а палец болит — это все тот же, после того ожога? Пожалуйста, поосторожнее.

Машинка, возвращенная тебе*, надо полагать, не швейная, а пишущая? Что за машинка, какой марки?

Про Юру [Галанскова] я уже писал, по-моему, надо оперироваться безотлагательно. И про свое брюхо тоже писал, ерунда, ничего серьезного.

Катенька, спасибо за открытку с витражиком, очень он хорош, представляю, как сверкает на южном-то солнце! А почему собака не умнеет? Надо вести среди нее учебно-воспитательную работу.

Открыточка от Арины [Жолковской]. Вот это новости! Срочно мои поздравления семьям новорожденных (а подарки — за мной). Ну, насчет Смолкинского чада все ясно: мы с ним тезки. А вот с юным Даниэлем Меникером — как мы друг другу доводимся? Тезки? Нет, имена разные. Однофамильцы? Опять же нет. Тезкофамильцы?.. Алька [Гинзбург], вероятно, говорил о его папе*, но я не запомнил, у Альки ведь запасец не меньше, чем у Иры Корсунской.

Послушайте, а где обещанный новый Футман?*

Айзов — что-то очень знакомая фамилия, никак не вспомню, не из явасских ли? А как дела у Гаенок?

Письмо от Ирины Глинки. И совсем не надо стыдиться «суетности», тем паче, что это не суетность, а суть, т.е. частичка сути — ну, как холодный нос у собаки — признак здоровья.

Да, Ирина права, с будущим все темно и непонятно. Конечно, я предпочел бы не продолжать этот поднадоевший жанр, ворохом пи-

сем не заменишь голос, и даже «лично адресованные» письма — не то. Я часто ловлю себя на том, что к письму хочется приложить комментарий: а здесь я сделал вот этак ручкой, а вот здесь — ухмыльнулся, а эти слова произнес басом. Но покамест я ничего не знаю, ничего не прогнозирую, так только, фрагменты. И само собой, они, эти фрагменты, — сколки с прошлых лет, и потому, что общее будущее представить невозможно, и, главное, потому, что не хочется расставаться с тем, что было. А там — что Бог даст...

Вполне разделяю Ирину обиду за Шевцова*. Что за дискриминация такая? Почему это его не принимают в ССП? Дымищцу можно, а ему нет? Этому, как его, фамилию позабыл — ну, который про Салтыкова-Щедрина писал (а также про Бабеля, Пинского и др.), которого сперва исключили, а потом восстановили, он в ИМЛИ работает*, тьфу, склероз! — так вот, чем он лучше Шевцова (или — чем он хуже?), что его считают членом (ССП), а Шевцова — нет? Несправедливо это и обидно.

Левитина я помню*, хотя знаком с ним не был. То есть, кажется, нас кто-то как-то представлял друг-другу, но и двух слов промеж нас сказано не было. Но внешность его я вижу отчетливо; умел бы рисовать, даже не как Голицын — смог бы сделать портрет. Это о нем ведь Ирина рассказывала, что он может, как муха, ходить по вертикальным плоскостям? Да, лицо въедливо-умное.

Привет Лидочке и Эре*. А меня на кандидатский банкет пригласят? Впрочем, я все равно не смогу быть, волосы отрасти не успеют, а в таком виде я скомпрометирую диссертанта, ВАК работу не утвердит.

Прошлогодних летних писем не было, ни одного. Есть у меня слабая надежда, что, может быть, их переслали из Мордовии во Владимир и они дожидаются моего выхода.

Погоды у нас путаные: то тепло, я даже как-то раз без бушлата и шапки гулял; то, как сегодня, снег и дождь. Но, в общем, это особого значения не имеет из-за местной специфики. Я и на этом лете крест поставил.

Поздравляю с окончанием ремонта!

| 25/IV/70

Ларонька, вчера получил твое письмо от седьмого апреля — с описанием Дремлюгиных походов. И со всякими рассуждениями.

Красивая марка, конечно, отклеилась в пути. Что поделаешь, коллекционеры — народ одержимый, тут и обижаться не стоит. Бог с ними, ты уж не вводи никого во искушение, лепи обыкновенные марки.

Ты спрашиваешь, что за фото «Ларка на море»? Это Бурас тебя снимал, когда мы были в Архипо-Осиповке; фотокарточка была приколпена над столиком, возле тахты. Я бы на твоём месте не спрашивал, была ли ты когда-нибудь на море, а уж прямо: «А было ли когда-нибудь море?»...

Песню «Ребята, напишите мне письмо...»* я, конечно, помню. Но уж тебе — а всем прочим и подавно — грех её цитировать. Только я, Бен [Ронкин] и иже с нами имеем право хныкать: «А то тут ничего не происходит!» Сама же про кота и кису рассказываешь, интересно же. Мы же из живности видим только птиц небесных и кильку. А птицы, равно как и рыбы, — я эту идею как-то излагал Лене Ренделю — не люди. Я думаю даже, что в птиц и рыб не перевоплощаются, ну, может, для воронов, аистов и сов делается исключение. А здесь в основном голуби, сытые, глупые, с тошнотворным воркованием за окнами. А ты говоришь — у тебя ничего не происходит. Небось каждый день какую-нибудь собаку видишь.

Ну какая ты бестолковая, а ещё кандидат наук, в сушилке работаешь! «Какому из Юр» пишу — неужто трудно определить? Конечно, Юре Левину; тут вполне подходит метод исключения: с Фаюмом у нас насчет болтунов давно полное единомыслие, а из остальных Юр, как ты знаешь, только с Левиным и стоит делиться злостью.

Ох, дружок, секретничаешь ты со мною — а как прикажешь отвечать? Меня черти раздирают от желания высказаться, но письмо-то я пишу в Москву. Выскажешься, а кто-то обидится, кто-то загордится. Уж промолчу лучше. Вот буду сам рассуждать. Например, совсем свеженькая темочка: физики и лирики. Я усек, что суровые и чуждые сантументам физики решительно исключили себя из числа моих корреспондентов — те, кто раньше удостаивал меня этой чести. А лирики, то бишь гуманитарии — они пишут, родимые. Спешу оговориться: инженеры не в счет, очевидно, потому что не парят в горних высотах науки, а трудятся вблизи от земли-матушки и меня, грешного. В самом деле, даже такой недоделанный физик, как Кадик, — и тот умолк; я уж не говорю о других. А вот Юра Левин чем дальше уходит от математики, тем чаще пишет мне. Какой это таинственный закон действует, а? Физический, должно быть. Что-нибудь вроде: внимание к друзьям изменяется за единицу времени прямо пропорционально количеству гуманитарных и обратно пропорционально количеству физико-математических знаний субъекта. Увы, я не умею начертать это в виде изящной формулы со специальными значками и греческими буквами. Но это же и к лучшему: мне, стало быть, не грозит опасность стать обратно пропорциональным...

| 26/IV/70

Вспомнил я таки фамилию этого почтенного литературоведа — Эльсберг! Вот так эту лапочку зовут.

| 27/IV/70

Ах, как я люблю, когда мне пишут «просто так»! Это я о Наташкиной [Садомской] открытке с милым моим Гогеном. А уж если в такой простотаковой записочке сообщается, что все хорошо и что самое неприятное — это грипп, то уж тут ликованию моему нет предела. Подумать только, ведь кроме гриппа есть еще и чума, и холера, и проказа. А еще — сибирская язва, которой могут заразиться имеющие дело со скотом. Так что гриппуйте спокойно, мои дорогие. А в сентябре будут еще носить яркие зонтики? Вот бы чудно было!

И от Фаюма открытка — с Матиссом, очень славный Матисс, голубенький такой, как душа Фаюма (у Юрки ведь голубая душа, я не перепутал?). Я поздравляю его с переходом в вольные художники. Помню, как я в 57-м году ушел из школы и каждое утро радовался и умилялся, что не надо идти на службу. Правда, восемь лет спустя меня попрекнули этим уходом («Нет, чтобы преподавать и не чирикать!..»); но я надеюсь, с Фаюмом ничего подобного не произойдет.

| 28/IV/70

Ура, ура! — закричали тут швамбраны все. Пришла телеграмма, подтверждающая мое апрельское письмо. Значит, можно со спокойной душой писать дальше.

| 29/IV/70

«Ранкова пошта, ранкова пошта!» — как писал когда-то один бывший знакомый, он же бывший поэт. А почта такая: открыточки с собаками от Наташи и Кати [Великановой] и письмо от Хазановых.

Собака на Наташиной открытке очень похожа на Кэриньку; только у Кэрки уши были всегда растрепанные и шерсть на хвосте не свисала бахромой, как у открыточной, а закручивалась как-то в трубу-

ку, по спирали. А так — очень похожа, даже выражение такое же: озадаченное и ожидающее. Спасибо.

А Вы, Катя, оказывается, верите в приметы? Пауки вообще симпатяги; когда мы с Беном общались, как тэт с тэтом, у нас жили два почти ручных паука — Диоген и Эсер.

Чудесно, что родители поехали в Чуну, как-то у меня спокойней на душе стало. Тем более что А[лла] Г[ригорьевна Зими́на] обещала написать оттуда подробно.

Ремонт, стало быть, движется. Как, к моему приезду закончите? Бурасовское письмо от 11 апреля написано в разгар ремонта, Ваша открытка — в разгар же; из этого следует, что Бурас работает профессионально, т.е. медленно (за справками обращаться к Ирине Глинке).

А Манька жрет обои? В незапамятные времена, когда я чему-то учил девятиклассников, подходит ко мне один долговязый и говорит: «Ю.М., а я домашнее сочинение не принес». — «Что, не написали?» — «Написал». — «Дома забыли?» — «Нет». — «В чем же дело?» — «Собаки съели». — «Что?! Какие собаки?» — «Обыкновенные. Охотничьи. Их у меня две». — «Вы что же, бутерброды в сочинение заворачивали?» — «Нет, они его так, всухомятку». — «Ну, друг мой, могли бы придумать что-нибудь понатуральней...» Так я уязвил его в самое сердце — и зря. После того как малолетняя Кэрька съела Ларкину босоножку, оправу от очков, «Гулливера» в изд. «Academia» и множество мелкого ширпотреба, я понял, что для двух взрослых собак одно — даже домашнее — сочинение — это так, пустяки, рюмка водки перед обедом.

Да, Катенька, Вы меня успокоили относительно Вили Хаславской, я понял, что водобоязнь ей не угрожает: «Завтра поедем к Виле, делать ей прививку...» Прямо от сердца отлегло.

Ну, на письмо Хазановых мне трудно отвечать: сказать бы нашлось что, а вот писать... Рад, что им хорошо работается. Как-то я не очень уверен, что Юре стоит «взрослеть»: мне всегда казалось, что он нашел идеальный для себя возраст читателя. Боюсь, как бы он, «взрослея», не впал в чувствительность, есть такая опасность. Впрочем, заглазно судить трудно.

Буду теперь с особым вниманием смотреть 16-ю страницу «Литературки» — искать Риммин рассказ.

Всех благ им. Спасибо Наде [Павловой] за привет, рад был получить весточку о ней, еще больше буду рад обещанному письму. Поклон ей и Надежде Михайловне [Эйшискиной]. Да, Санькину реакцию («Красивая тетя!») я помню. Должен сказать, что точку зрения неискушенного ребенка разделяли и некоторые взрослые, например Синявский, — точно такая реакция. Только он все-таки сказал не «тетя», а, кажется, «баба».

Хоть письма-то от тебя, Лар, и от Арины я получил вчера, но отвечать взялся лишь сегодня — единственно потому, что очень уж хотелось поставить в дате «V».

Открыточки твои, Ларик, тю-тю. То есть не совсем тю-тю, а в вецах дожидаются, так написано на конверте.

Ну вот, отвечаю на твои вопросы. В пример мне ставили именно А.Кузнецова — какой он хороший и патриот*, что он и подтвердил несколько своеобразно. Санька писал, что он дерьмо или что-то в этом духе. Вполне возможно. «Знакомый с сознанием недюжинности», обруганный мною? Я тебе сейчас объясню, кто это. Помнишь, мы как-то развлекались — за один час каждый писал рассказ «Бутылка коньяку»? Так вот, он — герой твоего рассказа, победитель, отбивший, «отговоривший» девушку. Меня раздражили не столько его прилюдные упражнения на заданную тему, сколько его объяснения по этому поводу. Уж очень противно, когда с достойным лицом изворачиваются, чтоб и невинность соблюсти, и капитал приобрести. А тут еще Юра Левин обругал его неуверенно, вопросительно — я и взорвался.

Очень обидно, что твое письмо о Корнее Ивановиче потерялось. Неужели понравились мои стихи?* Чудеса. Ты мне все потом подробно расскажешь, по системе «А он что сказал? А ты что сказала?»

Украинскую интонацию «О!» я знаю; только — я не ошибаюсь? — это чисто женская интонация, от мужчин слышать никогда не приходилось. Так вот, про Радищева. Факты или интуиция? И то, и другое. Факты: XVIII век; Россия и ее государственное устройство; режим; воспитание и образование Радищева; учителя в литературе и в гражданственности; мистификация как прием литературной дуэли; мода на авантюризм. Это все факты общеизвестные. Еще один не менее популярный факт: «Путешествие» — это результат. И вот понадобилось совсем немножко интуиции, чтобы, зная все это, найти недостающее слагаемое — характер, темперамент. Ты сама пишешь: «сходная ситуация»; а могла ли она возникнуть без «сходного характера»?

А зачем Павлу [Литвинову] пила «Дружба»?

И кто, кроме Ивана [Светличного], переводил Беранже? Никогда не читал и не представляю себе Беранже на украинском.

Анекдоты твои о «третьем» и о юном коте — 10–15-летней давности. Стыдись!

Поговорим об Ариномом письме. Что ж, начистоту — так начистоту! Для начала про Аликову бороду. Нас спрашивают, чего эта борода нам покою не дает. Отвечаем. Дело в том, что я твердо стал на путь исправления. А на этом самом пути я, естественно, разделяю точку зрения начальства. А какое отношение у начальства к бороде? Прямо скажем, неважное отношение. И это, между прочим, начиная с Петра I. И не кончая тем директором института в Саратове, который отстранил от экзаменов двух студентов, отпустивших бороды, — об этом года два назад писали в газете. И Городничий купцов за бороды таскал. И борода моего подельника вызывала справедливые нарекания общественности — еще до всех событий. И вот я смело и принципиально выступал против бороды А.И.Гинзбурга. Хорошо, что принципиальность — штука портативная, ее можно свернуть вчетверо и засунуть в жилетный карман. Или еще куда-нибудь. Что я и делаю. А почему? А потому, что я впервые услышал неотразимый довод в пользу бороды, и вся моя агрессивность пала ниц перед монументальной женственностью Ариновых аргументов. Черт с ним, пушай носит свою паклю! Неясно только, как мне теперь быть с путем исправления? Нешто сойти с него?..

Не буду, не буду Ньютоном! Не буду законы выводить. И уж пусть Арина мне простит закон про физиков и лириков в этом письме, я его вывел с разгону, по скверной привычке, и надо мной еще не висела угроза анкетного обращения (кстати, по секрету: я родился не в 27-м, а в 25-м...).

Мадригал? Ну что ж, мадригал — не мадригал, а мадригалистая «Надпись на Арине»:

Она, безусловно, дороже Парижа!
Отгадка сравненья ясна и проста:
Он стоит обедни — а наша Ариша
Великого стоит поста...*

Думаю, наш ненаглядный брадоносец со мной согласится? Примите благосклонно. А ежели хочется, можно превратить это в драматическое произведение. В таком случае основной текст произносит корифей, а хор подхватывает:

Ой-ой-ой, она таковская —
Эта самая Жолковская!

Древнегречисто, а?

Как здоровье и настроение Людмилы Ильиничны [Гинзбург]? Низкий ей поклон и родственные поцелуи.

Очень я соскучился по Алику и всей компашке. Не могу представить, что после сентября я почему-то не увижу их. Только теперь я в полной мере оценил строки о «дружбе высокой и рыцарской чести».

| 4/V/70

Открытка от Лены Герчук. Чувствую, что к концу моего пребывания здесь у меня будет лучшее во Владимире собрание репродукций Матисса. «Ваза с ирисами» — очень мелкий шрифт, и я сперва прочел: «Ваза с крысами».

А чего копают в Смоленской области? И в каком качестве Ленка туда поедет? Пусть она напишет мне из экспедиции, расскажет, как и что.

И еще — в чем проявляется собакино нахальство?

У нас теплынь, даже жара. Гуляем по пояс голые, в тапочках на босу ногу, греемся на солнышке.

Впервые прочел Леоновскую «Соть». Нет, братцы, нельзя это читать после пародии Архангельского, я фыркал в самых неподходящих местах. А еще прочел «Горячий снег» Бондарева, разрекламированный в прессе. Так себе. Получил 2-й «Нов. мир» — посмотрим, почитаем.

| 5/V/70

Открытка от Бурасьева, поздравительная, и два письма — от Аллы [Сергун] и от Иры Уваровой.

Алка пишет, что у меня, наверно, не годы, а десятилетия. Нет, не так. Времени вообще нет, а если бы не календарь, я бы решил, что оно не существует, исчезло. Ощущение такое, что утра, вечера, подъемы, отбой, прогулки, еда — все это происходит не в ритме, не в монотонной последовательности, а произвольно, как попало. И я бы ничуть не удивился, если бы после завтрака объявили отбой и сразу же повели бы на прогулку. Понимаете, в нормальной жизни эти обеды, умывания, пробуждения и прочее — всего лишь указатели к чему-то действительно серьезному, чему-то, связанному с человеческим существованием: «Проснулся и вспомнил, что сегодня предстоит закончить такую-то работу» или «Пообедать надо пораньше, чтобы поспеть на выставку» и т.д. Здесь эти указатели ничего не указывают, а сами по себе они — сейчас — никакой ценности не представляют.

| 03
00

Не надо думать обо мне хуже, чем я того заслуживаю: я еще способен радоваться прогулке за город, доброй беседе или цветам, когда это есть у близких людей. И не потому лишь, что я их, этих людей, люблю и радуюсь за них, а еще и потому, что я и сам как-то приобщаюсь к этой благодати — через письма.

А что до моей школьной влюбленности в Алю Атанасову и каких-то стихов в каком-то дневнике — все это, как справедливо выразился Миха, — бред. Во-первых, лет до двадцати я любовных стихов не сочинял; во-вторых, отродясь не вел дневника (если не считать двух тетрадей в 67-м году, пропавших); в-третьих, влюблен я был, только не в нее. А вот она в меня, кажется, была (добавил он без ложной скромности). А источник, на который ссылалась рассказчица, в свое время схлопотал по морде за болтовню. И за то, что подсунил школьному начальству мой стихотворный пасквиль на директора школы. Вон еще когда это началось! Должен признаться, что в пасквиле этом я глубоко раскаиваюсь: лет через пятнадцать я узнал, что директор наш был человеком добрым и мужественным.

Какой я? На всех зверей похож. Во всяком случае, ни седины Мишкиной, ни загорелости нет и в помине.

Александре Леонардовне [Мартыновой] и Ниночке [Голубовской] мои поцелуи.

Боже мой, что за несчастное животное изображено в письме Иры Уваровой?! Заплаты на месте передних лап, заплатка на хвосте, морда остолбенелая — я над ним чуть не зарыдал. Я понимаю, что при такой загруженности работой веселым анималистом не станешь, но уж такой жалостный зверик!

Я надеюсь, что по возвращении мне будет дозволено расчистить местечко на письменном столе Иры, отодвинуть в сторону диссертацию, статьи, обзоры и рецензии, водрузить туда бутылку чего-нибудь такого и тарелку с чем-нибудь этаким — и я берусь на протяжении трех рюмок доказать, что жизнь прекрасна и удивительна, если к ней относиться с должной степенью легкомыслия. Именно это я и буду делать, а не «ругать последними словами». Кстати, женщин я ругаю — когда ругаю — предпоследними.

А диссертация про чего?

16/IV/70

Телеграмма от Золотаревских, как и Бурасья открытка, поздравительная. Что ж, спасибо. Странное у меня состояние в канун этого 25-летия*. Все это: поздравления, песни по радио, книжки, воспоми-

нания — все это мне по-прежнему близко и трогает. Но все чаще я думаю о всех нас, какими мы были тогда. Вспоминаю стихотворение А.Яшина, он писал о 20-х годах, и рефрен через все стихотворение: «Ах, как мы были молоды и глупы!» Я цитирую неточно, но слова именно эти. В самом деле, мне тогда было столько, сколько Саньке сейчас; но, Боже мой, насколько же он и его ровесники умнее, взрослее и тверже нас, тогдашних. А подчас и теперешних. О чем я думал, что видел, что понимал? Ни ужаса и величия войны, ни своего места в ней, ни обязательств, которые она, выигранная, накладывала на нас, уцелевших. Я вел себя так, как будто жизнь кем-то сервирована для меня; великолепная глухота ко всему, что не я; безответственность беспредельная. Этому вовсе не противоречит то, что приходилось вкалывать и подголаживать; было какое-то духовное, душевное самодовольство, сытость.

Наверное, было и что-нибудь хорошее, но сейчас я недоволен собою, своим двадцатилетним благополучием. Почему это было? Может, потому, что нас, пацанов, допустили к взрослому делу и мы, сделав его, успокоились и зазнались. Не знаю, в общем, грустно что-то... Собственно, зря я пишу «мы» — следовало бы употреблять «я», у других, может, было иначе.

Вот, друзья мои, на какие излияния спровоцировали меня поздравления Мишки, Бориса, Риммы. Не хотел же, черт подери, писать о настроении и о размышлениях своих!

Сделайте для меня вот что. Вышел двухтомник военной поэзии, «Великая Отечественная». Может быть, там есть стихи автора, имени которого я не знаю, журналиста, погибшего на фронте. Названия я тоже не знаю. А строки там такие: «С любимыми не расставайтесь, С любимыми не расставайтесь, С любимыми не расставайтесь, Всей кровью прорастайте в них, И каждый раз навек прощайтесь, И каждый раз навек прощайтесь, И каждый раз навек прощайтесь, Когда прощаетесь на миг». Так вот, если найдется это стихотворение, я хотел бы его получить*. Но это совершенно не необходимо — так, если под рукой окажется.

| 8/IV/70

Открытка от Ляли Островской. Очень хороший, великолепный Шагал. Он стоит сейчас на тумбочке, сменив Ленкиного Матисса и Мишкины «Крыши старой Риги». Ляле спасибо. Жду анонсированного письма.

| 10/V/70

Еще одна поздравительная телеграмма — от Хазанова.

| 11/V/70

Если не ошибаюсь, где-то на днях — годовщина вашей свадьбы, детки? Поздравляю вас. Год — это уже солидный стаж. Дай Бог и дальше не хуже — тьфу, тьфу, тьфу!

Почты нынче нет никакой, завтра утречком отдам письмо.

Пишите, пишите мне, братцы и сестрицы! Кто знает, представится ли вам в будущем возможность такой вот экзотической переписки со мною? Через четыре месяца — хана всему этому, все будет до зевоты обыкновенно: мне кто-то напишет, я отвечу именно этому кому-то, и отвечу сразу же, и сам буду получать письма в любое время дня и в любой день недели — ни на грош романтики. Поэтому пишите, сейчас пишите письма с излияниями, новостями, рисунками и стихами. Вот, берите пример с Ларки — она прислала стихи собственного сочинения, посвященные ее котенку и начинающиеся строкой: «Дремлюга дней моих суровых...»

У меня все в порядке, чувствую себя отлично, настроение ровное.

Целую всех вас оптом и в розницу (а также распивочно и на вынос).
Ю.

А во 2-м «Нов. мире» любопытный очерк о Японии*. Приятно было также встретиться с Гнединым и Соловьевой*.

Ирине Глинке: Ирина, милая, с днем рождения! 30 мая я устрою фотовыставку в Вашу честь и с каждой фотографией поговорю немножко и посеCRETничаю. Целую Вас. Ваш Ю.

п и с ь м о с е м ь д е с я т т р е т ь е

| 15/V/70

День добрый, друзья!

За время после отправки моего письма получено: от Юры Левина — две мавринские открытки, одну из них — «Веряя» — вижу впервые.

Большущее спасибо за «Концерт для оркестра»*. Мне стихи очень понравились, по-моему, великолепно. Не знаю, какая там у Тошки [Якобсона] была реакция, но все же я уверен, что Юра прав, что по-

| 606

настоящему оценить это стихотворение можно, зная предмет — музыку Бартока. Ко мне же эти стихи оборачиваются только своим мастерством и обобщением («Господь вам просветленье ниспошли»). Я понимаю, что это «только» — колоссально много; но все же обидно подставлять на место музыкальных реалий какие-то другие. Конечно, я, читая, могу варьировать ситуацию — не музыка Бартока, а, скажем, ранняя поэзия Маяковского или полотна Модильяни, — но плоть стихотворения все же утрачивает свою конкретность, вечность, об изобразительной точности можно лишь догадываться.

А другое, маленькое стихотворение я помню наизусть с первого знакомства с Наташей, с первой читки; оно врезалось так, что мне даже кажется, будто она сама прочла его вслух — а этого не было.

Странно мне думать, что и всего-то видел я ее, если не ошибаюсь, два раза, ну, может быть, три.

От Иры Корсунской — пригласительный билет на выставку в Пушкинский музей, с картинкой Дюфи на обложке (я люблю его порт — длинный предвечерний залив с пальмами). Спасибо, как-нибудь выберу время, схожу на Волхонку.

Ира — молодец, единственная догадалась сообщить о наследнике Футманов. Тогда уж именно к ней просьба: поздравить Милу и Толю от моего имени. Умницы, хорошо придумали имя малышу, и инициалы звучат здорово: Ф.Ф., Эф-Эф.

От Фаюма письмо и весьма приятная фотограммочка. Кстати, у нас сразу же возник спор: что за растение изображено на ней?

Опять по поводу портрета в XVIII в. Вот какое соображение — может, пригодится? — не этим ли неистовым стремлением человека XVIII столетия к самоутверждению объясняется и удивительная снисходительность заказчика к портретистам — к тому же Шубину, например, отнюдь не льстившему своим моделям? Ведь как поглядишь на портрет какого-нибудь вельможи, так и ахнешь: «Да как он стерпел?!» Особенно это поражает, когда смотришь на полотна крепостных мастеров. Конечно, случались и изящные льстецы — но большинство художников были нелицеприятны. Вот так подумаешь и сообразишь, что изображаемый не стремился выглядеть повыгодней, потому что: «Да, нос кривой, да, брюхо толстое — ну и что? Все равно я вас, мозгляков, умней и удачливей!»

Конечно, я помню Юркины фотограммы*; одна из первых — женские перчатки, верно? Идея торговать фотограммами на Тишинском хороша; что до нравоучительных и трогательных текстов к ним — пусть Юрка берет меня в долю. Я даже стихами смогу!

От Ляли Островской — письмо с фотографией, стихами, рисунками! И все очень здорово.

Из стихов мне больше всего пришелся по душе «Городок», так грустно и так просто, и, действительно, так жалко ее, Марусю.

Выпалывают ли во дворе траву? Нет, не выпалывают. Она не растет на асфальте и цементе. И слово «двор» тоже не употребляется — принято нежное уменьшительные «дворик», что точнее определяет размеры. Но уменьшительные вообще в ходу: «френчик», «сахарок», «рыбка мелка» (т.е. килька) и пр.

Ляля угадала насчет духов и полыни: к духам я равнодушен. Но есть исключение — когда запах ассоциируется с каким-то определенным человеком.

А грибы я люблю собирать со сковородки. Вот земляника — дело другое: она живет кучно, и можно лечь на брюхо и объедать ее вокруг, потом перевалиться — и снова за работу. Опять же — сырьем можно лопать. И наконец, два-три стебелька с ягодами — элегантно и вполне заменяют букет.

На фотографии Ляля совсем не такая, как на предыдущих, и внешностью, и «нутром». Конечно, это нахальство — судить о «нутре» по фотографии; но мне все-таки кажется, что это последнее изображение объясняет те иронические или смешливые нотки, которые иногда (редко!) звучат в письмах.

А рисунки просто замечательные, особенно «Девочка в кресле»! Жаль, что не на отдельном листке, а то бы я поставил на тумбочку. А так, с текстом письма, не хочу.

К поцелуям, завершающим письма, я отношусь, как говаривал Высоцкий, «резко положительно». Ко всяким другим тоже.

От Маринки Фаум — письмо, длинное, интересное, питательное. Я вот так прямо и буду отвечать по ейным страничкам.

Перво-наперво, она не «уже хорошая», а всегда хорошая, независимо от ответов моим корреспондентам.

От Сашеньки [Захаровой] я ничего не получал; стихов от Лины [Волковой] тоже нет. Бог с ними, со стихами — я был бы рад получить от нее просто письмо.

Каким меня Наташка [Садомская] термином огорошила в прошлом году, я не помню. Зато отлично помню, как она ликовала, узнав, что мне неведомо слово «промискуитет», и с каким смаком, коротко и выразительно, расшифровала этот термин.

Я ничего не знал о воспалении легких. Как она сейчас?

Я тоже подкладываю твердую картонку, когда пишу, — шахматную доску. Когда же я пользуюсь ею по прямому назначению, результаты плачевные. Виталий [Габисов], с которым мы раньше играли вровень, теперь бьет меня беспощадно, без всякого уважения к моим сединам и заслугам перед историей.

О возвращении Игоря [Голомштока] в музей я знаю и уже порадовался. А в том, что он рыцарь, я никогда не сомневался. Равно, как не сомневался в праве каждого рыцаря избирать свою даму, ни у кого не спрашиваясь. И что бы там ни было, я рад, что у этой дамы есть такой рыцарь.

А с Чапеком Маринка что-то несусветное накрутила. Не говорили мы с нею о «Метеоре». Не читал я этот «Метеор». Где и когда он напечатан по-русски? Я и вообще-то помню — хотя бы вчерне — каждую читанную вещь Чапека, а краткое Маринкино изложение убедило меня окончательно: не читал. Чапека я люблю — м.б., не так, «как она», но люблю. И ладно уж, сознаюсь, все равно Маринка считает меня закоренелым романтиком, ешьте меня, жрите — больше всего мне нравятся «РУР», «Мать» и «Война с саламандрами». Вот. Можете меня презирать.

Может, хватит о моем брюхе? Тем паче, что «народное средство» — перетягиваться — мне не подойдет: затянусь чуть потуже — и распадется на две половинки.

Да, десять лет прошло. Теперь я могу сказать уже совершенно определенно: ни один поэт, кроме Пушкина, не потрясал меня так, как Пастернак. И ни одна любовь к чьей-то поэзии не была для меня такой плодотворной — и мучительной. «Плодотворной» — совсем не в смысле литературного влияния. А мучительной потому, что не всегда была «взаимность», не всегда мне дано было подняться до сочувствия. И уж очень многого он от меня требовал. Но вот что точно: все это время — а последние годы в особенности — я почти не расставался с ним. Положите цветы и от меня, когда кто-нибудь поедет, пусть уж и не к дате*.

Разве я говорил о Тарковском неприязненно? Напротив, я восхищался стихотворением «Эту книгу мне когда-то...», даже наизусть почти целиком знаю. И, помнится, просил его первый сборник — это когда мог еще получать книги.

Вообще, сдается мне, что Маринка о многом говорила со мною «мысленно» — иначе откуда бы столько несовпадений? Я не думаю все-таки, что она спутала меня с кем-нибудь другим, таким же симпатичным...

За Державина спасибо. Вот пусть-ка пришлет мне коротенькое — «Цыганку»: «Жги души, огонь бросай в сердца От смуглого лица».

И пусть напишет все, что не успела в этом письме, — если не забудет и не расхочет.

От Алены [Закс] — письмо. Ну как же мне не помнить 20-летие Победы, и канун его — 8 мая, и подарки ваши? Мне так же приятно вспоминать 8 мая 65-го, как неприятно — 9-е...

А можно мне будет прочесть неотправленные письма?

Как хорошо написала Алена про Михайловское и Тригорское! Когда-нибудь, может быть, и я сподоблюсь этой радости — побывать там. Но уж цитировать я буду совсем не то, что Алена.

Привет и поздравление с женитьбой Володе Бондареву*. Эх, сколько свадеб я пропустил!

Да, солдат, солдат, все правильно, и Победа моя, верно. Все это не так просто, не однозначно. И Алена, и Ирина Глинка, и Миха [Бурас], и Найя [Азбель], и другие вспоминают об этом и поздравляют. Но никто из вас пока не знает, какого страшного несчастья избежал я на войне, с чем еще, кроме Победы, надо поздравлять.

Целую Аленку и Елену Михайловну.

От Найи — открыточка. Позвони, Санька, ей и проинформируй, что, мол, жив я, здоров, помню. Неужели Димка в 3-й класс переходит? «И хором тетушки твердят: «Как быстро годы-то летят!»» И что это его, бедолагу, на скрипку потянуло? А помимо «собственного желания» данные-то есть, что преподаватели говорят?

Как здоровье Найи? Я был бы не прочь получить от нее письмо поподробней, с изложением всех событий и обстоятельств жизни.

От Ленки Герчук — письмо. Увы, листики не дошли, дошел лишь еле уловимый запах.

Открытка и в самом деле хороша; а за текст извиняться не надо, ничего там такого не было, чтобы извиняться. И вообще это вовсе не обязательно, чтобы дружеские письма были интеллектуальны на уровне Спинозы. Чёрта ли в ней, в этой интеллектуальности! Были бы эмоции.

«Одна капля намочила целую голову» — это здорово сказано, хоть сейчас в мультфильм.

А экзаменов много?

Письмо от Тошки. Ох, Якобсон, ох, прохвост! Всю жизнь канючил: «Вечно я влипаю во всякие истории из-за несолидного вида!» И я, как дурак, поддакивал: «Да-да, он, знаете, так молодежavo выглядит». А он, оказывается, был не молодежавый, а вульгарно молодой, понтовщик несчастный. Ну ужo вернусь, из собственных ручек набью эту юную физиономию.

Итак, значит, будем беседовать «по-французски»? Это я в нынешней «Литературке» вычитал, как целый табун французов сидел много часов подряд вокруг двух бутылок водки. Я не против; но, кажется, мне был обещан коньяк? Я ведь жуткий гурман стал, привык к разносолам и разнохлёбам. Будет, будет пятичасовая беседа, к тому времени я уже успею вдоволь намолчаться, как раз год пройдет со времени последних бесед — с Беном [Ронкиным]. Как он, бедняжка,

переносит отсутствие собеседников — таких, к каким привык? Мне-то легче, оказалось, что я могу подолгу молчать, а вот он... Правда, и мне уже надоедает этот пост.

Относительно наших с Ларкой дебатов. «Останемся без культуры» — разумеется, не аргумент, а лишь указание на возможные последствия — поскольку у нас-то речь шла конкретно о художниках. Но я с Тошкой согласен, можно толковать расширительно, художники — это лишь пример наиболее видимый. Однако все не так уж просто, как в Тошкиной формуле: «Упрекать следует за то, что люди делают, а не за то, чего они не делают». Бывают — и довольно часто — ситуации, когда бездействие более чем позорно, — преступно. Вот как только угадать разницу между бездействием человека, не способного на определенные действия или от которого нужнее действия другие, — и аккуратненькой позицией труса, или чистоплюя, или приспособленца? Этого я не знаю. А в этом вся штука, вся практическая сторона спора: определить наше отношение к людям и наше право на отношение.

Совершенно бесспорно — для меня — другое Тошкино утверждение: «Долг — внутри нас, и расшибание лба — дело добровольное».

Все может быть — не исключено, что я сумею прочесть и оценить Мандельштама, — несмотря на те заманчивые картины каторжного труда по усвоению поэта, которые рисует Тошка. А вообще-то я не исследователь, и инопланетная жизнь меня мало интересует, да и возраст читательский таков, что навряд ли чужая атмосфера станет для меня родной.

Два момента, достаточно важные для меня, опущены в Тошкином письме. Во-первых, ни слова о своей работе. Во-вторых, выполнил ли он мою просьбу — принес ли мои извинения своей знакомой, которую я нечаянно поставил в неловкое положение?*

| 16/V/70

И еще одно письмо, полученное за это время, — от Ирины Глинки. Вот, целый день для него отдельный — а писать нечего, могу только кивать головой, как китайский болванчик: «Да-да-да...». Со всем согласен: и что водораздел меж своими и чужими (мне кажется, что эти слова можно преспокойно писать без кавычек) стал четче; и что оглядка на войну — общая для всех нас, и как это ни удивительно, независимо от возраста. Я знал и знаю людей еще моложе, чем Ирина, чувствующих точно так же. И знаете что: вот сейчас, в юбилейную пору, я очень ощутил отсутствие собеседника с привычным для меня отношением к войне.

Да, вот что! (Это я перестал кивать и соглашаться.) Ирина пишет, что майское мое письмо будет последним для нее. А я очень прошу прочесть мои письма, хотя бы и за день до моего приезда (относится это, конечно, не только к Ирине). Я знаю, что адресованные куски моих писем будут доставлены, но, но, но! Хоть Юра [Левин] и обозвал мои послания эзотерическими (ага, я уже знаю, что это такое!), но, поймите, сама эзотеричность их предполагает не одиночное чтение: в каждом «личном» отрывочке есть немножко для всех, в «общественных местах» есть немножко для каждого. Пожалуйста, уважьте мою просьбу, а то мне сразу писать расхотелось.

Ловлю Ирину на слове: переводы будут сделаны, а Ирина будет считать меня сверхчеловеком. А что? Интересно же, никто меня никогда ни суперменом, ни юберменшем не величал! Ого, я еще и блондином стану, белокурой бестией.

Суббота, «нулевой день». Писем не будет. Погодка хмурая, за окном холодновато. Но здесь уют — ну прямо тебе чистый Диккенс! Тепло, светло, книг навалом и пестрые: Бунин, Беранже, Адамян, Ключевский, Соловьев (историк), Блок. Еще «Знамя» недочитанное. Махорки вдоволь, а послезавтра будут сигареты. Радио молчит. Соседи дрыхнут. Курю. Пишу. Даже рисую (какие-то непонятные сооружения, не то «Города будущего», не то развалины замков — «сам Герчук» не разберется!). Нет, я все-таки могу думать не о сентябре. Читал я, где-то неподалеку Михаил Фрунзе изучал итальянский язык — он был тогда после смертного приговора, «под вышкой». Может, отвлечься от мыслей о плохом легче, чем от мыслей о хорошем? А может, это и свист — насчет итальянского. Ненавижу приукрашивание смерти, особенно насильственной, — это одно из самых подлых занятий литературы. Не могу простить покойному Асееву его балладу о смерти Лорки — как, видите ли, шел легкой походкой по апельсиновым рощам, срывал плоды и бросал в пруды! Как будто это что-то прибавляет его поэзии. И как будто, если он кричал от ужаса, от неотвратимости и бессмысленности гибели, — а, кажется, так и было, — как будто это роняет его.

I 20/V/70

Позавчера пришла телеграмма от вас, Катенька и Санька; а сегодня — письмо от вас, любезные родичи из Чуны, письмо от Лены Аксельрод, открытки от Арины [Жолковской], Иры Корсунской и Ляли Островской.

Люди добрые, что ж это делается? Мало того, что ты, Ларка, втерла мне очки (эти самые, для дальнзорких, при помощи которых я

читал твои письма), так ты еще совратила на дезинформацию всех, кто у тебя был: и Саньку, и Катю, и даже — силы небесные! — Маринку! Этот последний грех тебе не простится. А они-то рисовали идиллические картинки: сидит Ларка в отдельном кабинете при сушилке, каву пьет, разговоры разговаривает... Черт-те что! Треп-трепом, Ларик, а все же надо бы тебе расстаться с этой энтомологией: тряска на «таракане» вряд ли хорошо действует на тебя*. И хоть родители и пишут, что ты в порядке, но на спокойной работе ты бы чувствовала себя и в самом деле отлично. Сделай что-нибудь, ты ведь сама писала, что есть-де положение, в силу которого при гастрите не имеют права держать на тяжелой работе.

Виктору [Калниньшу] остается еще без месяца два года (18 апр. 72-го). Конечно, пиши ему почаще, если сможешь; земляки — на моей памяти — не очень-то его баловали письмами.

Ну, из майского моего письма ты поймешь, что мне уже известно и про Юлия, и про Даниэля*. Очень хочется, чтобы у каждого из малышей было побольше удач Юлия и поменьше неприятностей Даниэля.

Знали бы вы, как отрадно мне читать про ваше мирное и веселое житье-бытье. Так это хорошо, что я даже не завидую, честное слово! («Слово чести» — как говорят мои приятели-западноукраинцы.) Жаль только, что это скоро кончится.

Алла Григорьевна [Зими́на], дорогая, напрасно Вы думаете, что чьи бы то ни было объятья заставят меня забыть о Вас и Иосифе Ароновиче [Богоразе]. К слову, думаю, что все эти объятья и поцелуи — увы, всего лишь непременный атрибут эпистолярного жанра; мне подчас так и хочется процитировать Бориса Чичибабина:

На словах ты мастерица —
вот на деле какова?*

Как-то ошеломило меня сообщение об откорме медведей*. Вам не кажется, что это как-то не по-людски? Медведь — он все-таки не баран и не гусь, он — когда его держат при доме с малолетства — вроде собаки. А я никогда не стал бы даже свинью или овцу выращивать на убой. То есть сделать курице или поросенку «секим-башка» — это я могу, но поросенку «вообще», а не знакомому, не своему. Тем более — медведю! Это даже, по-моему, убийством пахнет.

Тулуз-Лотрека жалко; а Кульчицкая мне не нравилась.

Лене Аксельрод — моя благодарность за письмо, за стихи. А за обещанный подарок уж и не знаю, как благодарить!* Для меня это будет удивительным сочетанием: это и искусство, и память о ее отце, и память о моем отце, и знак отношения ко мне...

Из стихов мне особенно понравилось первое («А там, за гранью ожиданья...») и последнее («Я не могу смириться с ним...»)

А что было с Мишей*, что за операция? И куда они собираются ехать?

Часто вспоминаю вечер-«прием» у Лены, когда были Воронели, и некий художник, и «член Союза писателей Ал.Ревич» (он тогда спросил меня бодрым голосом: «Ну, как дела?») Я было открыл рот, но он снисходительно похлопал меня по плечу и важно, пыхтя трубкой, прошествовал мимо. Мы с Сашкой [Воронелем] так и покатались...) А еще помню супружескую чету литераторов: он читал лихой и жутковатый рассказ о том, как едут на попутной куда-то в леспромхоз и по пути женятся, рожают, стареют, умирают; «всехзнайка» Алик [Гинзбург], когда я рассказал и воспроизвел манеру чтения, сразу же назвал имена автора и его жены, сборник которой я позднее прочел. Хорошее было гостеванье. Лена помнит его?

Спасибо Ире за открытку с Георгиевской лентой. Как я встретил Победу? Я жил тогда, по возвращении из госпиталя, у подруги моей матери. Ночью она стала меня расталкивать: «Юлик, проснись! Победа!» — «Угу», — ответил я и повернулся на другой бок. Ну а днем 9-го шатался по Москве и больше был занят всякими сердечными передрягами, чем событием.

Жаль, не знал я о дне рождения Алика Вольпина, заранее попросил бы передать привет и поздравление.

Аринины тюльпаны — совершеннейшая прелесть, так и хочется пальцем потрогать! И спросить: «А что, еще растут цветы?» Это я по аналогии с одним абсолютно неприличным анекдотом о престарелом генерале, воспроизвести его я никак не могу, разве что после хорошей порции спиртного.

Стало быть, Наташа [Горбаневская] — в Казань. Дело в том, что я совсем не представляю, каков статус людей, находящихся там на лечении. Надолго ли? Как их там содержат? Что можно, что нельзя? Письма, книги, посылки, свидания? Что происходит по окончании курса лечения? Если знаете — напишите.

Ну какие молодцы Сережа [Мошков] и Валерий [Смолкин]! А я-то тоскливо думал, когда-то еще выберусь в Литву, когда-то увижу их!

«Юрка [Галансков] в больнице» — режут его, наконец или нет?

Альке передайте, что и для меня сентябрь приманчив еще и тем, что я смогу писать им всем. Лечили его в Саранске?

Ляля очень точно угадала, что этим летом я не еду именно на Средиземное море — правильно она хвалилась в прошлом письме, что догадливая. Я ценю ее великодушную солидарность, но зачем же такие жертвы? Не ехала бы, скажем, в Ялту, все бы не так жалко было...

А насчет подарка — когда же мне и вымогать его, как не сейчас? Как-то я еще ей глянусь при знакомстве...

Жизнь у нас — после всяких беспочвенных ожиданий* — пошла тихая и спокойная. Нет, вы не думайте, я оптимистическими прогнозами не грешил. Но и не мешал соседям фантазировать, памятуя прелестный анекдот Боба Зеликсона*: — «Вы знаете, сколько в Одессе стоит большая жирная курица? Всего 17 копеек!» — «17 копеек? Ну это вранье». — «Да, конечно, — но зато как дешево!»

| 26/V/70

Ариниными заботами в нашей келье всегда цветы, на этот раз — лилии, такие водоплавающие красавицы. А вот уедет она в Коктебель — и все, цветы кончатся, потому что, хоть и прекрасна русская земля вокруг залива Коктебля*, но открытки на ней не произрастают. А кто это «моя Наташка», которая едет вместе с Ариной и Иофами*?

Я долго и усердно думал, как это можно «двусмысленно» толковать мое четверостишие про Арину*. С трудом и не наверняка додумался. Батюшки-светы, что же теперь делать-то? Предложение есть такое: пусть Арина, когда читает вслух, сразу же по окончании чтения, добавляет, не ожидая реакции: «От дурака и слышу!» Очень помогает. Вот у С.Смирнова* есть такое стихотворение, где прямо в тексте содержится достойная отповедь тому читателю, которому это самое стихотворение может не понравиться, и дается ему профилактическая оценка — с политическим оттеночком.

Хорошо, что ребята снова съехались*, — мне легко представить, как скучно им было порознь.

Когда же я — тыфу, тыфу, тыфу! — приеду? Вот большинство корреспондентов уверяют, что скоро, что осталось только («только» — черт побери!) 6 месяцев, 5 месяцев, 4... А у меня это происходит так: где-то в 20-х числа я — по рецепту Марленки [Рахлиной] — отбрасываю остаток месяца и начало сентября и говорю: «Осталось 4 месяца. Ура!» Месяц кончился. «Сколько осталось? 4 месяца. Ура...» Проходит неделя. «Сколько осталось? 4 месяца, без малого...»

| 28/V/70

Две депешки — две бумажки: от Марлешки, от Наташки.

Это — чего такое? Это — как называется? Когда дурной сон видят, а он в руку? Это — еще непознанное, да? Объясняю: Марленка сон

видела, в шекспировских традициях, про меня, спрашивает, здоров ли. Отвечаю: да, здоров. Грипп у меня. Легкий, уже проходит. Он грозит: «Я, мол, тебя соплей перешибу!», а я его — кальцеком, кальцеком! Только вот чего непонятно: Марленкино письмо пущено 22-го, а занедужил я позавчера. Стало быть, сон — причина, а сопли — следствие? Граждане, будьте осторожны в выборе снов.

Если бы я отправлял это письмо прямо Марленке, я написал бы примерно так: «Дружок, посочувствуй мне, ты это умеешь. Я в неплатном, непролазном долгу перед столькими людьми, что жизни моей не хватит расплатиться со всеми. И, как водится, пострадают на этом, скорее всего, самые близкие и самые любимые люди, с ними мы небрежничаем, их «откладываем», именно от них «ускользаем». Но ты ведь знаешь (написал бы я ей, если бы ей писал), что все мои «ускользания», бывшие, сущие и будущие, — вовсе не признак холодности. Так складывается само собой — по обстоятельствам и по отсутствию у меня якорей». Вот что я написал бы, предупреждая события.

Но — кровь из носу! — я все-таки найду возможность сказать «кто есть кто» для меня!

А разговор у нас будет. Не знаю, когда, не знаю, где, но будет непременно. Вот что касается вранья, которого не должно быть... Я могу твердо обещать, что о себе ничего врать не буду; если же речь пойдет о других, то не поручусь, я не считаю себя вправе говорить всю правду о людях, которые мне дороги, — это может оказаться им некстати и неприятно. И, кроме того, я не хочу терять их доверие.

Про Кагановых я ничего не знал. Ни от них, ни про них писем не было.

А Сашенька [Захарова], если не лень будет, пусть вспомнит, чего писала, и пришлет открыточку.

А Марленка, когда соберется в Москву, пусть привезет свои стихи. И Бориса [Чичибабина]. То есть пусть не Бориса привезет, а его стихи.

Куда поступает Базиль? Ни пуха ему, ни пера!

Наташкино письмо. Что вы, черти, как сговорились?! То один, то другой объясняют мне, какой Т.Манн эрудит и какой Мандельштам гений. Вероятно, все так и есть; но у меня от всех ваших поучений будет крапивница. Если я еще раз услышу, что «обречен» полюбить Мандельштама, я стану на голову и начну дрыгать ногами: «Ай-яй-яй, не хочу! Дайте мне сборник Прокофьева!»

А я на юге тоже ходил в панамке и тоже пел песню про краснофлотский линкор. Это было в Люстдорфе, под Одессой, мне было лет 8–9. А в Коктебеле мы уверяли друг друга, что в ОЧЕНЬ хорошую по-

году с Карадага можно увидеть Турцию. И пели: «Если будешь ты gesund, то поедешь в Трапезунд». В отличие от Наташки, я Крым принимаю, как свое. Он для меня не «земной рай», как Грузия для Алены, а страна, где я мог бы жить, если бы не курорты, не праздничность.

Очень я радуюсь «бюргерскому» благополучию семейства, дай Бог и дальше так.

А что до имеющего быть — по Наташкиным прогнозам — наплыва любопытствующих, то я и сам с усам, разберусь.

Лепестки из Никитского сада дошли, спасибочки.

I 30/V/70

Вчера было два письма. Хотел сразу отвечать, но не получилось. Дело было так: прочел я первое, Маринкино [Домшлак] письмо, посмеялся, повздыхал и взялся за второе — от Иры Корсунской. Я его прочел, и у меня сделался вертиж в голове, и я, знаете, прилег. Вот так и лежал до нынешнего утра.

Значится, в ремонт вовлекаются все более широкие круги московской интеллигенции? Сперва фигурировал только Бурас, потом появился Золотаревский, а теперь и до Фаюма добрались. Ну-ну. Якобсона не забудьте, он мебель двигать может.

Ну-с, комплименты Кате я читал с удовольствием. А вот хвалить моего сына и так, и эдак, предварительно объявив, что он, к счастью, не в отца пошел, — это прямо-таки кинжал в грудь по самую рукоять, как пишется в любезном Маринкиному детству «Моурави». (Кстати, о «Моурави». Как Маринке покажется такое определение — «длинное дерьмо»? Это я по совету Наташки работаю над стилем — шлифую фразы. Ух, и умна же эта Садомская! И как излагает, бестия!)

Судя по Маринкиному тону, с Голицыным Фаюмы знакомы не только по схеме «художник — искусствовед»? А если так, то, может, придумают, как бы мне посмотреть его работы. Похвалы Ирины [Глинки] (не только в письме, она забыла, что говорила мне о нем еще в «доисторические» времена) и Фаюмов очень меня заинтересовали — а выставка-то не будет меня дожидаться.

А что, эти Голицыны и Трубецкие и впрямь — «обломки игрою счастья обиженных родов»? Никогда не забуду, как Ирина, когда я что-то толковал о знакомых «потомках», надменно вздернула подбородок и обронила: «Выскачки...» (Ау, аристократка, как Вам сегодня пьется-празднуется?)

Ну что ж, в честь пророка, так в честь пророка* — пророк был действительно толковый (мне, между прочим, говорили, что в пере-

воде это имя — Даниэль — значит «Судия Божий». Так ли?). Я ведь не от зазнайства решил, что имя связано со мною, — я так понял из писем. Так что, если маленький Смолкин назван в честь Борджиа или Ж.Верна, я и в этом случае скромно снимаю претензии на роль крестного, оставляя в силе поздравления.

Я только руками развел, прочитав предположения о моей шутке. Все-таки я думал, что обо мне лучшего мнения. Может, шутка была нескладной (говоря о заболевших этой самой язвой, я имел в виду Ларку, Павла [Литвинова] и др.), — но подумать такое — этого я, да еще от Маринки, никак не ожидал. Ох, не надо вычитывать больше того, что написано! Вот и антипатию Маринка мне придумала (в прошлом письме), которой отродясь не было, — и откуда только взяла?

Маринка просит не сердиться, «если что не так сказала». Я на нее вообще не могу сердиться, люблю же ее, глупую, но огорчен изрядно. Видимо, я все-таки не напрасно года полтора назад сетовал на придуманную «модель Даниэля»: мои достоинства не столь обширны и ослепительны, а недостатки не столь романтичны. Ладно, все образуется. Пусть Маринка тоже не сердится за эту отповедь. Кому, как не ей, знать, что злословие я расходую осторожно и лишь для «достойных» его.

Вот. А к письму Иры Корсунской я возвратился с опаской. Ходил-ходил вокруг него, потом набрал побольше воздуха в легкие — и нырнул. Ширну-мырну, где вынырну? А я и сам не знаю где. Теперь я уже обо всем готов спрашивать. С кем я водку пил — с Габаем или с Грицаем? Кто жена Павла — Майя Русаковская или Майя Улановская? Кто песочного цвета — Манон или обои? Почему Ирина-Агата-Монте-Кристи занимается математикой, а не бороздит моря на собственной яхте, сочиняя во время штиля детективные романы?* И вообще, в каком положении акции Юнайтед-Фрут-компани? (С таким вопросом обратился к Леве Малкину — привет ему! — таинственный незнакомец в горах Сванетии, просунув голову в палатку. Получив от Левы исчерпывающий ответ, он сказал «Сэнк ю» и растворился в ночном воздухе. Все это чистая правда — сам Лева рассказывал!) Да, есть над чем призадуматься. А тут еще у Ковенацкого (Новенацкого?), оказывается, новая жена — как интересно! Значит, раньше была другая? А кто такой Ковинацкий? Ой, не надо, это я по инерции...

| 3/VI/70

Ну вот, обыграв меня последний раз в шахматы, отбыл Виталий [Габисов] — в Ухту. Теперь мы пока вдвоем с этим парнишкой Юрой.

Рад за Виталия, но словом перекинуться уже не с кем, этот мальчик вполне первобытный.

Итак, сто дней — надеюсь, никаких Ватерлоо они не принесут. Сто дней, три месяца. Я могу чувствовать себя господином Беранжером во время его первой отсидки. Он, правда, жаловался, что эти месяцы испортили его: в тюрьме он привык к хорошему столу и дорогому вину. Мне эта опасность не угрожает; кроме того мне легче и в другом: у него, бедняги, не было ни одного спокойного дня, в его камере все время толклись визитеры. «Ей-ей, умру от смеха!..»*

14/VI/70

Сегодня пришли письма от тебя, малыш, и от Лены Аксельрод. Чудесно, что вы выбрались в Чуну. Итак, состоится «встреча трех поколений» — на мой взгляд, почти не отличающихся друг от друга. Больше всего я, конечно, рад за тебя, Лар.

Ты знаешь, Санька, письмо твое весьма дельное — по части соображений об исторической литературе. Правда, чуть-чуть ты ломишься в открытые двери. Впрочем, может, это оттого, что я неявно выражался. Вкратце вот что: я не противопоставлял импонирующий мне жанр подлинно художественной исторической литературе (а фактография вообще вне разговора). Просто я писал о том, на что способен именно я, что в моих возможностях. Но все же позволь заметить, что этот «мой» жанр — не аллегория, не «Волк и Ягненок»¹: он — помимо всех прочих задач — утверждает неизменность человеческого характера с его балансированием меж Добром и Злом и — отсюда — неизменность конфликтов и трагедий во всех областях — от социальной до интимной. Он же, как мне кажется, ратует за эволюционный путь. Но это разговор долгий; к тому же этот последний мой тезис — спорный и не очень еще мною продуман.

Конечно, Гачев прав; его положение соседствует с кредо Тынянова: «Я начинаю там, где кончается документ» — любимая цитата Фаюма. Если бы ты знал, как мне хочется поговорить с тобой, с Тошкой, с Фаюмом, с Юрой Левиным обо всем этом — исключив, вычеркнув из разговоров то, вокруг чего эти пять лет крутятся мысли! Наверное, это невозможно, это было бы ампутацией головы — настолько пропитал меня этот пятилетний мир.

¹ Напомни, когда я вернусь, чтобы я продекламировал эту басню*.

Ты угадал, «озорство» — это Людоговский-Щипачев*; но помнится, были и другие выבריки. Они, возможно, были в черновых вариантах и не вошли в машинопись, отданную в Детгиз, — т.е. в то, что ты читал. Бог с ним, с этим сочинением, это позавчерашний день.

Забрать и привезти заранее барахло по каким-то неведомым мне причинам нельзя, ну и ладно, как-нибудь.

Будет ли сентябрьское письмо? Разве что по-Фейхтвангеровски: любимое занятие его героев — писать письма самим себе (Тюверлен из «Успеха», Густав из «Семьи Опперман»).

О моих письмах. Очень тебя прошу, пусть их прочтут те, к кому они имеют отношение. Ты же понимаешь, обидно писать зря.

Про Телемскую обитель? Просто был даже не проект, а вздох: как славно было бы учредить такой монастырь! Старая идея, вокруг которой мы веселились в молодости и которая такой серьезной представляется сейчас. И такой неосуществимой. И такой — все-таки! — осуществляемой.

Ты уезжаешь в отпуск или ушел с этой работы?

Как собака перенесла полет? И каковы ее взаимоотношения с котом?

Шагала, которого прислала Лена, у меня не было. Отменный Шаггал, даже стихи захотелось написать. Но я с этим желанием быстро справился, вспомнив про «суконное рыло» и «калашный ряд». И потом я подумал — и понял, что возникло это желание наверняка под влиянием «Концерта для окрестра», я заболел этими стихами, хожу и бормочу.

Очень здорово, что Фаюм напишет предисловие к каталогу, это значит, что оно будет умным, изящным и, что немаловажно, добросовестным. (Эта фраза не для Фаюма, а для Лены, а то еще «сам Герчук» зазнается, услышав оценку такого знатока, как я!)

Я никогда не подозревал, что у Аксельрода были портреты моего отца. Что это — живопись, графика? Если графика, то какая? Кстати — это вопрос к тебе, Санька, — кто автор портрета в русском издании «Юлиса»*?

Стихи для переводов, пожалуй, уже не стоит присылать, поздно. Тем более, что попытки харьковчан не имели успеха. А вот фото меня бы порадовало.

Вот Лена и ответила на мой вопрос из этого письма, еще не прочитав его, — о вечере на Патриарших прудах. Но она запомнила: это была не последняя встреча. Последняя — на ходу — была в вестибюле ЦДЛ, когда Лена обозвала меня «загадочным Даниэлем». Во какой я памятный!

| 5/VI/70

Открытка от Иры Корсунской. Значит, Федя — не Федя, а вовсе Саня*. Что ж, тоже неплохо. Я знаю несколько вполне приличных Сань (Сáней? Санéй?): Эмбриона [Саню Якобсона], харьковскую Саню [Захарову]. Опять же Воронель отчасти Саня, Саша Лесникова*. Еще этот, как его? Саня Даниэль, что ли. Ну и всякие Гинзбурги-Вольпины.

Ира пишет, что Софья Васильевна передала приветы от Наташи*. Значит ли это, что о Наташе можно узнать что-либо достоверное и успокоительное? Или хотя бы достоверное? Неожиданно оказалось, что ее судьба многих интересует и волнует*.

| 8/VI/70

Существует ли научное определение понятия «время»? Я что-то не встречал. А занимает это меня потому, что я как-то стал вдумываться в выражение «убить время». И вот как плохо быть необразованным: знал бы я это научное определение, подставил бы его на место слова «время» и получилось бы вполне благопристойно. «Убить икс, помноженный на игрек, деленный на зет» — что-нибудь в этом духе, очень спокойное. А так поневоле начинаешь думать, что же это самое «время» значит. А это значит, оказывается, еще и — часть жизни. И это бы не беда, хоть и обидно. Тут цепная реакция размышлений: а что такое эта часть жизни? Из чего она состоит или могла бы состоять? Страшненько выходит: убить какое-то количество деревьев, моря, стихов, картин, неба. Какое-то количество людей, и не просто людей, а самых лучших для меня. Список этот можно продолжать бесконечно. И вот что еще ужасно: что и то занятие, которое, казалось бы, должно сохранять свое качество, — чтение, — и оно становится инструментом убийства, а стало быть, и жертвой. Нет, я не Морозов, уж такой не Морозов!*

19 июня — день рождения Юрь: Галанскова. Непременно поздравьте его от моего имени. Хоть с опозданием, хоть как, но во что бы то ни стало.

| 10/VI/70

Очень вкусные яблоки на открытке Ирины Уваровой, отменного качества! Но на обороте, увы, я столкнулся с трагическим непониманием и роковыми противоречиями. Противоречия опять вокруг это-

го, тьфу, чтоб ему, Томаса Манна. Все, амба, я сдался: он — гений всех времен и народов, корифей науки, лучший баскетболист сборной Уругвая и мисс Европа на конкурсе красоты 1970 года. До Рождества Христова.

Непонимания же своего я не стыжусь, ибо не нахожу ни малейшего сходства между той затурканной зверюшкой, которую Ирина изобразила в письме, и женщиной на фотоснимке, от громогласного восхищения которой я воздерживаюсь лишь из-за чудовищной моей скромности. Хотя и мог бы провозгласить ее достоинства *urbi et orbi*, что в переводе означает — во всю Ивановскую.

Утешительно, что в одном мы согласны — об выпить и закусить.

Ваве и Юре* — спасибо за привет и за память. Слушал на днях спектакль «Современника» — болгарскую пьесу в его переводе. А что он еще переводит? Где-то летом 65-го я в коридоре Детгиза трепался с редактором. Подошел Юра, поздоровался, мы обменялись двумя-тремя фразами, и он ушел. «Юлик, кто это?» — спросила моя собеседница. Я сказал. «Как, тот самый?» — «Какой это — тот самый?» — «Ну, который «Сирано»*. — «Тот, тот», — буркнул я ревниво. «Ой, что ж вы меня не познакомили? И потом — как это вы так с ним говорили?» — «Как — так?» — «Ну так как-то...» Я посмотрел на нее внимательно и понял: по ее мнению, с Юрой нельзя было разговаривать небрежно, я был недостаточно почтителен...

| 11/VI/70

Завтра утром отдаю письмо. Что еще сказать напоследок? Я здоров, чувствую себя хорошо — это без всякого трепа, без очковтирательства. К сожалению, не могу справиться с какой-то напряженностью, нервы натянуты — хоть играй, как на гитаре. Это, очевидно, будет до конца. Как говорят, так и полагается. Ладно.

Что еще? Чуть-чуть работаю, но как-то без энтузиазма, так, через пень-колоду.

Напишите мне подробнее об «озерных братьях». О твоей Ирке*, Лар. В 5-м номере «Вопр. лит-ры» статья В.Британишского. Это тот, который поэт Владимир Британишский? Потрясен его эрудицией. Это ведь вдобавок к тому, что он геолог и автор отличных стихов. Например, стихи о Цветаевой и стихи о портрете А.Толстого работы Кончаловского. Я с ним, с Британишским, раза два виделся, он мне очень понравился. Что слышно у Ирины Кудрявцевой? Она опять исчезла. И — кроме шуток — почему намертво замолчали «физики-математики»? Воронели, Гитерманы, Кагановы? Не случилось ли чего дурного?

Может, я чем-нибудь грешен, что-нибудь не так сказал? Пожалуйста, ответьте, мне как-то не по себе.

Целую вас всех, родные мои.

Ю.

Завтра Бену останется ровно два года.

п и с ь м о с е м ь д е с я т ч е т в е р т о е

14/VI/70

Бонжур, месье и мадам! Коман са ва? Parbleu, madame, я далеко пошел во французском языке! — как сказал мой тезка Генрих Гейне. А с чего бы это меня вдруг потянуло на это варварское наречие? А вот с чего: я готовлюсь к встрече с Теофилом Готье*. Которые не-сведущие, не волнуйтесь: он давно помер. Но и не радуйтесь, я помирать пока не собираюсь. В общем, Тошке [Якобсону] должно быть ясно, что я получил от него письмо. Но не только от него, так что отвечать буду, так сказать, в порядке прочтения.

Перво-наперво, письмо от Эмбриона [Сани Якобсона]. Отличное письмо, очень меня порадовавшее. Во-первых, переход в V класс — это дело серьезное. Не так-то это просто, если судить по тому, что невидимость Эмбрион употребил бы на списывание арифметики. Поздравляю! Потом — доклад о Ломоносове. Я был бы не прочь послушать его, тем более, что уже порядком подзабыл все эти тоники-силлабики. А что в 4-а принимали лучше, чем в своем классе, так это всегда так: нет пророка в своем отечестве, старая история.

Большое спасибо за «Кузнечика»; я помнил только первую и последнюю строки. А стихи, действительно, замечательные.

Говорил ли Саня о привнесении Ломоносовым научной описательности в поэзию? Это очень интересно и здорово — как удалось ему насытить стихи естествознанием, не ущемив ни на гран лирическое начало.

«Малыша и Карлсона» я читал; о «Пеппи-Длинном чулке» читал в журн. «Театр»; а вот что такое «Мама, папа, бабушка и 8 детей», я не знаю.

А теперь перейдем к Якобсону-пэру. Это Тошка очень хорошо придумал — с Готье. Не знаю, что и как получится, но работать, ежели стихи дойдут до меня, буду. Я, правда, почти не представляю себе, каков поэт Готье, что-то когда-то читал, кажется, в переводах Брюсова; но так или иначе, я буду стараться. А если еще и похвальба Тошки о своем практицизме имеет какую-то почву, то совсем хорошо.

А сказать, что бы мне больше всего хотелось делать сейчас по этой части? Фрашки, сборник фрашек, ах, какой чудесный сборник

можно сотворить! И «малогабаритность» этого жанра очень по мне: когда переводишь, все, целиком, — в руках, перекидываешь, как мячик, из ладони в ладонь, никакой громоздкости в работе. А у нас, на русском, выходили сборники фразек?

Так-с. Стало быть, Анатолий Александрович желает поговорить за свободу. А что это такое? Я спрашиваю без тени иронии, без всякой оглядки на свое нынешнее положение. То, что он пишет о свободе, как об общем содержании понятий истины, добра и красоты, конечно, похоже на правду; но ведь и эти понятия нуждаются в определении... Это одно; а другое то, что ужасная чехарда получается с процессом действия и результатом его: определяет ли, скажем, свобода движения добра — результат его, добро в итоге? Какова связь и зависимость между свободой внутренней и, так сказать, внешней (общей)? Пьер Безухов хохотал во французском балагане: «Не пустил меня солдат!.. Душу мою заперли!..» (Простите за приблизительную цитату.) Я очень понимаю его, пьеровское ощущение, насмешку Пьера над дураками; но в какой мере эта его внутренняя свобода гармонирует с добром? Самоосвобождение, самовысвобождение — состояние необычное, взлет, вершина, оно очень ограничено во времени — и поэтому всегда в противоречии с жизнью, даже собственной, не говоря уже о жизни окружающих. Потом я не понимаю, что такое «свобода вообще», без конкретных проявлений. Мироощущение? Если оставить в стороне вопрос о свободе творчества и творческого процесса, то мироощущением можно назвать скорее не состояние, а стремление к этому состоянию, к высшему благу. Но как далека от этого стремления («стремления» в буквальном смысле — «движения»), как от него далека красота! Попытка рационалистического объединения истины, добра и красоты в свободе кажется мне страшной отвлеченностью; как ни странно это звучит, но, по-моему, много меньше идеализма в желании верующих объединить эти понятия в Боге.

Вообще эта область дает широчайшие возможности для взаимного непонимания — от разности характеров, от разнобоя в терминологии. Это слово — свобода — произносилось всерьез разными поэтами, перечень, приведенный Тошкой — от Ломоносова до Петровых, — выглядит внушительно. На первый взгляд. Критерии же у них разные. Бог мой, что общего, кроме самого слова, произнесенного или подразумеваемого, между отчаянным и, должно быть, хмельным всхлипом Михайлы Васильевича о свободе внечеловечьей — и гордым самоутверждением Мандельштама, отшвыривающего от себя внешние признаки человеческого, — признаки быта, которыми в глазах обывателя определяется человеческое достоинство?

Я, знаешь ли, последнее время думал о другой постоянной теме русской — и не только русской — поэзии: о теме случайности, непредсказуемости всего сущего, о теме слепого, не нашего выбора. «Дар напрасный, дар случайный, Жизнь...», «Нас всех подстерегает случай...» И т.д., и т.п. И, может быть, та свобода, о которой говорит Тошка, — это не что иное, как титаническое, кликушеское (не в смысле истерики, а в смысле сверхъестественного напряжения сил), иступленное усилие художника противостоять этой стихии нескладности, нелепости, хаоса, дисгармонии: «Я гимны прежние пою...», «Но ты, художник, твердо веруй В начала и концы...», «Не спи, борись с дремотой...».

Трудно мне все-таки обо всем этом говорить. А когда вернусь, будет еще трудней.

Два письма в одном конверте: от Арины [Жолковской] и от Смолочки [В.Смолкина]. Бедняжка Арина! Кто это из великих сказал: «Гости приходят и уходят, а грязная посуда остается»? А что если все-таки перевести гостей на самообслуживание? Как у Райкина: «Сам поел, сам вымыл посуду, сам на себя жалобу написал...».

Арине следует помнить, что она и так единственная и неповторимая (неужели Алька [Гинзбург] не познакомил ее с этой доктриной?); поэтому оригинальничать при помощи простуды не следует, пусть уж все будет банально: скучная нормальная температура, заурядное отсутствие головной боли и вульгарное произношение без прононса.

К Ларке поехать — это бы здорово, вот где трепу было бы! И все-таки какой-никакой, а отдых: не вела бы светскую жисть, не вращалась бы в вихре вальса...

Автора присланных стихов я, конечно, узнал, не так уж это трудно: во-первых, манера достаточно своя, во-вторых — реалии. Хорошие стихи. Но как горько их читать, и как странно. Не знаю, поймете ли вы это ощущение. Как будто хорошо знакомый, ну, скажем, японец или швед вдруг заговорил по-русски — а ты точно знал, что он не может по-русски, не должен мочь. И не хочешь, чтоб мог. Понятно? Свое-то знание «своего» языка кажется естественным...? Хорошо бы эти стихи Андрею [Синявскому], он всегда симпатизировал и стихам, и автору.

Валерию, Рине [Смолкиным], Сереже [Мошкову] и моему тезке — приветище! Я несказанно рад, что у Сережи дела идут (тьфу, тьфу, тьфу!) неплохо, что он дорвался до науки и двигает ее туда-сюда.

Жаль, что неопределенно у ребят с сентябрем, а я уж было обрадовался. Я-то еще очень не скоро смогу побывать в Прибалтике, а увидеться ох как хочется. Вообще что за фиговина, братцы? Просто уму непостижимо, как это: на воле — и врозь? Позвольте, а с кем же

заваривать? Это выходит, чтобы дерябнуть кофейку с Рыжим [В.Калниньшем], мне надо трюхать в Ригу? Ох, непорядок!

Валерка, промежду прочим, мог бы и познакомить меня с Риной — прислать ее и свою фотографии. Знает же, что фото — это мой пункт. Вот. Есть у меня и другая претензия, посерьезней. Ничего толком я не знаю о Вадике [Гаенко] и его семье. Как они, где они, как здоровье девочки? Конечно, и о других мне тоже было бы интересно узнать, но за малым знакомством не смею настаивать; а вот о Гаенках написать бы не грех.

Значит, Юлька уже держит голову? Гениальное дитё. И как, высоко он ее держит? А «Диалектику природы» он уже прочел? Надеюсь, он не асимметричный, как его папа?

Приветы сопредельным Кнуту, Энну. Слышно ли что-либо о Марте, Ромасе, Кестугисе?*

И письмо от Ирины Глинки. Прямо даже не знаю, как писать о нем. Оно не могло не обеспокоить меня, но говорить о мере моего беспокойства боюсь: как бы не вздумала Ирина хитрить, писать мне бодренькие благополучные письма.

Я тоже уверен, что все образуется; но все-таки это обидно до крайности — общение со шприцем, невкусная лекарственная дрянь и в особенности отказ от гимнастики. К сожалению, я могу только догадываться о радости, доставляемой гимнастикой, да еще «музыкальной»; но, вероятно, это ощущение сродни ощущениям пловца — не профессионала на состязаниях, а который плывет так, для собственного удовольствия, там ведь тоже не только ритм, но и перемены ритма, диктуемые водой, и возможность некой «импровизации» на эту, задаваемую волной и, безусловно, музыкальную тему. И огромное удовольствие, наслаждение от послушности, от чуткости тела. Похоже?

Книгу Гаузнера о Японии я не читал, даже не слышал о таком литераторе. «Имена же их Ты, Господи, веси...»

Об упоминаемом Ириной «Иллюзионе»* мне говорил Виталий [Габисов], мой бывший сосед. Что, хорошие ленты крутят? Это что-то вроде «Повторного»?

Первосходная физиономия Саши Черевченко описана Ириной абсолютно точно — он. И подчеркнутую щеголеватость и модность одежды я тоже отмечал столько раз, сколько видел его. Только ведь он далеко не такой «простецкий», как может показаться...

Помимо многого хорошего, вычитанного мною из письма, очень я благодарен Ирине за известие о Тошке и двухтомнике Лорки. Ведь он, собака, — Тошка, а не Лорка — сам ничего об этом не пишет.

Буду теперь ждать писем из Энгуре. Глебусу — привет и поздравление с днем рождения. Впрочем, что ему привет от абстракции!

Очередную порцию почты я получил в среду, а «у нас нонче суббота!» Все не мог взяться за ответ, странное какое-то оцепенение нашло, весь день все из рук валится, только к вечеру начинаю отходить, а тогда писать уже поздно. Но вот сегодня вроде полегчало, оттаял.

Пришла телеграммочка ваша, господа сибирские коты. Телеграмма эта, надо полагать, привела в замешательство почтовиков. Они же знают, что адресату спиртное противопоказано, а в тексте поминается какая-то «четвертинка»*, вот и думали шесть дней — вручать или не вручать? А я покамест эту самую «четвертинку» откупорил и малость глотнул из нее.

Между прочим, Ларка, это ты Кате — «Мама-Лара», а мне вроде бы что-то другое?..

Письмо от Борьки Золотаревского. Я очень благодарен ему, что он поделился со мною опытом по части покорения блондинок. В нашем возрасте приходится, очевидно, идти на всякие кунштуки, чтобы завоевать женское сердце. Но если с блондинками мне теперь все ясно — надо встречать их, стоя на четвереньках, — то как быть с брюнетками? И с шатенками? В какую позицию становиться? И совладеет ли с нею мой организм, ослабленный сугубо мыслительными процессами?

Относительно ремонта. Должен признаться, что сейчас меня больше занимает не процедура вколачивания пробок, а наоборот...

А что собой представляет новое золотаревское жилье? Что в нем есть завлекательного, помимо глазка, которым меня не удивишь?

Сперли киноаппарат? Ну-ну. Не знает, балда, с кем в Харькове общаться надо было. Теперь я, стало быть, останусь неувековеченным. А между прочим в «Искусстве кина» выражалось сожаление, что мало снимали в свое время выдающихся личностей — ну там, Жюлио-Кюри и других.

Излишки от дня рождения тетушки Борис 14 сентября завернет в скатерть и принесет на Ленинский проспект 85, кв.3 (как выйдет из дому — налево и прямо, прямо...). А с женой и детьми я охотно познакомлюсь.

Открытка от Арины. Ну как это обидно, что в Коктебеле холодно! Что ж это за Коктебель нынче пошел? А с черными бегемотами познакомились? Я в газете вычитал, что в Планерной устроена пересылка для всяких зоопарковых зверей и что на днях туда прибыли два бегемота. Или это другая Планерная?

Письмо от Хазановых. А чего это дети гор смеются, слыша обо мне? Вспоминают, как я плясал алагирский танец «Приглашение»? Или сравнивают мои переводы с оригиналами? Хорошо хоть, что смеются «доброжелательно».

Самый сердечный привет Гале Дубровской*. Я часто вспоминал о ней, сокрушенно думал, что из-за меня пошла насмарку чуть ли не годичная ее редакторская работа: редактировала, правила, шлифовала, старалась — и все впустую. Ей-ей, это я нечаянно, как-то не подумалось о детгизовских последствиях моей литературной деятельности. Да, не стоило меня привечать...

А что с Риммой? Она обозначила свою болезнь какой-то загадочной аббревиатурой.

А вот у меня зеркала нет, расстраиваться не могу. Вот такое преимущество. «Мне хорошо, я сирота...»

Что же порекомендовать для пародии? Есть одна кижечка, очень забавная, по ейной, по Римминой специальности. Но я, пожалуй, лично объясню, как она для пародии годится, пусть уж Римма потерпит.

Письмо от Фаюма, с фотографиями. Очень мило. В общем, я вижу, Юрка освоился с бесслужебностью, вот и хорошо.

В кино смотреть нечего? А мне есть чего. (Опять ему везет, Даниэлю, счастливчику этому!) Я намерен посмотреть все детективы, накопившиеся за это время, комедии, которые поглупей. Из серьезного — что посоветуют. Да, все фильмы с Аллой Демидовой — очень она мне понравилась в бесконечной и бестолковой ленте «Щит и меч» и по фото в «Экране», «Искусстве кино» — «Дневные звезды», «6-е июля» и др.

На фото Юрка показался мне сильно изменившимся: выражение какое-то жесткое, напряженное. Уж не повзрослели ли мы?

А от Ирины Глинки письмо опять из Москвы. Ну что это такое! Давно пора на песочек, под латвийские сосны, а она, изволите видеть, худлитературу в Москве почитывает. Хватит болеть, а?

«Мастера и Маргариту» я читал, конечно. Вроде бы и писал об этом. Согласен, «говорить о романе можно бесконечно». Опять же насчет остроты первого чтения верно. Но знаете, я читал книгу дважды, с интервалом года в два, и второе чтение захватило меня куда сильнее. В первый раз общая блистательность романа мешала думать. Водоворот: герои, ситуации, язык — все так неожиданно, фантазмагорично. Второй раз я уже мог время от времени откладывать книгу в сторону. И я почувствовал в полной мере всю мощь романа — не могу и не хочу подбирать другое слово.

Не совсем я понял Ирину: «роман в романе» исчерпывает, по ее мнению, тему Пилата или тему Христа? Но в обоих случаях с этим

трудно согласиться. Обе темы, по-моему, неисчерпаемы. И если теме Христа были посвящены, вероятно, сотни тысяч произведений в разных видах искусства, то теме Пилата повезло меньше, хотя и он, названный и неназванный, изображался неоднократно. Конечно, вещи типа изящной безделки А.Франса — «Прокуратор Иудеи» — не в счет или почти не в счет. А между тем герой настолько непреходящ, что ему все равно суждено продолжаться в искусстве. Уж больно часто умываем мы руки в наш гигиенический век. Все это, естественно, ни в коей мере не ставит под сомнение потрясающую талантливость Булгакова в изображении Понтия Пилата, равно как и прочих героев, — просто тема не умирает, пока живы Пилаты, Иуды. А они живехоньки.

Нет, Булгаков никого не «заместил». Это могло бы произойти, если бы кто-то из современников делал что-нибудь похожее (я имею в виду именно этот роман и именно русскую литературу — ведь роман-то удивительно русский!); но его, этот роман, просто не с чем сравнивать.

«Психологию искусства» Выготского я не читал, увы; а Стерна предпочитаю «Сентиментальное путешествие».

Как жалко, что Глебку [Левина] обстригли...

И еще письмо — от Маринки [Домшлак], с сюрпризом. Это такой подарок, что слов не найду. Превеликое спасибо Маринке за труды. Должен сказать, что подстрочники сделаны великолепно, я даже не припомню, были ли у меня когда-нибудь такие умные и «чуткие» подстрочники. Разве что те, которые Инна Бернштейн делала с чешского. Но там ей все же было легче — личное общение, я мог спрашивать, она — на руках растолковать. А здесь просто прелесть, и уточнения в скобочках такие дельные, нужные. И не надо никакого «фонетического алфавита» — все прекрасно записано «по-русски», как раз по мне. Ну умница и молодец. А о самих стихах вот что. Самое интересное для перевода и вообще — «Сосна Ланд», но я к нему еще не прикасался, а взялся за «Матросов», уже две строфы сделал, вот так. Трудно невероятно, и я даже не знаю, получится ли. Но все равно переводить буду, думаю, что к последнему, августовскому письму закончу — как получится — все три*.

Вы, милые мои работодатели, даже не представляете, какое это наслаждение, почти спасение, — работать всерьез, не только себе на потребу.

Что-то я не понял, Юрка писал, что «Путеводитель» надо дорабатывать, Маринка — что он не будет переиздаваться?

| 22/VI/70

Погода вдрызг распаскудилась, льет днем и ночью, сыро, серо, брр... Интересно, каково будет в сентябре? Если так же, то я еще подумаю, выходить ли. Здесь уютно, сухо, забота о теле и душе. По радио диктор бархатным баритоном говорит: «Здравствуйте, товарищи. Если вы никуда не уходите и у вас нет срочных дел...» Никуда не уходим, валяй. Радио валяет:

Оттого, что я жить без тебя не могу,
Я пишу твое имя мочой на снегу...

Что такое? А, виноват, ослышался — «лучом на снегу». Тоже красиво. В шахматишки, что ли, сыграть? Садимся в шахматишки. Мой партнер играет еще хуже, чем я. Приятно. Вообще он — источник нечаянных радостей. Недавно выяснилось: он убежден, что февральская революция была в 1905 г., декабристы участвовали в убийстве Александра II, а русские цари сменяли друг друга в порядке нумерации — Николай I, Николай II, А-др I, А-др II, А-др III... А Пушкина убили где-то за границей. Отменный малый мой сосед Юра. Здорово разбирается в мотоциклах и шлягерах.

| 25/VI/70

Уже больше недели не было никакой почты. А от тебя, Ларка, уже больше месяца нет ничего, если не считать последнюю телеграмму. Я понимаю, светские приемы, маленькая хозяйка большого и к тому же собственного дома, верховая езда на «таракане»... В общем, мне надо набраться терпения: осталось действительно немного, и все резонно полагают, что писать уже не стоит. Так тому и быть.

Как хорошо, что есть переводы. Полежишь носом в подушку, запишешь словцо-другое, походишь, покуришь и снова запишешь. «Матросов» я уже кончил, взялся за «Сосну». Что получается и получается ли — не знаю.

| 26/VI/70

Дело, стало быть, такое. Пригласили меня нынче побеседовать на тему: где я намерен жить после освобождения? В Москве, мол, не положено. Я ответил, что относительно Москвы не очень-то и

обольщался; а что касается будущего места жительства, то здесь, сейчас, я это решить не могу, не знаю. Вот приеду в Москву, осмотрюсь, полечусь, посоветуюсь и тогда выберу место. Этот ответ, естественно, моего собеседника не удовлетворил. Дело в том, что они должны в своих (а может быть, и в моих!) документах указать «место назначения». Я им очень сочувствую, но помочь ничем не могу: это против здравого смысла — сидя здесь, наобум, назвать какой-то географический пункт. Так что практического результата беседа не возымела. Однако появились два конструктивных предложения. Их предложение: написать в Москву с тем, чтобы ты, Санька, и друзья что-нибудь выбрали и посоветовали. Именно это я сейчас и делаю. Мое предложение: я могу написать заявление о разрешении пребывать в Москве в течение энного количества времени — для решения этого вопроса, для лечения, для выяснения профессиональных проблем. Подумайте, пожалуйста, надо всем этим. Может быть, тебе, Малыш, стоит потолковать об этом с кем-нибудь из тех, кто решает эти вопросы? Но ответ мне, не дожидаясь такого разговора, даже если он будет предполагаться. Сам понимаешь, я не жду от вас категорического ответа, лучший вариант все-таки мой — решать все в Москве; но если, паче чаяния, вы надумаете что-нибудь подходящее с вашей точки зрения, то я должен буду с этим согласиться. Какие у меня желания на этот счет? Во-первых, чтобы эти 100 км не обрастали по возможности добавочными цифрами; чтобы было хорошее сообщение — поездом и машиной; чтобы без комаров! поужнее; чтобы можно было прилично устроиться с жильем; неплохо бы лес и воду. Вот и все, скромно, но мило. Можно без личного бассейна, а то пьяные гости будут туда мочиться.

| 27/VI/70

Вместо долгожданных писем пришли деньги от тебя, Лар. Это очень мило, бумажки мне пригодятся, но я все же предпочел бы хоть несколько слов. Тревожит, что нет подтверждения на мое письмо. Но возможно, что почта накапливается, и мне отдадут все чохом. Что ж, буду ждать понедельника.

| 1/VII/70

Сегодня ровно две недели, как я не получал почты. В честь этой знаменательной даты я досрочно выполнил взятые на себя обяза-

тельства: закончил перевод всех трех стихотворений Готье. Может, теперь начнут приходить письма? Несколько-то писем непременно должно прийти — обещанные.

| 2/VII/70

А вот нынче у меня возникло желание пойти навстречу начальству: зажмуриться и ткнуть наугад пальцем в карту — здесь, мол, жить буду. Только, сказал бы я, одно условие: пусть меня сразу же доставят на место, минуя Москву, не хочу никому показываться. Я, видите ли, сегодня разглядел себя в натуральную величину — в трюмо, вот как. Н-да, доложу я вам. Примерно так я выгляжу на фото 66-го года, о котором Наташка [Садомская] сказала: «Римлянин времен упадка Империи». Там даже чуток получше. Я не видел себя уже год и очень как-то огорчился, до того неавантажная физиономия. Ужасно мне не хочется вас расстраивать и делать хорошую мину при плохой морде. Как быть? Если велеть никому не приходить, так ведь все равно не послушаетесь...

| 5/VII/70

Фу, гора с плеч: позавчера получил наконец почту, целый ворох, 10 писем и открыток и телеграмму.

Телеграмма от вас, любезные а ла кошоны. Значит, исправитесь? Ну что ж, моя дорога в рай вымощена вашими благими намерениями.

Письмо от Марленки [Рахлиной], чтой-то кисло-сладкое. Эй, главное — нос не вешать! И смотреть только хорошие сны, я же предупреждал. А то и впрямь досмотрится-догавкается: встречу ее холодно и надменно, я за эти годы насобачился в надменности. А насчет «превращения в псевдоним» — эта опасность угрожает скорее всего мне.

А как называется поэма Галича о Корчаке и где она напечатана? (Напечатана ли?)*

Закругляюсь я, округляюсь, уже почти в шарик превратился, насколько это возможно при моей костлявости.

Письмо и открытка от Иры Корсунской. Обеспокоили меня новости от Зинаиды Михайловны: само собой, и о ее муже тревожно, а еще больше о Наташе думаю*.

Анекдот о крокодиле хорош. Ох, как я соскучился по анекдотам!

Негритянке И.С.Жолковской — привет и братский поцелуй. То, что она пишет о коктейбельской жизни, — фантастика и, конечно, ан-

тинаучная. Такого не бывает. Просто Арина, зная мою любовь к Гогену, пытается пересказать его картины...

Письмо от Миши [Бураса]. «Оптические свойства карбида кремния» — это про то, как карбид в чернильницы бросают и как от этого щиплет глаза? Пусть только Лешка [Лена Бурас] посмеет сказать, что я не угадал!

Жду, жду, когда Явасочка заржет у крыльца...

Письмо от Виталия Габисова. Он попал совсем не в Ухту, а в Воркуту. Он написал тебе, Санюшка; обязательно узнай(-те) все, что ему нужно для решения вопроса об учебе; он был мне хорошим товарищем почти полгода — спокойным, ненавязчивым, тактичным, — а это ой как трудно в определенных условиях! Я думаю, что Воркута лучше Ухты во всем, кроме климата. Так ли?

Письмо от вас, дорогие Алла Григорьевна и Иосиф Аронович [Богоразы–Зимины]. Спасибо вам, оно дало мне вполне определенное представление о Чуне и Ларкином житье.

Почему никто из вас не написал о собственном самочувствии? Может, это значит, что все в порядке? То-то хорошо бы.

Вы правы, Иосиф Аронович, состояние у меня «противоречивое» — очевидно, это общая болезнь для всех, кто в таком ожидании. Одно время, правда недолго, я даже психовал á la Леня Рендель — его, беднягу, месяца за два, за три прямо трясло, — но потом прошло, и сейчас я просто отодвинул от себя серьезные мысли о будущем, думаю лишь о второстепенном: о месте жительства, об одежде, о выпивке, о своей звероподобной внешности...

Алла Григорьевна, а разве в молитве Ефрема Сирина говорится о целомудрии? Мне почему-то казалось: «дух же смиренномудрия, терпения и любви». Но как бы то ни было, будь я христианином, я бы повторял это неустанно. Жаль, что это не так, что я не имею на это права.

И еще один Матисс от Фаума. Мерси за подтверждение любви и памяти — а я и не сомневался. (Экая самоуверенность!)

Очень неожиданная и трогательная открытка с чудесной примаченковской «Жар-птицей» — от Гали Севрук. Пожалуйста, черкните ей хоть одну строчку — что открытку получил, спасибо ей и целую. Ее адрес: Киев, 49, Воздухофлотское шоссе, 55, кв.5. И если она видится с другими знакомыми киевлянами, пусть передаст им мой низкий поклон.

И, наконец, письмо от Маринки. Собственно, не письмо, а сплошной Теофиль Готье. Я сразу же ринулся в бой и уже почти перевел одно стихотворение. А есть среди них великолепные, например, «Химера». Ой, не знаю, справлюсь ли? Я собирался послать три готовых перевода в этом письме, а теперь передумал: пусть лежат, чем больше их, тем лучше они влияют друг на друга. Пошлю все, если успею перевести, в августовском письме.

| 8/VII/70

Мне пришла в голову одна мысль. Видел ли Фаюм хотя бы фотографии работ Галины Севрук? Дело в том, что, по-моему, ее творчество — это материал как раз для «Декоративного искусства», «в цвет», как говорят журналисты. О ней года два назад была статейка с портретом в «Литературной Украине», очень благожелательная, но, увы, непрофессиональная. А между тем Галя делает превосходные вещи, заслуживающие, на мой взгляд, серьезной оценки. Мне кажется, что Фаюму будет интересно познакомиться с ними. И познакомить других; а то ведь «Д.И.» часто помещает статьи о работах менее значительных и менее проблемных... Я говорю это совершенно беспристрастно, эмансипируясь от своей безусловной симпатии к Гале — хорошему и доброму человеку. Просто было бы очень здорово, если бы о талантливом мастере написал знающий и тонкий ценитель. Юрка когда-нибудь занимался Украиной? Работы Гали (известные мне) построены целиком на фольклоре, в основном на «думах». К сожалению, пачка фотографий — в чемодане, я не смогу их прислать; к тому же они черно-белые, а в работах этих весьма интересен цвет.

| 12/VII/70

Завтра будет ровно год, как я здесь. Н-да, бывали у меня годы и получше. Скучно очень, надоело. И глупо.

Ну ладно, фиг с ним, с этим годом, он позади. А вот впереди два месяца, их надо как-то занять. Ну, часть времени я потрачу на уничтожение недописанных стихов; немножко еще напишу прозу. Жаль, скоро кончится Т.Готье. Переводы пошли на удивление быстро: я сейчас работаю над седьмым по счету стихотворением, а всего я получил десять. Но вот что забавно: для полного удовольствия от работы мне не хватает помех — никто не отвлекает, не мешает.

Ну, прощаюсь до следующего письма. Если у вас есть еще порох в пороховницах, — пишите, а то я уж начал читать ваши письма по второму кругу.

Целую вас и обнимаю.

Ю.

Дурачина, простофиля
Переводит Теофиля.

15/VII/70

ТЬфу, тьфу, тьфу! — последнее письмо. Начнем, благословясь. Повод для начала письма очень приятный: письма от Майки Улановской и от Маринки [Домшлак]. Пришли они позавчера, в день, когда я отправил свое письмо.

Изо всех новостей самая хорошая — это, что у Эмбриона [Сани Якобсона] со здоровьем налаживается, тьфу, тьфу, тьфу! (Что-то нам все плевать приходится.)

Братцы, а как зовут его, этого приبلудного трехлапого пса? И почему он, сукин сын, кусается? Вероятно, комплекс неполноценности. Этот окаянный комплекс вообще подвигает на гавканье и кусачество. Вот я в последнем № «Москвы» прочел статью Овчаренко* — комплекс, он самый. Иначе с чего бы писать (и помещать) статьи на уровне 8-го класса провинциальной средней школы? Забавно, кстати: он там перечисляет не нравящиеся ему произведения и их авторов, но автора одной поминаемой работы («пресловутой») почему-то забыл назвать*, дважды забыл.

Да, Майка права, я к «зову крови» вполне равнодушен*. Больше того, я не мыслю себя на любой другой почве — даже если бы у меня не было здесь стольких любимых людей. «Моя родословная» — российская, и она не короче и не бедней, чем у Голицыных, Муравьевых и др. Но это — моя позиция для себя, а каждый вправе решать по-своему...

А какой это олух сетует, что среди женщин нет гениальных шахматистов и ученых и что это-де свидетельствует об их неполноценности? Как будто человеческая полноценность определяется остроумными гамбитами или способностью открывать физические законы! Да плюнь ты им в глаза! Я не знаю, как там насчет гениальности и предрасположения к науке, но то, что женщины лучше и выше мужчин в сфере человеческих отношений, — это для меня факт непреложный.

Маринкины сообщения о гороскопах очень меня позабавили. Но что-то, помнится, я не то читал, не то слышал про другие знаки для месяцев. Так что пусть Маринка не унывает: может, она совсем под другим знаком числится в книге судеб. Или эти знаки — и их сочетания — ее устраивают?..

Поздравляю с запозданием с днем рождения! И категорически требую, чтобы при любой погоде в сентябре Маринка была бы в своих деньрожденческих обновлениях (кроме пластинки Вертинского, пожалуй) и с цветочной гирляндой в зубах.

А снился я ей правильно: я и есть худой и резкий. И неласковый. Разве что для нее сделаю исключение.

Не терпится прочесть Тошкино эссе об Ахматовой*: в обоих письмах говорится о нем очень уж завлекательно.

| 16/VII/70

Рыженький, когда это письмо доберется до тебя, останется уже немного: недели две-три. Поэтому, пожалуй, самое время высказать кое-какие пожелания. Во-первых, относительно того, о чем ты говорил, когда мы встречались в марте, — о твоём приезде на свидание. Я против. За неделю до капитальной встречи — зачем? Лучше отдохни, дружок, насколько я понимаю, конец лета у тебя будет нелегким. Да и после моего приезда мне, возможно, понадобятся твои силы и время. В общем, приезжай на свидание только в том случае, если оно окажется необходимым по каким-то деловым причинам.

Теперь о приезде 12/IX. О моей экипировке я тебе уже писал, так что это ты знаешь и сделаешь. Выйду я где-нибудь в обеденное время, в 11–13 ч., так мне сказали. Прошу тебя, за неделю телеграфируй, когда и на чем приедешь, чтобы у меня не было неопределенности. Что мне еще нужно? Несколько глотков коньяку были бы очень кстати. И уж совершенно обязателен черный кофе. Я не шучу; считай, что это лекарство, и непременно захвати термос с кофе или пакетики с растворимым. Ну, все прочее — на твое усмотрение.

Не рано ли я начал разговор обо всем этом? Нет, не рано. Сглазу я не боюсь — держусь за дерево.

Я чувствую себя вполне нормально, ем, пью, гуляю, даже — немножко! — загорел.

| 17/VII/70

Сегодня прибыли: телеграмма из Чуны, открытка от Иры Корсунской и письмо от Ляли Островской.

Телеграмма — гм-гм! Это что, входит в моду — бракосочетаться как раз в тот период, когда родитель(-ли) жениха — как бы это выразиться поделикатней? — отсутствуют, что ли? Я ведь не ошибаюсь, это отец Андрея сейчас не в Москве? Или это у семейства Великановых дурные пристрастия? Мои поздравления новобрачным, а также новым родственникам (свойственникам?)*. За моей обожаемой супругой я взял швейную машинку «Зингер» и всего двух близких роди-

чей; женитьба любезного нашего сына привела к демографическому взрыву... А что, у Кати есть еще незамужние сестры?

Прочел открыточку Иры и подосадовал, что не знал о дне рожд. Павла [Литвинова]. Ну, я надеюсь, он и так не сомневается в моих добрых чувствах? «Послала Камю» — книгу или коньяк?

Ляля на этот раз не совсем угадала: некоторые цветы и кое-каких птах я знаю в лицо и по имени, правда, мало. В принципе она права, я человек городской, и какой-нибудь изгиб Харитоньевского или Кривоколенного, улочка, впадающая в Зубовскую, или окно в особняке за Воронцовым полем — все это мое, родное, собственное, и не только в Москве. А лесное, полевое, речное — трогает, привлекает, но там я в гостях. Исключение составляет море с очень узкой полоской песка или гальки, тут я тоже дома. Наверно, мы поспорим об этом при встрече?

Все имеет свою хорошую сторону, даже то, что письма приходят с запозданием: когда я читаю «Вам осталось еще два месяца», а на самом деле осталось уже меньше, — мне приятно.

| 18/VII/70

Нынче, после трехдневной простуды, у репродуктора прорезался голос, и я имел удовольствие в который-то раз слушать эстрадный спектакль «Вот идет пароход». Ну ладно, эстрада как эстрада, выпендриваются как могут. Но вот один номер неизменно приводит меня в восторг. Я говорю о покойном Смирнове-Сокольском, который, помимо библиофильства, занимался еще зачем-то и «разговорным жанром». Внимание, Фаюм! Его фельетон назывался «Проверьте ваши носы». Герой его — Нос, нос майора Ковалева, того самого, гоголевского. Он, этот Нос, произносит великолепный монолог*, патристический, в котором достается и бюрократам, оторвавшимся от народа, и врагам, посягающим на нашу страну, и другим обормотам. Это очень здорово: Нос (!) — носитель современных гражданских идей, призывающий ко всему (на полном серьезе), к чему должно призывать. Отменная тема, если не для исследования, то для размышлений. Ведь это уже почти традиция: ну, скажем, крылатое выражение о Человеке, принадлежащее шулеру Сатину; знаменитая «тройка», которая везет не кого-нибудь, а Павла Ивановича Чичикова, херсонского помещика; тульский Левша, подковавший аглицкую блоху, после чего она прыгать перестала. Происходит «исполнительское прочтение» классики; к примеру, известное изречение курица произнесла бы так: «Человек создан для счастья, как птица для помета».

| 22/VII/70

Наташенькино [Садомской] письмо. Да, жарковато. Вернее, душно. Но я это переносу довольно спокойно, хотя и не мешало бы — эх! — искупнуться.

Ай-яй-яй, неужели Фаюмы так плохо себя ведут?! Ай-яй-яй, что же это будет? Впрочем, зловещие признаки этого порока были еще при мне.

Очень заинтересовался я современным творчеством Л.Леонова. А где и что напечатано?

А про этих презренных кинозвезд, предавших святое искусство*, я читал в «Лит.газете». У-у, отщепенцы!

А с телевидением — что, Наташка спятила, что ли? Разве можно писать плохие сценарии без договора?

| 23/VII/70

Вот и письмо из Энгуре. Подумать только, что я никогда не видел ни этих сосен, ни этого моря, ни этого песочка. И что только отправившись на восток, я узнал кое-что об этом западе — из писем Ирины [Глинки] и из немногословных описаний прибалтов.

О ком, недавно умершем, пишет Ирина: «Чудесный был человек»?

Еще бы мне не понять, что чувствует Ирина, думая о друзьях, помогавших ей! Кому тогда и понимать-то...

Какие смешные и ненужные просьбы в этом письме! Когда мы увидимся, я пристыжу Ирину.

Нет, эти годы не сделали меня ни более мужественным, ни более стойким и сильным, все на том же уровне. И в чаянии предстоящего я утешаюсь лишь одной переменной, которая во мне произошла: я стал с большей иронией относиться к собственной персоне. А это, знаете ли, оч-чень помогает при всяких неурядицах.

Я сейчас спохватился, что не должен бы задавать вопросы: ведь на это-то письмо я почти наверняка ответов не получу. А жалко — привык.

Черт побери, а зачем это Юра [Левин] лезет на проваливающиеся мосты и под обрушивающиеся сосны?! Вопрос риторический, ответа не требует.

Кажется, где-то поблизости Людкин [Алексеевой] день рождения? Пусть Наташка (или еще кто) поцелует ее от меня. Это пять или шесть лет назад мы сидели на полу вокруг мяса им. тов. Гастева?

| 25/VII/70

Ох, и силен же я в логике! Прямо этот, как его — Асмус. Судите сами, получил открытку от Фаюма, а в ней написано, что он прочел мое июньское письмо. Я сразу — щелк! — сообразил, что или Катя, или Санька, или Манон, или все вместе вернулись в Москву. А открытка писана 23-го, а 17-го писала Наташка и ничего про их приезд и про письмо не сказала. Я сразу — щелк! — вычислил, что вернулись они между 17-м и 23-м. Читаю дальше: «Вчера прочел твое июльское письмо». Щелк! Это значит — 22-го. Кто? Фаюм. Что? Письмо. Фаюм письмо — чего? Прочел. Щелк! Это значит, что письмо доставлено по адресу, ибо, согласитесь сами, если бы оно не было доставлено, то как бы Фаюм его — чего? — прочел! А через кого я стал такой логический? Ну-ка, щелкните! Правильно, через Саньку: была бы телеграмма, не пришлось бы мне щелкать.

А еще письмецо от Ленки [Герчук]. Я очень сожалею, что коза, которая махала мне хвостиком, никогда не узнает о моей горячей благодарности... А она тоже участвовала в раскопках?

| 27/VII/70

Вот уже который день пытаюсь решить: кто из трех скучней — Бальзак, Шиллер или Шоротчондро Чоттопаддхай? А до библиотеки еще три дня... Этот самый, который третий, развлекает меня все-таки больше первых двух: сначала я минуту-другую читаю на обложке его имя-отчество, а потом, закрыв глаза, пытаюсь произнести. Нет, вы не думайте, перед тем, как начать изучение обложки, я все-таки осилил 200 страниц из 500... Братцы, а чего это я охладел к зарубежной классике? Ей-ей, «Лит. Россию» мне читать интересней, чем «Цезаря Бирото»: в «Лит. России» я, например, вычитал, что Дымшиц дожил до 60 лет — какой простор для размышлений пытливому уму!

| 28/VII/70

А сны мне, не в пример Марленке [Рахлиной] и Маринке, снятся чудесные: собаки, море и Гинзбург.

Боже, как я соскучился по зверью!

А вот и телеграмма от вас, ваши благородия. Я все усек, так и буду держать. Вот только о поездке в Чуну здесь разговаривать смысла нет: это не по их ведомству, это, очевидно, решится одновременно и в связи с другими проблемами.

Открытка от Иры Корсунской. Как славно, что Арина [Жолковская] довольна поездкой. И как жаль, что Оле не пришлось погостить подольше. Что же будет у Наташи, останется в Москве или уедет?

Эге, значит я не ошибся относительно Людиного дня рождения! Ай да я.

Цидулка от Фаюма. Насчет Воннегута — гм, гм. Я сходства не нахожу, у меня о нем даже мысли не возникло. Книга эта — «Бойня № 5» — вещь, безусловно, талантливая и занятая, и перевод, как всегда, превосходный, — но насколько она поверхностней, чем поминаемая Фаюмом повесть! * «И духом, и строем, даже техникой» — как бы не так! Разве что техникой, да и то чуть-чуть. Композиция повести проста, повествование последовательно, нет воннегутовского стремления к эпатажу. Но все это второстепенно. Главное, что книга Воннегута — это хлесткий и умный памфлет, а повесть — произведение лирическое и философское, и, по-моему, больше лирическое. Ведь при всей приверженности автора к искусству скоморохов (это я не в осуждение, упаси Боже!) в этой повести скоморошьего почти нет. Я не против шутовства по поводу серьезных проблем, оно работает — как, например, у того же Воннегута — но здесь не шутовство. Путешествие же во времени, переселение душ, институт ипостасей — эти общие моменты не так уж важны, чтобы всерьез говорить о сходстве. И потом — кем написана «Бойня»? И где? Американцем, в США? А почему не англичанином? Не итальянцем? Не поляком? Да кем и где угодно. А вот относительно этой вещи так не порассуждаешь, ответ однозначен. Такие дела...

Работы Эйдельмана я всегда читаю с огромным интересом и большим удовольствием. Очень современный историк. Конечно, дело о «склонном к рассказам» мужике (отличная, кстати, формула!) само по себе не ахти как значительно — но как он его преподнес, умница! Кто он, что он? Фаюм его знает? Должен бы — коллеги по «Прометею». И в 6-м «Знании — силе» его очерк отменно хорош. Но не завидовать надо Фаюму — писать надо. Вот так сесть и за неделю — ни дня больше! — написать о Критских. А уж потом можно править. Когда я поселюсь на лоне природы, я умыкну Фаюма, запру его в чулан и

поступлю с ним по формуле Футмана в бытность его птичником: «Не будешь нестись — жрать не получишь».

Насчет портретов XVIII в., возможно, что я заврался. Я не подумал о многообразии средств идеализации. Но кое-что в объяснениях Фаюма мне все же неясно. Скажем, ссылка на «Восковую персону». Идеализация? Нет. Документ? Да. «Парадный»? Может быть — по замыслу. А по результату?

Письмо от Тошки. Надо же — такой удар! Нет, нет, остатки совести у меня все же сохранились, не буду разорять Якобсона на коньяк, обойдусь водкой. (А ром тоже подорожал?) Я действительно разбаловался во Владимире: ведь здесь у меня неограниченный выбор напитков — о чем хочу, о том и думаю.

Зря все же Тошка ополчился на меня из-за Мандельштама. Единственное, что я утверждал категорически, — это то, что я его знаю едва-едва, почти не знаю. Это достойно и сожаления, и осуждения, но не анафемы же, верно? Все остальное говорилось лишь предположительно.

А почему «Незамужняя на мессе» — «для смеху»? По-моему, хорошо. Вот только «грудей» вызывает сомнение. А почему, собственно, не «грудёй»? Этот вариант ударения более «женский».

А чем это уважаемый эссеист и переводчик занят был, когда его сфотографировали? Блох, что ли, ловил на своем псе?

I 1/VIII/70

Долгонько шло письмо из Чуны, долгонько. Я уж думал, не дождусь. А шампанское, значит, тоже того? Ах, батюшки, вдруг и грузинские сухие вознеслись? Вот это всерьез досадно было бы.

Сердечный друг, уж я стара — где мне твои «реализации метафор» разгадывать. Ты бы, чадо любезное, попросту: «Мол, так и так (и растак), очередной сюрпризик». Я ко всему готов.

О портретной живописи ты потолкуй с Фаюмом, он меня здорово раздраконила. Впрочем, не думаю, чтобы «натуральность» объяснялась увлечением естественными науками; все-таки они явно ставили перед собой задачи колористические, композиционные и пр. — далекие от влияния зоологии или ботаники.

Твоя почтенная матушка лишь в разговоре с тобой была такая разумная и толковала о «самообкрадывании» художников — в письмах же было иное: нечто вроде проклятий библейской царицы Деборы (или Деворы, не помню точно) и никаких тебе сожалений по поводу «самообеднения». Так-то.

А насчет собаки скажу так: вряд ли стоило ее заводить, чтобы оставить за несколько тысяч километров на неопределенное время.

Ларка, я приеду не в робе, а щеголем-франтом, в голубовато-зеленом свитере и в каких-нибудь немислимых портках, может быть, даже с лампочками, представляешь? Бабы будут качать головами и причитывать: «И-и, бесстыжий, на пенсию пора, а туда же...» (это мне тут как-то сказали, когда я на прогулке прыгал, как обезьяна, за листочком). Вот только шевелюры не будет, вчера, как на грех, обстригли.

Передай, пожалуйста, мой привет доблестному водителю «таракана» Володе. И Тамаре*. В самом деле: почему бы лингвисту не быть такелажником, если ветеринар шоферит? А какого возраста его ребятишки? Когда приеду, буду очень рад познакомиться с ним и с его семьей. Как отрадно, что хороших людей все-таки больше, чем дряни!

Рассуждения твои о работе ничуть меня не убеждают. И я сильно подозреваю, что ты ничего не предпринимаешь не столько из-за безнадёжности, сколько из-за брезгливости.

I 3/VIII/70

А нынче у Бена [Ронкина] день рождения. Догадались ли, черти, телеграммку послать?

Только что получил письма от Тошки и Майки.

Вот и ясно, что Тошке стоило бы погодить радоваться моим переводам: вполне возможно, что приступы «нездешней глухоты» распространились с оценок чужого творчества на собственную работу. Не стану ни объясняться, ни спорить, это все успеется, если будет охота. Хорошо, что я так и не собрался написать целый ворох глупостей по поводу запечатления наших жизней в искусстве, а не в истории; о «челночном поиске» истины; об изучении астмы искусствоведами — и о многом другом, что, как видно, лучше оставить для застольных бесед или вообще плюнуть. А то ведь что ни напишу, все как в лужу, непременно кто-нибудь — то Ларка, то Фаюм, то Тошка — морду бьет.

Это — после Тошкиного письма; а на Майкино я по известным нам с нею причинам и вовсе отвечать не буду.

Говорила ли когда-нибудь Стелла Корытная о нашем с нею знакомстве? Оно было одноразовое и давнее — году в 48-м. Меня привели к ней девчонки из университета, и мы чудесно разговаривали целый вечер.

Да, на стр. 4-й и 5-й — это я зачеркнул*: там были всякие рассуждения на ту же, на мандельштамовскую тему. А они и ни к чему, опять чего-нибудь невпопад ляпну.

Вот два письма. Одно — Маринкино. Сабли — вон! Рысью — марш-марш! Это я, значит, пижон? Это я, значит, в киногерои лезу? А может, это я о вас, о людях, забочусь? (Люди — это наше главное богатство.) Чтобы вы в обморок не упали. Эх ты, недогадливая! Это раз. Теперь — ох! — о Кареле Чапеке. Не было. Ни кареты, ни гербов, ни рыжего пятитомника, ни «Крокодила», ни «Подрубала», ни «Метеора», ни разговора. Тем более что А.Ю.Даниэль, известный эрудит, утверждает, что «Метеор» вообще написан Дюрренматтом. А почему бы и нет? Сообщает же «Знание — сила» (№ 7), что «Эксперимент профессора Роуса» сочинил Ярослав Гашек. Ась? Сплошные недоразумения с этими чехами. Вот. Сабли в ножны, господа.

Айтматов для меня начался с «Прощай, Гульсары!»; это и «Белый пароход» — все, что я читал. По-моему, и «Гульсары» весьма серьезная и стоящая вещь, в русле «деревенской прозы» — по быту, а по мысли — глубже и шире.

Нет, газетки я буду получать аж до самого отъезда; так что полемику вокруг «Белого парохода» я читал. Ну, Стариков — что ж? Эта пробл... гм, эта проблема, я хочу сказать, проста: все эти пробл... тьфу, все эти проблески литературно-критического прекраснотушия («Ах, какой он пессимист! Ах, какой жестокий!») на вполне определенном фоне «времен Очакова и покоренья Крыма» — никого они в заблуждение не введут.

К слову: наша общая знакомая «не выносит крепких выражений и откровенных непристойностей»; а Маринка как?

А? Какова «Цыганская пляска»? Здорово ведь. Вы, нынешние, нутка!

А Тарковский хорош. Великолепный «Портрет», пронзительный какой-то. И, действительно, прелестное «С утра я тебя дождался вчера...»

Спасибо Маришеньке за письмо и за стихи. Пусть не думает, что стихи это на пять минут: прочел, восхитился и спрятал. Нет, это вот как: бормотать, повторять, вставать, лезть в листочки, отыскивать потерявшееся слово — Маршак говорил, кажется: «Окуняться».

Второе письмо — от обительницы балтийских берегов. А уж нет ли в Ирине Глебовне [Глинке] прибалтийских кровей? Может, все эти курортные вояжи — не что иное, как зов предков? В двух прибалтийских фильмах «Новый нечистый из преисподней» и «Никто не хотел умирать» — актрисы в главных ролях удивительно похожи на Ирину, особенно в первом, во втором — только в каких-то ракурсах.

Что за удовольствие читать Иринины письма! Похваливает, со всеми рассуждениями вежливо соглашается. Сразу начинаешь чувствовать себя достойным такой корреспондентки. Вот что значит хорошее воспитание. Учись, Якобсон! А еще она тебя, бесстыдника, хвалила!

О том, останусь ли я «черной вороной», судить сейчас трудно; вот через два-три месяца (тьфу, тьфу, тьфу!) будет ясно. Вроде бы сесть не собираюсь.

Как мне все-таки жалко прошлогодних писем из Энгуре! Я ведь уже писал когда-то, что письма Ирины поразительно похожи на нее — на мое представление о ней.

А как мы будем видеться, когда я буду обитать за 2—3 часа езды от Москвы? Надо бы перестать болеть — я-то ведь не смогу посещать Кривоколенный переулок. Уж пойдите навстречу моей нетранспортабельности и моему эгоизму...

Вчера меня по губам помазали. Неизвестные доброжелатели прислали «Книгу — почтой». И Тулуз-Лотрек, и «Франц. портрет», и киношные сборники, и стихи. Я глянул на обложки и аккуратно расписался, что книги сдал на хранение. «Не положено».

I 8/VIII/70

С днем рождения, Лар! Прошлогоднее мое поздравление до тебя не дошло — получай сегодня за два года сразу. А чего тебе пожелать? А того, чего самой хочется, не больше и не меньше.

Очевидно, в честь знаменательной даты сегодня полным-полно всяких забавных происшествий. Можно сказать, весело праздную, и даже с подарками.

Слухом земля полнится, что твоя сестрица поехала к тебе*. Так ли? Это очень бы здорово, если бы ты сегодня была не одна. То есть, я имею в виду, чтоб кроме псины и кота были еще и говорящие люди.

Вчера у меня состоялся разговор на ту же тему — и с тем же результатом. Возможно, предстоят еще подобные собеседования. Я все же попросил бы присмотреть что-нибудь подходящее, чтобы вдруг не пришлось второпях решать, где жить.

Ларка, целую тебя еще и еще раз — по Катуллу.

I 9/VIII/70

А знаете, что мне пришло в голову? Что я несколько поторопился: почему бы мне и не получить ответы на вопросы этого письма? Ведь

оно придет числа 20-го, и в запасе останется еще три недели, а письма идут ко мне никак не больше десяти дней. Так что можно спокойно (или беспокойно) написать.

Что-то беспокоит меня отсутствие писем от Арины. Я не знаю озерных новостей*, не знаю, как прошла встреча с Аликом.

| 11/III/70

Итак, милостивые государи, сегодня была очередная беседа. Та же тема, тот же результат. Но появилось некое обстоятельство, к которому следует отнестись всерьез. Мне объявили, что 6-месячный надзор для меня решен. Из этого следует, что мое пребывание в Москве может свестись к часам. Стало быть, моя просьба найти подходящее место приобретает первостепенное значение. Разумеется, я не смог назвать им какой-нибудь пункт; но если бы вы мне присоветовали что-либо определенное, я, ей-ей, назвал бы: уж очень неприятны и нервируют эти беседы. Если в твоих объяснениях с властями, Санька, не прорежется что-нибудь неожиданное, то, пожалуйста, выбери для меня место и телеграфируй мне, чтобы кончить этот нервотреп. В любом случае срочно телеграфируй мне. Я в совершенно нелепом положении — это сейчас; но в дальнейшем я могу попасть в положение скверное. В общем, примите какое-нибудь решение, пока я не бухнул что попало. Еще раз: немедленно телеграфируй. Ведь мне еще разговоры обещаны!

29-го августа — день рождения Марлены, 8-го сентября — Аллы Григорьевны [Зиминой]. Обнимаю и целую обеих новорожденных — здоровья и благоденствия!

А вот под завязочку еще почта. Открытка от Ирки и Вани* — и всамделе поехали в Чуну, смотри-ка! И чудесный фотоснимок от Иры Корсунской и Тольки [Футмана]. Оба жутко хвастаются младенцем. Ну, Толька-то — понятно; а вот Ира так задается, будто сама его, младенца, рожала. Или, по меньшей мере, принимала.

И письмо от Майи Злобиной. Ничего не скажешь: единство формы и содержания, все послание выдержано в безупречно траурной гамме. А в общем — «Вы не шейте ливреи...»* Что ж Майя не написала, куда она определилась? Привет ейной Алене. Да, поговорить ох как хочется. И нужно. Только когда и где это будет?

Ну что ж, братцы и сестрицы, пора завязывать концы бантиком. На этот раз, кажется, можно вернуться к первоначальному значению слов «до свидания» — до свидания, на котором мы действительно свидимся.

А не находите ли вы, что 31-е число в этом августе — совершенно лишнее?

Целую вас всех и обнимаю — пока мысленно.

Ю.

А все-таки все это было нелепо, а? Или и здорово тоже? Хм, пять лет...

Немножко болтовни об этих переводах*. Во-первых, «Балладу» и «Кариатид» я не стал переводить. «Баллада» мне попросту не нравится; а «Кариатиды» не по зубам: я не представляю себе «Страшный суд», без этого не стоит и браться. Не знаю, кто такой Алкид. Очень смутно для меня значение «антаблемента» — не то фриз, не то карниз, не то все вместе, а еще крутится почему-то ругательное слово «архитрав».

Всякие «обречены забвенью», «перлы», «Индостан» и пр., мне кажется, не противоречат духу и лексике парнасцев*? Помимо неизбежных «технических» потерь, кое-что я менял сознательно. Напр., в «Китайщине». Я лучше Готье знаю, можно ли это: «Сквозь свою мелкую решетку она просовывает голову» — уверяю, это невозможно. Я пробовал. Запасные варианты оставляю пока при себе. Но вот то, что нравится мне больше: В «Китайщине» — I строфа — «Не вы, madame, предмет ажиотажа, Нет, не Джульетту я люблю сейчас, Не Биче, не Офелию и даже, Лаура белокурая, не вас!» В «Сосне Ланд» в 1-й строке нужно бы так: «Когда бредешь средь Ланд, бордоскою Сахарой» — а еще лучше бы эпитет от названия провинции: «бретонскою», «бургундскою» или еще как, я не помню, где этот самый Бордо со своими окрестными Ландами.

Вот и все. Сей вдохновенный труд посвящается, естественно, Маринке и Тошке. Спасибо, милые мои!

Ю.

Вспоминайте меня, я вам всем по строке подарю.
Не тревожьте себя, я долги заплачу к январю.
Я не буду хитрить и скулить, о пощаде моля,
Это зрелость пришла и пора оплатить векселя.

Непутевый, хмельной, захлебнувшийся плотью земной,
Я трепался и врал, чтобы вы оставались со мной.
Как я мало дарил! И как много я принял даров
Под неверный, под зыбкий, под мой рассыпавшийся кров.

Я словами умел и убить и влюбить наповал,
И, теряя прицел, я себя самого убивал.
Но благая судьба сочинила счастливый конец:
Я достоин теперь ваших мыслей и ваших сердец.

И меня к вам влечет, как бумагу влечет к янтарю.
Вспоминайте меня — я вам всем по строке подарю.
По неловкой, по горькой, тоскою пропахшей строке,
Чтоб любили меня, когда буду от вас вдалеке.

Стихи с эпиграфом

- *А зачем вам карандаш?*
- *Писать стихи.*
- *Какие стихи?*
- *Не беспокойтесь, лирику.*
- *Про любовь?*
- *Может, и про любовь.*

Да, про любовь, — наперекор «глазку»,
Что день и ночь таращится из двери,
Да, про любовь, про ревность, про тоску,
Про поиски, свершенья и потери,

Да, про любовь — среди казенных стен
Зеленых, с отраженным желтым светом,
Да, про нее, до испугленья, с тем,
Чтоб никогда не забывать об этом:

О дрожи душ, благоговенье тел,
О причащенье счастьем и утрате;

Я про любовь всю жизнь писать хотел
И лишь теперь коснулся благодати.

Да, про нее! Всему наперекор,
Писать про суть, сдирая позолоту;
Им кажется, что взяли на прикол,
А я к тебе — сквозь стены, напрямиком,
Мне до тебя одна секунда лету.

Мне всё твердит: «Молчи, забудь, учись
Смирению, любовник обнищальный!»
А я целую клавиши ключиц
И слушаю аккорды обещаний.

Я твой, я твой, до сердцевины, весь,
И я готов года и версты мерить.
Я жду тебя. Ну где же, как не здесь,
Тебя любить и, что любим, поверить?

Песенка

За неделю неделя
Таёт в дыме сигарет,
В этом странном заведенье
Всё как будто сон и бред.

Птицы бродят по карнизам,
И в замках поют ключи,
Нереальный мир пронизан
Грубым запахом мочи.

Тут не гасят свет ночами,
Тут неярк свет дневной,
Тут молчанье, как начальник,
Утвердилось надо мной.

Задыхайся от безделья,
Колотись об стенку лбом!
За неделю неделя
Таёт в дыме голубом.

Тут без устали считают,
Много ли осталось дней,
Тут, безумствуя, мечтают
Все о ней, о ней, о ней.

Тут стучат шаги конвоя —
Или это сердца стук?
Тут не знаешь, как на воле, —
Кто твой враг и кто твой друг.

Это злое сновиденье,
Пустота меж «да» и «нет»...
За неделю неделя
Таёт в дыме сигарет,
Таёт
В дыме...

Сорокалетие

Как славно знать, что был ты несерьезен,
Что ты плевал на важные дела
И что беспечность, как смола из сосен,
Свободно и естественно текла.

Пусть рот кривят солидные мужчины
С высот сорокалетия своего.
Как славно знать, что не было причины
И что тебя кружило озорство.

О тени предков, преданных идеям,
Сюжетцы для возвышенных стихов!
Куда как лучше стать себе злодеем
За просто так, во имя пустяков.

Брести без брода и ваять из снега,
Уйти в бега, влюбиться на пари...
Мальчишество мое, мой alter ego,
Со мной всегда на равных говори.

Никто не властен над своей планидой,
Но можно ей подножку дать, шая...

Эй, наверху! За простоту не выдай!
Не расступайся, мать сыра земля.

Дом

В окно я глянул и увидел дом.
Обычный дом — немыслимое чудо:
Он был семи- или восьмизэтажный,
И в первом этаже был магазин,
А выше были окна без решеток,
И каждое окно освещено
Своим особым светом, непохожим
На свет соседних. Это оттого,
Что там на окнах были занавески
И были шторы — словом, было то,
Чем люди отгораживаться вправе
От посторонних взглядов. Я, однако,
Сумел глазами памяти увидеть,
Узнать лицо потерянного рая:
Там были стулья и цветы на окнах,
Когда-то презиравшиеся мною
Цветы в горшках, зеленые божки,
С которых пыль стирают по субботам;
Там лампы в потолки не уходили,
Не прятались за мутным плексигласом,
А рдели в кринолинах абажуров,
Собой венчали шаткие торшеры,
Со стен свисали... Там на книжных полках
Лежали неожиданные вещи:
Шнурки от тувель, бильярдный шарик,
Чулоч с иглой в штопке, позабытый
Из-за гостей, нагрывавших врасплох;
Еще рецепт — его уже с неделю
Никто никак не может отыскать...
Там были скатерти, на них ножи и вилки —
Орава режущих и колющих предметов...
Там, в этом доме, было много женщин —
Не медсестер и не стенографисток,
А просто женщин. В платьицах домашних
Они, сколовши волосы небрежно
И рукава по локоть засучив,
Купали в новых ванночках младенцев,

Со лба к затылку отгоняя воду,
Чтоб мыльной пене в глазки не попасть;
И отблеск розовых мелькающих локтей
Ложился сполохом на сердце, обещая
Округлое и теплое свершенье
Потом, когда погаснет в доме свет...
Да, я забыл сказать, что по фасаду
На доме было множество балконов,
Где стыли на ветру велосипеды
И в сети гамаков шли косяками
Проворные снежинки... Дом трещал —
Его неудержимо распирало,
Давило изнутри избытком жизни!
В нем жило все — от шпильки головной,
От кошки и собаки до нескладных
Подростков с неуклюжими руками,
Украдкой сочиняющих стихи.
И алые частицы этой жизни
Сквозь кладку стен, как запах, проходили,
Летели сквозь зашторенные окна
Ко мне, ко мне, к откинутой фрамуге
Окна, перед которым я стоял,
На стол взобравшись. Целых полминуты
Я прикасался к человеческой жизни.
Потом я спрыгнул на пол. Вот и всё.

...Я знаю, что неловки эти строки,
Что мой товарищ глянет неподкупно,
Серьезно покачает головой
И скажет мне: «А что как это проза,
Да и плохая?» — «Да,— скажу я,— да!
Плохая проза. Хуже не бывает...»

Друзьям

Была щедра не в меру Божья милость.
Я был богат. Не проходило дня,
Чтоб манною небесной не валилось
Сочувствие людское на меня.

Я подставлял изнеженные горсти,
Я усмехался: «Господу хвала!»,
Когда входили караваном гости
С бесценным грузом света и тепла.

Но только здесь сумел уразуметь я —
От ваших рук, от ваших глаз вдали —
Что в страшное, ненастное трехлетье
Лишь вы меня от гибели спасли.

Нет, не единым хлебом люди живы!
Вы помогли мне выиграть бои,
Вы кровь и жизнь в мои вливали жилы,
О, лекари, о, доноры мои!

Все кончено. Сейчас мне очень плохо.
Кружится надо мною непокой.
Кому вздохнуть: «Моя ты суматоха...»
И лба коснуться теплою рукой?

Все кончено. Не скоро воля будет,
Да и надежда теплится едва.
Но в тишине опустошенных буден
Вы превратились в звуки и слова.

Вы, светлые, в тюремные тетради
Вошли, пройдя подспудные пути.
Вас во плоти я должен был утратить,
Чтоб в ритмах и созвучьях обрести.

Вы здесь, со мной, вседневно, ежечасно,
Прощеньем, отпущением грехов:
Ведь в мире все покорно и подвластно
Божественной невнятице стихов...

Песня

На беленьком камушке сидючи...

Что-то скучно мне без воли,
Что-то дни идут впустую,
Сочинить бы песню, что ли,
Немудреную, простую.

Сочинить про то, что снится,—
Прикоснуться б, как руками,—
Про бегучую водицу
Да про бел-горючий камень.

Как на камушке сидела,
Воду в горсти наливала,
На три стороны глядела,
Напевала-колдовала.

Глянет влево — словно рядом
Бубны бьют, поют колеса,
И цыганка томным взглядом
В сердце мне глядит раскосо.

Глянет вправо — жаркой сказкой
Зной взыграет над дорогой,
Над девчонкою кавказской,
Над дикаркой длинноногой.

Глянет прямо — обернется
Королевишной далекой,
А кому под стать бороться
С белорукой, синеокой?

Как на камушке сидела,
По воде ладошкой била,
На три стороны глядела,
Про четвертую забыла.

Обернись ко мне собою,
Обернись ко мне самою,
Обернись ко мне судьбою —
Я тоску свою омою.

Маету и опасенья
Поцелуями уйму я,
Нам обоим во спасенье
С камушка тебя сниму я.

Молитва

Я охвачен тихой паникой,
Я вступаю с Богом в торги,
Наперед обещаю быть паинькой
И шепчу Ему: «Помоги!»

Обещаю грешить нечасто,
Пить помалу и спать с одной —
«Отжени от меня несчастье,
Схорони за своей спиной,

Теплым ветром ударь об окна
И вручи мне незримый щит!»

Я молю о защите,
А Бог-то —
Он ведь тоже не лыком шит.

Вспоминает Он досконально
Всю мою непутевую жизнь
И в ответ громыхает: «Каналья!
Не кощунствуй и не божись!»

Видно, знает вернее, чем следствие,
Что меня не отмыть добела,
Что навряд ли придут в соответствие
Обещанья мои и дела...

Еще одна песенка

То ли быль, то ли небыль
Из веселого сна?
Я в сражениях не был
И не пил я вина;

Не был пулею мечен
И стихов не писал,
Не глядел я на женщин,
Не ласкал, не бросал;

Безрассудство не славил,
Дни за днями губя,
И на карту не ставил
Ни других, ни себя;

Не плясал неуклюже,
На ветру не дрожал,
В подмосковные стужи
По лыжне не бежал;

За друзей не ручался
И влюбляться не смел,
На волнах не качался,
Песни петь не умел

И в апрельскую сырость
Не плутал по земле —
Это всё мне приснилось
В зарешеченной мгле...

Новогодний марш-декларация

Когда вверх тормашками катится
И бьется в падучей судьба,
Не надо молиться и каяться,
Бояться суммы и суда.

Оглядывая пристальней прошлое,
Без лести оценивай дни,
Окурки иллюзий — подошвою!
А светлomu — грудь распахни!

Не сдайся бессилью и горечи,
Не дайся неверью и лжи —
Не все лизоблюды и сволочи,
Не все стукачи и ханжи.

Шагая дорогами чуждыми
В какой-то неведомый край,
Друзей имена, как жемчужины,
Как четки перебирай.

Будь зорким, веселым и яростным
И выстоишь, выстоишь ты
Под грузом невзгод многоярусным,
Под ношей твоей правоты.

А может, лучшая победа... (Цветаева)
Я стал умен... (Пушкин)

А вдруг вот так приходит зрелость,
Когда впотьмах спасенья ищем:
«Мне автором прослыть хотелось...» —
Твердит испуганный Радищев.

Когда на торную дорогу
Впотьмах бредем, себя жалея:
«Земля недвижна... грешен Богу...» —
Петляет голос Галилея.

А вдруг вот так приходит смелость —
Хитрить, не трусая непочета:
Ведь то, что как-то раз пропелось,
Уже не спишется со счета.

А вдруг разумна Божья милость:
Мы все в ничто пустое канем,
Но то, что как-то воплотилось,
Не зачеркнется покаяньем!

...Но, вспоминая в час вечерний
Про всё про то, что днем сказали,—
Как жить нам после отречений?
Какими нам истечь слезами?

Что думать жесткими ночами
О сбереженной нами жизни,
Когда страницы за плечами
В немой застыли укоризне?

1965 год

А что мне с вашей томной негой,
Когда от бешеной тоски:
— Дружок мой, за бутылкой сбегай,
Обмоем новые носки.

А что мне ваши ахи, охи,
Рулады светских Лорелей?
— Дела, дружок мой, очень плохи,
А ну-ка новую налей.

Я бесконечным ожиданьем,
Как труп щетиною, оброс...
— Давай еще одну раздавим,
Обмоем пачку папирос.

Моей тоске еврейско-русской
Сродни и водка, и кровать...
Да хрен с ней, с этою закуской,
Пора остатки допивать.

Пора допить остатки смеха,
Допить измены, страсть и труд!
— Хана, дружок мой. Я приехал.
Пускай войдут и заберут.

Дожди, дожди коснулись щек,
Грустя, деревья порыжели,
И был открыт никчемный счет
Моих побед и поражений.

Струилась осень. День за днем
Линяла летняя палитра,
А я вовсю играл с огнем
И тайно жаждал опалиться.

Не потому, что я, шальной,
Роптал перед глухой стеною —
Я преступил закон иной,
Я виноват иной виною.

И не за то, что я кричал,
Меня, сойдясь, осудят судьи —
За то, что на свою печаль,
Как пластырь, клал чужие судьбы,

За то, что я, сойдя с ума,
Не пощадил чужого сердца.
А суд, законы и тюрьма —
Всего лишь кнут, всего лишь средство

Возмездия за тайный грех,
За то, что, убивая — выжил...
И вот зима. И страшен снег,
Запятнанный каплей рыжей.

На ринге

Я вышел, боксом не владея,
Рискнув удачливой судьбой.
Не звал ни Бога, ни людей я —
И проиграл до боя бой.

Толпа — грохочущая прорва,
Перчатки — парюю гранат...
Удар! Я смят, отброшен, взорван,
И спину мне обжег канат.

Удар! Бесстрастно смотрят судьи,
Как дышит голая душа,
Как до моей до тайной сути
Добрался мастер не спеша.

Он — бог. Его движенья четки,
Как протоколы — без прикрас,
И ставят черные перчатки
Удары — точки после фраз.

Мне от беды не отвертеться,
Меня везде достанет плеть,
А все ж не будет полотенце
У ног, постыдное, белеть!

Я жду: сейчас меня накажут
За дерзость и за простоту.
Ну что же — бей! Пускай нокаут
Под схваткой подведет черту.

Я поражение любое
Приму, зажав зубами крик,
Не для победы, а для боя
Я шел на ринг.

И еще о друзьях

Мы выстроились все в одну шеренгу,
Готовые к походу и параду.
— На правом фланге! Застегни ширинку!
На левом фланге! Оботри помаду...

Друг друга мы, любя, глазами ели,
Глядели браво, преданно и гордо,
И я подумал, что и в самом деле
Мы все — непобедимая когорта.

Идет начальство, шествует вдоль строя...
И все, казалось, было б тихо-мирно,
Да вот беда: из строя вышли трое
И доложили, став по стойке «смирно».

— Товарищ наш,— они сказали,— бяка,
Он вольнодум, он — враг Верховной воли,
Он кашу ест, как все мы, но, однако,
Он говорит, что в каше мало соли.

И весь парад накрылся в одночасье.
Сказали мне: «В семье не быть уроду!»
Я получил по шее от начальства
И послан был в штрафную роту.

Романс о Родине

Страна моя, скажи мне хоть словечко!
Перед тобой душа моя чиста.

Неужто так — бесстыдно и навечно —
Тебя со мной разделит клевета?

Свои мечты сбивая в кровь о камни,
Я шел к тебе сквозь жар и холода,
Я шел тобой. Я шел, и на глаза мне
Как слезы, наплывали города.

Я не таю ни помысла дурного,
Ни сожалений о своей судьбе.
Страна моя, ну вымолви хоть слово,
Ведь знаешь ты, что я не лгал тебе.

Ведь не бросал влюбленность на весы я
И страсть мою на доли не дробил —
Я так любил тебя, моя Россия,
Как, может быть, и женщин не любил.

Чтоб никогда не сетовал на долю,
Чтоб не упал под тяжестью креста,
Страна моя, коснись меня ладонью —
Перед тобой душа моя чиста.

Про эти стихи

Мои стихи — как пасмурные дни,
В них нету зноя,
Совсем не мной написаны они.
А может, мною?

Они грустят у запертых дверей,
У синих коек,
И пафос их не стоит лагерей.
А может, стоит?

Им не уйти, не скрыться нипочем
От этих буден,
Их петь не будет Лешка Пугачев.
А может, будет?

Им не прорвать, не смять железный круг,
Их уничтожат,
Их прочитать не сможет милый друг.
А может, сможет?

Они в ночи не принесут врагам
Зубовный скрежет,
И подлецу не врежут по мозгам.
А может, врежут?

Февраль

А за окном такая благодать,
Такое небо — детское, весеннее,
Что, кажется, мне незачем и ждать
Другого утешенья и спасения.

Забыто зло, которое вчера
Горланило и души нам коверкало.
Ну, милые, ну, женщины, пора
Взглянуть в окно, как вы глядите в зеркало.

Уже плывет снегов седая шерсть
И, словно серьги, с окон виснут каплищи.
Еще чуть-чуть — и всем вам хорошеть,
Сиять глазам, платкам спускаться на плечи.

Еще чуть-чуть — и вам ночей не спать,
Мечтать захлеб и все дела откладывать.
На улице года помчатся вспять,
И у прохожих будет дух захватывать.

(А в этот миг умолкнет перестук,
Собрав мешок, на полустанке выйду я,
За тыщу верст учую красоту
И улыбнусь, ревнуя и завидуя.)

А вас весна до самого нутра
Проймет словами нежными и грубыми.
Ну, милые,— пора, пора, пора
Расстаться вам с печальями и с шубами.

Приговор

Да не посмеешь думать о своем,
Вздыхать о доме и гнушаться пищей:
Ты — объектив, ты — лист бумаги писчей,
Ты брошен сетью в этот водоем.

Чужие скорби грусть твоя вберет,
Умножит годы лагерная старость,
И лягут грузом на твою усталость
Чужие сроки северных широт.

Пускай твоя саднящая мозоль
Напоминает о чужих увечьях.
Ты захлебнулся в судьбах человеческих —
Твоей судьбой теперь да будет боль.

Да будешь ты вседневно грань стирать
Меж легким «я» и многотонным «все мы»,
И за других, чьи смерти были немы,
Да будешь ты вседневно умирать.

Да будет солона твоя вода,
И горек хлеб, и сны не станут сниться,
Пока вокруг ты видишь эти лица
И в черных робах мается беда.

.

Я приговору отвечаю:
— ДА.

Часовой

Памяти самоубийц

1

А пожалуй, пора заступиться
За «героя» вчерашнего дня:
Нет, не робот, не мрачный тупица
Охраняет людей от меня.

Не палач, не дурак обозленный,
Не убийца, влюбленный в свинец,

А щедушный, очкастый, зеленый
В сапогах и пилотке юнец.

Эй, на вышке! Мальчишка на вышке!
Как с тобою случилась беда?
Ты ж заглядывал в добрые книжки
Перед тем, как пригнали сюда.

Это ж дело хорошего вкуса:
Отвергать откровенное зло.
Слушай, парень, с какого ты курса?
Как на вышку тебя занесло?

2

А если я на проволоку? Если
Я на «запретку»? Если захочу,
Чтоб вы пропали, сгнули, исчезли?
Тебе услуга будет по плечу?

Решайся, ну! Тебе ведь тоже тошно
В мордовской Богом проклятой дыре.
Ведь ты получишь отпуск — это точно,
В Москву поедешь — к маме и сестре.

Ты, меломан, порассуждай о смерти —
Вот «Реквием»... билеты в Малый зал...
Ты кровь мою омоешь на концерте,
Ты добро глянешь в девичьи глаза.

И с ней вдвоем, пловцами, челноками,
К Манежу — вниз, по тротуару — вниз...
И ты не вспомнишь, как я вверх ногами
На проволоке нотою повис.

3

Я весь разговор этот выдумал —
Не выдумал самоубийства,
Их выудил, выдавил, выдоил —
И пью, и не в силах напиться.

Ну чем отвечать? Матюками ли,
Ножом ли, поджогом? Пустое!

Расправы в бессмыслицу канули.
Одно только слово простое,

Настойчивое, как пословица,
Захлебывается и молит:
— О, Боже, не дай мне озлобиться!
Спаси — не обрушивай молот!..

...Ну, ладно. Мне долго до вечера,
Я взыскан полуденным светом.
Но глянет ли снова доверчиво
Вот этот? Вот этот? Вот этот?

О нем, забываемом начисто,
На картах давно не гадали.
Он — здешний. Он в людях не значится
Годами, годами, годами.

Обида — пустыня бескрайняя...
И зря прозвучит мое слово,
Когда, озверев от бесправия,
Он бросится на часового.

4
Тих барак с первомайским плакатом.
Небо низкое в серых клочках.
Озаренный мордовским закатом,
Сторожит нас мальчишка в очках.

Где он, мой конь?

Уже на небе гремит посуда,
И скоро грянет жестокий пир,
А наши кони еще пасутся,
А наши кони еще в степи.

Они бессмертны — вовек хвала им!
И мы ведь помним дорогу к ним,
Мы зануздаем и заседлаем
И, эх, как двинем под проливным.

Тебя облепит намокшим платьем,
О, амазонка, гони за мной!
А кони мчатся, и наплевать им
На тьму и ругань, на дождь и зной.

Ведь наши кони — веселой масти,
Зеленой, рыжей и голубой,
И подковал их веселый мастер
Для бурь, для бега, для нас с тобой.

И мы дождемся большого солнца,
Большого мира во всей красе;
Табун гривастый еще пасется,
Плывут копыта в ночной росе.

У вахты

Мы идем мимо плачущих женщин,
Мы идем, мы шагаем в молчаньи,
Мы не смеем сказать им ни слова,
Мы не можем махнуть им рукой,
Мы идем, а у них за плечами —
Рюкзаки с табаком .и харчами,
Рюкзаки с нерастроченной страстью,
Рюкзаки с многолетней тоской.

Ох и тяжело, наверно, им было
По грошу собирать на билеты,
По куску собирать передачи
Для своих непутевых солдат.
И, как слезы, роняя монеты,
Прикупать, прикупать сигареты,
И везти, и нести наудачу,
И услышать: «Везите назад!»

И привыкшие тут по-дикарски
О любви толковать обнаженно,
Мы проходим смиренно и тихо
Без подначки и без матерка,

Потому что мы тут не пижоны,
Потому что усталые жены —
Не дешевки, не шлюхи, не бабы,
А названные сестры зека.

Мы идем, простачки и поэты,
Променявшие волю и семьи,
Променявшие женские ласки
На слова, на мечты и на сны;
Только что же нам делать, что все мы
На крови создаем поэмы?
Уж такие мужья вам достались —
Вы простить нас, наверно, должны...

На библейские темы

Да будет ведомо всем,
Кто
Я
Есть:
Рост — 177;
Вес — 66;
Руки мои тонки,
Мышцы мои слабы,
И презирают станки
Кривую моей судьбы;
Отроду — сорок лет,
Прожитых напролет,
Время настало — бред
Одолеваю вброд:
Против МЕНЯ — войска,
Против МЕНЯ — штыки,
Против МЕНЯ — тоска
(Руки мои тонки);
Против МЕНЯ — в зенит
Брошен радиоклич,
Серого зданья гранит
Входит со мною в клинч;
Можно меня смолоть
И с потрохами съесть
Хрупкую эту плоть
(Вес — 66);

Можно меня согнуть
(Отроду — 40 лет),
Можно обрушить муть
Митингов и газет;
Можно меня стереть —
Двинуть машиной всей,
Жизни отрезать треть
(Рост — 177).
— Ясен исход борьбы!..
— Время себя жалеть!..
(Мышцы мои слабы)
Можно обрушить плеть,
Можно затмить мне свет,
Остановить разбег!..
Можно и можно...
Нет.
Я ведь — не человек:
(Рост— 177),
Я твой окоп, Добро,
(Вес — 66),
Я — смотровая щель
(Руки мои тонки),
Пушки твоей ядро
(Мышцы мои слабы),
Камень в твоей праще.

Стихи о воде

Она добра, она нежна,
Она не лжет, не изменяет,
Всех милует, всё извиняет —
Так сострадательна она.

Не учит и не пристаёт,
А попросту над нами плачет
И наши слезы, плача, прячет,
Смывать их не перестает.

Я так устал от правоты
Земли, и воздуха, и света,
Твердящих заклинанье это:
«Обязан ты, обязан ты!..»

Ну да, — их логика тверда,
И я ведь верил ей вначале...
Ах, унеси мои печали,
Уйми их, добрая вода!

Войди в меня, как в пряжу нить,
И дай войти в твое сиянье,
Чтоб слово милое «слиянье»
К его истокам возвратить.

Размой прямолинейность дней,
Пролепечи о дальнем лете...
Ты изо всех стихий на свете
Всего нужней, всего нежней.

Сотворение кувшина

О, вечная мука гончарного круга,
Творца и творенья отчаянный бой!
Из праха, из глины, замешанной круто,
Рождается тело, познавшее боль.

Струится под пальцами потная глина,
Тоскует отброшенный лишний ломоть...
Как страшно рождаться! Нагая, без грима,
Вздымается ввысь бессловесная плоть.

Куда от тебя убежать, испытанье
Огнем и водою?.. Но кончится суд,
И будет звенеть благодарностью тайной
Измученный, злой, сотворенный сосуд.

Он заново создан и послан на землю,
В родной и опасной земной неуют;
Кто знает, какому он глянется зелью,
Какое вино в него люди нальют...

Но как бы и что бы судьба ни решала б —
Он Мастером вылеплен. И до конца
В задумчивом отзвуке, в теле шершавом
Пребудет рука и дыханье творца.

Стрелы на снегу

У скрещений заснеженных тропок,
Где путей и решений — до чёрта,
На высоких и светлых сугробах
Эти стрелы прочерчены чётко.

Это голос прошедшего первым,
Это друга настойчивый почерк;
Я вверяюсь бамбуковым перьям,
Бескорыстным путям одиночек,

Тем отчаянным и неумелым,
Чьи походы — на долгие сроки...
Я вверяюсь нацеленным стрелам,
Чтоб ночами не сбиться с дороги,

Чтоб не выбиться, где столбовая...
В гору, в гору себя гоню,
За тобой торопясь, обновляя
Запорошенную лыжню...

Либералам

Отменно мыты, гладко бриты
И не заношено белье,
О, либералы — сибариты,
Оплот мой, логово мое!

О, как мы были прямодушны,
Когда кипели, как боржом,
Когда, уткнувши рты в подушки,
Крамолой восхищали жен.

И, в меру биты, вдоволь сыты,
Мы так рвались в бескровный бой!
О, либералы — фавориты
Эпохи каждой и любой.

Вся жизнь — подножье громким фразам,
За них — на ринг, за них — на риск...

Но нам твердил советчик-разум,
Что есть Игарка и Норильск.

И мы, шипя, ползли под лавки,
Плюясь, гнусавили псалмы,
Дерьмо на розовой подкладке —
Герои, либералы, мы!

И вновь тоскуем по России
Пастеризованной тоской,
О, либералы — паразиты
На гноище беды людской.

Чужие огни

И нынче, так же, как вчера,
К чужим огням душа отчалила...
О, жизнь, зачем ты так добра,
Зачем ты так щедра отчаянно?

Мне этот жар — не по перу,
Я слаб. Ведь мне и то диковиной,
Что чьи-то слезы оботру
Рукой, бессилием окованной.

Мне б жить как все и быть как все,
Писать, что зло не так уж действенно,
Что на запретной полосе
Белеет снег легко и девственно,

Что сосны ближнего леска
Весной видней и недоступнее,
Что прошлое издалека
Приносят ветерки простудные.

Ах, мне бы, мне бы! Я бы смог
Отбиться от беды усмешкою,
Чужие вздохи — под замок
И с глаз долой... А я все мешкаю.

С кого спросить? С кем спорить мне?
Судьба ли, блажь ли — кто виновница?

Горю, горю в чужом огне —
И он моим огнем становится.

Когда спохватишься, что «плавно»
Того же корня, что и «плыть», —
Ненужная утихнет прыть
И станет солнечно и славно, —

Как будто впрямь, без суеты,
Покачиваемый волною,
Любовно ладя с глубиною,
Ты движешься. И медлишь ты.

Когда поймешь, что «плоть» и «плыть»
В родстве не по одним лишь звукам
И что в сплетенье многоруком
Их не разъять, не разделить, —

Как будто впрямь твои мечты
Сметают то, что видит разум:
Приемля жизнь и гибель разом,
Ты движешься. И медлишь ты.

Когда постигнешь, что близки
Пловцам певцы не только рифмой, —
Тогда прильнут, задор смилив свой,
Слова к спокойствию реки;

И вот неспешных строф плоты
Подвластны мерному влеченью,
И вместе с ними, по теченью,
Ты движешься. И медлишь ты...

Песни простака

Песенка о практике относительности

Потерял я трешку. Потерял — и ладно.
Без поллитра обойдусь. А все-таки досадно!

Разорвал пальто я. Всем заплату видно.
Только было куплено. До чего обидно!

Закрутил я с бабой. Баба — не девица:
Расплевалась и ушла. Впору удавиться!!!

Ко всему в осеннее злое воскресенье
Упекли меня в тюрьму. Снова невезенье.

В суд меня пригнали. Шел я, чуть не плача.
А дали мне всего пять лет — это вот удача!

Наконец-то пофартило.

Недоуменный блюз

Кто скажет мне, почему
Я в толк никак не возьму,
За что же взаправду я
Попал в тюрьму?

Бывало, я крал зерно,
Бывало, я жрал вино,
Но не за это сесть
Мне суждено.

Четыре ударных дня
Честили вовсю меня,
Четыре бездарных дня
Шла болтовня.

И суд меня поливал,
И съезд меня поминал,
Но так я и не узнал,
В чем криминал.

Одни говорят: «Он враг!»,
Другие: «Да он — дурак!».
Два года уже идет
Такой бардак.

И поп толкует свое,
И черт толкует свое,
А я все ношу белье
Ка-зен-но-ё...

Юбилейный марш

Нам говорят: «Вы продались
Врагам за центы и за пенсы,
Вы предали социализм,
Подонки вы и отщепенцы!»

Нас осудили: раз — и квас!
Мы вызываем страх и жалость;
А кто ликует больше нас,
Что Власть полвека продержалась?

Ведь наступленья Ноября
Мы ждем с томленьем упованья,
Как ждет зека (и часто зря!)
Минуты личного свиданья.

Благоухают, как цветы,
Привычные супы и каши,
Добры, как ангелы, менты,
И сладких грез полны параши.

Вперяя в будущее взгляд,
Твержу, о прошлом не жалея:
— Как хорошо, что был я взят
ДО, а не ПОСЛЕ юбилея!..

Профессиональная лирическая

Мои друзья вздыхают по-коровьи,
И вечером скулят, и поутру,
Что ихний труд влияет на здоровье:
Не по нутру!

А я вот рад — всю жизнь везет активно,
И с ремеслом опять же повезло;

Ах, до чего ж удобно-портативно
Лит-ремесло!

Профессия, конечно, не без риска,
Но все ж она отменно хороша:
Ведь для нее достаточно огрызка
Карандаша!

А со стихами срок совсем недолог,
ШИзо — пустяк, баланда — не беда;
А был бы я, к примеру, гинеколог —
И что тогда?

Так вот, орлы, мое такое мнение:
На всякий случай — чем не шутит черт? —
Скорей вступайте в литобъединенье —
Прямой расчет...

Я ненавижу
Прогнивший ворох
Пословиц старых
И поговорок
Про «плеть и обух»,
Про «лоб и стену», —
Я этой мудрости
Знаю цену.
Она рождает,
Я это знаю,
«Свою рубашку»
И «хату с краю».
Она — основа
Молве безликой:
«Попал в говно, мол,
Так не чирикай!
Снаружи — зябко,
Снаружи — вьюжно...»
А всякой мрази
Того и нужно,
И мордой об стол

Всему итог:
«Куды поперли?!
Знай свой шесток!..»
Куда ни плюнешь —
Такие сценки,
А все оттуда,
От «лба и стенки»,
От тех, кто трусит —
В «чужие сани»,
Тех, кто с часами,
Тех, кто с весами,
Тех, кто в сужденьях
Высоколобых
Вильнет цитаткой
Про «плеть и обух»,
А там — гляди-ка —
Развел руками
И пасть ощерил:
Ведь «жить с волками!»

Когда за глотку
Хватает кодро,
За поговорку
Цепляться подло,
Да лучше кровью
Вконец истечь,
Чем этой гнилью
Поганить речь...

Солнце

Прием давно испытанный:
Всем телом — на песок!
Замри и жадно впитывай
Животворящий сок.

Он все печали вылушит,
От страхов исцелит,
От маловерья вылечит,
Смеяться повелит.

И вот уже несешь его
В себе и над собой
В ликующее крошево,
В заждавшийся прибор.

В рассол зеленый, лодочный
Скользнет твоя рука —
И вспыхнет мокрой звездочкой
На ржавчине буйка.

И снова спится-дремлется,
И волны сонно льнут,
И солнечная мельница
Дробит зерно минут.

Твой сон песочный, галечный
Какой-то Главный Врач
Всерьез отметит галочкой
Средь творческих удач.

И будет так-то радостно
Принять как дань и дар
Прикосновенье августа —
Ласкающий загар.

Бессмысленное, бесполезное
Моление о слепоте...
Нас эти нежат, соболезна,
И грубо скручивают те.

И всё дано принять и вынести,
Но частоколом на пути:
Куда от подлой совместимости
Несовместимого уйти?

Всё поняли, всё сосчитали мы —
Бесстрашие дней и страх ночей,
Но что нам делать с сочетаньями
Несочетаемых вещей?

Есть солнце — с огненными патлами,
С размахом пьяным — там, вовне,
И есть — безрадостными пайками
Прямоугольными — в окне.

Есть мир — с округлыми коленями,
И с шепотом, и с дрожью губ,
И тут же, рядом, в том же времени —
Следы овчарок на снегу.

Параши ржавой жесть вонючая —
И в реках тени облаков —
И зарешеченный, заключенный
Гул ненаписанных стихов...

Во всякой — в злой ли, в доброй — косности
Спокоен был бы пленный дух;
Позволь же мне не видеть, Господи,
Одно из двух.

!

Пустыне — свежести глоток,
На дыбе ломанному — врач,
Кровавой ссадине — платок:
— Не плачь...

Окну тоскующему — стук,
Небытию наркоза — жизнь,
Волной захлестнутому — круг:
— Держись!..

Отогревающий очаг,
Состав, смывающий клеймо,
Свет в прозревающих очах —
Письмо.

II

Читая Сент-Экзюпери

Походному ветру в тон
Звучат надо мной слова:
— В пустыне ты значишь то,
Что значат твои божества!..

А было ли что-нибудь
Прекрасней моих божеств?
И вдвое короче путь,
И вражья броня — как жечь.

III

Сны

Родной, чудной кинематограф,
Ночной прокат знакомых лент.
Как просыпаться мне, потрогав
Живую плоть мелькнувших лет?

А может, спутаны все карты,
И, удручающе нелеп,
День, а не ночь, гоняет кадры,
Бездарные, как кислый хлеб?

И надо попросту проснуться,
Из тины выбраться — и вплавать,
Очнуться, вырваться, вернуться
В ночную явь...

Подари мне незнакомый город,
Чтобы стал я сильным и счастливым,
Подари мне город на рассвете,
Вымытый ночным коротким ливнем.

Обмани меня, что длится лето
И что нам не надо торопиться,
Покажи, как мягким светом льется,
Отражаясь в лужах, черепица.

Подари мне запах теплой хвои,
Старых стен иноязычный говор,
Улочки, мощенные камнями,
Бурых башен простодушный гонор.

Подари — чтоб он при нас проснулся,
Город за оконной занавеской,
Чтоб могли мы вместе любоваться
Статью горожанок деревенской.

Чтобы уши, и глаза, и ноздри
Утолили многолетний голод —
Подари мне город на рассвете,
Подари мне незнакомый город.

Ах, недостреляли, недобили!
Вот и злись теперь, и суетись,
Лезь в метро, гоняй автомобили,
У подъезда за полночь крутись.

Ах, недодержали, недожали,
Сдуру недовыдавили яд!
Дожили: заветные скрижали
Отщепенцы всякие чернят.

Чуть прижмешь — кричат:
— Суди открытым!..
Песенки горланят белым днем,
Письма пишут... Что ни говори там,
А при Нем...

Мы не ждали критики гитарной,
Загодя могли связать узлом:
Что не так — пожалуйста в товарный
Пайку выковыривать кайлом!

Это было времечко такое —
Кто там пел и кто протестовал,
От Владивостока до Джанкоя
Шел, гудел Большой Лесоповал!

А зато — и Родину любили,
Транспаранты в праздники несли!
Ах, недостреляли, недобили,
Недогнули, недоупекли...

Я устал огрызаться по-волчьи,
Кислотою въедаться в металл,
Я от ненависти, от желчи,
Я от челюстей сжатых устал.

Засмеяться, запеть хорошо бы,
Примиренно уснуть к десяти.
Только пойло из тягостной злобы
Мне от губ своих не отвести.

Я ночью и днюю с бедою,
Сушит глотку проклятый настой;
Кто нагнется с живою водою
Над убитой моей добротой?

Говорят, есть песчаная отмель,
Взрывы сосен и в море огни...
То, что молот бессмысленный отнял,
Отдадут мне, быть может, они?

Говорят, есть луга и ущелья,
И леса, и роса, и жнивье —
Может, в этом мое возвращенье,
Воскресенье, спасенье мое?

Может, так под овации лютен
Решено на Высоком Суде:
От людей! Чтобы заново — к людям.
От себя! Чтобы снова — к себе!

О, как безысходно поэту
В скользящей удавке загона,
Погоня, погоня по следу —
За горло клыками закона!

Задушен, застрелен, затравлен,
Замучен вопящей оравой...
...Но как безобидна расправа
В сравненье с посмертною славой:

Когда неизбежность признанья
Угадывается палачами,
Они поднимают, как знамя,
Растоптанное поначалу.

И это совсем не сдуру,
Что нелюди и недомерки
Поют, поднабравшись, «Думу»
Повешенного на кронверке;

Засевши в свои ожидальни,
Где запахи крови и хлорки,
Скучающие жандармы
Мурлычат романсы Лорки;

Не правнуки, не потомки —
Дождавшись сановного знака,
Сегодняшние подонки
Цитируют Пастернака...

Такая расправа с поэтом,
Чтоб стало неведомо, чей он, —
И вот он стократ оклеветан
Уже за чертою мучений.

Он жизнью платил за почерк,
Но злоба не убывает:
Хвалами его порочат,
Убитого — убивают.

Возвращение

И я пришел. И, севши у стола,
Проговорил заветное: «Я дома»;
И вдруг дыра оконного проема
В меня, как наваждение, вошла.

Беда вдовства, сиротства и тоски
Бок о бок села, руку мне пожала,
И копоть отпылавшего пожара
С измятых стен плеснула мне в зрачки.

Здесь шли бои. Здесь кровное мое
Держало фронт и раны бинтовало,
Здесь день за днем с усмешкой бедовало
И маялось окопное житье.

Здесь властвовал непрочности закон,
Он уцелел, он властен и поныне.
И воздух здесь, как водка на полыни,
Глотай его, горяч и горек он.

И я пошел по битому стеклу
К тому углу, где в клочьях писем наших
Губной помады медный карандашик,
Как стреляная гильза, на полу.

И голос твой пронесся и затих,
И прозвучал, и смолкнул шелест платья;
О, где мне взять горючие проклятья
И причитанья прадедов моих?..

...Полы натерты. Весел цвет вина.
Промыты окна. Свеж букет осенний.
Для новых бед и новых потрясений
Готово все. Не кончена война.

Последнее

Этот год уйдет с пустой котомкой,
У ворот помашет мне рукой,
Пеленой возьметса, гладью тонкой
Надоевший, скучный непокой.

Будет жизнь всю великолепна,
Только вдруг, в какой-то странный миг,
Замолчу, оглохну и ослепну,
Отрешусь от спутников моих;

Солнце помраченное остынет,
Бред ворвется, вломится в окно,
Добрая беседа опостылет,
Напрочь разонравится вино;

Не с хандры пустой, не с перепою
Загорю о своей судьбе,
Нежное услышу: «Что с тобою?»
Вовсе не услышу: «Что в тебе?»

А во мне уже необратимо
Два железа ржавых с двух сторон,
Пыльная сухая паутина,
Черствый карк невидимых ворон,

Сны — ох, эти сны! — как будто на смех,
Слабый ветер, в горле горький ком,
В серый цемент вляпанная насмерть
Койка с полумертвым тюфяком

И необычайный, непривычный,
Вспомненный, приманный, как блесна,
Желтый, жаркий, обручный, яичный,
Вольный, вольный, вольный цвет окна...

Что же мне — надеждой сердце нежить,
Что душе не век, мол, быть рабой,
Что исчезнут небыль, нежиле, нежить
И что боль пройдет сама собой?

Призрак мой с запавшими щеками,
Плач немой по прелести земной.
...Тонкий лед, неверный под шагами,
Над ночной бездонной глубиной.

А в это время...

Поэма

I

Тем, кто не сломлен лагерным стажем,
Рядом с которым наш — пустяки,
Нашим товарищам, нашим старшим —
Я посвящаю эти стихи.

Тем, кто упрямо выжил и вышел,
В ком еще горькая память жива,
Тем, кому снятся контуры вышек, —
Я посвящаю эти слова.

Тем, кто читает дальше названья,
Тем, кому люди и в горе близки,
Тем, кто не трусит трудного знания, —
Я посвящаю эти листки.

Чьим-то простым, беззащитным и сильным
Главам еще не написанных книг,
Будущим пьесам, полотнам и фильмам
Я посвящаю мой черновик.

II

Тому уже три века,
Тому всего три дня,
Как Муза дольных странствий
Взревела под окном.
По кочкам и по строчкам
Поволокла меня
В неукротимом газике,
Бывалом «вороном».

Дорога, о, дорога!
Жестокая жара...
Дорога, о, дорога!
Железные морозы.
Ведут машину нашу
Слепые шофера,
Раздавливая скатами
Наивные вопросы.

Ни очага, ни света,
Ни птиц, ни тишины,
А только километры
Качающихся суток,
И наши судьбы пестрые
Силком сопряжены
В бегущих по дорогам
Решетчатых сосудах.

К далекой остановке
Протянута ладонь...
Подъемы и уклоны,
То кувырком, то юзом...
А что же было раньше,
А что же было до
Со всеми нами — этим
Подведомственным грузом?

III

Нам не понять друг друга никогда.
Они не молят: «Господи, доколе?»
А лишь твердят: «Теперь-то ерунда...
А мы, браток, — мы видели такое...»

Здесь фраза отстоялась, как строка,
В ней каждый звук — нечаянной уликой,
Как будто простодушные века
Рисует некий Нестор многоликий.

Бредовая, чудовищная вязь,
Но смысл ее на диво прост и четок,
Он подтвержден свидетельствами язв,
Печатами безумий и чахоток;

Он подтвержден смиреньем стариков,
И ропотом, привычным и покорным,
И верой, что Покойный не таков,
Чтоб он на самом деле стал покойным.

В том этот смысл, что чья-то злая спесь
Живых людей, как дроби, сократила,

Что корчилась, хрустя костями, песнь
Под деловитым каблуком кретина.

А я не верю правде этих слов,
Мне не под силу откровенья эти,
И горький мой, незванный мой улов
Колелет переполненные сети...

IV

Что такое «концлагерь»? На лике столетья горит,
Словно след пятерни, этот странный словесный гибрид.

«Лагерь» — это известно: «...под Яссами лагерь разбил,
Кукарекал с утра и лозу на фашины рубил...»

«Лагерь» — это знакомо: «...устроили лагерь в лесу,
Осушали росу, кипятили ручей на весу...»

Что же значит приставка, нарост неестественный — «конц»,
От которого слово в предсмертной икоте летит под откос,

А потом, обернувшись, храпя ненасытным нутром,
Вурдалаком встает, перевертнем встает, упырем?

Может быть, машинистка, печатая Тайный Указ, —
Вместо «а» — букву «о», и читать это надобно «канц»?

Канцелярских путей вожделенный веками итог,
Сущий рай, парадиз, где параграф всемогущ, как Бог,

Где «входящие» есть, «исходящие» - меньше, но есть,
Где в обход циркуляра — ни пернуть, ни встать и ни сесть.

Может быть, нерадивый напортил наборщик юнец,
Поспешил, пропустил? И читать это надо — «конец»?

Сотворенью — конец. Утоленью — конец. И всему,
Что тревожило тьму, что мерцало душе и уму.

Человеку — конец. Человечности — тоже хана.
Кроме миски баланды не будет уже ни хрена...

Так ли, нет ли — не знаю. Но этот ублюдочный слог
В каждом доме живет, он обыденным сделаться смог.

Ну, так что ж ты, Филолог? Давай, отвечай, говори,
С кем словечко прижил, как помог ему влезть в словари?

И когда, наконец, ты ворвешься в привычный застой
И убьешь этот слог, зачеркнув его красной чертой?

V

Погорельцем с сумою — под окна,
Под зажиточные, — моля:
— Дом сгорел, корова подохла,
Помогите, Господа для!..

Забулдыгой — к чужому столику:
— Понимаешь, я на мели;
От щедрот своих малую толику —
Алкоголику — удели!..

Нежеланным — к желанной, как к жаркому
Очагу — из промерзлой степи:
— Дай согреться! Ну что тебе — жалко?
Дай согреться. Дай. Уступи...

...Каждый день, — от рассветного часа
И до полночи, — мучась и клянча:
— О, Поэзия! Мне — не Пегаса,
Мне сгодится рабочая кляча.

Попрошайкой-медведем из клетки,
Задыхаясь по-стариковски:
— Ты бы мне не обеды — объедки,
Ты бы мне не обновы — обноски,

Мне б не меч, а клюку — подпираться...
Ты не брезгуй — все очень просто:
Без тебя мне вовек не добраться
До отчизны, чье имя — Проза.

Знаю, щедрости недостоин;
Ну, а ты — не любя и не тратясь,—
Через фортку — что тебе стоит?! —
В узелок мой — остатки трапез!

...Умоляя и угрожая,
Что ни день, меняя обличье,
К нам взывает тоска чужая
Всею болью косноязычья...

VI

А в это время, вечером воскресным,
Мой быт лукавый ублажал меня
Сухим вином, и старомодным креслом,
И легким грузом прожитого дня.

Казалось, что пора глухонемая
Ушла навек и сгинула в былом —
Аминь, аминь!.. И чудо пониманья
На равных восседало за столом.

На стук любой распахивались двери,
И в них входил, конечно, только свой,
И нимбу умиленного доверья
Сиялось всласть у нас над головой.

И был прекрасен вечер законный,
И нежность к сердцу — теплою волной...
...А в это время, издавна знакомый,
Шел по бараку шмон очередной.

Он рылся в стариковских корках кислых,
Он пачки сигаретные вскрывал,
Он, как в отбросах, в материнских письмах
Брезгливыми руками шуровал.

Он тряпки тряс и — мимо коек — на пол
(Молчи, зэка, не суйся на рожон!),
Разглядывал он фото, словно лапал
Чужих невест, возлюбленных и жен...

...А что же раньше? Раньше было море,
Врачующее от житейских ран,
И мы, толпою, как на богомолье,
Идущие к прибою по утрам;

И тяжесть волн, сработанных на совесть,
Ракушечника желтая пыльца,
И наших тел полет и невесомость,
И солнце, солнце, солнце без конца.

Существованья светлomu усилью
Без устали учил нас добрый зной,
Учило море любоваться синью,
И горы — непреложной крутизной.

(Друг, погоди! Пожалуйста, не думай,
Что я собой заполнил этот стих,
Себя припомнив, развлекаюсь суммой
Своих страстей и радостей своих.

Я — это ты. Не больше и не меньше.
И я, и ты — мы от одних начал:
И я, как ты, постыдно онемевши,
За годом год молчал, молчал, молчал;

Я — это ты. Не лучше и не плоше.
И я, как ты, любил, работал, пил,
И я, как ты, ослепши и оглохши,
Добро удач за годом год копил;

Стихи читали, на цветах гадали,
«Ах, было что-то — поросло быльем!..»)
...А в это время где-то в Магадане
Происходил обыкновенный «съем».

Дошедшие до ручки и до точки,
Приемля жизнь со смертью пополам,
Под «Хороши весной в саду цветочки»
Бредут ээка, осилившие план.

Гнусит гитара, взвизгивает скрипка,
Брезентовый бормочет барабан!
О Господи, страшна Твоя улыбка
И непонятна пасмурным рабам.

Нет Бога — над, и нет земли под ними,
И кто-то от тоски — не сгоряча —
Вдруг скажет: «Ну, прощайте», — лом поднимет
И грохнет рядового палача.

А может быть, конец и так уж близок:
Известняковый не добил карьер —
Но высочайше утвержденный список
Уже везет умученный курьер;

И землекопов мерные движенья
Увенчивают будничный расстрел...
...А в этот миг на чудо обнаженья
Светло и потрясенно я смотрел.

Доверчиво, без хитростей, без тыла
(Будь так же чист и так же нежен будь!)
Плывут ко мне безгрешно и бесстыдно
Струящиеся руки, плечи, грудь,

И, тонкое колено открывая,
Как кожа снимается чулок...
...А в это время песня хоровая
Летит от нар в дощатый потолок;

А в это время кто-то спорит с кем-то,
Постичь пытаюсь общего врага;
Как на картинках Рокуэлла Кента,
Блестят в глаза белейшие снега;

Под ними — пот, не растопивший грунта,
Под ними — кровь, не давшая ростка,
Под ними — захороненная грубо
Лежит неисчислимая тоска...

...А в это время в залах Исторички
Река науки благостно текла...
...А в это время выли истерички
И резались осколками стекла...

...А в это время тени шли по сходням
В Колымском трижды проклятом порту...
...А в это время мы по ценам сходным
Сбывали ум, талант и красоту...

А может, хватит дергать нервы наши?
Ведь мы и знать, наверно, не должны,
Что женщины за миску постной каши
С себя снимали ватные штаны.

А может, впрямь пора щадить друг друга
И эту память вывести в расход:
Про «ласточку», «парашу», «пятый угол»,
Про «бур» и «без последнего развод»?

Пора забыть. А иначе — едва ли
Так проживем отпущенные дни,
Чтоб никогда о нас не горевали,
Не называли траурно — «они»...

VII

Кто это? Люди или окурки
С горьким и слипшимся табаком?
Черные брюки, черные куртки,
Черные шапки с козырьком.

Неиссякаемая вереница
Из века в век, от ворот до ворот;
Черной усталостью мечены лица —
Бывшие люди, бывший народ.

Сколько их били-учили метели
Руки и летом совать в рукава?
Медленно движутся черные тени,
Чудятся медленные слова:

«Вы — отщепенцы, отбросы, отсевы,
В кучу собрал вас мудрый закон;
От сострадания отсечены все вы
Буквой и цифрой, штыком и замком.

Вы опечатаны «словом и делом»,
Каждый рассвет — не исток, а итог,
Ваших желаний да будет пределом
Сала полоска да чаю глоток.

Сдайтесь. Продумано это умело.
Так или иначе, всем вам конец:
Осуществляется высшая мера —
Мир и спокойствие ваших сердец...»

VIII

Литераторы в новых костюмах,
Свежекупленных из аванса,
Вам не спрятать морщинок угрюмых,
Никуда от себя не деваться.

Не умеют молчать ваши лица,
Как молчат иногда ваши строки;
Литься лютой беде — не излиться,
Не отбыты еще ваши сроки.

Ты нахохлился, брови накупил,
Щелкнул мастер, позицию выбрав,—
И лицо твое пало на супер,
Как тревожный и властный эпитаф.

На страницах — полет и дерзанье,
На страницах — пурга и цветенье,
Ну, а здесь — притворились глазами
Два страдания, две ямы, две тени.

Это знак, что уплачена плата
За познание, что Данту не снилось.
Помнят плечи дырявость бушлата,
Помнят ноздри баландную гнилость,

Помнят уши барачные скверны,
Сердце — жизнью пропавших осколки...
Откровенны и достоверны
Лица, вынесенные за скобки,

Лица, заочневшие в думах,
Лица, ждущие все же чего-то.
...Литераторы в новых костюмах,
Необмятых, надетых для фото.

IX

Я не могу угадать наперед,
Распорядиться собой:
Грустной ли дудкой буду я
Или вопящей трубой.

Мне бы с устатку — рюмку вина,
Тихий бы разговор,
Крест на минувшем, пламя в печи
Да изнутри затвор.

Только ведь это совсем не легко —
Вовремя зубы сжать,
Гнев и обиду презреньем гасить,
Ненависти бежать.

Вряд ли смогу я с собой совладать,
Горячий сглотнуть комок;
Сердце одним лишь друзьям открыть
Кто бы из наших смог?

Мы не посмеем теперь солгать
Тетрадочному листу,
Розовым цветом скруглять углы
Больше невмоготу.

Нам — не идиллия, не пастораль,
Не бессловесный гимн —
Обречены мы запомнить все
И рассказать другим.

Кнут Скуениекс ·
Не оглядывайся
Поэма

1. После последней поездки

Какие смутные тени!
Какие серые птицы!
Студень вместо деревьев,
топор, неспособный рубить!

Этого не перечислишь,
не выкричишь, жизнью не скажешь,
этому надо не быть.

Это должно искрошиться —
в пыль, до последнего зуба.

Какой монотонный холод!

Этому надобно выгнать —
вплоть до последнего ногтя.

Какая бесчеловечная и беззвериная тишь!

Ненужные пальцы стали призрачны и прозрачны;
праздник язык иссыхает,

коробится

и крошится;

глаза, слишком много выдавшие,

впитываются песком

без шороха.

Я закончен.

И только на этом песчаном откосе,
куда не добраться волне Ахерона,
пока перевозчик брэнчал медяками,
успел еще вспомнить и написать я:

Э В Р И Д И К А

— и это осталось во мне.

2. Аид говорит со мной

- Ты чем недоволен, Орфей?..
Тишина.
- А где же кифара твоя?..
Тишина.
- Сыграй что-нибудь на костях мертвецов
для бодрости духа, Орфей...
Тишина.
- Банальный, лояльный этюд...
Тишина.
- Орфей!..
Тишина.
- А как поживает... ну, как ее?.. Эвр...
Движение!
- Эй. Уведите его.

3. Исповедь перед памятью

Тут время тянется, как смола, длинную, липкую нитью;
тут нет начала ничему, кроме конца; да и то
этот конец не придет вослед лени или событию,
глухонемое бродит, бредет ничто, ничто, ничто.
Исчезло дыханье — единственный мост, последняя с миром связь,
и вот он весь, целиком, во мне — и съежился, затаясь.
Поэтому, значит, бранился Харон, буровя воду веслом,
так, как бранятся, хмельного хватив, лодочники одни!
Поэтому, значит, вдвое содрал за слишком тяжелый рейс!
Ну что ж, Мнемозина, память моя, с чего мы теперь начнем?
— С легкомыслия...
Я, на кифаре играя,
выманил зябкий миндаль
в зимнюю стужу цвести —
и он замерз.
Грешен.
Птиц сухопутных напел я
на плечи волнам морским —
и они утонули.
Грешен.

Я у беременных женщин
из материнского чрева
вызвал на свет сыновей —
в братоубийственных войнах пали они.

Грешен.

Девственницу совратил я,
послушной сообщницей сделал,
все у нее отобрал,
лишь имя не взяв

Э В Р И Д И К А ...

Грешен?

Нет!

Прав.

4. Лирическое отступление

Лишь одного из богов можно назвать человеком —
Гипноса. Он иногда сном одаряет меня.

5. Сновидение с голосом

Где твои ласточки-песни, в небе чертившие круг?
Где твоих маков пламя, взлетавшее из-под рук?
Струны твоей кифары серый оплел паук,
Орфей!
Где руки, ломавшие, гнувшие, вминавшие в память след?
Жестко мое изголовье и одинокий рассвет.
Пусто мое тело, пусто, как пустоцвет.
Орфей!!
Как жить без тебя? Что делать? Чем удерживать стон?
Давит меня еженощно грузом безрадостным сон.
Орфе-ей!!!!

Посреди бесконечной ночи
на полупустое ложе
падают и расплываются
пот и слезы любви,
падают капли крови,
стекая с искусанных губ...
О Мнемозина, что же ты делаешь с даром богов?!

6. Незнакомый спокойный голос откуда-то совсем со стороны

...и тогда Эвридика отправилась в путь, завязав в узелок горшочек с медом и ломтик козьего сыра. На дороге встретилась ей сгорбленная старушка с палочкой в руке.

— Куда идешь, дочка?

— Искать мужа, матушка.

— А где же твой муж?

— Не знаю.

— Сбежал, что ли?

— Нет, матушка! Не верю!

Старушка улыбнулась.

— Это хорошо, что не веришь. А то люди могут многое наболтать. Эвридика развязала узелок, чтобы покормить старуху.

— Спасибо, дочка, не надо. Какая уж старому еда!

— Бери, бери. Возьми на дорогу. А мне пора дальше. Солнце уже высоко.

— Погоди,— старуха взяла Эвридику за руку и снова усадила на обочину.— В спешке нет мудрости. Слушай хорошенько, что я скажу. Иди до Тенарского ущелья...

— Ты знаешь, где Орфей?!

— Не перебивай меня. Говорю тебе еще раз: в спешке нет мудрости. Дойдешь до реки Ахерон. Спросишь перевозчика Харона. Выйдешь на том берегу, иди дальше и не страшись.

— Далеко?

— Пока сердце ведет. Не верь никому, верь сердцу. Ступай.

Эвридика хотела еще что-то спросить, но старуха вдруг исчезла.

Пора было снова отправляться в путь.

7. На том берегу

На песчаном откосе — восемь букв:

Э В Р И Д И К А

8. Знакомление с предписаниями

Пес Цербер — с тремя головами — сидит,

с одной головою — брат Зевса Аид,

и целая свора —

совсем без голов,

с козлиною вонью,

с хвостами ослов,

разверзлись, пульсируя,

глотки вампировые —

спрашивают:

— Так ты утверждаешь, что он твой супруг, Эвридика?

— Ты требуешь встречи с Орфеем?

— Затем и пришла?

— Подумай!

— Еще ты по эту сторону Рока,

и жизнь твоя может остаться чиста и светла!

— Ты требуешь все же?

— Подумай.

— Ты требуешь? Ладно.

— Тогда ознакомься с инструкцией № 1.

а) надлежит тебе скинуть одежды;

б) ты должна под гребенку остричься;

в) ты с костей снять обязана мясо;

г) ты повинна оставить все это;

д) и тогда ты вольна торопиться.

Для возвращения — инструкции нету.

Сама собирай себя по крупице.

— Ты требуешь все же?

Тогда ты получишь Орфея.

Но прежде прочти предписание за № 2:

а) ты от всякого признака жизни должна отрешиться

и — это самое главное! —

б) Н-Е О-Г-Л-Я-Д-Ы-В-А-Т-Ь-С-Я!

Мужа тебе не увидеть,

пока за столетьем столетье

засохшей лепешкой крошится,

плоть свою, кровь свою бросив,

в сером хитоне тоски будешь брести без конца

сотни и тысячи лет,

сотни и тысячи зим

не оглядываться,

не оглядываться...

— Нам жалко тебя, Эвридика!

— Ты требуешь все же?

— Иди!..

...К ногам ласкаясь, лижут языками —
тюльпанами, ромашкой, васильками
поля полей,
луга лугов,
пути путей...

9. В пути

Я не вижу тебя, я не слышу тебя — ЭВРИДИКА!
Но ты здесь, впереди, ощущаю тебя — ЭВРИДИКА!
Ты везде и повсюду идешь впереди — ЭВРИДИКА!
Ты во веки веков впереди, впереди — ЭВРИДИКА!
Мое зренье, и речь, и кифара моя — ЭВРИДИКА!
Моя Греция — ЭВРИДИКА!
Моя Фракия — ЭВРИДИКА!
Ты мой путь, ты мой берег — пути моего увенчанье,
бесконечных дорог, нескончаемых троп окончанье!
Будь стрелою — веди!
Будь струною в груди,
Не слабей, не сдавайся, назад не гляди —
 НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ, ЭВРИДИКА!
Был истоком твой взгляд,
был началом, толчком изначальным,
да не станет концом —
подземельным, промозглым молчаньем;
через Леты и Стиксы — вперед!
Не гляди — и не будет погони,
береги мою душу,
свечою носи на ладони —
 НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ, ЭВРИДИКА!
Чтобы взгляд твой не стал подземельным, промозглым молчаньем —
 НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ!
Шепот слушая мой,
сердце в сердце неся, —
 НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ,
 НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ,
 ЭВРИДИКА!..

Ян Зиёмельниекс

И будет смерть, и цепь годов за нею,
Когда, мой друг, прочтешь ты строки эти;
Но — прах в песке — я разглядеть сумею
Твое лицо в смятенья нежном цвете.

Я буду знать, какая мысль простая
В тебе звенит и чем душа объята, —
Ты должен будешь мною стать, читая,
И видеть так, как видел я когда-то.

Книга включает письма Ю.М. Даниэля из лагеря и Владимирской тюрьмы, а также поэтические произведения, написанные им в заключении.

Оригиналы писем в течение нескольких лет сохранялись друзьями и корреспондентами Юлия Даниэля: часть их находилась у Ю.Я.Герчука, часть — у Ю.И.Левина. В настоящее время они хранятся в личном архиве вдовы Даниэля И.П.Уваровой.

Несколько оригиналов было утрачено; однако, поскольку почти со всех писем сразу же по получении снимались машинописные копии (для отправки иногородним корреспондентам Даниэля), их тексты также сохранились. В настоящем издании мы не делаем специальных примечаний о том, какие письма публикуются по оригиналу, а какие — по машинописной копии.

Следует иметь в виду, что несколько писем, сданных Даниэлем для отправки, до адресата не дошли. Скорее всего недошедшие письма были изъяты оперчастью, причем во избежание скандалов это было сделано негласно. Если нам удалось установить факт «пропажи» письма, это отмечено в комментарии.

Всего в книгу вошло 75 писем. Мы не включили в корпус лишь несколько писем, дошедших до адресата, — это письма, посланные Даниэлем жене в сибирскую ссылку в 1969–1970 гг. Они были предназначены персонально Л.И.Богораз и поэтому не относятся к публичной части переписки.

Публикуемые письма представлены в хронологическом порядке (за исключением № 30 и 31 — см. комментариев к ним) и для удобства комментирования пронумерованы нами.

Тексты приводятся без каких-либо изъятий и сокращений. Исключение, естественно, составляют вложения на отдельных листах с надписью: «Только такому-то» (или «такой-то»), имеющие приватный характер. Мы приводим здесь (по просьбе адресата) лишь одно такое послание — см. письмо № 54.

При составлении комментария и биографических справок использовались данные из коллекции документов по истории диссидентского движения в СССР, хранящейся в архиве Общества «Мемориал». В частности, биографии сокамерников Ю.Д. уточнялись и проверялись по фотокопиям учетных карточек заключенных Дубравного ИТЛ (Архив Общества «Мемориал». Ф.167) и по выпискам из учетной картотеки Владимирской тюрьмы (Там же. Ф.171).

Мы считали необходимым давать комментарий к тексту в следующих случаях:

— для пояснения или дополнения той или иной затронутой в письме коллизии. Именно к ситуативному комментированию нам пришлось прибегать чаще всего;

— когда автор использует в письме «домашнюю семантику» — выражения или обороты, бывшие в ходу в семье или в узком дружеском кругу;

— когда автор прибегает к «эзопову языку», эвфемизмам и другим фигурам речи, с тем чтобы быть понятым только адресатами письма, но не лагерным или тюремным цензором;

— при «псевдочитировании», если этот факт не представляется очевидным;

— при употреблении перифраз, неточных цитат, а также стилистических и лексических пародийных параллелей к известным литературным текстам;

— при упоминании имен, известных как отправителю, так и его адресатам, но, скорее всего, незнакомых читателю. Исключение составляют постоянные корреспонденты Ю.Д., близкие солагерники и другие часто упоминаемые в письмах люди, краткие биографические справки о которых читатель может найти в конце книги. Фамилии в квадратных скобках включаются нами в текст, если Ю.Д. называет этих людей просто по имени или прозвищу, и только при первом таком упоминании в каждом новом письме;

— когда фрагмент текста несет в себе зашифрованное сообщение.

Отдельную проблему представляло комментирование культурных реалий эпохи.

Культура шестидесятых, крайне насыщенная аллюзиями, эвфемизмами, реминисценциями как собственно культурно-исторического, так и социально-политического свойства, ушла в прошлое, а потому многие связанные с нею сюжеты, на наш взгляд, нуждаются в комментариях. Заметная бессистемность соответствующих примечаний (например, наличие библиографических отсылок в одних случаях и отсутствие в других) объясняется прежде всего некоторой растерянностью комментатора перед феноменом, именуемым постсоветской цивилизацией. Я не был уверен, что понимаю, какие имена, события, книги канули ныне в Лету, а какие сохранились в культурном багаже современного читателя, и действовал, исходя из собственной интуиции.

По письмам рассыпана масса поэтических текстов Даниэля — как оригинальных (по большей части шуточных), так и переводных, — которые ранее никогда не публиковались. Мы не сочли нужным специально отмечать факт неопубликованности того или иного стихотворения.

Принятые далее сокращения

Ю.Д. — Юлий Маркович Даниэль, автор писем

Л.Б. — Лариса Иосифовна Богораз-Брухман, основной адресат писем Ю.Д.

ИЛ — журнал «Иностранная литература»

ЛГ — «Литературная газета»

НМ — журнал «Новый мир»

БУР — барак усиленного режима (устар.) — термин, обобщающий понятия «ПКТ» и «ШИЗО», но, как правило, применявшийся во втором случае

- ПКТ** — помещение камерного типа — внутрилагерная тюрьма для отбывания долгосрочного (от 3 до 6 месяцев) наказания
- УК** — Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в силу 1 января 1961 г.
- ШИЗО** — штрафной изолятор — внутрилагерная тюрьма при отбывании краткосрочного (от 5 до 15 суток) наказания

Абрам Терц — Абрам Терц. Собрание сочинений в двух томах. М.: СП «Старт», 1992.

«**Мои показания**» — Марченко А.Т. Мои показания // Живи как все. М.: Весть-ВИМО, 1993.

Сб. «Говорит Москва» — Даниэль Ю.М. Говорит Москва : Проза, поэзия, переводы. М.: Московский рабочий, 1991.

«**Свободная охота**» — проза Ю.Д. мемуарного характера, вразбивку опубликованная в сб. «Говорит Москва» под повторяющейся рубрикой «Из неоконченной книги».

«**Стихи из неволи**» — Даниэль Ю.М. Стихи из неволи. Амстердам: Фонд им.Герцена, 1971.

«**Белая книга**» — Белая книга : Дело Синявского и Даниэля / Сост. А.И.Гинзбург. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967.

«**Цена метафоры**» — Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М.: Книга, 1989.

Коротко о корреспондентах, некоторых солагерниках и других персонажах, регулярно упоминаемых в письмах Ю.М.Даниэля

Богораз (Богораз-Брухман) Лариса Иосифовна — первая жена Ю.Д., основной его корреспондент; до 25 августа 1968 г. — главный адресат его писем. Лингвист, канд.филол.наук.

После ареста Ю.Д. и Синявского вместе с М.В.Розановой активно способствовала организации кампании в их защиту. На суде обе они вели записи, позволившие воссоздать ход процесса и вошедшие позднее в «Белую книгу».

В 1966–1968 гг. дом Л.Б. был одним из главных центров консолидации возникающей диссидентской активности. Л.Б. — автор нескольких распространенных самиздатом открытых обращений в советские инстанции по поводу условий содержания заключенных в политлагерях. В январе 1968 г., в дни суда над Ю.Галансковым, А.Гинзбургом, А.Добровольским и В.Лашковой, составила в соавторстве с П.Литвиновым обращение «К мировой общественности», положившее начало движению в защиту прав человека в СССР.

25 августа 1968 г. была арестована во время демонстрации на Красной площади против советского вторжения в Чехословакию. Приговорена к 4 годам ссылки; отбывала наказание в Восточной Сибири. По возвращении

в Москву почти не принимала прямого участия в каких-либо коллективных диссидентских акциях, однако продолжала пользоваться высоким авторитетом в диссидентских кругах.

Вторым мужем Л.Б. был А.Т.Марченко.

Живет в Москве.

Даниэль Александр — сын Ю.М.Даниэля и Л.И.Богораз, начиная с сентября 1968 г. главный адресат писем Ю.Д.

Азбели, семья:

Азбель Марк Яковлевич — корреспондент Ю.Д., физик, д-р физ.-мат. наук, профессор МГУ. В 1970-е играл заметную роль в движении евреев «отказников», добивавшихся разрешения на эмиграцию. Уехал из СССР в 1977 г.; живет в США.

Азбель Найя — жена М.Я.Азбея.

Азбель Дима — их сын.

Аксельрод Елена Мееровна — корреспондент Ю.Д., поэтесса. Ныне живет в Израиле.

Алексеевы–Вильямсы, семья:

Алексеева Людмила Михайловна — корреспондент Ю.Д., историк. В 1968 г. за подпись под петицией в защиту А.Гинзбурга и Ю.Галанскова уволена из издательства «Наука», где работала редактором. После суда над Ю.Д. и Синявским стала одним из организаторов сбора денег для семей политзаключенных. В 1970-е — активист правозащитного движения. В 1976 г. вошла в состав Московской Хельсинкской группы; в 1977 г. эмигрировала в США, работала на радиостанциях «Свобода» и «Голос Америки». В 1993 г. вернулась в Россию. С 1996 г. — председатель возобновленной Московской Хельсинкской группы; с 1998 г. — президент Международной Хельсинкской федерации. Живет в Москве, пользуется широкой известностью как общественный деятель.

Вильямс Николай Николаевич — муж Л.М.Алексеевой, математик. Узник сталинских лагерей: в 1945 г. вместе с Ю.А.Гастевым был осужден по политическому обвинению на 5 лет лишения свободы.

Алексеев Сергей — старший сын Л.М.Алексеевой.

Алексеев Михаил — младший сын Л.М.Алексеевой.

Бабицкий Константин Иосифович (1929–1993) — корреспондент Ю.Д., его дальний знакомый. Лингвист, научный сотрудник сектора структурной лингвистики Института русского языка АН СССР, коллега и друг Л.Б.. В августе 1968 г. вместе с нею принял участие в демонстрации на Красной площади против советского вторжения в Чехословакию. Был приговорен к 3 годам ссылки, которую отбывал в Коми АССР. Позднее его знакомство с Ю.Д. перешло в дружбу.

Бахметьева Светлана — корреспондент Ю.Д., журналистка, сотрудница «Литературной газеты».

Белокриницкая Серафима — корреспондент Ю.Д., филолог, переводчик.

Богоразы–Зимины, семья:

Богораз Иосиф Аронович (1896–1985) — отец Л.Б., тесть и близкий друг Ю.Д., его корреспондент. Экономист; до середины 1930-х — на руководящей работе в Госплане Украины. Узник сталинских лагерей: в 1936 г. был осужден по политическому обвинению на 5 лет лагерей; срок отбывал в воркутинских лагерях. С 1941 по 1955 г. был ограничен в праве выбора места жительства, жил на Крайнем Севере. Узкому кругу друзей, в том числе и Ю.Д., были известны его рассказы и повести (по большей части на лагерно-тюремные темы); в 1970—1980-е некоторые из них были изданы за рубежом.

Зимина (урожд.Олсуфьева) **Алла** (по документам — Ольга) **Григорьевна** (1903–1986) — жена И.А.Богораза, мачеха Л.Б., теща и близкий друг Ю.Д., его корреспондент. Автор и исполнительница песен (известна как Алла Зимина), в прошлом — театральная редактор, сценарист, актриса. Узница сталинских лагерей: в 1936 г. была осуждена по политическому обвинению на 3 года лишения свободы; срок отбывала в воркутинских лагерях, работала в лагерном театре. В 1939–1955 гг. вместе с И.А.Богоразом жила на Крайнем Севере.

Богославские, семья:

Богославский Марк Иванович — харьковский корреспондент Ю.Д., поэт, литературовед, критик; учился вместе с Ю.Д. в Харьковском университете.

Кучеренко Ольга Михайловна (ум.1988) — его жена, корреспондент Ю.Д.

Бородин Леонид Иванович — солагерник Ю.Д. Педагог, журналист, писатель; участник подпольной организации «Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа» (Ленинград, 1964–1967). Арестован в 1967 г., приговорен к 6 годам лишения свободы. После освобождения — один из авторов самиздатского журнала «Вече»; в 1974–1975 гг. — редактор самиздатского альманаха «Московский сборник». Вновь арестован в 1982 г., приговорен к 10 годам лагерей и 5 годам ссылки. Досрочно освобожден в 1987 г. Ныне — один из наиболее авторитетных духовных лидеров «национально-патриотической оппозиции», главный редактор журнала «Москва». О его «мужестве и рыцарственности» Ю.Д. писал в «Свободной охоте» (Сб. «Говорит Москва». С.288).

Бурасы, семья:

Бурас Михаил Львович (1925–1993) — друг Ю.Д. со школьных лет, его корреспондент. Инженер-строитель. Ю.Д. упоминает о нем в «Свободной охоте», описывая их случайную встречу в прифронтовом госпитале (Сб. «Говорит Москва». С.26–27).

Лепорк Марина Борисовна — жена М.Л.Бураса, архитектор.

Бурас Лена — их старшая дочь.

Бурас Маша — их младшая дочь.

Великанова Екатерина Михайловна — с мая 1969 г. жена Александра Даниэля, невестка Ю.Д., его корреспондент, в то время — студентка МГУ.

Вертман Юна Давыдовна (1931–1983) — корреспондент Ю.Д., филолог, театральный режиссер, педагог. В начале 1980-х эмигрировала в Израиль.

Вильямс Н.Н. см. **Алексеевы-Вильямсы**

Волковы, семья:

Волкова Валина (Лина) **Марковна** — харьковский корреспондент Ю.Д., поэтесса.

Волков Александр Исаакович — ее муж, музыкант, педагог.

В начале 1970-х эмигрировали в Израиль.

Воронели, семья:

Воронель Александр Владимирович — друг и корреспондент Ю.Д., физик, д-р физ.-мат наук. В 1946 г., в возрасте 15 лет, был арестован за составление и распространение листовок, приговорен к 3 годам лишения свободы; через полгода по решению Верховного суда освобожден.

За «вызывающее» поведение и фактический отказ от дачи показаний во время следствия по делу Синявского и Даниэля был уволен с работы.

С начала 1970-х — активист движения евреев-«отказников», добивавшихся разрешения на эмиграцию, основатель и редактор самиздатского журнала «Евреи в СССР». Эмигрировал в Израиль в 1974 г. В настоящее время — один из редакторов русскоязычного израильского журнала «22». В начале 1980-х опубликовал в этом журнале подборку воспоминаний о семье Даниэлей — свои, Н.А.Воронель и М.Я.Азбеля.

Воронель Нинель Абрамовна — жена А.В.Воронеля, друг и корреспондент Ю.Д. Переводчик, драматург.

Воронель Володя — их сын.

Габисов Виталий Константинович — сокамерник Ю.Д. во Владимирской тюрьме. До ареста — студент экономического факультета МГУ. Был осужден в мае 1969 г. на 1 год 6 месяцев тюремного заключения и 2 года ссылки

за создание на факультете подпольной марксистской группы (возможно, маоистско-сталинистского толка) и распространение листовок.

Галансковы, семья:

Галансков Юрий Тимофеевич (1939–1972) — солагерник Ю.Д., поэт. Участник сходок литературной молодежи на площади Маяковского в Москве в 1959–1961 гг. Один из составителей самиздатского поэтического сборника «Феникс» (1961); возобновил издание в виде общественно-политического и литературного альманаха в 1966 г. (в «Фениксе-66», как часто называют этот альманах, в частности, была перепечатана признанная судом анти-советской статья А.Синявского «Что такое социалистический реализм»). Был арестован в январе 1967 г.; в январе 1968 г. на получившем громкую известность «процессе четырех» (Ю.Галансков, А.Гинзбург, А.Добровольский, В.Лашкова) приговорен к 7 годам лишения свободы. Умер в лагерной больнице после неудачной хирургической операции.

Тимофеева Ольга Валентиновна — жена Ю.Т.Галанскова, корреспондент Ю.Д. В конце 1968 г. была исключена из ВГИКа. С Ю.Д. знакома не была; знакомство ограничилось перепиской.

Галанскова Елена Тимофеевна — сестра Ю.Т.Галанскова.

Гарбузенко Яков Лазаревич (1925–1993) — близкий приятель Ю.Д. со времени совместной учебы в Харьковском университете, учитель-словесник. Дружеские отношения были прерваны после того, как Гарбузенко дал на следствии и суде показания, подкрепляющие оценки и доводы обвинения. После 1970 г. несколько раз встречался с Ю.Д., но отношения не восстановились.

В начале 1990-х эмигрировал с семьей в Израиль.

Гастев Юрий Алексеевич (1928–1993) — корреспондент Ю.Д., математик, философ. Узник сталинских лагерей: был арестован в 1945 г. по одному делу с Н.Н.Вильямсом; освобожден в 1949 г. В 1970-е — активист движения в защиту прав человека в СССР. В 1981 г. эмигрировал в США.

Гаяускас Балис — солагерник Ю.Д. Участник антинацистского и анти-советского вооруженного сопротивления в Литве (1943–1948); узник нацистского концлагеря (1944 г.). Арестован в Вильнюсе в мае 1948 г., при аресте отстреливался; был приговорен к 25 годам лишения свободы. В 1970-е — активист литовского национального движения; перевел на литовский язык «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына. Вновь арестован в 1977 г., приговорен к 10 годам лагеря и 5 годам ссылки. Член Литовской Хельсинкской группы, в которую вступил уже в лагере. В октябре 1988 г. досрочно освобожден из ссылки, которую отбывал на Дальнем Востоке. Принял активное участие в восстановлении литовской государственности. В начале 1990-х — депутат литовского сейма, возглавлял парламентскую комиссию по расследованию деятельности КГБ. С 1989 г. — председатель Союза ссыльных Литвы.

Геврич Ярослав Богданович — солагерник Ю.Д. До ареста — студент киевского мединститута. Арестован в августе 1965 г. одновременно с И.А.Светличным, братьями Горынями, М.Г.Осадчим и другими, приговорен к 3 годам лишения свободы.

Герчуки («Фаюмы»), семья:

Герчук Юрий Яковлевич — друг и корреспондент Ю.Д., искусствовед. В январе 1966 г. написал в «Известия» письмо с протестом против публикации статьи Дм.Еремина «Перевертыши» (Известия. 1966. 13 янв.), посвященной Синявскому и Ю.Д. Письмо было опубликовано в «Белой книге» (в сокращенном виде перепечатано в кн. «Цена метафоры») и стало одним из первых текстов петиционной кампании, поднявшейся вокруг дела Синявского и Даниэля.

Домшлак Марина Иосифовна — жена Ю.Я.Герчука, друг и корреспондент Ю.Д., искусствовед, историк архитектуры.

Герчук Лена — их дочь, с 1969 г. корреспондент Ю.Д.

Гинзбурги, семья:

Гинзбург Александр Ильич — солагерник Ю.Д., журналист, общественный деятель. По-видимому, до 1968 г. Ю.Д. не был с ним знаком или знакомство было шапочным, хотя круги их общения пересекались. Составитель, редактор и издатель «Синтаксиса» (1959–1960) — машинописного поэтического журнала, первого в СССР самиздатского повременного издания, приобретшего широкую известность. Впервые арестован в 1960 г., приговорен к 2 годам лишения свободы. В 1966 г. составил документальный сборник по делу Синявского и Даниэля, вышедший на Западе под названием «Белая книга». Арестован в январе 1967 г., судим вместе с Ю.Галансковым, А.Добровольским и В.Лашковой («процесс четырех»), приговорен к 5 годам лишения свободы. После освобождения — активный участник правозащитного движения, с 1974 г. — первый распорядитель Фонда помощи политзаключенным, в 1976 г. вошел в состав Московской Хельсинкской группы. Вновь арестован в 1977 г., приговорен к 8 годам лагеря и 3 годам ссылки. В апреле 1979 г. вывезен из Дубравлага и вместе с группой других политзаключенных выслан из СССР (в обмен на двух советских граждан, обвиненных в США в шпионаже). Живет во Франции; до 1998 г. был ведущим сотрудником газеты «Русская мысль» (Париж).

Жолковская Арина (Ирина) Сергеевна — невеста, а с 1969 г. жена А.И.Гинзбурга, корреспондент Ю.Д. Педагог, журналист. На рубеже 1960–1970-х принимала активное участие в организации помощи семьям политзаключенных; в 1974–1977 гг. помогала А.И.Гинзбургу в работе Фонда помощи политзаключенным; в 1977 г., с момента его ареста, стала распорядителем Фонда. После высылки мужа в 1979 г. уехала вслед за ним за границу. Живет во Франции; до 1998 г. работала редактором в газете «Русская мысль»

(Париж). С Ю.Д. знакома не была; знакомство завязалось в ходе переписки и продолжилось после освобождения Ю.Д.

Гинзбург Людмила Ильинична (1907–1981) — мать А.И.Гинзбурга, корреспондент Ю.Д. Знакома с Ю.Д. не была; знакомство завязалось в ходе переписки и продолжилось после освобождения Ю.Д. В 1980 г. выехала вслед за сыном за рубеж; жила во Франции.

Гитерманы, семья:

Гитерман Моисей Рувимович — корреспондент Ю.Д., физик, сослуживец А.В.Воронеля. В 1970–1973 гг. — активист движения евреев-«отказников». В 1973 г. выехал в Израиль.

Гитерман Анна («Нэтка») — жена М.Р.Гитермана, физик.

Гитерман Аня — их дочь.

Глинка И.Г. см. **Левины-Глилки**

Голомштоки, семья:

Голомшток Игорь Наумович — корреспондент Ю.Д., искусствовед, друг А.Д.Синявского и его соавтор (Голомшток И.Н., Синявский А.Д. Пикассо. М.: Знание, 1960). В феврале 1966 г. отправил в Верховный суд РСФСР письмо в защиту Синявского. На процессе над Синявским и Даниэлем отказался ответить на вопрос, кто дал ему для прочтения книги обвиняемых, и за отказ от дачи показаний был приговорен к полугоду исправительных работ по месту службы. В 1968 г. подписал коллективное обращение к Генеральному прокурору СССР с требованием пересмотреть дело Синявского и Даниэля, а также петицию в защиту А.Гинзбурга и Ю.Галанскова. В 1972 г. эмигрировал; живет в Лондоне.

Казаровец Нина — жена И.Н.Голомштока. Эмигрировала вместе с мужем; живет в Оксфорде (Великобритания).

Голубовская Н. см. **Сергуны**

Гольденберги, семья:

Гольденберг Иосиф Сахарович («Граф») — новосибирский корреспондент Ю.Д., филолог, преподаватель. Учился в Харьковском университете одновременно с Ю.Д. В 1965 г. переехал в Новосибирск; преподавал в школе, в которой учился сын Ю.Д. В 1968 г. был одним из организаторов петиционной кампании в защиту А.Гинзбурга и Ю.Галанскова в новосибирском Академгородке; изгнан из школы и из Новосибирска, переехал в Пущино.

Пычко Вера Алексеевна (1910–1975) — жена И.С.Гольденберга, филолог, педагог, заведующая кабинетом западной литературы в Харьковском университете в годы, когда там учились Ю.Д. и Л.Б.

Горбаневская Наталья Евгеньевна — корреспондент Ю.Д., поэт, переводчик, филолог. До ареста Ю.Д. — его дальняя знакомая. Вместе с Л.Б. приняла участие в демонстрации на Красной площади против советского вторжения в Чехословакию; составитель самиздатского документального сборника «Полдень» об этой демонстрации и о суде над демонстрантами. Основатель и первый редактор самиздатского информационного бюллетеня «Хроника текущих событий»; член Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР. В декабре 1969 г. арестована, признана невменяемой; содержалась в специальной психиатрической больнице МВД в Казани; освобождена в 1972 г. С декабря 1975 г. в эмиграции; сотрудник журнала «Континент» и газеты «Русская мысль» (Париж). Знакомство с Ю.Д. возобновилось после ее освобождения.

Горбаневский Ярослав (Ясик) — ее старший сын.

Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987) — корреспондент Ю.Д., профессиональный военный, генерал-майор (разжалован в 1964 г., посмертно восстановлен в звании в 1993 г.). Создатель подпольной организации «Союз борьбы за возрождение ленинизма» (1963–1964); арестован, признан невменяемым, помещен в специальную психиатрическую больницу МВД. После освобождения в 1965 г. — активный участник движения в защиту прав человека; в 1969 г. вновь арестован и опять признан невменяемым. Содержался в спецпсихбольнице МВД в Черняховске (Калининградская обл.); освобожден в 1976 г. После освобождения вступил в Московскую и Украинскую Хельсинкские группы. В 1977 г., во время поездки в США, был лишен советского гражданства. Жил и умер в Нью-Йорке. С Ю.Д. знаком не был; знакомство состоялось лишь в 1976 г., после освобождения Григоренко из психбольницы.

Грингольц А.С. см. **Заксы**.

Даниэль (наст. фамилия Меерович) **Марк Менделевич** (1900–1940) — отец Ю.Д., еврейский писатель и драматург.

Домшлак М.И. см. **Герчуки**

Жолковская И.С. см. **Гинзбурги**

Заксы, семья:

Закс Елена Михайловна (1908–1980) — друг и корреспондент Ю.Д., переводчик.

Закс Елена Владимировна (Алена) — дочь Е.М.Закс, друг и корреспондент Ю.Д. Инженер-химик, переводчик, журналист.

Грингольц Анна Самойловна (1886–1967) — мать Е.М.Закс, врач.

Зарицкая Е.М. см. **Сороки**

Захаровы–Рахлины, семья:

Рахлина Марлена Давыдовна — харьковский корреспондент Ю.Д., друг семьи Даниэлей со студенческих лет. Поэтесса, педагог.

Захаров Ефим Юльевич (1920–2000) — муж М.Д.Рахлиной, инженер.

Захаров Женя — их сын.

Захарова Саша — их дочь.

Зимины А.Г. см. Богоразы-Зимины

Злобина Майя Лазаревна — корреспондент Ю.Д., новомировский литературный критик, переводчик (в частности, в 1968 г. в самиздате распространялся сделанный ею перевод воспоминаний А.Лондона «Признание», — см. прим. к письму № 75). Автор романа «К вольной воле заповедные пути», опубликованного в 1970-е за границей под псевдонимом «Анна Герц»; название романа взято из повести Николая Аржанка «Искупление», а многие реалии связаны с процессом Синявского и Даниэля и последующими событиями. Л.Б. откликнулась на выход романа рецензией «Мелкие бесы», резко отрицательного содержания (рецензия также была опубликована за рубежом).

С 2000 г. живет в Германии.

Злобина Алена (Ляля) — ее дочь.

Золотаревские, семья:

Золотаревский Борис Леонович — друг Ю.Д. со школьных лет, его корреспондент, радиоинженер. В начале 1990-х вместе с семьей эмигрировал, живет в Израиле. Ю.Д. посвятил ему несколько строк в «Свободной охоте» (Сб. «Говорит Москва». С. 27).

Золотаревская Эдда Михайловна — жена Б.Л.Золотаревского, корреспондент Ю.Д.

Золотаревский Леня — их сын.

Золотаревская Вера — их дочь.

Иодковская Лидия Александровна — корреспондент Ю.Д., химик, подруга И.Г.Глинки.

Кагановы, семья:

Каганова Зоя Исааковна — знакомая Даниэлей с харьковских времен, корреспондент Ю.Д. Математик, сотрудник Института химической физики АН СССР.

Тульчинский Моисей Рувимович — муж З.И.Кагановой, корреспондент Ю.Д. Историк, канд.ист.наук, сотрудник Института славяноведения АН СССР.

Каганов Моисей Исаакович — брат З.И.Кагановой, знакомый Даниэлей с харьковских времен, корреспондент Ю.Д.. Физик, д-р физ.-мат.наук, сотрудник Института физических проблем АН СССР. В настоящее время живет в США.

Каганова Елена (Елка) — жена М.И.Каганова.

Каганова Инна — дочь М. и Е.Кагановых.

Каганов Исаак Яковлевич (1898–1981) — отец З. и М.Кагановых, историк литературы, зав.кафедрой зарубежной литературы Харьковского университета в годы, когда там учились Ю.Д. и Л.Б.

Казаровец Н. см. Голомштоки

Калниньш (по документам — Калнинь) **Виктор** — солагерник Ю.Д. Филолог, журналист. Арестован в 1962 г. за участие в создании подпольной латышской антисоветской организации «Балтийская федерация»; приговорен к 10 годам лишения свободы (по делу «Балтийской федерации» было арестовано шесть человек, в том числе К.Скуениекс). После освобождения поселился в Латвии, поддерживал приятельские отношения с Ю.Д. и другими бывшими солагерниками. В 1978 г. эмигрировал; возможно, разрешение на отъезд было обусловлено согласием дать нужные КГБ показания против А.И.Гинзбурга, которого в то время вновь арестовали. Оказавшись за границей, эти свои показания дезавуировал. В эмиграции работал в латышской редакции радиостанции «Свободная Европа». Во второй половине 1990-х вернулся в Латвию, живет в Риге.

Капицинш Янис (1917–1970) — солагерник Ю.Д., бывший моряк. Во время немецкой оккупации Латвии был мобилизован во вспомогательные полицейские подразделения и принужден конвоировать своих соседей-евреев к месту казни; после первой же экзекуции дезертировал, скрывался от немцев в лесу. Арестован в 1964 г., осужден на 15 лет лишения свободы за участие в военных преступлениях. Умер в лагере.

Караванские, семья:

Караванская (Строката) **Нина Антоновна** (1926–1998) — одесский корреспондент Ю.Д., врач-микробиолог, педагог. Жена солагерника Ю.Д. С.И.Караванского. В 1960–1970-е — заметная фигура в украинском диссенте. В конце 1971 г. была арестована и осуждена на 4 года лишения свободы (одним из обвинений было ее обращение 1960-х в защиту Ю.Д.). Срок отбывала в Дубравлаге. После освобождения вошла в состав Украинской Хельсинкской группы. В 1979 г., после освобождения мужа из заключения, эмигрировала вместе с ним в США. С Ю.Д. знакома не была; знакомство завязалось в ходе переписки.

Караванский Святослав Иосифович — солагерник Ю.Д. В 1942–1944 гг., при румынской оккупации — студент филологического факультета Одесского университета, участник полуподпольного молодежного кружка Организации украинских националистов (ОУН). В 1944 г., после прихода Советской армии, попытался возобновить связи с единомышленниками, был арестован и осужден на 25 лет лишения свободы. В декабре 1960 г. освобожден

(к нему был применен Указ об амнистии 1955 г.); жил в Одессе, внештатно работал в украинских периодических изданиях. В 1965 г. обратился к Генеральному прокурору УССР с открытым письмом, в котором потребовал привлечь к уголовной ответственности республиканского министра просвещения за национальную дискриминацию в сфере образования на Украине; в сентябре того же года в нескольких открытых письмах протестовал против арестов украинской интеллигенции. В ноябре 1965 г. по постановлению Генерального прокурора СССР решение 1960 г. о применении к нему амнистии было отменено; был вновь арестован и без суда и следствия отправлен досиживать остаток своего 25-летнего срока. В 1969 г. против него, заключенного Владимирской тюрьмы, было возбуждено новое уголовное дело — за попытку передать на волю данные о Катынском расстреле, полученные от сокамерника. Новый приговор — 6 лет тюрьмы и 3 года лагеря. В 1979 г., вскоре после освобождения, эмигрировал в США.

Кичина Людмила — корреспондент Ю.Д., экономист. Жена поэта А.П.Тимофеевского, родственника Якобсонов.

Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) — корреспондент Ю.Д. До ареста Ю.Д. — его дальний знакомый, после освобождения — близкий друг. Филолог-германист, переводчик, писатель, публицист; участник войны, в 1945–1954 г. узник сталинских лагерей. Автор ряда самиздатских публицистических статей, один из наиболее известных деятелей советской культуры, выступавших во второй половине 1960-х и в 1970-е в защиту преследуемых по политическим мотивам. В частности, принял самое активное участие в кампании в защиту Синявского и Ю.Д.: еще в ноябре 1965 г. обратился в ЦК КПСС и в Союз писателей с предложением немедленно освободить Синявского; в феврале 1966 г. по просьбе защиты представил литературоведческую экспертизу произведений Николая Аржака; его фамилия стоит под «письмом 62 литераторов» в защиту Синявского и Даниэля, а его жена Р.Д. Орлова собирала под этим письмом подписи. В 1977 г. исключен из Союза писателей, в 1980 г. — из КПСС. В 1981 г., во время поездки в ФРГ, был лишен советского гражданства. Жил в Кёльне, приобрел огромный авторитет в Германии — как среди немецкой интеллигенции, так и в широких слоях населения; в последние годы много работал над проектами германо-российского культурного взаимодействия.

Копелева (Русаковская) **Майя Львовна** — младшая дочь Л.З.Копелева, жена П.М.Литвинова, корреспондент Ю.Д. С Ю.Д. знакома не была; знакомство завязалось в ходе переписки. В 1975 г. эмигрировала вместе с мужем в США. В настоящее время живет в Швеции.

Корсунская Ирина Владимировна — корреспондент Ю.Д., историк, искусствовед. Знакомая А.И.Гинзбурга и Ю.Т.Галанскова. В 1960–1970-е ак-

тивно участвовала в организации помощи политзаключенным и их семьям, была постоянным корреспондентом множества политзаключенных. В 1982 г. уехала в США. С Ю.Д. знакома не была; знакомство завязалось в ходе переписки и продолжилось после освобождения Ю.Д.

Костенко Лина Васильевна — киевский корреспондент Ю.Д., украинская поэтесса; в 1964–1965 гг. Ю.Д. переводил на русский язык ее стихи. В 1960-е была одним из признанных лидеров «новой волны» украинского культурного возрождения.

Кошелик Роман Стефанович — солагерник Ю.Д., художник из Львова. Был арестован в 1963 г. и осужден на 6 лет лишения свободы за «антисоветскую агитацию» и «участие в антисоветской организации». Автор карандашного портрета Ю.Д., который в настоящее время хранится у И.П.Уваровой.

Кремьянская Алла Яковлевна — корреспондент Ю.Д., его дальняя родственница.

Кудрявцева Ирина Петровна — корреспондент Ю.Д., его знакомая, редактор.

Кучеренко О. см. **Богославские**

Левины—Глинки, семья:

Глинка Ирина Глебовна — друг и корреспондент Ю.Д., художник, скульптор.

Левин Юрий Иосифович — муж И.Г.Глинки, математик, филолог, литературовед, также корреспондент Ю.Д. В январе 1966 г. написал в «Известия» письмо с протестом против публикации статьи Дм.Еремина «Перевертыши» (Известия. 1966. 13 янв.), посвященной Синявскому и Ю.Д. Письмо было опубликовано в «Белой книге» (в сокращенном виде перепечатано в кн. «Цена метафоры») и стало одним из первых текстов петиционной кампании вокруг дела Синявского и Даниэля.

Левин Глеб — их сын.

Лепорк М.Б. см. **Бурасы**

Литвиновы, семья:

Литвинова Татьяна Максимовна — корреспондент Ю.Д., литератор, переводчик, художник. С середины 1970-х живет в Великобритании.

Литвинов Павел Михайлович — племянник Т.М.Литвиновой, зять Л.З.Копелева; друг А.И.Гинзбурга. Преподаватель физики, общественный деятель. Корреспондент Ю.Д. В 1967–1968 гг. — один из наиболее известных неформальных лидеров движения за права человека в СССР. В январе 1968 г. вместе с Л.Б. составил обращение «К мировой общественности» (по поводу суда над Ю.Галансковым, А.Гинзбургом, А.Добровольским и В.Лашко-

вой), положившее начало правозащитному движению как социально значимому явлению. За участие в демонстрации на Красной площади против советского вторжения в Чехословакию приговорен к 5 годам ссылки, которую отбывал в Забайкалье. В 1974 г. эмигрировал, живет в США. С Ю.Д. знаком не был; знакомство завязалось в ходе переписки и продолжилось после возвращения Литвинова из ссылки.

Литвинова Майя Львовна см. **Копелева М.Л.**

Макарова Татьяна Константиновна (1940–1974) — друг и ленинградский корреспондент Ю.Д. Поэтесса, переводчик. Осенью 1965 г. была допрошена по его делу.

Мартыновы А.Л. и Б.А. см. **Сергуны**

Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986) — солагерник Ю.Д., рабочий-нефтяник. В 1960 г. пытался бежать из СССР, был задержан на границе и осужден на 6 лет лишения свободы. После освобождения написал книгу воспоминаний «Мои показания» (1967) — первое публичное свидетельство о послесталинских политлагерях. Одна из глав книги целиком посвящена Ю.Д. В дальнейшем — известный публицист самиздата, автор еще двух мемуарных книг. Второй муж Л.Б. Неоднократно осуждался по политическим мотивам; последний срок — 10 лет лагерей и 5 лет ссылки за «антисоветскую пропаганду» — получил в 1981 г. В 1986 г., находясь в Чистопольской тюрьме, почти 4 месяца держал голодовку, требуя освободить всех политзаключенных в СССР. Умер через несколько дней после снятия голодовки, за полтора месяца до начала массового освобождения политзаключенных.

Медведева Л.И. см. **Футманы**

Мошков Сергей Николаевич — солагерник Ю.Д. До ареста — студент биофака ЛГУ. Участник подпольной марксистской группы «Союз коммунаров»; арестован в июне 1965 г., приговорен к 4 годам лишения свободы. После освобождения жил в Минске. В конце 1980-х эмигрировал, живет в Израиле.

Накашидзе Антон (по документам — Анатолий) **Николаевич** — солагерник Ю.Д. Танцовщик, до ареста — ассистент хореографа в ансамбле народного танца ГрузССР. В конце 1950-х, во время зарубежных гастролей, попросил политического убежища в Великобритании. Через некоторое время, соскучившись по семье, согласился вернуться в СССР; вскоре после возвращения был арестован за «измену Родине» и приговорен к 10 годам лишения свободы. Освободился по концу срока; живет в Грузии.

Невлер Леонид Ильич — корреспондент Ю.Д., его дальний знакомый, искусствовед, философ. Сотрудник журнала «Декоративное искусство СССР». После освобождения Ю.Д. их знакомство переросло в дружбу.

Никитина Серафима Евгеньевна — друг семьи Даниэлей, корреспондент Ю.Д. Лингвист, филолог-фольклорист, коллега Л.Б. по Институту русского языка.

Никлус Март-Олав — солагерник Ю.Д. Зоолог-орнитолог. Арестован в 1958 г. как эстонский националист, обвинен в «антисоветской пропаганде» и «помощи международной буржуазии» и приговорен к 10 годам лагеря. Освобожден досрочно в 1967 г. Жил в Тарту, участвовал в эстонском национальном движении. В 1980 г. вновь арестован, приговорен к 10 годам лагеря и 5 годам ссылки; освобожден досрочно в 1987 г. В первой половине 1990-х — депутат эстонского парламента.

Островская Леонора Ефимовна (Ляля)— корреспондент Ю.Д., художник-график, родственница Н.Д.Светловой. С Ю.Д. знакома не была, знакомство завязалось в ходе переписки и продолжилось после освобождения Ю.Д.

Платонов Вячеслав Михайлович — солагерник Ю.Д. Востоковед, сотрудник кафедры африканистики Ленинградского университета. Участник подпольной организации «Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа» (Ленинград, 1964–1967). Арестован в 1967 г., приговорен к 7 годам лишения свободы. После освобождения жил в Тарту, затем вернулся в Ленинград.

Пугачев Леонид Сергеевич (1929–1987) — харьковский корреспондент Ю.Д., актер, художник, автор и исполнитель песен на стихи знакомых поэтов, в основном харьковских (одно из исключений — Ю.Д., несколько тюремных и лагерных стихотворений которого в 1966–1969 гг. он положил на музыку и исполнял под гитару).

Пычко В.А. см. Гольденберги

Рахлина М.Д. см. Захаровы–Рахлины

Рендель Леонид Абрамович (1925–1989) — солагерник Ю.Д. Историк, специалист по истории оружия, до ареста — преподаватель МГУ. Один из руководителей нелегальной марксистской группы «ревизионистского» толка «Лига патриотов России» (более известна как «группа Краснопевцева»). Арестован в 1957 г., осужден на 10 лет лагерей. В последние годы заключения отказался последовать примеру двух других лидеров «Лиги», Краснопевцева и Меньшикова (опубликовавших в 1967 г. в дубравлаговской многотиражке «За отличный труд» большую статью под заголовком «Выступление против партии есть измена коммунизму и революции»), и отверг предложение публично осудить свои взгляды, а заодно — солагерников-«антисоветчиков», таких, как Синявский и Ю.Д. После освобождения ему в течение нескольких лет не разрешали прописаться у матери, а когда он женился, — у жены. Жил в Калининской области, долгое время не имел работы по специальности. В Москву вернулся только в конце 1970-х.

Розанова М.В. см. Снявские

Ронкины, семья:

Ронкин Валерий Ефимович («Бен») — солагерник Ю.Д., инженер-химик. Арестован в 1965 г. за участие в подпольном марксистском кружке «Союз коммунаров» (Ленинград), более известном как группа «Колокол» — по названию выпускавшегося ими журнала. Приговорен к 7 годам лагерей и 5 годам ссылки. После освобождения поселился в Луге, работал инженером-технологом на заводе. Автор множества статей на самые разные темы — от политики до культурологии, а также воспоминаний, значительная часть которых посвящена пребыванию в Дубравлаге и во Владимирской тюрьме. Мемуарные записки Ронкина о Ю.Д. хранятся в архиве Общества «Мемориал» (Ф.155). Теплые отношения с ним и со многими его однодельцами — С.Мошковым, В.Смолкиным, В.Гаенко, Б.Зеликсоном, В.Иофе — Ю.Д. сохранил до конца жизни.

Ронкина Ирина Тимофеевна — жена В.Е.Ронкина, корреспондент Ю.Д. Инженер-химик.

Ронкина Марина — их дочь.

Ронкина Зинаида Анатольевна (1909–1994) — мать В.Е.Ронкина, корреспондент Ю.Д.

Румянцев Валерий Захарович (1934–после 1980) — солагерник Ю.Д. Бывший офицер КГБ; жил в г.Электросталь Московской области. В 1958 г. предпринял неудачную попытку связаться с американской разведкой, намереваясь передать ей некие известные ему по службе военные секреты (по его словам, это намерение было продиктовано не корыстными, а «идейными» соображениями, так как он к тому времени разочаровался в советском строе и считал политику советского правительства опасной для мира). Арестован, осужден на 6 лет тюрьмы и 9 лет лагеря. После освобождения жил в Краснодарском крае.

Русаковская М.Л. см. Копелева М.Л.

Садомская Н.Н. см. Шрагины-Садомские

Светличные, семья:

Светличный Иван Алексеевич (1929–1992) — киевский корреспондент Ю.Д. Литературовед, критик, переводчик (известен прежде всего переводами на украинский язык французской поэзии); духовный лидер и идеолог украинского культурного возрождения 1960-х. Один из основателей Клуба творческой молодежи Киева. Арестован в августе 1965 г. вместе с Я.Б.Гевричем, братьями М.Н. и Б.Н.Горынями, О.И.Заливахой, М.С.Масютко, М.Г.Осадчим. Весной 1966 г. освобожден как «социально неопасный». Вновь арестован в январе 1972 г. и приговорен к 7 годам лагеря и 5 годам ссылки. Из-за тяжелой болезни был отправлен в ссылку за несколько месяцев до конца лагерного срока.

Ссылку отбывал на Алтае; был досрочно освобожден по болезни в начале 1983 г. С 1978 г. член Европейского Пен-клуба, лауреат премии им.В.Стуса 1989 г., лауреат премии им.Шевченко 1994 г. (посмертно).

Ю.Д. познакомился и подружился со Светличным в 1964 г., работая над переводами украинских поэтов «новой волны» — Ивана Драча, Василя Стуса, Виталия Коротича, Микола Винграновского, Лины Костенко.

Светличная Леонида (Леля) — жена И.А.Светличного.

Светличная Надежда Алексеевна (Надийка) — сестра И.А.Светличного, корреспондент Ю.Д. Педагог, редактор. В 1970-е деятельница украинского национального движения. В 1972 г. была арестована и приговорена к 4 годам заключения. В 1978 г. уехала в США. Издавала информационный бюллетень «Вісник репресій в Україні», работала в Гарвардском университете, в украинской редакции радио «Свобода». В 1986 г. была лишена советского гражданства.

Светлова (ныне — Солженицына) **Наталья Дмитриевна** — корреспондент Ю.Д., математик, близкий друг И.С.Жолковской. В 1974 г., после высылки А.И.Солженицына, за которого вышла замуж в начале 1970-х, уехала вслед за ним. С Ю.Д. знакома не была; знакомство состоялось 12 февраля 1974 г., в день ареста Солженицына.

Сергуны, семья:

Сергун Алла Константиновна — подруга Ю.Д. со школьных лет, его корреспондент. Юрист.

Голубовская Нина — ее дочь.

Мартынова Александра Леонардовна — мать А.К.Сергун, музейный работник.

Мартынов Бенедикт Арнольдович — муж А.Л.Мартыновой, отчим А.К.Сергун.

Синявские, семья:

Синявский Андрей Донатович (1925–1997) — ближайший друг и одноделец Ю.Д. Писатель, литературовед, критик. Приговорен на процессе Синявского и Даниэля к 7 годам лагерей. Усилиями М.В.Розановой и Ю.Д. освобожден за 15 месяцев до конца срока. С 1974 г. — в эмиграции; профессор Сорбонны. Жил и умер в городке Фонтенэ-о-Роз близ Парижа.

Розанова (Розанова-Кругликова) **Мая Васильевна** (Марья) — жена А.Д.Синявского. Искусствовед, ювелир, публицист, издатель; относилась к числу ближайших друзей Ю.Д. После ареста Синявского она и Л.Б. активно способствовали организации кампании в защиту Синявского и Даниэля; тем самым был окончательно разрушен стереотип поведения родственников политических заключенных, сложившийся в советское время. На суде обе вели записи. М.Розанова (совместно с ленинградским литератором Б.Вах-

тиным) свела эти записи воедино, создав текст, близкий к стенограмме; этот текст составил один из основных разделов «Белой книги» А.И.Гинзбурга. В эмиграции — редактор и издатель журнала «Синтаксис» (Париж), названного так в честь «Синтаксиса», выпускавшегося Гинзбургом в 1959–1960 гг.

Синявский Егор — их сын.

Скуениекс Кнут — солагерник Ю.Д., поэт. В начале 1960-х участвовал в собраниях латышской молодежи, где среди прочего обсуждалась тема независимости Латвии. Активного участия в дискуссиях не принимал, однако в апреле 1962 г. был арестован по делу так называемой Балтийской федерации (см. Калниньш В.). Приговорен к 7 годам лишения свободы. Выйдя на свободу, вернулся в Латвию, жил литературным трудом: писал стихи, перевел на латышский произведения многих европейских авторов. Признанный лидер латышской литературы, в 1989 г. избран президентом Латвийского Пен-клуба.

В 1966–1968 гг. Ю.Д. перевел на русский язык несколько его лагерных стихотворений и поэму «Не оглядывайся».

Славич (Славич-Приступа) **Станислав Кононович** — корреспондент Ю.Д., его приятель со времен их совместной учебы в Харьковском университете. Литератор. Живет в Ялте.

Сороки, семья:

Сорока Михаил Михайлович (1911–1971) — солагерник Ю.Д. Член Организации украинских националистов (ОУН) с 1930 г., один из ее руководителей. Первый арест — в довоенной Польше (срок 7 лет); освобожден советскими властями в 1939 г., ими же арестован в 1940 г. (срок 8 лет); через год после освобождения вновь арестован и сослан на вечное поселение в Красноярский край. В 1952 г. вновь арестован (как один из руководителей подпольной организации заключенных Воркутлага во время войны) и приговорен к расстрелу, замененному 25 годами лагерей. Умер в Дубравлаге от инфаркта.

Зарицкая Екатерина Мироновна (1914–1986) — жена М.М.Сороки. Член ОУН с 1932 г. Впервые арестована в Польше в 1934 г. за покушение на министра внутренних дел; приговорена к 4,5 годам тюрьмы. В 1940 г. арестована советскими властями; в тюрьме родился ее и М.М.Сороки сын Богдан. Во время немецкого наступления на Украине вырвалась из тюрьмы и ушла в подполье. Была одним из организаторов санитарной службы УПА; связанной главнокомандующего УПА Р.Шухевича-Березиньского. Взята в плен в 1947 г., приговорена к 25 годам заключения (до 1969 г. содержалась во Владимирской тюрьме). После освобождения поселилась в Львовской области.

Сорока Богдан Михайлович — их сын, художник, архитектор. Живет во Львове.

Строката (по документам — Строкатова) **Н.А.** см. **Караванская Н.А.**

Тарто Энн — солагерник Ю.Д. Трижды отбывал наказание за участие в эстонском национальном движении. Будучи еще школьником, организовал в Тарту подпольную организацию «Народная армия эстонской молодежи», состоявшую из учащихся. В декабре 1956 г. члены организации разбросали в городе листовки с призывом протестовать против подавления советскими войсками венгерской революции. Молодых подпольщиков арестовали; Тарто был приговорен к 5 годам лишения свободы. В июне 1960 г. досрочно освобожден, но летом 1962 г. вновь арестован по аналогичному обвинению и приговорен к 5 годам и 6 месяцам лишения свободы. Отбыв срок, вернулся на родину, работал истопником, заочно учился в Тартуском университете. Был одним из лидеров эстонского национального движения. Во второй половине 1970-х принимал активное участие в консолидированных акциях эстонских, латышских и литовских диссидентов, в частности был одним из организаторов так называемого Балтийского воззвания — коллективной петиции, призывающей правительства СССР, ФРГ и ГДР ликвидировать последствия советско-германского пакта 1939 г. В третий раз арестован в 1983 г. и приговорен к 10 годам лагеря и 5 годам ссылки. В начале перестройки в Эстонии развернулась кампания за его освобождение, и в 1988 г. он вышел на свободу. Принял активное участие в восстановлении эстонской государственности. С начала 1990-х — член парламента Эстонии.

Тимофеева О.В. см. **Галансковы**

Тульчинский М.Р. см. **Кагановы**

Уварова Ирина Павловна — знакомая и корреспондент Ю.Д., впоследствии его вторая жена. Искусствовед, редактор, театральный художник, театровед; в 1960–1980-е — член редколлегии журнала «Декоративное искусство СССР».

Уваров Павел — ее сын.

Улановская М.А. см. **Якобсоны**

Филатовы, семья:

Филатов Аркадий Павлович — харьковский друг и корреспондент Ю.Д. Физик, поэт, драматург.

Филатова Людмила Дмитриевна (Люка) — жена А.П.Филатова, корреспондент Ю.Д.

Футманы, семья:

Футман Анатолий Александрович — солагерник Ю.Д., в прошлом уголовник-рецидивист. Судимость по политической статье получил, находясь в уголовном лагере. Освободился в 1968 г.

Медведева Людмила Ивановна — его жена с 1969 г.

Хазановы, семья:

Хазанов Юрий Самойлович — друг, коллега и соавтор Ю.Д., с лета 1969 г. — его корреспондент. Детский писатель, поэт-переводчик. На следствии и суде над Синявским и Даниэлем дал показания, подкрепляющие оценки и доводы обвинения, после чего контакты Даниэлей с ним прервались. В 1969 г. отношения были возобновлены и сохранялись до конца жизни Ю.Д.

Хазанова Римма Григорьевна — жена Ю.С.Хазанова. Юрист, сотрудник Всесоюзного агентства по охране авторских прав; с 1969 г. корреспондент Ю.Д.

Хмельницкий Сергей Григорьевич — бывший друг Ю.Д. и А.Д.Синявского. Архитектор, археолог, специалист по доисламской архитектуре Средней Азии, поэт. С конца 1940-х входил в тесный круг общения Ю.Д. познакомил его с Синявским; с начала 1950-х Ю.Д. стал подозревать его в секретном сотрудничестве с МГБ; с 1956 г. Ю.Д. и Л.Б. знали об этом достоверно (от Синявских — подробнее см.: Абрам Терц. Т.2. С.544–609). Отношения, однако, не прерывались, так как все четверо считали публичное разоблачение сексота крайне опасным для Синявского–Терца и Даниэля–Аржака. По этим же соображениям не передавались за рубеж рассказы Терца «Пхенц» и Аржака «В районном центре»: Хмельницкий читал оба рассказа. (Тем не менее Ю.Д. рискнул опубликовать под псевдонимом Николай Аржак повесть «Говорит Москва», фабулу которой подарил ему Хмельницкий.) Разрыв произошел лишь в 1963 г., когда Хмельницкий на защите своей кандидатской диссертации был публично уличен одной из жертв его доносов конца 1940-х. Подвергнутый общественному ostracismu, уехал из Москвы в Среднюю Азию; поселился в г.Душанбе. Выступал на суде над Синявским и Даниэлем в качестве свидетеля, вызванного обвинением, дал показания об обстоятельствах возникновения повести «Говорит Москва». С начала 1980-х в эмиграции; живет в Германии. На рассказ о себе в романе Терца «Спокойной ночи» откликнулся мемуарным повествованием «Из чрева китова» (опубликовано в начале 1980-х русскоязычным израильским журналом «22», выходящим под редакцией А.В.Воронеля). Смысл этих мемуаров — обвинение автора «Спокойной ночи» в грехе, в котором был повинен он сам. Позднее тот же журнал напечатал несколько откликов на мемуары Хмельницкого, в том числе резкие реплики Ю.Д. и Л.Б..

Чичибабин Борис Алексеевич (1922–1995) — харьковский знакомый Ю.Д., поэт. Учился на филфаке Харьковского университета; арестован в 1946 г. и осужден на 5 лет лагерей за стихотворение, расцененное следствием как призыв к антисталинской революции. В 1950–1960-е выпустил два поэтических сборника, однако большая часть его стихов не публиковалась, а ходила в списках внутри ограниченного круга друзей. С начала 1970-х самиздатское распространение его творчества приобрело более

широкий характер, а несколько стихотворений были напечатаны за границей. После этого официальные публикации полностью прекратились до 1987 г.

С Ю.Д. познакомился в 1950-е; в начале 1960-х они довольно тесно общались. Незадолго до ареста Ю.Д. в их отношениях произошло резкое охлаждение, и в 1965–1970 гг. контакты не поддерживались. После выхода на свободу Ю.Д. несколько раз встречался с Чичибабиным; но дружба не возобновилась. Поэтический талант Чичибабина Ю.Д., тем не менее, всегда высоко расценивал, хотя и считал его поэзию крайне неровной.

Шрагины–Садомские, семья:

Шрагин Борис Иосифович (1926–1990) — друг и корреспондент Ю.Д. Философ, эстетик, литературный критик, публицист. Активный участник ряда кампаний конца 1960-х – начала 1970-х в защиту преследуемых по политическим мотивам. Автор множества статей и эссе, посвященных философии, тактике и стратегии правозащитного движения, которые распространялись в самиздате под псевдонимами Я.Ясный, А.Сугробов, Л.Венцов, Дм.Нелидов и др. В 1974 г. был вынужден эмигрировать. Жил в Нью-Йорке, работал внештатным сотрудником на радио «Свобода», регулярно публиковал статьи в русскоязычных зарубежных журналах. Автор литературоведческой статьи «Искупление Юлия Даниэля» (Синтаксис. 1986. № 16; перепечатано в сб. «Говорит Москва»).

Садомская Наталья Николаевна — жена Б.И.Шрагина, друг и корреспондент Ю.Д. Этнограф-испанист. Уехала из СССР вместе с мужем, преподавала в Колумбийском университете и других учебных заведениях США. Через несколько лет после смерти Б.И.Шрагина вернулась в Россию. Живет в Москве, преподает в РГГУ.

Якобсоны, семья:

Якобсон Анатолий Александрович (1935–1978) — друг и корреспондент Ю.Д. Педагог, литературовед, поэт-переводчик. Знаком с Ю.Д. с конца 1950-х; профессиональные контакты быстро перешли в тесную дружбу. В 1966 г. ходатайствовал о разрешении выступить на суде в качестве «общественного защитника» Даниэля; получив отказ, обратился к суду с развернутым письмом, в котором призвал оправдать обоих писателей. Письмо было опубликовано в «Белой книге» и перепечатано в сб. «Цена метафоры». Это письмо — первое общественное выступление Якобсона, ставшего вскоре одним из наиболее ярких самиздатских публицистов. Принимал самое активное участие в борьбе за права человека 1960-х – начала 1970-х: вошел в состав Инициативной группы по защите прав человека в СССР и был основным автором текста многих ее обращений, в 1970–1972 гг. — ведущий редактор самиздатского информационного бюллетеня «Хроника текущих событий». Одновременно продолжал публиковать поэтические переводы (хотя

получать заказы стало гораздо труднее: однажды он даже был вынужден передать свой заказ Ю.Д., чье имя в тот момент звучало для редактора менее криминально), а также писать литературоведческие эссе. В 1972 г. закончил одну из главных литературоведческих работ — монографию о Блоке «Конец трагедии» (в первых самиздатских вариантах — «Трагический тенор эпохи»); на титульном листе — посвящение Ю.Д. После того, как книга вышла за рубежом, был принят в Европейский Пен-клуб. В 1973 г. под угрозой ареста эмигрировал вместе с семьей в Израиль. Покончил жизнь самоубийством в сентябре 1978 г. в Иерусалиме.

Улановская Майя Александровна — жена А.А.Якобсона, друг и корреспондент Ю.Д. Библиограф. В 1950 г., в возрасте 16 лет, была арестована и приговорена к 25 годам каторжных работ за участие в подпольном марксистско-ленинском молодежном кружке антисталинского толка (троих руководителей кружка расстреляли). До 1956 г. находилась в заключении; освобождена по амнистии (реабилитирована лишь в начале 1990-х). Работала в ФБОН. Среди знакомых Ю.Д. была одним из первых адептов идеи «возвращения на историческую родину». Живет в Израиле.

Якобсон Саня — их сын.

письмо № 1 (1966, 2—3 марта)

...я уже был на месте... — После вынесения приговора Верховным судом РСФСР Ю.Д. еще две недели оставался в следственном изоляторе КГБ в Лефортово; затем он был этапирован для отбывания наказания в Дубравлаг (Мордовская АССР).

Дубравлаг (в мемуаристике часто пишется «Дубровлаг») приобрел это название в 1948 г., вместе со статусом «особлага», т.е. лагеря особого назначения. Он был создан на базе Темниковских лагерей, существовавших здесь с 1929 г., и функционировал в новом качестве до 1953 г., когда особлаги были ликвидированы по всей стране. Тем не менее даже в официальной документации названия «Дубравлаг», «Дубравный ИТЛ» сохранились по сей день. Бытовало также название «Потьминские лагеря» — по названию железнодорожной станции Потьма, где находилась пересылка и куда доставлялись новые заключенные для дальнейшего распределения по зонам. Для внешнего мира это было «учреждение ЖХ 385»; далее, через дробь, следовал номер лагерного отделения.

Лагерь состоял из полутора-двух десятков отделений, изолированных друг от друга и разбросанных вдоль узкоколейки протяженностью около 60 км или на небольшом (15–20 км) удалении от нее. В одно и то же отделение могло входить от одного до трех-четырех лагерных пунктов или «зон», также изолированных друг от друга. Среди них было семь или восемь лагпунктов,

где отдельно от прочих заключенных содержались те, кто был осужден за «особо опасные государственные преступления», т.е. по ст.ст. 64–72 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям кодексов союзных республик. В 1961–1972 гг. Дубравлаг был единственным лагерем в стране, куда отправляли осужденных по этим статьям; на 14 июля 1965 г., по данным Прокуратуры РСФСР (Государственный архив Российской Федерации. Ф.461. Оп.11. Д.1607. Л.2.), там содержалось 3816 «особо опасных»; более поздними данными мы не располагаем.

Ю.Д. был доставлен на 11-е, самое крупное лаготделение, расположенное в поселке Явас — «столице» Дубравлага.

...о возможности свидания. — Ю.Д. только что привезли в лагерь, и поэтому он был недостаточно осведомлен. Названная им продолжительность свиданий — не гарантированная, а максимально возможная. По действовавшим в 1966 г. правилам, в лагерях строгого режима разрешались: раз в год — личное свидание длительностью от 1 до 3 суток, раз в четыре месяца — общее (т.е. в присутствии надзирателя), от 30 минут до 4 часов. Продолжительность каждого свидания определяла администрация лагеря в зависимости от поведения заключенного; администрация решала также, выводить заключенного во время личного свидания на работу или нет. Личные свидания, которые получал Ю.Д. за время заключения, ни разу не превышали двух суток («с одновременным выводом на работу»); общие свидания, как правило, также предоставлялись на один-два часа. Администрация имела право лишить заключенного свидания, что в отношении Ю.Д. и проделывалось неоднократно.

...разговор на последнем свидании. — В Лефортовской тюрьме, после суда.

...я признал себя (нас) виновным(и)... он сам бы сказал именно так. — Речь идет о позиции Ю.Д. на суде над ним и А.Д.Синявским 13 февраля 1966 г. В начале процесса на вопрос о том, признают ли они себя виновными, оба подсудимых ответили «нет». Однако в своем последнем слове Ю.Д., решительно отвергнув основные обвинения, признал вину («не в том, что мы написали, а в том, что отправили за границу свои произведения») и выразил сожаление, «что наши произведения использовали во вред реакционные силы, что тем самым мы причинили зло, нанесли ущерб нашей стране». Синявский был более последователен: в его последнем слове не упоминалось даже о частичном признании вины (см.: «Цена метафоры». С.487).

Надеюсь, что КГБ вправило мозги кому надо? — Сын Ю.Д. в конце 1965 г. учился в новосибирской физико-математической школе-интернате. В январе он вернулся в Москву. Администрация московской математической школы № 2 готова была зачислить Александра Даниэля, но вышестоящие органы народного образования этому препятствовали. После свидания в тюрьме Ю.Д. был в курсе проблемы и полагал, что чиновников, проявивших излишнее идеологическое рвение, поправит КГБ, не заинтересованный в допол-

нительном шуме вокруг семьи Даниэлей. Обошлось, однако, без помощи КГБ: после личного обращения К.И. Чуковского в городской отдел народного образования вопрос был решен положительно.

Народ здесь очень разный, пестрый, всякий. — В 1960–1970-е подавляющее большинство «особо опасных государственных преступников» относилось к одной из двух категорий (иногда пересекавшихся): осужденные за «антисоветскую пропаганду и агитацию» и осужденные за «измену Родине».

«Антисоветчики», по-видимому, составляли в лагере относительное большинство; их, в свою очередь, можно условно разделить на тех, кто сел за «агитацию в устной форме» (в просторечии — «за язык») или за резкое письмо в органы власти, продиктованное эмоциональным порывом, и на тех, для кого антиправительственная или нонконформистская деятельность явилась осознанным политическим, религиозным или нравственным выбором.

Во времена Хрущева в лагеря ежегодно отправляли сотни «антисоветчиков» — за неосторожную фразу, за непочтительное высказывание в адрес первого секретаря, просто за пьяную болтовню. Кроме того, в хрущевскую эпоху в Дубравлаг попало немало уголовников, заработавших политическую статью в заключении: чаще всего это было связано с необходимостью срочно «выломаться» из своей зоны, хотя бы и ценой дополнительного срока. В 1966 г. в Дубравлаге еще оставалось изрядное число таких «случайных» политзаключенных, но среди новичков их доля уже резко сократилась. После прихода к власти Брежнева «за язык» практически перестали отправлять в политические лагеря, и в Мордовию стали прибывать почти исключительно «активные антисоветчики» — например, участники подпольных молодежных кружков политической (в основном марксистской) или национальной ориентации. Националистам, наряду с обвинениями в «антисоветской пропаганде» и «участии в антисоветской организации», иногда предьявлялось также и обвинение в «измене Родине».

К середине 1960-х в Дубравлаге появились и первые диссиденты, осужденные за «антисоветскую агитацию».

Что касается «изменников Родины», то эта категория лагерного населения была крайне неоднородной. Значительную, если не большую часть ее составляли в середине 1960-х «лесные братья» — участники послевоенного вооруженного сопротивления советской власти в Прибалтике и на Западной Украине, бойцы литовских партизанских отрядов, Украинской повстанческой армии (УПА), активисты Организации украинских националистов (ОУН). Почти все они были арестованы еще в 1944–1955 гг. и досиживали в Дубравлаге свои 15- и 25-летние сроки. К «изменникам Родины» причислялись также советские граждане, пытавшиеся бежать из СССР, и «невозвращенцы» — те, кто остался было за границей во время вполне легальной поездки за рубеж, а потом передумал и вернулся. В качестве акта измены рассматривался факт просьбы о политическом убежище или даже намерение просить убежища.

Наконец, за «измену Родине», сопряженную обычно еще с целым букетом статей УК, осуждались военные преступники, то есть лица, сотрудничавшие с нацистами во время войны: полицаи, участники вспомогательных подразделений германской армии, сотрудники оккупационных администраций, люди, принимавшие участие в карательных акциях. По свидетельству мемуаристов, это была самая конформная часть заключенных, исправно сотрудничавшая с администрацией. Военные преступники охотно записывались в презируемые прочими заключенными «секцию внутреннего порядка» (лагерной самообороны) и в так называемый Совет коллектива. Они же составляли основной контингент лагерных стукачей. Военных преступников на «политических» лагпунктах было немало, но спаянного монолита они не образовывали и, помимо мелких пакостей и стукачества, особых хлопот «политическим» не доставляли. Впрочем, среди осужденных за военные преступления, судя по всему, встречались и такие, кто не был непосредственно замешан в зверствах оккупантов или же, единожды столкнувшись с этими зверствами, бежал от немцев (такова, например, история неоднократно упоминаемого в письмах Ю.Д. латышского моряка Яна Капициньша). Лагерная этика допускала общение с подобными невольными жертвами войны.

Было в Дубравлаге несколько заключенных, осужденных за шпионаж (подлинный, а не мнимый) в пользу иностранных государств. О них Ю.Д. упоминает в «Свободной охоте» (Сб. «Говорит Москва». С.15–16). Кроме того, в 1966 г. еще оставался в заключении кое-кто из бывших крупных чекистов, привлеченных к ответственности в 1953—1956 гг.

...о своей работе: что ты, собственно, там делаешь? — Последние два года перед арестом Ю.Д. они с женой жили врозь. Он оставался в Москве, а Л.Б. уехала с сыном в Новосибирск, где преподавала в университете. Сразу после ареста мужа Л.Б. вернулась в Москву и поступила на работу во ВНИИ кодирования информации, на должность старшего научного сотрудника.

письмо № 2 (1966, 9—11 марта)

«Привет из дальних лагерей». — Строка из популярного в 1960-е уголовно-го романа.

...о специфике национального восприятия хореографии... — Вероятным собеседником Ю.Д. был грузинский танцовщик Антон Накашидзе. О нем Ю.Д. пишет и в «Свободной охоте» (сб. «Говорит Москва». С.266-269).

...прессу, посвященную мне и Андрюшке. — Дело Синявского и Даниэля было дежурной темой центральных советских газет в феврале–марте 1966 г. В Лефортовской тюрьме Ю.Д. имел возможность познакомиться только со статьями «Правды».

...нет точных часов работы. — Ю.Д. был зачислен в т.н. аварийную бригаду, которую использовали для внеплановых погрузочно-разгрузочных работ.

...Андрюшка неподалеку. — А.Д.Синявский был доставлен в Дубравлаг одновременно с Ю.Д. и помещен в лаготделение № 1 (пос. Сосновка).

...если бы он меня сейчас увидел... — Ю.Д. намекает на очную ставку в декабре 1965 г. между ним и М.Я.Азбелем.

«Неизбежность странного мира» — Название научно-популярной книги Д.Данина.

...переводы из Ивана Драча... мои переводы лучше! — Над переводами стихов Драча Ю.Д. работал в 1964–1965 гг.; в центральной печати, однако успел появиться только один из этих переводов — «Баллада о ведре» (НМ. 1965. № 4).

...довольно смешные объяснения с разными уголовниками... — Позднее Ю.Д. вспоминал, как товарищи по этапу расспрашивали его о «деле Синявского и Даниэля» и были крайне разочарованы, когда выяснилось, что в своих книгах Ю.Д. не призывал к свержению советской власти.

...ритмо-мелодические единицы. — Шутливое определение матерной речи, предложенное одной из коллег Л.Б. и привившееся в семейной лексике.

...и всем харьковчанам... — Постоянные корреспонденты Ю.Д. почти исключительно состоят из «москвичей» и «харьковчан». Обилие последних объясняется тем, что в Харькове родилась и выросла Л.Б., а сам Ю.Д. в 1946–1947 гг. учился на филологическом факультете тамошнего университета. М.Д.Рахлина и Е.Ю.Захаров относились к числу ближайших харьковских друзей Даниэлей.

«Бегство» — Историческая повесть Ю.Д., изданная «Детгизом» в сентябре 1965 г. В связи с арестом автора весь только что отпечатанный и еще не поступивший в продажу тираж был конфискован и уничтожен (весной 1971 г. Ю.Д., уже на свободе, получит в подарок от своего тогдашнего «куратора», сотрудника КГБ Б.М.Когута, сохранившийся экземпляр книги). В 1989 г. в журнале «Пионер» № 6-8 опубликован сокращенный вариант повести; несколько отрывков вошли в сб. «Говорит Москва».

Генка Грицай — Ю.Д. пишет о своем знакомом, украинском критике и литературоведе, который в середине 1960-х учился в аспирантуре Института мировой литературы им.Горького и жил в Москве, временами — в квартире Даниэлей. В день ареста Ю.Д., незадолго до обыска, вынес из его дома зарубежные издания книг Николая Аржака и Абрама Терца.

...«Грузинские игры и танцы»... как бы заполнить сюда эту серию. — Вероятно, открытки предназначались для А.Накашидзе.

«Кавказская повесть» Павленко. — «Кавказская повесть» — книга не совсем обычной судьбы. Когда П.Павленко умер, выяснилось, что этот советский литератор, имевший репутацию образцово лояльного и идейно выдер-

жанного писателя, тайно от всех работал над повестью, заведомо не предназначенной для печати (в конце 1940-х–начале 1950-х возможность прохождения через цензуру произведения, где доброжелательно говорится о восставших горцах Шамиля, категорически исключалась). Затем времена переменялись, и рукопись, обнаруженная после смерти Павленко в его столе, была опубликована в «Новом мире» (1957. № 2–4). Ю.Д. возвращается к «Кавказской повести», вероятно, по двум причинам. Во-первых, его неизменно волнует феномен «тайного писательства» во всех его вариантах; во-вторых, его всегдашние любовь и интерес к Кавказу в это время еще усиливаются общением с Накашидзе, Юсуповым и другими кавказцами.

Как диссертация? — Л.Б. защитила кандидатскую диссертацию в феврале 1965 г., однако в марте 1966 г. она еще не была утверждена ВАКом. Ю.Д. волновался, не станут ли события последнего полугодия помехой к утверждению.

Диссертация была все же утверждена, и Л.Б. получила степень кандидата филологических наук. Спустя 10 лет ее лишат этой степени «за действия, несовместимые со званием советского ученого», а еще через 15 лет степень будет возвращена.

письмо № 3 (1966, 14—31 марта)

...«сволочь Петра Амьенского»... — Петр Амьенский — французский религиозный деятель XI-XII вв., один из вдохновителей «крестового похода бедноты». Идиома «сволочь Петра Амьенского» означает: «разношерстная народная толпа».

...«20 лет спустя»... — Т.е. после войны. Подразумевается отвычка от физической работы, которой Ю.Д. не занимался с фронтовых времен.

...что-то вроде дневника. — Тюремные записи Ю.Д. были ему вскоре возвращены.

Молодость возвращается казарменным благочинием... обращением «Юра, Юрка, Юрок»... — Речь опять идет о фронтовой молодости Ю.Д.

...приятных вестей с Украины я не услышал... — Ю.Д., скорее всего, имеет в виду известия об арестах среди украинской интеллигенции в августе–сентябре 1965 г. Среди арестованных были литераторы, которых Ю.Д. знал лично.

Один из этих новых знакомых с Украины собирается писать мой портрет. — В «Свободной охоте» есть рассказ о портрете, который был обнаружен и уничтожен надзирателями (сб. «Говорит Москва». С. 260–262). По всей видимости, был уничтожен первый вариант портрета, написанного в 1966 г. художником-самоучкой Романом Дужинским; во всяком случае, позднее портрет Ю.Д. работы Дужинского удалось нелегально вывезти из лагеря. В настоящее время этот портрет хранится у И.П.Уваровой, вдовы Ю.Д.; в 1990 г.

он экспонировался на организованной Обществом «Мемориал» художественной выставке «Творчество в лагерях».

Роман (по документам — Вениамин) Михайлович Дужинский, участник украинского послевоенного подполья, в 1949 г. был послан в Москву с заданием распространять ОУНовскую пропагандистскую литературу; арестован в 1949 г., приговорен к 20 годам лишения свободы; досрочно освобожден в 1956 г. Вновь арестован в 1957 г. и осужден на 10 лет за изготовление «националистических» флагов, которые он, согласно обвинительному заключению, намеревался вывесить на одном из зданий Львова.

«О как я поздно понял... что нельзя беречься»... — Из стихотворения Д.Самойлова «Давай поедем в город...».

...в «Одном дне» герой ни разу не встретил среди литовцев плохого человека... — В «Одном дне Ивана Денисовича» герой А.И.Солженицына говорит об эстонцах.

«Образ входит в образ, и предмет сечет предмет» — Неточная цитата из стихотворения Б.Пастернака «Мне хочется домой, в огромность...».

... написавший, что у меня ужимки уголовника... — «Даниэль путает, петляет, порой паясничает, как самый банальный уголовник» (Феофанов Ю. Изобличение: Из зала суда // Известия. 1966. 11февр.).

...я вел себя, как свинья. Это одно из самых стыдных воспоминаний. — Ю.Д. вспоминает свой давний грех: он не написал письма М.Рахлиной в 1950 г., когда были арестованы ее родители. Чувство вины за это молчание не оставляло Ю.Д. много лет. В повести «Искушение», написанной в 1963 г., в точно таком же грехе признается один из персонажей: «И не от трусости, нет! Просто я не люблю писать письма» (сб. «Говорит Москва». С. 108).

...о Марке и Тане? Я, если помнишь, очень беспокоился. — Во время следствия Ю.Д. показал, что читал свои произведения Марку Азбелю и Татьяне Макаровой, и теперь беспокоится, не повредил ли он им своими показаниями.

Если бы ты читал те произведения, из-за которых я здесь... — Оговорка, рассчитанная на посторонний глаз: Ю.Д. познакомил сына со своими «подпольными» произведениями за несколько месяцев до ареста.

Скажите об этом собаке, она должна быть довольна. — Кэрри (Кэрька, Кирюха) — собака Даниэлей, ирландский сеттер.

«Его делается очень просто»... — Ю.Д. цитирует одну из многочисленных устных сценок-импровизаций, которыми развлекал своих знакомых В.Высоцкий (последний бывал в доме Даниэлей с А.Д.Синявским — его преподавателем в Школе-студии МХАТ).

...некто Толя Футман... он не громче, чем его тезка. — Имеется в виду Анатолий Якобсон.

...сколько здесь материала для Ириного «гостевого» жанра — силуэтных фигурок... — И.Глинка в те годы имела обыкновение дарить своим гостям фигурки, сделанные ею из толстой проволоки.

«Психи, кто украл телефонную книгу?» — Фраза из анекдота.

...обои... литературно-критического колера... — Имеется в виду, конечно, желтый цвет.

...события в области, противопоказанной Саньке. — Ю.Д. интересуется общественной реакцией на процесс Синявского и Даниэля (тема, которую он запретил обсуждать с кем-либо сыну — см. письмо № 1).

...Булата, Аллу, Лешку и даже Высоцкого. — Ю.Д. вспоминает знакомых, исполнявших под гитару песни на собственные или чужие стихи. Имена Б.Окуджавы и В.Высоцкого к тому времени уже были широко известны; с творчеством харьковского артиста Леонида Пугачева и тещи Ю.Д. Аллы Зиминой был знаком лишь узкий круг их друзей.

Туся — кошка Даниэлей.

«Испытательный срок»... можно было бы применить и название другой его повести. — Название «другой повести» Павла Нилина — «Жестокость».

...позвони Марку Моисеевичу... — Речь идет о М.М.Кисенишском — адвокате, защищавшем Ю.Д. в суде.

...Наташкины испанские «Саэты». — Саэты — испанские народные песни-импровизации, исполнявшиеся во время религиозных процессий. Здесь речь идет о грампластинке с записями саэт, принадлежащей Н.Садомской.

...огорчило то, что ты написала о Майке. — Отношения между Л.Б. и женой А.Д.Синявского М.В.Розановой вскоре после суда в силу ряда причин стали довольно напряженными (о некоторых из этих причин, в интерпретации самой М.Розановой, см. ее очерк: Абрам да Марья // Независимая газета. 1993. 12 и 13 января).

Что слышно о Ремезове? — Андрей Ремезов (ум. 2000) — знакомый Синявских, библиотечный работник. Передавал через Синявского рукописи своих повестей и рассказов за рубеж (опубликованы на Западе под псевдонимом Иванов). После ареста Синявского и Ю.Д. явился в КГБ с «чистосердечным признанием»; на суде проходил как свидетель.

...как у Игоря? — Беспокорство Ю.Д. относительно И.Н.Голомштока было вызвано частным определением суда по его поводу.

...мог не врать на следствии, что Марк осведомлен о моем писательстве, — ведь все это было мною придумано только ради очной ставки! — Рассчитано на постороннее прочтение. На самом деле Ю.Д. знакомил М.Азбеля со своей прозой; на допросах Азбель, следуя предварительной договоренности, это отрицал, хотя сам Ю.Д. и отступил от уговора. Здесь Ю.Д. пытается «отыграть назад» свои промахи.

...что все это повлияет на его дела. — Работа по теоретической физике, одним из авторов которой был М.Азбель, выдвинутая ранее на Ленинскую премию, была срочно снята с конкурса по личному настоянию М.В.Келдыша, президента АН СССР. Келдыш объяснил, что это необходимо сделать по сооб-

ражениям государственной безопасности; в личных разговорах он ссылаясь на политическую неблагонадежность одного из авторов, выяснившуюся в ходе дела Синявского и Даниэля.

...позиция самого Мишки продолжает вызывать у меня недоумение. — М.Бурас крайне негативно отзывался о А.Д.Синявском и его роли в судьбе Ю.Д. — и в частных разговорах, и на людях. На допросе в КГБ, куда он был вызван как свидетель, Бурас также не сумел скрыть ни антипатии к Синявскому, ни мнения о его «дурном влиянии» на Ю.Д., а во время судебного процесса, встретив у здания суда М.Розанову, предельно резко высказался о ее муже. Последовал полный разрыв Бураса с семьей Синявских, после чего возникла напряженность и в его отношениях с Л.Б.; однако в последнем случае давняя и тесная дружба двух семейств перевесила и отношения были восстановлены. В дальнейшем Ю.Д. несколько раз возвращается в письмах к причине конфликта и окончательно высказывает свою позицию в личном письме к М.Бурасу, написанном осенью 1968 г. (см. приложение к письму № 54).

«О, быть бы и мне в их числе!» — Строка из стихотворения Б.Пастернака «Вокзал».

письмо № 4 (1966, 14—20 апреля)

...поздравил бы их с удачным выбором последнего лауреата... — Выступая на XXIII съезде КПСС, М.А.Шолохов, нобелевский лауреат 1965 г. по литературе, упомянул о деле Синявского-Даниэля. В частности он заявил: «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием» (*Аплодисменты*), ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! (*Аплодисменты*). А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора». (Правда. 1966. 2 апр.).

...наш с Андрюшкой дурной пример заразителен. — Намек на использование псевдонимов. Речь идет о публикации «Клеветники в эфире», посвященной передачам радиостанции «Свобода» (Известия. 1966. 14 апр.). В статье в очередной раз поминались Синявский и Даниэль.

...«служить на суше, да только б ленточки носить»... — Из песни Б.Окуджавы «Над синей улочкой портовой...».

...хоть пару строк от нее: я был бы тогда совсем спокоен, так же, как и по поводу Марка и Андрея... — Ю.Д. продолжает волновать вопрос, насколько повредили Т.Макаровой его показания о том, что он читал ей свою «криминальную» прозу. **Марк** — М.Азбель; **Андрей** — вероятно, А.Синявский.

...пришел ко мне латышский поэт... — Ю.Д. говорит о своем солагернике Кнуте Скуениексе.

...сноб в лагерном клифте... — На уголовном жаргоне слово «клифт» означает пиджак; здесь, по-видимому, употреблено в смысле «верхняя одежда вообще» (куртка или телогрейка).

...я заинтересовался африканской литературой. — Просьба исходила от Кестутиса Иокубинаса, солагерника Ю.Д., изучавшего в то время суахили, — об этой просьбе упоминается в «Свободной охоте» (сб. «Говорит Москва». С. 271–272). Единственной книгой на суахили, которую друзья Ю.Д. смогли разыскать в Москве и послать в лагерь, оказался роман М.Горького «Мать».

...«оскорбительная» кислота с сахаром... — Семья Ю.Д., пытаясь восполнить отсутствие витаминов в лагерном рационе, привезла на свидание аскорбиновую кислоту, смешав ее с сахарным песком. (Передавать витамины запрещалось.) Этот «сахар» Ю.Д. разрешили забрать после свидания в зону.

Кроме лично знакомого вам Толи.... — Когда к Ю.Д. приезжали жена и сын, его лагерный друг Анатолий Футман по недосмотру администрации сумел проникнуть в комнату свиданий и таким образом познакомиться с семьей Ю.Д.

...отдыхаем от его крика до пятницы. — По-видимому, Футман был отправлен в ШИЗО за «несоблюдение формы одежды».

...узнать в «Известиях», получили ли они мое письмо. — Письмо это, разумеется, «Известия» не напечатали; копия его, нелегально переправленная Ю.Д. на волю, была опубликована в зарубежной прессе. По-русски впервые — в составе «Белой книги», в отечественной печати см.: «Цена метафоры». С. 514–515.

...теперь я точно знаю, кто перевел уайльддовскую балладу — Володька! — «Баллада Редингской тюрьмы» в переводе Нинель Воронель была опубликована в двухтомнике избранных произведений Оскара Уайльда (Т. 1. М., 1960). Здесь Ю.Д. шутивно намекает на успехи сына Воронелей в английском языке.

...я же сам отлично знаю, что никакой я не лирик... — После личного свидания с семьей тюремные стихи Ю.Д. стали известны его друзьям. Видимо, Ю.Левин в своем письме отозвался о них критически.

...не из нашей четверки... — «Четверка» — это сам Ю.Д. и трое его товарищей по аварийной бригаде, ставшие ближайшими друзьями Ю.Д. на 11-м лаготделении, — Валерий Румянцев, Анатолий Футман, Антон Накашидзе.

...отдельный, профессиональный привет. — Намек на лагерный стаж О.Г.Зиминой и И.А.Богораза.

письмо № 5 (1966, 24 апреля — 4 мая)

...в конце этого письма будет стихотворение. — В сохранившемся тексте письма стихотворения нет. Возможно, оно было записано на отдельном листе и изъято при проверке.

...о записи уже позаботились? — Ю.Д. предполагает, что московская квартира прослушивается.

25/IV я получил телеграмму... — В телеграмме говорилось о намерении Л.Б. приехать в конце апреля на общее свидание.

Наташка... обольстила всю мою дружину... — В этой поездке спутницей Л.Б. была Н.Садомская.

Не забудьте о слуховом аппарате! — Аппарат предназначался сокамернику Ю.Д. Анатолию Марченко.

...вся нагрузка приходится на правую. — Правая рука Ю.Д. неправильно срослась после фронтального ранения в 1944 г.

...«Александрийские песни» М.Кузмина в Графочкином картавом исполнении. Увы, все тает, расплывается, исчезает... — В середине 1960-х общее свидание с заключенным проходило (во всяком случае, в Дубравлаге) еще не через стеклянную или фанерную перегородку, как это делалось в дальнейшем, а всего лишь через стол. При некоторой снисходительности надзорсостава в конце свидания можно было даже поцеловаться на прощание. Воспользовавшись этим, Л.Б. нелегально передала мужу записку. Строки из «Александрийских песен» Михаила Кузмина (стихотворение «Она»), на которые намекает Ю.Д. — «...ртом, ртом, Изо рта только ртом, Не руками...», — когда-то читал Даниэлям их харьковский друг И.С.Гольденберг (по студенческому прозвищу — «Граф» или, ласкательно, «Графочка»).

Судя по последней фразе, текст записки был поврежден при передаче.

...«Вот кедрины!» — Литературный критик З.М.Кедрина и раньше была достаточно одиозной фигурой (в известной пародийной песне 1950-х, обыгрывавшей популярный городской романс, пелось: «А сестра моя Зойка Кедрина, Этой жизни снести не могла: В услужение в заведение, На бульвар в «Литгазету» пошла»). После же опубликования в ЛГ от 22 января 1966 г. ее статьи «Наследники Смердякова», посвященной творчеству Синявского и Даниэля, и ее выступления на процессе в феврале того же года в качестве общественного обвинителя от Союза писателей ее имя действительно стало почти бранным словом в среде свободомыслящей интеллигенции. Скорее всего собеседники Ю.Д. специально употребили эту метафору в беседе именно с ним — человеком, потерпевшим от литературно-критической деятельности Кедриной.

...кто-то из литераторов, принявших близко к сердцу нашу историю... — Далее Ю.Д. называет некоторых из тех, кто заступался за Синявского и Даниэля. Д.Самойлов, Б.Окуджава, Б.Ахмадулина, Ю.Мориц, В.Корнилов подписали известное обращение 62 писателей, просивших отдать им Синявского и Даниэля на поруки (впервые опубликовано в «Белой книге»; см.: «Цена метафоры». С. 499–500); кроме того, В.Корнилов (вместе с Л.Чуковской) еще до суда протестовал против газетной травли Синявского и Даниэля (Там же. С. 36–37). Е.Евтушенко, присутствуя на процессе, демонстративно подчер-

кивал свою симпатию к подсудимым (есть также сведения о его индивидуальных попытках заступиться за них).

Можно и без автографов. — Ю.Д. понимает, что дарственная надпись автора на книге, присланной в лагерь «особо опасному государственному преступнику», — это поступок, который может быть воспринят литературным и иным начальством как вызов.

Один вольно наемный дурак... — Н.С.Дежуров, мастер в рабочей зоне на 11-м лаготделении. См.: Куликов С., Резепов Е. «Отец космонавта Дежурова мечтает об эпохе Сталина» //НГ-регионы: Приложение к «Независимой газете». 1998. 30 июня. Судя по этой статье, Н.Дежуров до сих пор уверен, что уж один-то автомобиль Ю.Д. имел: «Бывало, подсядет Дежуров к Даниэлю и начнет допытываться, много ли тот денег на свободе оставил. Тот молчит. «Сколько машин имеешь?» — «Одну», — отвечает Даниэль односложно. — «Врет, поди...», — вздыхает мастер и идет дальше.

...с «Днепром-9». — Марка магнитофона, который был у Даниэлей.

...похоже ли то, что я вижу, на «ее времена». — Намек на лагерный стаж М.Улановской.

...Гильберт и Аккерман, «Основы теоретической логики». — Эту книгу Ю.Д., несомненно, просит не для себя, а для кого-то из солагерников; вероятнее всего, для А.Рафаловича (ср. письмо № 6, запись от 11/V)

«Читают» — более уместная в этом случае реплика. — Намек на просмотр переписки лагерной цензурой и оперчастью.

письмо № 6 (1966, 10—16 мая)

Это не только плохо — это омерзительно. — Участие в «концертах самодеятельности», санкционированных и организуемых лагерной администрацией, считалось среди политзаключенных 1960—1970-х формой коллаборационизма. Контингент участников подбирался соответствующий: по свидетельству ряда мемуаристов, в основном — из военных преступников.

...который был под началом у Тошки... — В молодости А.Якобсон некоторое время работал на заводе.

...телеграмму от Мишки и Борьки. — Телеграмма послана к Дню Победы: оба — М.Бурас и Б.Золотаревский — фронтовики.

...об освобождении Ивана Светличного. — И.А.Светличный был арестован в Киеве в августе 1965 г.

Или как в Менделееве... — Менделеево — научный поселок под Москвой, где работали и жили семьи Воронелей и Гитерманов.

...я сперва не дрова рубил... — Аллюзия к поговорке «Чай пить — не дрова рубить».

...одному из «ленинградских мальчиков». — «Ленинградские мальчики» — солагерники Ю.Д., участники подпольной марксистской группы «Союз коммунаров» (более известной как группа «Колокол» — по имени журнала, который они пытались выпускать). «Союз» был раскрыт летом 1965 г.; девятеро его участников — Валерий Ронкин, Сергей Хахаев, Вадим Гаенко, Сергей Мошков, Валерий Смолкин, Вениамин Иофе, Борис Зеликсон, Людмила Климанова, Валентина Чикатуева — были арестованы и приговорены к различным срокам лишения свободы. В данном случае речь идет о Валерии Смолкине. Свадьба, о которой пишет Ю.Д., состоялась в январе 1966 г. в следственном изоляторе УКГБ г.Ленинграда.

...новый роман Каверина... — «Двойной портрет» (Простор. 1966. № 2–3).

...«Мертвым не больно» В.Быкова... — НМ. 1966. № 1–2.

...рассказ В.Некрасова о поездке в Сталинград... — «Случай на Мамаевом кургане» (НМ. 1965. № 12).

...«Пингвин» в «Иностранной литературе»... — Повесть Ежи Ставинского (ИЛ. 1965. № 12).

...Сартр не понравился... — Пьеса Ж.-П.Сартра «Дьявол и господин бог» (ИЛ. 1966. № 1).

...урывками читаю «Возвращение» Н.Ильиной... — Вторая книга воспоминаний Натальи Ильиной, публиковавшаяся в «Знамени» (1965. № 7–11).

«Снимается кино» — Пьеса Э.Радзинского (Театр. 1966. № 1).

...очень признателен ему за добрые слова. — Речь идет о дарственной надписи на книге А.В.Белинкова «Юрий Тынянов» (М., 1965), которую прислали Ю.Д. в лагерь («Дорогим и милым Юлию и Ларе. С любовью, сочувствием и глубочайшим уважением. Храните гордое... Придет желанная пора... Всегда Ваш Аркадий Белинков. 9.3.66»). Незакавыченные цитаты из пушкинского «Послания в Сибирь» не случайны и объясняются не только специфической ситуацией адресатов надписи: именно в это время Белинков по заказу журнала «Театр» пишет свою знаменитую статью о декабристах «Страна рабов, страна господ...» (статья не была опубликована и позднее распространялась в самиздате).

Внимание А.В.Белинкова к делу Синявского и Даниэля не ограничивалось знаками сочувствия уже осужденным писателям. Еще в 1966 г., по просьбе адвоката Синявского, он написал литературоведческий отзыв на прозу Абрама Терца, однако этот текст был адвокатом отклонен как слишком «криминальный» и опасный для самого Белинкова.

...такую работу, проблематика которой далеко выходит за пределы обещанного в названии... — Книга А.Белинкова о Ю.Тынянове (точнее — именно второе, дополненное издание ее в 1965 г.) стала одной из крупнейших литературных сенсаций 1960-х: Белинкову удалось пробить в печать работу, содержащую не только литературоведческие, но и историко-социальные и политические концепции, резко противоречащие официальным идеологичес-

ким установкам. Отталкиваясь от тыняновских романов, автор размышлял о судьбах революции и свободы в России, о месте интеллигенции в историческом процессе.

...мои работы (я, разумеется, имею в виду переводы!). — Явно маскировочная фраза — для цензуры. Ю.Д., конечно же, интересуется мнением Белинкова о своей беллетристике.

...муз. Окуджавы, слова мои... — Перифраз известных строчек из «Песенки солдата» Б.Окуджавы. («...Иду себе, играю автоматом. Как просто быть солдатом, солдатом...»).

...письмо Марка очередному «ферматисту»... был потрясен несказанной деликатностью. — «Ферматист» (т.е. человек, берущийся за доказательство т.н. Большой теоремы Ферма) — термин, которым представители точных дисциплин обозначают профана, пытающегося решить неразрешимые проблемы науки. Видимо, Ю.Д. дал адрес Азбеля кому-то из своих солагерников — «для научных консультаций». «Деликатность» Азбеля несомненно объясняется специфической ситуацией его корреспондента.

...мог вести себя не то что лучше — а умнее. — Речь вновь идет о показаниях Ю.Д. сообщившего следствию, что М.Азбель был знаком с его произведениями (см. также прим. к письму № 3). Видимо, в своем письме Азбель, успокаивая Ю.Д., пишет, что на его месте поступил бы точно так же. Сам Ю.Д., однако, продолжает критически относиться к своему поведению на следствии.

...как герой сонета Бориса Чичибабина. — Одного из «Сонетов из альбома» Б.Чичибабина — поэтического цикла, писавшегося как комментарий к альбому рисунков Л.Пугачева. Ю.Д. имеет в виду стихотворение, сопровождающее рисунок «Не вижу, не слышу, знать не хочу»; на рисунке изображен человек, закрывающий руками глаза и зажимающий уши.

...как сказано во вступлении к одной повести. — Автоцитата. «...Это превратилось в литературу — безумный волчий вой, завшивевшие нательные рубахи, язвы, растертые портянки, «пайка», куском глины падавшая в тоскующие кишки...» (Николай Аржак. «Искупление». Цит. по: сб. «Говорит Москва». С. 100).

«Одолеет дух добра» — Из стихотворения Б.Пастернака «Нобелевская премия».

«Глядят глаза и ждут ответа» — Из стихотворения А.Тимофеевского, посвященного М.Улановской.

...вспоминание о ее юности очень сильно и разнообразно помогает мне. — Имеется в виду лагерное прошлое М.Улановской (см. прим. к письму № 5).

...с бабушкой, мамой и внучкой... — Т.е. с семейством Закс: А.С.Грингольц, Е.М.Закс и Е.В.Закс.

...«шаткие торшер». — Автоцитата из тюремного стихотворения Ю.Д. «Дом»: «...там лампы в потолок не уходили, Не прятались за мутным плексигласом,

А рдели в кринолинах абажуров, Собой венчали шаткие торшеры, Со стен свисали...».

Правда, Люся? — Фраза из уже цитировавшейся Ю.Д. устной импровизации В.Высоцкого.

...привет от Симы. — О какой Симе идет речь, неясно, скорее всего о С.Никитиной, но, возможно, о С.Белокрыницкой.

Гуттен у К.-Ф.Майера... — Незадолго до ареста Ю.Д. начал переводить поэму Майера «Последние дни Гуттена».

...о людях, поджидающих опереженное время... — «Люди, опередившие свое время, вынуждены иногда поджидать его не в самых удобных для этого местах» (Ежи Лец. Афоризмы).

Льготы на меня пока не распространяются... — Льготы — продуктовые посылки, которые заключенные, содержащиеся на строгом режиме, имели возможность получать (по усмотрению администрации) дважды в год, но — не ранее, чем по истечении половины срока.

письмо № 7 (1966, 28 июня)

...жизнь бьет ключом (и ключами). Началась новая глава... — Это письмо — первое после полуторамесячного перерыва. Предыдущее письмо не дошло до адресата, а почти весь июнь Ю.Д. пробыл в ШИЗО, где не разрешалось получать и отправлять письма.

...нам, авторам, пока не известно. —оборот заимствован из «Голубой книги» М.Зощенко.

...25 суток почти полного отдыха... — По правилам срок водворения в ШИЗО не превышает 15 суток. Однако это правило легко обходится: заключенного выпускают на несколько часов, а затем вновь отправляют в ШИЗО — за новое «нарушение». Ю.Д. отбыл последовательно 15 и 10 суток.

...в относительно нормальное состояние... — Работа на станке оказалась более тяжелой нагрузкой для поврежденной правой руки Ю.Д., чем даже работа грузчика в аварийной бригаде (где, к тому же, Ю.Д. активно помогали его друзья). Незадолго до водворения в ШИЗО у него начался остеомиелит — отслоение осколков кости, перебитой в 1944 г. пулей. Обращение в санчасть имело негативные последствия — см. письмо № 8, запись от 1/VI-1966 г.

...я в неплохой форме — что касается количества. — В ШИЗО был написан цикл стихотворений «Часовой».

Они бредили Наташкой... Потом появилась Ленка... — Речь идет о спутницах Л.Б. при поездках в Явас — Н.Н.Садомской и Лене Бурас; лагерные друзья Ю.Д. видели их через проволоку.

...заинтересовались необычным (мягко выражаясь) поведением моих друзей. — В июне жена и сын Ю.Д., Михаил Бурас, его дочь Лена и Анатолий

Якобсон, не имея никаких известий из лагеря, отправились на автомобиле Бураса в Явас, чтобы что-то узнать. Впечатление, произведенное в Явасе их приездом, объясняется несколькими причинами. В 1966 г. вновь был сам факт, что родственников заключенного сопровождает большая компания его друзей; сенсацией было и то, что приехали они не по железной дороге, а на автомобиле прямо из Москвы; наконец, могло показаться необычным независимое обращение приезжих с лагерным начальством.

...«**который с палкой**» — М.Бурас; «**молодой, представительный**»... — А.Якобсон; «**девушка**»... — Лена Бурас.

...**от этих грустных радостей бывают неприятности.** — Приехавшие москвичи начали перекрикиваться с Ю.Д. через «запретку» (здание ШИЗО стояло недалеко от нее); часовой на вышке пытался их отогнать. Дело ограничилось перебранкой.

Нет, вы не знаете безбородого Синявского. — Слух о том, что Синявский сбрил бороду, оказался ложным. См. соответствующий эпизод в романе «Спокойной ночи!» (Абрам Терц. Т.2. С.395-396). Видимо, Синявский—Терц неточно датирует этот эпизод: в 1967 г. Ю.Д. на 11-м лаготделении уже не было.

...**6 человек, с которыми я поочередно проводил время последние недели...** — Т.е. в ШИЗО.

Впечатление... как у меня после премьеры на Мосфильме в августе 1965 г. — В некоторых эпизодах фильма М.Ромма «Обыкновенный фашизм» не только Ю.Д., но и многие современники увидели сходство с советской действительностью.

Что очень страшно? — Пародируется стилистика «Записок у изголовья» японской писательницы Х века Сэй-Сёнагон.

«**Махорка**» — Стихотворение Б.Чичибабина на лагерную тему («Меняю хлеб на горькую затяжку...»).

письмо № 8 (1966, 1 — 3 июля)

...**нет никаких оснований связывать эту сторону моего поведения с неприятностями, которые произошли в последнее время.** — В письмах Л.Б. (и, видимо, не только в них) высказывались опасения, не слишком ли «активно» Ю.Д. повел себя в заключении и, в частности, — не слишком ли широк круг его лагерного общения (что, несомненно, вызывало недовольство начальства). Как вариант альтернативной линии приводилось «более сдержанное», по мнению некоторых корреспондентов Ю.Д., поведение А.Д.Синявского.

... **эту эпопею...** — Июньскую автомобильную поездку в Явас.

...**Что тоже существу...** **Что я наполнен словом, Что я владею речью...** — В окончательной редакции первая процитированная строка стихотворения

Д.Самойлова звучит так: «Зачем я существую», а две другие: «...И что порой напрасно Давал страстям улежся».

Ох, уж эти Снегиревы! — Снегирев — персонаж романа В.Каверина «Двойной портрет».

...привет Наташке от Лени Ренделя. А Воронелям привет от Кнута. — К этому моменту уже выяснилось, что у некоторых солагерников Ю.Д. есть с ним общие московские знакомые. Леонид Рендель был некогда сокурсником Л.М.Алексеевой и Н.Н.Садомской по истфаку МГУ; приехав в Явас в апреле 1966 г., Садомская увидела его на «разводе» (т.е. при переходе эзков из жилой зоны в рабочую) и узнала. Кнут Скуениекс учился вместе с Нинель Воронель на литературных курсах в Москве.

...«не пальцем вода по истрепанной карте», а «в смятенье и в буре» — годятся оба значения последнего слова... — Ю.Д. цитирует песню Аллы Зиминой «Уральские горы», ставшую в 1950–1960-е своеобразным гимном московского землячества бывших заключенных воркутинских лагерей:

Мы Север учили, не сидя на парте,
Не пальцем вода по изодранной карте.
Его мы узнали в смятенье и в буре,
Своими боками, на собственной шкуре.

«Второе значение» слова «в буре» — «в БУРе».

...мои поздравления... «гражданина начальника Токарева». — Ю.Д. называет нескольких известных ученых, с которыми был шапочно знаком: с лингвистами Р.И.Аванесовым, П.С.Кузнецовым, С.К.Шаумяном — через свою жену, с этнографом С.А.Токаревым — через Н.Н.Садомскую. По какому случаю приносятся поздравления, неясно.оборот «...гражданин начальник Токарев» взят из песни В.Высоцкого «Я был душой дурного общества...».

письмо № 9 (1966, 8—18 июля)

...ай да Вовка! — Фотографии в квартире Даниэлей делал В.А.Бондарев, общий знакомый Ю.Д. и Е.В.Закс.

...цветы им. тов. Петрова. — Роспись книжных полок в квартире Даниэлей, сделанная художником А.Петровым.

...«скальпелю раскаленному». — «Перо, мой скальпель раскаленный...» — строка из стихотворения И.Драча «Перо» в переводе Ю.Д.

...спал сном праведника в своей камере... — Первые недели после ареста Ю.Д. содержался во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке. Осенью 1965 г., в связи с ликвидацией Лубянской тюрьмы, был переведен в следственный изолятор КГБ в Лефортово.

...я получил фотографию... Может, получше выйдет? — До 1966 г. в лагерях было разрешено фотографироваться и посылать снимки домой. После того как одна из фотографий, о которых пишет Ю.Д., попала в западную прессу и вызвала оживленные комментарии (этот снимок сравнивали с документами нацистских концлагерей), фотографироваться запретили — по крайней мере, в политлагерях.

Где же теперь работает Сашка?... после подмосковных просторов... — Во время следствия по делу Синявского и Даниэля Александр Воронель был допрошен в качестве свидетеля и вызвал крайнее раздражение КГБ своим независимым поведением и фактическим отказом от дачи нужных «органам» показаний. Вскоре после процесса его уволили из подмосковного физического института (ВНИИФТРИ), где он заведовал лабораторией. В связи с этим Воронелям пришлось сдать квартиру в поселке Менделеево и переехать в Москву. Позднее Воронель нашел работу в Центре ядерных исследований в г.Дубна.

Явасочка — Так Ю.Д. называет автомобиль М.Бураса, на котором была совершена июньская поездка в Явас.

Прочел «Женщину в песках» Кобо Абэ. Очень здорово. Очень похоже. Но я оптимист... — В повести японского писателя Кобо Абэ «Женщина в песках» (первая публикация на русском яз.: ИЛ. 1966. № 5) описывается процесс экзистенциального примирения человека, неожиданно лишенного свободы, с новым качеством своего бытия.

...получили ли вы седьмое и восьмое письма. — Не дошло до адресата седьмое письмо (т.е. согласно нашей нумерации, отправленное между № 6 и № 7) **«...ударник гремит басами, а трубач выжимает медь»** — Строки из песни на стихи А.Аронова «Иметь или не иметь», впоследствии (в несколько иной редакции) ставшей популярной благодаря фильму «Ирония судьбы, или С легким паром».

...предстоящего события... — Замужества Лены Бурас.

...в санчасть мне идти почему-то не хочется... — После обвинения в симуляции и членовредительстве в связи с открывшимся фронтовым ранением (см. письмо № 8) Ю.Д. заявил, что впредь не намерен обращаться к лагерной медицине. Этому правилу он более или менее придерживался весь оставшийся срок заключения.

Восстановились прежние контакты? — Летом 1965 г. сын Ю.Д. ездил в геологическую экспедицию по рекомендации приятельницы Даниэлей Э.Х.Бейбулатовой. После ареста Ю.Д. Бейбулатова перестала появляться у Даниэлей. Поездка Александра Даниэля в ту же экспедицию летом 1966 г. устроилась благодаря его собственным прошлогодним контактам.

«Чем не шутит шайтан, когда спит Аллах, а из Газдны известий нет»... — Строки из стихотворения бывшего друга Даниэлей, С.Г.Хмельницкого.

«Всем неудачникам хвала и слава... три раза есть и трижды быть голодным». — Из «Посвящения» к поэме Э.Багрицкого «Трактир».

«Когда у вас нет собаки...» — Песня на стихи А.Аронова «Иметь или не иметь» (см. прим. к письму № 9)

...одним доктором у нас стало меньше... — Имеется в виду бывший друг Ю.Д. А.Е.Эссель, доктор биологических наук, отношения Даниэлей с которым были прерваны еще до суда, как только стало известно о позиции, занятой им на допросе у следователя.

...сразу же появился новый. Правда, отминусовался кандидат... — Т.е. тот же самый А. Воронель: защитив докторскую диссертацию, он перестал быть кандидатом наук.

...насчет покойного Александра Ефимовича... — Речь вновь идет об А.Е. Эсселе. «Покойный» — иронически, в смысле «умерший для нас».

...о двух знакомых женщинах... — Речь идет о двух литераторах старшего поколения — Е.М.Закс и Р.Я.Райт-Ковалевой; до ареста Ю.Д. обе были его хорошими знакомыми. Когда началось «дело Синявского и Даниэля», Р.Я.Райт-Ковалева прекратила общение с семьями арестованных. Случайно встретившись с Л.Б., она высказала резкое неодобрение литературной деятельности Терца и Аржака: по ее словам, из-за таких людей ужесточаются цензурные ограничения и становится труднее «пробивать» в печать прогрессивные публикации. По оценке Л.Б. (которую, она, вероятно, сообщила Ю.Д.), позиция Р.Райт была продиктована в большей степени страхом, чем заботой о судьбах советской культуры. Подобной реакции на случившееся Ю.Д. противопоставляет достойное и мужественное поведение Е.М.Закс, не изменившей своего отношения ни к нему, ни к его семье.

В 1968 г., случайно встретившись с Александром Даниэлем, Рита Яковлевна уточнила, что имела в виду свое неприятие прозы Абрама Терца. Она несколько раз встречалась с Ю.Д. после его освобождения и даже оказывала содействие в переводческой работе. Прежние близкие отношения, однако, не восстановились.

...«в защиту банальных истин», как сказал однажды Н.Коржавин... — «В защиту банальных истин» — статья Н.Коржавина в «Литературной газете».

...это я о сборнике... — Сборник стихотворений Коржавина, присланный им Ю.Д. в лагерь, — «Отечество» (М., 1966).

А кто это такой «бровастый Олег»? — Л.Б. имела в виду помощника Генерального прокурора СССР О.П.Темушкина, обвинителя на суде над Синявским и Даниэлем, и его выступление в Центральном Доме литераторов с рассказом о процессе. Л.Б. присутствовала на этом выступлении и даже пыталась задавать докладчику вопросы.

...в одном сугубо серьезном документе... — Очевидно, в протоколе допроса.

Его (Самойлова!) похвалил Дымшиц! — Дымшиц Александр Львович (1910–1975), критик и литературовед, в литературных кругах считался фигурой крайне одиозной.

...отзыв на словарь рифм... — Речь идет о «Словаре украинских рифм», составленном солагерником Ю.Д. С.Караванским. Просьбу отрецензировать рукопись Л.Б. переадресовала своему коллеге и знакомому Вяч.Вс.Иванову (тогда — кандидату филол.наук), который дал на эту работу положительный отзыв. В.В.Иванов вообще всегда принимал горячее участие в заступничестве за жертв политических репрессий: он был автором экспертизы произведений Абрама Терца, выполненной по просьбе защиты (опубликована в «Белой книге»; см. «Цена метафоры». С. 460–464), а также деятельным организатором ряда петиций в защиту других людей, преследовавшихся по политическим мотивам. 5 декабря 1965 г. он присутствовал на «митинге гласности» на Пушкинской площади в защиту Синявского и Даниэля.

«Кому-нибудь и я снюсь в такие вечера» — Из стихотворения Б.Чичибабина «Осень».

Действительно, мистика. — «Образцы почерка», похожего на почерк Ю.Д., принадлежали его сыну.

ФМШ — Физико-математическая школа в новосибирском Академгородке, где осенью 1965 г. учился Александр Даниэль.

...«Дано — требуется доказать!» А что в итоге? — Ср.: «Дано: идея; требуется доказать: воплощение. И чертят, чертят оледеневшие в своем рвении геометры, чертят, положив бумагу на склоненную перед ними спину, чертят и не замечают, не хотят замечать, что прорвалась бумага, что сломался грифель, что по коже, по мясу бороздит обернувшийся шплицрутенном карандаш!» (Николай Аржак. Говорит Москва. Цит по: сб. «Говорит Москва». С.93–94).

... у одного из ленинградцев день рождения, 30 лет — У С.Н.Мошкова.

...поздравляю тебя... — 8 августа — день рождения Л.Б.

письмо № 11 (1966, 6—12 августа)

...неплохое содержание, но небрежно, неряшливо сделано — когда, наконец, будут работать профессионально? — Речь идет не об оценке качества издания, а о каких-то «недозволенных вложениях», недостаточно аккуратно спрятанных в присланной книге.

Die Stunde ist zu Ende — Урок окончен (нем.).

...«Зачем в слове «Хаим» буква «р»?» — Фраза из анекдота, с помощью которого Л.Б. любила объяснять суть своей кандидатской диссертации.

...гораздо больше километров. — Ю.Д. имеет в виду предрестный период, когда его жена жила в Новосибирске, а он оставался в Москве.

...четыре года синевы... — Парафраз строчки из песни Ю.Алешковского: «Позади семь тысяч километров, Впереди семь лет синевы».

...«никогда не ссорятся»... — «Голубок и горлица никогда не ссорятся...» — песенка из МХАТовского спектакля по пьесе Шеридана «Школа злословия».

...изображает человека довольно распространенной здесь специально-сти. — В присланной бадероли была деревянная фигурка часового.

...в районном центре Новоопрощенске... — «Название» Ю.Д. заимствует из своего неопубликованного в то время рассказа «В районном центре» (Сб. «Говорит Москва»).

...я стал хуже слышать. — В результате перенесенной в детстве болезни Ю.Д. почти полностью потерял слух на левое ухо.

...я не был собой с сентября 65-го по февраль 66-го, и мне очень стыдно... — Видимо, Ю.Д. считает, что недостаточно твердо выдерживал линию поведения на следствии и суде.

...оно тем более приятно, что явилось (для меня) неожиданностью... — Март Никлус, незадолго до этого переведенный во Владимирскую тюрьму, был неожиданно освобожден досрочно, за два года до истечения его 10-летнего приговора.

...о Михайле Михайлове... — Примерно в это время югославский писатель Михайло Михайлов был арестован.

...моя маленькая тезка. — Семилетняя Юля, дочь сослуживицы Л.Б., Е.Стемковской.

...рисунок той самой Тани, которой ты должна была послать «Маугли»... — Речь идет о маленькой дочери В.Гаенко, солагерника Ю.Д.

...оптимистические прогнозы М.М. ... — Л.Б., видимо, пересказала в письме мнение адвоката М.М.Кисенишского о том, что предстоящая амнистия непременно коснется Ю.Д.

...Коктебель, вокруг которого «прекрасна русская земля»... — «Прекрасна русская земля Вокруг залива Коктебля» — строки из популярной сатирической песенки В.Е.Бахнова и Я.А.Костюковского конца 1950-х, пародирующей газетную статью А.А.Первенцева о «стилягах».

письмо № 12 (1966, 21 августа — 1 сентября)

Поместье — это очень здорово. — Планы Л.Б. по строительству дачи, к которым Ю.Д. в дальнейшем несколько раз возвращается, так и не осуществились.

Песенка об Аленушке — прелесть... глагол поставим в настоящее. — Песня Аллы Зиминой «Аленушка», сочиненная в 1966 г. и посвященная Л.Б., заканчивается строками: «Не плачь, не плачь, Аленушка, Вернется твой Иванушка».

«Вышло облако на вахту в небеса...»... — Здесь и далее — названия песен Аллы Зиминой.

Бровастого Олега я, конечно, вспомнил. — Л.Б., видимо, пояснила, на кого она намекала в одном из предыдущих писем. См. прим. к письму № 10.

...в уголовном домике... — Т.е. в ШИЗО (на лагерном жаргоне ШИЗО называли «угол»).

...о повести скончавшегося осенью прошлого года нашего общего знакомого. — Имеется в виду Николай Аржак, литературный двойник Ю.Д. Повесть, о которой идет спор с Ю.Левиным, по-видимому, «Искушение».

...привет им и поздравление (и Маше Реформатской) с находкой. — А.Д.Синявский и некоторые его друзья одними из первых начали ездить на Русский Север в поисках старых икон (к середине 1960-х это занятие стало повальным увлечением московской интеллигентной публики). Находка же в архангельской деревне, о которой прочел в «Известиях» Ю.Д., была, вероятно, сделана в ходе профессиональной экспедиции: друзья Синявских Н.Кишилов и М.Реформатская — искусствоведы, сотрудники Третьяковской галереи. Впрочем, еще в 1966 г. профессиональный поиск в этой области не до конца отделился от любительского. **Кишилов Николай Борисович** (1934–1973) — реставратор, близкий друг А.Д.Синявского и хороший знакомый Ю.Д. Его жена, гражданка Франции Анн Кариф участвовала в перевозке рукописей Абрама Терца и Николая Аржака на Запад. Сам Кишилов — автор письма в защиту Синявского и Даниэля, отправленного в Верховный суд РСФСР в январе 1966 г. (опубликовано в «Белой книге»). В начале 1970-х эмигрировал во Францию.

...стихотворение Мандельштама... поговорить по-армянски. — Скорее всего: «Дикая кошка — армянская речь Режет мне слух и царапает ухо». Или же: «Колючая речь араратской долины, Дикая кошка — армянская речь...».

«Мне на шею бросается...» — Неточная цитата из знаменитого стихотворения О. Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» («Мне на плечи кидается век-волкодав»)

...с Борькой мы еще потолкуем, «кто есть кто». — Отзвук разногласий между Ю.Д. и некоторыми его близкими друзьями (здесь — Б.Л.Золотаревским) в нюансах оценки поведения ряда общих знакомых после ареста Синявского и Даниэля.

...Ольга Всеволодовна... — О.В.Ивинская (см. прим. к письму № 24).

«Осталось мне сидеть четыре года» — Неточная цитата из уголовного романа 1960-х.

«Пойду по белым кудрям дня...» — Из стихотворения С.Есенина «Устал я жить в родном краю...».

«Выпьем за человечество, Лев Николаевич!» — «Выпьем, Антон Павлович, черт с ним!» — Реплики из водевиля И.Ильфа и Е.Петрова «Сильное чувство». Лев Николаевич и Антон Павлович — эпизодические персонажи водевиля.

...скульптуру á la Шадр — «Салат — оружие интеллигенции». — Ю.Д. имеет в виду историю, которую ему рассказали на свидании: о том, как в некоей компании спорили о «деле Синявского и Даниэля». Дискуссия закончилась тем, что Н.Садомская запустила в своего оппонента тарелкой с салатом.

Привет Валерке и Аде... — Валерий Никольский, математик, знакомый Л.Алексеевой и Н.Вильямса. Один из организаторов митинга 5 декабря 1965 г. в защиту Синявского и Даниэля. Ада — его жена Адель Никольская, социолог (ныне живет в США).

Он пишет, что «Романс» — лишний и слабый. — Разговор идет о тюремных стихотворениях Ю.Д., конкретно — о «Романсе о Родине». Ю.Герчук, очевидно, критикует стихотворение за декларативность и тривиальность чувства.

...читателю или слушателю, скажем, «Молитвы»... — Ю.Д. сопоставляет патетику «Романса о Родине» с иронической интонацией другого своего стихотворения «Молитва».

А белый стих я отродясь не презирал... рад, что ему понравился «Дом»... — Это стихотворение Ю.Д. написано белым стихом.

«...глухой раскат волны, взбегающей на берег плоский». — Неточная цитата из стихотворения М.Волошина «Дом поэта».

На этом дело не кончится — впереди еще Машка. — Машка — младшая дочь Бурасов. Речь вновь идет о замужестве их старшей дочери Лены.

письмо № 13 (1966, 11—18 сентября)

... это действительно было прекрасно. — Описание празднования дня рождения Яна Райниса см. также в «Свободной охоте» (сб. «Говорит Москва». С.270).

Леня хочет написать Люде Алексеевой... — См. прим. к письму № 8.

«Мой мальчик, вы старший по чину, Но это ведь все до поры...» — Строки из исполнявшейся Л.Пугачевым песни «Оловянный матросик» на слова харьковского поэта Александра Черевченко.

И В.Симоненко... — Вероятно, речь идет о поэтическом сборнике В.Симоненко «Поезії» (1966).

И полет, и завтрак в самолете... черта, которую мы подвели. — Фактически Ю.Д. было предъявлено обвинение не в момент задержания, 12 сентября, а четырьмя днями раньше. 8 сентября Ю.Д., еще не зная, что в этот день в Москве арестован А.Д.Синявский, вылетел к жене и сыну в Новосибирск, а 9 сентября за ним приехали сотрудники КГБ. Однако он не был арестован; в течение трех дней его с утра увозили на допросы, а вечером привозили обратно. Затем ему предписали вернуться в Москву. Ю.Д. вылетел из Новосибирска вместе с Л.Б. утром 12 сентября и был арестован на выходе из Внуковского аэропорта.

Михаилом Ивановичем звали подполковника КГБ Бардина, который руководил операцией по задержанию Ю.Д.

...к счастью, не полосатый... — Обыгрывается жаргонное прозвище заключенных, содержащихся в зонах особого режима, — «полосатики» (из-за полосатой одежды).

...все на той же северокавказской ниве. — Ю.С.Хазанов был в течение многих лет соавтором Ю.Д. в переводах стихов с языков народов Северного Кавказа.

Она — один из немногих рыцарей литературы. — Отзыв Ю.Д. относится, конечно, не к книге «В лаборатории редактора» (М., 1960) (которую, как видно из письма, Ю.Д. не читал), а к открытому письму Л.К.Чуковской М.А.Шолохову — отклику на выступление последнего на XXIII съезде КПСС (см. прим. к письму № 4). В этом письме Чуковская констатирует, что впервые в истории русской литературы крупный писатель протестует против слишком «мягкого» приговора своим коллегам, и предрекает ему «высшую меру наказания» для писателя — творческое бесплодие. Об этом письме (полный текст опубликован в «Белой книге»; см.: «Цена метафоры». С.502–506) Ю.Д. узнал уже в лагере. Упоминание в последующих строках имени Л.З.Копелева также связано не только с его книгой «Бертольд Брехт» (М., 1966), но и с его заступничеством за Синявского и Даниэля во время следствия (см.: «Цена метафоры». С.52–55).

...поэт татарских кровей... — Аркадий Филатов. Он же в конце письма — **«внук нижегородского плотника».**

...ходил бы за выпивкой для господ научных работников... — Ю.Левин пишет о своей поездке в Тарту на Летнюю школу по вторичным моделирующим системам.

Пришли мне, пожалуйста, мои переводы стихов Драча, Винграновского, Коротича, Симоненко, Стуса... — Переводы Ю.Д. стихов названных украинских поэтов относятся к 1963–1965 гг. Желание продолжить эту работу, возникшее у него в лагере, связано, вероятно, не только с тоской по профессиональной деятельности, — в середине 1960-х украинская интеллигенция связывала с названными литераторами представление о возрождении национальной культуры, о «серебряном веке» национальной поэзии. Для многих украинцев - солагерников Ю.Д. перечисленные имена были культовыми; имелись и такие, кто лично хорошо знал этих поэтов — например, по киевскому Клубу творческой молодежи. **Драч Иван Федорович** — поэт, общественный деятель; во второй половине 1960-х, не оставляя занятий литературой, продвигался по партийно-государственной линии; в 1966 г., в частности, был назначен членом украинской делегации в ООН; в годы перестройки вышел из КПСС; с конца 1980-х — сопредседатель Народного Руха Украины. **Винграновский Николай (Микола) Степанович** — поэт, прозаик, кинорежиссер, актер кино, лауреат украинской Государственной премии им. Шевченко. **Коротич Виталий Алексеевич** — поэт, прозаик, журналист, автор около двад-

цати книг. С 1966 г. начал делать успешную общественно-политическую карьеру: вступил в партию, стал главным редактором журнала «Ранок», а затем «Всесвіт», был избран секретарем Союза писателей СССР и Украины, занял пост заместителя председателя Украинского республиканского комитета защиты мира. Публиковал очерки, разоблачающие украинский национализм. В 1986 г. переехал в Москву, где приобрел всесоюзную известность как активный деятель перестройки, главный редактор «Огонька» (до 1991 г.); был депутатом Верховных Советов СССР и Украины. В 1991–1998 гг. — в США. С 1998 г. — главный редактор газеты «Бульвар» (Москва). **Симоненко Василий (Василь) Андреевич** (1935–1963) — поэт, прозаик. Предшественник и образец для украинских поэтов-«шестидесятников», большинство из которых безоговорочно признавали его наиболее талантливым представителем украинской поэзии своего времени. **Стус Василий (Василь) Семенович** (1938–1985) — поэт. Во второй половине 1960-х принял участие в нескольких акциях протеста против политических репрессий, в результате чего возможности публиковаться оказались для него закрытыми, а в 1972 г. он был арестован вместе с большой группой украинских интеллигентов и приговорен за «антисоветскую агитацию» к 5 годам лагеря и 3 годам ссылки. В 1979 г. вернулся в Киев, вступил в Украинскую Хельсинкскую группу; в 1980 г. вновь арестован и осужден на 10 лет лагеря и 5 лет ссылки. На шестом году заключения погиб при неясных обстоятельствах в лагере особого режима в Пермской области. Член Европейского Пен-клуба с 1978 г., выдвигался на Нобелевскую премию по литературе 1985 г. (номинирован Г.Бёллем, однако его кандидатура не рассматривалась Нобелевским комитетом, т.к. он погиб до присуждения премии), в 1993 г. посмертно награжден украинской Государственной премией им. Шевченко.

...Белинкова и Лебедева. — О «Юрии Тынянове» А.В.Белинкова см. прим. к письму № 6; книга А.А.Лебедева «Чаадаев», вышедшая в 1965 г. в серии «Жизнь замечательных людей», также имела в те годы репутацию либеральной и «идеологически рискованной».

...Колю Юсупова... — Своему сокамернику Нажмудину (Коле) Юсупову Ю.Д. посвятит впоследствии несколько строк в «Свободной охоте» (сб. «Говорит Москва». С.269–270). О нем же вспоминает Анатолий Марченко в «Моих показаниях» (С.184–186).

...стихотворение Киплинга... — «Завещание» («Владей собой среди толпы смятенной...») (пер.С.Маршака).

«какой ты гордый был и четкий» — Строка из стихотворения А.Филатова, посвященного Ю.Д. и написанного вскоре после его ареста.

...что Санька их и так запомнил. — На первом лагерном свидании Александр Даниэль заучил наизусть, со слуха, тюремный цикл стихов отца, поскольку легально вынести их со свидания было нельзя. (Впрочем, это оказалось ненужным, так как тексты стихов удалось вынести нелегально.)

«А нужно ль былого чураться...» — Это стихотворение Ю.Д. позднее посвятил Н.Н.Садомской.

Муха — Рената Григорьевна Муха, харьковская поэтесса, знакомая Ю.Д.

...рисунки Нинки... — Вероятно, имеется в виду дочь Аллы Сергун.

«...идем себе в отдельный кабинет» — Намек на то, что текущие «неприятности» могут окончиться заключением в ШИЗО.

письмо № 14 (1966, 21 сентября — 3 октября)

...обещанную «Солдатскую награду». — «Солдатская награда» — повесть Дж.Фолкнера.

«Из жизни Федора Кузькина» — Повесть Б.Можаева.

... дельная статья Лакшина. — Лакшин В. Писатель, читатель, критик. Статья вторая.

...за новейшую чешскую литературу, за статью о Белинкове в «Московском комсомольце»... — Ирина Уварова, описывая Ю.Д. свою поездку по Чехословакии, вставила в письмо рассказ о «нашей книге чешского писателя Выходила «Говорит Прага»» — закамуфлированный отзыв на повесть Аржака «Говорит Москва». **Статья о Белинкове** — рецензия Уваровой на второе издание «Юрия Тынянова» А.В.Белинкова (Уварова И. Новая книга // Московский комсомолец. 1966. 24 авг.).

«А может, врежет?!» — Неточная автоцитата из тюремного стихотворения «Про эти стихи».

...посвящены в основном великому событию. — Т.е. замужеству Лены Бурас.

...в вестибюлях моих, вестибюлях... — Семейный фольклор: якобы «обратный перевод с французского» песни «Ах, вы, сени, мои сени...».

Ваксмахер вообще очень хороший и добросовестный переводчик... Да, я его немножко знаю... — Речь идет о повести А.де Сент-Экзюпери «Ночной полет» в переводе М.Ваксмахера.

...с книжечкой... — Филатов А.П. Слова: Стихи. Харьков, 1965.

...моих занятий XVIII веком... — Интерес Ю.Д. к русской истории XVIII в. выразился, в частности, в его работе над исторической повестью «Бегство», действие которой происходит в екатерининскую эпоху.

...элегантно-нахальная оценка моих поэтических возможностей... — Подразумевается расхожее мнение о «бездарности» В.К.Тредиаковского.

...«юного поэта А.Зиминой»... — Единственной прижизненной публикацией Аллы Зиминой была подборка стихов в молодежной газете в конце 1950-х под рубрикой «Поэзия молодых» (автору тогда было под шестьдесят).

...статья некоего Петелина (?). — Петелин Г. Раздумья над методом и стилем // Дон. 1966. № 8. Статья направлена против «оттепельной» литературы —

произведений Г.Бакланова, Б.Окуджавы, В.Некрасова, Ю.Бондарева и других. Автор воюет с тенденциями «дегероизации» в советской литературе, осуждает общественную позицию журнала «Новый мир». (Любопытно, что в дискуссии, проходившей летом 1990 г. на страницах журнала «Вопросы литературы», критик Дм.Урнов сравнивает Г.Петелина с Абрамом Терцем-Синявским и провозглашает приоритет Петелина в «разоблачении социалистического реализма».)
...гости начинают помаленьку собираться... — 30 сентября — день рождения А.Воронеля. (**Нелка** — Н.Воронель; **Володька** — сын Воронелей; **Рыжая** — Анна Гитерман).

Графиня-оборотень («сибирский волк»)... — Имеется в виду Вера Алексеевна Пычко, жена И.С.Гольденберга. **«Графиня»** — так как студенческое прозвище ее мужа было «Граф»; **«сибирский волк»** — в то время Гольденберги жили в новосибирском Академгородке; **«графиня-оборотень»** — видимо, возникает как случайная пародия на стилистику «готического романа» и одновременно как ассоциативное соединение «графини» и «волка».

...вырезать из графской груди фунт его книжного мяса... — Аллюзия на «Венецианского купца» В.Шекспира. И.С.Гольденберг был известен среди знакомых как библиофил.

«Любовь, любовь — гласит преданье» — Первая строка стихотворения Ф.И.Тютчева «Предопределение».

...корреспонденции о «Мултанском деле»... — «Мултанское дело» — процесс над группой крестьян-удмуртов (вотяков) из села Старый Мултан Вятской губернии, обвинявшихся в человеческих жертвоприношениях языческим богам (1892—1896). Дело мултанских вотяков приобрело всероссийскую известность благодаря корреспонденциям В.Г.Короленко.

...чешские переводы. — В последние годы перед арестом Ю.Д. работал над переводами из Ф.Грубина, В.Незвала, а также перевел стихи и песни из пьесы П.Когоута «Война с саламандрами» (по К.Чапеку).

...не переводить же мне Коротича или Кугультинова... — Известного калмыцкого поэта Д.Кугультинова Ю.Д. переводил в 1950-е и был с ним знаком (после 1965 г. знакомство не продолжилось). Переводы из В.Коротича относятся к 1963–1965 гг.

...тех, для которых «вынесенный приговор является стимулом для дальнейших творческих свершений»: К.Яшен, Зульфия, С.Рустам и пр. — Речь идет о писателях, приветствовавших в советской прессе судебный приговор Синявскому и Даниэлю. Подписи Камиля Яшена и Зульфии стоят под открытым письмом в редакцию «Известий»: «С удовлетворением встретили мы известие, что предатели предстали перед народным судом и понесли заслуженное наказание. Мы одобряем вынесенный приговор. Он дает нам новые стимулы для усиления идеологической работы нашей писательской организации...» (Известия. 1966. 21 февр.). Под письмом подписались также Гафур Гулям, Айбек и Уйгун. Народный поэт Азербайджана Сулейман Рустам за-

клеймил Синявского и Даниэля еще до суда: «Наша дорога светла и солнечна. Мы умеем, идя по этой дороге, вырывать с корнем сорняки, выросшие в цветнике великой дружбы народов. Перья, умеющие выдавать черное за белое, а белое за черное, должны быть сломаны. Место двух предателей — на скамье подсудимых» (Известия. 1966. 18 янв.).

А мне плавать — мне очень хочется. — Из песни В.Высоцкого «Сегодня я с большой охотой...».

...двух других я увижу только недели через полторы. — Анатолия Марченко (он был в больничной зоне) и Антона Накашидзе.

А теперь немножко по поводу сонетов Эрнандеса. — Переводы А.А.Якобсона были опубликованы в книге: Эрнандес М. Стихи. М., 1970. Некоторые из замечаний Ю.Д. учтены переводчиком.

Жаль, что я раньше его не знал. — Анатолий Гелескул — поэт, переводчик, друг А.А.Якобсона. Ю.Д. познакомился и подружился с ним после освобождения.

...участникам «сред»... — Т.е. творческих вечеров московских поэтов-переводчиков в издательстве «Советский писатель».

Марии Сергеевне и Арише — отдельный поклон. — Речь идет о М.С.Петровых и ее дочери, А.П.Головачевой. М.Петровых, как и А.Якобсон, и сам Ю.Д., участвовала в переводческих «средах». Якобсона и Марию Сергеевну связывали не только профессиональные, но и близкие дружеские отношения; оба входили в круг общения А.А.Ахматовой. Именно поэту Ю.Д. передает свой поклон через Якобсона.

письмо № 15 (1966, 7 — 20 октября)

О гонораре за «Бегство». — Гнев Ю.Д. вызван недоразумением: «Детгиз» выплатил гонорар за «Бегство» полностью еще в 1965 г., однако Л.Б. не идентифицировала полученную ею сумму и полагала, что остаток не выплачен, так как «книга не вышла».

...вчера выступал представитель Белоруссии... — В 1960-е в политлагеря довольно часто приезжали «представители общественности из республик» — для проведения «политико-воспитательной работы».

...привет Павлику и его жене... — О ком идет речь, неизвестно.

...с романом «Посол». — Уэст М. Посол // ИЛ. 1966. № 6.

...за бородку которого так обиделись ревнители российской словесности... — Эпизод из рассказа А.Терца «Графоманы» (Абрам Терц. Т.1), персонаж которого признается в своей ненависти к Чехову, вызвал гнев Дм. Еремина, автора погромной статьи «Перевертыши» (Известия. 1966. 12 янв.). Фраза из рассказа: «Взять бы этого Чехова за туберкулезную бороденку да ткнуть носом в его чахоточные плевки» — однозначно приписывалась не ге-

рою рассказа, а самому автору. В том же духе эта фраза комментировалась в суде.

...о жанре, в котором прославились Анна Франк, С.А.Толстая и др. — Речь идет о тюремных дневниках Ю.Д. (см. прим. к письму № 3). Судя по этой записи, Ю.Д. предпринял попытку нелегально передать их на волю и рассчитывал, что Л.Б. уже их получила. Однако дневники так и не попали к адресатам; дальнейшая их судьба неизвестна.

...его преподаватель литературы... — А.А.Якобсон, работавший в школе, где учился сын Ю.Д.

...вундеров и киндеров... — Из песни Ю.Кима «Учитель обществоведения».

...уж больно противное у меня состояние там было... — Ю.Д. вспоминает о своей поездке в Новосибирск накануне ареста. См. прим. к письму № 13.

...дальше Потьмы не поеду... — Потьма — пересыльный пункт Дубравлага; чаще всего освобождали именно оттуда.

...Эдди Рознер, 1939... — Эдди Рознер — солист-трубач, руководитель знаменитого джаз-оркестра, оказавшегося в СССР после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии.

...Привет Мольеру и Булгакову. — Речь идет о постановке в Щукинском училище пьесы М.Булгакова «Кабала святош» (о Мольере); Ю.Вертман была режиссером-постановщиком, а И.Уварова — художником-оформителем этого спектакля.

«Я — чайник». — Из анекдота.

Помнишь Соню: «Голова — не задница, завяжи да лежи». — Ю.Д. цитирует С.Ибрагимову, соседку Даниэлей по коммунальной квартире на Маросейке.

«Станочек мой, станочек...» — Песня П.Лещенко.

...«хождение в народ» Бориса Чичибабина? Или, точнее, «поездки в народ». — Б.Чичибабин с 1966 г. работал товароведом в трамвайном управлении и периодически был вынужден выполнять функции контролера на линии.

Товарищ волк сам знает, кого кушать и какой водой поливать Рабиновича. — Контаминация из двух анекдотов (оба — на тему непрошенных советов).

письмо № 16 (1966, 30 октября — 8 ноября)

«галузь» — Область (в смысле —отрасль) (укр.). Ю.Д., видимо, вспомнил его, ставший притчей во языцех, ответ на вступительном экзамене по украинскому языку в Харьковском университете (на вопрос о месте рождения он ответил: «Московская галузь»).

...со всякими адвентистами, иеговистами, свидетелями Иеговы... — На 1-м лаготделении в Сосновке, где находился А.Синявский, среди заключенных

было много «религиозников», т.е. людей, чья религиозная активность была расценена как «антисоветская пропаганда».

...на языке Янаки, Ставраки и папы Сатыроса... — Персонажи баллады Э.Багрицкого «Контрабандисты».

...сочинил Толе Марченко надпись на книгу... — О подаренной ему книге А.Лебедева «Чаадаев» Анатолий Марченко упоминает в своих мемуарах. Там же приводится и стихотворная надпись Ю.Д. на книге:

А в общем неплох
Забавный удел:
Ты здесь и оглох,
Ты здесь и прозрел.
Гордись необычной удачей —
Не каждый, кто видит, зрячий.

С уважением и самыми дружескими пожеланиями Толе Марченко от Юлия Даниэля.

В момент освобождения, во время обыска на вахте, страница с этой надписью была выдрана и уничтожена. См.: «Мои показания». С.247–249.

Хвалит. Кто? Дымшиц же. Кого? Самойлова. — См. прим. к письму № 10.

...искусствовед, занимающийся «психологией искусства»... — Возможно, собеседником Ю.Д. был Богдан Горынь или Михаил Осадчий.

Я объяснил, кто. — Речь идет о статьях М.В.Розановой: Мария Примаченко // Декоративное искусство СССР. 1965. № 5 (с эпитафией из «Баллады о Сарьянах и Ван Гогах» И.Драча в переводе Ю.Д.); Пиросманашвили — глаза, не затуманенные предвзвешенными // Там же. № 7.

...выложил — на ту же тему — «Украинских коней над Парижем»... — Стихотворение И.Драча, посвященное М.Примаченко и переведенное Ю.Д.

...с Воликом... — О ком речь, непонятно.

...обещания, которые были в самом первом стихе... — «Вспоминайте меня, я вам всем по строке подарю...» — начало первого тюремного стихотворения Ю.Д., обращенного к друзьям.

...с врачами я, по известным тебе причинам, не общаюсь... — После обвинения в симуляции и членовредительстве — см. письмо № 8, а также прим. к письму № 9.

...чем ты его угощала на свидании... — Имеется в виду эпизод, когда в апреле 1966 г. Футману удалось нелегально «погостить» у Даниэлей на личном свидании. См. прим. к письму № 4.

...«Ой, закувала...» и «Ой, на горі...»... — Названия украинских народных песен.

Вот вчера я всхлипывал... правильно сделали, что посадили меня. — Запись от 4/XI и начало записи от 5/XI — отзвук каких-то внутрилагерных событий, о которых Ю.Д. не мог подробно написать по цензурным соображениям.

...(зачеркнуто мною). — В оригинале перед этим — несколько зачеркнутых слов.

...просить о его освобождении тех, от кого это зависит... — Союз писателей Латвии пытался облегчить участь К.Скуениекса, но эти усилия не увенчались успехом.

...как хорошо будет мне—нам! — дышаться здесь. — Что имеет в виду Ю.Д., неясно.

Вовка... — Е.В.Закс пишет об их общем с Ю.Д. знакомом, кинооператоре и режиссере В.А.Бондареве.

...нам, коллегам сценариста. — Ю.Д. называет своих сокамерников «коллегам» киносценариста А.Я.Каплера, подразумевая лагерное прошлое последнего.

«Витрины универмага» — Фильм «За витриной универмага», снятый по сценарию Каплера в 1956 г.

«Гуляй, рванина, от рубля и выше!» — Из песни В.Высоцкого «Штрафные батальоны».

...расцвели — не по сезону — «параши». — «Параша» на лагерном жаргоне — слух (обычно недостоверный). Здесь, очевидно, имеются в виду слухи о предполагаемой амнистии в честь 50-й годовщины Октябрьской революции. Осенью 1967 г. амнистия действительно была объявлена, но «политических» она не коснулась.

Написал Заксам, написал в Харьков. — По праздникам заключенным разрешалось отправлять поздравительные открытки и телеграммы — сверх лимита и не обязательно по своему домашнему адресу.

«Мышцы мои слабы» — Автоцитата из стихотворения «На библейские темы».

...Абрам Донатович... — ироническая контаминация отчества А.Д.Синявского и имени его литературного двойника — Абрама Терца.

письмо № 17 (1966, 11—16 ноября)

...«дорогого покойника» Александра Ефимовича... — Эсселя. См. прим. к письму № 10.

...претензии, предъявленные к Михе, не имеют никаких мало-мальски серьезных оснований. — По мнению Ю.Д., то, что было сказано М.Бурасом на допросе во время следствия, не повлияло существенно ни на судьбу А.Д.Синявского, ни на судьбу самого Ю.Д. Что же касается самого факта — публичного высказывания Бурасом своего плохого отношения к Синявскому или, тем более, отрицательного отзыва о нем на допросе в КГБ (см. прим. к письму № 3), — то и тогда, и позже Ю.Д. оценивал эти поступки своего друга как некорректные и недопустимые. Подробно об этом — в приложении к письму № 54. Сам Синявский отзывался о поведении Бураса гораздо резче,

чем Ю.Д., а в романе «Спокойной ночи!» даже высказал предположение, что истинной причиной такого поведения был страх (Абрам Терц. Т.2. С.446).

...я уже получил поздравления... — 15 ноября — день рождения Ю.Д.

«Я вижу солнце» — Фильм Л.Гогоберидзе по одноименной повести Нодара Думбадзе (1965)

...от Меньшутинных... — Андрей Николаевич Меньшутин (1923–1981) литературовед, сослуживец А.Д.Синявского по Институту мировой литературы, его соавтор (Меньшутин А.Н., Синявский А. Д. Поэзия первых лет революции, 1917–1920. М.: Наука, 1964); Лидия Ивановна Меньшутина — его жена.

...Юлюня Кривых... — Юлиан Андреевич Кривых (1924–1965), литератор, харьковский знакомый Ю.Д.

...лучше, чем прошлое. — Свое сорокалетие Ю.Д. встретил в следственном изоляторе КГБ.

«Я пропал, как зверь в загоне...» — Из стихотворения Б.Пастернака «Нобелевская премия».

...люди, занимающиеся проблемами синтаксиса... интересуют они и других. — Речь идет об Александре Гинзбурге, составлявшем в то время «Белую книгу» — сборник материалов по делу Синявского и Даниэля. А.Гинзбург был известен в Москве как издатель первого самиздатского поэтического журнала «Синтаксис» (1959—1960). Настороженность Ю.Д. по отношению к визитам Гинзбурга объясняется тем, что последний, несомненно, находился «под колпаком» у КГБ.

«Стержень жизни — только в равновесье Добра и зла...» — Отрывок стихотворения из повести Николая Аржака «Искушение» (см. сб. «Говорит Москва», С. 127).

«Только детские книги читать...» — чье это? — Начало стихотворения О.Мандельштама.

письмо № 18 (1966, 23 ноября — 1 декабря)

...классического содержания... — «Третий день пью твое здоровье» — аллюзия на исторический анекдот, в котором некий генерал, забывший вовремя поздравить Александра III с тезоименитством, посылает ему телеграмму: «Третий день пью здоровье Вашего Величества», а государь телеграфно же отвечает: «Пора бы и перестать».

...серьгу в ухо мне вдевать нельзя — чего доброго, начнутся «очень странные поползновения». — В лагере серьга в ухе — знак гомосексуальной ориентации. «И очень странные поползновения» — строка из песни В.Высоцкого «Зека Васильев и Петров зека».

...получил Шамфора... — Николя Шамфор — французский писатель XVIII в. Здесь, видимо, речь идет о его книге «Максимы и мысли; Характеры и анекдоты» (М.;Л., 1966).

...приветы в письмах к другим... — Вероятно, И.Светличный писал своим киевским и львовским коллегам и друзьям (и несостоявшимся однодельцам): Я.Гевричу, Б. и М.Горыням, М.Осадчему — сокамерникам Ю.Д. Горынь Михайло Николаевич — психолог, один из организаторов львовского Клуба творческой молодежи. Арестован в августе 1965 г. вместе с рядом других участников украинской национально-культурной оппозиции, приговорен к 6 годам лишения свободы. Вторично арестован в 1981 г., приговорен к 10 годам лагеря и 5 годам ссылки; досрочно освобожден в 1987 г. С конца 1980-х — председатель Львовского облсовета, депутат украинского парламента, один из лидеров Народного Руха Украины. Горынь Богдан Николаевич — брат М.Н.Горыня, искусствовед и литературный критик, также активист львовского Клуба творческой молодежи. Арестован в августе 1965 г., приговорен к 3 годам лишения свободы. В настоящее время известный общественный деятель, депутат украинского парламента.

...«надежды маловато». — Речь идет о предполагаемой амнистии

«Никто не хотел умирать» — Фильм В.Жалаквявичюса «Никто не хотел умирать» (Литовская киностудия, 1965) — боевик, сюжет которого строится на событиях, связанных с вооруженным сопротивлением советской власти в послевоенной Литве.

«Адские водители» — Скорее всего, Ю.Д. имеет в виду английский фильм, выпущенный в 1958 г. (Hell Drivers); возможно, впрочем, что речь идет об американском боевике 1962 г. (Drivers to Hell).

...о Басюке... — Александр Зиновьевич Басюк (1925–1979) — харьковский литератор, приятель Ю.Д. по университету. С 1948 по 1953 г. — в заключении. После освобождения работал в школе, преподавал литературу. Молчание харьковских друзей о Басюке объясняется, вероятно, тем, что он находился в длительном запое, которым был к этому времени подвержен.

...может, и не стоит мне дорабатывать мои переводы? — См. прим. к письму № 13.

...начинаю «платить по векселям». В этом письме я посылаю два стихотворения — двум Иринам... — «Стихи о воде» и «Сотворение кувшина». В первом тюремном стихотворении Ю.Д. («Вспоминайте меня, я вам всем по строке подарю...») есть слова: «Это зрелость пришла, и пора оплатить векселя».

...подала ли ты в суд на издательство? — В связи с якобы невыплаченным гонораром за повесть «Бегство» (см. прим. к письму № 15).

...игрушечного человечка постигла печальная участь — из-за его профессии... — Речь, вероятно, идет о фигурке часового, упоминавшейся в письме № 11.

Ай, король! Ай, сукин сын! Ай, умница! — Контаминация цитат из Е.Шварца и А.Пушкина.

...друг Аркадий, не говори красиво! — Незакавыченная цитата из романа И.С.Тургенева «Отцы и дети».

...раклѣ несчастные... — «Раклѣ» — харьковское выражение, восходящее к XIX в.: семинаристы Харьковского духовного училища св.Ираклия славились своим буйным поведением. Соответствует московскому «архаровец».

письмо № 19 (1966, 9—14 декабря)

...классическая позиция — «руки в рукава»... — Ср. в поэме Ю.Д. «А в это время...»: «Сколько их били-учили метели Руки и летом совать в рукава...».

«Красотки, вот и мы, кавалергарды!» — Из песни Ю.Кима «Марш кавалергардов».

...весьма любопытная статья о Беранже — Ваксберг А. Песня, судимая трижды // Знание — сила. 1966. № 11. Интерес Ю.Д. вызван, видимо, не в последнюю очередь темой статьи: уголовное преследование за литературные произведения.

О работе Славы... — Т.е. о «Словаре украинских рифм» С.Караванского (см. прим. к письму № 10).

...Марк Моисеевич... — М.М.Кисенишский (см. прим. к письму № 3).

...доктор Айболит... — Так Ю.Д. называет московского врача-отоларинголога, лечившего Анатолия Марченко после освобождения.

...бандура ихняя, может, накрылась окончательно... — Автомобиль Гитерманов; по-видимому, речь идет о каком-то дорожном инциденте.

...у меня нет абсолютно никаких возражений против личности и поведения твоего коллеги, и никто не обмолвился ни словом осуждения... — Продолжается тема «опасных связей» — контактов с А.Гинзбургом (см. прим. к письму № 17). Видимо, Л.Б. предположила, что настороженность Ю.Д. вызвана сомнениями в гражданской позиции Гинзбурга; такие сомнения распространились среди московской либеральной интеллигенции после публикации в «Вечерней Москве» «открытого письма» Гинзбурга, в котором тот, явно под давлением «органов», выразил недовольство тем, что западная пресса проявляет внимание к его персоне (Ответ господину Хьюгесу // «Вечерняя Москва». 1965. 3 июня). Как видно из письма Ю.Д., он отрицает такой подтекст своих опасений и не присоединяется к расхожему тогда суждению о «нестойкости» издателя «Синтаксиса».

Очень хорошо, и дельно, и остро... — Речь далее идет о статьях Б.Шрагина «Сезам, откройся» (Декоративное искусство СССР. 1966. № 10; там же — реплика В.Ванслова «Сезам открывается») и «Поспевать за временем» (Вопросы литературы. 1966. № 10). Тема обеих статей — консерватизм и схоластичность теоретических догм советской эстетики, ее притязания на нормативное регулирование художественной практики.

«...улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать» — Строки из поэмы В.Маяковского «Облако в штанах».

...начальству виднее, нужна ли дома моя фотография... — Возможно, возникшие проблемы — это первый отзвук появления фотоснимка Ю.Д. в западной печати (см. прим. к письму № 9).

...статью Лифшица я не читал... кому били морду Юрка и Борька... — Основная мысль статьи М.Лифшица «Почему я не модернист?» (ЛГ. 1966. 8 окт.) состоит в том, что модернисты — режиссеры, художники, поэты — проповедовали в 1920-е антигуманные идеи и, стало быть, сами виноваты в той участи, которая постигла их десятилетие спустя (автор в качестве примера приводит судьбу Мейерхольда). Статья вызвала бурную дискуссию; в частности, резкие отклики на нее написали Ю.Левин и Б.Шрагин (эти отклики не были опубликованы в официальной печати).

...о Сереже... — Сергей Коваленков, физик, муж Т.К.Макаровой.

...относительно всяких щепетильных моментов, бывших в минувшую зиму. — Т.е. о показаниях Ю.Д. на следствии, касавшихся Т.Макаровой (см. прим. к письму № 3).

...та подборка, где о листьях... — Башев В. Каштан на тротуаре; Петров В. Прозрачность. Пер. с болг. Т.Макаровой // Знамя. 1964. № 7.

...переводы Фигеры. — Фигера А. Стихи. Пер.Т.Макаровой // НМ. 1965. № 11.

...не мешало бы ей, этой самой силе, знать, что все эти стихи недавно опубликованы в киевском сборнике И.Драча. — Видимо, Ю.Д. не исключает возможности, что присланные переводы дошли до него не в исходном виде, а в перепечатке «проверяющих».

«стержень жизни только в равновесье добра и зла» — Автоцитата. См. прим. к письму № 17.

...свой сборничек... — Ю.Д., вероятно, неправильно понял какое-то упоминание в письме М.Рахлиной о публикации сборника ее стихов: в 1966 г. такой сборник только готовился к печати.

письмо № 20 (1967, 1—3 января)

«Великое переселение народов в поселок Озерный...» — В последний день 1966 г. Ю.Д. был этапирован из 11-го лаготделения в пос.Озерный, в 16 км от железнодорожной ветки Потьма—Явас—Барашево. Если Явас — это «столица» Дубравлага (там находится Управление Дубравного ИТЛ), то 17-е лаготделение, вокруг которого расположен Озерный, — глухая периферия. Лаготделение состояло из двух небольших лагпунктов, № 17 (женская бытовая зона) и № 17-а (мужская зона, до 1967 г. — также бытовая). В лагпункте № 17-а Ю.Д. и отбывал срок вплоть до лета 1969 г., когда он за «плохое поведение» был переведен во Владимирскую тюрьму.

Переезд в Озерный — важная веха в лагерной биографии Ю.Д. Крохотная по тем временам (около 200 человек) зона, где каждый на виду, с контингентом

том, состоящим в основном из людей пожилого возраста, в значительной своей части коллаборационистов военного времени, оказалась по существу штрафным лагерем для собственно политзаключенных, каковыми являлись Ю.Д. и его немногочисленные товарищи. Переселенцам из Яваса это стало очевидным довольно скоро. Причиной перевода Ю.Д. на Озерный было, по-видимому, сочетание в его характере контактности и политической неангажированности, сделавшее его центром консолидации для многочисленных «землячеств» и «кружков» явасского лагеря. О недовольстве начальства этим обстоятельством упоминает, в частности А.Т.Марченко («Мои показания». С.227). Кроме того, на 11-е лаготделение был вскоре переведен из 1-го (пос.Сосновка) А.Д.Синявский; общая же политика оперчасти состояла в том, чтобы по возможности не допускать контактов между однодельцами. В отношении Синявского и Даниэля это правило выдерживалось неукоснительно. **«...Теперь жить легче».** — Московские друзья Ю.Д. разыскали семью В.Румянцевца и убедили его бывшую жену разрешить детям переписываться с отцом. **...от... Маца.** — «Мац» — Владимир Мацаев, математик, харьковский приятель Ю.Д.

Не слышно шуму городского. — Строка из романа XIX в., использованная А.Блоком в поэме «Двенадцать».

...«Спутник агитатора» со стихами. — В одном из номеров этого журнала за 1966 г. был помещен стихотворный фельетон «Никодима Троекурова» (псевдоним, постоянный автор «Спутника агитатора»), частично посвященный делу Синявского и Даниэля.

...его работы настолько интересны, а научная добросовестность настолько велика, что он заслуживает дружественного отношения. — Вновь об Александре Гинзбурге. Ю.Д. окончательно отбрасывает первоначальную настороженность (см. прим. к письмам № 17 и 19); вероятно, на декабрьском свидании он узнал о «Белой книге».

Ошибки в прошлых работах? ...на отношение к нему в определенных кругах традиционалистов можно плюнуть... — Намек на заметку в «Вечерней Москве» и ее последствия для репутации Гинзбурга в либеральных кругах (см. прим. к письму № 19).

...стоит ли только ему доводить свою добросовестность до одержимости, до жертвенности? — Этой фразой Ю.Д. обозначает свою озабоченность дальнейшей судьбой Гинзбурга.

письмо № 21 (1967, 16—18 января)

...годовщина свадьбы Валерия Смолкина... — См. прим. к письму № 6. Сам Смолкин остался на 11-м лаготделении, на 17-е попали двое его однодельцев — С.Мошков и В.Ронкин.

...моя койка на втором этаже... — Т.е. на втором ярусе двух- или трехъярусных нар.

...батрахомеомехия... («Война мышей и лягушек») (др.-греч.) — Название античной пародийной поэмы.

...колядки я слушал, даже те же самые... — Колядки — украинские обрядовые песни, исполнявшиеся под Рождество — Ю.Д. слушал впервые в исполнении М. Улановской, которая, в свою очередь, слышала их в 1950–1955 гг. в лагерях от своих украинских подруг по заключению. См.: Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. М.: Весть-ВИМО, 1994. С.341–342.

...глаза, которые «ждут ответа». — Ю.Д. продолжает поддразнивать М.Улановскую строками из посвященных ей стихов А.Тимофеевского (см. прим. к письму № 6).

...двумя строчками Пастернака, написанными в ситуации, несколько напоминающей нынешнюю: «Досточтимые письма мужские...», «Драгоценные женские письма...» — Строки из стихотворения «Тени вечера волоса тоньше...», написанного Б.Пастернаком в период газетной травли, последовавшей за присуждением ему Нобелевской премии.

...рекламирование безвкусной «Бригантины»... — «Бригантина» («Надоело говорить и спорить...») — популярная в 1950–1960-е песня Г.Лепского на стихи П.Когана.

«Madame, немножко дерьма!» — Фраза из анекдота.

Tate и Юре — опять же приветы... — Приятели Ю.Д.: Татьяна Борисовна Харитон, биолог, и ее муж Юрий Николаевич Семенов, философ.

...как он кидался к сцене, на ходу цитируя Ленина, и как доброхоты удерживали его за штаны. — Очевидно, это происходило во время «политинформации» — официального мероприятия, на котором заключенные обязаны были присутствовать, или какой-нибудь аналогичной «культурно-воспитательной акции».

...некоторые отмечают это со специфическим сожалением. — Имеются в виду лагерные стукачи.

...я, как справедливо отметил в свое время Лев Николаевич, поддаюсь дурному влиянию Синявского... — Ю.Д. вспоминает судебный процесс; Лев Николаевич — председатель суда Л.Н.Смирнов.

...что-то биологическое... — С.Мошков был взят с последнего курса биологического факультета ЛГУ.

...искового не обнаружилось. — Ю.Д. получил от кого-то из своих корреспондентов рекомендацию читать «Неделю», так как там была помещена очередная публикация о деле Синявского и Даниэля.

Очень мне тревожно, что в Москве разгулялся грипп... не знаю, кого коснулась эта зараза, кроме предрасположенных к ней лингвистов... — В полу-

ченных письмах сообщалось (видимо, намеками) об арестах в Москве. «Лингвист» — А.И.Гинзбург (в письме № 17 он обозначен как «человек, занимающийся проблемами синтаксиса» — см. прим. к этому письму). 17–18 января 1967 г. были арестованы друзья Гинзбурга — Ю.Галансков, А.Добровольский, П.Радзиевский и В.Лашкова; 22 января на Пушкинской площади прошел митинг в их защиту. В течение следующих нескольких дней арестовали пятерых участников этого митинга — В.Буковского, И.Габая, В.Делоне, Е.Кушева и В.Хаустова. Сам Гинзбург был арестован 23 января.

Владимир — это здорово. — Речь идет об организации постоянного жилья для А.Марченко во Владимирской области.

...не за счет государства. — Часть своего срока Марченко отбывал во Владимирской тюрьме.

...ребяенок... не в состоянии выкормить грудь двухметрового Гурама. — Гурам — Г.Мхеидзе, муж Бахметьевой; «ребяенок» — их дочь.

письмо № 23 (1967, 6—15 февраля)

...целая серия «незнакомых знакомых»... приветы и сочувствие. — Речь идет о незнакомых людях, выражавших свое сочувствие и солидарность Синявскому и Даниэлю. Л.Б., по всей видимости, писала о встрече с одним из таких людей.

...знает о «Лиде» — значит, ее голос прозвучал достаточно громко... — Подразумевается Лидия Чуковская и ее «Открытое письмо М.А.Шолохову».

...наткнулся на статью Арона Долгопольского. — А.Б.Долгопольский — лингвист, коллега Л.Б. по сектору структурной и прикладной лингвистики Института русского языка в 1961–1964 гг.

...далеко, как до Ленинского проспекта. — Т.е. как до дома (Даниэли жили в Москве на Ленинском проспекте).

«Все под Буром ходим». — В БУРе свидания не разрешаются.

...что там со спектаклем Юны... и Иры У. ...— Вопрос относится к постановке пьесы М.Булгакова «Кабала святош» (см. прим. к письму № 15).

...того, который латино-американско-якобсоновский. — Т.е. переведенный А.Якобсоном фрагмент поэмы аргентинца Э.дель Кампо (в этом отрывке два гаучо разговаривают об опере «Фауст»).

...статья Андрея о Долматовском... — Синявский А. Есть такие стихи : (Евг. Долматовский. Стихи о нас) // НМ. 1965. № 3.

...много лет я завидовал тем, чьи стихи поются... И вот — на тебе! — Стихотворение Ю.Д. «Про эти стихи» положил на музыку и исполнял Л.Пугачев (отчасти, вероятно, спровоцированный строками: «Их петь не будет Лешка Пугачев. — А, может, будет?»). Позднее он положил на музыку еще два стихотворения Ю.Д. Кроме Пугачева, песни на стихи Ю.Д. исполняли К.Бабиц-

кий («Что-то скучно мне без воли...», «То ли быть, то ли небыль...», «Романс о Родине», «Уже на небе гремит посуда...», «Бутылка в море», «Цыганки» — две последние из повести «Искушение»), а из профессионалов — Ю.Ким и В.Турьянский («Цыганки»).

«...как бы и что бы судьба ни решала б» — Автоцитата из стихотворения «Сотворение кувшина», посланного в письме № 18. Здесь Ю.Д., цитируя себя, возможно, косвенным образом проверяет, в самом ли деле стихи дошли до адресатов.

...удалось помочь Нине Александровне... — Мать В.Румянцева, которой необходимо было получить консультацию у московских окулистов.

«мне очень нужна эта курица» — Фраза из анекдота.

Шамполиону было легче, чем мне. — Ж.Ф.Шампольон — французский ученый-египтолог, дешифровавший древнеегипетскую письменность.

...почему бы этому чисто спортивному стихотворению и не дойти? — Сказано в расчете на лагерную цензуру. В стихотворении Ю.Д. «Стрелы на снегу», посвященном М.Улановской, образы «первопроходцев» и тех, кто идет по их следу, отчетливо читаются как метафоры лагерного прошлого адресата и собственной судьбы автора.

...что было год назад. — 10 февраля 1966 г. открылся процесс Синяевского и Даниэля.

...Мин-во охр. общ. порядка... — Министерство охраны общественного порядка — так с 1962 по 1968 г. называлось Министерство внутренних дел, в ведении которого находились места заключения.

...Майка может не завидовать... — Вновь тема сравнения лагерного прошлого М.Улановской и лагерного настоящего Ю.Д.

...в разруганной и расхваленной повести... — Ю.Д. сопоставляет события «культурной революции» в Китае с «Днем открытых убийств» — основой фабулы своей повести «Говорит Москва».

...в мастерской, как у Веры Павловны... — Имеется в виду героиня романа Н.Чернышевского «Что делать?».

...надпись автора на книге о Б.Брехте... — Л.З.Копелев прислал Ю.Д. свою книгу «Бертольд Брехт» (М., 1966) с дарственной надписью.

Какое облегчение для всех без исключения! — Ю.Д. предполагал, что телефон, который должны установить в квартире Даниэлей, будет прослушиваться.

...я весел... от хобота до хвоста. — Неточная цитата из известного стихотворения американского детского поэта Доктора Хьюза «Про слона Хортон» (пер. Т.Макаровой).

письмо № 24 (1967, 23 февраля — 2 марта)

...«Опасные связи» — роман фр. писателя Шодерло де Лакло... — Здесь и далее в этом письме подстрочные примечания — это шпильки в адрес лагер-

ной цензуры, ищущей подтекст в каждом выражении. Справедливости ради следует отметить, что опасения цензоров небезосновательны: именно в этом письме Ю.Д. использует условный шифр (см. ниже).

...консультацию из первоисточника — устаревшую всего года на три. —

От О.В.Ивинской, отбывавшей в начале 1960-х срок на 17-м лаготделении. Ивинская Ольга Всеволодовна (1913–1995) — литературная знакомая Ю.Д., переводчик, редактор. С конца 1940-х судьба Ивинской была связана с Борисом Пастернаком; вскоре после смерти Пастернака была арестована вместе со своей дочерью по сфабрикованному уголовному обвинению; обе отбывали срок в Дубравлаге.

...услышать голос Льва Николаевича... — Л.Н.Смирнова, председателя суда на процессе Синявского и Даниэля.

...хозяин белого шпца — К.А.Тимофеев, новосибирский знакомый Л.Б.

...я очень рад тому, что есть общение. — Речь идет об общении Синявского с В.Румянцевым, А.Футманом и другими друзьями Ю.Д. по 11-му лаготделению.

...за человеческое отношение к его жене... с обратным явлением. — После своей безуспешной поездки в Озерный, на обратном пути в Ленинград, Ирина Ронкина останавливалась у Даниэлей. «Обратное явление» — «собачье» отношение со стороны людей (администрации лагеря).

...песенка о Ласточке... — «Ласточка» — одна из песен Аллы Зиминой на лагерную тему.

...забудь о том, что ты писатель... поставь себя на место каждого из окружающих. — Тема не новая для Ю.Д. Ср. его первое лагерное стихотворение — «Приговор».

...я о них еще напишу стихи, о либералах! — Это обещание Ю.Д. выполнил — см. стихотворение «Либералам».

...как дела у Павла Ильича? — П.И.Егоров, сосед Даниэлей по коммунальной квартире, в то время тяжело болел.

...ваша разрекламированная книжка... — Брошюра Ю.Герчука и М.Домшляк «Художественные памятники Верхней Волги», к тому времени еще не вышедшая в свет.

...книгу, которую столь высоко читл Остап Бендер, — и именно в связи с шестнадцатилетием. — Книга, которую имеет в виду Ю.Д., — Уголовный кодекс; шестнадцать лет — возраст, с которого наступает уголовная ответственность по ряду статей УК.

...хватит об этом!!! — Три восклицательных знака — это предупреждение о том, что далее следует зашифрованное сообщение. Шифр, которым Ю.Д. пользовался в это время: первая буква в первом предложении, вторая — во втором, пятая — в третьем; затем первая — в четвертом, вторая — в пятом, пятая — в шестом и т.д. Приведем «отмеченный» фрагмент письма (до конца записи от 28/II):

«Гневаться по этому поводу мне уже просто невмочь. Теперь поболтаем-ка лучше о самих письмах. **Миха** рыдает, что, мол, башка седая. **Цыц**, дурень! Ну что за свинство, право? Я вот лысею, мечтаю о седине, а он плачется. **Ей**-ей, с ходу бы махнулся, не глядя. **Но** он же, собака, сам не захочет... Склонность к скулежу — это что-то новое у Мишки. **И** я очень надеюсь, что это явление временное. Я думаю, что оно вызвано моральной травмой, нанесенной Ленкой и ее сообщником. Прошу прощения у молодоженов...

В Маринкином письме меня восхитило абсолютное непонимание лучшего и худшего в собственных письмах. **На** каждое письмо, написанное ею «обдуманно», можно было бы фыркать по многим причинам. А вот слова, которые пишутся ею сразу, экспромтом, без черновиков, — прелесть. **И** то, о чем Маринка бегло упоминает, очень мне интересно. **Близкое** знакомство с идеями XVIII века об общности здания, декорации, парка и пр. мне бы совсем не повредило. «Сколь поучительно зрелище вида, в единое мгновение меняющегося!» **Если** я не ошибаюсь, то именно так писал Сумароков о театральных декорациях. **Увы**, я изучал XVIII век несколько однобоко. Не считать же за изучение мою халтуру в Останкине. **Что** ж, если Маринка сможет понемножку просвещать меня, я буду рад и благодарен. **Ну** и что, что я глупый, — зато я внимательный! Ну просто одно сплошное ухо. **Так** и есть — одно, правое.

А Гельвеция, о котором писала Ира Кудрявцева, я читал. **Не** соврать бы — где-то в четырнадцатилетнем, кажется, возрасте. Я был **ребенком** не по годам придурковатым и решил, что Гельвеций поможет мне снискать благосклонность одной девочки. **Целых** полторы недели читал. **И**, можете представить, таки прочел. **Громадную** книжицу — «О воспитании». **Результатов** (желаемых) не было, потому что собственно на ухаживание у меня времени уже не осталось. **Никогда** больше я подобных глупостей не делал. **И** в ближайшие 26 лет полагался только на самого себя. **Я** до сих пор отношусь с подозрением к философам... **И**, кажется, не без оснований: практических результатов от них маловато. Или **только** отрицательные. **Вы**, конечно, понимаете, что к марксизму это не относится хотя бы потому, что я не могу судить о нем, не знаком.

Словом, о моем любимом столетии у меня сведения довольно скудные.

А теперь еще о быте. **Вот** я расстался на 11-м с трехцветной кисой. **Ан** глядь — и здесь **кисы** есть. **И** кисы очень милые.

Кот — черный — выглядит так:

Кот серый — так:

Экие **фигуристые**, правда? **Еще** бегают разные-всякие котяры, но не такие выразительные. **А 4** дня назад был у меня разговор с лошадей. Я ее **уко**рял, почему она, имея свободный выход за зону и целых четыре ноги, не совершит побега. **Говорит**, что без паспорта на работу не устроишься.

Да, попросту говоря, соскучился я без наших звериков. Если **догадались** бы меня — то-то бы хорошо! — отправить куда-нибудь в ссылку, я бы Кирюш-

ку забрал к себе. **Розовые мечты...** Тешу себя ими по 10–15 минут перед сном. Богоспасаемые старцы кряхтят, и я под эту музыку фантазирую, вышиваю по канве.

Зима, видно, кончается. Снег мокрый, талый. Но сказывают старожилы, что здесь каждую весну чуть ли не наводнение. **Можете и вы угодить в эту самую распутицу (она же распутница).**

Не тушуйтесь — здесь, ежели что, на лодках перевозят. Но **однако** я не уверен, что наше свидание вообще состоится. **Строго-настрого приказываю:** непременно перед выездом — телеграмму начальству. **Укладывают** гостинцы только после положительного ответа. И хорошо бы все это согласовать еще и в Москве.

Главное — не унывайте, как бы дело ни обернулось.

Больше оптимизма!»

Таким образом, зашифровано следующее сообщение: **«Герцу Леониду Васильевичу от Герц Марии Яковлевны кофе 4 кг адрес Знаменского».** Герц — это, по-видимому, солагерник Ю.Д., имевший возможность получать продуктовые посылки; обычная практика состояла в том, что, за те или иные услуги (иногда за деньги, переводившиеся домой) кто-то получал на свое имя посылку, предназначенную другим. Кто такой Знаменский, не вполне ясно, возможно, — просто «владелец» заранее оговоренного обратного адреса.

Ю.Д. и раньше пользовался подобными шифрами, однако нам удалось восстановить в памяти лишь этот. Позднее, по словам Л.Б., от шифров пришлось отказаться, так как возникло ощущение, что они разгаданы КГБ.

...так писал Сумароков о театральных декорациях. — Цитата фиктивная. Поскольку эта часть письма содержит зашифрованное сообщение, на месте данной фразы могла бы стоять любая другая. Однако непосредственный адресат, М.Домшлак, приняла ее за подлинную, и в следующем письме Ю.Д. пришлось сознаться в мистификации.

...мою халтуру в Останкине. — Одно время Ю.Д. подменял знакомых экскурсоводов в Останкинском музее-усадьбе.

Кот серый так... — В оригинале — рисунок.

...что с дочкой Петрова. — Маленькая дочь А.Петрова перенесла операцию на сердце.

...черкни хоть пару строк Антону с приветом от меня. — Непосредственная переписка между заключенными, находившимися в разных лагерных зонах, не разрешалась.

письмо № 25 (1967, 20 марта)

...разговор в КГБ, который тебе поручили мне передать... — В 1966—1967 гг. Л.Б. имела несколько бесед со своим куратором из КГБ — М.И.Бардиным. Содержание бесед сводилось в основном к выражению заинтересованнос-

ти Комитета в судьбе Ю.Д и к пожеланиям: к нему — «изменить свою линию поведения», и к Л.Б. — воздействовать на мужа в этом направлении. Содержание данного конкретного разговора, состоявшегося перед отменой лагерного свидания в марте 1967 г., Л.Б. не помнит. Фраза в письме, очевидно, продиктована надеждой Ю.Д. на то, что лишение свидания является «местной самодеятельностью», и адресована как лагерному, так и московскому начальству.

Михаил Иванович Бардин — в 1960-е подполковник госбезопасности, сотрудник 2-го Главного управления КГБ СССР. Специализировался, по-видимому, на «идеологических диверсантах». Курировал дело Синявского и Даниэля по оперативной линии, руководил арестом Ю.Д., после процесса «вел» жен осужденных. После создания в 1967 г. 5-го Главного управления, занимавшегося исключительно «идеологическими диверсиями», был назначен на должность зав. секретариатом этого управления, в звании полковника.

2-го и 14-го марта я отослал письма... — Письмо от 14 марта до адресата не дошло.

письмо № 26 (1967, 22 марта — 4 апреля)

...Панас Заливаха. — Афанасий (Опанас) Иванович Заливаха, художник из Ивано-Франковска, арестованный в августе 1965 г. вместе с И.А.Светличным, братьями Горынями, М.Г.Осадчим и другими и осужденный на 5 лет лишения свободы.

«В цирке» — Один из ранних рассказов Абрама Терца (Абрам Терц. Т.1).

...очень бы мне хотелось прочитать «про эти стихи». — Ю.Д. не впервые относит к своим поэтическим опытам название пастернаковского стихотворения; так озаглавлено одно из его тюремных стихотворений («Мои стихи — как пасмурные дни...»).

«Стержень жизни только в равновесье добра и зла, сияния и тьмы» — Ю.Д. вновь возвращается к формуле, содержащейся в стихотворном отрывке из его повести «Искушение». См. прим. к письмам № 17 и 19.

Или переселение душ действительно существует?...можно было бы поместить в одной книге и под одной фамилией... — Идет разговор о схожести мироощущения и прозы М.А.Булгакова и Абрама Терца. Литературные параллели между этими двумя писателями можно объяснить и более рациональными соображениями, чем «переселение душ»: хотя А.Д.Синявский, вероятно, не был знаком с рукописью романа «Мастер и Маргарита», но фантастическая проза Булгакова («Дьяволиада», «Роковые яйца» и др.), а также ряда близких ему писателей 1920-х входила в сферу интересов Синявского-литературоведа и, несомненно, повлияла на его концепцию «фантастического реализма».

...«**чего-нибудь попроще**»... — «Ему б чего-нибудь попроще» — строка из песни Б.Окуджавы «За что ж вы Ваньку-то Морозова...».

...**стихи о Мандельштаме**. — Имеется в виду стихотворение Арсения Тарковского «Поэт» («Эту книгу мне когда-то...»).

«**О, зачем я лучшие годы...**»... — Неточная цитата из стихотворения А.Тарковского «Переводчик» («Для чего я лучшие годы Продал за чужие слова...»).

...**о его покойном дяде**... — Дядя Е.Якира — командарм И.Э.Якир, расстрелянный в 1937 г.

...**очень прошу в научных трудах не цитировать Сумарокова... писака из города Ржева, склонному к стилизации и мистификации**. — Ю.Д. кается в том, что невольно ввел своего корреспондента в заблуждение (см. прим. к письму № 24); «писака из города Ржева» — сам Ю.Д. (по созвучию: «Аржак» — «Ржев»).

... **мой бывший псевдоним** — Аржак. Словарь В.И.Даля этого слова не содержит.

Петровым привет и поздравления с удачной операцией. «Змеенышу»... — «Змееныш» — дружеская кличка А.Петрова. «С удачной операцией» — см. прим. к письму № 24.

Тошкиному тезке (тезкиному Тошке). — Имеется в виду Анатолий Лабазов, знакомый А.А.Якобсона.

...**привет Семен Виленскому от «Омельки с Колымы», некоего Полевого**... — Московский знакомый Ю.Д., литератор С.С.Виленский встретился с Е.Г.Полевым в конце 1940-х в колымских лагерях, где оба отбывали свои сроки.

Семен Самуилович Виленский, переводчик и литературный редактор, был осужден в 1948 г. за «антисоветскую агитацию» на 10 лет лагерей и до 1955 г. находился в заключении. Ныне — руководитель Общества политкаторжан и ссыльных «Возвращение». **Емельян (Омельян) Гиларович Полевой** — солагерник Ю.Д. Был одним из руководителей службы безопасности Организации украинских националистов (ОУН); арестован во Львове в 1946 г. Приговорен к расстрелу, замененному 25 годами лагеря. Освободился в 1971 г.; живет в г.Ровно. Привет, переданный Ю.Д. в письме (с которым, разумеется, внимательно ознакомилась оперчасть), возможно, имел неожиданные последствия. В 1970 или 1971 г. во время очередных «профилактических бесед», пытаясь склонить Полевого к отказу от националистических взглядов, в качестве аргумента ему предъявили журнал «Жовтень» (1968. № 9) с напечатанным там «антисоциалистским» стихотворением некоего Семена Виленского «Слушай, Израиль!». Попытки С.С.Виленского (узнавшего об этой публикации от Полевого после его освобождения) выяснить что-то о своем «двойнике» оказались безуспешными.

Вот пройдет еще 12 месяцев, и я смогу понемножку писать каждому из моих корреспондентов... — Речь идет о возможности, по отбытии половины срока, отправлять не 2, а 4 письма в месяц. Ю.Д. не учитывает, что эта воз-

можность, как и ряд других, является не правом заключенного, а льготой, которая предоставляется по усмотрению администрации. Большинство политзаключенных (в том числе и сам Ю.Д.), отбыв полсрока, этих льгот не имели.

Стихи В. Солоухина из «Дня поэзии» — «Волки». — Эти стихи Солоухина были опубликованы в «Дне поэзии» за 1966 г. («Мы — волки. И нас, По сравненью с собаками, Мало...»). Автор видит себя волком, голодным и травимым, но свободным — в противоположность «прикормленным» и «изменившим породе» сторожевым псам. Недоброжелательно-ироническое отношение Ю.Д. к «славянофильскому фрондерству» Солоухина вызвано не столько неприятием почвеннической идеологии как таковой, сколько тем, что автор «Волков» в 1958 г. активно участвовал в публичном шельмовании Б.Пастернака.

...А где же страсть к словечку «сударь» И к недоеденным кускам? — В одной из своих публицистических статей В. Солоухин предлагал восстановить в обыходе обращения «сударь» и «сударыня». В другой статье Солоухин обличал тех, кто выбрасывает недоеденные куски хлеба; в этом автор статьи усматривал презрение к крестьянскому труду.

...Плестяся каплями росы... — «Капля росы» — название одной из повестей Солоухина, а также сборника его прозы.

письмо № 27 (1967, 2 апреля — 2 мая)

...пройди, пройди, желанное... — Парафраз известной строки из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?».

...от Наташки — «Культура и быт народов зарубежной Европы». — В этом сборнике (М., 1967) была опубликована статья Н.Н. Садомской «Основные этапы этнической истории галисийцев».

...стишок о лыжниках... — «Стрелы на снегу». См. прим. к письму № 23.

Статья отменная, и врезали этому самому Черткову как надо... — Пажитнов Л., Шрагин Б. Кого любить? // Искусство кино. 1967. № 3. Предмет статьи — любовная тема в советском киноискусстве; авторы проводят ироническую параллель между некоторыми лентами массового кинопроката («Совесть», «Любимая», «Свет далекой звезды» и пр.) и произведением некоего В. Черткова «О любви», одной из типичных политпросветских брошюр 1950–1960-х, посвященных «нравственному облику советского человека».

...Юрию Павловичу — поклон... — Ю.П. Тимофеев, приятель Ю.Д., журналист, зав. отделом коммунистического воспитания в «Литературной газете».

...не обнаружил изречения о «шикарных шумерских шлохах»... — Фраза из модной в то время устной салонной игры (задача — составить предложение определенной длины, в котором все слова начинаются с одной и той же буквы).

...в жанре Ватагина. Только в этом жанре я мог бы воспеть определенную категорию существ. — «Жанр Ватагина» — анималистика.

...о его родителях... — Исаак Яковлевич Каганов, университетский преподаватель Ю.Д., и его жена.

...о Басюке. — См. прим. к письму № 18.

...напечатал в «Юности» «Хочу быть таким, как Ленин»... — Речь идет о стихотворении Б.Чичибабина «Я хочу быть таким, как Ильич» (Юность. 1963. № 4).

...Генка продолжил свой казачий род? — Г.Грицай (см. прим. к письму № 2).

...не потому, что осознал, а потому, что иссяк. — Из анекдота.

«Консуэло» — Роман Жорж Санд.

...все надеются на амнистию... — Имеются в виду слухи (несбывшиеся), что амнистия в честь 50-летия Октябрьской революции коснется и политзаключенных.

«Довлеет дневи злоба его» — Матф.: 6; 34. Выражение означает: «Каждому дню достаточно его собственных хлопот».

Прочел мне из Людиного письма... — К этому моменту Л.Алексеева, равно как и Н.Садомская, уже переписывались со своим бывшим сокурсником Л.Ренделем (см. прим. к письму № 8).

...как здесь предпочитают выражаться, «с праздником весны». — В 1960-е именование Первого мая «праздником весны» еще сохраняло оттенок сознательной «деидеологизации» официальной даты; в среде политзаключенных этот нюанс особенно ощущался.

...и уедете не солоно хлебавши. — В данном случае Ю.Д. оказался неправ: 29/IV ему было предоставлено общее свидание с женой и сыном.

...отдохну от многолюдства. — Имеется в виду возможность перевода на камерный режим.

...о театре Лен. комсомола. Мне совершенно непонятна эта свистопляска... — Вероятно, в письме Л.Б. говорилось об уже начинавшейся в то время ведомственной и партийной травле А.Эфроса, через несколько месяцев смещенного с должности главного режиссера театра им. Ленинского комсомола.

...рублей пятьдесят — В этом же письме содержится зашифрованное указание о том, как следует распорядиться присланной суммой.

письмо № 28 (1967, 8—17 мая)

...Павлу Михайловичу — благодарность. — Кто такой Павел Михайлович, из контекста неясно — может быть, П.М.Литвинов. Ю.Д. не встречался с Литвиновым до ареста, но Л.Б. в 1967 г. уже была с ним знакома.

...забрали все мои записи. — Речь идет, видимо, о лагерных дневниках 1966 г.

...на месте Риты Яковлевны... — Переводчицы Фолкнера Р.Я.Райт-Ковалевой.

..книжку Сарнова о детской литературе. — Сарнов Б. Страна нашего детства: Литературно-критические статьи. М., 1965.

«Победные» телеграммы... — Т.е. отправленные к Дню Победы.

Столь щедрая оплата... попросту развращает небожителей. — Имеются в виду вещи, потерянные во время путешествия Л.Б. в Озерный.

Санькино сочинение я прочел. — Школьное сочинение сына Ю.Д. по литературе, которое было прислано Ю.Д. «на рецензию».

Наташкины идеи насчет козлов-быков-театра-корриды... — Н.Садомская, этнограф-испанист, много занималась историей корриды и сопряженных с ней ритуалов.

У Хемингуэя есть чудесный рассказ... — «Рог быка».

Но почему, собственно, «их»? Мой, наш... — Жесткие инвективы в адрес либеральной интеллигенции, при одновременном ощущении собственной неотъемлемой принадлежности к ней — постоянная тема творчества Даниэля-литератора. Ср. в стихотворении «Либералам»: «О либералы, сибариты, Оплот мой, логово мое!», или много раньше, в стихотворном эпиграфе к повести «Искушение»: «О, милые, и я — такой же, Интеллигентен и тактичен» («Товарищам интеллигентам» — сб. «Говорит Москва», с.100). Граница между «художником» и «чернью», декларированная в последнем стихотворении, проходит, согласно Даниэлю—Аржаку, между теми, кто осознает гражданскую ответственность за все, происходящее в стране, и теми, кто отказывается принять на себя всеобщую вину, пытаясь возложить ее на других. Особенно отчетливо эта тема звучит в финале повести «Говорит Москва».

...Левушка Мильчин... — Ю.Д. говорит о своем бывшем знакомом Льве Исааковиче Мильчине, художнике-мультипликаторе.

Я прочел почти всю «Звезду Востока». — 3-й номер ташкентского журнала «Звезда Востока» за 1967 г. стал заметным литературным событием. Подготовленный под девизом «Писатели России — жертвам ташкентского землетрясения», он обратил на себя внимание не только необычно высоким уровнем представленных там произведений, но и обилием имен писателей, публикация которых сталкивалась в то время с цензурными сложностями: Мандельштам, Булгаков, Платонов, Бабель; из современных литераторов — Б.Ахмадулина, Б.Окуджава. Можно предположить, что номер рассматривался составителями не только как благотворительная акция, но и как возможность под ее прикрытием пробить в печать «труднопроходимые» вещи.

...спасибо ему за его улыбку 9 февраля прошлого года... — Многим московским литераторам удалось побывать на одном-двух заседаниях Верховного суда РСФСР, когда судили Синявского и Даниэля. В их числе был и Н.В.Панченко.

Я недавно стихи сочинил, кажется, об этом немножко... — «Чужие огни» — стихи, посвященные Е.М.Закс.

...понадобилось целых десять дней, чтобы разобраться в моих каракулях... — Шпилька в адрес лагерной цензуры.

«За них — на ринг, за них — на риск» (исправленная строчка, кстати). — Из стихотворения «Либералам». Первая редакция строки утрачена. Ю.Д. ранее нелегально передал это стихотворение на волю и теперь цитирует, чтобы выяснить, дошло ли оно.

письмо № 29 (1967, 8—12 июня)

...мне предоставили двухнедельный отпуск, четырнадцать суток я не работал. — Т.е. находился в ШИЗО.

...впечатлений у меня (и довольно сильных) прибавилось. — По-видимому, именно во время этой отсидки в ШИЗО имела место стычка Ю.Д. с надзирателями, о которой он пишет в «Свободной охоте» (сб. «Говорит Москва». С. 257—260).

30 мая... вспомнил фирменное блюдо Ирины — бутерброды. — 30 мая — день рождения Ирины Глинки.

...простил он тебе потерянные сапоги?—Сапоги, потерянные Л.Б. во время поездки в Озерный (см. прим. к письму № 28), принадлежали Л.Невлеру.

Он по-прежнему в «Д.И.»? А Фаюм? — «Д.И.» — журнал «Декоративное искусство СССР», в редакции которого работали Л.Невлер и Ю.Герчук.

...Борька пишет, что, мол, потерял полюбившегося автора. — В начале 1967 г. писатель Юрий Казаков в интервью арабскому журналисту осудил литературную деятельность Синявского—Терца и Даниэля—Аржака, заявив, если верить опубликованному тексту интервью, что «дело Синявского и Даниэля» — «сионистская провокация».

«Тому в истории мы тьму примеров слышим» — Из басни И.А.Крылова «Волк и ягненок».

...я абсолютно убежден в том, что «Тихий Дон»... покойник был чудесный поэт. — В подтверждение своей точки зрения (что политический сервиллизм писателя не зачеркивает литературных достоинств его творчества) Ю.Д. ссылается на произведения М.Шолохова, В.Катаева, Л.Соболева, С.Михалкова; последний иронически назван «покойником» — имеется в виду литературная смерть Михалкова.

«Сижу на нарах, как король на именинах» — Строка из раннего стихотворения Г.Горбовского «Когда качаются фонарики ночные...», ставшего частью городского песенного фольклора 1950—1960-х.

...Борису и совсем неизвестной мне Ирине. — Борису Исааковичу Шабуну, мужу А.Я.Кремянской, и их дочери Ирине Шабун.

Растрогало меня сообщение о том, что Наталья Петровна волновалась обо мне... — Наталья Петровна — учительница московской школы № 613, где в 1930-е учились Ю.Д., Алла Сергун, Михаил Бурас, Борис Золотаревский.

...читать лекцию о человечности Жозефу Фуше (или его нынешним коллегам и единомышленникам). — Имя видного якобинца Ж.Фуше, ставшего при Директории и Наполеоне министром полиции, стало синонимом политического цинизма и беспринципности.

...советами избрать «разумную линию поведения»... — Некоторые из друзей семьи Даниэлей полагали, что как он сам, так и Л.Б. в отношениях с властями предерживающимися ведут себя неразумно и что конфронтационных ситуаций можно было бы избежать при более «сдержанном поведении» обоих. Однако Ю.Д. неизменно и категорически настаивает на своем и Л.Б. праве самостоятельно определять линию поведения.

...этот «modus vivendi» определен в первый же день моего прибытия в Явас — и не по моей инициативе, и не в связи с поведением моих близких. — Вероятно, Ю.Д. прав. Конфронтация с лагерной администрацией определялась не столько поведением Ю.Д., сколько желанием его «кураторов» добиться от него принципиальных нравственных уступок. «Дело Синявского и Даниэля» уже осознавалось многими (в том числе и властями) как знаковое событие, консолидировавшее культурно-нравственную оппозицию режиму; тем важнее было принудить осужденных по этому делу к поступкам, которые скомпрометировали бы их. Концентрация усилий КГБ именно на Даниэле объясняется тем, что он изначально рассматривался чекистами как «слабое звено», в отличие от «закоренелого» Синявского.

Существует и иная, не столь детерминированная точка зрения. Ср.: Розанова М. Абрам да Марья // Независимая газета. 1993. 12 и 13 января.

...не нужно никаких расследований по поводу анонимки. — О получении анонимки см. запись от 17/V в письме № 28.

...Наташке, именно ей, я подарил самое лучшее стихотворение. — «А надо ль былого чураться...».

...дарю его Нелке Воронель. — «Когда спохватишься, что «плавно»...».

письмо № 30 (начало: 1967, 18 июня — 2 июля)

5 июля Ю.Д. был внезапно освобожден из ПКТ и этапирован обратно на Озерный. Поэтому он отложил текущее письмо и начал другое, по нашей нумерации — № 31 (которое, таким образом, выпало из лимита ПКТ — одно письмо в два месяца). 9 июля он был вновь водворен в ПКТ (уже на Озерном) — досиживать неотбытые 5 месяцев; и, соответственно, вернулся к прерванному письму № 30. Причины неожиданного четырехдневного перерыва в наказании нам, как и автору писем, неизвестны.

Во избежание путаницы в последовательности дат и событий, мы публикуем письма № 30 и 31 не в порядке их получения адресатом, а в хронологи-

ческом порядке записей в них: первая часть письма № 30, письмо № 31, вторая часть письма № 30.

...со всеми без исключения материалами съезда писателей. — Ю.Д., безусловно, имеет в виду не только официальные отчеты и выступления, публиковавшиеся в «Литературной газете», но и известное «Открытое письмо IV съезду писателей» А.Солженицына. К нему, а может быть, и к писательским письмам в поддержку Солженицына, относятся и слова о «вторжении известных писателей в новые для них жанры», и фраза об опрокинутом стакане с чаем. Из этого, в частности, можно заключить, что уже в 1967 г. в политлагеря по нелегальным каналам начали проникать не только недозволённый кофе или «левые» денежные суммы, но и тексты тогдашнего «самиздата».

...как Соня, возвратившись от Аси доложила Фелиции Лазаревне: «Не-ет, он его (т.е. Асю) совсем не бил...» — Происходившее на писательском съезде Ю.Д. уподобляет запомнившемуся ему эпизоду из коммунального быта на Маросейке, где Даниэли жили до 1959 г. Этот же эпизод (в другой связи) он вспоминает в «Свободной охоте»: «Он его сапсем не бил. Он его один раз ногом живот стукнул...» (сб. «Говорит Москва». С.257—258). Соня [Ибрагимова], Фелиция Лазаревна [Майзель] — соседи Даниэлей по коммунальной квартире; Ася — дочь С.Ибрагимовой, жившая отдельно.

...парочку-другую советов главнокомандующему. — Оборот заимствован из анекдота.

...спектакль «Изобретатель и комедиант». — По пьесе Марка Даниэля, отца Ю.Д.

Бородатой звезде телеэкрана... — Вероятно, речь идет о Ю.Левине; в какой связи он именуется «звездой телеэкрана» — неясно.

А что снимает Володя? — Имеется в виду В.А.Бондарев (см. прим. к письму № 16).

В последнем присланном мною творении... — «Когда спохватишься, что «плавно»...»

...петровская картинка, висевшая (висящая?) у нас... — Картина А.Петрова «Товарищ Дымов», гротеск, персонаж которого сочетает в себе черты комиссара 1920-х и лагерного надзирателя. На заднем плане — аналогичное смешение реалий. Картина не сохранилась.

...цикл под названием «Песни простофили»... — Впоследствии этот цикл будет называться «Песни простака».

письмо № 31 (1967, 8—9 июля)

...оптимизм получаемых мною и другими писем... — По мере приближения 50-й годовщины Октябрьской революции слухи насчет амнистии усиливались.

...я с сутью этой последней книжки уже познакомился раньше... — По всей вероятности, речь опять-таки идет не о книге, а о каком-то «недозволенном вложении». Судя по данной фразе, можно предположить, что там были не деньги и не записка, а какой-то самиздатский текст; скорее всего — письмо Солженицына IV съезду писателей, которое Ю.Д., видимо, уже читал в Явасе (см. прим. к первой части письма № 30).

Его стихи мне понравились... прозой, которую мне довелось читать — в «Сельской молодежи», кажется. Или где-то еще?.. — Стихи В.Шаламова — в сборнике «Дорога и судьба» (М., 1967). Что касается прозы, то Ю.Д. имеет в виду «Колымские рассказы», которые читал, конечно, не в «Сельской молодежи», а в самиздатских списках начала 1960-х.

Ире У. спасибо за Мрожека... твердо становлюсь на путь исправления. — Ирина Уварова послала Ю.Д. вырезку из журнала «Театр» с заметкой о комических рисунках С.Мрожека и с самими этими рисунками. Особо был отмечен рисунок, подписанный «Я тебе покажу, как обижать беззащитную женщину!» — в ответ на упрек Ю.Д. в одном из предыдущих писем («А почему Ирина Уварова меня разлюбила?»).

...Юре Шухевичу. — Юрий Романович Шухевич-Березинский, сын главнокомандующего УПА Р.В.Шухевича-Березинского, впервые был арестован в 1948 г. в возрасте 15 лет и приговорен к 10 годам лишения свободы. В 1956 г. был досрочно освобожден, но вскоре опять арестован и отправлен досиживать срок. В 1958 г., перед освобождением, ему предложили выступить по украинскому радио с осуждением деятельности его покойного отца. После отказа было возбуждено новое дело за «антисоветскую агитацию»; приговор — еще 10 лет, из них первые 5 — на тюремном режиме. Вышел на свободу в 1968 г., жил в Нальчике (возвращаться на Украину ему было запрещено), писал воспоминания о лагере и тюрьме. За это в феврале 1972 г. вновь арестован и осужден на 10 лет тюрьмы и 5 лет ссылки. После освобождения принял активное участие в политической жизни Украины, возглавил Украинскую национальную ассамблею (УНА) — радикальную шовинистическую организацию украинских националистов. В конце 1990-х отошел от политики.

письмо № 30 (окончание: 1967, 12 июля — 1 августа)

...с графоманами шутки плохи, сам с ними имел дело... — Время от времени Ю.Д. зарабатывал деньги внутренними рецензиями в издательствах.

...послушать Тошкины лекции... — Цикл лекций для школьников «Русская поэзия XX века (Маяковский, Есенин, Пастернак, Блок)», читавшийся А.Якобсоном в 1966–1968 гг. в московской школе № 2, где он преподавал литературу и историю. Лекции эти были популярны в Москве и собирали аудиторию в несколько сот человек, далеко не только школьников.

«а на нейтральной полосе цветы — необычайной красоты» — Из песни В.Высоцкого «Баллада о нейтральной полосе».

...узнавать о Саньке раньше, чем ты. — Жена В.Ронкина Ирина и их друзья отправились летом 1967 г. в Красноярский край в составе самостоятельной экспедиции; Саня Даниэль поехал вместе с ними.

...«как пульс покойника» — Из поэмы В.Маяковского «Облако в штанах».

...о визите Романа... — Роман Дужинский, вышедший на свободу летом 1967 г., проездом из Мордовии на Украину был в Москве и заходил к Даниэлям.

Почему возникла необходимость обсуждать все это со мною? — По общению М.Розановой (см. Розанова М. Абрам да Марья. // Независимая газета. 1993. 12 и 13 января), именно в это время в КГБ рассматривалась возможность досрочного освобождения Синявского и Даниэля при условии подачи ими просьбы о помиловании. Однако А.Д.Синявский отказался обсуждать эту возможность без предварительного разговора со своим однодельцем Даниэлем. Весьма вероятно, что беседы с Ю.Д. имели целью выяснить его «настроения» и, в зависимости от результатов, решить вопрос о целесообразности или нецелесообразности его встречи с Синявским. Судя по дальнейшему, ответы Ю.Д. не удовлетворили его собеседников; возможно также, что определенную роль сыграло недовольство КГБ поведением Л.Б.

Предложения к Синявскому более не возобновлялись. В 1971 г. Ю.Д., уже будучи на свободе, подал просьбу о помиловании Синявского от своего имени. После переговоров с самим Ю.Д., а также с М.Розановой (она подала аналогичное прошение) руководство КГБ обратилось в ЦК с соответствующим ходатайством. Летом 1971 г., за 14 месяцев до конца срока, Синявский был освобожден.

...«почему ты такой оптимист?» — Фраза из полуанекдотического устного рассказа о юбилее некоего советского поэта (в качестве героя рассказа чаще всего называют Льва Ошанина).

...из библиотеки!!! — Далее следует зашифрованное сообщение для Ирины Ронкиной - «шифр для Ронкиных чижик 2 3 4» — о ключе, которым она должна будет пользоваться в переписке с мужем.

...с Тошкиной статьей о Маршаковских и Пастернаковских переводах сонетов... — Якобсон А. Два решения // Мастерство перевода, 1966. М., 1968. С.183—188. Статья представляет собой сравнительный разбор двух переводов 66-го сонета Шекспира — С.Маршака («Зову я смерть. Мне видеть неvertepeж...») и Б.Пастернака («Измучась всем, я умереть хочу...»).

Ты не должна волноваться, что какие-то твои поступки ухудшают мое положение... — Вероятно, речь идет об очерке Л.Б. «История одной поездки», написанном под впечатлением очередного путешествия в Мордовию. Текст попал за границу, что было воспринято КГБ как «переступание грани». «Мы с вами находимся по разные стороны баррикад, — заявил Л.Б. ее «куратор» М.И.Бардин, — и вы первой открываете огонь». Это был последний раз-

говор с Бардиным, однако Л.Б. продолжала хлопоты о муже в других инстанциях — прокуратуре, Министерстве охраны общественного порядка и т.п. Возможно, беседы Ю.Д. с «представителями Москвы» связаны, помимо прочего, и с этими хлопотами и официальными жалобами Л.Б.

Попугаи и людоеды имеются. — Попугаи, «попки» — на лагерном жаргоне часовые на вышках; говоря о людоедах, Ю.Д. намекает на известного всему Дубравлагу заключенного из уголовников, о котором ходили слухи, что он, находясь в побеге, убил и съел своего напарника.

...с генерал-майором, вот с кем! — В Министерстве охраны общественно-го порядка Л.Б. добилась приема у высокопоставленного гулаговского чиновника в звании генерал-майора. Однако, не разобравшись в знаках различия, она решила, что беседует с майором.

Комиссия? Бог с ней. Я во все это не верю... — Л.Б. пообещали, что для проверки ее жалоб в Озерный будет направлена комиссия из Москвы.

...цель достаточно дурацкая... — Целью самостоятельной экспедиции, в которой участвовали Ирина Ронкина и Саня Даниэль, было отыскание следов Тунгусского метеорита.

...«Что за свадьба без цветов? Пьянка — да и все» — Из песни В.Высоцкого «Баллада о нейтральной полосе».

...на отдельном листке — стихи... — «Бесмысленное, бесполезное...».

письмо № 32 (1967, 14 августа — 2 октября)

...Фаюмские экзерсисы на тему «Федор Каржавин или пагубность академизма». — Герчук Ю. Жизнь и странствия Федора Каржавина // Прометей. Т.2. М., 1967. Каржавин Федор Васильевич (1745—1812) — русский литератор и путешественник, предмет многолетних архивных и библиографических изысканий Ю.Я.Герчука. Академическая основательность этих исследований служила постоянным источником острот в кругу его знакомых.

Все не так уж черно. А Глухому скажи, что он догматик... — Это замечание — начало длительного спора между Ю.Д. и его бывшим соллагерником Анатолием Марченко о сути и специфике современного политлагеря. Летом 1967 г. А.Марченко как раз работал над своей знаменитой книгой о мордовских лагерях и Владимирской тюрьме — «Мои показания». Основной пафос «Моих показаний» — в традиционном для русской литературы сострадания к «униженному и оскорбленному», в упоре на бесчеловечное и несправедливое обращение лагерного начальства с заключенными, на невыносимые условия существования в неволе. Для Ю.Д. все это второстепенно, а глубинный смысл лагерного бытия — в столкновении свободного человеческого духа с тупым и плоским насилием. По мнению Ю.Д., последнее априори обречено на поражение, а потому неинтересно. См. отзыв Ю.Д. о «Моих показаниях» в «Сво-

бодной охоте» (сб. «Говорит Москва». С.265—266), а также — под инициалами Н.А. — в 3-м выпуске неподцензурного исторического сборника «Память» (Москва, 1978; Париж, 1980).

...совместная книжка о Волге... — Герчук Ю., Домшлак М. Художественные памятники Верхней Волги. В это время книга готовилась к печати.

...ту его позицию, которая была в свое время стопроцентно обидной для меня и крайне нежелательной для других. — Речь идет о некоторых публичных высказываниях М.Бураса во время следствия и суда над Синявским и Даниэлем. См. прим. к письму № 3.

Кстати, об этой последней книжке. Ее содержание меня сперва несколько озадачило. — Очевидно, и в этой книге были спрятаны какие-то «недозволенные вложения»; можно предположить, что это были очередные самиздатские тексты, связанные с письмом Солженицына к съезду писателей («в очень привлекательном свете предстали некоторые славянские литераторы»). Причем спрятаны они были так тщательно, что Ю.Д. не сразу их обнаружил (на это намекают фразы насчет «модерновых решений» и «традиционных принципов»).

...Notre Dame de Seka... — Т.е. «Богоматерь зэка».

Тень Бобы Цимеринова витала над нами... — Б.Цимеринов — университетский знакомый Ю.Д. и Л.Б., стихотворец, прославившийся на факультете поисками рифмы к слову «Европа».

...привет Наташе «в палевом костюмчике»... — Наталье Горбаневской, в то время дальней знакомой Ю.Д. и А.Синявского. «Палевый костюмчик» — из ее раннего стихотворения («Свой костюмчик светлый, палевый Надеваешь не дыша...»), не вошедшего в позднейшие сборники.

«...и лесную кикимору видели, и ни словом ее не обидели» — Источник цитаты неизвестен.

...рад я был получить весточку от «морковного» тунгуса... — Речь идет о давнем знакомом Даниэлей, французском профессоре-слависте Клоде Фриу. «Тунгус» — из-за пародийной замены в пушкинской строке: «... и ныне дикий Француз...» (семейная шутка, использованная Л.Б. для «конспирации»); «морковный» — по цвету волос.

...возрождению классического «Вестибюли мои, вестибюли!» — «Французский» вариант строчки «Ах вы, сени, мои сени...» (см. прим. к письму № 14). Здесь Ю.Д. цитирует ее по ассоциации с аналогичным сближением «тунгус» — «француз» в письме Л.Б.

...нахалка каких свет не видел. — В книгу было спрятано очередное «недозволенное вложение» — 10 рублей.

...книжечка стихов Володи Корнилова. — Скорее всего, «Пристань» (М., 1964).

...был я рад прочесть «Героя поэмы». Ты, Лар, наверно, помнишь его — Е.А.Гнедина. — «Герой поэмы» — стихи В.Н.Корнилова, посвященные Е.А.Гне-

дину. **Евгений Александрович Гнедин** (1898–1983) — деятель Коминтерна, дипломат, журналист, дальний знакомый Ю.Д. В 1939–1949 г. узник сталинских лагерей; в 1949–1955 г. — в «вечной ссылке». В 1960-е — известный новомировский публицист. В 1970-е — автор нескольких самиздатских работ публицистического характера и мемуарной книги «Катастрофа и второе рождение», изданной на Западе. В 1979 г. вышел из КПСС.

Мы тут читали его работу в журнале... — Вероятно, «Не меч, но мир» (Заметки о становлении советской дипломатии) // НМ. 1967. № 7.

...легче держаться, когда вспоминаешь о таких. — В 1939 г., когда Гнедина арестовали, он, несмотря на пытки и избиения, не подписал показаний против бывшего наркома иностранных дел М.М.Литвинова, которых от него требовал лично Берия. В дальнейшем, в лагерях и ссылках, Гнедин вел себя не менее мужественно.

...мы с Бенем вели заочный репортаж — о Лене... — Л.А.Рендель вышел на свободу 30 августа.

...«У Глафиры Анисимовны-то, небось, сейчас застолье!»... — Глафира Анисимовна — мать Л.А.Ренделя.

...о сборах в байдарочный поход. — В байдарочный поход собирался Саня Даниэль.

... qui vivra, verra — Поживем — увидим (фр.).

...«Пять песен простака» («ППП»). Три уже готовы, работаем четвертую. — По всей видимости, пятая «песня простака» так и не была написана.

...а вот остальных уже не пришлось. — Ю.Д. вспоминает канун своей поездки в Новосибирск, по возвращении из которой он был арестован.

Я тут стихи, кстати, написал о солнце — о южном солнце. — Стихотворение «Солнце».

...все-таки Фаюмы. — Свое прозвище М.Домшлак и Ю.Герчук получили в студенческие годы за сходство с фресками одной из школ древнеегипетской живописи — так называемыми фаюмскими портретами.

...за ворота с чистой совестью... — Стандартный плакат на лагерной вахте: «На свободу — с чистой совестью!».

Я начал переводить поэму Кнута об Орфее и Эвридике — больше об Эвридике. — Перевод поэмы К.Скуениекса «Не оглядывайся» Ю.Д. считал самым значительным из всего сделанного им в лагере.

...тетифенин муж несколько растерян непониманием (недоброжелательностью?) своих близких, их недоумением по поводу всяких планов... — «Тетифенин муж» — Андрей Синявский (на даче, которую Синявские снимали под Москвой в начале 1960-х, над кроватью М.Розановой была наклеена газетная вырезка, озаглавленная «Тетя Феня учит жить»). «Близкие» — очевидно, соллагерники Синявского на 11-м лаготделении. Возможно, речь идет о предложении КГБ Синявскому подать просьбу о помиловании (см. прим. ко второй части письма № 30) и о негативном (гораздо

более негативном, чем у Ю.Д.) отношении солагерников Синявского к самой идее помилования. По представлениям политзаключенных 1960–1980-х, просьба о помиловании сопряжена с обязательным раскаянием и признанием своей вины.

...повесть Грековой... — Грекова И. На испытаниях // НМ. 1967. № 7.

...заметки Гнедина... — см. прим. к наст. письму.

...рецензия Светова на «Бездну» Гинзбурга... — Светов Ф. Об ответственности человека // НМ. 1967. № 7 [рец. на книгу Льва Гинзбурга «Бездна. Повествование, основанное на документах». (М., 1966)]

...вот бы эту книжечку получить! — Как следует из письма № 39 (запись от 17/II-68 г.), книга Льва Гинзбурга «Бездна», посвященная теме коллаборационизма и соучастия советских граждан в нацистских преступлениях на оккупированных территориях, была Ю.Д. получена.

...рецензия Нат. Ильиной, элегантная и ехидная... — Ильина Н. Катя за границей // НМ. 1967. № 7. [рец. на рассказ Бориса Евгеньева «В Лондоне листопад...» (Москва. 1967. № 1)].

...статья Чудаковых о юморе... — Чудакова М., Чудаков А. Современная повесть и юмор // НМ. 1967. № 7.

Я тут написал стихотворение о пословицах и поговорках. — Стихотворение «Я ненавижу Прогнивший ворох...».

...да мало ли можно найти примеров! — Перечисление тем, «волнующих» Ю.Д., — даже не маскировка, а откровенная ирония: Ю.Д. дразнит тех, кто будет читать его письма (не столько в Озерном, сколько в Москве). Особенно двусмысленно звучит упоминание о Теодоракисе: Микис Теодоракис, греческий композитор, придерживавшийся коммунистических взглядов, после суда над Синявским и Даниэлем выступил в советской печати в поддержку приговора; государство, заявил он, вправе защищать себя от своих идейных противников. После военного переворота в Греции весной 1967 г. Теодоракис был арестован (именно как «антигосударственный элемент») и, после тюремного заключения, отправлен в ссылку. Его арест вызвал волну протестов как мировой общественности, так и советского официоза.

...статья Рассадина о Чуковском... — Имеется в виду статья Ст. Рассадина в книге «Так начинают жить стихом...» (М., 1967).

...то ли еще от чего... — На этих словах письмо обрывается.

Конец письма утрачен, по всей видимости, — изъят лагерной цензурой. Причиной тому могли стать некоторые из упомянутых выше стихотворений. Видимо, стихи были записаны не на отдельном листке, который можно было просто вынуть, а непосредственно продолжали текст письма. Письмо было сдано на отправку 2 октября 1967 г.; последние записи, вероятно, относились к этой же дате.

...что два моих последних письма (от 2/Х и от 19/Х) к вам не попали. — Письмо от 2/Х дошло до адресата (письмо № 32, по нашей нумерации), хотя, по-видимому, с изъятыми последними страницами, а письмо от 19/Х, действительно, пропало — возможно, потому, что Ю.Д. вложил в него свой перевод поэмы К.Скуениекса «Не оглядывайся».

...от Люды — приятная и полезная книга... — Ю.Д. на всякий случай еще раз дает понять, что нашел спрятанные в переплете 10 рублей (см. прим. к письму № 32).

...2-е письмо было с 11-го л/о. — Следовательно, в октябре Ю.Д. вновь возили в Явас. Возможно, именно этими переездами и связанной с ними временной неопределенностью статуса объясняется сама возможность послать письмо 19/Х, т.е. вне лимита, положенного на камерном режиме.

...углубленный анализ книги о Тувиме... — Если в этой книге были действительно спрятаны материалы, связанные с письмом Солженицына IV съезду писателей, то резоны Ю.Д. для ее «углубленного анализа» получают дополнительное объяснение.

...о физиономии А.Васильева... — Драматург Аркадий Николаевич Васильев, как и критик З.М.Кедрина, выступил в качестве «общественного обвинителя от Союза писателей» на процессе Синявского и Даниэля.

...повезут меня на 3-й... — На 3-е лаготделение Дубравлага (пос. Барашево), где находилась лагерная больница.

...как, скажем, книга о Тувиме или «Ускор.развитие лит-ры». — Вновь намек на «недозволенные вложения».

...статьи о Сухово-Кобылине и о Рамусе. — Злобина М. Заметки о драматургии Сухово-Кобылина (К 150-летию со дня рождения) // НМ. 1967. № 9; Львов С. Жизнь и смерть Петра Рамуса (Исторический очерк) // Там же.

...от Кишиловых–Голомштоков–Меньшутиных... — См. прим. к письмам № 12 и 17.

«Вітаю» — приветствую (укр.).

«Изобретатель и комедиант» — Пьеса Марка Даниэля, упоминавшаяся выше.

...лавры Жени Солоневича... — Е.М.Солоневич, член Союза писателей, переводчик с итальянского. Премии им.Данте удостоен в 1966 г. Впоследствии — лауреат еще трех итальянских литературных премий (1968, 1980 и 1983 гг.).

Читал в «Новом мире» Расула Гамзатова... — Мой Дагестан. Кн.1 // НМ. 1967. № 10—11.

...хорошо, что он с Шамилем покаялся. — В одном из своих ранних стихотворений Р.Гамзатов клеймил, согласно конъюнктуре конца 1940-х, «агента британского империализма» имама Шамиля, который в 1830–1850-х возглавлял восстание горцев Дагестана, Кабарды и Чечни против России. В книге

«Мой Дагестан» Гамзатов оценивает свой юношеский конформизм как постыдную слабость; этой переоценке посвящен один из поэтических фрагментов книги.

...«История СССР» с шоколадно-кофейной начинкой... мне ее читать не доведется. — Первый (но не последний) случай, когда лагерная цензура, проверяя адресованную Ю.Д. Бандероль, обнаружила «недозволенное вложение».

...таинственный Роман... — Отправитель бандероли Р.Рутман, с которым Ю.Д. не был знаком.

...посылал ли я перевод этого стихотворения Кнута? — Опубликовано впервые в журнале «Даугава» (1989. № 6).

«только что же он может один?» — Перифраз строки из песни Б.Окуджавы.

...у наследника Смердякова... — См. прим. к письму № 5.

...и зачеркнула! — Вымарки в письме М.Злобиной сделал, конечно, лагерный цензор, и Ю.Д. это отлично понимает.

...на диспуты о модернистах — никакие лифшицы не устоят. — Намек на участие Б.Шрагина в дискуссии вокруг статьи М.Лифшица «Почему я не модернист?» (см. прим. к письму № 19).

...стихи для Алёны и другие — про поговорки. — Стихотворения «Солнце» (с посвящением Е.В.Закс) и «Я ненавижу прогнивший ворох...», посланные в письме № 32, были, по-видимому, изъяты лагерной цензурой.

...если ты его прочтешь, поймешь — почему. — О сюжете поэмы К.Скуениекса «Не оглядывайся» см. письмо № 6, запись от 10/V-66.

...как сказал папа Мархоцкий. — Ю.Д. цитирует реплику одного из персонажей пьесы И.Ильфа и Е.Петрова «Сильное чувство».

...может, когда-никогда и опубликует. — Первая отечественная публикация одной из лекций А.Якобсона: Якобсон А. О романтической идеологии // НМ. 1989. № 4. Несколько других были частично опубликованы в 1992 г. в сб.: Якобсон А.А. Почва и судьба. М.: Весть-ВИМО, 1992.

...повесть Грековой... — Скорее всего речь идет о повести «На испытаниях» (НМ. 1967. № 7).

«Созвездие Козлотура» — Повесть Ф.Искандера.

...о стихах Бориса, написанных в столь же своеобразной обстановке... — Т.е. в лагере.

Подмосковное имение... — См. запись от 21/VIII-66 г. и прим. к письму № 12.

...он ведь тоже специалист по «Колоколу». — В.Ронкин и его однодельцы по «Союзу коммунаров» издавали подпольный журнал «Колокол», рассматривая его как прямое продолжение газеты Герцена и Огарева; на обложке было даже воспроизведено клише лондонского издания.

...эта личность... — Л.Рендель.

...перед портретом посла Республики... — Работа Ф.Гойи над портретом посла Французской Республики в Мадриде Ф.-П.Гильмарде входит в сюжетную канву романа Фейхтвангера.

...не два, а четыре письма в месяц (что весьма сомнительно)... — Надежды Ю.Д. на возможность льгот по истечении половины срока уже серьезно поколеблены (ср. прим. к письму № 26).

письмо № 34 (1967, 13—20 декабря)

...о несостоявшейся нашей встрече... — Сразу после окончания полугодового камерного содержания Ю.Д. жена и сын приехали к нему на свидание. В свидании, однако, было отказано.

...известие о Кирюшке! Жалко собачу чуть не до слез. — Речь идет о болезни собаки Даниэлей; ей делали операцию в виварии Института онкологии.

...«приют спокойствия, трудов и вдохновенья». — Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Деревня». Ю.Д. имеет в виду ПКТ.

...что интересного в 10-м номере «Москвы» (ты писала, что сенсационный номер)... — Номер журнала был прислан ради опубликованной в нем поэмы С.Смирнова «Свидетельствую сам» — одного из наиболее откровенных антилиберальных и просталинских произведений второй половины 1960-х.

...турок Исса. — Солагерник Ю.Д. (фамилию установить не удалось). В «Свободной охоте» Ю.Д. высказывает предположение, что «турок Исса» был не тем, за кого себя выдавал (сб. «Говорит Москва». С.15–16).

«Прошу вас, выпивайте и закусывайте, и пусть вас не волнует этих глупостей» — Цитата из рассказа И.Бабея «Король».

Бедняга Бен — Новый год будет встречать в одиночестве... — Срок заключения в ПКТ у В.Ронкина истекал позже, чем у Ю.Д.

письмо № 35 (23 декабря 1967 — 4 января 1968)

...Schweinmaschine — как говорит один изъясняющийся по-немецки латыш... — Вероятно, Ю.Д. имеет в виду Яна Капициньша. Последний почти не знал русского языка и вполне мог по созвучию называть швейную машину «швайнмашине» (дословно — «свинская машина»).

Петрарка... взывал бы, сморкаясь в цезурах, гнусаво: «Ау, Лаура»... — Нарочитая путаница: «Ау, Лаура» — строка из стихотворения Б.Чичибабина, первоначально посвященного Л.Б.

«Пустыне — свежести глоток...» — Это стихотворение позднее было включено автором в триптих, вместе с двумя другими — «Читая Сент-Экзюпери» и «Сны».

...у него кудри вьются, как у З.С.Кедриной... — Намек на строку из известной устной эпиграммы Мих.Светлова «Кудри вьются, кудри вьются, кудри вьются у блядей».

...чьи статьи в «Н.М.» я читаю с неизменным интересом... — Статьи и рецензии Ф.Светова 1966–1967 гг.: Повесть об «очарованном деятеле» // НМ. 1966. № 2 [рец. на повесть Ильи Лаврова «Очарованная»]; Книга о трибуне Французской революции // НМ. 1966. № 3 [рец. на книгу Ц.Фридлянд «Дантон»]; О ремесленной литературе // НМ. 1966. № 7; Записки революционера // НМ. 1966. № 10 [о книге П.А.Кропоткина «Записки революционера»]; О молодом герое // НМ. 1967. № 5; Об ответственности человека // НМ. 1967. № 7 [рец. на книгу Льва Гинзбурга «Бездна. Повествование, основанное на документах». (М., 1966)].

Где это Зюзино... — Речь идет о переезде Jakobсонов на новую квартиру.

Сережа рассуждает профессионально, биологически... — С.Мошков был арестован на последнем курсе биофака.

Был бы человек хороший (т.е. идейный). — Возможно, Ю.Д. слегка «подкальывает» своего корреспондента, намекая на его партийность (Б.Золотаревский — член КПСС с 1942 г.).

...совсем рядом с нами, с Армянским, с Чистыми... — Т.е. с домом на Маросейке, где Даниэли жили до 1959 г.

«И год не нов. Другой (1970) новей обещан». — «И год не нов. Другой, новей, обещан» — строка из поэмы Б.Пастернака «Спекторский». 1970-й год Ю.Д. упоминает, так как в этом году кончился срок его заключения.

...от Оли (из Львова)... — Вероятно, речь идет о жене Михаила Горыня.

...«вернувшегося», точнее — «возвращающегося» — Речь идет о ком-то из реабилитированных, возвращавшихся из лагерей в 1955–1956 гг. и останавливавшихся в Москве у Даниэлей по дороге домой.

письмо № 36 (1968, 19 — 22 января)

...открытие от Кости... — Скорее всего — от К.И.Бабицкого, которого Ю.Д. знал как коллегу своей жены.

Кваском, правда, припахивает... — Иными словами, Ю.Д. считает, что «Письма из Русского музея» слегка отдают квасным патриотизмом.

...эпизод с визитом Толи и Вити... — Толя и Витя — имена «топтунов» из повести Абрама Терца «Суд идет» (Абрам Терц. Т.1). Вероятно, Л.Б. намекает в своем письме на какие-то стычки с агентами наружного наблюдения, которое было установлено за квартирой Даниэлей в эти недели, сразу после выхода за рубежом книги Анатолия Марченко «Мои показания» и накануне процесса Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. О процессе см. ниже, прим. к письму № 36.

...упоминаемые в том же письме Вадик и Саша... — О ком идет речь, неясно.

«Итак, начинается утро...» — Первая строка сатирического стихотворения Саши Черного «Всероссийское горе». В этом стихотворении описывается

день модного литератора, которого донимают визитами почитатели его таланта.

...сборник Владимира Максимова. — «Шаги к горизонту» (М., 1967).

...единственный разговор об этом авторе был у меня где-то числа 9—11 сентября 65-го года. — Речь идет о допросах в КГБ, предшествовавших аресту Ю.Д. В допросах участвовал подполковник КГБ М.И.Бардин (см. прим к письму № 25). На одном из допросов речь зашла о политической оценке литературных произведений; в связи с этим Бардин рассказал Ю.Д., что именно он содействовал публикации в журнале «Октябрь» одной из повестей В.Е.Максимова, которая первоначально была отвергнута редакцией как «антисоветская».

Не сомневаюсь в качестве перевода... при случае передайте мое неизменное уважение. — Переводчик рассказов Б.Маламуда, вошедших в сб. «Туфли для служанки» (М., 1967), — Р.Я.Райт-Ковалева, прервавшая в то время отношения с Ю.Д. и его семьей (см. прим. к письму № 10). Сам Ю.Д., по-видимому, забыл об этом обстоятельстве или не придавал ему значения.

...статьи о процессе. — Статьи в «Известиях» («Затянутые одним поясом») и в «Комсомольской правде» («В лакеях»), в которых шла речь о судебном процессе над Ю.Галансковым, А.Гинзбургом, А.Добровольским и В.Лашковой. Дело слушалось в Мосгорсуде 8–12 января 1968 г. Александр Гинзбург обвинялся в соавторстве «Белой книги» — документального сборника о деле Синявского и Даниэля; его друг Юрий Галансков — в выпуске машинописного альманаха «Феникс», где, в частности, были помещены статья А.Д.Синявского «Что такое социалистический реализм» и открытое письмо самого Галанскова М.Шолохову (протест против его выступления на XXIII съезде КПСС); машинистка Вера Лашкова — в перепечатке материалов для «Белой книги» и «Феникса»; Алексей Добровольский — в «соучастии». Кроме того, подсудимым было предъявлено обвинение в связях с эмигрантской организацией «Народно-трудовой союз» (НТС). Галансков был приговорен к 7 годам лишения свободы, Гинзбург — к 5 годам, Добровольский — к 2 годам, Лашкова — к 1 году. «Процесс четырех», как его позднее стали называть в литературе, — крупнейший после дела Синявского и Даниэля политический процесс 1960-х. Помимо названных выше газет о нем писали или упоминали «Вечерняя Москва», «Советская культура», «Литературная газета», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» и ряд других. Однако это был последний политический судебный процесс, о котором много писали в прессе; вероятно, общественная реакция на «процесс четырех» привела власти к выводу, что о подобных вещах предпочтительнее умалчивать.

Добро пожаловать. — Ю.Д. имел в виду «в Дубравлаг», но эта фраза сбылась буквально: вскоре Гинзбурга и Галанскова (вопреки негласному правилу — изолировать однодельцев друг от друга) привезли именно на 17-й лагпункт.

...я прошу его передать привет Юлию, Пете, Стелле. — Рендель пишет о семье Якиров—Кимов. С Юлием Кимом, его тестем Петром Якиром и родственницей Якиров Стеллой Корытной Ю.Д. был знаком еще до ареста; Л.Рендель познакомился с ними вскоре после освобождения — дом Якиров был одним из центров возникавшего в то время правозащитного движения. С упоминаемым чуть ниже Евгением Якиром, двоюродным братом П.Якира, Ю.Д. был знаком через М.Азбея.

...о другом подарке узнал впервые. — По-видимому, о том, что Леонид Пугачев положил на музыку и исполняет под гитару какое-то стихотворение Ю.Д.

письмо № 37 (1968, 25 января — 3 февраля)

...латышу, с которым мы обычно изъясняемся по-немецки... — Вероятно, Ян Капициньш.

«Jawohl, er ist Schwein; richtig, er ist Untermensch» — «Да, он свинья; верно, он ублюдок» (нем.).

...я тебе еще припомню «Никто не хотел умирать»! — См. письмо № 18 (запись от 28/XI-66 г.) и прим. к нему. В одном из писем к отцу Александр Даниэль неосторожно похвалил этот фильм.

...у Аленкиного стихотворения. — Стихотворение Ю.Д. «Солнце», посвященное Е.В.Закс.

... если о симпатиях автора идут разнотолки, то антипатии его не вызывают ни малейших сомнений... — В качестве положительных героев рассказов и повестей В.Максимова, вошедших в сборник «Шаги к горизонту», часто выступают уголовники, а представители власти, как правило, — персонажи отрицательные.

Микис Теодоракис, стало быть, на свободе... он же политзаключенный, а я уголовник. — См. прим. к письму № 32.

«мыслескоп» — В фантастической повести Абрама Терца «Суд идет» — прибор, с помощью которого МГБ улавливает мысли персонажей.

...слово в слово сбылось! — Когда-то, в случайном скандале, Л.Б. обозвали «старой революционерой»; это выражение вошло в семейную лексику. Ю.Д. намекает, что ему известно, какую роль начинает играть его жена в возникающем общественном движении. Вероятно, именно этим объясняются и фраза «уж больно неспокойно на душе», и настойчиво повторяющиеся из письма в письмо просьбы регулярно давать о себе знать.

...всегда точно сообщают, где именно установлен их микрофон. — Вновь намеки на оперативное прослушивание квартир.

...возможно, это политэмигранты из Китая... — В газетах того времени писали о происходящей в Китае общенародной кампании борьбы с воробьями — «вредителями полей».

«Начальник Чукотки» — Фильм по сценарию В.Валуцкого и В.Викторова. Режиссер-постановщик В.Мельников. «Мосфильм», 1967.

...как Левушка Мильчин. — См. прим. к письму № 28.

...Светлана Бахметьева... Привет ей и Гураму. — См. прим. к письму № 22.

...в воспоминаниях о «Парнасе дыбом». — Вопросы литературы. 1966. № 7.

...успел ли он перед смертью покаяться в своих прегрешениях? — Александр Григорьевич Розенберг был одним из авторов «Парнаса дыбом»; впоследствии, в 1940-е, заведовал кафедрой на филфаке Харьковского университета, где учился Ю.Д. Очевидно, речь идет о каких-то публичных высказываниях Розенберга в те годы — возможно, в связи с кампанией против «космополитов».

...Гамзатов о Шамиле (я уже писал об этом)... — См. письмо № 33 и прим. к нему.

...достаточно солидные оправдания... — Ю.Д. подразумевает свое подпольное писательство.

...об Алике Басюке... — См. прим. к письму № 18.

...при помощи местной печати... — Речь идет о дубравлаговской многотиражке «За отличный труд».

И три бандероли!!! — Далее следует зашифрованное сообщение: «Гастеву письмо». Вероятно, на адрес Ю.Гастева должно было прийти некое нелегальное письмо из Озерного.

А может, это «депотаты»? — Вероятно, в письме Ю.Левина упоминались «денотаты» — термин, применяющийся в математической логике.

...мои поздравления Люде и Коле... — Имеется в виду оформление брака Л.Алексеевой и Н.Вильямса.

...пусть Людка не правит ему дикцию: я хочу с ним встретиться именно в Москве. — Ю.Д. вспоминает фразу, которую любил повторять Вильямс: «Если бы у меня была хорошая дикция, меня бы давно опять посадили».

Насчет парня, которого мне не жаль стало при известии о вторичной посадке... — О ком идет речь — неизвестно. См. запись от 26/XII-67 г. в письме № 35.

...одно произведение этого писателя, менее художественное, но более энергичное. — Ю.Д., очевидно, подразумевает письмо В.Конецкого в поддержку обращения Солженицына к IV съезду писателей; с этим обращением и письмами поддержки он, судя по всему, познакомился летом 1967 г. на 11-м лаготделении, куда они были нелегально пересланы (см. прим. к первой части письма № 30).

...вот долбают Марра, вот разговор о Зиганшине... — Кампания против учения академика Н.Я.Марра о языке началась после появления в печати статьи И.В.Сталина «Марксизм и языкознание» (1950). Зиганшин — один из четырех военнослужащих, унесенных на плоту в открытый океан без пищи и пресной воды; через несколько недель Зиганшин и его товарищи были подо-

браны американским судном. «Четверо отважных» вошли в официальную советскую мифологию начала 1960-х и одновременно стали героями пародийного фольклора.

письмо № 38 (1968, 5—11 февраля)

...когда мы с ним пребывали сам-два... — В ПКТ, летом и осенью 1967 г.
...подвальчик у них уютный. — Мастерская на ул. Льва Толстого, которую В. Сидур делил со своими коллегами Н. Силисом и В. Лемпортом.

...в ночь на 10 декабря я долго не мог уснуть: слишком мягко было. — 9 декабря Ю. Д. был выпущен из ПКТ. Заключенные на камерном режиме спали не на койке, а на деревянных нарах.

...другим — по другим причинам. — Среди этих причин наиболее вероятная — лишение права пользования ларьком, один из видов взыскания.

...гадов-физиков... —оборот заимствован из известной песни А. Галича.

...ритмо-мелодические единицы... — См. прим. к письму № 2.

...далеко-далеко виднеются силуэты... — 17-е лаготделение состояло из двух лагпунктов: «малая зона» — л/п № 17-а, ставший с января 1967 г. мужским политлагерем, и «большая зона» — л/п № 17, где в те годы содержались женщины-«бытовички».

Помгол — Общественный комитет помощи голодающим Поволжья, созданный в 1921 г.

...«мною овладело беспокойство» и т.д. — «Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест» («Евгений Онегин»). Ю. Д. готовит своих корреспондентов к вероятным неприятностям ближайших дней, связанным с намечающейся групповой голодовкой, — на случай, если известие об этой акции, нелегально пересланное ранее, до них не дошло.

...поднакопится впечатлений, событий, соображений. — См. предыдущее примечание.

...я заранее поздравляю тебя, милый. — С днем рождения.

письмо № 39 (1968, 13—29 февраля)

...стоит ли мне писать письмо именно сейчас... — Здесь и далее речь идет о начавшейся 12 февраля голодовке шестерых заключенных 17-го лаготделения — Ю. Даниэля, Б. Здоровца, В. Калниньша, С. Мошкова, В. Ронкина и Ю. Шухевича. Голодающие выставили следующие требования: гарантировать заключенным возможность писать, рисовать, заниматься наукой и т.д., легально передавать результаты своего творчества родным; гарантировать верующим возможность получать религиозную литературу, иметь при себе

нательные кресты и другие предметы культа; прекратить практику произвольного лишения свиданий, необоснованной конфискации переписки, изъятия бумаг и пр.

На следующий день после объявления голодовки ее участников этапировали в Явас, где, согласно инструкции, изолировали (их поместили в следственный изолятор Дубравлага). Принудительное кормление было начато на пятый день.

Этот инцидент стал значительным событием в истории советских политических лагерей. Разумеется, голодовки политзаключенных, в том числе и коллективные, случались и раньше. Однако эта голодовка была первой, о которой стало известно в Москве и за границей. К тому же мир только что узнал подробности о послесталинских советских политлагерях из книги А.Марченко «Мои показания» (вышла в Германии в декабре 1967 г.). В результате впервые с 1920-х сведения о подобной акции протеста вошли в сводки новостей иностранных информационных агентств. В частности, вскоре после начала голодовки о ней сообщили зарубежные радиостанции, вещавшие на СССР; по рассказам участников, это произвело ошеломляющий эффект на администрацию Дубравлага. Более высокое начальство, в свою очередь, сочло за благо пойти на компромиссы. По указанию из Москвы голодающим сообщили, что их требования удовлетворяются: лишение свиданий будет отныне допускаться только при наличии мотивированного постановления прокурора; изъятие личных бумаг, переписки и пр. также будет производиться по постановлению прокурора и с составлением соответствующего акта. Администрация подтвердила, что заключенные вправе заниматься живописью, художественным и научным творчеством, иметь при себе предметы религиозного культа. Голодающим обещали, что их требования будут учтены при разработке нового Исправительно-трудоового кодекса (в принятом в 1969 г. кодексе, разумеется, ничего подобного не оказалось).

После этого голодовка, длившаяся десять дней, была снята.

Достигнутое «джентльменское соглашение» некоторое время соблюдалось, хотя и не в полном объеме: по рассказам Ю.Д., оно более или менее выполнялось в течение нескольких месяцев — но лишь в отношении самих участников голодовки и заключенных, входивших в «их круг». Тем не менее февральская акция 1968 г. осталась редким примером хотя бы частичного успеха политзаключенных в борьбе за свои права. Впоследствии, в 1970–1980-е, голодовки протеста прочно вошли в жизнь политлагерей. Однако власти уже привыкли и к ним, и к тому, что о них становилось известно за пределами лагеря. Поэтому значительных уступок голодающим удавалось добиться редко.

...вопрос о личной ответственности. — Одна из сквозных проблем в литературном творчестве Даниэля. В разных произведениях он решает ее по-разному. Иногда его герои принимают на себя ответственность за происходя-

щее, потому что без этого им не сохранить собственную внутреннюю свободу и человеческое достоинство («Говорит Москва»). Иногда эта проблема трансформируется в трагическую идею «всеобщей вины» (под бременем этой вины ломается и гибнет герой «Искупления»). Но в любом случае личная, или гражданская, ответственность для Даниэля — не общественно-политическая категория, а именно личностная, нравственная ценность, единственный способ преодолеть экзистенциальный ужас одиночества и несвободы, остаться в равноправных, братских отношениях с миром и людьми.

«Каждый в грехе, совершенном вдвоем, отвечает сам за себя» («Томлинсон»). — Р.Киплинг. «Томлинсон» (пер. А.И.Оношкович-Яцыны).

Палачи Ейска, Таганрога и др. — Персонажи «Бездны» Л.Гинзбурга, соучастники преступлений нацистов на оккупированных территориях.

...ну прямо нет как нет. — Строка из песни А.Галича «Красный треугольник».

...выгнать на палубу матросов, струсивших драться! — Реминисценции на тему общественной роли, которую Л.Б. начала играть после подписанного ею и Павлом Литвиновым обращения-протеста по поводу суда над А.Гинзбургом и Ю.Галансковым. Беспрецедентность этого обращения, переданного иностранным корреспондентам в Москве и неоднократно транслировавшегося зарубежными радиостанциями, состояла прежде всего в открытой апелляции к мировому общественному мнению (а не к официальным советским инстанциям, как это было принято до тех пор). Авторы обращения оказались в центре консолидации гражданской оппозиции в СССР, начавшей с января 1968 г. приобретать признаки общественного движения. Позднее это движение назовут правозащитным.

Пока что Ю.Д. относится к происходящему довольно легко и немного иронически: находясь в лагере, он не может в полной мере оценить напряженность той конфронтации с властью, в которую вовлечены близкие ему люди. Однако нотки беспокойства в его письмах этого периода связаны, безусловно, с возможными последствиями общественной популярности Л.Б.

...в честь двухлетнего юбилея... — Имеется в виду годовщина судебного процесса над Синявским и Даниэлем, на котором Л.Н.Смирнов был председателем, а З.С.Кедрина и А.Н.Васильев — общественными обвинителями.

...закончился некий период... — То есть голодовка.

...не так уж наивен он был со своими теориями. — Филантропические идеи Дж.Говарда (1725–1790) оказали серьезное влияние на реформирование пенитенциарной системы в Европе в конце XVIII — начале XIX в. В своей исторической повести «Бегство» Ю.Д., в согласии с действительными высказываниями Говарда, вкладывает в его уста слова о том, что по обращению с заключенными можно судить о степени цивилизованности страны.

...«лишили общим свиданием». — Специфический синтаксис постановлений лагерной администрации; по гипотезе Ю.Д. (см. «Свободная охота», с.260),

произошел от редуцирования канцелярского «лишить права пользования общим свиданием».

Легенда о Максимове... — Имеются в виду слухи о том, что в свое время, столкнувшись с затруднениями при публикации своих повестей, В.Максимов обращался за содействием в КГБ.

...как какую-нибудь серьезную литературоведческую монографию типа «Ускоренного развития литературы»... — Намек на «недозволенные вложения» (см. прим. к письму № 33)

Paldies — Спасибо (*латыш.*).

...«Поднять женщину на недосягаемую (для мужчин) высоту»... — «Метафора» навеяна редким зрелищем: женщина-охранница на лагерной вышке.

Повесть Ф.Фюмана в № 11 «И.л.». — Фюман Ф. Барлах в Гюстрове // ИЛ. 1967. № 11.

...читаю вверх страницы: Ю.И.Левин... — Левин Ю. О количественных характеристиках распределения символов в тексте // Вопросы языкознания. 1967. № 7.

«Угль, пылающий огнем» не состоялся. — Повести В.Катаева, о которых идет речь, — «Святой колодец» (ИМ. 1966. № 5) и «Трава забвения» (ИМ. 1967. № 3). Эти повести вызвали в обществе жаркие дискуссии не только литературного свойства. Более всего обсуждалась откровенная заявка автора на право занять специфическую позицию «наблюдателя» в историко-культурном процессе и соответствие этой заявки реальным, далеко не всегда безупречным обстоятельствам литературной биографии самого В.Катаева. Аналогичные дискуссии возникали и позже — после публикаций других произведений Катаева («Кубик», «Алмазный мой венец»).

...офицер, с которым, оказывается, беседовал в управлении (в Явасе) Санька. — Речь идет о споре сына Ю.Д. с лагерным начальством во время поездки на одно из несостоявшихся свиданий.

«Музыка Сфер, Пари Откровением Новым!» — сказал Багрицкий... — Из стихотворения «Ночь».

...если они, эти тетради, найдутся, мне их вернут. — Дневники Ю.Д. никогда не были ему возвращены; по-видимому, они пропали безвозвратно.

...наверняка больше ничего подобного с моими рукописями не произойдет. — Ю.Д. надеется на договоренности, достигнутые в результате голодовки.

...какие именно бытовые неурядицы у него. — Проблемы Л.Ренделя были того же свойства, что и у большинства бывших политзаключенных: невозможность прописаться в Москве или поблизости от нее; невозможность устроиться на работу по специальности. У Ренделя же сложности возникли даже с жильем и пропиской в местностях, свободных от паспортных ограничений, и с каким бы то ни было трудоустройством. Сразу после освобождения он оказался в кругу московских друзей Ю.Д. и других «сомнительных» с точки зрения КГБ личностей и дистанцироваться от новых знакомств не пожелал.

Все это провоцировало настороженность и недоброжелательность курировавших Ренделя чиновников госбезопасности.

...из-за полугода или даже года неудобств... — Ю.Д. ошибся: «неудобства» Л.Ренделя длились несколько лет.

письмо № 40 (1968, 4—18 марта)

...книгу Ю.Давыдова с авторской надписью. Пусть Боря передаст Давыдову... — Речь идет, скорее всего, о книге Ю.Н.Давыдова «Искусство и элита» (М., 1966), прислать которую Ю.Д. просил в письме № 36. В то время Давыдов близко дружил с Б.Шрагиным.

...гляжу вперед я без боязни. — Вероятно, цитируя без кавычек пушкинские «Стансы», Ю.Д. намекает на подтекст этого стихотворения, в котором, как считают многие историки литературы, содержится призыв к Николаю I амнистировать декабристов.

...суп, национальный по форме... — Пародируется известная формула советского искусствоведения: «произведения, национальные по форме, социалистические по содержанию».

Присягаю вам ныне и присно: Ваш я буду во веки веков. — Строки из стихотворения Б.Пастернака «Тени вечера волоса тоньше...»

«Какой большой ветер...» — Песня Новеллы Матвеевой.

...взгляды Лифшица на так называемый модернизм. — См. прим. к письму № 19.

Вот оно, значит, почему я стал меньше писем получать — слишком высоко поднялся по ступенькам... — Ю.Д. болезненно реагирует на сообщение о том, что некоторые знакомые стесняются писать ему из-за того, что, по их мнению, он стал слишком «знаменит».

...как элегантно произносил Шаумян на защите диссертации... — Речь идет о защите кандидатской диссертации Л.Б. в феврале 1965 г. (С.К.Шаумян был ее научным руководителем).

...остальное, гм, несколько отличалось. — Ю.Д. сравнивает виденные им когда-то вместе с Л.Б. кадры кинохроники (мексиканские профсоюзные лидеры держат голодовку протеста) со своим собственным недавним опытом.

...из пятерки, курсировавшей недавно по маршруту «Озерный—Явас—Озерный»... — Т.е. участники голодовки (всего их было шестеро; Ю.Д., видимо, не включает в счет себя).

...некто Борис Здоровец... — Борис Максимович Здоровец, баптистский проповедник из Харьковской области, был арестован в 1961 г. и осужден на 7 лет лагеря и 3 года ссылки.

...в Саранск — «на профилактику»... — Термином «профилактика» с 1959 г. органы госбезопасности обозначали весь комплекс мер «воспитательного»

характера, применявшихся для «предотвращения преступлений». В отношении заключенных политлагерей эти меры сводились к периодическим «беседам» с ними сотрудников КГБ. Иногда для подобных «бесед» заключенных увозили в Саранск, в следственный изолятор КГБ при Совете Министров Мордовской АССР, в оперативном ведении которого находился Дубравлаг.

...то же самое, что происходило с поделщиками Валерия и Сережи. — В июне–августе 1967 г. в Саранск на «профилактику» возили С.Хахаева и В.Гаенко.

...недавние две недели... — Голодовка.

...Леничка Сержан. — Литературовед, переводчик, дальний приятель Ю.Д. и его коллега по группному переводчиков при издательстве «Советский писатель».

письмо № 41 (1968, 20 марта — 1 апреля)

...известие об этом событии произвело сенсацию. — Л.Рендель сообщил о своей женитьбе. *Неля* — Нинель Пантелеевна Ковалевская (1930–1987), историк, знакомая Ренделя со студенческих лет, ставшая в 1968 г. его женой.

...на какой мотив можно петь «Однажды в студеную зимнюю пору...»? — Ответ: на мотив Гимна Советского Союза.

Улыбки, не запланированные по номенклатуре... — Л.Б. имеет в виду проявления человеческих эмоций чинами лагерной администрации.

За дословность не ручаюсь, но суть такова. — Ю.Д. цитирует слова генерала Болховского, приведенные в «Дневнике» А.С.Пушкина (запись от 3 июня 1834 г.). К фразе Болховского: «...я видел голую ж... государыни» Пушкин дает пояснение: «*Екатерины II-ой, в день ее смерти.*»

Нужна ли опека братцу? — «Братец» — Анатолий Футман (Л.Б. спрашивает, нужно ли его опекать после освобождения).

...что это за новоявленная энциклопедия русской жизни? — Так А.Якобсон именует в своем письме «Мои показания» Анатолия Марченко; подготовка окончательного варианта рукописи происходила осенью 1967 г. в его доме и при его участии.

...заповедь ее сына перед уходом на фронт. — По рассказам няни Л.Б., Александры Михайловны Шевченко, ее сын, уходя в 1941 г. на фронт, велел матери не отказывать в ночлеге и пище никому, кто попросит об этом, не спрашивая, кто он — украинец, русский, еврей или немец — и из какой армии.

...очень много сходных историй слышу, да и по географии чаще всего тех же. — Ю.Д. имеет в виду судьбы солагерников, многие из которых отбывали срок в связи с перипетиями их военной судьбы.

...этот пропойца и бабник Николай... — «Николай Аржак», т.е. сам Ю.Д. Имеется в виду нелегальная пересылка денег в зону.

...как я доволен твоим... знакомством с таким знающим, талантливым и человечным медиком. ...в области ли онкологии, психологии или любой другой -логии. — Говоря в своем письме о «специалисте в области онкологии», Л.Б. подразумевает А.И.Солженицына — автора «Ракового корпуса», с которым она встретилась и познакомилась 8 марта 1968 г.

Его медицинские советы... я ведь тоже в принципе не сторонник строгой диеты. — В разговоре с Л.Б. Солженицын выразил сомнения в целесообразности такого способа борьбы заключенных, как голодовка; по его мнению, забастовка была бы более эффективной. Из письма видно, что последнее соображение Солженицына Л.Б. сочла за благо не передавать.

...симпатии любого Ивана или Матрены... — Называя имена героев рассказов Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор», Ю.Д. хочет сказать, что дорожит мнением о себе «обыкновенных», «простых» людей.

Песенку про Рубинчика Соломона я не знаю... мне тоже «Бабушка» нравится больше, чем «Домик». — Песни Аллы Зиминой.

...стихи этого поэта... — Имеется в виду С.Г.Хмельницкий.

«Эх, ошибся он!» — «Да, ему бы с нами быть...» — Обмен репликами между Ю.Д. и А.Синявским касается проблемы «выбора судьбы». Они говорят о том, что их общий друг Сергей Хмельницкий, человек талантливый и авантюристичный, вполне способен был пойти по пути Терца и Аржака. Ключевой эпизод биографии Хмельницкого внешне совпадает с аналогичным событием в жизни его школьного товарища Андрея Синявского: в конце 1940-х оба они почти одновременно были принуждены к секретному сотрудничеству с МГБ. Но Синявский повел со своими шефами двойную игру, предупредив «объект разработки», студентку филфака МГУ француженку Элен Пельтье о планировавшейся против нее операции (см.: «Спокойной ночи!» — Абрам Терц. Т.2. С.498–609). Хмельницкий же предпочел остаться добросовестным секретным агентом «органов», и по его донесениям были арестованы по крайней мере два человека. По мнению Ю.Д. и Синявского, в конечном счете остался в проигрыше именно он.

...я сочинил песенку... он там поминается. — Песенка, о которой идет речь, не сохранилась.

«Анна, боже мой...» — Стихотворение Д.Самойлова «Постель, поэт и Анна».

...«а это мне очень обидно»... — Перифраз строки из «Песенки о дураках» Б.Окуджавы.

...страдания героя Сарояна по поводу не ежедневной ванны... — Речь идет о романе В.Сарояна «Приключения Весли Джексона»: герой, американский солдат времен второй мировой войны, отправляющийся через океан на европейский театр военных действий, страдает от бытовых неудобств на транспортном судне.

...современного русского писателя, хорошо известного нам с вами. — А.И.Солженицына.

Проблемы ассимиляции и антиассимиляции?... в Явасе у тебя нашлись бы единомышленники... — В письме М.Улановской речь идет о «еврейском вопросе». Здесь намечаются первые признаки «отставания» Ю.Д. от веяний времени: в 1968 г. среди московских евреев уже возникали проблески интереса к этой проблеме; для Ю.Д. такой интерес по-прежнему экзотичен и ассоциируется с «идейным» сионизмом, с носителями которого он столкнулся на 11-м лаготделении.

...свою Явасочку... — Автомобиль Бураса (см. прим. к письму № 9).

...позиция какого-нибудь Васильева... — Имеется в виду Арк.Васильев (см. прим. к письму № 39).

...ситуация «Лица»... — Роман Кобо Абэ «Чужое лицо».

«4-й ледниковый период» — Фантастическая повесть Кобо Абэ.

Марку непременно передайте... «прекратил бы беседу на третьем слове». — Речь идет о «научной переписке» М.Азбеля с кем-то из заключенных 11-го лаготделения (см. прим. к письму № 6).

...на Тошкиных лекциях. — Ю.Д. говорит о лекциях А.Якобсона для школьников о русской поэзии XX века. См. прим. ко второй части письма № 30.

...жить после освобождения не в Москве, а как Ленька... — Л.Рендель к этому времени прописался в Калининской области.

...Пат страшно обижается... — Олененок Пат — игрушка-талисман, присланная Ю.Д. в лагерь еще в 1966 г.

...в отличие от Марленкиных ощущений... — М.Рахлина несколько лет работала в вечерней школе при исправительно-трудовой колонии.

...«Песни простака», их уже три штуки... — См. прим. к письму № 32.

«кент» — «Приятель» (лагерный жаргон).

...новым лицам в нашем доме... — После обращения Л.Б. и П.Литвинова «К мировой общественности» (см. прим. к письму № 39) круг общения семьи Даниэлей резко расширился. Их дом, вплоть до ареста Л.Б. в августе 1968 г., был одним из тех московских центров, вокруг которых складывалось новое общественное движение. Некоторые из новых знакомых Л.Б. вошли в число корреспондентов Ю.Д., а после 1970 г. познакомились с ним «очно».

...книгу Антоненко-Давидовича... в Киев Наде и Ване... — И.А.Светличный тесно общался с известным киевским писателем Б.Д.Антоненко-Давидовичем (1899–1984), близким к украинским диссидентам. Именно поэтому Ю.Д.упоминает Светличных сразу вслед за именем Антоненко-Давидовича. Книгу, вероятно, тоже прислали Светличные.

...«читателя газет, глотателя»... — Неточная цитата из стихотворения М.Цветаевой «Читателям газет».

...статейка Семенова... рассуждения Чаковского на ту же тему... — Упомянутые статьи (Семенов М. Волны сочувствия, или Ах, как я благодарен «Голосу Америки» // ЛГ. 1968. 13 марта; Чаковский А. Ответ читателю // Там же. 27 марта) — последние всплески газетной кампании в связи с делом

Гинзбурга и Галанскова. Авторы доказывают, что поскольку осужденные Мосгорсудом Ю.Галансков и А.Гинзбург не являются членами Союза писателей, то они не «литераторы», как их именуют западные средства массовой информации, а тунеядцы, недоучки и пособники белоэмигрантов. В статье Чаковского содержится также единственное в советской прессе упоминание об обращении «К мировой общественности» («листовках Литвинова», по выражению автора статьи).

«О, как плещет в устах твоих польская речь...» — Строки из поэмы И.Сельвинского «Алиса».

Один раз я разговаривал с ним, вернее, он с нами... — В конце 1940-х годов Ю.Д. поддерживал знакомство с дочерью И.Л.Сельвинского, художницей Татьяной Сельвинской.

...умер он все-таки не в 1968 году — много раньше. — Ю.Д. оценивает творческую биографию И.Л.Сельвинского.

...дикарей племени «моора» с Островов Св.Феликса (это, кажется, где-то около Полинезии). — Ю.Д. развлекается, обыгрывая «латинскую» транскрипцию аббревиатуры «МООП» — Министерство охраны общественного порядка. Отсюда же — «Острова Св.Феликса» (Дзержинского).

...есть для этого хоть какие-то основания? — В конце 1960-х Б.М.Сорока безуспешно хлопотал о пересмотре дела своего отца.

письмо № 42 (1968, 4—17 апреля)

За отгадку тебе — фант. — Л.Б. решила «шараду» Ю.Д. о «женщине, поднятой на недосягаемую для мужчин высоту» (см. прим. к письму № 39) и даже прислала в письме соответствующую картинку.

...в латинское начертание известного польского выражения. — В письме Л.Б. привела (в связи с февральской голодовкой Ю.Д.) польскую поговорку или стишок: «To nie śtuka — Zabić kruka, A to śtuka całkiem świeża — Gotem dupiem zabić jeża» («Не фокус — убить ворону; а вот вполне новый фокус: голый задницей убить ежа»). Эта поговорка и привлекла внимание цензуры; возможно, причиной задержки письма стали не трудности цензора при переводе с польского, а его представления о границах приличия в эпистолярном жанре.

«До свидания, мальчики» — Повесть Б.Балтера. Впервые была напечатана в журнале «Юность» (1962. № 8—9); позднее выходила отдельными изданиями (М., 1963 и 1965). Просьба, обращенная к автору, связана, видимо, еще и с тем, что Ю.Д. известно: Балтер принимал участие в его судьбе. Его подпись стоит под «письмом 62-х писателей» (см. прим. к письму № 5); он также выступил соответствующим образом на писательском собрании в апреле 1966 г. Однако Ю.Д. еще не знает, что в данный момент у Балтера серьезные

неприятности из-за другой подписи — под петицией в защиту Гинзбурга и Галанскова; летом 1968 г. он был исключен за это из партии.

...как меня по-литовски. Я сказал: «Юлис». — Ю.Д. имел для этого основания. «Юлис» — одна из повестей Марка Даниэля, посвященная большевистскому подполью в Вильнюсе в годы гражданской войны. В честь героя этой повести, одного из руководителей виленского комсомола Юлиса Шимелевича, он и назвал своего сына.

...из тех, кто «не хотел умирать». — Т.е. из «лесных братьев» — литовских партизан послевоенных лет (по ассоциации с названием уже упоминавшегося в переписке кинофильма «Никто не хотел умирать» — см. прим. к письму № 18).

...всякие любопытствующие... — Лагерное начальство и визитеры из КГБ.
...про «Трех сестер» я ничего не знаю, ничего не читал. — Речь идет о нашумевшем спектакле А.Эфроса в театре им. Ленинского комсомола.

письмо № 43 (1968, 21 мая — 3 июня)

21/V — Между 17 апреля (дата последней записи в предыдущем письме) и 21 мая Ю.Д. отправил еще два письма — второе апрельское и первое майское. До адресата они, однако, не дошли (см. записи от 31/V и 3/VI).

...пришли Юра и Алик... — Ю.Галансков и А.Гинзбург были привезены на лагпункт 17-а 6 мая 1968 г.

...вылетают из своих офисов, как пробки из бутылок... — Весной 1968 г. начались неприятности у участников петиционных кампаний в защиту Гинзбурга и Галанскова (на тогдашнем жаргоне, «подписантов»). Многие получили взыскания по партийной линии, некоторые были исключены из КПСС и/или уволены с работы.

...он человек трезвый, умеющий подчиняться обстоятельствам. — Ю.Д. не без основания опасается, что после освобождения Я.Гевричу не позволят вернуться на Украину.

«Оправдаться есть возможность, да не спросит (он — меня) — вот беда!» — Измененная цитата из стихотворения Н.А.Некрасова «В Ледовитом океане...» (из цикла «Песни о свободном слове»).

А всего-то делов — перепрыгнуть через некий психологический барьер. — Ю.Д. по-прежнему занимает судьба его бывшего друга. По его мнению, у Хмельницкого все еще остается возможность «вернуть себя»; но для этого ему надо откровенно и полностью признаться во всем, что он совершил.

...за что я впал в немилость у некоторых милых мне людей. — Причиной отчужденности между Ю.Д. и некоторыми друзьями Синявских были трения, возникшие в отношениях М.Розановой с Л.Б. (см. прим. 3 к письму № 25).

Не одобрялась также излишняя, по мнению многих, общественная активность Л.Б.

...показать мне «Записки сумасшедшего». — Спектакль по повести Н.Гоголя в Театре им.Ермоловой в постановке Ю.Вертман.

...когда она и я делали гоголевский спектакль... — Школьный спектакль в пос.Людиново Калужской области, где Л.Б. и Ю.Д. работали преподавателями в 1952–1955 гг.

Я понимаю (в особенности сейчас), что все это значит, и не уменьшаю значение всего этого. — Ю.Д. говорит о тех идейно-психологических изменениях, которые произошли на воле после процесса Синявского—Даниэля и в связи с ним, а также о новой фазе этих изменений, начавшихся в 1968 г., после суда над Гинзбургом и Галансковым.

...троица из Саранска. — Б.Здоровец, С.Мошков, В.Ронкин, которых возили в Саранск «на профилактику».

«До мая пропотели...» — «До мая пропотели, все расколоть хотели» — строка из песни «Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела...», исполнявшейся В.Высоцким.

...довольно любопытные новости. — Скорее всего — просочившаяся в саранский СИЗО информация о развитии событий в Чехословакии («пражская весна» — в разгаре).

...блистательную хреновину Олдриджа. — Олдридж Дж. Сын земли чужой // ИЛ. 1968. № 3—5.

...времена откровений á la Фейхтвангер... — Имеется в виду книга «Москва, 1937» Л.Фейхтвангера — апология сталинского СССР.

Алик каждый день понемножку выдает старые новости... — О Москве и московской жизни в 1966 г., после ареста Ю.Д. и до его собственного ареста.

...я уже писал об этом — с рифмами. — См. стихотворение Ю.Д. «Бессмысленное, бесполезное...».

...мальчики, что тебя провожали... — Агенты наружного наблюдения; в январе–августе 1968 г. слежка за Л.Б. была почти постоянной.

...посмотрели майскую подшивку «Сов. России». — В мае–июне 1968 г. «Советская Россия» опубликовала несколько разгромных статей, посвященных авторской (по терминологии тех лет, «самодетельной») песне. Здесь речь идет о первых двух статьях, посвященных новосибирскому фестивалю авторской песни. 9 июня газета напечатала также статью аналогичного свойства А.Бондарюка и Г.Мушты «О чем поет Высоцкий». **Глеб Горбовский** — ленинградский поэт, один из «первопроходцев» авторской песни 1950–1960-х; **Григорий Яблонский** — физик и поэт из новосибирского Академгородка, участник фестиваля.

...в жанре, столь точно определенном когда-то Комой. — Жанр публичного доноса. Термин был (возможно, впервые) введен в оборот в конце 1950-х Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, в связи с кампанией вокруг «дела

Пастернака». *Кома* — детское прозвище Иванова, затем прочно за ним закрепившееся.

...помянул сейчас Кому... а по какому, собственно, праву? — К тому времени Вяч.Вс.Иванов уже был автором основополагающих работ в области индоевропеистики, сравнительной фольклористики, культурологии, общего языкознания и имел репутацию одного из крупнейших советских филологов. Ю.Д. был знаком с ним шапочно, через Л.Б., откуда рефлексия по поводу допущенной фамильярности.

«Позорно, ничего не знача...» — Строки из стихотворения Б.Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...».

А что потом, а что потом? — Незакавыченная цитата из стихотворения Е.Евтушенко «Постель была расстелена...».

...«тысячи биноклей на оси»... — Из стихотворения Б.Пастернака «Гамлет» («На меня наставлен сумрак ночи Тысячью биноклей на оси...»)

...сутки свидания у Валерия — часов 12—13! — Ронкиным, следовательно, предоставили свидание «по минимуму» — одни сутки, с выводом на работу.

...четыре года занимался полевой хирургией в довольно примитивных условиях... веселого у него в жизни мало и предвидится, как я думаю, не больше. — Д.К.Верхоляк, в 1950–1955 гг. — фельдшер в партизанском отряде Украинской повстанческой армии (УПА). Был схвачен в июне 1955 г. и приговорен к расстрелу, замененному 25 годами лагерей. Освободился из заключения в июне 1980 г.; живет на Украине.

письмо № 44 (1968, 9—25 июня)

...в лучшем кагановском стиле. — Т.е. как у М.Каганова.

В одном — родился человек, в другом — умер. — Родился сын у Н.Горбаневской; умер сосед Даниэлей по квартире, П.И.Егоров.

Юра уехал на 3-й, в больницу... — Юрий Галансков страдал тяжелым язвенным заболеванием желудка; при обострении язвы его отправляли на 3-е лаг-отделение в пос.Барашево, где находилась лагерная больница. Одно из таких обострений и стало причиной его смерти в 1972 г. — он погиб от перитонита в барашевской больнице после запоздалой и неудачно сделанной операции.

...книжицу, где имеются имена И.Кудрявцевой и А.Якобсона. — О храбрых, нежных и влюбленных: Сказания Пятиречья. М., 1967. Ирина Кудрявцева — один из переводчиков; какое отношение имеет к этой книге А.Якобсон — неясно.

...концерт, даже камерный... — В смысле: «даже из камеры».

...о неразборчивости моего семейства в выборе друзей... — В «беседе» речь, очевидно, шла об общении Л.Б. с «нелояльной» публикой. Теперь госбе-

зопасность пытается уже повлиять не на поведение Ю.Д. через его жену, а наоборот.

...в филатовской кофте сдать геометрию на тройку! — Ю.Д. намекает на то, что Аркадий Филатов по основной профессии — физик.

...два коротеньких стихотворения, которые вместе со стихом о письме были бы циклом. — Вероятно, в пропавшем письме были стихи Ю.Д. «Читая Сент-Экзюпери» («Походному ветру в тон...») и «Сны» («Родной, чудной кинематограф...»). Вместе со стихотворением о письме («Пустыне — свежести глоток...») они, действительно, образуют триптих.

...понадобится весь твой запас выдержки и чувства юмора. — Ю.Д. имеет в виду сложности, которые предстоят его сыну при поступлении в вуз.

...рефрен песенки моего тезки: «Эх, раз, еще раз...». — А.Гинзбург цитирует сатирическую песню Юлия Кима «Я сам себе Ильич», исполняющуюся как бы от имени Брежнева. Рефрен этой песни: «Эх, раз, еще раз, Еще много, много раз. Еще Пашу, и Наташу, И Ларису Богораз...».

Предсказания Кима вскоре оправдались: все подразумеваемые в этих строках лица были арестованы (Л.Б. и Павел Литвинов — в августе 1968 г., Наталья Горбаневская — в декабре 1969 г.).

«Хорошо поет, собака, Убедительно поет!» — Строки из стихотворения Н.А.Некрасова «В Ледовитом океане...».

...о «Байкале». — В 1-м и 2-м номерах издававшегося в Иркутске литературного журнала «Байкал» за 1968 г. была помещена самая сенсационная публикация 1960-х — «Поэт и толстяк» А.В.Белинкова (главы из его будущей книги «Юрий Олеша. Сдача и гибель советского интеллигента»). Говоря о судьбах интеллигенции, революции, государства, культуры, автор фактически игнорировал существование цензуры — как официальной, так и «внутренней». До сих пор непонятно, каким образом этот номер журнала получил «добро» Гослита; несомненно, однако, что публикация «Поэта и толстяка» — абсолютный рекорд свободомыслия в советской печати до конца 1980-х.

...Гранин о «Медном всаднике»... — Гранин Д. Два лика // НМ. 1968. № 3.

...статья об американской интеллигенции... — Кон И. Размышления об американской интеллигенции // НМ. 1968. № 1.

...итальянское искусство определенного периода... — Ю.Д. имеет в виду статьи и книги Цецилии Кин о культуре Италии при фашистском режиме (например: Миф, реальность, литература. М., 1968; Блеск и нищета фашизма // НМ. 1965. № 5; Итальянский фашизм и культура // ИЛ. 1967. № 6–7). Вероятно, в этом случае он не вполне прав: Ц.Кин — специалист по истории итальянской культуры, и ее предмет — действительно то, о чем она пишет. Аллюзии, неизбежно возникающие при чтении ее работ, закономерны, но вряд ли они были основной целью автора.

...китайское администрирование... — Разоблачение эксцессов «культурной революции» в Китае было в 1960-е дежурной темой для публицистов либерального толка.

...ну прямо тебе «Почта духов», «Трутень» или еще что-нибудь из моего разлюбленного XVIII века. — Ю.Д. сравнивает построенный на аллюзиях и иносказаниях либерализм журнальных публикаций 1960-х с аллегорическими статьями о порядках в «Персии» или «Китае» в просветительских журналах екатерининских времен.

...Роману Гурному. — Роман Андреевич Гурный был арестован во Львове в 1961 г. по делу Украинского национального комитета — подпольной организации, стремившейся к отделению Украины от СССР. Приговорен к расстрелу, замененному 15 годами лагерей (двоих его однодельцев расстреляли).

...этот дважды судимый... — А.Гинзбург впервые был арестован в 1960 г. по сфабрикованному уголовному обвинению (на самом деле — за издание машинописного поэтического журнала «Синтаксис» — см. прим. к письму № 17) и отбыл 2 года в лагерях.

...им экзотика характера глаза застит. — Речь идет о Б.Чичибабине.

...«А это так — со всяким может быть» (Кнут). — Из сонета К.Скуениекса «Туристский путеводитель в одном экземпляре» в переводе Ю.Д. Стихотворение было впервые опубликовано 21 февраля 1971 г., через несколько месяцев после освобождения Ю.Д., в латвийской русскоязычной газете «Советская молодежь». Это — единственная публикация переводов Ю.Д. в советской печати с момента его ареста, в которой называлось настоящее имя переводчика. В дальнейшем, вплоть до конца 1980-х, ему разрешали публиковать переводы только под псевдонимом «Ю.Петров».

...когда мы были с ним сам-два... — На камерном режиме (август—декабрь 1967 г.).

...á la сволочь Петра Амьенского... — В смысле: «разношерстная» (см. прим. к письму № 3).

...о самочувствии Туськиного квартета. — Т.е. очередных котят.

...она, кажется, должна была появиться? — Ю.Д. вновь (см. прим. к письму № 24) интересуется судьбой книги Ю.Герчука и М.Домшлак «Художественные памятники Верхней Волги».

письмо № 45 (1968, 30 июня — 4 июля)

...нашим свиданием все довольны. — Письмо пишется сразу после очередного свидания Ю.Д. с женой.

...некто Ваня Струтинский... — Иван Васильевич Струтинский, солагерник Ю.Д. Музыкант. Арестован в 1958 г. за участие в подпольной организации «Объединенная партия освобождения Украины»; приговорен к 10 годам лагерей.

...на очереди целая флотилия. — Ю.Д. говорит о моделях яхт, которые мастерит Я.Капицынш.

«...сейчас не до науки!..» — В 1968 г. у А.Воронеля вновь возникли серьезные проблемы в институте, где он в это время работал, — КГБ продолжал преследовать его за независимое поведение во время следствия по делу Синявского и Даниэля зимой 1965/1966 г. (см. прим. к письму № 9). В ответ на замечание кого-то из физиков, что Воронель крупный ученый, некий высокопоставленный функционер АН СССР сказал: «Сейчас не до науки».

«Ленька работает на фаянсовом заводе!» — Л.Рендель устроился в конце концов подсобным рабочим на фаянсовом заводе в г.Конаково Калининской области.

...каков-то будет 3-й номер «Байкала»... — Публикация в «Байкале» отрывков книги А.В.Белинкова об Олеше была прекращена после выхода 2-го номера журнала за 1968 г.

письмо № 46 (1968, 6—17 июля)

...со статьями под девизом «Ату его!» в «Литературной газете». — 25 мая и 5 июня ЛГ опубликовала разгромные отклики на эссе А.В.Белинкова «Поэт и толстяк» в 1-м и 2-м номерах журнала «Байкал». В этих рецензиях содержались прямые обвинения автора и редакции в антисоветской пропаганде. Почти весь состав редколлегии «Байкала» был заменен, а оба номера журнала изъяли из библиотек. Сам Белинков, находившийся в этот момент в Венгрии, предпочел не возвращаться в СССР и бежал на Запад. В «Открытом письме Союзу советских писателей», написанном Белинковым накануне бегства, значительное место было уделено процессу Синявского и Даниэля и роли литературного истеблишмента в его организации. Однако Ю.Д., вероятно, этого еще не знает.

Прилетает Сорока (не Мих. Мих., а Степа)... — Степан Климентьевич Сорока, член ОУН (и, по-видимому, боец УПА), был арестован в 1952 г. и приговорен к 25 годам лишения свободы.

...кстати, с ними еще никто не расторг договор? Нет? Странно-странно... — В тех же номерах «Байкала», в которых был опубликован Белинков, печатались отрывки из фантастической повести Аркадия и Бориса Стругацких «Улитка на склоне». Эта повесть, как и многие другие произведения Стругацких, несомненно содержала сатирические аллюзии на «советскую действительность».

...деревянная девочка названа в ее честь... — Деревянная девочка Оля — еще одна игрушка-талисман, вывезенная Ю.Д. с 11-го лаготделения.

«почетней... при жизни быть не книгой, а тетрадкой...» — Ю.Д. цитирует строки М.Волошина («Почетно быть твердым наизусть И списываться тайно и украдкой, При жизни быть не книгой, а тетрадкой»), прилагая их к неопубликованным стихам Марка Богославского.

...за напечатание стихов о «невыкопанной картошке» надо платить заменой «подыхаю» на «побеждаю»... — Намек на компромиссы, на которые пошел Б.Чичибабин, чтобы опубликовать сборник стихов «Мороз и солнце» (Харьков, 1963). Так, в стихотворении «Моя биография» строки «Мой дух возращался в тюрьмах — Этапных, следственных и прочих» были заменены на «Мой дух воспитывался в буднях, Трудах строительных и прочих». В этом же стихотворении строка «И подыхаю, как поэт» была напечатана так: «И побеждаю, как поэт».

Стихи о «невыкопанной картошке» («Осень», из того же сборника), — лирическое стихотворение, высоко ценимое Ю.Д.

...Колосков о Маяковском. Честное слово, давно я такого омерзения не испытывал. — Воронцов В., Колосков А. Любовь поэта // Огонек. 1968. № 16; Колосков А. Трагедия поэта [главы из книги «Маяковский в веках»] // Там же. № 23 и 26. Эти публикации — кажется, первые из серии аналогичных на модную впоследствии тему «Лиля Брик — злой гений Маяковского».

...нигилизм и неуважение к авторитетам в области искусства имеют тенденцию распространяться и на другие сферы. — Июль 1968 г. — кульминация «пражской весны».

«все, что мне положено» — Цитата из В.Высоцкого: «Мне дали все, что мне положено, Плюс пять мне додал прокурор» («Я был душой дурного общества...»).

...привет от твоего партнера по «Юбилею» Чехова... Или он уже на другой работе? — Речь, по-видимому, идет о Леониде Иванове — бывшем ученике Л.Б. и Ю.Д. в те времена, когда они преподавали в школе в пос.Людиново Калужской области; Иванов участвовал в организованной Л.Б. постановке «Юбилея» на школьной сцене. Удивление Ю.Д. связано с тем, что после школы Л.Иванов продвигался «по партийной линии» и в 1968 г. занимал какой-то крупный пост в аппарате ВЛКСМ.

...у Саньки будут еще результаты. — Имеются в виду результаты вступительных экзаменов в МГУ.

...иначе сценарий «Государственного преступника» не прошел бы ему даром. — «Государственный преступник» — детективный фильм конца 1950-х по сценарию А.Галича.

Алик совершенно подавлен... — С семьей Паустовских А.Гинзбурга связывала личная дружба.

письмо № 47 (1968, 18 июля — 1 августа)

...и про Пушкина, и про Лермонтова, и про евреев... — Фраза из анекдота.
...про письмо из Варшавы в Прагу... — 14–15 июля в Варшаве состоялась встреча руководителей пяти стран — участниц Варшавского договора (Бол-

гари, Венгрии, ГДР, Польши, СССР). Итогом этой встречи стало «совместное письмо», адресованное руководству Чехословакии (опубликовано в «Правде» 18 июля). В нем давалась крайне негативная оценка развитию событий в ЧССР, содержались обвинения в адрес чехословацких партийных и государственных лидеров, «скатывающихся к ревизионизму» и «проявляющих пассивность в борьбе с контрреволюцией», декларировалось, что защита социалистических завоеваний в Чехословакии — общее дело всех стран Варшавского блока. Фактически «совместное письмо» представляло собой ультиматум чехословацким сторонникам «социализма с человеческим лицом».

...Витка Труфелев... — В.Труфелев был арестован в 1961 г. во время службы в армии, осужден за «измену Родине» (видимо, попытка бегства за границу) на 8 лет.

...«Не дам обижать моего литературного героя!» — А.Гинзбург называет Ю.Д. «своим литературным героем», имея в виду «Белую книгу», за составление которой он, собственно, и попал в лагерь.

...чуть ли не с книги Волкова о нем. — Волков Н. Мейерхольд. М.; Л. : Academia, 1929.

...воспоминания о МХАТе — в «Нов.мире», в этом году... — Вероятно: Шверубович В. Люди театра : (Из воспоминаний) // НМ. 1968. № 1–2.

«Встречи с Мейерхольдом»... — Сборник был издан в Москве в 1967 г.

...взялся за книгу Туркова о Щедрине. — Турков А.М. Салтыков-Щедрин. М., 1964. (Жизнь замечательных людей).

...книгу Жени Николаева. А где же книжка «2-Фаюм-2», где? — Речь идет о брошюре Е.В.Николаева «По калужской земле» (М., 1968). Книжка «2-Фаюм-2» — уже упоминавшаяся в письмах № 25 и 44 работа Ю.Герчука и М.Домшлак «Художественные памятники Верхней Волги».

...что за реализация литературных произведений? — Ю.Д. намекает на свой неопубликованный в то время рассказ «В районном центре» (сб. «Говорит Москва». С.157–171), где главный персонаж периодически превращается в кота.

...ни покойная матушка Эвы, ни супруг этой матушки... — Эва — Э.Р.Василевская, приятельница Ирины Глинки и дальняя знакомая Ю.Д.; «покойная матушка Эвы» — писательница Ванда Василевская; «супруг этой матушки» — драматург А.Е.Корнейчук.

...из этой Энгурской колонии... — Энгуре — курортное местечко в Латвии, куда регулярно ездила отдыхать Ирина Глинка. Как видно из письма, на этот раз она была там вместе с Н.Садомской и Б.Шрагиным.

...получат живые приветы от меня. — В августе должен был выйти из заключения солагерник Ю.Д. Юрий Шухевич, который надеялся устроиться на Украине.

...лучшие годы жизни (т.е. ближайшие семь лет)... — Для В.Ронкина это оставшиеся 4 года лагеря и 3 года ссылки.

«Когда у вас нет собаки...» — Песня на стихи А.Аронова «Иметь или не иметь».
...поедет опять на 3-й. — В лагерную больницу.

...чье название так тяготеет к нашему адресу (и к нашему супу)... — Т.е. журнала «Байкал». По всей видимости, Л.Б. в своем письме сообщила о разгоне редколлегии журнала после публикации там эссе А.В.Белинкова «Поэт и толстяк».
...о его тезке... — Неясно, о ком идет речь; возможно — о переводчике Анатолии Гелескуле или о другом друге Якобсона, Анатолии Лабазове.

«...Вы слышите мой голос грубый?» — Цитируя стихотворение А.С.Пушкина «Паж или пятнадцатый год», Ю.Д. посмеивается над собственным лагерным «стажем», солидным в сопоставлении с опытом Гинзбурга и Галанскова, но незначительным по сравнению с отбытыми сроками многих других его солагерников.

...рецензии на сборник Наташи Г. — Внутренние рецензии на подборку стихотворений Н.Горбаневской, которую она предложила одному из московских издательств.

...Ивану прислали ноты... — И.В.Струтинскому (см. прим. к письму № 45).

«Сказки Ясика» — Устное творчество 7-летнего старшего сына Н.Горбаневской.

...как говорил харьковский милиционер. — Эпизод из юности Ю.Д.: когда однажды ночью его забрали в милицию и спросили, что он делал на улице в такое позднее время, он ответил: «Сочинял стихи». На это и последовала реплика, которую пытается вспомнить Ю.Д.

письмо № 48 (1968, 6—19 августа)

...совещание в Братиславе...— В Братиславе 3 августа 1968 г. состоялась встреча лидеров Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР и Чехословакии. Как и в Варшаве (см. прим. к письму № 47), обсуждалось в основном развитие событий в Чехословакии. По итогам встречи было принято расплывчатое заявление, носившее компромиссный характер. Многие тогда восприняли это заявление как определенное отступление советских и восточноевропейских руководителей от жесткой линии в отношении чехословацких реформаторов; после Братиславской встречи угроза военной интервенции, казалось, отпала. Некоторые современные исследователи считают, однако, что встреча в Братиславе была маневром, призванным отвлечь внимание от подготовки к уже решенному вторжению в ЧССР.

...закончили свой 3-летний практикантский стаж Валя и Борис... — Валентина Чикатуева и Борис Зеликсон, однодельцы Ронкина, Мошкова и других членов «Союза коммунаров», приговоренные к 3 годам лагерей.

...и желали им с Аликом «де-юре»... — Александр Гинзбург и Арина Жолковская не успели зарегистрировать брак до ареста Гинзбурга. Отсутствие

же оформленного брака постоянно выставлялось как предлог для непредоставления свиданий. В разрешении зарегистрировать брак в лагере им также долго отказывали.

Застопорился мой цикл.— Ю.Д. работает над поэмой «А в это время...». Оксюморонные характеристики, которые он ниже подбирает для этих стихов («по-свифтовски нежным и кротким, по-киплинговски расплывчатым, деликатным á la Рабле» и т.д.), рассчитаны, конечно, на неграмотность лагерной цензуры.

...а он-то как раз и уехал на неопределенное время... — Д.К.Верхоляк был накануне этапирован в следственный изолятор Управления охраны общественного порядка Ивано-Франковской области, откуда вернулся лишь в конце октября. Подобные «экскурсии» практиковались КГБ в 1960-е: заключенного привозили в родные места, иногда даже выводили в город, устраивали походы в ресторан, в театр, на пляж, встречи с семьей и т.п. Делалось это для того, чтобы добиться заявления о «раскаянии в содеянном»; получив такое заявление, КГБ вносил представление о помиловании. Верхоляк такого заявления не подписал и был возвращен в лагерь.

...гнев лексико-стилистической комиссии... — Имеется в виду «литературоведческая экспертиза», проведенная комиссией во главе с академиком В.В.Виноградовым во время следствия по делу Синявского и Даниэля. Перед комиссией была поставлена задача найти объективные (т.е. не основанные на признании подсудимых) доказательства авторства инкриминируемых им произведений. Эксперты, однако, вышли за рамки порученного им дела и дали заодно идейно-политическую оценку этим произведениям.

...на некоторые детали одного из периодов его жизни я теперь смотрю иначе... — Харьковский знакомый Даниэлей, библиограф Х.С.Надель был арестован в конце 1940-х или в начале 1950-х и отбыл несколько лет заключения.

...реализацией литературных находок Чернышевского. ... об алюминиевой посуде... — Много позднее, в «Свободной охоте», Ю.Д., обращаясь к роману Н.Г.Чернышевского «Что делать?», разовьет свою мысль подробно: «Какие насмешливые демоны диктовали простодушным и прекраснородушным утопистам реалии нынешней непроглядности? Сидит в крепости Николай Гаврилович Чернышевский и пишет, умиляясь (а как не умиляться?!), о том, какое широкое, какое общее употребление получит прекрасный благородный металл— алюминий! Он будет настолько доступен, что все без изъятия будут пользоваться им— подумать только!— в виде посуды. И вот сбилось по слову утописта: десятки миллионов солдат и десятки миллионов каторжников хлебуют свой суп и выскребывают свою кашу алюминиевыми ложками из алюминиевых мисок...» (Сб. «Говорит Москва». С.289).

Что-то будет с ним... — После освобождения в августе 1968 г. Юрию Шухевичу не дали поселиться на Украине; он устроился в Кабардино-Балкарии,

работал электромонтером. После 1970 г. Ю.Д. обратился к знакомым ему балкарским литераторам (в частности к К.Кулиеву, стихи которого неоднократно переводил) с просьбой помочь Шухевичу с работой и учебой, но ответа не получил.

«О Боже, не дай мне озлобиться...» — Из стихотворного цикла Ю.Д. «Часовой».

...книги типа... Лебедевской (о Чаадаеве)... — См. прим. к письму № 13.

...книга о Тынянове... — «Юрий Тынянов» А.В.Белинкова (см. прим. к письму № 6).

...об этом французе С.Львов писал в «Новом мире». — Львов С. Жизнь и смерть Петра Рамуса : Исторический очерк // НМ. 1967. № 9.

Больше семи по первой части не бывает. — Максимальное наказание по ст.70 ч.1 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») — 7 лет лишения свободы с последующими 5 годами ссылки.

письмо № 49 (1968, 30 августа)

Начиная с этого момента, формальным получателем писем становится сын Ю.Д. — Александр Даниэль.

...вчера все перевернулось... — Ю.Д. получил известие об аресте жены. 25 августа Л.Б. и еще семь человек развернули у Лобного места на Красной площади плакаты с лозунгами протеста против вторжения советских войск в Чехословакию и оккупации этой страны. Демонстранты были немедленно задержаны. Одну из них, 20-летнюю Татьяну Баеву, уже в отделении милиции старшие уговорили назваться не участником демонстрации, а наблюдателем. Ее отпустили; отпустили также Наталью Горбаневскую — мать двоих маленьких детей. Остальные — Л.Б., Константин Бабицкий, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг — были арестованы.

...в понедельник, когда она приезжала домой. — Л.Б. привезли домой, чтобы в ее присутствии провести в квартире обыск, традиционно сопровождающий арест. Александр Даниэль, вернувшийся в этот день из поездки в Прибалтику, успел благодаря этому увидеться с матерью и попрощаться с ней. Ю.Д. ошибается — это было не в понедельник, а в воскресенье, в самый день ареста.

письмо № 50 (1968, 22 — 25 сентября)

...было еще одно письмо... — Из дальнейшего ясно, что письмо М.Злобиной конфисковали за «идейно вредное содержание», о чем Ю.Д. было объявлено.

...драма или трагедия: есть на чем, есть чем, есть о чем — и не могу... — Ю.Д. перефразирует известный анекдот.

...две тунгусскометеоритные, отобранные мною у Валерия. — Фотографии, сделанные летом 1967 г. в экспедиции «за Тунгусским метеоритом», куда сын Ю.Д. ездил вместе с друзьями В.Ронкина.

...никаких перегруппировок, вроде тех, что были три года назад?— В 1965 г., после ареста Ю.Д., большинство его друзей прекратили общение с Я.Гарбузенко, Ю.Хазановым и А.Эсселем, не лучшим образом державшими себя на допросах в КГБ. Еще несколько дальних знакомых сами прекратили общение.

письмо № 51 (1968, 30 сентября)

Вот я и выслушал новости... — От А.Гинзбурга, у которого в конце сентября было свидание с родными.

...относительно опекунства... — У некоторых друзей Ю.Д. возникла идея оформить опекунство над семнадцатилетним Саней Даниэлем — главным образом из опасений, что если его заберут в армию, то московская квартира может пропасть. После консультаций с юристами эти опасения были отброшены, а вместе с ними и мысль об опекунстве.

...я против твоего отъезда из Москвы. — Речь идет о возможности для Александра Даниэля поступить в какой-нибудь провинциальный вуз, также обсуждавшейся друзьями Ю.Д. Более того, в этом направлении уже были сделаны определенные шаги: усилиями А.Воронеля Александр был условно (до первой сессии) зачислен в Калмыцкий пединститут и в момент, когда писалось это письмо, уже отправился в Элисту. Пробыл он там, правда, всего две недели — до начала суда над Л.Б. и другими.

...я бы загородил дорогу тому, кто захотел бы так поступить... — Ю.Д. адресуется ко всем друзьям, но довольно прозрачно намекает на вполне определенного человека — Анатолия Якобсона. Действительно, Якобсон крайне остро переживал свое невольное неучастие в демонстрации 25 августа (его в те дни не было в Москве); к сентябрю 1968 г. относится одна из самых ярких его самиздатских публицистических статей, доказывающая нравственную точность и обоснованность поступка демонстрантов (см.: Якобсон А.А. Почва и судьба. М.: Весть-ВИМО, 1992. С.227–228). О настроении Якобсона Ю.Д. явно знает (скорее всего из письма его жены) и стремится предостеречь друга от необдуманных шагов.

...я-то ведь боксом не владею... — А.Якобсон в молодости занимался боксом.

...перед формулой Лютера. — «Я здесь стою и не могу иначе» — фраза Мартина Лютера, сказанная им в ответ на требование «отречься от ереси».

...получили по башке... от нашей славной общественности. — После опубликования в журнале «Театр» (1963. № 12) статьи И.Уваровой «Безумный день. (Эксперименты в Мичуринске)» в «Известиях» и нескольких других периодических изданиях появились разгромные отклики.

...неприменение условно-досрочного освобождения не распространяется на статью 190. — Л.Б. и ее товарищам было предъявлено обвинение по двум статьям УК: 190¹ («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» — имелось в виду содержание плакатов, поднятых демонстрантами) и 190³ («организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок»). Практика применения этих статей, введенных в УК осенью 1966 г., еще не была достаточно известна. Позднее стало ясно, что, хотя условно-досрочное освобождение осужденных по этим статьям теоретически не запрещено законом, но рассчитывать на него бессмысленно.

...от тех, кто уже на воле... — К осени 1968 г. из числа однодельцев В.Ронкина и С.Мошкова освободились: Б.Зеликсон, В.Иофе, Л.Климанова, В.Смолин, В.Чикатуева.

...с Тошкиной статьей. — См. прим. к письму № 30 (окончание).

«То есть как это — неведомых?!» — В то время имя Г.С.Померанца уже приобрело известность: его философские эссе широко распространялись в самиздате. Незнание Ю.Д. этой фамилии объясняется лишь его глубоким равнодушием к философии. Что касается Гинзбурга и Галанскова, то они были давно знакомы с Померанцем. В конце 1950-х и Гинзбург, и Померанц были близки к «лианозовскому» кружку художников и литераторов; позднее Померанц принимал участие в составлении «Синтаксиса» (см. прим. к письму № 17). Галансков познакомился с Померанцем, вероятно, в 1959–1960 гг. у Гинзбурга.

...эпизод в школе Саньки-маленького. — Речь идет о каких-то антисемитских выходках одноклассников Сани Якобсона.

...таинственной Ляли, которая сестра Наташи... — Ляля — Л.Е.Островская; Наташа — Н.Д.Светлова.

...попал в «угловой домик»... — Т.е. в ШИЗО.

«Зову я смерть...» — Начало 66-го сонета Шекспира в переводе С.Маршак.

...прочту Эткинда и Финкеля, соседей Тошкиных. — Имеются в виду их статьи в сборнике «Мастерство перевода» (М., 1968).

...не оставила безумной мысли породниться со мною? — Ю.Д. вспоминает давнишний шуточный сговор между семьями Данизлей и Захаровых-Рахлиных — «поженить детей», Сашу Захарову и Саню Данизля.

...это была не трусость и не безразличие, а легкомыслие, бездумность. — Ю.Д. вновь вспоминает о своей старой вине перед Марленой Рахлиной (см. прим. к письму № 3).

Вариант же с Харьковом для Саньки кажется мне, к сожалению, нереальным. — Видимо, речь идет о возможности для Александра Даниэля повторить путь отца и поступить учиться в какой-нибудь харьковский вуз.

Ее подружка— молодец...— «Подружкой» Саши Захаровой Ю.Д. называет Л.Б.

«А почему? А потому, Что был солдат бумажный» — Из «Песенки о бумажном солдатике» Б.Окуджавы.

...это было бы ко всему еще и автоплагиатом... — Отстаивая право Л.Б. на поступок, Ю.Д. вновь обращается к идее «личной ответственности за коллективную вину», развитую им в повестях «Говорит Москва» и «Искупление».

...с омерзением думаю о быте, который ее ожидает. Мой опыт — не пример.— Ст.ст.190¹ и 190³ не входили в состав гл.1 УК («Особо опасные государственные преступления»), и, соответственно, осужденные по ним отбывали наказание не в политлагере, а в «общеуголовных» лагерях (если их приговаривали к лишению свободы).

...я получил то, чего ждал эти три дня.— Известия о приговоре суда в отношении Л.Б. — 4 года ссылки.

...в остальных случаях суд удовлетворил скромные пожелания обвинения? — Дело слушалось в Мосгорсуде с 9 по 11 октября. Константин Бабицкий, Лариса Богораз и Павел Литвинов были приговорены, соответственно, к 3, 4 и 5 годам ссылки, Вадим Делоне— к 2 годам 10 месяцам лагерей, Владимир Дремлюга — к 3 годам лагерей. Приговор в точности соответствовал тому, что потребовал для подсудимых государственный обвинитель, за исключением одного: Делоне получил на полгода больше, чем просил прокурор. Шестого арестованного — Виктора Файнберга — психиатрическая экспертиза признала невменяемым, и его дело было выделено в отдельное производство. Впоследствии он был отправлен на «принудительное лечение» в так называемую специальную психиатрическую больницу (одна из самых изощренных форм расправы над инакомыслящими в брежневскую эпоху). Ст.ст.190¹ и 190³ не предусматривают ссылку в качестве меры наказания, поэтому в отношении Бабицкого, Богораз и Литвинова в приговоре содержалась ссылка на ст.43 УК— «возможность назначить наказание ниже низшего предела» (хотя в качестве низшего предела в этих статьях указан штраф в размере 100 руб.). Формально «снисходительность» суда обосновывалась тем, что трое приговоренных к ссылке ранее не были судимы, тогда как у Делоне еще не истек испытательный срок условного приговора по тем же статьям за участие в демонстрации 22 января 1967 г. на Пушкинской площади (см. прим. к письму № 22), а Дремлюга был ранее судим по уголовному обвинению. Скорее всего, однако, сравнительно мягкий приговор Бабицкому,

Богораз и Литвинову объяснялся другим: первый — лингвист, чье имя было хорошо известно в научных кругах; вторая — жена писателя, осужденного по нашумевшему политическому процессу; третий — внук старого большевика, соратника Ленина, наркома иностранных дел СССР в 1932–1939 гг.

...твое письмо от 30/IX, из Элисты. — В течение двух недель Александр Даниэль был вольнослушателем мехмата Калмыцкого пединститута (см. прим. к письму № 51).

...опять отстал от самолета? — Ю.Д. подшучивает над сыном, который уже однажды побывал в Калмыкии: в 1965 г., отправившись в летние каникулы на Северный Кавказ, он опоздал на самолет во время промежуточной посадки в Элисте.

...согласись, что все это было проделано очень элегантно. — В августе 1968 г. Александр Даниэль сдавал вступительные экзамены на физический факультет Тартуского университета. Принят он не был: число мест на факультете было внезапно сокращено до 5 человек (А.Д. числился в списке прошедших шестым). Остальных абитуриентов, однако, приватно предупредили, чтобы они не торопились забирать документы; действительно, после того, как это сделал А.Д., число мест на факультете вновь было увеличено.

...«не расширять круг знакомств»... отнюдь не «сужать». — Некоторые из друзей Ю.Д., обеспокоенные дальнейшей судьбой его сына, настойчиво советовали последнему не слишком тесно общаться с «диссидентским окружением» его матери.

...я настаиваю на своей просьбе, независимо от твоей аргументации. — Речь идет о встрече Александра Даниэля с М.В.Розановой, женой Синявского, вскоре после 25 августа. Разговор касался и тех проблем, которые накопились между нею и Л.Б., и точки зрения Розановой на общественную активность Л.Б. Ю.Д., узнавшему о встрече из письма сына, показалось, что инициатором «выяснения отношений» был именно он; просьба, о которой говорится в письме, состоит в том, чтобы впредь подобных «выяснений» не было, и в том, чтобы довести эту его позицию до сведения Синявских.

письмо № 53 (1968, 27 октября — 6 ноября)

...начну после свидания... — Ю.Д. через несколько дней ожидает приезда сына на общее свидание.

...любовался Юрой Левиным... — Левин сопровождал Александра Даниэля в поездке в Мордовию.

...дебаты о Санькином местожительстве прекратить. — Решение Александра Даниэля после суда над матерью остаться в Москве не разделялось некоторыми из друзей Даниэлей, которые настойчиво уговаривали его продолжить учебу там, где это возможно, т.е. в Элисте.

...моей родственницы.— После ареста Л.Б. Людмила Алексеева объявила себя ее двоюродной сестрой; это дало ей возможность попасть на суд и получить свидание с Л.Б. после суда.

...о своем положении безработной бабушки...— Алексеева была исключена из партии, а затем уволена с работы за подпись под одним из писем в защиту А.Гинзбурга и Ю.Галанскова.

...будущему клоуну.— В письме Л.Ренделя говорилось о его маленьком пасынке, который хочет стать клоуном.

...успел соскучиться без Алика.— В октябре 1968 г. А.Гинзбурга увезли в Саранск на «профилактику» (см. прим. к письму № 40).

...сборник Шаламова... — См. прим. к письму № 31.

Спасибо ей и Татьяне Максимовне за книги.— Бандероль от Л.К.Чуковской — ее отклик на просьбы Ю.Д. к знакомым и доброжелателям присылать свои книги. Вероятно, в этой же бандероли был и переведенный Т.М.Литвиновой сборник Д.Чивера «Ангел на мосту».

...я имею в виду, разумеется, работы, посвященные Герцену... — Разумеется, Ю.Д. имеет в виду «Открытое письмо М.Шолохову» (см. прим. к письму № 13).

Что же до Маргариты, которая со мной (с нами?) «полемизирует»... — «Маргаритой» Ю.Д. называет Елену Сергеевну Булгакову, вдову писателя, с которой Ю.Вертман общалась в связи с постановкой «Кабалы святош» в «Современнике». «Полемика» (или, как позже сформулировал Ю.Д., «неодобрение») относилась к поступку Синявского и Даниэля — тайной публикации своих произведений за рубежом.

...вопил в журнале «Юность»: «Хочу быть таким...» — Ю.Д. вновь поминает Б.Чичибабину его публикацию 1963 г. (см. прим. к письму № 27).

...вышел в Гослите, кажется, в 66-м. — Речь идет о сборнике произведений Амброза Бирса «Мост через Совиный ручей».

письмо № 54 (1968, 7—18 ноября)

«Ваша знакомая?» «Скорее, Юры и Алика»... — Отправительница бандероли, полученной В.Калниньшем, — Вера Лашкова, машинистка, печатавшая в 1966 г. материалы для «Белой книги» Гинзбурга и альманаха Галанскова «Феникс». Была арестована вместе с ними; на судебном процессе 1968 г. приговорена к году лишения свободы и через несколько дней освобождена, так как, с учетом предварительного заключения, уже отбыла этот год.

«Дверь отперта. Переступи порог»— Из стихотворения М.Волошина «Крым».

...от временно отсутствующего Пата (он гостит у одного из начальников; он, жираф и яхты Яна)...— Видимо, игрушки изъяты «для проверки» при очередном обыске.

...к отцовской пьесе.— Имеется в виду пьеса Марка Даниэля «Изобретатель и комедиант», шедшая в 1930-е в Центральном детском театре.

...я уже на три года старше отца.— Марк Даниэль скончался от туберкулеза в 1940 г., в возрасте сорока лет.

...«Толя, Валерий, Толя».— От кого телеграмма, неясно.

На письмо твое — и твое, Маринка, — я отвечаю отдельно.— См. приложение к данному письму.

...от Миколы Плахотнюка (из Киева).— Н.Г.Плахотнюк, по-видимому, не был лично знаком с Ю.Д.; возможно, заочное знакомство произошло благодаря связям Плахотнюка с Иваном Светличным, или, что вероятнее, — давней дружбе с недавно освободившимся Ярославом Гевричем, сокамерником Ю.Д.

...железобетонными призывами, предназначенными не мне...— Вероятно, лагерной цензуре; таким способом Марлена Рахлина надеялась сделать свои письма более «проходимыми».

...Марселя Марсо переводил...— Шутка: Марсель Марсо — знаменитый французский мим.

Насочинял я много... Если надумаю... пошлю.— Речь идет о поэме «А в это время...», содержание которой заведомо исключало ее пересылку через лагерную цензуру. Позднее Ю.Д. переслал текст поэмы нелегально.

приложение к письму № 54

Только Михе.— Вложенные в общий конверт листы, надписанные «Только такому-то»— единственно доступный и неоднократно применявшийся Ю.Д. в его лагерной и тюремной переписке способ общения со своими корреспондентами «по отдельности». Жанр этих «вложений» иной, нежели в «общих письмах»— это в прямом смысле слова личная переписка; поэтому мы не сочли нужным и возможным включать их в корпус публикуемых писем. Однако данный случай — особый: еще в 1989 г., когда впервые возникла идея публикации писем Ю.Д., покойный Михаил Львович Бурас передал нам адресованное ему «вложение» и настойчиво просил включить его в будущее издание. По мнению Бураса (вполне нами разделяемому), оно положило конец недоговоренностям и неудовольствиям, отразившимся в ряде «общих» писем Ю.Д. Мы полагаем, кроме того, что соображения, высказанные здесь Ю.Д., представляют не только частный интерес, связанный с конкретным выяснением отношений между двумя друзьями, — в них четко артикулирована нравственная позиция автора по отношению к некоторым достаточно типичным коллизиям эпохи.

Смысл претензий Ю.Д.— см. в прим. к письму № 3.

...что давность антипатии... оправдывает ее декларирование при любых обстоятельствах...— На допросе в КГБ во время следствия по делу Синявского и Даниэля М.Бурас отрицательно отозвался об А.Д.Синявском, пред-

положив, что поступки, инкриминируемые Ю.Д., явились результатом его дурного влияния. Позднее М.Б. объяснял, что не кривил душой, так как действительно всегда плохо относился к Синявскому.

...считают ли меня самостоятельным или ведомым... — Реакция Ю.Д. на мнение о «зависимости» его от Синявского, сообщенное Бурасом.

«...мы с ним вообще не разговаривали, враждовали». — Ю.Д. называет имена своих и М.Бураса соучеников, погибших на войне.

...Лившицы и Задонские... — Друзья семьи Бурасов, знакомые также и с Даниэлями.

...была «бестактна» с Ириной... — Речь идет скорее всего о родственнице Бурасов, работавшей в прокуратуре. Говоря о «бестактном» поведении Л.Б. по отношению к ней, Бурас, вероятно, имеет в виду просьбу выяснить по своим каналам какие-то сведения, которые Л.Б. не могла получить официальным путем.

...что я — не убийца, не клеветник, не «обыкновенный фашист»... — Ромовский эпитет «обыкновенный фашизм» в применении к творчеству Аржака–Даниэля использовала З.Кедрина в своей статье «Наследники Смердякова» (ЛГ. 1966. 22 янв.).

...обидные и несправедливые слова о «семье»... — См. письмо № 52, запись от 11/Х-68 г.

письмо № 55 (1968, 4—18 декабря)

Предыдущее письмо, писавшееся между 19 ноября и 3 декабря, по счету Ю.Д. — «первое декабрьское», до адресата не дошло — см. запись от 11/І-69 г. в письме № 57.

...получил «Переполах». — Детская книжка, авторы которой — Н.Воронель и Р.Муха (харьковская знакомая Ю.Д.). **«У краба украли жабры»** — строка одного из стихотворений, помещенных в этой книжке.

...пришла Фаюмская книжка. — многократно упоминавшаяся в предыдущих письмах книга Ю.Герчука и М.Домшлак «Художественные памятники Верхней Волги» (М., «Искусство», 1968).

...о Санькиной работе. — Александр Даниэль устроился работать программистом в вычислительную лабораторию при Московском инженерно-строительном институте.

...отдельно для вас с Маришкой... — Вряд ли письмо М.Бураса — ответ на адресованное «только ему» послание в предыдущем письме; последнее, скорее всего, просто не успело бы дойти до адресата. Таким образом, намерение Ю.Д. расставить все точки над «і» в отношении к событиям 1965 г. совпало по времени со встречным желанием Бураса.

...на свидание к Ларке...— В Лефортовской тюрьме, перед отправкой на этап до места ссылки.

...одна женщина, знающая меня уже ровно 22 года.— Скорее всего, Л.Б.: она познакомилась с Ю.Д. осенью 1946 г. на филфаке Харьковского университета, где оба учились на I курсе.

...с обещанием «предоставить работу по специальности» Ларке и ее сподвижникам.— Кто и кому давал такое обещание, неизвестно; возможно, — сотрудники КГБ в какой-нибудь беседе с родственниками Бабицкого, Богораз или Литвинова. Во всяком случае, это обещание никогда не было выполнено.

...Заири? Гяури? Напареули?— Название ЭВМ, с которой работал Александр Даниэль на своей новой службе,— «Наири».

Бена и Серенького он бессердечно бросил в Саранске... — В Саранск Гинзбурга, Ронкина и Труфелева возили на «профилактику» (см. прим. к письму № 40)

...Ваксмахера (если кто его видит... до самой смерти, да?) — «До самая смерти» — оборот, заимствованный из «Жития протопопы Аввакума» (хрестоматийный обмен репликами между протопопом и его женой). *Ваксмахер Морис Николаевич* — переводчик с французского, дальний знакомый Ю.Д.

...мама 2 декабря была уже на Пресне... — Т.е. в Московской пересыльной тюрьме, в ожидании этапа.

...что ждет ее Красноярский край... — Это известие оказалось неверным.

Нельзя сказать, что я в восторге от этой «за далью дали»... — В телеграмме содержалось сообщение, что Л.Б. везут в Иркутскую область.

письмо № 56 (20 декабря 1968 — 5 января 1969)

...решительно не помню, как, где, в какой связи я употребил выражение «бумажный солдат».— В письме №52 (запись от 11/X-68г.), в применении к демонстрации протеста 25 августа. Видимо, М.Злобина (или, возможно, кто-то из ее круга, читавший письма Ю.Д.) трактует это выражение в уничижительном смысле.

...в духе Ваших писаний о Бабаевском.— Злобина М. О пользе и неудобствах пешего хождения // НМ. 1968. № 9. Рецензия на роман С.П.Бабаевского «Белый свет», написанная в жанре литературно-критического фельетона.

...о поездках в Махру я читал... Упоминаемую Вами Н.П.Соколовскую я никак не вспомню... — В письме М.Злобиной речь идет о поездке Л.Б. в мае–июне 1967 г. в подмосковный пансионат и о приезжавших к ней туда людям. Вероятно, «Соколовской» М.Злобина ошибочно называет Н.П.Лисовскую, биолога, в то время активно участвовавшую в организации помощи

политическим заключенным (впоследствии она стала одним из наиболее деятельных сотрудников общественного Фонда помощи политзаключенным и их семьям). Лисовскую-«Соколовскую» Ю.Д. и не мог вспомнить; она относилась к числу тех, кто появился в доме Даниэлей уже после его ареста.

...один на всю зону турок... — См. прим. к письму № 34.

...не уверен, что интерес к научной (точнее — научно-популярной) литературе в каком-то родстве с утилитаризмом этого вероучения. — Для свидетелей Иеговы характерна апелляция к «новейшим научным данным» в подтверждение их религиозных тезисов.

...обнимаю и целую автора надписи... — А.Футмана, который освободился в конце 1968 г. и находился в тот момент в Москве, под «опекой» друзей Ю.Д.

...чтобы с ним не получилось, как с Эль Сордо. — Эль Сордо, т.е. «Глухой» — партизанская кличка одного из героев романа «По ком звонит колокол» Э.Хемингуэя. Ю.Д. намекает на А.Марченко, лагерное прозвище которого было «Глухой». Анатолий Марченко был арестован в конце июля 1968 г. и 21 августа приговорен к году лагерей.

Ай да Хэм! — Судьба русского перевода романа «По ком звонит колокол» с конца 1950-х была одной из «болевых точек» советской культуры. Упорные усилия либеральной литературной общественности опубликовать главную вещь Хемингуэя, посвященную Испанской войне, наталкивались на столь же упорное сопротивление в аппарате ЦК КПСС (ходили слухи, что против публикации романа резко возражала Долорес Ибаррури). Публикация была многократно анонсирована (однажды удалось даже опубликовать отрывок из романа в «Известиях»), но неизменно вычеркивалась из издательских планов. Поэтому появление «По ком звонит колокол» в трехтомнике Хемингуэя, вышедшем в 1968 г., стало маленькой литературной сенсацией.

Строго говоря, Ю.Д. не читает, а перечитывает роман; впервые он прочитал его в 1964 г., в самиздатском переводе.

...три его новые песни (я думал — две...) — Л.Пугачев пишет в своем письме о стихах Ю.Д., положенных им на музыку и исполняемых под гитару.

...справедливо упрекал не то Феофанов, не то кто-то другой из радетелей отечественной словесности. — В отсутствии положительных героев «упрекал» Ю.Д. на процессе сам председатель суда, Л.Н.Смирнов. Это «литературное наблюдение» было одним из основных доказательств антисоветского умысла подсудимого.

«И год не нов. Другой, новей, обещан...» — Строка из поэмы Б.Пастернака «Спекторский».

...где она описывает свой разговор с «Маргаритой». — Н.Д.Светлова тесно общалась в те годы с Е.С.Булгаковой; в частности, она была одной из тех, кто, с согласия Елены Сергеевны, перепечатывал и распространял фрагменты «Мастера и Маргариты», вымаранные цензурой и редакторами из журнальной публикации романа.

...жаль, что она (Маргарита) не одобряет нас. — См. прим. к письму № 53.

...мой коллега... — А.Д.Синявский. Ю.Д. вновь проводит параллель между «Мастером и Маргаритой» М.Булгакова и прозой Абрама Терца. См. письмо № 26 (запись от 25/III-67г.) и прим. к нему.

...слишком обостренно воспринимает всякие толки. — Вновь — тема «бумажного солдата». См. выше, в примечаниях к данному письму.

«Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?» — Из стихотворения В.Я.Брюсова «Ассаргадон».

...неделю проторчали в Потье... — В.Ронкин и В.Труфелев вернулись из Саранска, с «профилактики» (см. прим. к письму № 40); на Потье находится пересыльное лаготделение, через которое проходят все этапируемые в Дубравлаг и из него.

«Есть в старых парусах душа живая...» — Песня Л.Пугачева на слова Б.Чибабина.

письмо № 57 (1969, 7 января — 3 февраля)

...Ларкин адрес. — 1 января 1969 г. Л.Б. была доставлена к месту ссылки — пос. Чуна Иркутской обл. (между Тайшетом и Братском).

...как тебе бродится, с кем переводится... — С конца 1950-х Ю.С.Хазанов был постоянным соавтором Ю.Д. по переводам на русский поэтов Северного Кавказа и Закавказья.

...кто в состоянии, а кто не в состоянии выдержать груз. — Ю.С.Хазанов был одним из тех, кому Ю.Д. рассказал о своем подпольном писательстве и даже дал прочесть свои рассказы и повести. Именно поэтому Хазанов был привлечен к делу как свидетель — сначала на следствии, а потом на суде.

...оставаясь дома. — Именно А.Воронель организовал для Даниэля-младшего условное зачисление в Элистинский пединститут и, соответственно, особенно настаивал на таком решении его проблем.

...с этой самой Елены я начну отвечать. — Лена, 15-летняя дочь Герчуков — одна из немногочисленных «невзрослых» корреспондентов Ю.Д.

...знакомых такого калибра — не подберу другого выражения — у меня отродясь не бывало. — П.Г.Григоренко — профессиональный военный, до 1964 г. генерал-майор.

Володе — благодарность за приписку... сфотографировать людей, по чьим лицам я так соскучился. — Ю.Д. обращается к В.А.Бондареву (см. прим. к письмам № 9 и 16).

...потрясающая бандероль от Симы. — С.Никитина, отправляя Ю.Д. бандероль, по ошибке вложила в нее свой паспорт.

...о кой-каких одиозных детальках у Эшила ничего не сказано... — Младшая дочь М.Л.Бураса послала Ю.Д. свой рисунок — Прометей, прикрученный к скале колючей проволокой.

...наш футболист... — Анатолий Футман (вероятно, по созвучию).

...«краткие географические справки». — Сведения о местах ссылки, назначенных Л.Б., К.Бабицкому (Коми АССР, пос. Краснозатонский, недалеко от Сыктывкара) и П.Литвинову, о котором было в тот момент известно лишь, что его везут по этапу в Забайкалье.

«Ах, она добра-добра — надолго ли хватит?» — Перифраз строки «Ах, она щедра, щедра — надолго ли хватит?» из песни Б.Окуджавы «Горит пламя, не чадит...».

...Анатолий Александрович II. — Футман (подразумевается, что Анатолий Александрович I — А.А.Якобсон).

«Веселость нас никогда не покидала» (М.Зощенко)... — Первая фраза «Голубой книги».

...после сестричкиного вояжа... — В январе, сразу же после прибытия Л.Б. в Чуну, к ней приехала на несколько дней Л.Алексеева («сестричка» — см. прим. к письму № 53).

Потенциальной княгине Волконской — привет... — Имеется в виду Майя Русаковская, жена Павла Литвинова, ожидавшая в то время сообщения о будущем адресе Литвинова, чтобы отправиться к нему.

Я-то ведь знал, о каких «героях» идет речь! — Обсуждается стихотворение Ю.Д. «А вдруг вот так приходит зрелость...». Контекст разбираемых ниже строк таков:

А вдруг разумна Божья милость:
Мы все в ничто пустое канем,
Но то, что как-то воплотилось,
Не зачеркнется покаяньем!

и далее, в конце:

Что думать жесткими ночами
О сбереженной нами жизни,
Когда герои за плечами
В немой застыли укоризне?

При публикации стихотворения в 1971 г. («Стихи из неволи») слово «герои», действительно, было заменено автором на «страницы» (в этой редакции печатаем его и мы); в примечаниях к амстердамскому изданию, однако, указан и первоначальный вариант.

...непонятно, почему ты все еще его перевираешь... — Ю.Д. намекает на дерзкую акцию, подготовленную А.Гинзбургом, В.Калниньшем и им самим, — литературную «радиопередачу», посвященную К.Скуениексу и по недосмотру начальства (кто-то из охраны отдал Гинзбургу для починки сломанный магнитофон) записанную на пленку. Пленка была нелегально переправлена на волю

и должна была быть передана за границу, на одну из зарубежных радиостанций, вещающих на русском языке. В «передаче», выполненной в жанре литературного концерта и слегка пародирующей этот жанр, роль ведущего исполнил А.Гинзбург, роль литературного критика и биографа поэта — одноделец Скуениекса В.Калниньш; Ю.Д. прочел два стихотворения Скуениекса, переведенные им на русский язык.

Александр Даниэль и Арина Жолковская в январе 1969 г. уже имели эту запись; однако очистить ее от помех настолько, чтобы можно было отчетливо разобрать слова, им удалось только через несколько месяцев (поэтому Александр и перевирает стихотворение). Отдать запись за рубеж они не решились, опасаясь репрессий лагерной администрации против участников «передачи».

Копия магнитофонной записи, сохраненная В.Ронкиным, находится сейчас в архиве Общества «Мемориал». Текст этого любопытного аудиодокумента ранее никогда не публиковался. Здесь мы приводим его целиком:

[«Ведущий»]: Здравствуйте, дорогие друзья. Наш микрофон — в политическом лагере номер семнадцать. Наша литературная передача из цикла «Поэзия народов СССР» посвящена творчеству латышского поэта Кнута Скуениекса. Несколько слов о поэте мы попросили сказать политзаключенного историка и журналиста Виктора Калниньша. Пожалуйста, Виктор.

[В.Калниньш]:

По зимним, снежным
Я шел дорогам
В чужие земли,
К чужим порогам, —

писал, отправляясь в изгнание — путь, обычный для многих поколений латышской интеллигенции, — великий латышский поэт Райнис. «Тысячи миль по этапу, штыки, проклятья, колючая проволока» — так описывал через десятилетия свои впечатления другой латышский поэт, Кнут Скуениекс, отправляемый в столыпинском вагоне в мордовские лагеря. Широкий мир этого поэта, — журчащие струи [нрзб.; м.б., «Иравади»], вершины Сьерра-Маэстра, трехцветный рассвет в утро казни французского патриота Габриэля Пери, — все это попытались упрятать за колючую проволоку. Но вместе с белыми облаками мысли и чувства поэта стремятся к людям, к друзьям, к той маленькой стране на берегу Балтийского моря, через озера и нивы которой лишь за один день перелетают журавли.

Кнут Скуениекс еще молод. Сейчас ему тридцать два года. Весь его жизненный путь — в нескольких словах: школа, Латвийский университет, Московский литературный институт, редакция газеты «Литература ун максла», арест, семь лет заключения. Много испытаний выпало на его долю; немало

еще выпадет. Пусть поможет ему на его трудном пути упрямая языческая кровь — кровь, замурованная в фундаментах Риги и обильно пропитавшая латышскую землю.

[Ведущий]: Теперь — слово поэту-переводчику. У микрофона полит-заключенный Юлий Даниэль.

[Ю.Д.]:

Статистика

«Где говорит статистика —
Музы молчат»... Ну, что ж —
Истина? Нет, не истина.
Недоразуменье, ложь.

К ней, беспристрастной,
Стоит прислушаться.
Статистика — Муза.
Она не прислужница.

Такой-то процент предается дракам.
Такой-то — стоит перед властью раком.
Такой-то процент от цинги помирает.
Такой-то — сам себя презирает

И всю вселенную заодно.
И даже количество пальцев дрожащих,
Сжатых сейчас в кулаки угрожающе,
Тоже статистикой учтено.

Я — в этом проценте. Я с теми, которые
Ищут скупые жиры и белки.
Я с теми, кому позволяют калории, —
Еще позволяют, — сжать кулаки.

Муза цифири! А ну-ка, зачисли-ка
В этот процент, заприходуй навек
Любого, кому приходилось туго, —
Жену мою, сына, читателя, друга...

Там, где всю говорит статистика, —
Там не молчит человек.

Три зимы

Три смерти брусками скребут о металл,
Три волка голодных бредут по пятам,
Враждою к теплу и движенью горя,
К артериям тянутся три упыря

— Три зимы, три зимы, три зимы...

Три гада цедают святотатственный гной
И брызжут в лицо мне вонючей слюной;
И вяжут мне руки, по дням волоча,
Безумных три призрака, три палача

— Три зимы, три зимы, три зимы...

Три тощих свечи оплывают в чаду,
Три ночи тоскуют в жару и бреду,
Три поля, привыкшие семя губить...
Три глыбы, которые мне раздробить,

Три выхода к свету прорезать в стене,
Три восхода, которые вырастить мне

— Три зимы, три зимы, три зимы!

[Ведущий]: На этом мы заканчиваем нашу литературную передачу из лагеря, где начальником майор Анненков. Пишите нам по адресу: Мордовская АССР, станция Потьма, почтовое отделение «Озерный», почтовый ящик ЖХ 385/17-а. Передача была организована по недосмотру администрации. Вел передачу Александр Гинзбург».

В последней реплике ведущего оборот «...из лагеря, где начальником майор Анненков» несет в себе дополнительный пародийный оттенок: пародируется стандартная форма указания на место репортажа, используемая — из «режимных сообщений» — в ведомственной печати Главного управления исправительно-трудовых учреждений (в частности, в хорошо знакомой заключенным дубравлаговской многотиражке «За отличный труд»).

О песне. — Далее речь идет о «Цыганках», стихотворении из повести Аржака Даниэля «Искушение». В повести — это песня, которую исполняет под гитару один из эпизодических героев, Мишка Лурье. В 1966–1968 гг. «Цыганки» были положены на музыку и исполнялись независимо друг от друга Константином Бабицким и Юлием Кимом.

...телеграмму с адресом Павла. — Местом ссылки Павлу Литвинову был назначен пос. Верхние Усугли Тунгокоченского района Читинской области, в нескольких сотнях километров к северу от Читы.

...будет ведь по письму в месяц. — В следующие несколько месяцев, вплоть до перевода во Владимирскую тюрьму, Ю.Д. делит свой почтовый лимит (2 письма в месяц) пополам, отправляя письма поочередно в Москву — сыну и друзьям, и в Чуну — Л.Б. В настоящем издании публикуются, естественно, только «общие» письма, адресованные в Москву.

...письмо, уехавшее с Людой... — Речь идет о письме № 56, которое Л.Алексеева отвозила Л.Б. в Чуну.

...в молчании Андрея есть свои резоны. — Под «молчанием» Андрея Сиявского И.А.Богораз понимает иной, не столь «публичный», как у Ю.Д., характер его писем. Нельзя, однако, считать письма Сиявского обыкновенной частной перепиской: именно в этот период они в значительной своей части представляют собой литературно-критические и исторические эссе, которые впоследствии лягут в основу его произведений «Прогулки с Пушкиным» и «Голос из хора».

...Ларкина работа... — По прибытии в Чуну Л.Б. была направлена на работу в местный деревообделочный комбинат, первоначально — рабочей-подсобницей в распилочный цех.

...прелестная вещица, опубликованная в «Октябре»... — Олесь Бенюх. Челюсти саранчи // Октябрь. 1969. № 1. Этот роман (как и более известное произведение В.Кочетова «Чего же ты хочешь?») — одно из произведений советской литературы, продолживших в 1960–1970-е традицию антинигилистических романов XIX в. и направленных против современных «нигилистов» — диссидентов. На лагпункте 17-а Дубравлага роман «Челюсти саранчи» должен был вызвать особенный интерес: в нем, под именами Вайсбурга и Таренскова, выведены А.Гинзбург и Ю.Галансков.

...кто такие... «дети Великановой», «Роман» и «С.Мюге»... — И.Корсунская имеет в виду жену К.Бабицкого Татьяну Великанову, ее брата Кирилла и сестер Ксению и Екатерину. «Роман» — по-видимому, Р.Рутман, на самом деле уже известный Ю.Д. по неудавшейся попытке спрятать кофе и шоколад в том посланной в лагерь «Истории СССР» (см. письмо № 33 и прим. к нему). Сергей Мюге — муж К.Великановой. Некоторые из названных Корсунской людей (все они пока незнакомы Ю.Д.) вскоре стали играть более или менее заметную роль в диссидентском сообществе. В особенности это относится к Т.М.Великановой, с мая 1969 г. вошедшей в состав Инициативной группы по защите прав человека в СССР, а в 1970-е ставшей одной из ключевых фигур в выпуске самиздатского информационного бюллетеня советских правозащитников «Хроника текущих событий». В 1980–1983 гг. отбывала 4-летний лагерный срок в Мордовии.

...помнит ли Иосиф Аронович замечательный свой разговор с Ларкой об этом продукте. — И.А.Богораз, попробовав только что появившееся в

продаже датское масло, заметил, что по вкусу оно точь-в-точь напоминает дореволюционное. Очевидно, рассказы о быте Л.Б., в особенности — заботы вольных друзей, также вызвали в памяти Ю.Д. ассоциации с дореволюционным периодом, в частности, в том, что касалось участия «вольных» в жизни ссылки. Действительно, в конце 1960-х в СССР возрождались традиции помощи «общества» политическим ссыльным.

...изволь откликаться на «племянничка». — Тема «названного братства», возникшая в переписке Ю.Д. с Ариной Жолковской, несколько позже отразилась в посвященном ей стихотворении «Про нашу арифметику» (см. конец письма № 66):

...А у выбранного в братья
Так нахолодали руки
Без тепла рукопожатья!..

...от... Бабенышева... — Александр Петрович Бабенышев — геолог; до ареста Ю.Д., по-видимому, знаком с ним не был, однако они имели много общих друзей — А.И.Гинзбурга, Л.З.Копелева и др. Впоследствии Бабенышев стал одним из участников правозащитного движения, автором ряда самиздатских текстов, редактором машинописного публицистического журнала «Поиски и размышления». В 1981 г. эмигрировал в США; сотрудник Гарвардского университета.

Задание номер следующее... — Просимые далее книги предназначались скорее всего А.Гинзбургу, зарекомендовавшему себя в лагере умелым электромехаником.

Кажется, и в песенке тезки о том же? — Очевидно, имеется в виду какая-то из «остросоциальных» песен Юлия Кима; какая именно — неизвестно.

...через десять лет вы сможете встретиться и поговорить. — Капицыньш умер в лагере 16 января 1970 г. в возрасте 53 лет, на шестом году своего 15-летнего срока.

...о разыгравшихся частнособственнических инстинктах в Чуне. — Речь идет о планах покупки дома для Л.Б.

...мои сомнения относительно твоей поездки... опоздали. — В начале февраля Александр Даниэль отправился в Чуну навестить мать.

письмо № 58 (1969, 12 февраля — 5 марта)

...от Грабаря... — Святослав Игоревич Грабарь, математик, в 1945 г. — одноплец Ю.А.Гастева и Н.Н.Вильямса, знакомый А.И.Гинзбурга и Ю.Т.Галанскова. С Ю.Д. познакомился, по-видимому, только после его освобождения, через своего тестя Л.З.Копелева.

О «татарочке Розе». — Р.Хуснутдинова, поэтесса, знакомая И.Глинки.

...«Маятник» от Марленки. — Рахлина М. Маятник. Харьков, 1968.

«О пользе пешего хождения»... — См. прим. к письму № 56.

...«ведет с коллегой специальный разговор — разорвись, а не поймешь». — Из стихотворения Саши Черного «В гостях (Петербург)» («Адвокат ведет с коллегой Специальный разговор. Разорвись — а не поймешь»).

...кажется, кваском припахивают. — Т.е. склонные к «квасному патриотизму». Л.Бородин и В.Платонов попали в лагерь за участие в подпольной организации ВСХСОН — «Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа» (1964–1967). Идейной базой этой организации было православие; однако в программе ВСХСОН присутствовали также элементы идеологии, которая впоследствии получит название «национал-патриотической».

Узнал, что Андрей здоров и относительно благополучен... — До перевода в Озерный Бородин и Платонов находились в Явасе, на 11-м лаготделении, т.е. там же, где и А.Д.Синявский.

...об общении с которыми она столь трогательно пишет... — Сюжеты и образы некоторых стихотворений Марлены Рахлиной связаны с ее воспоминаниями о школе при исправительно-трудовой колонии, где она когда-то преподавала.

«Эфиопы видом черные, И как угли глаза» — Неточно воспроизведенные строки из стихотворения Н.А.Некрасова «Влас».

...письмо... невразумительно написано. — Это письмо Л.Алексеевой, содержало, по-видимому, какие-то «условности», ключ к которым Ю.Д. удалось подобрать не сразу.

...очухивался после свидания. — 1 марта Ю.Д. имел свидание с сыном.

Когда у мамы — точно! — кончается срок ссылки? — Для приговоренных к ссылке время содержания под стражей (включая этапирование к месту ссылки) исчисляется из расчета один день за три. Поэтому у Л.Б., арестованной 25 августа 1968 г., приговоренной к 4 годам ссылки и освобожденной из-под стражи в Чуне 1 января 1969 г., срок кончался 14 декабря 1971 г.

...эюд о елке... — Уварова И. Все елки на свете // Декоративное искусство СССР. 1969. № 1.

...позировал Роману в бороде... — Речь идет о карандашном портрете Ю.Д. работы его сокамерника Р.Кошелика. Портрет удалось вывезти из лагеря; сейчас он хранится у вдовы Ю.Д. И.П.Уваровой.

письмо № 59 (1969, 8—27 марта)

...от графа Льва Николаича до другого, современного писателя, любимого и уважаемого мною... — По всей видимости, имеется в виду А.И.Солженицын.

...Блоковское: «Сердцу закон непреложный: радость — страданье — одно»... — Из пьесы «Роза и Крест».

...Аллы: «Прошлое помним... и любим его мы печальной любовью»... — Из песни Аллы Зиминой «Уральские горы» («Но прошлое помним, политое кровью, И любим его мы печальной любовью»).

...Ди Грассо, или как его там! — Итальянский актер Джованни Грассо (1873–1930), гастролерировал со своей труппой в России (см. рассказ И.Бабея «Ди Грассо»). Существовал знаменитый «прыжок ди Грассо».

И лакеи носят вина. И шпионы носят фрак. — Перифраз строк известной полуфольклорной песенки «Стою я раз на Невском...» (авторство приписывается А.Левинтону) — гибрида блатной песни и пародии на шпионский детектив.

...о столкновении на китайской границе... — Советско-китайский вооруженный конфликт весной 1969 г. в районе острова Даманский на р.Уссури.

Читаю книгу Гачева, так блистательно отрецензированную в «Известиях» (или в «Правде»?)... — Гачев Г. Содержательность художественных форм : Эпос, лирика, театр. М.: Просвещение, 1968. Литературоведческий бестселлер конца 1960-х. Книга удостоилась разгромной статьи в «Известиях» от 3 марта 1969 г. (Разумный А. «Вензеля выделяет моя мысль...»). После этой статьи директора издательства И.М.Терехову сняли с должности, уволили редактора книги; в издательстве «Искусство» был рассыпан набор работы Гачева «Жизнь художественного сознания».

...об этом уголовном типе, который напросился к ней на постой. — Весной 1969 г. в Чуне поселился Анатолий Футман, который, как бывший «особо опасный государственный преступник» и одновременно «уголовник-рецидивист» так и не сумел устроиться поблизости от Москвы. Первое время он жил в доме Л.Б.

...глазам своим не верю. — Далее следуют иронические вариации Ю.Д. вокруг дискуссии в журнале «Декоративное искусство СССР» на тему «Функционализм в прикладном искусстве».

...в замечательных деревьях, созданных попечительством Григория Александровича... — Ю.Д. намекает на «потемкинские деревни» — фасады домов, выстроенные, по легенде, князем Г.А.Потемкиным вдоль пути следования императрицы Екатерины II во время ее путешествия в Крым.

«печной горшок ему дороже» — Измененная строка из стихотворения А.С.Пушкина «Поэт и толпа».

...почти целиком посвященное братцу. — «Братец» — А.Футман (см. выше, прим. к наст. письму).

«О, это Швейк!» — «Швейк» — прозвище знакомого А.И.Гинзбурга, физика Владимира Рокитянского.

...реакционная коллегия этого журнала! — «Реакционная» вместо «редакционная» — конечно же, сознательная «описка».

...потому как этикетка не нравится. — Речь идет о пластинке песен Булата Окуджавы, которую привез в Озерный Александр Даниэль. Но Ю.Д. не разрешили ее получить, поскольку она была выпущена во Франции.

...картинку твою я уже подарил... — Имеется в виду упоминавшаяся в письме № 57 открытка или журнальная иллюстрация с изображением бутылки виски, присланная Н.Садомской.

письмо № 60 (1969, 29 марта — 14 апреля)

...как кстати и вовремя появилась Ирина Мошкова! — Сестра Сергея Мошкова в конце марта приезжала к нему на свидание.

Который педиатр или который дантист? — «Который педиатр» — Эмиль Любошиц, харьковский знакомый Ю.Д.; «который дантист» — Эмиль Шинберг, сокамерник А.Д.Синявского по Лефортовской тюрьме, познакомившийся после освобождения с некоторыми друзьями Даниэлей и Синявских.

...«ногу» — в единственном числе. — Бурас потерял на фронте ногу и ходил на протезе.

Или на лестничной площадке были не гости? — Ю.Д. намекает на наружное наблюдение за квартирой.

...пуская квартиранта... — Анатолия Футмана (см. прим. к письму № 59).

...первый четверг месяца — «большой жор». — День отоваривания в «ларьке» — лагерном магазинчике, где раз в месяц разрешалось покупать товары на 5 рублей.

...прочитал Волькенштейна... — Член-корреспондент Академии наук СССР биолог М.В.Волькенштейн опубликовал в 6-м номере НМ за 1968 г. разгромную рецензию на роман «Разум Вселенной» — научно-фантастическое произведение А.Н.Студитского, доктора биологических наук, бывшего в 1940–1950-е одним из столпов лысенковщины. В романе, действие которого происходит в недалеком будущем, идеи Т.Д.Лысенко торжествуют над современными представлениями о генетике и молекулярной биологии. В 1-м номере за 1969 г., который читает Ю.Д., НМ публикует письмо автора романа в редакцию (Студитский А. Давайте спорить!) и ответ рецензента (Волькенштейн М. О чем спорить?).

...прочитал... Берзер... — Берзер А.. Загадки и ребусы Олеся Бенюха // НМ. 1969. № 1. Рецензия на повесть «Челюсти саранчи» (см. прим. к письму № 57). Едва ли не единственный в советской печати того времени текст, где упомянуты политические аресты и подписанство.

...прочитал... Ильину. — Ильина Н. Литература и «массовый тираж»: (О некоторых выпусках «Роман-газеты») // НМ. 1969. № 1. Рецензия на произведения А.Филева «Солнцеворот», А.Черкасова «Хмель» и В.Матушкина «Любаша».

...А.Асаркан... ссылка его на «не-интеллигентов» прямо-таки очаровательна. — Н.Ильина цитирует заметку А.Асаркана в «Неделе»: «...790 страниц чтения, рекомендованного строителями и шоферами с Арадана. Кто хоть раз побывал в Сибири, никогда не отмахнется от такой рекомендации... Лихой литературовед или непреклонный учитель словесности могут разделаться с «Хмелем» просто и безапелляционно. Похвалить его так коротко не удастся... В короткой заметке можно только поддержать рекомендацию парней с Арадана, у которых нет такого образования, чтобы проанализировать эту книгу, и нет такого опыта, чтобы разобраться в своем восприятии, но зато есть такая душевная чистота, чтобы полюбить ее, ни о чем не спрашивая».

...стихи о Достоевском. — Здесь и далее речь идет о стихотворении Бориса Чичибабина «Федор Достоевский», ссылка на которое содержится в статье В.Айзенштадта и М.Богославского.

...из пропущенной, II строфы... — «А на нем уже не каторжный наряд, А ему — свобода в ноздри яблоней, А его уже карьерою корят. Потерпи же, петербуржец новоявленный». В последующих изданиях эта строфа не воспроизводилась.

...при сходстве биографий... — Чичибабин был арестован в 1946 г., в начале своей литературной карьеры, за стихотворение, призывающее к народной расправе с теми, кто мешает жить людям «по заветам Ленина». Следствие расценило эти стихи как призыв к антисталинской революции (текст давал для этого некоторые основания: «...Пропечи страну дотла, песня-позожовщина, Чтоб на землю не пришла новая ежовщина! Ой ты, мачеха-Москва, всех обид рассадница! Головою об асфальт, мать моя посадница!»), и Чичибабин был приговорен к 5 годам лагеря.

...по поводу скорого отбытия... Сережи и Романа... — Конец срока у Мошкова — 12 июня, а у Кошелика — 31 мая 1969 г.

...вам в Москве виднее, что, к чему и когда. — Возможно, именно в этом письме сообщалось, что с обнаружением записи «литературного концерта» (см. прим. к письму № 57) решено обождать.

...мои извинения за то, что я не смог прийти. — С весны 1969 г. А.Даниэль начал получать повестки о призыве в армию. В одной из таких повесток значилось, что в случае отсутствия адресата в военкомат должен явиться или позвонить кто-то из родителей.

письмо № 61 (1969, 24 апреля — 4 мая)

...и, главное, что не порывается с ним связь. — Речь идет о Валерии Румянцеве, товарище Ю.Д. по Явасу.

...цитатку из Кедрина... — «Уважаемый родитель! Как дела с моим приданым?» (Дм.Кедрин. «Приданое»).

Панас меня не писал... Романы же работают и в разных манерах, и в разной технике. — Имеются в виду портреты Ю.Д. работы лагерных художников Романа Дужинского и Романа Кошелика — см. прим. к письмам № 3 и 58. **Панас** — еще один солагерник Ю.Д. по 11-му лаготделению, Афанасий (Опанас) Иванович Заливаха (см. прим. к письму № 26).

...написать мне о военкомате; все безумно резвились по поводу текста повести... — См. прим. к письму № 60.

...когда появится Антон? По-моему, что-то скоро? — Окончание 10-летнего срока заключения А.Накашидзе — 31 декабря 1970 г.

письмо № 62 (1969, 14 мая — 4 июня)

...некое событие...— Свадьба А.Даниэля и Е.Великановой.

...повезло нам со свиданием! — Личное свидание Ю.Д. с сыном (1 сутки) в начале мая.

У нас здесь сейчас не то цирк Барнума, не то зверинец Гагенбека, не то путешествие Екатерины II на юг России. — Речь идет о бурных событиях на лагпункте № 17-а в мае—июне 1969 г. В ноябре 1969 г. МВД СССР издало приказ, запрещающий предоставлять незарегистрированным супругам личные свидания. Лагерное начальство, ссылаясь на этот приказ, перестало пускать Арину Жолковскую и на общие свидания. Александр Гинзбург и некоторые из его товарищей по лагерю готовятся к голодовке протеста.

Многочисленные дальнейшие упоминания в этом письме о «волнениях», «неурядицах» и т.п. связаны с назревающей ситуацией.

...появление трех граций за пределами досягаемости. — К Юрию Галанскову приезжали на свидание жена и сестра. «Третья грация» — очевидно, кто-то из подруг, сопровождавших Ольгу Тимофееву и Елену Галанскову в Мордовию. Свидания Галансков не получил, очевидно, потому, что лагерная администрация, зная о готовящейся голодовке, стремилась максимально ограничить контакты заключенных с волей и тем самым пресечь утечку информации. Видимо, к этому относятся и слова Ю.Д., обращенные к сыну: «...здорово повезло нам со свиданием! Еще два дня — и шиш!».

...кому это свидание предстоит... — Ю.Д. (и, очевидно, вместе с ним и Гинзбург) недовольны тем, что им не сообщили, удалось ли добиться в Москве разрешения на свидание для Арины Жолковской, — от этого зависели их собственные дальнейшие действия. В свою очередь, туманные формулировки телеграммы объясняются тем, что Жолковская решила ехать «наобум», в надежде добиться свидания на месте.

...от Бориса Здоровца... — Лагерный срок Здоровца закончился 25 декабря 1968 г., и он был отправлен отбывать трехлетнюю ссылку в Красноярский край.

С сентября 1965 г. по февраль 1966 мною было сыграно что-то в районе 500 партий... — Ю.Д. имеет в виду свое пребывание в Лефортовской тюрьме в период следствия. В шахматы он играл со своим сокамерником.

...не разменяй Каржавина на статьи и доклады! — Речь идет об изучении биографии Федора Каржавина, которым много лет занимался Ю.Герчук (см. прим. к письму № 32)

...в определении гармонической и трагической поэзии. — Ключевая для Jakobson-литературоведа идея классификации типов поэтического творчества. См. его статью «О поэзии гармонической и трагической» в кн.: Jakobson A.A. Почва и судьба. М.: Весть-ВИМО, 1992. (С.26–37).

...я что-то в этих вопросах щекотлив стал. — К кому персонально относился привет Ю.Д., переданный через Jakobsona и не получивший отклика, — неизвестно.

Кабы только не этот мой эзковский стыд, Что дурного словца мне сказать не велит... — Перифраз строк из известного стихотворения А.К.Толстого «Песня о Потоке-богатыре» («Кабы только не этот мой девичий стыд, Что худого словца мне сказать не велит — Я б тебя, прощелыгу, нахала, И не так бы еще обозвала!»).

Лиде и Игорю... — Кто такие Лида и Игорь, неизвестно.

...просьбу мою... можно передать через Елену Михайловну. Или Алену. — Речь идет о высказанной выше просьбе прислать анонсированную в журнале «Детская литература» статью Н.М.Эйшишкиной. Знакомство Ю.Д. с Эйшишкиной — не близкое, но Е.М. и Е.В.Заксы находились с нею в приятельских отношениях.

...похвалы моим эпистолярным возможностям... — Подразумевается написанное Ю.Д. и нелегально переданное на волю «Письмо другу» — публицистическое выступление в форме послания условному адресату, посвященное сложившейся вокруг А.Гинзбурга и И.Жолковской ситуации. Фрагменты «Письма другу» передавались зарубежными радиостанциями, а полностью оно было опубликовано 26 июня 1969 г. газетой «Новое русское слово» (Нью-Йорк). См. сб. «Говорит Москва». С.250–255.

...после разговоров, состоявшихся у нас с приезжими и неприезжими... — Т.е. переговоров с местным и явасским (или даже, может быть, московским) начальством о разрешении ситуации с регистрацией брака между И.Жолковской и А.Гинзбургом.

Видел я нынче Александра Ильича... — Александр Гинзбург начал голодовку 16 мая. С 19 мая он, согласно инструкции, был изолирован в ПКТ.

И медицина тоже им довольна. — «Удовлетворение» медицины состоянием здоровья Гинзбурга дошло до того, что с 1 июня ему отменили искусственное кормление, назначенное 26 мая. Вряд ли Ю.Д. заблуждается относительно добросовестности лагерного врача Любимова: 2 июня, в обращении к Генеральному прокурору, в Минздрав и Международный Красный Крест по

поводу действий Любимова, он упомянет о том, что тот недавно отказал в медицинской помощи умирающей женщине в соседнем лагпункте. Так что фраза насчет «медицины» в письме написана, чтобы немного успокоить родных Гинзбурга.

...поведение некоторых лиц непредсказуемо. — В письме говорилось об обнадеживающих переговорах Жолковской в московских официальных инстанциях.

...если что-то определенное — хорошее — будет, немедленно телеграмму, и не только Алику. — До этого момента товарищи Гинзбурга ограничивались письменными протестами: Ю.Д., Галансков, Ронкин, Мошков, Бородин, Платонов, Гаяускас, Мих.Сорока, Верхоляк, Калниньш отправили Генеральному прокурору свои обращения по поводу конфликта в лагере. Но к концу мая некоторые из них уже готовы присоединиться к голодовке Гинзбурга. Ю.Д. беспокоится, что, если неожиданно ситуация изменится к лучшему, они могут не узнать об этом вовремя.

...приветы из Москвы через Лугу — это я о Марье... — В Явасе А.В.Рафалович тесно общался с А.Д.Синявским; освободившись 11 декабря 1968 г., поддерживал контакты с его женой.

...от Шура. — Леонид Шур, историк, знакомый Арины Жолковской.

...здесь есть люди, которые помнят его и уважают. — Г.П.Кочур (1908–1994), известный украинский переводчик, с 1943 по 1953 г. был в заключении.

...«Стоит ли то, что я сделал, чужих судеб?» — Поводом для этих размышлений Ю.Д. стали содержащиеся в письме Арины Жолковской (и, вероятно, в упоминавшемся выше письме Ирины Корсунской) известия о событиях на воле, где усиливались репрессии против активистов правозащитного движения. В мае 1969 г. были арестованы хорошие знакомые Гинзбурга и Галанскова — П.Г.Григоренко и И.Я.Габай.

В дальнейшем Ю.Д. часто возвращается к этой теме. Он и раньше понимал, что «дело Синявского—Даниэля» стало катализатором определенных социально-политических процессов в стране. Однако теперь к его оценкам происходящего начинают примешиваться размышления о собственной трагической, хотя и невольной причастности к исковерканным судьбам людей, решившихся (в определенном смысле — вслед за ним) противопоставить себя репрессивному механизму государства. Эти мысли не оставляли Ю.Д. и после освобождения.

...от какой-то особы, подписавшейся «Гая». — Автор подметного письма использовал имя и фамилию реального человека, имеющего отношение к кругу знакомых Ю.Д.

...между апологетами алеующего востока, сторонниками корифеев языкознания и теми, кто довольствуется фактом научности пресловутого учения. — Т.е., соответственно, маоистами, сталинистами и «чистыми марк-

системами». Видимо, апелляция к марксизму — ответ М.Богославского на критику Ю.Д. его статьи в «Вопросах литературы» (см. письмо № 60, запись от 6/IV-69г.).

...и, прости за выражение, печатные. — Ю.Д. имеет в виду журнальные публикации некоторых стихов Б.Чичибабина (см., например, прим. к письму № 53).

письмо № 63 (1969, 11–30 июня)

...мы снова собрались всей компанией. — К голодовке Гинзбурга (см. прим. к письму № 62) 2 июня присоединился Ронкин, 3 июня — Галансков, 5 июня — Бородин и Платонов. 6 июня Арина Жолковская получила ответ от зам. начальника отдела Прокуратуры СССР В.З.Самсонова, в котором подтверждалось, что право на общие свидания с мужем за ней сохраняется. Об этом было сообщено в Озерный, и 10 июня голодовка прекратилась.

...ему не довелось попрощаться с Сережей... — Сергея Мошкова, который должен был освободиться 12 июня, заранее увезли из зоны; на свободу он выходил в Явасе или в Потьме. Впоследствии это вошло в систему: таким образом администрация пыталась лишить заключенных возможности что-то передать на волю через освобождающихся.

...Кнут мог бы хоть открытку написать... — Кнут Скуениекс, одноделец Виктора Калниньша, вышел на свободу 17 апреля 1969 г.

...мы уже видели опубликованную подборку переводов из Лорки... — Необыкновенная быстрота, с которой имя вчерашнего «государственного преступника» Скуениекса появилось в латвийской печати, объясняется, по-видимому, тем, что его репутация как поэта была весьма высокой еще до ареста. Свидетельство тому — неоднократные попытки латвийской литературной общественности Латвии облегчить его участь (см. прим. к письму № 16).

...всего этого не было у нее двадцать два года... — Жена М.М.Сороки, Е.М.Зарицкая, была переведена в Дубравлаг после 6 лет пребывания во Внутренней тюрьме МВД в Москве и 16 лет заключения во Владимирской тюрьме (вероятно, один из самых длительных в мировой истории сроков содержания женщины в тюрьме).

«Но его помутился рассудок, и теперь он почти идиот...» — Строки из графоманского сочинения, попавшего Ю.Д. в руки, когда он работал в качестве внутреннего рецензента для некоторых московских издательств, и вошедшие в семейный фольклор.

...я представлялся даме в неподобающем виде... — Как можно понять из дальнейшего, появление Ирины Корсунской в Озерном как-то связано с приездом туда Ирины Ронкиной; скорее всего, Корсунская сопровождала Ронкину в ее поездке.

Книжка о Чапеке прислана мне с ведома автора? — Речь идет о книге Инны Абрамовны Бернштейн «Карел Чапек. Творческий путь» (М.: Наука, 1969). В 1964–1965 гг. она вместе с Ю.Д. переводила пьесу Павла Когоута «Война с саламандрами» (по мотивам романа К. Чапека). Ср. запись от 4/IV-69 г. в письме № 62, а также записи от 22/I-70 г. в письме № 69 и от 20/VI-70 г. в письме № 74. Упомянутая далее Аня — дочь И.А. Бернштейн.

...изрыгать хулу на весь род человеческий и на Сергея в частности... — По-видимому, Сергей Мошков должен был передать Ирине Ронкиной, чтобы та не приезжала на свидание, так как шансы на его получение невелики.

...ему довелось быть в одном помещении с Леной Бородиным... — В ПКТ, в дни голодовки.

...не то «Бесов», не то «Дьяволиаду», не то еще что-нибудь инфернальное (именно такое — бюрократически-мистическое...) — Вероятно, Бородин более детально, чем раньше, познакомил Ронкина с программой своей организации — ВСХСОН. Новый общественно-политический строй, предлагавшийся этой программой, содержал значительный элемент теократической утопии. Собеседника Бородина могло, например, шокировать предложение сделать православие фундаментом государственной идеологии или ввести в высший правительственный орган значительное число представителей православного духовенства, обладающих правом вето. В 1960-е эта система взглядов (ныне — один из вариантов так называемого «национал-патриотизма») еще выглядела довольно экзотично: не только марксист Ронкин, но и равнодушный к идеологиям Ю.Д. воспринимают ее не как политическую платформу, а, скорее, как «интеллектуальный выверт». Ср. гораздо более спокойное отношение Ю.Д. в «Свободной охоте» к «идейному антииудаизму» Бородина (сб. «Говорит Москва». С.288); неприязнь к еврейству для него — явление достаточно традиционное и, если она не переносится на личные отношения, вполне терпимое.

...жаль Юркиной приписки. — Приписка была сделана Юрием Финкельштейном, сокурсником и другом Ю.Д. и Л.Б. по Харьковскому университету. Ныне живет в США.

...Садомская изменила своим гальехо с басками... — В журнале «Вокруг света» была опубликована статья Н.Н. Садомской о басках; до этого же Садомская специализировалась, в основном, на этнографии галисийцев (по-испански — гальехо).

...известие о возможной внутриуниверситетской работе. — После осуждения Гинзбурга И. Жолковская была уволена с преподавательской должности в университете; здесь речь идет о работе в университетской библиотеке, которую предложил ей ректор МГУ И.Г. Петровский.

...начав с «энтузиастов рюкзака»... и кончив «корнетом и поручиком». — Туристский шлягер, со слегка измененными Валерием Ронкиным словами (например, вместо «энтузиасты рюкзака» — «политзка, политзка») был одно

время в зоне чем-то средним между гимном и застольной песней. «Корнет и поручик» — известная песня «Четвертые сутки пылают станицы...» (в настоящее время считается, что ее автор — К.Звездинский). На лагпункте 17-а ее исполнял, естественно, Л.Бородин.

...как говорил покойный Эссель... — См. прим. к письму № 10.

...какой бы он там ни был человек, а то, что он пишет, — это все-таки литература. — Ю.Д. возвращается к своему спору с Борисом Золотаревским, который писал ему двумя годами ранее, что Юрий Казаков умер для него как писатель после того, как присоединил свой голос к хулителям Синявского и Даниэля. (См. запись от 9/VI 1967 г. в письме № 29 и прим. к нему.)

...кто, собственно, был в этом «Перевале» из серьезных авторов? — «Перевал» — литературная группа, существовавшая при журнале «Красная новь» в 1923–1932 гг. В число «перевальцев» в разное время входили прозаики М.Пришвин и Артем Веселый, поэты Э.Багрицкий и М.Светлов, критики А.Воронский и А.Лежнев.

...у «ближайших родственников»... — «Ближайшими родственниками» Веры Лашковой Ю.Д. называет ее однодельцев — Гинзбурга и Галанскова.

...что же это за ужас — с Леоном Тоомом?! — Московский поэт Леон Тоом покончил с собой 3 июня 1969 г.

По легкой атлетике ей — двойка с минусом. — По-видимому, после свидания Ольга Тимофеева неудачно попыталась перебросить что-то в зону через проволоку.

...стих такой нашел на меня, лирический, шереметьевский... — Зимой 1963/1964 г. Ю.Д. и Хазанов вместе работали над переводами в Доме творчества в подмосковном поселке Шереметьево; именно там Ю.Д. познакомил соавтора со своим подпольным творчеством.

...я с радостью увижусь с ним по возвращении; мне решительно наплевать, что могут по этому поводу говорить. — Эта часть общего письма положила начало восстановлению отношений между Ю.Д. и Юрием Хазановым. Вероятно, Ю.Д. и раньше считал, что поведение Хазанова на следствии и суде (где он выступил в качестве свидетеля, подтвердившего объективную и, косвенно, субъективную сторону «вины» Ю.Д.) нельзя ставить на одну доску с аналогичным поведением двух других его бывших друзей — А.Эсселя и Я.Гарбузенко. Но непосредственным толчком к примирению стали полученные Ю.Д. сведения о том, что Хазанов тяжело переживает разрыв с ним. Фраза «мне решительно наплевать, что могут по этому поводу говорить» связана со слухами о том, что некоторая часть их общих знакомых подвергла Ю.Хазанова своего рода остракизму как «свидетеля обвинения» по делу Синявского—Даниэля.

...чистить ботинки портьерами... — Ю.Д. вспоминает некий эпизод, произошедший с ним и Ю.Хазановым на конференции по художественному переводу в Ленинграде.

...пишу из города Владимира...— В начале июня Ю.Д. и В.Ронкина внезапно увезли в Явас. Затем последовало заседание административной коллегии Zubovo-Полянского райнарсуда, определением которого обоим содержание в лагере было заменено на тюремное заключение до конца срока. Мотивировка стандартная: отказ встать на путь исправления, неоднократные нарушения режима, систематическое невыполнение нормы выработки. Реальных же причин перевода на тюремный режим было, по всей видимости, несколько. Во-первых, очевидно, имело место стремление администрации 17-го л/о разбить компанию, сложившуюся в зоне и постоянно доставлявшую хлопоты и неприятности; во-вторых, поведением Ю.Д. были недовольны московские кураторы — последней каплей оказалась публикация за рубежом «Письма другу» (см. прим. к письму № 62). И, наконец, действовала общая установка начальства на применение к Ю.Д. полного набора мер воспитательного воздействия, в какой-то входила и тюрьма.

...со свитой, но в гордом одиночестве...— Т.е. спецэтапом, в отдельном купе обычного пассажирского поезда.

...приехать на свидание...— В тюрьме разрешались только общие (в присутствии надзирателя) свидания, длительностью до четырех часов, раз в полгода.

...см. газеты от 11 июля...— Публикацию новых «Основ исправительно-трудового законодательства СССР».

...следующее — через два с половиной месяца, а там — ежемесячно по одному письму. — В тюрьме существовали два вида режима: общий и строгий. На общем режиме разрешалось отправлять одно письмо в месяц, на строгом — одно в два месяца. Обычной практикой была отправка всякого новоприбывшего на строгий режим сроком не менее чем на два месяца.

...//Бен//... — Здесь и далее в двойные косые черты мы берем фрагменты текста и отдельные слова, вычеркнутые тюремной цензурой, но все же прочитанные получателями (во Владимире цензура намного строже относилась к упоминанию в письмах имен сокамерников и описанию деталей быта, чем в Мордовии). Знаком // ... // будут обозначаться вычеркнутые фрагменты, которые не удалось разобрать.

...как складываются... дела у Арины и Алика. — В конце лета 1969 г. Гинзбургам разрешили зарегистрировать брак.

Чьи же все-таки это стихи: «Сними с меня усталость, мать-смерть...»? ...Чуть-чуть и Бориса напоминает, Чичибабина...— Это и в самом деле начало стихотворения Бориса Чичибабина.

...поздравительную телеграмму из Чуны... — Поздравляли с юбилеем: 12 сентября исполнилось 4 года со дня ареста Ю.Д., до освобождения оставался ровно год.

Представляться Кате... — Катю Великанову, невестку Ю.Д., на свидание не пустили, мотивируя отказ тем, что она не ближайшая родственница.

...по сравнению с отсутствием писем и вестей от людей, любимых мною. — Согласно тюремным правилам, действовавшим до вступления в силу «Основ исправительно-трудового законодательства» (1 ноября 1969 г.), Ю.Д. имел право получать письма только от ближайших родственников: жены, сына, невестки, тестя и тещи.

...не тот ли Олег Михайлов, который приятель Грицай и бывший коллега Андрея по институту? — Т.е. по Институту мировой литературы. О.Михайлов — известный литературный критик, один из столпов «патриотического» направления в литературоведении («кружок П.Палиевского»), в начале 1960-х был близок с Синявским; его подпись стоит под «письмом 62-х писателей» в защиту Синявского и Даниэля. Грицай — см. прим. к письму № 2.

...нет ничего о моем письме от 17 сентября. — Это письмо до адресата не дошло.

...что слышно у Павла и Май... — Речь идет об обстоятельствах жизни П.Литвинова и М.Русаковской в забайкальской ссылке.

...стихи о поэтах («О, как безысходно поэту...») и цикл («Тем, кто не сломлен...») — Имеются в виду стихи Ю.Д., нелегально пересланные на волю зимой 1968/1969 г.; «циклом» он называет здесь поэму «А в это время...».

Успел уже прочесть «От редакции». — Редакционная статья в № 7 «Нового мира» — ответ на известное «письмо одиннадцати литераторов» (Огонек. 1969. № 30), обвиняющее новомировских критиков и публицистов в «антипатриотизме». Появление «письма одиннадцати» стало сигналом к атаке против либерального направления в советской публицистике, завершившейся в феврале следующего года административным разгромом «Нового мира» и уходом Твардовского с поста главного редактора. В июльском номере «Нового мира» редакция, однако, еще пытается защитить свои позиции.

...в статье Дементьева... вполне в Чалмаевском духе... — Поводом для появления «письма одиннадцати» стало резкое выступление А.Дементьева на страницах «Нового мира» (О традициях и народности // НМ. 1969. № 4) против литературной публицистики В.Чалмаева, постоянного автора журнала «Молодая гвардия» и одного из апологетов национально-патриотического направления, а также против его единомышленников и союзников. «Наш современник», журнал этого же направления, в 1969 г. только-только образовался; Ю.Д. самостоятельно определяет для себя идейные и литературные пристрастия редколлегии.

Что он? Как делишки его, Вадика, Вени?— Ю.Д. перечисляет освободившихся в 1968–1969 гг. однодельцев С.Мошкова: Вадима Гаенко и Вениамина Иофе. **...опять юбилейчик!**— Ровно десять месяцев до конца срока.

письмо № 66 (1969, 14 октября — 10 ноября)

...почему Верлен с Якобсоном не догадались мне посвятить? — «Наваждение» Поля Верлена — зарисовка тюремной жизни.

...у нас никогда не светает. — «Погляди — светает» — строка из «Наваждения».

...автор предисловьяца... — Публикации переводов Верлена в «Иностранной литературе» (1969. № 8) была предпослана вступительная заметка Е.Г.Эткинда. С Эткиндом, уже тогда — одним из крупнейших советских теоретиков поэтического перевода, Ю.Д. был шапочно знаком с начала 1960-х.

...это был не Гамзатов, а Козловский в переводе Гребнева? — Н.Гребнев и Я.Козловский — известные переводчики поэзии народов Кавказа.

...насчет того, что желающие могут биться задницей об землю, — есть такая у Яна любимая поговорка. — В «Свободной охоте» есть сценка, изображающая объяснения Яна Капициньша с лагерным начальством. Капициньш при этом обходится единственной фразой — той самой, которую вспоминает Ю.Д. (Сб. «Говорит Москва». С.262–263).

...насчет калыма, который мы с Беном внесли за невесту. — Ю.Д. имеет в виду участие В.Ронкина в коллективной голодовке «за Гинзбургов» и свое «Письмо другу», не без основания считая, что эти акции стали одной из причин отправки их во Владимир.

...о работе в сушилке представление имею... — Летом 1969 г. Л.Б. перевели из распилочного цеха в сушильный, на более легкую работу.

...это был ответ дяде Мише... — Т.е. для чужих глаз. Ю.Д. пользуется именем «дядя Миша», вероятно, в память о М.И.Бардине, своем и Л.Б. кураторе от госбезопасности в 1965–1967 гг. (см. прим. к письму № 25).

...кота-нахала с криминальным именем... — Имя кота Л.Б. — Дремлюга, в честь ее однодельца.

Где ты работаешь, Санька? — Александр Даниэль работал в этот период на заводе железобетонных изделий, сварщиком арматуры.

А название я придумал отличное: «Свободная охота». — Эти записи — начало работы над полумемуарной, полуэссеистической прозой, позже вразброс опубликованной в сб. «Говорит Москва» под повторяющимся заголовком «Из неоконченной книги». По крайней мере первый из этих отрывков (с.9–10 сборника) был, несомненно, написан во Владимирской тюрьме: в нем упоминаются и невозможность касаться определенных тем и ситуаций, и трудности в сохранении написанного. Там же употреблено и выражение «свободная охота». Только в ходе работы над публикацией пи-

сем Ю.Д. стало ясно, что это словосочетание автор предполагал сделать названием мемуаров.

Так я хотел приехать к Корнею Ивановичу... — 28 октября 1969 г. умер К.И.Чуковский.

...как в Людинове ставили «Любовь Яровую». — Людиново — поселок в Калужской области, где в начале 1950-х Ю.Д. и Л.Б. преподавали в школе.

...я ни черта в его рецензии не понял. — Гнедин Е.А. Научно-техническая революция в капиталистических странах // НМ. 1969. № 9.

письмо № 67 (1969, 14 ноября — 11 декабря)

...кроме высочайше утвержденных телеграмм от Ларки и родителей... — Т.е. от ближайших родственников — см. прим. к письму № 65.

От которой Наташи? Если бы вы знали, как я беспокоюсь. — Ю.Д. беспокоится за Н.Е.Горбаневскую. К этому времени Горбаневская принадлежала к числу наиболее заметных участников правозащитного движения, стала членом первой в стране независимой общественной ассоциации — Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Летом 1969 г. она закончила работу над книгой «Полдень» — документальным сборником о демонстрации 25 августа 1968 г. Кроме того, мало для кого являлось секретом, что Горбаневская практически единолично выпускала «Хронику текущих событий» — машинописный информационный бюллетень правозащитников.

Всего этого Ю.Д., разумеется, в деталях не знал; однако он получал достаточно сведений, чтобы понять: Горбаневская находится на грани ареста. В конце 1969 г. она действительно была арестована.

...с упоминанием о Тошке; наконец-то я вздохнул с облегчением и перестал вибрировать... — Ю.Д. беспокоится об Анатолии Якобсоне по той же причине, что и о Горбаневской: с 1968 г. Якобсон — видный активист правозащитного движения, член Инициативной группы.

...о Тарусских новоселах... — В Тарусе поселились Анатолий Футман с женой. **Рад за Сережу, Вильнюс — это очень даже неплохо...** — После освобождения Сергей Мошков поселился в Вильнюсе, где с 1968 г. уже жил его однодедец и друг Валерий Смолкин.

...в излюбленном жанре К.Л.Зелинского... — Т.е. в жанре публичного доноса. **...на его статью, в которой эта пьеса поминается, и на письмо-декларацию.** — Подробно Ю.Д. отвечает М.Богославскому в предыдущих письмах (записи от 8/IV-69 в письме № 60 и от 4/VI-69 в письме № 62).

...Алла Григорьевна и Иосиф Аронович будут рядом... — А.Г.Зимины и И.А.Богораз собирались навестить Л.Б. в ссылке.

...трансляция «6-го июля». — Радиопостановка по пьесе М.Шатрова «Шестое июля».

//Я тут на днях с одним разговорился. ...а то мне совестно, что вам завидно...// — Почему тюремный цензор вымарал эту сценку, понять трудно. Может быть, он, не разобравшись в метафорах Ю.Д., решил, что тот пишет о своих сокамерниках, а это воспрещалось.

«...передает приветы Надя». — Хазанов пишет об общей знакомой — литературоведе и критике Надежде Иосифовне Павловой. Далее упоминаются мать Н.И.Павловой Надежда Михайловна Эйшишкина и дочь Катя.

...Наташе Кожевниковой — также благодарность и привет. — Наталья Алексеевна Кожевникова — литературовед, знакомая Ю.Д.

...с душой или судьбой Каржавина. — Исследованию Ю.Герчука о Ф.Каржавине (см. прим. к письму № 32) было посвящено полушуточное стихотворение С.Г.Хмельницкого («Следы заметая, двести лет...»).

...поэмы Даниила Андреева... — Имеются в виду не столько «визионерские» поэмы Д.Андреева («Ленинградский апокалипсис» и др.), сколько его исторические стихотворные циклы, посвященные русскому средневековью и лишь отдельными образами связанные с его мистической системой, изложенной в «Розе Мира». Имя Д.Андреева, вероятно, всплыло в памяти Ю.Д. не случайно: в 1950-е он сидел во Владимирской тюрьме, и Ю.Д. это хорошо знал.

Имя твоего нового гостя... рекомендации Валерия и Толи... — «Новый гость» Л.Б. — Геннадий Кривцов, только что освободившийся после 25-летнего заключения, лагерный приятель Валерия Румянцева и Анатолия Марченко. Последний подробно пишет о нем, правда, в основном с его собственных слов, в «Моих показаниях» (С.186–189). В Чуне Кривцов пробыл несколько месяцев.

...Балис и Дмитро. — Б.Гаяускас и Д.Верхоляк.

Что я могу посоветовать тебе... время, силы, здоровье будут потрачены впустую. — Очевидно, что эти два абзаца — иносказание. Но что именно подразумевалось под «изучением и популяризацией национальных литератур», о каком «экспериментаторстве в лингвистике» шла речь — сейчас уже невозможно установить.

...еще в одном семействе два дня рождения... — У М.В.Розановой и Егора Синявского.

...о твоём новом знакомце... — О Г.Кривцове.

...знаете ли вы эту поэму? — До Москвы поэма К.Скуениекса «Не оглядывайся» в переводе Ю.Д. к тому времени еще не дошла.

письмо № 68 (15 декабря 1969 — 11 января 1970)

...Людиново и семейство Шаликовых... — См. прим. к письму № 26. Эрик Шаликов, работавший охотоведом на Алтае (по сибирским меркам, «недалеко» от Иркутской области), приезжал навестить свою бывшую людиновскую

учительницу. Альбина Шаликова (тогда Катагощина) — сестра Эрика Шаликова; жила в то время в Калуге.

И никогда бы я не шутил насчет всяких калымов... — Речь идет о реакции Александра Гинзбурга на пересказанную ему фразу из письма Ю.Д. — о «калыме за невесту», т.е. цене, которую они с Ронкиным заплатили, добиваясь регистрации брака А.Гинзбурга с Ариной Жолковской. См. запись от 20/X-69 г. в письме № 66 и прим. к нему.

Как это — «Кнут удачно женился»? — Ю.Д. неправильно понял Арину Жолковскую; она всего лишь хотела похвалить жену Скуениекса, а не сообщить о его новом браке.

...за милые слова о стихах. — И.Жолковская пишет о подаренном ей стихотворении Ю.Д. «Про нашу арифметику» (см. конец письма № 66). Впоследствии она напишет о нем еще раз — в 1985 г., в газете «Русская мысль» (Париж).

...в других, непосланных, стихах... — Очевидно, «Возвращение».

...не хочется садиться во второй раз. — Майя Улановская находилась в заключении в 1950–1956 гг. (см. прим. к письму № 5).

...при чтении моих стихов... — Имеется в виду стихотворение «Стрелы на снегу», посвященное М.Улановской.

Последние полгода в Озерном мне его всю рекламировали... — «Рекламировали» Вл.Соловьева, вероятнее всего, Л.Бородин и В.Платонов.

Обоим Александрам Сергеевичам... — Первый — муж И.Корсунской; с ним Ю.Д. мог быть шапочно знаком через Н.Н.Вильямса. Второй — А.С.Вольпин, математик, поэт, философ, один из первых пропагандистов правового подхода к борьбе за общественную свободу (именно он был основным организатором первой в истории СССР публичной правозащитной акции — митинга 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве, прошедшего под лозунгом «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем»). Наряду с Синявским и самим Ю.Д. Вольпин был одним из пионеров «тамиздата»: в 1959 г. за рубежом вышла его книга стихов и философских эссе. С ним Ю.Д. несколько раз встречался в доме Н.Н.Садомской и у других общих московских знакомых. С 1972 г. Вольпин живет в США.

«...убийственную строчку» насчет «красоты и венчания»... — Строки из стихотворения Ю.Д. «Еще одна песенка»: «С красотой не венчался И друзей не имел». В амстердамском сборнике 1971 г. («Стихи из неволи») и в последующих публикациях заменены на: «За друзей не ручался И влюбляться не смел».

...не знает известного двестишестидесятилетнего современника Фр.Рабле — Жозефа Фуше... (перевод с фр. Бенкендорфа) — Нарочитая путаница, которой Ю.Д. отвечает на намек М.Рахлиной о «Телемской обители», не совсем случайна: на типичную для интеллигенции 1960–1970-х идею устроить жизнь в удалении от общественных треволнений он откликается именами известных в истории руководителей тайной полиции — Фуше и Бенкендорфа.

...факт, о котором идет речь, для меня новость. — Речь идет о писателе Анатолии Кузнецове, который летом 1969 г. попросил политического убежища в Великобритании.

...от нового соседа... — «Новый сосед» — Иван Назарович Кочубей, осужденный в 1959 г. Иркутским облсудом на 15 лет заключения. Состав обвинения по статьям «антисоветская агитация», «участие в антисоветской организации», «приготовление к убийству», «изготовление или хранение взрывчатых веществ и холодного оружия». В 1962 г., после неудачного побега, ему был на 3 года увеличен срок. Во Владимирскую тюрьму Кочубея перевели в марте 1967 г.

«Что-то грустно мне» — Начало стихотворения Ю.Д. «Песня».

«Наваждение» — Стихотворение П.Верлена в переводе А.Якобсона (см. прим. к письму № 66).

«Осенняя песня» — Стихотворение П.Верлена (далее речь идет о двух его переводах — А.Якобсона и А.Гелескула).

Клод... — К.Фриу (см. прим. к письму № 32).

Для Ларки и для меня она — не «жена Стасика», а «Марка Габинская»! — М.Габинская и С.Славич-Приступа учились на филфаке Харьковского университета вместе с Ю.Д. и Л.Б.

...толстого Сашу Голембу... — А.Големба — московский литератор, переводчик, дальний знакомый Ю.Д.

Снова сильнейшее впечатление произвел Лев Гинзбург... — «Потусторонние встречи» Л.Гинзбурга — документальная повесть о доживших до 1960-х политических и партийных деятелях нацистской Германии, рассказ о беседах автора с А.Шпеером, Б.фон Ширахом и др. Ю.Д. несколько раз возвращается в письмах к своим впечатлениям от этой повести (см. записи от 14/I-70 г. в письме № 69, от 24/II-70 г., в письме № 70, а также запись от 20/IV-70 г. в письме № 72 и прим. к нему).

...у одной моей давней знакомой... — Аллы Сергун.

Знает ли Алик, что это может оказаться предпоследней ступенькой? — В декабре 1969 г. Александр Гинзбург был переведен в ПКТ.

...невнятно выразилась о Тошке. Что с ним произошло? — Анатолий Якобсон был одним из участников антисталинской демонстрации на Красной площади 21 декабря 1969 г., в день столетия со дня рождения И.В.Сталина. Задержан вместе со всеми, приговорен к административному наказанию — штрафу.

...все, к сожалению, понятно о Красине. — Виктор Красин, экономист, один из активных участников правозащитного движения, член Инициативной группы. 20 декабря 1969 г. был арестован, судим за «тунеядство» и приговорен к 5 годам ссылки. (В 1971 г. приговор был отменен, и Красин вернулся в Москву.)

Номер «Правды» от 21-го... мысленную птичку с уклоном в розовость. — В этом номере была опубликована статья, посвященная столетию со дня рож-

дения Сталина. На фоне общественных ожиданий «реабилитации Сталина» она выглядела умеренно, не содержала радикальной ревизии решений XX и XXII съездов КПСС и могла внушить определенный оптимизм.

...мои «8 1/2»... — «8 1/2» — название известного фильма Ф.Феллини. Здесь — восемь с половиной месяцев до конца срока.

...полгода спокойных вечеров без гулянок... — С.Мошков был поставлен под «административный надзор по месту жительства» — юридическая новация, введенная в 1969 г. для лиц, прибывших на постоянное место жительства из заключения. Условия административного надзора состояли в следующем: поднадзорному запрещалось выезжать из населенного пункта или района без разрешения милиции, ему могли запретить посещать кинотеатры, рестораны и пр., выходить из дома после 20 часов, его обязывали регулярно отмечаться в милиции. Надзор устанавливался по решению местных органов внутренних дел на срок от полугода до года и по истечении этого срока мог быть продлен. Фактически для поднадзорных устанавливался режим ссылки по месту проживания. Вскоре в Уголовный кодекс была введена статья, карающая трехкратное нарушение правил надзора лишением свободы на срок до 1 года.

...по известной песенке «Домик». — Песня Аллы Зиминой.

...и, главное, где он их ставит? — Ю.Д. интересуется, удалось ли А.Воронелю устроиться на работу после того, как его уволили из ВНИИФТРИ (см. прим. к письму № 9).

...и не мне его вводить, — как сказал бы Александр I. — Ю.Д. ошибается: переиначенную им фразу («В России смертной казни, слава Богу, нет, и не мне ее вводить») произнес Николай I.

...«узнали что к чему и что почему — и очень точно». — Цитата из песни Б.Окуджавы «Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье...».

...новоявленные прибалты... — В.Смолкин и С.Мошков.

И год не нов. Другой, новей, обещан. — Многократно цитировавшаяся Ю.Д. ранее строка из поэмы Б.Пастернака «Спекторский».

...что за новую книжку сделал писатель Хазанов и в чьих домах на этот раз грабил бытовые подробности... — В первой половине 1960-х Ю.Хазанов выпустил несколько сборников детских рассказов, в которых типажи, сюжеты и детали быта заимствовались в основном из жизни семьи Даниэлей.

...с нашими общинами кавказскими авторами... — Поэты, стихи которых переводили Ю.Д. и Ю.Хазанов, — Кайсын Кулиев, Максим Геттуев, Раиса Ахматова, Нафи Джусойты и пр.

...Тамаре Васильевне. — Т.В.Алексеенко, директор Московского театра кукол в то время, когда там шел спектакль по пьесе «Орешек», переведенной с польского Ю.Д. и Ю.Хазановым.

...Капу... — Собаке Хазановых.

...неясно, кто такая «Марина с обольстительными взвизгами в паузах». — Очевидно, Марина Влади.

...допер до Ирки Белгородской. — Ирина Белгородская — двоюродная сестра Л.Б. В 1968 г. за распространение письма в защиту арестованного А.Т.Марченко была приговорена к 1 году лагеря; отбывала срок в Дубравлаге. К январю 1970 г. Белгородская уже вернулась в Москву.

...о романе Окуджавы... — Окуджава Б. Бедный Авросимов // Дружба народов. 1969. № 4. (В позднейшем отдельном книжном издании 1971 г. — «Глоток свободы: Повесть о Павле Пестеле».)

...Кочетова новый роман я не читал... — Кочетов В. Чего же ты хочешь? // Октябрь. 1969. № 9. Роман прославился после появления самиздатских пародий на него С.С.Смирнова («Чего же ты хохочешь?») и З.С.Паперного («Чего же он кочет?»).

...скверный анекдот: приветствовать его через Москву! — В.Ронкин сидел в соседнем корпусе той же Владимирской тюрьмы.

письмо № 69 (1970, 14 января — 11 февраля)

Про «Потусторонние встречи» — точь-в-точь. Про Стася — решительно не согласен: не гладкость, а сдержанность, такт. — Речь идет о публикациях Л.Гинзбурга и С.Славича в октябрьской книжке «Нового мира» за 1969 г. (см. запись от 25/XII-69 г. в письме № 68 и прим. к нему).

...что цикл — это перепев стихотворения, посвященного Маринке. — Цикл — поэма «А в это время...»; стихотворение — «Бесмысленное, бесполезное...». Далее упоминаются отдельные фрагменты поэмы «А в это время...».

...наш рыжий друг... — Возможно, имеется в виду Клод Фриу.

...мое сочувствие Лене Аксельрод... он и мой отец знали друг друга. — Речь идет о смерти отца Е.Аксельрод — М.М.Аксельрода (1902–1970), известного театрального художника, оформлявшего в 1930-е спектакль по пьесе М.Даниэля «Изобретатель и комедиант» в Центральном детском театре.

...воспоминания Ц.Кин... — Кин Ц. Страницы прошлого // НМ. 1969. № 5–6. Мемуарные зарисовки, посвященные в основном мужу Цецилии Кин, известному писателю и деятелю Коминтерна Виктору Кину. Щемящее чувство, о котором далее пишет Ю.Д., могло возникнуть в связи с дальнейшей трагической судьбой В.Кина, ставшего жертвой Большого террора; в воспоминаниях Ц.Кин об этом впрямую ничего не сказано.

...из Грубина... — Ф.Грубин, чешский поэт, над переводами из которого Ю.Д. работал в 1963–1965 гг.

«Манон» — это хорошо. — Выбирается кличка для щенка афганской борзой, которого подарили (а не «дали напрокат», как сказано ниже) Е.Великановой и А.Даниэлю.

...кто это В.Буковский? То есть о роде его занятий в последнее время я догадываюсь... — В.К.Буковский был арестован 22 января 1967 г. за участие в митинге протеста на Пушкинской площади в Москве (в связи с арестом Галанскова и других); летом того же года приговорен к 3 годам лагеря. Впоследствии — один из самых известных советских диссидентов.

Кто такая Нина Ив.? Людочка Кац? Маша Слоним? — **Н.И.Буковская** — мать В.К.Буковского. **Людочка Кац** — поэтесса, жена Е.Кушева, однодельца Буковского (был приговорен к условному наказанию). **Маша Слоним** — филолог, дочь Т.М.Литвиновой, кузина П.Литвинова.

О Феде — любителе изобразительного искусства... — Вероятно, имеется в виду солагерник Ю.Д.Федор Акимович Сиденко, член общины пятидесятников («Христиане Веры Евангельской»), осужденный в 1965 г. на 5 лет лагерей. Позднее, в 1979 г., за попытки добиться разрешения на эмиграцию был вновь арестован и отправлен в спецпсихбольницу.

...Леня Сержан... не то шансоны, не то шантаны. — См. запись от 17/III-1968 г. в письме № 40 и прим. к нему.

...Давид Кугультинов читал стихи, почему-то не в моих переводах... — См. прим. к письму № 14.

...рецензийку Елены Михайловны. — НМ. 1969. № 12. Рецензия Е.М.Закс на книгу Ал.Дейча «Судьбы поэтов: Гельдерлин. Клейст. Гейне» (М., 1968) в разделе «Коротко о книгах».

...прочел я и статью Лакшина... — Лакшин В. «Мудрецы» Островского — в истории и на сцене // НМ. 1969. № 12.

...юбилейчик. — Семь месяцев до конца срока, а также ровно четыре года со дня вынесения приговора.

письмо № 70 (1970, 12 февраля — 11 марта)

...«человек-то занятый...»... Львов этот самый... — Ю.Д. нарочно контактирует два разных сюжета из полученного письма. «Державинскому кружку друг», о котором пишет М.Домшлак, — литератор, архитектор и музыкант Н.А.Львов (1751–1803).

...о писателе, про которого я спрашивал. — Речь идет об Анатолии Кузнецове (см. прим. к письму № 68).

Пирсмановские натюрморты... натюрморты из «Трактира» Багрицко-го. — Речь идет о живописных изображениях и поэтических описаниях пиршеств.

...словечко из «Бунта» А.К.Толстого... — Стихотворение «Бунт в Ватикане».

Зин. Мих.? Ира Кристи? Виктор Х.? Ю.Телесин и его прародина? — И.Корсунская вновь засыпает Ю.Д. именами людей, хорошо известных в «диссидентских» кругах, но совершенно неизвестных адресату. Дело объясняется не толь-

ко намечавшейся уже тогда тенденцией диссидентского сообщества к само-достаточности, но и тем, что Корсунская вела в те годы обширную переписку с целым рядом людей, осужденных по политическим обвинениям, — это стало особым видом общественной помощи политзаключенным. Большинство корреспондентов Корсунской попали в заключение много позже, чем Ю.Д.; у них упоминаемые ею имена были уже «на слуху» и не вызывали недоумения. **Зин[аида] Мих[айловна Григоренко]** — жена П.Г.Григоренко. **Ирина Кристи** — математик, участница «митинга гласности» 5 декабря 1965 г., активистка правозащитного движения. **Виктор Хаустов** — один из молодых людей, арестованных за участие в демонстрации 22 января 1967 г. на Пушкинской площади; был приговорен к 3 годам лагеря. **Юлиус Телесин** — также активист правозащитного движения; составитель машинописного сборника «14 последних слов», открывавшегося выступлениями Синявского и Даниэля на процессе 1966 г.; едва ли не первый диссидент, эмигрировавший в Израиль (май 1970 г.) — отсюда упоминание «прародины».

...сверкали с расстояния метров в двадцать. — Ю.Д. вспоминает о приезде И.Корсунской в Озерный в июне 1969 г.

Что касается «нового, иного совсем поэта — с тем же именем только»... — Корреспондент Ю.Д. говорит о поэме «А в это время...».

«Покормите лошадь... Пожалуйста...» — Последняя строка из песни Аллы Зиминой «Ласточка».

...незванные гости... — В январе 1970 г. в доме у Л.Б. в Чуне был произведен обыск — по делу Н.Горбаневской.

Что, однако, за переписка у Саньки с Гришей, в чем, так сказать, «суть дела»... — Подразумевается опубликованное осенью 1969 г. в английской прессе «открытое письмо» А.Даниэля писателю Грэму Грину, в котором Александр Даниэль просит своего адресата принять участие в судьбе Ю.Д. и его товарища по Владимирской тюрьме В.Ронкина. **«Суть дела»** — название одного из романов Грэма Грина.

...с какой это дороги прислал письмо Толя... — Анатолию Марченко, осужденному в августе 1968 г. на 1 год лагеря за «нарушение паспортного режима», незадолго до конца срока было предъявлено новое обвинение — в «клевете на советский строй» среди заключенных. В конце августа 1969 г. был осужден еще на 2 года. «Дорога», с которой он послал письмо, — этап из одного лагеря в другой.

Количество собственных одесситов... не уменьшается, а растет... — Л.Б. рассказывала в письме о своем знакомстве в 1968 г. с Леонидом Тымчуком, матросом Одесского порта, — одним из тех, кто откликнулся на ее и П.Литвинова обращение «К мировой общественности».

...вместо покойного Александра Ефимовича... — А.Е.Эссель, одессит по рождению. Отношения с ним были порваны зимой 1965/1966 г. (см. прим. к письму № 3).

Словацкий — Юлиуш Словацкий, польский поэт.

...с рождением Яремы. — Сын Надежды Светличной, сестры И.А.Светличного.

...почему это бутылка — «конверт из стекла»? Потом все-таки вспомнил... — Из стихотворения «Бутылка в море» в повести Николая Аржака «Искушение»: «У судьбы моряцкой выпрошенный, Открывается конверт из стекла...».

...цикл «Надписи на чем попало». — Стихи из этого цикла никогда ранее не публиковались. Приводим по памяти три из упомянутых здесь «Надписей»:

Надпись на могильной плите (автоэпитафия)

Писал стихи зело борзо
В тюрьме, в бараке и в ШИЗО.
А вольным был — и год от года
Терял хорошие слова...
Мораль сей жизни такова:
Поэтам не нужна свобода.

Надпись на Лобном месте

Не раз, не два читали мы
В истории родной земли,
Как отщепенцев из тюрьмы
На место Лобное везли.

Но, слава Богу, поворот
К добру и гуманизму крут.
Теперь у нас наоборот:
В тюрьму от Лобного везут.

(«Демонстрация семерых» на Красной площади 25 августа 1968 г. происходила у Лобного места.)

Надпись на «Литературной газете» от 11/II-70 г.

Ревом моторов полны автострады.
Лозунги сыплются, как конфетти.
Мы завсегда посодествовать рады
Сбившемуся с пути.

Бравые марши наяривай, лира.
Смирно! Ладонь у виска!
— Вводим в редакцию «Нового мира»
Дружественные войска...

(В ЛГ от 11 февраля официально сообщалось о решении Бюро секретариата правления Союза писателей «укрепить» редколлегию «Нового мира» и ввести в ее состав В.А.Косолапова, А.И.Овчаренко, А.Е.Рекемчука и др. Одновременно из редколлегии убрали ведущих сотрудников литературно-критического отдела журнала — В.Я.Лакшина, А.И.Кондратовича, И.И.Виноградова, И.А.Саца. Это означало конец «Нового мира» эпохи Твардовского. Сам Твардовский ушел с поста главного редактора через несколько недель.)

От «Надписи на сборнике Апполинера» сохранилась последняя строка: «Поэт неделю пробыл за решеткой!». О содержании этой «надписи» можно догадаться по записи от 12/II-70 г. в наст. письме.

«Ветошкин» мой — книжка вполне приличная... — Историческая повесть Ю.Д. «Бегство», которая была выпущена Детгизом в сентябре 1965 г., но не поступила в продажу — после ареста Ю.Д. ее тираж уничтожили. «Ветошкин» — прозвище главного героя повести, крестьянина Ивана Свешникова, самоучки-полиглота, пользовавшегося покровительством Ив.Ив.Шувалова и Гр.А.Потемкина; под именем Ветошкина он упоминается в «Разговорах Н.К.Загряжской» Пушкина.

...поозорничал немножко. — Сентиментальные и нравоучительные вирши одного из эпизодических героев повести представляют собой «перевод» на поэтический язык XVIII столетия стихотворения С.Щипачева «Ты порой целуешь ту, порою эту...».

...«мосты не сгнили». — Аллюзия на упоминавшееся выше (см. прим. к письму № 32, а также запись от 20/XI-1969 г. в письме № 67) ироническое стихотворение С.Хмельницкого, точнее — на следующие строки этого стихотворения: «О, времени сын! Ему не дано Постичь, во плену систем, Что сгнили мосты и давным-давно Фиалки пахнут не тем».

...«Хотел прослыть автором»... — Фраза из объяснений Радищева на следствии по поводу причин, толкнувших его к написанию «Путешествия из Петербурга в Москву». Эта фраза была использована Ю.Д. в стихотворении «А вдруг вот так приходит зрелость...», написанном в аналогичных обстоятельствах — в Лефортовской тюрьме.

...литератор, которому Арина помогает сеять разумное, доброе и отчасти вечное... — Арина Жолковская после увольнения из университета стала, с согласия писателя А.Ивича, числиться его литературным секретарем. В конце 1960-х и в 1970–1980-е оформление подобных трудовых соглашений было довольно распространенным явлением: это позволяло тем, кто был изгнан с работы за проявления «инакомыслия», избежать обвинения в «тунеядстве».

...одного мерзейшего письма, которое я получил еще в Мордовии. — Письмо было подписано именем человека, имеющего отношение к кругу знакомых Ю.Д. (см. прим. к письму № 62).

«Мои друзья-товарищи Порубаны-постреляны...» — Из стихотворения Дм.Кедрина «Алена-старица».

Переводы из Лорки... — Эти переводы А.Якобсона вошли в сборник Федерико Гарсиа Лорки «Лирика» (М., 1969).

Последний номер «Литгазеты»... все по существу, по существу! — В ЛГ от 18 февраля 1970 г. была помещена заметка Н.Грибачева «Слезы на экспорт» — открытое письмо генеральному секретарю Европейского сообщества писателей Дж.Вигорелли в ответ на его выступление против исключения А.Солженицына из Союза писателей.

«Надпись на пластинке “Темная ночь”» — Текст этой «Надписи» не сохранился. Легко, впрочем, предположить причину ее возникновения: еще в Мордовии до Ю.Д. доходили приветы от А.А.Петрова-Агатова, отбывавшего срок на 3-м л/о, в пос.Барашево. **Александр Александрович Петров-Агатов** (1921–1986), поэт и переводчик, член Ленинградского отделения Союза писателей, в 1969 г. был осужден за «антисоветскую пропаганду» (по его словам, за стихи) и приговорен к 7 годам лагерей. Про него в лагере ходили слухи, активно поддерживаемые им самим, что он — автор текста знаменитой лирической песни военных лет «Темная ночь» (на самом деле авторство принадлежит поэту В.Агатову). Впоследствии, уже на свободе, опубликовал в ЛГ (1977. 2 февраля) статью-донос на А.И.Гинзбурга. Еще позднее был арестован и осужден по уголовному обвинению; умер в заключении.

...как мне жаль Михайловну! — Александра Михайловна Шевченко, няня Л.Б., погибла в 1969 г. во время пожара.

...то, что сказал ей сын, уходя на войну... — См. прим. к письму № 41.

Последний раз я его видел где-то 10–14 февраля 66-го года... в печати не встречал. — Лев Гинзбург, публицист и переводчик с немецкого, автор повести «Потусторонние встречи» (см. прим. к письму № 68), судя по приводимой Ю.Д. дате, присутствовал на процессе Синявского и Даниэля.

...о ее теперешнем отношении к Ларке, ко мне... — Р.Я.Райт-Ковалева, давняя приятельница Даниэлей, в 1965 г., после ареста Синявского и Ю.Д., резко осудила обоих в разговоре с Л.Б.; эти отношения, естественно, прервались (см. прим. к письму № 10).

...у Васильева, мол, инсульт... А как здоровье З.С.Кедриной? — См. прим. к письму № 39.

...Иван отбыл в Мордовию... — И.Н.Кочубея возвращают в Дубравлаг по истечении определенного ему в 1967 г. 3-летнего содержания во Владимирской тюрьме. Впоследствии он был переведен в Скальнинские (Пермские) лагеря. Дальнейшая его судьба неизвестна; по некоторым данным, в середине августа 1977 г. Кочубей еще находился в заключении.

«Надпись на ССП» — От этой «Надписи» сохранились две последние строчки: «Откиньте, пожалуйста, букву последнюю — Она, к сожалению, здесь ни к чему».

...по поводу прошлого Кривцова. — Геннадий Кривцов (см. прим. к письму № 67), в то время — постоялец Л.Б. В «Моих показаниях» А.Марченко рассказывает о прошлом Кривцова с его собственных слов; другие знавшие Кривцова люди предполагали, что этот рассказ мог быть не совсем достоверным. Вскоре выяснилось, что Ю.Д. был прав, сомневаясь в человеческих качествах Кривцова: Л.Б., устав от иждивенческого поведения и разного рода мелких нечестных поступков своего постояльца, вынуждена была просить его съехать.

Песню с «улыбкой-причастием» я не знаю... — Имеется в виду песня А.Галича «Уходят друзья...», в которой есть строки: «Знать бы загодя, кого сторониться, А кому была улыбка — причастьем...». В связи с какими «печальными обстоятельствами» А.Даниэль цитировал эту песню, вспомнить не удалось.

«То ли быть...» я попробовал поправить. — Речь идет о стихотворении «Еще одна песенка». В первоначальном варианте исправленные строки звучали соответственно: «Не любил, не бросал»; «Не смеялся, не плакал <...> И не ставил я на кон»; «С красотой не венчался И друзей не имел»; «И в весеннюю сырость». В сборнике «Стихи из неволи», готовившемся, видимо, с привлечением самиздатских копий, строки исходного варианта были обозначены в примечаниях как «разночтение»; в дальнейших публикациях использовался только исправленный текст.

В четверостишии Норвида... — «Гвардейцы, генералы, служба тыла...» — одна из переведенных Ю.Д. уже во Владимире «фрашек» (см. запись от 1/1-70 г. в письме № 68).

В связи с редакторством Косолапова... — В.Косолапов был назначен главным редактором «Нового мира» после Твардовского.

...еще и очередное поздравление. — С новым замужеством.

письмо № 71 (1970, 13 марта — 12 апреля)

...рыбу с непристойным наименованием. — Пристипома — океанская рыба, которой в конце 1960-х были завалены прилавки сибирских магазинов, в том числе чунских.

Будешь писать Богдану... действительно, достойнейший человек. — Речь идет о солагернике Ю.Д. Мих.Мих.Сороке, его жене Е.М.Зарицкой и их сыне Богдане.

И еще поклон Дмитру. — Д.К. Верхоляку, солагернику Ю.Д. по Озерному (см. прим. к письму № 43).

...«**Во имя овса и сена**»... — Ю.Д. имеет в виду нашумевший роман И.Шевцова «Во имя отца и сына» — произведение того же ряда, что и «антидиссидентские» повести В.Кочетова («Чего же ты хочешь?») и О.Бенюха («Челюсти саранчи»), но отличающееся от них, во-первых, куда большей паранойяльностью содержания (диссидент-нигилист начинает карьеру с того, что зверски убивает собственную мать), а во-вторых, откровенным антисемитизмом.

...**не тот ли это человек... что свел меня с Фаюмами, с Андреем?** — Ю.Д. пишет о Сергее Хмельницком.

Жалко Яна — слов нет. — И.Жолковская подтверждает известие о смерти Я.Капицыньша.

Кто это Гунар? — Речь может идти либо о Гунаре Астра, радиотехнике из Риги, отбывшем 15 лет (1961–1976) в Дубравлаге по обвинению в «измене Родине», в «антисоветской пропаганде» и «порнографии», либо о Гунаре Роде, осужденном в 1962 г. также на 15 лет — за членство в подпольной латышской организации «Балтийская федерация» (по этому делу было осуждено пять человек, в том числе В.Калниньш и К.Скуениекс).

И кто преподаватель истфака ЛГУ? — Николай Викторович Иванов (1937–не ранее 1981), одноделец Л.Бородина и В.Платонова, отбывавший в тот момент срок в Дубравлаге. До ареста работал ассистентом кафедры истории искусств ЛГУ, был активным участником Всероссийского социально-христианского союза освобождения нации (см. прим. к письму № 58), одним из руководителей «идеологической комиссии» ВСХСОН; приговорен к 6 годам лагерей. После освобождения одно время был близок к московским диссидентам; в 1980 г. осужден за «тунеядство»

...**остался на «тройке»**... — На 3-м л/о Дубравлага находилась больничная зона.

...**люди, прожившие такую необычайную жизнь**... — Александр Петрович Улановский (1891–1970) — в молодости профессиональный революционер, анархист, до революции успел побывать в ссылке, бежал, был в эмиграции. В Гражданскую войну — участник красного подполья в Крыму. В 1920–1930-е — агент Коминтерна, резидент советской разведки в Германии, Китае (там одним из членов его группы был Р.Зорге), США, Дании. В 1949 г. был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Подробно о нем и его судьбе см. в кн.: Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. М., 1994. Ю.Д. также посвятил ему несколько строк в «Свободной охоте» (Сб. «Говорит Москва». С.14–15).

...**на том ДОК'е, где я был**... — На 11-м л/о, в Явасе. ДОК — деревообделочный комбинат.

...**здесь некоторые простодушные тоже его** [юбилея] **ждут**... — Столетия со дня рождения Ленина, — как всегда, в местах заключения ходили слухи о большой амнистии.

...неизвестный Генрих... — Ирина Корсунская, состоявшая, как уже говорилось, в переписке с десятками политических заключенных, перепутала письма: в конверт, адресованный Ю.Д., вложила письмо Генриху Алтуняну — активному участнику правозащитного движения, члену Инициативной группы защиты прав человека в СССР, отбывавшему 3-летний срок за «клевету на советский строй» в лагере на Алтае.

...поэма, обруганная Овчаренкой... — Неопубликованная в то время поэма Твардовского «По праву памяти», отрывки из которой были напечатаны за границей.

...письмо автора в «Лит.газете»... — А.Т.Твардовского заставили печатно отмежеваться от зарубежной публикации поэмы и осудить ее. Это было одно из первых (если не считать аналогичного письма А.И.Солженицына в ЛГ 1968 года) публичных отречений советских литераторов от изданий своих произведений за рубежом; позже были В.Шаламов, Б.Окуджава, А.и Б.Стругацкие и другие.

...«Страна Муравия» была удостоена того же эпитета. — В 1930-е советская критика заклеила поэму Твардовского «Страна Муравия» как «кулацкую».

В Майкином письме о ней сказано: «Ждет». — Имеется в виду: «Ждет суда». Наталья Горбаневская была арестована 25 декабря 1969 г. Суд состоялся в июле 1970 г. Горбаневская была признана виновной в «клевете на строй». Однако ей выпала иная, худшая, чем лагерь, участь: в соответствии с распространенной практикой того времени суд признал ее «невменяемой» и определил на бессрочное принудительное лечение в психиатрическую больницу «специального типа».

В 1971 г., уже после освобождения, Ю.Д. пытался помочь Горбаневской: он написал приватное письмо Е.А.Евтушенко, в котором просил его вмешаться в судьбу коллеги. Евтушенко в самом деле обратился в официальные инстанции с ходатайством. Тогда же Ю.Д. отправил аналогичное письмо писателю С.С.Смирнову относительно П.Г.Григоренко, также заключенного в спецпсихбольницу (на это письмо положительной реакции от адресата не последовало). Кроме того, Ю.Д. участвовал в переговорах Комитета госбезопасности с Л.Б., которая заявила о своей готовности принять помилование (в чем КГБ был заинтересован из пропагандистских соображений) при условии освобождения из психбольниц Горбаневской, Григоренко и ее товарища по демонстрации на Красной площади В.Файнберга.

В какой степени повлияли эти усилия на освобождение Горбаневской (1972), Файнберга (1973) и Григоренко (1974) — неизвестно.

...завершить капитальный ремонт? Бери пример с Л.Соболева... — «Капитальный ремонт» — роман Леонида Соболева.

...стихи о Бартоке... — Стихотворение Н.Горбаневской «Концерт для оркестра» («Послушай, Барток, что ты сочинил...»). Впервые опубликовано в «Мос-

ковском комсомольце» (1965. 16 мая) под названием «Концерт Белы Бартока».

...привет от Михаила... — Скорее всего речь идет о Михаиле Саввиче Масютко, арестованном в 1965 г. (одновременно со И.А.Светличным, братьями Горынями, Я.Б.Гевричем, М.Г.Осадчим и другими) за несколько художественно-публицистических эссе, признанных судом «националистическими» и «антисоветскими». Приговорен к 6 годам заключения; в 1966 г. пересекался с Ю.Д. в Явасе; в 1967–1970 гг. находился во Владимирской тюрьме. Возможно, впрочем, что речь идет о М.Н.Горыне (см. прим. к письму № 18), в 1970 г. также находившемся во Владимирской тюрьме.

...«где что и что почем». — Строка из стихотворения С.Г.Хмельницкого «Плач тимуридов по дороге в Индию»: «О, правда есть, и счастье есть: Я это все прочел В отличных книгах и узнал, Где что и что почем». Строки Хмельницкого являются, в свою очередь, переложением стихов среднеазиатского эмира XVI в. Захир-эд-дин Бабура, основателя империи Великих Моголов в Индии.

...«счет потерь на единицы»... — Строка из стихотворения Ю.Д. «Про нашу арифметику» (см. конец письма № 66).

...всяким Ефремовым. — Имеется в виду советский писатель-фантаст Иван Ефремов, известный Ю.Д. только как автор романов о «коммунистическом завтра».

...были моим основным источником. — В работе над повестью «Бегство».

...что «Эвридики» у тебя нет... — Здесь вновь проявляется беспокойство Ю.Д. о судьбе посланного им в Москву перевода поэмы К.Скуениекса «Не оглядывайся». Осенью 1968 г. письмо с переводом «бесследно пропало в дороге», но Ю.Д. или не помнил об этом или, что вероятнее, ранее предпринял повторную попытку переслать текст на волю. Если так, то попытка эта не увенчалась успехом: друзья Ю.Д. познакомились с поэмой лишь после его освобождения.

письмо № 72 (1970, 20 апреля — 11 мая)

...статью, в которой дали по ушам Льву Гинзбургу... — Дмитрук А. О доблестях, о подвигах, о славе : Военно-патриотическая тема на страницах газет и журналов, в программах радио и телевидения // Правда. 1970. 13 апр. Документальная повесть Льва Гинзбурга «Потусторонние встречи» (см. прим. к письму № 68) характеризуется в статье как написанная ради «дурной сенсации» и не разоблачающая «социально-классовую сущность фашизма». Вероятно, Ю.Д. прав, и Дмитрук обрушился на Л.Гинзбурга из-за «неконтролируемых ассоциаций», вызываемых его повестью. Однако эта статья, конечно же, еще и часть кампании против уже разгромленного «Нового мира» (где были опубликованы «Потусторонние встречи») и «новомировского духа» в советской публицистике.

...твое, Ларка, желание — ткнуть его носом — и на самом высоком уровне... — Ср. записи от 25/XII-69 г. в письме № 68, от 14/I-70 г. в письме № 69 и от 24/II-70 г. в письме № 70. Ю.Д., как и Л.Б., полагает, что Гинзбург и другие либеральные публицисты лукавят, не желая вступать в прямую конфронтацию с цензурой, и предпочитают высказывать мнение об отечественных проблемах сегодняшнего дня косвенным образом — например, обращаясь к истории германского нацизма. В целом Ю.Д. этой манеры не одобряет (см., напр., запись от 19/VI-1968 г. в письме № 44), однако в данной реплике можно усмотреть и определенное дистанцирование от столь радикальной точки зрения. Дело, вероятно, в том, что Ю.Д. не хочет оказаться в одном лагере с партийными критиками либеральной журналистики (А.Дмитрук, автор статьи в «Правде», был в то время заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС).

...зачем-то читаю «Великого Моурави»... — «Великий Моурави» — много томный исторический роман А.Антоновской; первая книга романа, «Георгий Саакадзе», в 1942 г. была удостоена Сталинской премии.

...духу не хватает возражать. — Бурас настойчиво предлагал Ю.Д. приехать за ним 12 сентября 1970 г. во Владимир на своей машине. В конце концов почти так и получилось: забирать Ю.Д. из тюрьмы приехали два его друга — «автомобилевладелец» — Бурас и Воронель. Это оказалось не лишним, так как на обратном пути из Владимира автомобиль Бураса сломался и Ю.Д. пересел в машину Воронеля.

Ю.Вронский... — Юрий Петрович Вронский — поэт, переводчик, детский писатель, литературный знакомый Ю.Д.

«Тополя, острие топора пощадит ваши ветки тугие...» — Песня Л.Пугачева на слова А.Черевченко.

«Мой мальчик, вы старший по чину...» — Строка из другой песни Л.Пугачева на слова того же автора («Оловянный матросик»).

«Всю ночь таранят темноту Турбины ТУ, турбины ТУ» — Строки из песни Ю.Визбора; **«подходящие реалии»** — слова из этой же песни: «Два капитана КГБ За орденами в Душанбе...». Ю.Д. вспоминает свой перелет из Новосибирска в Москву 12 сентября 1965 г. вместе с Л.Б., при неявном сопровождении сотрудников КГБ.

Машинка, возвращенная тебе... — Пишущая машинка была изъята при обыске 25 августа 1968 г., во время ареста Л.Б.

...вероятно, говорил о его папе... — Вадим Меникер, экономист, автор одного из обращений в защиту Синявского и Даниэля, опубликованного в «Белой книге» и перепечатанного в «Цене метафоры».

...где обещанный новый Футман? — Семья Футманов ждала ребенка.

Айзов — что-то очень знакомая фамилия... не из явасских ли? — Правильно: Айдов. Вячеслав Александрович Айдов, инженер из г.Александрова, был арестован в 1966 г. за попытку создания подпольной группы «Союз борь-

бы за свободу» и подпольной типографии. Приговорен к 5 годам лагеря. В Явасе они с Ю.Д. не могли пересечься — Айдов прибыл туда лишь в 1967 г., когда Ю.Д. был уже в Озерном.

...обиду за Шевцова. — И.Шевцов, автор повести «Тля» и романа «Во имя отца и сына» (см. прим. к письму № 71).

Этому, как его... он в ИМЛИ работает... — Ю.Д. имеет в виду литературоведа Я.Эльсберга, который действительно занимался одно время Салтыковым-Щедриным, но прославился другим: доносами на коллег-литераторов (отсюда — **«писал... про Бабеля, Пинского и др.»**). Именно по требованию писателя Л.Е.Пинского, ставшего жертвой его доноса, Эльсберг был в конце 1950-х исключен из Союза писателей. Вскоре, однако, его восстановили.

Левитина я помню... — Речь идет о Евгении Семеновиче Левитине (1930–1998), знакомом Ирины Глинки, в то время — заведующем гравюрным отделом Музея изобразительных искусств им.Пушкина.

Привет Лидочке и Эре. — Подруги Ирины Глинки: Л.Иодковская и Э.Акопджанян.

«Ребята, напишите мне письмо...» — Из песни В.Высоцкого. Строка «А тут ничего не происходит!» — оттуда же.

В пример мне ставили именно А.Кузнецова — какой он хороший и патриот... — Писателя Анатолия Кузнецова, будущего «невозвращенца», ставили в пример Ю.Д. во время следствия в 1965 г.

Неужели понравились мои стихи? — С К.И.Чуковским Л.Б. общалась летом 1968 г.; тогда и произошел разговор о стихах Ю.Д.

«...а наша Ариша Великого стоит поста...» — Ю.Д. намекает на голодовку, которую пришлось объявить Гинзбургу, чтобы добиться разрешения на регистрацию брака с Ариной Жолковской.

...строки о «дружбе высокой и рыцарской чести». — Из песни Аллы Зиминой «Уральские горы».

...в канун этого 25-летия. — 25 лет Победы.

...если найдется это стихотворение, я хотел бы его получить. — Ю.Д. цитирует стихотворение А.С.Кочеткова «Баллада о прокуренном вагоне», ставшее позднее широко известным по фильму «Ирония судьбы». Он ошибается: Кочетков не погиб на фронте, и в сборнике «Великая Отечественная» этого стихотворения нет.

...любопытный очерк о Японии. — Овчинников В. Ветка сакуры : Рассказ о том, что за люди японцы // НМ. 1970. № 2–3.

...встретиться с Гнединым и Соловьевой. — Гнедин Е. Революционер-дипломат ленинской школы // НМ. 1970. № 2. Обзор очерков З.С.Шейниса о жизни и деятельности М.М.Литвинова, опубликованных в 1966–1969 гг.; Соловьева И. Заметки о стиле Вс.Иванова : К 75-летию со дня рождения писателя // Там же.

...спасибо за «Концерт для оркестра». — Стихотворение Н.Горбаневской, упоминавшееся в письме № 71; «Господь вам просветление ниспосли» — последняя строка этого стихотворения.

...я помню Юркины фотограммы... — Фотограмма — особый способ получения изображений предметов на фотографической пластинке, которым увлекался Ю.Я.Герчук.

Положите цветы... пусть уж и не к дате. — 30 мая 1970 г. — 10 лет со дня смерти Б.Л.Пастернака.

...Володе Бондареву. — См. прим. к письму № 16.

...знакомой, которую я нечаянно поставил в неловкое положение... — Человеку, чьим именем воспользовался автор «разоблачительного» письма к Ю.Д. (см. записи от 4/VI-69 г. в письме № 62 и от 19/II-70 г. в письме № 70).

...где-то неподалеку Михаил Фрунзе изучал итальянский язык... — М.В.Фрунзе содержался во Владимирском центре в 1907–1912 гг.

...тряска на «таракане» вряд ли хорошо действует на тебя. — Уйдя из сушильного цеха, Л.Б. стала работать такелажницей при автопогрузчике, в просторечии — «таракане».

...и про Юлия, и про Даниэля. — Юлий — новорожденный сын В.Смолкина; Даниэль — новорожденный сын В.Меникера.

«На словах ты мастерица — Вот на деле какова?» — Из стихотворения Б.Чичибабина «Смутное время».

...сообщение об откорме медведей. — Медведя «на откорм» держало у себя литовское семейство из числа бывших ссыльных, жившее в Чуне. Впоследствии владельцы медведя изменили свои планы и презентовали его одному из литовских зоопарков.

...за обещанный подарок уж и не знаю, как благодарить! — Речь идет об альбоме работ отца Е.Аксельрод — М.Аксельрода, включающем эскизы декораций к спектаклю «Изобретатель и комедиант», поставленному Центральным детским театром по пьесе Марка Даниэля.

...что было с Мишей... — Миша — сын Е.М.Аксельрод.

...каков статус людей, находящихся там на лечении... по окончании курса лечения... — Специальные психиатрические больницы, в одну из которых (Казанскую) была направлена Н.Е.Горбаневская, находились в ведении не Министерства здравоохранения, а МВД и по существу представляли собою тюрьмы. Режим в них в одних отношениях мог быть мягче, чем в обычных тюрьмах (например, по числу продуктовых посылок и передач), в других — жестче. Однако существовали три главных отличия, которые делали судьбу тех, кто содержался в спецпсихбольницах, особенно тяжелой. Во-первых, их подвергали трудно переносимому медикаментозному лечению, зачастую — не по медицинским показаниям, а в виде наказания. Во-вторых, они были

много бесправнее обычных заключенных: всякий протест мог быть истолкован как «обострение болезни». И, в третьих, срок «лечения» заранее не определялся — в спецпсихбольницах людей держали «до выздоровления». Для «политических» симптомом выздоровления чаще всего считалась готовность отказаться от своих взглядов — почти необходимое, хотя и не достаточное условие освобождения.

...после всяких беспочвенных ожиданий... — Имеются в виду надежды на амнистию к 100-летию юбилею В.И.Ленина.

...анекдот Боба Зеликсона... — Борис Михайлович Зеликсон, инженер; солагерник Ю.Д. по 11-му лаготделению, одноделец В.Ронкина и других; был приговорен к 3 годам лагеря, освобожден в 1968 г.

...прекрасна русская земля вокруг залива Коктебля... — См. прим. к письму № 11.

А кто это «моя Наташка», которая едет вместе с Ариной и Иофами? — По всей видимости, Жолковская пишет о Н.Д.Светловой. «Иофы» — Вениамин Иофе (бывший солагерник Ю.Д., освобожденный в 1968 г., одноделец В.Ронкина и др.) с семейством.

...мое четверостишие про Арину. — См. запись от 2/IV-70 г. в письме № 72.

...у С.Смирнова... — Ю.Д. имеет в виду не известного писателя-публициста С.С.Смирнова, а поэта С.В.Смирнова, автора поэмы «Свидетельствую сам» (см. прим. к письму № 34) и подобных произведений, одного из литераторов, подписавших «письмо одиннадцати», направленное против «Нового мира».

Хорошо, что ребята снова съехались... — 15 мая в Озерный вернулся Ю.Т.Галансков (из лагерной больницы в пос.Барашево), а 20 мая — А.И.Гинзбург (из Саранска, куда его возили на «профилактику»).

...как Вам сегодня пьется-празднуется? — 30 мая — день рождения Ирины Глинки.

...в честь пророка, так в честь пророка... — В письме И.Глинки объясняется, что новорожденный Даниэль Меникер назван вовсе не в честь Ю.Д., как он самоуверенно предположил, а в честь пророка Даниила.

...говоря о заболевших этой самой язвой, я имел в виду Ларку, Павла и др. — В записи от 27/IV-70 г. (письмо № 72), говоря о сибирской язве, Ю.Д. намекает на близких и друзей, отбывающих ссылку в Сибири.

Теперь я уже обо всем готов спрашивать... сочиняя во время штиля детективные романы... — Вновь Ю.Д. обыгрывает смешение незнакомых или мало знакомых ему имен в письмах Ирины Корсунской. **Габай** — Илья Габай, поэт, педагог, известный диссидент, в 1970 г. находился в заключении (покончил жизнь самоубийством осенью 1973 г.); **Грицай** — знакомый Ю.Д. (см. прим. к письму № 2); **Майя Русаковская** — жена Павла Литвинова (см. прим. к письму № 57); **Ирина-Агата-Монте-Кристи** — имеется в виду Ирина Кристи (см. прим. к письму № 70). **Все это чистая правда — сам Лева рассказывал!** — Лев Михайлович Малкин — математик, знакомый Ю.Д.; в 1945 г. — одноделец Ю.Гастева и Н.Ви-

льямса. Был знаменит фантастическим воображением, находившим выход в придуманных им невероятных историях, которые он рассказывал с абсолютно серьезным видом. История про «**акции Юнайтед-Фрут-компани**» — один из таких рассказов.

«Ей-ей, умру от смеха!..» — Рефрен одной из песен Беранже.

...чтобы я продекламировал эту басню. — Ю.Д. имеет в виду пародийное переложение басни Крылова «Волк и Ягненок», сочиненное им совместно с В.Ронкиным во Владимирской тюрьме. Текст «басни»:

У сильного всегда бессильный виноват.

Тому в истории мы тьму примеров слышим.

Но мы истории не пишем —

А то опять приговорят.

...«озорство» — это Людоговский-Щипачев... — Речь идет о пародийных параллелях в повести Ю.Д. «Бегство» (см. прим. к письму № 70).

...в русском издании «Юлиса»... — «Юлис» — повесть Марка Даниэля.

...Федя — не Федя, а вовсе Саня. — Речь идет о выборе имени для новорожденного сына А.А.Футмана.

...Саша Лесникова. — Актриса, заслуженная артистка УССР, харьковская приятельница Ю.Д.

...Софья Васильевна передала приветы от Наташи. — Приветы от Н.Горбаневской передавала московский адвокат Софья Васильевна Каллистратова (1907–1989), выступавшая в качестве защитника на многих политических процессах конца 1960-х — первой половины 1970-х. В частности, она защищала Ю.Галанскова, В.Делоне (по делу о «демонстрации семей»), П.Г.Григоренко, Н.Горбаневскую. После ухода на пенсию стала юридическим консультантом, а затем и членом Московской Хельсинкской группы.

...оказалось, что ее судьба многих интересует и волнует. — Слово «многих» в условиях Владимирской тюрьмы скорее всего — фигура речи. Почти наверняка имеется в виду Игорь Вячеславович Огурцов, одноделец В.Платонова и Л.Бородина, приговоренный к 5 годам тюрьмы, 10 годам лагерей и 5 годам ссылки. Огурцов сидел в соседней с Ю.Д. камере. Когда Ю.Д. «простучал» ему через стену стихотворение Н.Горбаневской «Концерт для оркестра», тот пришел в восторг.

...уж такой не Морозов! — Подразумевается народоволец Н.А.Морозов, просидевший в Петропавловской крепости и Шлиссельбурге 24 года.

Ваве и Юре... — В своем письме Ирина Уварова передает Ю.Д. привет от их общего знакомого Юрия Айхенвальда и его жены Валерии (Вавы) Герлин. Вероятно, это ответ на поклон, который Ю.Д. просил передать в письме № 71 (запись от 29/III). **Ю.А.Айхенвальд** (1928–1993) — поэт, переводчик, эссеист, педагог; в 1960–1980-е был близок со многими московскими диссидентами.

...который «Сирано». — В начале 1960-х Ю.Айхенвальд перевел для постановки в «Современнике» пьесу Э.Ростана «Сирано де Бержерак».

О твоей Ирке... — Т.е. о И.Белогородской (см. прим. к письму № 68)

письмо № 74 (1970, 14 июня — 12 июля)

...я готовлюсь к встрече с Теофилом Готье. — Переводы из Готье, сделанные Ю.Д. во Владимирской тюрьме летом 1970 г., были позднее опубликованы под псевдонимом «Ю.Петров».

Свое-то знание «своего» языка кажется естественным... — По нашему предположению, речь идет о стихах Натальи Горбаневской, написанных ею в Бутырской тюрьме.

...моему тезке — приветище! — Юлику, новорожденному сыну В.Смолкина.

...сопредельным Кнуту, Энну. Слышно ли что-нибудь о Марте, Ромасе, Кестутисе? — Кнут Скуениекс, Энн Тарто, Март Никлус, Ромас Эйдригявичюс, Кестутис Иокубинас. Ю.Д. вспоминает прибалтов — своих друзей и знакомых по Дубравлагу. **Ромас Эйдригявичюс**, студент МГИМО, в 1963 г. был арестован и осужден на 4 года лагерей за участие в подпольном кружке. Ю.Д. упоминает о нем в «Свободной охоте» (сб. «Говорит Москва». С.272–273).

Кестутис Иокубинас — участник «городского подполья» в Литве. После войны, будучи гимназистом старших классов, организовал нелегальную группу среди соучеников, издавал машинописный журнал. В декабре 1947 г., в возрасте 17 лет, арестован и приговорен к 10 годам заключения. В 1954 г. освобожден из лагеря и отправлен на поселение в Красноярский край. Вновь арестован в 1957 г. за «антисоветскую агитацию и попытку к бегству из СССР»; опять приговорен к 10 годам. В 1977 г. эмигрировал; в настоящее время живет в США. О знакомстве с ним Ю.Д. также рассказывает в «Свободной охоте» (сб. «Говорит Москва». С.271–272).

Об упоминаемом Ириной «Иллюзионе»... — Кинотеатр «Иллюзион», ставший на многие годы своего рода «элитарным клубом» для любителей кино, открылся, когда Ю.Д. уже был в заключении.

...поминается какая-то «четвертинка»... — То есть четверть года, оставшаяся до конца срока.

Самый сердечный привет Гале Дубровской. — Редактору повести Ю.Д. «Бегство» в Детгизе.

Это такой подарок, что слов не найду... закончу — как получится — все три. — Речь идет о подстрочниках стихов Т.Готье, сделанных и присланных М.Домшляк.

...верховая езда на «таракане»... — См. прим. к письму № 73.

...как называется поэма Галича о Корчаке и где она напечатана? (Напечатана ли?) — Поэма «Кадиш» в СССР до 1989 г. не публиковалась.

...новости от Зинаиды Михайловны... о ее муже тревожно, а еще больше о Наташе думаю. — Судьба П.Г.Григоренко и Н.Е.Горбаневской складывалась в это время похожим образом: оба были признаны «невменяемыми» и отправлены на принудительное лечение в так называемые психиатрические больницы специального типа — Григоренко в Черняховскую, а Горбаневская в Казанскую.

письмо № 75 (1970, 15 июля — 11 августа)

...статью Овчаренко... — Вероятно: Овчаренко А. Коммунизм — человек — искусство : Беседа с аспирантом из Индии // Москва. 1970. № 6. В статье упоминаются публикации советских литераторов на Западе, предпринимаемые с подрывными целями.

...я к «зову крови» вполне равнодушен. — В переписке с М.Улановской вновь возникает тема «еврейства» и «родины предков». Для Ю.Д. эта тема, начисто отсутствовавшая в общественном сознании до его ареста, вполне экзотична. Но в Москве лета 1970 г. она звучит совсем по-иному — уже начались первые, пока немногочисленные отъезды евреев на «историческую родину».

...Тошкино эссе об Ахматовой... — Анатолий Якобсон. «Царственное слово». Впервые опубликовано в кн.: Конец трагедии. Нью-Йорк, 1973. Отечественная публикация — в кн.: Якобсон А.А. Почва и судьба. М.: Весть-ВИМО, 1992. С.15–25.

...это отец Андрея сейчас не в Москве? ...Мои поздравления новобрачным, а также новым родственникам (свойственникам?). — Речь идет о женитьбе Андрея, сына П.Г.Григоренко, на Марии Великановой, сестре Екатерины Великановой.

Внимание, Фаюм!.. Герой его — Нос, нос майора Ковалева... Он, этот Нос, произносит великолепный монолог... — Ю.Д. адресуется к Ю.Я.Герчуку, потому что тот когда-то написал рассказ, представляющий собой монолог Носа (но не майора Ковалева, а носа самого Гоголя).

...про этих презренных кинозвезд, предавших святое искусство... — Симона Синьоре и Ив Монтан, снявшиеся в фильме по мемуарной книге Артура Лондона «Признание». А.Лондон, один из бывших руководителей Компартии Чехословакии, осужденный в начале 1950-х на процессе Рудольфа Сланского и эмигрировавший после освобождения во Францию, рассматривался официальной Москвой как враг СССР. Соответственно, участие Монтана и Синьоре в экранизации его воспоминаний было расценено как недружественный акт. Эту оценку и воспроизвела заметка в ЛГ.

...поминаемая Фаюмом повесть... — По-видимому, один из рассказов Сиянвского–Терца — скорее всего «Гололедица» (Абрам Терц. Т.1).

...доблестному водителю «таракана» Володе. И Тамаре. — В.Сидоров — напарник Л.Б. по работе, Тамара — его жена. Л.Б. подружилась с семейством Сидоровых в Чуне. Добрые отношения сохранялись в течение ряда лет и после окончания срока ссылки.

...это я зачеркнул...— Выше в тексте письма вымарано несколько строк. Чтобы читатели не грешили на тюремную цензуру, Ю.Д. специально оговаривает, что он это сделал сам.

Какова «Цыганская пляска»? — По-видимому, М.И.Домшлак выполнила просьбу Ю.Д. (см. запись от 15/V-1970 г. в письме № 73) и послала ему стихотворение Г.Р.Державина «Цыганке».

...твоя сестрица поехала к тебе. — На сей раз словом «сестрица» обозначается не Л.Алексеева, как во многих предыдущих письмах, а настоящая кузина Л.Б. — И.Белгородская.

Я не знаю озерных новостей... — 20 мая А.Гинзбург был отправлен из лагеря во Владимирскую тюрьму до конца срока.

...от Ирки и Вани... — От Ирины Белгородской и ее тогдашнего мужа Ивана Рудакова.

«Вы не шейте ливреи...» — Начало песни А.Галича «Вы не шейте ливреи, евреи».

...об этих переводах. — Из Т.Готье.

...духу и лексике парнасцев... — «Парнасцы» — литературный кружок, в который входил Т.Готье.

стихи и переводы

Стихи Ю.Д. попали на свободу и начали циркулировать в списках сразу же после его приезда в лагерь, точнее — после первого свидания с семьей. Родственникам удалось вынести со свидания весь цикл стихотворений, написанных в Лубянской и Лефортовской тюрьмах, а также стихотворение «Приговор», сочиненное вскоре после прибытия в лагерь. В дальнейшем самиздатские списки пополнялись новыми стихотворениями, написанными уже в лагере.

В 1971 г. Фонд им. Герцена (Амстердам) выпустил поэтический сборник Ю.Д. под заголовком «Стихи из неволи». Несколько лет назад А.Дольберг, давний знакомый Ю.Д., с 1956 г. живущий в Великобритании, сообщил нам, что это не была спонтанная утка текстов за рубеж: к составлению и передаче сборника на Запад имел непосредственное отношение сам автор. По словам Дольберга, ему передали просьбу Ю.Д. принять участие в подготовке издания и он согласился. Косвенным подтверждением авторского характера сборника является то, что при наличии разночтений составители неизменно выбирали тексты, включающие позднейшую авторскую правку,

хотя в примечаниях приведены и первоначальные варианты, ходившие в самиздате.

С 1988 г. стихи Ю.Д. широко печатались в советской периодике. А в 1991 г. вышел сборник «Говорит Москва», где стихи, поэма «А в это время...» и перевод поэмы К.Скуениекса «Не оглядывайся» (ранее опубликованный в 10-м номере журнала «Дружба народов» за 1988 г.) составляют отдельный раздел.

Таким образом, по отношению ко всему оригинальному поэтическому творчеству Ю.Д. каноническим следует считать амстердамское издание. За двумя исключениями: во-первых, у нас нет никаких сомнений, что стихотворение «Сорокалетие» лишь по ошибке попало не в основной корпус текстов сборника, а в примечания; во-вторых, из стихотворения «Последнее» выпали восемь завершающих строк. Оба недочета исправлены в сборнике «Говорит Москва». Именно по этому сборнику и публикуется все, что вошло в раздел «Стихи и переводы» данного издания, за исключением стихотворений из цикла «Песни простака» и одного стихотворения Яна Зиемельниекса, переведенного Ю.Д., — они публикуются впервые. Мы не включили в раздел стихотворения «А нужно ль былого чураться...» (посвящено Н.Н.Садомской), «На свет, на газ и на признание — такса...» и «Про нашу арифметику» (посвящено И.С.Жолковской), поскольку в письмах они приведены целиком.

перечень посвящений

- «Уже на небе гремит посуда...» — Анне Гитерман
- «Стихи о воде» — Ирине Кудрявцевой
- «Сотворение кувшина» — Ирине Уваровой
- «Стрелы на снегу» — Майе Улановской
- «Чужие огни» — Елене Михайловне Закс
- «Когда спохватишься, что "плавно"...» — Нинель Воронель
- «Песни простака» — Марлене Рахлиной
- «Солнце» — Алене Закс
- «Бессмысленное, бесполезное...» — Марине Домшлак
- «Подари мне незнакомый город...» — Ирине Глинке

Абдуллина, поэт

514

Аванесов Р.И.

71, 739

Агатов В.

845

Адамян Н.

612

Адрианов О.

495

Азбели

40, 63, 114, 141, 144, 161,
249, 269, 315, 399, 420, 476,
518

Азбель Дима

35, 59, 116, 428, 610, 704

Азбель М.Я.

28, 34, 38, 44, 58, 71, 88, 89,
116, 140, 148, 155, 187, 211?,
220, 221, 311, 314, 391, 394,
437, 504, 537, 543, 544, 704,
706, 727, 729–731, 736, 784,
793

Азбель Н.

38, 188, 394, 428, 479, 480,
543, 544, 610, 704

Айбек

749

Айдов В.А.

596, 850, 851

Айзенштадт В.

458, 825

Айтматов Ч.Т.

130, 643

Айхенвальд Ю.А.

585, 622, 854, 855

Акопджанян Э.

597, 851

Аксельрод Е.М.

41, 42, 161, 552, 553, 589,
591, 612–614, 619, 620, 704,
840, 852

Аксельрод М.М.

552, 620, 840, 852

Аксельрод Миша

552, 614, 852

Аксенов В.Н.

546

Александр I, имп.

278, 544, 630, 839

Александр II, имп.

630

Александр III, имп.

630

Алексеева Л.М.

69, 98, 99, 101, 108, 143, 161,
196, 203, 208, 238, 246, 248,
270, 277, 284, 311, 319, 364,
366, 381, 391, 392, 396, 400,
403, 413, 415, 416, 420, 422,
424, 429, 434–436, 438, 442–
444, 457, 464, 466, 478, 487,
513, 518, 519, 543, 544, 553,
564, 585, 638, 704, 739, 745,
768, 779, 785, 810, 816, 820,
822, 857

Алексеев Сергей

284, 704

Алексеевы-Вильямсы

400

Алексеевко Т.В.

545, 839

Алешковский Ю.

743

Алтунян Г.О.

587, 848

Перечень упомянутых в книге имен составлен Е.А.Сенчаговой, указатель — сотрудниками НИПЦ «Мемориал» Я.В.Зыковой, Г.В.Кузовкиным, А.Г.Паповяном, Е.М.Паповян, А.А.Резниковой. Ряд важных уточнений внес заведующий библиотекой Общества «Мемориал» Б.И.Беленкин.

Курсивом отмечены цифры, отсылающие к кратким биографическим справкам в начале комментария.

- Андреев Д.Л.**
521, 836
- Андроников И.Л.**
464, 466, 504, 575
- Анненков, начальник лагпункта**
819
- Антоненко-Давидович Б.Д.**
319, 793
- Антоновская А.А.**
850
- Аполлинер Г.**
199, 534, 560, 565, 576
- Аристотель**
404
- Армстронг Л.**
75
- Аронов А.Я.**
254, 740, 741, 802
- Артем Веселый**
831
- Архангельский А.Г.**
603
- Асаркан А.**
459, 825
- Асеев Н.Н.**
612
- Асмус В.Ф.**
639
- Астра Г.**
582?, 847
- Атилла**
292
- Аузинь И.**
440, 536
- Ахмадулина Б.А.**
51, 134, 733, 769
- Ахматова А.А.**
171, 265, 355, 475, 553, 636,
750
- Ахматова Р.**
839
- Бабаевский С.П.**
813
- Бабель И.Э.**
167, 210, 597, 769, 781, 823,
851
- Бабенышев А.П.**
435, 821
- Бабицкий К.И.**
163, 273, 485, 522, 535, 704,
760, 782, 805, 808, 813, 816,
819, 820
- Бабур (Захир-эд-дин Бабур),
эмир**
849
- Баграмян И.Х.**
272, 325, 338
- Багрицкий В.Э.**
10
- Багрицкий Э.Г.**
77, 299, 371, 512, 536, 561,
740, 752, 789, 831, 841
- Баева Т.А.**
805
- Базиль см. Захаров Женя**
- Байрон Дж. Г.**
15
- Бакланов Г.Я.**
748
- Бакунин М.А.**
286
- Балтер Б.И.**
794, 795
- Бальзак О., де**
312, 313, 639
- Бардин М.И.**
746, 764, 765, 774, 775, 783,
834
- Бараташвили Н.М.**
283
- Барто А.Л.**
290
- Барток Б.**
607, 848, 849
- Басюк А.З.**
149, 200, 282, 755, 785
- Бах И.-С. 51,**
147
- Бахметьева С.**
163, 169, 220, 221, 281, 705,
760, 785

- Бахнов В.Е.**
743
- Башев В.**
757
- Бейбулатова З.Х.**
740
- Белинков А.В.**
58, 104, 110, 111, 301, 348,
735, 736, 747, 748, 798, 800,
803, 805
- Белов В.И.**
340, 410, 556
- Белгородская И.М.**
546, 622, 644, 645, 840, 855,
857
- Белокриницкая С.**
154, 163, 705, 737
- Белшевиц В.**
440, 505, 510, 536
- Бенедетти А., де**
507
- Бенкендорф А.Х.**
534, 837
- Бенюх О.**
820, 824, 847
- Беранже П.Ж.**
153, 601, 612, 619, 854
- Бергельсон Д.Р.**
9
- Бердяев Н.А.**
532, 575, 593
- Берзер А.С.**
459, 537, 824
- Берия Л.П.**
777
- Бернс Р.**
393, 536
- Бернштейн А.**
485, 830
- Бернштейн И.А.**
485, 553, 629, 830
- Бернштейн С.Л.**
485
- Бесси А.**
411
- Бетховен Л. ван**
96
- Бёлль Г.**
199, 330, 470, 747
- Бирс А.**
396, 810
- Бланки О.**
286
- Блок А.А.**
141, 210, 222, 334, 446, 463,
496, 497, 519, 532, 546, 550,
578, 579, 612, 723, 758
- Богораз-Брухман Л.И.**
всюду; краткая биографическая справка 703
- Богораз И.А.**
113, 218, 227, 257, 347, 391,
418, 434, 435, 443, 463, 481,
483, 485, 498, 513, 519, 520,
525, 559, 573, 591, 613, 633,
705, 732, 820, 835
- Богоразы-Зимины**
26, 47, 53, 112, 162, 168, 201,
270, 354, 355, 379, 399, 407,
418, 434, 443, 483, 498, 513,
516, 540, 541, 548, 559, 573,
591, 633
- Богославский М.И.**
211?, 275, 332, 339, 343, 350,
377, 400, 458, 459–461, 482,
483, 519, 596, 705, 800, 825,
829, 835
- Бодуэн де Куртенэ И.А.**
85
- Боков В.Ф.**
557
- Болховской, генерал**
791
- Бондарев В.А.**
72, 134, 222, 427, 610, 739,
753, 772, 815
- Бондарев Ю.В.**
603, 748
- Бондарюк А.**
796

- Бородин Л.И.**
440, 444, 450, 451, 461, 464,
466, 479, 484, 486, 487, 507,
523, 534, 562, 590, 705, 822,
828–831, 837, 847, 854
- Бочаровы**
277
- Бозси Э., де ла**
302
- Брежнев Л.И.**
725, 798
- Брет Гарт**
198
- Брехт Б.**
175, 370, 430, 566, 591
- Брик Л.Ю.**
801
- Британишский В.Л.**
622
- Бродский И.А.**
19
- Брэдбери Р.**
366, 566
- Брэм А.**
250
- Брюсов В.Я.**
157, 406, 440, 519, 623, 815
- Буало Н.**
469
- Буковская Н.И.**
555, 841
- Буковский В.К.**
555, 574, 760, 841
- Булгаков М.А.**
123, 153, 157, 158, 189, 190,
297, 466, 583, 629, 751, 760,
765, 769, 810, 815
- Булгакова Е.С. («Маргарита»)**
394, 419, 810, 814, 815
- Бунин И.А.**
199, 296, 408, 497, 498, 500,
501, 503, 504, 506, 508, 551,
578, 612
- Бурас М.Л.**
38, 39, 46, 56, 63, 65, 69, 74,
98, 99, 105, 110, 111, 126,
128, 130, 138, 141, 154, 165,
172, 175, 182, 190, 201, 209,
216, 236, 245, 249, 295, 311,
314, 385–387, 391, 394, 399,
401–407, 413, 415, 428, 449,
452, 456, 463, 470, 472, 476,
486, 491, 500, 555, 577, 594,
595, 598, 600, 604, 605, 610,
617, 633, 706, 731, 734, 737,
738, 740, 753, 770, 776, 793,
811, 812, 815, 824, 850
- Бурас Марина см. Лепорк М.Б.**
- Бурас Лена**
39, 64, 65, 69, 71, 75, 79, 182,
402, 404, 470, 577, 706, 737,
738, 740, 745, 748
- Бурас Маша**
98, 404, 486, 706, 745, 815
- Бурасы**
97, 141, 161, 164, 270, 357,
399, 400, 411, 413, 420, 456,
540, 577, 603, 604
- Бурденко Н.Н.**
553
- Бутурлин А.Б.**
145
- Быков В.В.**
57, 573, 735
- Бэкон Ф.**
286
- Ваксберг А.И.**
756
- Ваксмахер М.Н.**
112, 411, 748, 813
- Валуцкий В.**
785
- Валье Инклан Р.М., дель**
15
- Вальехо С.**
150
- Ван Гог В.**
555, 590
- Ванслов В.**
756
- Варужан Д.**
15

- Василевская В.Л.**
359, 802
- Василевская Э.Р.**
359, 802
- Васильев А.Н.**
246, 314, 573, 779, 788, 793
- Ватагин В.А.**
199
- Вахтин Б.Б.**
718
- Вацетис О.О.**
440, 536
- Вейсберг В.Г.**
468
- Великанов К.М.**
820
- Великанова Е.М.**
465–467, 471, 479, 480, 488,
497, 502, 510, 511, 518, 522,
524, 535, 541, 543, 554, 559,
564, 593, 596, 599, 600, 612,
613, 617, 627, 637, 639, 706,
820, 826, 833, 840, 856
- Великанова К.М.**
820
- Великанова М.М.**
636, 637, 856
- Великанова Н.А.**
435
- Великанова Т.М.**
820
- Величанский А.Л.**
558
- Верлен П.**
470, 506, 834, 838
- Верн Ж.**
618
- Вертинский А.Н.**
635
- Вертман Ю.Д.**
54, 121, 123, 171, 211, 328,
330, 331, 392, 394, 407, 422,
428, 429, 448, 457, 470, 584,
585, 706, 751, 796, 810
- Верхоляк Д.К.**
336, 370, 523, 578, 797, 804,
828, 836, 846
- Вертов Дз.**
165
- Вигорелли Дж.**
845
- Визбор Ю.И.**
850
- Викторов В.**
785
- Виленский С.С.**
193, 766
- Вильямс Н.Н.**
284, 400, 427, 518, 519, 543,
544, 704, 707, 785, 821, 837,
853, 854.
- См. также Алексеевы-Вильямсы*
- Винграновский М.С.**
104, 296, 718, 746
- Виноградов В.В.**
804
- Виноградов И.И.**
356, 844
- Винокуров Е.М.**
410, 460
- Вишневский В.В.**
503
- Влади М.**
546, 840
- Владимов Г.Н.**
556, 568
- Вознесенский А.А.**
51, 518
- Волков А.И.**
143, 275, 706
- Волков Н.**
357, 802
- Волкова В.М. (Лина)**
143, 145, 275, 371, 386, 441,
531, 595, 608, 706
- Волковы**
200
- Волошин М.А.**
745, 800, 810

- Волькенштейн М.В.**
459, 824
- Вольпин А.С.**
532, 614, 621, 837
- Воннегут К.**
640
- Воронели**
41, 42, 46, 70, 190, 208, 249,
451, 518, 543, 585, 614, 622,
734, 739
- Воронель А.В.**
46, 55, 57, 63, 73, 78, 79, 92,
113–115, 121, 124, 128, 140,
145, 148, 151, 153, 171, 181,
208, 211, 215, 268, 298, 346,
363, 371, 379, 383, 421, 422,
451, 543, 575, 614, 621, 706,
709, 721, 740, 741, 749, 800,
806, 815, 839, 850
- Воронель Володя**
46, 73, 114, 125, 151, 543,
706, 732, 749
- Воронель Н.А.**
46, 55, 75, 111, 114, 140, 151,
153, 154, 181, 208, 219, 230,
268, 383, 405, 436, 451, 469,
540, 543, 706, 732, 739, 749,
771, 812, 858
- Воронский А.К.**
831
- Воронцов В.**
801
- Вронский Ю.П.**
595, 850
- Выготский Л.С.**
629
- Высоцкий В.С.**
36, 355, 419, 449, 501, 546,
558, 608, 729, 730, 737, 739,
750, 753, 754, 774, 775, 796,
801, 851
- Габай И.Я.**
618, 760, 853
- Габен Ж.**
400
- Габинская М.**
537, 592, 838
- Габисов В.К.**
538, 539, 549, 577, 579, 583,
584, 608, 618, 619, 626, 633,
706
- Гаенко В.Н.**
148, 365, 486, 503, 626, 717,
735, 743, 791, 834
- Гаенко Таня**
76, 89, 743
- Гаенко, семья**
596, 626
- Гайдар А.П.**
207, 440, 545
- Галансков Ю.Т.**
284, 328–330, 333, 336, 338,
339, 343, 348, 349, 356, 361,
362, 366, 372, 378, 383, 397,
405, 411, 412, 418, 430, 438,
442–444, 471, 480, 487–489,
494, 501, 523, 534, 562, 568,
582, 584, 590, 596, 614, 615,
621, 703, 704, 707, 708, 709,
713, 714, 760, 782, 783, 788,
794–797, 803, 807, 810, 820,
821, 826, 828, 829, 831, 841,
853, 854
- Галанскова Е.Т.**
471, 707, 826
- Галилей Г.**
210, 459, 656
- Галич А.А.**
330, 341, 354, 632, 786, 788,
801, 846, 855, 857
- Галчинский И.К.**
362
- Гамзатов Р.Г.**
250, 251, 281, 507, 565, 568,
779, 780, 785
- Гамсахурдиа К.С.**
236
- Гарбузенко Я.Л.**
34, 39, 124, 314, 403, 422,
707, 806, 831

- Гастев Ю.А.**
69, 83, 144, 251, 638, 704,
707, 785, 821, 853
- Гаузнер Г.О.**
626
- Гачев Г.Д.**
452, 619, 823
- Гашек Я.**
454, 643
- Гаяускас Б.**
348, 365, 368, 478, 523, 707,
828, 836
- Геврич Я.Б.**
307, 309, 316, 329, 374, 375,
450, 708, 717, 755, 795, 811,
849
- Гегель Г.В.Ф.**
349, 412
- Гейне Г.**
10, 26, 363, 587, 623, 841
- Гелескул А.А.**
118, 227, 387, 441, 474, 536,
750, 803, 838
- Гельвеций К.А.**
183
- Гельдерлин Ф.**
841
- Герлин В.А. (Вава)**
585, 622, 854
- Герман Ю.П.**
386, 401, 418, 443
- Герц Л.В.**
764
- Герц М.Я.**
764
- Герцен А.И.**
257, 297, 348, 366, 393, 426,
427, 501, 570, 780, 810
- Герчук Лена**
400, 424–426, 435, 442, 456,
477, 521, 524, 543, 544, 603,
605, 610, 620, 639, 708, 815
- Герчук Ю.Я.**
91, 98, 107, 118, 122, 146,
155, 177, 201, 213, 220, 221,
235, 236, 239, 246, 256, 262,
272, 283, 294, 305, 308, 312,
345, 377, 388, 400, 405, 406,
425, 453, 454, 472, 473, 477,
501, 514, 521, 551, 564–567,
569, 572, 581, 582, 592, 593,
595, 598, 599, 607, 612, 617,
619, 620, 628, 629, 633, 634,
637–642, 701, 708, 745, 762,
770, 775–777, 799, 802, 812,
827, 836, 852, 856
- Герцуки**
41, 53, 145, 161, 181, 242,
270, 286, 399, 400, 405, 422,
449, 469, 516, 540, 565, 577,
581–592, 815, 847
- Геттуев М.**
839
- Гёте И.В.**
172
- Гжицкий В.З.**
44
- Гинзбург А.И.**
14, 155, 161, 168, 328–330,
332, 333, 336, 338, 339, 341,
342, 344, 346, 348–351, 357,
360–370, 375, 378, 381–383,
385, 386, 388, 392–395, 397–
399, 407, 409–413, 415–419,
422, 426, 429, 431–433, 435,
437, 439, 441–444, 447, 449,
451, 452, 454, 456, 458, 459,
461, 464, 465, 471, 472, 476,
480, 481, 484, 485, 487–489,
494, 501, 507, 510, 515, 522,
523, 527, 539, 544, 556, 568,
584, 585, 590, 596, 602, 603,
614, 615, 621, 625, 639, 645,
703, 704, 707, 708, 709, 712–
714, 719, 754, 756, 758, 760,
782, 783, 788, 794–796, 798,
799, 801–804, 806, 807, 810,
813, 816, 817, 819–821, 823,
826–832, 834, 837, 838, 845,
851, 853, 857

- Гинзбург Л.В.**
244, 538, 571, 594, 778, 788,
838, 840, 845, 849, 850
- Гинзбург Л.И.**
154, 163, 292, 378, 385, 393,
399, 422, 430, 443, 444, 452,
481, 487, 489, 515, 518, 530,
532, 572, 603, 709
- Гитерман А. (Нэта, Рыжая)**
38, 54, 55, 114, 128, 130, 150,
443, 451, 709, 734, 749, 858
- Гитерман Аня**
54, 709
- Гитерман М.Р.**
54, 55, 150, 220, 221, 363,
451, 709
- Гитерман Р.**
571
- Гитерманы**
41, 142, 273, 400, 571, 622,
756
- Глинка И.Г.**
31, 33, 35, 41, 46, 50, 56, 64,
69, 77, 80, 90, 98, 105, 107,
122, 126, 127, 134, 144, 145,
158, 161, 165, 173, 186, 193,
196, 198, 211, 213, 220, 224,
228, 241, 258, 264, 265, 305,
306, 314, 333–335, 338, 340,
346, 347, 350, 353, 355, 359,
367, 377, 382, 385, 388, 389,
392, 395, 396, 417, 427, 434,
435, 439, 443, 444, 449, 452,
456, 457, 461–463, 470, 474,
475, 478, 485, 486, 489, 503,
516, 518, 540, 543, 544, 546,
563, 586, 591, 596, 597, 600,
606, 610–612, 617, 626, 628,
638, 643, 644, 714, 729, 770,
802, 822, 851, 853, 858. *См.*
также **Левины-Глинки**
- Глинка Ф.Н.**
593
- Глумов А.Н.**
546
- Гнедин Е.А.**
238, 244, 513, 514, 606, 776–
778, 835, 851
- Гнедина Н.М.**
238
- Говард Дж.**
295, 788
- Гоген П.**
580, 599, 633
- Гогоберидзе Л.Л.**
754
- Гоголь Н.В.**
473, 796, 856
- Гойя Ф.**
257, 258, 780
- Големба А.С.**
537, 838
- Голицын И.В.**
597, 617
- Голицын М.М., генерал-адмирал**
145
- Голицын М.М., фельдмаршал**
145
- Головачева А.В.**
118
- Голомшток И.Н.**
38, 286, 401, 499, 579, 609,
709, 730
- Голомштоки**
141, 249, 555, 779
- Голосовкер Я.Э.**
53
- Голсуорси Д.**
504
- Голубенко И.**
403
- Голубовская Нина**
60, 107, 115, 147, 221, 277,
473, 604, 718, 748
- Гольденберг И.С. (Граф)**
50, 115, 246, 709, 733, 749
- Гончар О.**
307, 349
- Горбаневская Н.Е.**
237, 238, 247, 249, 250, 310,
345, 362, 364, 368, 371, 401,

- 410, 438, 477, 485, 510, 516,
522, 529, 530, 569, 590, 607,
614, 621, 640, 710, 776, 797,
798, 803, 805, 835, 842, 848,
852, 854–856
- Горбаневский Ясик**
365, 437, 530, 710, 797, 803
- Горбовский Г.Я.**
334, 383, 770, 796
- Гордин Я.А.**
506
- Горыни, братья**
708, 765, 849
- Горынь Б.Н.**
717, 752, 755, 849
- Горынь М.Н.**
717, 755, 782, 849
- Горынь О.П.**
782
- Горький А.М.**
33, 158, 231, 466, 551, 732
- Готье Т.**
623, 632–634, 646, 855, 857
- Гофман Э.Т.А.**
449
- Грабарь И.Э.**
589
- Грабарь С.И.**
438, 821
- Гранин Д.А.**
341, 798
- Грассо Дж.**
448, 823
- Граф см. Гольденберг И.С.**
- Гребнев Н.И.**
507, 834
- Грезин В.**
403
- Грекова И.**
126, 244, 254, 778, 780
- Грибачев Н.М.**
570, 845
- Григ Э.**
145, 546, 547, 557
- Григоренко А.П.**
636, 856
- Григоренко З.М.**
562, 632, 856
- Григоренко П.Г.**
424, 426, 636, 710, 815, 842,
848, 854, 856
- Грин Г.**
81, 153, 564, 842
- Грингольц А.С.**
37, 192, 371, 710, 736. *См.*
также Заксы
- Грицай Г.П.**
29, 201, 260, 499, 618, 727,
768, 833, 853
- Гроссман В.С.**
549
- Грубин Фр.**
554, 560, 749, 840
- Гудиашвили Л.**
476
- Гуковский Г.А.**
555
- Гулям Г.**
749
- Гуно Ш.**
172
- Гурный Р.А.**
342, 799
- Гюго В.**
201, 237
- Давыдов Ю.Н.**
272, 301, 790
- Дали С.**
129
- Даль В.И.**
181, 192, 314, 766
- Данин Д.С.**
727
- Даниэль Александр**
23, 28, 33, 35, 36, 38, 41, 46,
47, 49, 50, 53, 56, 61, 62, 65,
70, 72, 74, 76, 81, 91, 93, 94,
97-99, 108, 110, 116, 119,
121, 122, 127, 137, 142, 147,
151, 152, 157, 158, 161, 169,
176, 181, 182, 184, 191, 192,
200, 206, 209, 212, 213, 217,

- 219, 221, 224, 228, 231, 233, 236, 239, 240, 245, 271, 277, 280, 282, 290, 297, 299, 300, 304, 315, 316, 325, 341, 344, 346, 354, 362, 364; далее по тексту писем – всюду; 704, 706, 724, 730, 742, 747, 774, 775, 777, 781, 784, 786, 789, 801, 805–809, 812, 813, 815, 817, 820, 821, 824–826, 834, 840, 842, 846
- Даниэль М.М.**
8, 9, 221, 399, 552, 710, 772, 779, 795, 811, 840, 852, 854
- Данте Алигьери**
235, 246, 264, 692
- Дебюсси К.**
365
- Дега Э.**
109
- Дежуров Н.С.**
734
- Дейч Ал.**
841
- Делоне В.Н.**
760, 805, 808, 854
- Дементьев А.Г.**
502, 833
- Демидова А.С.**
628
- Державин Г.Р.**
469, 557, 609, 857
- Джером Дж.К.**
167
- Джойс Дж.**
190, 557
- Джусойты Н.**
839
- Дзержинский Ф.Э.**
794
- Дидро Д.**
179
- Диккенс Ч.**
163, 313, 612
- Дисней У.**
400
- Дмитрюк А.Н.**
849, 850
- Добровольский А.А.**
703, 707, 708, 714, 760, 782, 783
- Долгопольский А.**
170, 760
- Долгорукий В.В.**
145
- Долгорукий В.Л.**
145
- Долматовский Е.А.**
172, 760
- Дольберг А.**
857
- Домшлак М.И. (Марина Фаюм)**
25, 51, 63, 80, 92, 121, 141, 146, 182–185, 189, 191, 192, 194, 198, 220, 221, 234, 236, 244, 245, 252, 262, 283, 311, 312, 316, 328–330, 345, 354, 355, 358, 359, 364, 372, 373, 385, 387, 400, 401, 405, 406, 422, 424, 425, 434, 435, 477, 485, 511, 521–524, 545, 546, 551–553, 559–561, 565, 580, 592, 594, 608, 609, 617, 618, 629, 633, 635, 639, 646, 708, 762, 764, 776, 777, 799, 802, 812, 841, 855, 857, 858. См. также Герчуки
- Достоевский Ф.М.**
37, 53, 194, 231, 265, 275, 459, 460, 473, 474, 482, 483, 825
- Драгунский В.Ю.**
549
- Драч И.Ф.**
28, 104, 131, 149, 156, 157, 177, 283, 553, 554, 718, 727, 739, 746, 752, 757
- Дремлюга В.А.**
575, 581, 597, 805, 808, 834
- Дремов А.К.**
506

- Друнина Ю.В.**
136
- Дубровская Г. 628, 855**
- Дудин М.А.**
536
- Дужинский В.М. (Роман)**
45, 229, 370, 469, 728, 729,
774, 826
- Думбадзе Н.В.**
754
- Дымшиц А.Л.**
79, 131, 304, 597, 639, 742,
752
- Дюма А.**
96, 146
- Дюрренматт Ф.**
89, 566, 643
- Дюфи Р.**
607
- Евгеньев Б.**
778
- Евтушенко Е.А.**
13, 51, 214, 241, 439, 463,
588, 733, 797, 848
- Егоров П.И.**
13, 180, 339, 762, 797
- Екатерина II, имп.**
471, 791, 823, 826
- Еремин Д.И.**
708, 714, 750
- Ершов П.П.**
468
- Есенин С.А.**
120, 244, 463, 521, 580, 744
- Ефрем Сири**
633
- Ефремов И.А.**
522, 593, 849
- Жалакявичюс В.**
755
- Живов В.М.**
236
- Жирмунская Т.А.**
308
- Жолио-Кюри Ф.**
627
- Жорж Санд**
768
- Жолковская И.С. (Арина)**
338, 343, 362, 364-366, 369,
375, 377, 379, 383, 385, 391-
393, 395, 398, 399, 407, 413-
415, 418, 420, 426, 429, 430,
434-437, 442-444, 447-449,
451, 452, 454, 456-458, 461,
465, 469, 471, 472, 477, 478,
480-482, 484, 487, 494, 507,
510, 511, 515, 518-520, 522,
529, 530, 534, 539, 541, 543,
544, 546, 565, 567, 568, 574,
582, 584, 585, 589, 590, 596,
601, 602, 612, 614, 615, 625,
627, 632, 633, 640, 645, 708,
718, 803, 804, 817, 821, 826-
830, 832, 837, 844, 847, 851,
853, 858
- Заболоцкий Н.А.**
578
- Завальнюк Л.**
414
- Загряжская Н.К.**
844
- Задонские**
404, 812
- Закс Е.В. (Алена)**
37, 71, 110, 134, 168, 169,
191-193, 195, 222, 241, 245,
253, 255, 259, 420, 427, 432,
525, 548, 593, 609, 610, 617,
710, 736, 739, 753, 760, 780,
784, 827, 858
- Закс Е.М.**
35, 37, 60, 93, 125, 140, 163,
184, 192, 195, 207, 220, 222,
238, 259, 424, 427, 476, 537,
539, 547, 548, 553, 558, 565,
571, 572, 592, 593, 610, 710,
736, 741, 769, 827, 841, 858
- Заксы**
136, 147, 265, 520, 753
- Заливаха А.И. (Панас)**
173, 186, 469, 717, 765, 826

- Зарицкая Е.М.**
484, 578, 719, 829, 846
- Засулич В.И.**
233
- Захаров Е.Ю.**
29, 126, 317, 386, 531, 711, 727
- Захаров Женя («Базиль»)**
386, 539, 624, 711
- Захарова Саша**
107, 386, 531, 595, 608, 616,
621, 711, 807, 808
- Захаровы–Рахлины**
807
- Звездинский К.**
831
- Здоровец Б.М.**
369, 472, 534, 786, 790, 796,
826
- Зефельд Т.**
403
- Зеликсон Б.М.**
615, 717, 735, 803, 807, 853
- Зелинский К.Л.**
518, 835
- Зенкевич М.А.**
143
- Зернов Б.**
561
- Зиганшин А.**
285, 785
- Зиельниекс Я.**
406, 439, 700, 858
- Зиминая О.Г. (Алла Григорьевна,
Алла)**
36, 113, 114, 227, 390, 391,
413, 418, 434, 435, 443, 446,
478, 483, 498, 513, 519, 525,
544, 559, 573, 591, 600, 613,
633, 645, 705, 730, 732, 739,
743, 744, 748, 762, 792, 823,
835, 839, 842. *См. также Бого-*
разы–Зимины
- Злобина Алена (Ляля)**
88, 161, 195, 196, 248, 386,
393, 414, 422, 480, 518, 541,
587, 645, 711
- Злобина М.Л.**
38, 63, 74, 83, 88, 95, 96, 101,
103, 105, 118, 140, 141, 143,
185, 195, 207, 213, 220, 238,
246, 248, 252, 254, 323, 332,
342, 364, 377, 383, 385, 386,
391–393, 398, 410, 413, 414,
416, 418, 420, 434, 435, 440,
466, 468, 479, 485, 518, 525,
540, 541, 645, 711, 779, 780,
805, 813
- Золотаревская Вера**
167, 418, 426, 711
- Золотаревская Э.М.**
85, 204, 301, 323, 424, 711
- Золотаревский Б.Л.**
56, 60, 95, 110, 111, 142, 145,
149, 163–165, 167, 175, 196,
209, 213, 214, 216, 301, 346,
357, 399, 435, 436, 555, 605,
617, 627, 711, 734, 744, 770,
782, 831
- Золотаревский Леня**
115, 187, 213, 569, 711
- Золотаревские**
248, 399, 476, 516, 604
- Зощенко М.М.**
167, 429, 524, 737, 816
- Зульфиа**
116, 749
- Ибаррури Д.**
814
- Ибрагимова С.**
123, 220, 751, 772
- Ибрагимова (?) Ася**
220, 772
- Ибсен Г.**
212, 213, 546, 547
- Иван IV Грозный, царь**
501, 521, 566
- Иванов А.А.**
518
- Иванов В.**
210
- Иванов Вс.Вяч.**
851

- Иванов Вяч.Вс. (Кома)**
84, 334, 478, 742, 796, 797
- Иванов Л.**
354, 801
- Иванов Н.В.**
582, 590, 847
- Ивинская О.В.**
95, 744, 762
- Ивич А.**
568, 844
- Ильина Н.И.**
57, 245, 459, 735, 778, 824,
825
- Ильф И.**
88, 97, 101, 148, 213, 220,
744, 780
- Иодковская Л.А.**
91, 93, 163, 382, 597, 711,
851
- Иокубинас К.**
626, 732, 855
- Ионеско Э.**
112
- Иофе В.В.**
503, 717, 735, 807, 834, 853
- Иофе, семья**
615
- Искандер Ф.А.**
110, 471, 780
- Исса, соллагерник Ю.Д.**
261, 416, 433, 781, 814
- Кабалевский Д.Б.**
399
- Кабо Л.Р.**
553
- Каверин В.А.**
57, 69, 735, 739
- Каганов И.Я.**
200, 217, 423, 712, 768
- Каганов М.И.**
69, 116, 166, 200, 216, 217,
305, 308, 359, 372, 422–424,
520, 711, 797
- Каганова Е. (Елка)**
200, 217, 712
- Каганова З.И.**
56, 63, 64, 110, 111, 116, 121,
210, 241, 422, 423, 520, 711
- Каганова Инна**
424, 712
- Кагановы**
141, 200, 616, 622
- Казакевич Э.Г.**
292
- Казаков Ю.П.**
210, 214, 488, 770, 831
- Казаровец Н.**
709. См. также Голомштоки
- Каллистратова С.В.**
621, 854
- Калниньш В. (Борода, Рыжий)**
84, 159, 160, 163, 164, 167,
172, 179, 184, 186, 187, 205,
206, 218, 225, 238, 247, 250,
252, 263, 267, 268, 272, 276,
280, 286, 293, 296, 297, 299,
301, 305, 307, 318, 320, 332,
348–350, 355–357, 360, 361,
368, 370, 378, 397, 407, 411,
418, 430, 439, 440, 444, 462,
478–480, 484–486, 489, 501,
523, 526, 543, 568, 613, 626,
712, 719, 786, 810, 816, 817,
828, 829, 847
- Калягин А.А.**
584
- Камознс Л., ди**
231
- Кампо Э., дель**
760
- Камю А. 388,**
553
- Кандинский В.В.**
574
- Капицыньш Я.**
264, 301, 318, 329, 341, 344,
345, 347–349, 351, 353, 355,
357, 361, 367, 370, 373, 378,
385, 396, 398, 401, 407, 416,
431, 436, 444, 448, 457, 458,

- 462, 485, 501, 507, 523, 573,
582, 712, 725, 781, 784, 799,
821, 834, 847
- Каплер А.Я.**
136, 588, 753
- Караванская (Строкатова) Н.А.**
80, 143, 163, 248, 400, 435,
712
- Караванский С.И.**
83, 153, 712, 742, 756
- Карамзин Н.М.**
369, 521
- Кардин В.**
503
- Каржавин Ф.В.**
235, 246, 473, 521, 775, 827,
835
- Кариф А.**
744. *См. также Кишиловы*
- Катаев В.П.**
298, 770, 789
- Катаев И.И.**
476, 488
- Катулл (Гай Валерий Катулл)**
644
- Кафка Ф.**
27, 164, 186, 190, 331, 481,
557, 585
- Кац Л.А.**
555, 841
- Качалов В.И.**
512
- Кашкин И.А.**
406
- Кеннеди Р.**
13
- Квитко Л.М.**
9
- Квятковский А.П.**
467
- Кедрин Д.Б.**
468, 569, 825, 845
- Кедрина З.С.**
265, 297, 321, 573, 733, 779,
781, 788, 812, 845
- Келдыш М.В.**
346, 730
- Кент Р.**
504, 690
- Ким Ю.Ч.**
275, 341, 432, 436, 751, 756,
761, 784, 798, 819, 821
- Кин В.П.**
840
- Кин Ц.И.**
553, 798, 840
- Кинель Е.**
403
- Киплинг Р.**
97, 105, 747, 788
- Кисенишский М.М.**
37, 90, 154, 743, 756
- Кичина Л.**
60, 144, 160, 437, 713
- Кишилов Н.Б.**
94, 744
- Кишиловы**
249, 525, 779
- Клейст Г.**
841
- Климанова Л.В.**
735, 807
- Ключевский В.О.**
612
- Кобо Абэ**
18, 74, 307, 507, 740, 793
- Ковалевская Н.П.**
309, 310, 341, 433, 791
- Ковалевская С.В.**
542
- Коваленков С.**
157, 420, 757
- Коваленкова Анастасия**
420
- Коган П.Д.**
759
- Когоут П.**
749, 830
- Когут Б.М.**
727

- Кожевникова Н.А.**
521, 836
- Козловский Я.А.**
123, 507, 834
- Кокорев А.С.**
436
- Коллинз У.**
113
- Колмогоров А.Н.**
181, 182
- Колосков А.**
352, 801
- Кольцов М.Е.**
534, 551, 552
- Кон И.**
798
- Кондратович А.И.**
844
- Конецкий В.В.**
283, 285, 287, 296, 785
- Кони А.Ф.**
232, 452
- Конопинский Л.**
513
- Кончаловский П.П.**
504
- Коонен А.Г.**
546
- Копелев Л.З.**
301, 393, 424, 426, 430, 476,
713, 714, 746, 761, 821
- Копелева Майя см. Русаков-
ская М.Л.**
- Коренева Е.А.**
399
- Коржавин Н.**
74, 76, 79, 741
- Корнейчук А.Е.**
256, 359, 802
- Корнилов В.Н.**
51, 110, 238, 246, 733, 776
- Короленко В.Г.**
749
- Коротич В.А.**
104, 116, 718, 746, 749
- Корсунская И.В.**
463, 464, 472, 480, 485, 487,
517, 519, 529, 532, 534, 536,
539, 540, 546, 555, 562, 563,
568, 569, 574, 587, 588, 596,
607, 612, 614, 617, 618, 621,
632, 636, 637, 640, 645, 713,
820, 828, 829, 837, 841, 842,
848, 853
- Корсунский А.С.**
532, 827
- Корчак Я.**
206, 632, 855
- Корытная С.**
275, 642, 784
- Косолапов В.А.**
576, 844, 846
- Костенко Л.В.**
101, 455, 511, 546, 595, 714,
718
- Костер Ш., де**
540
- Костюковский Я.А.**
743
- Кочарян С.А.**
512
- Кочетков А.С.**
605, 851
- Кочетов В.А.**
172, 237, 285, 297, 321, 327,
548, 553, 561, 572, 573, 575,
820, 840, 847
- Кочубей И.Н.**
535, 539, 549, 573, 838, 845
- Кочур Г.П.**
476, 481, 482, 828
- Кошлик Р.С.**
444, 456, 461, 469, 480, 481,
714, 822, 825, 826
- Крамер С.Н.**
199
- Красин В.А.**
539, 838
- Краснопевцев Л.Н.**
716

- Кремянская А.Я.**
213, 216, 714, 770
- Кривцов Г.**
522, 526, 574, 836, 846
- Кривых Ю.А.**
141, 754
- Кристи А.**
153, 190, 207, 373
- Кристи И.Г.**
562, 618, 842
- Критские, братья**
640
- Кропоткин П.А.**
286
- Крупская Н.К.**
57
- Крылов И.А.**
30, 770, 854
- Кугультинов Д.Н.**
116, 558, 749
- Кудрявцева И.П.**
41, 42, 60, 61, 63, 64, 66, 69,
83, 90, 91, 94–96, 104, 105,
109, 121, 122, 128, 129, 141,
142, 145, 150, 161, 163, 177,
183, 185, 209, 226, 228, 235,
245, 249, 270, 279, 280, 340,
372, 429, 430, 520, 543, 544,
546, 622, 714, 772, 797, 858
- Кузмин М.А.**
50, 733
- Кузнецов А.В.**
71, 561, 601, 838, 841, 851
- Кузнецов П.С.**
739
- Кулиев К.Ш.**
805, 839
- Куликов С.**
734
- Кульчицкая Е.**
613
- Куняев С.Ю.**
260
- Купинский З.**
513
- Кустодиев Б.М.**
510
- Кучеренко О.М.**
275, 317, 332, 339, 340, 343,
350, 370, 377, 400, 417, 428,
429, 483, 486, 531, 596, 705
- Кушев Е.И.**
760, 841
- Лабазов А.А.**
193, 201, 803
- Лавренев Б.А.**
503
- Лажечников И.И.**
471
- Лакло П.А.Ф. Шодерло, де**
176, 212
- Лакшин В.Я.**
110, 558, 748, 841, 844
- Лашкова В.И.**
397, 454, 488, 703, 707, 708,
714, 760, 782, 783, 810, 831
- Лебедев А.А.**
104, 373, 374, 747, 752, 805
- Левин Глеб**
127, 198, 225, 397, 443, 462,
470, 476, 478, 486, 516, 540,
587, 626, 629, 714
- Левин Ю.И.**
48, 56, 91, 93, 95, 101, 104,
121, 126, 134, 135, 140, 152,
156, 165, 187, 196, 224, 241,
259, 283, 294, 298, 301, 334,
378, 385, 387, 390–392, 395,
427, 435, 449, 470, 478, 487,
488, 516, 540, 560, 561, 563,
572, 589, 590, 598, 601, 606,
612, 619, 638, 701, 714, 732,
744, 746, 757, 772, 785, 789,
809
- Левины-Глинки**
46, 60, 89, 198, 396, 400, 403,
410, 449, 516
- Левинтон А.**
823
- Левитанский Ю.Д.**
514, 552

- Левитин Е.С.**
597, 851
- Лежнев А.**
831
- Лейкина Н.**
495
- Лем С.**
534, 566
- Лемпорт В.**
786
- Ленин В.И.**
57, 131, 166, 200, 466, 809,
825, 847, 853
- Леонов Л.М.**
534, 603, 638
- Лепорк М.Б. (Марина Бурас)**
39, 98, 99, 123, 399, 402–404,
407, 456, 706, 811, 812. См.
также **Бурасы**
- Лепский Г.С.**
759
- Лермонтов М.Ю.**
355, 521, 801
- Лесков Н.С.**
236, 494, 551, 552
- Лесникова А.П.**
621, 854
- Лец Е.**
62, 495, 496, 500, 502, 737
- Лещенко П.К.**
751
- Ливий (Тит Ливий)**
349
- Лившицы**
404, 812
- Лисовская Н.П.**
414, 813, 814
- Литвинов М.М.**
777, 794, 809, 851
- Литвинов П.М.**
207?, 346, 432, 501, 522, 543,
567, 601, 618, 637, 713, 768,
788, 793, 798, 805, 808, 809,
813, 816, 820, 833, 841, 842,
853
- Литвинова Лариса**
567
- Литвинова Майя см. Русаков-**
ская М.Л.
- Литвинова Т.М.**
393, 394, 714, 810, 841
- Лифшиц М.А.**
156, 253, 304, 757, 780
- Ломоносов М.В.**
623, 624
- Лондон А.**
711, 856
- Лорен С.**
104, 142, 562
- Лорка Ф.Г.**
44, 150, 470, 476, 484, 570,
612, 626, 681, 845
- Лысенко Т.Д.**
824
- Лысогоров Н.**
308, 558
- Львов Н.А.**
560, 841
- Львов С.Л.**
297, 373, 779, 805
- Льюис Н.**
507
- Любимов, лагерный врач**
827, 828
- Любошиц Э.**
456, 824
- Лютер М.**
262, 381, 399, 807
- Маврина Т.А.**
549, 551, 555, 590
- Майер К.-Ф.**
61, 506, 737
- Майзель Ф.Л.**
220, 772
- Макарова Т.К.**
34, 44, 69, 122, 128, 156, 157,
420, 715, 729, 731, 757, 761
- Максимов В.Е.**
274, 279, 296, 783, 784, 789
- Маламуд Б.**
274, 278, 783

- Малевич К.С.**
574
- Малкин Л.М.**
618, 853
- Мамин-Сибиряк Д.Н.**
252
- Мандельштам О.Э.**
48, 95, 122, 139, 190, 210,
581, 611, 616, 624, 641, 744,
754, 766, 769
- Манн Т.**
585, 591, 616, 622
- Мао Цзедун**
76, 185, 584
- Маре Ж.**
353
- Маркиш П.Д.**
9
- Марков Г.М.**
131, 263
- Маркс К.**
141
- Марр Н.Я.**
285, 785
- Марсо М.**
401, 811
- Мартынов Б.А.**
277, 718
- Мартынов Л.Н.**
101, 475
- Мартынова А.Л.**
60, 147, 220, 221, 277, 473,
604, 718
- Марченко А.Т. (Глухой)**
19, 21, 63, 65, 83, 85, 96, 126,
130-132, 142, 145, 147, 150-
152, 154, 163, 166, 168, 170,
178, 201, 208, 235, 248, 378,
414, 522, 535, 564, 569, 704,
715, 733, 747, 750, 752, 756,
758, 760, 775, 782, 787, 791,
814, 836, 840, 842, 846
- Маршак С.Я.**
207, 230, 440, 458, 536, 643,
747, 774, 807
- Марьянович А.**
505
- Масютко М.С.**
717, 849
- Матвеева Н.Н.**
790
- Матисс А.**
28, 549, 552, 555, 599, 603,
605, 633
- Мацаев В. (Мац)**
161, 758
- Мачадо А.**
150
- Маяковский В.В.**
13, 62, 140, 240, 254, 352,
573, 580, 607, 756, 774, 801
- Медведева Л.И.**
471, 720. См. также **Футманы**
- Межиров А.П.**
301
- Мейерхольд В.Э.**
347, 357, 358, 448, 757
- Мельников В.В.**
785
- Мельников-Печерский А.**
252
- Мельчук И.А.**
84, 575
- Меникер В.Д.**
596, 850, 852
- Меникер Даниэль**
596, 613, 617, 618, 852, 853
- Меньшиков В.Б.**
716
- Меньшутин А.Н.**
499, 754
- Меньшутина Л.И.**
754
- Меньшутины**
141, 249, 779
- Милн А.-А.**
190
- Мильчин Л.И.**
210, 281, 359, 769, 785
- Миркина З.А.**
383

- Мистраль Ф.**
150
- Мифтахутдинов, литератор**
520
- Михайлов М.**
89, 743
- Михайлов О.Н.**
499, 833
- Михалков С.В.**
214, 249, 321, 344, 535, 770
- Мицкевич А.**
238
- Модильяни А.**
401, 444, 481, 607
- Можаев Б.А.**
748
- Мольер Ж.Б.**
61, 62, 123, 751
- Монтан И.**
856
- Мопассан Ги, де**
322
- Мориц Ю.П.**
51, 733
- Морозов Н.А.**
621, 854
- Мошков С.Н.**
82, 162, 163, 167, 184, 203,
205, 206, 247, 250, 252, 256,
267, 268, 280, 293, 301, 303,
306, 310, 331, 350, 357, 360,
364, 369, 383, 385, 405, 416,
417, 419, 430, 444, 450, 451,
456, 457, 461, 484, 486, 487,
503, 517, 530, 541, 543, 545,
567, 579, 614, 625, 715, 717,
735, 742, 758, 759, 782, 786,
791, 796, 803, 807, 824, 825,
828–830, 834, 835, 839
- Мошкова И.Н.**
349, 456, 824
- Мрожек С.**
225, 773
- Муренков, зам.начальника ИТЛ**
299
- Муха Р.Г.**
107, 405, 748, 812
- Мушта Г.**
796
- Мхеидзе Г.**
169, 281, 760, 785
- Мюге С.Г.**
435, 820
- Набатов И.**
504
- Надель Х.С.**
371, 804
- Накашидзе А.Н.**
41, 43, 49, 57, 58, 63, 64, 70,
75, 81, 83, 94–96, 184, 215,
229, 370, 471, 505, 534, 572,
715, 726–728, 732, 750, 826
- Наполеон I, имп.**
771
- Наровчатов С.С.**
504
- Наталья Петровна, учительница Ю.Д.**
216, 770
- Наумов И.Н.**
436
- Невлер Л.И.**
145, 158, 161, 213, 218, 235,
246, 248, 251, 715, 770
- Незвал В.**
749
- Некрасов В.П.**
57, 161, 180, 192, 342, 514,
532, 550, 735, 748
- Некрасов Н.А.**
442, 466, 767, 795, 798, 822
- Немировская И.**
280
- Непот (Корнелий Непот)**
303
- Нечерда Б.**
546
- Никитина С.Е.**
140, 154, 239, 294, 427, 715,
737, 815

- Никлус М.-О.**
88, 93, 152, 284, 424, 626,
716, 743, 855
- Николаев Е.В.**
358, 366, 802
- Николай I, имп.**
630, 790, 839
- Николай II, имп.**
630
- Никольская А.Н.**
98, 466
- Никольский В.Н.**
98, 532, 745
- Никольские**
555
- Нилин П.Ф.**
37, 553, 730
- Норвид Ц.К.**
542, 576
- Ньютон И.**
602
- О.Генри**
198, 504
- Оболенская Вики**
136
- Овчаренко А.И.**
588, 635, 844, 848, 856
- Овчинников В.В.**
851
- Огарев Н.П.**
780
- Огурцов И.В.**
854
- Окуджава Б.Ш.**
15, 36, 51, 85, 109, 166, 184,
227, 355, 413, 455, 547, 730,
731, 733, 736, 748, 766, 769,
780, 792, 808, 816, 824, 840,
848
- Олдридж Дж.**
332, 796
- Олеша Ю.К.**
167, 239, 504, 800
- Омар Хайям**
303
- Оношкович-Яцына А.И.**
788
- Орехов Ю.П.**
49
- Орлова Р.Д.**
537, 713
- Осадчая О.**
424, 427
- Осадчий М.Г.**
424, 427, 708, 717, 752, 755,
765, 849
- Островская Л.Е. (Ляля)**
383, 538, 564, 565, 577–579,
586, 592, 605, 607, 608, 612,
614, 636, 716, 807
- Островский Н.А.**
304
- Ошанин Л.И.**
774
- Павленко П.А.**
30, 727, 728
- Павлинов, переводчик**
553
- Павлова Катя**
521, 836
- Павлова Н.И.**
521, 545, 568, 586, 600, 836
- Пажитнов Л.Н.**
767
- Палиевский П.В.**
833
- Пантелеев Л.**
207
- Панченко Н.В.**
210, 769
- Паперный З.С.**
344, 840
- Пастернак Б.Л.**
26, 37, 62, 165, 167, 199, 205,
230, 394, 514, 544, 550, 580,
583, 609, 681, 731, 736, 754,
759, 762, 767, 774, 782, 790,
797, 814, 839, 852
- Паустовский К.Г.**
147, 181, 203, 355, 511, 801

- Пахомов В.А.**
189, 207
- Пельтье Э.**
792
- Первенцев А.А.**
743
- Перепада А.О.**
449, 452, 476
- Пери Г.**
817
- Пестель П.И.**
840
- Петелин Г.**
114, 748, 749
- Петр I, имп.**
388, 602
- Петр Амьенский**
30, 343, 728, 799
- Петрарка Ф.**
264, 781
- Петров А.**
72, 184, 192, 223, 739, 764,
766, 772
- Петров В.**
757, 845
- Петров Е.П.**
88, 97, 220, 744, 780
- Петров-Агатов А.А.**
845
- Петров-Водкин К.С.**
89, 540, 549, 552
- Петровский И.Г.**
830
- Петровых М.С.**
118, 453, 624, 750
- Пикассо П.**
173, 388, 557, 580, 590
- Пинский Л.Е.**
597, 851
- Пиросмани Н.А.**
131, 253
- Платон**
180
- Платонов А.П.**
769
- Платонов В.М.**
440, 442, 444, 450, 451, 459,
461, 464, 466, 484, 523, 590,
716, 822, 828, 829, 837, 847,
854
- Плахотнюк Н.Г.**
400, 811
- Плеханов Г.В.**
115, 240, 255
- Плисецкая М.М.**
406
- Плужник Е.**
174
- Плутарх**
86, 349
- Поделков, журналист**
518
- Поженян Г.М.**
175
- Полевой Е.Г.**
193, 766
- Полежаев А.И.**
397
- Померанц Г.С.**
383, 807
- Портнов В.**
537
- Потемкин Г.А.**
454, 823, 844
- Потоцкий Я.**
416, 421, 427
- Примаченко М.А.**
131, 752
- Пришвин М.М.**
831
- Прокофьев А.А.**
616
- Пруст М.**
190, 557, 581
- Пугачев Е.И.**
521
- Пугачев Л.С.**
36, 63, 69, 101, 200, 275, 343,
400, 417, 531, 595, 596, 660,
716, 730, 736, 745, 760, 784,
814, 815, 850

- Пушкин А.С.**
80, 222, 287, 310, 355, 437,
462, 474, 521, 532, 550, 557,
568, 570, 584, 609, 630, 656,
755, 781, 791, 801, 803, 823,
844
- Пычко В.А.**
255, 709, 749
- Рабин О.Я.**
395, 464
- Рабле Фр.**
534, 576, 804
- Равель М.**
51
- Радзиевский П.**
760
- Радзинский Э.С.**
735
- Радищев А.Н.**
501, 521, 566, 567, 601, 656,
844
- Разин С.Т.**
460
- Разумный А.**
823
- Райкин А.И.**
386, 625
- Райнис Я.**
17, 41, 100, 224, 225, 745,
817
- Райт-Ковалева Р.Я.**
207, 536, 572, 741, 768, 783,
845
- Рамус П.**
249, 779
- Раскин А.Б.**
510
- Рассадин С.Б.**
245, 778
- Рафалович А.В.**
56, 148, 458, 481, 734, 828
- Рахлина М.Д.**
29, 33, 51, 61, 81, 92, 105,
107, 110, 111, 126, 128, 129,
146, 158, 171, 174, 200, 202,
239, 271–273, 275, 281, 317,
342, 343, 371, 385, 386, 399–
401, 410, 417, 424, 426, 436,
440, 461, 462, 483, 507, 529–
531, 534, 537, 543, 544, 562,
570, 594–596, 615, 616, 632,
639, 645, 711, 727, 729, 757,
793, 808, 811, 837, 858. См.
также Захаровы-Рахлины
- Ревич А.М.**
614
- Резепов Е.**
734
- Рекамье Ж., де**
530
- Рекемчук А.Е.**
844
- Рембо А.**
536
- Ремезов А.**
38, 730
- Рендель Л.А.**
70, 97, 101, 141, 153, 155,
160, 161, 163, 166, 167, 175,
179, 184, 186, 192, 203, 204,
209, 215–217, 219, 221, 224,
227, 238, 239, 242, 243, 246,
248, 249, 257, 259, 261–263,
266, 267, 270, 275, 276, 278,
280, 284, 299, 301, 309, 316,
329, 341, 346, 352, 363, 393,
418, 431, 433, 435, 452, 479,
480, 488, 495, 501, 598, 633,
716, 739, 768, 777, 780, 784,
789–791, 793, 800
- Рендель (?) Г.А., мать Л.А.Рен-
деля**
192, 239, 777
- Репин И.Е.**
395, 514
- Рерих Н.К.**
481
- Реформатская М.А.**
94, 744
- Рильке Р.М.**
61, 69

- Римский-Корсаков Н.А.**
118
- Роде Г.**
582?, 847
- Розанова М.В.**
13, 28, 38, 57, 69, 131, 216,
235, 254, 255, 268, 417, 481,
525, 703, 718, 730, 731, 752,
771, 777, 795, 809, 836. См.
также **Синявские**
- Розенберг А.Г.**
281, 785
- Рознер Э.**
122, 751
- Рокитянский В. (Швейк)**
454, 823
- Роллан Р.**
92
- Ромм М.И.**
66, 738, 812
- Ронкин В.Е. (Бен)**
160, 163, 164, 166, 167, 169,
179, 184, 194, 203, 204, 218,
228–231, 233–235, 237–242,
244, 247, 252, 255, 257, 259,
262, 263, 272, 275, 278, 280,
284, 286, 293, 294, 301, 303,
305, 306, 310, 329, 335, 337,
340, 343, 347–349, 352, 355,
357, 360, 361, 367–370, 378,
382, 385, 397, 407, 409, 420,
421, 430, 436, 439, 442, 444,
448, 450, 451, 457, 461, 462,
464, 479, 480, 484, 486–488,
492, 493–498, 501, 502, 507,
512, 513, 520, 528, 539, 549,
550, 555, 565, 579, 590, 598,
600, 610, 623, 642, 717, 735,
758, 774, 780, 781, 786, 791,
796, 797, 802, 803, 806, 807,
813, 815, 817, 828–830, 832,
834, 837, 840, 842, 853, 854
- Ронкина З.А.**
420, 472, 717, 762
- Ронкина И.Т.**
76, 164, 169, 179, 194, 203,
205, 228, 231, 233, 248, 336,
368, 424, 484, 487, 493, 546,
590, 717, 774, 775, 829
- Ронкина Марина**
436, 717
- Ростан Э.**
855
- Рудаков И.В.**
645
- Румянцев В.З.**
55, 63, 66, 77, 80, 83, 87, 96,
97, 112, 117, 120, 131, 132,
134, 136, 142, 144, 157–159,
163, 178, 187, 201, 215, 226,
350, 370, 374, 466, 498, 501,
522, 535, 717, 732, 758, 761,
762, 825, 836
- Румянцева (?) Н.А., мать В.З. Ру-
мянцева**
172, 761
- Русаковская М.Л.**
391, 393, 399, 416, 418, 429,
430, 501, 618, 713, 816, 833,
853
- Руссо Ж.Ж.**
179, 414, 580, 584
- Рустам С.**
116, 749
- Рутман Р.С.**
251, 255, 435, 780, 820
- Савицкий А.**
120
- Садомская Н.Н.**
37, 41, 53, 56, 60, 61, 64, 70–
72, 74, 78, 79, 86, 95, 98, 99,
103, 104, 111, 113, 128, 129,
143, 145, 146, 150, 156, 162,
163, 166, 177, 187, 192, 196,
198, 209, 210, 218, 219, 225,
228, 241, 249, 270, 271, 278,
294, 301, 306, 308, 344, 360,
378, 382, 385, 386, 390, 392,
394, 397, 398, 416, 418, 422,

- 424, 427, 436, 437, 454, 455,
459, 471, 486, 488, 556, 557,
560, 564, 565, 573, 599, 608,
615, 617, 632, 638, 639, 722,
730, 733, 737, 739, 745, 748,
767–769, 771, 802, 824, 830,
837, 858
- Саймак К.**
411
- Салтыков-Щедрин М.Е.**
344, 358, 373, 413, 576, 593,
597, 802
- Самойлов Д.С.**
15, 31, 51, 69, 79, 131, 277,
287, 423, 729, 733, 739, 742,
752, 792
- Самокиш-Судковская Е.П.**
178
- Самсонов В.З.**
829
- Сарнов Б.М.**
207, 298, 769
- Сароян У.**
792
- Сартаков С.В.**
104
- Сартр Ж.-П.**
27, 57, 735
- Сафо**
562
- Сац И.А.**
844
- Саша Черный**
273, 407, 782, 822
- Светличная Л. (Леля)**
718
- Светличная Н.А.**
249, 272, 283, 296, 319, 342,
718, 793, 843
- Светличные**
143, 400, 518, 564, 793
- Светличный И.А.**
56, 146, 174, 250, 296, 319,
418, 427, 470, 482, 601, 708,
717, 718, 734, 755, 765, 793,
811, 843, 849
- Светлов М.А.**
424, 512, 781, 831
- Светлова Н.Д.**
383, 396, 397, 419, 716, 718,
807, 814, 853
- Светов Ф.Г.**
244, 267, 778, 782
- Свифт Д.**
283, 593
- Севрук Г.**
174, 249, 332, 342, 360, 399,
452, 472, 633, 634
- Сегаль Г.**
69
- Сегаль Л.**
69
- Сезанн П.**
253
- Селин Л.**
581
- Сельвинская Т.И.**
794
- Сельвинский И.Л.**
290, 320, 343, 794
- Семенов М.Г.**
319, 793, 794
- Семенов Ю.Н.**
166, 759
- Сент-Экзюпери А., де**
17, 83, 112, 167, 180, 192,
200, 358, 415, 449, 678, 748,
781, 798
- Сервантес М., де Сааведра**
86, 231, 557
- Сергеев А.Я.**
48
- Сергеев-Ценский С.Н.**
293, 296
- Сергиевская Н.И.**
418, 478
- Сергун А.К.**
60, 147, 173, 195, 201, 211,
213, 216, 241, 245, 253?, 255,
277, 418, 429, 458, 472, 473,
520, 525, 527, 577, 580, 603,
718, 748, 770, 838

- Сержан Л.**
308, 558, 791
- Сиденко Ф.А.**
433, 555, 841
- Сидоров В.**
518, 642, 857
- Сидорова Т.**
642, 857
- Сидур В.А.**
287, 786
- Сидуры**
310
- Сикейрос Д.**
286
- Силис Н.**
786
- Симбардис Я.**
356
- Сименон Ж.**
190, 230, 303, 351
- Симоненко В.А.**
101, 104, 745, 747
- Симонов К.М.**
504
- Синьоре С.**
856
- Синявские**
147, 795, 809, 824
- Синявский А.Д.**
7, 9, 11–14, 16, 19, 20, 25,
27–29, 34, 38, 42, 44, 57, 60,
65, 68, 98, 113, 127, 129, 136,
138, 146, 154, 161, 166, 170,
172, 178, 187, 189, 208, 215,
216, 226, 244, 250, 282, 297,
310, 312, 320, 363, 372, 419,
434, 435, 442, 458, 466, 488,
498, 499, 501, 527, 552, 580,
600, 625, 703, 704, 706–709,
711, 713, 714, 716, 718, 721,
724, 726, 727, 729–731, 733,
735, 738, 741, 742, 744–746,
749–751, 753, 754, 758–762,
765, 769–771, 774, 776–779,
782–784, 788, 792, 796, 800,
804, 809–812, 815, 820, 822,
824, 828, 831, 833, 837, 842,
845, 847, 850, 856
- Синявский Егор**
35, 147, 254, 525, 719, 836
- Скирда Л.**
500, 534, 554
- Скловская-Кюри М.**
542
- Сковорода Г.С.**
349
- Скорино Л.И.**
356
- Скотт В.**
15, 497
- Скрябин А.Н.**
365
- Скуниец К.**
16, 44, 70, 97, 118, 126, 134,
150, 153, 215, 225, 243, 245,
251, 253, 370, 432, 484, 489,
529, 543, 545, 554, 626, 694,
712, 719, 731, 739, 753, 777,
779, 780, 799, 816, 817, 829,
836, 837, 847, 849, 855, 858
- Скуиня А.**
510
- Скупинский З.**
513
- Славич-Приступа С.К.**
296, 537, 550, 592, 719, 838,
840
- Сланский Р.**
856
- Словацкий Ю.**
564, 843
- Слоним М.И.**
555, 841
- Смеляков Я.В.**
460
- Смирнов Л.Н.**
166, 178, 759, 762, 788, 814
- Смирнов С.В.**
262, 263, 587, 781, 853
- Смирнов С.С.**
615, 840, 848, 853

- Смирнов-Сокольский Н.П.**
637
- Смолкин В.М.**
164, 215, 365, 517, 530, 543,
545, 568, 596, 614, 625, 717,
735, 807, 835, 839, 852, 855
- Смолкин Юлик**
613, 618, 625, 626, 852, 855
- Смолкина Р.**
530, 543, 545, 625, 626
- Соболев Л.С.**
589, 770, 848
- Солженицын А.И.**
32, 311-313, 446, 707, 718,
729, 772, 773, 776, 779, 785,
792, 822, 845, 848
- Соловьев В.С.**
532, 837
- Соловьев С.М.**
612
- Соловьева И.Н.**
400, 606, 851
- Солонович Е.М.**
250, 779
- Солоухин В.А.**
194, 563, 766
- Сорока Б.М.**
578, 719, 794, 846
- Сорока М.М.**
321, 336, 435, 455, 484, 578,
719, 794, 828, 829, 846
- Сорока С.К.**
349, 435, 800
- Софокл**
88, 129
- Софронов А.В.**
131, 263, 321
- Спиноза Б.**
610
- Ставинский Е.**
735
- Стаднюк И.Ф.**
304
- Сталин И.В.**
838, 839
- Сталь А.Л.Ж., де**
562
- Станиславский К.С.**
357
- Стемковская Е.**
743
- Стемковская Юлия**
89, 743
- Стендаль**
504
- Стерн Л.**
629
- Стожаров В.**
563
- Стравинский И.Ф.**
55
- Стрельцов Э.А.**
219
- Строкатова Н.А. см. Караван-
ская Н.А.**
- Стругацкие А.Н. и Б.Н.**
69, 349, 453, 566, 800, 848
- Струтинский И.В.**
346, 365, 799, 803
- Студитский А.Н.**
824
- Ступак, укр. писатель**
180
- Стус В.С.**
104, 718, 747
- Суворов А.В.**
146, 172, 551
- Судрабкалн Я.**
41
- Сулейменов О.О.**
397
- Сумароков А.П.**
182, 192, 766
- Сухово-Кобылин А.В.**
249, 779
- Сэй-Сёнагон**
738
- Сэлинджер Дж.Д.**
131
- Табидзе Г.В.**
15

- Тагор Р.**
399
- Талейран Ш.М.**
539
- Тарковский Арс.А.**
184, 190, 194, 609, 643, 766
- Тарто Э.**
160, 167, 184, 205, 252, 263,
267, 277, 431, 583, 626, 720,
855
- Твардовский А.Т.**
57, 256, 846, 848
- Твен М.**
163, 229, 230, 240, 578
- Телесин Ю.Э.**
562, 574, 842
- Темин Л.**
460, 546
- Темушкин О.П.**
20, 79, 92, 741, 744
- Тендряков В.Ф.**
243
- Теодоракис М.**
245, 279, 778, 784
- Теплицкая Г.Л.**
101
- Теплицкий Л.Ш.**
119, 147
- Терехова И.М.**
823
- Тимофеев К.А.**
178, 762
- Тимофеев Ю.П.**
198, 767
- Тимофеева О.В.**
336, 338, 356, 361, 362, 398,
400, 411, 430, 443, 471, 489,
707, 826, 831
- Тимофеевский А.П.**
60, 713, 736, 759
- Токарев С.А.**
739
- Толстая С.А.**
122, 751
- Толстой А.К.**
134, 303, 474, 561, 827
- Толстой А.Н.**
459, 503, 622
- Толстой Л.Н.**
132, 230, 285, 445, 446, 474,
508, 822
- Томан Б.**
553
- Тоом Л.**
489, 831
- Топоров В.Н.**
84, 478
- ТрEDIAковский В.К.**
113, 748
- Триоле Э.**
102, 108, 112, 251
- Трифонов Ю.В.**
406
- Трошина А.М.**
445
- Труфелев В.В. (Серенький)**
356, 366, 368, 409, 421, 430,
431, 444, 448, 461, 464, 466,
478, 487, 505, 522, 802, 813,
815
- Тувим Ю.**
235, 236, 246, 247, 779
- Тулуз-Лотрек А., де**
613, 644
- Тулчинский М.Р.**
56, 63, 177, 187, 241, 422,
711
- Туманян О.Т.**
497
- Тургенев И.С.**
755
- Турианский В.Л.**
761
- Турков А.М.**
358, 366, 373, 802
- Тымчук Л.Н.**
842
- Тынянов Ю.Н.**
58, 256, 373, 378, 566, 619,
735, 805
- Тычина П.Г.**
249

- Тышлер А.Г.**
46
- Тютчев Ф.И.**
132, 397, 749
- Тютюнник Г.М.**
453
- Уайльд О.**
732
- Уваров Павел**
46, 449, 472, 720
- Уварова И.П.**
15, 27, 41, 46, 54, 64, 72, 110,
141, 150, 171, 196, 198, 220–
222, 224, 225, 228, 266, 410,
443, 448, 449, 453, 454, 472,
520, 546, 584, 585, 603, 604,
621, 622, 701, 714, 720, 728,
748, 751, 773, 807, 822, 854,
858
- Уитмен У.**
199
- Уйгун**
749
- Украинка Л.**
244
- Улановская М.А.**
53, 60, 145, 165, 174, 227,
272, 311–313, 377, 383, 441,
473, 474, 529, 531, 543, 567,
585, 588, 618, 635, 642, 723,
734, 736, 759, 761, 793, 806,
837, 847, 856, 858. *См. также*
Якобсоны
- Улановская Н.М.**
847
- Улановский А.П.**
585, 847
- Урнов Д.М.**
749
- Успенский Л.В.**
568
- Устинов Л.Е.**
585
- Утрилло М.**
444
- Уэст М.**
750
- Фаворский В.А.**
173, 551
- Фадеев А.А.**
210
- Файнберг В.И.**
805, 808, 848
- Фальк Р.Р.**
145, 173, 186
- Фаюм Марина** *см. Домшлак М.И.*
- Фаюм Юра** *см. Герчук Ю.Я*
- Фаюмы** *см. Герчуки*
- Федин К.А.**
214, 373
- Фейхтвангер Л.**
258, 332, 384, 566, 780, 796
- Феллини Ф.**
268, 540, 839
- Феофанов Ю.В.**
60, 418, 729, 814
- Фефер И.**
9
- Фигера А.**
157, 757
- Филатов А.П.**
51, 63, 69, 101, 103, 112–114,
120, 126, 140, 147, 151, 161,
166, 171, 200, 204, 241, 284,
317, 325, 343, 359, 391, 393,
498, 499, 533, 575, 595, 598,
720, 746–748, 798
- Филатов В.И.**
317
- Филатова Л.Д. (Люка)**
101, 103, 104, 110, 140, 174,
200, 266, 393, 531, 720
- Филев А.**
824
- Филип Я.**
272
- Финкель А.М.**
385, 807
- Финкельштейн Ю.**
486, 830

- Фолкнер Дж.**
207, 210, 568, 748
- Форш О.Д.**
501
- Франк А.**
122, 751
- Франк Б.**
566
- Франко И.**
32, 180, 192
- Франс А.**
285, 629
- Фрейд З.**
431, 464
- Фриу К.**
237, 536, 776, 838, 840
- Фрост Р.**
48
- Фрунзе М.В.**
612, 852
- Футман А.А.**
34, 45, 48, 51, 55, 57, 63, 64,
69, 70, 75, 80, 81, 83, 84, 87,
92, 95–97, 99, 103, 104, 108,
113, 116, 117, 120, 123, 126,
132, 134–138, 142–144, 146,
148, 155, 159, 163, 178, 187,
201, 208, 215, 226, 227, 229,
290, 370, 374, 378, 417, 428,
429, 453, 454, 457, 461, 486,
517, 523, 535, 569, 641, 645,
720, 732, 752, 762, 791, 814,
816, 823, 824, 835, 854
- Футман Саня**
621
- Футманы**
596, 607, 850
- Фуше Ж.**
217, 534, 771, 837
- Фюман Ф.**
297, 789
- Хазанов Ю.С.**
34, 39, 103, 124, 314, 422,
490, 491, 498, 520, 542, 545,
600, 606, 628, 721, 746, 806,
815, 831, 839
- Хазанова Р.Г.**
103, 491, 520, 521, 545, 556,
568, 600, 605, 628, 721
- Хазановы**
490, 568, 599, 600, 839
- Харитон Т.Б. (Тата)**
166, 759
- Хаславская В.Е.**
555, 560, 600
- Хаустов В.А.**
562, 574, 760, 842
- Хахаев С.Д.**
735, 791
- Хемингуэй Э.**
190, 209, 416, 417, 466, 557,
769, 814
- Хилл Джо**
143
- Хименес Х. Р.**
150
- Хмельницкий С.Г.**
270, 292, 329, 358, 521, 581,
721, 740, 792, 795, 847, 849
- Ходасевич В.Ф.**
503, 551
- Хрущев Н.С.**
20, 725
- Хуснутдинова Р.**
439, 822
- Цвейг А.**
572
- Цветаева А.И.**
394, 656
- Цветаева М.И.**
26, 62, 108, 210, 514, 575,
622, 793
- Цимеринов Б.**
237, 776
- Циолковский К.Э.**
518
- Чаадаев П.Я.**
278, 373, 805
- Чайковский П.И.**
555
- Чаковский А.Б.**
320, 555, 793, 794

- Чалмаев В.А.**
502, 833
- Чапек К.**
485, 580, 609, 643, 830
- Чаплин Ч.**
557
- Черевченко А.**
595, 626, 745, 850
- Черкасов А.Т.**
824
- Чернышевский Н.Г.**
231, 372, 761, 804
- Черняков, литератор**
424
- Чертков В.**
198, 767
- Чехов А.П.**
260, 354, 362, 495, 504, 508,
557, 750, 801
- Чивер Дж.**
394, 810
- Чикатуева В.И.**
368, 735, 803, 807
- Чингисхан**
292
- Чичибабин Б.А.**
37, 126, 200, 255, 273, 395,
400, 460, 483, 494, 499, 530,
546, 613, 616, 721, 722, 736,
738, 742, 751, 768, 780, 781,
799, 801, 810, 815, 824, 825,
829, 832, 852
- Чоттопаддхай Шоротчондро**
639
- Чудаков А.П.**
245, 778
- Чудакова М.О.**
245, 778
- Чуковская Л.К.**
103, 170, 181, 196, 257, 291,
391, 393, 424, 426, 440, 733,
746, 760, 810
- Чуковский К.И.**
170, 196, 245, 390, 426, 511,
547, 555, 571, 601, 725, 778,
835, 851
- Чюрлёнис М.К.**
481
- Шабун Б.И.**
216, 770
- Шабун И.**
216, 770
- Шагал М.**
574, 580, 586, 605, 620
- Шаламов В.Т.**
224, 277, 460, 494, 773, 810,
848
- Шаликов Э.М.**
529, 571, 836, 837
- Шаликова А.М.**
529, 837
- Шаликовы**
192, 529
- Шамиль, имам**
251, 779, 785, 728
- Шампольон Ж.Ф.**
173, 761
- Шамфор Н.С.Р.**
145, 754
- Шатров М.Ф.**
354, 835
- Шаумян С.К.**
71, 84, 305, 739, 790
- Шварц Е.Л.**
755
- Шверубович В.**
802
- Шевцов И.М.**
597, 847, 851
- Шевченко А.М. (Михайловна)**
311, 571, 791, 845
- Шевченко Т.Г.**
43
- Шейнис З.С.**
851
- Шекспир У.**
104, 229, 230, 390, 458, 566,
774, 807
- Шеллер-Михайлов А.К.**
252
- Шелли П.Б.**
557

- Шеридан Р.Б.**
743
- Шефнер В.С.**
460
- Шиллер И.Г.Ф.**
229, 639
- Шилов Л.А.**
496
- Шимелевич Ю.**
9, 795
- Шинберг Э.**
456, 824
- Ширах Б., фон**
838
- Шолохов М.А.**
41, 156, 220, 297, 731, 746,
760, 770, 810
- Шолохов-Синявский Г.Ф.**
252
- Шопен Ф.**
70
- Шпеер А.**
838
- Шрагин Б.И.**
22, 78, 91, 143, 155, 156, 198,
207, 249, 253, 266, 342, 360,
386, 422, 463, 722, 756, 757,
767, 780, 790, 802
- Шубин Ф.И.**
607
- Шувалов И.И.**
844
- Шукшин В.М.**
495
- Шур Л.**
481, 485, 488, 828
- Шухевич (Шухевич-Березинский) Ю.Р.**
225, 368, 369, 773, 786, 802,
804, 805
- Шухевич-Березинский Р.В.**
719, 773
- Щипачев С.П.**
620, 844
- Эйдельман Н.Я.**
274, 278, 291, 640
- Эйдригвявичюс Р.**
626, 855
- Эйнштейн А.**
308
- Эйхман А.**
292
- Эйшискина Н.М.**
238, 472, 476, 521, 600, 827,
835
- Эльсберг Я.Е.**
599, 851
- Элюар П.**
44, 587
- Эппель А.И.**
362
- Эренбург И.Г.**
241, 242, 249, 355, 511, 556
- Эрзя**
481
- Эрнандес М.**
95, 117, 150, 173, 750
- Эссель А.Е.**
34, 78, 99, 124, 138, 487, 564,
741, 753, 806, 831, 842
- Эсхил**
129, 428, 815
- Эткинд Е.Г.**
385, 506, 807, 834
- Эфрос А.В.**
768, 795
- Югов А.К.**
496
- Юра, сокамерник Ю.Д.**
618, 619, 630
- Юсупов Нажмуддин (Коля)**
105, 178, 728, 747
- Яблонский Г.**
334, 796
- Якир Е.**
190, 191, 201, 220, 221, 275,
784
- Якир И.Э.**
191, 766
- Якир П.И.**
275, 784

Якир Р.

190, 275

Якобсон А.А.

28, 42, 50, 55, 60, 65, 66, 74,
90, 95, 97, 99, 117, 118, 130,
131, 144, 146, 150, 166, 172,
173, 187, 191, 193, 201, 205,
210, 211, 215, 227, 230, 232,
245, 248, 250, 254, 257, 265,
267, 306, 310, 313, 314, 335,
340, 363, 383, 385, 420, 441,
452, 453, 469, 473, 474, 476,
497, 505, 506, 517, 519, 532,
533, 535, 536, 539, 569, 574,
575, 577, 585, 593, 606, 610,
611, 617, 619, 621, 623, 624,
626, 636, 641, 642, 644, 646,
713, 722, 723, 729, 734, 737,
738, 750, 751, 760, 773, 774,

780, 782, 791, 793, 797, 803,
806, 807, 816, 827, 834, 835,
838, 845, 856

Якобсон Саня

60, 227, 313, 383, 441, 473,
531, 535, 536, 561, 623, 635,
723, 807

Якобсоны

41, 250, 398, 399, 431, 470,
518, 543, 544, 713

Якобсон Р.О.

84, 575

Ярема, сын Н.А.Светличной

564

Яшен К.

116, 383, 749

Яшин А.Я.

424, 511, 605

Эта книга готовилась около десяти лет и, наверное, никогда не была бы закончена без содействия множества людей. Иные из них — старые друзья Ю.М.Даниэля, его корреспонденты и адресаты его писем. Другие впервые прочли эти письма в процессе работы над изданием и буквально «заболели» ими: их ожидания и настойчивые требования, подкрепленные конкретной помощью, немало продвинули дело. Всем этим людям — наша благодарность. Но нескольких человек хотелось бы поблагодарить особо.

В первую очередь мы признательны тем, кто сохранял письма Ю.М.Даниэля и сделал с них первые машинописные копии, — М.И.Домшак, Ю.Я.Герчуку, И.Г.Глинке, Ю.И.Левину и вдове Даниэля И.П.Уваровой.

Огромную работу по технической подготовке текста проделали Т.В.Шабалина, Е.Е.Захаров и Т.Р.Кудрявцева; Л.И.Богораз и И.П.Уварова предоставили для издания ряд фотографий; помощь в подготовке иллюстраций оказали Е.Ю.Герчук и Я.З.Рачинский.

Публикатор благодарит Л.И.Богораз, И.П.Уварову и Т.В.Шабалину за систематическую помощь в выявлении и заполнении лакун в комментарии и биографических справках, а также Ю.Я.Герчука, М.А.Даниэля, директора библиотеки СТД В.П.Нечаева и сотрудников Общества «Мемориал» О.Г.Трусевич и Я.В.Зыкову — за поиск необходимой библиографической информации. Я.В.Зыковой мы искренне признательны также за подготовку вспомогательных материалов к биографическим справкам. Важные конкретные дополнения к комментарию сделали А.И.Гинзбург (Париж), Е.Е.Захаров (Харьков), сотрудники «Мемориала» А.В.Черкасов, Н.В.Петров и А.Г.Паповян. Г.Г.Суперфин (Институт изучения Восточной Европы, Бремен) любезно согласился просмотреть справочный аппарат книги целиком и сделал множество важных поправок к нему.

Публикатор считает своим долгом выразить признательность А.Б.Рогинскому и М.В.Розановой за постоянное и плодотворное участие в обсуждении содержательных проблем, возникавших в ходе работы, а также Ю.Б.Поляковой — за высказанные ею замечания общего характера.

Особую благодарность хотелось бы выразить Издательству им.Чехова и персонально Эдварду Клайну (Нью-Йорк) за финансовую поддержку. Знаменательно и трогательно, что эта поддержка поступила от издательства, которое почти сорок лет назад публиковало повести и рассказы Николая Аржака.

Редактора издательства «Звенья» Л.С.Еремину публикатор благодарит за душевную заинтересованность, высокий профессионализм и, главное, за тот огромный труд, далеко выходящий за преде-

лы обычной редакторской работы, который Лариса Семеновна вложила в эту книгу. По существу, Л.С.Еремина является ее вторым составителем и соавтором комментария.

Мы искренне благодарны Д.А.Сенчагову, Е.Н.Елочкиной, Я.З.Рачинскому и Н.П.Рачинской за большую и разнообразную помощь при подготовке книги к печати.

Возможно, я не упомянул кого-то, чьей помощью пользовался. Заранее прошу у этих людей прощения: так получилось не по злему умыслу, а лишь по забывчивости.

А.Д.

«Вспоминайте меня – я вам всем по строке подарю...»

Предисловие А.Ю.Даниэля 7

Письма

- письмо первое 25 /723/
- письмо второе 27 /726/
- письмо третье 30 /728/
- письмо четвертое 40 /731/
- письмо пятое 47 /732/
- письмо шестое 54 /734/
- письмо седьмое 63 /737/
- письмо восьмое 67 /738/
- письмо девятое 72 /739/
- письмо десятое 77 /741/
- письмо одиннадцатое 83 /742/
- письмо двенадцатое 91 /743/
- письмо тринадцатое 100 /745/
- письмо четырнадцатое 109 /748/
- письмо пятнадцатое 118 /750/
- письмо шестнадцатое 127 /751/
- письмо семнадцатое 137 /753/
- письмо восемнадцатое 144 /754/
- письмо девятнадцатое 152 /756/
- письмо двадцатое 159 /757/
- письмо двадцать первое 162 /758/
- письмо двадцать второе 164 /759/
- письмо двадцать третье 169 /760/
- письмо двадцать четвертое 176 /761/
- письмо двадцать пятое 184 /764/
- письмо двадцать шестое 185 /765/
- письмо двадцать седьмое 194 /767/
- письмо двадцать восьмое 206 /768/
- письмо двадцать девятое 212 /770/
- письмо тридцатое (начало) 220 /771/

В скобках обозначены страницы, с которых начинается комментарий к соответствующему письму.

письмо тридцать первое 224 /772/
письмо тридцатое (окончание) 226 /773/
· письмо тридцать второе 235 /775/
письмо тридцать третье 245 /779/
письмо тридцать четвертое 259 /781/
письмо тридцать пятое 264 /781/
письмо тридцать шестое 271 /782/
письмо тридцать седьмое 276 /784/
письмо тридцать восьмое 286 /786/
письмо тридцать девятое 291 /786/
письмо сороковое 301 /790/
письмо сорок первое 309 /791/
письмо сорок второе 322 /794/
письмо сорок третье 328 /795/
письмо сорок четвертое 339 /797/
письмо сорок пятое 345 /799/
письмо сорок шестое 347 /800/
письмо сорок седьмое 355 /801/
письмо сорок восьмое 367 /803/
письмо сорок девятое 375 /805/
письмо пятидесятое 377 /805/
письмо пятьдесят первое 379 /806/
письмо пятьдесят второе 381 /807/
письмо пятьдесят третье 391 /809/
письмо пятьдесят четвертое 396 /810/
письмо пятьдесят пятое 405 /812/
письмо пятьдесят шестое 413 /813/
письмо пятьдесят седьмое 422 /815/
письмо пятьдесят восьмое 437 /821/
письмо пятьдесят девятое 445 /822/
письмо шестидесятое 456 /824/
письмо шестьдесят первое 464 /825/
письмо шестьдесят второе 471 /826/
письмо шестьдесят третье 483 /829/
письмо шестьдесят четвертое 492 /832/
письмо шестьдесят пятое 495 /833/

письмо шестьдесят шестое 505 /834/
письмо шестьдесят седьмое 516 /835/
письмо шестьдесят восьмое 528 /836/
письмо шестьдесят девятое 549 /840/
письмо семидесятое 559 /841/
письмо семьдесят первое 577 /846/
письмо семьдесят второе 594 /849/
письмо семьдесят третье 606 /852/
письмо семьдесят четвертое 623 /855/
письмо семьдесят пятое 635 /856/

Стихи 647 /857/

Переводы 694 /857/

Комментарий 701

Коротко о корреспондентах, некоторых солагерниках и других персонажах, регулярно упоминаемых в письмах Ю.М.Даниэля 703

Именной указатель 859

От составителя 891

Юлий Маркович Даниэль

«Я ВСЕ СБИВАЮСЬ НА ЛИТЕРАТУРУ...»

Письма из заключения. Стихи.

Редактор Л.С.Еремина

Художник Б.В.Трофимов

Корректор М.Н.Мочнова

ЛР № 040781 от 19.09.1996.

Подписано в печать 24.10.2000. Формат 60х90 1/16.

Шрифты цифровой библиотеки компании ParaType:
гарнитуры FranklinGothBookСТТ,
FranklinGothDemiСТТ.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 58. Тираж 2000.

Отпечатано ООО «Информполиграф»
с готовых диапозитивов.

Заказ 458

Общество «Мемориал» — издательство «Звенья»
103051, Москва, Малый Каретный пер., 12

Ваша 10.

Отогревающий очаг,
Состав, смыывающий клеймо,
Свет в прозревающих очах –
Письмо.